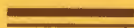

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

- ♦ ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ КОВЧЕГ ♦ ТРИ БИЛЕТА ДО ЭДВЕНЧЕР ♦
- ♦ ГОНЧИЕ БАФУТА ♦ МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ ♦
- ♦ ПОД ПОЛОГОМ ПЬЯНОГО ЛЕСА ♦

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

ДЖЕРАЛ
ДАРРЕЛЛ

ОТРЕЦЬСТВО

«АКЦИОНЕРНО-ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

• ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ КОВЧЕГ • ТРИ БИЛЕТА ДО ЭДВЕНЧЕР •
• ГОНЧИЕ БАФУТА • МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ •
• ПОД ПОЛОГОМ ПЬЯНОГО ЛЕСА •

МОСКВА

«ЭКСМО»

2004

GERALD DURRELL

THE OVERLOADED ARK

© By Gerald Durrell, 1953

© Перевод с английского И. Лившина, 1958

THREE SINGLES TO ADVENTURE

© By Gerald Durrell, 1953

© Перевод с английского В. Смирнова, 1969

THE BAFUT BEAGLES

© By Gerald Durrell, 1953

© Перевод с английского Э. Кабалевской, 1973

MY FAMILY AND OTHER ANIMALS

© By Gerald Durrell, 1955

© Перевод с английского Н. Деревянкиной, 1971

THE DRUNKEN FOREST

© By Gerald Durrell, 1955

© Перевод с английского И. Лившина, 1963

Оформление художника *Е. Савченко*

Даррелл Д.
Д 20 Перегруженный ковчег. Три билета до Эдвенчер. Гончие Бафута.
Моя семья и другие звери. Под пологом пьяного леса. — М.: Изд-во
Эксмо, 2004. — 784 с.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ КОВЧЕГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга рассказывает о шестимесячной экскурсии, совершенной мною и моим компаньоном в глубь больших тропических лесов Камеруна в Западной Африке. Поездка наша вызвана была двумя причинами: во-первых, мы хотели поймать и привезти живыми наиболее интересных животных, птиц и ящеров, обитающих в этом районе; во-вторых, мы оба давно уже мечтали увидеть Африку. Не Африку белых людей, с шоссейными дорогами, многочисленными барами и скорыми поездами, грохочущими по местности, лишенной под благотворным влиянием цивилизации и флоры и фауны. Мы хотели увидеть один из немногочисленных оставшихся на континенте уголков, избегнувший пока подобной участи и сохранившийся примерно в таком же состоянии, в каком находилась Африка в период ее открытия европейцами.

Это была первая наша поездка за экспонатами. Джон Иелланд интересовался птицами, меня интересовали млекопитающие и пресмыкающиеся. Вместе мы составили план и собрали необходимые средства для поездки. Подобные поездки, если только зоологические сады не берут на себя их финансирование, требуют больших денег. Нас зоологические сады снабдили списками животных, наиболее интересующих их в районе предполагаемого путешествия, так что мы заранее знали, к поимке каких животных следует стремиться в первую очередь.

Много написано о ловле диких зверей, и в большинстве случаев описания эти дают искаженную картину происходящего. Охотнику не приходится двадцать раз на день рисковать жизнью при встречах с враждебными племенами и дикими зверями; с другой стороны, не приходится сидеть целый день в кресле в ожидании, пока «черные» сами выполняют всю работу. Ловля диких зверей связана с известным риском, но доля этого риска сильно преувеличена. В девяти случаях из десяти опасности, с которыми мы сталкивались, возникали по собственной нашей вине. Без помощи местных жителей, родившихся в лесах и прекрасно в них ориентирующихся, трудно

Д поймать нужных зверей; но, когда зверь пойман, дело коллекционера сохранить его живым и здоровым.

Девяносто процентов времени уходит на содержание пойманных экземпляров, и лишь десять процентов — на розыски зверей, укрывшихся в лесах и не желающих быть пойманными. Вполне естественно, однако, что, когда пишутся книги о подобных путешествиях, авторы подробнее рассказывают о ярких, запоминающихся эпизодах, чем о скучной, повседневной, будничной работе. В конце концов, не доставляет большого удовольствия писать о чистке обезьяньих клеток, лечении животных от поноса и тому подобных вещах, которыми ежедневно приходится заниматься. Именно поэтому последующие страницы содержат по преимуществу описания наиболее интересных эпизодов нашего путешествия. Из этого отнюдь не следует, что нам не пришлось пережить и скучные, тягостные дни, до отказа заполненные грязными клетками и больными зверями. Временами мы удивлялись, зачем вообще затеяли эту поездку.

В заключение я хочу снять с моего спутника обвинение в том, что он является соучастником опубликования в печати этой истории. По моей вине перенес он много тяжелых испытаний в тропиках, теперь ему предстоит еще раз пострадать в печати; не сомневаюсь, что и это он вынесет с обычным своим спокойствием. Когда я сказал, что пишу книгу о нашей поездке, Джон ответил мне серьезно: «Послушай меня, старина, не делай этого...»

ВВЕДЕНИЕ

Судно пробивалось сквозь утренний туман по спокойному, ровному океану. Едва различимые возбуждающие запахи доносились к нам с невидимого берега — запахи цветов, сырой растительности, пальмового масла, тысячи других опьяняющих запахов, поднятых с земли восходящим солнцем — бледным, влажным сиянием света, слабо мерцающим в тумане. Поднимаясь выше и выше, солнце жаром своих лучей разрывало пелену тумана, висевшего над водой и над берегом. Ключья тумана, медленно поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, открывая взору залив и очертания береговой линии. Впервые я увидел Африку.

По переливающейся в лучах утреннего солнца воде было разбросано несколько маленьких островков, каждый из которых настолько перегружен растительностью, что казалось удивительным, почему он не опрокидывается под тяжестью огромной шапки листьев. Позади островков поднимался берег, покрытый непрерывной густой стеной леса; вдали в утренней позолоте смутно вырисовывался величественный горный массив Камерун. После мягких пастельных тонов пейзажей Англии краски открывшегося ландшафта выглядели слишком яркими, почти кричащими, поражая глаз своей резкостью и силой. Над островками летали стайки серых попугаев, к нам доносились издаваемые ими пронзительные крики и свист. За кормой нашего судна два коричневых коршуна лихорадочно кружили в поисках чего-либо съедобного. Из редющей паутины тумана в небе неожиданно появился охотящийся за рыбинами орел, крупный, грациозный, сверкающий черно-белым оперением. Земля и залив все более освобождались от рассеивающегося тумана; все явственнее ощущался магический запах берега; запах этот становился сильнее, богаче, опьянял наше воображение картинами огромных лесов, заросших тростником болот и широких таинственных рек, мирно текущих под балдахином листвы гигантских деревьев.

Высадившись на берег, мы почувствовали себя в мире грез, но были грубо возвращены в мир действительности: в течение получаса нам при-

Д шлось объяснять таможенным чиновникам назначение нашего необычного багажа. Наконец по грунтовой дороге мы направились в Викторию. По обе стороны дороги бежали живые изгороди кустов гибискуса, покрытых цветами; попадались участки желтой с едким запахом мимозы. Мы остановились на неделю в гостинице — небольшом белом домике, расположенном на холме, и продолжали знакомиться со всем окружающим. У нас было много всяких дел, и в любом другом месте мы утомились бы очень быстро. Здесь же мы отвечали на многочисленные вопросы, регистрировали многочисленные бумаги, покупали множество различных предметов, обедали со многими приятными людьми, купались в океане, делали тысячи других вещей — и все это в состоянии какого-то необыкновенного экстаза. Куда бы мы ни пошли — всюду видели что-то новое, необычное. Город раскинулся на берегу залива, весь в пальмах, шуршащих пышной листвой, в живых изгородях, усыпанных цветами. В каждом саду, на каждом участке виднелись ровные ряды лилий, создававших впечатление ярких огней на тонких зеленых подсвечниках. Город был очарователен, тем не менее мы с нетерпением ожидали начала нашей поездки по стране. И этот день настал.

Мы заказали грузовик в половине восьмого утра, рассчитывая быстро погрузить в него вещи и в половине девятого быть уже в пути. Было ясно, что мы новички в Африке. В десять часов мы нервно расхаживали по веранде гостиницы вокруг груды багажа, курили, ругались и пристально глядели на дорогу в ожидании обещанной машины. В одиннадцать часов на горизонте показалось облако пыли, в середине которого, подобно жуку, захваченному порывом ветра, мчался грузовик. Он со скрипом затормозил внизу, и водитель выскочил из кабины. Я заметил в кузове человек двенадцать пассажиров, мирно беседовавших друг с другом; там же находились козы, цыплята, мешки с ямсом, бутылки с пальмовым вином и другие дорожные принадлежности. Я быстро спустился к шоферу и убедился, что в Камеруне лучше не выяснять причины опоздания машин. Мне были названы по меньшей мере шесть различных, противоречащих друг другу причин, каждая из которых представлялась убедительной лишь самому шоферу. Благоразумно отказавшись от этой темы, я заинтересовался людьми в кузове грузовика. Оказалось, что это жена шофера, кузина жены, отец механика, теща механика и т.д. После продолжительной, шумной и бестолковой перебранки пассажиры были высажены из машины со всеми хозяйственными предметами и домашним скотом. Затем шофер подогнал машину для погрузки; в связи с тем что он при этом два раза наехал на живую изгородь и крепко задел стену гостиницы, мое доверие к его профессиональным способностям значительно уменьшилось. Имущество наше было погружено в машину с такой ужасающей быстротой и небрежностью, что я принялся

гадать, какая его часть доедет до Мамфе неповрежденной. Позднее выяснилось, что пострадали лишь наиболее необходимые и труднозаменяемые вещи.

Джон не принимал участия в моей беседе с шофером и в изучении генеалогии пассажиров грузовика. Позднее, когда страсти улеглись, он подошел к машине и обнаружил что-то чрезвычайно забавное. Над лобовым стеклом большими неровными белыми буквами было выведено: «Счастливого пути. Виктория — Кумба». Джону показалось смешным, что грузовик с такой милой надписью мог опоздать на три с половиной часа. Только значительно позже мы поняли, какой насмешкой звучала надпись на машине. Выехали мы в двенадцать часов и пронеслись по улицам Виктории, поднимая тучи пыли и распугивая цыплят; мотор мужественно гудел, стремясь оправдать доброе имя машины.

Почти сразу же после выезда из Виктории дорога мягкими петлями идет на подъем среди бесконечных пальмовых плантаций. Так мы проехали около десяти миль, куря папиросы и с нетерпением ожидая появления настоящего леса. Вдруг мотор чихнул, выправился, снова чихнул и медленно, как бы извиняясь, заглох. Машина плавно остановилась.

— Стоянка номер один, — сказал Джон, глядя на тянущиеся по обе стороны дороги бесконечные ровные ряды пальм, листья которых тихо шептались на легком ветру.

Все собрались около мотора, кричали наперебой и, обжигая пальцы, показывали друг другу, в каком месте обнаружена неисправность. Примерно через полчаса разобранный мотор валялся на дороге, а четыре человека лежали под машиной и громко разговаривали. Я начал всерьез беспокоиться, что эта скучная пальмовая роща действительно окажется нашей первой стоянкой. Я предложил Джону пока пойти пешком. Он посмотрел на разбросанные части мотора, на торчащие из-под машины черные ноги и вздохнул:

— Да, думаю, что можно идти. Если все будет благополучно, машина догонит нас раньше, чем мы дойдем до Мамфе.

Мы пошли, но по-прежнему нам было очень скучно. В листве пальм почти не водились птицы, мало было и насекомых в запыленной придорожной поросли. Вскоре грузовик нас догнал, члены его экипажа радостно улыбались, громко выражая свой восторг.

— Боюсь, — сказал Джон, — что их уверенность в собственных технических познаниях основана на недоразумении.

Когда через пять миль машина снова остановилась, я склонен был с ним согласиться. Третья наша остановка произошла после того, как машина миновала последнюю плантацию и добралась до настоящей лесной мест-

Д

ности, поэтому мы с удовольствием покинули грузовик и медленно пошли по дороге.

Голоса наших механиков-любителей остались позади, после первого поворота над нами нависла таинственная тишина леса. Впервые оказались мы в тропическом лесу; продвигаясь вперед, мы упивались видами и звуками, зачарованные, одурманенные обилием красок и впечатлений. С одной стороны дороги был овраг, заросший подлеском, с другой — круто поднимался склон холма. По обе стороны росли громадные деревья с широко расставленными корнями-подпорками, покрытые растениями-паразитами, папоротником и мхом. Все это переплетено лианами, которые своими петлями, кольцами и сложными спиралями проникали от подножия до самой вершины деревьев. Достигнув вершины, лианы вертикально спускаются обратно к земле. Кое-где на месте срубленных или упавших гигантских деревьев в лесу открывались окна, и здесь молодая поросль буйно вырастала над телом поваленного великана; всюду висели белые и желтые цветы вьюнков, в большом количестве виднелись и другие звездообразные ярко-розовые цветы.

В этом цветущем саду непрерывно порхали нектарницы, отливая металлическим блеском в свете солнечных лучей; иногда они на мгновение останавливались перед цветами, поддерживая равновесие дрожащими пестрыми крылышками. На поваленных деревьях, выделяясь на фоне зелени коралловой белизной, располагались стайки карликовых зимородков, маленьких, как крапивник, сверкающих лазурно-голубым, оранжевым и светло-коричневым оперением, с темно-красными клювиками и лапками. Стаи птиц-носорогов, завидев нас, прерывали трапезу на вершинах деревьев, перелетали дорогу, хлопая большими взъерошенными крыльями со звуком, напоминающим огромные кузнечные мехи, и громко, пронзительно кричали.

Мы пересекли несколько деревянных мостов, перекинутых через мелкие быстрые речки с чистым белым песчаным дном. По берегам, во влажных, прохладных местах, куда с трудом проникали солнечные лучи, отдыхало множество бабочек. При нашем приближении они поднялись и начали порхать, создавая своей золотисто-голубой, зеленой, желтой и оранжевой окраской при переходах от света к тени картину фантастического калейдоскопа.

Время от времени мы проезжали поселки — группы разбросанных вдоль дороги хижин, окруженных небольшими участками маниоки и одинокими пизангами, оборванные листья которых уныло свисали под лучами солнца. Своры захлебывавшихся от лая дворняг преследовали грузовик, дети с раздутыми животами стояли в канавах и, сверкая белыми зубами,

энергично размахивали пальмовыми листьями. В одной деревне за полшил-линга мы купили большую связку бананов и накинулись на эти изысканные фрукты с такой жадностью, что вскоре нам стало нехорошо. В Кумбу приехали в сумерках. Над головами, в густой листве, пронзительно кричали серые попугаи. Я достаточно ясно объяснил экипажу грузовика, что утром мы хотим выехать как можно раньше. Затем мы поужинали и, усталые, закрывшись сетками от moskitov, легли спать.

К нашему удивлению, в восемь часов мы были уже в пути, и, как бы компенсируя невзгоды вчерашнего дня, машина мчалась, как птица. В полдень мы перекусили на обочине дороги под раскидистыми деревьями, отстояв свои сэндвичи от местных муравьев, запили завтрак теплым пивом. Между делом осмотрели окрестности с помощью полевых binokley. Жизнь пернатых, как и вчера, казалась нам наиболее интересной: желтоголовые птицы-носороги с криками металась между вершинами деревьев, зимородки блестя на поваленных стволах, красивая ярко-коричневая и желтая кукушка с длинным клювом рассматривала нас во время нашего завтрака. Изящная кроваво-красная стрекоза пролетела над дорогой, колыхнувшись в сторону и села на край моего стакана с пивом. Шесть больших муравьев медленно и методично ползли вверх по моей ноге, неожиданно к их компании по еле видимой питочке сверху присоединилась маленькая зеленая гусеница.

К вечеру мы прибыли в Мамфе и разместились в больших, неуютных, отражающих каждый звук комнатах гостиницы. Здесь мы наблюдали, как бледно-розовые гекко выползли из щелей и начали на потолке горячую охоту за насекомыми, привлеченными светом нашей лампы. Гекко почти незаметно подползали по белому потолку к отдыхающей моли или мухе, с неожиданной быстротой бросались вперед и кусали жертву. В следующий момент насекомое улетало, а гекко после короткой паузы для отдыха и размышлений направлялись на поиски новой цели.

В Мамфе мы запаслись продуктами и различными нужными вещами, после чего стали обсуждать дальнейшие планы. Джон хотел посетить деревню Бакебе, в 25 милях от Мамфе, где, по рассказам местных жителей, водится много птиц. Я хотел ехать в Эшоби. Эта деревня находится севернее реки Кросс, на окраине почти необитаемого лесного района, простирающегося сплошным массивом на сотни миль к северу и вплотную примыкающего к безлюдным горам, в которых живут гориллы. Я чувствовал, что Эшоби — идеальное место для организации промежуточной базы, основную же базу Джон создаст в Бакебе. Занимаясь млекопитающими и пресмыкающимися, я мог также ловить и птиц для Джона; собирая в Бакебе птиц, Джон попутно мог поймать и каких-либо интересующих меня

Д млекопитающих и пресмыкающихся. Этот план был принят, я начал искать посыльщиков для перехода в Эшоби (дороги туда не было) и нанял грузовик, чтобы доставить Джона в облюбованную им деревню, расположенную, к счастью, при дороге.

Настало утро нашего расставания. Мы с Джоном завтракали под деревьями во дворе гостиницы, когда появились десять моих носильщиков. Вид их не предвещал ничего хорошего.

— Не думаю, что ты дойдешь до Эшоби в такой компании, — с сомнением проговорил Джон. — Скорее всего, ты будешь съеден ими, прежде чем вы успеете пройти полмили по лесу.

Один из носильщиков широко зевнул, обнажив крупные острые зубы. Предположение Джона стало казаться мне довольно реальным. В это время подошел парикмахер, чтобы подстричь меня перед уходом в Эшоби. Мысль о том, что перед уходом в лес следует подстричься, была высказана Джоном, и я счел ее вполне разумной.

Я сел, парикмахер почтительно накрыл меня простыней и приступил к работе. Вдруг носильщики начали дружно прыгать, отряхиваться и громко ругаться. Я ничего не понимал, пока не почувствовал на ноге несколько острых укусов; посмотрев вниз, я увидел колонну муравьев, приготовившуюся к атаке. Подо мной переливалась сплошная черная масса. Я позвал на помощь, двое слуг подскочили ко мне, закатали брюки и начали снимать с ноги муравьев. В это время во дворе появился мальчик с двумя крошечными детенышами дрила, тесно прижавшимися к нему. После непродолжительного, но шумного торга я купил обеих обезьянок. Муравьи уже успели добраться и до ног мальчугана, он бросил мне на колени обезьянок и поспешно убежал. Дрилы решили, что перемена владельца ничего хорошего им не сулит, и начали брыкаться, визжать и кусаться, как капризные дети. Создавшаяся ситуация заслуживает описания: носильщики прыгают, пытаются избавиться от муравьев и очищая от них наш багаж, я умиряю дрילов, путаясь при этом в простыне парикмахера, а двое слуг продолжают снимать с меня муравьев. Парикмахер давно не испытывал, очевидно, подобного удовольствия: он любовался веселой сценой, время от времени давал советы, ругал одного из носильщиков или слуг и рассеянно щелкал ножницами над моей головой. Один раз, когда парикмахер показал носильщику, какой багаж следует взять, разгорелся такой жаркий спор, что я ожидал увидеть на земле свое отрезанное ухо.

Постепенно мы распределили багаж, и Джон проводил нас до ржавого подвесного моста через реку Кросс. По другую сторону реки были лес и Эшоби. Мы стояли, наблюдая, как носильщики один за другим переходили мост в ста футах выше уровня темной воды. Достигнув противоположного

берега, они исчезали в многокрасочной чаще леса. Когда последний носильщик скрылся из виду и до нас уже едва доносились голоса из лесу, я повернулся к Джону:

— Ну, дорогой друг, я ухожу в неведомое. Встретимся месяца через три.

— Желаю счастья, — ответил Джон и добавил: — Полагаю, что оно тебе понадобится.

Я прошел по шаткому скрипучему настилу моста, ящерицы убегали от меня по высушенным солнцем доскам. На другой стороне я оглянулся и помахал Джону рукой. За широкой рекой, на фоне больших деревьев, он казался мне карликом. Я повернулся и быстро пошел по лесной тропинке, стремясь догнать носильщиков.

После долгих месяцев ожидания и подготовки наступил наконец знаменательный день.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭШОБИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДНЕМ В ЛЕСУ

Я понимал, что, когда появятся пойманные звери, мне придется уделять им много времени и я не сумею далеко уходить от базы. Поэтому я хотел использовать все возможности для скорейшего выхода в лес и, пока расчищалась площадка для нашего лагеря, сообщил в Эшоби о своем желании встретиться с вождем. Вождь, сопровождаемый четырьмя членами совета, прибыл в тот момент, когда я с нарастающим раздражением наблюдал за тщетными попытками пяти человек установить мою палатку.

Вождем оказался маленький, щуплый, смущенный человек, одетый в красно-желтую мантию, с оранжевым беретом на голове; он прижимал к груди крупную и очень рассерженную чем-то утку. Члены совета с елейными лицами и хитрыми глазами провели вождя мимо разбросанного в беспорядке снаряжения и подтолкнули ко мне. Он откашлялся, крепче прижал к себе утку и начал говорить. Говорить ему, однако, было нелегко, утка окончательно вышла из терпения, захлопала крыльями перед лицом вождя и стала громко кричать грубым и жалобным голосом. Утка была большая и сильная, в один момент мне даже показалось, что она сейчас поднимется в воздух и унесет с собой вождя. Однако он устоял на месте и благополучно закончил речь. Берет его съехал при этом набок. По окончании речи вождь с облегчением сунул мне в руки утку, которую я немедленно передал Пайосу — своему помощнику-камерунцу.

Последовал продолжительный обмен любезностями между вождем и мной (в качестве переводчика выступал Пайос). Я объяснил цель своего появления в Эшоби и показал вождю и его спутникам рисунки и фотографии различных зверей; собеседники мои были очарованы, они тянулись к рисункам своими черными пальцами, смеялись, кивали головами, громко и одобрительно вскрикивали при виде каждого нового рисунка. Мы быстро договорились, я получил от вождя обещание прислать в качестве проводни-

ков лучших охотников деревни. В заключение беседы я подарил вождю две пачки папирос, и он, довольный, побежал к деревне. Вскоре вождя нагнали члены совета и, не обращая внимания на слабые протесты, ловко освободили его от большей части моего дара.

На следующее утро в лагере появились двое охотников, присланных вождем. Я пригласил их к палатке и, заканчивая свой завтрак, внимательно их осмотрел. Первый охотник — низенький, коренастый, со скошенным лбом и выступающими вперед зубами. Его толстое тело было покрыто зеленой накидкой, щедро осыпанной большими оранжевыми и красными цветами. Второй, очень высокий и худой, картинно изогнулся и чертил ногой узоры в пыли. Накидка его представляла искусное сочетание пурпурных и белых пятен на розовом фоне.

- Доброе утро, маса, — сказал маленький, обнажив зубы.
- Доброе утро, маса, — повторил высокий, тоже улыбаясь.
- Доброе утро. Вас направил сюда вождь?
- Да, сэр, — ответили они одновременно.
- Как вас зовут?
- Сэр?

Пайос, стоявший за моей спиной, перевел вопрос.

- Элиас, сэр, — ответил сиплым голосом маленький.
- Андрая, сэр, — ответил высокий, пошатнувшись от неожиданности и опершись на плечо своего коллеги.

Я обратился к Пайосу:

- Спроси, хотят ли они стать моими охотниками. Получать они будут по шиллингу и шесть пенсов в день и, кроме того, подарок за каждого пойманного зверя. Если попадется очень нужный мне зверь, подарок будет большой. За остальных зверей подарки будут меньше.

Пайос внимательно выслушал меня, склонив голову набок, затем повернулся и повторил мою речь на ломаном английском языке.

- Вы согласны? — спросил он в заключение.
- Мы согласны, — дружно ответили охотники.
- Они согласны, сэр, — обратился ко мне помощник, хотя в этом и не было уже необходимости.

Я показал охотникам рисунки, вызвавшие у них такой же бурный восторг, как накануне у вождя и его спутников. Они объясняли мне, где можно встретить того или иного зверя. С безошибочной точностью опознавали они каждое изображенное на рисунке животное. Среди прочих я достал рисунок верблюда, передал его охотникам и с невозмутимым видом спросил, где поблизости водится этот зверь. Они долго рассматривали рисунок, говорили между собой и наконец признались, что ничего подобного они в жизни не встречали. Я приободрился, так как опасался услышать, что

Д большие стада этих животных можно обнаружить в полумиле от деревни. Приказав вернуться на следующее утро, я дал им несколько папирос и долго, томимый тяжелыми предчувствиями, провожал взглядом коротенькую, переваливающуюся с боку на бок фигурку Элиаса в ярком одеянии и осторожно шагавшего рядом Андраю. В жизни не встречал я двух человек, менее похожих на охотников; чем больше я думал о них, тем меньше верил в их умение и способности. Я был очень приятно разочарован, так как в действительности они оказались превосходными охотниками. Элиас обладал большим мужеством, Андрая быстро ориентировался в сложной обстановке.

С ними должен был я провести много дней в лесу: немало и ночей провели мы, крадясь по зарослям при слабом свете факелов в поисках маленьких обитателей леса. В радиусе двадцати миль вокруг деревни моим спутникам были знакомы каждая тропинка, ручеек, водопад, почти каждый куст. Они легко пробирались через самые густые заросли, ни звуком не выдавая свое присутствие, в то время как я, неуклюжий, запыхавшийся, ковылял позади с шумом работающего бульдозера. Они учили меня находить след и идти по нему, и, когда в первый раз я попытался сделать это самостоятельно, я заблудился через десять минут. Они показывали, как находить в лесу вкусные плоды, как отличать их от несъедобных, какие ветки можно жевать для утоления жажды, не опасаясь быть отравленным.

Тропический лес — отнюдь не такое жаркое, зловонное, опасное место, каким изображают его некоторые писатели; он и не настолько густой и заросший, чтобы быть непроходимым. Густые заросли встречаются только на ранее обрабатывавшихся и затем заброшенных участках, где гигантские деревья вырублены, солнечный свет проникает глубоко вниз и в результате молодая растительность быстро распространяется по свободному пространству, поднимаясь навстречу солнцу. В больших лесах растения только двумя способами могут пробиться к свету: или они растут в высоту, голые, без ветвей, подобные шестам, пока не достигнут листвы на вершинах окружающих деревьев, или они ползут, обвивая и переплетая стволы лесных великанов, постепенно добираясь до верхних ветвей и дневного света.

Когда попадаешь в лес, он кажется после дневного света темным, мрачным, прохладным. Свет просачивается сквозь тысячи листьев и приобретает зеленоватый оттенок, придающий всему окружающему призрачный, сказочный характер. Множество опавших листьев покрывает почву толстым слоем, мягким, как ковер, издающим приятный запах земли. Кругом стоят гигантские деревья, опирающиеся на большие изогнутые корни-подпорки; толстые ровные стволы вздымаются вверх на сотни футов, верхние ветви и листва сливаются в бесконечную зеленую лесную крышу. Между взрослыми деревьями растут внизу и молодые деревца — слабая, тонкая поросль, выбившаяся из-под слоя опавших листьев, длинные, стройные

стволы с горстью бледно-зеленых листьев на верхушке. Они стоят в вечном полумраке, готовые устремиться ввысь, навстречу живительным солнечным лучам. Пробираясь по лесу между стволами молодых деревьев, можно обнаружить извилистые, едва различимые тропинки. Это дороги, по которым передвигаются лесные обитатели.

Не зная обычаев и повадок лесных жителей, в больших тропических лесах только случайно можно обнаружить живые существа. Непрерывно раздается лишь резкий, пронзительный звон цикад, да маленькая птичка, стыдливо укрываясь в чаще, сопровождает нас, время от времени окликая мягким жалобным вопрошающим «у-у-у-и-и...». Много раз подкрадывался я к этой неуловимой птичке, слышал ее голос всего в нескольких футах, но ни разу не довелось мне ее увидеть.

В отдельных местах, где тропинки расширялись, сплошная крыша наверху разрывалась и сквозь сетку листьев виднелись обрывки синего неба. Солнце прорывалось сквозь эти щели, окрашивая золотом листья и покрывая лес сотнями переливающихся пестрых бликов, в которых порхали бабочки. Две разновидности этих лесных бабочек особенно мне понравились, и я искал их при каждом своем выходе в лес. Первая — маленькие, чистые, белые, изящные бабочки, похожие на снежинки, с красным своеобразным полетом. Они вздымались в воздух, подобно захваченным вихрем семенам чертополоха, а затем медленно опускались на землю, напоминая своими пируэтами миниатюрных балерин. На отдельных тропинках, обычно около ручьев, можно встретить двадцать или тридцать этих восхитительных насекомых, неподвижно сидящих у края воды. Потрясенные, они поднимаются, медленно кружатся, поворачиваются, скользят по воздуху, снижаются, подобно облаку пепла на зеленом фоне леса. Затем они возвращаются на старое место, низко скользя над водой и отражаясь в ее темном зеркале.

Вторая разновидность — большие красивые бабочки — встречается значительно реже первой. Их длинные, довольно узкие крылья имеют густой ярко-красный цвет. Полет у них быстрый, но блуждающий; внезапно в полумраке появляется из-за кустов яркое, дразнящее пламя, мерцает и вспыхивает в разных местах и так же неожиданно, подобно задумтой свече, снова исчезает. Лес после этого казался мне еще более мрачным.

Наиболее примечательная особенность тропических лесов — бесчисленные маленькие ручьи, мелкие и чистые, извивающиеся сложными, запутанными узорами. Они огибают гладкие коричневые камни, петляют в белоснежных песчаных берегах, деловито размывают землю под раскинувшимися корнями деревьев и, мерцая и плескаясь, исчезают в темной глубине леса. Вода журчит и пенится около миниатюрных водопадов, выдалбливает в песчанике глубокие, тихие заводи, в которых водятся голу-

Д бые и красные рыбы, розовые крабы, маленькие пестрые лягушки. В сухие периоды ручьи становятся главными артериями для лесных зверей, источниками не только питья, но и еды, так как здесь собираются и хищники и их жертвы. Песчаные берега покрываются густой сетью следов; среди мелких частых узоров птичьих следов лесной малиновки, каменки, жирных зеленых голубей иногда видны крупные отчетливые следы карликового ко-ростеля. На мягкой почве у берегов видны большие участки между корнями деревьев, вскопанные охотящимися за клубнями и крупными улитками кабанами, в вязком иле можно обнаружить длинные узкие следы кабанов и свиней и вполетенные между ними крошечные отпечатки ног поросят.

Таков был лес, показанный мне Элиасом и Андраей, и я не нашел в нем ничего страшного, опасного. Лес был очарователен. Под сенью высоких деревьев с пологом колышущейся листвы царили глубокое молчание и удивительная мирная безмятежность.

День нашего первого выхода в лес надолго останется в моей памяти: я увидел столько зверей, сколько в дальнейшем мне не приходилось видеть за такой короткий промежуток времени. Природа поистине была очень милостива ко мне в этот день. Я вслеп моим проводникам пройти со мной по лесу на 5—6 миль от деревни. После этого, как я им беззаботно объяснил, мы опишем по лесу полную окружность с деревней в качестве центра круга. Много раз в течение дня я горько раскаивался в своем легкомыслии, но, чувствуя, что от выполнения намеченного плана во многом зависит мой престиж, я упрямо держался за него и вернулся в лагерь поздней ночью, совершенно разбитый и обессиленный.

Вышли мы ранним утром. В это время в лагере уже слышались неопи-суемые крики и шум: человек двадцать жителей деревни приступили к строительству помещений для животных.

Мы прошли полосу обработанных участков, окружающих деревню; между кустами маниоки и масличными пальмами кое-где виднелись огромные красные муравейники. Я с интересом рассматривал эти массивные крутостенные сооружения с многочисленными отверстиями, которыми, кроме законных хозяев, пользуются также и различные другие живые существа. Некоторые муравейники достигают десяти футов высоты и двадцати пяти футов по диаметру основания, стены их словно зацементированы. Этими беглыми наблюдениями пришлось пока и ограничиться. Муравейники находятся рядом с деревней, и ими можно будет заняться тогда, когда в моем лагере появится много животных и я не смогу от него далеко уходить. Мы пошли дальше; вскоре тропинка пересекла небольшой тихий ручеек, вода которого показалась нам ледяной. Мы выкарабкались на другой берег, вошли в лес, продираясь сквозь низкие заросли, и остановились, чтобы дать глазам время привыкнуть к полумраку.

Почти три мили прошли мы по ровной, слабо пересеченной местности, когда Элиас, шедший впереди, застыл на месте и поднял руку. Мы напряженно ожидали, прислушиваясь; Элиас бесшумно подошел ко мне и шепнул:

- Обезьяны, сэр, вон на той большой ветви.
- Какие обезьяны? — спросил я, тщетно напрягая зрение.
- Черные с белыми пятнами на морде.

«Белоносые гвеноны», — подумал я с досадой, так как при всем желании ничего не мог обнаружить.

- Видите, сэр?
- Ничего не вижу.
- Сэр, идите сюда, с этого места хорошо видно.

Мы подошли к указанному Элиасом месту, стараясь не шуметь в зарослях. Я вспомнил наконец о бинокле, достал его и быстро навел на вершины деревьев. Я смотрел на море колышущихся листьев и злился, больше всего потому, что два моих охотника легко видели то, что было недоступно мне даже с помощью бинокля. Но в конце концов и я заметил на скрытой под массой листвы большой темной ветви восхитительную процессию. Впереди, с изогнутым хвостом, внимательно оглядываясь по сторонам, шествовал старый самец. Весь он был черный как уголь, и только легкий зеленый отлив меха на спине придавал обезьяне слабовыраженную пятнистую окраску. Грудь у обезьяны была белая, на маленькой черной морде у носа тоже выделялось большое, белое как снег пятно. Длинные волосы на голове вожака стояли торчком, и весь он, медленно передвигаясь по ветви, был очень похож на путало. По пятам за ним двигались две самки, обе меньше его, обе очень осторожны, так как с ними были детеныши. Первая прижимала к груди крохотную обезьянку величиной с новорожденного котенка. Малышка обхватила мать и крепко вцепилась в мех на ее спине. Второй детеныш был старше, двигался за своей матерью самостоятельно, со страхом поглядывал на открывающуюся под ним пропасть и выпускал жалобные, пискливые звуки. Я восторгался детенышами и, наблюдая за ними, решил, что достану маленького белоносого гвенона, даже если мне придется затратить на это остаток моей жизни.

— Маса будет стрелять? — услышал я хриплый шепот Элиаса; опустив бинокль, я увидел, что он протягивает мне ружье. В первый момент я даже возмутился, услышав, что мне предлагают стрелять в таких милых зверьков с забавными хохолками и клоупскими белыми носами. Позднее я понял, что не сумею объяснить спутникам свои соображения: в лесах Камеруна сантименты и чувства являются привилегией сытых. Мясо здесь попадает редко, каждый кусок его ценится на вес золота, поэтому эстетические чувства отходят на задний план и уступают место требованиям голодного желудка.

Д

— Нет, Элиас, я не буду стрелять. — Сказав это, я снова поднял бинокль, но обезьяны уже исчезли. — Элиас!

— Сэр?

— Объявите в деревне, что я заплачу пять шиллингов за пойманного детеныша такой обезьяны.

— Хорошо, сэр, — отозвался Элиас, заметно повеселев.

Мы продолжали двигаться по извилистой тропинке и вышли к берегам небольшого ручья, журчавшего в мелком русле. Сырые, заболоченные берега его были покрыты зарослями широколистных растений, зеленых и сочных. Мы пошли вдоль ручья, растительность доходила мне до пояса. Вдруг Элиас подпрыгнул и закричал:

— Стреляйте, маса, стреляйте!

Я не мог ничего разобрать в возникшей впереди суматохе, не знал, куда и в кого стрелять. Андрая прыгал в зарослях, как длинноногий кузнецик, и пронзительно кричал. Судя по шуму, в кустах пряталось какое-то крупное животное; кустарник, однако, был настолько густым, что там мог укрыться кто угодно, от леопарда до гориллы, и я не знал, что произойдет дальше. Внезапно кусты раздвинулись, и я с изумлением увидел двух крупных кабанов, мчавшихся зигзагами между деревьями. Животные были ярко-оранжевого цвета, с длинными белыми кисточками на ушах и развевающейся белой полоской волос вдоль спины. Более красивых и интересных кабанов мне еще не приходилось встречать, и я смотрел им вслед с разинутым ртом. С поразительной быстротой они скрылись в лесу. Элиас и Андрая после всего случившегося вряд ли слишком высоко оценили мои охотничьи способности.

— Хорошие свиньи, — с тоской сказал Элиас, прислушиваясь к затихающему шуму убегающих животных.

— Прекрасное мясо, — грустно поддержал Андрая. — Прекрасное мясо и для европейцев, — продолжал он, с упреком глядя на меня и подчеркивая, что разочарование его не является чисто эгоистическим.

— Это ружье не годится для кабанов, — поспешно объяснил я. — В Эшоби я возьму более сильное ружье.

— А то ружье сильное?

— Да, очень сильное, из него можно убить кабана, тигра, даже слона, — безудержно хвастал я.

— Это правда, сэр?

— Правда. Когда-нибудь мы придем в лес и убьем много кабанов.

— Да, сэр, — дружно ответили охотники.

Мы продолжили путь, охотники предвкушали обещанную жареную свинину, а я с удовольствием вспоминал великолепных животных и надеялся, что мой авторитет пока сохранен.

Много часов спустя, когда я уже еле передвигал ноги, произошла наша третья, и последняя в этот день, встреча. Мы вышли к участку леса, почва которого казалась вспаханной. Слой листьев на земле был разрыт, камни и ветки перевернуты, молодые растения согнуты и изжеваны. Оба охотника осмотрели следы, Элиас подошел ко мне и прошептал магическое слово «соомбо». Так камерунцы называют дрела, обезьяну, забавляющую посетителей зоопарка своим сверкающим голым задом и злобными гримасами. Дрилы всегда привлекали меня в зоопарке тем, что с подкупающей искренностью показывали наиболее непристойные части своего тела, приводя в ужас посетителей. Если верить Элиасу, перед нами находилось целое стадо дрилов, и я не хотел упустить возможность увидеть их в естественном состоянии; мы начали энергично передвигаться по лесу в направлении доносившегося до нашего слуха рычания и раздраженных пронзительных криков. В течение часа мы преследовали стадо, карабкаясь и спотыкаясь, иногда даже ползали на четвереньках; один раз, несмотря на все мое отвращение, пришлось проползти на животе около ста ярдов по болоту. Но при всех наших стараниях стадо мы не догнали, единственной наградой было то, что мы на мгновение увидели мелькнувшую в кустах серую фигуру. Наконец мы сдались, растянулись на земле и, измученные, закурили, прислушиваясь к шуму уходящего стада.

Мы продолжали путь по нашему кольцевому маршруту и уже в темноте подошли к крайним хижинам деревни. Грязный, исцарапанный, смертельно усталый, я был все же в приподнятом настроении, так как намеченный план был выполнен. Вокруг яркого костра у одной из хижин собралось в кружок несколько человек. Мальчуган, внезапно заметив мою оборванную белую фигуру, с криком спрятался в хижине. Взрослые встали и поздоровались со мной.

— Здравствуйте, маса, здравствуйте!

— Добрый вечер, маса... Вы вернулись?

Мягкие голоса, зубы, сверкающие при свете костра, приятный запах горящего дерева.

— Отдохнем здесь немного, Элиас, — предложил я и с наслаждением присел к костру. Земля была еще теплой от дневного солнца. Я чувствовал, как исчезала боль в ногах и блаженное тепло разливалось по телу.

— Маса был в лесу? — спросил старший из находившейся у костра группы.

— Да, мы были в лесу, — с важностью ответил Элиас и разлился потоком слов на родном языке, жестами показывая проделанный нами по лесу путь.

Раздались дружные возгласы изумления, последовали новые вопросы. Элиас повернулся ко мне:

Я — Я сказал им, маса, что мы прошли очень большой путь. Маса очень сильный... — добавил он, полагая, что мне следует польстить.

Я улыбнулся так скромно, как только мог.

Элиас шутливо спросил:

— Маса нравится в лесу?

— Очень нравится, — твердо ответил я.

Все рассмеялись при мысли о том, что белому человеку нравится в лесу.

— Маса хочет сегодня ночью снова идти в лес, — сказал Элиас, в глазах его лучился смех.

— Да, я могу сегодня ночью идти в лес, — поддержал я. — Я охотник, а не женщина.

Эта остроумная шутка была встречена взрывом смеха.

— Правда, правда, — сказал Элиас. — Маса говорит правду.

— Маса — настоящий мужчина, — подтвердил с улыбкой Андрая.

Я раздал папиросы; мы сидели на корточках у костра, сосредоточенно курили, говорили о различных животных, пока не появилась роса. Распрощавшись, мы пошли по деревенской улице, вдыхая запахи пальмового масла, пизанга и маниоки — ужина жителей деревни. В хижинах мерцали огни, сидящие у входа обитатели хижин тепло приветствовали нас.

— Вы уже пришли, маса?

— Здравствуйте, маса, здравствуйте!

— Спокойной ночи, сэр!

Жизнь казалась мне чудесной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕЛКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Прежде чем весть обо мне распространилась по окрестным селениям и местные охотники направились в лесные заросли на ловлю зверей для сумасшедшего, покупающего их, прежде чем немногочисленные посещения охотников с добычей перешли в сплошной поток, совершенно захлестнувший меня, я имел возможность совершить несколько вылазок в глубь леса. При этих вылазках я не столько стремился к поимке зверей, сколько искал наиболее подходящие места для установки капканов, выбирал дуплистые деревья, из которых впоследствии можно было бы выкурить интересных зверьков, основательно знакомился с окружающими Эшоби лесами. Не зная хорошо местность, почти невозможно поймать нужных животных: каждая

разновидность, каждая группа животных имеет свои излюбленные участки леса, знание которых для охотника совершенно обязательно. Иногда, по счастливой случайности, нам удавалось поймать какого-либо зверя и во время таких прогулок. Одна из них, которую я совершил вдвоем с Элиасом, надолго сохранилась в моей памяти.

Андря, как оказалось, был большим ипохондриком: малейшая боль или небольшой жар загоняли его в дальний темный угол хижины, где он корчился и стонал, словно находился на грани смерти, что страшно пугало трех его жен. В один из таких дней я договорился с Элиасом, что мы пойдем в лес вдвоем. Скоро я начал жалеть о своей затее, так как послеполуденный зной донимал нас сильнее обычного. В лагерном моем зверинце все было тихо: птицы с полужакрытыми глазами неподвижно сидели на своих жердочках, крысы и дикобразы дремали на подстилках из банановых листьев, даже обычно резвые обезьяны стали сонными и тихими. Кругом все спало, у меня тоже было большое искушение погрузиться в сон. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, листья безжизненно свисали с деревьев. Одурающая, цепенящая духота делает человека ленивым и вялым. Вместе с жарой наступает тягостная, унылая тишина: не слышно даже пения птиц, лишь издалека, из прохладных глубин леса, доносится слабый звон цикад.

Большим усилием воли заставил я себя подготовиться в путь; в одну сумку я положил сети, холщовые мешки для птиц или змей, папиросы и спички. В другой сумке находились патроны, запасная коробка спичек, свеча и различные колбочки и банки для всякой мелочи — пауков, скорпионов и т.п. Я закончил чистить ружье, когда к палатке подошел Элиас; пот градом катился по его улыбающемуся лицу, всю его одежду составляла грязная тряпка, повязанная вокруг бедер. Он имел при себе копье и неизменный тесак.

— Маса, я пришел, — приветствовал он меня. — Маса готов?

— Да, Элиас, идем. Сегодня очень жарко, правда?

— Слишком много солнца, — согласился Элиас, закидывая сумку себе за спину.

Пройдя по узкой красноземной тропинке, перейдя ручей, холодная вода которого доставала нам лишь до лодыжек, миновав подлесок, мы вступили в величественную, сумрачную, наполненную неповторимым ароматом лесную чащу. Жара, преследовавшая меня в лагере, сменилась освежающей прохладой, полумрак давал возможность смотреть на все широко раскрытыми глазами, не щурясь от яркого солнечного света. Элиас легко и свободно шел впереди по почти неразличимой тропинке, босые ноги его бесшумно ступали по листовенному ковру. Время от времени слышен

Д был стук тесака, которым Элиас обрубал ветку, слишком низко нависшую над тропой. Большие затруднения при лесных походах доставляло мне обилие впечатлений по обе стороны тропы; я не успевал смотреть себе под ноги и все время спотыкался. Яркий цветок в листве у вершины дерева заставлял меня смотреть вверх до боли в шее, упавшее дерево, лежавшее в стороне от нашего пути и покрытое разноцветными поганками, также привлекало мое внимание; я озирался по сторонам, желая сразу все увидеть, и непрерывно оступался и спотыкался. В этот день, однако, у меня не было определенной цели, поэтому мы скоро свернули с дороги и стали исследовать каждое укрытие, переворачивать каждую сгнившую колоду в надежде отыскать скорпиона, лягушку или какого-нибудь более крупного зверька. Эти поиски замедляли скорость нашего движения по лесу.

Примерно в двух милях от лагеря мы вышли к берегу очередного ручейка, который пенился и бурлил между кучей больших камней, заросших густыми пучками ярко-зеленого мха и перистого папоротника. В каждой расщелине росли дикie бегонии с раскнутыми по скале темно-зелеными листьями и склонившимися к воде тонкими веточками бледно-желтых цветов. Около часа бродили мы между камнями, собирая всякую мелюзгу: нам попадались испещренные пятнами жабы, большие серые лягушки с блестящими остекленевшими глазами и длинными, узкими лапками, крупные жуки, звонко стрекотавшие, когда мы брали их в руки. В пышной растительности по берегам ручья встречалось множество больших улиток величиной и весом с крупное яблоко, старательно откладывавших в горах влажных мертвых листьев крошечные перламутровые яички. Под маленьким камнем я обнаружил красивую зелено-желтую лягушку; это навело нас на мысль передвигать каждый камешек. Элиас, паходившийся впереди, приподнял большой камень и испуганно подпрыгнул:

— Маса, змея... плохое животное...

Я подбежал к Элиасу. В сырой впадине, оставленной камнем, лежала странная змея. С первого взгляда мне показалось, что у нее нет головы, толщина змеи была совершенно одинаковой на протяжении всех двух футов ее длины. Глянцевато-черная окраска ее была беспорядочно испещрена ярко-красными и желтыми полосами. Пристально вглядываясь, я постепенно различал на одном конце туловища голову змеи. В нескольких дюймах от этой головы находилось круглое отверстие, глубоко уходившее в землю. Не желая упускать столь любопытное пополнение моей коллекции пресмыкающихся, я осторожно подкатил палкой небольшой камень и прикрыл им вход в нору. Элиас благоразумно стоял сзади и стонал:

— Маса, оно вас укусит! Осторожнее, маса, это дурное животное!

Змея не двигалась и только часто высовывала и убирала язык. Преграв ей путь к бегству, я почувствовал себя увереннее.

— Маса, это очень ядовитое животное.

— Замолчи, Элиас, и принеси мне быстренько большой мешок и еще одну палку.

— Хорошо, сэр, — хмуро ответил Элиас и пошел выполнять мое поручение.

Змея по-прежнему лежала совершенно неподвижно и только внимательно следила за мной; я держал палку наготове, опасаясь внезапного ее броска. Я был уверен, что передо мной не ядовитая змея, но не хотел, чтобы пострадала ее роскошная расцветка. Элиас принес холщовый мешок и длинную палку. Осторожно подвел я горловину мешка к голове змеи и слегка дотронулся палкой до ее хвоста. Я ждал, что змея будет сопротивляться моим попыткам загнать ее в мешок, но все случившееся явилось для меня полной неожиданностью. Почувствовав прикосновение палки, змея собралась в клубок, развернулась, как пружина, и оказалась в мешке. Я никогда еще не встречал такое сговорчивое пресмыкающееся. Очутившись в мешке, оно успокоилось, и нам осталось только завязать мешок.

Элиас ахнул от удивления и сказал:

— Эта змея ничего не боится. Мне кажется, что она полюбила вас. — И в дальнейшем, когда мы продолжали переворачивать камни, он часто вспоминал и смеялся своей шутке. Эта змея — *Calabaria reinhardti* — оказалась мелким родственником семейства крупных змей-удавов. Голова и хвост ее оканчиваются одинаково, и, поскольку все туловище покрыто небольшими круглыми ровными полосами, трудно определить, где у змеи начало и где конец. Маленькие глаза змеи почти неразличимы, так как они такого же размера, цвета и формы, как и окружающие их полосы. Цветные полосы и пятна на черном туловище разбросаны без всякой системы, и с первого взгляда трудно понять, каким концом змея обращена к зрителю. Змея эта совершенно безобидное существо, которое значительную часть времени проводит, зарывшись в сырую землю; питается она мелкой добычей, пригодной для ее слабых челюстей. Если взять ее в руки — она свертывается в клубок и прыгает. Она никогда не пыталась кусать, сжимать или давить протянутую ей руку, что обязательно делают даже детеныши более крупных представителей удавов.

Calabaria reinhardti была первым нашим трофеем в этот день, и мы продолжали путь в приподнятом настроении. Но хотя мы и ворочали каждый камень, который в силах были повернуть, мы не нашли другой такой экземпляр. В конце концов, собрав мешки и банки, мы пошли дальше, оставив берега ручья в таком состоянии, в каком они были бы после нашествия

Д вия большого стада дирилов или лесных кабанов. Нашей конечной целью была небольшая поляна милях в пяти от деревни; Элиас нашел ее несколько дней назад и сказал мне, что, по его мнению, там должны быть животные... какие животные, он не стал уточнять. Оказалось, что Элиас обозначил путь не так хорошо, как он обычно это делал; вскоре мы остановились, и Элиас нехотя признался, что не знает точно, где мы сейчас находимся, в каком направлении от нас деревня и в каком — поляна. Я сел на большую колоду и отказался идти дальше до тех пор, пока Элиас меня не уверит, что нашел правильный путь.

— Я подожду здесь, а ты ищи пока тропу. Когда найдешь ее, вернешься за мной.

— Хорошо, сэр, — радостно отозвался Элиас и скрылся между деревьями.

В течение нескольких минут слышал я стук тесака, которым он делал зарубки, отмечая путь; постепенно стук этот становился слабее и наконец совсем затих. Я закурил папиросу и осмотрелся по сторонам. Неожиданно из-под колоды, на которой я сидел, послышался звон цикады. Стараясь не шелохнуться, я пристально всматривался в направлении звука. Цикады стали для меня в последнее время каким-то наваждением; обитают они во всех уголках леса, день и ночь слышны их звонкие трели, но до сих пор мне не удалось увидеть хотя бы одну из них. Теперь, очевидно, цикада пела на расстоянии фута от меня, и я очень хотел ее найти. Я тщательно исследовал ствол колоды, зеленый губчатый мох на нем, мелкие кучки темно-красных и желтых поганок, выросших в трещинах и щелях, мертвые лианы, врезавшиеся в кору дерева и продолжающие обвивать труп поверженного великана. Отчетливо виднелась проложенная муравьями извилистая дорожка, у небольшого отверстия неподвижно притаился черный паук, но цикады я так и не видел. Слегка повернув голову, я заметил в глубине мха что-то блестящее. Всмотревшись, я увидел насекомое: туловище его, длиной около двух дюймов, покрыто было сложным серебристо-зеленым красивым узором и совершенно сливалось с зеленым мхом и серой корой дерева. Обнаружил я цикаду только потому, что случайный солнечный луч заискрился на ее больших крыльях; этот отблеск, подобный солнечному зайчику, и привлек мое внимание. Я осторожно поднес руку к насекомому и схватил его. Цикада захлопала крыльями, которые, как бумага, шуршали по моим пальцам, затем в отчаянии издала долгий пронзительный крик. Я внимательно рассматривал цикаду, осторожно держа ее в руке. У нее были большие выпуклые глаза, серебристо-зеленое тело было твердо, как орех. Крылья ее напоминают лист слюды, если рассматривать их на свет, видна частая сетка жилок, сложных и красивых, как самые искусные вит-

ражи. Между лапками в специальном желобке находится длинный и тонкий хоботок цикады. Этим хрупким инструментом цикада прокалывает кору деревьев и добывает древесный сок. Закончив осмотр, я развернул ладонь руки. С минуту цикада беспомощно размахивала своими красивыми крылышками, затем она вспорхнула и улетела. Я не пытался сохранить цикаду, так как знал, что это хрупкое насекомое не доживет в маленькой сетчатой клетке на диете из воды и меда до нашего возвращения в Англию. Скоро вернулся Элиас, заявивший, что теперь он установил наше местонахождение и знает хорошо дорогу. Мы снова вышли на тропинку и продолжили путь к намеченной поляне. Такие поляны образуются на отдельных участках леса, где слой почвы слишком тонок и не удерживает могучие корни больших деревьев. Эти поляны заросли низкими выющимися растениями, для тонких корней которых достаточно нескольких дюймов почвы, покрывающей выходящую здесь к поверхности скальную основу африканских лесов. Подобные поляны густо поросли травой; в трещинах скал, на нанесенном дождями тонком слое земли растут крошечные, чахлые деревца. Со всех сторон поляны окружены густыми лесами; если почвенный слой немного утолщается — семена крупных деревьев развиваются в нем, и деревья отбирают эти участки у своих низкорослых соперников.

Деревья постепенно начали редеть, стало значительно светлее, и мы вышли в густые, низкие заросли на опушке леса. Мы проложили себе путь сквозь покрытую цветами густую завесу и, шагая по колено в траве, вышли на поляну. Она расстилась перед нами подобно большому лугу, золотисто-зеленая под лучами солнца, тихая и пустынная, резко очерченная в своих границах величественной стеной леса.

Мы прилегли на теплую траву и закурили, купаясь в ласковых солнечных лучах. Постепенно до нас стали доходить признаки жизни обитателей поляны: звонкое стрекотание больших ярkokрылых кузнечиков; пронзительные призывы древесных лягушек с берегов крохотного ручейка, извивающегося в траве; то мягкое, то сильное воркование маленького голубя, сидевшего над нами в кустах. С дальнего конца поляны донеслись, и эхо отразило, чьи-то громкие и беспечные крики: «Карроу... карро-о-у... кооу-у...»

Снова и снова повторились эти громкие крики. Я навел бинокль на деревья дальней опушки леса и стал тщательно их осматривать. Вскоре я увидел трех больших блестящих зеленых птиц с длинными, тяжелыми хвостами и изогнутыми хохолками. Поднявшись, они стремительно пересекли поляну и опустились на деревья на противоположной стороне, повторив при посадке свои громкие, вызывающие крики. Не переставая кричать, они, как белки, прыгали с ветки на ветку и бегали по деревьям с парази-

Д тельной легкостью и быстротой. Это были гигантские бананоеды, пожалуй, самые красивые птицы в тропическом лесу. Я часто слышал их пронзительные крики в лесу, но увидел их сегодня впервые. Ловкость и подвижность этих птиц изумили меня: они прыгали и бегали по ветвям, останавливаясь на мгновение, чтобы клюнуть и проглотить какой-нибудь плод или огласить лес своими криками. Перелетая с дерева на дерево, они широким веером распускали хвосты; переливы зеленого и золотисто-желтого цветов в сиянии солнечных лучей поражали глаз красотой и богатством красок.

— Элиас, ты видишь этих птиц?

— Да, сэр.

— Я дам десять шиллингов тому, кто доставит мне такую птицу живой.

— Правда, сэр?

— Правда. Ты попробуешь ее поймать?

— Да, сэр... десять шиллингов... — он долго еще что-то бормотал, лежа на спине и докуривая папиросу.

Я следил, как сверкающие красками птицы, весело перекликаясь, постепенно исчезли в чаще леса; на поляне снова воцарилась тишина.

Мы приступили к работе. Распустив частые длинные сети, мы подвесили их широким полукругом, плотно прижав к земле пижную часть. Сети были натянуты очень слабо, так что попавший в них небольшой зверек быстро запутался бы в их широких складках. Затем мы расчистили от травы и растительности полосу шириной в два фута, соединявшую полукругом свободные концы установленных сетей. Получилась полная окружность, одну ее половину составляли натянутые сети, другую — расчищенная нами полоса. Срезанные кустарники и траву сложили по внутреннему краю полосы и забросали их сверху сырыми листьями. Всю эту кучу мы слегка полили керосином и подожгли. Сырые листья не давали сухой траве разгореться, куча медленно тлела и выделяла клубы едкого дыма, стлавшегося по направлению к сетям. Но наше терпеливое ожидание не увенчалось успехом. Из дыма с возбужденным стрекотом выскочили лишь несколько крупных кузнечиков. Погасив огонь, мы установили сети в другом месте и повторили всю процедуру с самого начала. И снова сети остались пустыми. Наши глаза болели от дыма, мы были обожжены огнем и солнцем. Шесть раз мы расставляли сети, зажигали и тушили огонь, не получив никакой награды за свои труды.

Я уже начал было сомневаться в справедливости рекомендации Элиаса, но на седьмой попытке счастье нам улыбнулось. Едва мы подожгли траву, как один участок сетей начал дрожать и колебаться. Я помчался туда и увидел крупного серого зверька с длинным чешуйчатым хвостом, запутавшегося в складках сетей. Это была мешотчатая крыса величиной с котенка,

серый ее мех кишел похожими на тараканов насекомыми — постоянными спутниками этих крыс.

— Элиас, я поймал интересного зверька, — закричал я.

Но Элиас был увлечен чем-то у противоположного края нашего сооружения и не расслышал меня. С трудом удалось мне спрятать крысу в плотный мешок, избежав при этом ее укуса. Затем я помчался к другому краю сетей. Элиас барахтался на земле, сердито и громко ворча.

— Что случилось, Элиас?

— Крысы, сэр, — ответил он возбужденно. — Они быстро бегают и больно кусаются. Осторожнее, сэр, они вас укусят.

По траве металось множество жирных лоснящихся крыс. Убегая от дыма, они в то же время ловко ускользали от расставленных сетей. Крысы имели равномерную оливково-зеленую окраску, только носы у них были ржаво-красного цвета. Маленькие зверьки носились у нас под ногами, убежали в траву и выбегали оттуда обратно, их лапки находились в безостановочном движении, длинные белые усы возбужденно топорщились. Крысы никого и ничего не боялись и кусались как черти. Когда Элиас, опустившись на колени, попытался вытащить одну крысу из травы, другая пробежала по его ноге, забралась под набедренную повязку и куснула Элиаса в бедро. Спрыгнув на землю, она мгновенно исчезла в траве.

— А-а-а... — дико закричал Элиас, — она меня укусила, это очень скверные животные.

В этот момент другая крыса впилась зубами в большой палец моей правой руки, и мне было уже не до Элиаса. В конце концов мы поймали десяток крыс. Когда мы вышли из дыма, у нас был вид людей, только что переживших горячую схватку с леопардом. Моя рука сильно болела от полученных пяти укусов, все лицо было расцарапано кустами. По ногам Элиаса текла кровь, у него было два укуса на ногах и один на колене. В тропиках кровотечение происходит очень обильно: из самой маленькой царапины кровь льет, как из поврежденной артерии. Выступивший от жары и напряженной работы пот залил открытые укусы и царапины, которые теперь начали страшно болеть. Я убедился, что за поимку крыс мы заплатили слишком дорогую цену.

Перед возвращением в лагерь было решено сделать еще одну попытку. Скучную работу по расстановке сетей и разведению огня мы выполнили с удовольствием, поскольку трофеи, как это всегда бывает, значительно улучшили наше настроение. Давно известно, что нет ничего более удручающего, чем повторение одной и той же работы без получения желаемых результатов. Разведя огонь, мы перебежали к сетям и стали с нетерпением вглядываться в траву.

Д Первыми выбежали две красивые, ярко окрашенные ящерицы, решившие, очевидно, что поляна горит. Одну из них я поймал сачком для бабочек, вторую Элиас хотел ударить палкой, но промахнулся, и она исчезла в кустах.

— Элиас, ты упустил ее?

— Она убежала в кусты, сэр, — уныло ответил Элиас.

— Почему ты ее не поймал? — сердито спросил я, размахивая перед носом Элиаса пойманной ящерицей. — Что, у тебя рук нет, что ли?

Элиас испуганно отскочил в сторону.

— Маса, это плохая ящерица. Если она вас укусит, вы умрете.

— Чепуха, — ответил я и вложил мизинец между зубами ящерицы. Укус чувствовался не сильнее легкого щипка. — Видишь? Это самая безобидная ящерица.

Я поместил ящерицу в мешок, и мы вернулись к сетям, в которых запутались три крысы и черная злая землеройка. Крысы имели бледно-коричневую окраску, с продольными ярко-кремовыми полосами. Когда мы подняли крыс за хвосты, они повисли в воздухе расслабленно и спокойно, и мы упаковали их в мешок без всяких затруднений. Позднее я обнаружил, что эти робкие, застенчивые зверьки поддаются дрессировке лучше всяких других лесных крыс: через два дня после поимки они уже безбоязненно забираются на ладонь руки, чтобы схватить предлагаемую им пищу.

Землеройка, напротив, обладала таким же черным характером, как и цвет ее меха. Хотя длина ее и не превышала трех дюймов, она свирепо рвалась в сетях, а когда мы захотели ее освободить, бросилась на нас, очертив рот и гневно раздувая ноздри. Когда нам удалось распутать сети, землеройка села на задние лапы, собралась в комок и, вызывая восторг, вскрикивая, приготовилась к бою. С большим трудом мы загнали ее в ящик, наполненный сухой травой, но и там она продолжала сердито ворчать. Я не собирався долго держать ее, так как это крошечное существо вряд ли выдержало бы долгий и утомительный путь в Англию. Но я хотел оставить землеройку на несколько дней в лагере, чтобы изучить ее привычки и рассмотреть ее на близком расстоянии. Тот факт, что я иногда с большими трудностями ловил животное, держал несколько дней в лагере, а затем выпускал на волю, был в глазах африканцев убедительным доказательством моего слабоумия.

Солнце склонялось к краю поляны, когда мы упаковали снаряжение и всех наших пленников и отправились в обратный путь. Снова над нашими головами появилась сплошная крыша золотисто-зеленых листьев. Ночь достигла нас в лесу, и скоро стало темно, как в подземелье. Я с трудом ковылял, спотыкался о корни, стучался головой о ветки под аккомпанемент многочисленных соболеваний Элиаса. Когда мы вышли к полям около

деревни, оказалось, что сумерки только переходят в настоящую тропическую ночь. Пара попугаев с криком и свистом пролетела высоко над нами по направлению к лесу. Разбросанные по небу облака были еще окрашены золотистыми, розовыми и зелеными отблесками. Огни лагеря приветливо мигали нам, я уже чувствовал какой-то вкусный запах. Но я быстро вспомнил, что, прежде чем помыться и поесть, мне придется разместить и накормить всех наших сегодняшних пленников. Перенес я это разочарование сравнительно спокойно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОЛЕЕ КРУПНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Количество более крупных животных в лесах Камеруна также очень велико. К ним относятся все животные от домашней кошки до слона. Поимка их, как правило, значительно легче и связана с меньшими трудностями, чем поимка мелких животных. Объясняется это прежде всего тем, что более крупного зверя легче обнаружить. Для мыши или белки не требуются слишком густые заросли, чтобы спрятаться от охотника. Для такого животного, как, например, антилопа дукер, нужно уже солидное укрытие. Кроме того, маленькие зверьки имеют неприятную манеру пролезать сквозь ячейки сетей, если же в сетях окажется более крупное животное, можно не сомневаться, что оно уже никуда не уйдет.

Однажды утром Элиас и Андрая появились в лагере необычно рано. Лежа в полумраке палатки, я слышал, как они шепотом обсуждали с Пайосом, стоит ли меня так рано будить. Пайос в этом отношении был большой педант; потребовалось много времени, чтобы втолковать ему, что вновь прибывающие животные не могут ждать, пока я закончу свои дела. Если кто-либо приходил с добычей, когда я брился, ел или чистил ружье, Пайос величественно приказывал ему обождать. Бедная жертва, вытерпевшая не слишком нежное обращение при пленении, находившаяся зачастую целый день без еды и питья, перенесшая длительное путешествие под палящими лучами солнца в малокомфортабельном мешке или корзине, могла умереть во время этого дополнительного ожидания. В особенности это касалось птиц. Я долго не мог убедить птицеловов в том, что, если они поймали птицу ночью и не принесли мне ее на следующее же утро, шансы на то, что птица выживет, очень незначительны. На такое мое объяснение всегда следовал одинаковый ответ:

— Это сильная птица, маса, она не умрет.

Д Учитывая такие настроения охотников, я неоднократно объяснял Пайосу, что животные не могут ждать и, в какое бы время ни принесли пленника — во время обеда или в середине ночи, — охотника следует немедленно привести ко мне. После многочисленных внушений я решил, что эта истина Пайосом усвоена твердо, поэтому я вышел из себя, услышав, что он не пускает ко мне Элиаса и Андрая. Я предположил, судя по доносившимся ко мне обрывкам разговора, что он снова забыл мои инструкции. Мне казалось ясным, что Элиас и Андрая ночью ушли в лес, поймали там какое-нибудь интересное животное и спешили теперь продать его мне, пока оно не сдохло в их руках, а Пайос твердо решил не допускать их ко мне раньше установленного часа — половины седьмого. Рассердившись, я громко окликнул Пайоса. Он появился с чашкой чаю, что несколько умиротворило меня.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро. — Я взял чашку. — Что там за шум? Что-нибудь принесли?

— Нет, сэр. Элиас и Андрая хотят позвать вас в лес.

— В такой час? Почему так рано?

— Они говорят, — с сомнением в голосе ответил Пайос, — что нашли далеко отсюда отверстие в земле.

— Отверстие в земле... ты имеешь в виду пещеру?

— Да, сэр.

Новость была хорошей. Я давно хотел осмотреть какие-нибудь пещеры в районе Эшоби, просил охотников провести меня к ним, но до сих пор они ничего не находили. Я выскочил из постели и в своем полосатом красно-голубом халате вышел из палатки.

— Доброе утро, Элиас... Андрая.

— Доброе утро, сэр, — ответили они, как обычно, одновременно.

— Что вы рассказываете о пещере? — спросил я, допивая чай и с наслаждением вдыхая бодрящий утренний воздух. Элиас и Андрая с трудом оторвали очарованные взоры от моего халата.

— Вчера я был в лесу, маса, — начал Элиас, — и нашел такую пещеру, какая вам нужна. Я слышал, как в пещере кто-то ходил.

— А кто там ходил, ты не видел?

— Нет, сэр, не видел, — ответил Элиас, ковыряя ногой землю. Я понял, что Элиас не рискнул заглянуть в пещеру, опасаясь встречи со злыми духами, или, как их называют местные жители, ю-ю.

— Ну хорошо, что нам нужно теперь сделать?

— Маса, нужно взять четырех человек и идти в лес. Мы возьмем с собой сети и поймает зверя.

— Хорошо, идите в деревню и найдите нескольких охотников. Через час приходите все сюда, слышите?

— Мы слышим, сэр.

Мои проводники отправились в деревню.

Я попросил быстрее приготовить завтрак. Расстроенный Пайос побежал на кухню и излил свой гнев, обругав ни в чем не повинного повара.

Через час мы уже поднимались по зеленому, заросшему лесом склону холма между выступавшими корнями деревьев. Кроме Элиаса и Андрая, были еще трое: ловкий, с лисьим лицом человек, которого все называли Плотником, очевидно по его специальности; живой, приятный юноша, которого звали Ником; высокий изможденный человек по имени Томас. Сзади нас шел Даниель — мальчик, несший съестные припасы для всей нашей экспедиции. Все мы были в хорошем настроении, охотники громко переговаривались, жестикуют, смеялись, не забывая отмечать на деревьях дорогу своими тесками.

Примерно с полмили мы непрерывно поднимались в гору, затем дорога выровнялась и идти стало легче. Иногда нам попадались деревья с окружностью ствола примерно в шесть дюймов, ровные и гладкие, как жерди, исчезающие своими стволами в густом пологе листьев над нашими головами. Кора их была усыпана множеством крошечных бледных цветов — красивых глазков, росших на тоненьких, с четверть дюйма, стебельках. Цветы были величиной с ноготь мизинца и так плотно прилегали друг к другу, что совершенно закрывали значительные участки коры. В призрачном, напоминавшем подводный мир освещении, царившем в лесу, эти покрытые цветами стволы сияли на темном фоне, как высокие ровные колонны из драгоценных камней. В одном месте мы увидели шесть таких деревьев, которые стояли вокруг кучи валунов, покрытых зеленым бархатным мхом и желтыми цветами бегонии. После нескольких часов ходьбы по тропическому лесу глаз начинает уставать от бесконечного однообразия гладких, ровных стволов и редкой выщепившей растительности подлеска; наткнувшись на картину, подобную описанной, фантастическую по своим очертаниям и окраске, человек снова чувствует интерес к лесу и его красоте.

Невдалеке от тропы, по которой мы шли, я заметил огромный гниющий ствол дерева длиной футов в сто пятьдесят. Несмотря на то что дерево это свалилось очень давно, можно было проследить, как оно при падении разорвало и пригнуло более мелкую растительность, как верхние его ветви с листьями описали кривую и образовали прореху в зеленом потолке, открыв для обозрения снизу кусочек неба. Вырвавшиеся из земли черные изогнутые корни напоминали хищно растопыренную ладонь огромной руки. В середине этой ладони виднелось небольшое черное отверстие — вход

Д в пустотелую внутренность ствола. Я обратил на это отверстие внимание Элиаса, и он тщательно его осмотрел.

— В стволе может находиться какой-нибудь зверь?

— Иногда там, возможно, кто-нибудь бывает, — осторожно ответил он.

— Хорошо, давайте посмотрим.

Андрая, Плотник и мрачный Томас пошли к вершине дерева, Ник, Элиас и я начали осматривать отверстие у основания. Вход имел в диаметре около восьми футов, так что человек свободно мог в него войти. Элиас и Ник, громко пригнувшись и фыркая, проползли несколько футов в глубь ствола. Я чувствовал только запах гнилого дерева и сырой земли.

— Эге, — воскликнул Элиас, с шумом втягивая ноздрями воздух, — мне кажется, что внутри сидит катар. Как ты думаешь, Ник?

— Мне тоже так кажется, — согласился Ник, ожесточенно фыркая.

Я снова втянул в себя воздух и снова ничего не почувствовал.

— Что значит «катар»? — спросил я Элиаса.

— Крупное животное, сэр. У него на спине кожа как у змеи. Иногда оно делает так... — и он свернулся в клубок, пытаясь изобразить таинственное животное.

— Как же нам его достать? — спросил я.

Элиас вылез из ствола, окликнул Плотника, находившегося у противоположного конца дерева, и о чем-то быстро переговорил с ним на языке баньянги. Затем, обернувшись ко мне, он спросил, есть ли у нас фонарь. Даниель быстро достал из сумки карманный фонарь и передал его Элиасу. С фонарем в зубах Элиас опустил на четвереньки и снова исчез в стволе дерева. Я не считал момент подходящим для напоминания о том, что некоторые змеи предпочитают именно такие укромные места. Я не понимал, что Элиас собирался делать при встрече с животным в узком туннеле, где с трудом можно было повернуться. Внезапно футах в двадцати от входа мы услышали сильные удары изнутри по стволу и сдавленные крики.

— Что случилось? — возбужденно воскликнул Ник. Из глубины отверстия донесся поток слов на баньянги.

— Что он говорит? — спросил я Ника, и мне явственно представилась ядовитая змея, нападающая на беззащитного Элиаса.

— Элиас видит зверя, сэр. Он хочет, чтобы Плотник развел небольшой огонь у другого конца ствола, тогда дым выгонит зверя и Элиас его поймает.

— Хорошо. Пойди и скажи об этом Плотнику.

— Иду. У вас есть спички, сэр?

Я отдал спички, и Ник побежал к противоположному концу дерева. Я заполз в ствол и с трудом разглядел далеко в глубине слабый свет моего фонарика.

— Все в порядке, Элиас?

— Да, сэр, я его вижу, — взволнованно отозвался Элиас.

— Что там за зверь?

— Катар, сэр, и у него на спине детеныш.

— Я могу посмотреть?

— Нет, сэр, это невозможно, здесь слишком тесно, — крикнул Элиас и закаплялся. Облако едкого дыма заполнило ствол, закрыло от меня фонарик, проникло в мои легкие. Слышался непрерывный громкий кашель Элиаса. Я быстро вылез, вытирая слезившиеся глаза.

— Андрая! — закричал я изо всех сил. — Слишком много дыма... Элиас и зверь задохнутся в дереве... вытащи огонь, сделай его меньше, слышишь?

— Да, сэр, слышу, — донеслось в ответ.

Я снова заполз в заполненное дымом отверстие.

— Как дела, Элиас?

— Я его поймал, сэр, я его поймал! — радостно ответил Элиас в промежутках между приступами кашля.

— Вынеси его, — я стоял на четвереньках, пытаюсь что-либо разглядеть через дым, — вынеси его быстрее...

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем в отверстии появились черные мозолистые ноги Элиаса. Он вылез, задыхаясь и кашляя, совершенно голый, и радостно улыбнулся мне: трофей его был завернут в набедренную повязку.

— Я завернул его в мою одежду, сэр, я боялся, чтобы детеныш не упал.

— Это животное быстро бегает? — спросил я, взяв из его рук сверток и отходя немного в сторону.

— Нет, сэр.

— Оно кусается?

— Нет, сэр.

Успокоенный этими ответами, я положил сверток на землю и развернул его. Перед моими глазами предстал совершенно необычный зверь. С первого взгляда мне показалось, что на трянке находится большая коричневая еловая шишка, соединенная с другой шишкой, темно-серой и меньшего размера. Затем я понял, что это самка трехрогого панголина, или чешуйчатого муравьеда, свернувшаяся в клубок, с крошечным детенышем, прицепившимся к ее спине.

— Катар, сэр, — с гордостью объявил Элиас.

— Хороший зверь, — согласился я.

С трудом отделил я детеныша от спины матери и осмотрел его. В отличие от матери он нас не боялся, спокойно сидел у меня на ладони и близо-

А руко глядел на меня маленькими влажными глазами. От конца его длинного носа до кончика чешуйчатого хвоста было около десяти дюймов, его спина, голова, ноги и хвост покрыты были маленькими, еще очень мягкими листообразными серыми чешуйками. Брюшко, подбородок, обращенные к телу части ног и грустная морда были покрыты беловатым, довольно грубым мехом, нижняя часть хвоста была совершенно голой. Морда его была очень длинной, он все время старался просунуть между моими пальцами свой мокрый вытянутый нос. Толстые маленькие задние лапы имели миниатюрные аккуратные коготки; на передних лапах находились большие кривые когти с маленькими коготками по бокам. Этими передними когтями детеныш с силой вцепился в мою руку, стремясь одновременно на всякий случай обвить хвостом мою кисть. Однако он был еще очень слаб, и при каждой попытке хвост его соскальзывал с моей руки. Самка отличалась от детеныша значительно более жесткой и темной чешуей, когти на ее лапах были обломаны и не оканчивались так изящно, как у маленького панголина. Насколько я мог судить (хотя она скромно отказывалась развернуться), в самке было около трех футов длины. Свернувшись, она напоминала размерами и формой футбольный мяч.

Охотники, конечно, шумно радовались нашему успеху. Но я припомнил все, что читал о панголине, и был настроен довольно мрачно. Панголины питаются муравьями, зубов они не имеют, у них очень длинный, похожий на змеиный язык и обильное количество клейкой слюны. Большими передними лапами они разрывают муравейники и быстро обшаривают языком все его закоулки. При каждом таком заходе к языку прилипает некоторое количество муравьев. Как обычно бывает с животными, питающимися ограниченным ассортиментом, муравьеды совершенно не приспособлены к заменителям и поэтому очень плохо переносят неволю. Но как бы то ни было, это были первые мои муравьеды, и я намерен был сделать все возможное, чтобы сохранить их живыми. Я водворил детеныша обратно на спину матери, он вцепился в нее большими передними лапами и прикрепился хвостом к выемке между двумя чешуйками. Закрепившись таким образом, он просунул между передними лапами свой длинный нос и заснул. Мы спрятали обоих панголинов в мешок и продолжили свой путь.

После часа ходьбы мы подошли к пещере, о которой мне рассказывал утром Элиас. Крутой склон холма был усеян большими скалами, часть которых наполовину ушла в землю, а другая часть почти исчезла под плотной завесой папоротников, бегонии и густого мха. Под одной из скал виднелась щель шириной около трех футов и высотой около двенадцати дюймов. Показав мне ее, Элиас торжественно произнес:

— Пещера, сэр.

— Это и есть пещера? — спросил я, с сомнением разглядывая отверстие.

— Да, сэр. Здесь узкий вход, но внутри достаточно просторно. Маса хочет зажечь фонарь?

— Хорошо, — смиренно согласился я.

Мои спутники расчистили от растительности вход в пещеру, после чего, лежа на животе, я просунул голову в нору. Действительно, внутренность пещеры имела размер небольшой комнаты; в дальнем углу пол круто опускался книзу, в глубь холма. В пещере был чистый прохладный воздух, каменистый пол был слегка усыпан белым песком. Я выбрался наружу.

— Кто-нибудь должен войти с фонарем в пещеру, тогда мы последуем за ним, — твердо проговорил я. Но никто из охотников не выразил желания первым проникнуть в пещеру. Я выбрал Даниеля, как самого маленького ростом.

— Даниель, возьми фонарь и залезь в нору. Я и Андрая пойдем за тобой.

И Даниель и Андрая не были согласны с моим предложением.

— Маса, там в пещере спрятался зверь, — захныкал Даниель.

— Что?

— Он меня схватит!

— Ты разве не охотник? — спросил я. — Если ты охотник, как может зверь схватить тебя? Ты схватишь зверя, не так ли?

— Я боюсь, — просто ответил Даниель.

— Элиас, послушай, есть ли кто-нибудь в пещере.

Каждый по очереди засовывал в пещеру свою лохматую голову, но никто ничего внутри не услышал.

— Видишь? — обратился я к Даниелю. — Теперь ты войдешь в нору. Не бойся, мы тебя не оставим, Андрая и я пойдем сразу за тобой.

С видом осужденного, поднимающегося на эшафот, Даниель опустился на землю и залез в пещеру.

— Теперь иди ты, Андрая.

Потребовалось некоторое время, прежде чем шесть с половиной футов Андран оказались в пещере. Мы слышали, как он ругал Даниеля сперва за то, что тот сидел у самого входа (для Даниеля это был выход), а потом за то, что он ослепил ему глаза фонарем. Постепенно Андрая исчез в норе, и я последовал за ним. Когда моя голова и плечи были уже в пещере, раздались громкие крики, и меня больно ударили по голове сачком. Свет фонаря ослепил меня, и я не мог разобрать, что происходит в пещере.

— Маса, маса! — орал Даниель, снова стукнув меня сачком.

— Большой удав, большая змея... назад, сэр, назад!

Д — Замолчи сейчас же! — крикнул я. — И перестань колотить меня этой дурацкой палкой.

Даниель, дрожа всем телом, присел на корточки; я вполз в пещеру, присел рядом с ним и взял у него из рук фонарь. Посветив кругом, я увидел и сидящего около меня Андрая.

— Андрая, в какой стороне удав?

— Я его не видел, сэр. Даниель сказал, что видел его там... — и он махнул своей длинной рукой в сторону глубокого прохода перед нами.

— Ты видел удава? — спросил я Даниеля.

— Да, сэр, я видел его вот там. У него полосатая шкура.

Мы притаились в тишине, нарушаемой только стуком зубов Даниеля. Внезапно я услышал в пещере какие-то новые звуки; по повороту головы Андрай я почувствовал, что и он обратил на них внимание. Это были неясные то свистящие, то мурлыкающие звуки, доносившиеся к нам из темноты.

— Андрая, ты слышишь? Что это такое?

— Не знаю, сэр, — озадаченно ответил Андрай.

Доносившиеся из темноты звуки казались зловещими и страшными. В пещере было очень холодно, и мы все дрожали. Я понимал, что, если не предпринять срочные меры, Даниель в следующую минуту припишет эти звуки злым духам ю-ю и бросится на меня, чтобы освободить себе выход из пещеры. Подняв фонарь, я приказал охотникам оставаться на месте и направился к тому месту, где пол пещеры начинал опускаться. Это решение было не слишком разумным, так как встреча в темноте с удавом неизвестных размеров, когда единственный слабый источник света пахотился у меня в руке, не сулила мне ничего хорошего. Подойдя к краю, я осветил фонарем большую впадину, из которой доносились странные звуки. В первый момент мне показалось, что пол нижней пещеры сорвался с места и начал надвигаться на меня, сопровождаемый порывами ветра и сверхъестественным завыванием. У меня мелькнула было страшная мысль, что злые духи ю-ю действительно существуют и я стану сейчас жертвой их ярости. Но затем я понял, что вся эта черная масса состоит из сотен маленьких летучих мышей. Они держались кучно, как пчелиный рой; сотни этих существ, подобно мохнатому движущемуся коврику, плотно закрыли каменный потолок нижней пещеры. Со странным писком кружили они вокруг меня, притягиваемые и отталкиваемые светом фонарика, воздух непрерывно колебался от взмахов множества крыльев. Осветив фонарем нижнюю пещеру, я не обнаружил никаких признаков удава.

— Андрая! — крикнул я. — Это не удав, это летучие мыши...

Ободренные этим сообщением, Андрай и Даниель присоединились ко мне и с удивлением осмотрели заполненную летучими мышами пещеру.

Андрая выразил свое изумление возгласом, Даниель ничего не сказал, но перестал стучать зубами.

— Ну, в какой стороне теперь находится большой удав? — обратился я к Даниелю. Он захихикал, Андрая тоже громко рассмеялся. — Хорошо, но чтобы больше не было таких глупостей, слышишь? А сейчас сбегай быстро к Элиасу и возьми у него веревку и сеть.

Даниель направился к выходу.

— Маса хочет поймать этих животных? — спросил меня Андрая, пока мы ждали возвращения Даниеля.

— Нет, я не хочу этих маленьких мышей, я хочу поймать более крупного зверька. Внизу мы его найдем, правда?

— С помощью всевышнего мы найдем! — набожно ответил Андрая, пристально вглядываясь в глубину пещеры.

Чтобы попасть в нижнюю пещеру, мы должны были спуститься футов на пятнадцать по крутому каменистому откосу. Сделать это можно было только с помощью веревки, и я искал, куда бы закрепить ее верхний конец. Ничего подходящего мне найти не удалось. Когда Даниель вернулся с веревками, пришлось снова отправить его наружу с приказанием привязать конец веревки к стволу какого-нибудь дерева. После этого мы закрыли проход между двумя пещерами сетью, оставили Даниеля следить за попадающими в сеть летучими мышами и начали спускаться вниз. С первого взгляда склон показался нам гладким, при ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что поверхность его была испещрена маленькими продольными ложбинками и напоминала уменьшенное во много раз вспаханное поле. Гребни между ложбинками были остры, как лезвие бритвы. Окровавленные и ободранные, достигли мы наконец песчаного дна пещеры. Здесь было столько летучих мышей, что воздух дрожал от их криков и взмахов многих крыльев. Передав фонарь Андрае, я взял сачок и после нескольких попыток поймал им четырех летучих мышей. Они мне нужны были в качестве музейных экспонатов, так как сохранить этих маленьких насекомых и доставить их живыми в Англию мне бы, конечно, не удалось. Размах крыльев этих мышей около восьми дюймов, у них жирное, покрытое мехом туловище величиной с грецкий орех. Больше всего поразили меня их головы, которые я рассматривал при свете фонаря. Большие, похожие на лепестки цветов, уши, казавшиеся прозрачными при свете фонаря, отчетливо выделялись на голове. На носу у них не было никакой растительности, бугры, канавки и наросты на их мордочках создавали впечатление замысловатого барельефа, похожего на миниатюрный герб тюдоровской Англии. Выпуклые маленькие глазки блестели, в приоткрытых ртах выделялись яркие белые зубы.

Д Затем мы начали искать более крупных представителей летучих мышей, питающихся не насекомыми, а плодами, так называемых летучих ли- сиц. Поиски наши не увенчались успехом, мы вскоре отправили Даниеля с сетями наружу, а через некоторое время и сами отправились за ним. Когда я выполз, щурясь и моргая от яркого света, Плотник бросился помогать мне подняться на ноги.

— Добрый день! — сказал он таким тоном, словно я вернулся из далекого путешествия.

— Ты думал, что меня схватили злые духи, Плотник?

— Нет, сэр, но иногда в этом месте можно встретить хищных зверей.

— А злых духов?

— Иногда и злых духов, — согласился он.

Появился Андрая, исцарапанный и грязный; мы присели отдохнуть и погреться немного на солнце после холодной пещеры.

— А где Элиас? — спросил я, заметив его отсутствие.

— Он пошел в лес искать другую пещеру, — ответил Плотник.

— Разве здесь есть еще и другая пещера? — сразу заинтересовался я.

— Возможно, что Элиас что-нибудь и найдет, — с явным недоверием ответил Плотник.

Сомнения Плотника не оправдались. Элиас вернулся и сообщил, что на расстоянии полумили есть пещера, значительно больше только что исследованной нами, и что в ней тоже находится много летучих мышей. Мы вскочили и быстро пошли за Элиасом.

Вторая пещера действительно оказалась крупнее первой; она находилась в глубине большого высокого холма, и вход в нее был почти совершенно закрыт растительностью. Длина пещеры достигала семидесяти ярдов, высота ее составляла по меньшей мере тридцать футов. Потолок был покрыт густым колышущимся слоем летучих мышей, оглашавших пещеру громким, пронзительным пискom; это были летучие мыши, питающиеся плодами. Обрадовавшись, я поздравил Элиаса со счастливой находкой. Вскоре выяснилось, однако, что поймать летучую мышь в этой пещере отнюдь не просто. Наши сачки не доставали до высокого потолка, вход в пещеру был слишком велик, и мы не могли перекрыть его сетью. После продолжительных размышлений мы составили наконец план действий. Двое охотников отправились в лес и срубили там по молодому деревцу длиной около двадцати футов; деревца эти очистили от сучьев, оставив только на самой верхушке по несколько веток с листьями. Мы закрыли сетью часть входа, после чего я велел охотникам приготовить небольшие мягкие сумки. Подойдя затем к входу, я направил свое ружье горизонтально в глубь пещеры и выстрелил одновременно из обоих стволов. Оглушительный шум выстре-

лов и перекаты эха вызвали в пещере страшный переполох. Все летучие мыши, а их было внутри не меньше пятисот, сорвались с места и с криками начали метаться по пещере. Хлопанье их крыльев напоминало громкий шум разбивающихся о береговые скалы морских волн. Убедившись, что потолок не обрушился от выстрелов, мы ворвались в пещеру. Летучие мыши тучами посилились по пещере, почти касались нас, обдавая ветром, вызываемым взмахами крыльев.

Мы принялись за работу и начали энергично размахивать срубленными жердями. Попытки задеть ими летучих мышей не удавались, так как они легко ускользали от палок. Выбрав место, где мышей было особенно много, мы добивались того, что не очищенные от веток верхушки наших жердей сбивали на пол несколько зверьков. Отбросив жерди, мы кидались к ним прежде, чем они успевали снова подняться в воздух. Полученные ими удары, нанесенные ветками и листьями, не были слишком сильными, но их было достаточно, чтобы на несколько секунд заставить мышей сесть на пол. Но и в этом положении они проявляли исключительное проворство, и нам с большим трудом удалось, спасаясь от их острых и длинных зубов, загнать несколько летучих мышей в приготовленные для этой цели мешки.

В течение сорока пяти минут мы непрерывно преследовали летучих мышей и поймали двадцать пять зверьков. К этому времени некоторые мыши покинули пещеру и повисли на окрестных деревьях, подобно дрожащим черным плодам. Оставшиеся в пещере успели понять, что, вернувшись к куполу пещеры, они будут недостижимы для нас. Я решил, что для начала мне хватит и двадцати пяти экземпляров, и дал команду прекратить охоту. Выйдя из пещеры, мы присели отдохнуть, закурили и стали смотреть, как повисшие на деревьях летучие мыши одна за другой отрывались от ветвей и исчезали в темноте пещеры, присоединяясь к своим возбужденным соплеменникам. Вероятно, за столетия жизни колонии летучих мышей в этой пещере впервые им пришлось испытать такие неприятности, как сегодня. Вероятно также, что пройдет еще много времени, прежде чем такая неприятность снова повторится. Учитывая это, можно считать, что летучие мыши ведут на редкость счастливую жизнь. Целыми днями спят они в темной, прохладной и безопасной пещере. Вечером, проголодавшись, они большими группами выскакивают наружу, летают в лучах заходящего солнца над позолоченными вершинами деревьев, садятся на ветки и, пока темнота окутывает лес, наслаждаются прекрасными спелыми плодами. С рассветом они возвращаются в пещеру, насытившиеся, с пятнами засохшего фруктового сока на шкурке, спорят и ссорятся из-за лучших мест на потолке и постепенно засыпают; солнце снова поднимается над деревьями, под его благодетельными лучами вырастает новый урожай плодов для следующего ночного пиршества.

Д Когда мы уходили, деревья уже отбрасывали на землю длинные тени. Я в последний раз оглянулся на пещеру. В стене обрыва зияло черное отверстие, откуда уже вылетали первые группы летучих мышей и взмывали высоко в воздух. Сначала редкие, эти группы становились все многочисленнее и постепенно слились в сплошной поток, казавшийся на далеком расстоянии стружкой дыма. Спотыкаясь в сгущавшейся темноте леса, мы слышали высоко над нашими головами звонкие крики отправившихся на поиски пищи летучих мышей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НОЧЬЮ В ЛЕСУ

В результате проведенных нами на охоте дней и исключительной старательности жителей окрестных деревень клетки в моем лагере скоро оказались переполненными, и я стал целые дни уделять уходу за животными. Я мог располагать для прогулок лишь тем временем, которое оставалось у меня после окончания дневной работы, поэтому мы стали охотиться ночью при свете фонарей. Из Англии я привез четыре больших фонаря, к ним я добавил еще четыре фонаря, приобретенные в Камеруне. Обеспеченные таким обилием света, мы бродили по лесу обычно с двенадцати до трех часов ночи и поймали в эти часы множество таких ночных животных, которых мы вряд ли обнаружили бы в другое время суток.

Лес ночью резко отличается от леса при дневном освещении. Все живое бодрствует, то и дело где-нибудь на дереве сверкают чьи-то раскаленные глаза, из зарослей все время доносятся шорохи и крики. Свет фонаря часто падает на раскачивающиеся, подергивающиеся лианы — в ста пятидесяти футах над нашими головами какое-нибудь животное задело их в своем движении. С шумом падают на землю спелые плоды и сухие ветки. Цикады, которые как будто не спят ни днем ни ночью, оглашают лес своим звоном, время от времени невидимая большая птица громко выкрикивает прокатывающееся по лесу: «Карр... каррр... карр». Обычными для ночного леса звуками являются крики *Dendrohyrax dorsalis*. Вначале мягкий пронзительный свист разделяется правильными частыми интервалами, затем интервалы становятся все короче, пока все не сливается в непрерывный громкий и резкий свист. Совершенно неожиданно, в момент, когда свист кажется нестерпимо пронзительным, он резко обрывается, и воздух доносит лишь звуки замирающего эха. В лесу также очень много лягушек и жаб. С насту-

плением темноты начинаются безумолчные крики, кваканье, свист, треск и щебет. Все это доносится отовсюду — начиная с вершин высочайших деревьев и кончая малыми расщелинами под скалами на берегах многочисленных ручьев.

При ночной охоте расстояния в лесу представляются по меньшей мере в два раза большими, чем днем. Мы движемся под огромной шуршащей крышей, и за пределами круга света, отбрасываемого фонарями, стоит непроходимая черная стена. Только в маленьком радиусе от источника света можно различать цвета. При свете фонаря многое выглядит иначе, чем днем; листья и трава, например, приобретают воздушный золотисто-зеленый оттенок. Создается впечатление, что мы бродим в глубинах подводного мира, где в течение тысячелетий не бывает солнечного света. Жалкий свет наших фонарей показывает нам участки чудовищных, извивающихся корней и блеклую окраску листьев. Серебристые мотыльки, подобно стайкам крошечных рыбок, группками порхают вокруг фонаря и исчезают во мраке. Воздух в лесу тяжелый и сырой; поднимая фонарь кверху, можно заметить, как слабые струйки тумана обвиваются вокруг ветвей и лиан, просачиваются через сплетение стволов и веток. Все представления о формах и размерах оказываются ошибочными, высокие стройные деревья кажутся бесформенными обрубками, корни их извиваются и петляют при нашем приближении, словно стремясь скрыться в темноте; иногда я готов был принять их за живые существа. Все вокруг было таинственно, очаровательно и страшно.

Первый ночной поход, который я совершил с Андраей и Элиасом, мы начали рано, так как Элиас хотел повести нас к берегам большого ручья, находившегося далеко от лагеря. Он уверял меня, что там можно поймать речного зверя. Я не знал, что имел в виду Элиас, так как название это местные охотники применяют очень широко, относя его в равной мере как к гиппопотаму, так и к лягушке. От Элиаса я мог узнать только, что это «очень хороший зверь» и что я буду рад, если мы его поймаем. Мы прошли около мили по тропинке, ведущей к лесу, и оставили уже позади последнюю банановую плантацию, когда Элиас внезапно остановился и я, не удержавшись, налетел на него. Элиас направил фонарь к верхушке небольшого, футов на сорок, дерева. Он обошел дерево кругом, светя фонарем из разных положений и что-то бормоча про себя.

— В чем дело, Элиас? — спросил я хриплым шепотом.

— Кролик, сэр, — последовал странный ответ.

— Кролик... ты в этом уверен, Элиас?

— Да, сэр, конечно, кролик. Он забрался на дерево; видите его глаза за тем сучком?

Разглядывая при свете фонаря верхушку дерева, я лихорадочно ворошил в своей памяти все сведения о фауне Камеруна. Я был уверен, что ни разу в описаниях местной фауны не встречались кролики; больше того, я был убежден, что ни в одной части света кролики не лазают по деревьям. Каким же образом кролик, если он даже и появился в Камеруне, мог забраться на верхушку этого дерева? Разглядев две рубиново-красные точки, я направил на них фонарь и увидел «кролика». Высоко над нами на ветке спокойно сидела и облизывала свои усики жирная серая крыса.

— Элиас, это крыса, а не кролик.

Я был доволен, что мои зоологические познания не оказались опровергнутыми. Я боялся, что открытие лазающих по деревьям кроликов вызовет в зоологической науке большое волнение.

— Крыса, сэр? Мы зовем ее кроликом.

— Можем мы ее поймать, как ты думаешь?

— Да, сэр. Вы и Андрая обождите внизу, а я поднимусь на дерево.

Мы навели фонари на крысу, а Элиас исчез в темноте. Вскоре легкое покачивание дерева дало нам знать, что Элиас полез по стволу. Крыса встревоженно посмотрела вниз, отбежала к краю ветки, на которой она сидела, и снова посмотрела вниз. Голова Элиаса показалась среди листьев в полосе света от фонарей под той самой веткой, где сидела крыса.

— В какой стороне, сэр? — спросил Элиас, щурясь от света.

— Выше, с левой стороны.

Пока мы выкрикивали указания, крыса быстро соскользнула по лиане и опустилась на ветку футах в пятнадцати ниже Элиаса.

— Она убежала, Элиас! — закричал Андрая.

— Она теперь под тобой!

Медленно, прислушиваясь к нашим указаниям, Элиас спустился до ветки, на которой находилась крыса. Зверек в это время спокойно облизывался, заканчивая свой туалет. Элиас начал осторожно продвигаться по ветке, готовясь схватить крысу. Та искоса следила за ним, подождала, пока он подкрался ближе, и вдруг стремительным броском метнулась в воздух. Мы проводили ее взглядами и увидели, как она скрылась в мелком кустарнике. В это время сверху послышался треск, испуганный возглас, затем мы услышали глухой стук падения тяжелого тела. Подняв фонари, мы обнаружили исчезновение Элиаса; мы нашли его в кустах у подножия дерева, он потирал ушибленную ногу и жалобно стонал. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Элиас отделался легкими царапинами; успокоив его, мы продолжали путь.

Некоторое время мы оживленно обсуждали вопрос о различии между кроликами и крысами. Вскоре у меня под ногами захрустел белый песок.

Взглянув вверх, я понял, что мы вышли из лесу, над нами было ясное ночное небо, темнота тропической ночи подчеркивалась миганием и мерцанием многочисленных звезд. Я и не заметил, что мы шли уже по берегу реки; коричневые воды бесшумно текли здесь между ровными берегами. Речка медленно и тихо, как большая змея, проползла мимо нас. Мы покинули песчаный берег и вошли в густые высокие заросли, постепенно переходившие в лес. В этих зарослях мы и остановились.

— Здесь можно поймать речного зверя, сэр, — шепнул Элиас, и Андрай поддержал его:

— Нам только нужно тихо-тихо двигаться, и мы его поймаем.

Итак, мы начали тихо-тихо двигаться по пышным зарослям, освещая себе путь фонарем. Я на мгновение задержался, чтобы снять с листа лягушку и положить ее в банку, как вдруг Элиас кинул мне свой фонарь и нырнул в кусты. Пытаясь поймать брошенный им фонарь, я уронил свой, который ударился о камень и погас. Фонарь Элиаса я все же не сумел поймать, он упал на землю и тоже перестал светить. У нас остался только тусклый фонарик Андрай со старой отсыревшей батареей. Элиас боролся в кустах с каким-то, очевидно очень сильным, животным. Я взял фонарь у Андрай и при слабом его свете увидел, как Элиас барахтается в кустах, держа в руках красивую, с белыми крапинками и полосками на шкуре, яростно брыкающуюся антилопу.

— Я держу ее, сэр! — кричал Элиас, отплевываясь листьями. — Принесите быстрее фонарь, сэр, это очень сильное животное.

Бросившись к нему на помощь, я споткнулся о камень и упал, выронив фонарик из руки. Последний наш источник света тоже угас. Я сел и принялся лихорадочно обшаривать траву в поисках фонаря, подгоняемый отчаянными криками Элиаса. Но когда мои пальцы уже нащупали фонарь, наступила неожиданная тишина. После нескольких попыток я включил свет и навел его на Элиаса, который скорбно сидел и вытирал себе лицо.

— Она убежала, сэр. Мне очень жаль, сэр, но это животное сильнее человека. Смотрите, как оно ранило меня своим копытом.

Грудь Элиаса была рассечена длинной, глубокой ссадиной, из которой сочилась кровь. Эта рана была нанесена острым копытом маленькой антилопы.

— Ничего, мы поймаем ее в другой раз, — успокаивал я Элиаса, смазывая йодом его рану.

Когда мы разыскивали остальные два фонаря, выяснилось, что обе лампы разбились при падении. Запасных лампочек у нас при себе не было, и единственным источником света остался третий фонарь, который едва горел и грозил угаснуть в любую минуту. Нам не оставалось ничего друго-

Д

го, как отменить охоту и немедленно возвращаться в лагерь, пока у нас действовал хоть один фонарь. Удрученные, мы отправились в обратный путь, стараясь идти как можно быстрее.

Когда мы подошли к полям, окружающим деревню, Элиас остановился и показал рукой на сухой сук, низко нависавший над тропой. Он был совершенно голый, на нем сохранился только один высохший листок.

— В чем дело?

— Здесь, на сухой ветке, сэр.

— Я ничего здесь не вижу.

Встревоженный нашим шепотом, сухой лист высунул головку из-под крыла, бегло взглянул на нас, взмыл в воздух и скрылся в темноте.

— Птица, сэр, — объяснил Элиас.

Эта была в общем очень неудачная, но вместе с тем и очень интересная ночь. После первой вылазки я понял, на что можно рассчитывать ночью в лесу. То обстоятельство, что птицы спят так близко к земле, удивило меня — в лесу достаточно высоких деревьев, где птицы могут облюбовать себе место для отдыха. Подумав немного, я понял причину такого, на первый взгляд, странного поведения птиц. Усевшись на краю длинной топкой веточки, птица чувствует себя в безопасности, ибо любой зверь, пытаясь до нее добраться, согнет или просто обломит ветку. Поэтому не имеет большого значения, находится ли тонкая, длинная изолированная ветка на высоте ста или на высоте пяти футов над землей. Расспросив Элиаса, я узнал, что ночью часто можно встретить спящих на нижних ветвях деревьев птиц. Таких птиц легко можно обнаружить и в непосредственной близости к деревне и к нашему лагерю.

На следующую ночь, захватив большие мягкие сумки, мы вышли на охоту. Я вооружился на этот раз длинным сачком для ловли бабочек. Недалеке от лагеря мы обнаружили сидящего на тонкой ветке футах в пяти над землей бюльбюля — почти неразличимый на фоне листьев комок серого пуха. Пока мои спутники освещали фонарями дерево, я подвел сачок к птице и сделал стремительный рывок. Несчастный бюльбюль, вероятно, в жизни не испытывал еще такого ужасного пробуждения; взволнованно чирикая, он слетел с ветки и исчез во мраке ночи. Оказалось, что размашистое движение сачком снизу вверх было ошибочным. Вскоре мы увидели мирно дремавшего на ветке карликового зимородка. На этот раз я опускал сачок сверху, довел его до земли, и через минуту зимородок оказался уже в сумке. Попадая в мягкий мешок, птицы лежат в нем свободно и расслабленно, во время передвижения не размахивают крылышками, так что нам удавалось доставлять их в лагерь совершенно невредимыми.

Я был увлечен новым методом пополнения моей коллекции птиц, который казался мне наиболее совершенным. Более трех часов посвятили мы

охоте за птицами и поймали за это время пять птиц: зимородка, двух лесных малиновок, пестро-голубого голубя и бюльбюля. В дальнейшем, если в течение дня мне приходилось много работать и я не уходил на ночь в лес, мы бродили вечерами по часу в окрестностях деревни и редко возвращались в лагерь с пустыми руками.

Элиас болезненно переживал неудачу нашей первой ночной охоты. Через несколько дней он снова предложил мне отправиться ночью к речке, сообщив в качестве дополнительной приманки, что знает в том районе несколько пещер. В один из дней около восьми часов вечера мы направились в лес, намереваясь посвятить охоте всю ночь. Охота наша началась неудачно. Пройдя несколько миль по лесу, мы натолкнулись на скелет огромного дерева. Оно засохло, но, как это часто бывает с лесными великанами, продолжало стоять до тех пор, пока дожди, сырость и насекомые не выдолбили всю его середину, оставив одну лишь пустую оболочку. Тогда тяжесть массы сухих ветвей на вершине оказалась слишком велика, ствол переломился футах в тридцати от земли и рухнул вниз. Основание осталось стоять на своих корнях-подпорках наподобие фабричной трубы и выглядело очень красивым и интересным. Примерно на половине высоты этого обрубка виднелось большое отверстие; направив на него фонари, мы поймали в глубине его блеск чьих-то глаз. После короткого обсуждения Андрая и я продолжали освещать отверстие фонарями, а Элиас обошел ствол в поисках возможности забраться по нему вверх. Скоро он вернулся и сообщил, что первый нижний выступ на стволе находится слишком высоко для его маленького роста и что лезть на дерево придется Андрае. Андрая скрылся за деревом, вскоре легкий шум и приглушенные восклицания дали нам знать, что Андрая начал подъем. Элиас и я придвинулись ближе к дереву, не опуская фонарей. Андрая проделал уже две трети пути, когда в отверстии показалась крупная виверра. Черная маска ее морды была обращена к нам, я успел разглядеть серое с черными пятнами туловище. Затем виверра снова скрылась в дупле. Величиной она была с небольшую шотландскую овчарку.

— Осторожнее, Андрая, это лесная кошка, — шепотом предупредил своего приятеля Элиас. Но Андрая был слишком занят и ничего не ответил: карабкаться на дерево, цепляясь за кору пальцами, — занятие не из легких. Не успел он добраться до отверстия, как виверра снова показалась на его краю и метнулась в воздух.

Рассчитала она свой прыжок очень точно и через мгновение коснулась всеми четырьмя лапами груди Элиаса, потерявшего от неожиданности равновесие и упавшего на спину. Когда виверра коснулась груди Элиаса, я увидел, как раскрылась ее пасть, и услышал щелканье челюстей. Зубы

Д зверька не вонзились в лицо Элиаса только потому, что последний в это время начал опрокидываться на спину. Второй попытки не последовало, зверек соскочил с распростертого тела Элиаса, на миг задержавшись, взглянул на меня и двумя быстрыми прыжками скрылся в лесу. Элиас поднялся и уныло посмотрел на меня.

— Я думаю, кто-то привел к этому месту ю-ю. В прошлый раз мы упустили речного зверя, сегодня — лесную кошку...

— Будь счастлив, что твое лицо сегодня не пострадало! — прервал я его, находясь под впечатлением неожиданного проявления свирепости со стороны виверры — животного, которое я считал робким и застенчивым. В это время сверху донесся приглушенный крик. Мы осветили Андрая, прижавшегося к дереву подобно огромному черному пауку.

— Что случилось? — вопрос вырвался одновременно у меня и у Элиаса.

— Внутри есть еще кто-то, — крикнул пронзительно Андрая, — я слышу шум в дупле.

С трудом достав из-под набедренной повязки фонарь, он осветил им внутренность дупла. Раздался теперь уже радостный крик:

— Здесь в дупле детеныш лесной кошки!

Долгое время проделывал он самые невообразимые движения, стремясь одновременно удержаться на дереве, осветить фонарем внутренность дупла и схватить одной рукой маленького зверька. В конце концов это ему удалось, в свете фонаря появилась рука, держащая за хвост фыркающего извивающегося детеныша виверры. В тот самый момент, когда Андрая торжествующе закричал:

— Смотрите на него, смотрите! — зверек укусил его в запястье.

Я уже знал, что Андрая совершенно не переносил боли; при малейшей запозе на ноге он начинал ковылять с таким видом, словно ему предстоит ампутировать обе ноги. Острые зубы виверры подействовали на него как уколы раскаленными булавками. Испустив душераздирающий крик, он выпустил фонарь, зверька и перестал держаться за дерево. Через секунду Андрая, виверра и фонарь шлепнулись на землю.

Для меня до сих пор остается загадкой, как Андрая остался жив при падении. Фонарь разбился вдребезги, виверра, ударившись головой об один из твердых, как сталь, корней, умерла через несколько минут после падения, Андрая же остался совершенно невредим.

— Злые духи преследуют нас здесь! — повторил свою прежнюю мысль Элиас.

Были ли это злые духи или нет, я не знаю, но больше в эту ночь с нами ничего дурного не произошло. Наоборот, все складывалось на редкость удачно. Через некоторое время после нашей встречи с виверрой мы подо-

шли к берегам широкого ручья глубиной около трех футов. Темно-коричневая вода казалась непроницаемой, и даже свет наших фонарей не проникал дальше ее поверхности. Нам пришлось двигаться в воде вверх по ручью около полумили, пока мы не нашли на противоположном берегу подходящую тропинку. Поверхность воды была ровной и спокойной, но внизу мы чувствовали движение подводных струй; вода казалась нам ледяной. Мы шли по середине ручья настолько быстро, насколько это позволяла глубина и скорость течения. Постепенно я начал замечать, что в воде мы движемся не одни; вокруг нас, извиваясь и высовываясь из воды, находились десятки коричневых ужей. Они с любопытством кружили около нас, над поверхностью торчали их головы со сверкающими при свете фонарей крошечными глазками. Андрая заметил наших спутников почти одновременно со мной, но реагировал на их появление совсем иначе. Пронзительно вскрикнув, он выронил из рук сумку и попытался выбежать на берег. От неожиданности он, очевидно, забыл, что находится по пояс в воде и что всякая попытка бежать обречена на неудачу. Сила течения выбила его из равновесия, и он с громким всплеском опрокинулся в воду, распугав находившихся поблизости ужей. Течение протащило Андрая на несколько ярдов вниз по ручью, пока ему не удалось снова встать на ноги. Любимая его накидка, которую он бережно нес на голове, превратилась в размокшую массу.

— В чем дело? — обернулся шедший впереди Элиас и посмотрел на Андрая, который барахтался в это время в воде, как раненый кит. Элиас, очевидно, еще не заметил ужей.

— Змеи, Элиас! — быстро проговорил Андрая. — В этой воде много змей. Почему мы не выходим на берег?

— Змеи? — переспросил Элиас, освещая фонарем ровную поверхность ручья.

— Правда, Элиас, — подтвердил я, — но это ужи. Андрая слишком их боится.

— Ты глупец, Андрая! — разгневанно воскликнул Элиас. — Разве ты не знаешь, что они тебя не укусят, когда маса здесь?

— Я забыл об этом, — смиренно признался Андрая.

— Что все это значит? — спросил я с удивлением. — Почему змея не укусит Андрая в моем присутствии?

Пока Андрая искал в воде брошенную сумку, Элиас объяснил мне:

— Если черный человек входит в воду один, хищные звери, например змеи, подкрадываются и кусают. Но если черный входит в воду с белым человеком, звери чувствуют это и не подходят близко.

— И это происходит только в воде?

— Да, сэр.

А Это было очень интересное сообщение, и я решил запомнить его на будущее. Андрая к тому времени собрал все брошенные вещи. По моему предложению, мы выключили фонари, так как я надеялся на возвращение ужей и хотел поймать одного из них. Мои спутники согласились без особого энтузиазма. Около получаса стояли мы в воде при абсолютной темноте, затем по условленному сигналу одновременно включили фонари. Вода кишела ужами, рисовавшими серебристые узоры на водной глади. Схватив сеть, я поднес ее к ближайшему ужу. После некоторых усилий мне удалось поймать в сеть шипящего и извивающегося ужа и перебросить его в мешок. Воодушевленные таким примером, Элиас и Андрая присоединились ко мне, и за короткое время мы выловили до двадцати ужей. Оставшиеся на свободе змеи стали осторожнее, при каждом нашем движении они ныряли в темную глубину ручья. Мы прекратили охоту и продолжали путь вверх по течению.

Я не знаю, чем этот ручей так привлекал ужей, но нигде и никогда я не встречал их в таком количестве. Быть может, здесь происходило спаривание ужей, быть может, обилие пищи привлекло их сюда — нам так и не удалось понять, в чем дело. Через несколько недель мы снова оказались ночью на том же участке того же ручья и не видели ни одного ужа. В африканских лесах часто приходится сталкиваться с подобными загадками, но, к сожалению, не хватает времени, чтобы заниматься разрешением их. Я успевал только замечать отдельные непонятные явления и гадать о возможных их причинах и источниках. При ловле зверей больше всего раздражает именно эта невозможность из-за отсутствия времени основательно исследовать непонятные, загадочные явления, хотя такие исследования сами по себе чрезвычайно интересны и увлекательны.

Мы дошли наконец до места первой нашей встречи с речным зверем, однако самые тщательные поиски в зарослях невысокого кустарника не привели к ее повторению. Потеряв всякую надежду что-нибудь здесь найти, мы пошли вдоль песчаного берега к крутому обрыву, где, по утверждению Элиаса, было несколько пещер. Когда мы обходили побелевший ствол лежавшего на берегу дерева, я заметил впереди нас какие-то отблески.

— Что это такое, Элиас? — показал я.

— Огонь, сэр, — последовал ответ.

— Огонь? В таком месте?

— Да, сэр, вероятно, какой-нибудь охотник ночует здесь.

Подойдя ближе, мы увидели, что мое внимание привлекли догорающие угольки небольшого костра. Рядом с костром находился маленький шалаш из ветвей и лиан.

— Кто-нибудь есть здесь? — крикнул Элиас.

В глубине шалаша слышался шорох, и у входа появилась черная застывшая физиономия.

— Кто здесь? — спросил владелец шалаша. Я заметил, как рука его потянулась к лежащему рядом ружью. Мы быстро осветили себя фонарями, чтобы успокоить его подозрения.

— Ага, — облегченно вздохнул он, — и белый человек здесь? А что делает ночью в лесу белый человек? — спросил незнакомец, и я понял по его тону и выражению лица, что он еще не уверен, имеет ли он дело с людьми или со злыми духами.

— Мы охотимся за животными, — сказал Элиас.

Я раздул угольки в небольшое пламя, присел к костру и достал папиросы. Незнакомец взял одну папиросу, но рука его по-прежнему не отпустила ружье.

— Элиас! — обратился я. — Принеси немного дров, разведи сильный огонь, пусть этот человек убедится, что я действительно белый человек, а не злой дух.

Элиас и Андрая расхохотались, на лице незнакомца появилась улыбка, и он отпустил ружье. Мы развели большой костер, сели у огня и закурили. Элиас объяснил незнакомцу, кто мы такие, что делаем в лесу и откуда пришли. Наш собеседник оказался бродячим охотником. Такие охотники живут в лесах, убивают животных и сушат их мясо. Набрав достаточное количество мяса, они отправляются в ближайший городок, продают его на базаре, на вырученные деньги покупают порох и различные нужные им предметы и возвращаются в лес. Нашему собеседнику улыбнулось счастье, и он убил четырех больших дрилов. Мы осмотрели их разделанные туши, высушенные на дыму. Самый большой дрил при жизни был великолепным представителем своего племени, на его высохшей руке, странно похожей на руку мумии, выделялись узлы мощных мышц. Кисти рук и череп дрила имели удивительное сходство с человеческими. Мы со своей стороны рассказали охотнику о своих успехах и показали ему ужей, что, впрочем, не вызвало у него большого восхищения. Перед уходом я подарил охотнику четыре папиросы и получил в виде ответного дара погу дрила; при этом охотник уверял меня, что мясо дрила одинаково вкусно и для черных и для белых людей. Я пробовал это блюдо в тушеном виде и должен признать, что мясо дрила действительно очень сочное и обладает приятным и тонким вкусом.

Вскоре мы добрались до пещер. Отверстия их находились на откосе скалы, густо заросли мхом и папоротником и были закрыты лианами, свисавшими с росших на вершине скалы деревьев. У покрытого кустарником подножия откоса лежало множество беспорядочно разбросанных камней.

Д

Самая большая пещера соответствовала по размерам маленькой комнате, от нее уходили вглубь несколько низких, узких проходов. Они были слишком тесны для нас, даже ползком нельзя было через них пробраться. Оставалось только освещать их фонарями в тщетной надежде что-нибудь увидеть.

Мы разделились, и каждый из нас получил для обследования участок обрыва. Мне удалось обнаружить другую пещеру с таким же лабиринтом узких туннелей. Пока я освещал их один за другим, какое-то животное выскочило из кустов и скрылось в одной из соседних пещер. Я поспешил к входу, не очень, впрочем, надеясь поймать зверя, укрывшегося уже в обширном и запутанном лабиринте. Нагнувшись, я осветил пещеру и обнаружил, что она не имеет другого выхода; футях в восьми от входа виднелась глухая стена. Пол пещеры был покрыт камешками различных размеров, угловатые, неровные стены имели много расщелин и бугров. Я не видел зверя, но предполагал, что он в пещере, так как другого выхода из нее не было. Андрая и Элиас были недалеко от меня, но я не хотел звать их на помощь, так как крик мог напугать зверя. Обвязав мешок вокруг шеи, я взял фонарь в зубы, лег на землю и начал ползком продвигаться в пещеру. Это наиболее древний и испытанный способ передвижения охотников, подкрадывающихся к дичи, но я нашел его наиболее мучительным из всех известных мне способов. Камни, обильно устилавшие пол пещеры, имели острые зазубренные края. Я даже подумал, не подбросили ли их специально для того, чтобы доставить охотникам как можно больше неприятностей.

Я упрямо продолжал ползти, пока не достиг небольшого полукруглого зала в конце прохода. К моему разочарованию, от этого зала круто книзу вел новый, ранее мной не замеченный проход. В этом проходе раздались вдруг странные звуки — сначала резкий, шелестящий шорох, а затем, после небольшой паузы, два глухих удара. После этого снова все стихло. Я продолжал ползти вперед, и странные звуки продолжались в том же порядке. Припомнив описания всех живущих в Камеруне животных, я не нашел среди них ни одного, пребывание которого в пещере я мог бы предположить на основании услышанного. Я полз по проходу с удвоенной осторожностью и вскоре добрался до другого зала, несколько меньших размеров, чем первый. Пока я освещал фонарем это помещение, пытаюсь отыскать виновника шума, снова послышался странный шелест, что-то прыгнуло мне на руку, выбив из нее фонарь, и я почувствовал острую жгучую боль в пальцах. Схватив фонарь, я поспешно выбрался из пещеры, сел и принялся рассматривать раненую руку. На тыльной части кисти было много маленьких кровоточащих ранок и несколько глубоких ссадин, причинявших мне сильную боль. Можно было предположить, что я с размаху ударил ру-

кой по ветке кустарника, утыканной острыми колючками. Но теперь я догадался, что в пещере спряталось одно из наиболее распространенных в Камеруне животных — африканский дикобраз. Мне было досадно, что я не догадался об этом с самого начала.

Я снова вполз в пещеру, освещая себе фонарем путь. Скоро я увидел дикобраза, стоявшего боком ко мне. Иглы на его спине ошетинились, пышный большой хвост непрерывно находился в движении, иглы на хвосте громко шуршали. Время от времени дикобраз подпрыгивал и раздраженно стучал о землю задними лапами, как это обычно делает вспугнутый кролик. Дикобраз был величиной с кошку, хотя точно это трудно было установить — с взъерошенными иглами он выглядел значительно крупнее. Он еще не успел развернуться в пещере и стоял хвостом к выходу, с гневом и страхом поглядывая на меня через плечо влажными черными глазами. Он был весь черный, только у самого края спины иглы отливали светлой, почти белой окраской. Длинный хвост, который взвился дугой над спиной, был почти полностью лишен меха и игл. Только на кончике хвоста находился забавный пучок тупых светлых игл. Кончик хвоста похож был на длинный плотный колос пшеницы. Этот пучок игл на хвосте и производил странный шуршащий звук, который я впервые услышал в пещере; иногда дикобраз напрягал хвост, и пустотелые безобидные иглы на его конце с резким щелкающим звуком стучались друг о друга. Дикобраз весь сжался и приготовился к обороне.

Я начал обдумывать, что делать дальше. Ловить дикобраза лучше вдвоем, чем одному, но если бы даже Элиас или Андрая оказались в пещере, они ничем не смогли бы мне помочь; в том узком проходе, где находился зверь, с трудом мог развернуться только один человек. Я решил попытаться взять дикобраза собственными силами. Обмотав одну руку мешком и расстелив второй мешок на земле, чтобы положить в него пойманного зверя, я стал осторожно подползать к дикобrazу. Он шуршал хвостом, топал лапами, издавал резкие, пронзительные крики. Выбрав удобный момент, я быстрым движением схватил дикобраза за хвост, который казался мне наиболее уязвимой и доступной частью его тела. Немедленно я получил сильный удар по руке, иглы прошли через намотанный на руку мешок с такой легкостью, словно он был изготовлен не из ткани, а из бумаги. Несмотря на боль в руке, я не выпустил дикобраза и продолжал подтаскивать его к себе. Я знал, что, если я выпущу дикобраза, он не даст мне вторично проехти тот же маневр. Медленно отползал я к выходу, подтягивая за собой упиравшегося дикобраза, пока мы не оказались в маленьком зале в конце первого прохода. Здесь было больше возможностей развернуться, и я попытался накрыть мешком голову дикобраза. Он оказал упорное сопротивление и, выбрав удобный момент, ударил меня в грудь. Иглы прокололи

Д тонкую рубашку и с силой впились в мое тело. Ограниченность помещения давала дикобразу большое преимущество: при любом движении он задевал меня своими иглами, мне негде было укрыться от его ударов. Нужно было снова ползти по следующему проходу и выбраться на свежий воздух. В прежнем порядке продолжили мы путь. Оставшиеся футы казались мне милями. Когда мы наконец выбрались из пещеры, дикобраз сделал неожиданный резкий рывок, пытаясь освободиться, но я вцепился в него мертвой хваткой.

С трудом встав на ноги, я поднял дикобраза в воздух, где он не мог уже ударить меня или ранить себя каким-нибудь способом. Он спокойно повис у меня на руке, совершенно утратив прежний боевой пыл.

— Андрая, Элиас, бегите сюда быстрее, я поймал зверя! — крикнул я.

Они прибежали, освещая себе фонариками путь. Увидев мой трофей, оба удивились.

— Это чук-чук, — сказал Элиас. — Где вы его нашли?

— В этой пещере. Но он меня сильно поцарапал. Положите его в мешок, у меня уже устала рука.

Элиас достал большой мешок, и я осторожно опустил в него дикобраза. Это была первая моя встреча с дикобразом, и, поймав его собственными руками, без чьей-либо помощи, я чувствовал себя героем.

Африканский дикобраз, или, как его называют местные жители, чук-чук, встречается в Камеруне довольно часто. Его можно найти в любом уголке страны и в самой различной местности. Значительная часть слабо выраженных, извивающихся тропинок в лесах проложена в результате почных прогулок этих грызунов. Как я узнал позднее, дикобразы могут везде устраивать себе убежище, но больше всего они предпочитают пещеры, в особенности пещеры с узким входом, расположенные под массивными скалами. Почти в каждой пещере можно найти следы их пребывания: отпечатки лап на песчаном полу, несколько выпавших игл, недоеденные плоды.

В одной пещере я нашел орех, недавно сорванный с пальмы; это доказывало, что дикобраз проделал за ночь очень длинный путь, так как до ближайшей плантации, где он мог добыть этот орех, было не менее шести миль. В другой пещере я нашел доказательства того, что дикобразы забавляются примерно так же, как это делают в Англии выдры. В этой пещере одна каменистая стена спускалась к полу под углом в сорок пять градусов. Этот склон был отполирован телами дикобразов. Судя по следам на песке, дикобразы забирались на верхушку ската, съезжали по нему вниз, снова взбирались наверх и снова съезжали вниз. Этой веселой игрой в пещере занимались, по-видимому, уже многие поколения дикобразов, так как поверхность склона блестела, как стекло. Местное название дикобраза происходит, очевидно, от английского жаргонного словечка «чук», подразумевающего колючку, шип и в особенности медицинский шприц. В английском

жаргоне множественное число существительных образуется путем простого повторения, поэтому и дикобраз получил в Камеруне название «чук-чук». Я нашел это название очень подходящим, так как после первой встречи с дикобразом я был весь исцарапан и у меня все болело. Через два дня дикобраз стал совсем ручным и подходил к двери клетки, чтобы взять пищу из моих рук. Но он еще оцетинивался, дергал хвостом и топал ногами, когда я пытался коснуться его рукой. Позже он стал подходить к решетке и позволял мне щекотать ему уши и почесывать подбородок, но только при том условии, чтобы нас разделяла решетка.

Покурив и описав в самых лестных для меня красках историю пленения дикобраза, я предложил идти дальше. Вскоре мы захватили новый трофей, что также доставило мне большую радость. Хотя это и не был такой интересный зверь, как дикобраз, тем не менее он тоже был мне очень нужен. На ветке футях в десяти от земли я заметил при свете фонаря двух спящих хамелеонов. Они лежали почти рядом, большие глаза их были закрыты, ноги подбраны, туловища отливали бледной и обманчивой серебристо-зеленой окраской. Мы обломили ветку и стряхнули хамелеонов в мешок, прежде чем они проснулись и успели понять, что произошло. Я предполагал, судя по тому, что они спали на одной ветке, что это самец и самка в период спаривания. Оказалось, что я был прав, через несколько недель самка отложила на дно клетки пять белых яиц, очень похожих по размерам на воробьиные.

Запрятав в мешок хамелеонов, я почувствовал такое воодушевление, что, ни на минуту не задумываясь, вступил бы в единоборство с леопардом, если бы он повстречался мне на пути. К счастью для меня, эти большие кошки в Камеруне исключительно осторожны. В одном месте наши фонари неожиданно осветили двух маленьких галаго. В Камеруне встречаются три вида галаго, и два из них, насколько мне было известно, не были еще представлены в зоологических садах Англии. Точно определить вид, к которому принадлежит животное, сидящее на высоте двадцать футов и освещенное слабым светом фонаря, было невозможно, поэтому я решил преследовать со всей энергией и решительностью любую обезьяну, хотя бы отдаленно напоминающую галаго. Так мы поступили и с замеченной нами парой, которая карабкалась по лианам, поглядывая на нас огромными, сверкающими как крупные рубины глазами. Поимка галаго явно была не под силу одному человеку, поэтому, оставив Андраю с фонарем, я и Элиас с разных сторон подошли к дереву, вскарабкались на него и начали приближаться к обезьянам. Они очень походили на пару маленьких пушистых котят, с поразительной грацией и ловкостью прыгавших по лианам. Постепенно мы подобрались к обезьянам, и я приготовил свой сачок.

Д После дикобраза и двух хамелеонов я рассматривал предстоящее приключение как детскую игру. В тот момент, когда я кинулся к галаго и попытался их поймать, с головокружительной быстротой произошли три события: моя рука коснулась чего-то длинного, тонкого и холодного, начавшего скользить и извиваться, сачок выпал из моей руки и полетел на землю, галаго испугались произведенного мною шума, прыгнули и исчезли в темноте.

Я замер на месте, не рискуя двигаться по ветвям, так как не знал ни точного местонахождения змеи, ни того, какого она вида.

— Андрая! — крикнул я вниз. — Посвети мне сюда. Здесь змея, и она меня укусит, если я ее не увижу.

Андрая отозвался на крик, навел фонарь на ветку, и я увидел змею. Она свернулась кольцом на пучке веток и листьев на расстоянии фута от моей руки. Задняя часть ее тела обвилась вокруг ветви, но передняя часть была свободна, прогнулась вперед и, очевидно, была готова к боевым действиям. Змея была тонкая, с коричневой кожей и темными пятнами на ней, с короткой тупой головой, на которой выделялась пара больших глаз. Длина змеи, вероятно, достигала двух футов. Мы настороженно рассматривали друг друга. Ловить ее мне было нечем, лихорадочные поиски в карманах дали мне лишь короткий кусок бечевки. Связав из бечевки скользкий узел, я отломил большую ветку и прикрепил к ней свой самодельный силок. В это время змея решила расстаться со мной и начала быстро скользить по ветвям. Держась ногами и одной рукой на ветви, я трижды тщетно пытался накинуть силок на тонкую шею змеи. Лишь четвертая попытка увенчалась успехом, и я крепко стянул узел; змея зашипела и свернулась в клубок вокруг узла. Привязав к рукоятке силка платок, чтобы легче найти его на земле, я предупредил Андраю и бросил силок со змеей вниз. Когда я спустился, змея находилась уже в мешке. Я был очень расстроен исчезновением галаго. В дальнейшем мне больше ни разу не доводилось встречать их в лесу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИСКОПАЕМОЕ КУСАЕТСЯ

Привлекательность работы зверолова в значительной степени определяется неожиданностью складывающихся обстоятельств, невозможностью заранее предсказать результат каждого выхода в лес, каждой встречи с животными. Отправляясь утром в лес с единственной целью наловить летучих

мышей, я возвращался вечером с огромным удавом в сетях, с сумками, заполненными птицами, и с большим количеством гигантских тысяченожек в карманах. Затратив несколько недель на бесплодные поиски в лесу редкой разновидности белок и решив наконец остаться на один день в лагере и отдохнуть, я увидел двух представителей этой разновидности, беззаботно играющих в ветвях деревьев над моей палаткой. Желая застраховать себя от всяких случайностей, я брал с собой в лес двадцать помощников, вооруженных всевозможными принадлежностями для поимки любых животных, от слона до мухи, и в течение дня мы ничего не находили. У меня, например, было твердое убеждение, что какое-либо животное предпочитает определенный тип местности: скажем, лесные поляны. Рассказы и сообщения путешественников единодушно подтверждают этот факт. И вот я начинаю тщательно обследовать все поляны на расстоянии многих миль, устанавливаю капканы, прокуриваю поляны дымом, буквально прочесываю местность. Мне попадаются многочисленные разновидности крыс, мышей, кузнечиков, змей и ящериц, но только не то животное, которое мне нужно. Зная, однако, что встретить его можно только на лесных полянах, я продолжаю поиски. Обследовав территорию, дважды превосходящую по размерам площадь аргентинской пампы, я прекращаю поиски и через неделю нахожу это животное в густом лесу милях в двадцати от ближайшей поляны. В подобных курьезах есть, конечно, много раздражающего, утомительного, но, как я уже говорил, и много интересного и захватывающего; отправляясь в лес, никогда нельзя предвидеть, вернешься ли в лагерь с пустыми руками или с несколькими нужными драгоценными экземплярами.

В Камеруне, как и в других странах, имеется множество интересных животных, и по крайней мере половина из них ни разу еще не была представлена в живом виде в Англии. Некоторые виды животных никогда не переходили даже границы лесов Камеруна. Есть и такие редкие звери, о которых знают лишь по двум-трем шкуркам в различных музеях мира; об образе жизни и привычках этих зверей совершенно ничего не известно. О некоторых зверях ученые знают только то, что они действительно существуют в природе. Таких зверей, разумеется, мы мечтали поймать в первую очередь. Представления об образе жизни и привычках зверей можно получить двумя способами: либо наблюдая за ними на воле, либо изучая их жизнь в заточении. Поскольку подавляющее большинство зоологов лишено возможности выезжать в различные уголки земного шара и наблюдать за живущими на свободе зверями, приходится в основном пользоваться вторым способом — вылавливать зверей и отправлять их к месту жительства зоологов. В связи с этим я считал более важным поймать зверя, еще не попадавшего в плен живьем, даже если этот зверь величиной не больше

Д

мыши, чем ловить более крупных, но хорошо известных животных. К сожалению, охотники, кроме всего прочего, связаны также и финансовыми соображениями, а более крупные, представительные животные оплачиваются значительно выше.

Больше всего я хотел поймать ангвантибо — маленького, исключительно редкого лемура, который живет только в лесах Камеруна. Специальное задание на его поимку я получил от Лондонского зоологического общества, не имевшего еще такого экземпляра, представляющего огромный интерес для натуралистов и анатомов. У меня был при себе только один экземпляр рисунка этого уникального зверька. С каждым днем этот рисунок становился все более грязным и засаленным, так как я показывал его каждому приходившему ко мне охотнику и умолял его поймать и принести мне этого лемура. Неделя проходила за неделей, никаких сведений о лемуре я не получал, и настроение мое заметно ухудшилось. Я значительно повысил цену за поимку зверька, но и это не дало никаких результатов. Было известно, что ангвантибо ведет ночной образ жизни, поэтому при каждом ночном выходе я просил Элиаса и Андраю показывать мне участки леса, особенно густо заросшие лианами и другими выющимися растениями, надеясь случайно обнаружить нужную мне обезьяну. Во время одного из этих тщетных поисков лемура мы встретили другого, почти такого же редкого и интересного зверька.

Однажды ночью мы прошли по лесу несколько миль, много раз взбираясь на заросшие лианами деревья, но не обнаружили ни одного живого существа. В самом мрачном настроении мы сели отдохнуть и покурить. Элиас предложил дойти до протекающей неподалеку речки и поискать детенышей крокодила. Решив, что после такой неудачной охоты даже маленький крокодил представит для нас некоторую ценность, я принял предложение Элиаса. В эту ночь нас было четверо: к постоянному нашему составу присоединился молодой парень по имени Амос, на которого мы нагрузили все сети, сумки и мешки. После нескольких ночных вылазок я убедился, что у меня и моих помощников во время охоты руки должны быть свободны. Амос оказался для нас довольно странным спутником. Казалось, он совершенно не понимал цели наших ночных прогулок, и я никак не мог ему втолковать, что поймать или даже просто увидеть зверей можно лишь при условии соблюдения полнейшей тишины. Он часто спотыкался, с грохотом ронял жестяные банки, с шумом раздвигал кустарник и при каждом удобном случае цеплялся за ветки различными частями своего груза. Мы тратили больше времени на высвобождение Амоса из кустов, чем на поиски зверей.

Речка текла по гранитному дну, перовности которого образовали большое количество водопадов и заводей. Кое-где вода пробивалась сквозь ска-

лы, русло делилось на три и более протоков с каменистыми островками посредине. На тех участках, где речка текла спокойно, вода наносила на берег белый песок, блестящий при свете фонарей как слоновая кость. Вырезав себе палки с развилиной на конце, мы спустились в воду и пошли вверх по течению. Через полчаса мы заметили на узком песчаном берегу два свирепно сверкающих глаза. Мы осторожно приблизились и увидели маленького крокодила длиной около восемнадцати дюймов. Он лежал на песке, приподняв голову, и настороженно следил за нашим приближением. Ослепив его светом фонарей и подойдя к нему вплотную, мы палками прижали его голову к земле. После продолжительных переговоров с Амосом, который упорно отказывался подойти к нам со своей амуницией, мы благополучно положили крокодила в коробку. Со значительно улучшившимся настроением мы направились дальше и скоро увидели высокие, футов до двадцати, скалы, между которыми с шумом неслись вспененные воды реки. Влажная поверхность скал заросла папоротником и бегонией. С большими предосторожностями стали мы подниматься вверх. На полпути, пробираясь по узкому выступу над обрывом, я заметил пританцовывающую под пучком папоротников толстую и красивую жабу. Она учащенно дышала и равнодушно смотрела на меня; преобладающим у нее был яркий горчично-желтый цвет. Такой жабы у меня еще не было, и я решил присоединить ее к моей коллекции. Сделать это, однако, было трудно, я стоял на узком уступе и руками держался за неровную, бугристую поверхность скалы. Поверхность эта была влажной и скользкой, и мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы не сорваться с обрыва в бурные, пенящиеся между камнями воды реки. Взглянув вверх, я увидел, что Элиас уже достиг вершины и теперь, перегнувшись через край, фонарем освещает мне путь.

— Элиас! — крикнул я. — Здесь жаба, но я не могу ее схватить. Спусти мне конец своей повязки, я возьмусь за нее и другой рукой поймаю жабу.

Элиас немедленно развязал набедренную повязку и протянул мне один ее конец. Она оказалась слишком короткой. Я обругал себя за то, что не догадался взять из лагеря веревку.

— Возьми повязку у Андраи и свяжи их вместе, — приказал я.

Наверху послышался оживленный спор. Очевидно, Андрая считал себя скромным человеком и не хотел остаться на вершине водопада совершенно обнаженным. Наконец сверху спустились повязки с большим узлом посредине. Схватившись за конец повязки, я получил возможность освободить одну руку и поймать жабу. Оказалось, однако, что, пока я был занят другими делами, жаба ускокала от меня по уступу на шесть футов. Держась за повязку, я последовал за ней. Жаба присела на самом краю уступа, и, двигаясь вслед за ней, я должен был полностью рассчитывать на прочность

Д моей импровизированной веревки. Сделав резкое движение, я схватил жабу за заднюю лапу. Напуганный зловещей картиной бушующего под моими ногами водопада, я инстинктивно взглянул вверх и увидел, что связывающий обе повязки узел начинает расходиться. В тот самый момент, когда я добрался до прежнего места, узел развязался. Андрая с грустью следил за тем, как его повязка упала в реку и закружилась в водовороте.

Когда мы достали платок Андрай и собрались на вершине, я осмотрел жабу. Можно понять мои чувства, когда выяснилось, что эта жаба — представительница наиболее распространенного в Камеруне вида, изменившая окраску в период беременности. Я выпустил ее, и она медленными размеренными прыжками с удивленным выражением на морде усакала в кусты. Мы шли по берегу реки, kloкотавшей и пенившейся между большими камнями, и искали крокодилов. Вскоре были пойманы еще два детеныша. Затем мы около часа шли по воде и ничего за это время не обнаружили. Амос успел уже устать и, шагая далеко позади нас, периодически издавал громкие жалобные стоны. Я понимал, что он адресовался не к нам, а просто вслух изливал свои чувства, тем не менее его стоны раздражали меня. Элиас и Андрая шли впереди, освещая путь фонарями, я нес все наши рогатины. Когда прошло, как мне показалось, несколько часов и нам не встретилось ни одно живое существо, я выкинул рогатины, по наивности полагая, что мы в любой момент сумеем их вырезать снова. Вскоре после этого Элиас остановился, навел куда-то фонарь и протянул ко мне свободную руку за рогатиной. Я ответил, что потерял ее.

Выразив справедливое возмущение, Элиас достал свой нож мачете и осторожно начал двигаться вперед. Я вглядывался, пытаюсь понять, что он обнаружил, и заметил впереди на песчаном берегу что-то темное и длинное, напоминающее по очертаниям крокодила, блекло отсвечивавшее при свете фонаря. Элиас подкрался ближе, сделал быстрый бросок и попытался прижать лежавшего зверя к песку плоской поверхностью ножа. Это ему, однако, не удалось, зверь проскользнул между ногами Элиаса и, нырнув в воду, быстро поплыл в сторону Андрай. Тот бросился ему навстречу, но зверь проскочил мимо него и, похожий на миниатюрную торпеду, устремился в мою сторону. Я был убежден, что мы имеем дело с крокодилом, поэтому, когда животное приблизилось ко мне, я бросился на него, стремясь сверху схватить его голову. Зверь судорожно метнулся в сторону, я почувствовал, как его тело скользнуло по моей груди, руки мои не успели ухватиться за него, и он поплыл дальше. Теперь на пути зверя оставался только Амос. Андрая, Элиас и я наперебой кричали, объясняя, что ему нужно делать. Амос остановился и с разинутым ртом смотрел на плывущего зверя. Приблизившись к Амосу, не сделавшему ни малейшей попытки

схватить его, зверь проплыл мимо него и спокойно направился дальше, поднимая легкую волну. Он успел доплыть до груды крупных камней на берегу, а Амос все еще стоял неподвижно и следил за ним.

— Почему ты его не схватил, дурень ты этакий? — закричал Элиас.

— Я его вижу, — уклоняясь от ответа на заданный вопрос, отозвался Амос, — он спрятался под тем камнем.

Втроем бросились мы к нему, поднимая вспененные волны. Амос показал нам скалу, под которой спрятался зверь. Скала находилась около воды, чуть выше поверхности воды виднелось отверстие, в котором скрылся зверь. Глядя нетерпением скорее рассмотреть нору, Элиас и Андрая одновременно склонились к ней и стукнулись с размаху головами. После короткой перебранки Андрая снова наклонился и засунул руку в нору с целью определить, какова ее длина. Зверек, очевидно, приготовился к таким действиям, через мгновение Андрая с криком боли вытащил обратно окровавленную руку.

— Этот зверь кусает людей, — произнес Элиас с видом человека, сделавшего важное открытие.

С трудом удалось нам доказать Андрае, что именно ему, как самому высокому из нас, следует снова просунуть руку в нору и извлечь оттуда зверька. В ходе острой дискуссии Элиас и Андрая взаимно обвинили друг друга в трусости и успешно доказали ошибочность подобного утверждения.

Андрая лег на живот в шести дюймах от воды и стал медленно вводить руку в нору, все время объясняя нам, как умно он это делает. Затем наступило короткое молчание, нарушавшееся только яростным сопением Андраи, старавшегося нащупать зверя. Вдруг раздался торжествующий крик, Андрая вскочил на ноги и выпрямился, держа зверька за хвост.

До последней минуты я был уверен, что мы имеем дело с очередным детенышем крокодила, поэтому, увидев находящегося в руке Андраи зверя, я был сильно удивлен. Андрая раскачивал за хвост крупную, с приглаженной шкуркой водяную землеройку. В страшном гневе она издавала из-под густых, пушистых усов свистящие, похожие на шипение змей звуки. Меньше всего рассчитывал я этой ночью на поимку такого зверя. С восторгом и изумлением смотрел я сейчас на это сказочное существо. Землеройке, однако, быстро надоело висеть на собственном хвосте, она слегка повернулась, грациозно подтянула свое мускулистое, гибкое тело и впилась зубами в большой палец Андраи. Гордый охотник взметнулся в воздух, разразился душераздирающими криками боли и стал дергать рукой, стараясь вырвать палец из зубов зверька. Элиас и я включились в борьбу, пытаясь помочь Андрае, но землеройка как будто была очень довольна своим положением и пряча от времени только двигала челюстями, словно показывая, что она

Д тоже принимает какое-то участие в борьбе. После длительных усилий, во время которых Андрая оглушил нас своими криками и обращениями за помощью к всевышнему, нам удалось отцепить зверька и бросить его, извивающегося, свистящего, в мешок. Затем я осмотрел руку Андраи. Весь верхний сустав большого пальца был залит кровью; когда я смыл ее, оказалось, что зубы землеройки основательно искалечили палец. Укус дошел до кости, мясо висело лохмотьями, палец обильно кровоточил. Я решил немедленно возвращаться домой, отчасти из-за пальца Андраи, отчасти и потому, что хотел как можно скорее поместить моего нового пленника в хорошую, удобную клетку. Мы быстрым шагом направились к деревне. Стоны Амоса и Андраи придавали нашему шествию вид похоронной процессии, а не triumфального возвращения охотников после удачной охоты.

Пока я переодевался в сухую одежду, Элиас сбегал в деревню и разбудил Плотника. Мы приступили к сооружению специальной клетки для драгоценного зверька. Бледно-зеленое небо уже начало окрашиваться предрассветным румянцем, когда мы заколотили последний гвоздь; я бережно раскрыл мешок и осторожно вытряхнул землеройку в ее новое жилище. С минуту она сидела неподвижно, медленно поводя пышными усами, затем быстро скользнула в темную спальню. Внутри послышался шорох расстеленных сухих банановых листьев, раздался глубокий вздох, после чего все умолкло. Водяная землеройка переносила заточение очень спокойно. Весь персонал лагеря был мобилизован на обслуживание пленника. Я направил слуг к ближайшей речке за рыбой, лягушками, ужами и крабами. Двух помощников я срочно откомандировал в Мамфе, поручив им достать пустую бочку, которую можно было бы переоборудовать в ванну для землеройки. Каждые пять минут я подходил к клетке, чтобы убедиться, что землеройка еще жива. Вскоре мне принесли полную корзину крабов, шесть лягушек, десять рыб и неподвижного ужа. Придвинув все это ближе к клетке, я начал кормить зверька.

Когда я постучал в дверцу спальни, землеройка выскочила в открытую часть клетки; впервые я получил возможность рассмотреть ее при солнечном свете. В длину она имела около двух футов, из которых больше половины приходилось на хвост. Эта сильная мускулистая часть тела зверька была приплюснута не сверху, как, например, у выдры, а с боков, как у головастика. Хвост был покрыт короткими лоснящимися волосами, и казалось, что он обтянут темной полированной кожей. Вся верхняя часть туловища была черной, лапы, живот, горло и грудь — белыми. У землеройки было маленькое коренастое тело и странно приплюснутая голова. Часть морды около носа казалась распухшей и увеличенной, на ней густо рос пучок жестких белых усов. Сверху голова зверька удивительно напоминала го-

ловку молотка. У землеройки были маленькие изящные лапки, из густого меха на верхней части морды блестели крошечные бисеринки глаз.

Приоткрыв немного дверцу клетки, я бросил туда змею. Землеройка, приблизившись к ужу, настороженно ошетишила усы. Уж сделал слабое движение, землеройка фыркнула, быстро отскочила назад и издала резкий свист, который я уже слышал ночью. Убрав ужа, я бросил в клетку лягушку, результат получился такой же. Тогда я бросил в клетку рыбу, служившую, по прежним описаниям, единственной пищей для водяной землеройки, и снова зверек отказался от еды. Землеройка уже начинала уставать от такой игры и поглядывала в сторону спальни, когда я бросил внутрь большого краба. Зверек приблизился к крабу, обнюхал его и, прежде чем краб успел приготовить к обороне свои клешни, перевернул его на спину и почти разорвал пополам одним кусом в живот. Выполнив это, землеройка приступила к трапезе, громко хрустя зубами и шевеля усами. В течение получаса она уничтожила четырех крабов. Таким образом, проблема питания на некоторое время была благополучно решена.

На следующий день, спотыкаясь под тяжестью огромной бочки из-под керосина, из Мамфе вернулись посланные туда носильщики. Бочку разрезали по высоте надвое, очистили ее от ржавчины и кипятили в ней в течение двадцати четырех часов воду, чтобы совершенно отбить запах керосина. Убрав на время из клетки землеройку, мы пристроили ко дну клетки выдвижную дверцу. После этого клетка была установлена на очищенной половине бочки. Выдвигая и задвигая дверцу, я имел возможность впускать и выпускать землеройку из клетки в бассейн и обратно. Зверьку это пришлось по вкусу, каждую ночь он громко свистел и урчал в бассейне, преследуя очередного краба. Я обратил внимание на то, что вода в бассейне очень быстро портится. Приходилось менять ее по три раза в день, к большому неудовольствию мальчика-водоноса. Землеройка, разместившись в удобном помещении с доступом к воде, прижилась очень хорошо и уничтожала ежедневно по двадцать — двадцать пять крабов, что оказалось очень выгодным для ребятшек, каждое утро приносивших их в лагерь в больших количествах.

Гигантская водяная землеройка — одно из наиболее интересных животных, встречающихся в Западной Африке. Это поистине доисторическое существо, чудом сохранившееся до наших дней, — теплокровное, дышащее, кусающее ископаемое. *Potomagale velox*, как его называют ученые, впервые был открыт дю Шайю — человеком, рассказы которого об охоте на горилл вызвали в XIX веке столько сомнений у современников. В связи с тем что он имел склонность приукрашивать достоверный фактический материал домыслами богатого воображения, каждое его утверждение или

Открытие представлялось зоологам сомнительным. Однако в отношении *Potomagale* он, очевидно, ограничился лишь повторением того, что ему рассказали местные жители. Благодаря этому он наделил зверя в своем изложении такими привычками и вкусами, которые совершенно не соответствуют действительности.

Единственным родственником *Potomagale* является маленькое, похожее на мышь существо — *Geogale*, живущее на Мадагаскаре. Так как ископаемые формы *Potomagale* до сих пор не обнаружены, то нельзя пока определить, к какому времени относится его появление на Земле. Известно лишь, что он имеет древнюю историю и что много тысячелетий назад, в период, который геологи называют меловым, на Земле жил зверь с труднопроизносимым названием *Palaeoryctes*. Это первое известное в истории насекомоядное и следует считать предком нынешних *Potomagale*. Большое сходство имеют и их зубы, только у *Potomagale* они значительно крупнее. Таким образом, родословная гигантской водяной землеройки восходит к тому периоду, когда на нашей планете еще не было людей. У землеройки есть еще одна особенность, которая резко отличает ее от других насекомоядных и подчеркивает ее «аристократическую» уникальность: у нее нет ключицы.

Меня начала тревожить новая проблема: чем кормить землеройку во время длительного путешествия в Англию? Я, конечно, могу захватить большое количество живых крабов, но запас этот постепенно иссякнет, а в Англии, насколько мне известно, пресноводные крабы не водятся. Единственный выход — заранее приручить землеройку к другой пище, но при этой мысли у меня опускались руки. Я припомнил, что камерунцы ловят пресноводных креветок, сушат их на солнце и продают на базарах в качестве превосходного добавления к земляным орехам, блюдам из пальмового масла и другим предметам питания. Я решил испробовать сушеных креветок в качестве заменителя крабов и направил одного из слуг на ближайший базар, поручив ему приобрести несколько фунтов этого товара. Маленькие, сухие, как бисквиты, кусочки креветок я смешал с сырым яйцом и мелкими кусками разваренного мяса. Затем я выпотрошил двух крабов и заполнил их животы отвратительной смесью. Закончив все приготовления, я подошел к клетке и бросил в нее маленького живого краба, с которым землеройка быстро расправилась. После этого я кинул в клетку фаршированного краба. Подскочив к нему, зверек начал жадно грызть его. После нескольких укусов землеройка перестала есть, подозрительно обнюхала краба (в этот момент я затаил дыхание) и с минуту разглядывала его. Затем, к моей радости, она снова набросилась на краба и съела его без остатка.

Постепенно приучал я землеройку к этой новой пище, делая ее основным продуктом питания и лишь приправляя четырьмя-пятью живыми кра-

бами. Я уже готовился продемонстрировать землеройку Джону в Бакебе, речесчитывал хвастливый рассказ о том, как легко содержать гигантскую водяную землеройку, — и вдруг мой драгоценный пленник скончался. В одну из ночей он находился в превосходном настроении и состоянии, а на следующее утро я нашел его мертвым. Помещая тело зверька в бутылку с формалином, я с горечью подумал, что упустил единственный в своей жизни шанс привезти живьем в Англию это уникальное и очаровательное существо.

Один из неписаных законов охоты гласит, что, как бы трудно ни было поймать первый экземпляр редкого вида животных, следующие представители этого вида попадаются значительно чаще и достаются охотнику значительно легче. Поэтому я был обрадован, но не очень удивлен, когда спустя некоторое время в лагерь пришел молодой парень, принесший сплетенную из прутьев корзину для ловли рыбы, на дне которой свернулась молодая водяная землеройка. Это была самка не старше нескольких месяцев от роду, длина ее вместе с хвостом составляла двенадцать дюймов против двух футов умершего самца. Я был воодушевлен такой удачей и надеялся, что молодой зверек гораздо быстрее привыкнет к неволе и новой диете, чем его взрослый предшественник. Мои расчеты оправдались, через двадцать четыре часа землеройка уже ела приготовленную по моему рецепту пищу, громко фыркала в бассейне и разрешала мне почесывать у нее за ухом — польность, которую самец никогда не допускал. В течение месяца она благополучно жила в клетке, хорошо питалась и быстро росла. Я был убежден, что привезу в Англию первую живую водяную землеройку. Однако, словно предостерегая меня от излишнего оптимизма и стремясь доказать, что ловить зверей отнюдь не так просто, как это иногда кажется, судьба сыграла со мной злую шутку. Однажды утром, подойдя к клетке, я обнаружил, что землеройка мертва. Смерть наступила, очевидно, по таким же загадочным и непонятным причинам, как и у самца. Накануне ночью она была оживленна и весела, как обычно, во время последнего кормления ела много и с аппетитом.

Гигантская водяная землеройка была крупнейшим достижением наших почных охот. Потеряв надежду на поимку ангвантибо (я решил, что такого зверя вообще не существует), я хотел еще раз попытаться счастья с землеройкой. После смерти второй землеройки охотники, воодушевленные назначенной мною ценой, рыскали по всем речкам и ручьям в поисках третьего экземпляра. Никто из них, однако, не добился успеха, и после двух недель интенсивных ночных поисков, в ходе которых я сам страшно устал, я решил забыть о землеройках и ангвантибо, прекратил ночные вылазки и полностью занялся лагерем. Непрерывно увеличивавшаяся коллекция животных доставляла мне все больше хлопот.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОХОТНИКИ И ЗВЕРИ

Для оборудования нашего лагеря в густых зарослях на окраине леса была расчищена прямоугольная площадка. Футах в пятидесяти от лагеря протекала маленькая речушка, проложившая себе русло в краснозем. Моя палатка сверху была еще прикрыта слоем банановых листьев. Рядом с ней находилось довольно большое по размерам помещение — зверинец. Построен он был очень просто: циновки из банановых листьев закрывали сколоченный из тонких жердей каркас, и все это было стянуто и перевязано длинными гибкими лианами. Напротив моей палатки в небольшом шалашике размещалась кухня, а немного дальше, за высокими густыми кустами, стояла хижина для слуг.

Потребовалось много времени и сил, чтобы лагерь был построен в соответствии с моими планами и вкусами. В период строительства три бригады одновременно сооружали три различных помещения и на площадке царили невообразимые шум и суматоха. Участок был по колено завален свернутыми лианами, циновками из пальмовых листьев, ящиками с консервами, проволоочными силками, сетями, клетками и различными другими предметами. Строители размахивали своими мачете с такой быстротой и беззаботностью, что мне оставалось только удивляться, как они не зарубили друг друга во время работы. В этот шум влетались и пронзительные женские голоса. В лагерь приходило много женщин самого различного возраста: и сморщенные старухи с плоскими грудями, коротко остриженными седыми волосами и дымящимися черными трубками во рту, и пышные молодые женщины с лоснящимися телами и звонкими задорными голосами. Одни приносили мужьям еду, другие показывали мне глиняные бутылки с лягушками, жуками, крабами и рыбками, которых они выловили в реке или около нее и надеялись теперь выгодно продать.

— Маса! маса! — кричали они, размахивая бутылками. — Вы купите этих крабов? Вам нужны такие животные?

Вначале, когда у меня еще не было клеток и помещений для зверей, я вынужден был отказываться от подобных покупок. При этом я опасался, что местные жители утратят интерес к моей затее и перестанут доставлять мне животных и пищу для них. Но мои опасения быстро рассеялись; некоторые женщины приходили ко мне по три-четыре раза в день с одним и тем же товаром, рассчитывая, очевидно, что я изменю свое решение.

После завершения основных работ по устройству лагеря мы приступили к строительству клеток для животных. С этой целью я пригласил в ла-

терь человека, работавшего ранее плотником; он принес с собой целую кучу разбитых ящиков и приступил к работе. Строил он быстро и добротнo, не обращая ни малейшего внимания на царившие в лагере шум и суматоху. Вскоре у меня появился запас клеток, и я получил наконец возможность размещать пойманных зверей. По окрестным деревням разнеслась весть, что мы начал покупать животных. Очень скоро тонкая струйка продавцов переменила сначала в широкий ручей, а затем и в бурный стремительный поток, угрожавший захлестнуть меня и Плотника. В отдельные дни мы работали до двух-трех часов ночи при свете фонарей, лихорадочно сколачивая клетки, а в это время около нас на земле лежали мешки и сумки, колыхавшиеся и дергавшиеся при каждом движении заключенных в них пленников.

Ловцы животных делились на три категории: дети, женщины и охотники. Дети приносили различных пауков, больших коричневых пальмовых долгоносиков, хамелеонов разных видов, очаровательных серебристых и коричневых лесных птишек. У женщин я покупал речных и сухопутных крабов, лягушек, жаб, ужей, изредка черепах и птенцов различных птиц, а также больших усатых рыб из заросших тиной заводей. Наиболее интересных пленников приносили мне охотники. Я покупал у них мангустов, африканских дикобразов, белок и других редких обитателей лесной чащи. Дети охотно брали в обмен за свои товары большие блестящие западноафриканские монеты с отверстием в центре. Женщины просили рассчитываться с ними шиллингами и часть оплаты принимали не деньгами, а солью. Охотники требовали только наличные деньги, при этом они очень не любили бумажные ассигнации и предпочитали вместо одной бумажки набрать фунта на два мелких монет по одному пенни. В лагере появлялись и миленькие карапузы, лишь недавно начавшие ходить, и старики и старухи, едваковыляющие при помощи палок. Каждый из них обязательно приносил с собой какое-либо живое существо в сумке, корзине, бутылке или банке. Многие появлялись в лагере совершенно голыми, завернув пленника в небрежную повязку. Каждая коробка и корзинка использовалась в качестве клетки, каждая банка из-под керосина тщательно промывалась и вскоре наполнялась лягушками или змеями. Повсюду висели бамбуковые клетки с птицами, к каждому столбику или пню были привязаны обезьяны и мангусты. Комплектование моей коллекции шло полным ходом.

Однажды рано утром, когда я брился, около палатки появился высокий мрачный человек с мешком из пальмовых листьев на спине. Сбросив мешок к моим ногам, он молча уставился на меня. Я позвал Пайоса, следившего в это время за приготовлением завтрака на кухне.

— Что принес этот человек? — спросил я его.

Пайос задал мой вопрос прищелкнув.

Д

— Речной зверь, — последовал лаконичный ответ.

— Какой речной зверь? Посмотри, что у него в мешке, а я пока закончу бриться.

Пайос подошел к мешку, осторожно развязал его и заглянул внутрь.

— Крокодил, сэр, только мне кажется, что он мертв.

— Он не двигается?

— Нет, сэр, он совершенно неподвижен, — ответил Пайос и вытряхнул из мешка крокодила длиной в четыре с половиной фута. Шлепнувшись на землю, крокодил остался лежать с закрытыми глазами.

— Он мертв, сэр, — повторил Пайос и повернулся к охотнику. — Зачем ты принес мертвого зверя? Ты думаешь, маса такой глупый, что будет платить тебе за мертвого зверя?

— Речной зверь не мертв, — ответил охотник.

— Не мертв? — гневно переспросил Пайос. — Смотри! — он схватил мешок и ударил им крокодила. Тот открыл глаза и мгновенно вернулся к жизни. Проскользнув в ногах у помощника, отпрыгнувшего с диким криком в сторону, крокодил проскочил мимо тщетно пытавшегося его задержать охотника и начал удирать по направлению к кухне. Втроем бросились мы вдогонку. Преследуемый нами крокодил, не имея времени свернуть в сторону, врезался в стену кухни (в качестве стены служила циновка из банановых листьев). В тот момент, когда мы вбежали в кухню, крокодил исчезал в противоположной се стене. Легко представить изумление, которое вызвало у поваров появление неожиданного гостя. В кухне возник полнейший беспорядок. Помощник повара уронил на пол сковороду с завтраком. Повар, сидевший на банке из-под керосина, свалился в корзину с яйцами и свежими мягкими фруктами. Пытаясь встать на ноги, он опрокинул кастрюлю с холодным пудингом. Крокодил тем временем устремился к лесу, к его чешуе прилипли пенел и куски пудинга. Сняв на бегу свой халат, я прыгнул и накрыл им голову крокодила. Обмотав ему морду халатом, я лишил крокодила возможности раскрывать челюсти и кусаться. Успел я вовремя, так как до густых зарослей кустарника на краю лагеря ему оставалось пробежать всего несколько ярдов. Сидя в пыли и крепко вцепившись в крокодила, я торговался с охотником. В конце концов мы с ним договорились о цене, и крокодил был помещен в небольшой бассейн, специально устроенный для этих пресмыкающихся. Крокодил не отпускал моего халата, значительная часть которого находилась уже у него в пасти. В этом вопросе мне пришлось ему уступить. Когда позднее я достал халат из бассейна, он уже не был пригоден к носке. Спустя несколько недель мне снова принесли крокодила, с которым произошла аналогичная история; вырвавшись из наших рук, он напугал поваров и опять оставил меня без завтрака. После этого случая пойманных крокодилов мы стали распаковывать непо-

средственно около бассейна и обязательно в присутствии трех слуг, готовых в любой момент предотвратить все попытки к бегству.

Вскоре после этого произошло событие несколько иного сорта. Однажды я допоздна сооружал клетку и лег спать около двенадцати часов ночи. Час спустя я проснулся от диких криков, доносившихся со стороны деревни. Я отчетливо слышал пропитательные восклицания, визг, хлопанье ладоней и громкие оживленные разговоры. Считая, что жители деревни отмечают какой-нибудь местный праздник, я попытался снова уснуть. Однако шум не только не утихал, но, наоборот, становился все громче. Среди деревьев замелькали огоньки, и я заметил приближавшуюся к лагерю толпу людей. Я вскочил и быстро оделся, пытаюсь сообразить, что могло побудить жителей деревни беспокоить меня в середине ночи. Толпа, в которой оказались почти все жители деревни, хлынула в лагерь. В центре беснующейся, жестикулирующей массы людей четыре человека несли на плечах огромную плетеную корзину, напоминавшую своими очертаниями гигантский банан. Они поставили корзину к моим ногам, и внезапно, словно по команде, наступила полная тишина. Вперед выступил высокий некрасивый мужчина в лохмотьях мундира цвета хаки. Почтительно поздоровавшись и приняв горделивую позу, он начал речь:

— Маса, я принес вам хорошего зверя. Я принес вам лучшего зверя, который водится в этой стране. Я хороший охотник, мне неведом страх, я пошел в лес и увидел этого зверя. Это очень сильный зверь, маса, но он не сильнее меня. Я очень сильный человек, у меня много силы, я...

Мне надоела эта напыщенная хвастливая болтовня, я устал и хотел быстрее увидеть зверя, купить его и снова лечь спать.

— Слушай, друг мой, — прервал я оратора. — Я вижу, что ты хороший охотник и сильный человек. Но прежде всего я хочу знать, какого зверя ты поймал.

— Хорошо, сэр, — сконфуженно ответил охотник и подвинул корзину к свету, чтобы я мог разглядеть ее содержимое. — Большая, большая змея, сэр, — объяснил он, — это боа.

В корзине, заполнив ее целиком, находился питон таких размеров, какого мне еще не приходилось видеть. Он был настолько велик, что не умещался в корзине; около трех футов хвоста змеи торчало наружу и было крепко притянуто лианами к внешней стороне корзины. Питон смотрел на меня сверкающими черными глазами и громко шипел. Я рассмотрел огромные размеры свившегося кольцами туловища, его глянцевитую, отсвечивающую при свете лампы пеструю кожу.

— Слушай, друг мой, — снова обратился я к владельцу змеи, — я не могу сейчас заниматься этим хорошим зверем. Оставь его здесь и приходи сюда утром. Мы посмотрим змею и договоримся о цене. Согласен?

Д

— Да, сэр, — ответил охотник.

С помощью зрителей мы перенесли тяжелую корзину в помещение для зверей и оставили ее на полу. Я выпил на змею два ведра воды, так как предполагал, что она уже давно страдает от жажды. Затем я разрезал путы, с такой силой стягивавшие хвост змеи, что на ее красивой коже отпечатались глубокие рубцы. В течение нескольких минут я массировал хвост, чтобы восстановить нормальную жизнедеятельность пострадавших участков туловища. После этого я выпроводил из лагеря всех гостей и снова лег спать.

Утром я внимательно осмотрел питона. По моему мнению, он был не- вредим, хотя длительное пребывание в тесной корзине, изготовленной, вероятно, уже после его поимки, доставило ему немало страданий. После продолжительного торга я купил змею по назначенной мною цене, и передо мной встал вопрос о помещении для нового экспоната. Выбрав самый большой из имевшихся в лагере ящиков, я дал задание Плотнику срочно сделать из него клетку для питона. К полудню клетка была готова, на дно ее мы подстелили толстый слой сухих банановых листьев, чтобы обеспечить питона мягкой постелью. Затем перед нами встала проблема перевода питона из корзины в клетку. При обычных обстоятельствах, имея несколько надежных помощников, переносить питона не так уж сложно. Один человек держит голову змеи, другой удерживает ее за хвост, а остальные придерживают в разных местах туловище. Если держать питона вытянутым в длину и не давать ему возможности свернуться в клубок, он становится совершенно беспомощным. Но все несчастье заключалось в том, что у меня не было надежных помощников. Местные жители считают питона ядовитой змеей, которая отравляет своим ядом не только при укусе, но и прикосновением острого кончика хвоста. Тщетно пытался я уговорить их схватиться за туловище змеи, соглашаясь взять на себя голову питона; мне объяснили, что каждый из них может погибнуть от соприкосновения с хвостом питона. У меня не было никакого желания, выпустив змею из корзины, остаться с ней один на один, без всякой поддержки разбежавшихся помощников. После продолжительных дебатов я рассвирепел окончательно.

— Слушайте, — обратился я ко всем присутствующим, — если через полчаса змея не будет в клетке, никто из вас не получит жалованья.

Сказав это, я прорезал крышку корзины, обхватил шею питона и начал медленно вытаскивать змею наружу. По мере появления туловища змеи дрожавшие черные руки, пара за парой, подхватывали его на некотором расстоянии друг от друга. Держа в одной руке голову питона, я дождался появления из корзины хвоста и схватил его другой рукой. Теперь питон был растянут по кругу; в моих руках были хвост и голова, а несколько перепуганных слуг осторожно удерживали его извивающееся тело. Введя хвост в клетку, мы стали медленно, фут за футом, вталкивать туда туловище змеи.

В заключение я рывком втолкнул туда голову змеи, захлопнул клетку и облегченно вздохнул. Мои соратники были восхищены собственным мужеством и темпераментно объясняли друг другу, какие трудности пришлось им преодолеть. Я послал слугу в деревню, поручив ему купить цыпленка, так как, по моим предположениям, питон уже должен был проголодаться. За ночь птица была съедена целиком, и я решил, что пленник чувствует себя хорошо. А затем произошла одна из тех неожиданностей, которые так часто осложняют нашу работу: на хвосте змеи, по-видимому в результате длительного наложения тугих жгутов, развилась гангрена. Эта болезнь, возникающая у животных, если их слишком крепко связывать, опасна и в странах прохладного климата; в тропиках же гангрена развивается и распространяется со страшной быстротой. В течение десяти дней положение питона сделалось безнадежным: он сохранял хороший аппетит, но загнивание хвоста распространялось все дальше, несмотря на применение обеззараживающих средств. Я вынужден был убить питона. Длина его составляла восемнадцать с половиной футов. При вскрытии оказалось, что это самка, внутри мы обнаружили несколько недоразвитых яиц. Питона такой величины я больше не видел, те экземпляры, которые мне приносили в дальнейшем, были значительно меньших размеров.

Общее мнение о работе зверолова сводится к тому, что охотнику нужно только поймать зверя и посадить его в клетку и на этом работа заканчивается. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа. С какими бы трудностями ни была связана поимка зверя, содержание его в неволе, связанное с поисками подходящей пищи, наблюдением за тем, как животное ест, не болеет ли оно, не занозило ли себе лапу в деревянной клетке, не тесно ли ему, доставляет охотнику значительно тяжелее. К этому прибавляются ежедневные чистки клеток и кормление зверей, заботы о том, чтобы животные не находились на солнце слишком много или, наоборот, слишком мало. Некоторые звери, попадая в неволю, совершенно отказываются от пищи, и приходится иногда часами изобретать всякие лакомства, чтобы соблазнить их на еду. Часто охотнику это удается, и зверь привыкает к определенному виду пищи. Но бывают и такие случаи, когда животное упорно отказывается от всякой пищи, и тогда остается единственный выход — отпустить его обратно в лес. В отдельных случаях, к счастью, чрезвычайно редких, мне не удавалось ни накормить животное, ни отпустить его. Так получалось с пойманными молодыми животными, лишь незадолго до поимки появившимися на свет. Наиболее мучительными для меня были случаи с молодыми дукерами, доставившими мне много тяжелых переживаний.

Дукеры — антилопы, встречающиеся только в Африке. Своими размерами они напоминают молодого фокстерьера, некоторые экземпляры дос-

Д тигают роста сенбернара, окраска их в гамме от голубовато-серой до ярко-рыжей. В окрестностях Эшоби чаще попадались рыжие дукеры. Я попал в Эшоби вскоре после периода течки у дукеров; убив антилопу, охотники обычно находили около нее маленького детеныша. В таких случаях малютку, как правило, приносили ко мне. Попутно хочу отметить, что в Камеруне тогда не было никаких законов об охране животных и охотники имели право убивать самок вместе с детенышами. Для охотника это даже счастливый случай, так как он имел возможность убить детеныша, не расходуя при этом лишней заряд. Судя по количеству приносимого мне молодняка, избиение антилоп проводилось в больших размерах, и хотя в настоящее время дукеры еще довольно широко распространены в Африке, есть основания опасаться, что в недалеком будущем они будут совершенно истреблены.

Когда мне принесли первого детеныша дукера, я купил его, построил отдельную клетку и от души радовался такому ценному пополнению моей коллекции животных. Но очень скоро я понял, что иметь дело с дукером гораздо труднее, чем с представителями любой разновидности ранее встречавшихся мне оленей и антилоп. В первый же день детеныш был очень возбужден и отказывался от всякой пищи. На следующий день он решил, что я не намерен его обижать, и начал ходить за мной, как собачонка, доверчиво глядя на меня большими темными влажными глазами. Но от пищи он по-прежнему отказывался. Я прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы обмануть его и заставить пить молоко. Купив шкуру взрослого дукера, я разложил ее на стуле и, когда детеныш принялся ее обнюхивать, подсунул ему из-под шкуры бутылку с соской. Детеныш сделал несколько маленьких глотков и отошел в сторону. Я давал ему горячее, теплое, холодное, сладкое, кислое, горькое молоко — и все безрезультатно. Накинув шнурок на шею дукера, я пошел с ним в ближайший лес, так как детеныш был уже в таком возрасте, когда можно переходить на прикорм. Я надеялся, что малыш наткнется на растения или листья, которые он станет есть. Но единственным его занятием во время прогулки было рытье ямок в листьях, изредка он облизывал землю. Я видел, как день за днем антилопа становилась все слабее, и решил принять крайние меры: повалив дукера на землю, мы с силой влили ему в рот немного жидкости. Детеныш в это время так перепугался, что при его слабом состоянии наша затея принесла больше вреда, чем пользы. Тогда я поручил повару купить в ближайшем городе дойную козу. Козы почти не разводятся в лесных районах, и повар вернулся только через три дня; к этому времени дукер умер. Повар привел с собой самую уродливую и глупую козу из всех представителей этого рода. Она оказалась для нас совершенно бесполезной. За три месяца пребывания

в лагере она дала не более двух чашек молока. При виде детеныша дукера она наклоняла голову и пыталась его поднуть. Трем человекам приходилось удерживать козу, пока детеныш сосал молоко. В конце концов ее отправили на кухню, и она составила основу нашего меню на ближайшие несколько дней.

Мне продолжали приносить детенышей дукера, они по-прежнему отказывались от пищи, слабели и погибали. Иногда в лагере находилось одновременно до шести красивых маленьких антилоп; они растерянно бродили по отгороженному для них участку и временами грустно и протяжно блеяли, напоминая маленьких ягнят. Каждый раз, когда в лагерь приводили маленького дукера, я клялся, что не буду его покупать; но, когда он прижимался влажным носом к моей ладони и смотрел на меня большими темными глазами, я не выдерживал. Я начинал надеяться, что именно этот детеныш будет вести себя иначе, чем остальные, будет нормально пить и есть. Я покупал его, и оказывалось, что он ведет себя точно так же, как все другие. При виде шести маленьких дукеров, с жалобным, голодным блеянием бродивших по лагерю и отказывавшихся принимать какую-либо пищу, настроение мое резко падало; в конце концов я отказался от дальнейших покупок детенышей этих антилоп. Я знал, что обрекаю их этим на немедленное съедение, но это была по крайней мере быстрая смерть, а не мучительное и медленное угасание. Я никогда не забуду, какую долгую, утомительную борьбу мне приходилось вести с этими маленькими существами. Часами водил я их на поводке по лесу, предоставляя им выбор всевозможных листьев и трав. Часами пытался я поить их из бутылок, но лишь редкие капли жидкости попадали в горло животных. Я вставал в три часа утра и, полусонный, заново повторял все свои попытки; дукеры при этом прыгали и брыкались, разрывая мой халат острыми копытцами. Ноги их слабели, шерсть темнела, большие глаза западали в глазницах и мутнели. Все эти впечатления больше, чем что-либо другое, убеждали меня в том, что работа зверолова не так легка, как это принято думать.

В период моих мучений с маленькими дукерами я нанял ночного сторожа. В Камеруне я впервые столкнулся с представителями этой профессии, доставившими мне в дальнейшем немало хлопот. Ночного сторожа я нанял по двум мотивам: во-первых, ночью нужно было разводить огонь, кипятить воду для ночного кормления (точнее, попыток кормления) дукеров, а затем будить меня для выполнения этой процедуры; во-вторых, что значительно важнее, необходимо было постоянно следить за возможностью появления около лагеря отрядов странствующих муравьев,двигающихся совершенно бесшумно и с большой скоростью. Человек, не видевший собственными глазами движения крупных колонн муравьев, вряд ли сумеет

Д представить себе численность, быстроту и свирепость насекомых, составляющих эти отряды.

Ширина движущейся колонны муравьев редко превышает два дюйма, но длина ее достигает двух-трех миль. По бокам движутся воины — крупные муравьи длиной до полудюйма, с большими головами и развитыми изогнутыми челюстями. В середине путешествуют рабочие муравьи; по размерам они значительно меньше воинов, но укусы их также очень неприятны. Эти колонны муравьев движутся по лесу, уничтожая все на своем пути; достигнув места, где пища имеется в достаточном количестве, колонна рассыпается, и земля вскоре превращается в сплошной черный движущийся ковер. Если такая колонна наткнулась бы на мой зверинец, все экспонаты были бы заживо съедены в течение нескольких минут.

Первым моим сторожем был высокий стройный юноша в маленькой набедренной повязке, вооруженный огромным копьем. Он приходил в лагерь с заходом солнца и уходил на рассвете. Приступил он к работе в твердой уверенности, что главная его задача ночью — хорошо выспаться у костра возле кухни. Мне пришлось разбудить его в первую же ночь; застав сторожа спящим, я разрядил ружье над самым его ухом, что произвело на него должное впечатление. В дальнейшем он спал лишь тогда, когда был уверен, что я слишком устал днем и ночью вставать не собираюсь. В первые дни он относился к своим обязанностям довольно пренебрежительно; днем его использовали в деревне в качестве продавца вина, и он считал своим долгом основательно дегустировать то вино, которым снабжал покупателей. Зачастую он приходил в лагерь, качаясь из стороны в сторону, садился к костру и начинал дремать. Способ, которым я разбудил его в первую ночь, действовал безотказно и в дальнейшем. Но я никак не мог заставить его понять, насколько опасны для нас муравьи. Сторож почти не смотрел по сторонам, и только массированное нападение большого отряда муравьев могло бы привлечь его внимание. Но однажды ночью сторож получил такой урок, который навсегда излечил его от легкомысленного отношения к возможности появления муравьев.

Каждые две недели на главной улице деревни устраивались танцы. Это считалось крупным общественным событием; жители деревни надевали свои лучшие платья и проводили всю ночь на улице, раскачиваясь и притопывая под заунывные, дрожащие звуки флейты и торжественный стук барабанов при тусклом свете маленького фонарика. Я получил приглашение на один такой праздник и направился в деревню в пижаме и халате, со стулом, столом и самым ярким из имевшихся у меня фонарей. Появление фонаря танцующие встретили восторженными возгласами, так как яркое освещение позволяло им выполнять более сложные и изощренные па. После

этого случая если я сам не приходил на танцы, то всегда отсылал в деревню фонарь, и жители приветствовали его появление радостными криками, аплодисментами и возгласами: «Спасибо, маса, спасибо!» — которые слышны были даже в лагере.

Однажды вечером мне сообщили, что в поселке в мою честь организуется специальный танцевальный праздник и меня вместе с фонарем приглашают принять участие в торжестве. Я выразил свою признательность и ответил, что, если лично и не сумею присутствовать на празднике, меня будет представлять мой фонарь. Но случилось так, что в этот вечер я рано закончил свои дела и решил пойти в деревню. Покидая лагерь, я приказал сторожу немедленно вызвать меня в случае каких-либо неожиданных происшествий. Захватив с собой фонарь, стул и стол, я отправился на торжество. Танцы на этот раз оказались продолжительными и интересными. Через некоторое время я решил возвратиться в лагерь, так как на следующее утро мне нужно было рано вставать. Фонарь я, как обычно, оставил в деревне. У входа в лагерь при слабом свете дежурного фонаря я увидел, что сторож делает какие-то странные пируэты. Он прыгал, хлестал себя прутом и громко ругался на родном языке; иногда он свирепо колотил по земле пучком веток.

— Что случилось?! — закричал я.

— Муравьи, сэр, много муравьев.

Подбежав к нему, я увидел, что сторож был весь облеплен муравьями, сплошная масса муравьев переливалась на земле под его ногами. Из кустов непрерывным потоком лились новые отряды муравьев. Насекомые расползлись уже по большому участку, передние их ряды находились всего в нескольких футах от помещения для зверей. Нельзя было терять ни секунды. Я позвал на помощь всех находившихся в лагере слуг. Когда они подбежали, я был уже с ног до головы покрыт муравьями. Пришлось срочно раздеться. Обнаженные, мы приготовились к бою. Джорджа я послал за хворостом и сухими листьями, Пайоса — за керосином, сторожу и Даниэлю я приказал немедленно принести из кухни головешку. Они помчались выполнять поручения.

Собрав несколько прутьев с листьями, я напал на ближайшую к стене зверинца группу муравьев, изо всех сил стегая прутьями по земле; свободной рукой я в это время пытался стряхнуть облепивших меня муравьев. Джордж притащил большую охапку сухих веток и листьев, и мы кинули ее на самое большое скопление муравьев. Смочив хворост керосином, мы подожгли его с разных сторон. Схватив банку с керосином, я побежал вдоль стенок зверинца, разливая по пути керосин. Даниэль бежал следом за мной, микал хворост в керосин и зажигал его. Отгородив животных огненным

Д барьером от муравьиного войска, я почувствовал некоторое облегчение. Но теперь, однако, требовалось внимательно следить за огнем, так как искры могли поджечь сухую крышу здания. Вся оборонительная операция была проведена нами в предельные сроки — еще немного, и ничто не могло бы спасти заключенных в клетки животных. Поручив Пайосу и Джорджу следить за полосой огня вокруг зверинца, я занялся своей палаткой. Она кишела муравьями, зеленые стенки ее превратились в колыхающееся черное покрывало. Три ящика с высушенными шкурами были набиты муравьями, и шкуры пришли в полную негодность. Кровать, весь мой гардероб, патронташи, силки, сети, коробка с медикаментами — все это тщательно обследовалось тысячами муравьев. В течение трех часов очищали мы от них мою палатку; лишь на рассвете угроза дальнейшего вторжения муравьев была полностью предотвращена. Голые, грязные, усталые, собрались мы на площадке около кухни, продолжая снимать друг с друга последних муравьев.

Моя беседа со сторожем состоялась после того, как я умылся, оделся и более или менее пришел в себя. Она была довольно продолжительной и протекала очень бурно. В заключение беседы я приказал двум слугам связать сторожа и сообщил ему, что намерен сдать его местным властям для привлечения к суду за невыполнение служебного долга, попытку убить меня, попытку уничтожить мою коллекцию, сон на посту и за множество других грехов. Я объяснил, что начальство очень серьезно отнесется к совершенным им преступлениям и что двухлетнее тюремное заключение он может считать наилучшим для себя исходом. Побелев от страха, сторож умолял меня о прощении. С видом человека, оказывающего огромную услугу, я согласился предоставить сторожу последнюю возможность исправиться. Но при этом предупредил его, что, если муравьи еще раз появятся в ста ярдах от лагеря и он не поднимет своевременно тревогу, я поступлю с ним очень сурово. Я даже мрачно намекнул на возможность пожизненного заключения. Угроза подействовала: после описанного случая сторож нес службу образцово, и появлявшиеся в дальнейшем отряды муравьев своевременно обнаруживались и обезвреживались.

Долго внушал я сторожу, что он лично несет ответственность за каждое сбесжавшее ночью животное. Дважды животные находили выломанное звено решетки или разорванный участок проволоочной сетки и исчезали в лесу: сторож в это время мирно дремал на банке из-под керосина, склонившись головой к древку копья. В обоих случаях я ограничивался выговором, так как убежавшие животные особой ценности не представляли и их можно было легко заменить. Но я решил при первом же подходящем случае дать сторожу небольшой урок. Однажды вечером охотник принес в лагерь моло-

дого панголина. Я купил его и на ночь поместил в пустой ящик, плотно прикрыв сверху множеством различных предметов. Зная, как сильны у этих зверей передние лапы, я предупредил сторожа, чтобы он внимательно следил за ящиком с панголином.

С первых же дней создания лагеря я взял за правило перед сном совершать обход зверинца, проверяя состояние всех клеток и всех замков и запоров. Заглянув в ящик, куда мы поместили панголина, я нашел его пустым. Каким образом он исчез, я так и не понял — все наваленные на крышу предметы остались на месте. Но я уже привык к подобным таинственным исчезновениям и не стал терять времени на решение этой загадки. Подозвав сторожа, я показал ему пустой ящик:

— Сторож, этот зверь убежал.

— Да, я его не вижу, сэр, — пробормотал сторож.

— Я знаю, что ты его не можешь видеть, потому что ты плохо выполняешь свои обязанности. Этот зверь передвигается медленно, он сейчас где-нибудь здесь в кустах. Возьми свой фонарь и ищи его. Если ты его не найдешь, я удержу из твоего жалованья пять шиллингов.

Сторож забрал фонарь и копьё и отправился на поиски. Я слышал, как он в течение часа бродил по кустам, тяжело вздыхал и, чтобы поднять себе настроение, громко разговаривал сам с собой. Я уже засыпал, когда раздался его торжествующий крик:

— Я нашел его здесь, я нашел его здесь, в кустах!

— Хорошо, принеси его быстрее.

Вскоре он появился, держа панголина за хвост и сияя от удовольствия. Я отнес панголина к ящику, отметив про себя, что панголин как будто значительно вырос. Открыв ящик, я стал перестилать на дне его сухие банановые листья; неожиданно моя рука наткнулась на что-то круглое, твердое и теплое. Свернувшись под банановыми листьями, в ящике лежал панголин. Оказалось, что сторож поймал совершенно другого представителя этой породы. Я закрыл в ящике обоих панголинов и вернулся в палатку. По установленным правилам я должен был заплатить сторожу за пойманного им зверя. Но признаваться в своей ошибке я не хотел, так как это испортило бы впечатление от преподанного урока. Поэтому я решил промолчать и успокоил свою совесть, крупно переплатив ему через несколько дней за принесенных лягушек. Через несколько дней аналогичная история случилась со сбжавшим огромным пауком. На этот раз паук действительно сбегал, и сторож, разыскивая его в кустах, нашел другого громадного паука гораздо более редкой разновидности. Посадив пойманного паука на конец палки и направляясь к коллекции коробок с насекомыми, сторож чуть не раздавил ползавшего по земле в самом центре нашего лагеря первого паука.

Д

Огромные пальмовые пауки всегда вызывали у меня отвращение. Туловище их величиной с яйцо, длинные ноги легко обхватывают большую тарелку. Обычный цвет этих пауков темно-коричневый, сверху они покрыты густым светло-коричневым мехом. Взгляд их маленьких блестящих глаз казался мне злобно-вызывающим. Большинство пауков, если к ним подходят или начинают щекотать прутиком, пытаются убежать, но некоторые из них переходят в нападение. Пауки могут прыгать на расстояние до двух футов, отрываясь при этом от земли на шесть-семь дюймов. Во время прыжка они сжимаются и пытаются вцепиться в противника большими изогнутыми челюстями и обхватить его мохнатыми передними лапами. Я знал, что укус паука ядовит, но полагал, что при всей его болезненности он не представляет опасности для жизни человека.

Однажды ко мне пришел человек с двумя плетеными корзинками в руках; в одной корзинке находилась толстая красивая и смертельно ядовитая гадюка, в другой — отвратительный пальмовый паук. Когда я приобрел содержимое обеих корзинок, мужчина обратился ко мне с просьбой помочь ему и протянул руку, обмотанную грязной тряпкой. На большом пальце была глубокая рана, палец распух и посинел. Осмотрев палец, я промыл его и наложил чистую повязку. Затем я заинтересовался происхождением его раны.

— Зверь меня укусил, — лаконично ответил охотник, кивнув в сторону корзинок.

— Какой зверь? Змея или паук? — испуганно вскрикнул я.

— Нет, сэр, не змея, другой зверь. Мне очень больно, вы не дадите мне какое-нибудь лекарство от укуса, сэр?

Я дал ему две таблетки аспирина, стакан желтого лимонного сока и заверил его, что все кончится благополучно. Он поблагодарил меня и вернулся на следующий день с просьбой снова дать ему лекарство, которое так хорошо помогает ему. Я предложил еще два порошка аспирина, но охотник от них отказался. Нет, он хочет не это лекарство, а другое, желтое, так как именно оно и помогло ему так быстро выздороветь.

Через несколько дней после этого случая мне вновь пришлось столкнуться со своеобразной логикой местных жителей. Маленький мальчуган принес мне черепаху, в панцире которой было пробито большое отверстие. Такой экземпляр меня не устраивал, и я вернул черепаху владельцу, объяснив ему причину моего отказа. Через полчаса другой юнец принес ту же самую черепаху. Решив, что первый продавец по малолетству не понял моих объяснений, я снова рассказал, по каким причинам эта черепаха мне не нужна. Вскоре эту же черепаху принес в лагерь новый продавец. В течение всего дня множество людей разных возрастов, от карапузов до глухих

стариков, предлагали мне купить эту искалеченную черепаху. Я не выдержал и спросил последнего продавца, зачем мне приносят черепаху, которую я уже несколько раз отказывался покупать, объясняя каждому пришедшему, почему она мне не нужна.

— Быть может, если маса не купит черепаху у меня, он купит ее у другого, — ответил временный владетель черепахи.

— Друг мой, скажи всем, что я не куплю эту черепаху.

— Да, сэр, — улыбнулся мой собеседник, — маса ее не купит.

Больше я этой черепахи не видел.

Другой характерной чертой мышления охотников было твердое убеждение, что, как бы ни был искалечен и изуродован принесенный ими зверь, меня можно уговорить купить его, без конца повторяя, что зверь этот совершенно здоров и будет жить еще много лет. В особенности это относилось к птицам. В первое время ребятишки, ватагами бродившие по зарослям, подрезая лианы и собирая появлявшуюся в надрезах белую жидкость, используемую для изготовления клея, считали, что мне нужны любые птицы в любом состоянии. Главное, чтобы птица еще дышала, а на отсутствие большинства перьев или на перелом одной или обеих ног продавца не обращали ни малейшего внимания. Потребовалось много времени и разговоров, прежде чем ребята поняли, каковы мои требования. Окончательно убедил их случай с карликовым коростелем.

Однажды утром, осматривая принесенных мне ребятишками искалеченных птиц, я читал им лекцию о бережном обращении с пойманными экзотическими птицами. Пока я изливал свой гнев и раздражение птицеловам, в лагерь вошла крохотная шестилетняя девочка с небольшим, хитро сплетенным гнездом из сухой травы и листьев в руке.

Она подошла, молча осмотрела меня оценивающим взглядом и протянула гнездо.

— Что это? — спросил я.

— Птицы, сэр, — пискнула она в ответ.

Я взял из ее рук гнездо и заглянул внутрь, ожидая увидеть еще несколько изувеченных птиц. В гнезде притаились три красивые маленькие птички, без всяких ссадин и переломов, с нетронутым оперением. У них были тоненькие ножки и длинные хрупкие пальцы, которые давно уже были бы переломаны мальчишками-птицеловами. Ни одно перышко у птичек не пострадало, а мальчишки первым делом вырывали у пойманных птиц перья, чтобы лишить их возможности улететь. Принесенные девочкой птицы находились в прекрасном состоянии. Я решил использовать предоставившуюся мне возможность. Вытащив из гнезда одного карликового коростеля, я показал его собравшимся мальчишкам.

Д — Смотрите, — обратился я к ним, — девочка лучше вас ловит птиц. У этой птицы нет ни одной раны, ноги ее не порезаны веревками. Эту птицу я куплю, так как она будет жить. Почему же женщина лучше вас, мужчин, умеет ловить птиц? Вы увидите теперь, сколько я заплачу за хороших птиц.

Повернувшись к девочке, я спросил ее, сколько она просит за птиц. Девочка запросила по два шиллинга за птицу.

— Слышите? — снова обратился я к мальчикам. — Девочка просит за эту птицу два шиллинга. Это хорошая цена. Девочка увидела птичку, поймала ее очень осторожно, не ушибла ее, не связала ей ноги веревками. Так как она ловит птиц лучше вас всех, я даю ей по пять шиллингов за каждую птицу.

Из толпы ребятишек послышались удивленные и завистливые восклицания. Девочка, ничего не понимая в моей назидательной речи, удивилась, что я дал ей значительно больше запрошенной суммы, схватила деньги, прижала руки к груди и со всей быстротой, на какую только были способны ее толстые маленькие ножки, побежала из лагеря, опасаясь, очевидно, что я могу передумать. Оживленная, жестикулирующая толпа детей последовала за ней.

С того дня птицы, за редкими исключениями, стали поступать ко мне в лагерь в хорошем состоянии. Маленькие жители деревни начали получать заработанные деньги, а мои клетки стали заполняться пойманными интересными экспонатами.

Ребята применяли два способа ловли птиц. Оба были достаточно хороши, но лучшим я считал способ с применением клея. Надрезав кору одной из разновидностей растущих в лесу лиан, ребята добывают густой белый сок. Этот сок смешивают с соком удивительного красного плода, по вкусу почти ничем не отличающегося от лимона, и полученную смесь кипятят в течение двух часов на медленном огне. Застывая, смесь превращается в упругую клейкую массу. После этого птицеловы вырезают из листьев пальмовых деревьев длинные тонкие полоски и покрывают их полученной пастой. В лесу, в тех местах, где водится много птиц, ребята веерообразно расставляют эти полоски в песке около небольших водоемов. По каким-то малопонятным причинам птицы, прилетающие пить воду, садятся обычно не на песок, а на эти похожие на ветки полоски. Ножки птицы приклеиваются к пасте, пытаясь вырваться, она бьется крыльями и приклеивается перьями к находящимся рядом полоскам.

Через несколько часов этот птичий клей засыхает на перьях, и птицы легко счищают его клювом. Кроме сетей, я не знаю другого такого простого и безболезненного способа ловли птиц.

Второй способ связан с применением интересной и довольно хитроумной ловушки. Гибкая палка стягивается бечевкой наподобие лука. Небольшой прут оттягивает тетиву примерно около середины палки. К одному из концов прута прикрепляется приманка, на прут накидывается скользящая растяннутая петля, соединенная с основной бечевкой. Все это приспособление устанавливается или подвешивается в лесу.

Когда птица, привлеченная приманкой, садится на прут, он выскакивает из распоров, палка расправляется, бечевка удлинняется и стягивает петлю вокруг ног птицы. Этот способ довольно эффективен, но допускает многочисленные случаи увечий птиц. Если петля стягивается слишком туго, она может раздробить птице ноги. Во многих случаях птица повисает вниз головой, и попытки вернуться в нормальное положение также обычно приводят к переломам ног. Из двух описанных способов я предпочитал первый и скоро стал покупать только птиц, пойманных при помощи птичьего клея. Этим способом были пойманы и доставлены мне самые различные представители мира пернатых: алые и черные малимбусы с бледно-голубыми, как у зиблика, клювиками; каменки с белыми полосками около глаз и с ярко-голубыми, как у сойки, пятнами на крыльях; лесные малиновки, очень похожие по размерам и окраске на английских малиновок, только коричневые спинки у первых несколько темнее, грудь их более яркого, оранжево-красного цвета, а на щеках, у основания клювиков, находятся два небольших белых пятнышка. В моих клетках появились голуби — изящные серые и желтовато-коричневые птицы с переливающимися ярко-зелеными перьями на крыльях, представители различных других видов голубей, блестящие карликовые зимородки, голубые зимородки и другие представители многочисленных видов птиц, обитающих в тропических лесах Камеруна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДРИЛЫ, ТАНЦЫ И БАРАБАНЫ

Обеспечить всех насекомоядных птиц достаточным количеством пищи было серьезной проблемой, которую мне все же удалось решить. Собрав человек двадцать ребятнишек, я снабдил их бутылками и отправил ловить кузнечиков. Платил сдельно, по результатам работы. Обычная моя цена — одно пенни за тридцать насекомых. Другую группу ребят я посылал в лес искать муравьиные гнезда. Такие гнезда, похожие по форме на крупные грибы, часто встречались в темных густых уголках лесной чащи. Если расколоть такое гнездо, слеplенное из твердой коричневой глины, обнажается

Д лабиринт крохотных туннелей и отверстий, в которых мечутся тысячи маленьких муравьев и лежит множество маленьких белых яичек. Эти яички служат любимой пищей для птиц. В лагере всегда был большой запас муравьиных гнезд, и в течение дня непрерывным потоком приходили ребяташки с этими грибоподобными глиняными сооружениями на головах. Цепочка движущихся по извилистой лесной тропинке детей с большими грибами на курчавых головках, их громкий смех и веселая, оживленная переключка производили необычное впечатление и немного напоминали мне шествия сказочных гномов.

В поисках муравьиных гнезд юные охотники иногда находили в лесу и других представителей животного мира, которых они с торжествующими криками приносили мне. Чаще всего им попадались хамелеоны, которых местные жители считают смертельно ядовитыми; ребята со страхом несли этих пресмыкающихся на конце длинной палки и отчаянно вскрикивали, когда хамелеон совершал какое-либо движение, пытаясь к ним приблизиться. Наиболее распространенной разновидностью были вислошие хамелеоны длиной около восьми дюймов, обычно с ярко-зеленой окраской. Представители этой разновидности хамелеонов отличались воинственным характером: попав в плен, они меняли окраску на грязно-серую со злоеющими коричневыми пятнами. Раскачиваясь из стороны в сторону, они громко шипели, широко раскрывая рот. При благоприятной возможности они наносили короткий острый укус, который, однако, не вызывал кровотечения. Когда этих хамелеонов несли на палке, они шипели, раскачивались, бешено вращали большими выпуклыми глазами, стремясь рассмотреть все их окружавшее, и крепко обхватывали палку своими изогнутыми лапами.

Маленькие искатели муравейников однажды принесли мне рогатого хамелеона — существо настолько фантастическое, что я не сразу поверил своим глазам. По величине он несколько меньше вислошего хамелеона, на голове у него нет того большого шлема с блестящей голубой кожей, который есть у последнего, окраска его скромнее и равномернее. Но морду этого хамелеона описать почти невозможно. От носа растут два заостренных искривленных рога длиной по полдюйма. Они похожи на приподнятые хоботы игрушечных слоников. Между двумя рогами от самого кончика носа растет еще один рог. Он длиннее остальных и совершенно прямой. Из-за этого рогового заслона удивительно осмысленным взглядом смотрели большие выпуклые глаза. Хамелеон окрашен в приятный перламутрово-серый цвет с крупными коричневыми пятнами. Рассердившись, хамелеон менял окраску на темную, почти черную, с ржаво-красными пятнами, напоминающими отпечатки больших пальцев рук. Я предположил, что рога служат хамелеонам в качестве оборонительного средства. Когда у меня нашлось время, я проделал с хамелеонами этого вида несколько опытов. Пре-

жде всего я начал дразнить хамелеона, но, хотя он и пытался, разозлившись, укусить меня, он вопреки моим предположениям совершенно не применял рога для борьбы. Решив, что хамелеон недостаточно рассержен, я положил его на землю и стал щекотать веткой. Хамелеон шипел, менял цвет, пытался схватить ветку, но при всех своих движениях не нанес ни одного удара рогами. Тогда я предположил, что хамелеон использует рога лишь для схваток со своими соплеменниками. Когда у меня появился второй экземпляр рогатого хамелеона, я поместил обоих на одной ветке мордами друг к другу на расстоянии примерно трех футов. Хамелеоны страшно удивились неожиданной встрече, и это удивление немедленно отразилось на их окраске. После того как у них восстановился первоначальный цвет, хамелеоны медленно двинулись навстречу друг другу. Я с нетерпением ожидал начала боя. Когда они столкнулись мордами, один из хамелеонов прополз по спине второго с характерным для пресмыкающихся невозмутимым видом. Я снова разместил их в исходном положении, и все повторилось в прежней последовательности. Несмотря на все попытки, я так и не определил, каково назначение этих странных рогов. Ни разу за все время пребывания рогатых хамелеонов в моем лагере я не видел каких-либо действий, при которых эти пресмыкающиеся использовали бы рога.

Я всегда считал, что содержать в неволе хамелеонов очень легкая вещь; но мне пришлось убедиться, что временами они бывают не менее капризны, чем обезьяны или дукеры. В клетках хамелеонам часто не хватает воздуха или света. Один раз я поместил их в сравнительно открытом месте, и они вскоре погибли от солнечного удара. После многочисленных опытов я нашел наиболее надежный способ содержания хамелеонов. Над четырьмя молодыми деревцами на краю лагеря я велел соорудить навес из пальмовых листьев, а под ним поместил хамелеонов, привязав их к веткам сплетенными травяными жгутами. Разместили мы их таким образом, чтобы они не могли подползать друг к другу и запутываться в веревках. Около каждого хамелеона мы положили по куску тухлого мяса, запах которого привлекал сотни мух. Хамелеоны резкими движениями выбрасывали свои шестидюймовые языки и каждый раз захватывали одну или несколько мух. Три раза в день мы поливали хамелеонов водой; эта процедура им не очень нравилась, но без нее они быстро слабели и погибали.

В Камеруне встречается и третья разновидность хамелеонов. Впервые я увидел такого хамелеона при не совсем обычных обстоятельствах. В один из сравнительно свободных дней я решил обследовать несколько крупных муравейников, находившихся на полях и в мелком кустарнике поблизости от деревни. Со мной пошло около двадцати человек, так как только при большом количестве помощников можно сплошным кольцом закрыть сетя-

Д ми муравейник и своевременно обнаружить попадающих в сети животных. Подойдя к первому муравейнику — массивному бугру из красной глины высотой около двенадцати футов и до тридцати футов по диаметру основания, — мы начали вырубать окружающую муравейник растительность, очищая полосу открытого пространства вокруг него. По кромке этой полосы мы подвесили сети вокруг муравейника, на некотором расстоянии друг от друга расположились мои многочисленные помощники, взволнованные и возбужденные. После того как значительная часть входных отверстий муравейника была закопана, мы зажгли охапку сухой травы и подбросили ее к одному из отверстий. Дым постепенно распространялся по внутренним переходам и вскоре начал появляться в других отверстиях; по мере того как мы подбрасывали в огонь новые охапки травы, тонкие струйки дыма сменялись густыми клубами. В напряженной тишине все следили за муравейником. Прошло четверть часа, а в муравейнике не видно было никаких признаков жизни. Я уже решил, что муравейник пуст, как вдруг с противоположной стороны круга раздались громкие крики. Обезав муравейник, я застал Элиаса и Плотника в припадке неудержимого смеха. Давясь от хохота, они показывали в сторону большого отверстия, из которого выползал маленький, длиной не более трех дюймов, хамелеон.

— Маса, мы сегодня поймали крупную добычу, — закатывался в восторге Элиас, хлопая себя по пухлым бедрам.

Подняв хамелеона, я положил его себе на ладонь. Маленький полуторадюймовый плотный хвост хамелеона был свернут наподобие пружины, на кончике вздернутого кверху носа находился небольшой рог, придававший хамелеону гордо-пренебрежительное выражение, какое часто можно увидеть у верблюда. На светло-коричневом туловище слегка выделялись ржаво-красные пятна и полосы. Это был мой первый карликовый хамелеон, и я восхищался его размерами, неторопливыми плавными движениями и пренебрежительным выражением на морде. Каким образом это живущее на деревьях пресмыкающееся попало в лабиринт муравейника, понять трудно, но тем не менее оно оказалось там. Позднее, когда я поближе познакомился с хамелеоном, я обнаружил у него много любопытных особенностей. Так, например, я никогда не видел его за едой, но, судя по тому, что он продолжительное время находился в прекрасном состоянии, он должен был все-таки что-то есть. Я не мог заставить его менять окраску, ни раздражая его, ни помещая попеременно в различные условия. Только ночью, закрыв глаза, он приобретал красивый пепельно-серый цвет и очень походил в это время на маленький упавший лист дерева. Постепенно у меня появилось четыре таких хамелеона. Мне, однако, ни разу не довелось встречать их в естественном состоянии, так как пойманного в муравейнике ха-

хамелеона тоже трудно принимать в счет. Каждый раз я спрашивал продавца, где он поймал хамелеона, и каждый раз оказывалось, что хамелеон был пойман на земле, обычно на какой-нибудь проторенной тропе. Все мои попытки хитрыми вопросами опровергнуть эти утверждения не увенчались успехом. Пытаясь узнать, действительно ли эти пресмыкающиеся живут исключительно на деревьях, как это принято считать, я решил проделать опыт с четырьмя имевшимися у меня экземплярами. Их поместили в клетку с многочисленными ветками и с густым ковром сухих листьев и хвоста на полу. Как только хамелеоны обнаружили эту подстилку, они немедленно покинули ветки и переселились на пол, переползая и укрываясь между листьями.

Единственная привычка, сближавшая карликовых хамелеонов с их более крупными сородичами, — это танцы. Это исключительно забавное развлечение, которое хамелеоны изредка доставляют зрителям, можно полностью оценить, лишь увидев его собственными глазами. Находясь на ветке или на земле, хамелеон на минуту совершенно замирает и только медленно вращает глазами. Затем он плавно поднимает в воздух одну переднюю и одну заднюю лапу и начинает ритмично раскачиваться вперед и назад. Сделав шаг и снова застыв на месте, хамелеон поднимает другую пару ног и повторяет все сначала. При этом хамелеон все время вращает своими большими выпуклыми глазами — вверх, вниз, вперед и назад.

Ни местные жители, ни обезьяны из моей коллекции не любили хамелеонов. Для местных жителей они были одинаково бесполезны как в живом, так и в мертвом состоянии, и при виде того, как я возился с хамелеонами и как они меня кусали, зрители стонали и взволнованно щелкали пальцами. Они считали хамелеонов ядовитыми тварями, и никакие мои доводы не могли убедить их в противном. Обезьяны также откровенно не любили и боялись хамелеонов, но эти чувства проявлялись у них не так, как по отношению к змеям. Хамелеоны одновременно и привлекали и отталкивали обезьян. Обезьяны, размещавшиеся недалеко от клетки, где находились хамелеоны, внимательно следили за всеми движениями пресмыкающихся. Каждый раз, когда хамелеон выбрасывал язык, пытаясь поймать муху, обезьяны шарахались в сторону и издавали пронзительные крики изумления и восхищения.

К описываемому периоду моя коллекция обезьян состояла из красного гвенона, четырех белоносых гвенонов и шести дрилов. Однажды, когда один из хамелеонов издох, я принес его труп к обезьянам. Те почти полностью окружили меня и стали с большим интересом рассматриватьдохлого хамелеона. Набравшись смелости, старший из дрилов слегка коснулся лпой хамелеона, отдернул ее и стал быстро вытирать о землю. Гвеноны

Д так и не решились подойти ближе к труп хамелеона. Дрилы же постепенно расхрабрились, схватили труп и стали пугать им гвенонов, которые разбежались с пронзительными криками. Пришлось прекратить эту игру, так как дрилы начали вести себя неприлично, а гвеноны были уже основательно запутаны и жалобными стонами выражали свои обиды. После этого я проделал новый эксперимент, пустив к обезьянам крупного живого хамелеона. Обезьяны отступали при его приближении, вскрикивали, корчили гримасы, но не казались очень испуганными. Затем я достал большого ужа и тоже подбросил его к обезьянам. Охваченные паническим страхом, они взметнулись к верхушкам своих столбов и отчаянно визжали там до тех пор, пока я не убрал змею.

Дрилы были уличными мальчишками в моей обезьяньей коллекции. Любой предмет, попадавший к ним в лапы, прежде всего проверялся с точки зрения его съедобности или несъедобности. Если предмет оказывался несъедобным, он использовался некоторое время в качестве игрушки, но вскоре дрилы теряли к нему всякий интерес. Съедобные вещи (а к таковым дрилы относили большинство попадавших к ним предметов) использовались двумя способами. Деликатесы, например кузнечики, отправлялись в рот с максимальной быстротой, дабы никто не успел отнять это лакомство. С менее привлекательными предметами устраивалась длительная игра, в ходе которой дрилы постепенно откусывали кусок за куском до тех пор, пока все не оказывалось съеденным. Дрилы, довольно угловатые по сравнению с другими обезьянами, обладали, однако, своеобразной привлекательностью. Мне нравилась их развалистая, похожая на собачью походка, привычка, оскаливая два ряда мелких зубов, морщить нос в невообразимой гримасе, которая должна обозначать приветливость, манера двигаться задом, обнажая ярко-розовые седалища. Многое в дрилах нравилось мне, но особенно таяло мое сердце тогда, когда эти маленькие обезьянки, завидев меня, бросались ко мне, обхватывали лапами мои ноги, восторженно вскрикивали и доверчиво заглядывали в глаза.

Приобретенные мною шесть дрилов долгое время командовали друими, более робкими обезьянами. Хрупкие нервные гвеноны всегда уступали развязным дрилам сочных и вкусных кузнечиков и лишь недовольно ворчали и кашляли, наблюдая за трапезой своих обидчиков. Но в один прекрасный день господству дрилов настал конец: в лагере появился крупный, почти взрослый детеныш бабуина. Несмотря на молодость, он был по меньшей мере в три раза больше самого крупного дрила и со времени своего появления в лагере стал признанным начальником обезьяньей колонии. Бабуин был покрыт косматым желтоватым мехом, у него были большие зубы и длинный хвост, несколько напоминавший хвост льва. Казалось, что хвост бабуина внушал дрилам особое почтение; они долго с глубоким интересом

рассматривали его, время от времени оглядываясь и сравнивая его со своими короткими и загнутыми хвостиками. Бабуин, которому я дал кличку Джордж, обращался с остальными обезьянами мягко и деликатно, не разрешая им, однако, никаких вольностей. Изредка он даже позволял гвенонам слизывать со своей шкуры соль, в эти минуты он растягивался во весь рюхт на земле и лежал с блаженным выражением на морде. В первый день по прибытии Джорджа в лагерь дрилы сделали попытку общими силами отколотить его и утвердить свое господство, но Джордж оказался на высоте положения и вышел из этой схватки победителем. После этого случая дрилы почтительно склонились перед новым владыкой. Начиная преследования гвенонов, дрилы предварительно всегда выясняли, далеко ли находится Джордж, так как у последнего был простой способ прекращения споров — он кидался к месту драки и без разбора наносил сильные укусы всем ее участникам.

Джордж, быстро сделавшись ручным и податливым, стал в лагере общим любимцем и значительную часть времени проводил на кухне. Вскоре, однако, мне пришлось его из кухни убрать, так как он постоянно оказывался виновником всех и всяких недоразумений. Если запаздывал обед, мне говорили, что Джордж опрокинул сковородку. Если что-либо пропадало, находилось по меньшей мере три свидетеля, подтверждавшие, что в последний раз пропавший предмет они видели у Джорджа. Джордж был возвращен в общество обезьян, которым он и стал руководить с мягкостью и тактом. Эти его качества поражали меня, так как в подавляющем большинстве случаев обезьяны, замечая уважение и страх своих сородичей, становятся отвратительными, наглыми существами. Удивил нас Джордж и другой своей особенностью. Решив, что, как и прочие обезьяны, он боится хамелеонов, я привязал его к столбу довольно длинной цепочкой. Заметив поблизости хамелеона, Джордж добрался до него, что стало возможным благодаря длине цепочки, одним ударом сбил его с ветки и принялся уплетать с видимым удовольствием. Пришлось срочно укорачивать привязь.

Самой очаровательной обезьянкой в моей коллекции был красноухий гвенон величиной с небольшую кошку, с нежной желто-зеленой окраской, с желтыми полосками на щеках, бахромой красновато-коричневых волос под ушами и большим сердцевидным пятном красных волос на морде. Весь он был хрупкий и изящный, худые, костлявые пальцы на лапках напоминали мне пальцы очень старых людей. Ежедневно каждая обезьяна получала свою порцию кузнечиков — любимую пищу обезьян. Когда красноухий гвенон замечал меня, он становился на ноги, издавал пронзительные тонкие крики, напоминавшие щебетание птиц, и умоляюще протягивал руки с тонкими дрожащими пальцами. Наполнив рот и обе руки кузнечиками, гвенон быстро съедал их, а затем начинал внимательно, с напряженным

Д выражением в светло-коричневых глазах рассматривать свои лапы и землю около себя в надежде обнаружить какого-нибудь затерявшегося кузнечика. Никогда еще я не встречал более милой обезьянки. Даже ее крики, напоминавшие мягкое щебетание птиц, и протяжное воркование, которым она стремилась привлечь к себе внимание, резко отличались от утробного ворчания и громких, пронзительных криков дрилов или от металлических, скрипучих голосов белоносых гвенонов. Джордж разделял мои симпатии к красноухому гвенону, а тот в свою очередь был очень привязан к бабуину. Выглядывая из-за заросшего шерстью плеча Джорджа, маленький гвенон даже позволял себе корчить гримасы дрилам.

В полдень солнце беспощадно обжигает лес и лагерь, в давящей духоте и жаре не слышно даже птичьих голосов. Лишь из прохладных глубин леса доносится слабый, отдаленный звон цикад. Птицы с закрытыми глазами дремлют в своих клетках, крысы перевернулись на спину и тоже заснули, слегка подергивая лапками во сне. На теплой земле под укрытием из пальмовых листьев вытянулись во весь рост обезьяны, они мирно спят с кротким невинным выражением на маленьких мордочках. Единственным бодрствующим в такие часы обычно бывал тот же красноухий гвенон; он пристраивался к отдыхавшему бабуину, энергично чистил ему мех, время от времени подбадривая себя тонкими мягкими выкриками, и проделывал свою работу с таким же самозабвением, с каким сидит иногда за вязаньем пожилая одинокая женщина. Длинными пальцами гвенон разглаживал и расправлял мех бабуина. При этом гвенон не искал блох, которые вообще редко встречаются у обезьян. Конечно, если во время поисков попадется и блоха, она будет немедленно съедена, но основной целью поисков являются кристаллики соли, появляющиеся в шерсти обезьяны после того, как у нее испаряется пот. Эти кристаллики соли считаются у обезьян первосортным лакомством. Ищущий вознаграждается вкусным лакомством, а тот, у кого ищут соль, испытывает приятное, сладостное ощущение, когда мягкие, ласковые пальцы расчесывают и приглаживают его мех. Иногда стороны меняются ролями, тогда гвенон лежит на земле с закрытыми в блаженном экстазе глазами, а Джордж обшаривает его мягкий пушистый мех большими черными неуклюжими пальцами.

Временами Джордж увлекается и забывает, что имеет дело не с обезьяной своей комплекции, тогда движения его сильных рук причиняют боль маленькому гвенону. Раздается жалобный тонкий крик, и в ответ слышится глухое, виноватое бурчание Джорджа.

На ночь обезьян отвязывали от шестов, понли молоком с рыбьим жиром и привязывали в маленькой, специально построенной для обезьян хижине рядом с моей палаткой. Я знал, что чем ближе ко мне находятся ночью обезьяны, тем они в большей безопасности; если бы леопард захотел

ночью полакомиться обезьяной, он легко добрался бы до места их дневного пребывания. Каждый вечер обезьян приводили к хижине, поили и вводили в помещение, не обращая внимания на негодующие крики и протесты животных, которые еще не хотели спать. Джордж всегда приходил последним, и пока в хижине привязывали остальных обезьян, он лихорадочно осматривал все кастрюли, надеясь в какой-нибудь из них найти недопитое молоко. Затем, несмотря на бурные протесты, его также втаскивали в хижину. В один из вечеров Джордж взбунтовался. После того как все улеглось, я поужинал и отправился в деревню на танцы. Джордж, вероятно, заметил меня сквозь одну из трещин в стене хижины и решил, что если я могу провести вечер вне стен лагеря, то он тоже имеет на это право. Осторожно развязав узел, он освободился от привязи и сквозь сплетенную из листьев стену хижины вылез наружу. Пробежав по лагерю, Джордж вышел на тропу; в этот момент его увидел сторож.

Сторож закричал, схватил банан и помчался к Джорджу, пытаясь приманить его обратно в лагерь бананом. Джордж остановился и внимательно посмотрел на бежавшего сторожа. Подпустив его поближе, он неожиданно бросился к нему навстречу, укусил его в ногу, повернулся и быстро пошел по тропе по направлению к деревне. Бедный сторож в это время громко кричал, стоя на одной ноге. Достигнув деревни, Джордж удивился, увидев, как много людей собралось вокруг фонаря. К моменту его прихода заиграла музыка и начался излюбленный в Эшоби танец, характеризующийся быстрыми раскачивающимися движениями туловища. Несколько минут Джордж внимательно следил за представлением и решил, очевидно, что эта интересная игра затеяна специально в честь его прихода. С громким радостным криком метнулся он в круг танцующих, несколько человек споткнулись о болтавшуюся за ним цепочку. Джордж начал весело прыгать в середине круга, то и дело толкая кого-либо из окружающих. Затем он задел и опрокинул фонарь, который быстро угас. Ошеломленный внезапно наступившей темнотой и суматохой, вызванной его появлением, Джордж бросился к ближайшему танцору и прижался к его ногам.

Фонарь был снова зажжен, Джордж, получив заслуженное наказание, сел ко мне на колени, где он вел себя вполне прилично. Когда я отворачивался, он украдкой пил из моего стакана, а в остальное время внимательно и серьезно разглядывал танцующих. Танцоры, искоса поглядывая на Джорджа, снова образовали круг. Вскоре я попросил маленький барабан и, спустив Джорджа на землю, поставил перед ним этот инструмент. Джордж внимательно следил за оркестром и теперь знал, что от него требуется. Присев на корточки, он оскалил клыки в восторженной гримасе и начал изо всех сил колотить в барабан. К сожалению, его понятие о ритме отличалось от такового у остальных барабанщиков, и вызванный им беспорядочный гро-

Д

хот снова привел в замешательство ряды танцующих. Вернув барабан законному владельцу, я отправился с Джорджем обратно в лагерь.

Во второй раз Джордж присутствовал на празднестве в деревне по специальному приглашению. За два дня до того, как я должен был покинуть Эшоби и присоединиться к Джону в Бакебе, меня посетил вождь и сообщил, что в честь моего отъезда жители деревни устраивают прощальный вечер с танцами. Меня просят принять участие в торжестве. Кроме того, если я не против, жители хотят увидеть на вечере и играющую на барабане обезьяну. Вождь объяснил мне, что один из его друзей, житель другой деревни, мечтает увидеть праздник с участием музыкальной обезьяны. Я дал за нас двоих обещание прийти на торжество. За полчаса до пачала праздника я отправил в деревню два больших фонаря. Мое появление в деревне рядом с торжественно выступавшим Джорджем, которого я на всякий случай придерживал на коротком поводке, было встречено аплодисментами и приветственными возгласами. Я увидел многочисленную толпу жителей деревни всех возрастов, одетых в свои лучшие костюмы; среди прочих здесь паходился и мальчуган в привлекательном костюмчике из двух тряпок от старого мешка, на одной из которых большими белыми буквами выписано было название фирмы; вождь и члены совета падели свои самые яркие праздничные наряды. Элиаса, который был назначен распорядителем праздника, я узнал не сразу: на нем были огромные парусиновые туфли, коричневые, заколотые булавками брюки и яркая зеленая рубашка. На конце длинной цепочки для часов висел большой свисток, который Элиас частенько пускал в ход для наведения порядка. Оркестр состоял из трех барабанов, двух флейт и бубна.

После того как мой стол и стул были установлены на обычном своем месте и я обменялся рукопожатиями и словами приветствия с вождем и членами совета, Элиас вышел на середину улицы и пронзительно засвистел, требуя полной тишины. Обратившись к присутствующим, он напомнил им, по какому торжественному случаю организовано сегодняшнее празднество, и призвал их отметить мой отъезд хорошей пляской.

Речь его вызвала взрыв энтузиазма; немедленно начал образовываться круг. Элиас находился в центре круга; по его сигналу оркестр приступил к работе. Прыгая внутри круга танцующих и вихляя всем телом, Элиас непрерывно выкрикивал команды и указания: «Вперед... встречайтесь и кружитесь... поворачивайте вправо... приседайте... все вперед... снова приседайте... вперед...» и так далее. Танцоры прыгали и кружились по его команде, руки, ноги, туловища, глаза — все находилось в непрерывном движении, тени танцующих, отбрасываемые неровным светом фонарей, скользили и переплетались по земле, создавая странное фантастическое

впечатление. Барабаны грохотали и отбивали сложный ритм, флейты тонкими голосами объединяли эти удары в общую мелодию. Темп танца неуклонно нарастал, лица танцующих блестели при свете фонарей, зубы сверкали, тела корчились и извивались, ноги равномерно стучали по земле. Зрители аплодировали, раскачивались в такт аккомпанементу и одобрительными возгласами встречали каждую попытку молодых танцоров исполнить особенно замысловатый пируэт. Наконец в состоянии полного изнеможения музыканты закончили игру, и танец прекратился. Все расселось, и послышался гул многочисленных голосов.

После трех или четырех танцев Элиас подвел ко мне неприятного юнца по имени Сэмюель. Это был воспитанник школы миссионеров, говоривший по-английски в противно напыщенном стиле, вызывавшем у меня отвращение. Он был единственным жителем поселка, удовлетворительно знавшим английский язык, и ему предназначалась сейчас роль переводчика, ибо, как объяснил мне Элиас, один из членов совета собирался произнести речь. Оратор, находившийся на противоположной стороне улицы, встал, плотнее запахнул свою нарядную бледно-розовую накидку и заговорил громко и быстро на языке баньянги. Сэмюель стоял рядом с ним и внимательно слушал. По окончании каждой фразы он опрометью перебегал улицу, передавал мне ее содержание и возвращался обратно. В начале речи оратор терпеливо ждал возвращения переводчика, но постепенно, увлеченный собственным красноречием, он перестал делать паузы, и бедный Сэмюель лихорадочно метался от него ко мне и обратно. Ночь была теплая, Сэмюель, очевидно, не привык к таким упражнениям; его белая рубашка вскоре посерела от пота. Речь в переводе Сэмюеля звучала примерно так:

— Жители Эшоби! Вы все знаете, зачем мы сегодня собрались... попрощаться с джентльменом, который так долго был вместе с нами. Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека... деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек. (Дело происходило в сухой период, большинство ручьев пересохло и обмелело, так что я не был уверен, следовало ли мне радоваться приведенному сравнению.) Те, у кого были силы, ловили в лесу животных, за которых они получали хорошие деньги. Женщины и дети приносили кузнечиков и муравьев, получая за них деньги и соль. Мы, старейшины деревни, хотели бы, чтобы господин навсегда поселился у нас, мы дали бы ему землю и построили хороший дом. Но господин должен вернуться в свою страну с животными, которых мы, жители Эшоби, поймали для него. Мы надеемся, что господин расскажет жителям своей страны, как жители Эшоби помогали ему. Если господину снова нужны будут животные, он вернется в Эшоби и останется с нами надолго.

Эта речь была встречена продолжительной овацией. Я поблагодарил всех за любезность и доброту, обещал вернуться при первой же возможности и сказал, что об Эшоби и его жителях я сохраню самые приятные воспоминания. Это мое утверждение, кстати, было вполне искренним. Свой ответ я произнес на ломаном, максимально упрощенном английском языке и извинился перед слушателями за то, что не в состоянии пока беседовать с ними на родном их языке. Моя речь также была шумно одобрена присутствовавшими, к этому одобрению присоединились и громкие крики Джорджа. Затем снова заиграл оркестр, Джорджу дали барабан, и он начал колотить по нему с большим усердием, к великому изумлению и восторгу присутствовавших на празднике гостей. Было уже очень поздно, когда мы с Джорджем, бесцеремонно зевавшим всю дорогу, вернулись в лагерь. Танцы в деревне продолжались до рассвета.

Вся ночь накануне отъезда ушла на сборы багажа, упаковку животных, подготовку клеток к движению. К пяти часам утра все жители деревни собрались в лагере. Половина из них нанялась ко мне в носильщики, другая половина просто пришла проводить нас. Повара я отправил вперед в Мамфе, чтобы он приготовил там завтрак. В Мамфе нас должен был ожидать грузовик. Постепенно лагерь пустел, наиболее ценных животных я старался поручить самым надежным носильщикам. Женщин, которые несли маты из пальмовых листьев, охотничье снаряжение, кухонную утварь и прочие мелочи, я отправил вперед. За ними тронулись в путь носильщики с животными. Я распределил между пришедшими попрощаться со мной охотниками различные пустые банки и бутылки, имевшие в их глазах большую ценность. Затем, сопровождаемый плотной толпой провожающих, обмениваясь многочисленными рукопожатиями, я вышел к берегу большого ручья позади деревни, откуда начиналась лесная тропа.

Новые рукопожатия, сверкающие белые зубы, прощальные возгласы, пожелания новых и скорых встреч. Я перешел ручей и начал догонять носильщиков, голоса которых слышны были уже далеко в чаще леса.

К рассвету длинная цепочка носильщиков вышла из леса к большому, покрытому травой полю. Небо было бледно-голубое, лучи восходящего солнца освещали уже верхушки деревьев. Впереди нас над полем и тропинкой, по которой мы шли, пролетели три птицы-носорога, издавая громкие грустные крики. Элиас обернулся ко мне, по лицу его градом катил пот, на голове у него была большая клетка с летучими мышами.

— Птицы очень сожалеют, сэр, что вы покидаете Эшоби, — сказал он, дружески улыбаясь мне.

Я тоже очень сожалел, что покидал Эшоби.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАКЕБЕ И ДАЛЕЕ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗМЕИ И НЕКТАРНИЦЫ

В Бакебе я увидел, что Джон поселился в большой хижине, служившей ранее в качестве склада департамента общественных работ. Это было трех-этажное сооружение, светлое и просторное, расположенное над деревней на вершине холма. Отсюда открывался величественный вид на бесконечно колеблющийся лесной массив, тянущийся далеко за пределы Камеруна. Всевозможные и разнообразные оттенки зеленого цвета создавали своеобразную пеструю мозаику. Кое-где, подобно большим кострам, сверкали густо усыпанные ярко-красными лепестками находящиеся в цвету большие деревья. Невозможно даже приблизительно перечислить все разнообразие растительности в лесу: здесь были тонкие, покрытые бледно-зелеными листьями деревья; рядом росли плотные, похожие на дубы деревья с темно-оливковыми листьями; тут же можно было увидеть стройные красивые деревья, бледно-серебристые стволы которых вытянулись на несколько сот футов и на тонких ветках которых на огромной высоте раскинулась густая шапка мерцающих желто-зеленых листьев. К веткам и коре этих деревьев прилепились темно-зеленые пучки орхидных растений и папоротников. Многочисленные холмы, до самой вершины покрытые плотной растительностью, придают лесной поверхности необычный и странный вид: одни из этих холмов имеют форму равнобедренного треугольника, другие похожи на прямоугольный кирпич, третьи напоминают своей зубчато-чешуйчатой поверхностью спину старого крокодила. Ранним утром, когда мы смотрели на лес с вершины нашего холма, он был покрыт плотной пеленой белого тумана; с восходом солнца туман медленно рассеивался, поднимаясь к голубому небу вьющимися струйками и кольцами. Первые лучи солнца, освещая очистившиеся от тумана верхушки деревьев, создавали полную картину лесного пожара. Вскоре туман оставался лишь у подножия холмов, которые походили в эти минуты на зеленые островки в молочном море.

Д В Бакебе, как я скоро определил, было очень много пресмыкающихся. На расстоянии полумили протекала широкая полноводная река, и частенько ребятишки притаскивали нам висящих в сплетенных из травы петлях детенышей крокодила. По прибытии в Бакебе мы устроили специальный пруд для крокодилов, но очень скоро оказалось, что пруд этот необходимо расширить. Каждую неделю я пересчитывал обитателей пруда, так как без таких подсчетов я рисковал возможностью по нескольку раз покупать одних и тех же пресмыкающихся. Эти подсчеты проходили в бурной обстановке и, как правило, заканчивались перевязками поврежденных пальцев. Удивительно, что даже малюсенький, шестидюймовый крокодил при желании может очень больно кусаться. Слуги относились к еженедельным проверкам без всякого энтузиазма, считая их чрезвычайно опасными, и при первой же возможности старались от них уклониться.

Однажды слуги хуже обычного исполняли свои обязанности, и скорее в виде наказания, чем по необходимости, я послал их пересчитывать крокодилов. Вскоре я услышал громкий крик, за которым последовали удар и всплеск. Около пруда я застал полный хаос. Даниэль, подойдя к одной из решеток у пруда, поскользнулся и упал: не рассчитанная на такую нагрузку, решетка опрокинулась, потянув за собой другие по всей этой стороне ограждения. В довершение всего Даниэль с шумом свалился в пруд. Около сорока маленьких крокодилов с перепугу выскочили на берег и устремились в открывшийся проход. Вся площадка заполнилась крокодилами, быстро и проворно разбежавшимися в разные стороны с угрожающе разинутыми мордами. Я позвал на помощь, и со всех сторон ко мне бросились слуги, работавшие на кухне, в отделении птиц и в других местах. В моменты кризисов, подобные описываемому, все наши помощники независимо от их участка работы обязаны были являться на зов. В арьергарде, лишний раз подтверждая укоренившуюся за англичанами репутацию хладнокровных и невозмутимых людей, обычной своей петоропливой походкой шествовал Джон. Ко времени его появления на площадке большинство пресмыкающихся уже укрылось в кустарнике. Увидев только одного или двух крокодилов, он, естественно, поинтересовался, чем вызван весь шум и крик.

— Я думал, что у тебя разбежались все крокодилы, — огорченно сказал он, — только поэтому я и пришел сюда.

Словно в ответ из травы выползли пять крокодилов и закружились вокруг Джона. С минуту Джон задумчиво смотрел на них, не обращая внимания на тревожные крики слуг, затем нагнулся, поднял одного крокодила за хвост и протянул его мне.

— Вот один из них, старина, — сказал он спокойно.

— Не держи его так, Джон, сейчас он повернется...

Но я не успел закончить фразу. Маленькое пресмыкающееся изогнулось и вцепилось челюстями в пальцы Джона. К чести Джона следует сказать, что он не проронил ни звука: стряхнув крокодила на землю, он покинул площадку.

— Полагаю, что я тебе больше не нужен, — проговорил он на прощание, облизывая пальцы. — Я ведь занимаюсь только птицами.

Он вернулся в хижину и навернул себе на палец огромную повязку. Все остальные провели жаркий мучительный час, загоняя крокодилов обратно в пруд и восстанавливая вокруг него решетки.

Этот случай послужил началом целого ряда неприятных эпизодов в жизни Джона, связанных с пресмыкающимися. Он упорно доказывал, что все эти неприятности вызваны моим приездом в Бакебе; до этого Джон вел счастливую, свободную от вторжений пресмыкающихся жизнь. С моим приездом на Джона обрушился мир пресмыкающихся. Джон не боялся змей, но всегда обращался с ними с должной осторожностью и почтением. Будучи в состоянии издалека оценить их красоту, он не желал слишком близкого знакомства с ними. Поэтому то обстоятельство, что пресмыкающиеся в целом, и змеи в особенности, начали проявлять к Джону повышенный интерес, доставило ему много тяжелых минут.

Однажды днем, когда я собирался совершить обход расставленных на кануис силков, появился человек с плетеной рыболовной сеткой, заполненной ужами. Быстро сторговавшись с продавцом, я бросил ужей в пустую банку из-под керосина и прикрыл ее сверху доской, решив заняться ужами после возвращения из леса. Когда вечером я вернулся, оказалось, что плотник использовал доску для оборудования новой клетки, а все ужи исчезли. Решив, что они уползли в лес, я ограничился небольшим внушением плотнику, порекомендовав ему в дальнейшем быть более внимательным. Полчаса спустя, когда Джон приподнял в отделении для птиц большую тяжелую клетку, он обнаружил под ней пять жирных ужей, свернувшихся в клубок. От неожиданности Джон опустил клетку, которая больно ударила его по ноге. Началась лихорадочная погоня, в ходе которой Джону пришлось передвигать большинство клеток с птицами, под которые ужи заползли с большой ловкостью и проворством. Джон не очень радовался этому приключению, но я не мог без смеха слушать его многочисленные, хотя и не совсем связанные проклятия в адрес пресмыкающихся, а заодно и в мой.

Несколько дней спустя из деревни, запыхавшись, примчался мальчик, сообщивший мне, что на одном из банановых деревьев обнаружена змея. В этот момент в лагере не оказалось ни одного свободного слуги, и я поневоле обратился за помощью к Джону. Неохотно прекратил он свою возню с птицами и спустился со мной по склону холма. Около пятидесяти жителей

Д деревни собрались у бананового дерева позади одной из хижин. С громкими криками они показали нам змею, обвинившую большую гроздь бананов возле самой верхушки дерева и мрачно разглядывавшую собравшихся сверкающими глазами. Джон поинтересовался, ядовита ли эта змея, на что я ответил утвердительно; насколько я мог разглядеть на расстоянии, это была древесная гадюка, укусы которой чреват для пострадавшего большими неприятностями. Джон отошел подальше от дерева и собравшейся вокруг него толпы и спросил, каковы мои дальнейшие намерения. Я решил, что проще всего срезать связку бананов, на которой находилась змея.

Вокруг места вероятного падения плодов мы натянули плотную частую сетку. Я попросил Джона вооружиться палкой, встать с внешней стороны сети и в случае необходимости отражать попытки змеи пробраться через нее. Затем я одолжил у одного из зрителей нож мачете и спросил, не возражает ли хозяин дерева, если я срежу гроздь незрелых плодов. Несколько голосов из толпы ответили, что они ничего не имеют против; лишь значительно позднее выяснилось, что хозяин дерева категорически возражал, и мне пришлось умиротворить его несколькими шиллингами. Я подошел к дереву, небрежно помахивая мачете. Толпа все увеличивалась, зрители с нетерпением хотели ознакомиться со способами ловли змей, применяемыми белыми. Для пачала всем очень понравилось, что я не достаю до нужной ветки и поэтому не в состоянии срезать гроздь.

— Я срублю все дерево, — обратился я к Джону.

— Хорошо, только сначала разгони всю эту толпу. Если проклятая гадюка будет иметь большой выбор, она наверняка кого-нибудь укусит.

— Не беспокойся, в случае необходимости камерунцы легко убегут от змеи.

Я с размаху ударил по стволу дерева. На взгляд он казался твердым, но в действительности был мягким, сочным, волокнистым и легко поддался удару ножа. После второго же удара, к большому моему изумлению, дерево накренилось и упало на землю. К несчастью, случилось так, что упало оно прямо на то место, где находился Джон. С неожиданным для меня проворством Джон отпрыгнул в сторону и уклонился от прямого соприкосновения со стволом. Гроздь банановых плодов при падении сорвалась с дерева и, упав на землю, подкатилась к ногам Джона. Гадюка сердито зашипела. Как я и предсказывал, толпа мгновенно разбежалась, и Джон остался наедине с рассвирепевшей змеей. Их разделял только кусок непрочной сети. Оказалось, что я неверно определил размеры змеи; она легко проползла через ячейку сети, скользнула под ногами остолбеневшего Джона и скрылась в кустах. Искать ее в густых зарослях не было смысла, поэтому я стал освобождать сеть из-под рухнувшего дерева. Джон мрачно следил за мной.

— Я убедился, что меня совершенно не привлекает охота на змей, — говорил он наконец, — в дальнейшем прошу не рассчитывать больше на мою помощь.

— Но ты им как будто нравишься, — возразил я. — Они просто очарованы тобой. Если к твоим ногам прикрепить сети, мы поймем множество змей, которые будут стремиться к тебе. Ты должен гордиться, не всякий обладает таким магическим влиянием на пресмыкающихся.

— Благодарю, — сухо ответил Джон. — Твое предложение меня не устраивает — сети в ногах будут сковывать мои движения. Я вполне удовлетворен работой с птицами и не намерен расширять репертуар за счет пресмыкающихся.

Повернувшись, он пошел к нашему дому, предоставив мне возможность самому вести разговор с подошедшим хозяином срубленного дерева.

Последний случай произошел три дня спустя. Какой-то разговорчивый охотник принес небольшую корзинку, в которой свернулась толстая красивая гадюка габун. Кожа этой слегка приплюснутой змее покрыта причудливыми красочными узорами. Купив змею, я показал ее Джону. Пресмыкающееся недавно сменило кожу, которая переливалась и сверкала сейчас сияющим сочетанием розового, красного, светло-коричневого, серебристого и шоколадного цветов. Джон выразил свое восхищение, но умолял меня надежно запереть змею.

— Она очень ядовита, старина?

— Да, укус ее смертелен.

— Ради бога, спрячь ее в хорошую клетку. Вспомни ужей, не нужно, чтобы повторилась эта история.

— Не беспокойся, у меня для таких змей построена специальная клетка.

И неподвижная гадюка была торжественно водворена в специальную клетку. Все было бы хорошо, если бы не разразилась гроза. Когда началась гроза, я принимал ванну; вспомнив, что клетки со змеями находятся под открытым небом, я приказал слугам немедленно внести их под навес. От влаги дерево коробится, а змее, для того чтобы выбраться из клетки, достаточно самая маленькая трещина. Клетки со змеями внесли в помещение и поставили рядом с клетками обезьян. Успокоившись, я решил закончить ванну.

Джон сидел в пижаме за столом и сосредоточенно вырезал из старых консервных банок маленькие лоханки, из которых он собирался поить птиц. Я заканчивал в комнате свой туалет, когда какое-то движение под креслом Джона привлекло мое внимание. Накинув на себя халат, я подошел ближе и увидел на полу в шести дюймах от обутых в комнатные туфли ног Джона габуна. Судя по прочитанным книгам и рассказам бывалых людей, я полагал, что в подобные минуты с жертвами несчастных случаев

Д следует разговаривать исключительно хладнокровно, избегая паники и резких движений. Поэтому, слегка откашлявшись, я мягко, почти нежно произнес:

— Сиди спокойно, старина, у тебя под ногами гадюка габун.

Оказалось, что мне не следовало сразу упоминать гадюку. Мои слова вызвали у Джона мгновенную и сильную реакцию. Он вскочил со стула с огромной быстротой, консервная банка, молоток и ножницы полетели в разные углы комнаты, стол был немедленно опрокинут. Гадюка, удивленная внезапно возникшим переполохом, выползла из-под стула и поползла к клеткам обезьян. Я кинулся за ней, и после нескольких томительно напряженных минут мне удалось накрыть ее сачком для ловли бабочек. Гадюка была немедленно водворена в прежнее помещение. Скоро я обнаружил и виновника происшествия. Клетки змей поместили слишком близко к обезьянам, и одна самка дрила, развлекаясь, просунула руку через решетку и открыла все клетки со змеями, до которых она могла дотянуться. Ближайшей, к сожалению, оказалась клетка гадюки. Джон произнес по моему адресу несколько выразительных и вполне справедливых слов. Я согласился, что, если бы гадюка его укусила, он распростился бы с жизнью; в Камеруне, насколько мне известно, не знают сыворотки от укуса ядовитых змей, ближайший врач находился на расстоянии двадцати пяти миль, и у нас не было никакого транспорта.

— Почему бы тебе снова не поехать куда-нибудь? — жалобным тоном допытывался Джон. — Уже три недели, как ты приехал в Бакебе из Эшоби, пора снова отправляться в лес за животными.

— Да, — задумчиво поддержал я, — с каким бы удовольствием я снова отправился в лес, если бы ты согласился взять на себя заботу об оставляемых здесь животных.

— Куда ты хочешь идти?

— На гору Нда-Али.

— Прекрасная идея, — оживился Джон, — ты можешь даже расшиться на одной из скал, если тебе очень повезет.

Нда-Али была самой высокой горой в окрестностях Бакебе. Она нависала над деревней и над нашим маленьким холмом. Почти с любого места видны были ее окутанные туманами и облаками очертания, на крутых и мрачных гранитных скалах не было даже следов какой-либо растительности. Ежедневно я по несколько раз с волнением рассматривал вершину горы, и каждый раз Нда-Али представлялась мне в ином виде. Ранним утром она казалась огромным, притаившимся в тумане чудовищем; в полдень она сияла зелеными и желтыми красками леса, скалы ее блестели и сверкали в солнечных лучах; к ночи она выглядела пурпурной и неопределенно бесформенной, исчезая во мгле с заходом солнца. Иногда она пряталась от

нас, закрываясь белыми тучами и пропадая порой на два-три дня. Рассматривая острые скалы, охраняющие лесные дебри на приподнятой вершине горы, я все больше проникался желанием добраться до этих лесов и познакомиться с таившимися в них загадками. Учтя стремление Джона как можно быстрее избавиться от меня, я приступил к расспросам среди местных жителей. Я узнал, что гора Нда-Али входит в сферу влияний жителей соседнего поселка Финешанг и, конечно, что в горах обитают злые духи ю-ю. Ни одна мало-мальски уважающая себя гора не могла бы обойтись без злых духов. Дальше мне удалось узнать, что злые духи разрешили жителям Финешанга охотиться и ловить рыбу только на нижних склонах горы и лишь один человек имел право доступа к ее вершине. Этот человек был и единственным жителем поселка, знавшим, какими тропами можно добираться до вершины горы. Я послал этому фавориту злых духов послание, в котором выразил свое уважение и высказал пожелание вместе с ним на один день подняться на вершину Нда-Али. После этой первой прогулки и намеревался, передав этому охотнику командование над группой охотников, птицеловов и слуг, разбить лагерь на заросшей лесами вершине Нда-Али. С плохо скрываемым нетерпением ожидал я ответа на мое послание, взоры мои с тоской обращались в сторону таинственной горы.

Коллекция птиц, собранная Джоном, достигла к тому времени больших размеров и отнимала все его время. Помимо приготовления нищи (крутых лиц, мелко парубленного вареного мяса, сушеных фруктов и т.д.), Джон несколько раз в день обходил все клетки, имея при себе банки, наполненные кузнечиками и личинками ос. С помощью специальных щипчиков он собственными руками кормил каждую птичку; при таком методе кормления он всегда был уверен, что каждый из его пернатых пленников хорошо питается и находится в удовлетворительном состоянии. Терпение и усердие Джона приводили меня в восхищение; под его ласковыми заботами птицы чувствовали себя превосходно и весело щебетали в своих легких деревянных клетках. Больше всего Джон огорчался, когда ему приносили изувеченных и умирающих птиц. Он показывал мне красивых, с ярким оперением пташек и говорил сердито:

— Смотри, дружище, какая прекрасная вещь стала теперь совершенно бесполезной только потому, что эти дурни не умеют как следует с ними обращаться. Крыло у птицы переломано, она теперь уже никуда не годится. Мне просто плакать хочется, честное слово.

После этого у Джона с охотником происходил примерно следующий разговор:

— Это плохая птица, — говорил Джон, — она ранена и скоро умрет.

— Нет, сэр, — отвечал охотник, — она не ранена, сэр.

— У нее переломано крыло, ты слишком крепко связал ее.

Д

— Нет, она не умрет, сэр. Это хорошая птица, сэр.

— Что делать с этими олухами? — поворачивался ко мне Джон. — Они всегда уверяют меня, что птица не умрет, даже если у нее переломаны все кости.

— Да, они делают все возможное, чтобы переубедить тебя.

— Но мне это так надоело! Я заплатил бы за эту птицу пять шиллингов, если бы она была в хорошем состоянии.

Однажды охотник принес гвинейскую цесарку величиной с крупного цыпленка, с серо-голубым, усыпанным белыми пятнами оперением; голова ее была украшена гребнем пушистых черных перьев. Она находилась в тяжелом состоянии, и беглый осмотр убедил Джона в том, что птица доживает последние минуты своей жизни.

— Я не куплю ее, — сказал Джон, — она сейчас умрет.

— Нет, сэр, она не умрет. Это сильная птица. Я покажу сэру, — и он посадил птицу на землю. В тот самый момент, когда охотник вторично принялся доказывать, что птица не умрет, она перевернулась, сделала несколько конвульсивных движений и издохла. Незадачливый охотник начал быстро спускаться по склону холма, сопровождаемый смехом и оскорбительными выкриками слуг.

Незадолго до этого случая Джону принесли другую гвинейскую цесарку вместе с шестью яичками, которые она высидывала в момент поимки. Нам удалось приобрести в поселке наседку, которую мы и посадили в найденное гнездо. Вскоре на свет вылупились восхитительные желтовато-серые птенцы, которые начали бегать вокруг своей приемной матери, как настоящие цыплята. К несчастью, наседка оказалась большой, сильной и тяжелой птицей и постоянно наступала на своих питомцев. Она явно гордилась своими приемышами, но давила их с полнейшим равнодушием и невозмутимым выражением. В отчаянии Джон кинулся на поиски другой, менее массивной и более легкой в движениях мачехи, но безрезультатно. Большая неуклюжая наседка медленно, но верно передавила одного за другим всех хрупких, маленьких птенцов. Спустя некоторое время в лагерь снова принесли несколько найденных в гнезде цесарки яиц; на этот раз мы приобрели и более миниатюрную наседку. Но, вероятно, яйца слишком долго были в руках охотника, который к тому же не очень осторожно с ними обращался, во всяком случае на этот раз не вылупился ни один цыпленок. Джон очень расстроился от этих неудач. У него, правда, было шесть самок гвинейской цесарки, но он мечтал хотя бы об одном самце, чтобы впоследствии в Англии, в превосходных птичниках с тонкими хрупкими бентамками и шелковистыми курами, получить и вырастить новых гвинейских цесарок.

Тяжелые дни пришлось нам пережить, когда эпидемия микозиса прокатилась по клеткам с птицами и унесла много ценных и редких экземпля-

ров. При этой тяжелой и заразной болезни легкие птиц быстро зарастают какой-то плесенью, которая распространяется затем и на остальные внутренние органы птицы, приводя к быстрому смертельному исходу. Признаки болезни обнаруживаются у птиц уже на поздней стадии, когда они начинают тяжело дышать. В этот момент спасти их уже невозможно. Когда эта страшная болезнь обрушилась на птичью колонию, Джон пытался бороться с ней всеми возможными путями. Потери, однако, не уменьшались. Погибли птицы, на получение которых были затрачены месяцы и заменить которых было уже невозможно. Джон объяснил мне, что единственным средством, которое могло оказаться эффективным в борьбе с микозисом, был йодистый калий. Вопрос заключался в том, каким образом в гуще лесов Камеруна достать этот препарат. В Мамфе находилась небольшая больница. Посетив ее, я узнал, что йодистого калия там нет. Шансы на возможность спасения остатков коллекции птиц значительно уменьшились. Зайдя за покупками в один из магазинов «Юнайтед Африка Компани», я случайно наткнулся на несколько запыленных бутылок, сваленных в темном углу лавчонки. Подняв из любопытства одну из них к свету, я с удивлением прочитал на этикетке, что внутри находится раствор йодистого калия. Подозвав хозяина, я спросил, действительно ли в бутылках содержится йодистый калий.

— Проклятое снабдье, — ответил хозяин. — Мне прислали его из Какабары с последней лодкой. Я и не знаю, что с ним делать, никто его не покупает.

— Вы уже продали всю партию, — торжественно провозгласил я.

— Зачем вам пужна дюжина таких бутылок? — изумился хозяин.

Я вкратце объяснил ему суть дела.

— Но вы уверены, что вам нужны все двенадцать бутылок? Это ведь очень много.

— Без йодистого калия погибнут все наши птицы. Я не хочу, чтобы несчастье произошло из-за того, что я привез слишком мало лекарства. Поэтому я возьму весь ваш запас. Сколько вы за него просите?

Хозяин назвал цену, по которой вполне можно было продавать и более дорогие вещи, но у меня не было выхода. Бережно уложив бутылки в грузовик, я помчался к Джону в прекраснейшем настроении.

— Я достал немного йодистого калия, старина, — крикнул я с порога, — так что у тебя больше нет оснований убивать своих птиц.

— Чудесно! — обрадовался Джон и изумленно посмотрел на ящик, который я принес. — Это все йодистый калий?

— Да, это все, что мне удалось достать. Я не знал, сколько тебе нужно. Этого количества тебе достаточно?

Д — Достаточно? — тихо переспросил Джон. — Этого количества достаточно для пятидесяти коллекционеров примерно на двести лет.

И еще много месяцев спустя наш багаж был переполнен бутылками с йодистым калием. Мы не могли отделаться от него. Мы постоянно чувствовали его запах, бутылки опрокидывались на наши чистые рубашки, противная жидкость непонятным образом применялась к нашим напиткам. Но все же главное было достигнуто — эпидемия микозиса полностью прекратилась.

К этому времени я почти забыл о послании пасчет восхождения на Нда-Али, отправленном таинственному охотнику в Финешанг. Поэтому я удивился, когда ко мне пришел житель Финешанга и сообщил, что охотник рад будет совершить со мной однодневную вылазку в горы в любое удобное для меня время. Я назначил день и попросил передать, что рано утром буду в Финешанге. Одновременно я отправил охотнику пачку панирос и бутылку пива, чтобы попытаться установить со злыми духами хорошие отношения.

— Ты собираешься идти в четверг? — переспросил Джон, выслушав мой рассказ. — Неужели ты надеешься добраться до вершины и вернуться в тот же день обратно?

Мы одновременно взглянули в сторону багровевших в лучах заходящего солнца почти отвесных скал Нда-Али.

— Думаю, что успею. Во всяком случае, я сделаю для этого все, от меня зависящее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОЙМАННЫЙ АРКТОСЕБУС

Наступило чудесное свежее утро назначенного для выхода в горы дня. Нда-Али был закрыт плотной стеной тумана. Над лесом переливались волны и клубы тумана, из гущи, подобно заблудившимся во мгlistом море кораблям, выплывали залесенные вершины холмов. В лучах восходящего солнца лес все больше начинал мерцать золотисто-зеленой окраской.

Я легко согласился прибыть в Финешанг к одиннадцати часам утра. Но только накануне вечером я сообразил, что от нашего дома до Финешанга десять миль и пройти это расстояние пешком по пыльной дороге не доставит мне большого удовольствия. На состоявшемся в последний момент совещании я узнал, что у почтальона, находившегося в это время в деревне, имеется хороший новый велосипед. Владелец его охотно согласился одол-

жить мне на один день свою машину. Рано утром к нашему дому торжественно подвели большой тяжелый велосипед. Я решил взять с собой в дорогу Даниеля, выбрав его прежде всего потому, что он был меньше всех остальных наших сотрудников и легко мог уместиться на раме. Кроме пассажира, я захватил с собой две большие корзины: одну с охотничьими принадлежностями, другую с запасом пива и бутербродов на долгую и утомительную дорогу. Пока я привязывал свой багаж к велосипеду, появился Джон.

— Зачем тебе столько пива? — поинтересовался он.

— Во-первых, подъем на такие горки всегда возбуждает у меня жажду; во-вторых, я уже убедился, что пиво прекрасно действует на злых духов.

Даниель приблизился и испуганно посмотрел на меня. Чувствовалось, что он не слишком доверял моему умению обращаться с велосипедом.

— Где я должен сидеть, сэр? — спросил он.

— Здесь, на раме.

Наклонившись, я посадил его на раму велосипеда. Даниель судорожно вцепился в руль, свернул его, и мы с шумом свалились на землю; раздался мелодичный звон пивных бутылок.

— Мне кажется, что я присутствую не при отправке в путь научной экспедиции, а при сборах пьяной компании, — серьезно сказал Джон.

Я выправил машину, Даниель снова занял свое место, на этот раз без всяких приключений. Мы медленно начали спускаться вниз по тропе.

— Всего доброго, старина! — крикнул мне вдогонку Джон.

— Всего доброго! — ответил я, осторожно объезжая многочисленные рытвины.

— Вечером увидимся! — Но в голосе Джона я не уловил твердой уверенности в осуществлении этого пожелания.

Спустившись с холма, я выехал на дорогу, по которой повел велосипед, все время стремившийся сбиться с прямого пути. Несмотря на все мои доводы, Даниель изо всех сил вцепился в руль велосипеда, и я с большим трудом удерживал машину от падения. Езда на велосипеде по дорогам Камеруна не доставляет никакого удовольствия: густая мелкая красноватая пыль тучами поднимается кверху, обволакивая велосипедиста; внезапно появляющиеся глубокие рытвины и ухабы держат в непрерывном напряжении и заставляют выписывать на дороге замысловатые зигзаги; примерно через каждые сто ярдов пути дорога покрыта множеством крупных острых камней, тряска по которым доводит человека до иступления. Спустя каждые полмили мы переезжали мостик, состоявший из двух толстых бревен с настеленными в большинстве случаев поперек бревен досками. В самом начале пути я по глупости пытался проехать по мосту с продольно настеленными досками. Переднее колесо попало в щель настила, застряло там, и я, Даниель и весь наш багаж вместе с велосипедом упали на землю.

Д Вскоре солнце поднялось над туманом, и на открытой дороге стало нестерпимо жарко. Мы не проехали еще и половины пути, а я весь истекал потом, глаза и рот у меня были забиты пылью. Спустившись с одного из холмов, мы подъехали к очередному мостику через широкий, но мелкий ручей. Высокие деревья отбрасывали густую тень на белоснежные песчаные берега. Я не выдержал.

— Отдохнем немного, Даниель, — проговорил я хриплым голосом. — Может быть, мы и здесь поймаем какого-нибудь зверя.

Я прекрасно знал, что в таком месте и в такое время никаких зверей мы не увидим, но я мечтал окунуться в чистые мерцающие воды ручья и смыть насевшую на меня пыль. Поставив велосипед у придорожной канавы, мы спустились к ручью, разделись и бросились в воду, которая сразу приобрела кроваво-красный цвет от принесенной нами пыли. Полчаса спустя мы еще сидели на отмели, наслаждаясь чудесной прохладой. Внезапно я увидел странную картину, которая вывела меня из дремоты. Длинная коричневая полоска, напоминающая водоросль, оторвалась от скалы неподалеку от меня и быстро поплыла против течения к группе камней. Я вскочил с места и с криком бросился за ней. С помощью Даниеля мне удалось приподнять камень, под которым пыталось скрыться это странное существо. Нагнувшись, я взял в руки оригинальную рыбу. Она была длинной, узкой, тонкой, с коричневой окраской и по-прежнему удивительно напоминала вытянутое растение. Голова ее была сильно сплюснута, круглые глаза блестели и казались более выразительными, чем глаза обыкновенных рыб. Я узнал эту разновидность, так как в прошлом провел немало счастливых часов в южном Средиземноморье, занимаясь ловлей ее сородичей. Это была морская игла. Я был поражен, так как никогда не думал встретить в африканской реке пресноводную морскую иглу. Мы отгородили от ручья небольшой затон и пустили туда рыбу. Она немедленно прикрепилась к скале и начала плавно извиваться и покачиваться в воде. Я стал припоминать основные сведения о морской игле: каковы ее привычки, чем она питается, как размножается. Эти и многие другие вопросы всплывали один за другим. С горечью я подумал, да уже и не в первый раз, что, занимаясь коллекционированием различных зверей для того, чтобы обеспечить себе средства существования, не имеешь времени и возможности серьезно продумать многочисленные, возникающие на каждом шагу вопросы. В частности, история появления в маленьком пресноводном ручейке такой необычной рыбы сама по себе представляет большой интерес, но заниматься этим у меня не было времени. Я выпустил морскую иглу, и она быстро исчезла в глубине ручья. Мы вернулись к дороге и снова сели на велосипед, который я уже успел возненавидеть. Я равномерно крутил педали и чувствовал, как пыль снова оседает на мне густым покрывом.

Через полчаса, когда мы спускались по длинному пологому склону холма, я увидел двигавшегося нам навстречу человека. Подъехав ближе, я разглядел у него небольшую корзинку из зеленых пальмовых листьев; в таких корзинках мне обычно приносили пойманных зверей.

— Этот человек поймал зверя, Даниель? — спросил я, затормозив велосипед.

— Кажется, да, сэр.

Мужчина медленно шагал по пыльной дороге. Приблизившись, он снял головной убор и улыбнулся; я узнал одного из жителей Эшоби.

— Добрый день! — крикнул я. — Ты идешь ко мне?

— Добрый день, сэр! — ответил он, показывая мне свою зеленую корзинку. — Я принес вам зверя.

— Надеюсь, что это хороший зверь, в противном случае ты напрасно проделал такой длинный путь.

Я взял у него корзинку.

Даниель и охотник обменялись рукопожатиями и быстро заговорили на своем родном языке.

Я приоткрыл корзину и заглянул внутрь, надеясь увидеть там мешотчатую крысу, или белку, или какого-нибудь другого обыкновенного, ничем не примечательного зверька. Но на дне корзинки, глядя на меня большими золотистыми глазами, сидел ангвантибо — тот самый ангвантибо, на поиски которого я мобилизовал в свое время всех охотников Эшоби.

В жизни, к сожалению, очень редко встречаются минуты полного, совершенного счастья. Именно такие редкие минуты я пережил при виде пойманного ангвантибо. Даниель и охотник решили, очевидно, что я сошел с ума: прямо на дороге я проделал несколько диких прыжков, громкими криками распугал находившихся поблизости птиц, хлопал по плечу охотника, Даниеля, если бы сумел, похлопал бы по плечу и себя. После многих месяцев тщетных поисков я наконец имел в руках настоящего живого ангвантибо. Сознание этого, как хмель, ударило мне в голову.

— Когда ты его поймал? — спросил я после того, как возбуждение мое немного улеглось.

— Вчера днем, сэр.

Из этого следовало, что драгоценный зверек уже почти сутки находился без пищи и воды. Нужно было срочно доставить его в Бакебе, поместить в хорошей клетке, накормить и напоить.

— Даниель, я быстро поеду в Бакебе, чтобы накормить зверя, а ты пойдешь вместе с охотником пешком.

— Хорошо, сэр.

Оставив Даниеля с обеими корзинами, я повернул велосипед, подвесил себе на грудь корзинку с ангвантибо и поехал обратно в Бакебе. Я несся

Д вперед, не замечая пыли, мостов, рытвин. Мной владела единственная мысль — быстрее поместить драгоценного зверька в подходящей клетке, обеспечить его надлежащим уходом и пищей. Добравшись наконец до Бакебе, я оставил велосипед в деревне и побежал вверх по холму к нашему дому. На полпути мне вдруг пришла в голову страшная мысль: не ошибся ли я, решив, что в корзинке находится ангвантибо? Быть может, это просто детеныш западноафриканского лемура, который очень похож на ангвантибо? Затаив дыхание, я приоткрыл корзинку и снова взглянул на зверька. Быстро установив характерные особенности ангвантибо, я успокоился. Количество и очертания пальцев на лапах, размер ушей, отсутствие хвоста — все признаки подтверждали, что предо мной был настоящий ангвантибо. Облегченно вздохнув, я продолжил путь.

Вскоре я увидел Джона, медленно прохаживавшегося вдоль клеток и следившего за кормлением птиц. Широко размахивая шляпой над головой, радостный и возбужденный, я издали начал выкрикивать отчет о случившемся:

— Джон, я достал ангвантибо... живого и здорового... ангвантибо... ты слышишь?

Все слуги бросились мне навстречу, чтобы увидеть зверя, о котором я столько рассказывал и за поимку которого установил огромную цену. Они улыбались и переговаривались, разделяя мой восторг и возбуждение. Джон, напротив, не проявил ни малейшего интереса к радостному событию. Взглянув на меня через плечо, он проронил небрежно:

— Это хорошо, старина, — и продолжал кормить своих птиц.

Ни одно животное не вносило своим появлением в лагере и половины той суматохи, которую вызвало появление ангвантибо. Семья мешотчатых крыс, мирно дремавшая в клетке, была без всяких церемоний изгнана в другое помещение. Клетка после тщательной чистки была приспособлена в качестве временного жилья для ангвантибо. Плотнику было дано задание в кратчайший срок построить самую лучшую клетку, какую только он в состоянии сделать. Слуги были разосланы в разные стороны в поисках яиц, поу-поу, бананов, мертвых птиц. Когда бывшая клетка крыс была оборудована многочисленными жердочками и перекладинами и на покрытом чистыми опилками полу были расставлены миски с водой и пищей, наступил торжественный момент. Окруженный толпой слуг, каждый из которых едва осмеливался дышать, боясь встревожить дорогого пленника и навлечь на себя мой гнев, я осторожно вытряхнул ангвантибо из корзинки в отведенное ему помещение. Зверек несколько секунд осматривался, затем подошел к одной из мисок, засунул в рот кусок банана, быстро забрался на одну из перекладин и, притаившись, принялся поспешно уплетать его. Я был приятно удивлен, так как опасался, что перемена обстановки отри-

чительно скажется на аппетите животного. Видя его сидящим на перекладине и мирно жующим банан, я вдруг почувствовал такую гордость, как будто поймал его в лесу собственными руками.

— Джон, — позвал я хриплым шепотом, — пойди, посмотри на него.

— Очень милый маленький зверек, — отозвался Джон. Это была в устах Джона высочайшая похвала по адресу живых существ, не принадлежащих к миру пернатых. Но ангвантибо действительно был милым маленьким зверьком. Он немного походил своим плотным золотисто-коричневым мехом, сутулой спиной и яркими бусинками глаз на игрушечного плюшевого медвежонка. Величиной он был с месячного котенка, по сравнению с толстым, покрытым густым мехом туловищем ноги его казались длинными и тонкими. Руки и ноги его имели большое сходство с человеческими, только первые два пальца на руках были значительно укорочены. Это позволяло зверьку легко цепляться за жерди и перекладины: схватившись руками за толстую жердь или ветку, он висел на ней, как приклеенный.

Больше получаса провел я в почтительном молчании возле клетки. За это время ангвантибо съел полтора банана, примостился на сравнительно пологой перекладине, крепко обхватил ее руками и ногами, положил голову между руками и задремал. Осторожно накрыл я клетку куском ткани, чтобы солнечные лучи не беспокоили спящего, и на цыпочках отошел в сторону.

Через каждые полчаса я подкрадывался к клетке, чтобы убедиться, что зверек не упал с жерди и не унесен злыми духами. В ближайшие два дня я по утрам вскакивал и бежал к клетке, не успевая даже выпивать традиционную чашку чаю, к великому изумлению слуг. Даже Джон заразился моим волнением: высунувшись из-под москитной сетки, он с беспокойством следил, как я снимал накидку с передней стенки клетки и заглядывал внутрь.

— Все в порядке? — спрашивал он. — Как зверек кушал?

— Хорошо, он съел полбанана и дохлую птицу.

Суматоха, вызванная появлением в лагере ангвантибо, или, если называть его точно, *Arctocebus calabarensis*, объяснялась несколькими причинами. Прежде всего, животное это встречается чрезвычайно редко: оно водится только в лесах Камеруна, причем в очень небольшом количестве. Во-вторых, им очень заинтересовался Лондонский зоопарк, от которого мы получили заказ на поимку этого вида животных.

Хотя ангвантибо и известен ученым с 1859 года, в Британском музее не больше дюжины чучел и шкур этих животных. Натуралисты сходятся во мнении, что ангвантибо встречаются чрезвычайно редко и поймать их очень трудно. Ангвантибо относятся к группе лемуров — животных, близко стоящих к обезьянам. Известен лишь один случай, когда ангвантибо со-

Держали в неволе и наблюдали за ним в искусственных условиях, но я был бы первым, кто привез живого ангвантибо в Англию. В случае успеха нашего эксперимента зоологи и анатомы впервые получили бы возможность изучать привычки и образ жизни ангвантибо. Поэтому я и не хотел допускать ни малейшего риска при уходе за пленником, так как понимал, что, потеряв его, я вряд ли мог рассчитывать пайти замену.

Я должен отдать справедливость зверьку и отметить, что он не доставлял нам значительных хлопот. С первых же дней определился его вкус к бананам и дохлым птицам. Пищу он охотно запивал молоком, перед сном с удовольствием проглатывал полдюжины кузнечиков. Целыми днями он спал, плотно прижавшись к жерди и спрятав голову между передними лапами. Вечером, перед заходом солнца, он обычно просыпался, быстро встряхивался, несколько раз зевал, показывая при этом широкий розовый язык, и начинал прогулку по клетке, очевидно, с целью нагнать аппетит. Он спускался по одному краю клетки, переходил по полу к противоположной стене, снова поднимался вверх, карабкаясь между жердями и перекладами, возвращался на прежнее место и начинал все с самого начала. Это круговое движение длилось около часа, пока не подходило время кормления. Как только в клетке появлялась миска с едой, ангвантибо приступал к трапезе, не выказывая никаких признаков страха. Иногда он спускался на землю, низко склонял голову и выгибал спину; в эти минуты он особенно походил на крошечного медвежонка. Если миска стояла прямо под какой-нибудь подходящей перекладной, он повисал на ней, ухватившись за нее ногами, хватал руками куски банана и засовывал их в рот, облизывая губы и слизывая с посо банановый сок. Единственными звуками, которые я слышал от него, были слабое, похожее на кошачье мурлыканье и тихое шипение, когда я пытался дотронуться до него. С большим трудом удавалось мне снимать его с жерди, в которую он вцеплялся лапами с невероятной для своего размера силой. Приходилось обхватывать его вокруг туловища и изо всех сил тащить, в то время как он упирался и при случае старался укусить меня в руку острыми, как иголки, зубами.

Неделю спустя, убедившись, что Аркто, как мы называли зверька, хорошо прижился в лагере, я повторил попытку познакомиться с Нда-Али. Снова мы с Даниелем двинулись в путь по пыльной ухабистой дороге, но на этот раз ничто нас не задержало, и к одиннадцати часам утра, усталые, мокрые и взъерошенные, мы прибыли в Финешанг. Там нас уже ожидал охотник, необыкновенно мрачный. Без всяких задержек мы отправились в путь. Даниеля я оставил в деревне, решив, что слабому юноше трудно будет совершить подъем на крутую высокую гору. Не прошли мы, однако, и половины пути, как я понял, что и мои собственные силы также могут оказаться недостаточными.

Охотник поднимался по крутому склону горы с удивительной быстротой. Я карабкался за ним, стараясь сохранить престиж белого человека, пот градом катился по моему лицу. Лишь однажды охотник немного замедлил шаг: произошло это тогда, когда зеленая мамба, пожалуй, наиболее быстрая и ядовитая из встречающихся в Западной Африке змей, зеленой стрелой пересекла тропинку перед нами. Она появилась на стволе одного из деревьев, скользнула по тропинке в трех футах от охотника и исчезла в кустах. Охотник застыл на месте, лицо его покрылось смертельной бледностью. Свирепо взглянув в ту сторону, где исчезла змея, он повернулся ко мне.

— Уг! — произнес он выразительно и энергично.

С момента нашего выхода из деревни это было первое обращенное ко мне слово, и я счел себя обязанным на него ответить.

— Уг! — согласился я.

Дальше пошли молча. Пройдя около половины пути, мы вышли к широкому, но мелкому озерцу, в которое впадал небольшой ручей. Мой спутник разделся и начал купаться в ручье. Я последовал его примеру. Искушавшись, охотник стал жадно пить воду из ручья. Я примостился на скале и решил открыть бутылку пива, но обнаружил, что не захватил с собой штопор. Помянув недобрым словом слугу, укладывавшего мою корзину, я отбил горлышко и стал пить прямо из бутылки, надеясь, что я не проглочу вместе с пивом и осколки стекла. Охотник в это время с подобающей скромностью скрылся за одной из скал. Напившись, я принялся искать лягушек среди скал на берегу ручья.

Вскоре появился мой проводник, и мы пошли дальше. Я двигался почти машинально, пот непрерывно заливал мне глаза. Эта часть путешествия совершенно выпала из моей памяти. Я очнулся, когда мы вышли из леса на маленькую, залитую солнцем поляну, густо заросшую высокой травой. Стадо мона-гвенонов, вспугнутое нами, убежало с поляны и, шурша листьями, забралось на деревья. Мы долго слышали шум от их движения и громкие крики «оинк... оинк...». На краю поляны находилась огромная скала, величинной с большой дом, венчавшая склон горы, по которому мы только что поднялись. С этой скалы передо мной раскрылась изумительная панорама.

На многие мили во всех направлениях раскинулась неровная поверхность тропического леса. Местами вырисовывались причудливые очертания холмов, покрытых деревьями, листва которых давала самые различные оттенки и сочетания зеленого цвета. Далеко внизу под нами, подобно нарисованной мелом на зеленом фоне тонкой белой полоске, виднелась дорога. Быстро охватив ее взглядом, я нашел Бакебе, холмик рядом с ним и наш крохотный домик на холме. Прямо перед нами лес уходил за французскую границу, справа, тускло мерцающая в дымке полуденного зноя, похожая на нелесный туманный отпечаток на голубом небосводе, примерно в восьмидеся-

Д ти милях от нас вырисовывалась гора Камерун. Это было захватывающее, изумительное по красоте зрелище; впервые я по-настоящему охватил величие и беспредельность лесных массивов Африки. Сплошной пояс тропических лесов пересекал всю Африку и лишь далеко на востоке — в Кении, Танганьике, Родезии — переходил в полосу саванн. Эта мысль поразила меня; закулив, я принялся считать, сколько зверей приходится на одну квадратную милю лесов, но после нескольких минут, заполненных сложными арифметическими выкладками, мне пришлось отказаться от подобных расчетов.

Охотник лежал на скале и дремал. Я сидел рядом с ним, с помощью бинокля рассматривал различные участки леса и не мог оторваться от этого занятия. Я следил за полетом птиц-носорогов над вершинами деревьев, казавшимися на таком расстоянии головками цветной капусты. Я следил и за движением стада обезьян по лесу; самих обезьян я не видел, но колыхание листьев указывало направление их пути.

На дороге показалось красное пятнышко, походившее на экзотического красного жука. Это был двигавшийся из Мамфе в Кумбу грузовик, поднявший за собой тучу пыли. Некоторое время я следил за машиной, а затем заинтересовался чем-то другим. Позднее, когда я вернулся домой, выяснилось, что замеченный мною грузовик провалился вскоре на одном из мостов и упал в ручей с двадцатифутовой высоты. Джону пришлось уделить полдня оказанию первой помощи пострадавшим пассажирам.

Пока охотник мирно спал, я спустился со скалы и начал осматривать поляну. На противоположной стороне в лесу, футах в двадцати от опушки, я наткнулся на прогалину между стволами крупных деревьев; маленький ручеек журчал здесь между покрытыми мхом камнями. Я решил, что это наиболее подходящее место для разбивки лагеря. Пока я исследовал местность, рассматривая камни и деревья, я неожиданно вышел на другую поляну, значительно больше первой. Таким образом, облюбованное мною место для лагеря находилось между двумя полянами. Я счел такое местоположение особенно удобным, надеясь встретить на полянах интересных животных.

Когда я вернулся, охотник уже не спал. Я предложил возвращаться домой, так как основное мне уже было ясно, а времени до вечера оставалось совсем немного. В течение всего пути мой спутник не проронил ни слова. Он оказался самым молчаливым из всех встреченных мной жителей Камеруна.

Спуск был значительно легче подъема, и мы затратили на него меньше времени. Когда мы достигли последнего склона горы, поднялся ветер и пошел сильнейший дождь. Листья и сухие ветки отлетали от деревьев и падали на землю, время от времени раздавался громкий треск падения больших ветвей, не выдержавших порывов сильного ветра.

В Финешанг мы пришли совершенно мокрые. Я укрылся от дождя в уютной, с отвратительным запахом хижине охотника. Вскоре к нам присоединился и Даниель. Мы закурили, и, так как охотник не затрагивал эту тему, я прямо спросил его, когда он поведет моих людей в горы, поможет нам разбить там лагерь и сколько он за это хочет получить денег.

— Маса даст мне двадцать фунтов за эту работу, — совершенно спокойно произнес он в ответ.

От неожиданности я расхохотался, что очень обидело моего собеседника. Он произнес длинную тираду о кознях злых духов, обитающих в горах, о том, что он единственный человек, имеющий на них некоторое влияние, об опасностях, которые грозят людям, не проявляющим должного уважения к воле злых духов, и т.д. Он уверенно заявил, что без его помощи я не сумею подняться в горы и потому вынужден буду согласиться с назначенной им ценой. К тому времени дождь прекратился, я встал и посмотрел ему в лицо:

— Слушай, мой друг, если ты поведешь меня в горы, я буду платить тебе по два шиллинга в день. Если мы поймем в горах нужных мне животных, ты получишь от меня хороший подарок. Если ты не согласен, я пойду в горы без тебя. Я найду других охотников. Если ты согласен, скажи мне об этом.

Охотник с презрением взглянул на меня и вызывающе сказал что-то Даниелю на своем языке. Даниель с жаром стал ему возражать.

— Он согласен, Даниель?

— Нет, сэр, он не согласен.

— Хорошо, оставим этого глупца.

Я положил на порог хижины три шиллинга, раздраженно вышел из деревни, сел на велосипед и поехал домой. На этом мои переговоры с охотником из Финешанга закончились. Лишь впоследствии я понял, какого опасного врага я приобрел в его лице.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НДА-АЛИ

Восхождение на Нда-Али началось в предрассветный час. Когда первые солнечные лучи прорвали редящий туман, мы находились уже у нижних склонов горы. Отсюда пошел тяжелый участок пути. Носильщики задыхались, кричали и стонали, карабкаясь в гору, прыгая с грузом со скалы на скалу, переступая и обходя огромные разветвленные корни деревьев. В по-

Добной местности я испытывал особенное чувство уважения и симпатии к моим носильщикам. Двигаясь почти налегке, с биноклем и ружьем, я тяжело дышал, чувствовал, как учащенно бьется мое сердце, через каждые полмили садился отдыхать. А цепь носильщиков продолжала безостановочно двигаться вперед; у каждого из них на голове лежал тяжелый груз, лица блестели от пота, шейные мускулы напряглись до предела, так как требовались огромные усилия, чтобы на таком подъеме сохранить равновесие ящиков и мешков. Я и Тэйлор шли впереди, выбирая наиболее удобный путь, мой спутник быстрыми взмахами своего ножа мачете делал зарубки на зеленой коре молодых деревьев. Если на нашем пути встречались опасные скалы или упавшие деревья, обвитые густой сетью лиан, мы с Тэйлором останавливались, дожидались подхода носильщиков и помогали им преодолевать трудные места. Я старался при этом обмениваться несколькими словами на ломаном английском языке с каждым проходившим мимо, что очень их забавляло. Добравшись до безопасного места, носильщики с громким, разносившимся далеко по лесу свистом облегченно вздыхали.

После часа непрерывного подъема мы прошли, по моим расчетам, половину пути до места, выбранного для устройства лагеря. Дойдя до сравнительно ровного участка, я предложил сделать небольшой привал. Носильщики с удовольствием сложили багаж на землю и, тяжело дыша, уселись в кружок. Тэйлор распределил между ними захваченные мной из дома сигареты. Полчаса спустя все снова покрыли головы кусочками тряпок или листьев и поставили на них багаж. Начался последний бросок к вершине горы.

В половине восьмого утра мы были у нижних склонов Нда-Али, к одиннадцати часам мы дошли уже до плоской, заросшей лесом террасы, окаймлявшей гору с одной из сторон. Вскоре мы достигли знакомой мне маленькой поляны и подошли к ручью в выбранной для лагеря роще. Багаж был сложен в кучу, быстро закипела работа. Прежде всего установили мою палатку, из срубленных жердей, переплетенных травой, построили кухню, носильщики сделали себе крошечные, похожие на голубятни хижины между высокими корнями-подпорками росших поблизости крупных деревьев.

Когда в лагере был наведен относительный порядок, Тэйлор, я и юноша, взятый нами в качестве птицелова, направились в соседний лес, чтобы выбрать удобные места, в которых мы хотели расставить около тридцати силков.

Вернувшись в лагерь, я пошел по течению маленького ручейка, который журчал и переливался между заросшими мхом камнями футами в двадцати от моей палатки. Я надеялся найти достаточно глубокое для купания место. Течение скоро привело меня к густым зарослям невысокого кустарника. Узкое русло ручья превратилось здесь в ряд соединенных друг с дру-

гом маленькими протоками небольших, но довольно глубоких заводей. Самая большая из них имела около пятнадцати футов длины и до двух футов глубины. Берег был покрыт чистым белым песком с мелкими гладкими желтыми камешками. О лучшей ванне трудно было и мечтать, я быстро разделся и вошел в воду.

В реках Камеруна вода обычно довольно прохладная, и это даже приятно. Но в этом ручье она оказалась ледяной, я сразу почувствовал тупую ноющую боль в теле. С большим трудом заставил я себя несколько минут поплескаться в воде, затем, лихорадочно щелкая зубами от холода, вылез на берег, собрал свою одежду и сквозь кустарник бросился к поляне греться на солнце. Убедившись, что поблизости было только несколько кузнечиков, я лег в траву и задремал, согреваемый солнечными лучами.

Когда через некоторое время я приподнялся и огляделся по сторонам, я увидел на расстоянии не более тридцати футов среди пучков золотистой травы красивую пеструю кошку, которая задумчиво смотрела на меня. В первый момент я с ужасом подумал, что это леопард, но, взглядевшись внимательнее, я узнал сервала, значительно менее крупного и опасного зверя с коричневатой шкурой, покрытой небольшими круглыми пятнами. Я был очень удивлен, так как каждый охотник, как черный, так и белый, равно как и подавляющее большинство книг, доказывают, что увидеть сервала днем удастся примерно раз в пятьдесят лет. Поэтому, обнаружив при своем пробуждении около себя такого редкого зверя, я испытал даже некоторую гордость.

Кошка продолжала стоять спокойно, не отводя от меня взора, кончик ее хвоста мягко покачивался, пригибая стебли травы. Мне приходилось наблюдать такие медленные круговые движения хвоста и такое выражение на мордах домашних кошек в те минуты, когда они готовились хватать зазевавшихся воробьев; это воспоминание не доставило мне большой радости. Я был совершенно раздет, что создавало у меня дополнительное впечатление полной моей незащитности и беспомощности. Я смотрел на сервала, искал возможность быстро натянуть на себя трусики, затем даже стал подумывать о возможностях поимки красивого зверя, после того, разумеется, как я окажусь вне опасности быть им растерзанным. Сервал заморгал глазами, словно обдумывая возможность прилечь рядом со мной на теплую траву. В этот момент из лагеря донеслись громкие крики, кошка вздрогнула, через плечо посмотрела в сторону лагеря и стремительным прыжком скрылась в кустах. Я быстро оделся и подбежал к тому месту в кустарнике, где только что исчез зверь; но я не мог обнаружить никаких следов его пребывания. В неподвижном теплом воздухе чувствовался острый едкий запах, в одном месте я обнаружил на мягкой земле легкий след лапы зверя.

Д Проклиная в равной мере себя, носильщиков, сервала, я вернулся в лагерь, где узнал причину неожиданных криков, спугнувших сервала. Одна из стенок кухни упала, и все собрались вокруг нее, громко крича и споря, в то время как повар, весь усыпанный сухой травой, раздраженно прыгал вокруг кухни. Я отозвал Тэйлора в сторону, подальше от более робких членов нашей экспедиции, и рассказал ему о своей встрече.

— Это был тигр, сэр? — спросил он.

Тигром на местном жаргоне называют леопарда — характерный пример распространенного в Камеруне неправильного наименования зверей.

— Нет, это был не тигр; он намного меньше тигра, с маленькими пятнами на шкуре.

— А, тогда я знаю этого зверя, — сказал Тэйлор.

— Как нам его поймать? Если я видел одного, здесь, наверное, есть и другие, правда?

— Да, сэр, — согласился он, — но нам нужны собаки. Я знаю охотника около Бакебе, у которого есть хорошие собаки. Сообщить ему, чтобы он пришел сюда?

— Хорошо, пригласи его к завтрашнему утру, если он сумеет прийти.

Тэйлор пошел выполнять мое поручение, а я решил выяснить, что осталось от обеда после случившейся на кухне катастрофы. После обеда я снова отправился в лес один. Гребень Нда-Али все время находился слева от меня, так что я не рисковал заблудиться. Я шел без определенной цели, не торопясь, часто останавливался, рассматривая деревья и окружавшие меня кусты. Я следил за крупным одиноким муравьем, пробиравшимся по упавшему листу, когда близко от меня послышался шелест листвы на траве, сопровождаемый громким «чак! чак!». Одна из ветвей немного склонилась, и по ней, развевая пушистыми хвостами, пробежали две маленькие белки. Я с радостью установил, что это были крайне редко встречающиеся чернотухие белки, которых я еще не видел в лесу. В бинокль я определил, что это были самец и самка, совершавшие увеселительную прогулку по лесу. Самка оторвалась от ветки и перескочила на другую, пролетев около десяти футов по воздуху, самец последовал за ней, повторив свой пронзительный крик: «Чак!.. чак!» Осторожно подкрался я ближе к дереву, пытаясь лучше рассмотреть белок, которые в это время начали играть в прятки вокруг ствола.

Это были очаровательные маленькие зверьки; узкая черная полоска вокруг ушей отчетливо выделялась на оранжево-рыжей голове, верхняя часть тела пестрела зеленым отливом, по бокам виднелся ряд маленьких белых пятнышек, грудь и живот были желтовато-оранжевого цвета. Больше всего у белок мне понравились хвосты. Сверху они были слабо окрашены чер-

ным и белым цветом, но снизу отливали яркой оранжево-красной окраской. Пока белки мчались по веткам, хвосты их были приподняты вверх, но при каждой остановке они выгибались над спиной и кончик хвоста касался носа. Остановившись, белки некоторое время сидели, быстро вращая хвостами, яркая окраска которых создавала полное впечатление мигающей на сквозняке свечи. С полчаса наблюдал я за прыжками белок на дереве, редко приходилось мне быть свидетелем такой трогательной игры двух животных. Медленно переходили они с дерева на дерево, я осторожно следовал за ними, не отрывая бинокля от глаз. Внезапно, к великому моему огорчению, я наступил на сухую ветку, которая громко хрустнула: белки замерли, самец снова закричал, но это был уже не мягкий ласковый звук, а резкий предостерегающий возглас. В следующую минуту они скрылись, и только легкое движение ветвей указывало, что здесь совсем недавно находились живые существа.

Я был очень доволен своим первым днем пребывания на новом месте: в течение нескольких часов я увидел сервала и двух редких белок — для начала более чем достаточно. Я предположил, что животные в этих горах редко видели людей и поэтому гораздо смелее, чем на низменности. Сказывалось и то, что здесь не было сплошного лесного массива, многочисленные поляны и скалы давали больше возможностей находить зверей и приближаться к ним.

Пока я был занят этими мыслями, лесная тишина вдруг была нарушена душераздирающим криком, за которым последовали взрывы сумасшедшего, леденящего душу хохота. Прокатившись между деревьями и отразившись многочисленным эхо, хохот перешел в тяжелые, протяжные стоны и постепенно затих. Я стоял неподвижно, чувствуя, как от страха волосы на голове встают у меня дыбом. Мне приходилось в разное время и в различных условиях слышать ужасные крики и звуки, но по одновременной их концентрации только что услышанное не имело себе равного в прошлом. Такими, вероятно, должны быть во много раз усиленные крики жертв самых страшных пыток в тюремных застенках. После нескольких минут наступившей тишины я набрался мужества и медленно пошел по направлению услышанных криков. Вскоре, на значительно большем расстоянии, снова послышались взрывы дикого смеха, прерываемые пронзительными криками. Я понял, что не смогу догнать убегающих крикунов, кем бы они ни были. И тут я вдруг догадался, каково происхождение этих звуков: я слышал вечернюю серенаду стада шимпанзе. Иногда я слышал смех и крики шимпанзе, находившихся в заточении, но концерт целой группы этих обезьян, многократно усиленный и отраженный лесным эхо, был для меня повинкой. Я готов предложить пари каждому желающему, даже имевшему

Д уже дело с шимпанзе, что он не сможет прослушать вечернюю песню стада этих обезьян, не испытав при этом чувства страха.

После нескольких дней нашего пребывания на Нда-Али я немного изучил привычки шимпанзе. Рано утром они обычно кричали и смеялись высоко в горах между крутыми скалами. К полудню спускались ниже, в чащу густого леса, где можно укрыться от палящих солнечных лучей; в это время они бывали очень молчаливы. Вечером обезьяны спускались к большой горной террасе, на которой расположился наш лагерь, и устраивали продолжительный, действовавший на нервы концерт. С наступлением темноты шимпанзе умолкали, лишь изредка раздавалось случайное взвизгивание какой-нибудь одной обезьяны. Шимпанзе неукоснительно соблюдали распорядок дня, и в зависимости от того, из какого места доносились их крики, можно было безошибочно определять время.

Вернувшись в лагерь, я увидел, что птицелов успел поймать двух птиц. Первая из них, лесная малиновка, мало меня заинтересовала, так как у Джона было уже несколько представителей этого вида. Вторая, желтовато-серая маленькая пичужка с крапчатой грудкой, почти ничем не отличалась от обыкновенного английского дрозда. Она была настолько неинтересна, что у меня появилось желание отпустить ее на волю; после недолгих размышлений я решил на всякий случай отправить обеих птиц к Джону. Один из носильщиков отправился в Бакебе с наказом рано утром вернуться обратно в лагерь.

На следующее утро он принес мне записку от Джона. Я узнал, что невзрачная маленькая птичка оказалась крайне редко встречающимся земляным дроздом, который существенно дополнил коллекцию ранее пойманных птиц. Джон умолял меня поймать как можно больше представителей этого редкого вида дроздов. Поняв, что чуть не выпустил уникальную птичку, известную ученым под названием *Geokichla camerunensis*, я почувствовал, как у меня на лбу выступили капельки пота. Поспешно вызвав к себе птицелова, я сообщил ему, что за каждого пойманного земляного дрозда он будет получать дополнительную плату.

— Вы имеете в виду птицу с красными перьями спереди? — спросил он.

— Нет, я имею в виду птичку с пятнышками на груди.

— Но вы мне вчера сказали, что такая птица вам больше не нужна, — с полным знанием дела напомнил мне птицелов.

— Да, я знаю. Но сейчас я хочу иметь много таких птиц.

— Хорошо, сэр, — уныло ответил юноша и отошел, поражаясь, очевидно, странному ходу мышления у белых людей.

Во время завтрака появился Тэйлор, сопровождаемый коренастым молодым парнем с худощавым выразительным лицом и пристальным взгля-

дом светло-карих глаз. За ним по пятам следовали четыре разномастные долгоязыые лохматые собаки, подозрительно озиравшиеся по сторонам.

— Это охотник, сэр, — объяснил Тэйлор, — он привел своих собак.

Поздоровавшись с охотником, я спросил, как он охотится с собаками. Вместо ответа он раскрыл висевшую за спиной сумку, достал оттуда четыре маленьких деревянных бубенчика и повесил их на шею собакам. При каждом движении собак раздавались мелодичные громкие звуки. Лишь после этого охотник ответил на мой вопрос:

— Собака находит след зверя и бежит по следу. В лесу мы плохо видим, но слышим звуки бубенчиков, идем за собакой и находим зверя.

Я решил, что такая охота должна быть очень долгой и утомительной, но один раз все же стоило испытать этот способ.

— Хорошо, сейчас пойдем в лес на охоту.

В лес отправились большой компанией. Кроме меня, Тэйлора и охотника, с нами шло трое слуг с мешками и сетями. Собаки бежали впереди, громко фыркая и принохиваясь. Первый час не принес никаких результатов. Иногда собаки находили что-нибудь съедобное, и между ними завязывалась шумная борьба. По окончании ее движение продолжалось в том же порядке. Я начал уже ругать про себя Тэйлора за его глупую затею, как вдруг самая маленькая собака опустила морду к земле, несколько раз возбужденно тявкнула и опрометью бросилась в густые заросли кустарника. Вся свора с громким лаем бросилась за ней и исчезла в кустах. С ободряющими криками охотник кинулся в самую гущу лиан и колючек. Тэйлор и вся свита последовали за ним. Мне оставалось только догонять их. Проклиная собак, вздумавших найти след в таком неподходящем месте, я пробиравлся по зарослям, спотыкался и непрерывно натываясь на колючки и ветки.

Вскоре я догнал моих спутников, легко и свободно бежавших между деревьями и кустами. Бубенчики впереди нас звенели не переставая, изредка слышалось короткое тявканье собак.

Мне казалось, что мы бежали несколько часов подряд. Когда охотник наконец остановился, не слышно было ни лая собак, ни звона бубенчиков. Весь мокрый от пота, я задыхался и с трудом заглатывал воздух. Охотник несколько раз пронзительно вскрикнул, но ответа не последовало: мы потеряли собак. Я лежал на земле, радуясь неожиданной передышке, с трудом приходил в себя и удивлялся, как мое сердце выдержало такой темп бега. Охотник и Тэйлор скрылись в лесу, вскоре их громкие крики заставили нас подняться. Подойдя к ним, мы услышали вдалеке слабый звон бубенчиков. С каждой минутой звон этот становился громче, скоро послышался и залихватистый лай собак. Теперь мы бежали под гору, земля была покрыта крупными камнями и павшими деревьями, что очень затрудняло нам путь. Вы-

Д бежав на маленькую поляну, я обнаружил удивительную картину: собаки собрались у подножия небольшой, заросшей мхом и бегонией скалы высотой около тридцати футов; лая и рыча, они высоко подпрыгивали, стремясь дотянуться до выступа на расстоянии десяти футов от земли. На этом выступе, размахивая хвостом и громко шипя, лежал огромный варан. Меньше всего ожидал я встретить варана в горах, так как находился под впечатлением, что эти крупные ящеры живут только возле больших рек. Но я не ошибся, это действительно был варан. Хвост его достигал пяти футов длины, огромное тело опиралось на короткие лапы, длинный чешуйчатый хвост изготовился для удара; дыхание со свистом вырывалось из пасти, длинный и тонкий раздвоенный язык быстро высовывался изо рта и с такой же быстротой прятался обратно.

Варан, очевидно, укрылся на скале от преследовавших его собак. Над выступом скала нависала отвесно, и подняться выше он уже не мог. Собаки громко и возбужденно лаяли, высоко подпрыгивая, они пытались вскочить на выступ. Охотник отозвал их и привязал к деревцу, которое гнулось и трещало при попытках собак вырваться на свободу. Затем мы растянули самую крепкую из имевшихся у нас сетей, прикрепили к двум палкам и, разбежавшись, набросили сеть на выступ с ящером. Варан бросился навстречу, размахивая хвостом и широко разинув рот, запутался в сети и свалился вместе с ней на землю. Мы подбежали к нему, соблюдая известную осторожность, так как варан имел еще возможность при случае ударить хвостом или укусить кого-нибудь из нас. С трудом вытащили мы его из сети, завернули в мешки, перевязали веревками и подвесили между двумя палками. Черная жесткая шкура варана была беспорядочно усыпана небольшими золотистыми пятнами; он свирепо смотрел на нас и громко фыркал. Крепким, изогнутым когтям ящера могла бы позавидовать любая хищная птица. Торжественно доставив в лагерь пленника, мы начали немедленно строить клетку для переноса ящера в Бакебе.

На следующее утро, взволнованные и ободренные вчерашним успехом, мы отправились на охоту спозаранку, и собаки быстро напали на свежий след. Около мили бежали мы за собаками, а затем, как и накануне, свора бесследно исчезла в глубине леса. Долгое время бродили мы по лесу, пытаясь услышать лай собак или звук бубенцов. Охотник вдруг склонил голову набок, я тоже прислушался и различил отдаленный шум водопада.

— Они у воды, — сказал охотник, — поэтому мы их и не слышим.

Мы побежали на шум, который становился все громче, и скоро вышли к каменистым берегам бурного пенистого ручья. Впереди виднелся водопад, сверкающая стена воды, льющей с высоты пятидесяти футов на груды крупных гладких камней, покрытых густым слоем зеленого мха и соч-

ной растительности. Кругом искрились водяные брызги, над гребнем водопада висела маленькая расплывшаяся радуга, переливавшаяся и мерцавшая от непрерывного движения воды. К шуму падающей воды теперь уже явственно присоединился звон бубенцов; между двумя скалами, у края кустарников, мы увидели одну из собак, захлебывавшуюся от лая. Перепрыгивая с камня на камень, мы спустились к подножию водопада и побежали по скользким камням, торопясь узнать, за кем погнались собаки. В небольшой затененной расселине между камнями лежал второй варан; по сравнению с ним пойманный накануне выглядел карликом. Изогнувшись, как огрюмный, туго натянутый лук, он лежал совершенно неподвижно. Пасть его была открыта, и даже шум водопада не заглушал издаваемого им громкого свиста. Варан выбрал для защиты от собак наиболее подходящее место: с трех сторон его укрывали скалы, а нападение с фронта он готов был отражать когтями, хвостом и пастью. Собаки чувствовали опасность и держались на почтительном расстоянии. Только одна молодая и глупая самка с громким истерическим лаем наскакивала на ящера. Наш приход еще больше распалил ее, и она вцепилась зубами в рыхлую кожу на шее варана. Пресмыкающееся, сбив собаку с ног сильным ударом хвоста, втянуло в рот одно ухо собаки. Собака оказалась в тяжелом положении, так как не могла вырвать ухо из страшных тисков. Медленно и осторожно переступая толстыми лапами, варан поставил задние ноги одну за другой на тело злощастного пса. Затем он сторбился и резким движением задней ноги ударил собаку, сдирая и царапая ее шкуру своими заостренными когтями. Собака отчаянно взвизгнула и разжала зубы; к моему удивлению, огромный ящер также отпустил свою жертву. Когда собака уползла в сторону, варан вновь взмахнул хвостом и нанес собаке сильный удар, от которого та кубарем покатилась по земле, вся в крови и подтеках. С трудом выбравшись из скал, дрожащая, с жалобным воем, собака подползла к воде и начала облизывать страшные раны на спине. Варан остался невредим, если не считать царапины на шее; он был готов в случае необходимости снова включиться в борьбу.

Оставив Тэйлора наблюдать за ящером, мы с охотником привязали собак к деревьям, и я промыл раны пострадавшей самке. Вдоль ее спины, словно прорезанные большим тупым ножом, проходили семь рваных борозд. Я еще занимался пострадавшей собакой, когда послышался громкий крик Тэйлора, и мы снова побежали к скале. Оказалось, что варан продвинулся на несколько ярдов вперед, но, заметив наше приближение, вернулся в свое укрытие. Несколько раз пытались мы накинуть на него сеть, но она каждый раз цеплялась за одну из скал. Оставался единственный выход — подняться на скалу и сверху надеть на голову ящера петлю. Поручив своим

Д помощникам набросить на варана сеть, как только я накину на него петлю, я осторожно пополз по скале, стремясь занять позицию над вараном. Движение по влажному мху, который легко отделялся от поверхности скалы, требовало от меня большого напряжения. Наконец я добрался до маленького уступа над самым ящером; присев на корточки, я завязал скользящий узел на конце тонкой и длинной веревки. Затем подвел узел к голове пресмыкающегося, лежавшего в шести футах ниже меня. В охватившем меня возбуждении я забыл закрепить свободный конец веревки, к тому же я еще имел глупость встать коленями на свернутый в кольцо конец веревки, что значительно облегчало мне возможность свалиться вниз.

Осторожно подведя петлю, я надел ее на голову варана и начал натягивать веревку, испытывая большую гордость от сознания успешно выполненной работы. Почувствовав на шее петлю, варан рванулся вперед, веревка выскользнула из моих рук, свернутый в кольцо конец веревки выскочил из-под моих колен, и, потеряв равновесие, я покатился вниз по скале с видом, отнюдь не преисполненным собственного достоинства. В короткое мгновение перед тем, как я с шумом свалился в убежище варана, у меня мелькнуло пожелание, чтобы ящер, напуганный моим падением, бросился в уготовленные ему сети. Схватка варана с собакой, свидетелем которой я только что был, не внушала мне особой бодрости при мысли о возможности близкого соприкосновения с этим чудовищем. К моему счастью, ящер действительно испугался, бросился вперед и запутался в сетях всеми четырьмя лапами. Тэйлор и охотник подскочили к нему и накинули сети на хвост и заднюю часть тела варана, совершенно сковав его движения. Когда ящер был крепко увязан, я осмотрел следы укуса на шее варана; оказалось, что зубы собаки лишь слегка прокусили кожу.

Оба варана прежде всего благодаря своим размерам явились ценным пополнением моей коллекции пойманных животных. В Бакебе у меня уже было несколько молодых ящеров, но они и в сравнение не шли с пойманными гигантами. У стройных и изящных молодых варанов зеленовато-черная кожа покрыта беспорядочно разбросанными яркими золотисто-желтыми пятнами. С возрастом кожа темнеет, становится грязно-черной, желтые пятна бледнеют и почти совершенно исчезают. Вараны легко переносят неволю и очень неприхотливы к пище, охотно поедая всевозможных дохлых животных и птиц. В особенности любят вараны яйца, при помощи этих деликатесов мне удалось их быстро приручить, они позволяли мне гладить рукой их жесткие спины и даже вытаскивать засохшие и отмершие частицы кожи.

Когда мы вернулись в лагерь, я узнал, что поймано множество птиц, среди которых, к большой моей радости, оказалось два земляных дрозда.

Несмотря на поздний час, я решил немедленно отправить птиц и варана в Бакебе, так как мне хотелось обрадовать Джона новой удачей. Носильщики ворчали и жаловались, не желая идти в темноте по нижним склонам горы, где, по их словам, водились огромные свирепые леопарды и коварные злые духи. Для устранения всех этих опасностей пришлось снабдить их дополнительным количеством фонарей.

Пользуясь последними минутами перед наступлением темноты, я отошел на полмили от лагеря и вскоре оказался у края высокой, до ста футов, скалы. Верхушки росших внизу деревьев находились на уровне скалы, ветви их соприкасались с растительностью на ее поверхности. Осторожно пробравшись между изогнутыми корнями и густыми зарослями низкого кустарника к краю обрыва, я занял превосходный наблюдательный пункт: находясь на уровне плотной шапки листьев на вершинах огромных деревьев, я словно оказался перенесенным в верхний ярус тропического леса. Я спрятался за большим кустом, вытащил бинокль и принялся тщательно рассматривать деревья в поисках живых существ.

Долгое время все было тихо. Где-то далеко внизу раздавались еле слышные крики птиц-носорогов. Затем откуда-то сзади донесся неясный шелест, за которым последовал громкий шум падения чего-то тяжелого на ветки кустов, под которыми я лежал. Я замер и напряженно стал прислушиваться. Несколько секунд не слышно было никаких звуков, а потом над самой моей головой раздались громкие протяжные крики: «Оиинк... Оиинк...» Рядом со мной находилось стадо мона-гвенонов. В течение следующего получаса я имел редкую возможность на близком расстоянии наблюдать за поведением обезьян на воле.

Обезьяна, кричавшая над моей головой, была, очевидно, вожак. Это был очень крупный самец. Осмотрев лес и не обнаружив ничего угрожающего, он прокричал успокоительное «все в порядке!» остальным своим сородичам. Оттолкнувшись от куста, он пролетел над краем пропасти, раскинув руки и ноги, и опустился на верхушке дерева прямо напротив того места, где я лежал. На мгновение он исчез в листве, а затем я увидел его шествующим по ветке. Достигнув удобной развилки, он уселся, внимательно осмотрелся по сторонам и издал несколько громких протяжных ворчливых криков.

Немедленно вслед за этим кусты надо мной затряслись и затрещали; обезьяны опускались на них и в тот же миг, оттолкнувшись, продолжали путь к вершинам деревьев, где их ожидал старый вожак. Движение стада проходило очень организованно; в тот момент, когда обезьяна перелетала край скалы, другая появлялась на моем кусте. Я насчитал до тридцати взрослых обезьян; к животам многих самок прицепились крошечные детеныши. Когда самки прыгали вниз, малютки то ли от восторга, то ли от

Д страха пронзительно взвизгивали. Когда все стадо собралось внизу, обезьяны начали поедать маленькие черные плоды на ветках деревьев. Гвеноны бегали по веткам, срывали плоды, засовывали их в рот, постоянно оборачиваясь и нервно оглядываясь по сторонам, что характерно, впрочем, для всех обезьян. Более крупные детеныши перестали держаться за мех своих матерей и с жалобными криками бегали теперь за ними по деревьям. Взрослые изредка обменивались хриплыми звуками, словно ведя ленивую, медленную беседу. Я не заметил ни одной ссоры или драки; иногда более крупная обезьяна вырывала у другой какой-либо особенно привлекательный плод, но, кроме возмущенного ворчания со стороны потерпевшей, ничто не нарушало мирную трапезу всей компании.

Вскоре послышались хлопанье крыльев и протяжные громкие крики. Двое птиц-носорогов прилетели из расположенного ниже леса и с характерным для них пьяно-беззаботным видом опустились на ветви деревьев около стада обезьян. Усевшись поудобнее, они стали восхищенно разглядывать гвенонов из-под нависающих над головами больших разбухших гребней, похожих на продолговатые надувные детские шары. Затем они неуклюже запрыгали по веткам, осторожно ударяя кончиком клюва по черным плодам. После очередного удара они откидывали голову и заглатывали пищу. При каждом глотке птицы приседали и лукаво поглядывали на обезьян большими, часто моргающими темными глазами. Обезьяны продолжали ужин, не обращая ни малейшего внимания на этих клоунов с профилем Сирано де Бержерака. Птицы-носороги сопровождают в Камеруне обезьян с таким же постоянством, с каким стервятники сопровождают львов. Где бы ни находилось стадо обезьян, рано или поздно к нему присоединяются птицы-носороги, выдавая присутствие обезьян криками и хлопаньем крыльев, слышными на расстоянии не меньше мили. Надо полагать, что обезьяны ненавидят своих навязчивых спутников, но волей-неволей вынуждены сносить их присутствие.

Через некоторое время птицы-носороги с шумом покинули деревья. Вскоре и вожак обезьян подал команду собираться в путь, издав несколько громких гортанных звуков. Самки прижали детенышей к груди; одна за другой обезьяны длинными прыжками начали спускаться в находившуюся внизу листву и скоро исчезли в сплошном океане листьев. Еще несколько минут я слышал шум движения обезьян по лесу, громкий шелест раздвигаемых листьев, немного напоминавший шум прибоя на каменистом берегу моря. Когда последние звуки умолкли, я поднялся из своего укрытия, очутившийся и схваченный судорогами от долгого пребывания в неподвижном состоянии, стряхнул с себя приставшие веточки и набежавших муравьев и медленно побрел по потемневшему в вечерних сумерках лесу к нашему лагерю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЗЛЫЕ ДУХИ ЗА РАБОТОЙ

В последующие два дня охота с собаками дала прекрасные результаты. В первый день мы поймали молодого варана и взрослого дукера. Но особенно удачным оказался второй день. Начало его, правда, не предвещало ничего хорошего, в течение нескольких часов мы гонялись по горной местности за собаками, которые все время находили новые следы и каждый раз их теряли. Наконец мы решили немного отдохнуть. Измученные, запыхавшиеся, мокрые от пота, мы присели на груды больших камней; наши неустрашимые собаки растянулись на земле, часто и тяжело дыша. После короткой передышки одна из собак встала и лениво направилась в близлежащие кусты; мы слышали ее громкое фырканье и звон бубенчиков. Неожиданно раздались дикий вой и громкий треск кустов; вся свора вскочила и с залихватистым лаем бросилась вслед за первой собакой. Мы быстро собрались, отбросили недокуренные папиросы и побежали за собаками. Сначала путь наш шел вниз по склону горы, и мы легко мчались, перепрыгивая через камни и корни деревьев. В одном месте низко над тропинкой нависала тонкая ветка молодого деревца; вместо того чтобы, пригнувшись, проскочить под ней, как это сделали другие, я оттолкнул ее рукой. Мгновенно перед моими глазами появился рой черных точек, и я почувствовал на шее и лице острую мучительную боль. На ветке, за которую я так беззаботно схватился, висело гнездо маленьких лесных ос величиной с яблоко, спрятавшееся под густой листвой. Рассерженные обитатели гнезда не замедлили атаковать нарушителя их спокойствия. Пока я бежал дальше, потирая ужаленные места, мне пришло в голову, что охотники разглядели гнездо и предусмотрительно не задели ветку; по-видимому, они считали, что и я сделаю то же самое. С тех пор я стал точно повторять все их действия. Лицо мое пылало, я мучительно страдал от боли. Эта гонка оказалась наиболее продолжительной. После часа почти непрерывного бега я был настолько измучен, что результат нашей охоты был уже мне совершенно безразличен. Наконец мы догнали собак, которые собрались у основания большого пустотелого ствола упавшего дерева. Вид зверька, который съежился в дупле и фыркал на собак, немедленно возродил мой интерес к охоте: зверек был величиной с английскую лисицу, с крупной, похожей на медвежью мордой и небольшими круглыми ушами. Длинное мускулистое тело, голова и хвост были светлого кремового цвета. Небольшие тонкие лапы имели шоколадно-коричневую окраску. Это был черноногий мангуст, вероятно, наиболее

Д редко встречающийся в Западной Африке представитель семейства мангустов. При нашем появлении зверек окинул нас презрительным взглядом и скрылся в глубине ствола. Собаки расхрабрились и подбежали к входу, но ни одна из них не проявила желания забраться в самое дупло.

Охотники обратили внимание на мой вид: лицо и шея у меня распухли, один глаз заплыл, и издали создавалось впечатление, что я кому-то игриво подмигиваю. Пока они стояли вокруг меня, выражая свое соболезнование стонами, щелканьем пальцев и скорбными восклицаниями, Тэйлор сбегал к ближайшему ручью и принес немного холодной воды. Прохладный компресс значительно уменьшил боль, и мы принялись доставать мангуста из его убежища. К счастью, дерево оказалось очень старым, его легко можно было резать и пилить. Выход из ствола закрыли сетями, около вершины пробили небольшое отверстие, положили в него сырые ветки и листья и подожгли их. Вооружившись пучком веток, Тэйлор стал размахивать им около отверстия, загоняя дым в глубь ствола. Мы подбрасывали в огонь повые охапки листьев, густой едкий дым все дальше проникал внутрь дерева, от туда стал доноситься сердитый кашель мангуста. Не выдержав, зверек выскочил из дупла, окруженный клубами дыма, подобно маленькому белому ядру, вылетающему из жерла большой пушки. Потребовалось много времени, прежде чем нам удалось его распутать и поместить в плотный мешок. Усталые, но довольные направились мы к лагерю. В охватившей меня радости я даже забыл о боли от укусов ос.

На следующий день я проснулся совсем разбитым: голова болела, лицо распухло, и я еле смотрел маленькими слезящимися щелочками глаз. К довершению всех бед и погода выдалась на редкость неудачной. Все было покрыто туманом, даже кухня, находившаяся в нескольких шагах от моей палатки, исчезла в белой пелене. Пока я мрачно дожевывал свой завтрак, из тумана вынырнул Пайос в сопровождении невысокого хмурого человека с большой корзиной на голове.

— Этот человек принес зверя, сэр, — сказал Пайос, удивленно посмотрев на мое распухшее лицо.

Незнакомец поклонился и обнажил в вкрадчивой улыбке ряд желтых разрушенных зубов. Он не понравился мне с первого же взгляда, и я невзлюбил его еще больше, когда, открыв корзину, нашел в ней обыкновенную крысу с обломанным хвостом. Высказав продавцу свое мнение о принесенном им товаре, я вернулся к завтраку. Пайос и охотник несколько минут шептались о чем-то, охотник при этом украдкой враждебно поглядывал на меня, затем Пайос снова подошел ко мне.

— Простите меня, сэр, этот человек пришел из Финешанга, и у него есть для вас новости.

Охотник вышел вперед, кланяясь, улыбаясь и потирая морщинистые руки. Жалобным голосом он проговорил:

— Маса, жители Финешанга очень недовольны тем, что вы сюда пришли.

— Как?!

— Вчера они натравили на вас злых духов ю-ю.

— Что? — вскрикнул Пайос и хлопнул охотника по голове, надвинув ему на глаза грязный головной убор. — Каких духов натравили они на господина?

— О, ничего особенного, — поспешно ответил охотник, — просто маса больше не поймает здесь никаких животных, ему не будет сопутствовать удача, пойдут сильные дожди, и маса должен будет вернуться домой.

— Иди и скажи жителям Финешанга, что я не боюсь ю-ю, — сердито ответил я. — Я останусь здесь столько времени, сколько захочу. И если я увижу здесь какого-нибудь жителя Финешанга, я возьму самое большое ружье и буду стрелять, слышишь?

— Слышу, сэр. — Охотник испуганно съежился. — Почему маса кричит на меня, я не виноват, что жители Финешанга так решили.

— Хорошо. А теперь быстро отправляйся в Финешанг.

Незнакомец поспешно скрылся в тумане. Пайос с нескрываемым беспокойством смотрел ему вслед.

— Хотите, я отколочу его, сэр? — неожиданно обратился он ко мне.

— Нет, оставь его в покое.

— Мне не нравится эта история со злыми духами, сэр.

— Только никому ничего не говори, я не хочу, чтобы в лагере распространились глупые слухи.

Впервые в жизни на меня натравили злых духов, и меня интересовало, что из этого получится. Я не считаю ю-ю просто выдумкой и ерундой, злые духи в Африке — вполне реальная грозная сила; я знаю множество случаев, объяснить которые, не примешивая сюда злых духов, очень трудно. Простейшим и наиболее распространенным фактором влияния ю-ю является то, что жертва всегда знает о преследовании ее злыми духами, это решает половину дела. «Доброжелатель» приходит к какому-нибудь человеку и по секрету ему сообщает, что ю-ю разгневались на него и готовят ему страшную кару. И несчастный уже чувствует себя обреченным.

Постепенно многочисленные «доброжелатели» (роль их в Африке мало отличается от роли их коллег в Европе) раскрывают перед злополучной жертвой всю глубину замысла ю-ю: выясняется, что преследуемый злыми духами обязательно заболеет и умрет. Если убедить человека в безграничном могуществе злых духов и неотвратимости их заговора, он действительно заболевает и умирает. Навестивший меня охотник был одним из «добро-

Д желателей»; теперь, когда я был извещен о замысле ю-ю, местные жители с любопытством ожидали исхода моей борьбы со злыми духами. Самое забавное во всем этом то, что ю-ю действительно провели большую подготовительную работу: какая часть постигших меня неприятностей связана с собственной моей неосторожностью, а какая вызвана неблагоприятным стечением обстоятельств, трудно сказать.

К полудню следующего дня опухоль на лице у меня исчезла. Тэйлор, я и еще четыре человека направились к подножию большой скалы в нескольких милях от лагеря, где были обнаружены какие-то пещеры. Мы собирались наловить там летучих мышей и посмотреть заодно, не встретятся ли нам и более интересные животные. Настроение Нда-Али улучшилось, солнце заливало все открытые места, легкий ветерок несколько смягчал палящий зной. Я совершенно забыл о ю-ю, по крайней мере так мне тогда казалось.

Чтобы подойти к пещерам, соединенным между собой узкими извилистыми проходами, нужно было спуститься футов на сорок в глубокое ущелье. Скоро мы поняли, что захваченные из лагеря веревки слишком коротки. Пришлось нарезать длинные куски тонких упругих лиан, которые в огромном количестве встречаются в лесах. Связав между собой лианы, мы легко спустились по этой импровизированной веревке в ущелье. Там мы разделились, каждый получил для осмотра по небольшому участку скалы. В пещерах было много летучих мышей, от крошечных и изящных насекомых до крупных тяжелых плодоядных; в течение двух часов кружили они над нашими головами, но нам не удалось поймать ни одной из них.

Блуждая в подземном лабиринте, я наткнулся на Тэйлора, который, остановившись, пристально вглядывался в груды камней в углу пещеры. Взволнованным шепотом он мне сообщил, что только что видел какую-то странную тень на этой грудке камней почти под самым потолком. Пока мы вполголоса обсуждали план действий, к нам присоединился еще один спутник. Мы навели свои фонари на груды камней и начали внимательно ее осматривать; осмотр не дал результатов.

— Ты уверен, что там кто-то двигался, Тэйлор?

— Да, сэр, уверен. Вот там, на вершине.

Мы снова посмотрели в указанном направлении и вздрогнули. Над камнями появился неясный черный силуэт, раздалось громкое рычание.

— Тигр, сэр, — сказал Тэйлор.

Я склонен был с ним согласиться, так как силуэт был достаточно велик. Услышав этот краткий разговор, наш спутник опрометью бросился к выходу, предоставив нам возможность бороться с хищником вдвоем.

— Глупый человек, — презрительно произнес Тэйлор, но мне показалось, что его рука, державшая фонарь, дрожала. Я не знал, что делать:

если леопард приблизится к нам, мы все равно не сможем стрелять, так как от выстрела обрушится вся крыша пещеры. Я предпочитал иметь дело с живым леопардом, чем оказаться мертвым... или живым под многими тоннами камней.

Между тем черный силуэт, показавшись несколько раз из-за камней и издав несколько неясных звуков, исчез в полутьме. Мы слышали теперь только слабый стук камней. В мрачной и темной пещере трудно было угадать, где мог вновь появиться зверь, поэтому я собирался предложить Тэйлору покинуть пещеру. В эту минуту из-за груды камней показалась голова, взглянула в мою сторону и произнесла:

— Маса, я поймал зверя.

Это был самый маленький и самый бесполезный наш спутник Або; преследуя летучую мышь, он забрался на груды камней. Лежа на животе, он полз по камням. Колыхавшийся силуэт, который мы видели, оказался вовсе не леопардом, а извивавшимся между камнями человеком, который от непривычной работы громко ворчал при каждом движении. Неожидавшая развязка опасного приключения вызвала у меня и Тэйлора приступ неудержимого смеха. Тэйлор, пошатываясь, со слезами на глазах бежал по пещере и, задышав, выкрикивал:

— Ха, ха, ха!.. Або, маса чуть не застрелил тебя... Ха, ха, ха... Або, ты хороший тигр...

Або спустился к нам и протянул мне маленького зверька.

— Кажется, он слегка ранен, сэр.

Он немного ошибся, зверек был уже мертв.

Пока мы оглядывались по сторонам и думали, каким способом поймать несколько летучих мышей, снаружи послышался злоеющий грохот, который громким эхом отзывался в многочисленных пещерах и проходах. Когда мы добежали до ущелья, все вокруг было мрачно и темно. Над нами, в узком пространстве между крутыми скалами, нависли тяжелые грозовые тучи. Мы с максимально возможной быстротой выбрались из ущелья и начали укладывать в мешки все свое снаряжение. Внезапно послышался страшный удар грома, который словно потряс до основания окружавшие нас горы, тучи опустились к самым нашим головам, и на нас обрушились потоки ледяной воды. Не успели мы еще понять, в чем дело, как наши тонкие одежды стали совершенно мокрыми, от нестерпимого холода мы начали громко стучать зубами. Время от времени вспышки молний освещали местность вокруг нас, через несколько секунд после этого обрушивались страшные раскаты грома. Где-то в лесу, слева от нас, я слышал резкие протестующие крики недовольных погодой шимпанзе.

Мои спутники подняли багаж, и мы двинулись по направлению к лагерю. Не прошли мы и пятидесяти футов, как я поскользнулся на мокром от

Дождя камне, упал и покатился вниз по склону, пока не ударился о ствол встретившегося на пути дерева. Я был весь исцарапан и растерзан, правая нога моя страшно болела. В первый момент я решил, что у меня перелом ноги, но затем выяснилось, что я только вывихнул себе лодыжку. Это тоже было достаточно плохо, так как я не мог ступить на поврежденную ногу. Я лежал под деревьями с поникшей, иссеченной дождем листвой, рядом дрожали от холода мои спутники, пытавшиеся как-то помочь мне. До лагеря было не меньше четырех миль, а лодыжка моя распухла на глазах. В дополнение ко всему низкая облачность ускорила наступление темноты. Было ясно, что мы больше не могли оставаться на месте.

Я попросил Тэйлора срезать молодое деревцо, которое затем было приспособлено в качестве костыля. С помощью костыля, поддерживаемый с другой стороны Тэйлором, я тронулся в путь, преодолевая мучительную боль. Мы медленно двигались между мокрыми деревьями и вскоре добрались до более или менее ровного участка леса, где слышали плеск быстро текущей воды. Я удивился, так как единственной водной преградой, которую мы преодолевали утром по пути к пещерам, был маленький ручеек, он почти пересох, и вода в нем едва достигала наших лодыжек. Теперь же я слышал шум течения полноводной реки. Я обратился к Тэйлору за разъяснениями.

— Маленький ручей разлился, — последовал ответ.

В первый раз я увидел собственными глазами, как быстро маленький горный ручеек от дождевых вод превращается в бурную, полноводную речку. Знакомая мне узенькая мелкая струйка воды стала желтым пенящимся потоком до пояса глубиной. В бушующих между камнями водах с огромной скоростью неслись вырванные корни, обломанные ветки, сорванные листья и цветы. Самое мелкое место мы обнаружили там, где воды ручья покидали сравнительно ровную поверхность лесной чащи и по крутой скале, с которой были смыты все следы растительности, обрушивались вниз. Мои спутники первыми начали переход через ручей. Когда они благополучно вышли на противоположный берег, я и Тэйлор пошли по тому же пути. Я осторожно прощупывал палкой дно, и мы медленно продвигались вперед. В середине ручья течение воды, сдавленное двумя большими камнями, было особенно сильным. Именно здесь маленький камешек, на который я поставил костыль, опрокинулся, костыль выскользнул из моей руки, и я успел только заметить, как он мелькнул по склону скалы. В тот же момент я погрузился в воду.

Только сильная рука Тэйлора спасла меня от печальной участи скатиться вниз по скале вслед за костылем. Однако удерживая меня и борясь со стремительным напором течения, он сам с огромным трудом сохранял равновесие. Остальные охотники быстро откликнулись на громкие его кри-

ки о помощи, подскочили к нам, ухватились за первые попавшие им под руку части моего тела и вытащили нас обоих на берег. Задышающиеся, дрожащие, мокрые, продолжали мы свой путь к лагерю.

Труднее всего достались нам последние полмили. Мы спускались вниз по откосу, переползая от камня к камню, пока не добрались до полосы ровной местности около лагеря. Только мысль о сухой одежде, тепле и горячей пище поддерживала мои силы. Но в лагере нас ожидало новое несчастье: крошечный скромный ручеек, который так доверчиво и мило струился и журчал в двадцати футах от моей палатки, превратился в бурный и ревущий поток. Выйдя из берегов, он всей своей тяжестью обрушился на лагерь. От хрупких шалашей, построенных носильщиками, не осталось и следа. Кухня была наполовину разрушена и по колено залита водой. Во всем лагере сохранилась только моя палатка, находившаяся на маленьком бугорке, но земля под ней и около нее пропиталась водой и превратилась в грязь. Сухих дров в лагере, конечно, не было, разогреть пищу можно было лишь на маленькой керосиновой лампе.

Мы все забрались в палатку. Рассчитанная на двух человек, она приняла теперь, кроме меня, еще двенадцать обитателей разрушенного лагеря. Мы грели на лампе одну за другой банки с шоколадом и затем пили этот горячий вкусный напиток из самых различных посуды, от жестяных кружек до мисок для кормления животных. Так сидели мы больше трех часов; дождь непрерывно барабанил по туго натянутому сырому брезенту палатки. Постепенно дождь прекратился, и густой плотный туман закрыл все вокруг. Носильщики стали наскоро строить себе новые шалаша. Впервые в этот день я вспомнил о злых духах. Да, в первом раунде они, безусловно, добились значительных успехов: нога моя в плачевном состоянии, дождь значительно ухудшил наше положение и лишил нас перспектив на удачную охоту. Ночь я провел очень плохо, в течение всего следующего дня не прекращался унылый равномерный дождь, состояние моей ноги не улучшалось. С большой неохотой пришел я к выводу, что разумнее всего признать свое поражение и уступить поле боя ю-ю. В Бакебе по крайней мере я смогу быстро залечить ногу и выполнять какую-то полезную работу, пребывание же мое на Нда-Али не сулит мне сейчас ничего хорошего.

Я приказал собираться и готовиться к выходу в Бакебе на следующее утро. Все, кроме меня, были этому очень рады. Когда я проснулся на следующий день, меня встретило великолепное ясное утро; солнце заливало все своими лучами, на небе не было ни единого облачка. Тучи мошек, неизвестно откуда взявшихся, сопровождали наш спуск, безжалостно кусали нас и, казалось, торжествовали победу. Когда мы вступили в лес, они исчезли так же внезапно, как и появились.

Д Ковыляя по дороге к Бакебе, я утешал себя тем, что в горах я все же поймал несколько интересных животных. Обернувшись, я снова посмотрел на Нда-Али. В прозрачном утреннем воздухе она казалась такой близкой, что хотелось протянуть руку и погладить пальцами вершины покрывавших ее деревьев. Ее скалы розовели и сверкали в солнечных лучах, на каменистой поверхности, еле различимые на таком расстоянии, виднелись светлые струйки воды — единственный признак того, что недавно в горах прошли большие дожди.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧОЛМОНДЕЛИ

Незадолго до того, как мы покинули домик на холме в Бакебе и переехали в последний наш лагерь в Кумбе, у нас появился необычный гость по имени Чолмондели, или, как его называли более близкие друзья, Чемли. Это был крупный взрослый шимпанзе. Владелец его, английский чиновник, считал, что значительные размеры обезьяны являются для него большим неудобством, и хотел переправить Чемли в Лондонский зоопарк с тем, чтобы во время отпуска иметь возможность навещать его там. Он написал нам записку, спрашивая, согласимся ли мы захватить с собой шимпанзе в Англию. Мы ответили, что готовы с удовольствием выполнить его просьбу. К тому времени ни я, ни Джон не имели ясного представления о величине Чемли. Я вспомнил виденного мной однажды трехгодовалого шимпанзе, рост которого не превышал трех футов. Появление в лагере Чемли произвело на меня в первый момент очень сильное впечатление.

Чемли был доставлен нам в небольшом фургоне, где он торжественно восседал в специально установленной клетке. Когда дверцы клетки открылись, Чемли вышел из нее с грацией и самоуверенностью кинозвезды. Я был поражен его размерами; пригнувшись на своих кривых ногах, он доставал мне до пояса, а когда он немного выпрямлялся, голова его оказывалась на уровне моей груди. У него были огромные руки, большая волосатая грудь по объему была в два раза больше моей. Крупные зубы, видневшиеся во рту, придавали его лицу неправильные очертания и злое, воинственное выражение. Маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели на меня умным, понимающим взглядом. Макушка головы была у него совершенно голая; позднее я понял, что это вызвано было привычкой постоянно чесать голову рукой, что, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие, но привело в результате к раннему облысению. Это не был, к

большому моему сожалению, молодой шимпанзе: Чемли наверняка исполнилось уже восемь или девять лет. Это была зрелая, сильная и, судя по выражению лица, много повидавшая в жизни обезьяна. И хотя Чемли не был особенно красив (мне приходилось видеть более приятных шимпанзе), в нем с первого же взгляда чувствовался сильный независимый характер. Он смотрел по сторонам с удивительно умным выражением, в глазах его мелькали искорки иронического смеха, от которого человеку становилось не по себе.

Внимательно осмотрев всех окружающих, он повернулся ко мне и протянул для пожатия мягкую, с розовой ладонью руку с тем стандартно скукающим выражением лица, какое можно заметить на лицах людей, по роду деятельности часто обменивающихся приветствиями и рукопожатиями с совершенно незнакомыми людьми. Вокруг шеи у него была переброшена толстая цепь, которая исчезала в глубине клетки в фургоне. На любой другой обезьяне такая цепь была бы символом порабощения и плена. Чемли, однако, носил ее с таким достоинством, с каким лорд-мэр носит свои почетные ленты. Пожав мне руку, он повернулся к клетке и начал вытягивать из нее цепь, длина которой превышала пятнадцать футов. Аккуратно свернув ее в кольца, он набросил ее на руку и направился к дому с таким видом, словно он является его хозяином. В первые же минуты своего пребывания в лагере Чемли подчинил нас своему влиянию, и мы почувствовали в чем-то его превосходство. Я чуть не извинился перед ним за беспорядок на столе в тот момент, когда он вошел в комнату.

Чемли уселся на стуле, скинул на пол цепь и вопросительно посмотрел на меня. Было очевидно, что он хотел освежиться после долгого утомительного пути. Я крикнул в кухню, чтобы для гостя приготовили чашку чаю. Меня уже предупредили, что Чемли любит бодрящие напитки. Пока Чемли сидел на стуле и разглядывал скромную комнату с плохо скрываемым отвращением, я подошел к клетке и вытащил оттуда металлическую миску и огромную сплюсненную металлическую кружку. Мое появление с этими предметами в руках заметно улучшило настроение Чемли, который одобрительным ворчанием похвалил меня за сообразительность.

Поджав ноги, Чемли продолжал молча разглядывать комнату. Я сел напротив него и вытащил пачку сигарет. Пока я доставал себе сигарету, Чемли положил на стол длинную черную руку и радостно заурчал. Ради любопытства я дал ему сигарету, которую, к великому моему изумлению, он бережно вставил в рот. Закурив, я протянул обезьяне коробку спичек. Чемли открыл коробку, вынул одну спичку, чиркнул ею, зажег сигарету, бросил коробку со спичками на стол, удобнее откинулся на стуле и с блаженным выражением стал выпускать из носа клубы дыма. Очевидно, эта обезьяна обладала уже многими человеческими пороками.

Д В этот момент Пайос принес в комнату чай. Вид обезьяны, сидевшей на стуле с сигаретой в зубах и мирно беседовавшей со мной, произвел на него огромное впечатление. Он громко вскрикнул и испуганно отошел к двери.

— У-у-у-а-а-р... о-о-о!.. — произнес Чемли, увидев поднос с чайным прибором, и начал энергично размахивать рукой.

— Я слушаю, сэр, — отозвался с порога Пайос.

— Это Чемли, — объяснил я, — он тебя не обидит. Поставь чай на стол.

Паойс выполнил мое приказание и быстро удалился. Я налил в кружку Чемли чай и молоко, положил туда три чайные ложки сахара. Чемли напряженно следил за моими движениями и сопровождал их мягким довольным ворчанием. Я подал кружку, которую он схватил обеими руками. Сигарета явно мешала чаепитию, и Чемли аккуратно положил ее на стол. Вытянув одну губу вперед, Чемли осторожно попробовал, не слишком ли горячий чай ему подали. Оказалось, что чай был действительно слишком горячий. Чемли терпеливо дул на кружку до тех пор, пока напиток не пришелся ему по вкусу, а затем выпил все до дна. Увидев, что на дне кружки осталось немного нерастаявшего сахара, Чемли перевернул кружку и держал ее до тех пор, пока все остатки не попали к нему в рот. Затем он протянул мне кружку, предлагая вновь ее наполнить.

Клетка Чемли была установлена в удобном месте в пятидесяти футах от нашего дома. Рядом с клеткой находился большой искривленный пень, к которому я прикрепил цепь обезьяны. Из клетки Чемли видел все, что происходило в лагере и дома, и сопровождал нашу работу громкими комментариями, на которые я часто ему отвечал. В первый же день Чемли поднял большой скандал. Не успел я его привязать и направиться в дом, чтобы заняться своими делами, как среди обезьян началось замешательство. Обезьяны были привязаны недалеко от дома под большим навесом из пальмовых листьев. Оглядевшись, Чемли нашел возле себя несколько крупных камней. Вооружившись ими, он решил немного развлечься метанием камней. Услышав пронзительные крики и визги гвенонов и дрилов, я выбежал из дома и заметил, как камень величиной с кочан капусты упал около обезьян, к счастью, никого не задев. Такой камень, брошенный с большой силой, легко расплющил бы любую обезьяну, в которую он бы попал. С громким криком я бросился к Чемли, размахивая поднятой по пути палкой. Стараясь выглядеть как можно воинственнее, я в то же время думал, что произойдет, если, вооруженный тоненькой хворостинкой, я захочу наказать обезьянку, которая не уступает мне по величине и по меньшей мере в два раза сильнее меня. К моему удивлению, однако, Чемли, заметив мое приближение, быстренько лег на землю, прикрыл своими длинными руками лицо и голову и начал визжать изо всех сил. Я пару раз хлестнул его по спине палкой; с таким же успехом я мог пытаться сокрушить зубо-

чистой собор Святого Павла. На широкой плоской спине Чемли перекачивались желваки твердых, как сталь, мышц.

— Ты очень злое животное, — строго сказал я.

Догадавшись, что экзекуция окончена, Чемли сел и начал стряхивать с себя листья.

— У-у-у-у... — протянул он, застенчиво поглядывая на меня.

— Если ты снова это сделаешь, я тебя как следует отколочу, — продолжал я и подумал, что только удары стволом дерева могли бы произвести на Чемли должное впечатление.

— А-а-р-р-р... у-у-у... — снова ответил Чемли. Он придвинулся ближе, прилег к моим ногам и начал старательно очищать мои брюки от всяких пятнышек и соринки. Пока он был занят этой работой, я подозвал слуг и попросил их убрать все большие и маленькие камни от клетки шимпанзе. Сделав еще одно строгое внушение Чемли, я вернулся к своей работе. Немного спустя, заглянув к нему, я увидел, как он усердно раскапывает землю около клетки, надеясь, очевидно, найти там новые камни.

Вечером, когда я принес Чемли ужин и чай, он приветствовал меня громкими радостными возгласами, прыгая и размахивая руками. Перед тем как приступить к ужину, он схватил мою руку и поднес ее ко рту. С трепетом смотрел я, как он зажал зубами один из моих пальцев и мягко сдвигал его. Когда он выпустил его обратно, я понял смысл всей этой процедуры: у шимпанзе разрешение взять в рот палец является свидетельством полного доверия и дружбы между двумя обезьянами. Таким образом, Чемли польстил мне, выказав доступным ему способом свои дружеские чувства. С ужином он справился очень быстро. Когда он закончил есть и я сел на землю рядом с ним, Чемли методично обыскал все мои карманы и исследовал все, что на мне было.

Когда я решил, что ему пора спать, Чемли отказался вернуть вытащенный из моего кармана платок. Он держал платок за спиной и перекладывал его из одной руки в другую при каждой моей попытке схватить его. Затем, решив, очевидно, избавиться от всех моих притязаний на платок, он быстро засунул его в рот. Я понимал, что, если на этот раз я уступлю, Чемли в дальнейшем будет хватать и прятать все, что ему понравится; поэтому я около получаса уговаривал и обхаживал Чемли, пока с большой неохотой он не вытолкнул изо рта мокрый скомканный платок. После этого случая у меня не было больше с Чемли никаких недоразумений; если он затевал игру с нужной мне вещью, я протягивал руку, просил его, и он без всяких возражений отдавал мне нужный предмет.

Мне приходилось сталкиваться со множеством приятных и милых животных, от мышей и до слонов, но никого из них я не мог сравнить с Чемли по силе и обаянию характера, по уму и понятливости. Познакомившись с

Д ним ближе, перестаешь смотреть на Чемли как на животное; к нему относишься скорее, как к чудаковатому шаловливому почтенному старику, который по одному ему известным соображениям вдруг решил прикинуться шимпанзе. У него были изысканные манеры: он ни разу не схватил пищу, не поздоровавшись предварительно с пришедшим и не поблагодарив его выразительными возгласами. Ел он не с жадностью, как другие обезьяны, а, наоборот, медленно, деликатно, осторожно, откладывая пальцами к краю миски те куски, которые ему не нравились. Единственное нарушение этикета с его стороны случалось в конце трапезы, когда он хватал пустые миску и кружку и закидывал их далеко в сторону.

У Чемли было много черт, сближавших его с людьми. Одной из них, в частности, была привычка курить. Он с одинаковой легкостью и уверенностью прикуривал папиросу спичкой или зажигалкой, ложился на спину, согнув ноги и подложив одну руку под голову, выпускал в воздух густые клубы дыма и время от времени посматривал с видом заядлого курильщика на кончик папиросы, проверяя, не нужно ли стряхнуть с него пепел. Страхивал он пепел очень аккуратно, ногтем одного из пальцев руки. Если перед Чемли ставили бутылку с лимонадом и стакан, он наливал себе жидкость в стакан с серьезностью и сосредоточенностью буфетчика, взбивающего коктейль. Чемли — единственный из всех встречавшихся мне животных, который допускал возможность делить с кем-либо принадлежавшие ему вещи: часто, когда я давал ему связку бананов или два-три плода манго, он выбирал один из них и с вопросительным выражением на лице протягивал мне. Он довольно урчал, когда я принимал дар и присаживался, чтобы разделить с ним компанию.

Чемли не ладил с местными жителями. Ему доставляло большое удовольствие следить за ними и, когда они подходили на слишком близкое расстояние, бросаться на них со свирепыми криками. Не думаю, чтобы он действительно хотел причинить им вред, ему просто нравилось, что они с испуганными криками разбегались от него во все стороны. Но беда заключалась в том, что местные жители при каждом удобном случае старались дразнить Чемли; он становился все более возбужденным, волосы его ошетинились, он оскаливал зубы и, раскачиваясь из стороны в сторону, размахивал могучими руками. В такие минуты тяжело бы пришлось человеку, слишком близко подошедшему к Чемли.

Чемли очень интересовался гигантскими тысяченожками, хотя и относился к ним с недоверием. Эти насекомые похожи на тонкую черную спиральную пружину, снизу у них виднеется огромное количество (свыше ста) пар ножек, спереди тысяченожки имеют пару коротких усиков. Тысяченожки — совершенно безвредные существа, которые медленно переползают при помощи многочисленных ножек, поводя своими усиками. Больше

исего они предпочитают сгнившие стволы деревьев. Однако их движения, очень напоминающие движения змей, настораживали Чемли, хотя он и чувствовал, что это не змеи. Когда я клал тысяченожек на ящик в его клетке, он садился рядом и подолгу молча рассматривал их, приоткрыв рот и время от времени беспокойно почесываясь. Если тысяченожка доползала до края, падала на землю и начинала двигаться к Чемли, он вскакивал, отбегал на то расстояние, которое допускала надетая на него цепь, и кричал до тех пор, пока я не избавлял его от страшного чудовища.

Больше всего Чемли боялся змей. Он страшно волновался, когда видел меня занимающимся со змеями, жалобно стонал и ломал руки до тех пор, пока я не отходил от них. Если после визита к змеям я показывал Чемли мои руки, он их тщательно рассматривал, желая, очевидно, убедиться в том, что змея меня не укусила. В случаях, когда змея начинала ползти в сторону Чемли, его охватывал дикий ужас, волосы вставали дыбом, он громко стонал, а с приближением змеи бросал в нее сухую траву и ветки, тщетно пытаясь задержать ее продвижение. Однажды вечером, когда настало время ложиться спать, он категорически отказался войти в клетку, чего раньше никогда не случалось. Считая это простым капризом, я попытался силой загнать Чемли в клетку; тогда он подвел меня к входу и, оставив меня там, отошел назад, показывая рукой внутрь клетки и громко и испуганно вскрикивая. Осмотрев одеяло и подстилку из банановых листьев, я нашел маленькую слепую змею, клубком свернувшуюся в листьях. Она была совершенно безвредной, но Чемли не хотел рисковать.

Вскоре после прибытия в лагерь Чемли вдруг перестал есть, утратил интерес ко всему окружающему и стал проводить целые дни, съезжившись, в своей клетке. Он отказался от всех напитков и выпивал в день лишь полкружки простой воды. Меня в это время не было дома, получив от Джона сообщение о болезни шимпанзе, я немедленно вернулся в лагерь. Из записки Джона можно было понять, что он не знает ни характера болезни Чемли, ни способа ее лечения.

Я шел на все хитрости и уловки, чтобы вызвать аппетит у Чемли, но он продолжал худеть с каждым днем. Направляя слуг за свежими плодами манго и поу-поу, я собственными руками готовил нежные фруктовые салаты. Но Чемли по-прежнему ничего не ел. Это продолжалось с неделю, и я начинал уже думать, что Чемли долго не протянет. Каждый вечер я заставлял его выходить из клетки и совершать со мной небольшую прогулку. Но Чемли был настолько слаб, что через каждые несколько ярдов должен был садиться и отдыхать. Я все же настаивал на этих прогулках, считая, что при всех условиях необходимо поддерживать в Чемли хоть какой-то интерес к жизни, в противном случае он будет обречен. В один из вечеров я открыл перед прогулкой коробку бисквитов и рассыпал по карманам с дю-

Джину кусков. После нескольких шагов Чемли решил отдохнуть, и я присел рядом с ним. Пока мы осматривали местность, я достал из кармана один бисквит и начал его жевать. Чемли внимательно следил за мной; он был, вероятно, изумлен тем, что я не предложил ему, как обычно, разделить со мной компанию. Закончив есть, я с подчеркнутым удовольствием облизал несколько раз губы языком. Подвинувшись ближе, Чемли начал обшаривать мои карманы, что само по себе было уже хорошим признаком. Таких вещей он не делал с первого дня болезни. Найдя бисквиты, он вытащил один, обнюхал его и, к великой моей радости, съел бисквит. Всего в этот вечер Чемли съел шесть бисквитов, в течение последующих четырех дней он питался только бисквитами и водой. Затем наступил день, когда он выпил кружку чаю и съел два банана. Я понял, что кризис прошел и Чемли начал выздоравливать. Аппетит его увеличивался с каждым днем, в течение двух недель он буквально обжирался, а после этого все снова вошло в норму. Я был очень доволен, что все так хорошо кончилось; мы должны были переезжать в Кумбу, а в прежнем состоянии Чемли не вынес бы этот переезд.

Наступил день нашего отъезда из Бакебе. Когда Чемли заметил подъехавший грузовик и увидел начавшиеся сборы вещей и экспонатов, он догадался, что предстоит любимое его развлечение — поездка на машине. Он улюлюкал, кричал, возбужденно прыгал, натягивал свою цепь, дико барабанил по стенкам клетки, создавал как можно больше шума, чтобы напомнить о себе. Может быть, он беспокоился, что мы его забудем. Когда все было собрано и погружено, клетка была водружена в кузов грузовика, и Чемли забрался в нее, радостно гикая. Мы двинулись в путь. Слуги, разместившиеся по бокам и у края грузовика, затянули громкую песню. Чемли вдруг подхватил песню протяжным и довольно мелодичным завыванием, что вызвало у остальных певцов взрыв смеха. Повару пение Чемли показалось даже настолько смешным, что он вывалился из машины. Хорошо, что грузовик не успел еще набрать скорость, мы затормозили и подобрали покрытого пылью, но все еще смеявшегося повара.

В Кумбе благодаря любезности преподобного Поля Шиблера и его супруги мы получили в свое распоряжение три принадлежащих миссионерам школьных здания. В первое время, как и обычно, когда приходилось устраиваться на новом месте, в нашем большом хозяйстве царил полный хаос. Перед нами сразу же остро встала проблема снабжения водой. Пока мы находили подходящего водоноса и снаряжали его необходимым количеством тары, Чемли громко сообщал о том, что он хочет пить. Он был привязан снаружи, и к нему уже сбегалась толпа местных жителей, никогда ранее не видевших живого взрослого шимпанзе. В отчаянии я открыл бутылку пива и поднес ему. К моему изумлению, Чемли радостно принял этот напиток и старательно облизывал губы после каждого нескольких глотков.

Чем меньше пива оставалось в бутылке, тем выше запрокидывал ее Чемли и тем больше зрителей собиралось вокруг нас. Скоро Чемли начал забавно прыгать, кувыркаться и размахивать руками. Он был весь покрыт пеной от пива и чувствовал себя превосходно. Но это пьяное веселье доставило мне много хлопот, так как только через несколько часов Чемли протрезвел и начал вести себя прилично. Кроме того, потребовалось вмешательство трех полисменов, чтобы рассеять толпу человек в двести, окружившую занятые нами дома и закрывшую нам все входы и выходы. С того дня Чемли больше не получал напитков крепче лимонада или чая, какая бы жажда его ни мучила.

Вскоре после нашей остановки в Кумбе к компании обезьян присоединилась Су. Это была самая маленькая из всех виденных мною когда-либо шимпанзе: она еще не могла ходить и имела всего четыре зуба. Су появилась в корзинке, из которой с любопытством выглядывали ее широко раскрытые глаза. Обезьянка жадно сосала собственную ногу. Как она выжила у своего хозяина, кормившего ее только похлебкой из ямса, я не знаю. В течение часа она вылакала полную бутылку теплого молока с сахаром и рыбьим жиром. Когда я показал ее Чемли, он не проявил к Су особого интереса и только попытался ткнуть ее пальцем в глаз. Мои надежды на романтическую привязанность друг к другу большого и маленького шимпанзе не оправдались.

Каждой матери, которой надоедает писк ее краснолицего ребенка, я бы сказал: «Обменяйте его на маленького шимпанзе, такого, например, как Су. Он доставит вам не меньше удовольствия и вдвое меньше хлопот». Ночи Су проводила в утепленной корзине, днем она забиралась в мою кровать. Я никогда не слышал ее плача и капризов. Она поднимала страшный крик, стискивая кулачки и брыкаясь маленькими ножками, только тогда, когда я показывал ей бутылку с молоком, а затем обнаруживал, что молоко еще не остыло и его нельзя дать обезьяне немедленно. Это было с моей стороны преступлением, и Су сразу же ставила всех об этом в известность. Первый завтрак Су получала в семь часов утра, в последний раз она ела в полночь. Всю ночь она спала совершенно спокойно, что неплохо было бы перенять многим грудным младенцам. Днем, как я уже говорил, она лежала в моей постели, сосала пальцы рук или ног, иногда немного кувыркалась по кровати, но значительную часть дня спала.

У Су выделялись голые розовые ладони, ступни и лицо, все остальные части тела были покрыты густыми жесткими черными волосами. На голове волосы как будто разделялись посередине пробором, далее они ровной челкой спускались на уши. Су немного напоминала мне японскую куклу с серьезно-торжественным лицом. При первой встрече с ней я был очень огорчен, так как опасался, что такое крохотное существо потребует бесконеч-

Дного внимания и забот, на которые у меня не хватит времени. Оказалось, однако, что она доставляла нам значительно меньше хлопот, чем любое другое животное в нашей коллекции. Слуги настолько полюбили ее, что разгоралась серьезная борьба за право поить ее молоком. Даже Джон, когда он думал, что меня нет поблизости, подходил к Су, нежно гладил ее и бормотал ей детские сказки; я несколько раз заставлял его за этим занятием.

Чемли, я полагаю, немного ревновал нас к Су, но он был слишком джентльмен, чтобы чем-либо это обнаружить. Через несколько дней после ее появления в лагере в Камерун прибыл официальный представитель Лондонского зоопарка, которому я с большим сожалением передал Чемли для отправки в Англию. Я не видел после этого Чемли более четырех месяцев, когда я навестил его в санатории в Риджент-парке. Чемли жил в просторной комнате, наполненной соломой, и пользовался среди обслуживающего персонала санатория большой популярностью. Я не рассчитывал, что Чемли меня узнает: при наших встречах в Камеруне я носил легкое тропическое обмундирование и на моем лице были усы и борода, теперь же я был гладко выбрит и одет так, как принято одеваться в Англии. Но Чемли все же узнал меня. Издали заметив мое приближение, он забегал по комнате, подобрался к тому месту, куда я должен был подойти, и встретил меня старым своим приветствием, слегка придавив зубами мой палец. Мы сели рядом, я угостил его сахаром, после чего, по установившейся традиции, мы закурили папиросы. Чемли осторожно снял с меня туфли и носки и проверил, все ли у меня в порядке с ногами. Закончив курить, он отнес окурки в дальний угол комнаты, подальше от соломы. Когда пришло время расставаться, он пожал мне руку и долго провожал меня взглядом через приоткрытую дверь комнаты. Вскоре после этого Чемли перевели в общее помещение для обезьян, и он потерял возможность принимать посетителей.

Больше я не видел Чемли, но дальнейшая его судьба мне хорошо известна. Он стал крупной телевизионной звездой, часто появлялся в Александровском дворце и вел себя перед объективом телевизионной камеры как заправский артист. Когда у него разболелись зубы, Чемли снова поместили в санаторий для лечения. В один прекрасный день ему вдруг стало скучно, он вырвался из комнаты и пробежал по всему Риджент-парку. Дойдя до улицы, Чемли увидел рядом с оградой автобус и, долго не раздумывая, вскочил в него. Неожиданное появление страшной обезьяны вызвало панику среди пассажиров автобуса; шум и крики в свою очередь настолько вывели Чемли из душевного равновесия, что он совершенно забылся и даже успел кого-то укусить. Если бы люди понимали, что крики и шум быстрее и легче всего побуждают диких животных к боевым действиям! Покинув автобус с перепуганными пассажирами, Чемли пошел по дороге, остановился около женщины с детской коляской (увидев рядом с собой

обезьяну, женщина едва не упала в обморок) и начал думать, чем ему дальше заняться. В этот момент появились работники санатория. Чемли уже успел понять, что цивилизованные люди не могут быть достойной компанией для хорошо воспитанного шимпанзе, поэтому он охотно принял предложенную ему зрителем руку и вернулся обратно в санаторий. После этого приключения Чемли был признан опасным и отправлен в зверинец к обезьянам. Через некоторое время у Чемли опять разболелись зубы, он снова попал в санаторий и снова предпринял попытку совершить побег.

Дело происходило в канун сочельника. Память Чемли, быть может, хранила воспоминания о подобных празднествах в каком-либо клубе в джунглях Африки. Вероятно, Чемли решил, что, если он прогуляется по улицам в канун сочельника, когда у лондонцев хорошее настроение, кто-нибудь дружески угостит его кружкой пива. Он снова выбрался из клетки и перебежал Риджент-парк. У Глочестерских ворот он надеялся увидеть автобус, но на этот раз ему не повезло — автобуса поблизости не было. Около тротуара стояло несколько автомобилей. Чемли решил немного покататься по городу, приблизился к одной из машин и начал стучать в дверцу. Чемли обожал поездки на любом виде транспорта. Но глупые люди не поняли хорошего, праздничного настроения шимпанзе. Закрывшись в машинах, они начали отчаянно звать о помощи. Чемли справедливо обиделся на такое нарушение добрых традиций хваленного английского гостеприимства. Но он не успел изложить свою точку зрения владельцам автомашин: примчалась группа зрителей, и Чемли снова был водворен в зоопарк. Чемли дважды сбегал из клетки и этим навлек на себя гнев администрации. Из милого умного животного, удостоенного даже права выступать по телевидению, Чемли вдруг превратился в свирепое и опасное чудовище, которое могло снова убежать и искушать каких-либо почтенных граждан. Во избежание подобных ужасов Чемли был приговорен к смертной казни и расстрелян.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДЕРЕВНЯ НА ОЗЕРЕ

Кумба — большой и для Камеруна довольно цивилизованный поселок. Среди его жителей насчитывалось около десятка белых людей, в нем находился магазин «Юнайтед Африка компани», маленькая больница, и в нем регулярно останавливались грузовики, направлявшиеся от морского побережья в глубь страны. Зная все это, мы не надеялись пополнить здесь нашу коллекцию и смотрели на Кумбу как на удобную, близкую к порту базу для

Д выезда из Камеруна, а не как на пункт для поимки новых животных. К нашему удивлению, именно в Кумбе мы пополнили наш зверинец несколькими редкими и ценными экземплярами.

Первые из них появились после того, как мы заняли три хороших светлых школьных здания на окраине поселка. Оборванный лохматый человек принес нам большую, искусно сделанную из бамбука клетку, тщательно закрытую банановыми листьями. Как выяснилось, это был житель одной из деревень Камеруна, расположенной милях в тридцати от Кумбы; он знал только свой родной язык и несколько слов на ломаном французском языке. Поскольку я знал французский язык намного лучше его, мы сравнительно легко разговорились. Он слышал, что я интересовался обезьянами, поэтому принес мне несколько штук и теперь готов продать их. Охотник сорвал с клетки банановые листья, и я увидел трех обезьян совершенно незнакомого мне вида. Вглядевшись внимательнее, я понял, что в клетке сидят не три, а четыре обезьяны: одна из самок прижимала к груди крошечного детеныша, который был настолько мал, что почти скрывался в ее шерсти. В клетке находились крупные красивые обезьяны темно-серого цвета, который лишь в двух местах сменялся другой окраской; под подбородком у обезьян росли мягкие пушистые волосы чистого белого цвета; седалища обезьян были покрыты яркими ржаво-красными волосами. Без всяких споров я уплатил охотнику назначенную им довольно скромную сумму и попытался вступить с ним в переговоры, используя весь свой скудный запас французских слов. Человек, который ловит обезьян в таком количестве, заслуживал, на мой взгляд, самого пристального внимания.

— Как ты поймал этих животных, мой друг? — спросил я на чудовищно исковерканном французском языке.

— Что вы сказали, прошу прощения? — вопросительно ответил охотник с таким же акцентом.

Я повторил вопрос, заменив одни слова другими. Мой собеседник немного подумал, почесывая затылок, потом снова сказал извиняющимся тоном, что он меня не понимает.

Я начал озираться по сторонам в поисках какого-нибудь выхода. В этот момент появился Джон. Я вспомнил, что мой верный компаньон в прошлом жил некоторое время в Бельгии и немного знал (по крайней мере так он говорил) французский язык. Я подозвал его, и он охотно включился в беседу. С великолепным оксфордским акцентом он повторил мой вопрос, и, к моему изумлению, охотник его понял. Он ответил несколькими быстрыми фразами, но на этот раз Джон его не понял. Затратив полчаса, в течение которых были попеременно использованы все языки и жаргоны, мы примерно уяснили себе способ, при помощи которого наш собеседник ловил обезьян. Он строил небольшую бревенчатую клетку в том месте, куда

частенько наведывались обезьяны, и в качестве приманки клал в нее гроздь спелых бапанов. Когда обезьяны, привлеченные бананами, забирались в клетку, какая-нибудь из них по неосторожности задевала тонкую подпорку, и дверца клетки немедленно захлопывалась. Я умолял охотника принести мне еще обезьян и подарил ему две пачки сигарет. Охотник обещал выполнить мою просьбу, но больше я его не видел. Полагаю, что полученных за припесенных обезьян денег ему вполне хватило на несколько месяцев, а согласно утвердившимся в Камеруне обычаям нет смысла работать, если у человека и так есть деньги и он может купить на них все необходимое; когда же деньги будут израсходованы, работа найдется. Эта нехитрая философия не лишена здравого смысла, но нам она приносила большие практические неудобства, так как после поимки животного каким-либо хорошим охотником и получения им вознаграждения он исчезал надолго или даже навсегда.

Обезьяны оказались гвенонами Пройса, или краснозадymi обезьянами. Живых представителей этого вида не было в Англии в течение по меньшей мере последних сорока лет. Я постарался как можно скорее поместить их в приличные клетки, отделив при этом мать с детенышем от остальных обезьян. Этим я обеспечил самке с малюткой спокойную и легкую жизнь. Эти обезьяны стали гордостью моей коллекции, и несколько дней я наслаждался своей радостью. Затем в одно злополучное утро какой-то отвратительный мальчишка (я искренне верю, что он дурно кончит) пробрался в мой зверинец и начал открывать клетки, чтобы покормить обезьян. Для большинства обезьян это не имело значения, они стали уже ручными и охотно принимали пищу прямо из рук. Но мои драгоценные гвеноны Пройса еще не свыклись с неволей и не привыкли к тому, чтобы незнакомцы открывали их клетку и бросали в нее фрукты. Один из самцов прыгнул к двери и начал кусать руку, предлагавшую ему пищу. Мальчишка, естественно, бросился бежать, а дверь на несколько минут осталась открытой и без присмотра. Этого оказалось достаточным, обезьяны выскочили из клетки и поднялись на крышу здания. В это время появились слуги, поймавшие малолетнего преступника. Увидев моих драгоценных обезьян на крыше, они перепугались и немедленно побежали звать меня. Когда мы вернулись в зверинец с сетями, было уже поздно: обезьяны мчались по траве по направлению к ближайшим деревьям. Попытка слуг догнать их не увенчалась успехом. Я только надеялся теперь, что обезьяны догадаются удрать как можно быстрее в чащу леса, так как, если они останутся на деревьях в поселке, их обязательно застрелит кто-нибудь из местных жителей. В результате из всей компании вновь прибывших обезьян у меня осталась только самка с детенышем.

Я начал медленно приближаться к виновнику происшествия, со злорадным удовлетворением отмечая, что рука его сильно искусана. Догадавшись по выражению моего лица, что никакой пощады ему не будет, мальчишка вырвался и побежал прочь со всей скоростью, которую допускали его коротенькие черные ноги. Запыхавшиеся слуги, только что вернувшиеся после погони за обезьянами, бросились за ним вдогонку, однако он быстро исчез в закоулках поселка.

Два дня спустя, когда я все еще остро переживал понесенную утрату и надеялся на возвращение охотника с новой партией гвенонов, я получил зверька, который с лихвою компенсировал потерю обезьян. Ко мне пришел юноша с ящиком из-под мыла (я судил по сохранившейся этикетке) в руках. Острый запах доказывал, что содержимое ящика было извлечено из него совсем недавно. Открыв ящик, я заглянул в его темную внутренность: на дне ящика, свернувшись в клубок, лежал ангвантибо.

В лагере снова возник переполох: необходимо было срочно отвести зверьку временное помещение, пока для него не будет построена подходящая клетка. Пахучий ящик, в котором был доставлен этот редкий и ценный зверек, нужно было немедленно заменить. Я щедро вознаградил юношу, поздравил его и посоветовал повторить свой успех, что он и обещал.

На следующий день, когда я только что поместил зверька в постоянную клетку и бережно установил ее возле клетки с ранее пойманным ангвантибо, появился знакомый юноша с тем же самым ящиком в руках.

— А-а-а!.. — весело приветствовал я его. — Что ты принес сегодня? Опять такого же зверя? — и я кивнул в сторону ангвантибо.

— Да, сэр, — невозмутимо ответил юноша.

— Что? Неужели ты опять поймал такого же зверя?

В ответ он протянул мне ящик, в котором действительно сидел еще один ангвантибо. Я не верил своим глазам: получить в течение двух дней двух ангвантибо представлялось мне невероятным чудом.

Дрожащими руками я расплатился с юношей, попросил его еще раз постараться и побежал искать Джона, чтобы поделиться с ним радостной вестью.

— Догадайся, что мне сейчас принесли?

— Что-нибудь интересное?

— Еще одного ангвантибо!

— Да, это очень хорошо, — совершенно спокойно сказал Джон. — Теперь у нас их трое.

— Меня очень беспокоит, что я вчера попросил парня поймать мне другого ангвантибо, и он сегодня принес его как ни в чем не бывало. Что я буду делать, если завтра он принесет мне штук шесть ангвантибо? В конце концов, я не могу все время платить бешеные деньги за этого зверька.

— Не бойся, — весело ответил Джон, — я думаю, что больше ты этого парня не увидишь.

Джон оказался прав, но в течение нескольких дней меня мучил страх встретить юношу с ящиком, полным антиванто, в руках. Я знал, что не могу устоять перед соблазном и куплю всех, сколько бы их ни было.

Следующей находкой явилась для нас редкая и красивая нектарница великолепная, которую принес в лагерь мальчуган, крепко зажавший птичку в худенькой горячей ладони. Это оказался самец с роскошным, ярким оперением; он был в полной сохранности. Я в это время находился в отделении для птиц и имел удовольствие наблюдать, как обычно спокойный Джон буквально задыхался от изумления и восторга при виде этой птицы. Но он быстро пришел в себя и снова стал холодным самоуверенным англичанином; в глазах его, однако, еще горел лихорадочный блеск, когда он торговался с мальчиком, беспощадно отвоевывая каждое пенни. Купив птицу, он спросил мальчика, как тому удалось ее поймать.

— Рукой, сэр, — ответил мальчик.

— Рукой?

— Да, сэр, она пролетала рядом со мной, и я схватил ее... — мальчик сделал быстрое движение, каким мы обычно ловим комаров или мух.

Джон повернулся ко мне.

— Я считаю тебя знатоком психологии местных жителей. Объясни мне, почему ребята не говорят мне правду о том, как они ловят птиц. Чтобы поймать птицу за крыло во время полета, надо обладать зоркостью ястреба и скоростью пули, вылетающей из дула винтовки. Неужели он думает, что я поверю его отъявленной лжи?

— Ты настолько прост и невинен, старина, что тебе действительно трудно что-нибудь объяснить. Ты весь излучаешь сияние невинности.

Джон вздохнул, отпустил мальчика, попросив его и впредь приносить нам птиц для продажи, и продолжал кормить своих пленников. Но еще не один раз в течение дня, когда ему казалось, что я на него не смотрю, Джон возвращался к клетке с нектарницей и подолгу любовался ею.

Однажды преподобный Пауль Шиблер, проживающий в Кумбе, пригласил меня принять участие в прогулке, которую он хотел совершить вместе с супругой. Целью прогулки была деревня Соден, расположенная на озере в нескольких десятках миль от Кумбы. Шиблеры уверяли меня, что у озера живет множество птиц и я наверняка привезу оттуда ценные экспонаты. Джон с энтузиазмом встретил весть об этом приглашении и охотно согласился принять на себя заботу о млекопитающих и пресмыкающихся на время моего отсутствия. Экскурсия рассчитана была на неделю. Я приготовил много небольших клеток и коробок для ожидаемых пленников, скатал свое походное одеяло и в одно прекрасное утро сел в маленький ав-

Д томобиль Шиблеров. Вместе со мной поехал Пайос. Машина довезла нас до места, где кончалась дорога. Там уже собрались носильщики, и мы начали пятнадцатимильный переход к озеру.

Тропа слегка извивалась по ровной лесистой местности мимо небольших плантаций и расположенных на открытых полянах маленьких поселков. Отовсюду выбегали люди, чтобы поздороваться с Шиблерами и обменяться с ними рукопожатиями. Встречные уступали дорогу и, стоя рядом с тропой, приветствовали нас. Встречая больных или путников с тяжелым грузом на голове, Шиблеры останавливались, интересовались их здоровьем, расспрашивали, далеко ли им идти. Иногда мы проходили под бомбаками, усыпанными ярко-красными цветами; нижняя часть их крупных серебристых стволов была покрыта пестрым плотным ковром желтых и белых вьюнков. Кукуруза на полях выделялась своими крупными тяжелыми початками, слабый ветерок развеивал ее серебристые кисточки. Большие желтые связки бананов висели на деревьях, как вылепленные из воска уродливые канделябры.

Лишь к вечеру мы добрались до озера. Тропа, крутыми зигзагами пересекавшая густой лес, внезапно вывела нас к широкому водному пространству. Ровная темно-серая поверхность воды кое-где еще отливала в лучах заходящего солнца неровными золотыми бликами. Лес оканчивался у самой воды, и, насколько охватывал взгляд, всюду по берегам озера, имевшего форму правильного круга, сплошная стена леса подходила прямо к воде. На середине озера возвышался маленький, заросший лесом островок, где мы с трудом различили темные контуры деревни.

Мы вошли по щиколотку в теплую воду; один из носильщиков издал пронзительный крик, который мрачными перекатами разнесся по поверхности озера и отразился от окружающей озеро стены леса многочисленным эхо. Пара черно-белых орлов поднялась с ветвей сухого дерева и тяжело полетела над водой по направлению к острову. Вскоре с острова донесся ответный крик, крошечное черное пятнышко отделилось от основного массива и поплыло к нам. Это было каноэ. Следом за ним показалось второе, третье, скоро целая группа их, подобно стайке крошечных темных рыбок, отплыла от каменистых, заросших мхом берегов.

Лодки быстро приблизились к нашему берегу, зашуршали в тростнике, гребцы улыбались и приветствовали нас громко: «Добро пожаловать, маса, добро пожаловать!» Мы погрузили весь багаж в хрупкие суденышки, которые вздрагивали и подсакивали, как игривые лошади, и каноэ легко заскользили по поверхности озера. Вода была теплая, остров, озеро и окружавший его лес были слегка окрашены исчезающим сиянием спрятавшегося солнца. Тишину нарушал только мягкий плеск воды, рассекаемой каноэ, случайный стук весла о какой-нибудь кусок дерева и равномерные выдохи

гребцов в тот момент, когда они опускали в воду весла, стремительно подвигая каноэ вперед. Над нами пролетела, четко вырисовываясь на фоне розового неба, пара серых попугаев, очень похожих в полете на голубей; они громко свистели и ворковали. На острове нас встретила торжественная тишина, глубокая и таинственная; даже самый легкий шум казался кощунством.

Шиблеры расположились в хижине на небольшом холме в центре деревни, мне отвели крошечную лачугу, спрятавшуюся в глухой рощице около самого берега. Перед сном я закурил папиросу и подошел к озеру. Прохладная вода серебрилась в лунном сиянии, часто появлявшиеся на поверхности круги, сопровождавшиеся громкими всплесками, свидетельствовали о большом количестве рыбы в озере. Далеко в лесу раздавался громкий протяжный крик совы, слышался непрерывный отдаленный звон цикад.

На следующее утро яркие лучи поднявшегося над кромкой леса солнца залили мою лачугу, в открытую дверь я видел манящую водную гладь. Я вскочил на ноги, вышел из лачуги и, разбежавшись, нырнул в воду, еще теплую от вчерашнего солнца, но достаточно прохладную, чтобы освежить меня после ночного сна. Проплыв несколько ярдов, я вдруг вспомнил о крокодилах, остановился и припнулся осматриваться. Из-за маленького мыса показалось крошечное каноэ, которым управлял карапуз лет пяти от роду.

— Аллю, друг мой, — крикнул я ему, — крокодилы здесь бывают?

В ответ послышался взрыв заливистого детского смеха.

— Нет, маса, здесь нет крокодилов.

— Здесь совсем не бывает плохих зверей?

— Совсем, сэр, совсем, — ответил ребенок, и я долго еще слышал его звонкий смех, пока он плыл по озеру в своей лодчонке. Успокоившись, я долго и с наслаждением плавал и купался, а потом пошел в деревню завтракать. После завтрака меня познакомили с двумя гребцами, с которыми я должен был объехать озеро в поисках птиц. Это были скромные, тихие, рослые юноши, которые все время молчали и только отвечали на задаваемые им вопросы. Мы сели в длинное глубокое каноэ. Я примостился на носу, положив бинокль на колени и ружье рядом с собой. Шиблер предупредил меня, что на озере много птиц, но действительность превзошла все мои ожидания.

Вокруг мелких берегов озера лежали побелевшие стволы огромных деревьев с торчащими над темной водой светлыми изогнутыми ветками, напоминающими извивающихся змей. Эти деревья постепенно подтачивались совместными усилиями дождей, ветров и насекомых, вода мало-помалу размывала почву, в которой держались их корни. Наступал день, когда лесные великаны с треском обрушивались в озеро и медленно, год за годом, все глубже погружались в илистое дно. Поднимавшиеся над поверхностью воды стволы и сучья служили превосходным местом отдыха для зна-

Д чительной части живущих в этом районе птиц. Пока наше каноэ медленно плыло вдоль берега, я внимательно осматривал в бинокль различных представителей мира пернатых. Чаще всего мне попадалась анхинга, или змеешейка, очень похожая на встречающегося в Англии большого баклана; разница между ними заключается в основном в длине шеи. У анхинги шея значительно длиннее и изогнута в виде буквы S. Эти птицы сидели рядами на павших деревьях, широко распластав крылья; склонив набок свои головы, они внимательно следили за нами. У них было темно-коричневое оперение, казавшееся издали черным, отчего вся их группа на расстоянии немного напоминала собравшихся на похороны людей, ожидающих катафалка. Когда мы подплывали к ним слишком близко, они тяжело снимались с места, пролетали некоторое расстояние и с шумом снова усаживались на берегу. Они часто ныряли в воду, появляясь затем в самых неожиданных местах; над водой торчали только длинные шеи и маленькие головы, и казалось, что это плывут живущие в воде змеи. Эта манера плавания и послужила основанием для названия «змеешейка».

Часто встречались (всегда парами) орлы; их черно-белое оперение резко выделялось на зеленом фоне леса, канареечно-желтые клювы и ноги ярко сверкали в солнечных лучах. Они подпускали к себе очень близко, а затем несколькими ленивыми взмахами крыльев перелетали на соседнее дерево.

Больше всего поражало и восхищало меня невероятное количество зимородков различных видов, размеров и цветов. Они смело подпускали лодку на расстояние до шести футов. Здесь были пестрые зимородки с ярко-черным и белым оперением, озиравшиеся так надменно и горделиво, словно, надев черные и белые драгоценности, они пришли на светский бал. Длинные угольно-черные клювики их переливались и мерцали на солнце. Здесь были и гигантские зимородки, обычно парами, с темными заостренными хохолками, с серыми и белыми крапинками на спине и рыжеватокрасными грудками. Они были величиной с лесного голубя и имели большие, похожие на лезвие ножа клювы. Были здесь и мои любимые карликовые зимородки, предпочитавшие сидеть на самых тоненьких сучках, обхватывая их кораллово-красными лапками. Были здесь и ярко-голубые зимородки, наиболее живописные из всех. Они немного крупнее карликовых зимородков, но в полете их невозможно с кем-либо спутать; когда они со звонким пронзительным щебетом низко скользят над поверхностью воды, спинки их сверкают светлой, изумительной по красоте голубизной, передать которую словами невозможно. Создается впечатление, что над озером, тихо мерцая, проплывает драгоценный благородный опал. Наблюдая за ними, я решил обязательно прихватить для коллекции Джона нескольких представителей этих редких по красоте видов. У Джона уже были карликовые зимородки и значительно менее приятные сенегальские зимо-

родки, поэтому я поставил себе целью достать пестрых, гигантских и в особенности ярко-голубых зимородков.

Увлеченный разнообразием и численностью зимородков, я рассеянно смотрел на других птиц. Часто встречались нам толстые пестрые бородатые ржанки, желтоватые бородки которых забавно торчали по обе стороны клюва и развевались на ветру; маленькие лощеные черные коростели на хрупких зеленых ножках, заметно выделявшиеся, когда птицы поспешно вылетали из зарослей тростника; изящные белые цапли, торжественно вышагивавшие по грязи; глянцево-красные ибисы, словно одетые в переливающийся шелк, смотрели с деревьев холодными рыбьими глазами. В одном месте мы наткнулись на недавно упавшее дерево, которое потащило за собой в воду множество лиан и растений-паразитов. Неподвижные воды были покрыты зелеными листьями, сорванными лепестками цветов; среди оставшихся на дереве поблекших и почти засохших цветов и сохранившихся зеленых листьев играла и резвилась стайка нектарниц. Иногда птички садились на цветы всего в нескольких дюймах от воды, и зеркальная поверхность озера четко отражала изображение цветка и птицы.

Вернувшись в деревню и наведя необходимые справки, я нашел трех мальчиков, умевших пользоваться для ловли птиц клеем, как это успешно делали ребята в Эшоби. Я объяснил им, какие зимородки мне нужны, и назначил цену за пойманных птиц. На следующее утро, еще до восхода солнца, я проснулся от всплеска весел; выглянув из хижины, я увидел, как мои юные птицеловы в трех маленьких каноэ отправились на охоту. Первый из них вернулся к полудню и принес в корзинке двух пестрых и одного сенегальского зимородка. Последнего я отпустил, так как Джон уже имел представителей этого вида в своей коллекции. Птицы не столько испугались, сколько разозлились, попав в незнакомую обстановку; когда я близко подносил руку к проволочной решетке, они дружно клевали ее острыми клювиками.

Скоро я убедился, что чистить клетку с зимородками далеко не самое приятное занятие. Проблема питания решалась очень легко — отмени вокруг острова кишели мелкой рыбешкой, и, забросив несколько раз невод, мы могли обеспечить пищей дюжину зимородков. Оба моих пленника охотно пообедали и тут же задремали.

В полдень показался второй птицелов. Он привез карликового зимородка, но несчастная птица настолько увязла в клее, что мне пришлось затратить не меньше получаса на то, чтобы как следует ее очистить. Когда я раскрыл ладонь, зимородок на мгновение сел на мой палец, с трудом держась за него крошечными лапками. Он привел в порядок несколько перьев, распушившихся после устроенного ему купания, вспорхнул и по прямой полетел к дальнему берегу. Третий птицелов вернулся вечером, в его

Д маленькой корзинке сидел ярко-голубой зимородок. Я устроил птичку с тем же комфортом, с каким разместил и ранее пойманных птиц, но новый гость оказался гораздо более беспокойным и оживленным. Я был удовлетворен результатами дня и просил птицеловов поймать мне еще гигантского зимородка. Я уже представлял себе выражение лица Джона при моем появлении в лагере с тремя различными видами зимородков. Но моя мечта не осуществилась: на следующий день юные птицеловы объяснили мне, что гигантский зимородок легко высвобождается из непрочного клея. Под жаркими солнечными лучами клейкая масса застывала очень медленно: маленькие слабые птички увязали в ней, но крупный и сильный гигантский зимородок легко вырывался на свободу. В этот день птицеловы принесли еще по одному пестрому и ярко-голубому зимородку, что несколько меня утешило.

После обеда я нежился в теплой воде неподалеку от моего жилища и с интересом рассматривал стайку маленьких рыбок, упорно пытавшихся обследовать мои ноги. В это время из деревни прибежал человек с запиской от Шиблера, из которой я узнал, что меня ожидает охотник с пойманной добычей. В деревне я увидел толпу, окружившую предмет, показавшийся мне с первого взгляда большим плоским камнем. Присмотревшись внимательнее, я понял, что передо мной крупнейшая из всех когда-либо встречавшихся мне пресноводных черепах. Относилась она к виду, известному под названием мягкопанцирной черепахи; гладкий куполообразный панцирь с выступающим по краям большим мягким ободом как будто был сделан из отсыревшего картона. Молодые черепахи этого вида сверху немного похожи на толстые и рыхлые блины. Морда этих примечательных пресмыкающихся оканчивается двумя миниатюрными хоботками; высовывая их наружу, черепаха дышит, не выходя на поверхность воды. У принесенной мне черепахи оказалась глубокая рана на шее, и она издохла в тот момент, когда я подошел к толпе. Но даже после того, как голова черепахи была отделена от туловища, крепкие, острые, как бритва, зубы черепахи схватили крупную щепку и стали ее перемалывать. Я и не представлял себе, что черепахи могут достигать таких огромных размеров: описываемый экземпляр имел в длину около четырех футов, и одному человеку не под силу было его поднять. После того как я исследовал черепаху и попросил охотника доставить мне следующий экземпляр живьем, черепаха была разрезана на куски, сварена и съедена. Мясо ее оказалось довольно вкусным и несколько напоминало мягкую, немного жирную телятину. Но, к большому моему сожалению, я так и не получил живого представителя этих громадных пресмыкающихся.

Настал день нашего отъезда, мы распрощались с жителями деревни, вновь переплыли на каноэ спокойное красивое озеро и пристали к берегу

около места, где начиналась тропа. В последний раз я окинул взглядом затерянный на фоне освещенной солнцем водной поверхности маленький островок и окружающий озеро густой тропический лес. Затем мы тронулись в путь, я все время должен был следить, чтобы носильщики не задевали клетками низко нависшие ветви деревьев и во время привалов не оставляли клетки под палящими солнечными лучами. По пути я дважды кормил зимородков, вытаскивая из специально захваченного бидона с водой крошечных рыбок. Один из пестрых зимородков взбунтовался и отказался есть, остальные легко перенесли утомительное путешествие.

Уже в сумерках добрались мы до дороги, расплатились с носильщиками и сели в автомобиль. В школьное здание в Кумбе я прибыл, когда уже совсем стемнело. Джон в это время ужинал. Даже бурный восторг, проявленный им при виде зимородков, не мог развеять нахлынувшей на меня грусти: я понял, что вернулся из последнего своего путешествия. Через десять дней мы должны будем покинуть Африку. В эту ночь я долго не мог уснуть, вспоминая теплые воды озера, удивительный маленький островок, деревню на острове и его симпатичных и счастливых обитателей. Я твердо решил когда-нибудь снова вернуться к этому озеру и чудесно там отдохнуть, плавая вместе с рыбами, катаясь на каноэ и наблюдая за зимородками.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КОВЧЕГ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Нелегко найти судно, капитан которого согласился бы принять на борт сотню различных по форме и размерам клеток с живыми птицами, млекопитающими и пресмыкающимися. Мы пережили много волнений, прежде чем компания «Элдерс энд Файфс» любезно разрешила нам воспользоваться одним из принадлежавших ей пароходов. Когда день отплытия был назначен, выяснилось, что у нас очень мало времени для сборов. Необходимо было приобрести множество вещей, запастись пищей для животных на весь длительный путь, проверить и отремонтировать все клетки, выполнить сотню различных дел. За отдельными предметами и продуктами, например за обыкновенным картофелем, приходилось посылать слуг на расстояние до двухсот миль. В Кумбе можно было достать только сладкий картофель. То же самое случилось и с кукурузой. При покупке товаров большими партиями гораздо выгоднее приобретать их в районах, где они производятся. Основные же сельскохозяйственные районы Камеруна находятся в возвышенной части страны на значительном удалении от побережья. Нам нужно

Д было купить сто двадцать яиц, сорок связок бананов на разных стадиях зрелости, пятьдесят поу-поу, сотню апельсинов, двадцать ананасов, четыре мешка кукурузы, два мешка сладкого и обыкновенного картофеля, два мешка бобов и тушу целого вола. Все это следовало купить в различных районах Камеруна и как можно быстрее привезти к нам; в случае задержки мы рисковали отправиться в плавание без какой-либо части наших запасов продовольствия.

В это напряженное время я вдруг задумал заболеть малярией. В начале болезни я решил, что она вызвана простым переутомлением, и около недели преодолевал ее на ногах. Почувствовав себя очень уж скверно, я обратился в местную больницу. Врач выслушал меня, сделал какое-то вливание и приказал немедленно лечь в постель. С большой неохотой вылежал я два дня, чувствуя, как разброд и смятение все сильнее охватывают мою колонию зверей. Джон с трудом успевал кормить своих птиц, проверять мешки с картофелем и следить, чтобы обезьяны получали пищу вовремя. Мы решили выехать в ночь накануне отплытия, чтобы к рассвету быть уже на берегу и подготовиться к погрузке. В день выезда меня снова навестил врач. Дом наш напоминал в это время базар: мешки с продовольствием, коробки с яйцами, корзины с фруктами в беспорядке были разбросаны по комнатам. Врач осторожно пробрался через весь этот хаос, измерил мне температуру и приготовился произвести очередной укол. Рассматривая на свет шприц и заполняя его хинином, он поинтересовался, чем вызвано такое оживление в нашем доме. Трясаясь в ознобе под одеялом и поглядывая на шприц, я ответил, что завтра вечером мы уезжаем в Англию.

— Что вы имеете в виду? — недоверчиво спросил он.

— Мы будем грузиться на пароход. Во вторник в десять тридцать мы должны быть уже на борту.

— Вы хотите сказать, что при вашем состоянии здоровья собираетесь выезжать в Тико и садиться завтра на пароход? — раздраженно спросил врач. В его глазах я, очевидно, выглядел не вполне нормальным человеком.

— Но я совсем не так уж болен, — запротестовал я. — Сегодня я чувствую себя хорошо...

— Слушайте, — гневно прервал меня врач, — в течение недели у вас была температура 38,4°. Вы должны лежать в постели не меньше двух недель. Вы не можете сейчас отправляться в морское путешествие.

— Но я должен ехать, доктор, у меня нет другого выхода. Если мы не воспользуемся представившимся случаем, мы никогда отсюда не уедем. Мы обязаны сесть на этот пароход.

— Вы не можете ехать. Отправляться в путешествие в вашем состоянии — это безумие. Если у вас повторится приступ лихорадки, когда вы бу-

дете на берегу (а в том, что он повторится, я почти уверен), вы или ляжете в госпиталь, или...

— Или что?

— Или умрете, — резко закончил он и с профессиональной ловкостью ввел в мое тело содержимое шприца.

Как только я снова был в состоянии продолжать разговор, я сказал:

— Но мы не можем откладывать поездку. Я должен ехать.

— Хорошо, но я снимаю с себя всякую ответственность.

Круто повернувшись, он вышел из комнаты.

Вечером прибыли грузовики, на которых в первую очередь были представлены клетки с животными, а затем сложены мешки с картофелем, кукурузой, бобами, коробки с яйцами и туша вола, предусмотрительно завернутая в мокрые мешки. К моменту выезда из Кумбы я чувствовал себя пьяным, в висках стучала частая барабанная дробь. Я сел в кабину, поместив себе на колени маленького шимпанзе Су, завернутого в одеяльце. Колонна тронулась в путь. Это было кошмарное путешествие. Прошли первые дожди сезона, красная земля превратилась в месиво вязкой глины, в котором грузовик отчаянно буксовал, ударяясь и подскакивая на невидимых камнях. Я слышал громкие возмущенные крики обезьян из кузова и думал, сколько ценных, теперь уже незаменимых экземпляров заболеет, быть может, даже умрет в результате этой мучительной поездки. Я забылся беспокойным, лихорадочным сном и вскоре проснулся, стуча зубами от холода. Остановив машину, я достал из кузова одеяла и завернулся в них. Через десять минут я истекал потом и вынужден был снова сбросить с себя одеяла. В одном месте прокололась шина у грузовика, в котором сидел Джон. Подойдя ко мне, он поинтересовался моим самочувствием, и мы выпили по чашке чаю из термоса.

— Как выдерживают дорогу твои птицы? — спросил я.

— Не знаю, — хмуро ответил Джон. — Мы испытали страшную тряску. Я даже боюсь заглядывать в кузов до тех пор, пока мы не приедем в Тико.

— У меня такое же настроение. Все равно мы ничего не можем сейчас сделать, остается только надеяться на благополучный исход.

Когда мы добрались до нижних склонов массива Камерун и дорога повернула к берегу моря, начал накрапывать мелкий холодный дождь, от которого покрытый туманом ландшафт сделался еще более темным. Солнечные лучи уже начали пробиваться сквозь низко нависшие серые тучи, когда мы увидели первые пальмовые плантации. Вскоре внизу под нами открылась большая равнина, окружающая Тико. Это была уже цивилизованная Африка, на которую я смотрел с ужасом; ровными унылыми рядами на протяжении многих миль росли банановые деревья. Однообразие

Д этих плантаций производило тягостное впечатление. Сотни тысяч банановых деревьев приносили плоды, которые срывались еще недозрелыми и направлялись на ожидающие в гавани корабли. Крутом видны были только бесконечные банановые листья, мокрые, обвисшие, похожие на большие зеленые простыни. Лишь изредка беленький домик надсмотрщика-европейца, расположенный на какой-нибудь небольшой полянке, нарушал тягостное однообразие. Иногда видели мы и ряды грязных металлических сараев, в которых ютились сборщики бананов.

Под непрерывно моросившим дождем наши грузовики медленно двигались вперед и вскоре остановились около узкоколейной железнодорожной ветки. Маленькие паровозики тащили за собой платформы, заваленные связками бананов. Эти составы пересекали низменную заболоченную береговую полосу и подъезжали к порту, где бананы немедленно грузились на пароход.

К большому нашему огорчению, выяснилось, что мы прибыли за несколько часов до начала погрузки животных на пароход. Мы решили пока оставить клетки на машинах нераспакованными, по крайней мере это давало хоть некоторое укрытие от дождя.

В это время солнце прорвало завесу облаков, и дождь окончательно прекратился. Пришлось все же снимать клетки с машин и укрывать их в тени рядом с железнодорожной колеей. Попутно мы проверили состояние всех наших животных, после чего я обменялся с Джоном результатами произведенного осмотра.

— Я потерял двух нектарниц, к счастью, не самых ценных. Думаю, что они испугались тряски в пути и начали метаться по клетке. Все остальные птицы как будто целы, но я мечтаю скорее оказаться на пароходе, накормить и напоить их. Как твои зверюшки?

— Один глухой дрил основательно поранил себе руку. Вероятно, он просунул ее через решетку, а в это время машина подскочила на ухабе и его стукнуло по руке другой клеткой. Но это быстро заживет, других потерь у меня, кажется, нет. Ангвантибо в порядке, но они очень устали от дороги.

После томительного ожидания (самое тяжелое заключалось в том, что мы не имели возможности вовремя накормить и почистить животных) подошел состав с пустыми платформами, и нам разрешили грузить клетки на платформы. Не успели мы закончить погрузку, как снова начался дождь; но это был уже не прежний мелкий дождик, а настоящий тропический ливень. Мы находились на открытом месте, через несколько секунд потоки воды побежали по стенкам клеток, а люди выглядели так, словно их только что вытащили из моря. Состав медленно двигался вперед, приближаясь к пароходу; когда мы добрались до него, началась быстрая погрузка. Я сно-

ва тряся в лихорадке и чувствовал себя отвратительно. Вспомнив предостережение врача, я спустился в каюту, переоделся в сухую одежду и пошел искать старшего буфетчика. Выпив у него стакан крепчайшего виски, я почувствовал, как блаженное тепло разливается у меня по всему телу. Проглотив полученные накануне от врача таблетки, я снова поднялся на палубу.

Клетки и их обитатели были совершенно мокрыми. Пришлось срочно заменять сырую подстилку сухой и чистить клетки. Затем я посыпал обезьян сухими опилками, чтобы таким образом немного подсушить их мех. Накормив обезьян хлебом и фруктами, я дал им потом горячего молока, так как бедные животные дрожали от холода. Я знал, что, если до наступления темноты они не обсохнут, многие из них рискуют заболеть пневмонией. После обезьян я накормил и напоил ангвантибо, которые, к счастью, меньше пострадали от дождя, так как были накрыты другими клетками.

К этому времени благотворное действие виски прекратилось, и я стал чувствовать себя все хуже и хуже. Палуба качалась и убегала у меня из-под ног, голова казалась огромной, как тыква, и грозила в любой момент расколоться от острой пронизывающей боли. Впервые я начал всерьез опасаться за будущее: я не мог лечь в госпиталь и оставить Джона одного в этом трудном и долгом путешествии, где нам и двоим работы было по горло. Я с трудом приполз в каюту и свалился на койку. Джон спустился ко мне, чтобы сообщить, что он более или менее благополучно разместил птиц и через полчаса сумеет помочь мне управиться с моими животными, но я уже забылся глубоким и крепким сном. Проснулся я совершенно другим человеком, на палубу я вышел, чувствуя еще некоторую слабость, но в твердой уверенности, что смерть мне уже не угрожает. Я накормил зверей, завесил одеялами клетки обезьян и ангвантибо и дал Су бутылку с ее вечерней порцией молока. Она весело закричала, увидев мое приближение с бутылкой в руках, дождь и холод не нанесли ей никакого вреда. Наконец все необходимое было сделано, и я впервые за последние два дня облегченно вздохнул. Облокотившись на перила палубы, я посмотрел в сторону банановых рощ и мангровых болот: дождь непрерывно барабанил по парусиновому тенту над моей головой. Закончив свои дела, Джон присоединился ко мне. Мы молча курили, вглядываясь в дождь и сгущавшуюся темноту вечера.

— Вряд ли люди представляют себе все трудности, связанные с коллекционированием животных, — задумчиво проговорил Джон, оглянувшись на темную массу клеток на палубе. — Они просто не в состоянии все это понять. Возьми один только сегодняшний день: мы очень легко могли потерять всех своих животных из-за этого проклятого дождя. Но никому из посетителей зоопарков такие мысли и в голову не приходят.

— Ну, трудно от них и требовать этого. Им кажется, что коллекционерам так же легко удастся собирать зверей, как в свое время это удавалось Ною.

Д — Ной! — с презрением возразил Джон. — Если бы у Ноя была бы хоть пятая часть того количества зверей, какое ему приписывают, его ковчег пошел бы ко дну.

— А сколько птиц и млекопитающих нам все же удалось поймать за время нашего пребывания в Камеруне! Если бы Ной ограничился даже находящимися на этом пароходе видами животных, его ковчег тоже оказался бы перегруженным.

— Мне кажется, — зевнув, продолжал Джон, — что наш ковчег тоже основательно перегружен всеми этими вещами, — и он махнул рукой в сторону сотни клеток с животными и птицами. — Я пошел спать. Во сколько мы отплываем?

— Около полуночи. Я тоже сейчас спущусь.

Джон направился в каюту, я остался на палубе и продолжал смотреть в сторону берега, скрывшегося в наступившей темноте. Скоро я заметил вспыхнувший маленький огонек, ярко светившийся во мраке. Неожиданно послышались мягкие ритмичные удары барабана, сильные голоса сборщиков бананов. Огонек колыхался и мерцал, отделенный от меня движущейся завесой дождевых струй. Мягко звучали голоса, напевая песню, столь же старую, как и огромные тропические леса. Это была простая, безыскусная песня, тихая и ласковая; такие песни, должно быть, пел в свое время языческий бог Пан. Наблюдая за искрящимся между деревьями огоньком, слушая мерный стук барабана и нестройный, но приятный хор, я знал, что еще вернусь в Африку, что меня всегда будет преследовать и тревожить ее таинственное очарование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение домой отнюдь не является самой легкой частью поездки за животными. Мы провели 14 дней в тяжелой и изнурительной работе и были вознаграждены тем, что потеряли за все время только два экспоната: одну птицу, которая заболела еще до нашей посадки на пароход и смерть которой не была для нас большой неожиданностью, и одного мангуста, который выскользнул из клетки, вылез на край палубы и, прежде чем я успел до него добежать, непонятно из каких соображений прыгнул за борт. Я слышал разговоры о том, что, если дать немного денег кому-либо из членов экипажа парохода, можно спокойно отдыхать до самого приезда к месту назначения. Но если даже на минуту допустить, что в команде парохода найдется достаточно свободный человек, доверить ему уход за редкими ценными животными все равно нельзя, так как он просто не умеет с ними

обращаться. Нет, все это отнюдь не так просто. Коллекционер должен вставать на рассвете, чтобы вовремя накормить животных, и с этого момента в течение дня он не имеет свободной минуты. Много хлопот доставила мне во время путешествия Су. В Кумбе она целыми днями валялась в моей постели, не испытывая недостатка ни в солнце, ни в свежем воздухе. На пароходе я не хотел держать ее все время в тесной клетке, но я боялся выпускать ее без присмотра на палубу, помня о судьбе упавшего за борт мангуста. Я обсудил этот вопрос со старшим буфетчиком. Немного подумав, он удалился и через несколько минут явился с большим детским манежем в руках. Какая-то дама, путешествуя вместе с ребенком, оставила этот манеж на пароходе. Я от души благословлял эту незнакомую мне благодетельницу. Манеж был установлен на палубе в укрытом от солнечных лучей месте, на пол я подстелил одеяла, а затем перенес в манеж маленькую обезьянку. Су нашла все это сооружение очень интересным; несколько дней спустя она уже вставала на ноги, ухватившись руками за верхнюю перекладину манежа. При первом же движении судна она, не удерживаясь в стоячем положении, падала на живот. Но все же Су чувствовала себя победительницей, так как несколько секунд оставалась на ногах. В стенке манежа Су нашла новое развлечение — несколько рядов скользящих по проволоке разноцветных шариков. Су проводила целые часы, катая шарики по проволоке или старательно их облизывая.

Матросы, конечно, были в восторге от обезьянки и часто в свободное время подходили к манежу поговорить с ней или почесать ей брюшко. Забавно было смотреть на рослых здоровых парней, в которых трудно было предположить и следы сентиментальности, склонившихся над манежем и нежно беседующих с маленьким шимпанзе, который удобно расположился на мягких одеялах и невозмутимо сосал при этом палец. В тот день, когда Су, со страхом хватаясь за стенки манежа, сделала самостоятельно первые три шага, несколько матросов, присутствующих на палубе в этот исторический момент, взволнованно бросились ко мне и сообщили эту новость с такой радостью, словно речь шла об их собственном любимом ребенке. Я убежден, что, если бы это потребовалось, матросы собственными руками охотно сшили бы Су одежду.

Другим животным также уделялось достаточное внимание. Если одна из обезьян, простудившись, начинала кашлять, весть об этом мгновенно распространялась среди членов команды, и вскоре многие приносили мне сахар и различные лакомства для больного животного. Повар и его дежурные помощники всегда оставляли вкусные вещи для своих любимцев, первым среди которых, конечно, был Джордж. Он принимал все эти дары как должное и, сидя в своей клетке с невозмутимым выражением на лице, снисходительно позволял угощать себя сквозь прутья решетки. Лишь одна-

Джды во время путешествия Джордж нарушил правила приличия. Спаркс, радист парохода, был одним из наиболее преданных друзей Джорджа. Он часто приходил беседовать с бабуином и, чтобы лучше разглядеть его в полумраке клетки, надевал большие очки в тяжелой роговой оправе. Эти очки заинтересовали Джорджа, пожелавшего ближе познакомиться с загадочным предметом. Однажды Спаркс слишком близко нагнулся к клетке. Мгновение — и Джордж, очутившись рядом с ним, схватил желанный предмет и отскочил в глубину клетки. С большим трудом отобрал я эти очки у Джорджа; обошелся он с очками, однако, настолько осторожно, что я вернул их владельцу невредимыми.

Первое время погода нам благоприятствовала: прохладно и ясно было на всем пути до Бискайского залива. Но здесь нас встретили свинцово-серые хмурые волны; холодный противный дождь предупредил нас, что мы приближаемся к берегам Англии. С нашей точки зрения, последние дни путешествия оказались самыми трудными: температура значительно снизилась, резкий пронзительный ветер рвался между клетками, заставляя бедных животных дрожать от холода. Если бы какая-либо обезьяна сейчас простудилась, нам вряд ли удалось бы ее спасти. Мы закрыли клетки одеялами и брезентом, утром и вечером обезьяны получали горячее молоко. Пароход обогнул в темноте юго-западную оконечность Англии, маяк дружески подмигивал нам, когда мы производили ночное кормление животных. Пароход вошел в Ирландское море. Когда же в одно сырое серое утро мы увидели позолоченных птиц на крыше здания «Юнилевера», то поняли, что прибыли в Ливерпуль. Путешествие со всеми его хлопотами и заботами окончилось. Мы предвкушали близкую теперь радость увидеть наконец наших пленников не в тесных клетках, а на просторных площадках и в хороших помещениях.

Выгрузка животных с парохода всегда связана с некоторыми трудностями. Однако вскоре все клетки были благополучно спущены на берег, и мы начали грузить их в прибывшие из зоопарков машины. Ангвантибо, с деловым видом прогуливавшийся по перекладам своих клеток, предназначались Лондонскому зоопарку. Джордж, ухмылявшийся за решеткой своей клетки, и Су, занимавшаяся гимнастикой, несмотря на царившие суматоху и шум, вместе с дралами, черпоногими мангустами и многими птицами должны были отправиться в Девон, в зоопарк Пейнтон. Гвеноны направлялись в новый обезьяний питомник в Честерском зоопарке, остальных животных мы отправляли в Манчестер и Бристоль.

Но вот и последняя клетка установлена в машине, грузовики трогаются в путь, увозя животных навстречу новому этапу в их жизни. А мы начинаем уже думать о подготовке нового путешествия.

ТРИ БИЛЕТА ДО ЭДВЕНЧЕР

*Посвящается
Роберту Лоузу в память о змеях,
леницах и южноамериканских седлах*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану¹, которое я предпринял вместе с моим компаньоном Кеннетом Смитом. По заказу нескольких английских зоопарков мы отправились добывать птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и рыб, обитающих в этом уголке Южной Америки.

Существует ошибочное мнение, будто поимка животных — самая трудная часть работы зверолова и, как только животные пойманы и рассажены по клеткам, работа в основном закончена. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа: ведь, поймав животное, надо кормить и по всем правилам содержать его, а это в большинстве случаев нелегкая задача.

В путешествии подобного рода со звероловом приключается такое, чего и нарочно не придумаешь. Одни приключения кажутся забавными, от других душа в пятки уходит, третьи в высшей степени раздражают. Но все они лишь яркие вехи среди месяцев забот и труда, к которым сводится работа зверолова. А вот сидеть писать книгу об очередной поездке — и все заботы, неприятности и разочарования словно изглаживаются из памяти, и на бумаге остается лишь веселое и приятное. Так невольно создаешь превратное представление о профессии зверолова, и она начинает казаться сплошь захватывающей увеселительной прогулкой, ярким и волнующим занятием. И иногда она действительно такова, хотя в большинстве случаев это гнетущая, полная разочарований и разбитых надежд, дьявольски тяжелая работа. Но одного у нее не отнимешь, одно преимущество она имеет перед всеми другими профессиями: ее никогда, ни при каких обстоятельствах не назовешь скучной.

¹ С мая 1966 г. независимое государство Гайана. — *Примеч. ред.*

ПРОЛОГ

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, пьем ром и имбирное пиво и решаем головоломку. На столе перед нами большая карта Гвианы, и время от времени кто-нибудь из нас наклоняется и, свирепо нахмурясь, вонзает в нее взор. Задача состоит в том, чтобы из великого множества интригующих названий на карте выбрать одно, которое могло бы послужить отправным пунктом для нашей первой вылазки в глубинные районы страны. Вот уже часа два мы бьемся над этой проблемой, но еще ни к чему не пришли. Я не свожу глаз с карты: вот они, эти реки и горные цепи с чудесными названиями вроде Меруме, Мазаруни, Кануну, Бербисе, Эссекибо.

— Как насчет Нью-Амстердама? — спросил Смит, как нарочно выбрав на карте самое бапальное название.

Меня всего так и передернуло от отвращения, Боб ожесточенно затряс головой, во взгляде Айвена появилось идиотски-отсутствующее выражение.

— Ну а Мазаруни?

— Болото, — исчерпывающе высказался Боб.

— Гвиана, — иступленно продекламировал я по путеводителю, — на языке местных индейцев означает «страна воды».

— Но ведь можно же что-нибудь выбрать так, чтобы все остались довольны, — с раздражением сказал Смит. — Мы торчим здесь уже несколько часов. Решайте, ради бога, да и на боковую.

Я взглянул на Айвена: последний час он был явно не в себе, не внес ни одного предложения!

— Ты как думаешь, Айвен? — спросил я. — В конце концов, ты родом из здешних мест, тебе и знать, где лучше ловить животных.

Айвен вышел из транса, и по его лицу расплылось виноватое выражение, как у сенбернара, который не на место положил свой хвост.

— Ну что же, сэр, — изрек он своим невероятно культурным голосом, — по-моему, вы не прогадаете, если отправитесь в Эдвенчер¹.

— Куда-куда? — переспросили одновременно мы с Бобом.

— В Эдвенчер, сэр. — Он ткнул пальцем в карту. — Это небольшая деревня вот здесь, возле устья Эссекибо.

Я поднял глаза на Смита.

— Едем в Эдвенчер, — твердо сказал я, — Это просто невозможно — не побывать в месте с таким названием.

— Ладно! — сказал мой компаньон. — Вопрос исчерпан. Можно завалиться спать?

— Он просто бесчувственный, — с горечью отозвался Боб. — Слово «Эдвенчер» ему ничего не говорит.

Попасть в деревню с таким интригующим названием оказалось легче, чем я предполагал: стоило лишь спуститься к джорджтаунской пристани и взять билеты. На мой взгляд, было что-то кощунственное в том, что в наши дни можно взять билет до Эдвенчер да еще начать свое путешествие туда на огромном уродливом пароме. Отправиться в путь в каноэ со свирепого вида воинами-гребцами — это еще куда ни шло, думалось мне.

Так или иначе, в одно прекрасное утро такси доставило на причал нас и наш странного вида багаж. Предоставив своим спутникам спорить с шофером о справедливой плате за проезд, я подошел к кассе и произнес магические слова.

— Три билета до Эдвенчер, пожалуйста, — сказал я, напуская на себя как можно более непринужденный вид.

— Слушаю вас, сэр, — ответил кассир. — Первый класс или второй?

Это было слишком; мне показалось подозрительным уже одно то, что до Эдвенчер можно взять билет, ну а раз речь пошла о классах, тут я вообще засомневался, стоит ли туда ехать. Не иначе как это процветающий морской курорт, с кинотеатрами, закусочными, неоновыми рекламами и прочими сомнительными атрибутами цивилизации, подумалось мне. Я обернулся: на причал, шатаясь под ворохом наших пожитков, всходил Айвен. Я подозвал его и попросил разрешить щекотливый вопрос. Он объяснил, что путешествовать вторым классом — значит ехать где-нибудь вниз, в тесном трюме парома, а затем в трюме речного парохода. Билет же первого дает право сидеть в ветхом шезлонге на верхней палубе парома, а на пароходе можно будет даже получить завтрак. Это меня убедило, и я взял три билета первого класса до Эдвенчер.

Жутковато-непонятной кучей свалили мы на палубе наше снаряжение, и вот уже паром, мерно подрагивая в такт работе машины, пересекает ко-

¹ Эдвенчер (Adventure) — по-английски «приключение». — *Примеч. пер.*

Д фейно-коричневый простор Демерары. Облокотясь о перила, мы с Бобом разглядывали маленьких чаек, которые с печальным видом кружили за кормой. И тут обнаружилось, как мало Боб представляет себе то, что ждет его впереди.

— Я так рад, что мы расстались с Джорджтауном, — вздохнув, сказал он, рассеянно очищая банан и бросая кожуру пролетающей чайке. — Как хорошо снова забраться в глушь и не чувствовать себя пленником в четырех стенах. Где, как не в глуши, человек обретает покой и удовлетворенность собой?

Я промолчал. Не спору: забравшись в какой-нибудь медвежий угол, можно отлично отдохнуть, но вот имеет ли Боб хоть малейшее представление о том, что значит залезть в глушь в одной компании со звероловом? Судя по его замечаниям, он полагал, что ловить зверей — это знай полежи-вай себе в гамаке, а звери сами пойдут к тебе в клетки. Я решил не разочаровывать его на этот счет до тех пор, пока мы не отъедем подальше от Джорджтауна.

Боб был художником и хотел писать картины из жизни индейских племен. Когда он приехал в Гвиану, оказалось, что места, в которых он намеревался побывать, сплошь затоплены, а реки просто непреодолимы. Так он и сидел, словно Ной, в Джорджтауне, ожидая, пока схлынут воды потопа, и тут повстречался с нами. Узнав, что я вскоре отправляюсь в глубь страны, он с похвальной наивностью набился мне в попутчики. Дескать, уж лучше проехаться по стране со звероловом, чем безвылазно сидеть в Джорджтауне, а к тому времени, как мы вернемся, наводковые воды, наверно, спадут, и он сможет спокойно отправиться писать индейцев.

К сожалению, этой мечте Боба не суждено было сбыться: все свое время в Гвиане он провел, сопровождая меня в моих поездках. Ему никак не удавалось дорваться до кисти и полотна, а под конец уже не осталось до чего дорываться: мы забрали у него все полотно на ящики для змей, которых отправляли в Англию самолетами. Ему приходилось есть и спать в окружении самых фантастических птиц, зверей и пресмыкающихся; весь в синяках и царапинах, усталый и разгоряченный, он был вынужден перебираться через реки и озера, переходить вброд болота, продираться сквозь чащу леса и непролазь густых степных трав. В тот роковой день, когда мы выехали в Эдвенчер, я предвидел все это, но сам Боб никакого подвоха с моей стороны явно не подозревал.

Солидно попыхивая, паром пристал к каменному причалу на том берегу Демерары, и мы принялись как попало сгружать наш багаж, проще говоря, швырять его через перила Айвену, стоявшему внизу. Когда мы закончили с разгрузкой и, сойдя с парома, присоединились к Айвену, ка-

кая-то мрачная фигура отделилась от бочки, на которой она сидела, и двинулась к нам.

— Вы не на поезд в Парику? — спросила фигура.

Я подтвердил, что именно таково наше намерение, если только мы изыщем возможность доставить наш багаж на станцию.

— Тогда вам надо поторопиться... Поезд должен был уйти десять минут назад, — не без скрытого злорадства сообщила фигура.

— Боже мой! — в ужасе воскликнул я. — А далеко ли до станции?

— Около полумили, — отвечала фигура. — У меня есть тележка.

И с этими словами она исчезла.

— Что, если мы не попадем на поезд, Айвен? Будет ли еще один?

— Нет, сэр. Если мы упустим поезд, другого придется ждать до завтра.

— Как? Ждать здесь? — воскликнул Боб, оглядывая тонкий речной берег с двумя-тремя одиноко стоящими полуразвалившимися сараями. — А где же мы будем спать?

Не успел Айвен вразумить его, как неизвестный появился вновь. Он бежал к нам вразвалку, волоча за собой допотопную тележку.

— Надо торопиться, — задыхаясь, проговорил он. — Кажись, поезд уже отходит.

Мы лихорадочно наваливали багаж на тележку, а издали доносились пыхтение и свист: паровоз разводил пары. Очертя голову мы бросились по дороге на шум, тележка грохотала за нами, ее тащили Айвен и запыхавшийся владелец. Мокрые от пота, едва переводя дух, мы галопом ворвались на станцию, возбудив величайший интерес странного вида личностей, слонявшихся по платформе. Они приветствовали наши разгоряченные, взъерошенные персоны пасменливым свистом, который сменился радостным улюлюканьем, когда наша тележка наткнулась на камень и чуть ли не весь багаж вывалился на землю. Поезд тронулся. Нечеловеческим усилием мы швырнули последний ящик в вагон, и я еще успел высунуться из окна и бросить горсть мелочи нашему спасителю, который, не помня себя от горя, бежал за составом, умоляюще вытянув перед собой руки.

Малюсенький паровозик мужественно катил между влажно мерцающих рисовых полей и островков леса, таща за собой вереницу обшарпанных вагончиков и временами набирая прямо-таки отчаянную скорость — двадцать миль в час. Ландшафт был сочно-зелен, словно его только что протерли и обмыли специально для нас. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были птицы. Искрящиеся белые цапли торжественно ступали по коротеньким нежно-зеленым всходам риса; с оросительных каналов, испещренных водяными лилиями, при приближении поезда взлетали яканы, внезапно ослепляя глаз лютиковой желтизной крыльев; в небесной синеве вырисовы-

Д вали свои величавые арабески коршуны-слизнееды, а в кустах без конца порхали стаи красногрудых трупиалов, и их алые грудки вспыхивали огнем на зеленом фоне.

Ландшафт, казалось, был до отказа набит птицами, куда ни глянь — видишь либо цапель, а под ними, в воде, их мерцающие отражения, либо длиннопалых якан, мелко семенящих по листьям водяных лилий, либо желтоголовых трупиалов, выглядывающих из стены тростника. У меня глаза заломило от всех этих цветowych пятен, пестрого трепыхания крыльев в тростнике и их стремительного скольжения над полями.

Боб мирно почивал в утолке купе, а Айвен пропадал где-то в недрах кондукторского отделения, так что я один любовался этим парадом птиц. Но вот поднялся свежий ветер, он затянул дымкой воды каналов и старательно задувал в купе сажу и гарь, гордо извергаемые трубой паровоза. Окно пришлось закрыть; судя по его виду, оно как было вставлено, так ни разу и не протиралось. Лишившись возможности созерцать окрестности, я по примеру Боба задремал. Наконец последним героическим усилием поезд втащился в Парику, и, тяжело тоная спрессованная одеревенелыми ногами, мы сошли на платформу. Тут обнаружилось, что пароход, храня почти невыносимую для тропиков верность расписанию, уже стоит у причала и громко, капризно гудит, заявляя о своем намерении тронуться в путь. Мы поспешили на борт и опустились в шезлонги, превознося предусмотрительность Айвена. Пароход застучал машиной, затрясся, отошел от Парики и устремился вперед по темным волнам Эссекибо, лавируя в лабиринте небольших зеленых островков. Мы сидели в шезлонгах, дремали, жевали бананы и любовались красотой многочисленных островков, проплывавших мимо. Тут нас пригласили на завтрак в крошечный буфет, а потом, набив желудки, мы вернулись на солнцепек в свои шезлонги. Только я снова задремал, как Боб грубо растолкал меня.

— Джерри, хватит спать... Ты упустишь чудесное зрелище.

Пароход, очевидно обходя мель, чуть ли не вплотную притерся к берегу, так что нас отделяли от густого подлеска каких-нибудь пятнадцать футов воды. Еще как следует не проспавшись, я тупо уставился на деревья.

— Ничего не вижу. В чем дело?

— Вон там, на ветке... Видишь, задвигалась, неужели не видишь?

И тут я увидел. В ярком солнечном свете в гуще листвы сидело сказочное существо — большая ящерица с чешуйчатым телом, окрашенным в самые различные оттенки зеленого — яшмовый, изумрудный и травянистый, — с большой бугристой головой, уложенной крупными чешуями, и с большим волнистым подвесом под подбородком. Ящерица небрежно лежала на ветке, впившись в дерево большими изогнутыми когтями и свесив

к воде длинный, как плеть, хвост. На наших глазах она повернула свою украшенную брыжами и наростами голову и спокойно начала объедать молодые листочки и побеги вокруг. Я не верил своим глазам и никак не мог убедить себя в том, что она относится к тому же виду, что и те скучные, впавшие в спячку бесцветные существа, которых в зоопарках выдают за игуан. Когда мы проплывали как раз напротив ящерицы, она повернула голову и окинула нас надменным взглядом своих маленьких, в золотистых крапинках глаз, и все это с таким видом, словно она просто-напросто коротает время в ожидании своего гвианского святого Георгия, который должен прийти и сразиться с ней. Мы глядели на нее как зачарованные, пока за расстоянием ее зеленое тело не слилось с листвой.

Мы все обсуждали игуану, как вдруг появился Айвен. Вид у него был озабоченный.

— Что случилось, Айвен? — спросил я.

— Ничего особенного, сэр. Просто мы прибываем.

Мы с Бобом немедленно перевели взгляд на берег: сплошной полосой зарослей он тянулся до самого горизонта. Только я хотел спросить у Айвена, не ошибся ли он, как пароход миновал небольшую излучину и на берегу показался большой сарай, а из мангров выступил каменный причал. На рифленой железной крыше сарая броскими белыми буквами значилось: «Эдвенчер». Вот мы и приехали!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗМЕИ И САКИВИНКИ

Айвен оказался отличным организатором: к вечеру того же дня у нас был собственный дом на главной улице деревни.

Наше жилище представляло собой крохотную деревянную лачугу, изъеденную червями и термитами и не без явной натути сохранявшую вертикальное положение. Как все дома в Гвиане, она покоилась на сваях и состояла из трех комнат: спальни, столовой и кухни. Стояла она чуть отступя от дороги, за широкой, заполненной водой канавой, через которую был переброшен ветхий деревянный мосток. Коротенькая, но крутая деревянная лестница, увенчанная небольшим квадратным балконом, вела к входной двери. Такая же лестничка позади дома вела в кухню.

Был вечер. Айвен колдовал на кухне, дразня нас запахом кэрри, так что у всех слюнки текли. Боб мужественно пытался развесить три гамака в

Д комнате, где едва уместился бы и один. Я сидел в сумерках снаружи, наверху шаткой деревянной лестнички. Обложившись со всех сторон книгами и рисунками, я беседовал с местными охотниками, которых вызвал Айвен. Предварительный разговор с местными жителями — очень важная часть работы зверолова. Показывая им рисунки нужных животных, можно многое узнать о местной фауне и о том, редок или обычен в данной местности такой-то вид. К тому же вы имеете возможность назвать цены, по которым согласны брать животных, и таким образом сразу вносите ясность в дело. Охотники Эдвенчер оказались весьма странным и интересным народцем. Тут были два здоровенных негра, толстенький коротышка китаец с традиционно непроницаемым выражением лица, семь-восемь поджарых индейцев с пронзительно-кариими глазами и нечесаными смоляно-черными копнами на головах и в довершение всего целая куча метисов самых различных цветов и возрастов. Беседе немало мешало то обстоятельство, что я совсем недавно приехал в страну и еще не освоился с местными названиями животных.

— Айвен, вот этот человек берется поймать для меня свинью нимп-лу! — надсаживался я, перекрывая шипение кэрри и чертыхания Боба, единоборствовавшего с гамаками. — Что такое нимпла? Какая-нибудь разновидность дикой свиньи?

— Нет, сэр, — кричал мне в ответ Айвен. — Нимпла — это дикобраз.

— А что такое киджихи?

— Это мелкое животное с длинным носом, сэр.

— Мангуста, что ли?

— Нет, сэр, крупнее мангусти, с очень длинным носом и кольцами на хвосте. Оно всегда ходит задрав хвост.

— Угу! — хором подтверждали охотники вокруг.

— Носуха, что ли? — после некоторого размышления спрашивал я.

— Да, сэр, вы угадали, — отвечал Айвен.

И так на протяжении двух часов. Но вот Айвен доложил, что ужин готов, мы отпустили охотников и вошли в дом. При свете миниатюрной «летучей мыши» наша спальня выглядела так, будто кто-то безуспешно пытался превратить ее в цирковой балаган. Канаты и веревки оплели комнату, словно паутина гигантского паука. Сам Боб потерянно стоял с молотком в руке посреди всего этого хаоса, обзвывая хитросплетение гамаков.

— Никак не могу справиться с этими штуками, — уныло проговорил он, когда мы вошли. — Вот противомоскитная сетка к моему гамаку, но, хоть убей, не представляю, куда ее присобачить.

— Не скажу наверняка, но, по-моему, ее надо вешать над гамаком еще до того, как гамак повешен, — горя желанием помочь, высказался я.

Предоставив Бобу самому окончательно решить этот вопрос, я отправился на кухню помогать Айвену раскладывать еду по тарелкам.

Мы расчистили часть стола от свешивающихся порослей веревок и принажились уничтожать отличное кэрри, когда появился мистер Кордаи. Появился он так. Раздался громкий стук в дверь, хриплый голос трижды произнес: «Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи» — и мистер Кордаи ввалился в комнату. Это был метис с преобладанием индейских кровей, низенький, сморщенный человечек с лицом страдающей расстройством желудка обезьяны и кривыми, как бананы, ногами. При первом же взгляде на него было видно, что он изрядно пьян. С сильным креном он вошел в круг света от фонаря и идиотски осклабился на нас, пустив в нашу сторону волну ромового перегара.

— Это мистер Кордаи, сэр, — в явном замешательстве проговорил Айвен своим культурным голосом. — Очень хороший охотник.

— Да, — согласился мистер Кордаи, с жаром тиская мне руку. — Доброй ночи, хозяин, доброй ночи.

По своему джорджтаунскому опыту я уже знал, что «Доброй ночи» употребляется тут, в Гвиане, как приветствие в любое время после захода солнца; привыкнуть к этому было несколько затруднительно. Мы попросили мистера Кордаи присесть и выпить с нами рюмку рома, и он не заставил себя долго упрасивать. Он пробыл у нас час и все это время пространно, хотя и несколько сбивчиво, толковал о зверях, которых он ловил в прошлом и намерен поймать в будущем. Я тактично свел разговор к большому озеру в нескольких милях от Эдвенчер. Мы с Бобом жаждали побывать на озере, посмотреть тамошнюю индейскую деревню и исследовать животный мир на его берегах. Мистер Кордаи заявил, что отлично знает озеро. По его словам, в окрестных лесах он не раз вступал в схватку не на жизнь, а на смерть со змеями гигантских размеров и не раз спасался вплавь через озеро от разъяренных зверей, которых он пытался пленить. Моя вера в мистера Кордаи катастрофически упала, но тем не менее после второй рюмки рома мы условились, что наутро он зайдет за нами и проведет нас на озеро. Он сказал, что хорошо бы выйти что-нибудь около шести и проделать самую трудную часть пути до того, как начнет припекать. Заверив нас, что завтра мы наловим кучу зверей, мистер Кордаи распрощался и нетвердым шагом удалился в ночную тьму.

В пять утра мы были на ногах и развернули лихорадочную деятельность, готовясь к походу. В половине восьмого Айвен второй раз согрел нам чаю и послал мальчишку на розыски нашего столь пунктуального проводника. В восемь часов мальчишка вернулся и доложил, что этой ночью мистер Кордаи не ночевал дома и его жена не меньше нас встревожена его ис-

Д чезновением, хотя, конечно, совсем по другим причинам. В десять стало ясно, что мистер Кордаи забыл про нас, и мы решили прогуляться вокруг деревни и попытаться добыть то, что можно найти без посторонней помощи.

Мы перешли через дорогу и побрели между деревьями. Вскоре мы вышли на песчаное побережье, и перед нами раскрылся простор Атлантики. Я думал, что морская вода будет соленой, но, оказывается, мы находились слишком близко к устью Эссекибо: вода была пресная, загрязненная желтой мутью и обрывками листьев, вынесенными рекой с материка. На песчаных дюнах у берега росли высокий, беспорядочно разбредавшийся во все стороны кустарник и группы корявых деревьев.

Тут были кое-какие пресмыкающиеся: множество анолисов — некрупных грациозных ящериц с большими глазами и тонкими, изящными пальцами. Безобидные и довольно беспомощные, они отчаянно барахтались в песке вокруг кустов и без труда давались в руки. Чахлые деревья густо обросли длинными прядями моха, которые космами седых волос свешивались вниз с сотен нанизанных на ветви париков. Между ветвями в великом множестве росли орхидеи и другие эпифиты, под самыми немыслимыми углами впиваясь в шероховатую кору своими крошечными корешками. Среди всей этой растительной мишуры мы нашли несколько древесных лягушек, изящно расписанных пепельно-серой филигранью по темно-зеленому фону, — раскраска, прекрасно сочетавшаяся с мохом и листьями орхидей.

По песку вокруг нас, словно большие зеленые ракеты, проносились бесчисленные амейвы, большинство из которых достигало почти двенадцати дюймов в длину. Почему-то решив, что он многое потеряет, если не поймает несколько этих блестящих ящериц, Боб с дикими криками бросился за одной из них, пытаясь прихлопнуть ее шляпой, да так и исчез из виду. Тут я понял, что его способ никуда не годится. Я выследил большую амейву, гревшуюся неподалеку на солнцепеке, и решил испробовать собственный метод. К черенку сачка я привязал тонкий шнурок и на свободном конце шнурка сделал скользящую петлю. Затем я с величайшей осторожностью приблизился к ящерице. Она лежала на горячем песке и блестящими глазами настороженно следила за моими манипуляциями. Я медленно подвел петлю к голове ящерицы и попытался накинуть ее на шею, но стебли травы не пускали шнурок, и у меня ничего не получалось. Амейва с любопытством рассматривала болтавшуюся перед ней петлю, очевидно, никак не связывая ее со мною. Но вот, пытаясь закинуть петлю на шею ящерице, я слишком близко придвинулся к ней — она стремглав чиркнула по песку и нырнула под большой куст.

Проклиная себя за незадачливость, я принялся высматривать новую жертву, как вдруг из кустов раздался отчаянный вопль Боба: он звал на помощь. Я застал его на четвереньках перед непролазной стеной подлеска.

— В чем дело?

— Тсс! Глянь вон под тот куст... Видишь, какой огромный тейю.

Я лег на песок и глянул под куст. Там между корневищами притаилась огромная толстая ящерица фута в три длиной. Ее массивное тело было сплошь украшено орнаментом из черных и ярко-красных чешуй с золотистыми пятнами на черном хвосте. Пасть у нее была широкая и, как видно, сильная. Ящерица глядела на нас блестящими золотистыми глазами, и ее толстый язык быстро-быстро ходил во рту.

— Надо что-то предпринимать, — сказал я. — Не то она удерет.

— Ты будь здесь, — сказал Боб. — А я попробую зайти ей в тыл.

Он пополз по песку, а я продолжал лежа следить за ящерицей. И тут я впервые имел случай убедиться в сообразительности тейю. Поворачивая голову на изогнутой шее, ящерица с чуть презрительным выражением следила за обходными маневрами Боба. Выждав, когда он почти достиг той стороны куста, она стремительно шмыгнула по песку, взметнув за собою облако пыли. Боб вскочил и помчался за ней, потом бросился на нее каким-то скольльзящим броском, но было уже поздно: она достигла другого куста и юркнула под него. Боб сел и, выплевывая изо рта песок, заворочал во все стороны головой, пытаясь определить, куда скрылась ящерица. Когда я подоспел на поле сражения, тейю показался у противоположного края куста и осторожно двинулся в мою сторону. Я замер на месте, и ящерица, явно принимая меня за сухое дерево, приблизилась ко мне на расстояние нескольких футов. Когда она подползла достаточно близко, я воспроизвел скольльзящий бросок Боба и глухо шмякнулся на песок, одной рукой крепко схватив ящерицу за шею. Ящерица тотчас свилась в кольцо и попыталась укусить меня за руку, причем сделала это до того внезапно, что едва не вырвалась у меня из рук. Вот никогда бы не подумал, что такое небольшое существо может обладать подобной силой! Поняв, что ей не вырваться, ящерица заработала когтистыми задними лапами, сдирая мясо с моей руки, и одновременно отчаянно закрутила хвостом. Лишь минут через десять мы с Бобом справились с ней и запихали ее в мешок. К этому времени мы оба были ободраны в кровь, а меня эта злющая тварь вдобавок хлестнула хвостом по лицу, так что слезы потекли у меня из глаз.

Лишь некоторое время спустя до нас дошло, как нам повезло с этим тейю. Из всех гвианских ящериц тейю самые смелые и сообразительные, и обычно они до того хитры, что их не так-то легко поймать. В неволе некоторые из них приручаются и становятся совсем смирными, но большинство, как правило, остаются дикими и своенравными, и доверять им нельзя. Большинство ящериц кусаются или нападают на человека, лишь оказавшись в безвыходном положении либо когда человек берет их в руки, тейю

Д же не нуждаются ни в каких обоснованиях: они бросаются на человека по-
чем зря.

Позднее, уже в Джорджтауне, мы держали около двух десятков тейю в большом ящике, затянутом проволоочной сеткой. Как-то раз я пришел поставить им свежей воды. Все тейю лежали кучей в одном конце клетки, глаза их были закрыты: похоже, они спали. Я толкнул дверцу и только сунул руку за плоской, как один из тейю открыл глаза и увидел меня. Не мешкая ни секунды, он бросился с разверстой пастью через всю клетку, схватил меня за большой палец и повис на нем, словно бульдог. Я хотел стряхнуть его с пальца, от нашей возни проснулись остальные ящерицы и стремглав бросились на подмогу собрату. Пришлось вытащить из клетки руку вместе с тейю и захлопнуть дверцу перед посом осатаневших тварей. Лишь после этого я смог всецело посвятить себя освобождению моего пальца. Я не знаю других видов ящериц, которые проявляли бы такую свирепость по самым ничтожным поводам. Когда мы сажали только что пойманных тейю в ящик, затянутый проволоочной сеткой, приходилось завешивать ящик мешками, иначе, если кто-нибудь подходил к клетке, ящерицы бросались на сетку и принимались кусать и скрести ее когтями, порвя достать человека.

Покончив с тейю, мы вновь принялись ловить амейв с помощью пестли. Пришлось проявить огромное терпение и пережить не одно разочарование, прежде чем нам удалось поймать шесть экземпляров этих милых тварей. Они были ярко раскрашены в травянисто-зеленый, желтый и черный цвета и, казалось, тепло светились наподобие полированных резных изделий из дерева. Обращаться с ними надо с крайней осторожностью: при малейшей неловкости они сбрасывают свои красивые длинные хвосты. Надежно запрятав ящериц в мешки, мы отправились в обратный путь. Пора было обещать, а заодно хотелось и посмотреть, не объявился ли наш brave зверолов мистер Кордаи.

Бравого охотника нигде не было видно, зато на лестничке у входной двери сидел молодой индеец, а в ногах у него лежал большой мешок. Присмотревшись, можно было заметить, что мешок шевелится.

— Что там у вас? — спросил я, с надеждой взирая на мешок.

— Кумуди, хозяин, — ослабившись, ответил индеец, — большая водяная кумуди.

— Что такое водяная кумуди? — спросил я у Айвена, когда он вышел из кухни.

— Это такая большая змея, вроде удава, сэр, только живет в воде.

Я подошел к мешку и приподнял его. Он был довольно увесист, и, когда я его тронул, изнутри раздалось громкое сердитое шипение. Я развязал

мешок и заглянул внутрь: там в глубине, свернувшись кольцами, лежала большая блестящая анаконда, водяная змея-удав, о которой создано столько волнующих (но, по-видимому, не соответствующих истине) легенд.

— Глянь-ка, Боб, — сказал я, наивно полагая, что он разделит мое удовольствие от нового приобретения. — Это анаконда, и, похоже, очень недурной экземпляр.

— Гм... — без особого энтузиазма отозвался Боб. — Я бы на твоём месте завязал мешок.

Гвианские охотники почему-то предпочитают, чтобы пойманных ими удавов и анаконд оплачивали пофутно, а для этого требуется извлечь змею из мешка и измерить ее длину, в каком бы настроении она ни была. Анаконда, которую мне принесли, была в очень плохом настроении. Лишь впоследствии я узнал, что они редко когда бывают в каком-либо другом, так что, в полном неведении относительно этой их дурной склонности и привыкнув обращаться с более покладистыми африканскими питонами, я за просто сунул руку в мешок и хотел схватить змею за шею. Она сделала в мою сторону злобный выпад, но промахнулась. Айвен, индеец и Боб смотрели на меня как на сумасшедшего.

— Осторожнее, сэр, это очень злая змея, — сказал Айвен.

— Она вас укусит, хозяин! — вскрикнул индеец.

— И ты получишь заражение крови, — заключил Боб.

Но эти предостережения были мне уже ни к чему: со второй попытки я схватил змею за шею и вытащил из мешка. Она шипела и извивалась. Индеец измерил ее, она оказалась пяти футов шести дюймов длиной — рост для анаконды весьма скромный. Известны экземпляры, достигавшие в длину двадцати пяти футов. Заплатив индейцу требуемую сумму, мы с Бобом не без возни запихнули змею в один из плотных мешков, припасенных специально для этой цели. Затем я вылил на мешок пару ведер воды и отнес его в комнату, где хранился наш улов.

Немного погодя я отправился за гвоздями в единственный в Эдвенчер магазин, а вернувшись, был страшно заинтригован, увидев Боба в необычной позе на лестничке в кухне: он стоял на верхней ступеньке, судорожно сжимая в руке древесный сук, — ни дать ни взять Горациус на мосту. Где-то в доме Айвен подвывал и что-то бормотал себе под нос.

— Что тут происходит? — бодро спросил я. Боб бросил на меня затравленный взгляд.

— Твоя анаконда сбежала, — сказал он.

— Сбежала? Каким образом?

— Не знаю каким, но сбежала. Обосновалась в кухне. Похоже, ей там нравится.

Д Я поднялся по лестнице и заглянул в кухню: анаконда лежала, свернувшись, возле печки, на полу валялась перевернутая кастрюля — свидетельство поспешного бегства Айвена. При виде меня змея со злобным шипением метнулась в мою сторону, но безрезультатно, поскольку нас разделяли добрых шесть футов. Айвен, как обычно, с обеспокоенным выражением на лице просунулся в дверь жилой комнаты.

— Как мы ее поймаем, сэр? — спросил он.

Змея с шипением повернулась к нему, и он моментально исчез.

— Надо прижать ее к полу, — сказал я, как мне казалось, очень авторитетным тоном.

— А ты видишь, в каком она настроении? — спросил Боб. — Вот ты и входи да прижимай. А я буду прикрывать тебя с тыла.

Поняв, что ни Боб, ни Айвен ни за какие коврижки не войдут на кухню вместе со мной, я был вынужден действовать всецело на свой страх и риск. Вооружившись мешком и длинным шестом с развилкой, я выставил перед собой мешок и двинулся на змею, словно тореадор на быка. Анаконда собралась в тугой, дрожащий от напряжения узел и бросилась на мешок, а я заплясал вокруг, пытаясь прижать ее к полу. Мне таки удалось поймать момент, когда ее голова была неподвижна, и я довольно удачно ткнул в нее своей вилкой, но змея раздраженно отшвырнула шест и быстро поползла к двери, шипя, словно газовая горелка. Когда Боб увидел, что змея ползет прямо на него, он невольно отступил назад, совсем забыв про лестницу, и с грохотом исчез из моего поля зрения. Анаконда последовала за ним. Когда я подбежал к двери, Боб сидел в луже перед лестницей, змеи нигде не было видно.

— Куда она делась?

Боб медленно встал на ноги.

— Не могу сказать, — ответил он. — Меня больше интересует, не сломаю ли я себе шею, чем следить за тем, куда скрылся твой «экземпляр».

Мы облазили весь участок вокруг дома и под домом — змеи и след простыл. Оказалось, что убежала она, расширив небольшую дырку в уголке мешка. Надо полагать, вначале дырка была совсем небольшой, теперь же мешок не имел дна, зато имел две горловины. За чаем я долго и горько жаловался по поводу утраты столь великолепного экземпляра.

— Ничего, — утешал меня Боб. — Я уверен, сегодня ночью она объявится в гамаке у Айвена и уж он-то не даст ей удрать.

Айвен промолчал, но на лице у него было написано, что он вовсе не жаждет застать анаконду у себя в гамаке.

Наше чаепитие было прервано появлением коротенького, толстенького и чрезвычайно застенчивого китайца с какой-то большой, нелепого вида

птицей под мышкой. Птица была размерами с домашнего индюка и облачена в строгий траурный наряд, если не считать нескольких белых перьев на крыльях. На голове у нее был курчавый гребешок, очень похожий на встрепанный ветром хохолок. Клюв был короткий и толстый, у основания и вокруг ноздрей покрытый вздутой восковиной. И клюв, и массивные, как у цыпленка, ноги были канареечно-желтого цвета. Птица глядела на нас большими, темными, задумчивыми глазами, в которых стояло какое-то сумасшедшее выражение.

Это был гокко. Поторговавшись с китайцем, я купил его, и владелец птицы положил ее на пол. С минуту она лежала не двигаясь, моргая глазами и издавая тоненькое жалобное «пит-пит-пит» — звук, никак не вязавшийся ни с ее внешностью, ни с размерами. Я нагнулся и почесал ей голову. Птица немедленно закрыла глаза, распласталась на полу и, сладострастно подрагивая крыльями, принялась гортанно курлыкать. Как только я перестал ее почесывать, она открыла глаза и воззрилась на меня с изумлением, обиженно и вместе с тем умоляюще питпитпиткая. Уразумев, что я не собираюсь просидеть возле нее весь день в качестве массажиста, она грузно поднялась и двинулась к моим ногам, не прекращая своего смехотворного питпитпитканья. Медленно и коварно подобралась она ко мне, устроилась на моих ногах, закрыла глаза и закурлыкала с новой силой. Нам с Бобом еще не доводилось видеть такой кроткой, глупой и дружелюбной птицы, и мы немедленно окрестили ее Кутбертом. Это имя как нельзя больше подходило к ее сентиментальной натуре.

Китаец заверил, что Кутберт совершенно ручной и никуда от нас не денется, а потому мы пустили его свободно разгуливать по дому и запирали лишь на ночь. Но уже в свой первый вечер у нас Кутберт показал, на что он способен. Оказывается, этот проклятый гокко жить не мог без человеческого общества, и даже больше того, все время норовил устроиться поближе к человеку. Обнаружилось это вот как. После ухода китайца я засел за работу над дневником, который катастрофически запустил. Через некоторое время Кутберт решил, что чуточка внимания ему не повредит, и, шумно хлопая крыльями, взлетел на стол. Он медленно прошелся по столу, довольнo питпитпиткая, и хотел улечься на дневнике. Я оттолкнул его. С видом оскорбленной невинности он отступил назад и опрокинул чернильницу. Пока я вытирал стол, он скрепил две страницы моего дневника своей личной печатью. Она была велика и весьма липучего свойства, поэтому испорченные страницы пришлось переписать. Тем временем Кутберт сделал несколько коварных попыток забраться ко мне на колени, но получил жестокий отпор. Поняв, что тихой сапой меня не возьмешь, он темного подумал и решил, что раз так, то лучше всего напасть на меня внезапно, и тут

Д же попробовал взлететь мне на плечо, но промахнулся и тяжело шлепнулся на стол, снова опрокинув чернильницу. В продолжение всего этого спектакля он не переставал нелепо питпитпиткать... В конце концов мое терпение лопнуло, и я спихнул его со стола, после чего он с надутым видом удалился в угол.

Немного погодя явился Боб развешивать гамаки, и Кутберт встретил его с восторгом. Пока Боб сосредоточенно выпутывал гамаки из веревок, Кутберт тихонько подобрался к нему со спины и лег у него под ногами. Единоборствуя с гамаком, Боб сделал шаг назад, наткнулся на лежащую под ногами птицу да так и растянулся во весь рост на полу. Кутберт панически заверещал и снова забился в свой угол. Потом, улучив момент, когда Боб, как ему казалось, вновь увлекся делом, Кутберт вышолз вперед и улегся у него на ногах. Ну а уже потом я услышал только звук падения тела — это Боб рухнул на пол под тяжестью гамаков. Из-под вороха москитных сеток и веревок выглядывал Кутберт и негодуяще питпитпиткал.

— Смейся, смейся, — свирепо проговорил Боб. — Только лучше тебе убрать эту мерзкую птицу, не то одним «экземпляр» у тебя станет меньше. Я не против, чтобы он ластился ко мне, когда мне нечего делать, но я не могу отвечать ему взаимностью и одновременно подвешивать гамаки.

Так Кутберт был заключен в общую комнату для животных. Я привязал его за ногу к клетке и удалился под его душераздирающее питпитпитканье.

Вечером мы вышли на переднюю лестницу покурить и потолковать, и Кутберту было разрешено посидеть вместе с нами. Айвен сообщил нам новость: ему удалось повидать неуловимого Кордаи; оказывается, этот джентльмен ездил в Джорджтаун. Теперь он покончил со своими делами и готов провести нас на озеро. Он зайдет за нами с утра пораньше. Айвен полагал, что на этот раз тот выполнит свое обещание, я в это не верил.

Был теплый вечер, полный трескучего стрекота сверчков. Немного погодя к концерту присоединилась древесная лягушка в соседних кустах. Она несколько раз негромко и очень вежливо рыгнула и умолкла, словно устыдясь своих дурных манер. Но на ее зов тут же отозвался другой ее сородич, и она робко ответила ему. Только мы завели разговор, уж не отправиться ли нам на поимку этих дурно воспитанных земноводных, как вдруг на дороге показались огни — несколько качающихся фонарей, которые двигались в нашу сторону. Поравнявшись с домом, фонари свернули с дороги и прошли по мостку, мы слышали шарканье голых ног по доскам. Вот люди стали внизу под лестницей, и я узнал нескольких из них — это были охотники-индейцы, с которыми я разговаривал накануне.

— Доброй ночи, хозяин! — хором воскликнули они. — Мы принесли вам зверей.

Мы провели их в нашу крохотную жилую комнатку, и они набились в нее так тесно, что не стало видно ни окон, ни дверей. На их бронзовых при свете лампы лицах читалось нетерпение поскорее показать нам свою добычу. Кто-то первым протиснулся вперед и положил на стол старый мешок, в котором что-то дергалось и извивалось.

— Это ящерицы, хозяин, — ослабившись, сказал охотник.

Я развязал мешок. Из него немедленно высунулась амейва и схватила меня за палец. Охотники захохотали так, что весь дом заходил ходуном. Запихивая милую тварь обратно в мешок, я увидел, что она там не одна, а с несколькими собратьями.

— На-ка, — сказал я, передавая мешок Бобу. — Ты ведь любишь ящериц. Пересчитай их.

Мы с Айвенгом принялись торговаться с владельцем, а Боб, призвав на помощь одного из охотников, тщательно пересчитал ящериц. Две из них ускользнули и кинулись в частокोल смуглых ног, но их быстро поймали.

Затем в весьма хилой корзине нам представили двух угольно-черных змей фута четыре длиной каждая. Концы их хвостов на протяжении шести дюймов были ярко-желтого цвета. Боб, надо полагать под наплывом воспоминаний об анаконде, поглядывал на них с явным неудовольствием. Айвен заверил нас, что змеи эти — по-местному желтохвостки — совершенно безобидны. Мы осторожно пересадили их из корзины в крепкий мешок, причем ухитрились сделать это так, чтобы они нас не укусили. Это было великое достижение: змеи свирепо набрасывались на все, что попадалось им на глаза. После желтохвосток нам предложили четырех огромных игуан. Их лапы самым безжалостным образом, с риском покалечить животное, были закручены за спину и крепко связаны. Пришлось объяснить охотникам, что хотя это, быть может, и самый легкий способ доставить игуан на рынок, но я не хочу, чтобы таким способом игуан доставляли мне. К счастью, ни одна из игуан, по-видимому, не пострадала, возможно, потому, что они пробыли связанными совсем недолго.

И наконец — гвоздь вечера. Передо мной поставили большой деревянный ящик, и, заглянув сквозь планки, я увидел в нем несколько прелестных маленьких обезьянок. Это были нежные, хрупкие существа, одетые сплошь в зеленоватый мех, за исключением черных мордочек, отороченных желтым мехом, да больших белых ушей. Глаза у них были светло-янтарные, а их обращенные ко мне мордашки неодолимо напоминали куртинку анютиных глазок. Головы у них были самые необыкновенные, какие-то выпуклые и яйцеобразные, и казались непомерно большими на их хрупких телах. Обезьянки сидели, нервно сбившись в кучку, и издавали пронзительные щебечущие крики.

— Что это за обезьяны? — спросил восхищенный Боб.

Д

— Саймири, а как они называются по-местному, не знаю.

— Сакивинки, хозяин, — хором ответили охотники.

Слов нет, это название им очень шло и звучало чрезвычайно похоже на их щебечущий крик. В ящике было пять этих робких существ, и он был для них явно мал. Поэтому, расплатившись с охотниками, я тотчас взялся за дело и сколотил для них клетку попросторнее. Затем я переселил обезьянок на новую квартиру и поставил клетку в комнату для пойманных животных.

А Кутберт тем временем блаженствовал. Имея в своем распоряжении множество разноцветных ног, он нашел обширное поле приложения своей любви к человечеству и успел поваляться в ногах чуть ли не у всех охотников. Сообразив, что при нормальном образе жизни ему уже давно полагается спать, я водворил его в комнату для животных и закрыл дверь. Только мы погасили свет и стали осторожно расползаться по своим гамакам, как раздался страшный шум: громко протестовал Кутберт, пронзительно верещали обезьянки. Я мигом зажег лампу и поспешил на место происшествия.

Кутберт с ужасно недовольным видом сидел на полу и сердито питпиткал себе под нос. По-видимому, он решил заночевать на верху клетки с обезьянками и взлетел на нее, но, на свою беду, не заметил, что его хвост свисает перед решеткой. Обезьянки заинтересовались его хвостом, который отчетливо виднелся в свете луны, просунули лапки сквозь решетку и пощупали, что это такое. При всей хрупкости сложения хватка у сакивинки мертвая, и, почувствовав, что его хватают за хвост, Кутберт ракетой взмыл под потолок, оставив в лапах обезьянок два больших хвостовых пера. Я утешил Кутберта как мог, отвел ему новое место для ночлега и привязал его на тот случай, если ему вздумается вновь приблизиться к обезьянкам. Прошло немало времени, прежде чем они кончили обсуждать происшествие своими щебечущими голосами, а Кутберт перестал питпиткать и уснул. С тех пор Кутберт больше не приближался к сакивинкам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРЫСЫ И РЫЖИЕ РЕВУНЫ

При первых бледных отсветах зари мы отправились на озеро. Птицы, спавшие на деревьях вокруг нашей лачуги, еще только пробуждались и начинали неуверенно чирикать, приветствуя новый день. К восходу мы прошли уже несколько миль по узкой извилистой тропинке, бежавшей среди зеленеющих рисовых полей и словно умерших оросительных каналов. В

золотом свете утра нам повсюду виделись птицы — мерцающая, подвижная яркоцветная мозаика на деревьях и в кустах. На маленьких низкорослых деревцах, окаймлявших поля, кишели десятки голубых танагров. В погоне за наскомыми они скакали с ветки на ветку, издавая пронзительные призывные крики. Размерами с воробья, они имеют темно-синие крылья, тогда как туловище у них покрыто оперением нежнейшего небесно-голубого цвета, какой только можно себе представить. На одном дереве я увидел трех танагров в компании пяти желтоголовых трупялов, маленьких смоляно-черных птичек с желтыми, как одуванчик, головками. Сочетание цветов танагров и трупялов было прямо-таки поразительно. В пестрых зеленеющих всходах риса во множестве виднелись красногрудые трупялы — похожие на дроздов птицы с необычайно яркой розовой грудью. При нашем приближении они экзотическим фейерверком взмывали в воздух.

Примечательно, что многие виды птиц в Гвиане имеют очень броскую расцветку. Зеленый дятел на пригородном лугу в Англии покажется вам яркой тропической птицей, но посмотрите на него весной в дубовом лесу — и вы удивитесь, как прекрасно сливается с листвой его оперение. Пестроцветный попугай кажется ярким в клетке зоопарка, но подите углядите его в его родном лесу! Точно так же обстоит с птицами чуть ли не по всему свету, и все же в Гвиане великое множество видов словно бы и не знает о существовании защитной окраски. Голубые танагры выглядят на зеленом фоне совсем как британский флаг на снегу; красногрудые трупялы привлекают внимание, словно огни миниатюрных светофоров; желтоголовые трупялы яркими черно-желтыми силуэтами выделяются на зеленой траве. Одного вида всех этих птиц, суетливо снующих в поисках корма на ярко-зеленом фоне растительности, было бы достаточно, чтобы навлечь на них всех ястребов за мили окрест. Я долго и упорно размышлял над явно безрассудным поведением птиц, но так и не додумался до сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого факта.

Мы оставили сочно-зеленую возделанную равнину и вдруг оказались в удивительном месте. Чахлые, опутанные мохом деревья росли тут небольшими группами, вокруг которых расстилались пыльные коврики редкой травы и кустарника. Между этими миниатюрными оазисами простирались обширные бесплодные пространства песка, белые и мерцающие, словно свежевыпавший снег. Да и сам песок был белый и мелкий, перемешанный с миллионами крошечных слюдинок, в которых, как в алмазах, отражалось и сверкало утреннее солнце. Перед тем как вступить в эту странную белоснежную пустыню, Кордан разулся, и теперь я понял почему: босиком он легко и быстро, словно на лыжах, скользил по сверкающему песку, тогда как мы трое — Боб, Айвен и я — тяжело тащились за ним, по пиколотку увязая в песке, который набивался нам в ботинки.

Д Эти песчаные острова, или по-местному маури, встречаются в Гвиане довольно часто и представляют собой остатки древнего морского дна, коим когда-то была вся страна. Они весьма интересны для ботаников, так как растущие на них кустарники и травы либо вообще свойственны лишь данному типу местности и нигде больше не встречаются, либо являются странными вариациями флоры влажных лесов, приспособившейся к жизни на бесплодных песках. Иные малорослые искривленные деревья были украшены пучками орхидей, спускавшимися по их коре наподобие розовых цветочных водопадов, и тут, в этой похожей на пустыню местности, такие деревья выглядели очень нарядными и цветущими, по совершенно неуместными. Среди других ветвей виднелись серые, слепленные из грязи гнезда термитов; из одного такого гнезда при нашем приближении выпорхнула пара крохотных длиннохвостых попугаев и с хриплыми криками полетела между деревьями. Но основное население маури составляли сотни крупных амейв, по-видимому, отлично себя чувствовавших среди этого белого ландшафта, на котором их светлая окраска была явным преимуществом. Здешние амейвы были смелее тех, что водились возле деревни, они подпускали нас совсем близко и уползали не спеша. Удивительно, каким образом при скудости травянистого и кустарникового покрова множество больших и прожорливых ящериц находили себе достаточно пропитания в виде насекомых, но, как бы там ни было, от недоедания они явно не страдали.

Возможно, гвианские песчаные останцы и представляют собой немалый интерес для ботаника и зоолога, но идти по ним скорым шагом в высшей степени изнурительно. После того как я прошагал мили две по песку, прыти у меня заметно поубавилось. С меня градом катил пот, от ослепительного блеска песка ломило глаза. Боб и Айвен чувствовали себя не лучше, но вот Кордаи, как назло, был свеж, словно огурец. Мы тащились за ним и буравили его спину мрачными, тяжелыми взглядами. Пески кончились так же внезапно, как и начались, и мы очутились под благодатной сенью густого леса, росшего по берегам широкого и мелкого канала. Кордаи хотел без остановки топтать дальше, но мы взбунтовались и большинством голосов решили прилечь в тени отдохнуть. Лежали мы молча и неподвижно. На переплетенные пологом ветви у нас над головой опустилась стая крохотных птичек. Возбужденно щебеча, они принялись перепархивать с ветки на ветку. Это были толстенькие птички с интеллигентными крутолобыми головками и большими черными глазами. Верхняя половина тела была у них цвета густой берлинской лазури, лоснящаяся и почти черная, когда на нее не падал прямой солнечный свет, нижняя половина — яркого желто-оранжевого цвета. Они скакали и порхали среди листвы, переговариваясь между собой взволнованными звенящими голосами, и время от

времени, свесив голову вниз, с недоверием поглядывали на нас. Я толкнул Боба в бок и показал на птиц.

— Как они называются? Ни дать ни взять птички из диснеевского фильма.

— *Tanagra violacea*, — звучно произнес я.

— Как-как?

— *Tanagra violacea*. Так их зовут¹.

Боб пристально поглядел на меня, не шучу ли я.

— Не понимаю я вас, зоологов. Это что, обязательно — награждать животных такими ужасными именами? — наконец высказался он.

— Не спорю, в данном случае имя не очень-то подходящее, — сказал я и, выпрямившись, сел.

Tanagra violacea, с ужасом убедившись, что мы таки не являемся частью лесного пейзажа, с отчаянным щебетом улетели.

Кордаи заверил нас, что теперь до озера рукой подать и мы доберемся до него за час. Услышав это, Боб срезал в кустарнике здоровенную палку на случай, если нам снова придется идти через пески. С великим профессиональным мастерством шуруя палкой направо и налево, он ненароком задел куст у себя за спиной, и из куста тотчас раздался громкий писк, который побудил нас к немедленным действиям. Кордаи с Айвенгом зашли с флангов, мы с Бобом приблизились с фронта. Раздвинув листву, мы устались в стебли травы, но ничего не увидели.

— А, вижу! — вдруг сказал Боб.

— Где? Что?

Боб всмотрелся в листья травы.

— Крыса, — наконец с отвращением произнес он.

— Какая собой? — спросил я, подозревая кое-что.

— Какая, какая, самая обыкновенная!

— Это надо рассмотреть, — сказал я, занял его место и вперил взгляд в гущу веток. Там под листьями сидела большая ржаво-коричневая крыса с бледно-кремовым брюхом. Только я ее увидел, как она вновь пискнула и пустилась бежать.

— Держи ее, Боб! — завопил я как оглашенный. — Это иглошерстная крыса, она бежит прямо на тебя! Ради бога, непусти ее!

Я был необычайно взволнован, потому что всегда питал слабость к этому виду грызунов. До сих пор я знал иглошерстных крыс лишь по чучелам в музеях. С надеждой описывал я их всем звероловам, которых встречал в Гвиане, но никто из них иглошерстных крыс не встречал. Я уже было сми-

¹ В настоящее время принято название *Tanagra xanthogaster* (желтобрюхий танар). — Примеч. ред.

Дрился и решил, что так и уеду домой без живого экземпляра. И вот сейчас самая настоящая иглошерстная крыса бросилась прямо под ноги Бобу! Он растерянно переспросил: «Иглошерстная крыса?» — и тут же не мешкая самоотверженно повалился на убегающее животное.

— Не налегай на нее! — взмолился я. — Ты задавишь ее!

— А как еще ты считаешь ее поймать? — раздраженно спросил Боб. — Она как раз подо мной. Давай вытаскивай ее.

Он лежал ничком в кустарнике и докладывал о перемещениях крысы, а мы тем временем обкладывали его мешками и сетями.

— Ползет к моей ноге... нет, возвращается назад. Теперь остановилась у меня под грудью. Скорее, чего вы там копаетесь? Теперь она протискивается к моему подбородку. Давайте поторапливайтесь, не могу же я лежать так весь день. Да, между прочим, они кусаются?

— Где уж ей кусаться, когда ты как следует повалялся на ней, — сказал я. Меня преследовало наваждение: вот передо мной моя первая иглошерстная крыса, и вид у нее такой, словно по ней проехался паровой каток.

На лице Боба появилось озадаченное выражение.

— По-моему, их тут две. Ей-богу, она только что была у меня под грудью, а теперь я чувствую ее под ногой.

— Это тебе так кажется, — сказал я, наклоняясь к нему. — Ну, под какой ногой?

— Под левой.

Я осторожно просунул руку под его бедро и нащупал теплое пушистое тело зверька. Тихонько, чтобы не дать повода меня укусить, я обхватил его руками и извлек из-под ноги Боба. Крыса расслабленно лежала у меня на ладони, даже не пытаясь сопротивляться, и мне показалось, что Боб все же помял ее. Я внимательно осмотрел животное и, не обнаружив никаких повреждений, почтительно опустил в мешок. Затем я повернулся к Бобу: он по-прежнему лежал ничком среди кустов.

— Что с тобой?

— Когда ты всласть наглазеешься на свое приобретение, — с бесконечным терпением сказал он, — будь добр, убери вторую у меня из-под груди. Я лежу и боюсь шелохнуться: вдруг она меня укусит?

Я стал шарить дальше в траве и, к своему удивлению, обнаружил у него под грудью вторую крысу. Когда я вытащил ее, она громко, отчаянно пискнула и тут же затихла, расслабленно распластавшись у меня на ладони, как и первая. Боб поднялся и стряхнул с себя прелые листья.

— Что в них особенного? — спросил он. — Они что, очень редки?

— Да нет как будто. Просто я к ним равнодушен, только и всего. Ни когда раньше не видел живого экземпляра, — ответил я, продолжая рассматривать лежавшую у меня на ладони крысу.

Боб страшно возмутился.

— Стало быть, я рисковал заработать столбняк и ловил эту даже не очень редкую крысу лишь потому, что ты к ней неравнодушен, так, что ли?

— Видишь ли, иметь такую крысу никогда не повредит, — оправдывался я. — И еще вот что. Подумай, как мы их поймали: не всякий может похвастаться, что ловил по две штуки зараз так просто, ложась на них, так ведь?

— Слабое утешение, — холодно отвечал Боб. — Я думал, я ловлю что-нибудь такое особенное, чего еще никто не приносил в зоопарк.

— Нет, ты ошибся. Но ведь это в самом деле интересные животные.

Боб неохотно придвинулся ко мне и уставился на крысу, лежавшую у меня на ладони. Это было жирное существо с длинной и грубой шерстью, являвшей собою пеструю смесь янтарных и шоколадных волосков. Обычный толстый и голый крысиный хвост, маленькие уши, большие мечтательные черные глаза и густые белые усы.

— Не нахожу в ней ничего интересного, — отрезал Боб. — Крыса как крыса.

— А вот взгляни, — сказал я и провел пальцем против шерсти животного. Когда шерсть укладывалась на место, можно было видеть, что она растет попеременно с многочисленными длинными темными иглами. Приглядевшись, можно было рассмотреть, что иглы эти плоские, гибкие на ощупь, и не особенно острые, отдаленно напоминающие иглы дикобраза. Точное их назначение не известно; едва ли они служат целям защиты, так как они недостаточно остры, чтобы колоться, и к тому же слишком легко гнутся. Впоследствии, экспериментируя над иглошерстными крысами, я обнаружил, что ни при каких обстоятельствах они не используют эти иглы для нападения или защиты. Возможно, животные как-то могут управлять иглами, скажем, поднимать их, как дикобраз, но мне не случалось видеть, чтобы они это делали. Похоже, иглошерстные крысы в наибольшей мере философы из всех грызунов и стоически принимают неволю. Они никогда не мечутся по клетке во время уборки, подобно другим только что пойманным крысам, а сидят себе в уголке и спокойно глядят на вас. Если вы толкнете крысу, чтобы убрать под ней, она нехотя подвинется или со своим чудным жалобным писком пройдет по клетке. Мои крысы охотно поедали анолисов, и мне казалось странным, что они пристрастились к такой еде. Большинство лесных крыс питаются живыми кузнечиками и жуками, и я не знаю вида, который нападал бы на таких крупных животных, как ящерицы. Скорее всего, это мясоедство явилось следствием жизни в неволе, ибо трудно себе представить, каким образом такое грузное, неповоротливое животное, как иглошерстная крыса, может взбираться на кусты, по которым лазают анолисы, и охотиться за этими проворными ящерицами.

Д Надежно упрятав крыс в мешок, мы пошли дальше и пересекли еще один песчаный останец, правда, совсем небольшой и не такой утомительный, как первый. Пройдя его, мы нырнули в густой лес и почти сразу оказались на большой прогалине между деревьями. По квадратной форме этой поляны можно было догадаться, что она расчищена человеком. По-видимому, когда-то здесь было возделанное поле, которое затем забросили, и теперь поляна буйно заросла кустарником вперемежку с цветами, в неподвижном горячем воздухе над ней носилось множество бабочек. Сохранились тут и остатки культурных растений; несколько чахлах одичавших бананов с гроздьями мелких худосочных плодов, сплошь переплетенных ползучими растениями, которые карабкались по их толстым стволам ближе к солнцу. За банановой плантацией по окна в подросте стояла растрепанная хижина из пальмовых листьев, сквозь ее зияющую проваленную крышу росли три молодых деревца. Раньше тут жили индейцы, объяснил нам Кордаи, но потом они переселились на противоположный берег озера. Утоная по пояс в густом и влажном сплетении растений, мы пересекли эту заброшенную плантацию и углубились в лес по узкой осклизлой тропе, которая с каждым шагом становилась все более топкой. В конце концов мы прошли по тропинке последний поворот, и перед нами открылось озеро.

Впервые я видел, чтобы такое большое водное пространство могло быть столь безжизненным и неподвижным: деревья и подлесок, окаймлявшие его берега, отражались в воде ясно и четко, как в зеркале. Ни ветерок не взрябит коричневатую поверхность воды, ни всплывающая к поверхности рыба не пустит по ней круги. Тростниковые заросли, обрамлявшие берега, деревья и даже два небольших островка посреди озера — все было мертво и безжизненно. И над всем этим сверхъестественная тишина. Не слышно было даже обычного смутного гула насекомых.

Кордаи сказал, что придется покричать индейцам, тогда они пришлют за нами каноэ. Мы, трое, присели покурить, а он подвернул штанины, обпавив свои тощие кривые ноги, и вошел в воду. Он несколько раз прокашлялся, встал в позу, удивительно напоминающую позу оперного певца на сцене, и издал пронзительный душераздирающий вопль. Даже Айвен, которого не так легко было вывести из себя, уронил от испуга сигарету. Кошмарный крик прокатился над озером, тысячекратно отразился в камышах, под зеленым шатром леса и под конец приобрел такое звучание, будто на дне колодца режут стадо свиней. Я оглядел противоположный берег в бинокль — ни малейшего шевеления. Кордаи подтянул штаны, набрал полную грудь воздуха и вторично издал вопль истязуемого в аду грешника с тем же результатом. Когда четвертый вопль прокатился над озером и замер вдали, Боб не выдержал.

— Не могу я сидеть здесь и слушать, как он рвет себе глотку, — возмущился Боб. — Может, отойдем подальше, чтобы не слышать, а он, когда кончит, придет и скажет?

Мы отступили в лес и пятились до тех пор, пока голос Кордаи не был заглушен листвой. Там мы сидели и ждали. Битый час он стоял на мелко-юбде, каждые пять минут издавая вопль, и под конец голос у него стал совсем хриплым и тоненьким, а наши нервы совсем измочаленными.

— Если даже в поселке кто-нибудь есть, — сказал Боб, не вынимая пальцев из ушей, — я не верю, что люди могут приехать на такой голос.

— А что, если помочь ему? — предложил я.

— Зачем? — спросил Боб. — Ведь он и так здорово шумит!

— Как-никак, если мы гаркнем вчетвером, будет слышнее.

— Сомнительное преимущество, но попробовать можно. Вообще же говоря, если уж индейцы не услышали его верхних нот, они должны быть глухими от рождения.

Мы вернулись к озеру, вошли в тепловатую воду и присоединились к Кордаи. После первой же совместной попытки стало ясно, почему он кричал таким пронзительным фальцетом: из-за какой-то акустической особенности этого места кричать нормальным голосом не имело смысла, звук глушился. Лишь пронзительный тирольский перепев будил эхо, давая желаемый результат, а потому мы хором принялись издавать крики, которые с равным успехом могли исходить из глубин дантова ада. Все шло как по маслу, и над озером разносились раскаты эха, как вдруг я увидел лицо Боба в тот момент, когда он старательно выводил фальцетом длинную руладу. На меня напал такой смех, что мне стало нечем дышать, и я без сил опустился на песок. Боб последовал моему примеру. Мы сидели рядышком и смотрели на сверкающую гладь озера.

— А что, если переплыть его? — сказал Боб.

Я прикинул на глаз расстояние.

— С полмили будет. Можно попробовать, только не торонясь.

— Ну так я не прочь попробовать. Мы пришли сюда поглядеть индейцев, и мне просто непонятно, почему мы должны уйти обратно, так и не повидав их, — запальчиво сказал Боб.

— Ладно, — сказал я. — Давай попробуем.

Мы разделись догола и пошли в воду.

— Что вы хотите делать, хозяин? — тревожно спросил Кордаи.

— Плыть на ту сторону, — бодро ответил я.

— Тут нехорошо плавать, хозяин.

— Это почему же? — надменно спросил я. — Вы же сами говорили, что не раз переплывали озеро.

Д

— Оно слишком широко для вас, — слабо вякнул Кордаи.

— Глупости, мой дорогой. Мы переплывали озера и почище, рядом с этим они показались бы с целый Атлантический океан, вот этот малый и медали за это имеет.

Это окончательно сразило Кордаи — он явно не имел ясного представления о том, что такое медаль. Мы все дальше заходили в озеро и, поравнявшись с краем прибрежного тростника, оказались по шею в теплой, золотистой как мед воде. Тут мы приостановились, высматривая на том берегу ближайшее место, к которому следовало плыть, и мне вдруг пришло в голову, что ни я, ни Боб, входя в воду, не сняли с себя шляп. Примериваясь плыть брассом, Боб старательно вспенивал темную воду, а на один глаз у него лихо налезала элегантная зеленая шляпа с загнутыми полями. Это было до того смешно, что меня разобрал первый смех.

— Ты чего? — спросил он.

Я стоял вертикально в воде, работая ногами, и судорожно хватал ртом воздух.

— Бесстрашный первопроходец переплывает озеро в шляпе, — отплывавая воду, наконец вымолвил я.

— Но ведь ты тоже в шляпе.

— Это на случай, если мы повстречаем на берегу индейских дам. Надо же иметь на голове шляпу, черт подери, чтобы было что приподнять при встрече с леди. Джентльмены мы или не джентльмены?

Развивая эту тему, мы вконец обессилели от смеха и перевернулись на спину отдохнуть, как вдруг раздался плеск и по воде пошла рябь, а с берега донеслись крики Айвена и Кордаи.

— Вернитесь назад, хозяин, это очень плохие рыбы! — кричал Кордаи.

— Возможно, это пирайи, сэр, — сообщил нам Айвен своим культурным голосом.

Мы переглянулись, посмотрели на пятно ряби, которое быстро приближалось к нам, потом враз повернули и дунули к берегу с такой быстротой, что, если бы все это происходило в плавательном бассейне, нас наверняка увенчали бы парой медалей. Мокрые, едва переводя дух, мы в том же шутовском наряде выскочили из воды.

— Это точно пирайи? — спросил я у Айвена, насилу отдышавшись.

— Не знаю, сэр, — ответил он. — Но было бы неразумно рисковать, если это на самом деле они.

— Как никогда более с вами согласен, — шумно дыша, произнес Боб.

Возможно, нелишне будет объяснить, что пирайя — одна из самых неприятных пресноводных рыб. Это плоская, мясистая, серебристого цвета рыба с выдающейся нижней челюстью, очень похожая в профиль на буль-

дога. Ее челюсти оснащены рядом самых страшных зубов, какие только можно найти у рыб. Зубы эти треугольной формы и посажены таким образом, что, когда рыба смыкает пасть, они прилегают один к другому наподобие зубьев шестеренки. Пирайи живут стаями почти во всех тропических реках Южно-Американского континента и снискали себе громкую славу. Они способны чуют кровь на значительном расстоянии в воде и при малейшем запахе крови с невероятной быстротой устремляются к месту происшествия и своими страшными зубами раздирают добычу на куски. Основательность, с какой они обгладывают живое или мертвое тело, однажды была проверена специальным экспериментом: была убита капибара — южноамериканский грызун, достигающий размеров крупной собаки, и ее труп опущен в реку, кишевшую пирайями. Хотя капибара весила целых сто фунтов, она была начисто объедена за пятьдесят пять секунд. При осмотре скелета обнаружилось, что, сдирая мясо, остервенелые пирайи насквозь прокусывали ребра. Не знаю, водились ли в озере пирайи, но уверен, что мы правильно сделали, тотчас возвратившись на берег: заплыв в стаю голодных пирай, вы, пожалуй, навски лишитесь возможности извлечь урок из своей ошибки.

Айвен и Кордаи вновь принялись звать к индейцам, а мы с Бобом прошли на поляну среди деревьев и принялись бродить по ней нагишом, обсыхая на солнце. Осматривая полуразвалившуюся хижину, мы наткнулись на длинную доску, она лежала на земле, еле видная в траве. Всякий зверолов знает, что нелишне переворачивать каждое бревно, каждую доску, каждый камень на своем пути. Таким образом можно пайти какое-нибудь редкое животное. Подобное переворачивание всего, что попадаете у тебя на пути, скоро входит в привычку. Так и теперь, обнаружив доску, мы с Бобом нагнулись и, недолго думая, перевернули ее. В открывшемся влажном углублении лежала длинная тонкая змея, весьма небезопасная на вид. Поскольку на нас были только шляпы и ботинки, змея имела перед нами явное преимущество, но она им не воспользовалась и продолжала неподвижно лежать, глядя на нас. Не двигаясь с места, мы шепотом принялись обсуждать план ее поимки.

— У меня в кармане брюк есть кусок бечевы, — обнадёживающе сообщил Боб.

— Ладно, я сбегаю, а ты не спускай с нее глаз.

Потихоньку, чтобы не вспугнуть змею, я попятился, а потом побежал к вороху нашей одежды. Отыскав бечевку, я срезал палку, привязал к ней бечевку, сделал на свободном конце бечевки петлю и побежал обратно к Бобу. Змея лежала на прежнем месте и не шелохнулась до тех пор, пока не почувствовала на шее петлю, после чего свернулась в клубок и злобно за-

Дшипела. Это была одна из тонких коричневых древесных змей, которые встречаются в Гвиане на каждом шагу. Впоследствии мы узнали, что эти змеи ядовиты, но не особенно. Во всяком случае, это несколько не испортило нам удовольствия от поимки змеи, и, опуская ее в мешок, мы чувствовали себя неустрашимыми. Только мы пустились обсуждать тонкое различие между встречей со змеей, когда на тебе есть одежда и когда одежды на тебе нет, как вдруг из-за деревьев выбежал Айвен и, задыхаясь, сказал, что наши завывания увенчались успехом: от противоположного берега отчалило каноэ.

Каноэ ткнулось носом в песок перед нами, и гребец прыгнул в воду. Это был юноша-индеец лет восемнадцати, в потрепанных штанах, коренастый, с кожей какого-то особенно теплого желто-бронзового оттенка, отливавшей медью под прямыми лучами солнца. У него был широкий нос, большой, красиво очерченный рот, высокие монгольские скулы и большие темные раскосые глаза. Волосы у него были тонкие и черные, причем не глянцеви́то-черные с синеватым отливом, цвета воронова крыла, как у индейцев, а мягкого, спокойного цвета сажи. Он застенчиво улыбнулся, в то время как его черные без выражения глаза бегло и внимательно осмотрели нас с ног до головы. Кордаи заговорил с ним на его родном языке, и он ответил глубоким хрипловатым голосом. После короткого расспроса мы выяснили, что большинство индейцев переселилось из прибрежного поселка на более удобное становище в нескольких милях от озера. На старом месте оставались лишь он да его семья. Кордаи спросил, по-прежнему ли мы намерены продолжать свое путешествие. Это был наивный вопрос; мы погрузились в утлое протекающее каноэ, и парень плавно помчал нас по озеру. К тому времени, когда мы приблизились к берегу, наша ладья дала сильную осадку, и вода стала угрожающе переплескиваться через борт. Парень вогнал каноэ прямо в заросли тростника, и оно влипло в жидкую грязь наподобие разбухшей от воды банановой кожуры, а затем повел нас через лес, бесшумно, словно бабочка, лавируя между деревьями. Вскоре мы вышли на небольшую поляну, где стояла просторная, основательно сработанная бамбуковая хижина. Навстречу нам с громким лаем выбежали собаки, но парень тут же остановил их. На земле перед хижиной сидел пожилой индеец, очевидно, глава семьи. Его жена и дочь, девушка лет шестнадцати, вылуцивали золотистые зерна из початков кукурузы. Среди квохчущих кур по поляне бегали ребятишки. Все члены семейства подошли и поздоровались с нами за руку, однако они явно дичились и были стеснены нашим присутствием. Хотя улыбка не сходила с их лиц и они охотно отвечали на все вопросы, было видно, что мы не внушаем им особого доверия.

Если вспомнить историю южноамериканских индейцев, начиная с утонченных христианских жестокостей испанцев и кончая нашими днями,

когда индейцы, лишенные родины, вынуждены жить в резервациях и держаться подальше от благ цивилизации, которая производит среди них страшные опустошения, — если вспомнить все это, то поистине удивительно, что они вообще соглашаются вступать с нами в какие-либо сношения. Возможно, они правильно бы сделали, взяв за пример предосудительное, но вполне оправданное поведение своих собратьев в Мату-Гросу, которые встречают любого белого градом метко пущенных отравленных стрел.

В конечном счете, заручившись у отца семейства обещанием, что он постарается поймать для нас что-нибудь, мы вновь обменялись со всеми рукопожатиями, и парень отвез нас обратно через озеро. Высадив нас на берег, он улыбнулся на прощание, развернул каноэ на месте и погнал его по безмолвному озеру, оставляя на воде темный расходящийся след.

Обратный путь в Эдвенчер вконец измотал нас: мы хотели попасть домой до темноты, а раз так, надо было поторапливаться. Второй песчаный останец оказался нам шире, чем был, когда мы впервые пересекали его, а сыпучий песок буквально держал нас за ноги. Но вот мы достигли опушки леса на той стороне и оглянулись назад: останец лежал позади, мерная в лучах предзакатного солнца, словно заиндевевшее зеркало. Затем мы повернулись и хотели углубиться в лес, как вдруг Кордаи жестом остановил нас и показал на деревья футах в тридцати поодаль. Я глянул туда, и незабываемое, поразительно прекрасное зрелище меня совершенно зачаровало.

Казалось, передо мной был вовсе не тропический лес, а кусочек английского ландшафта: не слишком высокие деревья, стройные серебристые стволы, глянцевито-зеленая листва. Между деревьями поднимался густой невысокий подлесок. И подлесок, и древесная листва золотисто светлели в лучах заходящего солнца. А в кронах деревьев яркими пятнами на зеленом фоне сидели пять рыжих обезьян ревунов. Это были крупные, плотного сложения животные с сильными, цепкими хвостами и печальными, шоколадно окрашенными мордами. Шерсть у них была длинная, густая и шелковистая, какого-то непередаваемого цвета — сочной, ярчайшей смеси медного и винно-красного, с блестящим металлическим отливом, который встречается разве что в драгоценных камнях да редко у птиц. Увидев такую яркую расцветку у обезьян, я попросту лишился дара речи.

Стая состояла из гигантского самца и четырех обезьян поменьше, по-видимому, его жен. Старый самец был окрашен ярче всех. Он сидел на самом вершине дерева в прямых лучах солнца и весь пылал, словно костер. С меланхолическим выражением на морде срывал он молодые листья и отправлял их в рот. Наевшись, он с помощью лап и хвоста перебрался на соседнее дерево и исчез среди листвы. Блестящая свита самок последовала за ним.

Д Мы шли под сводами леса вдоль берегов каналов, из которых подавали голос маленькие лягушки, и я клятвенно заверял себя в том, что когда-нибудь у меня будет такая вот лоснящаяся фантастическая обезьяна, пусть даже это приведет меня к полному разорению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧУДОВИЩНЫЙ ЗВЕРЬ И ПЕСНИ ЛЕНИВЦЕВ

Есть в Южной Америке чрезвычайно интересный зверь, зовут его опосум. Интересен он главным образом тем, что является единственным представителем сумчатых за пределами Австралии. Подобно кенгуру и другим австралийским животным, опосумы носят своих детенышей в сумке, образованной складкой кожи на брюхе. Правда, у южноамериканских сумчатых этот способ транспортировки, похоже, выходит из употребления: у большинства их видов мешок невелик и используется для переноски детенышей, лишь когда они совсем крохотные и беспомощные, а у некоторых видов он почти исчез и представлен лишь продольными складками кожи, прикрывающими соски. Зато эти последние виды сумчатых освоили новый способ транспортировки: мать переносит своих чад на спине, причем хвосты родителя и детеныша любовно переплетаются. По своему внешнему виду опосумы похожи на крыс, с той только разницей, что они варьируют размерами от мыши до кошки. У них длинные крысиные морды, а у некоторых видов и длинные голые крысиные хвосты; но стоит только раз увидеть, как опосум карабкается на дерево, — и вам становится понятной разница между его хвостом и крысиным: хвост опоссума как бы живет своей собственной жизнью, извивается, сворачивается кольцами и в случае нужды цепляется за ветки с такой силой, что животное может на нем повиснуть.

В Гвиане встречается несколько видов опосумов, известных под общим названием увари. Самый обычный из них — это обыкновенный опосум, снискавший себе всеобщую неприязнь у гвианцев. Он приспособляется к изменяющейся среде с изворотливостью рыжей крысы и на задворках Джорджтауна чувствует себя не хуже, чем в лесных дебрях. Он в совершенстве освоил амплу мусорщика, и ни одно ведро с отбросами не обходится без его обследования. В поисках съестного он без робости заходит в дома и регулярно совершает набеги на птичьи дворы, и это нешуточное дело, если учесть его солидные размеры и свирепый нрав. Именно эта

его повадка и снискала ему ненависть со стороны местных жителей. В Джорджтауне мне без конца рассказывали об извращенных вкусах опоссумов и их оголтелых налетах на невинных цыпок, но я только проникся невольным уважением к животному, которое всячески морят, травят и уничтожают, а оно все же ухитряется вести в городе разбойное существование.

По приезде в Эдвенчер я осведомился у местных охотников относительно опоссумов. Услышав, что я собираюсь платить деньги за этих презренных тварей, они выпучили на меня глаза как на сумасшедшего. Такими же глазами взглянет английский фермер на иностранца, который проявит непомерный интерес к обыкновенной крысе и выразит желание купить несколько экземпляров. Но, в конце концов, бизнес есть бизнес, и, если от большого ума я готов платить чистоганом за увари (попимаете, увари!), им-то что. Господь бог посылает им покупателя на животных, от которых пока что не было никакого проку, и они вовсе не намерены лишать себя рынка сбыта!

Первых опоссумов нам принесли однажды рано утром. Боб и Айвен ушли на каналы ловить рыб и лягушек, я остался дома чистить и кормить животных, которых уже набралось изрядное количество. Пришел охотник с тремя опоссумами в мешке. Оживленно жестикулируя, он стал пространно объяснять, как с величайшим риском для жизни он поймал их этой ночью на своем птичьем дворе. Я заглянул в мешок и увидел лишь ворох желтовато-коричневого меха, изнутри тотчас послышался жалобный вой и кошачье фырканье. Я счел за благо не вынимать и не осматривать животных, пока не приготовлю для них клетку, и велел охотнику зайти за деньгами вечером. После этого я взялся за работу и сделал из деревянного ящика сносное жилье для опоссумов. Тем временем в мешке воцарилось зловещее молчание, лишь изредка прерываемое каким-то похрустыванием. Только я закончил клетку и уже надевал длинные кожаные рукавицы, собираясь пересадить опоссумов, как вернулись Боб и Айвен.

— Ха! — гордо сказал я. — Подите-ка посмотрите, что я приобрел.

— Надеюсь, не вторую анаконду? — спросил Боб.

— Нет, нет. Это три увари.

— Увари, сэр? — спросил Айвен, глядя на мешок. — И они все в одном мешке?

— Да, а что? Их нельзя держать вместе?

— Боюсь, они могли передрасться между собой, сэр. У этих животных очень скверный нрав, — мрачно ответил Айвен.

— О нет, они не дрались, — бодро сказал я. — Они вели себя очень смирно.

Айвен сохранял скептически-нахмуренный вид, и я поспешил развязать мешок. Неизвестно, как долго опоссумы в нем просидели, известно

Длинь одно: времени им хватило на все. Двое опоссумов побольше коротали свою неволю тем, что обезглавили своего меньшего собрата и теперь справляли кровавую каннибальскую тризну на его останках. Не без труда нам удалось водворить победителей в клетку, так как они с негодованием отвергали всякие покусительства прервать их роскошное пиршество. Они злобно бросались на нас с разверстой пастью, визжали, шипели и всячески усложняли нам нашу задачу, напоподобие плюща цепляясь своими хвостами за что попало. В конце концов мы исхитрились впихнуть в клетку этих окровавленных монстров, и я бросил им на доедание труп их сотоварища, чем они и занимались всю ночь напролет, шипя и рыча друг на друга. Когда наутро я пришел их проведать, они с кровожадным видом кружили друг возле друга, а потому, дабы предотвратить сокращение числа моих опоссумов до единицы, я разгородил клетку крепкой доской. В Гвиане мне рассказывали, что эти твари страшно прожорливы и едят абсолютно все, а потому я решил проверить это на опыте: выходила неувязка с объемистой многотомной книгой по зоологии, которая служила мне справочным пособием и в которой утверждалось, что опоссумы напоподобие фей питаются деликатнейшей пищей из фруктов и насекомых, лишь изредка позволяя себе яйцо или птенчика. Итак, я три дня подряд набивал клетки опоссумов самой омерзительной едой, начиная от застывшего карри и кончая разложившимися трупами, и они пожирали все подчистую. Похоже, чем отвратительнее еда, тем больше она им нравилась. После трех дней близкого знакомства я стал склоняться к мысли, что все, что рассказывали мне об опоссумах, сущая правда. Но тут мои гастрономические опыты пришлось прикрыть: увари несносно благоухали, и Боб заявил, что вовсе не желает схватить дифтерию ради моих зоологических изысканий.

Спору нет, опоссум не ахти как привлекателен с виду, если даже отвлечься от его отвратительных повадок. Ростом он с небольшую кошку, одет в густую неопрятную шубу трех цветов: желтовато-коричневого, кремового и шоколадного. У него очень цепкие короткие голые лапы розового цвета и длинный, постепенно сужающийся чешуйчатый хвост, серый у основания и с розовыми крапинками на конце. Его морда — длинный голый розовый нос и безвольно свисающая нижняя челюсть, между которыми открывается полная больших острых зубов пасть, — даже самому неуклющему наблюдателю скажет все о его характере. Глаза у него коричневые, злые. Из косматой шерсти на голове выглядывает пара голых, почти прозрачных ослиных ушей, которые вздрагивают и настораживаются при каждом его движении. Потревоженный опоссум широко разевает пасть и шипит, и поскольку челюсти у него узкие и длинные, оснащенные большими зубами, то в этот момент он весьма напоминает своего рода космато-

го крокодила. Если оставить без внимания его предостерегающее шипение, он издаст низкое стенание, очень похожее на крик мартовского кота, и, кляцая челюстями, бросится на вас.

Признаться, увари меня разочаровали: ни в их нраве, ни в повадках, ни в наружности я не нашел ничего такого, что импонировало бы мне до глубины души. Враг общества номер один почему-то представлялся мне шикаватой колоритной личностью, в действительности же он оказался злобной, стенающей тварью с порочными вкусами, лишенной какого бы то ни было личного обаяния. Как-то вечером я пожаловался на это Айвену, и он подал мне мысль, направившую меня на след одного из родичей нашего опоссума.

— Мне кажется, сэр, — сказал Айвен своим невероятно культурным голосом, — мне кажется, лунный увари пришелся бы вам по вкусу.

— Какой еще такой лунный? — спросил я.

— Есть такой вид, — популярно пояснил Айвен. — Он меньше тех, что вы приобрели, и не имеет таких мерзких наклонностей.

— Лунный увари — это звучит замечательно, — сказал Боб. — Почему его так зовут, Айвен?

— Говорят, будто он показывается только в лунные ночи, сэр.

— Не могу без такого, — твердо заявил я. — Это должен быть прелестный зверь.

— Уж наверное, не хуже тех гнусных вурдалаков, которых ты приютил, — сказал Боб, кивая на благоухающую клетку с опоссумами. — Но уж если ты в самом деле добудешь лунных, Христа ради, не устраивай над ними никаких гастрономических экспериментов, не то мне придется спать под открытым небом.

В тот же вечер, когда местные звероловы, как обычно, оравой ввалились к нам со своей дневной добычей, я подробно расспросил их о лунном увари. Да, этот зверь им отлично известен. Да, их тут полно. Да, легко можно устроить мне несколько экземпляров. Ну что ж, раз так, сиди и не рыпайся, жди, пока тебе притащат мешок лунных увари. Но не тут-то было.

Прошла неделя, а результатов никаких. Я вновь допросил звероловов. Да, все они выслеживают лунных увари, но непонятно почему те не показываются. Я поднял цену и взмолился, чтобы охотники не жалели сил. И чем дольше я ждал, тем сильнее разгоралось во мне желание заполучить этих неуловимых животных. Но тут как-то вечером пришло пополнение, и я на время забыл про них.

Дело было так. Мы сидели за чаем, как вдруг в комнату ввалился человек с мешком за плечами. Он развязал мешок и с невозмутимым видом вы-

Дтряхнул содержимое нам под ноги. Боб, сидевший к нему ближе всех, так и шарахнулся от него, залив себе чаем рубашку. Его испуг был понятен: из мешка вывалился большой, крайне рассерженный двупалый ленивец. Похожий на маленького медведя, он лежал на полу с раскрытой пастью, шипя и размахивая лапами. Размерами он был с крупного терьера и весь покрыт грубой коричневой шерстью, взлохмаченной и неопрятной на вид. Его лапы, очень длинные и стройные для его тела, оканчивались длинными острыми когтями. Голова его очень походила на медвежью, и его маленькие округлые красноватые глазки смотрели очень сердито. Но самым удивительным в нем была его пасть, усаженная крупными острыми зубами неприятнейшего желтоватого оттенка. Вот уж никогда бы не подумал, что такие массивные клыки могут принадлежать такому заядлому вегетарианцу, как ленивец!

Я расплатился с охотником. Мы затолкали ленивца обратно в мешок и принялись сооружать для него клетку. На половине работы я, к своей досаде, обнаружил, что кончилась проволочная сетка, а потому пришлось взяться за каторжный труд — делать деревянные планки и зарешечивать ими клетку. Затем мы снабдили клетку удобным суком и водворили в нее ленивца. Он тотчас зацепился за сук своими «кошками», подтянулся и повис на нем. Я дал ему пожевать гроздь бананов и охапку листьев и пошел спать.

В два часа ночи меня разбудили непонятные звуки в комнате для животных — какое-то хрумканье вперемежку с шипением и негодующим питпитпитканьем Кутберта. Первое, что пришло мне в голову, — это что сбежала одна из наших крупных анаконд и теперь закусывает каким-нибудь экспонатом моего зверинца. Я как ошпаренный выскочил из гамака и зажег «летучую мышь», которую всегда держал при себе на всякий экстренный случай. Света от нее было не больше, чем от какого-нибудь захудалого светляка, но уж лучше хоть что-то, чем ничего. Вооружившись палкой, я отворил дверь в комнату для животных, огляделся и в полумраке увидел Кутберта: он сидел на ярусе клеток с умственно отсталым и вместе с тем негодующим видом. Когда я ступил в комнату, что-то длинное и тонкое вымахнуло из-за полуотворенной двери и разом, без малейшего усилия, разодрало штанину моей пижамы от колена до щиколотки. Нападение было совершено сзади, со спины. Я с необычайной резвостью проскочил дальше в комнату и, с трудом устояв на ногах, стал осторожно поворачиваться, чтобы заглянуть за дверь. Я был уверен, что на меня напал какой-то чужак, потому что никто из моих подопечных, насколько мне было известно, не мог нападать с такой силой и стремительностью. Я осторожно прикрыл дверь палкой: расprostертый на полу наподобие большой мохнатой морской звезды, в углу комнаты лежал ленивец.

Тут необходимы некоторые пояснения: ленивец, лежащий на земле, почти так же беспомощен, как новорожденный котенок. Лапы служат ему для подвешивания, а не для ходьбы, поэтому на земле он может лишь выбрасывать вперед свои длинные конечности, цепляться за что-нибудь когтями и подтягиваться. Это весьма тягостное зрелище, и, когда видишь его впервые, можешь подумать, что у животного паралич или перебит спинной хребет. Но попробуй подступись к этим огромным когтям или зубастой пасти — и ты сразу убедишься, что животное не так беспомощно, как кажется.

Ленивец лежал, словно прохлаждался, вслепую шаря в воздухе своими крюками в надежде за что-нибудь зацепиться и не находя ничего подходящего на голом полу. Убедившись, что ленивца пока можно оставить в покое, я занялся осмотром клетки — интересно было установить, каким образом он ухитрился удрать. Оказывается, он отодрал две деревянные планки вместе с гвоздями и пролез в открывшийся зазор. Не берусь точно сказать, как ему удалось проделать этот трюк, возможно, своими большими когтями он, словно долотом, поддел и оторвал планки. Между тем, пока я определял масштабы повреждений, Кутберт, шумно хлопая крыльями, слетел вниз и хотел устроиться у меня на плече. Должно быть, мое плечо казалось ему наиболее безопасным местом во всей комнате. К его неудовольствию, я столкнул его и отправился за гвоздями и молотком. Пока я чинил клетку, он сидел наверху, с озабоченным выражением смотрел мне в лицо и энергично питпитпиткал. Поднятый мною шум разбудил Боба, он с петушиным видом вошел в комнату и спросил, какого черта я грохочу молотком среди ночи.

— Подальше от ленивца! — предупредил я его, так как он остановился совсем близко от двери.

Не успел я это сказать, как ленивец перевернулся, выбросил лапу и чуть не хватил Боба по ноге. Боб с удивительным проворством отскочил в дальний угол комнаты, повернулся и сердито уставился на зверя.

— Как он выбрался из клетки? — спросил он.

— Отодрал планки. Сейчас клетка будет в порядке, ты поможешь мне извлечь его.

— Ничего не скажешь, ты делаешь все, чтобы эта поездка накрепко врезалась мне в память, — с горечью произнес Боб. — С тобой не заскучаешь. То анаконды, то пирайи, то ленивцы...

Кутберт страшно обрадовался Бобу и, совершив хитрый обходный маневр, устремился к заветной цели — его ногам. Подобравшись к нему, он разлегся на его ногах и приготовился отойти ко сну.

Поправив клетку, я достал пустой мешок и стал подступать к ленивцу, который продолжал беспомощно размахивать в воздухе лапами. При моем

Д приближении он немедленно перевернулся на спину и изготовился к драке, шипя, словно чайник, разевая пасть и далеко выбрасывая вокруг себя свои руки-крюки. Сделав несколько попыток набросить мешок ему на голову, я решил, что теперь самое время вступить в схватку Бобу.

— Возьми палку и отвлекай его внимание, — давал я руководящие указания. — Тогда я смогу накинуть на него мешок.

Боб стянул со своих ног негодующего Кутберта, вооружился палкой и без особого энтузиазма приблизился к ленивцу. Кутберт неотступно следовал за ним. Боб сделал выпад в сторону ленивца, тот немедленно повернулся и ответил тем же. Боб отступил назад и полетел кувырком через Кутберта. Пользуясь моментом, пока внимание зверя было отвлечено, я бросил мешок и сам себе удивился: так ловко он попал прямо на голову ленивцу. Я тут же ринулся к нему, одной рукой схватил его через мешок за загривок, а другой попробовал свести вместе его передние лапы, но вышло так, что мне удалось схватить лишь одну его лапу, да и то слишком высоко. Не успел я понять свою ошибку и отпустить лапу, как массивные когти сомкнулись, совсем как защелкивается лезвие перочинного ножа, и мои пальцы оказались зажатыми, словно в тисках. Больше того, я тут же обнаружил, что вовсе не держу ленивца за шиворот, как полагал, и он вот-вот высунет голову из-под мешка и вопьется своими желтоватыми зубами мне в руку. Судя по шипению, которое раздавалось из-под мешка, нападение отнюдь не настроило ленивца на благодушный лад. Тем временем Бобу удалось отделаться от Кутберта. Они расстались друг с другом в состоянии взаимной вражды, и я крикнул Бобу, чтобы он подал мне палку; вооружившись ею, я почувствовал себя увереннее.

— Открой дверцу клетки, я попробую втащить его туда, — сказал я.

Боб сделал, как я просил, но в тот самый момент, когда я хотел поднять ленивца и пронести его через комнату, мешок свалился с его головы. Единственное, что пришло мне тут в голову, — это сунуть палку ему в пасть. Пасть захлопнулась, и раздалось хрумканье, от которого мороз продрал меня по коже. Своей плененной рукой я поднимал его с пола, а свободной пихал палку ему в рот. Этот редчайший жонглерский фокус готов был увенчаться успехом, как вдруг подлетел Кутберт и улегся мне на ноги. Я медленно поворачивался вокруг собственной оси, Кутберт с восторженным питпитпитканьем преследовал мои щиколотки, а ленивец висел у меня на руке и мрачно жевал палку, время от времени выпуская яростное шипение.

— Может, ты уберешь эту проклятую птицу? — сердито сказал я Бобу, который стоял у стены, заливаясь истерическим смехом. — Да поживее, не то ленивец укусит меня.

Со слезами на глазах Боб отогнал Кутберта, а я протопал со своей ношей через всю комнату и попытался пропихнуть ленивца сквозь дверцу клетки. Между нами завязалась борьба, он уцепился задними лапами за решетку, и отодрать его не представлялось никакой возможности.

— Чем стоять так да смеяться, лучше бы помог мне отцепить эту проклятую тварь, — сказал я.

— Попробовал бы ты не смеяться, если б видел все это со стороны, — ответил Боб. — Особенно мне понравился пируэт, который ты проделал с Кутбертом. Оч-чень элегантно.

В конце концов мы ухитрились запихать ленивца в клетку, усамирили Кутберта и разошлись по своим гамакам. На другой день я достал проволочной сетки и заделал клетку ленивца так, что сбежать из нее стало труднее, чем из Дартмутской тюрьмы.

На ленивцев с самого начала было возведено столько поклепов, как ни на какое другое животное Южно-Американского континента. О них писали, что они ленивы, глупы, уродливы, медлительны, безобразны, что их необычное телосложение является для них источником постоянных мук, и прочее, и прочее, и прочее. Вот типичное описание ленивца, принадлежащее перу некоего Гонсало Фердинандо де Овьедо:

«А еще есть другой удивительный зверь, которого испанцы в насмешку зовут *cagnuolo*, что значит «подвижная собака», тогда как на самом деле это одна из самых медлительных тварей на свете и в движении так тяжела и неуклюжа, что насилу может пройти и пятьдесят шагов за день. У *cagnuolo* четыре длинные ноги, и на каждой по четыре когтя, как у птиц, и когти эти плотно прилегают один к другому; но ни когти, ни ноги не могут поддерживать их тело на земле... Больше всего они любят виснуть на деревьях и на других предметах, по которым можно карабкаться вверх... Я сам держал их у себя дома и не заметил, чтобы они питались чем-либо иным, кроме воздуха, и того же мнения придерживаются все местные жители, ибо никто не видел, чтобы они что-нибудь ели, зато их головы и рты всегда повернуты в ту сторону, откуда ветер сильнее, из чего можно заключить, что больше всего им по вкусу воздух. Они не кусаются, но могут кусаться. Рты у них очень маленькие, они неядовиты и безвредны, просто-напросто это совершенно тупые и бесполезные, ненужные человеку твари».

Вот как Овьедо с почти журналистской разухабистостью рисует в высшей степени недостоверный портрет ленивца. Во-первых, ленивец вовсе не такой уж ленивец, что не может пройти за день и «пятидесяти шагов». Я уверен, что, передвигаясь с максимальной скоростью, он может покрыть за день несколько миль, разумеется, при условии, что он будет иметь возможность беспрепятственно перебираться с дерева на дерево. Но в том-то

Д и дело, что амбиции ленивца не заедают и он не стремится очертя голову мотаться по лесу: до тех пор пока дерево, на котором он сидит, вдоволь обеспечивает его пищей, он никуда не торопится.

Далее, Овьедо очень пренебрежительно отзывается о лапах ленивцев. Он поносит их конечности только за то, что они «не могут поддерживать их тело на земле». Но ведь ленивец не наземное животное, а древесное; он спускается с дерева лишь при крайней необходимости, и в таком случае ему действительно трудно, больше того, почти невозможно ходить, потому что его лапы приспособлены для лазанья по деревьям. Нельзя требовать от ленивца, чтобы он бегал по земле, как олень, точно так же как нельзя требовать от оленя, чтобы он проворно лазал по деревьям. А Овьедо, вместо того чтобы похвалить ленивца за чудесное приспособление к жизни на деревьях, видит лишь одно: ленивец не может ходить по земле, хотя ленивец к этому вовсе не приспособлен и не стремится.

Оставив беднягу ленивца, что у него, мол, и руки не те, и ноги не те, Овьедо затем утверждает, что ленивец живет воздухом. Это означает то, что Овьедо попросту не кормил свое домашнее животное либо давал ему не ту пищу, потому что отсутствием аппетита ленивцы, как правило, не страдают. И наконец, Овьедо одним махом разделяется со всеми ленивцами на свете: раз они бесполезны для человека, то они бесполезны вообще. Ну что ж, воззрение, будто все животные созданы на потребу человеку, было обычным во времена Овьедо и еще бытует и поныне. Ведь и в наши дни находится немало напыщенных двуногих задавак, которые полагают, что то или иное животное подлежит немедленному истреблению, если оно не приносит непосредственной пользы человечеству вообще и им в частности.

В своей «Естественной истории» великий Бюффон отдал ленивца еще почище, чем Овьедо. По мнению Бюффона, ленивцы не более не менее как величайшая ошибка природы, потому что, видите ли, у них нет ни оружия нападения, ни оружия защиты, они медлительны, чрезвычайно глупы и жизнь для них — сплошная мука. Все это, утверждает Бюффон, результат странного, аляповатого строения существа, лишённого милости природы и демонстрирующего нам образец врожденного убожества.

Вскоре после ночной баталии с двупалым ленивцем мы приобрели ленивца другого вида, который водится в Гвиане, — трехпалого. Животные были до того не похожи друг на друга, что с первого взгляда казалось, будто они не имеют между собой ничего общего. Они были примерно одинаковых размеров, только у трехпалого была удивительно маленькая для его тела круглая голова с крохотными глазками, носом и ртом. И еще, если у двупалого косматая коричневая шерсть была редка, то трехпалый был покрыт густой пепельно-серой шерстью удивительной фактуры, напоминавшей сухой мох.

Ноги его были такие волосатые, что казались вдвое более мощными, чем у двупалого, тогда как на самом деле были гораздо слабее. На его спине, на лопатках, виднелся узор из темной шерсти в виде восьмерки.

Получив возможность наблюдать одновременно двух ленивцев различных видов, я обнаружил, что повадки животных столь же различны, как и их внешность. Так, например, двупалый любил спать, уцепившись за сук, в характерной для ленивцев позе — положив голову на грудь между передними лапами; трехпалый же предпочитал устроиться в развилке — цеплялся лапами за одну ветку, а спиной упирался в другую. Двупалый, как я уже говорил, чувствовал себя на земле довольно беспомощно, трехпалый же мог держаться на лапах и, ставя внутрь свои массивные когти, передвигаться ползком на полусогнутых ногах, словно разбитый ревматизмом глубокий старик. Правда, двигался он медленно и неуверенно, но все же мог перебираться с места на место. Зато при лазанье по деревьям все обстояло наоборот: двупалый передвигался быстро и проворно, а трехпалый проявлял медлительность и неуверенность, каждый раз пробуя сук лапой, прежде чем доверить ему тяжесть своего тела. Двупалый отличался дикостью и вероломством — таким он показал себя в ночь своего бегства; его сородич, пусть даже только что пойманный, не внушал никаких опасений.

Подметив в трехпалом ленивце такую кротость, я на другой же день вытащил его из клетки, чтобы воочию ознакомиться с одним заинтересовавшим меня явлением. Застав меня с ленивцем на коленях — причем я самым прилежным образом искал у него в шерсти, — Боб, естественно, поинтересовался, чем это я занимаюсь. «Ищу растительность в его шерсти», — со всей серьезностью ответил я, и, конечно. Боб мне не поверил. И как бы долго и нудно я ему ни объяснял, что я не шучу, лишь много времени спустя, когда мы приобрели третьего ленивца, мне удалось убедить Боба, что я не разыгрываю его.

Дело в том, что каждый волосок ленивца имеет шероховатую желобчатую поверхность, и на ней есть растительность — какой-то вид водорослей, — придающая волосу зеленоватый оттенок. Это то самое растение, которое можно увидеть на гнилых изгородях в Англии, ну а во влажной, сырой атмосфере тропиков оно пышно разрастается на шерсти и придает ленивцу отличную защитную окраску. Это единственный в своем роде случай симбиоза растения и млекопитающего.

Как бы там ни было, содержать в неволе злонаправного двупалого ленивца оказалось легче, чем трехпалого, потому что двупалый отлично себя чувствовал на диете из бананов, нарезанных кусочками плодов дынного и мангового деревьев и нескольких видов листьев, включая вездесущий гибискус. Трехпалый же кормился исключительно одним видом листьев и упор-

Дно отказывался от всяких других, так что его питание представляло для меня немалую проблему. Будучи весьма примитивными животными, ленивцы способны долго обходиться без пищи; рекорд принадлежит трехпалому ленивцу одного зоопарка, который постился месяц без каких-либо вредных для себя последствий. Кроме того, ленивцы обладают способностью оправляться от ран, смертельных для любых других животных, и даже могут принимать большие дозы яда без явного вреда для себя. Эта живучесть, а также их медлительность и петоропливость удивительно сближают их с пресмыкающимися.

В своем рассуждении о ленивцах Овьедо следующим образом отзывается об их криках:

«Их голос весьма отличен от голосов других зверей, ибо они поют только ночью, да и то время от времени, и распевают всегда шесть нот, одну ниже другой по нисходящей линии, так что первая нота самая высокая, а остальные все ниже и ниже; подобно тому, как если бы человек говорил: ля, соль, фа, ми, ре, до, этот зверь говорит: ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха... Похоже, что только от этого зверя, и ни от чего другого, ведет свое начало музыка и первые принципы этой науки».

Ничего не могу сказать про оперные таланты ленивцев Овьедо, знаю только, что мои ленивцы не производили никаких звуков, которые соответствовали бы его описанию. Я провел в гамаке много бессонных часов, надеясь, что они займутся сольфеджио, но они были немы как рыбы. Двупалый, когда его тревожили, издавал громкий шипящий звук, о котором я уже упоминал; трехпалый издавал такой же звук послабее, иногда дополняя его глухим стенанием, как от сильной боли. Судя по одним только этим звукам, я бы не решился присоединиться к Овьедо в предположении, что искусство музыки ведет свое начало от песни ленивца.

Увлечшись семейством *Bradypodidae*, я совсем позабыл про лунного увари, и, лишь когда Боб напомнил мне, что через три дня мы должны вернуться в Джорджтаун сдать очередную партию животных, до меня вдруг дошло, что я упускаю последнюю возможность приобрести опоссума этого вида. Я еще раз поспешно повысил цену и забегал по главной улице Эдвенчер, наведываясь к людям, которые могли иметь хоть какое-то отношение к охоте, и умоляя их раздобыть мне лунного увари. Однако ко дню нашего отъезда лунного увари мне так и не принесли, и это повергло меня в глубочайшее уныние.

Чтобы доставить нашу живность к причалу, мы наняли громоздкую продолговатую повозку, запряженную понурой клячей. Повозка остановилась на улице перед нашей лачугой, и мы с Бобом принялись грузить клетки с животными. Тут были ящики с тейю и игуанами, сумки с мелкими

змеями и мешки с анакондами, клетки с крысами, обезьянами и ленивцами, Кутберт, отчаянно питпитпиткающий из-за решетки, клетки с маленькими птичками, большие жестянки с рыбами и, наконец, благоухающая клетка с опоссумами. Высоко нагруженный воз, скрипя и гроыхая, покатил по дороге. Айвен был выслан вперед, чтобы обеспечить место для животных на палубе парохода.

Мы с Бобом медленно шли рядом с повозкой, которая гулко катила по белой от пыли дороге, испещренной тенями деревьев на обочинах. Мы помахали на прощание рукой жителям деревни, которые вышли из своих домов пожелать нам счастливого пути. Вот мы миновали последние дома деревни и вступили на конечный отрезок дороги, ведущий к берегу реки и причалу. Не успели мы пройти и половину расстояния до реки, как вдруг позади раздался крик. Я обернулся: по дороге следом за нами бежала маленькая фигурка и отчаянно махала рукой.

— Кто это? — спросил Боб.

— Почем я знаю. Уж не нам ли он машет?

— Наверное, нам. Ведь на дороге больше никого нет.

Повозка покатила дальше, а мы стали ждать.

— Кажется, он что-то несет, — сказал Боб.

— Может, мы что забыли?

— Или что упало с повозки?

— Ну, это едва ли.

Но вот стало возможно разглядеть бегущего. Это был маленький мальчик-индеец, он трусил по дороге, улыбаясь во весь рот, разметав по плечам свои длинные черные волосы. В одной руке он крепко сжимал шнурок, на котором болталось что-то маленькое и черное.

— Похоже, у него какое-то животное, — сказал я и двинулся ему навстречу.

— Господи! — простонал Боб. — Хватит с нас животных!

Мальчик, тяжело дыша, остановился и протянул мне шнурок. На другом его конце болталось небольшое черное животное с розовыми лапами, розовым хвостом и красивыми темными глазами, в кремовом меху над которыми прятались вскинутые, как в постоянном удивлении, брови. Это был лунный увари — мышинный опоссум.

Когда я несколько пришел в себя от радости, мы с Бобом принялись шарить по карманам, чтобы расплатиться за опоссума, и тут обнаружилось, что вся наша мелочь у Айвена. Однако мальчик был не прочь пройтись с нами до причала оставшиеся полмили, и мы продолжили свой путь. Но не сделали и нескольких шагов, как мне в голову пришла ужасная мысль.

— Боб, нам не во что посадить опоссума, — сказал я.

Д

— А что, разве нельзя довести его так до Джорджтауна?

— Нет, мне нужен ящик. А уж на пароходе я смастерю из него клетку.

— Да где ж его возьмешь?

— Придется сбегать в лавку.

— Как? Снова бежать в деревню? Пароход должен быть с минуты на минуту. Ты опоздаешь, если побежишь обратно.

Как бы в подтверждение его слов с реки донесся гудок парохода. Но я уже бежал обратно в Эдвенчер.

— Задержи пароход до моего возвращения! — крикнул я.

Боб в отчаянии всплеснул руками и рысью припустил к причалу.

Я вбежал в деревню, ввалился в лавку и стал молить изумленного торговца дать мне ящик. С завидным присутствием духа, не задавая лишних вопросов, он вывалил на пол груды банок с консервами и протянул мне ящик. Я выскочил из лавки и, лишь пробежав изрядный кусок пути, заметил, что все это время мальчик-индеец сопровождал меня. Он топал рядом со мной и знай себе ухмылялся.

— Дай я понесу ящик, хозяин, — сказал он.

Я с величайшей радостью отдал ему ящик, так как опоссум, недовольный беготней, стал настраиваться на воинственный лад и все норовил взобраться по шнурку и укусить меня. Мальчик-индеец бежал, взгромоздив ящик на голову, я бежал рядом, отчаянно жонглируя опоссумом. Дорога была пыльная и жаркая, с меня градом катил пот. Мне хотелось остановиться и передохнуть, но всякий раз гудок парохода гнал меня дальше.

В полном изнеможении пробежал я последний поворот и увидел у причала пароход. За кормой его бурлила пена, на сходнях, горячо жестикулируя, стояла группа людей, среди которых я увидел Боба, Айвена и капитана. С опоссумом и ящиком в охапке я стремглав взбежал по сходням и чуть дыша припал к поручням. Сходни взяли на борт, пароход дал гудок и, задрожав, отвалил от причала. Через открывшуюся полосу воды Айвен швырнул мальчику-индейцу требуемую мзду. Окончательно я пришел в себя, лишь когда мы уже полным ходом шли вверх по реке.

— Сага о том, как лунного увари доставляли из Эдвенчер в Джорджтаун, — сказал Боб, протягивая мне бутылку пива. — Я уж совсем поставил на тебе крест. Капитан был шибко сердит. Похоже, когда я сказал, что ты побежал обратно за увари, он воспринял это как оскорбление мундира.

Я достал плотничий инструмент и, пока мы плыли, сделал из ящика клетку для опоссума. Затем надо было снять бечевку, которой он был перевязан поперек живота. Он распахнул пасть и с обычным для опоссумов «миролюбием» зашипел на меня, но я попросту схватил его за шиворот и стал развязывать бечевку. Тут я заметил у него на брюхе, между задними

лапами, продолговатую сосискообразную вздутость и решил, что это, должно быть, какое-то внутреннее повреждение от петли. Истинная причина этого вздутия открылась мне лишь позднее. Я стал осматривать животное и, ощупывая его, обнаружил в «опухоли» продолговатый разрез. Разведя складки кожи, я увидел карман, а в нем дрожащих розовых детенышей. Вzbешенная столь бесцеремонным посягательством на безопасность ее детского сада, мамаша издала громкий, дребезжащий, как жестянка, крик ярости. Продемонстрировав детенышей Бобу и сосчитав их (их оказалось трое, каждый в половину моего мизинца), я водворил разгневанную мамашу в клетку, после чего она немедленно села на задние лапы и с величайшей осторожностью обследовала свою сумку, разглаживая всклокоченный мною мех и сердито ворча. Затем она съела банан, свернулась в клубок и заснула.

Я был в диком восторге от моего семейства мышинных опоссумов и всю дорогу до Джорджтауна только о них и говорил. В Джорджтауне мы показали собранных нами животных взбудораженному Смигу. Полагая, что от мышинных опоссумов он придет в не меньший восторг, я приберег их напоследок. Наконец с величайшей гордостью и самодовольством я показал их Смигу, но, к моему удивлению, он взглянул на зверьков с крайним отвращением.

— В чем дело? — не без некоторой обиды спросил я. — Это очень милые животные, и мне стоило чудовищного труда доставить их сюда.

Смит подвел меня к пирамиде из пяти клеток.

— У меня тут в каждой по паре таких, — мрачно сообщил он.

Я подумал о цене, которую заплатил за своего опоссума, о горячке, которую порол ради него, и тяжело вздохнул.

— Ну что ж, — философски заметил я. — А вдруг они оказались бы редкими животными? Вот я и кусал бы себе локти, что не добыл ни одного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОЛЬШУЩАЯ РЫБИНА И ЧЕРЕПАШЬИ ЯЙЦА

Южная часть Гвианы представляет собой территорию, окруженную необъятными лесами Бразилии и непролазными дебрями Суринама. Здесь, на пространстве более чем в сорок тысяч квадратных миль, простираются гвианские саванны; лес тут переходит во всхолмленную травянистую равнину, покрытую редким «садовым» кустарником. Одна из наиболее значи-

Д тельных среди этих равнин — саванна по реке Рупунуни площадью около пяти тысяч квадратных миль. Туда-то мы и решили отправиться после поездки в Эдвенчер, так как в саваннах обитают многие виды животных, не встречающихся в лесах.

На Рупунуни мы отъезжали в величайшей спешке. Я решил остановиться, если будет возможность, у некоего Мак-Турка, владельца ранчо в Каранамбо, в самом центре саванны, и мы отправились в контору гвианского аэрофлота справиться о расписании, так как проще всего попасть в глубь страны на самолете; можно, конечно, путешествовать и по суше или в каноэ, но тогда дорога растянется на несколько недель, а мы попросту не располагали временем, как бы заманчиво ни было подобное путешествие. К нашему ужасу, обнаружилось, что рейс в Каранамбо бывает лишь раз в две недели и, что еще хуже, рейс этот приходится на завтра. Таким образом, в нашем распоряжении на сборы, переговоры с Мак-Турком и улаживание кучи разных дел оставались только сутки. Мы купили билеты и принялись лихорадочно переделывать дела. Я пробовал связаться по телефону с Мак-Турком, чтобы известить его о нашем приезде, но не мог до него дозвониться. Остаток дня мы укомплектовывали наш багаж самым необходимым, стараясь удержаться в пределах веса, допустимого к перевозке на самолете. Всяческие доброхоты, зудевшие желанием помочь мне, уверяли, что на Рупунуни нам нужно взять с собой лишь самое необходимое. В Каранамбо есть магазин, говорили они, и я смогу купить там все, что нужно: гвозди, проволочную сетку и даже ящики под клетки. По своей наивности я поверил им и урезал багаж до минимальных размеров.

Наши попутчики составляли весьма разношерстную компанию. Это были: молодой английский священник с женой и огромным псом сомнительного происхождения и еще более сомнительного нрава, молодой индеец, не перестававший застенчиво улыбаться всем и каждому, и, наконец, толстый индеец с супругой. Все, в том числе и мы, свалили свой багаж на аэродроме и сидели как на похоронах, ожидая команды к посадке. Бобу было дурно, и он отнюдь не предвкушал удовольствия от полета.

Пока мы ехали по тряским дорогам от Джорджтауна к аэродрому, он все больше и больше бледнел. А теперь он сидел, положив голову на колени, и тихонько постанывал.

Но вот подали команду к посадке. С грехом пополам мы вскарабкались в самолет и уселись в небольшие ковшеобразные кресла, стоявшие по бокам, а собака священника заняла собою чуть ли не весь проход. Двери самолета закрылись, фюзеляж затрясся, и рев моторов заглушил звуки речи. Боб обменялся со мной красноречивым взглядом, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Казалось, пилот был готов разбудить всех мертвых

в своей решимости как следует прогреть моторы: их рев возрос до пронзительного воя, а самолет заходил ходуном, хоть и стоял на месте, так что, наверное, в нем ни винтика, ни гайки неразболтанной не осталось. Но вот мы покатали по бесконечной, протянувшейся чуть ли не на целые мили взлетной дорожке и остановились; моторы опять набрали бешеные обороты, завывали, словно ведьмы, а нас затрясло, как под сверлами бормашины. Лицо Боба приняло нежный желтоватый оттенок слоновой кости. Самолет еще раз пробежался по дорожке и оторвался от земли, мы дали круг над аэродромом и взяли курс на юг.

Внизу под нами тысячью различных оттенков зеленого цвета проплывал лес. С высоты он казался плотным и кудрявым, словно коврик из зеленого каракуля. То здесь, то там сквозь сплетение ветвей сверкала извилистая лента реки, а иной раз лес расступался, давая место ослепительно сверкавшему на солнце песчаному островку. Потом землю закрыла гряда облаков, и только мы из нее вышли, как тут же нырнули в другую. Примерно в это же время пошли воздушные ямы; самолет вдруг проваливался на сотни футов вниз, и у меня появлялось такое ощущение, будто мой желудок остался где-то далеко позади.

Лицо Боба сделалось нежно-зеленого, яшмового цвета. Собака села на задние лапы и положила ему на колени свою огромную слюнявую морду, несомненно, требуя от него сочувствия и сострадания; Боб оттолкнул ее, даже не открыв глаз. Молодой индеец перестал улыбаться всем и каждому, он прикрыл лицо большим носовым платком и тихо догорал в своем кресле.

Другой индеец, совмещавший обязанности грузчика и стюарда, неприужденно развалился на груде мешков с почтой, читал газету. Он закурил сигарету и стал овеивать нас клубами ядовито-зловонного дыма. Жена священника пыталась поддерживать разговор с Бобом — как мне казалось, больше из желания отвлечься мыслями от воздушных ям, чем из стремления к общению.

— Вы летите в Каранамбо или в Боа-Виста?

— В Каранамбо.

— Вот как! И вы надолго задержитесь на Рупунуни?

— Всего на две недели. Мы ловим животных.

— А, теперь я знаю, кто вы! Ведь это ваши фотографии были помещены в «Кроникл» на прошлой неделе, вы были сняты там с какой-то змеей в руках.

Змеи были большим местом Боба, и он только слабо улыбнулся. Тут самолет опять нырнул вниз, и Боб резко выпрямился, устремив умоляющий взгляд на грузчика-стюарда. Благодаря своей долгой практике этот чело-

Д век, похоже, выработал способность телепатического общения с пассажирами: ни слова не говоря, он слез со своих мешков, достал откуда-то большую проржавевшую жестянку и галантным жестом протянул ее Бобу. Тот уткнулся в нее лицом, да так в ней и остался. Великая сила — самовнушение, ибо вскоре его примеру последовала жена священника, а за ней и все остальные пассажиры, за исключением самого священника и меня.

Я выглянул в окно и увидел, что лес начинает расплзаться на отдельные группы деревьев, разделенные травянистыми лужайками, — и вот уже мы летим над настоящей саванной. Лес уступил место всхолмленной, раскинувшейся на многие мили травянистой равнине с редким, растущим вразброс кустарником и немногочисленными, укрывшимися в складках земли озерами. Самолет стал снижаться крутами над местностью, которая казалась чуть ровнее остальной саванны: мы шли на посадку.

— Похоже, прилетели, — сказал я Бобу.

Он с трудом оторвался от жестянки и глянул в окно.

— Не валяй дурака, тут невозможно приземлиться.

Не успел он договорить, как самолет мягко вошел в траву и, медленно снизив скорость, остановился. Моторы предсмертно чихнули раза два и затихли. Стюард открыл двери, и в лицо нам пахнул теплый ароматный ветерок. Все вокруг было объято отрадной, абсолютной тишиной. Самолет окружила кучка индейцев, на фоне пустой саванны они казались ордой монголов в среднеазиатских степях. Это были единственные люди на двести миль окрест. Повсюду вокруг простиралась саванна — мили и мили волнующейся травы, серебристо сверкавшей под дуновениями ветерка; единственным признаком жилья здесь была какая-то необыкновенная постройка ярдах в ста поодаль — что-то вроде стоящей на столбах соломенной крыши без стен. Под крышей была манящая тень, поэтому мы подошли к навесу и сели.

— Ты уверен, что это Каранамбо? — спросил Боб.

— Так утверждает стюард.

— Не сказал бы, что это перенаселенное местечко, — заметил Боб, критически озирая кучку индейцев.

Примерно в полумиле справа посреди саванны возвышалась бровка пыльно-зеленого леса. Внезапно из леса появился автомобиль: прыгая и рыская в траве, он мчался на нас, оставляя за собой тучу красной пыли. Вот он подкатил к навесу, под которым мы сидели, и из него выскочил толстый загорелый человек.

— Мак-Турк, — кратко представился он, подходя к нам и протягивая руку.

Я начал извиняться, что мы приехали без предупреждения, но Мак-Турк сказал, что до него уже дошел слух о нашем приезде и он не явился для него неожиданностью.

— Это весь ваш багаж? — спросил он, скептически оглядывая жалкую кучку наших пожитков.

Я объяснил, что нам поневоле пришлось путешествовать налегке.

— Ожидал, что вы привезете с собой кучу сетей, веревок и прочих вещей, — только и заметил Мак-Турк.

Забрав с самолета почту и товар, Мак-Турк побросал наши пожитки в прицеп, и мы с умопомрачительной скоростью понеслись по саванне. Машина мчалась по колее, пробитой в краснозем, лавируя между большими травянистыми кочками, рытвинами и трещинами, словно охотящаяся за насекомыми ласточка, а прицеп скакал и мотался позади, как консервная банка, привязанная к хвосту вертлявой собачонки. Индейские мальчишки, сидевшие в прицепе, смеялись и болтали, крепко ухватившись за борта, чтобы не вывалиться в траву. Завывая мотором, выбрались мы из травы и нырнули в лес, лавируя между деревьями по извилистой дороге, затем с головокружительной быстротой пересекли еще один кусок саванны, зигзагами промахнули еще один островок леса и выехали на прогалину, где стоял дом Мак-Турка. Куры так и прыснули врассыпную из-под колес машины, а когда мы подрулили к дому, навстречу нам с яростным лаем бросилась стая собак. Затем показалась и сама миссис Мак-Турк, стройная и смутлая, одетая в голубые джинсы, что ей очень шло.

Дом Мак-Турка оказался в высшей степени оригинальным и восхитительным жилищем, я такого никогда не видел. Это был квадратный, сложенный из красного кирпича дом, покрытый огромной конической соломенной крышей, придававшей ему вид гигантского тропического улья. Потолков в комнатах не было, и, задрав голову, можно было увидеть вершину конуса кровли, маячившую где-то на высоте пятидесяти футов, а взобравшись на стул, можно было заглянуть поверх стены в соседнюю комнату. Больше того, в главной жилой комнате были полностью возведены лишь две внутренние стены, а внешние возвышались лишь фута на два от земли, так что за едой вы могли любоваться фруктовым садом и спускавшейся к реке рощей. Обстановка этой комнаты состояла из радиотелефона, огромного стола, нескольких гамаков, подвешенных в стратегически важных пунктах, и одного-двух стульев. Стены были украшены разнообразным диковинным оружием: луками и стрелами, сарбаканами, дробовиками и винтовками, копьями и удивительными головными уборами из перьев, а в промежутки со всем этим были развешаны для просушки пучки кукурузы.

А Когда мы завтракали в этой чудесной комнате, я узнал новость, сразившую меня наповал: в Каранамбо нет и никогда не было магазина. А еще хуже то, что у Мак-Турка нет ни ящиков, ни дерева, которое можно было бы пустить под клетки для животных. Похоже, Мак-Турк необычайно потешался тем, что в Джорджтауне нашлись глупцы, возомнившие, будто в Каранамбо есть магазин, и чем больше я мрачнел, тем веселее он становился.

— То-то я удивился, почему с вами нет сетей и всего такого прочего, — говорил он. — Я как услышал, что едут звероловы, так сразу подумал: вот уж, наверно, привезут с собой ворох всяких капканов, веревок и прочего снаряжения.

После завтрака Мак-Турк, чтобы хоть немного развлечь нас, предложил отправиться с ним на рыбалку вниз по реке. Это давало нам возможность присмотреться к местности и сделать наметки на будущее. Мы спустились через рошу к реке и вышли к крохотной бухточке, где стояла целая флотилия лодок. Тут были и местные каноэ, и лодки, похожие на спасательные шлюпки, а также широкий короткий ялик с подвесным мотором. Мак-Турк забрался в ялик и стал возиться с мотором, а мы с Бобом прилегли на берегу покурить. Только мы улеглись, как на нас безжалостно набросились полчища крошечных черных мушек. Величиной чуть побольше булавочной головки, кусались они совершенно несоразмерно своему росту. Казалось, будто в тебя по всему телу тыкают тысячи зажженных сигарет, и вот мы с Бобом прыгаем по берегу, с чертыханьем хлопая себя то тут, то там и лихорадочно опуская закатанные рукава рубаш. Мак-Турк с интересом наблюдал за нашими пируэтками.

— Это мухи кабура, — пояснил он. — Сейчас они еще не так злы. Вот видели бы вы их в дождливый сезон, их тогда тьма-тьмущая.

Кабура не переставали покушаться на нас, пока ялик не вытолкнули на середину реки и не заработал мотор. Несколько мушек увязалось за нами, но в конце концов мы оторвались и от них. Мак-Турк объяснил, что кабура живут исключительно в сырых местах и в сухой сезон встречаются лишь по берегам рек. В дождливый же сезон, когда обширные пространства саванны заливаются водой, мухи, так сказать, получают гораздо большую дальность и всемерно этим пользуются, несметными полчищами набрасываясь на человека, который отважится выйти в саванну без всякой защиты.

Река была коричневатого цвета, не особенно широкая, но глубокая и быстрая. На поворотах ее подернутые рябью воды нагромодили большие отмели из золотистого песка, усеянные гниющими стволами упавших деревьев и большими плитами гладкого серого камня. Заросли по берегам были невысокие, но очень густые и запутанные, причем не того сочно-зеле-

ного оттенка, какого естественно ожидать от соседства с таким обилием воды, а какие-то серовато-оливковые, пыльные и заскорузлые. Мак-Турк, непринужденно развалясь на корме, знакомил нас с местностью. Лучшего проводника нельзя было и желать: он здесь родился и вырос и знал этот край не хуже любого индейца, если не лучше.

Перво-наперво я спросил Мак-Турка, водятся ли в реке электрические угри; мне очень хотелось добыть несколько экземпляров. Он ответил, что их тут полно, и в подтверждение своих слов направил ялик к берегу и высадил нас на отшлифованные водой и уложенные наподобие ступеней каменные плиты. По этой серой лестнице из камня он повел нас наверх, и, поднявшись футов на шесть над водой, мы вышли к нескольким глубоким, шириной фута в два каждая, скважинам, очевидно, уходящим в глубину земли и наполненным прозрачной медно-красной водой. Велев нам внимательно слушать, Мак-Турк, громко притопывая, стал обходить скважину. После короткой паузы сквозь камень у нас под ногами послышались какие-то храпящие, хрюкающие звуки.

— Электрические угри, — сказал Мак-Турк. — Они живут в этих скважинах. Но у них есть и подводные проходы в реку. Если как следует потопать, они испугаются и уплывут, и тогда можно подстрелить их в реке.

Он снова затопал ногами, и из-под плит донеслось неистовое хрюканье, странные булькающие, рыгающие звуки, которые скорее можно ожидать от свиньи в хлюпающем свинарнике, чем от электрического угря, укрывшегося в своей подводной норе. Но вот мы снова двинулись вниз по реке, и Мак-Турк сказал, что, на его взгляд, ходячее мнение об опасности электрических угрей сильно преувеличено; слов нет, они далеко не идеальные компаньоны для купающихся, но он не думает, что они настолько агрессивны и смертоносны, как уверяют. Я решил воздержаться от комментариев на этот счет до тех пор, пока не познакомлюсь с ними поближе.

После гнездилища электрических угрей река давала несколько плавных излучин, и, миновав одну из них, мы увидели огромную отмель, а на ней трех самых фантастических птиц, каких мне когда-либо приходилось встречать. У них был черно-белый наряд, очень короткие ноги и длинные клювы, ярко раскрашенные желтым, красным и черным, которые словно перетягивали вперед все их тело. Они вперевалку похаживали по песку на своих коротеньких ножках, тыча в нашу сторону большущими клоунскими носами и издавая недовольные тревожные крики. На расстоянии их клювы казались необычайно уродливыми, и, лишь рассмотрев птиц в бинокль, я понял почему. Нижняя часть клюва у них была значительно длиннее верхней, а потому казалось, будто им отрубили два-три дюйма верхней половинки клюва. Обкорнанный клюв, да еще ярко раскрашенный, и прида-

Двал птицам в высшей степени необычный вид. Однако водорез — так зовут эту птицу — вовсе не урод: подрубленный разноцветный клюв — такая же «ошибка природы», как и ленивец Бюффона, иначе говоря, тщательно разработанное хитроумное приспособление, помогающее птице добывать пищу. Время от времени случается видеть на книжном прилавке книгу, автор которой, прилежно описывая какие-нибудь «Удивительные факты в мире животных», неизбежно впадает в восторг по поводу многообразия птичьих клювов. Список имен обычно начинается с пеликанов и фламинго. О водорезах либо совсем забывают, либо едят очень редко, хотя в мире птиц они наверняка обладают самым необычным клювом. Водорез летает с раскрытым клювом над самой водой — отсюда его название. Его длинная нижняя челюсть вспарывает поверхность воды, как лезвие ножниц вспарывает ткань, и птица зачерпывает челюстью мальков и прочую живность, составляющую ее пищу. Будь обе половинки клюва одинаковой длины, этот трюк не так легко бы ей удавался, а потому природа заботливо убрала лишнюю часть клюва. Беспокойно переступая на своих коротеньких ножках, водорезы наблюдали за нашим приближением. Наконец мотор чихнул в последний раз и затих, нос ялика, мягко шурша, вошел в песок, и все три птицы поднялись в воздух, повернули свои пестрые носы вниз по течению и полетели прочь, переговариваясь между собой протяжными щебечущими криками.

На песке виднелось множество цепочек следов, в которые вплетались и следы водорезов — они ветвились на песке наподобие ствола плюща. Один из следов вел от кромки воды к гребню отмели. Это была длинная гладкая борозда, словно по песку прокатали тяжелый шар, по бокам борозды шли глубокие короткие насечки. След кончался круглой площадкой, будто песок тут был грубо прибит лопатой. Я с удивлением рассматривал этот странный след.

— Это черепаха выходила откладывать яйца, — пояснил Мак-Турк.

Он подошел к концу следа и разгреб песок. В ямке, дюймах в шести от поверхности, лежало с десяток покрытых тонкой кожистой скорлупой яиц размером чуть поменьше куриных. Мак-Турк надорвал на одном яйце скорлупу, так что стал виден клейкий белок и яркий желток, и опрокинул его содержимое в рот. Я последовал его примеру. Черепашьи яйца оказались необычайно вкусны: в сыром виде, слегка прогретые солнцем, они имеют чудесный сладковатый ореховый привкус. Мы расположились на песке и за один присест уничтожили все яйца. Чуть поодаль на берегу я нашел еще одну кладку, эти яйца мы захватили с собой на ужин. Сваренные вкрутую, они напоминали по вкусу сладкие каштаны.

Обтерев с губ желток, мы прошли отмель и нырнули в густой лес, который в действительности оказался всего-навсего густой и узкой полосой деревьев, окаймлявших реку, так что вскоре мы снова очутились в саванне по пояс в шуршащей, подсушенной солнцем траве. Идти было трудно: взаперемежку с обычной для саванны грубой травой тут росла еще какая-то другая, самая вредная из всех, какие попадались мне на жизненном пути. Росла она собранными в большие пучки тонкими изящными листьями футов семи в длину, сочными и прохладными, которые с поистине макиавеллиевским коварством стлались и извивались у нас под ногами. Ребро такого листа острее лезвия бритвы и сплошь усеяно микроскопическими зазубринами — ни дать ни взять ножовка, да и только. Малейшее прикосновение — и кожа покрывается десятками порезов, длинных и глубоких, словно разрез скальпелем. Попробовав отвести голой рукой пучок этих листьев, я весь изрезался и искровенился, и вид у меня стал такой, будто я схватился с парой ягуаров. А Боб, с трудом отличавший одну траву от другой, присел отдохнуть на большущий пучок бритвы-травы и констатировал это через свои брюки.

Пройдя злаковник, мы вновь вышли к островку леса. Деревья тут росли вокруг безмятежного озера, в которое впадала небольшая ленивая протока реки. Озеро было почти круглое, и в самом его центре, уходя стволom футов на шесть в воду, росло высокое прямое дерево, увешанное фантастическими плодами — странными бутылкообразными гнездами, сплетенными из пальмовых волокон и травы. Тут же порхали с ветки на ветку и ныряли в гнезда их владельцы — желтоспинные кассики, птицы величистой с дрозда; у них было лимонно-желтое с черным оперение и длинные острые клювы цвета слоновой кости. Вместе с подвешенными гнездами и множеством порхающих и присвистывающих ярко окрашенных птиц дерево до мельчайших подробностей отражалось в тихой, медового цвета воде. Время от времени зеркало воды разбивалось упавшим с дерева листом или веткой, и тогда отражение на секунду дробилось и расплывалось.

Мы присели полюбоваться птицами, как вдруг водная гладь у берега всколыхнулась, пошла морщинами, и над водой показалась длинная корявая морда с выпученным глазом.

— Одноглазый, — сказал Мак-Турк, глядя, как кайман приближается к тому месту, где мы сидели. Его голова скользила над поверхностью воды почти неуловимо для глаза. Когда он подплыл совсем близко, стало видно, что одна из его глазниц пуста и сморщена. Двигался он таким образом, чтобы все время держаться к нам своей зрячей стороной. Сколько помнит себя Мак-Турк, кайман этот всегда был властителем озера, а как он потерял глаз — одному богу известно. Быть может, глаз был выбит индейской стре-

Д лой, быть может, кайман схлестнулся с ягуаром, и тот выцарапал ему глаз когтями. Как бы там ни было, он остался в живых и, подобно Нельсону пресмыкающихся, здравствовал в озере, властвуя над кайманами поменьше.

Кайман подплыл к нам на расстояние тридцати футов, затем повернул и направился в дальний конец озера. Плыл он слепой стороной к нам. Мак-Турк взял сук и стукнул им по стволу дерева. Эхо гулко разнеслось над водой, птичий гомон смолк. Одноглазый быстро и плавно погрузился и вновь всплыл на поверхность, устремив на нас свой целый глаз. Мы двинулись по берегу в обход озера, а он выплыл на середину и медленно кружился там наподобие волчка, настороженно следя за нами.

Мы подошли к большому дереву, оно клонилось над водой под углом в семьдесят пять градусов и было увешано длинными прядями моха и пучками крупных восково-красных орхидей. Мы забрались в его крону и очутились как бы на сказочном, заполненном орхидеями балконе высоко над водой. Под нами колыхались наши отражения: лепестки орхидей, кружась, падали в воду от наших движений и рябили ее. Мы сидели и осматривали озеро, как вдруг Мак-Турк указал на воду под нами футах в пятидесяти от берега.

Мы напрягли зрение, но, сколько ни вглядывались, над поверхностью воды все было тихо. Я уже собрался спросить, что мы высматриваем, как вдруг раздался громкий всплеск, что-то мелькнуло над водой и пропало, оставив после себя лишь легкую рябь да струйку поднимающихся с глубины золотистых пузырьков.

— Арапаима, — с удовлетворением констатировал Мак-Турк. — Плы-
вет сюда. Смотрите вниз.

Решительно настроенный не упустить такое зрелище, я уставился в воду. Плеск раздался еще и еще, он все приближался, и вот совершенно неожиданно мы увидели большую рыбину, она лениво проплывала в прозрачной янтарной воде под нами. На какое-то мгновение показалось ее массивное торпедообразное тело, высокий плавник, словно веер украшавший ее спину, и хвост, слишком тупой и короткий для рыбы таких размеров, — и вот уже она пропала в многоцветном отражении дерева, и мы ее больше не видим.

К сожалению, это был первый и последний случай, когда нам довелось увидеть арапаиму, одну из крупнейших пресноводных рыб, хотя они обычны в реках и озерах бассейна Рупунуни. Эти грандиозные рыбы вырастают до шести-семи футов длиной и весят от двухсот до трехсот фунтов. По словам Мак-Турка, самая большая из пойманных рыб достигала девяти футов в длину. Арапаимы настолько крупные и проворные рыбы, что, пожалуй, их единственные враги — человек да вездесущий ягуар. Человек охотится

на них с копьем или луком, у ягуара свой метод. Он ловит момент, когда рыба подплывет поближе к берегу, а затем бросается в воду и ударами мощных лап, совсем как кошка бумажку, начинает выбрасывать рыбу на берег.

Мак-Турк сказал, что не составит труда добыть арапаиму с помощью копья, если мне хочется осмотреть ее, но мне просто совестно было убивать такое великолепное животное ради своей прихоти, а о том, чтобы поймать рыбу живьем, не могло быть и речи: если б даже это удалось, встала бы проблема доставки ее к побережью в нескольких сотнях галлонов воды. Даже я при всей своей неистовой страсти к животным был вынужден отказаться от мысли взять с собой в Джорджтаун живую арапаиму.

Мак-Турк сообщил нам любопытный факт об этой рыбе — факт, насколько мне известно, еще никем не отмеченный. В период выведения потомства у самки арапаимы появляется на голове нечто вроде железы, источающей белую, похожую на молоко жидкость. Мак-Турк утверждал, что не раз видел, как мальки собираются вокруг головы матери и, по-видимому, питаются этим молоком. Это было поразительно, и я все надеялся, что, пока мы будем на Рупунуни, посчастливится увидеть это, но нам не повезло. Открытие рыбы, которая «вскармливает» свою молодь, произвело бы сенсацию среди зоологов и ихтиологов.

Некоторое время мы сидели на дереве в надежде увидеть еще одну арапаиму, но вода внизу оставалась тихой и безжизненной. Тогда мы слезли с дерева и пошли кругом на противоположный берег. Здесь на мелководье Мак-Турк показал нам индейский способ рыбной ловли. Он снял с плеча небольшой лук — хилое и совершенно никчемное с виду оружие, приладил к тетиве тоненькую стрелу, зашел по колено в темную воду и несколько минут стоял неподвижно. Потом он вдруг поднял лук и тренькнул тетивой. Стрела беззвучно, без всплеска ушла в воду футах в пятнадцати перед ним и первое время торчала стоймя, так что над поверхностью виднелось дюймов пять ее древка, а потом словно обрела самостоятельную жизнь: вздрогнула, задергалась и быстро пошла зигзагами в воде в вертикальном положении. Через минуту-две древко стало все больше и больше подниматься над водой, потом наклонилось и почти плашмя легло на воду. На конце стрелы, в расплывающемся пятне крови, лежала большая серебристая рыба; стрела вошла ей в спину всем наконечником и частью древка. Вплоть до той минуты, пока рыба не всплыла на поверхность, я не видел в воде ничего, кроме пляшущей стрелы. Это оттого, что я смотрю с берега, решил я, вошел в воду и стал рядом с Мак-Турком. Некоторое время мы стояли молча и ждали, потом Мак-Турк сказал:

— Вон там... вон у того бревна, видите?

Д Я посмотрел туда, куда он указывал. Поверхность воды была как запыленное зеркало, и ничего особенного я не увидел. Но Мак-Турк видел. Он поднял лук и снова выстрелил, и вот уже вторая рыба всплыла на поверхность, нанизанная на древко стрелы. Мак-Турк трижды стрелял при мне таким образом, но я ни разу не видел рыбу до того, как она всплывала на поверхность со стрелой в спине. Многолетняя практика баснословно обострила его зрение, и он успевал увидеть едва заметную тень под водой, определить направление движения, сделать поправку на преломление и выстрелить до того, как я вообще что-либо замечал.

Когда мы вернулись к отмели в основное русло, где стоял наш ялик, Мак-Турк ненадолго оставил нас одних, и мы с Бобом, чтобы скоротать время, стали искать черепашины яйца, но безуспешно, и тогда я решил искупаться. Дно реки, полого понижаясь, длинной отмелью уходило в воду и лежало не глубже шести дюймов от поверхности. Место выглядело вполне безопасным для купания, и вскоре Боб присоединился ко мне. Некоторое время спустя, забравшись по отмели чуть подальше в реку, он позвал меня к себе и с гордостью указал на какие-то большие круглые ямы в песке. Сядешь в такую вот ямину, погрузишься по подбородок в воду — и чувствуешь себя словно в самой природой созданной ванне. Мы с Бобом выбрали себе по яме, разлеглись в них и — трулля-ля! — весело запели. Кончив купаться, мы, как два слабоумных, запрыгали по песку, чтобы обсушиться. Только мы начали одеваться, как появился Мак-Турк, и я принялся расписывать ему отмель — чудесное место для купания.

— А те ямы, что нашел Боб, нарочно не придумасшь, — сказал я. — Сидишь в воде как раз по подбородок.

— Ямы? — переспросил Мак-Турк. — Какие ямы?

— А те, что в песке, вроде кратеров, — пояснил Боб.

— Вы в них сидели? — продолжал допрашивать тот.

— Ну да, — ничего не понимая, отвечал Боб.

— А что, они какие-нибудь особенные? — спросил я.

— Да нет, если не считать того, что они сделаны скатами, — отвечал Мак-Турк, — и если бы вы уселись на ската, вы бы и без меня узнали что к чему.

Я взглянул на Боба.

— А они большие? — нервно спросил он.

— Да обычно как раз умещаются в яме, — ответил Мак-Турк.

— Господи боже! Я сидел в яме чуть ли не с ванну величиной! — воскликнул я.

— Ну да, бывают и такие, — сказал Мак-Турк.

К ялику мы возвращались в молчании.

Когда мы двинулись обратно вверх по течению к Каранамбо, река под закатным солнцем превратилась в сверкающую дорожку из расплавленной меди, над ней белоснежными цаплями плыли облака. В тихих затонах играли рыбы — внезапный всплеск, золотистые круги по воде. Наконец ялик, тарахтя мотором, обогнул последнюю излучину и протиснулся к своему месту посреди необычной флотилии, собравшейся в бухточке; мотор почихал и затих, над рекой воцарилась тишина, которую нарушали хриплые крики больших жаб на противоположном берегу.

— Как насчет купания? — спросил Мак-Турк, когда мы вылезли из ялика.

Я взглянул на сумеречную реку.

— Здесь? — спросил я.

— Ну да, я всегда здесь купаюсь.

— А пирайи?

— О, здесь они вас не потревожат.

Успокоенные этим заверением, мы разделись и скользнули в теплую воду. Течение напирало и дрожью отдавалось в теле. Футах в тридцати от берега я нырнул и не мог достать дна, уже на глубине шести футов вода была холодна как лед. Мы знай себе плавали, как вдруг со стороны небольшого островка, расположенного посреди реки, футах в полутора от нас, донесся всхрип и громкий плеск.

— Что это? — спросил я Мак-Турка.

— Кайман, — исчерпывающе объяснил он.

— Они что, не нападают? — как бы невзначай спросил Боб, вставая солдатиком в воде и оглядываясь через плечо, далеко ли до берега.

Я тоже оглянулся и обнаружил весьма удивительную вещь: всего две-три минуты назад я думал, что до берега рукой подать, а теперь мне казалось, что нас отделяют от суши чуть ли не несколько миль водного пространства.

Мак-Турк стал уверять, что кайманы никогда не нападают на человека, но нам уже было не до купания, и мы быстрехонько выскочили на берег. Много ли радости купаться в реке, когда под тобой пятнадцать футов темной воды и ты знаешь, что там, в этой черной глубине, могут быть и электрические угри, и стаи алчущих пирай, и обходящий дозором свои владения кайман? Когда мы оделись, Мак-Турк направил луч карманного фонаря в сторону островка, и мы насчитали шесть пар красных, как раскаленные угли, глаз, светившихся над водой.

— Кайманы, — повторил Мак-Турк. — Их тут полно. Ну что, пошли ужинать?

И он первым двинулся между деревьями к дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗА МУРАВЬЕДОМ

Поймать гигантского муравьеда было одной из главных причин, почему мы отправились на Рупунуни: мы слышали, что ловить муравьедов в саванне куда проще, чем в гвианских лесах.

Прилетев в Каранамбо, мы три дня только и говорили что о муравьедах, и Мак-Турк пообещал нам устроить это дело. В одно прекрасное утро сразу же после завтрака перед нашим домом возник коренастый индеец, возник пугающе безмолвно, как это они умеют делать. У него было бронзовое, монгольского типа лицо и карие раскосые глаза, которые могли бы показаться хитрыми, если бы не робкий огонек, светившийся в них. Одет он был куда как просто: жалкие остатки рубахи и брюк, а на голове с гладкими черными волосами нелепая, сооруженная из материала, некогда именовавшегося бархатом, шляпа, какую носят разве что феи в сказках. Всякий, кто ожидал увидеть перед собой свирепого воина в пестром головном уборе из перьев и с раскрашенными племенными знаками из глины, испытал бы немалое разочарование. Но как бы там ни было, от него веяло суровой уверенностью в себе, и это обнадеживало.

— Фрэнсис, — сказал Мак-Турк, указывая на явившееся нам привидение. — Похоже, он знает, где можно найти муравьеда.

Знай он, где можно найти крупную золотоносную жилу, мы не обрадовались бы ему больше. Из разговора с ним выяснилось, что он знает, где был муравьед три дня назад, но осталось ли животное на прежнем месте — это вопрос. Мак-Турк сказал, что это надо проверить, и, если муравьед все еще там, пусть Фрэнсис приходит за нами, и мы отправимся на поимку зверя. Робко улынувшись, Фрэнсис согласился. В тот же день он ушел и вернулся наутро с вестью, что он определил местонахождение муравьеда и может провести нас к тому месту.

— Как туда добираться? — спросил я у Мак-Турка.

— На лошадях, конечно, — ответил он. — Брать джип нет смысла. Придется здорово мотаться по саванне, джип для этого не годится.

Я повернулся к Бобу.

— Ты умеешь ездить верхом? — с надеждой спросил я.

— Мне случалось влезать на лошадь, если ты это имеешь в виду, — осторожно ответил он и поспешно добавил: — Только на очень спокойную, конечно.

— Думаю, мы сдюжим, если вы дадите нам пару добрых смирных коняг, — сказал я Мак-Турку.

— О, я подберу вам пару смирных лошадей, — ответил Мак-Турк и начал утрясать с Фрэнсисом детали. Немного погодя он сказал нам, что мы должны встретиться с Фрэнсисом завтра утром в условленном месте милях в двух от дома. Оттуда начнется наш путь в неизвестное.

Приятных золотисто-зеленых тонов саванна лежала в первых лучах солнца, когда мы выехали на джипе к далекой кромке деревьев, где была назначена встреча с Фрэнсисом. Небо было нежно-голубое, цвета крыла сойки, высоко над нами медленно кружили два крохотных ястреба, отыскивая в просторах саванны свой завтрак. Над рыскающим носом джипа проносились прыгучие, как искры фейерверка, стрекозы, сзади вихрем изметалась рыжеватая пыль. Мак-Турк, небрежно держа одной рукой баранку, другой нахлобучил шляпу на лоб и, склонясь ко мне, заговорил, то и дело переходя на крик, чтобы перекрыть шум ветра и мотора:

— Этот индеец... Фрэнсис... Не мешало бы предупредить вас... Он иной раз бывает чуть-чуть того... возбужденным... какие-то припадки, что ли... говорит, будто все кружится у него в голове... Вот почему-то и сегодня... Так что не мешает предупредить вас... Разумеется, это совершенно не опасно...

— Вы уверены, что это не опасно? — прокричал я в ответ, чувствуя, как вдоль спины у меня пополз холодок.

— Совершенно уверен.

— О чем вы? — поинтересовался Боб с заднего сиденья.

— Мак-Турк говорит, у Фрэнсиса припадки, — успокоил я его.

— Чего-чего? — переспросил Боб.

— Припадки.

— Припадки?

— Ну да... Он становится иной раз чуточку того... Но Мак-Турк говорит, это не опасно.

— Господи боже! — гробовым голосом произнес Боб и, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза с выражением крайнего мученичества на лице.

Мы подъехали к деревьям и увидели Фрэнсиса. Он сидел на корточках в своей сказочной шляпе, лихо сдвинутой набекрень. Позади него жалкой кучкой стояли лошади, понуриив головы и тряся поводьями. На них были чрезвычайно неудобные на вид седла с высокой лукой. Мы вытряхнулись из джипа и с несколько нарочитой приветливостью поздоровались с Фрэнсисом. Мак-Турк пожелал нам удачной охоты, развернулся и дал газ. Лошади так и взвились на дыбы, звеня всеми своими уздечками и стремянами. Фрэнсис насилу утихомирил их и подвел к нам для осмотра. С одинаковым недоверием мы уставились на них, они на нас.

Д

— Какую возьмешь? — спросил я у Боба.

— Я думаю, это не имеет значения, — ответил он. — Впрочем, мне больше нравится вот эта, гнедая, раскосая.

Мне досталась большая, серая, оказавшаяся чертовски норовистой. Я бодро-весело позвал ее, но, когда подступил поближе, она, приплясывая, шарахнулась в сторону и сверкнула на меня белками глаз.

— Стой, малыш, — хриплым голосом ворковал я, пытаюсь вдеть ногу в стремя.

— Это не он, а она, — внес существенную поправку Боб.

Наконец я исхитрился взгромоздиться на костлявую спину своей клячи и судорожно ухватился за поводья. Животина Боба оказалась как будто более покладистой: она покорно позволила ему взобраться на себя, но только он утнезвился в седле, как она потихоньку, но с яростной целеустремленностью начала пятиться задом и, я уверен, дошла бы так до самой бразильской границы, если бы путь ей не преградил большой колючий куст. Упершись в него, она стала как вкопанная — и ни с места.

Тем временем Фрэнсис вскочил на свою свирепую черную лошадь и потрусил по тропе. Насилу переупрямив свою скотину, я последовал за ним. Поощрительные возгласы Боба, которыми он подбадривал свою лошадь, затихали вдаль. Мы миновали поворот, и Боб пропал из виду. Потом он догнал нас. Его лошадь шла каким-то замысловатым аллюром, помесью шага с рысью, а Боб болтался в седле, судорожно сжимая в руке длинную ветку, которой охаживал бока лошади всякий раз, как только представлялась возможность. Я натянул поводья и с интересом наблюдал эту картину.

— Ну, как езда? — спросил я, когда он поравнялся со мной.

Боб бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Все бы... ничего... если б только... она шла... как следует, — проговорил он, ловя паузы между толчками.

— Погоди чуток, — сказал я, желая помочь ему. — Я подъеду и шлепну ее разок.

Сзади Боб и его конь выглядели так, словно они исполняют какую-то замысловатую румбу сугубо латиноамериканского происхождения. Я пустил свою лошадь рысью и, поравнявшись с трясущимся впереди крупом Бобовой лошади, подобрал поводья и нагнулся, чтобы дать ей плепка. И тут случилось непредвиденное. Моей лошади, которая вплоть до этой минуты вела себя образцово, вдруг почудилось, что я ни с того ни с сего подло и вероломно покушаюсь на ее жизнь. Собравшись в комок, она с проворством кузнечика скакнула вперед. Мимо меня промелькнуло удивленное лицо Боба — и вот уже мы мчимся по тропе к Фрэнсису. Когда я поравнялся с ним, он повернулся в седле и, широко осклабившись, подбодрил свою ло-

надь ударами поводьев по шее. Не успел я сообразить что к чему, как мы уже голова в голову мчались галопом вниз по тропе, причем Фрэнсис какими-то неслыханными гортанными выкриками поощрял свою лошадь наддаться ходу.

— Фрэнсис! — завопил я. — Это тебе не гонки! Я хочу остановиться, понимаешь, остановиться!

Эта мысль медленно, но верно внедрялась в сознание нашего проводника, и выражениис крайнего разочарования расплзлось по его лицу. Он нехотя осадил свою лошадь, и, к моему величайшему облегчению, моя последовала ее примеру. Мы подождали Боба, и я установил новый порядок следования: Фрэнсис впереди, Боб за ним, а я замыкающим, чтобы поддерживать Бобову конягу на должной высоте. Так тихим шагом мы продолжали свой путь.

Солнце уже изрядно припекало, простор саванны, лежащей перед нами, мерцал в его лучах: травянистое пространство на многие мили вперед, золотисто-зеленое и буро-коричневое, а вдали, словно на самом краю света, гряда волнистых зеленовато-голубых гор. И во всем этом океане травы ни малейшего признака жизни; двигались только мы и наши тени. Два с лишним часа пробирались мы в высокой, по колено, траве. Фрэнсис ехал впереди, он расхлябанно болтался в седле, шляпа сползла ему на глаза. Он явно спал. Однообразный пейзаж и жаркое солнце клонили в сон, и по примеру нашего проводника мы тоже задремали.

Но вот я открыл глаза и с удивлением увидел на равнине саванны впадину — нечто вроде большого овального кратера с отлогими склонами; в центре его лежало окаймленное тростником озеро, берега которого были покрыты чахлым, редким кустарником. Когда мы проходили мимо озера, оно вдруг ожило: маленький кайман скользнул в неподвижную воду, едва взвзбыв ее; по тому берегу торжественно прошествовали десять ябиру, задумчиво глядя вдоль своих длинных носов; в кустах запорхало и защибетало множество крошечных птичек.

— Боб, проснись, полюбуйся животными! — сказал я.

Боб сонно вытаращил глаза из-под полей шляпы, невнятно промычал «ммм...» и снова заснул.

По тропе, между медленно переступающими копытами моей лошади, сновали две изумрудно-зеленые ящерицы; они были настолько заняты взаимным преследованием, что не обращали на нас никакого внимания. А вот крошечный пегий зимородок упал с ветки в озеро и снова взмыл ввысь с добычей в клюве. Золотисто-черные стрекозы совершали свой танец над тростником и неподвижно повисали над крохотными орхидеями, розовой дымкой стлавшимися над болотистой почвой. На расщепленном пне воссе-

А дала пара черных грифов, с мрачной надеждой они воззрились на нас — обстоятельство малоутешительное, если учесть умственное состояние нашего проводника. Миновав озеро, мы вновь углубились в саванну, щебет птиц замер позади. И вот уже только слышно, как ноги лошадей со свистом рассекают траву. Я вновь задремал.

Проснулся я от толчка — лошадь остановилась. Оказалось, что наш проводник тоже проснулся и сидит в седле, обозревая равнину с видом побитого Наполеона. Местность перед нами была ровная, как шахматная доска; слева от нас она слегка повышалась и была покрыта большими пучками травы и низкорослым кустарником. Я подъехал к Фрэнсису и вопросительно поглядел на него. Размахивая своей смуглой рукой, он указал на местность и стал что-то мне объяснять. Я понял, что мы достигли владений муравьеда.

— В чем дело? — спросил Боб.

— Похоже, это то самое место, где он видел муравьеда.

Фрэнсис, клятвенно заверил нас Мак-Турк, говорит по-английски, и вот настал великий момент, когда он должен был подробно объяснить нам тактику охоты. Глядя на меня в упор, он издал ряд звуков, равных которым по невразумительности мне редко доводилось слышать. Он вновь повторил сказанное, но, как я ни вслушивался, я не мог уловить ни одного знакомого английского слова. Тогда я обратился к Бобу, который беспокойно ерзал в седле, не принимая участия в разговоре.

— Помнится, ты говорил, что умеешь объясняться на каком-то индейском диалекте?

— Верно, но то были парагвайские индейцы, вряд ли их язык имеет что-либо общее с языком здешних.

— Ты можешь вспомнить несколько слов?

— Наверное, смогу. Так, кое-какие обрывки.

— Ну так попробуй разобрать, что говорит Фрэнсис.

— А разве он не говорит по-английски? — изумленно спросил Боб.

— Насколько я понимаю, это может быть все, что угодно, вплоть до патгонского. А ну-ка, Фрэнсис, повтори все сначала.

Со страдальческим выражением на лице Фрэнсис повторил свою маленькую речь. Боб, нахмурившись, внимательно слушал.

— Нет, — сказал он наконец, — ничего не понимаю. Это решительно не английский.

Мы смотрели на Фрэнсиса, он с сожалением смотрел на нас. Но вот его словно осенило, и с помощью многочисленных жестов и пронзительных криков он в конце концов все нам объяснил.

Это то самое место, где он видел муравьеда. Он, наверное, спит где-нибудь поблизости — тут Фрэнсис сложил руки на груди, закрыл глаза и из-

дал громкий храп. Нам следует вытянуться в цепочку и прочесывать траву, производя как можно больше шума.

Итак, мы стали в шеренгу с интервалами в тридцать ярдов и с буйными криками и тирольскими подвываниями пустили лошадей сквозь высокую траву, чувствуя себя в душе идиотами. Фрэнсис, шедший справа от меня, с величайшей правдоподобностью имитировал заливающуюся лаем стаю собак, слева в исполнении Боба лились отрывки из «Лок-Ломонд» вперемежку с пронзительными «Кш! Кшш!» — сочетание звуков, перед которыми не устоял бы ни один муравьед.

Мы прошли таким манером вот уже с полмили, я докричался до хрипоты и начал сомневаться, был ли муравьед, да и вообще водятся ли они в Гвиане. Мои восклицания утратили первоначальный пыл и стали походить скорее на унылое карканье одинокой вороны.

Но вот Фрэнсис вдруг издал торжествующий вопль, и я увидел, как из высокой травы перед ним метнулось что-то темное. Я повернул лошадь и по весь опор помчался на зверя, одновременно клича Боба. Под моими беспрепятственными попуканиями лошадь отчаянно спотыкалась, перескакивая через травянистые кочки и глубокие трещины. Зверь выскочил из-под прикрытия высокой травы и резвым галопом устремился по малотравной равнине, и тут я рассмотрел, что это действительно муравьед, причем крупнее всех тех, каких мне приходилось видеть в певоле. Бежал он с поразительной быстротой, мотая с боку на бок большой, похожей на сосульку мордой, а его лохматый хвост, словно флаг, струился за ним. Фрэнсис висел у него на пятках, на скаку разматывая лассо и дикими отрывистыми криками подгоняя лошадь. Между тем я уже выбрался из высокой травы и направил свою лошадь прямо на муравьеда, но он с первого взгляда не показался ей симпатичным, а потому она повернула и со всей решимостью и быстротой помчалась обратно. Я насилу справился с ней и кое-как завернул назад. Но все равно к месту схватки мы приблизились кособочась, тем крутообразным движением, каким бегают краб. Фрэнсис, скача галопом параллельным курсом с муравьедом, метнул лассо и накинуд петлю на голову животного. Бросок был неудачный: петля не успела затянуться, муравьед проскользнул сквозь нее, повернулся на месте и вновь устремился к высокой траве. Фрэнсису пришлось остановиться, чтобы собрать и свернуть лассо, а тем временем муравьед со всех ног неся к густому кустарнику, где его невозможно было бы заарканить. Погоняя упирающуюся лошадь, я отрезал муравьеда от кустарника и оттеснил его на равнину. Затем я пустил лошадь резвым галопом, и тут обнаружилось, что я могу следовать параллельным с ним курсом.

Муравьед продолжал скакать по равнине, шипя и фыркая своим длинным носом, глухо топоча по сожженной солнцем земле короткими лапами.

Д Фрэнсис вновь нагнал нас, крутанул два-три раза веревкой и, набросив ее на передние лапы животного, затянул петлю как раз в тот момент, когда она скользнула к его пояснице. В следующую секунду Фрэнсис уже соскочил с лошади, крепко вцепился в веревку и потащился по траве за разъяренным муравьедом. Я бросил лошадей на Боба и присоединился к Фрэнсису, болтавшемуся на конце веревки. В толстых кривых лапах и косматом теле муравьеда заключалась такая невероятная сила, что мы едва удержали его; обливаясь потом, Фрэнсис осмотрелся вокруг, затем с мычанием указал на что-то за моей спиной. Я оглянулся: ярдах в ста поодаль стояло невысокое дерево, единственное на многие мили окрест. Задышавшись и отдуваясь, мы поволокли к нему муравьеда. Добравшись до дерева, мы ухитрились затянуть еще одну петлю на теле животного, а потом принялись привязывать свободный конец веревки к стволу.

Только мы завязали последний узел, как Фрэнсис, глянув наверх, издал предостерегающий крик. Я поднял глаза: футах в двух над моей головой висело осиное гнездо величиной с футбольный мяч. Обитатели его повылазили наружу, и, мягко говоря, вид у них был крайне рассерженный. От рывков муравьеда деревцо раскачивалось, как от ураганного ветра, и осам это не нравилось. Мы с Фрэнсисом тут же молча отступили от дерева, после чего муравьед решил малость передохнуть, прежде чем заняться тяжким делом срывания веревок. Дерево перестало качаться, и осы утомились.

Мы вернулись туда, где стоял Боб с лошадьми, и достали различные вещи, предназначенные для поимки муравьеда: пару больших мешков, моток толстой бечевки и несколько кусков крепкой веревки. Вооружившись всем этим, а также страшноватым складным ножом Фрэнсиса, мы снова отправились к дереву. Мы успели как раз вовремя: муравьед сбросил с себя последнюю петлю и вперевалочку двинулся по саванне. Я с величайшим удовольствием оставил Фрэнсиса отпугивать лассо от кишащего осами дерева, а сам кинулся вдогонку за нашей добычей, поспешно сооружая на куске веревки скользящую петлю. Подбежав сбоку к животному, я попытался набросить ему на голову это импровизированное лассо, но промахнулся. Вторая попытка закончилась тем же. Так продолжалось некоторое время, и в конце концов мои пристаивания муравьеда надоели: он вдруг остановился, повернулся и встал на задние лапы мордой ко мне. Я тоже остановился, настороженно следя за ним, особенно за его большими, длиной в шесть дюймов, когтями на передних лапах. Он зафыркал, зашмыгал своим длинным носом и вызывающе поглядел на меня своими крохотными пуговками-глазами: «А ну-ка, подойди!» Я обошел его кругом, а он поворачивался вокруг своей оси, держа наготове когти. Я еще раз робко попытался на-

бросить на него петлю, но он так неистово замахал лапами и так яростно зафырчал, что я отказался от дальнейших попыток и стал ждать Фрэнсиса. «Одно дело — смотреть на животное за решеткой в благоустроенном зоопарке, — отметил я про себя, — и совсем другое дело — пытаться поймать его с помощью короткого куска веревки». Фрэнсис вдали все еще отдира лассо от дерева, стараясь не навлечь на себя ос.

Муравьед уселся на хвост и своими большими изогнутыми когтями принялся с достоинством обирать с носа травинки. Я заметил, что при шипении и фыркании у него изо рта длинными клейкими нитями свисала слюна, очень похожая на толстые нити паутины. Когда он бежал по равнине, нити слюны тащились за ним по земле, на них налипали травинки и разный мусор. Каждый раз, когда он сердито тряс головой, эти нити попадали ему на нос и на плечи и прилипали к ним как приклеенные. Теперь он решил с толком использовать перемирие, быстро умыться и привести себя в порядок. Хорошенько обчистив свой длинный серый нос, он обтер плечи о траву, встал, до смешного по-собачьи встряхнулся и поплелся к зарослям высокой травы до того неторопливо и спокойно, словно люди с лассо никогда не встречались на его жизненном пути. Однако тут подоспел Фрэнсис с веревкой, вспотевший, но не зажатый насмерть осами, и мы пустились вдогонку за муравьедом, который продолжал не спеша, будто гуляючи, брести по саванне. Заслышав за собой погоню, он снова сел и с безропотным видом уставился на нас: дескать, что с вами поделаешь. Теперь нас стало двое, и перевес сил был явно на нашей стороне. Я отвлек его, а Фрэнсис потихоньку зашел с тыла, метнул лассо и туго затянул петлю поверх его живота — и вот уже муравьед снова шпарит всю по саванне, а мы тащимся за ним на веревке. Наверное, не меньше получаса метались мы по равнине то туда, то сюда, пока не оплели муравьеда веревками так, что он лапой не мог пошевелить. После этого мы запихали его, связанного паподобие откормленного к Рождеству индюка, в большой мешок и, довольные собой, устроили вожаденный перекур.

Потом вышла заваyka. Все лошади как одна, когда мы попытались взвалить на них мешок, отказались подставлять спину под муравьеда. При приближении к лошадям он издавал долгий и громкий шип, и это вовсе не успокаивало их. После нескольких попыток мы оставили идею везти муравьеда на лошадях: они явно заражались паническим настроением друг от друга. Фрэнсис неожиданно предложил сделать следующим образом: я поведу его лошадь в поводу, а он потащит муравьеда на закорках. Признаться, меня брало сомнение, сдюжит ли он: мешок был чудовищно тяжелый, а до Каранамбо не меньше восьми миль. Я помог взвалить муравьеда ему на плечи, и мы двинулись в путь.

Д Обливаясь потом, Фрэнсис доблестно шагал все вперед и вперед, а его ноша отчаянно елозила в мешке и всячески портила ему жизнь. Солнце пекло нещадно, и ни малейший ветерок не оведал разгоряченное тело нашего муравьедоносца. Он начал что-то бормотать про себя и отстал от нас ярдов на пятьдесят. Так мы прошли с полмили по извилистой тропе, потом Боб оглянулся назад.

— Что с Фрэнсисом? — удивленно спросил он.

Я обернулся. Наш проводник положил муравьеда на землю и ходил вокруг него, оживленно жестикулируя и что-то ему доказывая.

— Какой ужас! У меня такое впечатление, что это то самое... Все кружится у него в голове, — сказал я.

— Что-что?

— Ну, так он объясняет, когда с ним бывает припадок.

— Боже милостивый! — не на шутку испугался Боб.

— Ты хоть обратную дорогу-то знаешь?

— Нет, не знаю. Ну-ка поддержи его лошадь, а я съезжу посмотрю, что с ним такое.

И я поскакал к тому месту, где Фрэнсис затеял собеседование с муравьедом. Мое появление нимало не помешало ему: он меня попросту не заметил. По выражению его лица и яростным жестам я догадался, что он самым подробнейшим образом, насколько позволял его родной язык, поминает родословную муравьеда. Предмет его поношений бесстрастно взирал на него, тихонько пуская из носа пузыри. Но вот, истощив весь свой запас слов, Фрэнсис замолк и обратил на меня полный грусти взор.

— В чем дело, Фрэнсис? — спросил я участливо и страшно глупо, ибо все и без того было ясно. Фрэнсис перевел дух и излил на меня бурный поток слов. Я внимательно вслушивался, но мог разобрать одно только слово: «бубол». Оно явно что-то означало, но, как мне казалось, к делу никакого отношения не имело. Лишь через довольно продолжительное время я уловил, что именно предлагает Фрэнсис: один из нас пусть останется при муравьеде, а двое отправятся на ферму — тут он указал на далекое пятнышко на горизонте — за этой совершенно необходимой нам вещью под названием «бубол». В надежде найти на ферме человека, сносно владеющего английским, я согласился с этим предложением и помог Фрэнсису оттащить муравьеда в тень под ближайшие кусты, а затем вернулся к Бобу.

— Придется тебе посторожить муравьеда, пока мы с Фрэнсисом будем добывать на ферме бубола, — сказал я.

— Это еще что такое? — изумленно спросил он.

— Понятия не имею. Наверное, какое-нибудь средство передвижения.

— Это твоя идея или Фрэнсис надумал?

— Фрэнсис. Он говорит, это единственный выход.

— Ладно. Но что такое бубол, в конце-то концов?

— Я не лингвист, мой милый. Наверное, что-нибудь вроде повозки. В всяком случае, на ферме должны быть люди, как-нибудь разберемся.

— Ну да, а я тем временем буду помирать от жажды, или муравьед выпустит из меня кишки, — с горечью отозвался Боб. — Лучше не придумай.

— Ерунда. Муравьед никуда не денется из мешка, а я захвачу тебе с фермы попить.

— Ну да, если ты вообще доберешься до фермы. Ты что, не понимаешь, что в своем нынешнем состоянии Фрэнсис вполне способен увести тебя за границу, в Бразилию, — так, прогуляться денька на четыре? Ну да ладно, уж видно, опять мне придется жертвовать собой ради твоего промысла.

Когда мы с Фрэнсисом тронулись в путь, он крикнул вдогонку:

— Не забывай, я приехал в Гвиану писать, а не сидеть нянькой при муравьедах, черт побери! Да не забудь привезти попить...

Как мы добрались до фермы, лучше не вспоминать. Лошадь Фрэнсиса исслась, не разбирая пути; моя, явно вообразив себе, что мы возвращаемся домой насовсем, старалась от нее не отставать. Казалось, нашей скачке не будет конца, но вот послышался лай собак, мы галопом влетели во двор и круто осадили перед длинным низким строением, совсем как останавливаются герои в ковбойских фильмах. Мне даже показалось, что вот сейчас я увижу вывеску с надписью «Салун «Золотой песок». Колоритный старик индеец поздоровался со мной по-испански. Я идиотски осклабился и прошел за ним под благословенную сень дома. На невысокой каменной кладке, выполнявшей роль стены, сидели два диковатого вида парня и красивая девушка; один из парней раздирал на полосы стебель сахарного тростника и бросал их трем голопузым ребятишкам, ползавшим по полу. Я уселся на низенькую деревянную скамейку, и вскоре девушка принесла мне чашку кофе; я пил кофе, а старик завел со мной длинную беседу на смеси английского и весьма посредственного испанского языка. Потом пришел Фрэнсис и повел меня в поле, на котором пасся самый обыкновенный здоровенный буйвол. Фрэнсис указал на него рукой и произнес:

— Бубол.

Я молча вернулся в дом и, пока буйвола седлали, выпил еще кофе. Потом я попросил у старика бутылку воды для Боба, мы попрощались, вскочили на лошадей и выехали за ворота.

— Где же буйвол? — спросил я у Фрэнсиса.

Он махнул рукой в пространство, и я увидел скачущего по саванне буйвола. На нем восседала жена Фрэнсиса. Ее длинные черные волосы разве-

Д вались по ветру, и издали она была очень похожа на черноволосую леди Годиву.

Мы направились по саванне напрямик к тому месту, где оставили Боба, и добрались туда немного раньше буйвола. Там творилось что-то невообразимое: муравьед поистине неимоверным усилием высвободил из веревок лапы, вспорол мешок и наполовину вылез из него. К нашему появлению он как сумасшедший скакал по кругу с мешком на задних лапах, словно в спадающих с брюха штанах, а Боб преследовал его по пятам. Поймав зверя и закинув его в новый мешок, я в виде утешения презентовал Бобу бутылку тепловатой воды, а, напившись и отдышавшись, он рассказал нам, что произошло. Оказывается, только мы скрылись из виду, как его лошадь (по его словам, надежно привязанная к невысокому кусту) ушла гулять в саванну и долго не давала себя поймать. Боб гонялся за ней, осыпая ее ласковыми именами, и в конце концов изловил. Вернувшись на место, он обнаружил, что муравьед выбрался из мешка и вот-вот сбросит с себя путы. Боб в сердцах закинул его обратно, но тут опять ушла лошадь. Так повторялось вновь и вновь, и один только раз эти скучные повторы скрасились появлением стада крупного рогатого скота, которое обступило место аттракциона и наблюдало за маневрами Боба с тем надменным и несколько воинственным видом, который так свойствен этой породе животных. По словам Боба, он не возражал бы против присутствия стада, если бы в нем не преобладали быки. В конце концов скотина ушла, и, когда мы вернулись, Боб проводил очередную кампанию против муравьеда.

— Вот вы приехали, а у меня все вертится в голове, — сказал он.

Как раз в этот момент показалась жена Фрэнсиса верхом на буйволе. У Боба глаза полезли на лоб, когда он их увидел.

— Что это? — со страхом спросил он. — Мне это не мерещится?

— Это бубол, мой дорогой, бубол, которого мы за немалую цену наняли ради нашего спасения.

Боб лег пластом на траву и закрыл глаза.

— Навидался я сегодня быков, на всю жизнь хватит, — сказал он. — Грузите муравьеда сами на эту тварь, я вам помогать не буду. Полежу здесь, пока она вас не забодает, а там потихоньку поеду домой.

Втроем — Фрэнсис, его жена и я — мы взвалили фыркающего муравьеда на широченную стоическую спину буйвола. Затем с не меньшим трудом взгромоздили на лошадей наши изболевшиеся тела и двинулись в обратный путь на Каранамбо. Солнце на какой-то момент повисло над дальней грядой гор, затопив саванну великолепными зелеными сумерками, потом сразу стемнело. В полутьме мягко перекликались земляные совы, а когда мы проезжали мимо озера, над ним двумя падающими звездами пронеслась

пара белых цапель. Мы до смерти устали, на нас живого места не было. Лошади спотыкались на каждом шагу, грозя вытряхнуть нас из седла. В небе загорались звезды, а мы брели и брели по бескрайней травянистой равнине, не зная куда да и не думая об этом. Вот прорезался бледный серп месяца, он посеребрил траву, и буйвол стал огромным и уродливым в его свете — гигантское, тяжело дышащее доисторическое чудовище, бредущее в сумраке только что сотворенного мира. Я дремал урывками, покачиваясь в седле. Время от времени, когда лошадь Боба оступалась и лука седла впиалась в его многострадальный живот, Боб раздражался потоком ругательств.

Но вот за деревьями впереди мелькнул бледный свет, он мигал, то исчезал, то появляясь вновь, словно болотный огонек, совсем маленький и слабый по сравнению с огромными звездами, нависшими чуть ли не над самой головой.

— Боб! — позвал я. — Похоже, это джип.

— Господи боже! — с горячностью откликнулся Боб. — Если б только ты знал, как мне хочется вон из седла!

Огни джипа разгорались все ярче, и вот уже стал слышен рокот мотора. Машина обогнула деревья, облив нас холодным светом фар, лошади стали приседать и бить задом, впрочем, скорее устало, чем от настоящего страха. Мы спешили и заковыляли к машине.

— Как дела? — спросил Мак-Турк.

— Поймали большого самца, — не без тщеславия ответил я.

— Чудесно провели день, — добавил Боб.

Мак-Турк в ответ только хмыкнул. Мы присели покурить, и вскоре в свет фар вступило доисторическое чудовище. Мы сняли с его спины драгоценную добычу и уложили на подстилку из мешков. Потом, выпустив лошадей в саванну, с тем чтобы они сами добрались до фермы, мы устроились на сиденьях рядом с муравьедом. Когда джип взял с места, муравьед вдруг проснулся и заметался. Я мертвой хваткой держал его длинный нос: долбани он им по железному борту машины, тут бы ему и конец, все равно что от пули.

— Где вы намерены его держать? — спросил Мак-Турк.

Мысль об этом меня еще как-то не занимала, но тут до меня вдруг дошло, что у нас нет ни клеток, ни материала для них, а хуже всего то, что ни того, ни другого здесь не достать. Но разве могло столь прозаическое соображение отравить радость от поимки муравьеда!

— Где-нибудь привяжем, — легкомысленно ответил я.

Мак-Турк лишь неодобрительно промычал что-то в ответ. Подъехав к дому, мы выгрузили из машины муравьеда и сняли с него многочисленные

Д мешки и веревки, которыми он был обмотан. Затем с помощью Мак-Турка соорудили из веревок шлейку и надели ее на муравьеда. К шлейке мы привязали длинную веревку и пустили муравьеда гулять вокруг тенистого дерева во дворе. Я дал муравьеда напиться, но кормить его не стал: мне хотелось сразу же перевести его на искусственное питание, и я полагал, что сделать это будет легче, если как следует проморить его голодом.

Перевод животного на искусственную кормежку — дело трудное и хлопотное, но без этого не обходится ни один зверолов. Эта проблема встает всегда, когда поймашь животное вроде муравьеда, прирожденный вкус которого очень ограничен: оно питается каким-нибудь одним видом листьев или плодов, каким-нибудь особенным видом рыбы или чем-либо не менее замысловатым в этом же роде. Когда животное попадает в Англию, его лишь очень редко удается обеспечить таким же питанием, а потому обязанность зверолова — приучить его к другой пище, такой, которую смогут давать ему в том зоопарке, куда оно попадет. Вот и приходится измышлять для него вкусную еду, которую бы оно охотно приняло. Подобное изменение диеты у некоторых видов животных проходит нелегко и всегда связано с риском, что новое питание не подойдет животному и повредит ему. В таком случае можно легко его потерять. Некоторые животные упорно отказываются от непривычной еды, и доведенный до отчаяния зверолов вынужден отпускать их на волю. Другие, наоборот, сразу набрасываются на нее и едят с аппетитом. Иногда эти две совершенно противоположные реакции на незнакомую пищу случается наблюдать у двух различных представителей одного и того же вида.

Новая еда для муравьеда состояла из трех пинт молока, пары сырых яиц и фунта мелко нарубленного сырого мяса, сюда же было добавлено три капли рыбьего жира. Я составлял эту смесь на следующее утро. Когда она была готова, я разворошил ближайшее термитное гнездо и густо насыпал термитами молоко. Затем понес плошку муравьеда.

Он лежал на боку под деревом, свернувшись калачиком и прикрывшись хвостом, словно огромным страусовым пером. Хвост укрывал все его тело, так что издали его легко можно было принять за ворох сероватой травы. Когда видишь муравьедов в зоопарке, тебе и в голову не приходит, какую полезную службу несут их большие лохматые хвосты: свернувшемуся клубком между двумя травяными кочками и, словно зонтиком, прикрытому сверху хвостом муравьеда не страшна любая погода. Заслышав приближающиеся шаги, мой пленник встревоженно фыркнул, откинул хвост и взвился на дыбы, готовый к схватке. Я поставил перед ним плошку, произнес краткую молитву, чтобы он не оказался трудным ребенком, и отошел в сторонку. Муравьед приблизился к плошке, громко сопя, обнюхал ее со

исех сторон, сунул в молоко кончик носа и заработал своим длинным серым змееподобным языком. Единым духом он вылакал всю плошку, а я стоял и смотрел на него со смешанным чувством восторга и недоверия.

Муравьеды относятся к животным, не имеющим зубов. Зато у них есть длинный язык и клейкая слюна, с помощью которых они подбирают пищу. Их язык действует по принципу липучки. Всякий раз, втягивая в себя язык, муравьед отправлял в рот энное количество питательной смеси. Работая таким «малопроизводительным» способом, он за ничтожно малое время подобрал всю смесь подчистую и, покончив с едой, еще раз обнюхал плошку, желая убедиться, что в ней ничего не осталось. Затем он снова лег, свернулся клубком, накрылся, словно палаткой, хвостом и сладко заснул. С этого момента он не требовал или почти не требовал за собой никакого ухода.

Несколько недель спустя, уже вернувшись в Джорджтаун, мы приобрели подругу для Амоса — так мы нарекли муравьеда. Двое поджарых, хорошо одетых индийцев прикатили к нам однажды утром в блестящем новехоньком автомобиле и спросили, не нужен ли нам барим (так называется по-местному гигантский муравьед). Мы, разумеется, ответили «да», после чего индийцы преспокойно открыли багажник и показали нам опутанную множеством веревок взрослую самку муравьеда. Вот был фокус так фокус, не то что какой-нибудь жалкий трюк с извлечением кролика из шляпы! Правда, животное было до того истощенным и израненным, что мы даже усомнились, выживет ли оно. Однако как только мы оказали ей помощь и напоили, муравьедиха ожила и стала так решительно обороняться от нас, что мы сочли ее достаточно здоровой для знакомства с Амосом.

Амос жил в просторном огороженном загоне под сенью деревьев. Когда мы открыли ворота и предполагаемая невеста просунула в проход острый кончик своего носа, Амос встретил ее таким неджентльменским шипением, фырканием и размахиванием лап, что мы поспешили убрать ее подальше. Решено было разгородить загон частоколом и поселить муравьедов порознь. Пусть они видятся и принимают друг друга через загородку, думали мы, тогда, может, у Амоса проявятся более нежные чувства.

В первый день самка решительно отказывалась от пищи, и это внушало нам немалые опасения. Она даже не притрагивалась к ней. И вот на другой день мне пришлось в голову поставить во время завтрака плошку Амоса у самого частокола. Как только самка увидела (и услышала), что он принялся за еду, она подошла к загородке проверить, в чем дело. Амос ел с таким аппетитом, что она просунула свой длинный язык между кольями в его плошку, и они за десять минут вылизали ее. Отныне мы каждый день могли любоваться трогательным зрелищем дружной кормежки двух муравьедов, разделенных частоколом. В конце концов муравьедиха научилась есть

Д и из своей собственной миски, хотя всегда предпочитала кормиться вместе с Амосом.

Доставив Амоса и его супругу в Ливерпуль и глядя, как их увозят в зоопарк, для которого они предназначались, я не без гордости думал о том, что привез в Англию целыми и невредимыми этих трудных для содержания в неволе зверей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАПИБАРЫ И КАЙМАН

Две недели, которые мы рассчитывали пробыть на Рунунуни, пролетели так быстро, что однажды вечером, полеживая в гамаках и подсчитывая на пальцах дни, мы с удивлением обнаружили, что в нашем распоряжении остается всего лишь четыре дня.

Стараниями Мак-Турка и местных индейцев наш зверинец основательно пополнился. Несколько дней спустя после поимки муравьеда Фрэнсис явился к нам верхом на лошади с мешком, в котором что-то пицало и возилось так, словно он был битком набит морскими свинками. Оказывается, писк этот производили три молодые, сильно напуганные капибары. Я уже упоминал про этих животных, когда говорил о свирепости пирай. Но не в этом их слава: капибары примечательны тем, что они самые крупные грызуны на земле. Что это значит, можно понять, лишь сравнив их с каким-нибудь из их родичей помельче. Взрослая капибара достигает четырех футов в длину, ее рост два фута, вес до ста с лишним фунтов. Ведь это просто громадина рядом с мышью-малюткой, в которой всего-то четыре с половиной дюйма от хвоста до кончика носа, а вес около одной шестой унции!

Этот гигантский грызун представляет собой жирного зверька с продолговатым телом, покрытым жесткой лохматой шерстью пестрой коричневой расцветки. Передние лапы у капибары длиннее задних, массивный огузок не имеет хвоста, и поэтому у нее всегда такой вид, будто она вот-вот собирается сесть. У нее крупные лапы с широкими перепончатыми пальцами, а когти на передних лапах, короткие и тупые, удивительно напоминают миниатюрные копыта. Вид у нее весьма аристократический: ее плоская широкая голова и тупая, почти квадратная морда имеют благодушно-покровительственное выражение, придающее ей сходство с задумчивым львом.

По земле капибара передвигается характерной шаркающей походкой или скачет вразвалку галопом, в воде же плавает и ныряет с поразительной легкостью и проворством. Капибара — флегматичный добродушный вегетарианец, лишенный ярких индивидуальных черт, присущих некоторым его сородичам, но этот недостаток восполняется у нее спокойным и дружелюбным нравом.

Однако три малютки, привезенные Фрэнсисом, были настроены далеко не благодушно: они лягались, верещали и таращились на нас, словно на стаю ягуаров. В длину они были всего лишь фута по два, а ростом около фута, зато такие подбористые и мускулистые, что, когда они начинали отбиваться от нас, с ними никак нельзя было справиться. Я заметил, что они совсем не кусаются, хотя и вооружены здоровенными ярко-оранжевыми резцами, острыми и широкими, словно перочинный нож. При желании они могли бы серьезно поранить такими зубами. Порядком повозившись, мы вытащили их из мешка, да так и остались стоять посреди двора с визжащими капибарами в руках, не зная, что с ними делать, — ведь клеток-то у нас не было! После долгих словопрений выход был найден: мы соорудили для зверьков маленькие веревочные шлейки наподобие той, какую сделали для муравьеда. Затем мы привязали капибар на длинных веревках к трем апельсиновым деревьям и отступили назад полюбоваться своей работой. Почувствовав себя на воле, но опасаясь нашего присутствия, капибары ринулись искать защиты друг у друга и мигом запутались в веревках, а веревки перепутали между деревьями. Целых четверть часа мы отпутывали их друг от друга, от деревьев и от своих ног, а затем вновь привязали к деревьям, но уже подальше друг от друга. На этот раз они с отвратительным верещанием принялись бегать вокруг деревьев — и вот уже на стволах выросли толстые обмотки из веревок, а сами зверьки чуть не задохнулись. В конце концов мы вышли из положения, привязав веревки к ветвям деревьев высоко над головами зверьков: это давало им возможность бегать по относительно широкому пространству без риска запутаться и задохнуться.

— Бьюсь об заклад, они еще дадут нам жизни, — мрачно изрек я, когда мы управились с капибарами.

— Почему ты так думаешь? — спросил Боб. — Похоже, ты не очень-то им обрадовался. Ты их не любишь?

— Имею печальный опыт знакомства с ними еще по Джорджтауну, — объяснил я. — И с тех пор настроен против всей их семейки.

Это было в Джорджтауне. Мы со Смитом жили в пансионе на городских задворках, подыскивая место для нашей основной базы. Хозяйка пансиона милостиво разрешила нам держать в своем палисаднике зверей, которых мы

Д будем приобретать, и мы коварно воспользовались ее любезностью. Бедная женщина просто не могла себе представить, к каким последствиям это может привести, и, лишь когда ее крохотный садик стало буквально распира-
рять от обезьян и прочего зверья, а мы все еще никак не могли подыскать подходящее место для основной базы, она начала проявлять признаки беспокойства. Впрочем, мы и сами понимали, что садик становится несколько переуплотнен: постояльцам пансиона приходилось с величайшей осторожностью прокладывать себе путь к дому, ибо кому захочется, чтобы тебя хватали за ноги любознательные обезьяны. С появлением же капибары положение стало критическим.

Гигантского грызуна к нам привели на веревке поздно вечером. Это было еще не вполне взрослое, очень смирное животное. С царственно-отчужденным видом оно сидело в сторонке, пока мы торговались с его владельцем. Торг затягивался: владелец заметил, как разгорелись наши глаза, когда мы увидели капибару, но в конце концов она стала нашей. Мы посадили ее в большой, похожий на гроб упаковочный ящик, затянутый проволоочной сеткой, способной выдержать все наскоки зверька, навалили ему отборных плодов и травы, которые он принял с царственной величавостью, и поздравили себя с приобретением милого животного. Словно зачарованные следили мы за тем, как оно поедает принесенные ему дары, потом с нежностью просунули ему сквозь сетку еще несколько плодов манго и отправились спать. Некоторое время мы лежали в темноте, разговаривая о чудесном новом обитателе нашего зверинца, затем постепенно стали засыпать. И вот около полуночи началось.

Меня разбудил весьма своеобразный шум, исходивший из садика под окном: будто кто-то наигрывал на варгане под бессвязный аккомпанемент ударника, колотившего по жестяной банке. Я лежал, прислушиваясь и гадая, что бы это могло быть, и тут меня осенило: «Капибара!» С криком «Капибара сбежала!» я выскочил из постели и, босой, в одной пижаме, бросился вниз по лестнице. Мой заспанный компаньон не отставал от меня ни на шаг. Когда мы спустились в палисадник, все было тихо. Капибара сидела на своих окошках, с надменным видом глядя перед собой в пол. Между нами разгорелся спор, кто шумел: капибара или не капибара. Я доказывал, что капибара, Смит доказывал, что не капибара. «У нее слишком спокойный, невинный вид», — говорил он, а я отвечал, что как раз это-то и доказывает ее виновность. Капибара сидела в залитой лунным светом клетке и невидящим взором смотрела сквозь нас. Шум не возобновлялся, и мы отправились обратно, продолжая ожесточенно спорить шепотом между собой. Только мы улеглись, как шум послышался вновь, да еще громче преж-

него. Я встал с постели и выглянул в окно. Клетка капибары тихонько подрагивала в свете луны.

— Это она, проклятухая, — торжествующе сказал я.

— Что она делает? — спросил Смит.

— Шут се знает. Только лучше пойти и прекратить это безобразие, не то она подымет на ноги весь дом.

Мы тихонько сошли по лестнице и стали в тени кустов. Капибара с величественным видом восседала перед сеткой. Время от времени она наклонилась вперед, подцепляла изогнутым зубом проволоку, оттягивала и отпускала, так что вся клетка начинала звенеть, словно арфа. Капибара прислушивалась к звуку, пока он не замирал, затем приподымала свое грузное тело и со всей силой хлопала задними лапами по жестяной поилке. Должно быть, она аплодировала самой себе.

— По-твоему, она хочет удрать? — спросил Смит.

— Нет, ей это просто нравится.

Капибара исполнила еще один наигрыш.

— Этому надо положить конец, не то она всех перебудит.

— А что тут поделаешь?

— Уберем жестянку, — со свойственным ему практицизмом заметил Смит.

— Да, но клавикорды-то останутся.

— Завесим чем-нибудь клетку, — сказал Смит.

Итак, мы убрали жестянку и завесили клетку мешками, полагая, что исключительно лунный свет располагает капибару к музицированию. Только мы удалились, как она снова принялась за свое.

— Как же быть? — в отчаянии спросил Смит.

— Давай ляжем и сделаем вид, будто мы ничего не слышим, — предложил я.

Мы улеглись. Треньканье продолжалось. Где-то в доме хлопнула дверь, в коридоре послышались шаркающие шаги, к нам постучали.

— Кто там? — откликнулся я.

— Мистер Даррелл, — раздалось за дверью. — Мне кажется, у вас кто-то убегает. Кто-то сильно шумит в палисаднике.

— Правда? — удивленно спросил я, повышая голос, чтобы перекрыть треньканье. — Большое спасибо, что сказали. Сейчас сходим посмотрим.

— Будьте любезны. Там у вас беспорядок, вы слышите?

— Да, да, теперь слышу. Прошу прощения за беспокойство, — учтиво ответил я.

Шаги удалились, мы со Смитом молча переглянулись. Я вылез из постели и подошел к окну.

Д

— Заткнись! — прошипел я.

Капибара продолжала солировать.

— Идея! — вдруг сказал Смит. — Отнесем ее к Музею, там сторож присмотрит за ней до утра.

Ничего разумнее нельзя было придумать, и мы начали одеваться. Тем временем еще двое постояльцев пришли любезно предупредить нас, что у нас кто-то убегает. Мы были явно не одиноки в своем стремлении убраться капибару куда подальше. И вот мы спустились в палисадник, обмотали ящик еще несколькими мешками и двинулись вдоль по дороге. Недовольная тем, что ее потревожили, капибара забегала взад-вперед по клетке, раскачивая ее, словно качели. Хотя до Музея было каких-нибудь полмили, мы трижды останавливались передохнуть, и капибара трижды наигрывала нам свои мелодии. Наконец мы обогнули последний угол, вот уж и ворота Музея показались — и тут мы наткнулись на полисмена.

Мы все трое остановились и с подозрением воззрились друг на друга. Полисмен явно недоумевал, с чего бы это двум расхристанным джентльменам волочить по улицам гроб в такой час, когда им полагается быть в постели. Он отметил про себя выглядывающие из-под верхней одежды пижамы, отметил загнанное выражение наших лиц и особенно отметил гроб, который мы несли. В этот момент из гроба донесся удушаемый всхрип, и у полисмена глаза полезли на лоб; не иначе как эти вурдалаки собираются заживо похоронить какого-то несчастного! Похоже, он вовремя подоспел. Он кашлянул и произнес:

— Добрый вечер. Чем могу быть вам полезен?

Тут только до меня дошло, до чего трудно сколь-нибудь убедительно объяснить полисмену, зачем нам загорелось в час ночи проносить по улицам капибару в гробу. Я беспомощно взглянул на Смита, Смит беспомощно взглянул на меня. Собравшись с духом, я чарующе улыбнулся блюстителю порядка.

— Вечер добрый, констебль. Мы несем капибару в Музей, — сообщил я и тут же сообразил, как нелепо звучит такое объяснение. Полисмен был того же мнения.

— Простите, сэр, что вы несете? — спросил он.

— Капибару.

— А что это такое?

— Вид грызунов, — выпалил Смит, почему-то считавший само собой разумеющимся, что все люди обязаны обладать хоть малейшими познаниями в зоологии.

— Это такое животное, — поспешно пояснил я.

— Ага! — сказал полисмен с деланным интересом. — Животное, говорите? И можно взглянуть на него, сэр?

Мы опустили клетку на землю и стали разворачивать многочисленные мешки. Полисмен посветил в клетку карманным фонариком.

— Ой! — воскликнул он с удивлением, на этот раз неподдельным. — Водяная крыса!

— Совершенно верно, — с облегчением подтвердил я. — Мы несем ее к Музею. Она слишком шумит возле пансиона, где мы живем, и не дает нам спать.

Таким образом все разъяснилось, а капибара к тому же музыкально позвенькала, как бы подтверждая этим правдивость наших слов, после чего полисмен стал необычайно любезен. Он даже помог нам тащить клетку на последних оставшихся до Музея ярдах, и мы все вместе стали кликать ночного сторожа. Однако Музей безмолвствовал, и скоро стало ясно, что сторожа тут нет. Капибара продолжала свой концерт, а мы, стоя вокруг клетки, на повышенных тонах, чтобы перекрыть музыку, принялись обсуждать, как быть. Выход подсказал полисмен.

— Крысу можно отнести на скотобойню, — предложил он. — Там есть ночной сторож, это точно.

Так мы и решили. Он объяснил нам, как пройти на бойню, и мы снова тронулись в путь с тихонько раскачивающимся между нами ящиком-гробом.

У пансиона, мимо которого пролегал наш путь, мы остановились отдохнуть.

— Оставим ее здесь и сходим сперва на бойню, — сказал я. — Не к чему таскать ее в такую даль, а вдруг там откажутся ее принять?

Итак, мы оставили капибару в палисаднике и пошли по безлюдным улицам. В конце концов, немного поплутав, мы отыскиали бойню. К нашей радости, в одном из верхних окон горел свет.

— Эге-гей! — крикнул я. — Сторож! Эгей!

Молчание.

— Он, наверное, спит, — недовольно сказал Смит.

Я поднял камешек, крикнул и бросил им в окно. После долгой паузы окно растворилось, и в нем показалась голова старого негра.

— Эй, сторож! — жизнерадостно начал я. — Простите, что приходится вас беспокоить. Не смогли бы вы пристроить у себя нашу капибару, всего лишь на одну ночьку?

Старый негр тупо глядел на нас.

— Что там у вас? — наконец спросил он.

— Не смогли бы вы пристроить у себя... э-э... водяную крысу?

— Водяную крысу? — переспросил сторож и крепче ухватился за подоконник, словно мы собирались вскарабкаться к нему наверх и укусить его.

Д

— Да, водяную крысу.

Мы молча таращились друг на друга. Я чуть не свернул себе шею, задирая голову к окну.

— Водяную крысу, — задумчиво повторил негр, высовываясь из окна посмотреть, нет ли у нас пены на губах. — Стало быть, у вас есть водяная крыса?

Смит заскрежетал зубами.

— Ну да. И мы хотим оставить ее у вас на ночь.

— Водяную крысу?

подавив истерический смех, я только кивнул. Старик еще долго смотрел на нас, рассеянно бормоча про себя «водяная крыса», потом перегнулся через подоконник.

— Сейчас я сойду, — сказал он наконец и исчез.

Вскоре массивная передняя дверь отворилась, и из-за нее показалась его голова.

— Где ваша водяная крыса? — спросил он.

— Видите ли, мы не захватили ее с собой, — сказал я, чувствуя себя круглым идиотом. — Но мы сходим за ней, если вы согласны пристроить ее у себя. Ну как?

— Водяную крысу-то? — сказал старик, явно замороженный этим названием. — А что это за зверь?

— Грызун, — снова выпалил Смит, прежде чем я успел его остановить.

— Так. Грызун, — раздумчиво пожевал губами старик.

— Ну так как, сможете вы пристроить ее у себя на ночь? — спросил я.

— Тут скотобойня, — сказал сторож. — Тут коровы. Навряд ли тут можно держать грызунов.

Титаническим усилием воли я подавил в себе смех и объяснил, что капибара не может причинить вреда коровам; больше того, это животное съедобно и если не зоологически, то, во всяком случае, гастрономически может быть приравнено к коровам.

После долгих препирательств он нехотя согласился приютить капибару на ночь, и мы пошли обратно к пансиону. Меня душил хохот, но усталый и раздраженный Смит не желал видеть ничего смешного в этой истории. Когда, измотанные, мы наконец добрались до пансиона, залитый лунным светом палисадник безмолвствовал. Капибара лежала в углу клетки и дрыхла без задних ног. Она спала без просыпу до самого утра, и, как видно, сон весьма освежил ее, а мы, спустившись вниз, принялись за наш обычный дневной труд, зевая и с мешками под глазами.

Вот как я впервые свел знакомство с капибарами, и вот почему я с таким мрачным предчувствием принял трех малюток, которых привез нам

Фрэнсис. На другой день они вполне освоились с обстановкой и принялись уничтожать огромное количество овощей и фруктов, попискивая друг на друга.

В следующий раз Фрэнсис явился с чудесной добычей — четырьмя броненосцами и пятью большими бразильскими черепахами. Броненосцы были еще детеныши, каждый примерно в фут длиной, с тупыми свинячьими рыльцами и большими розовыми ушами. Эти прелестные зверьки не доставляли нам никаких хлопот и довольствовались той же пищей, что и муравьед; ели они с жадностью, громко чавкая и сопя. Черепахи были очень красивы — продолговатые панцири, ноги и головы в сургучно-красном крапе. Вскоре после этого другой индеец доставил нам семь речных черепах, тех самых, яйца которых нам так понравились. Самую большую из них можно было поднять лишь вдвоем. Эти злюки каждую минуту норовили цапнуть тебя зубами, и самая крупная при случае легко могла отхватить тебе палец.

Сад Мак-Турка постепенно стал походить на гнездилище гигантского паука, соткавшего свою огромную паутину из шнуров и веревок. Жертвами этой научьей сети были капибары, броненосцы, черепахи и муравьед. Отсутствие клеток начинало все больше меня беспокоить: я понимал, что, когда за нами прилетит самолет, пилоты едва ли согласятся взять на борт кучу животных, спутанных кое-как веревками и шнурами. Мак-Турк посоветовал мне связаться по радиотелефону со Смитом и попросить его прислать несколько ящиков самолетом, который прилетит за нами. Смит обещал это сделать и, в свою очередь, спросил меня, есть ли на Рупунуни крупные кайманы; один английский зоопарк прислал нам заказ на крупный экземпляр, если можно такой добыть. Я легкомысленно ответил, что кайманов тут полно в реке прямо перед домом и поймать каймана не составит труда. На этой оптимистической ноте разговор закончился, и я пошел совещаться с Мак-Турком. Он сказал, что можно попробовать подманить каймана к петле тухлой рыбой — по его словам, это лакомство действует на кайманов совершенно неотразимо.

Итак, в тот же день мы отправились на рыбалку по маленьким речкам и вернулись с пирайями, которых разложили на солнышке для ускорения процесса гниения. Наутро рыбы совершенно недвусмысленно заявили о своем присутствии, так что даже муравьед, привязанный в непосредственной близости от них, начал раздраженно пофыркивать. Вечером мы с Бобом пошли проверить приманку.

— Господи боже! Ты уверен, что у кайманов такой извращенный вкус? — спросил Боб, прикрывая платком нос.

Д

— Мак-Турк говорит, они любят пирай именно в таком виде, уж он-то знает. Признаться, они действительно чуточку попахивают.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы я всю ночь просидел над одной из них, поджидая каймана?

— Именно этого я и хочу. Впрочем, в воде они не будут так сильно пахнуть.

— Будем надеяться, — сказал Боб. — А теперь, если с этим покончено, пойдем глотнем свежего воздуха.

Когда стемнело, мы снесли рыб к реке и паладили ловушку. Три длинные лодки, связанные носом к корме, составили мост чуть ли не до самой середины реки. Рыб мы подвесили с борта лодки, а к сиденью привязали толстую веревку с петлей, которую подвесили над водой на развилке. Затем мы сели и стали ждать. Курить было нельзя, и уже минут через двадцать, когда воздух пропитался запахом тухлой рыбы, дышать стало трудновато. На воде серебрились лунные блики, стая москитов с проникновенно-ликующим пением набросилась на нас, а запах тухлой рыбы все крепчал; казалось, вся округа пропитана им.

— Что-то вроде такого вот отпуска провел я однажды в Маргейте, — прошептал Боб.

— Теперь-то запах уже не такой резкий.

— Да, пожалуй, не такой сильный, зато какой утонченный!

Мы сидели и до боли в глазах всматривались в противоположный берег, пока в каждом всплеске волны нам не начал мерещиться кайман. Три часа спустя кайман и вправду показался и даже подплыл к нам на расстояние тридцати футов, но мы, должно быть, пошевелились, так как он резко развернулся, и больше мы его не видели.

На рассвете, усталые, искусанные, проклиная всех пресмыкающихся на свете, мы ушли с реки и рассказали Мак-Турку о своей неудаче. Он подумал, пообещал помочь и исчез в направлении реки.

Чуть позже мы вернулись на берег посмотреть, чем он там занимается. Оказывается, он соорудил чрезвычайно простую и хитроумную ловушку. Я прямо-таки воспрянул духом, увидев ее. Он наполовину вытащил из воды две длинные лодки и в узкий проход между ними опустил петлю, так что всякому животному, подплывающему по проходу к приманке — тухлой рыбе на шесте, пришлось бы просунуть в петлю голову. Тронув приманку, животное сбрасывало шнур, который удерживал в согнутом положении молодое деревцо, деревцо распрямлялось и затягивало петлю. Конец веревки, на которой была сделана петля, Мак-Турк привязал к суку дерева, стоявшего на небольшом утесе над бухтой.

— Будет работать, — сказал Мак-Турк, с законной гордостью оглядывая творение своих рук. — Сегодня ночью проверим.

На закате мы спустились к реке и зарядили ловушку наживкой. Мак-Турк сказал, что если кайман вообще попадется, то это случится лишь поздней ночью, а потому мы с Бобом решили в последний раз прогуляться по саванне, проветрить легкие, насквозь пропитавшиеся запахом тухлятины. Зеленое, цвета яшмы, небо было подернуто бледно-розовыми облаками, на его фоне, словно черные выпуклые спины резвящихся дельфинов, проступала далекая линия гор. В высокой хрусткой траве, словно музыкальные шкатулки, перекликались кузнечики, а вдаль, в приречном тростнике, хором квакали большие лягушки. Из-под самых наших ног вспорхнула пара земляных сов; бесшумно отлетев шагов на тридцать, они сели на землю и с достойным видом принялись ходить кругами, вертя головой и настороженно наблюдая за нами. Мы легли на красную землю, горячую, как плита, и стали смотреть в небо. Солнце зашло за горизонт, небо изменило свой цвет из зеленого в сизовато-серый, а потом вдруг подернулось тьмой и зажглось огромными дрожащими звездами, которые висели так низко, что казалось, протяни руку — и наберешь целую пригоршню.

Взошла луна. Мы двинулись в обратный путь, решив отнести наши гамаки к реке и повесить их между дерзвьями на берегу, чтобы не пропустить момента, когда ловушка сработает. Найдя подходящие деревья и покурив, мы потихоньку пошли обратно к реке. В теплом воздухе над нами чертили замысловатые геометрические узоры с десятков небольших летучих мышей. Когда мы подошли к реке, мне послышался какой-то шум.

— Что это? — спросил я у Боба.

— Ты о чем?

— Да вроде где-то что-то хлопает.

— Ничего не слышу.

Мы молча продолжали свой путь.

— Вот опять. Неужели не слышишь?

— Как будто слышу, — ответил Боб.

— Похоже, в ловушку кто-то попался, — сказал я и бегом пустился к реке.

Выбежав на берег, я увидел, что веревка, привязанная к дереву, туго натянута. В свете карманного фонарика веревка задергалась и ушла в воду, а у подножия утеса раздался страшный шум — фыркание, плеск и какие-то глухие удары. Я подбежал к краю скалы и глянул вниз.

Лодки, составленные ловушкой, были в десяти футах подо мной: они широко разошлись, и в воде между ними лежал здоровеннейший кайман, каких мне только приходилось видеть, с затянутой вокруг шеи петлей. От-

Д буйствовал, он лежал спокойно, но, как только луч фонарика скользнул по нему, его гигантское тело дрогнуло, он изогнулся дугой, распахнул свою огромную квадратную пасть и хлопнул ею, как дверью, а его хвост так и заходил из стороны в сторону, вспенивая воду и гулко молотя о борта лодок. Огромный зверь метался в бурлящей воде между раскачивающимися лодками, лязгал пастью и бешено колотил хвостом, веревка гудела и звенела, сук, к которому она была привязана, зловеще поскрипывал. Дерево стояло здесь же на скале, я положил руку на его ствол и ощутил, как оно дрожит и трясется от рывков зверя. При мысли, что кайман порвет веревку или сук сломается и великолепный экземпляр ускользнет от нас, я до того ошалел, что сделал нечто столь бессмысленное и опасное, что до сих пор не понимаю, как я мог дойти до такого безрассудства: я перегнулся через край утеса, обеими руками ухватился за веревку и потянул ее на себя. Почувствовав натяжение, кайман вновь заметался, забился и, в свою очередь, рванул веревку на себя, так что меня потащило вперед и я повис на веревке головой вниз, под углом в сорок пять градусов, в десяти футах над качающимися лодками и разъяренным, лязгающим зубами кайманом, лишь пальцами ног оставаясь на краю скалы. В конечном счете я непременно свалился бы в воду и кайман искромсал бы меня челюстями или забил насмерть хвостом, не подхвати Боб вовремя веревку. Кайман бился и тащил веревку к себе, и мы с Бобом дергались взад и вперед на краю утеса, как сумасшедшие цепляясь за веревку, словно на ней держалась вся наша жизнь. Надо полагать, еще ни один утопающий не хватался за соломинку такой мертвой хваткой. Улучив момент между рывками, Боб повернул ко мне голову.

— Чего мы держимся за веревку?

— А вдруг она оборвется, — выдохнул я. — Тогда прощай кайман.

Боб на секунду задумался.

— Если веревка лопнет, мы все равно не удержим его, — сказал он.

Вот чего я не сообразил с самого начала, и только теперь до меня дошло, каким дурацким делом мы занимаемся.

Мы отпустили веревку и прилегли отдохнуть на траву. Кайман внизу затих. Мы решили, что не мешает опутать зверя еще одной веревкой на случай, если первая лопнет, побежали домой и разбудили Мак-Турка. Затем, прихватив с собой веревки, вернулись к реке.

Кайман по-прежнему тихо лежал между лодками; казалось, он вконец выбился из сил. Мак-Турк забрался в лодку, чтобы отвлечь его внимание, а я спустился с утеса, с величайшей осторожностью накинул на его челюсти петлю и туго затянул ее.

Обезопасив себя от его челюстей, мы стали действовать увереннее; теперь приходилось остерегаться лишь его хвоста. Вторую петлю мы затянули у каймана на груди, а третью — на толстом основании его хвоста. Пока мы затягивали его в этот корсет, он дернулся раз-другой, но без особого ожесточения. Убедившись, что веревки надежно держат его, мы разошлись по своим гамакам и поспали урывками до рассвета.

Самолет должен был прилететь в полдень, а нам еще предстояло переделать кучу дел. Всех животных, за исключением муравьеда, мы доставили в джипе через саванну к взлетно-посадочной полосе и оставили там под присмотром индейца. После этого мы приступили к главному: надо было опутать каймана веревками и вытащить на берег, чтобы можно было быстро погрузить его на джип, когда прилетит самолет.

Прежде всего следовало накрепко притянуть к телу его короткие жирные лапы, и это удалось нам без труда, но потом пошли дела посложнее: надо было подвести под каймана длинную доску и привязать его к ней. С этим пришлось повозиться: кайман лежал на мелководье, и почти все его тело и хвост ушли в грязь; в конце концов пришлось вытолкнуть его на глубину и уже там подводить доску. Наконец мы привязали каймана к доске и стали выволакивать его из воды на крутой берег, и это был долгий и тяжкий труд.

Мы — Мак-Турк, Боб, восемь индейцев и я — волокли каймана на берег целый час. Берег был топкий и скользкий, мы то и дело падали, и всякий раз чудовищно тяжелое тело каймана сползало вниз на несколько драгоценных дюймов, отвоеванных нами у берега. В конце концов, обливаясь потом, мокрые и грязные с головы до ног, мы перетащили каймана через гребень берегового откоса и положили на траву.

Он был футов четырнадцати длиной, голова по толщине и ширине с мое туловище, а блестящий чешуйчатый хвост с доброе дерево толщиной бугрился твердыми, как железо, мускулами. Его спина и затылок были покрыты большущими шишками и наростами, а хвост увенчан высоким зазубренным гребнем, составленным из треугольных чешуй величиной с мою ладонь. Верхняя часть его тела была пепельно-серая с пятнами зелени в тех местах, где еще держался речной ил, брюхо ярко-желтое. Немигающие глаза были величиной с грецкий орех, глянцеvито-черные, с яростной золотистой филигранной сеткой. В общем, зверь что надо.

Мы оставили его лежать в тени, а сами отправились усаживать муравьеда в джип, чтобы везти его к взлетно-посадочной полосе: издали уже доносилось гудение самолета. Разумеется, муравьед изо всех сил затруднял нам нашу задачу: шипел, фыркал и размахивал лапищами при посадке и во время переезда через саванну. Мы сильно задержались и, подъезжая к по-

Д садовой полосе, увидели, что самолет уже садится. Я побежал к самолету и с облегчением убедился, что Смит прислал нам целую кучу ящиков. Времени терять не приходилось: надо было срочно рассадить по ящикам животных и съездить за кайманом.

— Ты держи капибар, а я буду запихивать муравьеда в клетку, — сказал я Бобу.

Муравьед, еще ни разу не бывавший в клетке, решительно воспротивился этой процедуре и пустился галопом вокруг ящика. Тщетно пытался я остановить его и затолкать внутрь. Через несколько минут нам обоим понадобилась передышка, и мы остановились. Я в отчаянии озирался по сторонам, взывая взглядом о помощи. Но Бобу было не до меня: он по уши увяз в капибарах. Они страшно испугались самолета и теперь стремительно кружились вокруг Боба по все убывающим спиралям, наматывая на него слои веревок, а Боб, словно шпилька, вертелся вокруг собственной оси. На мое счастье, тут подоспел Мак-Турк, и мы вдвоем затолкали муравьеда в ящик. Затем мы распеленали Боба, рассадили по ящикам капибар и вместе с прочими животными погрузили их в самолет. Когда со всем этим было покончено, Мак-Турк с мрачным видом подошел ко мне.

— Вы не сможете забрать каймана, — сказал он.

— Почему? — цепenea от ужаса, спросил я.

— Пилот говорит, нет места. На следующей остановке они должны забрать партию мяса.

Я умолял, уговаривал, спорил — все напрасно. Вне себя от отчаяния я доказывал пилоту, что кайман будет едва заметен в самолете, и даже соглашался сидеть на нем во время полета, чтобы освободить место для мяса, но пилот остался неумолим.

— Попробую выслать его вам следующим рейсом, — сказал Мак-Турк. — Сделайте в Джорджтауне необходимые приготовления и дайте мне знать.

Итак, скрепя сердце я отказался от мысли взять с собой своего гаргантюа-каймана и, испепеляя взглядом пилота, сел в самолет.

С ревом набирая скорость, самолет покатил по золотистой траве, и Мак-Турк помахал нам на прощание рукой. Мы поднимались в воздух; внизу под нами простиралась саванна, крохотная фигурка Мак-Турка шагала к джипу вдоль мерцающей реки, той самой, в которой остался кайман; темнела, где уже, где шире, полоска деревьев. Затем самолет круто развернулся, и мы начали удаляться от Каранамбо. Далеко впереди смутно вырисовывалось начало большого лесного массива, прорезанного лентами текущих к океану рек; позади, безбрежная и неподвижная, лежала саванна, золотисто-зеленая, серебрившаяся под солнцем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРАБОВЫЕ СОБАКИ И ПТИЦЫ-ПЛОТНИКИ

Вот уже сутки, как мы снова в Джорджтауне; муравьед и прочие животные как следует устроены в клетках и вполне освоились со своим новым положением. После просторов Рупунуни нам с Бобом было тесно и неспокойно в городе, и мы решили как можно скорее выбраться из него. В одно прекрасное утро Смит с крайне самодовольным выражением подошел ко мне.

— Ты, кажется, изъявлял желание следующую свою поездку совершить в край ручьев за Чарити? — спросил он.

Я ответил, что действительно подумывал об этом.

— Ну так вот, — сказал Смит, напыжившись. — Я нашел тебе отличного проводника. Первоклассный охотник, знает район и местных жителей. Уверен, он добудет нам что-нибудь хорошенькое. Уж он-то знает, где чего.

Образец совершенства объявился после полудня. Это был коротенький, фигурой напоминавший кокосовый орех индеец с лъстивой улыбкой, обнажавшей сверкающий ряд золотых зубов, с трясущимся, похожим на кучевое облако брюшком и жирным, липким смехом, от которого он весь колыхался, словно трясина. Одет он был в безупречно сшитые брюки и розовато-лиловую шелковую рубашу. Он совсем не походил на охотника, но, поскольку мы так и так собирались в край ручьев, а он уверял, что многих там знает, я решил, что не мешает взять его с собой. Мы условились, что он присоединится к нам завтра у парома.

— Будьте спокойны, шеф, — сказал мистер Кан, выдавая одну из своих сочных маслянистых улыбок и ослепляя меня блеском зубов. — Я добуду вам столько зверей, что вам некуда будет их девать.

— Ну, по крайней мере с плохими-то всегда известно, что делать, мистер Кан, — учтиво ответил я.

Рано утром следующего дня мы явились к перевозу с грудой багажа, и мистер Кан встретил нас, как маяк, сверкая зубами, оглушительно хохоча над собственными остротами, организуя и устраивая все подряд и с невероятным при его тучности проворством перескакивая с места на место. Посадка на паром уже сама по себе дело хлопотное, но, когда мы обрели помощника в лице мистера Кана, все превратилось в сущий цирк. Он кричал, обливался потом, громко смеялся и без конца ронял вещи, и, когда мы наконец погрузились, мы едва дышали от изнеможения. Однако это несколь-

А ко не пошатнуло жизнерадостности мистера Кана. Во время переправы он рассказал нам о том, как его папаша, купаясь в реке, подвергся нападению чудовищного каймана и спасся лишь тем, что пальцами выдавил ему глаза.

— Подумать только! — восклицал мистер Кан. — Пальцами!

Мы с Бобом уже не раз слышали эту сказку во всех ее бесчисленных вариантах, и она не произвела на нас ожидаемого впечатления. Мистер Кан явно принимал нас за простофилю. Этого нельзя было так оставить, и я тут же отплатил ему рассказом о том, как на мою бабушку напал бешеный дромадер и она голыми руками задушила его. К сожалению, мистер Кан не знал, что такое дромадер, и моя попытка отплатить той же монетой успеха не имела. Похоже даже, вместо того чтобы заставить его заткнуться, она вдохновила его на новые рассказы, и, подъезжая в расшатанном ветхом автобусе к Чарити, мы, словно в гипнотическом трансе, слушали эпос о том, как дедушка мистера Кана сразил тапира: он вскочил зверю на спину, зажал ему ноздри, и бедняга задохнулся. Мистер Кан выиграл первый раунд, в этом не было никакого сомнения.

Чарити представлял собой кучку домов, разбросанных на берегу реки Померун, дорога тут кончалась. Это был в своем роде последний форпост цивилизации, никакого удобного сообщения дальше уже не было. От Чарити к венесуэльской границе, словно трещины на зеркале, расходится лабиринт водных путей — ручьев, речек, затопленных долин и озер, обследовать которые можно только на лодке. Мне казалось, Чарити будет подходящей базой для такого предприятия, но, пробыв там с полчаса, я отказался от этой мысли: это заброшенное, убогое место наводило тоску, а его утрюмые обитатели не желали оправдывать своим житьем-бытьем название своего поселка¹. Я решил, что лучше будет сразу же продолжить наше путешествие в край ручьев. Мистеру Кану, который, по словам Смита, знал тут все и вся, было поручено достать лодку; Айвен, вспомнив о последних мелких покупках, которые необходимо было сделать, исчез в направлении рынка, а мы с Бобом, позабыв обо всем на свете, копались в сочной зелени по берегам реки, отыскивая лягушек. Вскоре Айвен вернулся, ведя с собой негритенка с большими, как блюда, глазами.

— Сэр, вот этот мальчик говорит, что у него есть крабовая собака, — сказал Айвен.

— А что это такое? — спросил я.

— Это животное вроде собаки, которое ест крабов, — неопределенно ответил Айвен.

— Люблю Айвена за ясность формулировок, — сказал Боб.

¹ Чарити (Charity) — по-английски «милосердие». — *Примеч. пер.*

— Ладно, пойдем посмотрим зверя. Где он?

Таинственное животное находилось у мальчика дома — надо было пройти ярдов сто по берегу реки, — и мы все отправились на смотрины. Когда мы прибыли на место, мальчик нырнул в хижину и тотчас появился вновь, шатаясь под тяжестью ящика чуть ли не больше его самого. Я заглянул сквозь планки, которыми был заколочен ящик, но увидел лишь что-то непонятно-серое. Тогда я отодрал две планки и заглянул вновь. В этот момент из щели показалась голова и пристально уставилась на меня — широкая плоская голова с аккуратными закругленными ушами и собачьей мордой. Животное было пепельно-серого цвета, но как раз по самым глазам у него проходила широкая черная полоса, и от этого казалось, будто оно в маске. Мгновение оно созерцало меня с невыразимо печальным выражением, потом лязгнуло зубами внезапно и злобно и скрылось в ящике.

— Так что же это такое? — спросил Боб, с недоверием поглядывая на ящик.

— Енот-крабоед. Сколько он за него хочет, Айвен?

Айвен и негритенок принялись рьяно торговаться, и через некоторое время, вручив мальчику скромную сумму, на которой мы сошлись, я с ликованием унес енота вместе с ящиком. Когда мы вернулись на пристань, мистер Кан уже поджидал нас. Он достал лодку, гордо заявил он, минут через десять она будет здесь. Увидев енота, он просиял, как только что открытое золотое месторождение.

— А! Мы уже добились успеха! — сказал он, издав сочный смешок. — Ну, не говорил ли я, что знаю, где искать животных?

Айвен наградил его взглядом, в котором тонко смешались достоинство и отвращение.

Лодка оказалась неким подобием длинной и узкой спасательной шлюпки. Вся внутренняя ее часть была закрыта приподнятым над бортами деревянным настилом, или даже, вернее, плоской крышей; она могла служить удобным наблюдательным пунктом, а в зной можно было спуститься вниз и устроиться в тени на скамьях. Корабль этот пришелся мне как нельзя по вкусу. Мы погрузили багаж внутрь, а сами расположились наверху. Как только лодка тронулась в путь по сумеречной реке, мы с Бобом принялись мастерить временную клетку для енота и, когда она была готова, без особых затруднений переселили его туда. Только теперь, при последних отсветах дня, мы смогли как следует разглядеть его.

Размерами он был с фокстерьера, с короткой и гладкой шерстью, и сидел в своеобразной ссутулившейся позе, от чего казался горбатым, и это впечатление еще больше усиливалось его манерой свешивать голову между плечами, совсем как нападающий бык. Хвост у него был длинный и пуши-

Д стый, в аккуратных черно-белых кольцах, тонкие лапы переходили в плоские широкие ступни с голыми розово-красными подошвами. Шерсть светлая, пепельно-серая, местами желтоватая, и только черные отметины на морде да сплошь черные ноги. Словом, енот и без того являл собой смешотворную фигуру, а низко опущенная голова, растерянное выражение карих глаз, выглядывающих из-под черной маски на морде, делали его похожим на пойманного с поличным доморощенного взломщика.

Когда я сунул ему в клетку миску с водой и рубленой рыбой, он живо приблизился к миске, словно осужденный на смерть, предвкушающий свой последний завтрак, и присел перед ней на корточки, затем погрузил в воду лапы и похлопывающими, поглаживающими движениями стал шарить в миске, все это время не переставая с мрачным видом наблюдать за нами. Так продолжалось довольно долго. В конце концов он подгрел кусок рыбы к краю тарелки, словно кролик, уселся на задние лапы, деликатно взял кусок своими тонкими пальцами и отправил его в рот. Съев рыбу, он снова принялся хлопнуть лапами по содержимому тарелки и делал так каждый раз, прежде чем взять новый кусок.

Боба страшно заинтересовали эти, как он выразился, «ухватки взломщика сейфов», и позднее, вечером, когда мы стали на ночевку, я поймал несколько речных крабов и посадил их в клетку енота, чтобы разъяснить Бобу смысл странных движений животного. Енот со слегка настороженным видом оглядел всех крабов, затем выбрал из них самого крупного, присел перед ним на корточки и начал быстрыми легкими движениями как бы охлопывать и оглаживать его со всех сторон, время от времени останавливаясь и встряхивая лапами. Краб, обороняясь, делал отчаянные выпады клешнями, но движения лап енота были до того стремительны, что их невозможно было схватить; краб все больше пятился назад, а енот следовал за ним, не переставая работать лапами. Через десять минут такого единоборства краб, еще целый и невредимый, но уже вконец обессиленный, прекратил сопротивление. Енот, казалось, только этого и ожидал: он внезапно наклонился вперед и перекусил злосчастного краба пополам, затем откинулся назад и с горестным видом созерцал его смертные муки. Когда краб перестал шевелиться, енот деликатно взял его кончиками пальцев, положил в рот и схрумкал с выражением величайшей скорби на морде.

Наша лодка стояла у пристани неподалеку от обиталища царственного вида индийца в широких одеяниях, с тюрбаном на голове, который пригласил нас на ужин. Мы пришли к нему домой и, усевшись кружком на корточках прямо на полу, принялись поглощать великолепное кэрри и чупатти при свете мигающей «летучей мыши». Мистер Кан был в ударе. Жабой восседая среди нас и сверкая зубами, словно трухлявый пень гнилушками,

он набивал себе пузо и говорил, говорил без конца. Он единовластно завладел беседой и по мере насыщения становился все более красноречивым.

— Помню, раз, — говорил он, чавкая набитым кэрри ртом, — мне довелось охотиться на Мазаруни. Вот где ягуары так ягуары! Вы спрашиваете, свирепые? Еще какие! Свирепее во всей Гвиане не сыщешь, уж можете мне поверить. Так вот, дело было вечером, вот как сейчас. Я поужинал, и мне захотелось облегчиться. Я взял ружье и отошел чуть подальше в лес.

Мистер Кан разделался с кэрри и тяжело проковылял по комнате, разыгрывая пантомимой все, что с ним произошло. Он с кряхтением присел в углу и, обладая нас лучезарной улыбкой, продолжал:

— Все шло хорошо. Я уже почти закончил свои дела. Встал и, не выпуская ружья из руки, начал натягивать штаны.

Он с усилием выпрямился и нагнулся за воображаемыми штанами.

— И что же, вы думаете, тут произошло? — риторически спросил он, хватаясь за живот. — Из кустов прямо на меня выпрыгнул страшно огромный ягуар! Ой-ой-ой! Как вы думаете, я испугался? Еще бы не испугался! Ягуар застал меня со спущенными штанами!

— Не завидую ягуару, — вставил Боб.

— Да-да, — продолжал мистер Кан. — Положение было незавидное. Одной рукой я подтягивал штаны, другой стрелял. Трах! Вот выстрел так выстрел! Прямо в глаз — и ягуар мертв!

Он подступил к воображаемому трупу и с презрением пнул его ногой.

— И знаете что? — продолжал он. — Я так испугался, что зарекся совершать такие прогулки иначе как днем. И я до сих пор так напуган этим проклятым ягуаром, что мне приходится бегать по нужде всю ночь напролет. И чем больше я бегаю, тем страшнее мне делается, и чем страшнее мне делается, тем больше я бегаю.

Мистер Кан сел и разразился хохотом над своей незадачей, шипя, хрипя и обтирая слезы с трясущихся щек.

Разговор перешел с ягуаров на кайманов, а с кайманов на анаконд, и у мистера Кана на всякий случай была байка в запасе. Пожалуй, самыми красочными были его рассказы об анакондах — по-местному кумуди; ни одна кумуди из тех, с которыми ему приходилось иметь дело, не была в обхвате меньше двенадцативедерной бочки, и он всегда побарывал их тем или иным хитроумным приемом. Когда речь пошла об анакондах, Айвен стал беспокойно поерзывать на месте, и я подумал, что мистер Кан просто заморочил его до скуки своими рассказами. Но вскоре мне пришлось убедиться, что это не так. Вот кончился ужин, и мы сошли к лодке, в которой один за другим были подвешены наши гамаки. Не без труда мы забрались в них и заткнули рот мистеру Кану категорическим «Спокойной ночи».

Д

Только я начал засыпать, как вдруг из гамака Айвена раздался страшный вопль:

— О-о-о! Берегитесь кумуди, сэр!.. Она лезет в лодку... Берегитесь, сэр!..

Наше воображение было достаточно распалено рассказами мистера Кана о чудовищных анакондах, и при крике Айвена в лодке поднялось форменное столпотворение. Боб вывалился из гамака. Мистер Кан вскочил на ноги, споткнулся о Боба и чуть не бултыхнулся в реку. Я тоже хотел выпрыгнуть из гамака, но он перекрутился, и, обмотанный бесчисленными москитными сетками, я плюхнулся на Боба. Мистер Кан вопил, чтобы ему дали ружье, Боб умолял, чтобы я слез с него, а я кричал, чтобы мне подали фонарик. Тем временем Айвен издавал какие-то нечленораздельные звуки — можно было подумать, будто анаконда обвилась вокруг его шеи. Отчаянно скача на четвереньках, я в конце концов нашел фонарик, зажег его и направил луч на Айвена. В этот же самый момент его голова поднялась над краем гамака и он сонно вытаращился на нас.

— Что-нибудь случилось, сэр? — спросил он.

— Где кумуди? — спросил я.

— Кумуди? — тревожно переспросил Айвен. — А что, где-нибудь поблизости есть кумуди?

— Я почему знаю? Это ты так решил, — ответил я. — Ты кричал, будто к нам в лодку лезет кумуди.

— Я кричал, сэр?

— Да.

Айвену было явно не по себе.

— Надо полагать, мне это приснилось, — сказал он.

Мы уставились на него как на ненормального... Он смущенно зарылся в свой гамак. Позже я узнал, что Айвену, если разбередить его рассказами о кумуди, снятся кошмары, он кричит, отчаянно мечется и благополучно будит всех вокруг, кроме себя самого. С ним и после бывали такие вещи, но со временем мы к ним привыкли, и таких кавардаков, как в ту ночь, больше не случалось. В конце концов мы распутались с гамаками и, уклонившись от предложения мистера Кана выслушать еще одну историю о кумуди, уснули.

Я проснулся перед самым рассветом и увидел, что мы уже снова плывем. Под негромкий рокот мотора лодка скользила вниз по широкой голубовато-серой в рассветных сумерках глади реки, окаймленной полосой деревьев. Воздух был прохладен и насыщен запахом цветов и листьев. Светало. Небо из серого становилось зеленым, последние звезды мерцали и гасли, поверхность воды курилась дымкой, которая кольцами и прядями плыла

над рекой, между стоящими на берегу деревьями с какой-то замедленной, «подводной» грацией — так колышутся от движения волн гигантские метелки морских водорослей. Затем небо из зеленого стало бледно-голубым, сквозь просветы между деревьями просматривалась взлохмаченная рать ярко-красных облаков; солнце всходило. Рокот мотора разносился далеко по притихшей реке, нос лодки с мягким шелковистым шинением вспарывал речную гладь. Мы прошли поворот и достигли устья; впереди, серое и беспокойное в утреннем свете, раскинулось море. На берегу реки наполовину в воде лежало мертвое дерево, кора свисала с него полосами, обнажая выбеленный солнцем ствол. Среди ветвей сидела пара красных ибисов — два гигантских алых цветка, выросших на мертвом стволе. При нашем приближении они поднялись в воздух и, лениво кружа, медленно хлопая крыльями и вспыхивая на солнце розовым, красным и алым, полетели вверх по реке, копыями выставив перед собой длинные изогнутые клювы.

Чтобы попасть в край ручьев, нам надо было выйти из устья реки и проплыть с милю вдоль берега моря. Масса воды, изливаемая рекой в море, бурлила и волновалась, и наша лодка скакала и перелетала с волны на волну, словно пущенный по поверхности воды камень, а крепкий бриз то и дело набрасывал на нас завесы водяной пыли. Вот мимо нас стройным клином пролетела стая пеликанов и с тяжелым плеском опустилась на воду ярдах в пятидесяти поодаль. Птицы уткнулись клювами в грудь и с типичным для них благожелательным выражением уставились на нас. Издали, качаясь на волнах вверх и вниз, они были до смешного похожи на стаю целлулоидных уток в грязной ванне.

Но вот мы повернули и направились к материку. Деревья на берегу стояли сплошной стеной, и я подумал, что наш рулевой решил лишь прижаться к суше на тот случай, если волны разыграются еще сильнее; в конце концов, лодка не была рассчитана для плавания по морю. Тем не менее мы плыли прямо на стену деревьев, она надвигалась все ближе и ближе, а рулевой и не думал отворачивать. Казалось, лодка вот-вот врежется в берег, но тут мы протиснулись под ветвями одного дерева, кустарник сомкнулся за нами, заглушив шум моря, и по узкому тихому ручью мы медленно вошли в совершенно иной мир.

Ручей был футов двадцать в ширину, с высокими берегами, поросшими густым подлеском. Перекрученные стволы деревьев сылетались над водой, образуя длинный узкий проход, и ветви их были увешаны лишайником, длинными водопадами серого моха, яркими ковриками из розовых и красных орхидей и множеством вьющихся зеленых растений. Вода у берегов ручья была скрыта от глаз под толстым сплетением водяных растений и усеяна множеством ярких мелких цветков. Местами этот красивый узорча-

Д тый ковер из листьев и цветов был испещрен блестящими зелеными тарелками — листьями водяных лилий, жавшихся в кучки вокруг своих остроконечных бело-розовых цветов. Вода в ручье была глубокая и прозрачная, густого рыжевато-коричневого цвета. Воздух над этим забитым зеленью лотком был горяч и неподвижен, и мы, словно в полудреме, сидели на крыше лодки, греясь на солнце и наблюдая все новые виды, которые открывались нам, по мере того как лодка продвигалась по лениво извивающемуся руслу ручья.

В одном месте ручей резво выплескивался из берегов и разливался на пространстве в несколько акров, затопляя прибрежную долину. Лодка зигзагами продвигалась в коричневатой воде между древесными стволами, окруженными ободками из водяных лилий и водорослей. На травянистом берегу грелся на солнце небольшой кайман; он лежал, чуть раскрыв пасть в злобном оскале, а при виде нас поднял голову, щелкнул челюстями и скользнул в воду, пробив рваную дырку в зеленом покрове растительности у берега. Дальше вверх по течению берега становились как бы волнистыми от множества плавно округленных бухт, каждая из которых была оторочена розовыми водяными лилиями, неподвижно лежавшими на темной, словно полированной воде. Их листья составляли нечто вроде зеленого, усеянного цветами настила, игриво разбегавшегося по воде в разные стороны. На одном таком естественном настиле мы увидели самку яканы, которая вела за собой выводок пушистых, недавно вылупившихся птенцов, каждый чуть побольше грецкого ореха. Якана похожа на шотландскую куропатку, только ее длинные, стройные ноги оканчиваются кистью тонких, очень длинных пальцев. Глядя на эту птицу, понимаешь, какую службу служат ей тонкие пальцы. Якана осторожно ступала по зеленым плиткам естественного настила, помещая тяжесть тела точно по центру листа, и пальцы ее, растопыриваясь, как лапы у паука, равномерно распределяли ее вес по его поверхности. Листья лишь чуть-чуть вздрагивали и слегка погружались в воду под ее ногой, но не больше. А ее выводок роем золотисто-черных шмелей семенил вслед за ней; птенцы были такие легкие, что могли собраться все вместе на одном листе, не стронув его с места. Якана вела их по настилу из листьев быстро и осторожно, и малыши бежали за ней, послушно останавливаясь всякий раз, пока мамаша испытывала новый лист. Достигнув конца настила, якана нырнула, и малыши один за другим последовали за ней. Лишь несколько серебряных пузырьков да ушедший в воду лист напоминали о том, что они только что были здесь.

В конце затопленной долины воды ручья послушно возвращались в предначертанное русло и устремлялись через поросшую густым лесом местность. Деревья жались все ближе одно к другому — и вот уже мы плывем в

зеленом полумраке под сводом из ветвей и листьев по эбеново-черной воде, местами тронутой серебряными бликами света, пробивающегося сквозь листву над нашей головой. Внезапно с дерева, мимо которого мы проплывали, вспорхнула птица; она пролетела по сумрачному туннелю и опустилась на залитый солнцем ствол. Это был крупный черный дятел с длинным, курчавым, винно-красным гребнем и клювом цвета слоновой кости. Он глядел на нас, прилепившись к коре, пока к нему не присоединилась его подруга, и тогда они принялись споватывать вверх и вниз по стволу, с важным видом простукивая его клювами и прислушиваясь со склоненной набок головой. Время от времени они раздражались короткими приступами пронзительного металлического смеха и на своем жутковато-непонятном птичьем языке переговаривались между собой по поводу какой-то одним им ведомой шутки — ни дать ни взять два сумасшедших рыжеволосых врача, простукивающих грудь пациента и восхищенно хихикающих над обнаруживаемыми ими симптомами болезни: червоточиной, туберкулезными пятнами сухой гнили и полчищами личинок, неустанно грызущих их пациента. Казалось, дятлов все это страшно забавляет.

Это были невиданные, фантастического обличья птицы, и я преисполнился решимости пополнить свою коллекцию несколькими экземплярами. И показал на них Айвену.

— Как их здесь называют, Айвен?

— Птицы-плотники, сэр.

— Надо добыть несколько экземпляров.

— Они у вас будут, — сказал мистер Кан. — Не беспокойтесь, шеф, я добуду вам все, что вы пожелаете.

Я следил взглядом за дятлами. Перелетая с дерева на дерево, они в конце концов исчезли в переплетении зарослей. Дай бог, чтобы мистер Кан сдержал свое слово, — я в этом что-то сильно сомневался.

Под вечер мы приблизились к месту назначения — затерявшейся в глубинах края ручьев индейской деревушке с маленькой миссионерской школой. Оставив главный ручей, мы вошли в приток поуже, от берега до берега затинутый плотной пеленой водяных растений. Эта зеленая лужайка была усеяна множеством крохотных, с наперсток величиной, розовато-лиловых, желтых и розовых цветов на коротеньких, в каких-нибудь полдюйма высотой, стебельках. Я сидел на носу, и мне казалось, будто лодка плавно скользит по зеленой, поросшей водорослями дорожке, и только волнообразное колыхание слоя растений у нас за кормой говорило о том, что внизу под нами вода.

На протяжении нескольких миль мы плыли по этой чудесной дорожке, извивавшейся среди лесов и лугов, и наконец она привела нас к полоске

Д светлого берега, на котором росли пальмы. Мы увидели хижины, полуспрятанные между деревьями, и несколько каное, вытащенных на чистый песок. Когда мы заглушили мотор и по инерции медленно подходили к берегу, нам навстречу с криками и смехом выбежала ватага совершенно голых ребятишек с лоснящимися на солнце телами. За ними шел высокий негр; как только мы причалили, он отрекомендовался нам школьным учителем. Окруженный шумной толпой смеющихся ребятишек, он повел нас по полосе светлого прибрежного песка к одной из хижин и потом ушел, пообещав вернуться, как только мы распакуем багаж и устроимся на новом месте. После шума мотора, целый день долбившего нам в уши, тишина и покой маленькой хижины среди пальм действовали невероятно успокаивающе. В этой блаженной тишине мы распаковались и поели, и даже мистер Кан, явно поддавшись очарованию места, не возмущал спокойствия.

Вскоре вернулся школьный учитель, а с ним один из его маленьких учеников. «Мальчик желает знать, не купите ли вы у него вот это», — сказал учитель.

«Это» оказалось детенышем енота-крабоеда, крохотным комочком пуха с блестящими глазами — вылитая копия щенка чау-чау. На его морде и в помине не было той печати меланхолии, которой суждено появиться на ней позднее. Он был полон задора, вертелся, скакал и не больно кусался своими крохотными молочными зубами, размахивая, словно флагом, пушистым хвостом. Если б даже он был мне не нужен, я и тогда не устоял бы против искушения приобрести такую прелесть. На мой взгляд, он был слишком мал, чтобы жить в одной клетке со взрослым енотом, а потому я соорудил ему отдельную, и мы водворили его на новое место жительства. Туго набив животик молоком и рыбой, он свернулся клубком на ворохе сухой травы, победоносно рыгнул и заснул.

Учитель предложил на следующее утро прийти к нему на урок и показать детям изображения требуемых животных. По его словам, у многих из его учеников были ручные животные, с которыми они, может быть, расстанутся. И еще он обещал поискать хороших охотников, которые могли бы показать нам край ручьев и помочь при ловле животных.

Итак, наутро мы с Бобом пришли в школу и объяснили сорока юным индейцам, зачем мы к ним пожаловали, какие животные нам нужны и какие цены мы готовы платить. Все они проявили необычайное воодушевление и обещали сегодня же принести своих питомцев — все, за исключением одного маленького мальчика, который с взволнованным видом начал быстро перешептываться со своим учителем.

— Он говорит, — объяснил учитель, — что у него есть очень хорошее животное, только оно слишком велико и его нельзя привезти в каное.

— Что это за животное?

— Он говорит, дикая свинья.

Я повернулся к Бобу.

— Может, съездишь сегодня за ней в лодке?

Боб тяжело вздохнул.

— Ладно уж, — сказал он. — Только пусть ее как следует свяжут.

После полудня Боб вместе с мальчиком отправился на лодке за дикой свиньей, или пекари. Я дал ему наказ покупать все стоящее, что он увидит в деревне индейцев, и с надеждой стал ждать его возвращения. Как только он уехал, начали приходить дети, и вскоре я с головой ушел в увлекательное и волнующее занятие — отбор животных.

Со всех сторон меня окружали улыбающиеся индейцы и диковинные звери. Больше всего, пожалуй, было агути, золотисто-коричневых зверьков с длинными тонкими ногами и кроличьими мордами. Этот не особенно умный зверь до того нервен, что закатывается в истерику, стоит лишь чуть дохнуть на него. Затем шли паки, толстые, как поросята, шоколадного цвета животные с кремовым крапом, собранным в полосы вдоль тела. Было тут и с пяток говорливых обезьян саймири и капуцинов, скакавших на привяли либо, как по кустам, сновавших вверх и вниз по своим владельцам. Многие принесли удавов, красиво раскрашенных в розоватый, серебристый и рыжевато-коричневый тона, свернувшихся кольцами на запястьях и поясах своих хозяев. Кое-кто, может быть, удивится, что дети выбрали их в качестве домашних животных, однако индейцам не свойствен нелепый страх европейцев перед змеями. Они держат удавов в своих жилищах и предоставляют им полную свободу передвижения, взамен змеи выполняют функции, в цивилизованных странах обычно возлагаемые на кошек, иначе говоря, уничтожают крыс, мышей и прочую съедобную нечисть. На мой взгляд, лучше нельзя и придумать: ведь удав куда прилежней истребляет крыс, чем любая кошка, и к тому же более красив как декоративный элемент; удав, изящно, как это умеют делать только змеи, обвившийся вокруг балки вашего дома, ничуть не худшее украшение для жилища, чем красивые редкие обои, и к тому же вы имеете то преимущество, что украшение само добывает себе пропитание.

В тот самый момент, когда я рассчитывался с последним из ребятишек, раздался дикий звенящий хохот, и мы увидели краснохохлого дятла. Он пролетел над поляной и скрылся в чаще леса.

— Ой, — вскрикнул я, — хочу одного такого!

Разумеется, дети не поняли моих слов, но мои жесты и просительная, умоляющая интонация говорили сами за себя. Они засмеялись, закивали, затопали ногами и затараторили между собой, и это вселило в меня надежду.

Ду, что дятел у меня будет. Когда ребяташки ушли, я принялся строить клетки для вновь приобретенных животных. Это была долгая работа, и к тому времени, как я ее закончил, издали послышался слабый рокот мотора. Лодка возвращалась, и я вышел на берег встречать Боба с пекари.

Вот показалась лодка. Боб и Айвен с напряженным выражением лиц сидели спиной к спине на большом ящике, стоявшем на палубе-крыше. Вот лодка ткнулась носом в песок, и Боб, не трогаясь с места, просверлил меня взглядом.

— Достали? — нетерпеливо спросил я.

— Спасибо, достали, — ответил Боб. — Как выехали из деревни, только и делаем, что удерживаем ее в этом проклятом ящике. Похоже, ей не очень-то правится сидеть взаперти. Если я не ослышался, речь шла о ручном животном? Да что там, я просто отлично помню, как ты говорил, что она ручная. Только поэтому я согласился за ней поехать.

— Но ведь мальчик и вправду говорил, что она ручная.

— Мальчик ошибся, — холодно отозвался Боб. — Эта тварь, по-видимому, страдает клаустрофобией¹.

Мы быстро перенесли ящик с лодки на берег.

— Берегись, — предупредил Боб. — Она уже расшатала несколько планок сверху.

В этот самый момент пекари подпрыгнула в ящике, и результат был таков, будто ящик долбанули изнутри кувалдой. Планки так и брызнули во все стороны. В следующую минуту оцетинившаяся, разъяренная свинья выдралась наружу и, свирепо фыркая, понеслась вскачь от берега.

— Вот, — сказал Боб, — я так и знал!

На полпути между берегом и деревней пекари повстречалась с кучкой индейцев и заметалась среди них, яростно визжа и кусая их за ноги; ее острые, в полдойма клыки так и клацали, когда она смыкала челюсти. Индейцы бросились к деревне, свинья за ними, мы с Айвеном за свиньей. Когда мы добежали до деревни, она была пуста, словно вымерла, а свинья наскоро закусывала какой-то снедью, подобранной под пальмой. Мы, как нам казалось, совершенно неожиданно нагрянули на нее из-за угла хижины, но она и ухом не повела. Бросив еду, она ринулась прямо на нас с таким чавканьем и визгом, что у нас кровь в жилах застыла. Следующие несколько мгновений прошли в тихом ужасе: пекари кружила вокруг нас, визжа и молотя челюстями, а мы с Айвеном прыгали как ненормальные, проявляя быстроту и грациозность под стать любой балерине. В конце концов свинья, решив, что мы для нее слишком увертливы, отступила в про-

¹ Боязнь закрытых пространств. — *Примеч. пер.*

межуток между двумя хижинами и заняла там позицию, издевательски хрюкая в нашу сторону.

— Обойди хижину и сторожи ее там, — задышав, проговорил я. — А я буду держать ее здесь.

Айвен исчез за углом хижины, и тут я увидел мистера Кана; он вразвешенно колыхал по песку в нашу сторону, и в голове у меня мелькнула злобная мысль.

— Мистер Кан! — позвал я его. — Вы нам не подсоби́те?

— Разумеется, шеф, — просиял он. — Что от меня требуется?

— Стойте здесь и сторожите вот этот проход, ладно? Там пекари, ее нельзя выпускать. Я мигом вернусь.

Мистер Кан подозрительно воззрился на пекари, а я добежал до нашей хижины, достал толстый брезентовый мешок и тщательно обмотал им свою левую руку. Затем во всеоружии вернулся на поле битвы. Здесь я, к своей великой радости, увидел, что мистер Кан, тяжело пыхтя, носится вокруг пальм, а на пятках у него висит свинья. К моему разочарованию, при виде меня пекари сразу же прекратила преследование и снова отступила в проход между хижинами.

— Бог ты мой, — произнес мистер Кан, — какая свирепая свинья!

Он уселся в тени и стал обмахивать себя большим красным платком, а я протиснулся в проход между хижинами и стал медленно подступать к свинье. Она стояла совершенно неподвижно и следила за мной, время от времени клацая челюстями и тихонько похрюкивая. Подпустив меня к себе на шесть футов, она перешла в нападение. Когда она подскочила ко мне, я правой рукой схватил ее за ошестиненный загривок, а левую, обернутую брезентом, сунул ей прямо в пасть. Она отчаянно заработала челюстями, но не смогла прокусить брезент. Тут я передвинул правую руку с ее загривка дальше к спине, крепко обхватил ее поперек жирного туловища и приподнял. Почувствовав себя в воздухе, она словно потеряла всю свою решимость, перестала кусать мою руку и жалобно завизжала, дрыгая своими коротенькими задними ножками. Я отнес ее к нашей хижине, подобрал для нее ящик покрепче, и вот уж пекари по уши ушла рылом в миску с рублеными бананами и молоком, фыркая от удовольствия. Отныне она никогда уже не устраивала нам таких представлений и не брала на себя роль Грозы Джунглей, а даже, наоборот, стала до смешного ручной. Один только вид миски, из которой ее кормили, исторгал у нее экзотически восторженное похрюкивание, некую чудовищную песню, кончавшуюся лишь тогда, когда она зарывалась рылом в миску и набивала себе полный рот. Она любила, чтобы ее чесали, и, если это длилось долго, заваливалась на бок и лежала неподвижно, зажмурившись и сладко похрюкивая. Мы окрестили

Д ее Перси, и даже Боб полюбил ее, сильно подозреваю, главным образом потому, что он видел, как она гоняла мистера Кана вокруг пальм.

Бедный мистер Кан! Он так старался быть полезным и урвать себе долю славы при приобретении нового животного, пусть даже он не принимал никакого участия в его поимке. Но чем больше он скакал, колыхался и сиял улыбками, тем больше он нас раздражал. После случая с Перси, когда ему пришлось удирать от нее, он преисполнился непреклонной решимости восстановить свой престиж, который, он это чувствовал, был полностью утрачен. Он всеми силами пытался смыть с себя позор, но Перси была постоянным, живым, хрюкающим напоминанием о дне, когда он, великий охотник Кан, был обращен в бегство дикой свиньей на глазах всего честного народа. И вот настал день, когда мистеру Кану подвернулся случай покрыть себя славой, и он ухватился за него обеими своими жирными руками. Однако результат оказался весьма плачевным.

Дело было так. Мы с Бобом провели весь день на ручьях и вернулись домой усталые и голодные. Подходя к нашей хижине, мы с удивлением увидели мистера Кана, который, приплясывая, двигался по берегу навстречу нам, в равной мере сочась потом и торжеством. С закатавшими, как у заправского трудяги, рукавами рубахи, в насквозь промокших ботинках и брюках, он с интригующим видом что-то прятал от нас в руке за спиной. Трясаясь всем своим животом от несвойственной ему прыти и искрсясь зубами на солнце, он, задыхаясь, проговорил:

— Шеф! А ну-ка, отгадайте, кого я поймал. А ну, попробуйте. Нипочем не отгадаете. Как раз то, что вы хотели. Вы с ума сойдете от радости. Я обещал вам его добыть — и вот, пожалуйста.

С этими словами он протянул мне свою огромную лапу — на ней лежало что-то бесформенное и липкое, сплошь покрытое пеной. Комок этот слегка трепыхался. Мы с Бобом молча глядели на него.

— Что это? — спросил наконец Боб.

— Как что? — явно задетый, отозвался мистер Кан. — Это один из тех плотников, которых мистер Даррелл так хотел иметь.

— Что такое? — вскрикнул я. — А ну-ка, разрешите взглянуть.

Мистер Кан вложил странный предмет в мои руки, и он очень прочно прилип к ним. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он действительно был некогда птицей.

— Что с ней случилось? — спросил я.

Мистер Кан объяснил. Дятел по каким-то одному ему известным причинам залетел днем в нашу хижину, и мистер Кан с величайшим присутствием духа ринулся ловить его сачком. Он гонялся за ним так, что у бедной птахи голова кругом пошла. Наконец удачным ударом мистер Кан сбил

дятла, но, на его беду, у нас в хижине стоял большой кувшин с патокой, и дятел с роковой неумолимостью угодил прямо в него. Ничтоже сумняшеся мистер Кан выудил птицу из кувшина и понес ее, капающую патокой с каждого перышка, к ручью, где принялся энергично оттирать и отмывать ее с помощью карболового мыла. Предмет, лежавший у меня на ладони и похожий на кусок тающего медового сота, весь покрытый розовой пеной, был очень красивой птицей, до того как мистер Кан приложил к ней руку. Уму непостижимо, как она прожила так долго; бедняжка скончалась у меня на ладони, в то время как мистер Кан с торжествующим видом заканчивал свой рассказ. Когда я сказал, что его добыча уже труп, и труп весьма неприглядный, он пришел в страшное негодование и уставился на птицу с таким видом, будто она нарочно, назло ему залетела в кувшин с патокой. Следующие два дня, уязвляемый нашими недобрыми замечаниями, он, кридучись, ходил по хижине с сачком в руке, надеясь, что ему снова представится случай отличиться, но второй дятел так и не появился. С тех пор, когда надо было заткнуть рот мистеру Кану, стоило завести разговор о дятлах и пекари — и он становился необыкновенно молчалив.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЖАБА С КАРМАШКАМИ

Пожалуй, половину всего времени, что мы пробыли в краю ручьев, мы провели на воде. В сущности говоря, мы и жили-то на острове, со всех сторон окруженном сетью ручьев самой различной ширины и глубины, представлявших в сложную систему водных путей. Вот и выходило, что обследовать окрестности можно было только по воде. Днем мы отправлялись в длительные поездки в дальние индейские поселения, а вечером обшаривали ручьи вокруг деревни в поисках ночных животных. Очень скоро мы обнаружили, что водные дороги окрест кишат детенышами кайманов трех различных видов. В длину они были от шести дюймов до трех-четырех футов и, следовательно, как нельзя лучше устраивали нас в качестве пополнения зверинца. Мы нашли, что ловить их лучше всего ночью с помощью фонаря: днем они слишком осторожны и не подпускают человека близко, ночью же их можно ослепить ярким светом. На ночную охоту мы отправлялись после обеда, когда вода в тихих, безмолвных ручьях еще хранила солнечное тепло. Гребец-индеец сидел на корме, мы с Бобом, с трудом сохраняя равновесие, располагались на носу с фонариком, несколькими прочны-

Д ми мешками и длинной палкой с петлей на конце. Молча плыли мы по ручью, пока сноп света от фонаря не выхватывал из темноты пару огромных рубинов, лежащих на подстилке из водяных растений и листьев лилий, окаймлявших берега. Яростными жестами мы указывали гребцу направление, и он, без всплеска погружая в воду весло, медленно и плавно толкал каноэ по полированному зеркалу воды, будто улитка ползла по оконному стеклу. Чем ближе мы подбирались к паре горящих глаз, тем медленнее становилось наше продвижение. Вот уже считанные футы отделяют нас от водяных растений, из-за которых выглядывает голова каймана. Все время светя ему прямо в глаза, мы дюйм за дюймом опускаем петлю и осторожно накидываем ему на шею. Процедура эта требует немалой сноровки, но, раз освоенная, дается уже без труда. Как только петля заводится за выпученные глаза, мы рывком поднимаем палку, и кайман пулей выскакивает из водорослей, бешено извиваясь и тоненько похрюкивая, совсем как поросенок. Разумеется, охота не всегда бывала удачной: порой гребец не рассчитывал скорость и нос каноэ касался края водорослей, слегка морщина водную гладь. Раздавался громкий всплеск, и голова каймана исчезала, а на ее месте оставалась лишь рваная дыра в переплетении водорослей с мерцающей в ней водой.

Однажды вечером нам очень повезло, и мешки быстро наполнились. Со дна каноэ несло такое хрюканье и пыхтение, что дальнейшая охота стала невозможна. Поскольку время было еще не позднее, решено было отослать каноэ с уловом в деревню, а самим остаться и ждать. Каноэ со своим шумным грузом уплыло в деревню, мы с Бобом, высадившись на удобном травянистом берегу, медленно побрели вдоль кромки воды, разыскивая лягушек.

Принято считать, что лягушка везде лягушка и что лягушка в Южной Америке ничем не отличается от своих европейских собратьев. Но это далеко не так. Лягушки, как и другие животные, неодинаковы в разных странах, являя величайшее разнообразие форм, размеров, расцветок и повадок. В Азии, например, водятся так называемые летающие лягушки. Это большие, живущие на деревьях животные с удлинненными пальцами, соединенными широкой перепонкой. Полагают, что когда лягушка перескакивает с дерева на дерево, она широко растопыривает пальцы, так что перепонки натягиваются и, словно крылья, позволяют ей планировать. В Западной Африке водятся гигантские лягушки-голнафы, они достигают двух футов в длину и могут съесть крысу, а в Южной Америке есть лягушки-лилипуты, свободно умещающиеся на ногте мизинца.

Бока и лапы самца волосатой лягушки, которая родом тоже из Западной Африки, покрыты как бы толстым слоем волос, во всяком случае, так

кажется с первого взгляда, на самом же деле это не волосы, а тончайшие, словно нити, выросты кожи. Есть у них и втягивающиеся, как у кота, когти. Что же касается расцветки, то лягушки, пожалуй, единственные животные, которые могут серьезно соперничать в этом отношении с птицами: лягушки бывают красные, зеленые, золотистые, синие, желтые и черные, а их узоры могли бы сделать состояние любому художнику-декоратору. Но поистине замечательные достижения лягушки показывают в пестовании своего потомства. Так, европейская жаба-повитуха не мечет икру в первой попавшейся канаве, а поручает ее самцу, который наматывает ее на задние лапы и ходит в таком виде до тех пор, пока икра не созреет. Один вид древесной лягушки склеивает вместе два листка и, когда в такую «чашу» наберется вода, мечет икру в этот самодельный водоем. Другой вид свивает где-нибудь на верхушке дерева гнездо из пены и мечет икру в этот импровизированный инкубатор, причем момент икрометания выбирается так, чтобы внешний слой пены успел затвердеть, а внутренность инкубатора осталась влажной. Как только головастики достаточно подрастут, чтобы самим заботиться о себе, твердая внешняя оболочка растворяется, и они падают с дерева в воду.

Гвиана поистине более чем богата лягушками, гораздо больше, чем всяческие ухищрения, когда речь идет о сохранении икры и потомства, и край ручьев оказался как нельзя более подходящим местом для охоты на них. Этой же ночью, ожидая возвращения каноэ, мы сделали два первых открытия. Дело было так. Боб увлеченно прочерпывал ручей сачком на длинном черенке, я, крадучись, с алчно горящим взглядом бродил вокруг деревьев, ползатоппленные корни которых, извиваясь, тянулись вдоль берега. С помощью карманного фонаря мне удалось поймать трех крупных древесных лягушек темно-зеленого цвета, с большими выпученными глазами. Это были квакши Эванса, у которых самка носит икринки на спине уложенными в рядки, словно булыжники на мостовой. К сожалению, все лягушки были без икры. Не успел я порадоваться интересной добыче, как раздался крик Боба:

— Джерри, поди-ка сюда, посмотри, что я поймал!

— Что там у тебя? — прокричал я, посадив своих лягушек в мешок и устремляясь к нему по берегу.

— Никак не разберу, — озадаченно ответил Боб. — Должно быть, какая-то рыба.

Он держал сачок наполовину в воде, и в нем плавало какое-то существо, с первого взгляда действительно напоминавшее рыбу. Я всмотрелся внимательнее.

— Это не рыба, — сказал я.

Д

— Что тогда?

— Это головастик, — ответил я, еще раз внимательно оглядев странное существо.

— Головастик? — переспросил Боб. — Не смей людей. Погляди, каких он размеров. Это какая же лягушка из него вырастет!

— Говорю тебе, это головастик, — настаивал я. — Вот взгляни.

Я запустил руки в сачок и вытащил странное существо из воды. Боб осветил на него фонариком. Как я и полагал, это был головастик, но какой! Таких больших и толстых я еще ни разу не видел. Он был дюймов шести в длину и с крупное куриное яйцо в обхвате.

— Головастиком эта штука быть не может, — сказал Боб, — а кем она может быть, просто ума не приложу.

— Это головастик, как пить дать, вопрос только: какой лягушки?

Мы стояли и смотрели на гигантского головастика, который резво плавал в стеклянной банке, куда мы его посадили. Я усиленно напрягал память: мне казалось, что я где-то читал об этих чудовищных мальках. И несколько минут спустя я вспомнил.

— Знаю, — сказал я. — Это парадоксальная водяная жаба.

— Что-что?

— Парадоксальная жаба. Помнится, я где-то читал о ней. Ее называют так потому, что ее головастик, развиваясь, делается не из маленького большим, а наоборот.

— Наоборот? — в полном недоумении переспросил Боб.

— Ну да, развитие начинается с очень большого головастика, потом он делается все меньше и меньше и, наконец, превращается в средней величины жабу.

— Но это же абсурд, — возразил Боб. — Должно быть наоборот.

— Ну да. Поэтому ее и называют парадоксальной.

Боб на минуту задумался.

— Ладно, сдаюсь, — наконец сказал он. — Как она выглядит?

— Помнишь тех маленьких зеленоватых жаб, которых мы ловили в Эдвенчер? Тех, величиной с наших английских? Ну так вот, по-моему, это они и есть, только тогда мне это и в голову не приходило.

— Невероятно, — сказал Боб, задумчиво разглядывая гигантского головастика, — ну да ладно, поверим тебе на слово.

Мы снова принялись работать сачком и, когда каноэ вернулось, могли похвастаться еще двумя огромными головастиками. Вернувшись домой, мы внимательно рассмотрели головастиков при ярком свете. За исключением своих колоссальных размеров, они ничем не отличались от головастиков, которых можно наловить весной в любом английском пруду, вот разве

что цветом они были не черные, а крапчатые, зеленовато-серые. Прозрачные края их хвостов были как заиндевевшее стекло, а губастые рты смешно надуты, словно они посылали нам через стекло воздушные поцелуи. Вид таких вот громадных головастика, которые, извиваясь, без устали крутятся в банке, вселяет чувство некоторой жути. Вообразите себе свой испуг, если, гуляя по лесу, вы столкнетесь нос к носу с муравьем величиной с терьера или со шмелем величиной с дрозда. Они вроде бы и обыкновенные, но, увеличенные до фантастических размеров, производят ошеломляющее впечатление, и вы невольно спрашиваете себя, уж не снится ли вам все это.

Мы до того обрадовались своему новому приобретению, что на следующую ночь вернулись на то же место с сачками, банками и прочими принадлежностями и в первые же полчаса поймали еще двух квакш Эванса, а после долгого прочерпывания ручья — еще одного гигантского головастика. После этого мы в течение трех часов не вычерпали ничего, кроме веток и чудовищного количества отвратительного ила со дна ручья. Боб, не теряя надежды, продолжал цедить воду сачком, а я отделился от него и, пройдя дальше вниз по течению, наткнулся на мелкий и узкий, чуть пошире сточной канавы, приток, сплошь забитый листьями. Он, извиваясь, отходил от основного ручья и терялся в группе низкорослых деревьев. Решив, что на притоке охота может оказаться более удачной, я позвал Боба, и мы вместе принялись прочерпывать его, продвигаясь вверх по течению. Но казалось, живности в нем было еще меньше, чем в основном ручье. Я вскоре присел покурить, а Боб упорно продолжал работать сачком, уходя все дальше и дальше от меня. Вот он вытащил сачок, как и следовало ожидать, полный набухших влагой листьев, вывалил его содержимое на берег и уже собиравшись вновь погрузить сачок в воду, как вдруг остановился и стал пристально рассматривать что-то в куче листьев, только что выуженных из воды. Потом бросил сачок и с радостным воплем стал копаться в листьях.

— Что там у тебя? — спросил я.

Боб схватил что-то в пригоршни и зашлясал от радости.

— Это она! — вопил он. — Это она!

— Кто она?

— Жаба пипа.

— Врешь, — недоверчиво сказал я.

— Ну так поди да посмотри, — сказал Боб. Его так и распирало от гордости.

Он раскрыл ладони, и я увидел странное и уродливое существо. Честно сказать, выглядело оно совсем как бурая жаба, но такая, по которой проехался очень тяжелый паровой каток. Ее короткие тоненькие лапы жестко

Д торчали по углам квадратного тела, словно охваченного трупным окоченением. Морда у нее была острая, глазки крохотные, и вся она была плоская, как блин. Боб не ошибся: это был крупный самец пипы — пожалуй, самой интересной из всех амфибий на свете. Боб гордился и волновался не зря: с первого дня нашего пребывания в Гвиане мы старались раздобыть это животное, но безуспешно. А теперь в самом, казалось бы, неподходящем месте, когда мы и думать забыли о пипе, мы нашли ее. Легко себе представить наше восторженное беснование и самоупоение по поводу уродины, лежавшей в горстях у Боба, между тем как всякий другой на нашем месте наверняка пропикся бы отвращением к такой добыче и поспешно выбросил ее. Немного придя в себя, мы засучили рукава и принялись с яростным ожесточением протрапывать каждый дюйм маленького притока, воздвигая на его берегах пирамиды гниющих листьев, которые мы перебирали с рвением двух обезьян, ищущих друг у друга в шерсти. Наше упорство было вознаграждено: за час работы мы нашли еще четырех фантастических жаб, причем одна из них оказалась самкой с икрой — добыча, не имевшая цены в наших глазах, потому что самое необыкновенное в пипе — это ее способ выведения потомства.

В брачную пору, перед икрометанием, у большинства видов жаб и лягушек представителей обоих полов какое-то время можно видеть вместе. Самец в иступлении страсти обхватывает самку «под мышки» и продолжительное время остается у нее на спине, сжимая ее в брачном объятии. В конце концов самка мечет икру, а самец оплодотворяет ее. У пип этот процесс совершается несколько иначе. Самец забирается самке на спину и обхватывает ее поперек груди, согласно общему правилу. Но когда наступает момент икрометания, самка выпускает из заднепроходного отверстия длинный трубкообразный яйцеклад и загибает его себе на спину, просовывая под живот самца. Когда яйцеклад должным образом уложен, самец начинает ерзать по спине самки, массируя яйцеклад и выдавливая из него икру, которая неровными рядами укладывается на коже самки и прилипает к ней словно приклеенная. В начале брачной поры кожа на спине самки становится мягкой и рыхлой, как губка, и после оплодотворения икринки внедряются в нее, образуя в ней чашеобразные углубления. Верхняя часть икринок, выступающая над поверхностью кожи, твердеет и образует как бы маленькие выпуклые купола. Вот и выходит, что самка пипы носит всю свою икру в многочисленных маленьких кармашках на спине. В этих-то кармашках ее потомство и проводит свое раннее детство, превращаясь из икринок в головастиков, а из головастиков — в жаб. Когда детеныши подрастут, они отжимают крышку на верху кармана и выходят в новый, отвсюду грозящий им опасностями мир.

Самка, которую мы поймали, должно быть, лишь недавно уложила свои икринки: крышки карманов еще не успели затвердеть. Несколько недель спустя кожа на ее спине стала еще более поздраватой и набухшей, будто пораженная проказой, а карманы еще более оттопыренными. Когда детеныши достаточно подросли, чтобы покинуть спину матери, мы плыли на пароходе где-то посреди Атлантики. Лучшего момента они не могли и выбрать. Наши жабы сидели в банках из-под керосина, которые, как и пещ мой зверинец, стояли в пароходном трюме. Первое указание на то, что среди амфибий назревает счастливое событие, я заметил однажды утром, спустившись в трюм смешить воду в банках. Самка лежала, распластавшись на поверхности воды в своей обычной позе, тяжелая и раздутая, выглядя так — все пипы выглядят так, отдыхая, — будто она умерла несколько недель назад и уже частично разложилась. Я внимательно ее оглядел — я все время так делал, чтобы увериться, что она и вправду не умерла, — как вдруг заметил какое-то копошение у нее на спине. Присмотревшись, я увидел крошечную лапу, она торчала прямо из спины жабы и слабо колыхалась, из чего я заключил, что наконец-то настал великий момент. И пересадил роженицу, которая не подавала признаков жизни, в отдельную жестянку и поставил жестянку так, чтобы во время работы она постоянно была у меня перед глазами. Я был очень взволнован и решил не пропустить ни единой минуты этих необычных родов.

Все утро я то и дело заглядывал в жестянку и отмечал величайшее оживление в карманах: крошечные руки и ноги высовывались из них под самыми невероятными углами, неуверенно помахивали в воздухе и поспешно прятались обратно. Раз из одного кармана показались голова и лапы детеныша, и впечатление было такое, будто кто-то высовывается из люка. Когда я наклонил жестянку, чтобы получше разглядеть его, жабеныш оробел и, отчаянно заработав лапами, снова упрятался в карман. Жаба, казалось, совершенно не замечала ерзанья, дрыганья и толкотни, разыгравшихся на ее пространной спине. Она лежала на воде и была как мертвая.

Лишь ночью того же дня малютки набрались сил, чтобы покинуть мать, и я бы пропустил этот необыкновенный исход, если бы не заглянул случайно в банку около полуночи. Я только что управился с последними делами — раздал броненосцам грелки, так как похолодание эти зверьки чувствовали острее, чем все остальные животные. И вот, перед тем как потушить свет и вернуться к себе в каюту, я заглянул в наше родильное отделение и с удивлением увидел крошечную копию мамыши, плавающую рядом с ней на поверхности воды. По всей видимости, великий момент родов настал.

Д Хотя последние два часа я только о том и думал, как бы дорваться до койки и завалиться спать, при виде этой странной уродливой амфибии сонливость с меня как рукой сняло. Я протаскил через весь трюм дуговой фонарь, повесил его над жестянкой, присел и стал наблюдать.

Уже до этого мне приходилось быть свидетелем величайшего множества самых различных рождений. Я видел, как с живостью ргути распадается надвое амеба, видел кур, с кажущейся легкостью осуществляющих процесс яйцекладки, видел долгие родовые муки коровы и быстрое, изящное рождение олененка, беспечно-небрежное икрометание рыб и полное драматизма, невероятно «человеческое» рождение детеныша обезьяны. Все это волновало и захватывало меня. Есть в природе и множество других явлений, порой вполне заурядных, на которые я не могу смотреть без трепета благоговения. Это превращение головастика в полулягушку, а затем в лягушку; фантастическое зрелище паука, когда он выходит из собственной шкурки и удаляется восвояси, оставляя на земле прозрачную, микроскопически верную копию самого себя, недолговечную, как пепел, которому суждено быть развеянным ветром; превращение аляповатой и уродливой куколки, когда она лопается, высвобождая чудесно расцвеченную бабочку или мотылька, — преобразование, равного которому не сыщешь ни в одной сказке. Но лишь в редких случаях увиденное поглощало и изумляло меня так, как в ту ночь посреди Атлантики, когда появлялись на свет детеныши пиры.

Сначала оживание в банке ограничивалось лишь маханием рук и ног. Решив, что младенцам мешает резкий свет фонаря, я затенил его, и это послужило сигналом к форсированию событий. В одном из карманов я увидел его крошечного обитателя; он отчаянно барахтался и штопоробразно извивался, так что вначале в отверстии показались его лапы, а потом голова. После этого он на некоторое время затих, а отдохнув, принялся окончательно проталкивать через отверстие голову и плечи. Затем он снова передохнул: выдираться из стеснявшей его толстой, эластичной кожи мамаша было явно нелегко. Потом он завихлялся, словно рыба, мотая головой из стороны в сторону, и его тело стало медленно выбираться из кармана наподобие пробки, нехотя вылезающей из горлышка бутылки под давлением газа, — и вот уже он лежит в изнеможении на спине мамаша, лишь одной ногой увязая в ячейке, так долго служившей ему колыбелью. Затем он прополз по шероховатой, изрытой кратерами спине матери, скользнул в воду и замер на ее поверхности. Еще одна крохотная жизнь вступила во вселенную. Он и его брат, плававший рядом с ним, свободно уместились бы на шестипенсовике, но при всем том они были самые настоящие маленькие

пины и с первой же минуты, как попали в воду, умели плавать и нырять с поразительной энергией и быстротой.

Я уже пронаблюдал за появлением на свет четырех пип, когда ко мне присоединились два матроса экипажа. Возвращаясь со смены, они заметили огонь в трюме и спустились проверить, не случилось ли чего неладного. Вид человека, сидящего на корточках перед жестянкой из-под керосина в два часа ночи, весьма их заинтересовал. Я коротко объяснил, что такое пины, как они брачуются и мечут икру и что сейчас я как раз наблюдаю последний акт драмы, разыгрывающейся в недрах керосиновой жестянки. Матросы заглянули в банку. В этот самый момент еще один детеныш начал выкарабкиваться на свет божий, и они остались посмотреть. Вскоре явились еще три матроса — выяснить, почему застряли в трюме их дружки, и на них тут же зашикали. Им шепотом разъяснили, что тут происходит, и кружок наблюдателей пополнился еще тремя людьми.

Теперь мое внимание было разделено между животными и людьми: те и другие представлялись мне в равной мере интересными. Маленькие плоские земноводные в банке продирались сквозь узкие амбразуры в материнской коже, всецело поглощенные своей микроскопической борьбой за существование; вокруг сидели самые типичные матросы, ведущие не лишенную суровостей жизнь, — как можно предполагать, люди отнюдь не сентиментального склада, предварявшие каждую свою фразу неудобопечатаемым присловьем и чьи интересы в жизни (судя по их разговорам) ограничивались исключительно выпивкой, азартными играми и женщинами. И тем не менее эти огрубелые, отнюдь не нежные представители рода человеческого сидели вокруг банки из-под керосина в два часа ночи в холодном неприятном трюме и с недоверчивым удивлением свидетельствовали начало жизни маленьких жабят, время от времени обмениваясь замечаниями приглушенным шепотом, как будто все происходило в церкви. Каких-нибудь полчаса назад они и знать не знали, что есть на свете такая штука — пипа, а теперь переживали за маленьких жабят, словно за собственных детей. Озабоченно следили они за тем, как малыши выворачиваются в своих карманах, прежде чем начать выбираться на волю, а потом напряженно, с нетерпеливым ожиданием смотрели, как они тужатся и извиваются, прокладывая себе путь наружу и время от времени останавливаясь передохнуть. Один детеныш, слабее всех остальных, выбирался на волю чудовищно долго, и матросы не на шутку взволновались, а один из них даже жалостно спросил меня, нельзя ли помочь ему спичкой. Я ответил, что лапы жабенка тонки, как хлопковые волокна, а тело хрупко, как мыльный пузырь, и при всякой попытке помочь ему можно жестоко его покалечить. Когда отставший выкарабкался наконец из кармана, раздался всеобщий

Д вздох облегчения, а матрос, предлагавший помочь жабенку, повернулся ко мне и с гордостью сказал:

— Молодец чертенок, правда ведь, сэр?

Время летело незаметно, и не успели мы оглянуться, как спустившийся над серым морем рассвет застал нас все еще сгрудившимися вокруг банки с жабой. Мы поднялись, внезапно ощутив боль в затекших руках и ногах, и отправились в камбуз за чаем. Весть об удивительных жабах скоро облетела весь пароход, и следующие два дня в трюм без конца шли люди поглядеть на них. В конце концов вокруг жестянки образовалась такая давка, что я стал опасаться, как бы ее не опрокинули, а потому заручился помощью тех пяти матросов, которые были со мной в ночь рождения малюток. Они по очереди приходили дежурить возле банки, когда не были на вахте, и следили за тем, чтобы жабам не причинили вреда. Без конца бегая по трюму, занятый то чисткой клеток, то кормежкой животных, я слышал, как эти стражи порядка сдерживали толпу.

— Заткнись, тебе говорят! Ну чего ты топочешь тут ножищами? Хочешь до смерти испугать их?

— Да, все из спины старушки... Вон, видишь дырки? В них-то они и сидели, аккуратно свернувшись клубочком. Эй! Не напирай! Ведь этак и жестянку опрокинуть недолго.

Я совершенно уверен, что этим людям было жалко расставаться с жабами, когда я выгружался в Ливерпуле.

Как я уже сказал, все это стало возможным благодаря решительному намерению Боба протралить один из самых незначительных и малоинтересных ручейков во всем крае ручьев. Уверившись, что в его забитом листьями русле не осталось больше ни одной пипы, мы перешли на другой, столь же невзрачный ручей и прочесали его от начала до конца. Однако охотничья фортуна улыбнулась нам один только раз и не собиралась баловать нас: мы не поймали больше ни одной жабы. В конце концов, усталые и перемазавшиеся в грязи, мы бережно подхватили нашу драгоценную добычу и вернулись к основному ручью. Тут обнаружилось, что мы отсутствовали целый час; встревоженный Айвен искал нас по всему берегу, думая, что мы стали жертвой ягуаров. Мы похвастались перед ним своими сокровищами, сели в каноэ и отправились обратно в деревню.

Звероловство — необычная профессия. Часто на твою долю выпадает столько неудач и разочарований, что поневоле начинаешь сомневаться, стоит ли вообще заниматься этим делом. Но вот счастье вдруг улыбнется, ты выходишь на охоту, как в ту ночь, и добываешь животное, о котором говорил и мечтал месяцами. Все мигом оборачивается к тебе своей розовой стороной, мир снова кажется прекрасным, а все прошлые неудачи и раз-

очарования разом забываются. Ты немедленно решаешь, что никакое другое занятие не даст тебе того удовольствия и удовлетворения, как звероловство, и не можешь без сожалеющей усмешки на губах думать о людях, занимающихся чем-нибудь другим. При этом тебя охватывает такое упоение и блаженство, что ты готов простить не только своих друзей за все неприятности, которые они тебе причинили, но даже всех своих родственников.

Мы плыли обратно вдоль тихих берегов по черной воде, с такой верностью отражавшей сверкающее звездами небо, что казалось, мы плывем в космосе среди планет и светил. В тростнике всхрипывали кайманы, какие-то странные рыбы поднимались к поверхности и ловили ртом мотыльков, во множестве плывших вниз по течению. А на дне каноэ, распластавшись в банке, лежали жабы, гордость этого вечера. Мы не могли налюбоваться на них и то и дело довольно улыбались. Поимка невероятно уродливой жабы — из таких простых радостей состоит жизнь зверолова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПИМПЛА И СЛАВА БОГУ

Очень скоро наша хижина стала буквально ломиться от животных. Во дворе на привязи сидели капуцины, обезьяны саймири и паки. Внутри во вращающихся клетках — агути, перво цокавшие своими так похожими на олени ноги, броненосцы, хрюкавшие, точно свиньи, игуаны, кайманы, анаконды и пара маленьких красивых тигровых кошек. В ящичке с надписью «Опасно!» сидели три куфии — чуть ли не самые ядовитые змеи во всей Южной Америке. На стенах хижины рядами висели мешочки с лягушками, жабами, мелкими змеями и ящерицами. Были у нас и блестящие колибри, с мягким гудением трепетно порхающие вокруг своих кормушек, и попугаи макао в разгульно-карнавальных, ярких нарядах, переговаривающиеся между собой низкими голосами, и пронзительно кричащие, хлопочущие попугаи помельче, и солнечные цапли в оперении осенних тонов, на крыльях которых, когда птицы расправляли их, появлялся пугающий узор в виде глаз. Все эти животные требовали ухода и ухода. По совести говоря, мы уже достигли той степени насыщенности, когда животных в лагере столько, что отправляться за новыми не имеет смысла. В таком случае приходится упаковываться и переправлять пойманных животных на основную базу. Ни я, ни Боб не жаждали сократить срок нашего пребы-

Д вания в краю ручьев: мы понимали, что совершить еще одно путешествие по Гвиане, перед тем как покинуть страну, мы не успеем. Но как я уже сказал, с приобретением каждого нового животного день нашего отъезда придвигался все ближе.

Деревенский школьный учитель, принимавший в нашей работе такое горячее участие и неустанно старавшийся пополнить наш зоопарк, посоветовал нам съездить в небольшое индейское поселение в тех же краях. Он был уверен, что там можно разжиться кое-какими животными, и мы с Бобом решили под занавес наведаться туда, а уж потом окончательно упаковаться и вернуться в Джорджтаун.

Одна из самых обаятельных черт в характере индейцев — это их страсти к животным. В их поселениях всегда можно встретить самый необычный набор обезьян, попугаев, туканов и других прирученных диких животных. Большинство первобытных племен ведут шаткое, суровое существование в джунглях или саванне, и, как правило, их интерес к животным диктуется чисто кулинарными соображениями. Их нельзя за это винить, поскольку жизнь для них — постоянная суровая борьба за существование. Они отнюдь не прохлаждаются в тропическом раю, срывая бананы с ближайшего куста. Я сильно подозреваю, что битком набитые едой джунгли Тарзана существуют лишь в голливудских фильмах. И тем более замечательно, что индейцы с таким удовольствием держат животных, приручают их так легко и нежно и не всегда (несмотря на неплохое вознаграждение) соглашаются расстаться с ними.

Школьный учитель подобрал нам двух дюжих индейцев в качестве гребцов. В одно прекрасное утро они выросли перед нашей хижиной, и мы спросили, далеко ли до деревни и за какой срок мы обернемся туда и обратно. Ответ был очень туманный: до деревни недалеко, поездка будет недолгой. В шесть часов вечера того же дня, все еще на пути домой, я вспоминал их слова и думал о том, какие разные у нас с ними понятия о времени. Но мы не знали этого утром, а потому бодро отправились в путь. Мы не взяли с собой никакой еды, потому что, втолковывал я Айвену, мы вернемся не позже второго завтрака.

Плыли мы в длинном и глубоком каноэ. Мы с Бобом сидели посередке, индейцы — один на носу, другой на корме. Пожалуй, только плывя в каноэ, можно получить максимум удовольствия от путешествия в краю ручьев. Лодка движется бесшумно, лишь плеск и бульканье воды под веслами, ритмичные, как удары сердца, слышны в тишине. Время от времени один из гребцов затягивает песню — короткий, живой и вместе с тем несколько печальный напев, который обрывается так же внезапно, как и начался. Он эхом отдается над залитой солнцем водой, замирает, и вот уже снова тишина, лишь изредка нарушаемая невнятным ругательством — это Боб или я

защемил пальцы между веслом и бортом каноэ. Мы помогаем грести, и только теперь, после часа работы, когда вздулись первые волдыри, до меня стало доходить, что толкать веслами долбленку — большее искусство, чем я предполагал.

Миля за милей мы плавно скользили вниз по течению. Убранные орхидеями деревья склонялись над нами, филигранным узором мерцая на фоне ярко-голубого неба. Их ажурные тени ложились на воду, и ручей превращался в дорожку из полированного черепашьего панциря. Время от времени ручей разливался по саванне, так что над водой поднимались лишь золотистые верхушки травы. В одном таком месте мы увидели круг прибитой, примятой травы; от этой вмятины по саванне тянулся извилистый след — здесь явно кто-то проползал, оставляя за собой в траве аккуратный проход. Один из гребцов объяснил нам, что здесь отдыхала анаконда, причем, насколько можно судить по следу, удивительно больших размеров.

Мы плыли уже три часа, а признаков деревни не было и в помине. Больше того, вокруг вообще не наблюдалось никаких следов человеческого обитания. Зато животных было великое множество. Вот мы проплываем под большим деревом, сплошь обсыпанным белыми и золотыми орхидеями. В его куще резвятся пять туканов, они спуют между ветвями и поглядывают на нас, уставя ввысь свои большущие носы и взлаивая пронзительно и скрипуче, словно стая мучимых астмой китайских монсов. В густом переплетении прибрежных тростников и веток на небольшой грязевой отмели мы увидели тигровую выпь в коричневато-оранжевом оперении с шоколадно-коричневыми полосами. Мы проплыли от нее так близко, что я мог бы коснуться ее веслом, но она сидела не шевелясь все то время, пока мы были у нее на виду, всецело полагаясь на свою красивую защитную окраску.

В другом месте ручей разливался чуть ли не до размеров небольшого озера, сплошь покрытого ковром водяных лилий — лесом розовых и белых цветов на фоне глянцеви́то-зеленых листьев. Нос каноэ с мягким хрустким шелестом вспарывал эту массу цветов, и чувствовалось, как их длинные эластичные стебли облегают и удерживают дно лодки. Вот перед нами бегут по листьям лилий яканы, трепыхая своими ярко-желтыми крыльями, из тростника с невероятным плеском поднимается пара мускусных уток и тяжело летит над лесом. Какая-то крошечная рыбка выскакивает из воды перед самым носом каноэ, и небольшая тонкая змейка, развертывая свои кольца, скользит в воду с нагретого солнцем листа. Воздух звенит от множества стрекоз — золотых, синих, зеленых, красных, бронзовых, — которые то взмывают ввысь и неподвижно повисают у нас над головами, то ненадолго присаживаются на листья лилий, нервно вздрагивая стеклянными крыльями.

А Но вот каноэ снова нырнуло в основное русло, и, проплыв с полмили, мы, к своей радости, услышали голоса и смех, эхом разносившиеся между деревьями. Мы скользили в тени вдоль берега, потом завернули в крохотную бухту. Здесь в теплой воде ручья купались девушки-индианки. Они плескались, смеялись и весело щебетали, словно стая птиц. Когда мы пристали к берегу, они обступили нас обнаженной, улыбающейся стеной смуглых тел и повели в деревню, смеясь и оживленно переговариваясь между собой. Деревня располагалась за полосой деревьев и состояла из семи-восьми больших хижин, каждая из которых представляла собой покатую крышу из пальмовых листьев, установленную на четырех столбах. Пол хижины был приподнят над землей фута на два-три с таким расчетом, чтобы под ним могли проходить паводковые воды. Обставлены хижины были предельно просто — несколько гамаков да один-два чугунка в каждой.

Нас вышел встретить вождь племени, пожилой, морщинистый человек. Он горячо пожал нам руки и провел нас в одну из хижин. Там мы сели и минут пять молча улыбались друг другу. Когда у компании нет общего языка, разговор «о погоде» сводится к минимуму. Не переставая восхищенно нам улыбаться, вождь отдал краткое приказание, после чего один юноша вскарабкался на ближайшую пальму и срезал два кокосовых ореха. Сняв с них верхушки, орехи церемонно вручили нам, дабы мы утолили жажду их сладким молоком. Я уже запрокинул голову, дожидая последние капли, как вдруг увидел под потолком на балке животное, вид которого до того поразил меня, что я не выдержал и расхохотался. Смеяться, когда пьешь из кокосового ореха, не так уж благоразумно. Я заперхал, закашлялся и замахал руками, указывая на потолок. К счастью, вождь меня понял. Он забрался в гамак, дотянулся до балки, схватил животное за хвост и стащил его вниз. Вися вниз головой и медленно вращаясь на своем хвосте, оно жалобно повизгивало.

— Господи боже! — сказал Боб, когда животное развернулось мордой к нему. — Это еще что такое?

Его удивление можно было понять: вождь держал за хвост животное самой смехотворной наружности, какую только можно себе представить.

— Это, — сказал я, все еще прокашливаясь, — это не что иное, как пимпла, самая настоящая, живая пимпла.

Дело в том, что во всех местах, где нам довелось бывать, гвианские охотники неизменно упоминали об этом животном. Рано или поздно местные звероловы спрашивали, нужна ли мне пимпла. «Да, — отвечал я, — нужна», и мне обещали раздобыть ее. Но на этом дело засыхало. Звероловы уходили и больше не поднимали об этом разговора, и вот уже нет у меня в перспективе никакой пимплы. Пимпла — это древесный дикобраз,

и дикобразы, вообще-то говоря, не такие уж редкие животные, и ловить их не особенно трудно. Вот почему, оставаясь так долго без единого экземпляра, я даже начал недоумевать, в чем тут дело. Я чуть повысил предлагаемую мною цену за животное, но этим и ограничился. Дикобраз есть дикобраз, думалось мне, один ничуть не лучше другого, и вся эта семейка не внушала мне особых симпатий. Знай я с самого начала, какие это прелестные, очаровательные твари, я бы приложил все силы, чтобы приобрести несколько экземпляров. Больше того, я б, наверное, скупал их мешками, было бы только предложение, до того неотразимое впечатление они на меня произвели.

Вождь опустил зверька на пол, и тот сразу же уселся на задние лапы и уставился на нас проникновенным взглядом, причем выглядел он до того потешно, что мы с Бобом так и покатались со смеху. Размерами он был со скотчтерьера и сплошь утыкан длинными острыми иглами, черными и белыми. Лапы у него были маленькие и толстенькие, хвост длинный, цепкий и полосатый. Но самой смешной была его морда. Из всей этой массы иголок выглядывала рожа, до того похожая на лицо покойного У. К. Филдса, что просто дух захватывало: тот же большой нос картошкой, шмыгающий во все стороны, а справа и слева от него маленькие, хитрые и в то же время несколько печальные глаза, в которых стоят невыплаканные слезы.

Рассматривая нас со всей зловредной проницательностью великого коммиса, дикобраз сжал передние лапы в кулаки и закачался на месте, словно покачиваемый боксер, готовый рухнуть на ринг. Затем, забыв о своем кровожадном боксерском ремесле, он сел на свои жирненькие окорока и стал тщательно очесывать себя. При этом на его морде расплылось такое блаженство, что одного взгляда на эту потешную физиономию было достаточно, чтобы на всю жизнь сделаться обожателем пимпл, и я тут же уплатил за животное цену, запрошенную вождем.

Древесный дикобраз, пожалуй, единственный настоящий комик из всех зверей. Могут быть смешны обезьяны, поскольку они являют собой не всегда льстящую нашему самолюбию карикатуру на нас самих; могут быть забавны утки, но в этом нет никакой заслуги с их стороны: просто они такими родились. По-разному забавными могут быть для нас и некоторые другие звери. Но покажите мне животное, которое подобно древесному дикобразу имело бы все задатки клоуна да еще использовало бы их с таким невероятным мастерством. Наблюдая пимплу, я готов был поклясться, что зверек знает не только о том, что он смешон, но и то, как надо смешить. Большой шмыгающий нос картошкой, за которым почти не видно словно испуганных от насморка глазок с постоянным слегка недоуменным выраже-

Днием в них, плоские, шаркающие при ходьбе задние лапы и волочащийся хвост — у него есть все данные настоящего клоуна, и он умеет выжать из них все. Вот он делает что-нибудь ужасно глупое, но с таким простодушно-озадаченным видом, что тебя и смех, и жалость берут к этому бедному, спотыкающемуся, незлобивому зверю. Такова сущность его комического искусства, поистине чаплинская гениальность — он одновременно и смешит, и трогает до слез.

Мне довелось быть свидетелем боксерской встречи двух пимпл. Она была яростной и ожесточенной, но за все время поединка участники ни разу не коснулись один другого и постоянно сохраняли выражение доброжелательно-озадаченного интереса друг к другу. Никогда не видел ничего более забавного. В другой раз мне довелось наблюдать, как пимпла жонглировала косточкой манго: неуклюже орудуя лапами, она, казалось, вот-вот уронит косточку, но всякий раз вовремя подхватывала ее. Виденный мною клоун в цирке проделывал этот же фокус куда менее ловко и успешно. Я настоятельно советовал бы всякому профессиональному комику держать у себя в доме древесного дикобраза: десять минут наблюдения за зверьком дадут ему в смысле познания своего искусства больше, чем десять лет любого другого учения.

Купив дикобраза, мы жестами растолковали вождю, что не прочь посмотреть и других животных в деревне, и в скором времени купили четырех попугаев, агути и молодого удава. Потом пришел мальчик лет четырнадцати, он нес что-то мохнатое на конце сука, и вначале я даже подумал, что это кокон какой-то гигантской бабочки. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это нечто более ценное и интересное, даже больше того — как раз то самое животное, которое я давно мечтал приобрести.

— Кто это? — спросил Боб, увидев по выражению моего лица, что нам подвернулось нечто особенное.

— Один из сородичей Амоса, — радостно отвечал я.

— Кто именно?

— Двупалый муравьед. Тот самый, которого я хотел иметь, ты знаешь.

Животное было дюймов шести в длину, крутобокое, словно котенок, и одето в густую и шелковистую рыжеватую шубу, мягкую, как кротовый мех. Оно держалось на ветке, уцепившись за нее необычной формы когтями и обвив ее своим длинным хвостом. Когда я притронулся к его спине, оно с невероятной быстротой проделало какое-то странное движение: выпустило ветку из передних лап и село торчмя, удерживаясь на ветке хорошим треножником — хвостом и когтями обеих задних лап, передние были вскинuty над головой, как у ныряльщика, готового прыгнуть в воду. В этой позе оно и застыло, словно окаменело. Но вот я вновь тронул его, и

оно вдруг ожило; продолжая прочно удерживаться на суке, оно всем телом упало вперед, разрубив воздух передними лапами. Не отдерни я вовремя руку, оно так бы и резануло меня по запястью когтями своих передних лап, по величине и остроте не уступающими когтям тигра. Прodelав это движение, муравьед выпрямился и застыл в прежней позе, неподвижный как часовой, ожидая следующего раунда. С воздетыми к небу лапами он словно взывал к Всемогущему о помощи и защите, и тут мне стало ясно, откуда пошло местное название животного — Слава Богу.

В этом миниатюрном зверьке было столько прелестных особенностей, что я уединился в хижине и провел полчаса в размышлениях над ним, и Боб тем временем отправился знакомиться с деревней в сопровождении неустанно улыбающегося вождя. Я осматривал муравьеда, а вокруг меня кружком стояли молчаливые индейцы и с серьезным, сочувствующим выражением глядели на меня, как бы вполне одобряя мой интерес к зверьку.

Прежде всего мое внимание привлекла приспособленность его конечностей к жизни на деревьях. Розовые подушечки его задних лап имели вогнутую поверхность и могли легко облегать ветку дерева, а пальцы, числом четыре, почти одинаковой длины, плотно прилегали один к другому и были оснащены длинными когтями. Поэтому, когда задняя лапа обхватывает ветку, вогнутая подушечка, пальцы и изогнутые когти смыкаются на ветке почти полным кольцом, обеспечивая сильный, надежный захват. Передние лапы были устроены очень своеобразно: кисть загибалась от запястья вверх, а когти — их было два — вниз, к ладони. Эти длинные и тонкие, но очень острые когти могли с большой силой прижиматься, почти вдавливаясь в ладонь наподобие лезвия перочинного ножа. Как хватательный орган такая лапа не оставляет желать ничего лучшего и вместе с тем может служить отличным орудием защиты, грозя нешуточным кровопусканием, как я едва не убедился на собственном опыте. Рыло у муравьеда было короткое, не очень толстое, глаза маленькие, словно заspanные, уши почти полностью утопали в мягком меху. Его движения, когда он не падал, были очень медленными, а манера ползать по веткам, цепляясь за них когтями, делала его похожим скорее на некоего ленивца-лилипута, чем на муравьеда. Будучи исключительно ночным животным, днем он, естественно, был не «в форме» и хотел только одного — чтобы его оставили в покое и дали ему спать. Поэтому, закончив осмотр, я приткнул ветку в угол, и муравьед, страстно сжимая ее в объятиях, мирно заснул, даже не помышляя о бегстве.

Тут вернулся Боб, бодро помахивая длинной палкой, на конце которой болталась помятая корзина. Вид у него был страшно довольный.

Д — Пока ты зря тратил время на разглядывание этой твари, — сказал он, — я приобрел редкий экземпляр у одной женщины. Не то она съела бы его, если я правильно истолковал ее жесты.

Редкий экземпляр оказался молодым электрическим угрем футов двух длиной, который отчаянно трепыхался в корзине. Я очень обрадовался ему, потому что это был единственный электрический угорь, которого нам пока что удалось раздобыть. Похвалив Боба за расторопность, я собрал наши покупки, и мы пошли к каноэ. Там мы поблагодарили вожда и пришедших с ним индейцев, наградили всех улыбками, сели в каноэ и отчалили.

Я поместил всех животных на носу каноэ и устроился рядом. За мной сидел Боб, за ним гребцы. На потеху всем нам пимпла исполнила замысловатый кекуок вверх и вниз по моему веслу, потом свернулась клубком у меня в ногах и заснула. Слава Богу, крепко вцепившись в торчмя стоявшую в носу лодки ветку, застыл в своей умоляющей позе, очень похожий на носовое украшение старинного корабля. Внизу под ним обнадеженно ерзал в своей корзине электрический угорь.

Закатное солнце до слепящего блеска золотило и полировало поверхность ручья и затопаило своим светом лес на берегу, так что листва деревьев выглядела до неземного зеленой, а орхидеи на ее фоне казались драгоценными камнями. Где-то вдаль затянула свою вечернюю песнь стая рыжих ревунов. Это был чудовищный рев, грохочущий водопад звуков, который еще больше усиливался и эхом разносился в глубине леса, — сумасшедший, кровожадный, леденящий душу вопль. Должно быть, такой крик издает толпа линчевателей, видя, что жертва ускользает от нее. В Гвиане нам часто приходилось слышать рыжих ревунов, главным образом по вечерам или ночью. А однажды я даже проснулся от их крика перед рассветом и спросонок вообразил, что это в лесу завывает могучий ветер.

Но вот ревуны умолкли, и на ручей снова легла тишина. Под шатром леса уже царил полумрак, вода потеряла свой янтарный оттенок и стала гладкой и черной как вар. Мы с Бобом вяло гребли в каком-то полузабытии от голода и усталости, мыча про себя что-то нечленораздельное в лад песням гребцов и мерным ударам их весел. Воздух, теплый и сонный, был напоен запахами леса. Размеренный плеск и бульканье воды под веслами действовали успокаивающе, почти гипнотизирующе, нас стала одолевать приятная дрема. И тут, в этот волшебный сумеречный час, когда вокруг царила тишина, а мы дремали в плавно скользящем каноэ, электрический угорь сбежал из своей корзины.

Мое внимание было внезапно разбужено пимпой: она вскарабкалась на мою ногу и, позволь я ей это, добралась бы до самой головы. Я передал ее сидевшему за мной Бобу и осмотрел нос лодки, желая выяснить, что ис-

пугало ее. Глянув вниз, я увидел угря, который, извиваясь, полз по наклонному днищу прямо к моим ногам. Голову даю на отсечение: что змея, что электрический угорь, подползающий к вашим ногам, вызывает у вас самую поразительную мускульную реакцию, на какую способно человеческое тело. Словом, я и сам не знаю, как я убрался с его пути, помню только, что, когда я снова плюхнулся в каноэ, угорь уже миновал меня и направлялся прямехонько к Бобу.

— Берегись! — крикнул я. — Угорь сбежал!

Прижав пимплу к груди, Боб хотел вскочить на ноги, да так и грянул навзничь на дно каноэ. Не знаю, то ли угорь выключил свое электричество, то ли сам был слишком напуган, но так или иначе, не причинив Бобу вреда, он стремительно, как струя воды, пролетел мимо его отчаянно дергающегося тела и устремился к первому из гребцов. Тот явно разделял наше нежелание общаться с электрическими угрями и выказал твердую решимость покинуть судно, когда угорь приблизился к нему. От всеобщих подсакиваний и увертываний каноэ качало, как в шторм. Боб хотел встать, ненароком схватился за дикобраза, и, услышав его крик боли и испуга, я решил, что угорь повернул назад и напал на него с тыла. Дикобраз явно присоединился к этому мнению, ибо снова залез мне на ногу и хотел вскарабкаться на плечо. Уверен, что, если бы первый гребец выпрыгнул за борт, каноэ бы перевернулось. Положение спас второй гребец: не иначе как усмирение электрических угрей в лодке было для него делом привычным. Он наклонился вперед и прижал угря ко дну каноэ лопастью весла, а затем отчаянными жестами дал мне понять, чтобы я бросил ему корзину. И без того хилая, теперь она едва дышала: уворачиваясь от ее обитателя, я ненароком наступил на нее обоими коленями. Каким-то хитроумным способом второй гребец затолкал угря в корзину, после чего все облегченно издохнули и заулыбались, правда, несколько натянуто. Гребец передал корзину своему товарищу, тот поспешно протянул ее Бобу. Боб принял ее неохотно. И тут, в тот самый момент, когда он передавал корзину мне, ее дно отвалилось. Боб держал корзину как можно дальше от себя, и, когда угорь выпал, он угодил прямо на борт каноэ. На нашу беду, падал он головой к реке и раздумьям не предавался: вильнул, всплеснул — и был таков.

Боб взглянул на меня.

— Ну что ж, — сказал он, — по мне, лучше туда, чем сюда.

По совести сказать, я был с ним согласен.

Уже совсем стемнело, когда мы достигли последней излучины ручья. Мы плыли по ковру отраженных звезд, который дрожал и зыбился в волне за кормой. Сверчки и лягушки вокруг сипели, скрипели и звенели, словно целый часовой магазин. Вот мы прошли последний поворот и увидели впе-

Дреди хижину, из окон которой лились потоки желтого света. Каноэ с мягким шелестящим вздохом ткнулось в песок, как будто радуясь возвращению домой. Забрав животных, мы двумя теньями в лунном свете прошли по песку к хижине. Мы были измучены, голодны и несколько удручены, ибо мы знали, что это наше последнее путешествие в сказочный мир ручьев и что скоро мы его покинем.

ФИНАЛ

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, потягиваем ром и имбирное пиво, и вид у нас жутко невеселый. На столе перед нами куча бумаг: документы, пароходные билеты, списки, банковские чеки, багажные квитанции и все такое прочее. Время от времени Боб с явным отвращением поглядывает на них.

- Ты уверен, что все запомнишь? — в сотый раз спрашивает Смит.
- Запомню, — мрачно отвечает Боб.
- Не вздумай потерять багажную квитанцию, — предупреждает Смит.
- Не потеряю, — отвечает Боб.

Невеселы мы по различным причинам. Боб невесел потому, что на следующий день покидает Гвиану, забирая с собой пресмыкающихся потолкаще. Смит невесел, так как совершенно уверен, что Боб обязательно потеряет либо багажную квитанцию, либо какой-нибудь другой не менее важный документ. Я невесел потому, что отъезд Боба означает и мой скорый отъезд: я должен уехать через три недели, билет уже заказан. Ну а Айвен, похоже, невесел по одному тому, что невеселы мы.

В обсаженных деревьями каналах на улицах Джорджтауна радостно заквакали гигантские жабы ага, будто разом завели сотни мопедов. Смит с усилием оторвал свою мысль от багажных квитанций и прислушался к хору ага.

— Надо бы поймать несколько штук этих жаб, пока ты еще не уехал, Джерри, — сказал он.

И тут меня словно осенило.

- А вот пойдемте да наловим их прямо сейчас, — предложил я.
- Сейчас? — неуверенно переспросил Смит.
- А что? Лучше сидеть здесь как на похоронах?
- Пойдем, — оживился Боб, — это отличная идея.

Айвен извлек откуда-то из-за стойки мешок, карманный фонарик, и мы вышли в теплую ночь на последнюю охоту, в которой мог принять участие Боб.

По окраине Джорджтауна, вдоль берега моря, тянется широкий, поросший деревьями и травой пустырь, изрезанный многочисленными канавами, — излюбленное место жаб ага и влюбленных парочек. Жабы эти — большие, цвета замазки твари в шоколадных крапинах. Они довольно привлекательны: широкие, постоянно ухмыляющиеся рты, большие, темные навывкате глаза с золотисто-серебристым отливом; представительная, хорошо упитанная фигура. Вообще говоря, нрав у них довольно флегматичный, но, как выяснилось в ту ночь, в случае необходимости они способны проявлять поразительное проворство.

До того дня жабы знай себе поживали в своей трясине, предаваясь размышлениям днем и хоровому пению ночью, поэтому можно себе представить, как они были удивлены и возмущены, когда в их владениях появились четверо людей и стали как угорелые гоняться за ними с карманным фонариком. Не менее удивлены и возмущены были и многочисленные влюбленные парочки, усеявшие траву почти так же густо, как жабы. Жабы решительно возражали против того, чтобы на них направляли луч фонарика, парочки — тоже. Жабам не хотелось без конца убегать от нас по траве, а парочки единодушно сходились на том, что лишь маньяки могут прыгать в темноте через лежащих людей, гоняясь за жабами. Но так или иначе, спотыкаясь о влюбленных и тут же принося извинения, наводя на них луч фонарика и поспешно отводя его прочь, мы ухитрились наловить тридцать пять жаб. Домой мы вернулись разгоряченные и запыхавшиеся, но в гораздо лучшем настроении, оставив на пустыре множество испуганных жаб и негодующих девушек и парней.

На следующий день мы проводили Боба, а затем я вместе со Смитом взялся за нелегкую работу по подготовке нашего зверинца к погрузке на пароход, с которым я уезжал. Я решил забрать с собой всех зверей, чтобы освободить Смита и дать ему возможность совершить одну-две короткие поездки в глубь страны перед комплектованием новой коллекции животных. Все то время, пока мы были в Гвиане, он безвылазно сидел в Джорджтауне, ухаживая за прибывающими на основную базу животными, и вполне заслуживал передышки.

Всего у нас было около пятисот экземпляров животных: рыбы и лягушки, жабы и ящерицы, кайманы и змеи; птицы, начиная от гокко размером с индюка и кончая крохотными хрупкими колибри размером со шмеля; полсотни обезьян, муравьеды, броненосцы и паки, еноты-крабоеды, пекари, тигровые кошки и оцелоты, ленивцы и увари. Рассадить по клеткам и погрузить на пароход такое ужасающее множество различных животных — дело нешуточное, причем, как всегда, одна из самых трудных проблем — это обеспечить их питанием.

Д

Прежде всего надо рассчитать, сколько и какого рода продовольствия вам понадобится, затем надо закупить его и погрузить на пароход, позаботившись о том, чтобы скоропортящиеся продукты были сложены в холодильник. Продовольствие — это дюжины яиц, банки молока в порошке, мешки овощей, кукурузной и пшеничной муки, корзины свежей рыбы, переложенной льдом, и масса сырого мяса. Затем идут фрукты, которые уже сами по себе проблема. Такие фрукты, как апельсины, можно покупать крупными партиями, они могут долго храниться без особых забот. Другое дело слабые фрукты. Так, например, нельзя брать с собой в морской переезд полсотни гроздей спелых бананов; большая часть плодов испортится на полпути, задолго до того, как вы прибудете на место. Поэтому бананы надо покупать частью спелыми, частью только созревающими, а частью зелеными и твердыми. Таким образом, когда кончается одна часть, другая как раз поспевает. Далее, у вас есть такие животные, например колибри, которые питаются только разбавленным медом, и все это надо купить и доставить на борт. И последнее, но отнюдь не самое маловажное — надо запастись соответствующим количеством чистых сухих опилок, чтобы посыпать в клетках после ежедневной уборки.

Другая работа — обеспечение животных клетками. У каждого животного должна быть клетка — ни чересчур большая, ни чересчур тесная, — клетка, в которой ему будет не жарко в тропиках и не холодно в более высоких широтах. Особенно много хлопот в этом отношении доставили муравьеды: нам не сразу удалось раздобыть для них достаточно большие ящики. Но в конце концов сорок сороков ящиков были собраны, сколочены, свинчены и приведены в окончательную готовность к погрузке.

Возвращение морем на родину с животными для зверолова всегда самая тревожная часть любой его экспедиции, и мое возвращение из Гвианы не являлось в этом смысле исключением. На пароходе мне предложили на выбор несколько помещений под мой зверинец, и я опрометчиво выбрал один из трюмов, но вскоре понял, что совершил грубейшую ошибку. В тропиках трюм был раскален, как железная печка (даже при открытом люке), и ни малейший ветерок не разгонял удушливой жары. Но вот мы внезапно встретились с холодной погодой (это случилось неподалеку от Азорских островов), температура за одну ночь упала на десять градусов, и из турецкой бани трюм разом превратился в холодильник. Пришлось закрыть люк, птицам и животным пришлось привыкать к электрическому свету, и это им вовсе не понравилось. Затем последовал жестокий удар: из-за неисправности холодильника у меня моментально сгнило гроздей сорок бананов, и мой запас фруктов сократился до исчезающе малых размеров. В результате всех этих невзгод погибло некоторое количество краси-

вых и ценных животных — обстоятельство малоутешительное, если учесть, что похороны на море не входят в число радующих зверолова вещей. Однако я был подготовлен к потерям: в нашем деле они неизбежны. Больше того, очень опытные звероловы предупреждали меня, что южноамериканские животные более нежны и их труднее доставлять к месту назначения, чем животных из всех прочих частей света. Некоторые были с этим не согласны (в том числе один очень достойный человек, который никогда не бывал в Южной Америке и, естественно, не ловил там зверей), но в общем и целом звероловы-ветераны оказались правы.

Помимо неудач, возвращение домой имело и свои занятные стороны. Как я уже рассказывал, у пипы вывелись детеныши, а одна из наших обезьян сбежала и укусила судового плотника. Эти эпизоды оживили путешествие. Потом мне пришлось долго и упорно единоборствовать с двумя макао, которые своими большущими клювами так разбили свою клетку, что ее передняя стенка попросту выпала. Всякий раз, как я ставил ее на место, птицы снова пробивали себе путь на волю, так что в конце концов я махнул на них рукой и предоставил им полную свободу. Они разгуливали по верхам клеток, разговаривали со мной своими хриплыми, несколько смущенными голосами или вели беседы с другими макао, не покидавшими своих клеток. Беседы эти были забавны тем, что, как правило, ограничивались одним только словом. Дело в том, что в Джорджтауне всех макао зовут Роберт, точно так же как большинство попугаев в Англии имеют кличку Пол или Полли. Поэтому, покупая в Гвиане макао, можешь быть уверенным в том, что уж свое-то собственное имя он может произнести, равно как и оглушить тебя своим криком. Два макао, о которых идет речь, перебежали с клетки на клетку, и время от времени один из них останавливался и задумчиво вопрошал: «Роберт?» Другой бешено рывкал в ответ: «Роберт!», а какой-нибудь третий, в клетке, начинал бормотать про себя: «Роберт, Роберт, Роберт». Так они и беседовали, вот уж не думал, что в одно слово — самое заурядное имя Роберт — можно вложить такое богатство интонаций!

Как ни странно, на этот раз я действительно обрадовался, увидев за бортом серые угрюмые доки Ливерпуля. Разумеется, впереди была уйма работы: выгрузка животных и распределение их по различным зоопаркам, но я знал, что самое трудное уже позади. Боб с ужасно цивилизованным видом ждал меня на причале, и мы вместе наблюдали за выгрузкой клеток. Последними выгружались две большие клетки с муравьедами, они медленно вращались в сетке, когда крап опускал их на причал. С таким чувством, будто у меня камень с души свалился, я вместе с Бобом спустился в каюту укладывать багаж.

Д — В нашей доброй старой Англии, — сказал Боб, сидя на моей койке и глядя, как я собираю вещи, — с первого же дня, как я приехал, идут дожди, чуешь?

— Чую, — ответил я. — Англия — индейское слово, означающее «страна бесконечных ливней».

Укладывая одежду в чемодан, я нащупал что-то твердое в кармане брюк. «Уж не деньги ли это?» — подумал я и решил проверить. Когда я вывернул карман, на пол упали три маленьких зеленых билета. Я поднял и осмотрел их, потом молча передал Бобу. На них отчетливыми черными буквами стояло:

Джорджтаун — Эдвенчер
Первый класс.

ГОНЧИЕ БАФУТА

ВОТ МЫ И ПРИЕХАЛИ

Река Кросс осторожно, извиваясь, спускается с гор Камеруна, пока не разольется широко, заблестит, засверкает в огромной чаще лесов, окружающих Мамфе. В горах она журчала, пенилась и водопадами срывалась с уступов, а тут успокоилась и степенно потекла по своему каменистому руслу; неторопливое ее движение наносит поперек течения мели чистейшего белого песка и подмывает деревья по берегам, так что обнаженные корни кажутся массой перепутанных, шевелящихся щупалец спрута. Река величаво движется дальше, мутные воды ее кишмя кишат бегемотами и крокодилами, а в теплом воздухе над ней с криками реют синие с оранжевым и белым ласточки.

Перед Мамфе река чуть ускоряет свой бег и протискивается между двумя высокими, поросшими лесом скалистыми утесами; подножия их отшлифованы водой, а сверху потрепанным кружевом свисает кустарник. Выбравшись из узкого ущелья, река вихрем врывается в просторный овальный бассейн. Чуть дальше, из такого же ущелья, в тот же бассейн выливается еще одна река, их воды встречаются и свиваются в бурлящий клубок крохотных течений, водоворотов и всплесков, чтобы потом продолжить свой путь единым потоком, а по самой середине реки остается след их соединения — огромный сверкающий холм белого песка с отпечатками ног бегемотов и узорными цепочками птичьих следов. Близ этого песчаного островка лес на берегу переходит в небольшой луг, который окружает деревню Мамфе, и вот тут-то, на опушке леса, над спокойными мутными водами реки мы решили раскинуть наш главный лагерь.

Два дня пришлось валить лес и выравнивать землю, чтобы приготовить строительную площадку, и наконец на третий день мы со Смитом стояли на краю луга и наблюдали, как тридцать местных жителей в поте лица с громкими криками волокли огромную палатку: казалось, на взрытой красной глине валяется громадная коричневая морщинистая туша кита. Постепенно это море парусины разобрали, растянули, и оно вспучилось кверху, на-

Д бухая, словно чудовищный гриб-дождевик. Потом гриб вдруг раздался в длину и вширь и обратился в палатку весьма внушительных размеров. Когда наконец выяснилось, что это такое, раздался громкий крик изумления и восторга — это кричали жители деревни, которые толпой сошлись поглядеть, как мы будем разбивать лагерь.

Итак, у нас появилась крыша над головой, но пришлось еще целую неделю изрядно потрудиться, прежде чем можно было начинать ловлю зверей. Предстояло сколотить клетку, вырыть пруды, порасспросить старейшин из ближних деревень и рассказать им, какие нам нужны звери, позаботиться о запасах продовольствия и переделать еще уйму всяких дел. Наконец все в лагере было налажено, и мы решили, что можно начинать. Еще раньше мы договорились, что Смит останется в Мамфе и будет присматривать за главным лагерем, собирая по мелочам все, что удастся найти в ближнем лесу с помощью местных жителей, а я тем временем поеду в глубь страны, в горы, где леса уступают место поросшим густой травой равнинам. В этом горном мире с его странной растительностью и более прохладным климатом можно будет пайти совсем иную фауну, нежели в жарких лесах.

Я не знал, какую часть равнин мне выбрать, на чем остановиться, и пошел посоветоваться к местному начальнику. Я объяснил ему, что мне надо, он разложил на столе карту горных районов, и мы вместе склонились над нею. Вдруг он ткнул пальцем в какую-то точку и глянул на меня.

— Как насчет Бафута? — спросил он.

— А это подходящее место? Что там за люди?

— Вас должен интересовать только один человек в Бафуте — Фон, — сказал чиновник. — Расположите его к себе, и люди сделают для вас все, что вам нужно.

— Фон? Это что, вождь?

— Он в этом краю нечто вроде римского императора, — сказал чиновник и очертил пальцем на карте большой круг. — Его слово для них закон. Этот тамошний Фон — премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу — доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее парочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы. Напишите ему, и он позволит вам остановиться у него и даже наверняка сам вас пригласит. Да в Бафут вообще стоит съездить, если вы там и не останетесь.

— Что ж, я пошлю ему записку, посмотрим, что он скажет.

— Постарайтесь хорошенько... э-э... подкрепить ваше письмо, — сказал чиновник.

— Сейчас же пойду в лавку за бутылкой подкрепляющего, — заверил я.

В тот же день в горы отправился гонец с моим письмом и бутылкой джина. Через четыре дня он вернулся с обратным посланием от Фона; этот любопытный документ необыкновенно меня воодушевил:

*Резиденция Фона Бафута, Бафут,
Беменда, 5 марта 1949 г.*

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой Фон Бафута.

Я тотчас приготoвился к отъезду в Бафут.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖАБЫ И ТАНЦУЮЩИЕ ОБЕЗЬЯНЫ

О большинстве грузовиков в Западной Африке никак не скажешь, что они находятся в расцвете молодости и красоты, и я на горьком опыте научился не ждать от них ничего хорошего. И все же вид грузовика, который прибыл, чтобы везти меня в горы, превзошел худшие мои ожидания: казалось, он сию минуту развалится. Грузовик стоял на полуспушенных шинах, пыхтел и хрипел, изнемогая от усталости, — а ведь ему пришлось всего лишь подняться по отлогому склону небольшого холма к нашему лагерю, — и я не без трепета вверил ему мой груз и самого себя. Шофер оказался весельчаком: он сразу заявил, что мне придется ему помогать в двух весьма важных операциях. Во-первых, когда мы будем спускаться под гору, я должен нажимать на ручной тормоз, потому что, если его не прижать чуть ли не к самому полу кабины, он вообще не станет слушаться. Во-вторых, мне предстоит неотрывно следить за педалью сцепления, ибо эта весьма капризная деталь при всяком удобном случае выскакивает из муфты и при этом ревет, как попавший в ловушку леопард. Совершенно ясно, что водитель грузовика даже в Западной Африке не может вести машину, скрючившись под приборным щитком и согнувшись в три погибели, а значит, если я хочу остаться в живых после этого путешествия, мне при-

Делается помочь ему управиться со своенравными механизмами. И так, я то и дело нагибался, нажимал на тормоз и вдыхал удушливый запах паленой резины, а тем временем наша храбрая машина тряслась по направлению к горам с постоянной скоростью двадцать миль в час; порой, когда путь лежал под уклон, она очертя голову кидалась вперед и выдавала целых двадцать пять.

Первые тридцать миль проселочная дорога из красной глины вилась по равнине, поросшей лесом; по обе стороны дороги плотной стеной стояли огромные деревья, ветви их в вышине переплетались, образуя свод из листьев у нас над головой. Стайки птиц-носорогов, хлопая крыльями, перелезали дорогу и гоготали — казалось, это сигналили призраки каких-то древних такси на заре автомобилизма, а по обочинам, живописно расцвеченным солнцем, прорвавшимся сквозь густые лиственные своды, грелись агама; окутанные светом, они пламенели от волнения, как закатные лучи, и яростно кивали головами. Постепенно, почти неприметно дорога пошла вверх, мягко пегляя по округлым склонам лесистых холмов. В кузове грузовика мои помощники громко запели:

Домой, домой, хочу домой,
Когда ж увижу дом родной?
Когда увижу мать родную?
Вовек мне не забыть мой дом...

Шофер тихонько подхватил припев и все поглядывал на меня — можно ли? К его удивлению, я тоже запел, и так грузовик катил вперед, оставляя за собой на дороге вихрь красной пыли, из кузова доносился дружный хор голосов, а мы с шофером подпевали, украшая песню всевозможными вариациями, причем он успевал еще аккомпанировать отрывистыми гудками клаксона.

Чем выше мы забирались в горы, тем реже становился лес, а потом подлесок стал меняться: по обочинам дороги мрачно, как заговорщики, стояли купы тяжелых древовидных папоротников с толстыми, приземистыми волосатыми стволами; макушки их разбрызгивались зелеными фонтанами нежной листвы. Папоротники оказались первыми стражами нового мира, ибо внезапно, точно горы сбросили с плеч тяжелую одежду, исчез лес. Он остался позади, в долине, густой зеленый мех волнами уходил в мерцающую от зноя даль, а перед нами величественно высились горы, покрытые высокой, по пояс, колеблемой ветерком и высветленной солнцем золотистой травой. Грузовик взбирался все выше и выше, мотор задыхался и вздрагивал от непривычных усилий. Мне уж подумалось, не придется ли последние две-три сотни футов толкать злосчастную машину в гору, но, ко всеобщему изумлению, она справилась сама: вскарабкалась на вершину

горы, дрожа от усталости и изрыгая из радиатора клубы пара, точно издыхающий кит — фонтаны воды. Мы вползли наверх и остановились. Шюффер выключил мотор.

— Мало время обождет, двигатель перегрелся, — пояснил он, указывая на радиатор грузовика, который уже совсем скрылся из глаз в облаке пара.

Я с радостью выбрался из раскаленной кабины и побрел к тому месту, где дорога начинала спускаться в очередную долину. С этого наблюдательного пункта видна была вся местность, которую мы проехали, и та, куда нам предстояло вступить.

Позади остался нескончаемый зеленый лес, отсюда он казался плотным и густым, как шерсть барана, только на вершинах холмов можно было разглядеть просветы в непроницаемой массе листьев — на фоне неба деревья вырисовывались прерывистой бахромой. А впереди нам открывался совсем другой мир, просто невозможно было поверить, что оба они — тот и этот, — такие разные, существуют бок о бок. И смена эта происходила не постепенно, нет: позади остался лес деревьев-великанов, сверкающих в своих роскошных маптях из лакированных листьев, подобно гигантским зеленым жемчужинам, а впереди до самого туманно-голубого горизонта цепь за цепью встают горы, сливаясь и переходя одна в другую, словно огромные застывшие волны; они как бы обращают лицо к солнцу, а склоны их от подножия до гребня покрыты пушистым золотисто-зеленым мехом травы, которая зыблется по прихоти ветра и то светлеет, то темнеет, когда ветер ее завивает или разглаживает. Лес позади расцветал то буйным багрянцем, то зеленью самых ярких и резких тонов. Впереди же все цвета этого страшного горного мира травы были мягкими и нежными — бледно-зеленый, золотистый и все оттенки теплого желтовато-коричневого. Плавные изгибы и складки холмов, покрытые этой нежной, пастельных тонов травой, очень напоминали природу Англии — ее южные низины, только в больших масштабах. Но вот солнце здесь сверкало без усталости и нещадно палило — совсем уж не на английский лад.

Начиная отсюда, дорога превратилась в «американские» горы, машина то и дело с треском и визгом тормозов спускалась в долины и вновь, кряхтя и кашляя, взбиралась на крутые склоны. На вершине одной горы мы опять постояли, чтобы остыл мотор, и тут я заметил впереди в долине деревню; издали, на фоне окружавшей ее зелени, она казалась бесформенной кучкой черных поганок. Когда выключили мотор, тишина окутала нас, точно мягким одеялом; только слышно было, как чуть посвистывает трава, колеблемая ветром, да из деревни, что лежала далеко внизу, доносился лай собак и крик петуха — звуки, смягченные расстоянием, но отчетливые,

Д как звон колокольчика. В бинокль я разглядел в деревне какую-то суету: вокруг хижин сновали толпы людей, порой сверкали ножи, похожие на мачете, и копы, мелькали яркие саронги.

— Что там за суматоха? — спросил я шофера.

Тот взгляделся, прищурясь, и с радостной улыбкой обернулся ко мне.

— Это базар, сэр, — объяснил он и спросил с надеждой: — Маса хочет остановиться там?

— А ты думаешь, мы сможем там найти добычу?

— Да, сэр!

— По правде?

— По правде, сэр!

Я сделал вид, что рассердился.

— Ты лжешь, негодник, — сказал я. — Ты хочешь там остановиться, чтобы выпить. Разве не так?

— Да, сэр, — ухмыльнулся шофер, — только и маса там тоже найдет добычу.

— Ну ладно, остановимся ненадолго.

— Да, сэр, — радостно сказал шофер и рванул грузовик вниз по склону горы.

Большие круглые хижины с остроконечными соломенными крышами аккуратно разместились вокруг небольшой площади, затененной купами молодых эвкалиптов. Тут-то и расположился базар; торговцы разложили свой товар прямо на земле, на пестром, уютном ковре света и тени под стройными деревьями, каждый на своем клочке, а вокруг теснились деревенские жители: они протискивались между торговцами, отчаянно спорили, болтали и размахивали руками. Чем только здесь не торговали! Я просто диву давался — сколько всякой всячины, подчас самой несусальной и неожиданной! Продавались сомы, копченые на костре и насаженные на короткие палки; рыба эта и живая-то на вид не слишком привлекательна, а уж высушенная, сморщенная, почерневшая от дыма, она кажется какой-то шаманской куклой, которая корчится в отвратительной пляске. Были здесь и огромные тюки тканей, все больше очень ярких расцветок — их ввозят из Англии, такие очень по вкусу африканцам; гораздо приятнее выглядели ткани местного изделия, плотные, мягкие и не столь кричащие. Среди этих ярких пятен мелькали в самых невероятных сочетаниях яйца и куры в бамбуковых корзинах, зеленый перец, капуста, картофель, сахарный тростник, огромные кровавые куски мяса; с веревок свисали большие, аккуратно выпотрошенные тростниковые крысы. Продавали и глиняную утварь, и плетеные корзины, и стулья, иголки, порох, пиво, силки для ловли птиц, плоды манго и папайи, клизмы, лимоны, местную обувь, прелест-

ные сумки из волокна рафии, гвозди, кремни, карбид, касторку, сабли и леопардовые шкуры, парусиновые туфли, мягкие фетровые шляпы, пальмовое вино в калебасах, кокосовое и фисташковое масло в старых жестянках из-под керосина.

Посетители базара отличались таким же разнообразием и необычностью, как и товары, выставленные на продажу. Тут можно было увидеть людей народности хауса в ослепительно белых одеяниях и маленьких белых шапочках; местных вождей в многоцветных одеждах и богато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдаленных горных селений — на этих не было ничего, кроме набедренных повязок из грязной кожи; зубы у них заострены, на лицах татуировка. Для них эта деревня, конечно же, многолюдная столица, а базар, возможно, самое веселое развлечение за целый год. Они яростно спорили, размахивали руками, подталкивали друг друга, их темные глаза сверкали восторгом при виде таких вещей, как ямс или какая-нибудь тростниковая крыса; чаще всего они стояли тесной кучкой и не сводили жадных глаз с высоких кип разноцветных тканей — купить их они и не надеялись — и лишь изредка меняли свой наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть эту недостижимую роскошь.

Моих помощников и шофера засосало в красочном водовороте толпы, как муравьев в банке патоки, и я оказался предоставлен самому себе. Я немного побродил вокруг, потом подумал, не снимать ли жителей горных селений, вынул фотоаппарат и стал наводить на фокус. Что тут началось! Ад крошечный: торговцы вмиг побросали свои товары и все пожитки и с дикими криками кинулись в ближайшее укрытие. Я даже растерялся — ведь африканцы обычно очень любят сниматься — и спросил у стоявшего рядом хауса, что случилось. Последовало любопытное объяснение: видимо, горцы уже знают, что если фотоаппарат направить на человека, потом получается его портрет. Но они твердо уверены, что вместе со снимком к фотографу переходит частичка души того, кто фотографируется, и, если снимков сделать много, фотограф обретет над ним полную власть. Отличный пример колдовства вполне современными средствами: в старину вы получали власть над человеком, если завладевали прядкой его волос или обрезками ногтей; в наши дни для той же цели, очевидно, вполне годится фотокарточка. И все-таки хотя горцы вовсе не желали мне позировать, я ухитрился сделать несколько снимков очень простым способом: становился к ним боком и глядел в другую сторону, а сам щелкал аппаратом из-под мышки.

Однако вскоре я обнаружил нечто такое, от чего все мысли о фотографии и колдовстве сразу вылетели у меня из головы. В одной из маленьких темных палаток, которые окружали площадь, мелькнуло что-то рыжеватое-красное, я двинулся туда и увидел очаровательную обезьянку: привязанная длинной веревкой за шею, она сидела на корточках в пыли и гром-

А ко, пронзительно кричала «прруп!». Шерсть у нее была светло-рыжая, на груди белая манишка, а мордочка — траурно-черная. Ее «прруп» звучало не то криком птицы, не то дружеским кошачьим мурлыканьем. Несколько секунд она очень внимательно меня разглядывала, потом вдруг вскочила и пустилась в пляс. Сперва она встала на ноги и начала высоко подпрыгивать, широко раскинув руки, точно собиралась прижать меня к груди. Потом опустилась на четвереньки и принялась скакать из стороны в сторону как мяч, взлетая высоко в воздух. При этом она, видно, все больше входила во вкус и прыгала все выше. Затем последовала короткая передышка — и новые па: теперь обезьяна стояла на четвереньках, плечи и вся передняя половина ее туловища раскачивались, как маятник, а задняя оставалась совершенно неподвижной. Основная схема танца была ясна — и тут обезьяна показала мне, на что способна подлинно искусная, опытная танцовка из обезьяньего племени: она вертелась волчком, прыгала и скакала так, что у меня голова пошла кругом. Обезьяна приглянулась мне с первого взгляда, а эта неистовая пляска дервиша совсем меня покорила, и, конечно же, я просто не мог не купить танцовщицу. Я заплатил ее владельцу двойную цену и с торжеством унес обезьяну. В какой-то палатке я тотчас купил ей связку бананов, и она была так тронута моей щедростью, что тут же меня отблагодарила: обмочила мне всю рубашку. Я отыскал всех своих и шофера — от них так и несло пивом, — мы погрузились в машину и поехали дальше. Обезьяна сидела у меня на коленях, запихивала в рот бананы, обозревала окрестности из окна кабины и слегка повизгивала от волнения и удовольствия. В знак признания ее танцевальных талантов я решил назвать ее Балерина, и впредь мы ее так и звали — «красная мартишка Балерина».

Наше путешествие длилось еще несколько часов, и к концу его в долины хлынули темно-лиловые тени, а солнце неторопливо погружалось в несконечные пунцово-зеленые перистые облачка за самыми высокими вершинами западных гор.

Мы сразу поняли, что наконец достигли цели, потому что у Бафута дорога просто кончилась. Слева тянулся огромный пыльный двор, окруженный высокой стеной из красного кирпича. За стеной разместилось множество круглых хижин с высокими соломенными крышами, они теснились вокруг небольшой чистенькой виллы. Но все эти строения казались крохотными и жалкими по сравнению с огромным сооружением, похожим на диковинный улей, только увеличенный в тысячу раз. Это была огромная круглая хижина с толстенной соломенной крышей куполом, загадочная и черная от старости. По другую сторону дороги начинался крутой подъем, вверх тянулась широкая лестница ступеней в семьдесят — она вела к большой двухэтажной вилле в форме коробки для обуви, каждый этаж ее обве-

ден был широкой сплошной верандой, и обе веранды обильно увиты бутенвиллеей и другими вьющимися растениями. Так, значит, вот он какой — мой дом на ближайшие несколько месяцев.

Не успел я с трудом выбраться из кабины грузовика — ноги совсем затекли, — как под аркой в дальней стене большого двора открылась дверь и ко мне через весь двор направилась небольшая процессия. Это были мужчины, в большинстве пожилые; их развевающиеся многоцветные одеяния шелестели на ходу, голову каждого покрывала маленькая круглая шапочка, богато расшитая разноцветной шерстью. Посреди этой группы шагал высокий стройный человек с живым улыбчивым лицом. На нем была простая белая одежда и шапочка без всяких украшений, и все же, несмотря на это, я тотчас понял, что в этой яркой толпе он самый главный — так величава была его осанка. Это был Фон — правитель Бафута, огромного лутого королевства, которое мы пересекли на пути сюда, и многого множества чернокожих подданных. Я знал, что он сказочно богат и правит своим королевством толково и умно, хоть и несколько деспотично. Фон остановился передо мной, приветливо улыбнулся и протянул мне большую тонкую руку.

— Милости просим, — сказал он.

Позднее я убедился, что он говорит на ломаном английском не хуже своих подданных, но почему-то стесняется этого умения, и вначале мы разговаривали через переводчика; тот стоял рядом, почтительно склонившись, и переводил мою приветственную речь, прикрывая рот руками, сложенными лодочкой. Фон вежливо слушал, пока я говорил, а переводчик переводил, потом взмахнул большой рукой и указал на виллу, стоявшую на вершине холма по ту сторону дороги.

— Отлично! — сказал он и широко улыбнулся.

Мы снова обменялись рукопожатием, он зашагал со своими советниками назад через двор и скрылся за дверью под аркой, предоставив мне самому располагаться в его вилле.

Часа через два, когда я уже принял ванну и перекусил, ко мне явился гонец и сообщил, что Фон хотел бы зайти ко мне потолковать, если, конечно, я успел немного отдохнуть с дороги. Я ответил, что вполне отдохнул и буду счастлив принять Фона; потом я извлек из чемодана бутылку виски и стал ждать. Вскоре он прибыл в сопровождении своей маленькой свиты, мы усадились на веранде, где уже горела лампа, и принялись болтать. Я вынул за его здоровье виски с водой, а он за мое — чистого виски. Сначала мы разговаривали через переводчика, но когда уровень виски в бутылке изрядно понизился, Фон заговорил по-английски. Добрых два часа я подробно рассказывал ему о том, зачем я сюда приехал, показывал книги и фотографии нужных мне зверей, рисовал их на клочках бумаги и, когда все ос-

Д тальное не доходило, пытался подражать их голосам, а между тем стакан Фона неукоснительно наполнялся опять и опять — просто страшно становилось.

Он сказал, что, надо думать, мне удастся добыть почти всех зверей, которых я ему показывал, и обещал назавтра прислать искусных охотников. Но, пожалуй, лучше он сам объявит людям, что мне нужно, продолжал Фон, и они все постараются поймать для меня добычу, а самый удобный случай объявить об этом представится дней через десять. Тогда состоится некая церемония: как я понял, в назначенный день его подданные всегда собирают в горах и долинах огромное количество сухой травы и приносят ее в Бафут, чтобы Фон мог перекрыть крышу своей громадной таинственной обители и крыши жилищ своих бесчисленных жен. Когда траву приносят, он задает пир на весь мир. На торжество собираются многие сотни людей со всех окрестных мест, и, как объяснил Фон, удачей случая не придумаешь; он произнесет речь и растолкует людям, что я от них хочу. Я с радостью согласился, от души и довольно многословно его поблагодарил и в очередной раз наполнил его пустой стакан. Бутылка быстро пустела, наконец в ней не осталось ни капли — хоть ставь ее вверх дном. Тогда Фон величественно поднялся на ноги, подавил икоту и протянул мне руку.

— Я пошел, — заявил он и помахал рукой куда-то в сторону своей маленькой виллы.

— Мне очень жаль, — учтиво сказал я. — Хочешь, я пойду провожу?

— Да, мой друг! — просиял он. — Да, отлично!

Я кликнул одного из его свиты, и тот примчался стремглав, держа в руке фонарь-«молнию». Светя этим фонарем, он пошел впереди нас по веранде и дальше, к той длинной лестнице. Фон все еще не выпускал мою руку, а другой рукой обводил веранду, комнаты и залитый лунным светом сад далеко внизу и, очень довольный, бормотал про себя: «Отлично, отлично». Когда мы добрались до лестницы, он приостановился, с минуту задумчиво глядел на меня, потом ткнул длинной рукой вниз.

— Семьдесят пять ступеньки, — сказал он и просиял.

— Очень хорошо, — согласился я и кивнул.

— Сейчас мы их считаем, — предложил Фон, в восторге от своей затеи. — Семьдесят пять, мы их считаем.

Он обхватил меня за плечи, всей тяжестью повис на мне, и мы начали спускаться на дорогу, не переставая громко считать ступеньки. Фон помнил английский счет только до шести, остальные цифры он забыл; на полпути мы сбились, что-то перепутали и, когда добрались до нижней площадки, оказалось, что по его расчетам трех ступенек не хватает.

— Семьдесят два? — спросил он сам себя. — Нет, нет, семьдесят пять. Куда же подевался остальные?

И гневно оглядел свою съезжившуюся от страха свиту, что ждала нас внизу, на дороге, будто подозревал, что его приближенные спрятали недостающие три ступеньки у себя под одеждой. Я поспешно предложил пересчитать все заново. Мы опять вскарабкались наверх до самой веранды, считая изо всех сил, потом, для окончательной проверки, считали всю дорогу вниз. Сосчитав до шести, Фон всякий раз начинал сызнова, так что я очень скоро понял: если я не хочу всю ночь бродить вверх и вниз по этой лестнице, разыскивая недостающие ступеньки, надо что-то предпринять. Поэтому, когда мы дошли до самого верха и опять спустились вниз, я громко, торжественно провозгласил: «Семьдесят пять!» — и радостно улыбнулся моему спутнику. Сперва он не очень охотно согласился с моим счетом, ибо сам дошел только до пяти и был уверен, что существование остальных семидесяти надо еще как-то доказать. Однако я заверил его, что в юности получил немало наград за устный счет и что все сосчитано правильно. Фон прижал меня к груди, потом схватил за руку, с силой стиснул ее и пробормотал: «Отлично, отлично, мой друг». Наконец он двинулся через огромный двор к своей резиденции, а я потащился наверх (по семидесяти пяти ступенькам) к своей кровати.

Весь следующий день, преодолевая отчаянную головную боль — результат вчерашней попойки с Фоном, — я усердно сколачивал клетки в надежде, что мне вот-вот начнут приносить «добычу». В полдень ко мне явились четверо высоких, внушительного вида молодых людей в ярких праздничных саронгах, с кремневыми ружьями в руках. Это устрашающее оружие было невообразимо древнее, стволы изъедены ржавчиной, и вид у них такой, точно каждое ружье перенесло оспу в тяжелейшей форме. Я заставил молодых людей вынести опасное оружие за ворота и сложить его там и только потом разрешил им подняться ко мне. Это и были охотники, которых прислал Фон; с полчася я показывал им фотографии зверей и объяснял, сколько за какого зверя буду платить. Потом я велел им идти на охоту, а вечером доставить сюда ко мне все, что они поймают. Если же они ничего не поймают, пусть приходят на следующее утро. Я оделил их сигаретами, и они побрели по дороге, о чем-то оживленно переговариваясь и увлеченно тыкая ружьями во все стороны.

В тот же вечер один из четверых вернулся с маленькой корзинкой. Он присел на корточки, жалобно поглядел на меня и стал объяснять, что ему и его товарищам по охоте не очень-то повезло на этот раз. Они ходили далеко, сказал он, но не нашли ни одного зверя из тех, что я им показывал. Впрочем, кое-что они все-таки добыли.

Тут он подался вперед и поставил корзинку к моим ногам.

— Не знаю, маса хочет такой добыча? — спросил он.

Я приподнял крышку и заглянул в корзинку. Я надеялся, что увижу белку или, может, крысу, но там сидела пара больших прекрасных жаб.

— Маса нравится такой добыча? — спросил охотник, с тревогой глядя на меня в лицо.

— Да, очень нравится, — сказал я, и он распылся в улыбку.

Я уплатил ему что положено, наделил сигаретами, и он отправился во-своися, пообещав вернуться наутро вместе со своими друзьями. Когда он ушел, я мог наконец заняться жабами. Каждая была величиной с блюдце, глаза огромные, блестящие, а короткие толстые лапы, казалось, не без труда поддерживали тяжелое тело. Расцветка у них была просто изумительная: спинка густого кремового цвета, в крошечных извилистых черных полосках; с боков голова и тело темно-красные, цвета то ли вина, то ли красного дерева, а живот — ярко-желтый, цвета лютика.

Надо сказать, что жабы всегда были мне симпатичны, ибо я убедился, что они существа спокойные, благонравные и в них есть какая-то своя прелесть: они не так неуравновешенны и не так придурковаты и неуклюжи, как лягушки, кожа у них на вид не такая мокрая и они не сидят с разинутым ртом. Но до встречи с этими двумя я воображал, что, хотя жабы по расцветке и вообще по внешнему виду бывают очень несхожи, нрав у них у всех примерно один и тот же: если знаешь одну, можно считать, что знаешь всех. Однако, как я очень скоро обнаружил, характер у этих двух земноводных столь своеобразен, что ставит их чуть ли не наравне с млекопитающими.

Эти существа называются жабами-сухолистками, потому что необычные кремовые (с темными прожилками) их спины по цвету и рисунку очень напоминают сухой лист. Если такая жаба замрет на земле в осеннем лесу, ее никак не различить среди опавших листьев. Отсюда их английское название. Научное же название — бровастая жаба, а по-латыни они называются еще удачнее — *Bufo superciliaris*¹, ибо такая жаба на первый взгляд кажется необычайно надменной. Кожа над большими глазами как бы вздернута и собрана острыми уголками, так что полное впечатление, будто жаба подняла брови и глядит на мир свысока, с язвительной насмешкой. Широко растянутый рот подбавляет жабе аристократической надменности: углы его слегка опущены, словно жаба усмехается; такое выражение я видел еще только у одного животного на свете — у верблюда. Прибавьте к этому неторопливую, покачивающуюся походку и привычку через каждые два-три шага присаживаться и глядеть на вас с какой-то презрительной жалостью, и вы поймете, что перед вами самое надменное существо на свете.

¹ Буквально: спесивая жаба (лат.). — Прим. ред.

Обе мои сухолистки сидели рядышком на дне корзины, выстланном свежей травой, и глядели на меня с уничижающим презрением. Я наклонил корзинку, и они вперевалячку вылезли на пол, исполненные достоинства и негодующие — ни дать ни взять два лорд-мэра, которых ненароком заперли в общественной уборной. Они отошли фута на три от корзинки и уселись, слегка задыхаясь, — видимо, совсем выбились из сил. Минут десять жабы пристально меня разглядывали и с каждой минутой явно все сильнее презирали. Потом одна двинулась в сторону и пристроилась у ножки стола, должно быть, приняв ее за ствол дерева. Вторая продолжала меня разглядывать и по зрелом размышлении, видно, составила обо мне такое мнение, что ее вырвало и на полу оказались полупереваренные остатки кузнечика и двух бабочек. Тут жаба кинула на меня укоризненный и страдальческий взгляд и зашлепала к пожке стола, где сидела ее подруга.

Подходящей для них клетки у меня не нашлось, и сухолистки провели первые несколько дней взаперти у меня в спальне; там они медленно, задумчиво бродили по полу или сидели, погруженные в глубокое раздумье, под кроватью — словом, несканзанно развлекали меня своим поведением. Прошло всего несколько часов с нашего знакомства, а я уже убедился, что был глубоко несправедлив к своим толстушкам-сожительницам: они оказались вовсе не такими самодовольными и падменными, какими притворялись. На самом деле это робкие и застенчивые создания, они легко смущаются и начисто лишены самоуверенности; я подозреваю, что они даже страдают глубоким, неискоренимым комплексом неполноценности и их невыносимо важный вид — всего лишь попытка скрыть от мира неприглядную истину: они ничуть в себе не уверены. Это я совершенно случайно обнаружил в первый же вечер их пребывания в моей спальне. Я записывал их расцветку, а жабы сидели у моих ног на полу, и вид у них был такой, точно они обдумывали свои биографии для записи в Книгу лордов. Мне надо было осмотреть повнимательней нижнюю половину их тела, поэтому я нагнулся и поднял одну из них двумя пальцами; я обхватил ее за туловище под передними лапками так, что она болталась в воздухе, и вид у нее при этом был самый жалкий — в такой позе просто невозможно сохранить достоинство. Потрясенная подобным обращением, жаба громко, негодующе закричала и лягнула воздух толстыми задними лапками, но где ей было от меня вырваться! И ей пришлось болтаться в воздухе, пока я не закончил осмотр. Но когда я наконец посадил ее на прежнее место рядом с подрутой, это была уже совсем другая жаба. В ней не осталось и следа прежнего аристократического высокомерия: на полу сидело сломленное, покорное земноводное. Жаба вся съежилась, большие глаза тревожно моргали, на физиономии ясно выражались печаль и робость. Казалось, она вот-вот заплачет.

Д Превращение это произошло столь внезапно и бесповоротно, что можно было только изумляться, и, как это ни смешно, я очень огорчился — ведь это я так ее унизил! Чтобы хоть как-то сгладить случившееся, я поднял вторую жабу, дал и ей поболтаться в воздухе — и эта тоже сразу утратила свою самоуверенность: едва я опустил ее на пол, она тоже стала робкой и застенчивой. Так они и сидели, приниженные, несчастные и выглядели до того забавно, что я бестактно расхохотался. Этого их чувствительные души вынести уже не могли: обе тотчас поспешно двинулись прочь от меня, спрятались под столом и просидели там добрых полчаса. Зато теперь, когда я открыл их тайну, я мог сбивать с них спесь когда угодно: надо было только легонько щелкнуть их пальцем по носу, и они тут же виновато съеживались, точно вот-вот покраснеют от смущения, и глядели на меня умоляющими глазами.

Я построил для моих сухолисток большую удобную клетку, и они прекрасно там устроились; впрочем, заботясь об их здоровье, я разрешал им каждый день выходить на прогулку в сад. Правда, когда животных стало больше, у меня оказалось столько работы, что я уже не мог стоять и ждать, пока мои аристократки — голубая кровь надышатся воздухом; к большому их неудовольствию, прогулки пришлось сократить. Но однажды я случайно нашел для них сторожа, на чье попечение мог спокойно их оставлять, не прерывая работы. Этим сторожем оказалась красная маргыннка Балерина.

Балерина была на редкость ручная и очень деликатная обезьяна, и она живо интересовалась всем, что происходило вокруг. Когда я впервые выпустил сухолисток на прогулку поблизости от того места, где была привязана Балерина, обезьяна уставилась на них как заворуженная: она встала на задние ноги и всячески выворачивала шею, стараясь не упустить их из виду, пока они важно шествовали по саду. Через десять минут я вернулся в сад поглядеть, как там мои жабы, и обнаружил, что обе они подошли прямо к обезьяне. Балерина сидела между ними на корточках, нежно их гладила и громко что-то бормотала от удивления и удовольствия. У жаб вид был до смешного довольный, они сидели не шевелясь: эти ласки явно доставляли им удовольствие.

После этого я каждый день выпускал жаб возле того места, где была привязана Балерина, и она за ними присматривала, пока они бродили вокруг. Завидев их, обезьяна вскрикивала от восторга, потом нежно их поглаживала до тех пор, пока они не оставались лежать подле нее без движения, как загипнотизированные. Если они отходили чересчур далеко и могли скрыться в густом кустарнике на опушке сада, Балерина ужасно волновалась и звала меня пронзительными криками, стараясь дать мне знать, что ее подопечные убегают и я должен поскорее поймать их и принести обратно к ней. Однажды она позвала меня, когда жабы забрели

слишком далеко в поле, но я не услышал, и, когда позднее спустился в сад, обезьяна истерически металась на привязи, натянув веревку до отказа, и отчаянно кричала, а жаб нигде не было видно. Я отвязал обезьяну, и она тутчас повела меня к густым кустам на краю сада; там она очень скоро нашла беглянок и припала к ним с громкими радостными криками.

Балерина ужасно привязалась к этим жабам. Видели бы вы, как нетерпеливо она здоровалась с ними по утрам, как нежно гладила и похлопывала, как волновалась, когда они забредали слишком далеко, — это было поистине трогательное зрелище! Она только никак не могла понять, почему у них нет шерсти, как у обезьяны. Она трогала пальцами их гладкую кожу, пыталась раздвинуть несуществующую шерсть, и на ее черном личике явно читалась тревога; порой она наклонялась и начинала задумчиво лизать им спину. Впрочем, довольно скоро их безволосые спины перестали ее тревожить, и она обращалась с ними нежно и любовно, как с собственными детенышами. Жабы на свой лад тоже привязались к обезьяне, хотя она порой и унижала их достоинство, а это им бывало не по нраву. Помню, однажды утром я их выкупал, что доставило им немалое удовольствие, а по дороге через сад домой к их мокрым животам прилипли мелкие щепочки и комья земли. Это очень огорчило Балерину, ей хотелось, чтобы ее любимцы были всегда чистенькие и аккуратные. И вот я застал такую картину: обезьяна сидела на солнышке, задние ноги ее, как на подставке, покоились на спине одной жабы, а другая сухолистка болталась в воздухе — обезьяна держала ее на весу в самом неудобном и унижительном положении. Жаба медленно кружилась в воздухе, а обезьяна озабоченно обирала с нее всякий мусор и все время попискивала и повизгивала — что-то объясняла. Покончив с одной жабой, Балерина опустила ее на землю, где та осталась сидеть притихшая, подавленная, и принялась за другую — подняла ее в воздух и заставила пережить то же унижение. Да, в присутствии Балерины сухолисткам никак не удавалось проявлять свое аристократическое высокомерие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОНЧИЕ БАФУТА

Для ловли различных представителей животного мира Бафута в моем распоряжении имелись четыре охотника, которых прислал мне Фон, а сверх того — свора из шести тощих, нескладных дворняжек; их владельцы уверяли меня, что это лучшие охотничьи собаки во всей Западной Африке.

Д Всю эту разношерстную компанию я прозвал Гончими Бафута. Охотники, конечно, не понимали этого названия, но чрезвычайно им гордились, и однажды я услышал, как один из них в споре с соседом громко и возмущенно заявил: «Ты на меня не кричи, мой друг. Не знаешь, что ли, — я тоже Гончая Бафута!»

Охотились мы так: уходили в какую-нибудь долину подальше или в горы и выбирали место, где трава и кусты погуще. Там мы полумесяцем раскидывали сети, а потом ходили по подлеску с собаками и загоняли в сети все, что попадалось. У каждой собаки на ошейнике висела маленькая деревянная погремушка, и когда вся свора скрывалась в высокой траве, по громкому бречанию этих украшений всегда можно было определить, где собаки. Такой способ охоты был очень удобен — я всегда оказывался на месте и мог сразу же заняться пойманными животными: их тотчас увозили в Бафут и без промедления помещали в удобную клетку. Мы перевозили их в мешках с отверстиями для доступа воздуха (отверстия эти были оправлены кольцами из латуни, чтобы их нельзя было разорвать изнутри); мешки для более крупных и свирепых зверей сшиты были из брезента или дерюги, а для мелких и безобидных — из ткани помягче. Очутившись в темном мешке, наши пленники, как правило, переставали отбиваться и лежали смирно до тех пор, пока не попадали в клетку; для животного страшней всего были те минуты, когда его выпутывали из сети, но уже очень скоро мы так набили руку, что проделывали это необыкновенно ловко: минута-другая — и животное уже схвачено, извлечено из сети и упрятано в мешок.

В первый день, когда я выступил в поход с Гончими Бафута, охотники вооружились так, словно мы собрались охотиться на львов. В придачу к обычным ножам они взяли с собой копья и кремневые ружья. Мне вовсе не хотелось по чьей-то оплошности получить в бок заряд ржавых гвоздей и камешков, а потому, несмотря на горестные мольбы охотников, я настоял, чтобы ружья остались дома. Охотники просто в ужас пришли от моего решения.

— Маса, — жалобно возразил один. — Если мы встретить опасный добыча, как мы его убивать, если ружье лежать здесь?

— Если мы встретим опасную добычу, мы не станем ее убивать, а поймем, — решительно объявил я.

— А? Маса будет поймать опасный добыча?

— Именно так, друг мой. А если ты боишься — не ходи с нами, понял?

— Маса, я не боюсь, — с негодованием возразил охотник. — Только если мы встретить опасный добыча и он убить маса, тогда Фон много сердиться.

— Умолкни, мой друг, — сказал я и достал свое охотничье ружье. — Я возьму ружье. И тогда, если добыча убьет меня, это уж не ваша забота, ты понял?

— Я понял, сэр.

Утро только занималось, и солнце еще не поднялось над горными цепями, что окружали Бафут. Небо было нежнейшего розового оттенка, и на нем там и сям белели кружевные облачка. Долины и горы все еще обволакивал и скрывал от глаз утренний туман, а высокая золотистая трава вдоль дороги склонялась под тяжестью росы. Охотники гуськом шагали впереди, а собаки то разбегались по кустам, то возвращались, и погребушки их весело побрякивали со всех сторон. Наконец мы свернули с дороги на узкую извилистую тропинку, что вела через холмы. Здесь туман был гуще, но стлался низко, по самой земле. Он совсем закрывал наши ноги, и это было очень странно — будто бредешь по поясу в ровном, чуть зыблющемся пенном озере. Высокая трава, влажная от росы, похрустывала под моими подошвами, а вокруг, где-то в глубине этого молочно-белого озера тумана, поминутно раздавались взрывы хохота — это крохотные лягушки потешались над чем-то, понятным лишь им одним. Вот и солнце встало над дальней кромкой гор, точно огромный замороженный апельсин, с каждой минутой лучи его грели все жарче, туман начал подниматься и легкими спиралями и кольцами заструился ввысь; вскоре уже казалось, будто мы идем сквозь лес призрачных белых деревьев, которые извиваются, гнутся, распадаются и возникают вновь, причудливо меняя форму с легкостью амебы, и все тянутся вверх, точно ввинчиваются в воздух.

Через два часа мы добрались до места, которое охотники выбрали для нашей первой охоты. Эта довольно широкая и глубокая долина лежала между двумя грядами холмов, чуть изгибаясь наподобие лука. Крохотный ручеек проложил себе путь по дну долины, между черными глыбами камней и золотистыми лугами; он сверкал на солнце, словно тончайшая стеклянная паутина. Долина здесь почти сплошь поросла высокой, непролазно-густой травой и мелким кустарником; местами, отбрасывая тень на траву, поднимались кусты повыше и молодые деревца.

Мы спустились в долину и растянули поперек нее ярдов сто сетей. Потом охотники подзвали собак и пошли ко входу в долину, а я остался возле сетей. На полчаса установилась тишина — охотники с собаками медленно двигались к сетям, лишь побрякивали деревянные погребушки на ошейниках собак да, случалось, пронзительно ругнется, наступив на колючку, какой-нибудь пезадачливый охотник. Я уже начинал думать, что ничего мы сегодня не поймем, как вдруг охотники подняли неистовый крик, а собаки залились яростным лаем. Они были еще довольно далеко от сетей, и я их не видел за небольшой купой деревьев.

Д

— Что там у вас? — завопил я, стараясь перекричать весь этот шум.

— Тут есть добыча, маса, — донесся ответ.

Я терпеливо ждал, и наконец из-за деревьев показался задыхающийся от бега охотник.

— Маса, дай мне вон тот маленький сеть, — сказал он, указывая на мелкие сети, аккуратно сложенные возле мешков.

— А какую добычу вы там нашли? — спросил я.

— Белка, сэр. Он убежал на дерево.

Я взял толстый брезентовый мешок и пошел за ним сквозь кусты к деревьям. Тут столпились охотники, они говорили все разом и отчаянно спорили, как лучше достать зверька, а собаки лаяли и прыгали вокруг небольшого деревца.

— Где ваша добыча? — спросил я.

— Он вон там, маса, наверху.

— Хороший добыча, маса!

— Мы сейчас его поймать, маса!

Я подступил к самому стволу, задрал голову и стал вглядываться в листву: футах в двадцати над нами на ветке сидела большая красивая белка — шерстка полосато-серая, белая полоска на ребрах, а лапки оранжевые. Хвост длинный, но не пушистый, в поперечных полосках, точно светло-серые и черные кольца. Белка сидела на ветке, махала на нас хвостом и довольно сердито кричала: «Чак! чак!», точно мы ее не испугали, а только разозлили. Мы принялись раскидывать сети вокруг дерева футах в десяти от его ствола, а белка следила за нами злобным взглядом. Потом мы привязали собак, и я велел самому малорослому из охотников вскарабкаться на дерево и согнать белку вниз. Вторая часть операции была предложена самими охотниками; я думал, справиться с белкой на дереве — задача невыполнимая, но охотники уверяли, что, если кто-нибудь залезет на дерево, белка непременно спустится на землю. И они оказались совершенно правы: не успел охотник добраться до верхних ветвей с одной стороны ствола, как белка кинулась вниз по другой его стороне. Просто чудо, как она сообразила броситься к тому единственному месту, где сеть была чуть-чуть порвана, протиснулась в дыру и поскакала прочь по траве, а мы очертя голову бросились в погоню, на бегу все разом выкрикивали друг другу всяческие мудрые советы и распоряжения, и, конечно же, никто не обращал на них никакого внимания. Мы только успели обогнуть группу кустов, как увидели нашу белку — она бежала вверх по стволу другого невысокого деревца.

Мы опять расставили сети, и опять охотник полез на дерево, чтобы согнать белку вниз. Но на этот раз она оказалась еще хитрей: она заметила,

что мы караулим дыру в сетях, через которую она улизнула в первый раз, сбежала по стволу на землю, сжалась в комочек и прыгнула. Пролетела по воздуху в полудюйме над сетью и опустилась по ту сторону. Стоявший ближе других охотник сделал отчаянный рывок, но промахнулся, и белка ускочила прочь, без умолку с негодованием твердя свое «чак! чак!». На сей раз она избрала другую тактику: вместо того чтобы взлететь на дерево, юркнула в ямку между корнями.

И опять мы окружили дерево сетями и начали шарить длинными тонкими прутьями в лабиринте корней, среди которых она пряталась. Но из этого тоже ничего не вышло, только «чак! чак!» раздавалось все чаще, и мы скоро отступились. Следующая наша попытка, однако, оказалась более успешной: мы засунули в самое большое отверстие пучок тлеющей травы, душливый дым распространился по всем извилам и ходам лабиринта, и мы услышали сердитое чихание и кашель. Под конец белка не выдержала и выскочила из-под корней, прямо головой в сеть. Но и тут она еще не сдалась — пока ее выпутывали из сетей, она укусила меня и двух охотников в придачу, а когда ее засовывали в брезентовый мешок — третьего. Потом я повесил мешок на ветки ближайшего кустика, и все мы уселись покурить — после трудов праведных это было просто необходимо, — а белка глядела на нас сквозь латунные кольца отверстий и злобно кричала, будто бросала нам вызов: ну-ка, попробуйте открыть мешок и встретиться со мной лицом к лицу!

Полосатые земляные белки широко распространены на зеленых равнинах Западной Африки, но я был очень доволен, что поймал хоть одну, — таких у меня еще не бывало. Как ясно из их названия, эти белки живут почти исключительно на земле, и я порядком удивился, что наша пыталась найти убежище на дереве. Позднее я обнаружил, что все белки, которые живут в лугах (большинство их действительно земляные), в минуту опасности кидаются к деревьям и только в самом крайнем случае ищут спасения среди корней или в дуплах гнилых деревьев.

Наконец мы перевязали свои раны, покурили и поздравили друг друга с первой добычей, потом передвинули большую сеть дальше по долине; здесь трава была густая, перепутанная, высотой чуть ли не в шесть футов. Это отличное место для особенной добычи, сказали мне охотники, хотя из вполне понятной осторожности не пожелали уточнить — для какой именно. Мы расставили сети, я устроился в удобном месте где-то посередине, внутри дуги, чтобы сразу же извлечь оттуда то, что попадется, а охотники взяли собак и ушли примерно на четверть мили дальше по долине. Высоким протяжным криком они дали мне знать, что стали пробиваться сквозь густую траву, и тут наступила тишина. Лишь трещали и пощелкивали во-

Друг бесчисленные цикады и кузнечики да издали чуть слышались собачьи погремущики. Прошло полчаса — ничего! Со всех сторон меня теснила шелестящая чаща высокой травы, такая густая и дремучая, что в двух шагах уже ничего не разглядеть.

Крохотная прогалинка, где я сидел, пылала зноем, мне ужасно захотелось пить; я огляделся и вдруг вспомнил, что мой заботливый повар сунул в один из мешков термос с чаем, а я совсем было о нем забыл. Я с благодарностью вытащил термос, уселся на корточки на самом краю прогалины среди высокой травы и налил себе чаю в стаканчик от термоса. Я пил, поглядывал по сторонам и вдруг заметил прямо перед собой в сплошной стене травы узкий, темный проход — его явно протоптал в травяном лесу какой-то зверь; я решил, когда покончу с чаепитием, обследовать этот проход.

Не успел я налить себе второй стаканчик, как справа, совсем рядом раздался отчаянный шум и гам: охотники пронзительными криками подбадривали собак, а собаки заливались неистовым лаем. «Что у них там происходит?» — подумал я, и вдруг в траве послышался шорох; я придвинулся поближе к темному проходу в надежде разглядеть, что там шумит. Внезапно трава раздвинулась, оттуда выскочило нечто темно-бурое и ринулось прямо на меня. Я нападения никак не ожидал, да еще сидел на корточках и держал в одной руке термос, а в другой стаканчик с горячим чаем. Животное, которое со страху показалось мне вдвое крупнее бобра, прыгнуло прямо мне на грудь; от неожиданности я опрокинулся на спину, зверек стоял у меня на животе, а из термоса прямо мне на колени лился обжигающий чай. Оба мы одинаково удивились и, кажется, одинаково завизжали от страха. Руки у меня были заняты, я попытался стиснуть зверька локтями, но он соскочил с меня, точно резиновый мяч, и ускакал в траву. Сеть в одном месте стала подергиваться и трястись, и до меня донесся отчаянный визг — видно, мой незнакомец угодил прямо в нее. Я закричал охотникам и с трудом пробрался сквозь густую траву туда, где шевелилась сеть.

Зверек основательно в ней запутался и теперь лежал весь скорчившись, вздрагивал и пугливо фыркал; то и дело он безуспешно пытался перекусить петли сети острыми зубами. Теперь я его разглядел как следует. В сеть попалась очень большая тростниковая крыса, животное, известное африканцам под именем траворезки, что очень точно передает его повадки: своими большими, отлично развитыми резцами траворезка проходит по лугам, да и по засеянным полям, как косилка. В длину она два с лишним фута и покрыта грубой коричневой шерстью. Мордочка круглая, как у бобра, маленькие уши плотно прижаты, хвост толстый, безволосый, и большие лапы, тоже безволосые. Она, видно, до полусмерти испугалась меня, и я не стал подходить ближе, пока не подоспели охотники, — боялся, как бы она

все-таки не вырвалась из сетей. Крыса лежала и судорожно вздрагивала, а порой дергалась, пыталась подскокить в воздух и всякий раз при этом отчаянно взвизгивала. Я изрядно встревожился — вдруг у нее сейчас будет разрыв сердца? Только много позднее, когда я поближе познакомился с тростниковыми крысами, я узнал, что такой истерикой они встречают все новое, непривычное, вероятно, в надежде испугать или смутить врага. А на самом деле тростниковая крыса — животное отнюдь не из робких и не замедлит впиться своими огромными резцами вам в руку, если вы позволите себе с ней какую-либо вольность. Я оставался на почтительном расстоянии до тех пор, пока не подошли охотники; тут мы общими усилиями извлекли крысу из сети.

Когда ее вытащили и стали сажать в крепкий мешок, крыса вдруг отчаянно подпрыгнула у меня в руках; я сжал ее покрепче, и, к моему удивлению, у меня в пальцах остался большой клочок шерсти. Наконец мы надежно засунули траворезку в мешок, а я сел и принялся рассматривать шерсть, которую невольно сорвал с моей уштанной пленницы. Шерсть оказалась длинной и довольно жесткой, похожей на грубую щетину; корни у нее, видно, очень слабые: чуть потянешь — и лезет клочьями. Заново отрастает она очень не скоро, и, так как лысую тростниковую крысу никак нельзя назвать красавицей, обращаться с ней приходится в высшей степени осторожно.

Поймав тростниковую крысу, мы медленно двинулись дальше по долине, время от времени расставляя сети и обшаривая подозрительные кусты и подлесок. Когда стало ясно, что больше тут нечем поживиться, мы свернули сети и направились к большому холму в полумиле от долины. Холм этот был на редкость правильной формы, и мне на ум тотчас пришел курган, под которым похоронен какой-то исполин, что бродил по этой равнине в давно минувшие времена: на самом верху возвышалась груда каменных глыб, каждая величиной с дом — казалось, будто здесь воздвигнут памятник. В узких расщелинах и просветах между глыбами росли чахлые деревца, стволы их были изогнуты и скручены всеми ветрами, но на каждом светилась гроздь ярко-золотистых плодов. В высокой траве у подножий деревьев виднелись фиолетовые и желтые орхидеи, а местами эти огромные камни покрывал толстым ковром какой-то густо разросшийся выюнок, с его стеблей свисали колокольчики цвета слоновой кости. Эти вздыбленные скалы, яркие цветы и причудливо изогнутые деревья являли собой удивительное зрелище на фоне багряно-голубого предвечернего неба.

Мы забрались на холм и уселись на корточках в тени камней среди высокой травы, чтобы перекусить. Крутом сколько хватал глаз простирались горные луга, цветы и трава колыхались на ветру, краски их сверкали и пе-

Д реливались, поминутно изменяясь. Гребни холмов из бледно-золотых постепенно становились белыми, а долины были нежного зеленовато-голубого цвета и местами темнели, когда над ними торжественно проплывало кучевое облако и тянуло за собой лиловую тень. Прямо перед нами в небе отчетливо вырисовывалась цепь тонко очерченных гор, их подножие почти скрывала россыпь огромных валунов попеременно с малорослыми деревьями. Горы плавно круглились, они были на удивление правильной формы. Их покрывала трава самых разнообразных оттенков зеленого, золотого, пурпурного и белого цветов, и казалось — это накатывается огромная океанская волна: она вздымается над тщедушной преградой из камней и кустов и вот-вот через нес перехлестнет. Высоты эти были необыкновенно покойны и тихи, тишину нарушал, кажется, один лишь ветер — он хлопотливо метался во все стороны, заставляя каждую былинку петь свою собственную песню. Ветер расчесывал траву, и она мягко шелестела, он протискивался меж камней, забирался в трещины и расселины гор над нами, и оттуда доносилось что-то вроде жалобного уханья совы и внезапных раскатов хохота, ветер гнул и скручивал упрямые крепкие деревца, они трещали и стонали, а листья трепетали и мурлыкали, как котята. И все же эти невнятные звуки не нарушали, а скорее подчеркивали тишину лугов.

Вдруг тишина раскололась — из-за тесной группы скал донесся ужасающий рев. Я с трудом пробрался туда и увидел: у подножия каменной глыбы сбились в кучу охотники и собаки. Трое охотников о чем-то отчаянно спорили, а четвертый выл и приплясывал от боли; из раны у него на руке хлестала кровь. Взволнованные собаки прыгали вокруг и неистово лаяли.

— Что тут у вас за суматоха? — спросил я.

Все четверо обернулись ко мне и принялись каждый на свой лад рассказывать, в чем дело; они кричали все громче, стараясь перекричать друг друга.

— Зачем вы так кричите? Как же мне вас понять, если вы говорите все сразу, как женщины? — сказал я.

Добившись таким образом тишины, я указал на окровавленного охотника.

— Как ты получил эту рану, друг мой?

— Маса, это меня добыча укусила.

— Добыча? Какая добыча?

— Э, маса, я не знаю. Уж очень она сильно кусать, сэр.

Я осмотрел его руку и убедился, что из ладони словно аккуратно вырезан кусок величиной с шиллинговую монету. Я оказал охотнику простейшую первую помощь и стал расспрашивать, что за животное его укусило.

— Откуда пришла эта добыча?

— Вон из та дырка, сэр, — ответил раненый и указал на глубокую щель у подножия высокой скалы.

— А ты не знаешь, как называется эта добыча?

— Нет, сэр, — огорченно сказал раненый. — Я ее не видеть. Я приходить сюда на этот место и увидеть дырка. Я и подумать, там, в такой дырка, бывать добыча, и сунул рука. Он меня и укусить.

Я обернулся к остальным охотникам.

— Вот! — сказал я. — Этот человек не знает страха. Он не заглянул сначала в нору. Взял да и сунул туда руку, добыча его и укусила.

Охотники захихикали. Я опять повернулся к раненому.

— Стало быть, ты сунул руку в нору, не так ли? Но ведь в таких местах можно наткнуться и на змею, верно? А если тебя укусит змея, что ты будешь делать?

— Я не знаю, маса, — сказал он и ухмыльнулся.

— Друг мой, мне совсем не нужен мертвый охотник, так что ты уж больше не делай таких глупостей, понял?

— Понял, сэр.

— Вот и хорошо. Теперь давай поглядим, что за опасная добыча тебя укусила.

Я достал из мешка факел, согнулся в три погибели и заглянул в нору. В свете факела сначала блеснули глазки, налитые кровью, потом возникла острая рыжеватая мордочка: зверек злобно, пронзительно взвизгнул и исчез во мраке и глубине норы.

— Ага! — воскликнул один из охотников, услышав визг. — Это буш дог. Очень сильно свирепый добыча.

К сожалению, названием «буш дог» — лесная собака — в этих краях обозначают без разбору самых разных мелких млекопитающих, из них лишь немногие хотя бы отдаленно сродни собакам, и потому разъяснение охотника ничуть меня не просветило — я так и не понял, что это был за зверь. Мы немного посоветовались и решили, что есть только один верный способ заставить зверька выйти из норы: надо развести костер у самого входа и нагнать туда дыму, размахивая пучком листьев. Так мы и сделали, но сначала развесили над входом небольшую сеть. Не успел первый клуб дыма заползти в каменную щель, как зверек выскочил оттуда прямо в сеть и с такой силой, что сеть сорвалась со своих креплений и зверек вместе с ней покатился вниз по склону в высокую траву. Собаки с оглушительным лаем кинулись вдогонку, а следом помчались и мы, выкрикивая всяческие угрозы собакам, чтобы они не смели трогать беглеца. Однако очень скоро выяснилось, что зверек отлично мог сам постоять за себя и вовсе не нуждался в нашей помощи.

Д Он стряхнул с себя сеть, встал на задние лапы, и тут мы разобрали, что перед нами карликовая мангуста, изящный рыжеватый зверек величиной с горноста. Она так и осталась стоять, слегка покачиваясь из стороны в сторону, широко раскрыв рот, и издавала такие громкие, пронзительные крики, каких я в жизни не слышал от такого маленького зверька. Собаки разом остановились и в оцепенении глядели на мангусту, а та все раскачивалась перед ними и визжала. Один пес, посмелее остальных, осторожно двинулся вперед и хотел обнюхать это странное существо, но мангуста, видно, только того и ждала: она упала плашмя в траву, ползком скользнула вперед, извиваясь как змея, потом исчезла среди высоких стеблей — и вдруг опять появилась прямо под ногами у всей своры. Тут она завертелась волчком, оглушая нас неумолчным визгом, и при этом впивалась зубами в каждую ногу или лапу, что попадалась ей на глаза. Собаки всячески пытались увернуться от ее острых зубов, но это было нелегко, ведь в траве мангуста подбиралась к ним незаметно, и собакам оставалось только подпрыгивать высоко в воздух. И вдруг мужество им изменило, они все разом повернулись и позорно кинулись удирать вверх по холму, а мангуста так и осталась стоять на задних лапах одна на поле брани; она уже слегка задыхалась, но все еще выкрикивала язвительные насмешки вслед удалявшимся хвостам.

Так свора была побеждена, теперь нам предстояло самим постараться взять в плен этого маленького, но свирепого противника. Это удалось много легче, чем я предполагал: я привлек внимание мангусты, замахав у нее перед носом брезентовым мешком, она набросилась на него, как на врага, и принялась с ожесточением его кусать, а тем временем один из охотников подкрался сзади и набросил на нее сеть. Пока мы выпутывали мангусту из сети и водворяли в мешок, она совершенно оглушила нас своими яростными воплями и не переставала визжать весь обратный путь домой; по счастью, толстый брезент хоть немного приглушал этот визг. Мангуста умолкла, только когда, уже в Бафуте, я вытряхнул ее из мешка в большую клетку и бросил туда окровавленную голову цыпленка. Пленница тотчас же с философской рассудительностью принялась за еду и вскоре съела все до крошки. После этого мангуста хранила молчание и, только если на глаза ей попадался кто-либо из нас, бросалась к прутьям клетки и снова начинала отчаянно браниться. Нам это под конец до того надоело, что мне пришлось завесить клетку спереди куском мешковины — пускай посидит так, пока не привыкнет к человеческому обществу. Три дня спустя я услышал с дороги знакомые крики и задолго до того, как вдали показался охотник, понял, что мне несут еще одну карликовую мангусту. Я очень обрадовался, что это была молодая самка, и посадил ее в ту же клетку, где сидела первая мангу-

ста. И напрасно: они немедленно завизжали в два голоса, стараясь перекричать друг друга, и этот дуэт был примерно столь же приятен и успокоителен, как скрип ножа по тарелке, да еще усиленный в несколько тысяч раз.

Возвратясь в Бафут после моего первого дня охоты с Гончими, я получил послание от Фона: он приглашал меня к себе выпить и рассказать все новости об охоте. Я пообедал, переоделся и зашагал через просторный двор на маленькую виллу Фона. Он восседал на веранде, разглядывая на свет бутылку джина: много ли в ней еще осталось.

— А, друг мой, — сказал он. — Ты приходил? Ты хорошо поохотиться?

— Да, — ответил я, усаживаясь на предложенный стул. — Охотники Бафута умсют ловить славную добычу. Мы поймали целых три.

— Отлично, отлично, — сказал Фон, налил полный стакан джина и подал мне. — Ты будешь пожить здесь мало время и поймать много-много добыча. Я рассказать все мои люди.

— Да, хорошо. Я думаю, люди Бафута умеют ловить добычу лучше всех в Камеруне.

— Да, верно, верно, — с удовольствием подтвердил Фон. — Ты говорить верно, друг мой.

Мы подняли стаканы, чокнулись, широко улыбнулись друг другу и выпили. Фон опять наполнил стаканы, потом послал кого-то из своей многочисленной свиты за новой бутылкой. Когда мы добрались почти до дна второй бутылки, оба мы порядком разнежились, и Фон повернулся ко мне:

— Ты любить музыка? — осведомился он.

— Да, очень, — чистосердечно ответил я, потому что слышал, будто у Фона есть весьма недурной оркестр.

— Хорошо! Тогда будет музыка, — сказал он и отрывисто что-то приказал одному из слуг.

Вскоре во дворе под верандой появился оркестр. К моему удивлению, он состоял примерно из двух десятков жен Фона, почти совершенно голых, если не считать узеньких набедренных повязок. Жены были вооружены множеством самых разных барабанов, начиная от крохотного, величиной с маленькую кастрюльку, и до огромных, пузатых инструментов, такие одному человеку и не поднять; были там еще и деревянные, и бамбуковые флейты с необыкновенно нежными голосами, и большие бамбуковые корбки, наполненные сушеными зернами маиса, — когда их трясли, слышался какой-то не то шелест, не то треск. Но самым удивительным инструментом в этом оркестре мне показалась деревянная труба футов четырех длиной. Ее держали стоймя, уперев одним концом в землю, и дули в нее особенным образом, извлекая густой, низкий, дрожащий звук, который немало вас изумлял — никто бы не подумал, что подобное может донестись

Д откуда-то еще, кроме как из уборной, да и то лишь если там редкостная акустика.

Оркестр начал играть, и вскоре множество домочадцев Фона тут же, во дворе, пустились в пляс. Это было нечто среднее между бальным и народным танцем. Пары, обхватив друг друга, медленно кружились, их ноги переступали крошечными шажками, выделявая при этом довольно сложные па, а тела раскачивались и извивались в таких движениях, какие не счит бы позволительными ни один дансинг. Время от времени какая-нибудь пара разделялась, и каждый кружился и раскачивался сам по себе, весь во власти музыки, выделявая свои собственные па. Флейты чирикали и пискивали, барабаны стучали и грохотали, погремушки с маисовыми зернами трещали и шелестели мерно, однообразно, подобно волнам, что ворошат мелкие камешки, и за всем этим хаосом звуков неумолчно, глухо гудела огромная труба, и каждые несколько секунд так размеренно, точно это билось огромное сердце, гудение обрывалось громким ревом.

— Тебе нравится мой музыка? — закричал Фон.

— Да, очень хорошая, — проревел я в ответ.

— А в твой страна есть такой музыка?

— Нет, — сказал я с искренним сожалением, — у нас такой нет.

Фон еще раз наполнил мой стакан.

— Скоро, когда мой народ принести трава, у нас будет много музыка, много танцы, а? У нас будет веселый время, мы все будем сильно веселый, да?

— Да, конечно. Мы отлично повеселимся.

А оркестр под верандой все играл, ритмичный бой и рокот барабанов, казалось, взмывали в темное небо, и даже звезды начинали подрагивать и приплясывать под их четкий ритм.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГУДЯЩАЯ БЕЛКА

Когда я охотился в Бафуте, мне особенно хотелось заполучить двух представителей фауны травянистых степей: скалистого дамана и так называемую белку Стейнджера. Но водятся они в совсем несхожих местностях, и два похода за ними запомнились мне, кажется, живей и ярче всех других эпизодов моей охоты на равнинах Камеруна.

Сначала мы отправились за белкой. Эта охота была примечательна тем, что мне удалось составить план похода заранее и осуществить его вполне

успешно, не пришлось в последнюю минуту наткнуться на какие-то непредвиденные помехи. Белка Стейнджера — довольно распространенное животное в Камеруне, но прежде я охотился за ней в глухих девственных лесах в бассейне реки Мамфе. В такой местности зверек почти все время сидит на верхних ветках самых высоких деревьев (и питается всевозможными плодами, в изобилии растущими на этих солнечных высотах), а на землю и вообще вниз спускается очень редко. Поэтому поймать там белку почти невозможно. Однако уже потом я узнал, что на равнинах белки частенько посещают небольшие рощицы по берегам реки и проводят довольно много времени на земле, рыская в траве в поисках пищи. И я решил, что здесь будет легче ее поймать. Когда я показал изображение этой белки Гончим Бафута, они тотчас ее узнали и громогласно объявили, что знают, где ее искать. Я основательно их расспросил и убедился, что они и в самом деле хорошо знают повадки этого зверька, так как нередко на него охотились.

Оказалось, белки Стейнджера живут в небольшом горном лесу, но на рассвете или под вечер спускаются с деревьев и, набравшись храбрости, отправляются в луга кормиться. Вот тогда-то и надо их ловить, сказали Гончие Бафута.

— А что же эти белки делают ночью? — спросил я.

— Ох, маса, ночью его не поймать! — был ответ. — Этот добыча, он спит на большой дереве, высоко, человек туда не залезть. А вот когда вечер или рано-рано утро, тогда мы их поймать.

— Хорошо, — сказал я. — Будем ловить ее рано-рано утром.

Мы вышли из Бафута в час ночи и после долгого, нудного перехода по холмам, по долинам и лугам, за час до рассвета пришли наконец на место. Это было небольшое плоскогорье, лежащее на полпути к вершине горы, на крутом ее склоне. Местность тут была сравнительно ровная, ее, журча, пересекала довольно широкая мелкая речушка, обрамленная по берегам узкими каемками густого леса. Мы съезжились у подветренной стороны большой скалы и начали вглядываться в туман, утирая лица, мокрые от росы; там мы осмотрелись и составили план охоты. Решено было расставить две-три сети в высокой траве, ярдах в пятистах от кромки деревьев. И делать это следовало без промедления, пока не рассветало, не то белки нас заметят.

Расставлять сети в высокой, по пояс, траве, когда она насквозь пропитана росой, — не слишком приятное занятие, и мы были счастливы, когда закрепили наконец последнюю. Потом осторожно подобрались к лесу и заползли в высокий кустарник, подальше от посторонних взоров. Здесь мы уселись на корточки, стараясь не стучать зубами от холода; нельзя было ни курить, ни разговаривать, ни хотя бы пошевелиться, и мы молча смотрели,

Д как бледнеет небо на востоке — ночная темнота словно по каплям вытекала из него. Постепенно небо стало бледно-серым, с каким-то жемчужным отливом, потом порозовело — и вдруг взошло солнце, небо налилось ослепительной лазурью, яркой, точно перо зимородка. В этом чистом и нежном свете стали видны горы вокруг, окутанные низко стелющимся туманом; солнце поднималось все выше — и туман заколыхался, начал сползать по откосам гор, стекая в долины. Всего лишь миг назад равнины перед нами спали мирным сном под покровом тумана, и вот горы точно пробуждаются ото сна, зевают и потягиваются под белым своим покрывалом, там сбрасывают его, здесь укутываются плотнее и наконец, сонные, росистые, поднимаются из глубин своей белой постели. Позднее я много раз смотрел, как просыпаются горы, и никогда не мог наглядеться досыта. Если вспомнить, что одно и то же происходит каждое утро с тех незапамятных времен, когда древние горы эти возникли на Земле, только диву даешься, каким новым и свежим кажется всякий раз это зрелище! Оно никогда не бывает скучным, обыденным; в нем всегда новизна. Иногда туман, поднимаясь, свивается причудливыми клубами, и возникают сказочные звери: чудовищные ящеры, фениксы, крылатые драконы, молочно-белые единороги; а порой пряди тумана вытягиваются и колеблются, точно странные ползучие стебли водорослей, встают, как деревья или огромные взъерошенные кусты, сплошь в белых цветах; порой подует ветерок и придаст туману уж совсем поразительные формы, вычертит строгие, сложные геометрические фигуры. И все время он скользит, перемещается, а под ним дразняще мелькают горы, поблескивают богатой гаммой мягких красок, таких нежных, воздушных и неуловимых, что описать их просто не хватает слов.

«Да, — подумал я, сидя на корточках под кустом и глядя сквозь ветви, как пробуждаются горы, — стоило так устать, продрогнуть и проголодаться, стоило промокнуть до нитки от росы и маяться, потому что до судорог свело руки и ноги, ради того, чтобы все это увидеть». И тут мои мысли превратилось громкое, воинственное «чак! чак!». Оно раздавалось в ветвях деревьев над нами; один из охотников схватил меня за руку, глаза у него блестели. Он осторожно наклонился и прошептал мне в самое ухо:

— Маса, здесь тот самый добыча, какой маса хочет. Мы сидеть тихо-тихо, и он через мало время сойти вниз на землю.

Я отер с лица росу и начал вглядываться в гущу трав, где мы расставили сети. Вскоре откуда-то из глубины леса донеслось еще «чак! чак!». Это проснулись и другие белки и подозрительным взглядом встречали наступающий день. Мы ждали, как нам показалось, ужасно долго, и вдруг я увидел, что на лугу между нами и сетями что-то движется — что-то очень странное. На первый взгляд это можно было принять за овальный чер-

но-белый полосатый мяч, который опять и опять подскакивал над высокой травой. В туманной утренней дымке я никак не мог понять, что же это такое, и молча ткнул пальцем, указывая охотникам на движущийся мяч.

— Тот самый добыча, маса, — сказал кто-то.

— Спускался на землю, уже спускался! — ликуя, подхватил другой.

— А что же это такое? — шепотом спросил я: странный шарообразный предмет никак не напоминал строение тела белки.

— А вот же, это хвост, сэр, — объяснил один из охотников и, чтобы окончательно рассеять мои сомнения, прибавил: — У него сзади растет.

Любой фокус, если его объяснить, тотчас становится очевидным. Теперь я ясно видел, что это черно-белое, полосатое — и в самом деле беличий хвост, и сам себе подивился, с чего это я взял, будто он похож на мяч? Вскоре к этому хвосту в траве присоединились и другие, а когда поднялся и рассеялся туман, мы увидели и самих белок.

Их было восемь, они скачками перебирались из леса на луг. Это были крупные, довольно плотные и головастые зверьки, но самой крупной, самой заметной частью тела у них были хвосты. Белки осторожно перепрыгивали с кочки на кочку; иногда они останавливались, присаживались на задние лапки и старательно нюхали воздух — чем пахнет там, в той стороне, куда они направляются. Потом опять опускались на все четыре лапки и прыгали еще несколько ярдов, помахивая хвостами. А то вдруг сядут и на несколько секунд замрут, аккуратно заложив хвост на спину, так что пушистый кончик его свисает книзу на лоб и чуть ли не закрывает мордочку. Те, что уже выскочили на луг, молчали, но зато с деревьев позади нас порой снова доносилось подозрительное «чак!» — иные зверьки еще не собрались с духом спуститься. Я решил, что для охоты вполне хватит и восьми — которую-нибудь да поймает, — и подал знак охотникам: мы поднялись из засады, растянулись в цепочку между деревьями, и охотники остановились, ожидая сигнала к наступлению.

Белки ушли уже ярдов за сто пятьдесят от опушки леса. Достаточно, решил я, помахал рукой, и мы вышли из нашего укрытия за деревьями в высокую траву. Белки, оставшиеся в лесу, громко, тревожно закричали, а те, что были на лугу, поднялись на задние лапки — поглядеть, что происходит. Увидели нас и замерли; тут мы медленно двинулись вперед, и они сразу запрыгали в траве, все дальше и дальше от деревьев. По-моему, они толком не поняли, что мы такое, — ведь продвигались мы очень осторожно, старались не делать ни одного лишнего движения. Белки чуяли опасность, но не знали, насколько она велика, поэтому они отбегали на несколько ярдов, потом останавливались, чтобы разглядеть нас хорошенько, и шумно втягивали ноздрами воздух. Вот тут-то и была самая уязвимая

Д часть нашего плана: белки еще не вошли в полукруг сетей, и если бы они взяли вправо или влево, то с легкостью удрали бы от нас в луга. Мы осторожно надвигались на них, кругом царила тишина, слышался только шелест влажной травы у нас под ногами да сзади смутно доносились тревожные крики белок, что остались у нас за спиной.

Внезапно одна из белок, видно посмышленей остальных, сообразила, что происходит. Она не могла видеть сетей впереди — они были скрыты в высокой траве и основательно замаскированы, — но поняла, что наше приближение оттесняет ее с собратьями все дальше и дальше от леса, от высоких деревьев, где они могли бы укрыться. Белка издала громкий тревожный крик и кинулась прочь, а длинный хвост словно струился за ней в траве; потом она вдруг вильнула влево и поскакала по траве в сторону от сетей. Она хотела только одного: обойти нас и добраться до деревьев. Остальные белки сразу же сели столбиками и с тревогой следили за ней. Тут я сообразил, что надо немедленно что-то предпринять, иначе все они соберутся с духом и последуют примеру первой. По ранее задуманному плану мы собирались выждать, пока зверьки не углубятся в полукруг сетей, и только тогда кинуться вперед и напугать их, чтобы они очертя голову бросились прямо в сети. Но теперь стало ясно, что надо попытаться счастья и вспугнуть их сейчас же. Я поднял руку, по этому знаку все охотники (и я тоже) с криком и гиканьем рванулись вперед. Мы размахивали руками и всем своим видом старались нагнать побольше страха. Долю секунды белки оцепенело смотрели на нас, потом бросились наутек.

Четыре последовали примеру подруги — кинулись в сторону под прямым углом и таким образом сумели увернуться и от сетей, и от охотников, но остальные три помчались прямо в ловушку. Мы кинулись за ними и сразу увидели, как впереди задержались сети, — значит, белки там застряли! И верно, когда мы подбежали, зверьки уже совсем запутались, они яростно сверкали на нас глазами, оглушительно, угрожающе орали — ничего подобного я в жизни не слыхивал ни от одной белки. Крики эти совсем не подходили на их обычное громкое «чак! чак!». Это было грозное предостережение, нечто среднее между храпом и рычанием. И все время, пока мы их выпутывали из сетей, они без умолку вопили и яростно вонзали нам в руки крупные оранжевые резцы. Когда мы наконец засунули их в брезентовые мешки, нам пришлось нацепить каждый мешок на конец палки и так нести: белка любого другого вида, когда очутится в темном мешке, лежит смиренно, но эти явно жаждали продолжать борьбу и малейшее прикосновение к мешку встречали яростными попытками укусить и грозными воплями.

Белки в лесу совсем разволновались, меж деревьев эхом отдавалось их неистовое «чак! чак!». Теперь они поняли, какую опасность мы для них

представляем, так что не стоило и пытаться поймать еще хоть одну, пришлось довольствоваться теми тремя, которых мы изловили.

Итак, мы свернули сети и другое снаряжение и отправились обратно в Бафут. Там я поместил своих драгоценных белок в три крепкие, выложенные жестью клетки, наполнил кормушки и оставил каждую пленницу в строгом одиночестве — пусть немного придут в себя после такого унижения. Как только мы отошли, белки решились выйти из темноты своих «спален», уничтожили приготовленную для них порцию сочных фруктов, опрокинули блюдца с водой, попробовали на зуб жестяную обивку клеток — нельзя ли ее прогрызть — и, убедившись, что это им не под силу, удалились в «спальни» и уснули. Вблизи они оказались очень красивыми зверьками: брюшко и щеки светло-желтые, спинка красновато-коричневая и большой хвост в поперечных полосках, точно перевязанный ленточками. Правда, впечатление немного портила чересчур большая голова (есть в ней что-то лошадиное, крохотные, тесно прижатые к черепу ушки, и зубы изрядно торчат).

Я где-то читал, что эти белки ранним утром карабкаются на самые верхние ветки деревьев и оглашают лес необычайно сильными и странными криками: это низкое раскатистое гудение, точно замирающий гул гигантского колокола. Мне очень хотелось услышать этот крик, но я не думал, что они станут так кричать в неволе. Однако на другое же утро около половины шестого меня разбудил странный звук. Все пойманные зверьки находились на веранде за моим окном; я сел на кровати и сразу понял, что звук этот идет от клеток, только не мог разобрать, от каких именно. Я надел халат и осторожно выскользнул из комнаты. Тут, в туманном предутреннем свете, продрогший и еще не совсем проснувшийся, я терпеливо ждал, не повторится ли удивительный звук. Через несколько минут он повторился, и теперь стало ясно — он идет от клеток с белками. Описать его необыкновенно трудно: он начинался подобно стону, постепенно набирал силу, и в нем появлялась какая-то вибрирующая дрожь — примерно так гудят и вибрируют телеграфные провода... Он колебался, точно сейчас заглохнет, потом, как будто кто-то совсем легонько ударил в гонг, резко усиливался и снова понемногу замирал. Видно, белки не очень старались, в лесу они вложили бы в свое «пение» побольше души — там, в предрассветном тумане, меж ветвями деревьев, оно, уж наверно, звучит таинственно и чарующе. В тот вечер, как обычно, ко мне явился Фон; стал расспрашивать, успешно ли мы нынче охотились, и преподнес мне калebas свежего пальмового вина. Ужасно гордый, я показал ему белок и подробно рассказывал, как мы их ловили. Фон непременно захотел узнать, в каком именно месте их поймали, но я плохо разбирался в окрестностях Бафута, и мне пришлось призвать на помощь одного из охотников, который в это время

Д развлекался на кухне. Тот пришел и остановился перед Фоном; на вопросы он отвечал, прикрыв рот сложенными лодочкой руками. Времени на объяснения понадобилось немало: там, где мы охотились, нет ни одной деревни, вообще нет никакого жилья, и охотник мог ссылаться только на такие приметы, как формы скал, деревья, необычные очертания холмов. Наконец Фон оживленно закивал и на несколько минут погрузился в раздумье. А потом стал быстро говорить что-то охотнику, широко размахивая своими длинными руками, охотник же кивал и низко кланялся. Затем Фон с милой улыбкой повернулся ко мне и небрежно, почти рассеянно протянул мне свой пустой стакан.

— Я велеть этот человек, — объяснил он мне, словно бы равнодушным взглядом следя, как я наливаю ему вино, — чтобы он отвести тебя в один особенный место в горы. Там ты найти особенный добыча.

— Какая же там добыча? — спросил я.

— Добыча, — неопределенно повторил Фон и повел в воздухе уже наполовину опустевшим стаканом. — Особенный добыча. У тебя такой еще не был.

— А это не опасная добыча? — спросил я.

Фон поставил стакан на стол и показал ее размер огромными руками.

— Вон такой большой, — сказал он. — Не так сильно опасный, но много кусаться. Он живет на тот большой-большой скала, он ходить под этот скала. Бывает, кричит много, вот так: «Уииииииии!»

Я сидел и терялся в догадках — что бы это могло быть, а Фон с надеждой смотрел мне в лицо.

— Совсем похож на траворезка, только хвост нет, — сказал он наконец, пытаясь мне помочь.

Меня вдруг осенило, я пошел за нужной книгой, отыскал там картинку и показал Фону.

— Это она? — спросил я.

— А! Да, да, — обрадовался Фон и погладил своими длинными пальцами изображение скалистого дамана. — Тот самый добыча. Как ты его называть?

— Скалистый даман.

— Скалистый даман?

— Да. А как вы называете его здесь, в Бафуте?

— Здесь мы звать его ниир.

Я записал это слово в список местных названий зверей, который составлял, и вновь наполнил стакан Фона. А тот все еще как зачарованный любовался изображением дамана и обводил его тонким пальцем.

— Ф-фа! — мечтательно вздохнул он наконец. — Очень вкусный жареное этот добыча. Мы его готовить со сладкий картофель...

Голос его замер, и, охваченный воспоминаниями, он облизнул губы.

Охотник уставился на меня и переступил с ноги на ногу — он явно хотел что-то сказать.

— Ты что хотел?

— Маса хочет идти тот место, про который Фон говорить?

— Да. Мы пойдем завтра же утром.

— Да, сэр. Чтобы поймать этот добыча, надо много-много люди, маса. Этот добыча, он сильно быстро бегать.

— Ну что ж, пойдی скажи всем, что мы завтра идем на охоту.

— Да, сэр.

Но он все стоял и переминался с ноги на ногу.

— Ну, что тебе?

— Маса, я еще нужный?

— Нет, мой друг. Иди назад в кухню и допивай свое вино.

— Спасибо, сэр, — сказал он, широко улыбнулся и исчез в полумраке терранды.

Скоро Фон собрался уходить, и я проводил его до дороги. В конце двора мы остановились, и он улыбнулся мне с высоты своего огромного роста.

— Я уже старый, — сказал он. — Я очень много уставать. Если я не был старый, я пойди с тобой на охота завтра.

— Неправда, друг мой. Ты совсем не старый. Ты очень сильный. У тебя еще много силы, больше, чем у твоих лучших охотников.

Он усмехнулся, потом вздохнул.

— Нет, мой друг, ты сам говорить неправда. Мой время прошло. Я очень много уставать. Я иметь много жены, от них очень много уставать. Всегда дело, всегда забота с один человек, с другой человек, и я очень много уставать. Бафут — большой место, много люди. Когда много люди — много забота.

— Что верно, то верно. Я знаю, хлопот у тебя много,

— Правда, — сказал он, и тут глаза его озорно блеснули. — Бывает, я иметь хлопоты с полицейский чиновник, вот тогда я совсем-совсем много уставать.

Он пожал мне руку и, посмеиваясь, двинулся через двор к себе.

На следующее утро мы отправились на охоту за даманом — я, четверо Гончих Бафута и пятеро домохозяев Фона. Первые две-три мили наш путь лежал через возделанные поля и мелкие фермы. Пологие склоны холмов были все перекопаны, жирная красная земля сверкала в лучах утреннего солнца. Кое-где поля были уже засеяны и посевы созрели; мы видели пушистые кусты маниоки, ряды маиса, где каждый золотистый початок маиса на ветру светлой кисточкой тончайших шелковых нитей. На иных полях работали женщины, обнаженные до пояса, они разрыхляли землю ши-

Д роками мотыгами с короткой ручкой. У некоторых на спине привязаны были крохотные младенцы, но они, казалось, и не замечали этого привычного груза: так горбун со временем перестает замечать свой горб. Те, кто постарше, курили длинные черные трубки, и, когда они наклонялись, густые клубы серого едкого дыма обдавали им лицо. Самая трудная работа выпала здесь на долю молодых; они вскидывали неуклюжую, тяжелую мотыгу высоко над головой и с размаху вонзали ее в землю; блестящие от пота, гибкие тела мерно раскачивались в лучах солнца. Всякий раз, как мотыга входила в красную землю, женщины громко ухали от натуги.

Мы шли через поля между женщинами, и они высокими, пронзительными голосами окликали нас, шутили, громко хохотали, ни на миг не прекращая работы и не сбиваясь с ритма. Разговор звучал очень странно, так как то и дело прерывался громким уханьем.

— Доброе утро, маса... ух!.. куда собратсья?... ух!

— Маса собратсья на охота... ух!.. ведь правда, маса?... ух!..

— Маса поймать много добыча... ух!.. маса иметь много сила... ух!..

— Иди быстро, маса... ух!.. поймать добыча много!.. ух!..

И еще долго, когда мы давно миновали поля и уже взбирались на золотистые склоны холмов, до нас доносились их болтовня, смех и мерные удары мотыг, вгрызающихся в землю.

Наконец мы добрались до гребня самой высокой гряды холмов, окружающих Бафут, и тут охотники показали мне место предстоящей охоты: горная цепь, лиловая, затянутая дымкой, возникла где-то в недостижимой дали. Домочадцы Фона заохали, застонали в изумлении и отчаянии — неужели я заставлю их идти в такую даль? А Джейкоб, повар, напрямик заявил, что он все равно не сможет туда дойти, он, к сожалению, занозил ногу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что никакой занозы у него нет, а просто в башмак попал маленький камешек. Когда это обнаружилось и камешек из башмака выбросили, повар сильно расстроился и помрачнел; он тащился позади всех и свирепо бормотал что-то себе под нос. К моему удивлению, расстояние оказалось обманчивым, не прошло и трех часов, как мы уже шагали по длинной, извилистой долине, в конце которой поднималась стена сверкающего золота и зелени — это и была наша цель. Пока мы, по пояс в высокой траве, с трудом взбирались вверх по склону, охотники рассказали мне свой план действий. Я понял, что нам предстоит обойти гладкий выступ горной цепи — там, между этим выступом и следующим, тянется глубокая долина, одним своим концом она врежется далеко, в самое сердце гор. Долину эту обрамляют почти отвесные скалы, а у их подножия среди камней живет даман.

Мы с трудом обогнули огромный острый выступ горы, и тут перед нами открылась долина — тихая, отрешенная, наполненная сверкающим сол-

нечным светом, озарявшим суровые отроги по обе ее стороны, словно ниспадали складками два серых каменных занавеса, расцвеченных розовым, разукрашенных золотыми солнечными бликами и мягкими голубыми тенями. У подножия скал громоздилось наследие несчетных камнепадов и горных обвалов — хаос глыб всех форм и размеров; иные раскатились по неровному руслу долины, иные громоздятся друг на друга, будто из них на скорую руку возведены высоченные дымовые трубы — вот-вот обвалятся! На этих утесах и вокруг них стелется, колышется на ветру зеленый ковер: кусты, высокие травы, согбенные, скрюченные, похожие на хитрых колдунов деревья, мелкие орхидеи, высокие лилии и густая, путаная сеть вьюнков с желтыми, кремовыми и розовыми цветками. На склонах утесов, обращенных к нам, разбросано множество пещер; их отверстия таинственно темнеют, порой узкие — просто щели в камне, порой распахнутые широко, словно двери соборов. По самой середине долины бежит шумливый ручеек — этот бойкий малыш то весело юркнет меж камней, то вновь выскочит оттуда и торопливо скачет водопадами вниз по склону с одного уступа на другой.

В устье долины мы остановились отдохнуть и покурить, и я оглядел в бинокль скалы впереди — нет ли там признаков жизни? Но долина казалась мертвой, пустынной; никаких звуков, только самодовольное, потешное журчание крохотного ручейка да ветер вкрадчиво посвистывает и перешептывается с травой. В вышине появился небольшой сокол, минуту повисел недвижно в пепельно-голубом небе и скрылся из виду за иззубренным краем утеса. Джейкоб стоял и разглядывал долину, на его толстой физиономии появилось мрачное выражение.

— Что такое, Джейкоб? — невинно спросил я. — Ты уже заметил добычу?

— Нет, сэр, — ответил тот и сердито уставился в землю.

— Тебе тут не нравится?

— Да, сэр, не нравится.

— Что ж так?

— Это плохой место, сэр.

— Почему же плохое?

— Э! Бывает, такой место заколдованный, худо будет, маса.

Я оглянулся на Гончих Бафута, которые лежали в траве.

— Здесь место заколдованное? Вам тут было худо? — спросил я их.

— Нет, сэр, никогда, — дружно отозвались они.

— Вот видишь, — сказал я Джейкобу. — Нет тут никакого колдовства, и бояться нечего, понял?

— Да, сэр, — ответил Джейкоб, ничуть не убежденный.

Д

— А если ты поймаешь для меня эту добычу, я тебе хорошо заплачу, — продолжал я.

Джейкоб заметно оживился.

— Маса давать мне такой же плата, как охотникам? — спросил он с надеждой.

— Да, конечно.

Джейкоб вздохнул и задумчиво поскреб себе живот.

— Что, все еще боишься, что здесь тебя заколдуют?

— Э! — возразил он, пожав плечами. — Бывает, я тоже ошибся.

— А, Джейкоб! Если маса давать тебе плата, ты убить свой родной мамми, — со смехом сказал один из Гончих; пристрастие Джейкоба к деньгам было хорошо известно всему Бафуту.

— Ха, — сердито воскликнул Джейкоб. — А ты не любить деньги, нет? Зачем ты приходил на охота с маса, если ты не любить деньги, а?

— Это мой работа, — сказал охотник и пояснил, чтобы не осталось никаких сомнений: — Я — Гончая Бафута.

Джейкоб еще не успел придумать достойный ответ, как другой охотник поднял руку.

— Слушай, маса! — взволнованно сказал он.

Все замолчали, и тут до нас долетел из долины странный крик: сперва раз за разом, с короткими промежутками раздавался переливчатый свист... и вдруг он перешел в протяжный вой, который зловещим эхом отдавался в каменистых стенах долины.

— Это ниир, маса, — зашептали охотники. — Он воет вон там, на большой утес.

Я навел бинокль на беспорядочное нагромождение камней, куда указывали охотники, но не сразу заметил дамана. Он сидел на скалистом выступе и надменно оглядывал долину. Величиной он был с большого кролика, но лапы короткие, толстые, морда притупленная, точно у льва. Уши маленькие, аккуратные, хвоста как будто вовсе нет. Минуту-другую я его разглядывал, потом он повернулся на узком уступе, взбежал на самый верх скалы, там постоял мгновение, определяя расстояние, легко перепрыгнул на соседнюю грудку камней и исчез в зарослях выюнка — за ними, верно, скрывалась какая-то нора. Я опустил бинокль и взглянул на охотников.

— Ну? — спросил я. — Как же нам его поймать?

Они быстро обменялись мнениями на своем языке, потом один повернулся ко мне.

— Маса, этот добыча, он очень много умный, — сказал охотник, скрывив лицо, и почесал в затылке. — Сеть мы его никак не поймать, он все равно убежать мимо люди.

— Как же нам поступить, друг мой?

— Мы найти нору в гора, сэр, и мы сделать костер и много дым; мы положить сеть перед нора, и как он побежать, мы его хватай.

— Хорошо, — согласился я. — Пошли, пора.

Мы двинулись по долине. Впереди шел Джейкоб, теперь лицо его выражало мрачную решимость. Мы пробрались сквозь густые дебри низкого кустарника и наконец достигли первой груды камней, нагроможденных друг на друга так несуразно, что, казалось, они того и гляди рухнут. Здесь мы рассыпались во все стороны, как терьеры, и чуть не ползком двинулись в обход скалы, заглядывая в каждую щель — нет ли там кого-нибудь. Как ни странно, первому повезло Джейкобу; он высунул голову из чащи кустов и позвал меня, его потное лицо так и сияло.

— Маса, я найти нора. И добыча сидеть там, внутри, — радостно объявил он.

Мы столпились вокруг норы и прислушались. Да, конечно, там есть какое-то живое существо: до нас доносились слабые шорохи, словно зверек царапал лапами землю. Мы поспешно разложили костер из сухой травы у самого входа в нору и, когда он как следует разгорелся, покрыли огонь зелеными листьями: мгновенно к небу поднялся столб густого, едкого дыма. Мы развесили над входом в нору сеть и большими пучками листьев погнали дым вглубь. Мы усердно махали листьями, нагоняя дым в темную щель; он, клубясь, уходил в глубину, и вдруг все понеслось с головокружительной быстротой. Из норы вылетели два детеныша дамана, каждый величиной с морскую свинку, с разлету ударились в сеть с такой силой, что сорвали ее с креплений и, все больше в ней запутываясь, покатались в кусты. Следом выскочила мать, довольно крупная и дородная зверюга, вне себя от ярости. Она выбежала из норы и тотчас бросилась на ближайшего к ней человека — это оказался один из охотников; даман мчался с такой быстротой, что охотник не успел уклониться: самка вцепилась зубами ему в ногу и повисла на ней, как бульдог, издавая носом громкое, устрашающее «уиниии!» Охотник опрокинулся на плотный ковер выюнка и лежал там, отчаянно брыкался и воя от боли.

Остальные Гончие Бафута тем временем старались выпутать из сети детенышей, но это оказалось не так-то просто. Домочадцы Фона разбежались сразу же, едва на сцене появилась разгневанная мамаша, так что выручать охотника, который дергался в кустах и орал благим матом, пришлось нам с Джейкобом. Однако я еще не успел ничего придумать, как вдруг Джейкоб словно очнулся от спячки. На сей раз события не застали его врасплох. Боюсь, правда, что его поступок был продиктован вовсе не сочувствием к страданиям товарища; должно быть, он понял: надо поскорей что-то делать, не то зверек убежит и тогда ему, Джейкобу, не видать обещанных денег как своих ушей. Джейкоб схватил брезентовый мешок

Д побольше и метнулся мимо меня — я никак не ожидал от него, всегда сонного и медлительного, такой прыти. Не успел я и глазом моргнуть, как он уже схватил ногу несчастного охотника и запихнул ее в мешок вместе с висящим на ней даманом. Потом туго затянул отверстие мешка и с довольной улыбкой обернулся ко мне.

— Маса! — завопил он, стараясь перекричать охотника, который орал теперь уже не только от боли, но и от негодования. — Я его поймать!

Однако он слишком рано торжествовал победу: не в силах больше терпеть, охотник поднялся из зарослей выюнка и с маху ударил Джейкоба по курчавому затылку. Джейкоб взревел от боли и обиды и покатился вниз по склону, а охотник тем временем встал на ноги, отчаянно пытаясь освободиться от дамана и от мешка. Как ни прискорбно, должен признаться, что тут я просто опустился на камень и хохотал до слез, ничего более разумного не пришло мне в голову. Джейкоб тоже поднялся на ноги, выкрикивая угрозы и проклятия, и увидел, что охотник пытается снять с себя мешок.

— А-а-а! — завопил он, прыжками поднимаясь к нам по склону. — Глупый человек, добыча сейчас убежать!

Он обхватил охотника руками, и оба упали навзничь прямо на ковер выюнка. К этому времени остальные охотники уже посадили детенышей в мешки и могли теперь прийти на выручку товарищу; они оттащили Джейкоба и помогли охотнику снять с ноги мешок. По счастью, даман выпустил из зубов его ногу, когда попал в мешок, и, видимо, так перепугался, что уже не стал больше кусаться, но, конечно, бедняга охотник порядком намаялся.

Меня все еще душил смех, хоть я и старался изо всех сил скрыть это от окружающих; как мог, я успокоил раненого охотника, отчитал Джейкоба за его поведение и сказал ему, что из-за собственной глупости он получит только половину обещанной платы за поимку зверька, а вторая половина пойдет охотнику — ведь по милости Джейкоба он чуть не лишился ноги. Мое решение все, включая, как ни странно, самого Джейкоба, встретили одобрительными кивками и удовлетворенным хмыканьем. Я давно убедился, что у большинства африканцев в высшей степени развито чувство справедливости и они от души одобряют всякий справедливый приговор, даже если он вынесен против них самих.

Восстановив таким образом порядок и оказав первую помощь раненому, мы двинулись дальше по долине. Мы окурили еще несколько пещер и ям, но безуспешно и, наконец, без всякого кровопролития загнали и поймали большого самца дамана. Теперь у меня их было целых четыре штуки — мне выпала просто неслыханная удача! И я решил, что пора, пожалуй, возвращаться. Мы вышли из долины, обогнули горный отрог, спустились по отлогим склонам, поросшим золотистой, шелестевшей на ветру

травой, и зашагали дальше. Дойдя до местности поровнее, мы остановились покурить и передохнуть; я присел на корточки в теплой траве и оглянулся на горы — оттуда донесся глухой раскат грома. Да, мы и не заметили, что по небу к нам подплыла тяжелая мрачная туча, похожая очертаниями на огромную персидскую кошку, и что она уже растянулась по гребням гор. Под ее тенью зелень и золото гор померкли, перешли в угрюмый темно-лиловый цвет, а долины черпели резкими косыми полосами. Туча двигалась, меняла очертания и то свивалась, то развивалась, словно месила и мяла горную гряду, как кошка мнет лапами гигантское кресло. Временами в этой громаде появлялся разрыв, и тут ее пронизывало острое солнечного луча; чистым золотом освещались горы под ним, трава на их сумрачно-лиловых боках вспыхивала изжелта-зелеными пятнами. С поразительной быстротой туча становилась все темнее, мрачнее, словно бы разбухала, готовясь пролиться дождем. И вот уже там рушатся, падают молнии, будто колкие, зазубренные серебряные сосульки, и горы дрожат от раскатов грома.

— Маса, надо идти скоро-скоро, — сказал один из охотников. — Где-то этот гроза нас догонять.

Мы торопились, чуть не бежали, но все-таки не успели — туча пролилась над вершинами гор и, точно в замедленном прыжке, растянулась по небу позади нас. Поднялся порывистый, холодный ветер, и сейчас же полил дождь, сплошная серебряная завеса; в первые же секунды мы промокли до нитки. Рыжая земля потемнела и стала скользкой, дождь свистел в траве так громко, что разговаривать было почти невозможно. Когда мы подошли к окраинам Бафута, зубы у нас стучали от холода, а насквозь промокшая одежда леденила тело при каждом шаге. Мы вышли уже на последний участок дороги, и тут дождь понемногу стал стихать, еще побрызгал легким душем, а потом и вовсе перестал; с промокшей земли поднялся белый туман и разбился о наши ноги, как огромная волна во время отлива.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОНАРХ И КОНГА

Наконец настал великий день торжественной церемонии сбора травы. Я проснулся перед зарей, когда звезды только еще начали редеть и меркнуть, когда даже самые молодые и восторженные деревенские петушки еще не пробовали свой голос; меня разбудил рокот маленьких барабанчи-

Дков, смех, громкий говор и мягкое шарканье босых ног по пыльной дороге внизу, перед домом. Я лежал и прислушивался ко всем этим звукам до тех пор, пока пробуждающийся день не окрасил небо за окном в нежно-зеленоватый цвет; тут я встал и вышел на веранду посмотреть, что происходит.

В туманном утреннем свете сгрудившиеся вокруг Бафута горы светились розовато-лиловым и серым, там и сям их рассекали беспорядочным узором темные полосы долин; в их глубине еще таилась черная и темно-лиловая тьма. Небо было великолепное — черное на западе, где еще дрожали последние звезды, желтовато-зеленое у меня над головой, а у восточной кромки холмов оно переходило в нежнейшую голубизну, как перо зимородка. Я прислонился к той стене веранды, которую сплошь оплела огромной паутиной бугенвиллея, точно небрежно накинутый плащ из кирпично-красных цветов, и обвел взглядом лестницу из семидесяти пяти ступенек, дорогу вниз и за ней двор Фона. По дороге справа и слева надвигался плотный людской поток; люди смеялись, болтали и время от времени били в маленькие барабанчики. Каждый нес на плече длинный деревянный шест, а к шесту была привязана большая, конусом, связка сухой травы. Рядом бежали ребятишки, они тоже несли на тонких деревцах связки поменьше. Люди проходили мимо арки, ведущей во двор Фона, и сбрасывали свою ношу в кучи под деревьями у обочины дороги. Потом входили во двор под аркой и там останавливались группами, болтая и смеясь; порой флэйта и барабан заводили какую-нибудь короткую мелодию, и тотчас из толпы выходили танцоры; они шаркали ногами по земле под рукоплескания и восторженные крики зрителей. Это было веселое, оживленное и добродушное сборище.

К тому времени, как я покончил с завтраком, кучи травы под деревьями у дороги вздымались чуть ли не до небес; когда на них падала новая связка, вся куча покачивалась — того и гляди рассыплется; двор был битком забит народом, людям уже не хватало места, и многие остались под аркой и на дороге. В воздухе звенели голоса — те, кто пришел пораньше, здоровались с вновь пришедшими и корили их за леность. Дети с визгом и хохотом гонялись друг за другом, то ныряя в толпу, то выскакивая из нее, а за ними с восторженным твяканьем весело носились стаи тощих, ободренных собак. Я спустился по семидесяти пяти ступенькам на дорогу и присоединился к толпе; мне было очень приятно и лестно, что никто не возражал против моего присутствия, наоборот, многие дружелюбно мне улыбались, а когда я стал со всеми здороваться на привычном им ломаном английском, они заулыбались еще шире и приветливей. Потом я поудобней устроился у дороги, в тени огромного куста гибискуса — он весь был усыпан пунцовыми цветами и гудел роями всевозможной мошкары. Я сидел

там, курил и глядел на плывущую мимо праздничную толпу; очень скоро вокруг меня собрались тесным кружком ребята и подростки и молча за мной наблюдали. Наконец меня отыскал запыхавшийся Бен; уже давно прошло время обеда, укоризненно сообщил он мне, и все вкусные вещи, что приготовил повар, теперь уже, конечно, никуда не годятся. Я неохотно покинул кружок моих поклонников — все они вежливо встали и пожали мне руку — и поплелся за все еще ворчавшим Беном обратно к дому.

После обеда я снова спустился на свой наблюдательный пункт под гибискусом и продолжал взглядом антрополога изучать обитателей Бафута, которые непрерывным потоком двигались мимо меня. Видимо, в утренние часы я наблюдал тут простой рабочий люд. Как правило, всю одежду простолоудина составлял цветастый саронг, плотно обернутый вокруг бедер; так же одеты и женщины, впрочем, иные — глубокие старухи — носили одну лишь набедренную повязку из полоски кожи. Я понял, что это и есть их исконное одеяние, а яркий саронг — дань современности, новомодная одежда. Почти у каждой пожилой женщины в зубах трубка, но не короткая, точно обрубок, какие в ходу у равнинных племен, а длинная, с изящным чубуком, напоминающая старинные глиняные трубки, и все эти трубки прокурены дочерна. Вот так выглядел рабочий люд Бафута. После обеда на дороге появились члены совета, мелкие князьки и иные важные и влиятельные лица, и уж этих-то никак нельзя было спутать с обыкновенными тружениками. Все они были разряжены в длинные, просторные одежды великолепных ярких цветов (одежды эти шелестели и сверкали на ходу), а на головах красовались маленькие, тесно облежавшие череп круглые шапочки, расшитые сложным ярким узором, какие я видел уже не раз. Некоторые несли в руках жезлы из какого-то темно-коричневого дерева, покрытые удивительно тонкой ажурной резьбой. Все они были уже пожилые или даже старые люди, явно очень гордились своим высоким положением в обществе, и каждый здоровался со мной весьма торжественно, тряс мне руку и несколько раз выразительно повторял: «Приветствую». Таких аристократов было много, и они придавали всей церемонии удивительную окраску. В пять часов мне пора было возвращаться домой пить чай; по пути я остановился на верхней площадке лестницы и посмотрел вниз, на огромный двор: он был набит битком, так что даже земля лишь изредка мелькала рыжими пятнами там, где веселые танцоры в своих неиссякаемых коленцах отпрыгивали в сторону. В толпе яркими пятнами мелькали цветастые одежды старейшин — будто по клумбе чернозема разбросаны пестрые цветы.

К вечеру я оказался уже в самой гуще толпы и старался сделать несколько снимков, пока еще не совсем стемнело. И тут ко мне вдруг протис-

Д нулась живописная фигура. Это был гонец от Фона, его развевающиеся одежды переливались алым, золотым и зеленым, а в руке он сжимал длинный, кожаный хлыст. Он сообщил мне, что его прислал Фон и, если я вполне готов, он проводит меня к своему монарху на праздник сбора сухой травы. Я поспешно засунул в фотоаппарат новую пленку и стал пробираться за ним в толпе, с восхищением глядя, как легко он прокладывает себе путь в сплошной человеческой толще. Посланник Фона провел меня по всему огромному двору, вывел через ворота под аркой, потом по узкому проходу мы дошли до других ворот под аркой и наконец очутились в лабиринте крохотных двориков и переходов. Разобраться в них было невозможно, но мой провожатый был тут как рыба в воде: он ловко нырял и скользил в пужные проходы, через дворики, вверх и вниз по маленьким лестничкам, и наконец мы прошли под осыпающейся кирпичной аркой в длинный двор размером с четверть акра, огороженный высокой стеной из красного кирпича. В конце этого двора росло высокое дерево манго, вокруг его гладкого ствола возведен был круглый помост; на помосте стояло большое, обильно украшенное резьбой кресло, а на кресле восседал Фон Бафута.

Наряд его был столь ошеломляюще великолепен, что в первую минуту я его даже не узнал: небесно-голубое, очень красивого оттенка одеяние было расшито удивительными красными, желтыми и белыми узорами. На голове красовалась остроконечная красная фетровая шапочка, на которую нашили множество волосков из слоновьего хвоста. Издали казалось, что на голове у него конусообразный стог сена. В одной руке он держал мухобойку, деревянную ручку ее украшала топчайшая резьба, а сама кисточка — густой шелковистый пучок волос — сделана из длинного черно-белого хвоста гверенцы. Но эту весьма внушительную картину несколько портили ноги Фона, которые покоились на огромном, уже пожелтевшем и почерневшем от старости бивне слона: они обуты были в очень остроносые пестрые туфли, из которых выглядывали желто-зеленые носки.

Фон пожал мне руку, задумчиво осведомился о моем здоровье. Мне принесли кресло, и я уселся подле него. По сторонам двора разместились всевозможные советники, князьки и их полуголые жены; все они сидели на корточках вдоль кирпичной стены ограды и пили вино из каких-то особенных фляжек: в сущности, это были покрытые резьбой коровьи рога. На фоне красной кирпичной стены разноцветные одежды мужчин казались необычайной красоты гобеленом. Слева от кресла Фона высилась груда черных калебасов, заткнутых пучками зеленых листьев; они были наполнены мимбо, или пальмовым вином, — любимым напитком камерунцев. Одна из жен Фона принесла стакан и мне, потом подняла калебас, вынула затычку и плеснула немножко вина в протянутую ладонь Фона. Тот задум-

чиво подержал напиток во рту, потом выплюнул и покачал головой. Отведал содержимое еще одного калебаса — с тем же успехом, потом испробовал еще два. Наконец попался калебас, вино в котором Фон нашел достойным себя и меня, и его жена наполнила мой стакан. Мимбо по виду напоминает сильно разбавленное водой молоко, а вкус у него мягкий, чуть кисловатый, как у лимонада, но все это коварнейший обман. По-настоящему хорошее мимбо кажется на вкус таким безобидным, что вводит в соблазн — пьешь еще и еще и вдруг обнаруживаешь, что это вовсе не такой невинный напиток, как казалось. Я пригубил, причмокнул от удовольствия и поздравил Фона с отличным качеством вина. Я заметил, что все советники и князьки пили из коровьих рогов, заменявших им бокалы, а Фон поглощал вино из рога буйвола, прекрасно отшлифованного и украшенного превосходной резьбой. Мы просидели там до тех пор, пока почти совсем не стемнело, не переставая болтать, а калебасы с мимбо понемногу пустели.

Наконец Фон решил, что настала великая минута — пора угостить всю массу людей, которые сошлись на его зов. Мы встали и пошли по двору между двойными рядами низко кланявшихся подданных Фона; мужчины при этом размеренно били в ладоши, а женщины прикрывали рот ладонями, хлопывали себя по губам и оглашали воздух криками, похожими на гудки сирен, — а я-то по своему невежеству до сих пор полагал, что такие вопли издают только краспокожие индейцы! Мы проходили через всевозможные двери, переходы и крохотные дворики, а вся свита следовала за нами, все так же хлопая в ладоши и гудя. Когда мы вышли из-под арки в главный двор, толпа дружно выразила свое одобрение оглушительным ревом, все стали хлопать в ладоши и бить в барабаны. Под звуки шумных приветствий мы с Фоном прошли вдоль стены к тому месту, куда уже принесли и подружили на разостланной шкуре леопарда трон Фона. Мы уселись, Фон махнул рукой, и начался пир на весь мир.

Из-под арки потекла нескончаемая процессия молодых людей, совсем обнаженных, если не считать маленькой набедренной повязки; на лоснящихся мускулистых плечах они несли всевозможные угощения для подданных Фона. Тут были калебасы с пальмовым вином и пивом, огромные связки красноватых и золотисто-желтых бананов, туши больших тростниковых крыс, мангуст, летучих мышей, антилоп и обезьян, громадные куски питона — все это основательно прокопченное и насаженное на бамбуковые шесты. Были также сушеная рыба, сушеные креветки и свежие крабы, красный и зеленый перец, плоды манго и папайи, апельсины, ананасы, кокосовые орехи, маниока и сладкий картофель. Пока раздавали всю эту пёстрообразимую массу снеди, Фон приветствовал старейшин, советников и князьков. Каждый подходил к нему, низко склонялся в поклоне и трижды ударял в ладоши. Фон в ответ коротко, царственно кивал, и подошедший,

Д пяться, удалялся. Если кто-либо хотел обратиться к монарху, он должен был говорить через сложенные лодочкой руки.

К этому времени я проглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия; то же самое, видимо, произошло и с Фоном. Он вдруг буркнул какой-то приказ, и, к моему ужасу, рядом с нами появился столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то французской марки, о которой я прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в стакан дюйма три джина и подал мне; я улыбнулся и постарался сделать вид, будто изрядная порция неразбавленного джина — именно то, о чем я мечтал. Я осторожно понюхал стакан — пахнет керосином лучшего сорта. Нет, с таким количеством чистого джина мне просто не справиться, и я попросил принести воды. Фон опять что-то рявкнул, и тут же прибежала одна из его жен; в руке она сжимала бутылку горькой настойки.

— Горькая! — гордо объявил Фон и плеснул в мой стакан две чайные ложки. — Ты любишь джин с горькая настойка?

— Да, — сказал я и через силу улыбнулся. — Обожаю джин с горькой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло насквозь: в жизни я не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было ни о чем, после первого глотка как-то странно заморгал. Потом отчаянно закашлялся и повернулся ко мне, утирая слезящиеся глаза.

— Очень крепкое, — заметил он.

Когда принесли наконец всю еду и разложили огромными грудями прямо перед нами, Фон призвал всех к молчанию и произнес перед собравшимися обитателями Бафута краткую речь: он рассказал им, кто я такой, зачем сюда приехал и что мне надо. Под конец он объяснил, что они должны изловить для меня побольше всяких животных. Толпа выслушала эту речь в глубоком молчании, а когда Фон кончил говорить, все захлопали в ладоши и громко закричали нечто вроде «А-а-а!». Фон с довольным видом уселся в свое кресло и в порыве восторга разом отхлебнул полстакана джина с горькой настойкой. За этим опрометчивым поступком последовали пять минут, мучительные не только для него, но и для всех нас: он кашлял и корчился на своем троне, по лицу его ручьями текли слезы. Наконец он немного отдышался и сидел молча, глядя покрасневшими злыми глазами на свой стакан с джином. Потом отпил чуть-чуть, в раздумье подержал напиток во рту и доверительно наклонился ко мне.

— Этот джин, оно сильно крепкий, — хрипло шепнул он. — Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой дом и выпить, а?

Я охотно согласился, что отдать джин князькам и советникам — маленьким-маленьким людям, как их называл Фон, — превосходная мысль.

Фон осторожно огляделся — не подслушивает ли нас кто-нибудь, но вокруг толпились всего каких-нибудь пять тысяч человек, и он решил, что совершенно спокойно может открыть мне свой секрет. Поэтому он еще раз наклонился ко мне и снова зашептал:

— Скоро мы идти в мой дом, — в его тоне послышалось неподдельное ликование, — и мы пить виски «Белая лошадь».

Потом откинулся в кресле, чтобы взглянуть, какое впечатление произвели на меня эти слова. Я закатил глаза и изо всех сил постарался сделать вид, что очень счастлив от одной мысли о таком угощении, а сам в ужасе подумал: виски после мимбо и джина — да что же это будет?! А Фон, очень довольный, стал подзывать к себе по одному своих «маленьких-маленьких» людей и выливал остатки джина в их «бокалы» из коровьего рога, еще наполовину полные мимбо. В жизни я не расставался со спиртным так охотно и радостно. Какие же надо иметь луженые желудки, чтобы выдерживать и даже смаковать коктейль, составленный из эдакого джина с мимбо! При одной мысли о нем меня начинало тошнить.

Осчастливив этой сомнительной милостью своих подчиненных, Фон поднялся на ноги и под рукоплескания, бой барабанов и клики, подобные воинственному кличу краснокожих индейцев, повел меня через путаную сеть переходов и двориков к себе; его собственная вилла затерялась — почти не разглядеть — среди травяных хижин его многочисленных жен, точно спичечная коробка в пчельнике. Мы вошли внутрь и очутились в просторной комнате с низким потолком; тут стояли шезлонги и большой стол, деревянный пол устилали прекрасные леопардовые шкуры и очень яркие, плетенные из травы циновки — изделие местных искусников. Полагая, что он уже исполнил свой долг перед подданными, Фон растянулся в шезлонге.

Принесли «Белую лошадь», мой хозяин с удовольствием почмокал губами, когда раскупорили непочатую бутылку, и дал мне понять, что теперь, после того как скучные государственные обязанности позади, можно начать пить в свое удовольствие. Далее мы добрых два часа непрерывно пили и длинно, во всех подробностях обсуждали, с каким ружьем лучше всего охотиться на слона, из чего делается виски «Белая лошадь», почему я не бываю на обедах в Букингемском дворце и прочие волнующие темы. После двух часов такого времяпрепровождения ни вопросы Фона, ни мои ответы уже не звучали столь изысканно и связно, как нам бы хотелось, поэтому Фон призвал свой оркестр, видно, он полагал, что сладостная музыка сможет рассеять пагубное действие крепких напитков, но, увы, он ошибся. Музыканты явились во двор и долго пели и плясали за окнами, а Фон тем временем потребовал еще бутылку «Белой лошади» — надо же было отме-

Д тить прибытие оркестра! Потом музыканты стали полукругом, на середине вышла женщина и принялась танцевать: она раскачивалась, шаркала ногами по земле и при этом пела песню, которая звучала пронзительно и скорбно. Слов я не понимал, но песня была на редкость печальная, и мы с Фоном оба очень расчувствовались.

Под конец Фон утер слезы и резко объявил оркестру, что желает послушать что-нибудь другое. Музыканты долго совещались и наконец разразились какой-то мелодией, в самом подходящем ритме для танца «конга». Музыка была такая живая и веселая, что настроение наше мигом поднялось; очень скоро я уже отбивал такт ногой, а Фон дирижировал оркестром, причем в руке у него все еще был зажат стакан «Белой лошади». Гостеприимство Фона разгорячило меня, да и музыка раззадорила, и в голову мне пришла отличная мысль.

— На днях ты показывал мне ваш национальный танец, верпо? — сказал я Фону.

— Да, верно, — подтвердил он, стараясь подавить икоту.

— Ну вот. А хочешь, сегодня я научу тебя танцевать европейский танец?

— Ах, мой друг! — Фон просиял и обнял меня. — Да, да, отлично, учи меня. Пойдем, мы сейчас идти в дом танцев.

Мы шатаясь поднялись на ноги и побрели в его «дансинг». Впрочем, когда мы туда добрались, я увидел, что это усилие — мы прошли с полсотни шагов, а то и больше! — сильно утомило моего спутника: совсем задохнувшись, он сразу рухнул на свой богато разукрашенный трон.

— Иди, сначала научи все маленькис-маленькие люди, — сказал он и замахал руками на толпу князьков и советников. — После и я танцевать тоже.

Я обозрел смущенно переминавшихся с ноги на ногу советников, которых мне предстояло учить, и решил, что самые сложные па конги им сейчас не по силам. По правде говоря, я начинал думать, что сейчас эти па, пожалуй, не по силам и мне самому. Поэтому я решил: лучше удовольствуюсь тем, что покажу им только последнюю, заключительную часть танца, ту, где все танцующие выстраиваются в цепочку один за другим и ходят вокруг зала змейкой, как поведет тот, кто оказался первым. Весь зал замер, когда я предложил двадцати двум советникам подойти ко мне на середину зала, и наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я установил их всех за мной так, чтобы каждый держался за талию стоящего впереди; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги — и мы пустились в пляс. Перед тем я очень старательно объяснил моим ученикам, что им надлежит повторять каждое мое движение, и они это неуклонно вы-

поплясывали. Однако очень скоро я обнаружил, что в винном погребе Фона утонули все мои познания о конге; лишь одно прочно сохранилось в памяти — что в какую-то минуту надо взбрыкнуть ногой, выбросить ее в сторону. И мы пошли кружить по залу; оркестр наяривал вовсю, а мы выделяли свое: шаг, два, три — ногу вбок, шаг, два, три — вбок! Мои ученики без особого труда повторяли это пехитрое движение, и так мы торжественно кружили по залу, и все их пышные одежды шелестели в лад. Я отсчитывал такт и в нужную минуту выкрикивал «брык!», чтобы им легче было сообразить, когда надо дрыгнуть ногой, но они, видимо, восприняли мой крик как непременную часть танца, нечто вроде обрядового припева, и хором начали выкрикивать это «брык» вместе со мной. Поглядели бы вы, что творилось с нашими многочисленными зрителями! Они вопили от восторга, а всевозможные члены свиты Фона, добрых четыре десятка его жен и несколько отпрысков постарше кинулись к нам, чтобы тоже потанцевать вместе с государственными деятелями, — и каждый новый танцор становился в хвост нашей колонны и подхватывал припев вместе со всеми.

— Раз, два, три, брык! — вопили советники.

— Раз, два, три — йя-а-а! — визжали жены.

— Раз, два, три, и-и-и! — пищали дети.

Разумеется, Фон никак не мог остаться в стороне от такого веселья. Он с трудом сполз с трона и, опираясь на двух человек, подстроился к концу колонны; его движения не совпадали с дружными движениями остальных, но веселья это ему ничуть не убавляло. Я все водил и водил их вокруг зала, пока у меня не закружилась голова и мне стало казаться, что стены и потолок вздрагивают в такт прыжкам и крикам. Тут я почувствовал, что мне не худо бы глотнуть свежего воздуха, и вывел всех во двор. Так мы и шли, длиннющей качающейся цепочкой, вверх и вниз по ступенькам, во дворы и из дворов, мимо незнакомых хижин — словом, всюду, где только можно было пройти. Оркестр, войдя в раж, не отставал — мы танцевали, а музыканты бежали за нами, обливаясь потом, но ни разу не сбились с ритма и не сфальшивили. Наконец, скорее волею случая, чем сознательно, я привел своих учеников обратно в «дом танцев», и тут мы все, задыхаясь и смеясь, кучей повалились на пол. Фон еще по пути падал раза три, а теперь его довели до трона и усадили; он сиял и с трудом переводил дух.

— Ах, отличный какой танец! — воскликнул он. — Отлично, отлично!

— Тебе нравится? — пыхтя, еле выговорил я.

— Очень много нравится, — решительно провозгласил Фон. — У тебя есть большой сила: я никогда не видел такой европейский танец.

Я ничуть не удивился: вряд ли кто из европейцев в Западной Африке тратит свой досуг на то, чтобы обучить местных князьков и их приближенных конге. Уж конечно, если бы кто-нибудь из них увидел меня за этим за-

Днятием, мне заявили бы, что я за полчаса нанес престижу белого человека больший урон, чем кто-либо за всю историю Западной Африки. Зато моя конга, видно, сильно укрепила мой престиж в глазах Фона и его двора.

— Раз, два, три, брык! — мечтательно бормотал Фон. — Отличный песня.

— Да, это совсем особенная песня, — сказал я.

— Да, правда, — сказал Фон, кивая головой. — Да, отличный.

Он в задумчивости посидел еще немного на своем троне; к тому времени оркестр снова заиграл, и на середину зала вышли танцоры. Я уже чуть-чуть отдышался и стал даже гордиться собой, как вдруг Фон оживился и отдал какой-то приказ. От толпы танцующих отделилась девочка лет пятнадцати и подошла к помосту, где мы сидели. На ней была только крошечная набедренная повязка, так что ее прелести не оставляли никаких сомнений, пухлое умщенное тело лоснилось. Она бочком придвинулась к нам и застенчиво улыбнулась; Фон наклонился и схватил ее за руку. Одним ловким рывком он усадил ее ко мне на колени, и тут она и осталась сидеть, вздрагивая от смеха.

— Это для тебя, этот женщина, — сказал Фон и величественно повел огромной рукой. — Он хороший. Это мой дочь. Давай женись на ней.

Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать: я просто оцепенел от ужаса. Мой хозяин уже пришел в то блаженное состояние, за которым обычно наступает крайняя воинственность, и я понимал, что отказываться надо как можно осторожнее и тактичнее, иначе я испорчу все, чего достиг за этот вечер. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Оркестр уже перестал играть, и все выжидательно смотрели на меня. Фон тоже уставился на меня осоловевшими глазами. Я понятия не имел, вправду ли он предлагает мне эту девицу в жены или для пристойности обозначает этим словом нечто совсем другое. Что бы там ни было, надо как-то отказаться; не говоря уже ни о чем другом, девица была отнюдь не в моем вкусе. Я облизнул губы, откашлялся и сделал все, что мог: прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою хорошо промасленную дочь (она была такая увесистая, что у меня уже ныли колени), однако же, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях моих соотечественников и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе более одной жены. При этом моем замечании Фон рассудительно закивал. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение — ведь у меня уже есть жена в Лондоне, и будет незаконно и далеко не безопасно привезти туда с собой вторую. Конечно, не будь я женат, торопливо продолжал я, для меня

не было бы большего счастья, чем принять его подарок, жениться на этой девушке и осесть в Бафуте до конца моих дней.

С великим облегчением услышал я гром рукоплесканий, раздавшихся, едва я окончил свою речь; только Фон чуть всплакнул, когда понял, что его прекрасной мечте не суждено сбыться. Пока все кричали и хлопали, я спустил с колен мою толстушку, легонько подшлепнул ее, и она, все еще хихикая, отправилась в зал танцевать. Ну, на сегодняшний вечер с меня хватит дипломатических переговоров, решил я и предложил разойтись по домам. Фон и его свита проводили меня на большой двор, и здесь Фон решительно потребовал, чтобы я позволил ему обхватить меня за талию и еще раз сплясал с ним конгу Даррелла. Толпа немедленно увязалась за нами, и мы протанцевали вокруг площади, брыкаясь и крича так, что перепугали всех крыланов — они вылетели из листвы деревьев манго, — и все собаки на несколько миль вокруг залились отчаянным лаем. У подножия лестницы мы с Фоном прочувствованно распростились, и я еще постоял и поглядел, как все они, пошатываясь, выплясывали конгу на обратном пути через двор. Потом я наконец взобрался на свои семьдесят пять ступенек, мечтая, что сейчас улягусь в постель. Наверху меня взором, полным укоризны, встретил Бен с фонариком.

— Сэр, тут охотники пришел, — сказал он.

— Как, в такое время?! — спросил я с изумлением: шел уже четвертый час ночи.

— Да, сэр. Сказать ему, чтоб ушли?

— Они принесли что-нибудь? — с надеждой спросил я, и перед моим мысленным взором возникли некие редкостные экземпляры.

— Нет, сэр. Они хотел поговорить с маса.

— Ну ладно. Пусть войдут, — сказал я, падая в кресло.

Через несколько минут Бен ввел в комнату пятерых очень молодых и очень смущенных охотников, все они сжимали в руках копыя. Охотники поклонились и вежливо сказали: «Добрый вечер». Выяснилось, что они тоже присутствовали на сегодняшнем празднике и слышали речь Фона; живут они в деревне довольно далеко от Бафута и потому решили повидать меня, прежде чем возвращаться домой, и узнать поточнее, какие именно животные мне нужны. Я похвалил их за усердие, роздал им сигареты и принес книги и фотографии. Мы долго их разглядывали, и я рассказал охотникам, какие животные мне особенно нужны и сколько я за них буду платить. Они совсем было уже собрались уходить, как вдруг один заметил лежащий у меня на кровати рисунок, который я им не показывал.

— Маса хочет этот добыча? — спросил он.

Я взглянул на рисунок, потом на молодого охотника; он, видимо, не шутил.

Д — Да, — сказал я как мог выразительнее. — Я очень хочу эту добычу. А что, ты ее знаешь?

— Да, сэр, я его знаешь, — подтвердил охотник.

Я поднял рисунок и показал остальным.

— Посмотрите хорошенько, — предупредил я.

Они все уставились на листок с рисунком.

— Ну что, вы и правда знаете эту добычу? — спросил я опять.

— Да, сэр, — дружно ответили охотники. — Мы его хорошо знаем.

Я сел и уставился на них, как на пришельцев с другой планеты. Они преспокойно узнали животное, изображенное на рисунке, и это меня потрясло: я уже очень давно мечтал поймать эту, быть может, самую замечательную амфибию в мире — ученым она известна под названием *Trichobatrachus robustus*, а обыкновенные люди называют ее попросту волосатой лягушкой.

Тут необходимо кое-что пояснить. Во время моей предыдущей поездки по Камеруну все мои помыслы были направлены на то, чтобы заполучить хоть одну такую чудо-амфибию, но ничего не вышло. В то время я искал ее в низинных лесах, и все тамошние охотники, которым я показывал рисунок, в один голос твердили, что такого на свете не бывает. Я стоял на своем, а они с жалостью на меня глядели — вот, мол, еще одно доказательство непостижимой глупости белого человека, ведь даже малые дети знают, что у лягушек не бывает волос! У зверей — волосы, у птиц — перья, а у лягушек есть только кожа и ничего больше. И раз уж им было доподлинно известно, что такой лягушки на свете нет, они даже не подумали ее искать, хоть я и предлагал за нее огромные деньги. Что толку искать сказочное чудище — лягушку с волосами? Я сам провел в лесу немало мучительных ночей, бродил босиком вверх и вниз по ручьям и речушкам в поисках этого ускользающего от меня земноводного, пока не свалит с ног усталость, по тщетно. После этого я и сам поверил, что все учебники врут, а охотники правы: в низинных лесах эту лягушку не найти. Одно лишь упоминание о волосатой лягушке тотчас вызывало среди жителей низин презрение и насмешки — и во время моей второй поездки я, жестоко разочарованный, никому даже не стал показывать этот рисунок; конечно же, гордые охотники будут единодушны со своими собратьями из больших лесов. Вот почему я так разволновался и изумился, когда молодой охотник без всякой моей подсказки сразу узнал необыкновенную амфибию и вдобавок осведомился, нужна ли она мне.

Я подробно расспросил охотников, весь дрожа, точно гончая на следу. Да, подтвердили они в третий раз, они знают это животное; да, у него есть волосы; да, его нетрудно поймать. Я спросил, в каких местах оно водится, и небрежные взмахи рук ясно показали мне, что таких лягушек пол-

ным-полно в здешних лесах. Глаза у меня загорелись, и я спросил, знают ли они точно место, куда за этой лягушкой можно пойти. Да, был ответ, есть такая «маленький вода» примерно в двух милях от Бафута, там ночью всегда можно увидеть волосатых лягушек. Дальше я слушать не стал. Выбежал на веранду и завопил что есть мочи. Мои помощники, спотыкаясь и продирая на ходу сонные глаза, выскочили из своей хижины и собрались у меня на веранде.

— Этот охотник говорит, он знает, куда идти, где поймать вот эту добычу, — объяснил я. — И мы идем за ней.

— Сейчас, сэр? — в ужасе спросил Бен.

— Да, прямо сейчас, идите все за мешками и фонарями. Скорей, скорей!

— Прямо ночью? — умирающим голосом переспросил Бен: уж очень он любил поспать.

— Да, *сейчас*! Ну, пошевеливайся, хватит зевать, челюсть вывихнешь! Ступайте все за мешками и фонарями!

Мои помощники с опухшими со сна глазами, не переставая зевать, неохотно повиновались. Джейкоб, повар, на минутку задержался и стал объяснять мне, что он повар, а не охотник и совершенно не понимает, почему он должен менять свою специальность в четыре часа ночи.

— Друг мой, — сказал я твердо. — Если ты через пять минут не принесешь сюда мешок и фонарь, то утром ты уже не будешь ни охотником, ни поваром. Понятно?

Джейкоб поспешно кинулся вслед за остальными на поиски своего охотничьего снаряжения. Не прошло и получаса, как мой сонный отряд был в сборе и мы двинулись по росистой дороге искать волосатых лягушек.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОХОТА НА ВОЛОСАТЫХ ЛЯГУШЕК

Мы шли по пыльной дороге в смутном свете звезд, а по обе стороны от нас сверкала отяжелевшая от росы трава. Луны не было, в этом нам повезло: когда охотишься ночью при свете фонарей, луна не помогает, а только мешает — она отбрасывает причудливые тени, среди которых легко может скрыться твоя дичь; кроме того, лунный свет ослабляет свет фонаря.

Маленькая группка охотников шагала впереди — сна ни в одном глазу, все бодрые и нетерпеливые, а мои помощники, которым я так щедро платил, плелись сзади, беспрерывно зевали и едва передвигали ноги. Только

Д Джейкоб шел рядом со мной: видно, он решил, что раз уж не удалось улизнуть от этой охоты, то лучше хорошенько постараться. Время от времени, когда позади раздавался особенно громкий зевок, он неодобрительно оглядывался и насмешливо фыркал.

— Эти люди, у них нет сила, — говорил он с презрением.

— Наверно, они просто забыли, что я плачу пять шиллингов за каждую лягушку, — отвечал я громко и отчетливо.

В ночной тишине мой голос разнесся далеко — и тут же зевки и шарканье ног прекратились как по команде; вся замыкавшая шествие компания сразу проснулась. Пять шиллингов за лягушку — деньги нешуточные!

— Я не забыть, — с хитрой улыбочкой сказал мне Джейкоб.

— В этом я и не сомневался, — строго ответил я. — Ты ведь на редкость беспринципный западноафриканский Шейлок.

— Да, сэр, — преспокойно согласился Джейкоб. Смутить его было просто невозможно: если он не понимал моих слов, то все равно на всякий случай безоговорочно со мной соглашался.

Мы прошли по дороге еще мили полторы, и тут охотники свернули на узкую тропку в высокой траве; тропка была скользкая от росы и самыми невероятными зигзагами взбиралась вверх по склону холма. Вокруг нас, во влажной чаще высоких спутанных трав, со всех сторон призывно квакали крохотные лягушки и стрекотали цикады, точно отстукивали такт миллионы лилипутских метрономов; вот сбоку у самой тропинки неуверенной спиралью взвился большой бледный мотылек, он взмывал все выше, и вдруг из тени стремительно и прямо, как стрела, вылетел козодой, щелкнул клюв — и мотылек исчез. Птица повернула и унеслась вниз вдоль склона так же бесшумно, как и появилась. Наконец мы добрались до вершины холма, и тут охотники сообщили мне, что ручеек, о котором они говорили, лежит в долине прямо перед нами. В сущности это оказалась даже не долина, а глубокое, узкое, полное теней ущелье между двумя гладкими округлыми горами; извилистое русло ручья сразу бросалось в глаза: его обрамляла темная бахрома невысоких деревьев и кустов. Когда мы спустились в полумрак долины, до нас донесся шум воды, она журчала и плескалась среди валунов, усыпавших русло, и тропка сразу размокла, под ногами противно зачмокала липкая глина. Мы осторожно скользили по ней, ноги наши разъезжались, а грязь неприятно хлопала и старалась не выпустить из цепкой хватки наши башмаки.

Ручей торопливо сбегал по долине, скатывался по ней множеством широких, мелких, усеянных камнями ступеней, каждая непременно заканчивалась маленьким, не выше восьми футов водопадом — тут ручей собирался в сверкающий, точно отполированный водяной столб и обрушивался в

круглое озерцо, словно в чашу, выдолбленную среди скал; здесь вода бешено кружилась в ореоле серебряных всплесков, потом устремлялась меж каменных россыпей к новому водопаду. Длинные травы клонились над ручьем, точно нечесаная золотистая грива какого-то зверя, а между влажно блестящими каменными глыбами из густого мха, который устилал все вокруг зеленым бархатным ковром, поднимались тонкие кружевные папоротники и другие тоненькие растеньица. По берегам осторожно, на цыпочках, расхаживали маленькие розовые и темно-коричневые крабы, их тут было великое множество; когда мы выхватывали их из темноты лучами наших карманных фонариков, крабы угрожающе поднимали клешни и еще того осторожней пятились прямо в норки, которые они выкопали себе в красной глине. Мы шли по высокой траве, и у нас из-под ног то и дело вылетали десятки крохотных белых мотыльков и снежными облачками уносились за ручей. Мы присели на корточки на берегу покурить и обсудить порядок действий. Охотники объяснили, что искать лягушек лучше всего в истоках маленьких водопадов, но можно их найти и под плоскими камнями в тех местах, где ручей не такой глубокий. Я решил, что лучше всего ристануться цепочкой поперек ручья и двинуться вверх против течения, переворачивая каждый камень, который можно будет поднять, и заглядывая в каждую ямку и в каждую щелку, где могла бы укрыться волосатая лягушка. Так мы и сделали и целый час упорно взбирались вверх по холму к истоку ручья — шлепали по неглубокой ледяной воде, оскальзывались на мокрых камнях и светили фонариками в каждый укромный уголок, с безмерной осторожностью переворачивали каждый подозрительный камень.

Среди камней было полным-полно крабов, они щелкали клешнями и удирали от нас во весь опор; ярко-зеленые, как трава, лягушки с удлиненными, точно пули, телами прыгали в воду с громким всплеском и пугали нас, а вокруг неизменно вилось дрожащее облачко мельчайших мотыльков, маленькие летучие мыши то появлялись в луче фонарика, то пропадали; только волосатых лягушек не было и в помине. Мы почти не разговаривали на ходу; в тишине на тысячу голосов бормочет, лепечет и звенит ручей, сбегая по своему руслу, в густой траве трещат цикады да испуганно вскрикивает порой птица, потревоженная нашим фонариком, и еще послышится клокотанье, сосущий звук, точно в воронке, и следом громкий всплеск, когда кто-нибудь из нас перевернет камень на глубоком месте. Один раз, когда мы одолевали невысокий, но крутой утес, с которого, точно трепетная кружевная пелена, свисал водопад, вдруг раздался громкий крик и что-то шумно плюхнулось в воду. Мы торопливо осветили фонариками основание водопада и обнаружили, что Джейкоб — он последним взобрался на утес — наступил на водяную змею, которая свернулась кольцом в выбоине.

Д Со страху он попытался подпрыгнуть повыше, но попытка не удалась, потому что он в эту минуту едва удерживался на крутизне, довольно рискованно прижимаясь к утесу футах в пяти от земли. Джейкоб все же свалился в озерцо под водопадом и вылез оттуда целый и невредимый, только промок до нитки да зубы у него выбивали дробь: вода была ледяная.

Черное небо на востоке медленно светлело, становилось бледно-зеленым, близился рассвет, а мы все еще не нашли неуловимое земноводное. Охотники совсем приуныли, искренне огорченные нашей неудачей, и горестно объяснили, что, как только рассветет, продолжать поиски будет бесполезно, тогда уж лягушка ни за что не покажется на свет. Значит, у нас остается всего часа два и за это время надо выследить ее и поймать; итак, мы продолжали свой путь вверх по ручью, но я был убежден, что сегодня нам не повезло и ничего уже не выйдет. Наконец, промокшие, замерзшие и отчаявшиеся, мы вышли в широкую плоскую долину, тут было полно огромных валунов, и ручей пробирался среди них, извиваясь как змея. Местами между камней образовались довольно глубокие тихие озерца, местность здесь была ровная, течение медленное, спокойное, и ручей разлился чуть не вдвое шире прежнего. Валуны, разбросанные как попало, торчали порой, наклонясь под самыми невероятными углами, точно гигантские древние могильные камни, совсем черные под звездным небом. Все они густо поросли мхом и оплетены были ползучими дикими бегониями.

Мы прошли уже почти половину этой долины, и я решил сделать привал и покурить. Подошел к маленькой заводи, которая лежала, как черное зеркало, в оправе высоких камней, выбрал гладкий камень посуше, сел, выключил фонарик и приготовился насладиться сигаретой. Фонарики моих спутников мигали и сверкали между камней — они пошли дальше по долине, шлепая по воде, и вскоре шаги их затерялись среди множества ночных звуков. Я докурил сигарету и отшвырнул окурок; он описал в воздухе дугу, точно пламенеющий светлячок, упал в воду, зашипел и погас. И почти в ту же секунду что-то с громким всплеском прыгнуло в озерцо, и гладкая черная вода рассыпалась серебряной рябью. Я мигом зажег фонарик и осветил поверхность воды, но ничего не увидел. Тогда я осветил покрытые мхом камни на краю этого крохотного озерка. Совсем рядом со мной, на самом краешке большого валуна, сидела большущая лоснящаяся лягушка шоколадного цвета, и ее толстые ляжки и бока покрывала спутанная масса чего-то, очень похожего на волосы.

Я замер, я не смел даже перевести дух — ведь лягушка примостилась на самом краешке камня, нависшего над водой; она сидела подозрительная, настороженная, готовая в любую секунду оттолкнуться от камня и прыгнуть вниз. Если ее испугать, она спрыгнет с камня прямо в черную

воду, и тут уж пиши пропало! Ее не поймаешь... Минут пять я оставался недвижим, как камни вокруг, и постепенно волосатая лягушка привыкла к свету фонаря и, видно, немного расслабилась. Один раз она, правда, чуть пошевелилась, моргнула своими влажными глазами, и я в ужасе подумал: все, сейчас она прыгнет! Но лягушка просто поудобнее устроилась на камне, и я вздохнул с облегчением.

Тем временем я наскоро обдумывал план действий: сперва надо ухитриться переложить фонарик из правой руки в левую так, чтобы не встревожить лягушку; потом я буду очень медленно и незаметно наклоняться вперед до тех пор, пока моя рука не окажется достаточно близко от ее жирного тела, и тогда попытаюсь мгновенно схватить драгоценную добычу. Пока я справился с фонариком, мне пришлось изрядно поволноваться, потому что лягушка неотступно следила за моими движениями тревожным и подозрительным взглядом; но вот наконец фонарик уже в левой руке. На несколько минут я снова замер — пусть она успокоится; потом согнул пальцы кулачком и медленно, с предельной осторожностью стал пододвигать руку к лягушке. Ближе, ближе... дюйм за дюймом... и вот уже моя рука повисла прямо над лягушкой! Я вздохнул поглубже и решился: хват! Едва моя рука ринулась вниз, лягушка прыгнула, но чуть запоздала, и я все же успел ухватить пальцами скользкую заднюю лапку. Однако лягушка не собиравшись так легко отказаться от свободы: она истошно завопила и стала отчаянно лягаться другой задней лапкой, царапая мне тыльную сторону ладони. Боль была такая, точно кожу рвали иголками, и на руке появились глубокие царапины, которые быстро краснели, наполняясь кровью. Эта неожиданная воинственность существа, которое я считал совершенно безобидным, так меня ошеломила, что я невольно ослабил хватку. Тут лягушка лягнула меня еще раз, дернулась, мокрая лапка выскользнула из моих пальцев, внизу раздался громкий всплеск, и по воде побежала серебряная зыбь. Волосатая лягушка улизнула.

Что я при этом почувствовал — не передать никакими словами. Обширная коллекция красочных и трагических выражений, которую я собрал на своем веку, казалась слишком бледной и бессильной описать такую катастрофу. Я попробовал как-то выразить свои чувства, но куда там... не нашлось у меня для этого достаточно крепких слов. Надо же! Я так долго ждал, я почти поверил тем, кто утверждал, будто волосатой лягушки вообще нет в природе, потом провел столько часов в бесплодных поисках и наконец встретился с ней лицом к лицу, уже просто держал ее в руках — и затем... Затем по своей собственной глупости я ее упустил! Делать нечего, я взобрался на высокий камень — взглянуть, где там мои охотники; в четверти мили от меня мелькали лучи их фонариков, и я закричал им тем

Д протяжным, пронзительным криком, каким перекликались между собой охотники. Они отозвались, и я закричал, чтобы они поскорей возвращались ко мне, я нашел ту добычу, которую мы искали. Потом я слез с камня и внимательно осмотрел озерцо. Оно было длиной футов в десять и около пяти в поперечнике (в самом широком месте). Вода вливалась и выливалась из него через два узеньких канала среди камней, и я подумал: стоит только перекрыть эти каналы, и, если лягушка все еще тут, ее вполне можно будет изловить. Подошли задыхающиеся от спешки охотники, я им все рассказал, и они стали щелкать пальцами и стонать с досады, что лягушка все-таки сбежала.

Как бы то ни было, мы принялись за работу и вскоре перекрыли входной и выходной каналы кучками плоских камней. Потом двое охотников влезли на валуны и направили фонарики на воду, чтобы нам было лучше видно. Я измерил глубину озера длинной рукояткой сачка для бабочек, и выяснилось, что там воды на два фута; дно ручья покрыто крупным песком вперемешку с мелкими камешками, тут лягушка могла отыскать для себя вдоволь укромных уголков. Потом мы с Джейкобом и еще два охотника разделись донага и полезли в ледяную воду — мы с Джейкобом в одном конце озера, а те двое — в другом. Мы медленно двинулись навстречу друг другу, чтобы сойтись на середине озера, согнувшись в три погибели и ощупывая пальцами рук и ног каждую расселину, переворачивая каждый камень. Вскоре мы добрались до середины, и тут у одного охотника вырвался восторженный вопль — он поспешно схватил что-то под водой, причем едва не потерял равновесия и не рухнул ничком в воду.

— Что там у тебя, что? — в волнении закричали мы все разом.

— Вот он, лягушка, — залопотал охотник. — Только он убежать.

— А у тебя что, рука нет? — злобно осведомился Джейкоб, стуча зубами от холода.

— Он бежать прямо к маса, — ответил охотник и ткнул пальцем в мою сторону.

И в этот миг подле моей босой ноги что-то шевельнулось; я наклонился и начал торопливо шарить в воде. Тотчас же и Джейкоб дико вскрикнул и нырнул под воду, а другой охотник отчаянно пытался схватить что-то у себя под ногами. Мои пальцы наткнулись на гладкое, толстое тело, которое поспешно зарывалось в песок у самых моих ног, и я его схватил; в ту же минуту Джейкоб выскочил из воды, он отплевывался, задыхался, но торжествующе махал рукой, в которой была зажата толстая лягушка. Он зашлепал по воде в мою сторону, спеша показать свою добычу, но, когда он до меня дошел, я уже выпрямился, и у меня тоже в ладонях было что-то живое. Я поскорей глянул — что же я поймал? — и передо мной мелькну-

ли толстые ляжки, обросшие чем-то мохнатым, похожим на волосы; да, я поймал волосатую лягушку! Тут я взглянул на трофей Джейкоба — и его пленница была точно такая же. Мы поздравили друг друга, осторожно уложили обеих лягушек в глубокий мешок из мягкой ткани и надежно его зашнуровали. Только мы успели со всем этим управиться, как охотник, который суетливо шарил у себя под ногами, заорал от радости, выпрямился и взмахнул в воздухе еще одной волосатой лягушкой, которую он ухитрился ухватить за лапку.

Воодушевленные успехом, уже не чувствуя холода, мы снова полезли в воду и старательно обыскали все озерцо, но лягушек больше не нашли. Теперь край неба на востоке поглубел, по бледно-голубому брызнуло золото, выше и выше пошли золотисто-изумрудные полосы — и у нас над головой уже мерцали и гасли последние звезды. Ясно, что часы охоты миновали, но и так был очень доволен: она удалась как нельзя лучше. Африканцы уселись на корточки на сухих камнях, они смеялись, болтали, курили сигареты, которые я им роздал, а я тем временем с грехом пополам вытерся носовым платком и натянул на себя насквозь промокшую от росы одежду. Голова у меня просто раскалывалась — отчасти от пережитого волнения, но главное — от вчерашней пьянки с Фоном. Впрочем, сейчас мне наплевать было и на холодную мокрую одежду, и на головную боль — я торжествовал победу! Мешок с волосатыми лягушками я опустил в воду и держал его там до тех пор, пока он не промок насквозь и не стал холодным; тогда я обернул его мокрой травой и уложил на дно корзинки.

Когда мы добрались до вершины холма, солнце уже поднялось над длинными горами и залило мир хрупким золотистым светом. Высокая трава клонилась под тяжестью росы, тысячи крохотных паучков свили паутину между ее стеблями, их сети отняли у ночи богатый улов росинок — и крохотные капли сверкали в солнечных лучах белым и льдисто-голубым алмазным блеском. У нас из-под ног десятками выскакивали крупные саранчи и проносились над травой, шелестя и сверкая ярко-красными крыльями, а над островком бледно-желтых орхидей, что росли под сенью большого камня, громко жужжал хор толстых шмелей металлического голубого цвета, мохнатых, как медведи. Воздух, свежий и прохладный, был до отказа напоен запахами цветов и трав, земли и росы. Охотники, счастливые сознанием того, что ночная охота прошла успешно, затянули песню и неторопливо, гуськом двинулись по тропинке; это была веселая бафутская песенка, и пели они с большим жаром и увлечением; вскоре песню подхватили и домочадцы Фона, а Джейкоб аккомпанировал — выбивал негромкую дробь на жестянке для «добычи». Так мы и маршировали обратно в Бафут, с громкой песней, а Джейкоб выстукивал все более сложные ритмы на своем импровизированном барабане.

Д Когда мы добрались до дома, мне надо было первым делом приготовить глубокую жестяную банку для моих пленниц; я наполнил ее свежей водой и положил на дно несколько камней, чтобы лягушкам было где укрыться. В эту банку я поместил двух, а третью посадил в большую стеклянную банку из-под варенья. Во время завтрака я поставил эту банку на стол перед собой и в промежутке между двумя глотками любовался моей пленницей, не сводил с нее влюбленных глаз.

Для лягушачьего племени моя волосатая лягушка оказалась настоящим великаном: если она хорошенько подберет под себя лапки, то как раз поместится на блюде и займет его почти целиком. Голова у нее широкая и довольно плоская, глаза очень выпученные, а рот необыкновенной ширины. Сверху лягушка темно-шоколадного цвета, а местами испещрена расплывчатыми коричневыми крапинками еще темнее, почти черными; брюшко белое, в самом низу чуть подкрашено розовым, и задние лапки с внутренней стороны тоже розоватые. Глаза очень большие, угольно-черные, с тонким узором золотых точек. Самая удивительная особенность этой лягушки — волосы, расположены они по бокам ее тела и на бедрах; тут волосы черные, густые, длиной с четверть дюйма. Это украшение, в сущности, вовсе не волосы; оно состоит из удлиненных выростов кожи, которые, если присмотреться поближе, напоминают щупальца морского анемона. Но если не слишком тщательно приглядываться, очень легко поверить, будто задняя половина тела лягушки покрыта густым слоем волос. В воде волоски встают дыбом и плывут, как водоросли, тут-то их видно лучше всего; когда же лягушка на суше, они опадают и кажутся спутанной массой каких-то студенистых нитей.

С тех пор как впервые найдена была волосатая лягушка, среди ученых не затихали споры о том, для чего все-таки служит это необычное косматое украшение, но теперь, кажется, исследователи приходят к единому мнению: волосы помогают дыханию. Все лягушки дышат в большей или меньшей степени кожей; иными словами, кожа вбирает в себя кислород из воды. Таким образом, лягушка обладает, так сказать, двумя дыхательными аппаратами: кожей и легкими. И потому, когда лягушка дышит кожей, она может довольно долго оставаться под водой. У волосатой же лягушки множество тончайших кожных отростков значительно увеличивает поверхность кожи и этим очень помогает дыханию. Сначала ученые сильно сомневались в таком предназначении этих волосков, ибо они существуют только у самцов; у самок этого вида кожа такая же гладкая, как у всех прочих лягушек. А потому могло показаться, что волосы эти служат только украшением и не приносят никакой пользы — ведь просто смешно предполагать, будто у самца столь короткое дыхание, что без помощи волосков

ему не обойтись, а безволосой самке и так воздуха хватает с избытком. Однако столь странное противоречие вскоре выяснилось: оказывается, самцы проводят всю свою жизнь в воде, тогда как самки большую часть года проводят на суше и спускаются в воду только в брачную пору. Итак, секрет открылся: самка почти все время на суше и дышит легкими; самцу же в его подводном жилище волоски приходится очень кстати — он почти не вылезает на берег.

Есть у волосатой лягушки и еще одна любопытная особенность: мясистые пальцы ее задних лапок снабжены длинными, белыми, полупрозрачными когтями; когти эти лягушка при желании выпускает, а когда в них нет более нужды — втягивает в нечто вроде ножен в пальцах, как кошка. И на собственном опыте убедился, что когти очень острые и служат лягушке надежным оружием — об этом красноречиво свидетельствуют царапины у меня на руке. Думаю, что у лягушкиных когтей двойное назначение: во-первых, они средство защиты, а во-вторых, ими удобно цепляться за скользкие камни в быстрых ручьях, где обитают эти земноводные. Всякий раз, как мы ловили волосатых лягушек, они отчаянно лягались задними лапками и выпускали когти из ножен; одновременно лягушки издавали странные, пронзительные крики — нечто среднее между хрюканьем дойной свиньи и страдальческим писком пойманной мыши, причем крик этот на удивление громкий и, когда его не ожидаешь, может порядком напугать.

Мои волосатые лягушки очень удобно устроились в своей большой жестянке, а после многочисленных ночных охот я добыл еще нескольких: теперь у меня их было семь, и все самцы, с роскошной растительностью на спине. Не один месяц я шарил повсюду, пытаюсь найти для них самок, но безуспешно. И вот однажды ко мне на веранду явилась очень милая старушка, лет девяноста пяти, с двумя калесами: в одном сидела пара землероек, а в другом — крупная самка волосатой лягушки. Самка эта осталась единственной, другой мне так и не удалось раздобыть, и, естественно, я обращался с ней особенно бережно и заботливо.

С виду лягушка мало отличалась от самца, разве что кожа у нее была посуше и жестче да окраска ярче, кирпично-красная с шоколадными крапинками. Она отлично себя чувствовала среди семерых кавалеров и даже перешла за компанию на подводный образ жизни. Целыми днями все лягушки лежали в воде, почти совсем в ней скрываясь, готовые нырнуть на дно жестянки, едва кто-нибудь подойдет близко; однако по ночам они набирались храбрости, влезали на камни, которые я нарочно для этого им положил, и сидели там, разевая рот и глядя друг на друга без всякого выражения на физиономии. Все время, пока мы были в Африке, и на пути в

Д Англию (а это был долгий путь!) лягушки упорно отказывались от еды, хоть я и соблазнял их самыми изысканными лакомствами. Но все они были необычайно толстые, а потому их долгий пост меня не слишком волновал — ведь большинство пресмыкающихся и земноводных могут подолгу обходиться без пищи и ничуть от этого не страдают.

Когда настало время уезжать из Бафута и двинуться в наш главный лагерь, а оттуда на побережье, я устроил лягушек в неглубоком деревянном ящике, который был выстлан мокрыми банановыми листьями. Ящик нельзя было сделать глубоким: испугавшись чего-нибудь, лягушки стали бы высоко подскакивать и расшибли бы свои нежные носы о деревянную крышку; в мелком же ящике такая опасность им не грозила. По дороге из Бафута лягушки доставили мне немало хлопот и несколько очень тревожных минут: высоко в горах климат прохладный, приятный, но, когда спускаешься в лесистые равнины, ощущение такое, словно попадаешь в турецкие бани, и лягушкам эта перемена пришлось совсем не по вкусу.

На одном из привалов по пути вниз я открыл ящик и ужаснулся — все мои волосатые лягушки распластались на дне, вялые и обмякшие, без признаков жизни. Я как безумный кинулся к ближайшей лощине и погрузил ящик в ручей. Прохладная вода постепенно оживила четырех лягушек, а трем было так плохо, что их уже не удалось спасти: вскоре они испустили дух. Итак, у меня остались три самца и самка. И всю остальную часть пути мне приходилось через каждые две-три мили останавливать грузовик и окупать ящик с лягушками в ручей, чтобы оживить его обитателей; только таким способом я ухитрился доставить их в наш главный лагерь живыми. Но, когда мы туда прибыли, мне пришлось ломать голову над новой неожиданной задачей: волосатые лягушки не могли высоко подскакивать в ящике и потому не разбили себе носы, но зато они пытались зарываться в углы ящика и этим умудрились содрать себе всю кожу с носов и верхних губ. Это была настоящая беда: если у лягушки повреждена нежная кожица на носу, на этом месте очень скоро появляется опасная болячка, она разъедает все вокруг, как злокачественная язва, и порой разрушает весь нос и верхнюю губу. Пришлось поскорей сколотить новый ящик для моих волосатых пленниц; этот тоже был неглубок, но внутри я весь его — и дно, и верх, и стенки — обил мягкой тканью, под которую еще подложил ваты. Получилось нечто вроде маленькой палаты для буйнопомешанных. Тут мои волосатые лягушки почувствовали себя как дома: теперь они могли сколько угодно прыгать вверх или зарываться на дно ящика — о мягкую прослойку нельзя было ни разбиться, ни содрать кожу. Я держал их в режиме меньшей влажности, чем обычно, и таким способом мне удалось залечить их исцарапанные носы, но все-таки на коже остались чуть заметные белые шрамы.

Когда мы наконец покинули главный лагерь и отправились к побережью, где мне предстояло сесть на пароход, путешествие это оказалось сумасшедшим кошмаром. Жара стояла невообразимая, и ящик с волосатыми лягушками очень быстро высыхал. Я пробовал держать его в ведре с водой, но дороги там настолько плохи, что не успевали мы проехать и полили, как люда почти вся расплескивалась. Оставался единственный выход: примерно каждые полчаса останавливать грузовик у какого-нибудь ручья и хорошенько поливать ящик. Однако, несмотря на все наши старания, еще один семяц погиб и на борт парохода поднялись только три волосатые лягушки. Прохладный морской ветерок вскоре оживил их, и они как будто воспрянули духом, хоть и очень исхудали из-за своего добровольного поста. Постылись они до самой Англии и еще некоторое время, когда их уже поместили в отделение пресмыкающихся в Лондонском зоопарке. Там куратор, как и я перед тем, пытался соблазнить их всевозможными лакомствами, но они все еще упорно отказывались есть. Наконец однажды он решил испытать еще одно, последнее средство: сунул им в клетку белых мышей — перее, розовых новорожденных мышат, и, к его удивлению, лягушки накинулись на них и мигом сожрали, точно поворожденные мышата всегда были их излюбленным блюдом.

С того дня они питались одними только мелкими зверюшками, отказываясь от всякой истинно лягушачьей пищи вроде кузнечиков и мучных червей. Конечно, нельзя себе представить, что на воле они питаются исключительно мышатами, скорее мышата напоминают им привычную пищу, но такая это пища — остается неразгаданной тайной по сей день.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗМЕИ И ШИЛЛИНГИ

Речь Фона на празднике сбора травы произвела немедленное и удивительное действие. На другой день, пытаясь избавиться от головной боли, которой наградили меня выпивка у Фона и последовавшая за ней охота на лягушек, я прилег часа на два и немного поспал. Потом проснулся и решил выпить чаю — пожалуй, это меня подбодрит; я кое-как выбрался из кровати и поплелся к двери, намереваясь крикнуть с веранды вниз, на кухню, чтобы мне принесли чаю. Я открыл дверь и замер в недоумении: уж не сон ли это? Веранда была чуть не сплошь заставлена самыми разнообразными мешками, корзинками из пальмовых листьев и калебасами, и все они ти-

Д хонько подрагивали и тряслись; вдобавок к стене прислонились штук пять длинных бамбуковых шестов, а на концах у них извивались привязанные веревками разъяренные змеи. В эту минуту моя веранда больше всего напоминала туземный базар. На верхней ступеньке лестницы сидел на корточках Джейкоб и неодобрительно глядел на меня.

— Маса проснуться! — мрачно сказал он. — Зачем маса проснуться?

— Что тут такое? — спросил я, обведя рукой сборище мешков и корзинок.

— Добыча, — был краткий ответ.

Я осмотрел шесты — надежно ли привязаны змеи.

— Кто же это принес столько добычи? — спросил я, несколько ошарашенный таким изобилием.

— Вон тот люди принес, — коротко и ясно ответил Джейкоб, махнув рукой назад, на лестницу.

Я подошел к тому месту, где он сидел, и увидел, что все семьдесят пять ступенек, ведущих к моей вилле, и немалая часть дороги за ней забиты разношерстной толпой бафутян — обоего пола и всех возрастов. Их было добрых сотни полторы, и все они глядели на меня не шевелясь, на удивление тихие и молчаливые. Как правило, довольно собраться вместе пяти-шести африканцам — и они поднимут больше шума, чем любой другой народ на земле, а тут могло показаться, будто вся эта огромная толпа состоит из одних только глухонемых, до того они были тихие. От этой противоестественной тишины мне даже стало жутковато.

— Что это с ними стряслось? — спросил я Джейкоба.

— Сэр?

— Почему они все молчат?

— А-а! — Джейкоб наконец понял, чего я от него хочу. — Я им говорить, маса спать.

Это был первый из множества случаев, когда я убедился, насколько учтивы и деликатны люди Бафута. Оказывается, они ждали здесь, на солнышке, почти два часа, сдерживая свою природную, быющую через край живость, чтобы не потревожить мой сон.

— Почему ты не разбудил меня раньше? — упрекнул я Джейкоба. — Разве ты не знаешь, что добыче вредно так долго ждать?

— Да, сэр. Простите, сэр.

— Ну ладно, давай посмотрим, что они принесли.

Я взял ближайшую корзину и заглянул в нее: тут было пять мышей со светлой рыжеватой шерстью, белопузых и длиннохвостых. Я передал корзину Джейкобу, он отнес ее к верхней ступеньке лестницы и поднял высоко над головой.

— Кто принести этот добыча? — закричал он.

— Это я принести, — пронзительно отозвалась какая-то старуха. Она с трудом протиснулась сквозь толпу, поднялась на веранду, яростно торговалась со мной минут пять, потом зажала в кулаке деньги и стала пробиваться обратно вниз.

В следующей корзинке сидели две прелестные маленькие совы. Перья у них были пятнистые — серые и черные, а глаза обведены совершенно белыми кругами с тонким черным ободком — казалось, на них большие роговые очки. При виде меня они защелкали клювами и опустили длинные ресницы над свирепыми золотистыми глазами; я попытался вынуть их из корзинки, но тут они с громкими криками опрокинулись на спину и выставили вперед огромные когти. В сущности это были не совы, а совята, кое-где с них еще не сошел детский пушок, напоминавший вату, так что казалось, обе они попали в обильный снегопад. Я всю жизнь не мог оставаться равнодушным при виде совы, а эти две малютки были просто неотразимы. Это были белолицые сплюшки, мне еще никогда такие не попадались, и, конечно же, я не мог их не купить.

Следующим моим приобретением была белка, из-за которой поднялся ужасный переполох. Она сидела в сумке из пальмовых листьев, и едва я туда заглянул, как белка пулей выскочила наружу, укусила меня за руку и поскакала прочь по веранде. Джейкоб кинулся в погоню и совсем было уже догнал беглянку, но вдруг белка метнулась в сторону и помчалась вниз по лестнице, искусно лавируя среди десятков пар черных ног. Поднялась необыобразимая суматоха; те, кто стоял на верхней ступеньке, подпрыгнули, почувствовав зверька у себя под ногами, потеряли равновесие и опрокинулись на тех, кто стоял ниже. Те в свою очередь повалились на других, которые стояли еще ниже, а уж те покатались вниз, как трава под косой. За считанные секунды вся лестница покрылась мешаниной шевелящихся тел, то там, то сям мелькали ноги и руки, высовываясь под самыми невероятными углами.

Я был уверен, что эта людская лавина раздавит злосчастную белку в лепешку, но, к моему удивлению, она появилась в самом низу лестницы, судя по всему, целая и невредимая, раза два взмахнула хвостом и прерывистой рысцой пустилась вдоль по дороге, оставив позади себя картину, которая напоминала побоище на лестнице в Одессе из фильма «Броненосец «Потемкин», только в негритянском варианте. А я на верхней ступеньке исходил бессильной злостью и тщетно пытался пробиться сквозь неразбериху черных тел — ведь белка была редкостная, нельзя же было ее упустить! На середине лестницы кто-то схватил меня за щиколотку, и я рухнул на большое, мягкое тело; судя по некоторым подробностям, которые мне удалось

Д ощутишь, тело было женское. С немалым трудом я поднялся на ноги, в отчаянии взглянул вниз, на дорогу, и — о радость! — по ней приближались десятка два молодых бафутян. Они заметили белку и остановились как вкопанные, а белка, завидев их, села и принялась подозрительно нюхать воздух.

— Эй! — завопил я. — Вы, там, на дороге... Поймайте эту белку!

Молодые люди положили на землю свои узелки и решительно двинулись на белку, но та только глянула на них, повернулась и пустилась наутек. Они ринулись вдогонку, и каждый, видно, решил, что именно он должен схватить беглянку. Белка удирала во всю прыть, но где ей было тягаться с такими длинноногими преследователями! Они бежали тесной кучкой, плечо в плечо, лица их были угрюмы и решительны. Скоро они поравнялись с белкой, и тут, к моему ужасу, все разом кинулись на мою драгоценную добычу — и снова белка исчезла под колышущейся грудой черных тел. «Ну, уж теперь-то беднягу непременно раздавят», — подумал я; однако белка оказалась необыкновенно живучей. Когда куча-мала на дороге немного разобралась, один паренек встал и высоко поднял за шиворот громко негодующую, задыхающуюся белку.

— Маса! — закричал он и расплылся в улыбке. — Я его поймать.

Я кинул вниз мешок, чтобы он сунул туда зверька; потом все, кто стоял на лестнице, стали передавать мешок по рукам, покуда он наконец не попал ко мне. Я поспешил засадить пленницу в клетку, поскорей ее осмотрел и убедился, что она ничуть не пострадала, вот только настроение у нее оказалось из рук вон плохое. Это была черноухая белка, пожалуй, самая красивая из всех камерунских белок. Спинка у нее темно-оливкового цвета, а брюшко яркое, желтовато-оранжевое. По бокам от плеча до зада тянется цепочка белых пятнышек, а уши оторочены кромкой черной шерсти, и вид у зверька такой, точно он никогда не мост за ушами. Но, конечно, самое красивое в этом пушистом тельце — хвост, длинный и необыкновенно пышный; сверху он зеленовато-коричневый, полосатый, а с изнанки — ярчайшего оранжевого цвета, прямо огненный. Когда белка очутилась в клетке, она раза два махнула на меня своим ослепительным хвостом, а затем уселась и занялась неотложным делом: стала уплетать плод манго, который я для нее приготовил. Я с удовольствием за ней наблюдал и думал: какое счастье, что она уцелела во всей этой кутерьме, и как хорошо, что я ее все-таки заполучил! Если бы я тогда знал, сколько еще мне предстоит с ней хлопот, я, наверно, радовался бы куда меньше.

Потом я снова занялся всевозможными мешками и корзинками, которыми была завалена веранда, и взял в руки первый попавшийся, довольно большой калebas. Как обычно, горлышко у него было заткнуто плотно

свернутым пучком зеленых листьев; я вытащил затычку и заглянул внутрь, но калebas был слишком велик, и я ничего не разглядел в его темной глубине. Я отнес его к лестнице и высоко поднял.

— Где тот человек, который принес этот калebas? — спросил я.

— Я тут, сэр, я тут! — раздался крик откуда-то с середины лестницы.

Меня всегда поражало, что африканцы умудряются различать свои калebasы среди сотен других. Я никак не мог уловить между ними разницы, разве только в размерах, но каждый африканец мгновенно узнает свой сосуд и ни с каким другим его не спутает.

— А какая там у тебя добыча? — спросил я, держа калebas за веревку, обвязанную вокруг горлышка, и небрежно им помахивая.

— Змея, сэр, — был ответ, и я поспешно сунул зеленую затычку обратно в горлышко.

— Какая же змея, друг мой?

— Гера, сэр.

Я сверился со своим списком местных названий и обнаружил, что это означает «зеленая древесная гадюка».

Эти красивые змеи широко распространены в Бафуте, и у меня уже набралось несколько штук. Длинной они дюймов по восемнадцать, расцветка у них примечательная: спина необычайно яркая, зеленая, как трава, живот канареечно-желтый, а по бокам широкие белые полосы. Я понес калebas туда, где у меня стоял неглубокий открытый ящик, затянутый сверху марлей — тут жили остальные гадюки, — чтобы посадить к ним туда и «новенькую». Надо сказать, что вытряхнуть змею из калebasа в клетку — дело несложное, если, конечно, соблюдать два-три простейших правила. Первое: убедись, что все остальные обитатели клетки находятся далеко от дверцы. Это я сделал. Второе: прежде чем вытряхивать змею из калebasа, выясни, одна ли она там. Вот этого-то я и не сделал.

Я открыл дверцу клетки, вытащил затычку и стал осторожно встряхивать калebas. Иногда вытряхивать змею из калebasа приходится очень долго: бывает, что она свернется там в клубок и прижмется изнутри к стенкам сосуда, и тогда сдвинуть ее с места очень трудно. За спиной у меня стоял Джейкоб и тяжело дышал прямо мне в затылок, а за ним плотной стеной теснились африканцы и, раскрыв рот, следили за каждым моим движением. Я легонько тряхнул калebas — ничего. Я потряс посильнее — опять ничего. В жизни своей не встречал я гадюки, которая с таким упорством цеплялась бы за свою темницу. Наконец я разозлился, тряхнул калebas изо всей силы, и он тут же развалился надвое. На клетку с устрашающим стуком вывалился спутанный клубок — с полдюжины больших, сильных и разъяренных змей.

Они сплелись в такой тугой, огромный узел, что не провалились внутрь клетки сквозь отверстие сверху, а застряли, и закрыть дверцу я никак не мог. Потом с необычайной грацией, которую я не успел оценить по достоинству (мне было не до того), они расплелись и решительно заскользили по краю дверцы на пол. Здесь гадюки выстроились полукругом, с точностью солдат, которым отдан приказ наступать, и двинулись на нас. Джейкоб и бафутяне, что теснились за его спиной, исчезли в мгновение ока, словно по мановению волшебного жезла. И трудно было их за это винить — ведь все они были босиком. Но и моя одежда никак не годилась для того, чтобы любезничать со стаей гадюк, — на мне были только шорты да сандалии. И вдобавок моим единственным оружием оказались две половинки сломанного калебаса — не слишком удобная снасть для обращения со змеями. Поэтому я оставил в их распоряжении веранду и кинулся в спальню. Там я отыскал палку и осторожно вернулся на веранду. Теперь змеи расплозились во все стороны и загнать их поодиночке в угол, прижать каждую к полу палкой и подобрать не составляло уже никакого труда. Одну за другой я сбросил их в клетку и со вздохом облегчения захлопнул и запер дверцу. Бафутяне вновь появились на веранде так же внезапно, как исчезли; все они болтали, смеялись и щелкали пальцами, рассказывая друг другу, какая страшная опасность им грозила. Я холодно посмотрел на того, кто принес мне змей.

— Ты! — сказал я. — Почему ты не сказал мне, что в этом калебасе так много змей?

— Ух! — изумился он. — Я все сказать маса, я сказать, там внутри змея.

— Змея, да. Одна змея. Но ты не сказал, что их там шесть штук.

— Я сказать маса, там змея внутри, — с негодованием повторил он.

— Я ведь спросил, какую добычу ты принес, — терпеливо объяснял я. — И ты сказал «змея». Ты не сказал «шесть змей». Откуда же мне знать, сколько их там? Ты, верно, думаешь, я колдун — как глину на калебас, так и увижу пасквозь, сколько ты поймал змей.

— Глупый человек, — вставил свое слово Джейкоб. — Вот одно время змея укусить маса и маса умереть. И что ты тогда делать, а?

Тут я накинулся на Джейкоба.

— А ведь и ты блистал своим отсутствием, насколько я заметил, о благородный рыцарь!

— Да, сэр, — сияя улыбкой, ответил Джейкоб.

Только совсем уже на ночь глядя я уплатил последнему охотнику и остался наконец с невообразимо пестрым сборищем всевозможных животных на руках. До трех часов ночи я рассаживал их по клеткам, но и тогда

еще пять больших крыс остались бездомными, а у меня уже не было в запасе ни одного ящика, годного для клетки. Волей-неволей пришлось выпустить их прямо на пол у меня в спальне, и тут они провели всю ночь, пытались перегрызть ножку стола.

Наутро я встал, вычистил клетки, накормил мой, теперь уже весьма солидный, зверинец и подумал, что в этот день, наверно, новых питомцев для него не получу, но ошибся. Бафутяне, видно, вложили всю душу в задачу, которую поставил перед ними Фон, — доставить мне как можно больше самого разного зверья: к десяти часам утра дорога и все семьдесят пять ступенек лестницы были черным-черны, столько собралось народу; делать нечего, я был вынужден опять покупать всякую живность. К часу дня выяснилось, что приток животных еще далеко не иссяк, а мои запасы дерева и ящиков для клеток исчерпаны: пришлось напаять целую ораву мальчишек, я поручил им бегать по Бафуту и скупать всякую дощечку или щипок, какие попадутся на глаза. Платить при этом пришлось неслыханные деньги — у африканцев любой сосуд, будь то бутылка, старая жестянка или ящик, ценится чуть ли не на вес золота.

К четырем часам дня и я и мои помощники вконец выбились из сил, и нас искушало в самых разных местах такое множество всяких зверей и зверюшек, что мы уже перестали замечать новые укусы. Моя вилла была битком набита всевозможными тварями, они пищали и чирикали, стучали и гремели в своих калесасах, корзинках и мешках, а мы тем временем с лихорадочной поспешностью сколачивали для них клетки. Словом, это был один из тех дней, которые лучше забыть. К полуночи мы до того измучились, что едва держались на ногах, глаза у нас слипались, а предстояло сколотить еще с десяток клеток; большой чайник чаю, обильно приправленного виски, немного нас подхлестнул — мы с лихорадочным воодушевлением продолжали свое дело, и наконец в половине третьего ночи забит был последний гвоздь и водворен на место последний зверек. Я заполз в постель и с ужасом вспомнил, что наутро мне надо встать в шесть часов, иначе я не успею вычистить клетки и накормить зверей, прежде чем на меня нахлынут новые.

Следующий день был, если это возможно, пожалуй, даже трудней предыдущего, потому что бафутяне начали приходить, когда я еще не успел навести порядок в своем зверинце. Представьте себе такую картину: я стараюсь поскорей вычистить клетки и накормить несколько десятков животных, а еще десятка три в это время задыхаются без воздуха в каком-нибудь грязном мешке или калесасе и требуют внимания — поневоле станешь полиноваться! Я искоса поглядывал на все растущую кучу калесасов и корзинков на веранде, и мне чудилось, что количество клеток, которые еще

Д надо вычистить, и животных, которых надо накормить, все растет... Под конец я понял: вот что, должно быть, испытал Геркулес, когда впервые увидел Авгиевы конюшни!

Покончив с работой, я не стал сразу же покупать новых животных, а сперва вышел на верхнюю ступеньку лестницы и обратился с речью ко всем собравшимся бафутянам. За последние два дня мне принесли очень много добычи, самого разного сложения, размера и обличья, сказал я. Это доказывает, что бафутяне, безусловно, лучшие из всех охотников, с какими мне доводилось встречаться, и я им сердечно благодарен. Однако, продолжал я, всему есть предел — они, наверно, и сами понимают, что я не могу без конца покупать у них добычу, мне ее просто уже некуда девать. Поэтому я буду рад, если они воздержатся от охоты, скажем, дня три, а я пока сколочу еще клетки и добуду пицци для животных. Какой смысл покупать животных, заметил я, если они погибнут оттого, что их негде разместить; это будет пустая трата денег. Надо сказать, что африканцы — люди очень деловые, и при этих моих словах по толпе словно прошла рябь: все закивали головами и послышалось дружное «А-а-а-а!». Теперь, когда они все поняли и дадут мне, надо надеяться, хотя бы трехдневную передышку, я купил всех животных, которых мне принесли, и принялся сколачивать клетки.

В четыре часа я кончил с клетками, и можно было передохнуть, выпить чашку чаю. Я облокотился на перила веранды, и тут дверь под аркой в красной кирпичной стене распахнулась, и появился Фон. Широкими шагами он направился ко мне через весь громадный двор, одежды его развевались и шелестели на ходу. Фон озабоченно хмурился и что-то бормотал себе под нос. Несомненно, он шел ко мне с визитом, и я спустился по лестнице ему навстречу.

— Я тебя увидел, друг мой, — сказал я учтиво.

— Друг мой! — воскликнул Фон, завадевая моей рукой и тревожно вглядываясь мне в лицо. — Один человек сказать мне, что ты больше не покупаешь добыча. Это так?

— Нет, не так, — ответил я.

— А! Хорошо, хорошо, — сказал он с облегчением. — Бывает, я боюсь, вдруг ты купить уже довольно добыча и скоро оставлять меня.

— Нет, нет, — возразил я и объяснил: — Люди в Бафуте очень хорошие охотники, и они принесли мне столько добычи, что у меня не хватает для нее клеток. Вот я и сказал всем, пускай три дня подождут охотиться, а я за это время сколочу клетки для новой добычи.

— Ага, я понимать! — сказал Фон, приветливо улыбаясь. — А я подумать, ты скоро время уехать от нас.

— Нет, я пока не собираюсь уезжать из Бафута.

Фон подозрительно оглянулся вокруг — нет ли поблизости посторонних, потом ласково обхватил меня одной рукой за плечи и потянул на дорогу.

— Друг мой, — заговорил он хриплым шепотом. — Я тебе найди добыча. Да, отличный добыча, ты такой никогда не получить.

— Какая же это добыча? — спросил я с любопытством.

— Такой добыча тебе очень понравится, — весьма убедительно пояснил Фон. — Сейчас мы пойти и его поймать, а?

— А ты еще такой не ловил?

— Нет, друг мой, но я знать, в какой сторона он прятаться.

— Ладно. Пойдем поищем ее сейчас же, да?

Фон нетерпеливо повлек меня через весь двор, потом через лабиринт узких проходов, и наконец мы очутились перед маленькой хижинкой.

— Ты меня здесь подождать мало время, друг мой, я скоро прийти, — сказал мой спутник и юркнул во мрак хижины.

Я ждал снаружи и терялся в догадках — куда это он пошел и какую добычу для меня придумал. Вид у него был такой таинственный, что любопытство мое разгорелось.

Вскоре он появился вновь — и я не сразу его узнал. Фон Бафута сбросил все свои одежды, даже шапочку и сандалии, на нем не было ничего, кроме маленькой, безукоризненно белой набедренной повязки. В руке он держал длинное тонкое копьё. Его стройное мускулистое тело лоснилось от масла, ноги были босы. Фон подошел ко мне, вертя копьём, как заправский охотник, и расплылся от удовольствия, когда увидел, как я удивлен.

— Ты себе получить еще один охотник, — посмеиваясь, объяснил он. — Теперь можно меня называть тоже Гончая Бафута, разве нет?

— Я уверен, этот охотник будет искусней всех, — сказал я и улыбнулся ему.

— Я хорошо уметь охотиться, — кивнул Фон. — Может, вдруг мой люди думать, я уже много старый, не гоюсь идти на охота. Только, друг мой, если человек иметь верный глаз, верный нос и верный душа, он никогда не стать чересчур много старый, чтобы идти на охота, разве не так?

— Ты говоришь верно, друг мой, — подтвердил я.

Фон вывел меня из усадьбы, и мы прошли с полмили по дороге, потом свернули на тропку среди маисовых полей. Фон шагал быстро, вертел копьём и тихонько мурлыкал про себя какую-то песенку; временами он оборачивался ко мне, и лицо его освещала веселая, озорная, совсем мальчишеская улыбка. Вскоре мы расстались с полями, прошли через рощицу пальм мимбо — темную, таинственную, полную шороха листьев, и стали взбираться по золотистому склону холма. Когда мы достигли вершины, Фон остано-

Двился, с размаху воткнул копьё в землю, скрестил руки на груди и оглядел окрестности. Я остановился немного раньше, не дойдя до вершины, — мне попались какие-то улитки с очень нежной окраской; когда же я поднялся к Фону, тот стоял недвижно и глядел вниз как замороженный, не замечая ничего вокруг. Наконец он глубоко вздохнул, обернулся ко мне и с улыбкой широко раскинул руки.

— Вот мой страна, — сказал он. — Очень красивый этот страна.

Я кивнул в знак согласия, и мы несколько минут молча любовались откывшейся ширию. Внизу лежала мозаика небольших полей — зеленых, серебристых, светло-коричневых; то тут, то там виднелись рощицы пальм мимбо да изредка мелькали ржаво-красные клочки свежевскопанной земли. Этот уголок, над которым потрудились человеческие руки, был точно яркий пестрый платок — его разостлали здесь и позабыли, а со всех сторон волнами застывшего океана высятся горы, их гребни позолотило, а равнины осенило тенью заходящее солнце. Фон медленно оглядывал все вокруг, и лицо его выражало какую-то страшную смесь нежности и совсем детской радости. Он опять вздохнул — глубоко, с истинным удовлетворением.

— Красиво! — пробормотал он. Потом вытащил свое копьё из земли и повел меня вниз, в новую равнину, продолжая тихонько напевать про себя.

Неглубокую, плоскую долину сплошь заполнили низкорослые чахлые деревца — иные не выше десяти футов. Многих было не разглядеть — окутанные широчайшими мантиями из выюнка, они стояли точно приземистые башенки из трепещущих листьев и кремовых, чуть желтоватых, как слоно-вая кость, цветков. Долина будто впитала в себя солнечный свет за весь длинный день, и теплый воздух здесь был напоен сладким ароматом цветов и листьев. Над цветами реяли и сопно прерывисто жужжали тысячи пчел; какая-то крохотная пичужка звонко распевала свою веселую песенку и вдруг умолкла. Теперь стало тихо, только раздавалось смутное жужжанье пчел, когда они вились вокруг деревьев или вперевапочку забирались в бархатную сердцевину выюнка. Фон с минуту оглядывал деревья, потом осторожно двинулся по траве куда-то на более удобный наблюдательный пункт — отсюда за густой сетью выюнка можно было все-таки рассмотреть и сами деревья.

— Ну вот, здесь мы видеть добыча, — прошептал он и указал на деревья. — Мы теперь сидеть и ждать мало время.

Он присел на корточки и замер, отдыхая, я уселся подле него; поначалу мое внимание одинаково привлекали и лес, и мой спутник. Но в деревьях не заметно было ни одного живого существа, и я стал глядеть на Фона. Он сидел неподвижно, сжимал в своих огромных ладонях копьё, один конец

которого упирался в землю, и на лице его читалось нетерпеливое ожидание — так ребенок в театре ждет, когда поднимется занавес. Когда он вышел ко мне из той маленькой темной хижинки в Бафуте, он, кажется, оставил там не только свою одежду и королевские украшения, но и свою королевскую осанку, без которой я прежде просто не мог его себе представить. Здесь же на корточках подле меня в этой тихой, теплой долине, с копьем в руках сидел всего лишь еще один охотник: его блестящие темные глаза неотступно следили за деревьями, подстерегая зверя, который вот-вот оттуда покажется. Но чем больше я на него глядел, тем яснее понимал: нет, это не просто еще один охотник; чем-то он отличался от остальных, но чем — это я понял не сразу. Потом сообразил: всякий обычный охотник сидел бы точно так же, терпеливо ожидая зверя, но видно было бы, что ему скучновато, — ведь он уже столько раз вот так сидел, охота ему не в диковинку! А у Фона блестели глаза, большой рот чуть тронула легкая улыбка — конечно же, он от души всем этим наслаждался. И я подумал: наверно, уже не раз монарху надоедали его почтительные советники и подобострастные подданные, в пышном одеянии ему вдруг становилось жарко и тяжело, и он чувствовал, что его остроносые туфли безжалостно жмут и стесняют ногу. И тогда его, должно быть, неодолимо тянуло ощутить под босыми ногами мягкую красную землю, подставить ветру обнаженное тело — вот тогда он тайком уходил в маленькую хижинку, облачался в костюм охотника и отправлялся в горы, помахивая копьем и напевая песенку, а на вершинах останавливался — и стоял, и любовался прекрасной страной, которой он управляет. Я вспомнил его недавние слова: «Если у человека верный глаз, верный нос и верная душа, он никогда не будет слишком стар, чтобы пойти на охоту». Да, подумал я, конечно же, Фон тоже из этого десятка. Но тут Фон прервал мои размышления о складе его характера: он наклонился ко мне, схватил за руку и указал длинным пальцем на деревья.

— Вот они приходил, — прошептал он и весь расплылся в улыбке.

Я посмотрел, куда он показывает, и сперва не увидел ничего, кроме все той же спутанной сетки ветвей. А потом там что-то шевельнулось, и я увидел зверька, которого мы ждали.

Он скользил в путанице ветвей с мягкой, воздушной грацией, точно пушинка. Когда он приблизился к нам, оказалось, что именно такими я рисовал в воображении эльфов: тонкая зеленовато-серая шерстка, длинный, гибкий и пушистый хвост. Розовые руки великоваты не по росту, пальцы необычайно длинные и худые. Уши очень большие и кажутся полупрозрачными, такая на них тонкая кожа; уши эти словно живут своей отдельной жизнью — то складываются веером и тесно прижимаются к голове, то ста-

Д новятся торчком, наостренные, прямые, как бледные водяные лилии. На половину лица — громадные темные глаза, каким позавидовала бы даже самая самонадеянная сова. Больше того, зверек этот умеет, в точности как сова, поворачивать голову назад и глядеть на собственную спину. Он пробежал до самого конца тонкой веточки (она почти не прогнулась под его тяжестью) и уселся там, вцепившись в кору длинными, гибкими пальцами; он озирался по сторонам огромными глазами и тихонько что-то щебетал. Я знал, что это — галаго, маленький лемур, но скорее можно было поверить, будто существо это соскочило со страниц волшебной сказки для детей.

Галаго сидел на ветке и задумчиво щебетал, наверно, с минуту, и тут произошло нечто удивительное. Вдруг — о чудо! — на всех деревьях их оказалось полным-полно. Тут были галаго всех размеров и возрастов, от совсем крохотных, чуть побольше грецкого ореха, и до взрослых особей, которые с легкостью могли бы уместиться в обыкновенном стакане. Они скакали с ветки на ветку, хватаясь за листья и сучки не по росту большими худыми руками, что-то мягко щебетали друг дружке и глядели на белый свет распахнутыми невинными глазами херувимов. Малютки, в которых, кажется, всего только и было, что круглые глазки, держались поближе к родителям; порой они садились на задние лапки и поднимали крохотные розовые ручки с растопыренными пальцами, точно ужасались, разглядев сквозь листву, сколь порочен окружающий мир.

Я видел, как один такой детеныш вдруг обнаружил на той же ветке, где сидел сам, большую мясистую саранчу. Дело шло к вечеру, насекомое уже отяжелело от дремоты и не сразу заметило опасность. И не успело оно двинуться с места, как крохотный галаго скользнул по ветке и крепко ухватил саранчу поперек брюшка. Саранча мгновенно проснулась и решила, что пора что-то предпринять. Это было большое насекомое, по величине оно почти не уступало лемурунку; кроме того, задние ноги у саранчи длинные и сильные — и она стала отчаянно лягаться. От этой борьбы просто нельзя было оторвать глаз: галаго изо всех силенок стиснул саранчу длинными пальцами и пытался ее укусить, но при каждой новой попытке саранча яростно ударяла его задними ногами — и противник терял равновесие, сваливался с ветки и повисал на ней, уцепившись лапками. Так повторялось несколько раз, и я подумал, что у галаго, должно быть, липкие подошвы. И даже вися вниз головой и выдерживая яростные удары в живот, галаго ухитрялся смотреть круглыми глазами все с тем же выражением детской наивности.

Окончилась эта битва совершенно неожиданно: когда галаго в очередной раз висел вниз головой, саранча лягнула его посильнее, цепкие задние

лапки галаго все же оторвались от ветки — и противники вместе полетели сквозь листву вниз. До земли оставалось уже совсем немного, и только тут лемуенок разжал одну руку (он все еще крепко держал саранчу за талию) и на лету, с ловкостью опытного акробата, ухватился за ближайшую ветку. Он тотчас подтянулся, сел на ветку и откусил саранче голову — она еще не успела настолько оправиться от полета, чтобы продолжать борьбу. Галаго тут же с явным удовольствием принялся жевать, не выпуская из рук обезглавленное насекомое, которое все еще судорожно дергало ногами. Потом склонил голову набок и стал разглядывать трепещущее тело, пронзительно извиваясь от волнения и восторга. Когда насекомое перестало шевелиться и большие задние ноги его вытянулись и застыли, лемуенок одну за другой оторвал их и съел. В эту минуту он до смешного походил на крохотного старичка-гурмана, который лакомится ножкой исполинского цыпленка.

Вскоре долину заполнила тень и лемунов было уже не разглядеть в листве, хотя до нас все еще доносилось их мягкое щебетанье. Мы встали, расправили затекшие ноги и вновь начали подниматься вверх по склону холма. Наверху Фон остановился и со счастливой улыбкой оглядел лес, простирившийся внизу.

— Вот какой добыча! — усмехнулся он. — Я его очень много люблю. Он меня всегда смешит, я много смеялся.

— Да, это отличная добыча, — ответил я. — Как вы ее называете здесь, в Бафуте?

— В Бафуте мы его называть шиллинг, — сказал Фон.

— А как ты думаешь, мои охотники сумеют поймать таких хоть парочку?

— Завтра же ты таких получить парочку, — пообещал Фон, но ни за что не хотел сказать мне, как они будут ловить лемунов и кто это будет делать. Мы вернулись в Бафут уже в сумерки. Фон переоделся и в своем обычном представительном виде явился ко мне выпить. Когда мы пожелали друг другу спокойной ночи, я напомнил про обещание добыть мне несколько галаго.

— Да, мой друг, я не забудь, — сказал Фон. — Я добыть тебе несколько шиллингов.

Прошло четыре дня, и я уже начал думать, что или Фон забыл о своем обещании, или изловить галаго куда трудней, чем ему казалось. А на пятое утро, когда мне подали чай, я увидел у своего прибора на подносе маленькую, пестро раскрашенную корзиночку из волокна рафии. Я снял крышку и сонно заглянул в корзинку: оттуда на меня кротко, вопросительно смотрели четыре пары огромных, блестящих, наивных глаз.

Это был подарок Фона — полная корзина шиллингов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КЕ-ФОНГ-ГУУ

Травянистые степи Камеруна населяет множество самых разных пресмыкающихся, и большинство их поймать вовсе не трудно. В низинных лесах очень редко увидишь хоть какую-нибудь змею, даже если станешь усердно ее искать. Змеи там, конечно, есть, но они, наверно, более разбросаны, и, может быть, многие виды живут на деревьях, а таких гораздо труднее найти и поймать. В горах же трава кишмя кишит мелкими грызунами и лягушками, а горные роциицы полны птиц, так что для змей это просто рай. Там водятся огромные черные плюющиеся кобры, зеленые мамбы, тоненькие древесные змеи с огромными невинными глазами, многоцветные габонские гадюки с раздвоенным, наподобие вилки, рогом на носу, точно у носорога, и еще многое множество всяких других. Кроме змей, там в изобилии водятся лягушки и жабы; лягушки всех видов и размеров, от волосатой до крохотных древесных лягушек, величиной с желудь, среди них есть пятнистые, есть полосатые, иные изумляют таким разнообразием красок, что похожи совсем не на земноводных, а скорее на веселые конфетки; жабы, как правило, яркими красками не блещут, но бесцветность с лихвой возмещается тем, что они украшены самыми причудливыми узорами бородавок и наростов, и притом у них яркие, подчас неожиданного цвета глаза.

Но больше всего в этих местах ящериц, они попадаются буквально на каждом шагу; в высокой траве по обочинам дорог шныряют толстенькие коротконогие сцинки — светло-коричневые, серебристые и черные, а по стенам хижин, по дорогам и скалам важно расхаживают и кивают головами агамы всех цветов радуги. Под корой деревьев и под камнями прячутся маленькие гекконы с большими золотистыми глазами; туловища их очень красиво и аккуратно раскрашены шоколадным и кремовым, а ночью в хижинах можно увидеть обычных вееропалых гекконов; призрачные, полупрозрачные, словно розовые жемчужины, они торжественно расхаживают по потолкам.

Всех этих животных мне принесли в разное время местные охотники. Порой это была змея, не слишком надежно привязанная к концу палки, или калекас, полный лягушек с разинутыми ртами. Иной раз добыча была аккуратно завернута в шапку или рубашку охотника или болталась на конце тонкой веревки. Такими случайными и опасными способами мне доставляли кобр, мамба или габонских гадюк; я только диву давался, глядя, как беспечно и небрежно обращаются охотники с этими смертоносными

змеями, хоть и отлично знают, как это опасно. Как правило, африканцы прекрасно понимают, что такое змея, и на всякий случай склонны скорее считать каждую ядовитой, а не наоборот. Вот почему легкомыслие моих охотников казалось мне по меньшей мере странным. Еще сильнее изумился я, когда узнал, что единственная ящерица, которой они панически боятся, совершенно безвредна.

Однажды я отправился в очередной поход с Гончими Бафута, и мы пришли в просторную зеленую долину примерно в полумиле от деревни. Гончие разбрелись по долине и начали расставлять сети, а я пока уселся в траву и решил насладиться сигаретой. Вдруг в траве слева от меня что-то шевельнулось; я посмотрел внимательней и увидел такое пресмыкающееся, что чуть не ахнул: до этой минуты я был уверен, что самая красочная ящерица в лугах — агама, но по сравнению с той, которая сейчас предстала у меня перед глазами, пробираясь среди травинок, агама показалась бы серой, бесцветной, точно кусок оконной замазки. Я замер, затаив дыхание, не смея шелохнуться: еще спугнешь это удивительное создание — вот сейчас возьмет и юркнет в траву! Но так как я не шевелился, ящерица приняла меня за безобидное существо, а потому спокойно, неторопливо скользнула на солнце и расположилась на солнышке, задумчиво разглядывая меня глазами, в которых мелькали золотистые искорки. Я сразу понял, что это какая-то разновидность сцинка, но такого крупного и красочного представителя этого рода я, кажется, никогда еще не встречал. Ящерица лежала неподвижно, наслаждаясь лучами утреннего солнышка, и у меня было вдоволь времени, чтобы как следует ее рассмотреть.

Ящерица была в длину около фута вместе с хвостом, а в толщину примерно два дюйма (в самом толстом месте). Голова широкая и как бы обрубленная, ноги короткие, но сильные. Расцветка и рисунок настолько сложны и ослепительны, что описать их почти невозможно. Начать с того, что чешуйки у нее крупные и чуть приподнятые, так что кажется, будто вся ящерица очень хитроумно составлена из мозаики. Горло в черно-белых продольных полосках, макушка красноватая, цвета ржавчины, а щеки, верхняя губа и подбородок ярче — кирпично-красные. Туловище в основном чисто черное, точно лакированное, и на его фоне остальные цвета выступают особенно отчетливо. От челюсти вниз, к передним лапам тянутся ярко-вишневые полосы, отделенные друг от друга узенькими полосками из черных и белых чешуек. Хвост и внешняя сторона ног испещрены белыми пятнышками, причем на ногах пятнышки маленькие и каждое отдельно, а на хвосте их так много, что местами они кажутся сплошными поперечными полосами. На спине тоже во всю длину чередуются полосы — черные и канареечно-желтые. И это еще не все: желтые полосы кое-где прерываются

Д ся группами розоватых чешуек. Вся ящерица такая яркая и блестящая, как будто ее только что покрасили и краска еще не высохла.

Так мы сидели и смотрели друг на друга, а я тем временем лихорадочно обдумывал план действий: надо же ее поймать! Сачок для бабочек остался в десятке шагов от меня, но с таким же успехом он мог остаться в Англии — я все равно не мог им воспользоваться, ведь ящерица не станет лежать здесь и ждать, пока я сбегаю за сачком. Позади нее простирались необозримые джунгли высокой травы, и если она юркнует в эти заросли — прости-прощай, больше мне ее не видать... Тут, к своему отчаянию, я услышал шум — это возвращались Гончие Бафута. Что-то надо было делать, да поскорей, иначе они спугнут мою красавицу. Я медленно поднялся на ноги, и ящерица тревожно подняла голову. Когда в траве зашуршали шаги идущего первым охотника, я, не раздумывая, бросился к ящерице. Конечно, внезапность нападения сослужила мне кое-какую службу — ведь ящерица целых четверть часа разглядывала меня, я сидел не шевелясь, точно каменный, и она совсем не ожидала, что я вдруг ринусь на нее как ястреб. Но преимущество мое оказалось кратковременным: сцинк мигом опомнился от изумления и, когда я грохнулся в траву, легко и проворно скользнул в сторону. Я перекатился на бок, взмахнул рукой, пытаюсь схватить удаляющуюся ящерицу, и в ту же минуту охотник вышел на прогалину и увидел, чем я тут занимаюсь. Ему бы кинуться мне на помощь, а он вместо этого с протяжным воплем подскочил ко мне и оттапчил меня подальше от моей добычи. Ящерица скрылась в густой путанице травы, только мы ее и видели; я стянул руку охотника, который вцепился в мой локоть, и яростно обрушился на него.

— Что ты делаешь? — крикнул я вне себя от злости. — Одурел, что ли?

— Маса, — оправдывался охотник, в волнении щелкая пальцами. — Это плохой добыча, опасный добыча. Если он кусать маса, маса один раз умереть.

Я с трудом овладел собой. Да, это для меня не новость, мне уже случалось с этим сталкиваться: африканцы твердо убеждены, что некоторые совершенно безвредные рептилии ядовиты и укус их смертелен, разуверить их в этом невозможно. Поэтому я удержался от соблазна объявить охотнику, что он круглый дурак, и попытался прибегнуть к другим методам убеждения.

— Как вы называете эту добычу? — спросил я.

— Мы ее называть Ке-фонг-гуу, сэръ.

— И ты говоришь, она очень ядовитая?

— Очень, маса. Это опасный добыча.

— Ну ладно, глупый ты человек, только ты забыл, что у европейцев есть особое лекарство от укусов такой добычи. Ты что ж, забыл, что, если она меня укусит, я не умру?

— А, маса, я совсем забыть про это.

— И ты бежишь, как женщина, кричишь во все горло и мешаешь мне поймать такую прекрасную добычу, и все потому, что ты про это забыл, да?

— Виноват, сэр, — сокрушенно выговорил охотник.

Я легонько постучал пальцем по его курчавой голове.

— В следующий раз, друг мой, прежде чем делать глупости, сначала подумай головой, — строго сказал я. — Слышишь?

— Я слышишь, сэр.

Когда подошли остальные охотники, я рассказал им, что произошло, и все они ахали и щелкали пальцами.

— Ха! — воскликнул один, и в голосе его слышалось восхищение. — Маса не имеет страх! Он старался поймать Ке-фонг-гуу!

— А Уано взять да и поймать маса! — сказал другой, и все громко расхохотались.

— Да, Уано, тебе сегодня удача! Другой раз маса тебя убить за такой глупый дело, — сказал третий, и все вновь разразились громогласным хохотом: подумать только, у охотника хватило безрассудства помешать мне поймать зверька!

Когда они наконец отсмеялись, я стал подробно расспрашивать их об этой ящерице. К моему немалому облегчению, Гончие уверяли, что таких здесь довольно много и мне не раз еще представится случай ее поймать. Однако все единодушно твердили, что ящерица эта страшно ядовита. Яд ее смертелен, уверяли они, и даже если только дотронешься до нее рукой, тотчас в судорогах упадешь наземь и через несколько минут умрешь. Потом они стали спрашивать, какое есть против этого смертоносного яда лекарство, но я напустил на себя подобающую таинственность. Сказал только, что, если они выследят для меня такую ящерицу, я ее поймаю и докажу им всем, что не стану корчиться в судорогах и не умру. Они сразу повеселели, очень заинтересовались столь опасным для жизни опытом и пообещали мне помочь (ни один, в сущности, не поверил в мое лекарство). Один из охотников сказал, что знает одно место, где можно найти множество таких ящериц; он утверждал даже, что до этого места не так уж далеко. Мы упаковали свое снаряжение и двинулись в путь. Охотники оживленно болтали между собой, должно быть, заключали пари — выживу ли я после того, как дотронусь до Ке-фонг-гуу, или помру.

Охотник, который вызвался показать место, где водятся Ке-фонг-гуу, вскоре отвел нас примерно за милю от той долины, где я впервые увидел свою красотку, и мы очутились у самого подножия холма. Сильные ливни смыли со склонов слой красной земли, и из-под нее широкими полосами проступил голый серый камень. Лишь кое-где в щелях осталась земля, и

Д тут выросли растения, которым довольно для питания всего лишь крохотной горсточкой почвы. Каменные пласты окаймляла высокая золотистая трава и какое-то странное растение, похожее на чертополох, с бледно-желтой, как у лютика, головкой. Открытый солнечным лучам камень совсем раскалился — не дотронешься! Когда я шел по склону, тонкие каучуковые подошвы моих башмаков прилипали к нему, точно я шел по липучке для мух. Я уж начал подумывать, не слишком ли жарко в этом пекле даже для самых солнцелюбивых ящериц? И вдруг яркая цветастая полоска вылетела из низенького островка зелени, мелькнула на мерцающей от зноя скале и юркнула под надежный кров высокой травы и чертополоха.

— Ке-фонг-гуу! — объявили Гончие Бафута, остановились как вкопанные и крепче стиснули в руках копыя. Опасаясь, что они будут не столько помогать, сколько мешать мне поймать желанную добычу, я велел им оставаться на месте, а сам пошел вперед. На сей раз я захватил с собой сачок для бабочек и начал осторожно, один за другим, обходить крохотные островки, поднимавшиеся из щелей в скале: в каждый я легонько тыкал ручкой сачка, проверяя, не прячется ли там ящерица. Просто удивительно, сколько всякой живности может скрываться даже в таком крохотном оазисе травы! Я вспугнул бесчисленное множество саранчи, целые тучи мотыльков и комаров, массу ярких бабочек, несколько жуков и несколько стрекоз. Теперь я понял, что так привлекает ящериц к этим выжженным и, казалось бы, бесплодным каменным склонам.

Вскоре мне повезло: я ткнул ручкой сачка в очередной пучок травы, легонько ею там поворачивал — и вспугнул Ке-фонг-гуу. Она выскользнула из своего укрытия и вильнула по шершавой поверхности скалы легко и плавно, точно камешек по льду. Я бросился за ней, но тут же обнаружил, что для бега на короткие дистанции нам с ящерицей требуются разные беговые дорожки. Нога моя попала в трещину, и я растянулся ничком во всю длину, а пока поднимался на ноги и искал сачок, моя ящерица скрылась из виду. К этому времени с меня ручьями лил пот, а от раскаленных камней несло жаром, как от плиты, и малейшее усилие заставляло кровь стучать у меня в голове, как барабан. Гончие Бафута стояли у кромки высокой травы и молча, как зачарованные, наблюдали за каждым моим движением. Я утер лицо, зажал сачок в липкой от пота руке и упрямо направился к следующему кустику травы.

На сей раз я действовал осторожней: просунул ручку сачка между стеблями травы, легонько, медленно поводил ею там взад и вперед и так же осторожно вытащил — ну как? И я был вознагражден: из травы высунулась яркая головка и с любопытством поглядела — что произошло? Я тотчас ударил по траве позади ящерицы и подставил сачок как раз в то мгновение, когда Ке-фонг-гуу оттуда выскочила. Еще миг — и я с торжеством поднял

сачок над головой: там, запутавшись в складках сетки, отчаянно металась Ке-фонг-гуу. Я сунул руку внутрь сачка и ухватил пленницу поперек туловища, за что она немедленно мне отомстила — вцепилась челюстями в большой палец. Челюсти у ящерицы очень сильные, но зубки крохотные, так что укус был совсем безболезненный и безвредный. Чтобы чем-нибудь занять пленницу, я предоставил ей жевать мой палец, а сам тем временем вынул ее из сачка. Поднял высоко в воздух яркое тельце ослепительно красивой расцветки и помахал им, как флагом.

— Смотрите! — закричал я охотникам, которые стояли, разинув рот, и глядели на меня во все глаза. — Вот, я поймал Ке-фонг-гуу!

Мягкие мешки, в которых мы обычно переносим пресмыкающихся, остались у охотников, поэтому я бросил сачок на скалу и пошел к ним, все еще сжимая в руке ящерицу. Тут Гончие Бафута все как один побросали свои копья и кинулись в высокую траву, словно стадо перепуганных антилоп.

— Чего ж вы боитесь? — закричал я им вслед. — Я держу ее крепко, она не убежит!

— Маса, мы сильно бояться, — хором отвечали Гончие, укрываясь в дологистых зарослях на безопасном расстоянии от меня.

Я утер лоб.

— Принесите мне мешок для этой добычи, — строго приказал я.

— Маса, мы бояться... этот опасный добыча, — донесся ответ.

Я понял, что надо поскорей придумать какой-нибудь весьма убедительный и непреложный довод, не то я вынужден буду гоняться за моими храбрыми охотниками по всей равнине, чтобы взять у них мешок для ящерицы. Я сел на землю у самой опушки травяных дебрей и вперил в Гончих грозный взгляд.

— Если *сейчас* же кто-нибудь не принесет мне мешок для этой добычи, — объявил я громко и сердито, — завтра я возьму себе других охотников. И если Фон спросит меня, почему я так сделал, я скажу ему, что мне нужны настоящие мужчины, охотники, которые ничего не боятся, а женщины мне совсем без надобности.

Над высокими травами воцарилась тишина: охотники решали, что страшнее — Ке-фонг-гуу у меня в руке или Фон в Бафуте. Через некоторое время Фон победил, и они медленно, нехотя подошли поближе. Один, все еще оставаясь на почтительном расстоянии, бросил мне мешок для моей пленницы, но я подумал, что, пожалуй, прежде чем засунуть ящерицу в мешок, стоит им кое-что показать.

— Смотрите все! — воскликнул я и поднял барахтающуюся ящерицу повыше, чтобы всем было видно. — Смотрите хорошенько, сейчас вы увидите — эта добыча не может меня отравить.

Держа сцинка в одной руке, я медленно поднес к самому его носу указательный палец другой; ящерица мигом угрожающе разинула рот, и под крики ужаса, которыми разразились охотники, я засунул палец поглубже ей в рот — пускай жует на здоровье. Гончие Бафута точно вросли в землю и с безмерным изумлением, явно не веря собственным глазам, смотрели, как ящерица грызет мой палец. Вот так, круглыми глазами, раскрыв рты, затаив дыхание и подавшись всем телом вперед, они смотрели: что же будет? Что случится со мной от страшных укусов животного? Через несколько секунд ящерице надоело без толку грызть мой палец, и она выпустила его. Я аккуратно уложил ее в мешок, завязал его и только после этого повернулся к охотникам.

— Ну, видели? — спросил я. — Эта добыча меня укусила, так?

— Да, так, сэр, — благоговейным шепотом отозвались охотники.

— Ну вот: она впустила в меня яд, а? И вы думаете, теперь я умру?

— Нет, сэр. Если этот добыча кусать маса и маса не умереть сразу, теперь он не умереть совсем.

— Верно, я не умру: у меня есть такое особенное лекарство, — солгал я и с подобающей скромностью пожал плечами.

— А-а-а-а! Да, так: у маса есть отличный лекарство, — подтвердил один из Гончих Бафута.

Я проделал все это вовсе не для того, чтобы показать им преимущество белого человека над черным; истинной причиной этого маленького спектакля было мое заветное желание поймать как можно больше таких ящериц, а я знал, что мне их не получить, если я не заручусь помощью и содействием охотников. Но для того чтобы этим заручиться, надо было побороть их страх, а я мог это сделать одним-единственным способом: наглядно показать, что мое мифическое «лекарство» куда сильнее «смертельного» укуса Ке-фонг-гуу. Когда-нибудь потом под видом этого самого лекарства я дам им какой-нибудь невинной жидкости и, вооруженные таким чудо-эликсиром, они отправятся на промысел и принесут мне полные мешки сверкающих красками Ке-фонг-гуу.

На обратном пути я важно шагал по дороге, с гордостью нес моего драгоценного сцинка и был весьма доволен собой: ведь я придумал такой хитрый способ наловить побольше этих красивых ящериц! За мной следовали легконогие Гончие Бафута, они шли молча и все еще взирали на меня с почтительным изумлением. Всякий раз, как кто-нибудь встречался нам на пути, они спешили сообщить ему о моем всемогуществе, и встречные ужасались, изумлялись и громко ахали. Разумеется, с каждым новым повторением рассказ этот приобретал все новые и новые поразительные подробности. Когда мы дошли до моей виллы и ящерица поселилась в просторной клетке, я собрал всех Гончих Бафута и произнес перед ними небольшую

речь. Я сказал им, что, как они видели собственными глазами, мое лекарство — прекрасная защита от укусов Ке-фонг-гуу. Охотники с жаром закивали в знак согласия. Поэтому, продолжал я, завтра все они получают чудодейственную жидкость — ведь мне нужно поймать очень много таких ящериц, а с этим лекарством они могут смело пойти на охоту и принести мне добычу — теперь им бояться нечего. И тут я широко, благодушно улыбнулся, ожидая услышать крики восторга. Однако никаких восторгов не последовало: напротив, охотники совсем помрачнели и утрюмо топтались на месте, пальцы их босых ног зарывались в дорожную пыль.

— Ну как? — спросил я после долгого молчания. — Вы не согласны?

— Нет, маса, — пробормотали мои Гончие.

— Почему же? Разве вы не слышали, ведь я дам вам мое особенное лекарство? Чего вы боитесь?

Охотники скребли в затылках, переминались с ноги на ногу, беспомощно поглядывали друг на друга, и наконец один из них набрался храбрости, несколько раз откашлялся и заговорил.

— Маса, — начал он. — Твой лекарство, он, конечно, очень хороший. Мы это сами видеть. Мы видеть, как добыча кусать маса и маса не умереть.

— В чем же дело?

— Этот лекарство, маса, он колдует только белый человек. Он не колдует черный человек. Для маса этот лекарство хороший, для нас он не хороший.

Добрых полчаса я их убеждал, умолял, уговаривал. Они были очень вежливы, но непреклонны: лекарство годится для белых, а на черных оно не действует. В этом они были убеждены и твердо стояли на своем. Каких только доводов я не придумывал, пытаюсь их переубедить! Но тщетно. Под конец, безмерно разозлившись оттого, что мой хитрый план не сработал, я отпустил охотников и отправился обедать.

Вечером с бутылкой джина явился Фон в сопровождении пяти членов совета. Полчаса мы просидели на залитой лунным светом веранде и бесвязно болтали о всякой всячине; потом Фон пододвинул свой стул поближе к моему, наклонился ко мне, и неизменная широкая, подкупающая улыбка осветила его лицо.

— Один человек сказать мне, ты поймать Ке-фонг-гуу, — сказал Фон. — Этот человек сказать мне правда?

— Да, верно, — кивнул я. — Очень хорошая добыча эта ящерица.

— Этот человек сказать, ты поймать Ке-фонг-гуу голый рука, — продолжал Фон. — Я думать, этот человек сказать неправда, а? Этот добыча, Ке-фонг-гуу, он очень опасный, его нельзя брать голый рука, а? Он тебя убить один раз, разве не так?

Д — Нет, этот человек сказал тебе правду, — решительно возразил я. — Я держал ящерицу голой рукой.

Услышав мой ответ, члены совета шумно перевели дух, а Фон откинулся на спинку стула и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— И когда ты его поймать, что он делать? — спросил Фон после долгого молчания.

— Она меня укусила.

Фон и его советники дружно ахнули.

— Она меня укусила вот сюда, — сказал я и вытянул руку, а Фон отшатнулся, точно я наставил на него ружье. Он и его советники оглядели мою руку с безопасного расстояния и оживленно о чем-то поговорили.

— Почему ты не умереть? — спросил потом Фон.

— Умереть? — нахмурился я. — А почему я должен был умереть?

— Да ведь этот добыча — опасный, — в волнении сказал Фон. — Он очень много сильно кусаться. Если его схватить черный человек, он один раз умереть. Почему ты никогда не умереть, друг мой?

— Ну, у меня от этого есть особенное лекарство, — небрежно бросил я. И снова все присутствующие дружно ахнули.

— Этот лекарство — европейский? — спросил Фон.

— Да. Хочешь, я тебе его покажу?

— Да, да, отлично! — вскричал Фон.

Все молча ждали, а я пошел в комнату и принес свою аптечку; потом вытащил из ящичка пакет борной кислоты в порошке и высыпал щепотку себе на ладонь. Все жадно вытянули шеи, стараясь получше разглядеть чудодейственное лекарство. Я налил в стакан воды, размешал в ней порошок и натер раствором ладони.

— Вот и все! — сказал я и развел руками, как заправский фокусник. — Теперь Ке-фонг-гуу не сможет меня убить.

После этого я подошел к клетке с ящерицей, открыл дверцу и обернулся к своим гостям, держа в руках животное. Раздался шелест одеяний, и все члены совета, теснясь и толкаясь, точно стадо перепуганных овец, кинулись в другой конец веранды. Фон не шелохнулся в своем кресле, но, когда он увидел, что я направляюсь к нему, на лице его отразились страх и отвращение. Я остановился перед его креслом и протянул ему ящерицу, которая между тем силилась отгрызть мне палец.

— Смотри... Видишь? — сказал я. — Эта добыча не может меня убить.

Не сводя глаз с ящерицы, Фон в полнейшем изумлении со свистом выдохнул воздух. Наконец он оторвал от нее зачарованный взгляд и посмотрел на меня.

— Этот лекарство... — сказал он хрипло. — Он годится для черный человек?

— Очень годится и для черного человека.

— И черненький человек не умереть?

— Ни в коем случае, друг мой.

Фон откинулся на спинку кресла и, пораженный, глядел на меня.

— А! — сказал он наконец. — Отличный штука этот лекарство.

— Хочешь попробовать его на себе? — небрежно спросил я.

Не давая ему времени передумать, я посадил ящерицу обратно в клетку и развел в воде еще немного борной. Потом еще раз показал Фону, как этим пользоваться, и он долго, усердно втирал «волшебное зелье» в свои огромные ладони. Наконец я принес клетку, вытащил ящерицу и протянул ее Фону.

Настала решающая минута; советники окружили нас, все же стараясь не подходить слишком близко, и, затаив дыхание, следили за нами. Их лица были искажены страхом, а Фон облизнул губы, протянул было руку к ящерице, но тотчас тревожно отдернул, потом протянул еще раз. Мгновение перешителности, огромная черная рука повисла в воздухе над радужной ящерицей, наконец глубокий вздох — и ящерица у него в руке, уверенно схваченная поперек туловища.

— А-а-а-а-а! — выдохнули зрители.

— Вот! Я его держать! — завонил Фон и стиснул несчастную ящерицу с такой силой, что я испугался за ее жизнь.

— Полегче! — взмолился я. — Не тискай так, ты ее убьешь!

Но Фон совсем оцепенел, сложная смесь страха и восторга перед собственной смелостью сковала его; он сидел неподвижно, не спуская глаз с ящерицы, зажатой у него в руке, и только бормотал:

— Я его взять... я его держать...

Мне пришлось силой разжать его пальцы, отнять злополучную ящерицу и посадить ее обратно в клетку.

Фон оглядел свои ладони и поднял на меня глаза; лицо его сияло совершенно детской радостью. Советники о чем-то оживленно переговаривались между собой. Фон замахал на меня руками и расхохотался. Он все хохотал, хохотал и никак не мог остановиться; при этом он хлопал себя по бедрам, сгибался в три погибели в своем кресле, кашлял, брызгал слюной, и по лицу его текли слезы. Смех этот был так заразителен, что засмеялся и я, и потом и советники тоже не заставили себя ждать. Мы все топали ногами и хохотали так, будто уже никогда в жизни не перестанем; в конце концов один из хохочущих советников совсем задохнулся и стал кататься по полу, а Фон, сотрясаясь от бурных приступов смеха, без сил откинулся на спинку кресла.

— Чего это вы смеетесь? — сквозь смех выговорил я наконец.

Д — Да очень смешно, — покатываясь от смеха, ответил Фон. — Очень долго время, еще когда я быть совсем малый и после, я всегда бояться этот добыча. Ха, я много его бояться. А теперь ты давать мне лекарство и я уже не бояться.

Он опять откинулся на спинку кресла и при одной этой мысли рассмеялся до слез, даже всхлипнул от смеха.

— Ке-фонг-гуу, твой время прошел, я тебя теперь не бояться, — захлебывался он.

Потом, совсем ослабев от хохота, не в силах разогнуться, мы допили все, что оставалось в бутылке, и Фон ушел к себе, бережно сжимая в руке пакетик с борной. Я предупредил его, что это лекарство отлично помогает против укусов агам, Ке-фонг-гуу и гекконов, но, если ужалил змея, оно ни в коем случае не поможет. Как я и надеялся, рассказ о том, что мое лекарство сделало Фона неуязвимым — он держал в руке Ке-фонг-гуу и остался жив и здоров, — на другой же день был у всех на устах. Еще до вечера ко мне явились мои Гончие и озарили меня такими улыбками, что сердиться на них было просто невозможно.

— Ну, что случилось? — холодно спросил я.

— Маса, — попросили Гончие, — дай нам тот лекарство, который ты давать Фону, и мы пойти ловить для маса Ке-фонг-гуу.

В тот же вечер я оказался счастливым обладателем двух ящичков красивейших равнинных сцинков, а Гончие Бафута, окруженные толпой бафутян, распивали пиво и живописали восхищенным слушателям все подробности охоты, уж наверно украшая рассказ всевозможными домыслами. Я сидел на веранде и тоже слушал, а заодно писал записку в ближайшую аптеку с просьбой прислать мне борной. Несомненно, она мне еще очень и очень пригодится.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МНИМАЯ СЛЕПОЗМЕЙКА

Через несколько недель поток бафутян, которые приносили мне всевозможную «добычу», усок до тоненького ручейка. Произошло это потому, что к тому времени у меня набралось достаточно экземпляров самых распространенных здесь животных и я таких больше не покупал. Веранда возле моей спальни была доверху забита всевозможными клетками, в которых размещались самые разнообразные млекопитающие, птицы и пресмыкаю-

щиеся, и потому изо дня в день все утро напролет и почти весь вечер я посвящал уходу за ними. Дел было по горло, скучать некогда: только успевай чистить клетки и кормить зверей, а сверх того я не уставал с истинным наслаждением наблюдать повадки моих пленников, присматривался, как они относятся к плену и ко мне. Кроме того, я наблюдал жизнь в Бафуте. Веранда, где я хлопотал, поднималась высоко над дорогой, и отсюда отлично видна была сама дорога, двор Фона и окружающие дома. Я глядел сквозь лохматую завесу бутенвиллеи и видел, как снуют взад и вперед многочисленные жены Фона, его отпрыски и советники, как приходят и уходят по дороге жители Бафута. С моей веранды я видел немало сцен, которые разыгрывались внизу, а стоило протянуть руку за биноклем, как лица актеров приближались ко мне настолько, что я мог разглядеть малейшую переменную в выражении этих лиц.

Однажды вечером я заметил на дороге стройную милостивую девушку; она брела, едва волоча ноги, точно дожидалась, чтобы кто-то ее догнал. Она как раз проходила мимо веранды, и я совсем было собрался окликнуть ее, но вовремя увидел, что ее рысцой догоняет молодой рослый парень, по внешности настоящий богатырь; лицо его перекосила свирепая гримаса. Он резко крикнул что-то; девушка остановилась, потом обернулась к нему; ее хорошенькое личико казалось недовольным и в то же время дерзким, и это явно не понравилось молодому человеку. Он остановился перед ней и громко, сердито заговорил, неистово размахивая руками, на темном лице так и сверкали глаза и зубы. Девушка слушала не шевелясь, на губах ее играла недобрая, насмешливая улыбка.

Тут на сцене появилось еще одно действующее лицо: по дороге торопливо подбегала старуха, она вопила благим матом и размахивала длинной бамбуковой палкой. Юноша не обратил на нее никакого внимания и продолжал что-то сердито толковать девушке, а та не устаивала его ответом. Старуха чуть не плясала вокруг них, махала своей палкой и пронзительно вопила, дряблые морщинистые груди подпрыгивали при каждом ее движении. Чем пронзительней она визжала, тем громче кричал молодой человек, а чем громче он кричал, тем мрачней становилось лицо девушки. Внезапно старуха волчком повернулась на одной ноге, точно дервиш, и с размаху ударила молодого человека палкой по плечам. Тот словно и не почувствовал удара, только протянул длинную мускулистую руку, вырвал у старухи палку и закинул так высоко, что палка перелетела через кирпичную стену и упала во двор Фона. Старуха секунду стояла в замешательстве, потом подскочила к молодому человеку сзади и со злостью дала ему пинка под зад. И опять он не обратил на нее ни малейшего внимания, а продолжал кричать на девушку и все яростней размахивал руками. И вдруг девушка

Д злбно что-то ему ответила и, аккуратно прицелясь, плюнула точно ему на ноги.

До сих пор молодой человек, видимо, не собирался начинать военные действия, и я решил, что дело его плохо; женщины, похоже, пускают в ход нечестные методы и потому берут верх. Но плевок на ноги, очевидно, переполнил чашу его терпения: на секунду обиженный великан застыл с раскрытым ртом — подобного предательства он никак не ожидал! — а потом одним прыжком с яростным воплем рванулся к девушке, схватил ее одной рукой за горло, а другой стал осыпать звонкими оплеухами; наконец он отшвырнул ее от себя так, что она упала наземь. Такой поворот событий настолько потряс старуху, что она повалилась навзничь в канаву и забилась в великолепнейшей истерике, я таких сроду не видывал! Она каталась с боку на бок, шлепала себя ладонью по губам и издавала протяжные вопли, от которых у меня кровь стыла в жилах. Время от времени вопли прерывались пронзительным визгом. Девушка меж тем лежала в красной дорожной пыли и горько плакала; молодой богатырь по-прежнему не обращал внимания на старуху, он присел на корточки возле девушки и, очевидно, о чем-то ее упрасивал. Немного погодя она подняла голову и слабо улыбнулась; тут он вскочил на ноги, схватил ее за руку, и они вдвоем зашагали обратно по дороге, а старуха все каталась в своей канаве и громко вопила.

Честно говоря, эта сцена порядком меня озадачила. В чем тут дело? Может, эта девушка — жена молодого богатыря? Может, она была ему неверна и он об этом узнал? Но при чем же тогда старуха? А может, девушка у него что-нибудь украла? Или, что, пожалуй, еще правдоподобнее, девушка и старуха хотели его заколдовать, а он об этом узнал? Да, колдовство, думал я; должно быть, разгадка в этом. Красотке надоед ее молодой муж, и она пыталась его отравить — наверно, намешала ему в еду мелко изрубленные усы леопарда, а добыла она это волшебное средство у старухи, а старуха — уж наверняка известная здешняя колдунья. Но муж заподозрил неладное, и молодая жена убежала к колдунье, чтобы та ее защитила. Муж бросился догонять жену, а колдунья (есть же у нее какие-то обязанности по отношению к своим клиентам!) побежала вслед за ними обоими в надежде как-то уладить дело. Только я успел разработать эту версию и придать ей душещипательную форму, подходящую для рассказа в «Уайд уорлд мэгэзин», как вдруг увидел Джейкоба: он стоял внизу и сквозь зеленую изгородь глядел на старуху — та все еще с воплями каталась в канаве.

— Джейкоб! — крикнул я ему. — Что там такое творится?

Джейкоб поднял голову и гортанно хохотнул.

— Этот старуха, сэр, она мамми для тот девчонка. Тот молоденький девчонка, он жена для тот мужчина. Тот мужчина весь день ходить на охо-

та, а как он прийти домой, жена не приготовить ему никакая еда. А он быть сильно голодный и хотел побить жена, а жена бежать, и он тоже бежать, хотел ее побить, а старуха тоже бежать, хотел побить мужа.

Какое горькое разочарование! Я почувствовал, что Африка, этот огромный, таинственный континент, меня предала. Взамен моего сочного сюжета с колдуньями и чудодейственными зельями, полными усов леопарда, передо мной разыгралась зауряднейшая семейная ссора с обычными участниками: ленивая жена, голодный муж, неприготовленный обед и теща, которая, как и положено тещам, суется не в свое дело. Я вновь занялся своим зверинцем, но не сразу мне удалось отделаться от ощущения, что меня обманули. Больше всего досаждала мне мысль о теще.

Вскоре после этого случая на веранде и вокруг нее вновь поднялся переполох, в котором главную роль играл я, но только очень не скоро сумел я по достоинству оценить смешную сторону этого происшествия.

Вечер стоял прекрасный, и стайки узких, пушистых облачков собирались на западе — ясно, что закат предстоит великолепный! Я только что допил заработанную тяжким трудом чашку чаю и в лучах закатного солнца сидел на верхней ступеньке лестницы, пытаюсь научить невероятно глупого бельчонка сосать молоко с ватного тампона, намотанного на конец спички. На секунду я прервал эту мучительную работу, поднял глаза — и увидел, что по дороге впереvalочку шагает толстая пожилая женщина. На ней была одна только совсем узенькая набедренная повязка, в зубах зажата длинная, тонкая черная трубка. На макушке поверх коротко остриженных седых волос торчал крохотный калebas. Женщина остановилась у подножия моей лестницы, выбила трубку и аккуратно повесила на веревку, обмотанную вокруг ее обширной талии, потом стала подниматься по бесконечным ступеням ко мне на веранду.

— Здравствуй, мамми, — окликнул я.

Женщина приостановилась и широко улыбнулась мне.

— Здравствуй, маса, — отозвалась она и продолжала с трудом передвигаться со ступеньки на ступеньку, задыхаясь и шумно переводя дух от усталости. Наконец она добралась до меня, поставила калebas к моим ногам и, пыхтя, привалилась к стене всем своим жирным телом.

— Устала, мамми? — спросил я.

— А, маса, я стал много жирный, — объяснила она.

— Жирная! — возразил я с негодованием. — Совсем ты не жирная, мамми. Ты ничуть не жирней меня.

Толстуха громко захихикала, и ее огромное тело затряслось.

— Нет, маса, ты надо мной смеяться.

— Нет, мамми, я верно говорю, ты еще совсем худенькая.

Женщина откинулась к стене и затряслась от смеха — это она-то хуленькая! Все ее громадное тело колыхалось. Наконец она немного успокоилась и указала пальцем на калebas.

— Я тебе принести добыча, маса.

— Какая же это добыча?

— Змея, маса.

Я вынул затычку и заглянул в калebas. На дне свернулась в кольцо тоненькая коричневая змейка, дюймов восьми в длину. Я сразу решил, что это слепозмейка — вид безглазой змеи, которая проводит свой век, зарывшись в землю. Слепозмейки внешне напоминают английскую веретеницу и совершенно безвредны. У меня уже набрался целый ящик этих пресмыкающихся, но мне так понравилась веселая толстуха, что не хотелось ее огорчать, отказавшись от ее «добычи».

— Сколько ты хочешь за эту добычу, мамми? — спросил я.

— А, маса, ты мне платить сколько знаешь.

— А змея не ранена?

— Нет, маса, он здоровый.

Я опрокинул калebas вверх дном, и змея выпала на гладкий цементный пол. Женщина с удивительным для такой толстухи проворством метнулась в другой конец веранды.

— Он тебя кусать, маса, — предостерегла она.

Джейкоб, который явился поглядеть, что тут происходит, бросил на нее испеляющий взгляд.

— Ты разве не знаешь, маса не бояться никакой яд, — сказал он. — У маса есть особый лекарство, и такой змея его не кусать.

— А-а, вот как? — сказала женщина.

Я наклонился и подобрал слепозмейку, собираясь получше разглядеть ее и убедиться, что она цела и невредима. Я осторожно взял ее двумя пальцами, и она обвилась вокруг моего указательного пальца. Взглянул на нее и очень удивился: на меня смотрела пара больших блестящих глаз, а ведь у слепозмеек глаз не бывает. Изумленный таким открытием и все еще, как дурак, небрежно держа змею в руке, я обратился к Джейкобу:

— Смотри, Джейкоб, у этой змеи есть глаза!

И вдруг понял, что так беспечно держу в руке вовсе не безвредную слепозмейку, а какую-то совсем не известную мне змею и понятия не имею, на что она способна. Я уже хотел разжать руку и бросить змею на пол, но не успел — она плавно повернула голову и запустила зуб в мякоть моего большого пальца.

Не припомню, чтобы я еще когда-нибудь испытал подобное потрясение. Сам по себе укус был пустяковый, всего лишь булавочный укол, но

сразу же началось легкое жжение, как после комариного укуса. Я вмиг бросил змею и изо всех сил стиснул палец, так что кровь потекла из ранки, и пока я его сжимал, мне на ум пришли три обстоятельства: во-первых, в Камеруне нет сыворотки против змеиного яда; во-вторых, до ближайшего врача не меньше тридцати миль; в-третьих, мне не на чем до него добираться. Эти мысли отнюдь не прибавили мне бодрости, и я стал ожесточенно высасывать кровь из ранки, сжимая основание пальца как можно крепче. Потом оглянулся вокруг и увидел, что Джейкоб куда-то исчез; я готов был заорать от ярости, но тут он бегом вернулся на веранду, в одной руке у него была бритва, в другой — бинты. В лихорадочной спешке я стал объяснять ему, что делать, и Джейкоб изо всех сил стянул повязку вокруг моего запястья и ниже локтя, а потом учтиво, чуть ли не с поклоном, подал мне бритву.

Никогда в жизни я не представлял себе, сколько решимости требуется человеку, чтобы полоснуть себя бритвой, и до чего она, бритва эта, острая. Мучительные секунды я медлил в нерешительности, потом полоснул себя по руке бритвой — и, как оказалось, глубоко разрезал палец, в полудюйме от ранки, то есть там, где от разреза не было никакого толку.

Я попробовал еще раз — примерно с тем же успехом — и мрачно подумал: если я не умру от укуса змеи, то, оказав себе такую «первую помощь», я вполне могу истечь кровью. И начал со злостью перебирать в памяти все книги, которые я в свое время прочитал, где говорилось, что надо делать, если тебя укусила змея. Все эти книги без исключения предписывали сделать надрез поперек ранки, на всю ее глубину, насколько в тело проник ядовитый зуб. Предписывать такое очень легко, а вот успешно последовать этому совету, когда режешь собственный палец, — далеко не так просто. Я вовсе не хотел опять и опять рубить себе руку в надежде, что рано или поздно все-таки попаду по ранке, а значит, оставался единственный выход: я аккуратно приложил лезвие к месту укуса и, скрипя зубами, надавил и сильно потянул бритву. На этот раз все получилось как надо, кровь брызнула во все стороны. Теперь, вспоминая я, надо пустить в ход марганцовку, и я всыпал несколько кристалликов в зияющую рану и обернул руку чистым посовым платком. К тому времени запястье и железки у меня под мышкой уже основательно вспухли и в пальце начались острые боли, точно стреляло, хотя было это от укуса или от моего врачевания — сказать трудно.

— Маса идти к доктору? — спросил Джейкоб, не сводя глаз с моей руки.

— Как же мне идти к доктору? — с досадой возразил я. — У нас тут нет машины. Или, ты думаешь, я смогу дойти до него пешком?

Д — Маса надо идти к Фон и просить его вездеход, — предложил Джейкоб.

— Вездеход? — спросил я с пробудившейся надеждой. — А у Фона есть вездеход?

— Да, сэр.

— Так пойдн, попроси... да поскорей.

Джейкоб со всех ног помчался вниз по лестнице и по огромному двору, а я шагал взад и вперед по веранде. Вдруг я вспомнил, что у меня в спальне пропадает без дела большая непочатая бутылка французского коньяка, и поспешил туда. Но не успел я с трудом, одной рукой вытащить пробку, как тут же вспомнил: в вопросе о том, как действует спиртное на человека, ужаленного змеей, авторы всех книг единодушны и безоговорочно утверждают — ни при каких обстоятельствах после змеиного укуса пить спиртное нельзя — кажется, алкоголь вызывает сердцебиение и причиняет организму всяческие другие неприятности. На секунду я застыл с бутылкой в руке, а потом решил: если уж все равно придется умирать, то лучше умереть в хорошем настроении. Я поднял бутылку и сделал изрядный глоток. Теперь, согретый и ободренный, я легким шагом вышел на веранду и прихватил бутылку с собой.

Внизу, по двору Фона спешила большая толпа во главе с Джейкобом и самим Фоном. Все они подбежали к большой хижине, Фон распахнул дверь, и толпа влилась туда; впрочем, люди тут же появились вновь, толкая перед собой дряхлый, помятый автомобиль. Толпа выкатила его через арку на дорогу, и там Фон их всех оставил и поспешно стал подниматься ко мне по знаменитой лестнице, а по пятам за ним бежал Джейкоб.

— Друг мой! — задыхаясь, выговорил Фон. — Плохой дело!

— Да, верно, — согласился я.

— Твой слуга, он сказать мне, у тебя нет европейский лекарство для такой укус. Это верно?

— Да, верно. Может быть, у доктора есть такое лекарство, я не знаю.

— Бог помогать, доктор дает тебе лекарство, — благочестиво сказал он.

— Выпьешь со мной? — спросил я и помахал бутылкой.

— Да, да, — просиял Фон. — Мы выпить. Выпивка — хороший лекарство для такой случай.

Джейкоб принес стаканы, и я налил нам обоим по изрядной порции коньяку. Потом мы подошли к лестнице и сверху поглядели, как продвигается подготовка кареты «скорой помощи».

Машина, видно, простояла в хижине целую вечность, и все ее внутренности словно заклинило. Водитель осторожно поколдовал над ней, мотор несколько раз громко кашлянул и снова заглох. Плотное кольцо зрителей

сдвинулось теснее, все выкрикивали разные советы и наставления, а водитель меж тем высунул голову из окошка и всласть отругивался. Так продолжалось немало времени, потом водитель вылез и стал пытаться завести мотор ручкой, но тут мотор даже не чихнул. Водителю это скоро надоело, он отдал ручку одному из советников и присел отдохнуть на подножку. Советник подоткнул свои одежды и мужественно сражался с заводной ручкой, но пробудить мотор к жизни ему не удалось.

Зрители — их набралось уже человек пятьдесят — все жаждали помочь, так что советник передал им ручку и присоединился к водителю на подножке. В толпе меж тем началась постыдная драка: всякому хотелось первым попытать счастья, все кричали, толкались и вырывали ручку друг у друга. Шум привлек внимание Фона; он осушил свой стакан и, сердито хмурясь, подошел к перилам веранды. Тут он перегнулся вниз и окинул до рогу грозным взглядом.

— Эй! — загремел он вдруг. — Заводить этот машина!

Толпа смолкла, все задрали головы к веранде, а водитель и советник соскочили с подножки и кинулись к радиатору машины, олицетворяя собой неукротимую жажду деятельности. Правда, им не повезло: когда они добежали, оказалось, что ручка куда-то исчезла. В толпе снова поднялся галдеж, каждый обвинял всех остальных в том, что они потеряли ручку. Наконец ручка нашлась, и эти двое сделали еще несколько безуспешных попыток расшевелить упрямый мотор.

К тому времени я уже чувствовал себя совсем худо, и мужество мне конек изменило. Рука до самого локтя сильно распухла, покраснела и очень болела. В плечо тоже стреляло, а кисть горела так, точно я сжимал в ней раскаленный докрасна уголь.

До врача добираться не меньше часа, думал я, и если машину не удастся завести сейчас же, то ехать вообще будет уже незачем. Но тут водителя, который едва не надорвался, пытаясь завести мотор ручкой, осенила блестящая мысль. Они будут толкать машину всю дорогу! Он объяснил свою затею толпе, и все громко захлопали и закричали от восторга. Водитель вылез в машину, остальные столпились позади и принялись толкать. Размерно ухая в такт движениям, они толкали машину по дороге, завернули за угол и скрылись из виду.

— Он скоро завестись, — улыбнулся Фон, стараясь меня подбодрить, и налил мне еще коньяку. — И тогда ты скоро доехать к доктору.

— Ты думаешь, она все-таки заведется? — недоверчиво спросил я.

— Да, да, друг мой, — сказал Фон; кажется, он даже слегка обиделся. — Этот мой машина — отличный машина. Он завестись мало время, не беспокойся.

Д Вскоре мы опять услышали уханье, поглядели с веранды вниз и увидели машину: она появилась из-за угла, ее по-прежнему толкало, казалось, все население Бафута. Толпа подползала к нам, как улитка, и в ту минуту, как машина дошла до нижней ступеньки моей лестницы, мотор несколько раз чихнул и взревел. Толпа завизжала от восторга, и все принялись прыгать и скакать по дороге.

— Вот, завелся, — гордо объяснил мне Фон на случай, если я не понял причины общего ликования.

Водитель ловко провел машину под аркой во двор, развернул ее и снова выехал на дорогу; он все время нетерпеливо сигналил и едва не передавил колесами своих недавних помощников. Мы с Фоном осушили свои стаканы и спустились вниз по семидесяти пяти ступенькам. Внизу Фон заключил меня в свои объятия и тревожно заглянул мне в лицо. Он явно хотел сказать какие-то слова, которые придали бы мне бодрости и поддерживали бы меня на пути к доктору. На минуту он глубоко задумался.

— Друг мой, — сказал он наконец. — Если ты умереть, мне очень много тебя жаль.

Боясь, что голос может выдать мои чувства, я молча стиснул ему руку в надежде, что это выглядит достаточно красноречиво, и забрался в машину; она тотчас тронулась и пошла по дороге, дергаясь и подпрыгивая, а Фон и его подданные остались позади в туче красной пыли.

Через три четверти часа мы подъехали к дому врача, и тормоза оглушительно завизжали. Доктор стоял на крыльце и мрачно глядел на клумбу. Когда я вылез из машины, он удивленно поднял на меня глаза и пошел мне навстречу; подойдя поближе, он внимательно взгляделся мне в лицо.

— Кто вас укусил? — спросил он.

— Откуда вы знаете, что меня укусили? — спросил я, пораженный таким мгновенным диагнозом.

— У вас зрачки очень сильно увеличены, — объяснил доктор с удовольствием мастера, который уж в своем-то деле не ошибется. — Кто вас укусил?

— Змея. Не знаю какая, но боль адская. Вот я и приехал к вам, хотя вряд ли от этого будет толк. Ведь у вас, наверно, сыворотки нет?

— Надо же, — сказал он, явно очень довольный, — как это ни странно, я привез немного, когда ездил в последний раз в отпуск. Почему-то подумал — может, пригодится. Она уже полгода лежит в холодильнике.

— Вот это повезло!

— Входите в дом, дорогой мой, входите. Мне очень интересно, подействует ли эта сыворотка.

— Мне тоже, — признался я.

Мы вошли в дом, и я сел в кресло, а доктор и его жена сразу захлопотали: достали спирт, шприц и все прочее, что требуется для введения сыворотки. Потом доктор сделал мне три укола в палец как можно ближе к ранке и еще два в руку повыше локтя. Все это было куда болезненнее, чем сам укус.

— Немножко неприятно? — весело осведомился доктор, считая мой пульс.

— Да уж хуже некуда, — с горечью ответил я.

— Вам полезно выпить хорошую порцию неразбавленного виски.

— Я думал, в таких случаях спиртное противопоказано.

— Нет, нет, это не повредит, — сказал доктор и налил мне изрядную порцию.

Никогда еще я не пил виски с таким наслаждением!

— А теперь, — продолжал доктор, — вы останетесь у меня ночевать, в доме есть свободная комната. Через пять минут извольте уже лежать в постели. Если хотите, можете принять ванну.

— А нельзя мне уехать обратно в Бафут? — спросил я. — Там у меня животные, и без меня за ними, в сущности, некому как следует присмотреть.

— Вы сейчас не в состоянии возвращаться в Бафут и присматривать за животными, — твердо сказал доктор. — Никаких разговоров, немедленно в постель. Если я увижу, что вы достаточно оправились, поедете завтра утром.

Спал я, к моему удивлению, крепким сном и, когда проснулся на следующее утро, чувствовал себя просто отлично, хоть рука до локтя была все еще распухшая и побаливала. Завтрак мне принесли в постель, потом пришел доктор.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Отлично. Настолько хорошо, что даже начинаю думать — может быть, змея была все-таки не ядовитая?

— Нет, она была очень ядовитая. Вы говорите, она запустила вам в палец только один зуб, и вы, наверно, бросили ее так быстро, что она не успела впустить в вас весь запас яда. Если бы успела, вы бы так легко не отделались.

— А можно мне ехать в Бафут?

— Пожалуй, можно, если вы чувствуете, что в силах перенести это путешествие, хотя рука, наверно, еще день-два не будет вам служить как следует. Во всяком случае, если она станет вас беспокоить, приезжайте ко мне.

Подстегиваемый мыслью о моих драгоценных зверях, которые ждут в Бафуте нечищенные и некормленные, я гнал беднягу водителя так, что мы

Добрались до дому за неслыханно короткое время. Остановились на дороге у лестницы, что вела к моей вилле, и тут я увидел — на нижней ступеньке сидит вчерашняя толстуха.

— Здравствуй, мамми, — сказал я, вылезая из машины.

— Здравствуй, маса, — ответила она, с трудом поднялась на ноги и вперевалочку побрела мне навстречу.

— Что же тебе надо? — спросил я; мне не терпелось поскорей добратся до моих зверей.

— Маса все забыть? — с удивлением спросила женщина.

— Что я забыл, мамми?

— Э, маса, — укоризненно сказала она. — Ведь я принести такой отличный змея, а маса мне так и не заплатит!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ФОН И ЗЛОТИСТАЯ КОШКА

Мое пребывание в Бафуте понемногу подходило к концу. Я собрал множество всякой живности, и пора было увезти эти живые трофеи в основной лагерь, где их можно будет заново расселить по клеткам и приготовить к путешествию в Англию. Без особой радости я сообщил всем охотникам, что через неделю уезжаю, не то они продолжали бы приносить зверей и после моего отъезда. Я заказал грузовик и послал Смиту письмо о том, что мы едем. Когда Фон услышал эту новость, он примчался ко мне, сжимая в руках бутылку джина, и принялся горячо уговаривать меня остаться еще. Я объяснил ему, что и сам бы очень хотел побыть в Бафуте подольше, но никак не могу: обратные билеты были заказаны заранее, значит, весь мой зверинец должен быть готов двинуться в путь в назначенный день. При малейшей задержке мы пропустим пароход, а другого может не быть еще месяца два — на такую задержку у меня просто не хватит денег.

— А, друг мой, я очень много жалею, что ты ехашь, — сказал Фон, наливая джин мне в стакан так, что казалось — бьет неистощимый родник.

— Я тоже очень жалею, — вполне искренне сказал я, — но мне никак нельзя больше оставаться в Бафуте.

— Ты не забывать Бафут, — сказал Фон и уставил на меня длинный палец. — Ты хорошо помнить Бафут. Ведь тут ты поймать много отличный добыча, разве не так?

— Так, — ответил я и обвел рукой клетки, установленные друг на друга в несколько этажей. — В Бафуте я собрал очень много добычи.

Фон милостиво кивнул. Потом подался вперед и крепко сжал мою руку.

— Когда ты приехать в твой страна, когда-нибудь ты рассказать твои люди, что Фон Бафута — твой друг, он много старался, чтоб ты иметь отличный добыча, а?

— Я им все расскажу, — пообещал я. — И еще расскажу, что Фон Бафута — прекрасный охотник, самый лучший охотник в Камеруне.

— Отлично, отлично, — обрадовался Фон.

— Только одну добычу я здесь так и не добыл, — сказал я. — Мне очень жаль.

— Какой же это добыча, друг мой? — спросил Фон, с тревогой наклонись ко мне.

— Ну, такая большая древесная кошка, у которой шкура как золото, а на животе отметины. Я показывал тебе фотографию, помнишь?

— А! Этот добыча? — сказал Фон. — Ты говорить верно. Этот добыча ты еще не поймать.

И он погрузился в угрюмое молчание, хмуро глядя на бутылку с джином. Пожалуй, с моей стороны было довольно бестактно напоминать ему об этом пробеле в моей коллекции. А недоставало мне золотистой кошки — одного из самых мелких, но и самых красивых представителей кошачьего семейства, какие водятся в этой части Африки. Я знал, что и вокруг Бафута их немало, но охотники относились к этому животному еще почтительней, чем к леопарду или к сервалу, хотя оба они много крупнее золотистой кошки. Я не раз показывал фотографию золотистой кошки Гончим Бафута, но они только щелкали языком да качали головой и уверяли меня, что ее необыкновенно трудно поймать, что она «очень сильно свирепый» и «очень много хитрый». Я предлагал большие деньги не только за поимку кошки, но даже за то, что мне всего лишь скажут, где ее можно найти, — и все напрасно. Когда до отъезда осталось меньше недели, я примирился с мыслью, что золотистой кошки мне не добыть.

Фон откинулся в кресле, глаза его блеснули, на губах заиграла заразительная улыбка.

— Я добыть тебе этот добыча, — сказал он и важно кивнул головой.

— Но, друг мой, через пять дней я уезжаю из Бафута. Как же ты успешь поймать ее за пять дней?

— Я ее поймать, — решительно сказал Фон. — Ты подождать мало время и увидеть сам. Я добыть тебе этот добыча.

Д Фон не пожелал сказать мне, как он собирается сотворить это чудо, но он был так уверен в себе, что я невольно подумал: вдруг он и в самом деле сумеет добыть мне редкостного зверя! Однако уже занялось утро моего последнего дня в Бафуте, а никакой золотистой кошки не было и в помине, и я потерял всякую надежду. Видно, Фон сгоряча дал обещание, выполнить которое оказалось ему не под силу.

День настал хмурый, пасмурный — ведь наверху в горах сезон дождей начинается раньше, чем на равнинах. По небу низко неслись темные серые тучи, моросил мелкий дождик, порой из дальних горных цепей доносился раскат грома; от всего этого меня еще сильнее одолевало уныние, а мне и без того было невесело — уж очень не хотелось уезжать из Бафута. Я всей душой полюбил эти молчаливые равнины и людей, что здесь живут. Я искренне привязался к Фону, даже восхищался им, и мне становилось по-настоящему грустно при мысли, что с ним надо распрощаться, ведь в его обществе я так славно и весело проводил время.

Около четырех часов дня моросящий дождь перешел в сильнейший ливень: он явно зарядил надолго, затянул все сплошной водяной завесой, стучал и гремел по крыше виллы, по разлапистым листьям ближних пальм, превратил плотно убитую красную землю на просторном дворе Фона в сверкающее море жидкой кроваво-красной глины, рябос от мириадов падающих капель. Я дочистил все клетки, накормил всех зверей и теперь урюмо бродил из угла в угол по веранде, глядя, как дождь бьет о кирпичную стену и безжалостно треплет пунцовые цветы бугенвиллеи. Все мои вещи были уже упакованы, клетки готовы, оставалось только погрузить их в машину. Я не мог придумать себе никакого занятия, а выходить под ледяной ливень не хотелось.

Случайно я глянул вниз — там, на дороге, появился человек с большим мешком за спиной; он пытался бежать, но ноги у него скользили и разъезжались по глине. «Может быть, он несет мне какую-нибудь редкую добычу и хоть немного меня порадует», — с надеждой подумал я и стал нетерпеливо следить за его приближением; но, к немалой моей досаде, человек с мешком свернул под арку, зашлепал через огромный двор и скрылся за дверью под второй аркой, ведущей в усадьбу Фона. Вскоре после того, как он скрылся из виду, возле маленькой виллы Фона раздались громкие крики, но через несколько минут все стихло, и опять я слышал только шум дождя. Я отправился пить в одиночестве чай, потом накормил сов и прочих ночных обитателей моего зверинца; они, кажется, немного удивились — ведь я никогда не кормил их так рано, — но я знал, что скоро придет Фон, чтобы на прощание провести со мной вечер, и мне хотелось покончить с этой работой до его прихода.

К тому времени, как я закончил все мои дела, дождь утих и лишь едва моросил, будто в воздухе повис туман, а в серых, быстро несущихся низких облаках появились разрывы и сквозь них сияло нежно-голубое прозрачное небо. Не прошло и часа, как облака совсем рассеялись и чистое ясное небо до краев наполнил свет закатного солнца. Где-то возле дома Фона дробно забил маленький барабанчик, и дробный стук этот становился все громче. Отворилась дверь под аркой, и через двор двинулось небольшое шествие. Во главе выступал Фон, облаченный в свой самый великолепный пунцово-белый наряд; он осторожно обходил сверкающие под солнцем лужи. За ним следом шел тот самый человек, которого я видел под дождем, за спиной у него был все тот же мешок. Далее следовали четыре советника, а замыкал шествие мальчуган в белом одеянии и крохотной шапочке, он с важным видом бил в маленький барабанчик. Очевидно, Фон направлялся ко мне с торжественным прощальным визитом. Я спустился по лестнице к нему навстречу. Он остановился передо мной, положил руки мне на плечи и с необычайной суровостью поглядел мне в лицо.

— Друг мой, — медленно, внушительно произнес он. — У меня есть одна вещь для тебя.

— Что же это такое? — спросил я.

Фон царственным жестом откинул назад свои длинные рукава и указал на человека с мешком.

— Лесной кошка! — провозгласил он.

Минуту я стоял в недоумении и озадаченно смотрел на него и вдруг вспомнил, кого он пообещал для меня добыть.

— Лесная кошка? Та самая, которую мне так хотелось поймать? — переспросил я, не смея верить своему счастью.

Фон кивнул, на лице его выражалось спокойное удовлетворение хорошо поработавшего человека.

— Дайте-ка, я посмотрю! — задохнувшись от волнения, сказал я. — Откройте скорей мешок!

Человек с мешком опустил свою ношу наземь передо мной, и я, совсем позабыв, что надел в честь Фона чистые брюки, грохнулся на колени в самую грязь и стал поспешно развязывать крепкую веревку. Фон стоял рядом и улыбался до ушей, точно некий благожелательный Санта-Клаус. Мокрая веревка на горловине мешка туго затянулась, я тащил и рвал ее, и тут из мешка раздался жуткий, свирепый вопль; он начался как рокошущий стон, все нарастал и оборвался режущим ухо визгом, да таким злобным, что у меня мороз пошел по коже. Охотник, советники и мальчик с барабаном поспешно отпрянули на несколько шагов.

Д — Осторожно, маса, — предостерег меня охотник. — Это опасный добыча. Он очень много сильный.

— А ты связал ей ноги? — спросил я.

Охотник кивнул.

Я развязал последний узел на веревке, медленно открыл мешок и заглянул внутрь.

На меня бешено сверкали глазами зверь такой красоты, что я ахнул. Шерсть у него была короткой, шелковистой, сочного золотисто-коричневого цвета, словно дикий мед. От злости кошка плотно прижала заостренные уши к голове и вздернула верхнюю губу так, что она вся сморщилась, обнажив молочно-белые зубы и розовые десны. Но всего поразительней были глаза: большие, чуть раскосые на золотистой морде, они впились в меня с неизбывной холодной яростью, и я подумал — какое счастье, что ноги у нее связаны! Глаза зеленые, точно листья подо льдом, сверкали, как слюда, в лучах закатного солнца. Секунду мы молча глядели друг на друга, потом золотистая кошка еще больше оскалила зубы, разинула пасть и издала громкий, устрашающий вопль. Я поскорей завязал мешок — кто знает, крепко ли у нее связаны ноги? А судя по глазам, она обойдется со мной не слишком ласково, если сумеет вырваться из мешка.

— Нравится? — спросил Фон.

— Еще бы! Просто слов нет, как нравится, — ответил я.

Мы отнесли драгоценный мешок на веранду, и я поспешно переселил куда-то обитателя самой большой и крепкой клетки, какая у меня была. Потом мы осторожно вытряхнули связанную золотистую кошку из мешка, закатали в клетку и поплотней закрыли и заперли дверцу. Кошка лежала на боку, рычала и шинела, но двинуться с места не могла: ее передние и задние лапы были накрепко связаны между собой крепкой веревкой, должно быть, из волокна рафии. Я привязал к концу палки нож, просунул его между прутьями клетки, и таким образом мне удалось перепилить веревку; как только она упала, кошка мгновенно, одним плавным движением вскочила на ноги, прыгнула на прутья, просунула наружу толстую золотистую лапу и замахнулась, метя мне в лицо. Я едва успел отшатнуться.

— Ага, — усмехнулся Фон. — Он очень злой, этот добыча.

— Может разодрать человека в самый мало время, — подтвердил охотник.

— Он много сильный, — согласился Фон и кивнул. — Он имеет много сила в ноги. Ты хорошо следить за ним, друг мой, а то он тебя ранить.

Я послал на кухню за цыпленком и, когда мне его принесли, только что зарезанного и еще теплого, помахал им возле прутьев клетки. Снова стремительно высунулась золотистая лапа, белые когти впились в добычу и

дернули цыпленка, прижав его к прутьям. Теперь кошка вся вытянулась, схватила цыпленка за шею и одним сильным рывком втащила его в клетку; между прутьями полетели перья — золотистая кошка начала пожирать мертвую птицу. Я почтительно прикрыл клетку мешком, и мы оставили пленницу пировать в свое удовольствие.

— Как ты ее поймал? — спросил я охотника.

Тот ухмыльнулся и смущенно переступил с ноги на ногу.

— Ты что, не слышать? — спросил Фон. — У тебя что, язык нет? Говори же!

— Маса, — начал охотник и почесал живот. — Фон мне сказать, маса очень хотеть такой добыча, и я три дня ходить на охота его искать. Я ходить, ходить и очень много уставать, а добыча я никак не видеть. А вчера, когда вечер, этот лесной кошка приходить тихо-тихо на мой двор и зарезать три курица. А утром я увидеть его следы в грязь и я пойти опять на охота. Очень много далеко я за ним идти, маса, и вот на один большой холм я его увидеть.

Фон пошевелился в своем кресле и уставился на охотника испытующим взглядом.

— Ты говорить правда? — строго спросил он.

— Да, маса, — ответил охотник. — Я говорить все правда.

— Хорошо, — сказал Фон.

— Ну, я увидеть этот лесной кошка, — продолжал охотник, — он пойди на тот большой холм. Он идти на такой место, где сильно много камень. Он идти в дыра в земле. Я этот дыра хорошо посмотреть, только человек туда не пролезть, дыра очень много узкий. Тогда я идти обратно мой дом, взять хороший собаки и сеть и идти назад на тот место. Я положить сеть перед дыра, и зажигать маленький огонь, и нагнать дым в дыра.

Он на мгновенье умолк, прицелкнул пальцами и даже подпрыгнул на одной ноге.

— Ух! Этот добыча, он очень много свирепый! Как почуять дым, так скорей стал рычать и рычать! А собака, они испугаться и все убежать! А я испугаться лесной кошки меня поймать, и я тоже убежать. Мало время я слышать, добыча все рычать и рычать, и я тихо-тихо идти назад его смотреть. Ух, маса! Этот добыча, он забежать прямо в сеть, и сеть его крепко держать! Как я это увидеть, я уже не бояться, я подойти и связать ему ноги веревка, и вот я принес его для маса.

Охотник окончил свой рассказ и тревожно вглядывался мне в лицо, держа в руках коротенькое копье.

— Друг мой, — сказал я ему. — Я считаю, ты отличный охотник, и я хорошо заплачу тебе за эту добычу.

Д — Да, так, так, — согласился Фон и величественно повел рукой. — Этот человек, он хорошо для тебя охотиться.

Я дал охотнику изрядную сумму денег, подарил вдобавок несколько пачек сигарет, и он ушел от меня сияющий; еще долго, пока он спускался по лестнице и шел по дороге, я слышал, как он опять и опять восклицает: «Спасибо, маса, спасибо!» Потом я повернулся к Фону: тот сидел, откинувшись в кресле, и не сводил с меня глаз, явно очень довольный собой.

— Друг мой, большое тебе спасибо за то, что ты для меня сделал, — сказал я ему.

Фон протестующе замахал руками:

— Нет, нет, друг мой, это только малый пустяки. Было бы нехорошо, если ты уехать из Бафуг и не получить вся добыча, какой ты хочешь. Я очень много сожалею, что ты уезжать. Но когда ты смотреть на весь этот отличный добыча, ты вспоминать Бафуг, верно?

— Да, верно, — сказал я. — А теперь, друг мой, давай выпьем?

— Отлично, отлично, — сказал Фон.

Словно желая вознаградить нас за мрачный день, закат блеснул красотой — такого, кажется, я еще не видывал. Солнце зашло за сетку бледных продолговатых облаков, и они из белых стали сначала жемчужно-розовыми, потом палились малиновым светом, и их обвело золотой каймой. Само небо омыла нежнейшая голубизна и зелень, там и сям оно чуть золотилось, и, пока мир темнел, все ярче разгорались трепетные звезды. Вскоре взошла и луна; вначале кроваво-красная, она понемногу желтела и наконец, поднявшись выше, стала серебряной и весь мир обратила в морозное серебро с угольно-черными тенями.

Мы с Фоном допоздна сидели в туманном лунном свете и выпивали. Наконец он обернулся ко мне и указал на свою виллу.

— Я думаю, может, ты любить танцевать, — сказал он. — И я сказать им сделать музыка. Ты хотел, чтобы мы танцевать, пока ты еще не уехать, верно?

— Да, я люблю танцевать, — ответил я.

Фон, шатаясь, поднялся на ноги и, перегнувшись через перила веранды так, что казалось — вот-вот вывалится, прокричал приказ кому-то, кто ждал внизу. Через несколько минут по большому двору двинулись многочисленные огни, на дороге внизу собрался оркестр из жен Фона и начал играть. Очень скоро к женщинам присоединились и другие музыканты, в том числе почти все советники. Фон немного послушал музыку, улыбаясь и размахивая в такт руками, потом встал и протянул мне руку.

— Пойдем, — сказал он. — Мы будем танцевать, да?

— Отлично, отлично, — передразнил я его, и он так и покатился со смеху.

Мы прошли по залитой лунным светом веранде к лестнице; тут Фон обхватил меня длинной ручищей за плечи, отчасти от дружеских чувств, отчасти для того, чтобы не упасть, и мы двинулись вниз по ступенькам. На полпути мой спутник остановился и немножко поплясал под музыку. Нога его запуталась в просторных одеяниях, и если бы он так крепко не обнимал меня, то непременно бы скатился по ступенькам прямо на дорогу. Но он держался крепко, и потому мы только сильно шатались и качались с минуты, но все же нам удалось устоять на ногах и не потерять равновесие окончательно. Столпившиеся внизу жены, советники и отпрыски громко ахнули от ужаса и совсем оцепенели, увидя своего господина и повелителя в таком опасном положении, даже оркестр перестал играть.

— Музыка, музыка! — ревел Фон, пока мы с ним раскачивались на ступеньках. — Почему вы больше не играть?

Оркестр заиграл, мы вновь обрели равновесие и, уже не остушаясь, без происшествий, спустились по оставшимся ступеням. Настроение у Фона было отличное, и ему вздумалось взять меня за руку и проществовать со мной в танце через весь двор; мы с ним шлепали по лужам, а оркестр семенил позади и играл, хоть у музыкантов явно не хватало дыхания. Когда мы добрались до дома танцев, Фон уселся на свой трон отдохнуть, а придворные пустились перед ним в пляс. Потом, когда в танце наступило небольшое затишье, я попросил Фона подозвать оркестр поближе: мне хотелось как следует рассмотреть их инструменты. Музыканты подошли и остановились перед возвышением, на котором мы сидели; я испытал все инструменты по очереди, и мне показывали, как на каждом надо играть. Ко всеобщему удивлению (я и сам очень удивился), мне удалось правильно сыграть на бамбуковой флейте первые такты песенки «Кэмпбеллы идут». Фон пришел в такой восторг, что заставил меня повторить этот подвиг еще несколько раз и собственноручно аккомпанировал мне на большом барабане, а один из советников вторил ему на каком-то странном инструменте, который звучал наподобие корабельной сирены. Получалось не слишком мелодично, зато мы очень старались и играли с большим чувством. Потом пришлось повторить все сначала, потому что Фон пожелал послушать, как это будет звучать со всем оркестром. Прозвучало в общем неплохо, потому что большинство фальшивых звуков, которые я извлекал из моей флейты, совершенно заглушали барабаны.

Когда все музыкальные возможности этой песни были исчерпаны, Фон послал за новой бутылкой, мы уселись поудобнее и стали глядеть на танцы. Однако бездеятельность вскоре надоела Фону. Не прошло и часа, как он

Д начал ерзать на своем троне и грозно хмуриться на оркестр. Он наполнил наши стаканы, откинулся на спинку трона и мрачно уставился на танцоров.

— Этот танец, он не хороший, — заявил он наконец.

— Отличный, — возразил я. — Чем он тебе не нравится?

— Очень сильно медленный, — пояснил Фон, наклонился ко мне и обезоруживающе улыбнулся. — Хочешь, мы танцевать твой особенный танец?

— Особенный танец? — переспросил я; затуманенная винными парами мысль моя работала медленно. — Какой это танец?

— Раз, два, три, брык! Раз, два, три, брык! — пропел Фон.

— А, вот ты о чем говоришь. Да, давай станцуем его, если хочешь.

— Я очень много хочу, — твердо сказал Фон.

Он вывел меня на середину и крепко ухватился за мою талию, а все остальные, весело болтая и ухмыляясь от удовольствия, выстроились за нами. Мне хотелось внести в танец хоть немного разнообразия, я взял у кого-то флейту, громко и фальшиво дул в нее, а сам тем временем повел танцоров в какой-то дикой пляске по всей площадке и дальше, среди хижины Фоповых жеп. Ночь была очень теплая, и через полчаса такого веселья я совсем задохнулся, с меня ручьями лил пот. Наконец мы остановились отдохнуть и по обыкновению глотнуть подкрепляющего. Однако моя конга явно очень полюбила Фону. Он сидел на своем троне, глаза у него блестели, ноги отбивали такт, и, отдавшись воспоминаниям, он тихонько мурлыкал мелодию танца и с плохо скрытым нетерпением ждал, пока я отдышусь и можно будет повторить все сначала. Я решил, что надо как-то отвлечь его от этой затеи: в такую душную ночь конга требует слишком больших усилий, а сверх того во время последнего круга я пребольно ударился о дверной косяк и содрал кожу с голени. Поэтому я мысленно искал, какому бы другому танцу мне его научить, чтобы и сил требовалось поменьше, и оркестр мог быстро усвоить мелодию. Наконец я выбрал подходящий танец, еще раз попросил дать мне флейту и несколько минут на ней поупражнялся. Потом обернулся к Фону — тот все это время с большим интересом наблюдал за мной.

— Если ты велишь оркестру выучить эту особенную музыку, я научу тебя еще одному европейскому танцу, — сказал я.

— Отлично, отлично, — ответил Фон; глаза его заблестели, он повернулся и громко призвал оркестр к молчанию, потом заставил их ходить вокруг нашего возвышения, пока я играл на флейте нужный мотив. Музыканты на удивление быстро подхватили мелодию и даже украсили ее собственными вариациями. Фон в восторге отбивал ногой такт.

— Да, отличный этот музыка, — сказал он. — Теперь ты показать мне новый танец, да?

Я поглядел по сторонам и выбрал молоденькую девчушку, которая, я уже давно это заметил, казалась на редкость смышленной; я прижал ее к себе, насколько позволяли приличия (одежды на ней практически не было никакой), и пустился по площадке в развеселой польке. Моя партнерша после мгновенного замешательства превосходно подладилась под мой шаг, и мы в лучшем стиле прыгали и скакали по всему «танцевальному залу». Желая показать, как ему нравится новый танец, Фон захлопал в ладоши, и тотчас же все присутствующие присоединились к нему; сперва слышались самые обыкновенные разрозненные хлопки, но ведь это были африканцы! Они быстро вошли в ритм танца, и теперь рукоплескания раздавались точно в такт. Мы с девушкой обошли большую площадку пять раз, и тут нам волей-неволей пришлось остановиться — надо было перевести дух. Когда я подошел к помосту, Фон протянул мне полный до краев стакан виски, а когда я сел, похлопал меня по спине.

— Отличный танец, — сказал он.

Я кивнул и залпом осушил стакан. Не успел я его отставить, как Фон схватил меня за руку и потащил обратно на площадку.

— Пойдем, — горячо попросил он. — Научи меня этот танец.

Обхватив друг друга, мы проплясали польку вокруг площадки, но получилось не так уж хорошо, потому что широкие одежды моего партнера то и дело обвивались вокруг моих ног и мы внезапно останавливались, как стреноженные. Всякий раз нам приходилось терпеливо стоять и ждать, пока толпа советников нас распутает, а потом мы снова пускались в пляс — раз, два, три, прыг! — и останавливались в противоположном углу, накрепко связанные, точно два столба, обвитых для праздника одной и той же лентой.

В какой-то миг я глянул на часы и с ужасом убедился, что уже три часа ночи. Как ни жаль, а пришлось мне распрощаться с Фоном и отправиться спать. Фон и его подданные проводили меня до большого двора, и там я их оставил. Взобрался на лестницу, оглянулся. При свете мерцающих фонариков все они танцевали польку. В самой середине прыгал и скакал Фон, совсем один, он увидел меня, взмахнул длинной рукой и закричал: «Доброй ночи, друг мой, доброй ночи!» Я помахал в ответ и с наслаждением забрался в постель.

На следующее утро в половине девятого прибыл грузовик, и мы погрузили на него весь мой зверинец. Попрощаться и проводить меня пришло неисчислимое множество бафутян; они начали прибывать ни свет ни заря, а теперь выстроились вдоль дороги и, оживленно переговариваясь, ждали,

А когда я двинулся в путь. Наконец погрузили последний ящик, и тут барабаны, флейты и трещотки возвестили о том, что прощаться со мной прибыл Фон. Одет он был так же, как в день моего приезда, когда я увидел его впервые, — на нем было белоснежное, без всяких украшений одеяние и красная, как вино, шапочка. И сопровождала его наряднейшая свита: советники в ослепительно ярких одеждах. Фон подошел, обнял меня и, выпуская моей руки, обратился к бафутянам с краткой речью. Когда он замолк, вся толпа дружно закричала «А-а-а-а!» и дружно, в лад захлопала в ладоши. Фон повернулся ко мне и возвысил голос:

— Мой народ очень много жалеет, что ты покидать Бафут. Все эти люди, они будут помнить тебя, и ты тоже не забывать Бафут, да?

— Я никогда не забуду Бафут, — ответил я от всего сердца, стараясь перекричать громкие рукоплескания.

— Хорошо, — с удовлетворением сказал Фон; потом крепко стиснул мою руку в своей ладони и потряхнул ее. — Друг мой, я тебя всегда будет видеть перед мой глаза. Я никогда не забыть, какой счастливый время мы провести вместе. Бог дай, ты благополучно доехать до твой страна. Ехать хорошо, друг мой, ехать хорошо.

Грузовик тронулся, и рукоплескания участились, они звучали все дробней и дробней — вскоре уже казалось, это капли дождя торопливо стучат по железной крыше. Мы медленно катили по тряской дороге, вот наконец и поворот; тут я оглянулся и увидел, что вдоль всей дороги вытянулись две сплошные стены обнаженных темных тел, в воздухе мелькают хлопающие черные руки, сверкают белозубые улыбки, а в конце этой живой аллеи стоит высокий человек в ослепительно белом одеянии. Вот он поднял длинную руку, в последний раз помахал на прощание, грузовик завернул за угол и покатил по красной проселочной дороге, которая вилась через золотые, сверкающие под солнцем холмы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗООПАРК ПОД БРЕЗЕНТОМ

Собираатель зверей чаще всего узнает нрав и повадки своих подопечных лишь к концу путешествия, и это всегда очень огорчительно. Поначалу, примерно месяца четыре, животные кажутся собирателю всего лишь «образчиками» своего вида — ведь у него нет времени наблюдать за ними так внимательно, чтобы они наконец обрели в его глазах какую-то свою инди-

индивидуальность. Прежде всего надо позаботиться о том, чтобы как следует разместить пойманных животных, накормить их и содержать в чистоте, а больше уже ничего не успеваешь, потому что все остальное время всячески стараешься пополнить свой зверинец. Однако же к концу путешествия зверинец обычно так разрастается, что собирателю больше некогда самому ходить на охоту — слишком много хлопот с теми животными, которых уже поймал. Тут наступает время, когда остается лишь надеяться на местных охотников — может, поймают для тебя еще каких-нибудь новых зверей, — зато теперь ты при зверинце неотлучно и получаешь возможность лучше узнать своих пленников. Именно в таком положении я и оказался, когда вернулся из Бафута. У нас в главном лагере собрались не только равнинные животные: пока я охотился в горах, Смит неустанно собирал исчезающих животных, населяющих местные леса. Под обширной брезентовой крышей нашей палатки собралось достаточно самого разнообразного зверья, чтобы создать небольшой зоопарк.

Итак, вернувшись в наш пышный знойный и насыщенный влагой главный лагерь на берегах реки Кросс, я впервые начал ближе знакомиться с некоторыми из моих равнинных пленников. Взять хотя бы даманов. Пока я не довез их до главного лагеря, мне казалось — они довольно скучные создания и знамениты только своими родичами. На первый взгляд дамана можно принять за обычного грызуна, и это было бы вполне простительно, а если вы увидите, как они жуют листья или гложут сочную кору какого-нибудь дерева, вы, пожалуй, подумаете, что они сродни кроликам. Но сильно ошибетесь, потому что ближайший родственник дамана, как ни странно, вовсе не кролик, а слон! Действительно, по строению костей и другим анатомическим особенностям даман ближе всего к слону и носорогу. Услыхав подобные сообщения, люди невольно задумываются: в своем ли уме эти зоологи? Ведь даман примерно так же похож на слона, как слон — на колибри. Однако же родство становится яснее, если повнимательней присмотреться к более сложным особенностям анатомии и строению зубов этого животного. Вот, честно говоря, и все, что я до сих пор знал о дамане.

Когда мы добрались до главного лагеря, старую самку дамана — ту самую, что искусила одного из Гончих Бафута, — и двоих ее толстых детенышей перевели из маленькой клетки, в которой они сюда ехали, в другую, много просторнее; тут они могли свободно бродить и имели даже собственную спальню, куда можно было удалиться, если у них не было настроения общаться с людьми. И вот, наблюдая за их поведением в этой клетке, я заметил несколько особенностей, которых прежде не замечал. Начать с того, что у даманов есть, оказывается, так называемые туалетные навыки; иными словами, они всегда опорожнялись свой кишечник в одном и том же углу

Д клетки. До тех пор я и не подозревал, каким облегчением для собирателя животных, который трудится в поте лица, может быть привычка его зверей к опрятности. Как только я понял, что означает аккуратная кучка помета, которую я обнаруживал каждое утро в одном и том же углу, я поставился облегчить себе чистку клетки даманов. Я просто-напросто поставил им в качестве уборной круглую мелкую жестянку. Но, к моей большой досаде, на следующее же утро я увидел, что даманы с презрением отвергли мой дар: они столкнули жестянку в сторону и преспокойно сделали все, что им требовалось, на пол клетки, как обычно. В тот же вечер я опять поставил туда жестянку, но на сей раз положил на дно немного того, что нашел утром на полу. Наутро я с восторгом убедился, что жестянка полна, а пол в клетке безукоризненно чистый. Теперь уж уборка клетки даманов отнимала у меня от силы минут пять: надо было всего лишь опорожнить жестянку, вымыть ее и поставить на место. Да, чистить клетку с даманами стало истинным удовольствием.

Совершенно иными повадками отличаются мешотчатые крысы: эти грызуны величиной с небольшого котенка жили в нашем зверинце по соседству с семейством даманов. Крысы эти принадлежат к довольно неприятной группе животных, которые не хотят — или не могут? — опорожнять свой кишечник иначе как в воду и предпочитают при этом воду проточную. На воле им, вероятно, служат для этой цели ручьи: вода уносит помет и он удобряет какое-нибудь растение ниже по течению. Однако в клетке я не мог предоставить моим мешотчатым крысам ручей, и пришлось им удовольствоваться кое-чем похуже — горшком с водой. Не так-то приятно ставить в клетку чистенький, симпатичный горшок, наполненный прозрачной, как слеза, водой, и через пять минут увидеть, что он полон жидкого помета. Все это было очень хлопотно — ведь в жару животным необходим постоянный запас свежей питьевой воды, а тут крысы загрязняют ее, не успев напиться. Я очень старался отучить их от злополучной привычки, но все понапрасну; в конце концов пришлось поставить им в качестве уборной большой горшок и давать побольше сочных фруктов в надежде, что фрукты утолят их жажду.

Но вернемся к даманам. В Бафуте я вообразил, что это скучные, недружелюбные животные и всю свою жизнь только тем и занимаются, что сидят и жуют листья, тупо глядя в одну точку стеклянными глазами. В главном же лагере я понял, что сильно ошибался: когда даман приходит в хорошее расположение духа, он способен резвиться, как ягненок. По вечерам, когда клетку заливал солнечный свет, старая самка располагалась на полу клетки, важная, внушительная — ни дать ни взять лев с Трафальгар-сквер в Лондоне, — и неторопливо жевала пучок нежнейшего шпината или ли-

стве кассавы, а малыши резвились рядом. Игры у них были дикие и шумные: они гонялись друг за дружкой по всей клетке, а порой, к моему немалому удивлению, избегали по гладкой деревянной задней стенке до самой крыши и только оттуда, с самого верха, падали на пол.

Когда им надоедали эти цирковые трюки, они обращали свою дородную мамашу в подобие крепости. Один взбирался ей на спину, а другой кидался на него и пытался его оттуда сбросить. Порой оба сразу оказывались у матери на спине и яростно боролись друг с другом, а мать преспокойно лежала не шевелясь, задумчиво глядела в пространство и не переставала жевать. Я с удовольствием наблюдал эти игры, одно лишь было досадно: милые детки подчас так увлекались, что резвились до глубокой ночи, особенно если ночь выдавалась лунная. А когда два малыша-дамана носятся по клетке из угла в угол и поднимают такой шум, будто в деннике дерутся молодые жеребцы, уснуть совершенно невозможно. Я садился в постели и самым устрашающим голосом кричал им: «Тише вы!» И, представьте, даманята на полчаса затихали; хорошо, если за это время успеешь заснуть, — ведь через полчаса все начиналось сначала: снова стучали по доскам копытца, звенела проволока и раздавался весьма мелодичный звон — это от удара копытцем опрокидывались миски с едой. Да, уж что-что, а скучными даманов никак не назовешь.

И еще один зверск показал себя во всей своей красе, когда мы приехали в главный лагерь: черноухая белка, та самая, что подняла такую кутерьму на лестнице перед виллой в Бафуте. В то время я и не подозревал, что кутерьма на лестнице — лишь малая толика того, на что способно это неутомимое существо, если оно в соответствующем расположении духа. Можно было подумать, что любимое развлечение в жизни этой зверюшки — удирать, увлекая за собой вслед толпу преследователей. Бельчонок, как я уже говорил, был совсем еще маленький; попав в мой зверинец, он очень скоро стал на диво ручным. Я брал его в руки, сажал к себе на плечо, и он ничуть не протестовал: сидел столбиком и исследовал мое ухо в надежде, что я догадался спрятать там для него орех или еще что-нибудь вкусненькое. Если вокруг было не больше четырех человек, он вел себя в высшей степени достойно, но вид толпы тотчас наполнял его каким-то дьявольским желанием бежать и увлечь за собой погоню. Вначале я думал, что людская толпа беспокоит и пугает его и он действительно старается удирать. Но скоро убедился, что дело совсем не в этом: если за ним гнались, но не могли догнать, бельчонок останавливался, усаживался на задние лапки и дожидался, когда преследователи подойдут поближе. Очень забавно, что мы сперва называли маленького негодника Любимчик (за его послушание и хороший характер), и только потом открылось нам все его коварство. Пер-

Д вые гонки Любимчик учинил через три дня после того, как мы приехали в главный лагерь.

Весь наш запас воды для лагеря хранился в двух огромных бензиновых баках, которые стояли возле кухни. Каждый день заключенные из местной тюрьмы наполняли их свежей водой. Арестанты оказались веселыми парнями в чистейших белых рубашках и шортах; каждое утро они взбирались вверх по холму к нашему лагерю, неся на своих бритых головах бидоны из-под керосина, доверху полные воды. За ними всегда шагал тюремщик в нарядной светло-коричневой форме, начищенные медные пуговицы так и сверкали на солнце, а он шел, на ходу энергично размахивал короткой дубинкой, и с первого взгляда было ясно: с ним шутки плохи! Арестанты (тут были собраны преступники всяческих рангов, от мелких воришек до убийц) с удовольствием выполняли свою скучную обязанность и, если с ними по-здороваяешься, просто сияли от радости. Раз в неделю я раздавал им сигареты, и тюремщик (который в это время вышивал со мной кружку пива) разрешал им походить по лагерю и поглядеть на зверей. Это развлечение, конечно, было приятным разнообразием в их невеселой жизни, и они толпились возле клеток с обезьянами и до слез хохотали над их шалостями или заглядывали в ящик со змеями и содрогались от сладкого ужаса.

В то утро, о котором я хочу вам рассказать, я шел кормить Любимчика, и тут появились арестанты. Они вереницей проходили мимо меня, на блестящих от пота лицах играла дружелюбная улыбка, и каждый добродушно говорил: «Здравствуй, маса; мы уже прийти... мы принести вода для маса... Привет, маса...» и прочее в том же роде. Тюремщик с четкостью бывалого служаки мне отковырял и тут же совсем по-мальчишески ухмыльнулся. Пока они выливали воду из керосиновых бидонов в баки, я выпнул бельчонок из клетки, посадил его к себе на ладонь и дал кусочек сахару. Он схватил сахар, поглядел вокруг и увидел возле кухни группу арестантов; они сплетничали с моими помощниками и отпускали непристойные шуточки. Бельчонок убедился, что людей хватает, можно устроить гонку в свое удовольствие... и он покрепче зажал в зубах сахар, легко соскочил с моей ладони и большими прыжками помчался по лагерю, а хвост развевался у него за спиной, как пламя на ветру. Я кинулся вдогонку, но не успел пробежать и десятка шагов, как Любимчик уже скрылся в густых кустах, окаймлявших наш лагерь. Все кончено, решил я: больше мне его не видать, и так отчаянно закричал, что все побросали свои дела и со всех ног бросились ко мне.

— Белка убежала! — заорал я арестантам. — Плачу пять шиллингов всякому, кто ее поймает!

И тут произошло такое, чего я никак не ожидал: арестанты побросали свои керосиновые бидоны и ринулись в кусты, а за ними по пятам, от-

швырнув дубинку и фуражку, чтобы ничто не мешало ему бежать, помчался их страж. Мои помощники присоединились к погоне, и вся орава с треском лезла напролом сквозь кусты и низкий подлесок в поисках коварного Любимчика. Все пространство вокруг лагеря прочесали самым тщательным образом, но нигде не заметили никаких следов бельчонка...

И вдруг его нашли: он сидел в ветвях невысокого куста, с интересом поглядывал, как люди суетятся и шарят вокруг, и преспокойно приканчивал свой сахар. Увидев, что его заметили, он прыгнул на землю, пробежал через весь лагерь и дальше, на тропинку, что взбиралась на холм, а следом мчалась задыхающаяся толпа: тюремщик, арестанты и мои помощники. Скоро все они скрылись из виду и на лагерь снизошли мир и покой, но ненадолго: через несколько минут Любимчик вновь появился на гребне холма, прискакал в лагерь, пролетел через палатку, забрался в свою клетку и с невинным видом принялся грызть сахарный тростник. Полчаса спустя в лагерь ввалились арестанты, их страж и мои служащие, все в поту, еле волоча ноги от усталости, и доложили мне, что добыча от них все-таки удрада и теперь, конечно, скрывается уже в самой чаще леса. Когда я показал им бельчонка (он уже доел свой сахарный тростник и теперь мирно спал) и рассказал, как он вернулся, все пораскрывали рты и с минуту не могли опомниться от изумления. А потом, как истые сыны Африки, они в полной мере оценили комизм происшедшего: они буквально катались от смеха по всему лагерю, заливались громким хохотом, хлопали себя по бедрам, хохотали так, что даже слезы струились по щекам. Тюремщик до того развеселился, что упал на шею одному из арестантов и громко всхлипывал от смеха.

После этого тюремщик и арестанты каждый день приносили какую-нибудь дань зверьку, который заставил их так быстро бежать и «так ловко их одурачить»: иногда это был кусочек сахарного тростника или пригоршня земляных орехов, иногда кассава или кусок хлеба. Что бы это ни было, Любимчик садился у самых прутьев клетки и принимал дары, взвизгивая от удовольствия, арестанты же собирались вокруг клетки и рассказывали друг другу или какому-нибудь новичку, который про это еще не слышал, историю о том, как они гнались за бельчонком. Тут подымался громкий смех, и Любимчика перевозносили на все лады: вот хитрец, вот ловкач, как он здорово всех провел! И это был только первый из многих случаев, когда Любимчик поднимал страшный переполох в нашем лагере.

Из множества разнообразных животных, которых нам приносили, пока мы оставались в нашем главном лагере, примерно одну пятую составляли детеныши, и, хотя почти все они были очаровательные создания, нам из-за них прибавлялось немало хлопот — ведь в животном мире младенцы

Д требуют такого же ухода и заботы, как и любой человеческий детеныш. Мы очень привязались ко всей этой мелюзге, но особенно хороши были и в то же время больше всех досаждали нам трое малышей, которых мы назвали «бандитами». Это были детеныши кузиманзы, одной из виверр, довольно распространенной в лесах. Взрослая особь величиной примерно с крупную морскую свинку; шерсть у нее густая, жесткая, шоколадного цвета, хвост пушистый, мордочка длинная, острая, с подвижным розовым носом и круглыми выпуклыми глазами, точно пуговицы от башмаков. Когда «бандиты» к нам прибыли, они были величиной с небольшую крысу и глаза у них только-только открылись. Шерстка была яркой, рыжеватой и торчала у них на теле какими-то клочками и пучками, так что зверьки напоминали дикобразов. Самой примечательной частью тела у них были носы — длинные, ярко-розовые и до того гибкие, что зверьки поводили ими из стороны в сторону, точно крохотным хоботом. Вначале пришлось их кормить смесью молока с кальцием и рыбьим жиром, и работа эта была не из легких: ни один звереныш любого другого вида не выпивал так много молока, и напоить их было тем трудней, что они были чересчур малы, чтобы, как все остальные, сосать молоко из бутылочки. Поэтому приходилось наматывать на палочку ватный тампон, окунуть его в молоко и давать им сосать.

Сначала все шло как нельзя лучше, но едва у них стали прорезываться острые зубки, как начались новые заботы. От жадности они вцеплялись в вату бульдожьей хваткой и уже не выпускали, так что я не мог снова окунуть тампон в молоко. Нередко они так впивались в вату зубами, что тампон сползал с палочки, и они тут же пытались его проглотить; приходилось засовывать палец им в горло и ловить тампон, когда он уже исчезал в глубине их глотки, — только так мне удавалось спасти их и не дать им задохнуться. Но едва я засовывал палец им в горло, зверьков немедленно начинало тошнить, а как только их вырвет, они, понятно, снова голодны — и изволь начинать все сначала. Всякому, кто гордится своим долготерпением, я бы посоветовал испытать себя: попробуйте-ка выкормить из бутылочки детенышей кузиманзы.

Когда у «бандитов» окончательно прорезались зубы и они научились хорошо ходить, их одолела ненасытная любознательность — вечно они пытались сунуть свой розовый нос в чужие дела. Жили они в так называемой «детской» — это было скопление корзинок, где мы собрали всех детенышей. Корзинки стояли между нашими двумя кроватями, так что и ночью кормить всех младенцев было очень удобно. Крышка корзинки, в которой обитали наши «бандиты», закрывалась не слишком плотно, и они очень скоро наловчились ее сталкивать; тогда они выбирались из корзинки и отправлялись осматривать лагерь. Нас это очень тревожило, потому что

«бандиты» совершенно не знали страха и с одинаковой беспечностью могли сунуть нос куда угодно: в клетку обезьяны и в ящик со змеями. У них была и жизни одна-единственная забота — поиски пищи, и они кусали все, что встречалось на пути: вдруг попадется что-нибудь вкусненькое!

В то время у нас была обезьяна гвереца, взрослая самка с удивительно длинной, густой и шелковистой черно-белой шерстью и длинным, пушистым, как перо, тоже черно-белым хвостом, которым обезьяна, по-видимому, очень гордилась: она всегда старалась содержать его в чистоте и вылизывала до блеска. Однажды «бандиты» убежали из «детской» и забрели к обезьяньим клеткам — не найдется ли там чем полакомиться. Гвереца с удовольствием расселась, привалившись к стенке, — она принимала солнечную ванну, а ее прекрасный длинный хвост высунулся меж прутьев и свисал до земли. Один из «бандитов» приметил нечто странное, пестрое и, видно, вообразил, что оно никому не принадлежит, а существует само по себе, и поэтому кинулся на хвост и запустил в него острые зубы, чтобы проверить — не съедобна ли находка. Остальные двое увидели, что он что-то нашел, и мигом тоже вцепились в хвост. Несчастная обезьяна громко закричала от ярости и страха и метнулась вверх по прутьям клетки под самый потолок, но стряхнуть «бандитов» ей не удалось; они держались цепко — не оторвешь, и чем выше влезала обезьяна, тем выше поднимались с ней «бандиты». Когда я прибежал на крик обезьяны, зверьки висели в футе от пола, медленно раскачивались и рычали сквозь стиснутые зубы. Я несколько минут всячески убеждал их выпустить обезьяний хвост, но это мне удалось только после того, как я пустил дым от сигареты прямо им в нос и они закашлялись.

Когда «бандиты» подросли настолько, что получили собственную клетку со спальней, кормить их стало не только трудной, но и опасной работой. Едва наступало время еды, они начинали отчаянно волноваться и запускали зубы во все, что могло хоть отдаленно показаться съедобным, так что тут приходилось смотреть в оба, а не то они все руки искусают. Каждый здравомыслящий зверь ждет, когда миску с едой поставят ему в клетку; эти же прыгали в отворенную дверцу навстречу миске, выбивали ее у меня из рук и всей кучей валились на пол, отчаянно визжа от ярости и разочарования.

Под конец мне надоело смотреть, как эти рыжие ракеты вылетают из клетки всякий раз, едва я соберусь их кормить, и я придумал новый план. Во время кормежки мы подходили к клетке вдвоем, и «бандиты» мгновенно кидались на прутья с громким визгом, глаза у них просто вылезали из орбит от волнения. Тогда один из нас делал вид, что открывает дверцу «спальни», и «бандиты», уверенные, что пищу кладут туда, кидались в «спальню», причем все отчаянно дрались и каждый старался прорваться

Д туда первым. Пока они наперебой протискивались в «спальню», у нас было на все про все ровно две секунды (они мигом обнаруживали обман) — и за это время надо было успеть открыть дверцу клетки, поставить туда еду, вытащить руку и запереть дверцу. Если я проделывал это недостаточно быстро или каким-либо неосторожным движением что-нибудь задевал и случайным звуком привлекал их внимание, «бандиты» вываливались из «спальни», с визгом и писком переворачивали миску и начинали кусать без разбора все подряд — и еду, и мою руку. Все это порядком действовало на нервы.

Примерно в то же время нам принесли еще пару детенышей — прелестных и очень своеобразных. Это были поросята кистеухой свиньи, и, так же, как кузиманзы, они совсем не походили на своих родителей. Взрослая кистеухая свинья, пожалуй, самый привлекательный и, несомненно, самый красочный по расцветке представитель семейства свиней. Щетина у нее яркая, ржаво-оранжевая, а вокруг пятачка темные, почти шоколадные крапинки. Большие уши оканчиваются необыкновенными, острыми, точно карандаши, пучками белейших волосков, а на спине торчком стоит такая же белая грива. Два малыша, как и все поросята, были полосатые; основной цвет темно-коричневый, почти черный, а от пятачка к хвосту тянутся широкие полосы ярко-желтой, как горчица, щетины; такая расцветка делала их похожими скорее на толстых ос, чем на поросят.

Поросенок-самец прибыл первым, он сиротливо сидел в корзинке, которую принес на голове темнокожий охотник. Поросенок явно нуждался в хорошей порции теплого молока, и я, как только расплатился за него с охотником, поскорей приготовил бутылочку и посадил малыша к себе на колени. Поросенок был величиной с китайского мопса и, как я очень скоро убедился, обладал преострыми копытцами и клыками. Он никогда еще не видал бутылочки с молоком и сразу же отнесся к ней весьма подозрительно. Когда я поднял его к себе на колени и попробовал засунуть соску ему в рот, он стал лягаться и визжать, разорвал мне копытцами брюки и старался вонзить в меня крохотные клыки. Не прошло и пяти минут, как у нас обоих был такой вид, точно мы приняли молочную ванну, но ни одной капли молока так и не попало поросенку в рот. Под конец мне пришлось зажать его между колен, одной рукой раскрыть ему рот, а другой сунуть туда соску. Едва первые капли потекли ему в горло, поросенок перестал вырываться и визжать, а через минуту уже изо всех сил тянул из бутылочки молоко. После этого с ним больше не было никаких хлопот; дня через два он совсем перестал меня бояться и, как только я подходил к его клетке, подбегал к прутьям, повизгивал и похрюкивал от радости, потом перекачивался на спину и подставлял мне толстое брюшко, чтобы я его почесал.

Второго поросенка — самочку — принесли в лагерь через неделю после первого, и по дороге она так громко выражала свое негодование, что мы услышали ее задолго до того, как увидели охотника. Она была почти вдвое крупнее самца, и я решил на первых порах поместить их в разные клетки, чтобы она не забила малыша. Но когда я посадил ее в соседнюю с ним клетку, оба они так обрадовались друг другу, так кидались к разделявшим их прутьям, так визжали и терлись пяточками, что я передумал: их вполне можно было сразу посадить вместе. Когда они оказались в одной клетке, маленький самец подбежал к самке, громко втягивая носом воздух, и осторожно толкнул ее в бок; она фыркнула и отскочила в другой конец клетки. Он погнался за ней, и они вместе долго носились по клетке — кружили, петляли, круто поворачивали, изгибаясь и вертясь с проворством, поистине удивительным для таких дородных животных. Наконец поросята набегались досыта, излив таким образом переполюнявивший их восторг, глубоко зарылись в приготовленную для них грудку сухих банановых листьев и заснули. Спали они с таким храпом, точно гудел пчелиный рой в летнюю ночь.

Свинка была много старше и скоро научилась заедать молоко мелко нарубленными овощами и фруктами. Я давал им по бутылочке молока, а потом ставил в клетку неглубокую миску, наполненную этой смесью, и свинка проводила целое утро, зарывшись в еду носом, удовлетворенно чавкала, похрюкивала, посапывала, а порой мечтательно вздыхала. Малыш не понимал, чем она так занята, но его очень оскорбляло, что им пренебрегают; он подходил и толкал ее пяточком или покусывал за ноги. Под конец это ей надоедало, она набрасывалась на него с яростным хрюканьем и отгоняла подальше. Поросенок не раз пытался выяснить, что же именно так привлекает ее в этой миске, но рубленые фрукты его ничуть не волновали, и он мрачно отходил и сидел в углу, одинокий и несчастный, пока она не расправлялась со всей едой. Но однажды он решил, что и ему неплохо бы поесть чего-нибудь еще, и просто-напросто начал сосать длинный хвост подружки. Он, видно, вообразил, что, если сосать достаточно долго и не жалеть усилий, можно в конце концов и из этой соски извлечь молоко. С тех пор мне не раз приходилось любоваться такой картиной: свинка зарылась носом в миску с едой, а сзади поросенок с надеждой сосет ее хвост. Ее это ничуть не беспокоило, но он сосал так старательно, что хвост у свинки вскоре облысел, и мне пришлось развести их по разным клеткам, чтобы на хвосте вновь отросла щетина; я пускал их друг к другу только дважды в день — пусть хоть немного поиграют и повеселятся.

Скучать в лагере не приходилось: ведь надо было присматривать за полусотней животных. Со всех сторон нас окружала живность всевозможных видов и размеров — от древесных лягушек до сов и от питонов до обезьян.

Д Во всякое время дня и ночи в воздухе гудел неумолчный разноголосый хор, в нем сливались негромкое бормотанье и самые странные звуки, от безумных вскриков и хихиканья шимпанзе до нескончаемого скрипа мешотчатой крысы, которая была убеждена, что наперекор всему на свете она под конец сумеет прогрызть жестяную миску, в которой ей дают еду. В любое время дня можно было найти себе какую-то работу или подметить и записать какое-то новое наблюдение. Ниже я привожу выдержки из моего дневника за неделю; из них ясно, какое изобилие мелких, но волнующих или просто занятных случаев, которые стоит отметить, мы там наблюдали.

«Глаза молоденькой самочки белки Стейнджера изменили свой цвет: были очень красивые, небесно-голубые, а стали серыми, как сталь; если потревожить белку ночью, она издает звуки, напоминающие стук заводного игрушечного поезда, когда его снимают с рельсов... Одна из древесных гадюк произвела на свет одиннадцать змеенышей: они длиной около пяти дюймов, на голубовато-сером фоне пересекаются темные, пепельно-серые полосы — по расцветке дети разительно не похожи на ярко-зеленую с белым мамашу; когда им было всего часа два от роду, они все злобно напали на подставленную палку... Большие зеленые древесные лягушки перед самым дождем медленно тикают, как часы, но стоит подойти к клетке, как они умолкают и больше уже не тикают до следующего дождя... Я обнаружил, что галаго любят цветы типа ноготков, которые растут в здешних местах; они держат цветок в одной руке, а другой обрывают лепестки и засовывают их в рот, а потом играют остатками цветка, как в волан; огромные глаза вытаращены и вид ужасно смешной...

Заметки о кормлении. Золотистая кошка обожает рубленые мозги и печеньку, смешанные с сырым яйцом: подумать только, какие у иных зверей невероятные вкусы! А панголины ни за что не станут есть смесь молока с яйцом, если ее подластить, они тогда просто перевернут миску — очень неприятно! Крыланы предпочитают неочищенные бананы: они съедают банан целиком, а кожура, видимо, предохраняет их от поноса. От перезрелых фруктов у обезьян начинается отчаянное расстройство желудка, особенно у шимпанзе — просто ужас! А крыланы съедают, и с большим удовольствием, фрукты, уже совсем загнившие (лишь бы с кожурой), и никакого вреда им от этого не будет. У болотных мангустов обилие козлятины неизвестно почему вызывает геморрой; теплым рыбьим жиром и очень легким нажатием нетрудно сразу поправить дело, но животное теряет много сил, и тут помогает капля виски на столовую ложку воды!»

Вот из таких мелочей и состояла жизнь в главном лагере, но нас эти мелочи бесконечно занимали, и дни были так наполнены, так красочны и

богаты всевозможными происшествиями, что пролетали незаметно. Поэтому, когда один приятный, но не очень-то умный молодой человек, которому мы показали наш зверинец, сказал мне: «Неужели вы ни разу не стукнули хоть одну обезьяну по башке? По-моему, вот так, с утра до ночи не отходить от этого зверья — с тоски подохнешь», я ответил ему весьма нелюбезно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЛЕС ЛЕТАЮЩИХ МЫШЕЙ

Когда я вернулся с гор в наш лагерь на реке Кросс, в моем зверинце оставался только один существенный пробел. Этот пробел для меня был особенно огорчителен, потому что не хватало крохотного зверька, которого мне хотелось поймать в Камеруне больше, чем любого другого. Английское название этого зверька — карликовая соня-летяга, а зоологи по своей привычке к легкомыслию и фамильярности называют его *Idiurus kivuensis*. Еще в Англии я без конца просиживал над рисунками и музейными чучелами этого зверька, а с тех пор как приехал в Африку, я только о нем и говорил, и даже все мои помощники давно поняли, что соня-летяга — это добыча, которую я ценю превыше всего.

Я знал, что соня-летяга — сугубо ночное животное: кроме того, она величиной с маленькую мышку, и потому вряд ли кто из охотников ее когда-либо видел. И я оказался прав: ни один из них не узнал рисунка. Об этом зверьке написано очень немного, мне только удалось выяснить, что они живут колониями в дуплах деревьев, причем выбирают самые глухие, труднодоступные части леса. Я рассказал все это охотникам в смутной надежде, что это их подстегнет и они поищут для меня желанную добычу. Но ничего не вышло: африканцы ни за что не станут охотиться за животным, которого они никогда не видели, по той простой причине, что они не уверены — есть ли на свете такой зверь, а значит, охотиться за ним — пустая трата времени. С такой же трудностью я столкнулся, когда искал волосатую лягушку, и потому теперь ясно понимал, что все мои рассказы о «маленькой-маленькой крысе, которая летает с дерева на дерево, как птица» с самого начала обречены на неудачу. Одно ясно: если я хочу приобрести соню-летягу, придется идти на охоту самому, и притом побыстрее — ведь времени остается в обрез. Я решил сделать своей штаб-квартирой для охоты на этого зверька деревню Эшоби; она лежала в двенадцати часах ходь-

Д бы от нашего главного лагеря, в глубине леса, и я хорошо знал ее обитателей, потому что бывал там во время моего предыдущего приезда в Кameron. Конечно, охотиться на зверька величиной с мышь, в самом сердце леса, который тянется на сотни миль, ничуть не проще, чем искать пресловутую иголку в стоге сена, но ведь как раз такие каверзные задачи и делают профессию зверолова необыкновенно увлекательной. Надежда на успех была очень невелика — пожалуй, один шанс из тысячи, — но я бодро углубился в лес.

Дорогу в Эшоби может оценить по достоинству разве только какой-нибудь претендент на звание святого, который жаждет истязать свою плоть. Больше всего она напоминает высохшее русло реки, хотя по такому пути ни одна уважающая себя река не потечет. Самыми сумасшедшими зигзагами пробирается эта дорога между деревьями, кое-где низвергается по крутому склону в долину, пересекает небольшую речушку и снова взбирается вверх на противоположном берегу. На тех склонах, где дорога идет вниз, всегда свободно катятся камни — огромные и поменьше, и потому спускаясь вниз гораздо быстрее, чем хотелось бы. Когда же она начинает опять подниматься вверх на противоположной стороне долины, выясняется, что камни здесь значительно крупнее и лежат почти как ступеньки. Однако это коварный обман, кажется, будто сама природа положила каждый камень так хитро, что ступить с него на следующий совершенно невозможно. Все они покрыты сплошным ковром густого зеленого мха, поросли дикими бегониями и папоротником, так что перед тем, как перепрыгнешь с камня на камень, никак нельзя предвидеть, что же окажется у тебя под ногами: ровная плоскость или что-нибудь совсем неподходящее, на чем никак не устоять.

Такая дорога тянулась мили три, а потом мы пыхтя выкарабкались со дна глубокой долины — и оказалось, что лес тут ровный и наша тропка совсем гладкая, ничуть не хуже автомобильного шоссе. Она вилась и изгибалась между исполинскими деревьями, и по пути там и сям в листве над нами сквозил просвет, куда проникали солнечные лучи. На этих солнечных прогалинах сидели полчища бабочек, отогреваясь после прохладной ночной росы. Когда мы подходили, они взвивались в воздух и летали вокруг нас — то ныряли чуть не до земли, то взмывали вверх, махали крыльями, кружили, словно опьянев от солнца. Были тут бабочки совсем крохотные, белые и хрупкие, как снежинки, а были и огромные, неуклюжие, у которых крылья сверкали точно начищенная медь, и еще всякие, разукрашенные черным, зеленым, красным и желтым. Едва мы проходили дальше, как они вновь устраивались на солнышке и превесело там сидели, время от времени раскрывая и складывая крылья. Этот балет бабочек всегда можно

увидеть на дороге в Эшоби; кроме того, бабочки — единственные живые существа, которых там можно увидеть, потому что лесные чащи вовсе не обязательно скрывают в своих глубинах опасных хищников, хотя некоторые книги очень стараются нас в этом убедить.

Мы шли по тропке примерно часа три, изредка останавливаясь, чтобы вспотевшие носильщики могли опустить свою ношу на землю и немного отдохнуть. Наконец тропка свернула в сторону, за поворотом лес кончился, и мы очутились на главной и единственной улице деревни Эшоби. Залаяли собаки, с криком бросились врассыпную от нас куры, маленький ребенок поднялся из дорожной пыли, где он играл, и с воплем кинулся в ближайшую хижину. И вдруг точно из-под земли на дороге возникла шумная толпа: нас окружили мужчины и мальчишки, женщины всех возрастов — все они улыбались, хлопали в ладоши и старались протиснуться вперед, чтобы пожать мне руку.

— Рады тебе, маса, рады тебе!

— Так ты приехать, маса!

— Здравствуй, маса, привет тебе!

— А-а-а! А-а-а! Маса, ты опять приехать в Эшоби!

И эта дружелюбная болтливая толпа проводила меня по всей улице, точно я был членом королевской семьи. Кто-то кинулся за стулом, и меня торжественно усадили, а все жители деревни стояли вокруг, сияли улыбками и весело кричали: «Рады тебе», по временам от избытка чувств хлопая в ладоши или в знак восторга щелкая пальцами.

Когда появились мои носильщики и повар, я все еще приветствовал старых друзей и расспрашивал об их детях и родственниках. Потом начался долгий спор насчет того, куда меня поместить, и наконец все решили, что столь почетному гостю подойдет в их деревне только одно место — недавно выстроенный танцевальный зал. Это была очень просторная круглая хижина, пол в ней был гладкий, как паркет, — его отшлифовали сотни ног, которые по нему скользили и топали. Поспешно унесли из хижины барабаны, флейты и трещотки, подмели пол, и вот я уже устроен.

Я основательно подкрепился, и тут ко мне снова сошлись все обитатели деревни: им не терпелось узнать, зачем я приехал на этот раз. Я пространно объяснил, что на сей раз останусь у них ненадолго и что мне надо поймать только одного зверька: тут я стал подробно описывать соню-летягу. Я показал им изображение зверька, они передавали его из рук в руки, но каждый качал головой и с сожалением признавался, что никогда такого не видал. Сердце у меня упало. Однако же я выбрал троих охотников, которые помогали мне в прошлый раз, и велел им сейчас же идти в лес, отыскать там как можно больше деревьев с дуплами и все их пометить. На дру-

Этот день всем троим надо вернуться в деревню, они расскажут мне о своих успехах и отведут к тем дуплам, какие им удастся найти. Потом я спросил, умеет ли кто из присутствующих лазать по деревьям. Поднялось с десяток рук. Но это оказались очень странные любители лазать по деревьям, и я с сомнением их оглядел.

— Вы можете влезть на дерево? — спросил я.

— Да, сэр, можете, — хором ответили они, ни на секунду не задумавшись.

— А на это высокое дерево влезете? — спросил я и указал на огромное дерево, что высилось на краю деревни.

Мгновенно ряды добровольцев стали уменьшаться, и наконец остался только один, который все еще не опускал руку.

— Ты можешь влезть вон на то большое дерево? — повторил я, думая, что он меня не расслышал.

— Да, сэр, — ответил тот.

— Верно?

— Да, сэр, я можешь влезть. И еще больше тоже можешь влезть.

— Хорошо. Тогда ты завтра пойдешь со мной на охоту. Слышишь?

— Да, сэр, — ухмыльнулся доброволец.

— А как тебя зовут?

— Питер, сэр.

— Отлично. Приходи завтра рано-рано утром.

Охотники и другие жители деревни разошлись, я распаковал свое снаряжение и приготовился к завтрашнему походу. В тот же вечер вся деревня вновь сошлась к моей хижине, и все молча, стараясь не мешать, глядели, как я принимал ванну. Это было им вовсе не трудно, ибо в стенах танцевального зала с избытком хватало и окон и просто щелей. За мной наблюдали человек пятьдесят, а я намылился и с удовольствием распевал песенку, вовсе не подозревая, что на меня кто-то смотрит. Впрочем, когда я это понял, меня это ничуть не беспокоило — я не страдаю излишней стыдливостью; лишь бы только зрители (половину их составляли женщины) молчали и не отпускали непристойных шуточек, а так — пусть глядят! Однако в эту минуту появился Джейкоб и был до глубины души потрясен возмутительным любопытством эшобийцев. Он схватил палку, яростно набросился на них, и зеваки с криком и визгом кинулись удирать во все лопатки. Отогнав их подальше, Джейкоб вернулся; он никак не мог отдышаться и все еще кипел благородным негодованием. Вскоре я обнаружил, что он не заметил еще двоих, их любопытные черные физиономии торчали в одном из окон. Я позвал Джейкоба.

— Смотри, Джейкоб, — сказал я, махнув намыленной рукой на окно. — Они вернулись!

Джейкоб взгляделся в лица за окном.

— Нет, сэр, — возразил он совершенно серьезно. — Это мой друг.

Я понял его так: деревенские жители не смеют осквернять меня своими взглядами, но личных друзей Джейкоба это не касается. И только позднее я узнал, что Джейкоб еще и делец — разогнав толпу зрителей, он тут же объявил, что тем, кто заплатит ему пенни за удовольствие смотреть, как я моюсь, он разрешит вернуться. Особенно бойко шла его торговля среди младших обитателей деревни: многие из них никогда еще не видели европейца и сразу стали заключать между собой всевозможные пари насчет того, все ли тело у меня белое.

Назавтра ни свет ни заря ко мне явились мои охотники и тот, кто вызвался влезть на любое дерево. Оказалось, что охотники нашли и отметили около тридцати деревьев с дуплами в разных уголках леса. Деревья эти, однако, находились так далеко одно от другого, что обойти их за один день явно было невозможно, и я решил пойти сначала к самым дальним, а на обратном пути постепенно осмотреть и остальные.

Тропа, по которой мы тронулись в путь, была обычной лесной тропой, дюймов восемнадцати в ширину; она вилась и изгибалась меж деревьев, точно издыхающая змея. Вначале она вела вверх по необычайно крутому склону холма, среди громадных камней; каждый камень увенчан был островком папоротников и мха, и в зелени крохотными розовыми звездочками сияли цветы какого-то растеньица вроде первоцвета. Там и сям с деревьев кольцами спускались огромные лианы и ложились поперек нашей тропы странными узорами, извиваясь и петляя, словно исполинские питоны. На вершине этого крутого подъема земля под ногами стала ровной и плоской, и тропа спокойно повела нас меж стволами огромных деревьев. В лесу было прохладно и сумрачно: свет проникал сюда сквозь густое кружево листвы, и казалось — он пронизывает воду, идешь точно по дну реки. А лес этот вовсе не путаная, непроходимая чаща кустарника, о которой часто приходится читать: тут исполинские стволы деревьев, точно колонны, отстоят довольно далеко друг от друга, а между ними растет лишь редкий подлесок; тоненькие молодые деревца и низкорослые растения словно прячутся в полумраке. Мы шли все дальше и дальше по чуть заметной тропке, прошли мили четыре, и тут один из охотников остановился и со звоном всадил свой длинный нож в ствол громадного дерева.

— Вот это дерево, он имеет дыра внутри, сэр, — объявил он.

У самого подножия дерева мы увидели щель шириной около двух футов, она шла вверх фута на три; я нагнулся и сунул голову внутрь, потом

Д вывернулся так, чтобы взглянуть вверх по стволу. Но если там и было еще одно отверстие, его закрывал от моих глаз какой-то изгиб ствола, потому что свет сверху не проникал. Я изо всех сил втянул в себя воздух, но никаких запахов не уловил, пахло только гнилым деревом. На самом дне дупла мы нашли всего лишь немного помета летучих мышей и сухие оболочки различных насекомых. Дерево как будто не обещало ничего интересного, но, я подумал, может, все-таки стоит его окурить и поглядеть, что там есть внутри.

Окуривать большое дерево, когда делаешь это редко, — занятие весьма волнующее. Пока я искал соню-летягу, волнение несколько притупилось, но это просто потому, что нам приходилось окуривать по многу деревьев в день и большинство их не дало ничего интересного. Окуривать дерево — своего рода искусство и требует большого опыта, прежде чем научишься делать это как следует. Сначала надо найти дерево и убедиться, что ствол у него и вправду полый до самой верхушки; потом надо внимательно его осмотреть, проверить, нет ли выше по стволу отверстий, через которые добыча может ускользнуть, и если есть, послать охотника закрыть их сетями. После этого прикрываешь сетью главное отверстие у самого подножия дерева, но тут надо проследить, чтобы сеть не мешала окуриванию и в то же время задержала бы любого беглеца. Очень важно убедиться, что сеть установлена достаточно надежно: уж очень досадно видеть, как она вдруг падает и тебя же запутывает в складках в ту самую минуту, когда из дупла начинает вылезать или вылетать «добыча».

Когда все сети уже на местах, остается еще одна трудная задача: огонь. В противовес известной поговорке нужно добиться только дыма и никакого огня, не то все животные попросту изжарятся. Вначале у отверстия складывают маленькую кучку сухих веток, потом обливают ее керосином и поджигают. Едва огонь разгорится как следует, на костер надо положить пригоршню зеленых листьев и непрерывно их подкладывать. Зеленые листья, сгорая, не дают никакого огня, зато вволю густого вонючего дыма, который тотчас всасывается в полый ствол дерева. Теперь надо позаботиться о том, чтобы дыма оказалось не слишком много, не то все живое внутри дерева может задохнуться, не успев выскочить наружу. Вся соль в том, чтобы не зажарить и не удушить «добычу», а суметь найти золотую середину. Когда костер уже горит и огонь заглушен зелеными листьями, минуты через три (смотря по величине дерева) дым проникает в каждую щелочку и закоулок дупла и вся живность начинает выбираться наружу.

Мы окурили наше первое дерево — оттуда вылетели крупные возмущенные мотыльки и ничего больше. Мы собрали сети, погасили костер и двинулись дальше. Следующее дерево, которое пометили охотники, росло в полумиле от первого; мы добрались до него и повторили все сначала. На

Этот раз мы кое-чего достигли: летяг в дупле не оказалось, но кое-какая живность все-таки нашлась: первым наружу выскочил маленький геккон, красиво разрисованный шоколадными и пепельно-серыми полосами. Этих маленьких ящериц полным-полно в глубине леса, и двух-трех всегда можно застать в дупле любого дерева, которое окуриваешь. По пятам за ящерицей вылезли еще три зверька, которые в ту минуту, как они поспешно выползли из клубов дыма, напоминали большие коричневые сосиски с каемкой шевелящихся ножек по бокам: это были гигантские многоножки — большие, глупые и совершенно безвредные существа, которых в этих лесах великое множество. Дупло гнилого дерева — их излюбленная квартира, потому что они питаются гнилушками. Ясно, больше тут ничего живого не найти. Мы свернули сети, погасили костер и пошли дальше. Третье дерево оказалось совсем пустым, следующие три — тоже. Из седьмого вылетела стайка летучих мышей, и все они вырвались из отверстия на верхушке ствола как раз в ту минуту, когда Питер начал карабкаться на дерево.

Очень трудоемкий процесс — расставить сети, окурить дерево, снять сети и двинуться к следующему дереву — нам пришлось в тот день повторить пятнадцать раз; поэтому к вечеру все мы валились с ног, болели бесчисленные порезы и царапины, в горле першило оттого, что мы наглотались дыма. Настроение у нас было самое мрачное: такая незадача — мало того, что не поймали ни одной сони-летяги, но и никакой другой, хоть сколько-нибудь стоящей добычи. Когда мы подошли к последнему за этот день дереву — больше мы бы не успели окурить дотемна, — я уже настолько вымотался, что мне, право, было все равно: найдется тут соня-летяга или нет. Я присел на корточки, закурил сигарету и смотрел, как охотники готовят все, что надо. Окурили мы это дерево, и из дупла вообще ничего не показалось. Охотники поглядели на меня.

— Снимайте сети, мы идем обратно в Эшоби, — устало сказал я.

Джейкоб деловито начал снимать сеть, обернутую вокруг ствола, но вдруг замер и всмотрелся в дупло — там что-то лежало. Он нагнулся, подобрал животное и подошел ко мне.

— Маса, надо такой добыча? — неуверенно спросил он.

Я глянул — и сердце у меня так и подпрыгнуло: за длинный пушистый хвост Джейкоб держал летягу, глаза у зверька были закрыты, бока тяжело вздымались. Джейкоб вложил его — весь он был с мышку величиной — в мои подставленные ладони, и я вгляделся: зверек был без сознания, видно, почти совсем задохся в дыму.

— Скорей, скорей, Джейкоб! — в страхе закричал я. — Принеси маленький ящичек. Нет, нет, не этот, покрепче... Теперь положи туда не-

Д

большой листок... небольшой листок, дурень ты этакий, а не целый куст... Ну вот, правильно.

Я почтительно положил летягу в ящик и еще раз оглядел. Зверек лежал обмякший и, видно, все еще был без сознания; дышал тяжело, с трудом, крохотные розовые лапки подергивались. Казалось, он при последнем издыхании; я схватил огромный пучок листьев и стал отчаянно размахивать им над его головой. Добрых четверть часа я таким своеобразным способом делал ему искусственное дыхание, и, к моему восторгу, зверек стал понемногу приходить в себя. Открыл затуманенные глаза, перевернулся на живот и так и остался лежать, жалкий, несчастный. Я еще немного помахал над ним листьями, потом осторожно закрыл крышку ящика.

Пока я пытался вернуть к жизни мою летягу, охотники столпились вокруг меня, все они сочувственно молчали; теперь, когда они увидели, что зверек ожил, все широко и радостно заулыбались. Мы торопливо обшарили все дупло — не валяются ли там еще полузадушенные дымом зверьки, но ничего не нашли. Это меня очень озадачило: ведь предполагается, что сони-летяги живут большими колониями и потому найти одного-единственного — по меньшей мере странно. Я от души надеялся, что учебники не врут: поймать несколько штук из целой колонии намного легче, чем выслеживать и ловить одиночек. Впрочем, сейчас некогда было об этом раздумывать: прежде всего надо доставить мое сокровище в деревню и переселить его из маленького дорожного ящика в более подходящее помещение. Мы свернули сети и пустились в обратный путь по сумеречному лесу со всей быстротой, на какую были способны. Я держал в руках ящик со зверьком так нежно, точно нес хрупкую драгоценную вазу, и время от времени через проволочную сетку крышки ящика обмахивал зверька пучком листьев.

Когда мы благополучно добрались до моего танцевального зала, я приготовил для своей бесценной находки клетку побольше и переселил ее туда. Это оказалось не так просто — он уже вполне опомнился и бежал очень быстро. Наконец я ухитрился пересадить его в новую клетку, да так, что он не только не сбежал, но даже ни разу меня не укусил. Тогда я перенес поближе к клетке самую яркую лампу и решил как следует разглядеть пленника.

Величиной он был с обыкновенную домовую мышь и вообще очень на нее походил строением тела. Прежде всего в глаза бросался его хвост: он был очень длинный (раза в два длиннее всего тела), и по обе его стороны тянулась бахромка длинных, волнистых волосков, так что хвост напоминал намокшее перо. Голова у зверька большая, округлая, уши маленькие, остроконечные, как у эльфа. Зубы типичного грызуна, пара огромных ярко-оранжевых резцов выступали изо рта ровным полукругом, так что, если

смотреть сбоку, казалось, что вид у него необычайно надменный. Пожалуй, самое любопытное в этом зверьке — «летательная» перепонка, которая тянется по бокам его тела. Это длинная полоса тонкой кожи, приросшая одним концом к лодыжке задней ноги, а другим — к длинному, чуть искривленному хрящевидному стержню, который выдается из передней ноги сразу над локтевым суставом. Когда зверек не летает, перепонка свернута и прижата к боку, совсем как бывает прижат к стене раздвинутый занавес в театре; когда же этот зверек поднимается в воздух, ноги у него вытянуты, так что перепонка туго натянута и действует наподобие крыльев планера. Позднее я убедился, как искусно соня-летяга маневрирует в воздухе даже с таким примитивным аппаратом скольжения.

В тот вечер, когда я лег спать и погасил свет, до меня все время доносился шорох — это мой новый жилец бегал по всей клетке, и я мысленно представлял себе, как он там пирует: ведь я положил ему немало разнообразной снеди. Но когда занялся рассвет и я, еще сонный, выбрался из постели взглянуть на него, оказалось, что он ничего не съел. Это меня не слишком встревожило, я знал, что некоторые только что пойманные животные подолгу отказываются от еды, пока не привыкнут немного к неволе. И никогда нельзя предвидеть, сколько будет длиться такой «пост». Это зависит не только от того, к какому виду принадлежит животное, но и от его собственного нрава и склада. Я был уверен, что в течение дня соня-летяга спустится вниз с потолка клетки, где она висела, и наестся досыта.

Когда пришли охотники, мы отправились через выбеленный туманом лес к оставшимся деревьям с дуплами. Ночной отдых и вчерашняя удача подбодрили нас, и нелегкая кропотливая работа шла теперь гораздо оживленней и веселей. Однако к полудню мы окурили и осмотрели уже с десятков деревьев и ничего не нашли. К этому времени мы забрались в самую глубь леса; деревья здесь такие великаны, каких не часто встретишь даже в западноафриканских лесах. Они стояли довольно далеко одно от другого, но все равно их тяжелые ветви переплетались над головой. Стволы почти всех этих исполинов имели по меньшей мере пятнадцать футов в поперечнике. Могучие корни их напоминали контрфорсы собора: они далеко выступали наружу, так что у основания ствола между ними вполне уместилась бы просторная комната, и только на высоте десяти с лишним футов окончательно сливались со стволом. Иные обвивались вокруг ствола — такие массивные, мощные выюны толщиной с мое тело. Мы обходили этих великанов и вскоре очутились подле впадины на ровном, как паркетный пол, пространстве: здесь, в небольшой ложбинке, особняком стоял такой исполин. На краю ложбинки охотники остановились.

Д — Вон в тот большой дерево есть сильно большой дыра, сэр, — сказали они.

Мы подошли поближе, и я увидел в стволе между двумя высокими корневыми выступами большое отверстие с закругленным, точно арка, верхом; по размерам и по форме отверстие напоминало вход в небольшую церковь. Я остановился подле него и поглядел вверх: надо мной высился ствол, взметнувшийся прямо в небо, гладкий и голый, по крайней мере футов на двести. Ни единый сучок, ни одна ветка не нарушали гладкой поверхности этой древесной колонны. Уж лучше бы внутри ничего не было, подумал я; хоть убейте, невозможно было себе представить, чтобы кто-нибудь мог взобраться на верхушку и закрыть сетями отверстия, если они там есть. Я вошел в дупло, как вошел бы в комнату, там было очень просторно; солнечный свет мягко просачивался внутрь, и постепенно мои глаза привыкли к полумраку. Я запрокинул голову, но глаз хватал далеко — стенки дупла немного изгибались и мешали увидеть, что там выше. Пощупал стенки внутри, оказалось — гнилые, ствол мягкий и рыхлый. Я попробовал их ногами, убедился, что опора найдется, и по этим не слишком надежным ступеням с трудом начал взбираться наверх. Наконец я вскарабкался до выступа, который загораживал верхнюю часть дупла, изрядно вывернул шею и посмотрел, что же там дальше. Ствол был высоченный, как фабричная труба, и такой же просторный. На самом верху сквозь большое отверстие врывался сноп солнечных лучей. И вдруг я задохнулся от радости и чуть не свалился со своей ненадежной опоры: вся верхняя часть дупла была буквально выстлана, как живым ковром, летягами. Они быстро, бесшумно, как тени, скользили по гнилому дереву, а когда замирали на месте, их невозможно было разглядеть, настолько они сливались с полутьмой. Я соскользнул на землю и вышел из дупла наружу. Охотники вопросительно глядели на меня.

— Есть добыча там, внутри, маса? — спросил один.

— Да, там сколько угодно добычи. Пойдите, взгляните.

Оживленно переговариваясь и толкая друг друга, они наперебой стали протискиваться в дупло. Можно хотя бы отчасти представить его размеры, если в нем легко поместились трое охотников, Питер (тот, который лазил по деревьям) и Джейкоб. До меня донеслись их удивленные возгласы — это они увидели летяг, — затем перебранка: кто-то, наверное Джейкоб, в суматохе наступил кому-то на физиономию. Я медленно обошел дерево кругом: быть может, все-таки найдется куда поставить ногу, за что ухватиться рукой, чтобы Питер мог вскарабкаться наверх? Но ствол был гладкий, как бильярдный шар. Насколько я понимал, на это дерево влезть невозможно, и я так и сказал охотникам, когда они вылезли из дупла, и не-

сколько остудил их радостный пыл. Потом мы уселись на землю, закурили и принялись обсуждать, что делать дальше, а Джейкоб тем временем бродил по всей ложбине и свирепо поглядывал на деревья. Наконец он вернулся к нам и заявил, что, кажется, придумал, как Питеру взобраться на верхушку дерева. Мы пошли за ним на самый край ложбинки, и тут он показал нам высокое, тонкое молодое деревце, его верхушка доходила как раз до одной из могучих ветвей нашего дерева. Джейкоб предложил: пусть Питер влезет на молодое деревце, переберется оттуда на ветку большого дерева, а потом полезет дальше вверх, пока не достигнет верхушки полого ствола. Питер подозрительно оглядел деревце и сказал, что попробует. Поплевал на руки, обхватил деревце и пополз вверх, цепляясь за кору еще и пальцами ног, гибкими, как у обезьяны. Однако, когда он добрался до середины, футах в семидесяти от земли, деревце согнулось под его тяжестью в дугу и ствол начал зловеще потрескивать. Стало ясно, что тонкое деревце не выдержит моего солидного древолаза, и пришлось ему спуститься к нам. Джейкоб, оживленный и ухмыляющийся, с важным видом подошел ко мне.

— Маса, я могу лезть этот дерево, — сказал он. — Я не жирный, не как Питер.

— Жирный! — возмутился Питер. — Это кто жирный, а? Я не жирный, просто этот дерево слабый, не может держать человека.

— Нет, ты жирный, — презрительно ответил Джейкоб. — Ты всегда набивать полный живот, а теперь маса говорить лезь на дерево, вот дерево тебя не держать.

— Ладно, ладно, — поспешно вмешался я. — Попробуй ты, Джейкоб. Смотри только, не свались! Слышишь?

— Да, сэр, — сказал Джейкоб, бегом пустился к деревцу, ухватился за тонкий ствол и пополз вверх, извиваясь, как гусеница.

Конечно, Джейкоб весил чуть не вдвое меньше Питера, и очень скоро он уже висел на самой верхушке, а деревце несколько не согнулось, хоть и раскачивалось все время плавными круговыми движениями. Всякий раз, когда верхушка его клонилась к веткам большого дерева, Джейкоб пытался схватиться за ветку, но это ему никак не удавалось. Потом он взглянул вниз.

— Маса, я не могу ухватиться, — крикнул он.

— Ладно, слезай! — закричал я в ответ.

Джейкоб быстро спустился на землю, и я подал ему конец длинной крепкой веревки.

— Привяжи к деревцу эту веревку, понял? А потом мы пригнем деревце к большому дереву. Ну, понял?

Д — Да, сэр, — ликующе воскликнул Джейкоб и снова вскарабкался на деревце.

Добравшись до верхушки, привязал там веревку и крикнул нам, что все готово. Мы взялись за другой конец веревки и потянули изо всех сил; потом стали медленно отходить назад по прогалине, зарываясь ногами поглубже в мягкий, рыхлый слой листвы, устилавший землю, чтобы найти упор. Деревце постепенно склонялось, и наконец его верхушка коснулась огромной ветви большого дерева. Проворно, как белка, Джейкоб протянул руки, схватился за ветку и перебрался на нее. Мы все еще держали деревце в наклонном положении, а Джейкоб вытащил из набедренной повязки кусок веревки и привязал верхушку деревца к ветви, на которой он обосновался. Только теперь мы осторожно отпустили нашу веревку. Джейкоб уже стоял на огромной, могучей ветви во весь рост и, держась за окружающие его ветки помельче, медленно, ощупью, продвигался по ней к стволу. Шел он очень осторожно, потому что ветка, служившая ему мостками, густо поросла орхидеями, вьюнками и древесными папоротниками — в таких-то зарослях чаще всего и водятся древесные змеи. Наконец он дошел до того места, где ветка соединяется со стволом, оседлал ее и спустил нам длинную бечевку; мы привязали к ней связку сетей и несколько ящичков для добычи, которую ему удастся поймать в верхней части дупла. Джейкоб надежно привязал все это к поясу и двинулся вокруг ствола к отверстию; оно виднелось в развилке двух огромных сучьев. Скорчившись на одном из них, Джейкоб затянул отверстие сетью, расположил ящички так, чтобы они были под рукой, и глянул вниз на нас с озорной ухмылкой.

— Ну вот, маса, твой охотник, он готов, — закричал он.

— Охотник! — с негодованием пробурчал Питер. — Этот повар, он называть себя «охотник»! Эх!

Мы собрали множество сухих веток и зеленых листьев и разложили костер у огромного, как камин, отверстия внизу ствола. Потом затянули отверстие сетью, зажгли костер и наложили сверху зеленых листьев. Несколько минут огонь лишь угрюмо тлел, потом тоненькая струйка дыма окрепла, и скоро внутрь гнилого дерева хлынул густой серый дым. Он поднимался все выше по дуплу, и тут я заметил еще отверстия, которых мы раньше не видели, — футах в тридцати от земли в различных местах появлялись струйки дыма, свивались кольцами и таяли в воздухе.

Джейкоб очень ненадежно сидел на ветке — того и гляди свалится! — и заглядывал вниз, в дупло, как вдруг кверху поднялся столб густого дыма и окутал его. Джейкоб задохнулся, закашлялся и стал осторожно передвигаться на ветке, пытаясь найти себе местечко побезопаснее. Я нетерпеливо

ждал, и мне казалось, что летяги что-то чересчур долго выдерживают этот дым.

Я уж начал подумывать — может быть, они все там сразу угорели, обмерли от дыма, не успев даже попытаться убежать, и тут появилась первая летяга. Она выскочила из дупла через нижнее отверстие и хотела взлететь, но тотчас же запуталась в сетях. Один из охотников бросился к ней, чтобы вынуть ее оттуда, но я не успел прийти к нему на помощь, так как в эту минуту вся колония разом решила покинуть дупло. В большом отверстии появились штук двадцать летяг, и все они прыгнули прямо в сети. С верхушки дерева, которую теперь скрывали от наших глаз клубы дыма, доносились восторженные вопли Джейкоба, а раза два он взвыл от боли — должно быть, летяга его укусила. Тут я обнаружил, к немалому своему огорчению, что футах в тридцати от земли мы проглядели еще несколько трещин, и через эти крохотные отверстия тоже выбирались наружу летяги. Они суетливо бегали по стволу и, казалось, не замечали ни яркого солнечного света, ни нас: некоторые спускались по стволу совсем низко, так что до земли оставалось каких-нибудь футов шесть. Зверьки сновали по коре с необыкновенной быстротой, как будто не бежали, а скользили. Потом вверх взвился особенно густой и едкий клуб дыма и совсем их закрыл — и тут они решились взлететь.

Немало удивительного повидал я на своем веку, но полет летяг не забуду до самой смерти. Огромное дерево обвивали густые, подвижные столбы серого дыма, а там, где его пронизывали острые копьа солнечных лучей, дым становился прозрачным и призрачным, нежно-голубым. И в эту нежнейшую голубизну кидались летяги. Они оставляли ствол необычайно легко, не готовились к прыжку, не делали какого-либо видимого усилия: вот только что зверек сидел на коре, распластав крылья, миг — и он уже летит по воздуху, крохотные лапки растопырены, перепонка на боках натянута. Они устремлялись вниз и парили в воздухе, пронизывая клубы дыма, уверенно и ловко, точно ласточки, что охотятся на мошек, невероятно искусно разворачивались и кружили, причем тело их почти совсем не двигалось. Они просто парили в воздухе и при этом поистине творили чудеса. Одна летяга оторвалась от дерева футах в тридцати от земли. Она скользнула по воздуху через ложбину прямым и ровным полетом и села на дерево футах в ста пятидесяти от того, откуда взлетела, и, кажется, не потеряла за это время ни дюйма высоты. Другие взлетали с окутанного дымом ствола, скользили вокруг него по все сужавшейся спирали и наконец садились на тот же ствол ближе к земле. Некоторые облетали дерево «змейкой», опять и опять точно и на редкость плавно описывая в воздухе букву S. Их удивительные «летные качества» потрясли меня: мне казалось, что для такого

Д высшего пилотажа им необходимы воздушные течения, но в лесу было тихо, ни ветерка.

Я заметил: многие улетали в лес, но большинство осталось на своем стволе — они лишь ненадолго снимались и летали вокруг него, когда дым становился слишком густым. Это навело меня на мысль: я погасил костер, и, когда дым постепенно рассеялся, все летяги, которые сидели на дереве, опять торопливо забрались в дупло. Мы переждали несколько минут — пусть успокоятся и рассядутся там, а я тем временем осмотрел тех, кого мы поймали. В нижних сетях оказалось восемь самок и четыре самца; Джейкоб спустил из продымленных высей свои трофеи — еще двух самцов и одну самку. Вдобавок он поймал двух летучих мышей — я таких сроду не видел: спинка золотисто-коричневая, грудь лимонно-желтая, рыльца, как у свиней, и длинные, совсем свиные уши свисают вниз, закрывая нос.

Когда все сони-летяги вернулись в дупло, мы вновь разожгли костер, и вновь они кинулись наружу. Однако на сей раз они поуменьли и почти ни одна уже не приближалась к сети, натянутой перед выходом из дупла. Джейкобу на вершине дерева повезло больше, он вскоре спустил к нам мешок, где барахталось десятка два летяг, и я решил, что этого мне хватит. Мы потушили костер, сняли сети, заставили Джейкоба спуститься вниз с его жердочки на самой верхушке (это оказалось не так-то просто, он непременно хотел переловить всю колонию), и мы отправились в обратный путь; надо было пройти лесом четыре с лишним мили до деревни. Я осторожно нес в руках драгоценный мешок, в котором пищали и барахтались зверьки, но время от времени останавливался, развязывал веревку и обмахивал их листьями, чтобы не задохнулись. Ведь мешок сшит из толстого полотна, и воздуха им, наверно, не хватает.

Уже совсем стемнело, когда, усталые и грязные, мы добрались до деревни. Я поместил моих летяг в самую большую клетку, какая только нашлась, но и она, к моему великому огорчению, оказалась явно мала для такого множества животных. Очень глупо, конечно, но я рассчитывал, что если и удастся поймать сонь-летяг, то всего двух-трех, не больше, и по-настоящему вместительной клетки с собой не захватил. Держать их всю ночь в такой тесноте страшно — к утру многие почти наверняка погибнут; оставался единственный выход: как можно скорее переправить драгоценный улов в главный лагерь. Я написал короткую записку Смиту: сообщал, что охота прошла как нельзя лучше и что я прибуду с добычей около полуночи, и просил приготовить для летяг большую клетку. Сразу же отослал записку, потом принял ванну и поужинал. Я рассчитал, что моя записка опере-

дит меня примерно на час и у Смита вполне хватит времени выполнить мою просьбу.

Около десяти часов наш маленький караван двинулся в путь. Впереди шел Джейкоб с фонарем. За ним шествовал носильщик, на его курчавой голове покачивался ящик с летягами. Следом шел я, а за мной еще один носильщик, этот нес на голове мои постельные принадлежности. Дорога от Эноби и при свете дня никуда не годится, а в темноте здесь немудрено сломать себе шею. Единственным источником света у нас был фонарь, который нес Джейкоб, но толку от него было не больше, чем от чахлого светлячка: он излучал ровно столько света, чтобы исказить все очертания, а тьма, окутавшая скалы, от этого неверного света становилась еще непроглядней, и нам поневоле приходилось двигаться черепашным шагом. В обычных условиях переход занял бы около двух часов, а в этот вечер нам понадобилось пять. Почти всю дорогу я был на грани истерики — носильщик с ящиком, полным летяг, скакал и прыгал между скал, точно горный козел, и я поминутно ожидал, что он вот-вот оступится и мой драгоценный ящик полетит вниз, в пропасть. Дорога становилась все хуже, а носильщик — все храбрей, и я понял, что его падение — всего лишь вопрос времени.

— Друг мой, — окликнул я. — Если ты уронишь добычу, мы не дойдем до Мамфе вместе. Я похороню тебя здесь.

Носильщик понял мой намек и умерил свою прыть.

На полпути через небольшую речушку моя тень испугала носильщика, который шел за мной, он поскользнулся, и моя постель с громким всплеском шлепнулась в воду. И как я ни убеждал его, что в этом больше виноват я сам, носильщик был безутешен. Так мы и шли дальше: носильщик танцевал на голове груз, с которого капала вода, и время от времени громко и скорбно произносил: «Ух, сэр! Извини, сэр!»

Лес вокруг нас был полон тихих голосов и шорохов: легкое похрустывание сухих веток под ногами, крик вспугнутой птицы, неумолчный стрекот цикад на стволах деревьев и порой пронзительная трель древесной лягушки. Мы пересекали прозрачные, холодные, как лед, ручьи, они тихонько плескались о большие камни, что-то им таинственно нашептывали. Один раз Джейкоб громко вскрикнул, завертелся, заплясал на одном месте, бестолково размахивая руками, так что тени от фонаря заматались меж стволов деревьев.

— Ты что, что там? — закричали носильщики.

— Муравей, — ответил Джейкоб, все еще приплясывая и вертясь. — Слишком много проклятый муравей!

Джейкоб не глядел под ноги и набрел прямо на цепочку странствующих муравьев, пересекавших нам дорогу: черный поток в два дюйма шириной

Двыливался из-под куста по одну сторону тропы и перетекал на другую сторону, подобно безмолвной речке из смолы. Когда Джейкоб на них наступил, вся эта речка словно вдруг беззвучно вскипела, и не прошло и секунды, как муравьи уже расползлись по земле, растекаясь все дальше и дальше от места нападения, точно чернильная клякса на бурых листьях. Мне с носильщиками волей-неволей пришлось сойти с тропы и обойти это место по лесу, не то разъяренные насекомые накинудись бы и на нас.

Едва мы вышли из-под лесного крова в первую залитую лунным светом долину, как начался дождь. Вначале это был легкий, морозящий дождик, больше похожий на туман; потом без всякого предупреждения хлынуло как из ведра, между небом и землей встала сплошная водяная стена; трава разом полегла, а наша тропа обратилась в предательский каток из красной глины. Я перепугался: вдруг моя драгоценная добыча промокнет насквозь и погибнет? Я снял куртку и обернул ею ящик на голове у носильщика. Конечно, не очень-то надежная защита, но все-таки немного помогло. Мы с трудом брели дальше, по щиколотку в грязи, и наконец подошли к речке, которую надо было перейти вброд. Переход этот занял, должно быть, минуты три, но мне он показался бесконечно долгим, потому что русло речки было каменистое, и носильщик с летягами на голове шатался и спотыкался, а течение всячески толкало и тянуло его и, кажется, только дожидалось случая окончательно сбить его с ног. Все же мы благополучно добрались до другого берега, и вскоре между деревьями замелькали огни лагеря. Не успели мы войти под парусиновый навес, как дождь прекратился.

Клетка, которую Смит приготовил для моих летяг, оказалась недостаточно просторной, но мне уж было не до удобства — лишь бы поскорей вынуть их из ящика, ведь с него текло, как с только что всплывшей подводной лодки. Мы осторожно открыли дверцу и, затаив дыхание, глядели, как крохотные зверьки стремглав бегут в свое новое жилище. Я с облегчением убедился, что ни одна летяга не промокла, хотя две-три после нашего путешествия выглядели несколько помятыми.

Мы наслаждались их видом минут пять, потом Смит полубопытствовал:

— А что они едят?

— Понятия не имею. Та, которую я поймал вчера, вообще ничего не ела, хотя, бог свидетель, я ей предложил богатейший выбор.

— Гм, наверно, они начнут есть, когда немного освоятся.

— Да уж надеюсь, — сказал я бодро: я и в самом деле в это верил.

Мы наполнили клетку самой разнообразной пищей и питьем, какие нашлись в лагере, так что она в конце концов стала похожа на местный базар. Потом завесили ее мешковиной и оставили сонь-летяг питаться в свое

удовольствие. После того как моя постель побывала под дождем и в реке, она пропиталась водой как губка, и мне пришлось провести весьма неудобную ночь в садовом кресле с прямой спинкой. Я засыпал ненадолго, урывками, а когда рассвело — встал, поплелся к клетке с летягами, откинул мешковину и заглянул внутрь.

На полу, среди совершенно нетронутой пищи и питья, лежала мертвая соня-летяга. Остальные висели под потолком клетки, точно стая летучих мышей, и тревожно щебетали, подозрительно поглядывая на меня. Я вынул мертвого зверька, отнес его к столу, вскрыл и очень тщательно исследовал. К моему безмерному удивлению, желудок летяги был набит полупереваренной красной кожурой ореха масличной пальмы. Этого уж я никак не ожидал: ведь эти орехи — по крайней мере в Камеруне — выращиваются на плантациях, а не растут в лесах сами по себе. Если и все остальные летяги накануне того дня, когда мы их изловили, питались орехами масличной пальмы, им, наверно, пришлось ради этой еды добираться мили четыре до ближайшей фермы, да еще спуститься очень низко — до нескольких футов над землей. Все это порядком меня озадачило, но теперь я хоть знал, что делать, и на следующий же вечер клетка летяг в придачу ко всякой другой пище была разукрашена, как новогодняя елка, гроздьями красных орехов. Мы со Смитом положили зверькам еду в сумерки и затем долгих три часа вели нескончаемые разговоры о чем угодно, только не о летягах, и старательно притворялись, будто не прислушиваемся к пisku и шорохам, что доносились из их клетки. Однако после ужина мы уже не могли больше выдержать, подкрались к клетке и осторожно приподняли краешек мешковины.

Вся колония летяг сидела на полу, и все усердно уплетали орехи. Они сидели на задних лапках, а орехи держали в крохотных розовых передних лапках, совсем как белки; проворно поворачивая орех, зверьки зубами сдирали с него красную оболочку. Когда мы приподняли мешковину, они перестали есть и уставились на нас; два-три самых робких уронили орехи и убежали наверх, под самую крышу клетки, но остальные, видимо, решили, что нас опасаться нечего, и продолжали есть. Мы опустили мешковину и проплясали вокруг палатки воинственный танец, издавая громкие, восторженные вопли. Своим криком мы разбудили обезьян, те немедленно затрепещали и шумно запротестовали, поднялся несусветный гам, и из кухни со всех ног примчались мои помощники посмотреть, что тут у нас стряслось. Услышав добрую весть, что новая добыча наконец взялась за еду, они заулыбались и защелкали пальцами — ведь они принимали все наши радости и огорчения очень близко к сердцу. Весь день лагерь был охвачен унынием, потому что новая добыча не желала есть и могла помереть с голоду, но те-

Дерь все уладилось, и мои помощники, весело болтая и смеясь, вернулись на кухню.

Но радость наша оказалась недолговечной: когда утром мы подошли к клетке, две летяги лежали мертвые. И с того часа наша маленькая колония уменьшалась изо дня в день. Зверьки ели одни только пальмовые орехи, и, очевидно, этого им было недостаточно. Какую только еду мы им не предлагали! Но они от всего отказывались, и это было престранно — ведь даже для самых разборчивых животных нам в конце концов всегда удавалось найти какой-то подходящий корм и понять, что они любят, надо было лишь предложить им побольше всякого на выбор. А тут стало ясно, что доставить летяг в Англию будет очень и очень нелегко.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОБЕЗЬЯНЫЕ ЦАРСТВО

Пожалуй, самыми шумными, самыми несносными и самыми очаровательными созданиями в нашем зверинце были обезьяны. Их собралось у нас сорок штук, а жизнь под одной крышей с четырьмя десятками обезьян никак не назовешь спокойной. Взрослые обезьяны еще туда-сюда, но малыши доставляли нам уйму беспокойства и лишней работы: они громко визжали, если оставались одни, требовали бутылочек с теплым молоком в любое время дня и ночи, страдали от всевозможных детских болезней и этим пугали нас до смерти; то который-нибудь удерет из «детской» и лезет чуть ли не прямо в клетку к золотистой кошке, то кто-нибудь упадет в жестянку из-под керосина, полную воды, — одним словом, они доводили нас чуть не до истерики. Нам приходилось придумывать самые хитроумные и коварные способы, чтобы как-то управиться с малышами, и некоторые наши изобретения были поистине необыкновенны. Взять хотя бы случай с детенышами дрила: эти обезьяны в лесах Камеруна встречаются на каждом шагу, и нам постоянно приносили детенышей всех возрастов. Дрил — то самое довольно уродливое животное, которое вы можете увидеть едва ли не в каждой зоопарке мира: у него ярко-красный зад, и он без стеснения предоставляет людям любоваться им. Совсем маленькие детеныши дрила — самые трогательные и самые нелепые существа на свете: они покрыты тончайшей серебристо-серой шерсткой, а голова, руки и ноги у них по крайней мере в три раза больше, чем надо бы, по сравнению с туловищем. Руки, ноги и лицо ярко-красные, и крохотный зад точно такой же. А вооб-

ще кожа на теле белая, кое-где на ней виднеются большие пятна, вроде наших родимых пятен, только у них они ярко-голубого цвета. Как и у всех обезьяньих детенышей, глаза у маленьких дрилов вытаращенные, руки и ноги длинные, тощие и дрожат, как у дряхлых стариков. Теперь вы немногo представляете себе детеныша дрила.

Раннее детство дрил проводит, цепляясь сильными руками и ногами за густую шерсть матери. И вот наши маленькие дрилы перенесли свои нежные чувства на нас, решив, что мы и есть их родители, и громогласно требовали, чтобы мы носили их на себе. Главное для детеныша дрила — получать как можно больше пищи, и почти столь же важно ему крепко держаться за того, кто ему эту пищу предоставляет. Но ведь когда в тебя вцепятся как репы (да притом болтливые!) штук пять маленьких дрилов, работать совершенно невозможно. И пришлось нам придумывать, как бы иначе их ублаготворить. Мы отыскивали две старые куртки и повесили их на спинки стульев, поставленных посреди палатки; потом мы «познакомили» с ними детенышей дрилов. Зверята привыкли видеть нас в этих куртках, к тому же ткань, должно быть, пропиталась нашим запахом, и малыши, видимо, решили, что это — нечто вроде кожи, которую мы сбросили. Они вцепились в пустые рукава, лацканы и полы курток, как будто их там приклеили, висели на них, полусонные, и лишь изредка подходили к нам — надо же когда-нибудь и поговорить, — а мы тем временем управлялись с делами по лагерю.

На многочисленных посетителей, которые приходили к нам в лагерь и осматривали зверинец, самое большое впечатление производили обезьяньи детеныши. Всеми своими повадками детеныш обезьяны очень напоминает человеческого младенца, только он еще несравненно трогательнее. Женщины, приходившие к нам, просто таяли, глядя на маленьких обезьянок, ласково ворковали, и материнская любовь переполняла их до краев. Одна молодая женщина приходила в зверинец несколько раз, и ее так потрясло жалобное выражение на лицах маленьких обезьян, что она довольно неразумно решила прочесть мне нотацию: мол, жестоко отнимать бедных крошек у матерей и заточать в клетки. Она весьма поэтично распространялась на тему о радостях свободы и о том, сколь беззаботное счастливое существование предстояло бы этим крошкам на верхушках деревьев, а между тем по моей вине им приходится изведать все ужасы заточения.

В то утро местный охотник принес мне обезьяньего детеныша, и я предложил: раз уж молодая леди оказалась таким знатоком жизни обезьян на верхушках деревьев, не поможет ли она мне в небольшом деле, которого никак не миновать, когда берешь в зверинец новую обезьяну? Молодая особа охотно согласилась — видно, сразу представила себя в роли некоей

Д доброй самаритянки при моих обезьянах. А небольшое дело заключалось, попросту говоря, в том, чтобы избавить обезьянку от внутренних и внешних паразитов. Я объяснил это, и молодая леди удивилась: ей и в голову не приходило, сказала она, что у обезьян бывают паразиты — кроме обыкновенных блох, конечно.

Я принес корзиночку, в которой доставили обезьянку, вынул оттуда не много помета, разложил его на чистом листе бумаги и показал моей ново-явленной помощнице, какое там количество остриц. Тут она как-то странно примолкла. Потом я принес обезьянку: это была белоносая мартышка, поистине очаровательное существо — шерсть вся черная, только манишка белая да на носу сверкает белое пушистое пятнышко в форме сердца. Я осмотрел ее крохотные руки и ноги, длинные пальцы и нашел ни много ни мало — шесть удобно пристроившихся тропических песчаных блох. Эти мельчайшие насекомые внедряются в кожу рук и ног, особенно под ногти, где кожа мягче, и там едят, жиреют и растут до тех пор, пока не станут величиной со спичечную головку. Тогда они откладывают яички и погибают; в должный срок из яичек вылупляются новые блохи и с успехом продолжают дело, начатое родителями. Если не хватиться вовремя и не начать лечить зараженную блохами обезьянку в самом начале, она может потерять сустав пальца, а в особо тяжелых случаях разрушаются все пальцы на ногах или на руках, потому что блохи все глубже проникают под кожу и размножаются до тех пор, пока не съедят свою обитель — остается только мешочек кожи, наполненный гноем. У меня несколько раз заводились эти блохи на ноге, и я могу засвидетельствовать, что это очень больно, даже мучительно. Все это я постарался как мог подробнее и нагляднее объяснить моей помощнице. Потом взял тубик обезболивающего средства, заморозил пальцы маленького обезьяныша на руках и на ногах и стал извлекать у него из кожи блох стерильной иглой и дезинфицировать ранки, которые после этого оставались. Обезболивающее оказалось отличным, обезьянка сидела спокойно, а ведь операция эта очень болезненная.

Когда с блохами было покончено, я ощупал хвост обезьянки сверху до низу и обнаружил две припухлости в форме сосисок, каждая длиной с первый сустав моего мизинца и примерно такой же толщины. Я показал их моей помощнице, потом раздвинул в этих местах шерсть, и она увидела круглое, как иллюминатор, отверстие в конце каждой припухлости. Заглянув внутрь, можно было увидеть, что внутри шевелится какая-то белая гадость. Тут я объяснил в самых ученых выражениях, что некая лесная муха откладывает яички в шерсть различных животных и, когда вылупляется личинка, она вгрызается в тело своего домохозяина и живет там, причем жиреет, как свинья в хлеву, а воздух в ее жилище поступает через эти «ил-

люминаторы». Когда же она, наконец, выходит оттуда, чтобы превратиться в муху, у домохозяина в теле остается дыра толщиной в сигарету, и дыра эта обычно становится гноящейся язвой. Я показал моей помощнице (которая к тому времени совсем побледнела), что вытащить эти личинки невозможно.

Я снова взял в руки иглу, раздвинул шерсть и показал молодой особе личинку, лежащую в своем укрытии, точно крохотный аэростат заграждения; однако, едва ее коснулась игла, личинка тотчас сложилась гармошкой, затем сжалась в сморщенный шарик и скользнула подальше, в самую глубину мартышкиного хвоста. Тогда я показал моей помощнице, как все-таки извлечь такую личинку, — это мой собственный способ: сунул в отверстие кончик тюбика с обезболивающим средством, выдавил туда немного жидкости, и личинка замерла, не в силах больше двигаться. Теперь я слегка расширил отверстие скальпелем, воткнул в личинку иглу и вытащил ее из убежища. Не успел я вытащить эту сморщенную, белую мерзость из ее окровавленного укрытия, как моя помощница внезапно и стремительно покинула меня. Я извлек вторую личинку, продезинфицировал зияющие отверстия, которые после них остались, и догнал молодую леди уже на другом конце лагеря. Она объяснила мне, что опаздывает на званный обед, поблагодарила за чрезвычайно интересно проведенное утро, распрощалась — и больше мы ее никогда не видели. На мой взгляд, весьма прискорбно, что люди не дают себе труда узнать получше, каково живет зверю в джунглях, — тогда бы они меньше пустословили о том, как жестоко держать животных в неволе.

Едва ли не самой очаровательной среди наших обезьянок оказался детеныш усатой мартышки, которого добыл Смит, когда ходил на охоту в глубь страны. Таких крохотных мартышек я еще не видывал: если бы не длинный изящный хвост, она вся преспокойно уместилась бы в чайной чашке. Спина у нее зеленовато-серая, манишка белая, на щеках — ярко-желтые пятна. Но самое примечательное — лицо: по всей верхней губе тянется широкая волнистая, совсем белая полоска, и кажется, будто у обезьянки солидные седые усы. Рот у детеныша не по росту огромный — в него легко влезла соска бутылочки с молоком.

Презабавно было видеть, как кормится этот крохотный усатый звереныш: когда ему приносили бутылочку, он кидался к ней, пронзительно повизгивая от радости, плотно обхватывал бутылку ногами и руками и так и лежал, закрыв глаза, и изо всех сил тянул молоко. Выглядело это так, будто его вскармливает большой белый дирижабль — ведь он сам был втрое меньше бутылочки. Детеныш оказался очень смышленным, и мы вскоре научили его пить молоко из блюдца. Малыша приносили и сажали на стол;

Д завидев блюдо, он впадал в настоящую истерику от волнения, трясясь, дергался и визжал что есть силы. Как только блюдо ставили перед ним, он кидался в него головой вперед, точно нырял, погружал в молоко всю рожицу и высовывался, только чтобы глотнуть воздуха, когда уже не мог больше не дышать. Иногда жадность его одолевала, и он оставался без воздуха слишком долго — тогда на поверхности молока появлялись пузыри, а уж потом выныривала физиономия; детеныш кашлял, отфыркивался, брызгая молоком на стол и на самого себя. Порой во время кормежки он вдруг решал, что я стою рядом с единственной целью — улучшить минуту и отнять у него блюдо; тогда он издавал яростный вопль и срывал мой коварный замысел очень простым способом: подпрыгивал высоко в воздух, с громким всплеском приземлялся в самой середине блюда и оставался сидеть тут, торжествуя сверкая на меня глазами. Во время еды он ухитрялся так залить молоком всю физиономию, что уже не разобрать было, где начинались и где кончались его усы, а стол выглядел так, будто на нем доили здоровенную корову.

Самыми трудными характерами в нашем собрании обезьян отличались, несомненно, два шимпанзе — Мэри и Чарли. Прежде чем попасть к нам, Чарли был любимцем одного плантатора и оказался уже довольно ручным. Маленькая рожица его, вся в морщинах, казалась бесконечно печальной, карие глаза смотрели кротко; всем своим видом он словно говорил, что мир к нему жесток и несправедлив, но он всем прощает и не жалуется. Однако эта видимость уныния и скорби — чистейший обман: на самом деле Чарли отнюдь не обиженная, непонятая обезьяна, а самый настоящий уличный хулиган-мальчишка, лживый и хитрый.

Мы каждый день выпускали его из клетки погулять, и он бродил по всему лагерю с лучезарно-невинной миной, стараясь усыпить нашу бдительность и уверить нас в чистоте своих намерений. А потом как бы случайно подходил к столу, где разложена пища, быстрый взгляд вокруг — не видит ли кто? — и хват! В руке у Чарли самая большая связка бананов, и он уже мчится к ближайшему дереву. Если за ним гнались, он бросал бананы и останавливался. Его ругали, а он сидел в пыли и скорбно глядел на своего обидчика — воплощение оскорбленной невинности! Сразу видно: его понапрасну заподозрили в гнусном преступлении, но он чересчур благороден и не станет оправдываться, раз уж вы до того тупы, что сами не понимаете, сколь нелепа и несправедлива эта напраслина. Попробуйте помахать у него перед носом украденной связкой бананов, и он взглянет на вас слегка удивленно и чуть брезгливо. Дескать, с чего вы взяли, что он украл эти бананы? Неужели вы не знаете, что он терпеть не может бананов? Никогда за всю его жизнь (посвященную благотворительности и самоотрече-

нию) у него не появилось ни малейшего желания хотя бы отведать эти мерзкие фрукты, а уж о том, чтобы их украсть, он и помыслить не мог. Когда мы кончали ему выговаривать, Чарли поднимался с земли, глубоко вздыхал, бросал на вас взгляд, в котором сострадание смешивалось с отпиранием, и вприпрыжку отправлялся на кухню взглянуть, нельзя ли что-нибудь стащить и там. Чарли был совершенно неисправим, а мордашка у него была столь выразительная, что он мог поддерживать нескончаемые разговоры и для этого вовсе не нуждался в членораздельной речи.

Мэри — подружка Чарли — отличалась совсем другим характером. Она была старше Чарли и много крупнее, ростом с двухлетнего ребенка. Прежде чем мы ее купили, она побывала в руках торговца из племени хауса, и, наверно, там ее дразнили и вообще плохо с ней обращались: должно быть, именно поэтому вначале обезьянка сидела мрачная и злобная, и мы уже начали тревожиться, удастся ли нам в конце концов завоевать ее доверие — ведь она научилась не доверять ни одному человеку, будь то черный или белый. Однако после того, как несколько месяцев ее хорошо кормили и ласково с ней обращались, она, к великой нашей радости, совсем преобразилась: теперь это была очаровательная шимпанзе, неизменно веселая и наделенная редкостным чувством юмора. Светло-розовая мордочка ее казалась глуповатой, а живот был толстый и круглый, как барабан. Она называла толстушку-официантку в баре, всегда готовую громко расхохотаться над какой-нибудь непристойной шуточкой. Когда Мэри узнала нас получше и научилась нам доверять, она придумала фокус, который явно считала очень потешным. Она откидывалась на перекладине в клетке, с трудом удерживая равновесие, и обращала ко мне самые неподходящие части тела. Теперь мне полагалось нагнуться поближе и изо всех сил дунуть — тут Мэри визгливо хохотала и скромненько прикрывалась руками. Потом лукаво взглядывала на нас поверх толстенького брюшка, убирала руки и ждала, что я еще раз посмею ее тем же способом. Мы называли это «обдывать бесстыдницу Мэри», и сколько бы раз в день ни повторялась эта шутка, обезьяне она никогда не приедалась: Мэри запрокидывала голову, широко раскрывала рот, обнажая розовые десны и белые зубы, и прямо-таки заходила от хохота.

Хоть Мэри и относилась к нам со Смитом и ко всем нашим помощникам очень нежно, она никогда не забывала, что у нее есть зуб против африканцев, и вымещала свою вражду на всех чужих, которые появлялись в лагере. Она зазывно им улыбалась, била себя в грудь или крутила сальто — она была готова на все, лишь бы привлечь их внимание. Разнообразными уловками она заманивала посетителя все ближе к клетке и казалась ему воплощением веселья и доброжелательности, а сама зоркими глазами

Д точно определяла расстояние. Внезапно сквозь прутья высовывалась длинная, сильная рука, слышался громкий треск рвущейся ткани, испуганный вопль застигнутого врасплох гостя — и вот уже Мэри торжествующе пляшет в клетке, размахивая разорванной рубашкой или фуфайкой, которую сорвала со своего восторженного поклонника. Силой она обладала необыкновенной, и мне пришлось истратить кругленькую сумму на возмещение убытков от ее шалостей, поэтому вскоре я переставил ее клетку так, чтобы Мэри не могла больше развлекаться подобным способом.

Обезьянник шумел непрерывно весь день, но ближе к вечеру, около половины пятого, шум нарастал настолько, что не выдерживали даже самые крепкие нервы: в это время обезьянам давали молоко. Часа в четыре они начинали проявлять нетерпение — принимались прыгать и скакать по клеткам, крутили сальто или прижимались лицом к прутьям и жалобно повизгивали. А как только появлялись чистые миски и огромные керосиновые бидоны с теплым молоком, солодом, рыбьим жиром, сахаром и кальцием, все клетки захлестывало волнение, и нарастающий гомон совсем оглушал. Шимпанзе протяжно ухали сквозь губы и стучали по стенкам клетки кулаками; дрилы выкрикивали свое пронзительное «ар-ар-ар-ар-ирири!», точно крохотные пулеметы; белоносые и усатые мартышки тихонько посвистывали и совсем по-птичьи издавали переливчатые трели; красные мартышки плясали, как сумасшедшие балерины, и заунывно кричали «прруп! прруп!», а красавицы гверессы с развевающейся черно-белой гривой строго и повелительно звали: «Арруп! Арруп! Арруп! Йи, йи, йи, йи!» Мы двигались вдоль клеток, вталкивали в них миски с молоком, и шум лонемного стихал; под конец слышалось уже только похрюкивание, чмоканье да изредка случайный кашель, если молоко попадало не в то горло. Опустошив миски, обезьяны взбирались на свои жердочки и сидели там, выпитив раздувшиеся животы, и время от времени громко, удовлетворенно рыгали. Через некоторое время все они спускались вниз на пол, осматривали миски и убеждались, что в них нет больше молока; иногда они даже поднимали миски и оглядывали доньшко с обратной стороны — нет ли там каких-нибудь остатков. Потом они обычно свертывались калачиком на своих шестах и впадали в блаженное состояние оцепенения в лучах вечернего солнца — и тогда на лагерь нисходили мир и покой.

Особенно нравится мне в обезьянах то, что они совершенно чужды условностей и делают все, что им придет в голову, не испытывая ни малейшего смущения. Они обильно мочились или опорожняли кишечник и, нагнувшись, следили за тем, как это происходит, причем на их физиономиях отражался живейший интерес. И спариваются они, нимало не стесняясь

глазеющей публики. Я сам слышал, как смущенные зрители называли обезьян грязными, непристойными животными, потому что они просто-душно отправляют свои естественные потребности, не интересуясь — смотрят на них или нет, и, право же, не могу понять, с какой стати люди возмущаются. В конце концов, это мы, с нашим высшим разумом, решили, что совершенно естественные потребности нашего организма — нечто грязное и неприличное, а обезьяны не разделяют нашу точку зрения.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

В КОТОРОЙ МЫ «ЕХАТЬ ХОРОШО»

Последние несколько дней перед тем, как мы со своим зверинцем ступим на борт парохода, который отвезет нас обратно в Англию, всегда оказываются самыми лихорадочными за всю поездку. Предстоит сделать тысячу дел: нанять грузовики, укрепить клетки, купить и упаковать в корзины великое множество пищи для зверей — и ведь все это сверх обычной работы по уходу за ними.

Едва ли не больше всего нас заботили сони-лентяи. Наша колония с каждым часом таяла, в ней осталось всего-навсего четыре зверька, и мы решили во что бы то ни стало довести их до Англии. После сверхчеловеческих усилий нам удалось заставить их есть наряду с орехами масличной пальмы плоды авокадо. На этой диете они как будто чувствовали себя совсем недурно. Я решил, что если мы возьмем с собой три десятка авокадо различной зрелости, от вполне спелых до зеленых, их должно хватить на все путешествие и даже еще немного останется на первое время в Англии, пока лентяи свыкнутся с новыми условиями. Итак, я позвал Джейкоба и велел ему достать поскорей три десятка авокадо. К моему изумлению, он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Авокадо, сэр? — переспросил он.

— Да, авокадо, — подтвердил я.

— Я не могу его достать, сэр, — горестно сказал Джейкоб.

— Не можешь достать? Почему же?

— Авокадо, он кончился, — беспомощно пояснил Джейкоб.

— Кончились? Как это кончились? Я же не на кухню тебя посылаю, сходи на базар и купи.

— И на базар он тоже кончился, сэр, — терпеливо объяснил Джейкоб.

И вдруг я понял, что он пытается мне втолковать: сезон авокадо прошел, их больше нигде нельзя достать. Придется мне пуститься в путь без запаса фруктов для моих драгоценных летяг.

«Как это на них похоже! — подумал я с горечью. — Уж начали наконец что-то есть, так выбрали именно то, чего больше нельзя раздобыть!» Как бы то ни было, без этих плодов мне не обойтись, и за те несколько дней, что еще оставались в нашем распоряжении, я собрал всех своих помощников и велел им прочесать окрестности — может, где-нибудь все-таки отыщутся авокадо. К самому нашему отъезду нам удалось наскрести несколько маленьких, сморщенных плодов, и это было все. Этими почти высохшими остатками фруктов предстояло прокормить моих драгоценных летяг до самой Англии.

От нашего лагеря до побережья было около двухсот миль, и для перевозки зверинца нам понадобились три грузовика и небольшой фургон. Ехали мы ночью, чтобы животным было не так жарко, и на этот переезд у нас ушло два дня. Более тяжелого путешествия мне не припомнить. Каждые три часа приходилось останавливаться, вытаскивать все ящики с лягушками и поливать их холодной водой, чтобы лягушки не высохли. Дважды в ночь надо было делать более длительные остановки и поить детенышей из бутылочек теплой молочной смесью, которая была заранее приготовлена в термосах. А с рассветом надо было поставить грузовики в стороне от дороги, в тень огромных деревьев, выгрузить на траву все клетки до единой, каждую вычистить и накормить каждое животное. Наутро третьего дня мы добрались до маленькой гостиницы на побережье, которую заранее предоставили в наше распоряжение; здесь снова пришлось все распаковать, вычистить клетки и накормить зверей, и уж только после этого мы без сил вползли в дом, немного поели и рухнули в постель. Но в тот же вечер стали толпами стекаться любопытные с местной банановой плантации — им непременно хотелось поглядеть на наших животных, и, сонные, полумертвые от усталости, мы вынуждены были водить экскурсии, отвечать на вопросы и соблюдать хоть какую-то вежливость.

— Вы едете тем пароходом, что стоит сейчас в порту? — спросил кто-то.

— Да, — сказал я, подавляя зевок. — Завтра отплываем.

— Бог ты мой! В таком случае вас можно только пожалеть, — сказали мне весело.

— Вот как? Почему же?

— Капитан — настоящий варвар, дружище, и терпеть не может животных. Это уж точно. Старик Робинсон, когда в последний раз ехал в отпуск на этом пароходе, хотел взять с собой ручного бабуина. А капитан

уверся — и ни в какую. Ни за что не хотел взять обезьяну на борт. Не желаю, мол, набивать свой пароход вонючими мартышками. Говорят, был страшный скандал.

Мы со Смитом обменялись тревожными взглядами: ведь из всех несчастий, какие выпадают на долю зверолова, кажется, ничего нет хуже, чем капитан, который не любит животных. Позднее, когда последние посетители ушли, мы обсудили эту тревожную новость. И решили, что единственный выход — превзойти самих себя и всячески угождать капитану, а особенно позаботиться о том, чтобы обезьяны вели себя примерно и никакими неподобающими поступками его не прогневали.

Наш зверинец погрузили на переднюю палубу под присмотром старшего помощника, премилого человека, который очень старался нам помочь. Капитана мы в тот вечер не видели, а на следующее утро, когда мы поднялись спозаранку и принялись чистить клетки, он шагал взад и вперед по мостику, сутулый и мрачный. Нам сказали, что он спустится к завтраку, и мы с трепетом ожидали первой встречи.

— Не забудьте, — сказал Смит, когда мы чистили клетки обезьян, — это надо все время гладить по шерстке.

Он набрал полную корзину опилок, подбежал к борту и высыпал опилки в море.

— Главное, постараемся ничем его не раздражать, — продолжал он, нерпувшись ко мне.

И в эту минуту к нам, задохнувшись от спешки, прибежал с мостика матрос в белоснежной робе.

— Извините, сэр, — сказал он, — капитан вам кланяется и просит, когда выбрасывает за борт опилки, сперва посмотрите, в какую сторону дует ветер.

Мы в ужасе взглянули на мостик: в воздухе кружились опилки, и, обсыпанный ими, капитан, сердито хмуря брови, отряхивал свой китель.

— Пожалуйста, передайте капитану наши извинения, — сказал я, с трудом удерживаясь от смеха.

Матрос ушел, и я повернулся к Смигу.

— Гладить его по шерстке! — с горечью воскликнул я. — Ничем его не раздражать! Всего лишь выбросили добрых три центнера опилок на него самого и на его драгоценный мостик! Да уж, что и говорить, на вас можно положиться: вы знаете верный путь к сердцу капитана!

Когда раздался гонг, мы поспешили к себе в каюту, умылись и заняли свои места в кают-компании. К нашему отчаянию, оказалось, что капитан посадил нас за свой стол. Сам он сидел спиной к переборке, в которой было три иллюминатора, а мы со Смитом — напротив него за круглым столом.

Д Иллюминаторы за спиной капитана выходили на палубу, где размещался наш зверинец. К середине завтрака капитан немного оттаял и даже пытался острить насчет опилок.

— Я вообще-то не против вашего зверинца, только смотрите, чтобы никто у вас не удрал из клетки, — сказал он весело, расправляясь с яичницей.

— Ну, этого мы не допустим, — заверил я и едва успел договорить, как в иллюминаторе что-то мелькнуло; я взглянул туда и увидел Любимчика, черноухого бельчонка; он сидел в круглом открытом оконце и снисходительным взором осматривал внутренность кают-компания.

Капитан, конечно, не мог видеть бельчонка — тот сидел на уровне его плеча, в трех шагах от него — и продолжал спокойно есть и разговаривать, а Любимчик сидел на задних лапках и чистил свои усы. На несколько секунд я остолбенел от ужаса, голова моя отказывалась работать, я только сидел как дурак и глазел в иллюминатор. По счастью, капитан был слишком занят своим завтраком и ничего не замечал. Любимчик кончил умываться и чиститься и снова принялся оглядывать кают-компанию. Видно, под конец он решил, что это место все же стоит исследовать повнимательней, и теперь озирался вокруг, соображая, каким бы путем поудобнее спуститься со своего насеста. И нашел, что проще всего прыгнуть из иллюминатора прямо на плечо капитану. Я отчетливо видел, как этот план созревает в голове маленького разбойника, и мысль, что он сейчас прыгнет, пронизала меня, как ток, и побудила действовать. Я поспешно пробормотал: «Простите», оттолкнул свой стул и вышел из кают-компания. Как только я оказался в коридоре и капитан уже не мог меня видеть, я со всех ног бросился к клеткам. К моему немалому облегчению, Любимчик еще не прыгнул — его длинный пушистый хвост все еще свисал из иллюминатора. И в ту секунду, когда он уже пригнулся для прыжка, я кинулся к нему и успел схватить за хвост. Я отнес его в клетку — от негодования он громко верещал — и разгоряченный, но торжествующий вернулся в кают-компанию. Капитан все еще о чем-то говорил, и если он даже заметил мое поспешное бегство, то, наверно, приписал его коликам в желудке, ибо не сказал об этом ни слова.

На третий день нашего плавания две сони-летяги оказались мертвыми. Я с грустью рассматривал их тела, когда появился какой-то матрос. Он спросил, отчего умерли зверьки, и я пространно поведал ему трагическую историю с плодами авокадо, которых нигде нет.

— А что это за фрукты? — спросил матрос.

Я показал ему один из оставшихся сморщенных плодов.

— А, эти? — удивился он. — Они вам нужны?

Я уставился на него, не в силах выговорить ни слова.

— А у вас они есть? — спросил я наконец.

— Ну, у меня-то нет, — сказал он, — но я вам, пожалуй, достану.

В тот же вечер он опять явился, карманы у него оттопыривались.

— Вот, — сказал он и сунул мне в руки несколько прекрасных, зрелых авокадо. — Дайте мне три штуки ваших, только никому ни слова.

Я дал ему три высохших плода, поскорей накормил летяг зрелыми, которые он мне принес, и зверьки вволю ими насладились. Настроение у меня поднялось, и я опять стал надеяться, что все-таки доставлю летяг в Англию.

И всякий раз, когда бы я ни сказал ему, что запас фруктов истощается, мой друг матрос приносил мне сочные, зрелые плоды и брал взамен сухие. Это было очень странно, но я чувствовал, что лучше не стараться вникнуть в это глубже. Все-таки, несмотря на свежие фрукты, еще одна летяга погибла, и, когда мы плыли по Бискайскому заливу, у меня оставалась только одна. Теперь все решало время: если мне удастся сохранить этот единственный экземпляр в живых до самой Англии, я смогу предложить зверьку огромный выбор пищи и, конечно, найдется что-нибудь ему по душе. Берега Англии приближались, и я внимательно следил за летягой. Казалось, все хорошо: она вполне здорова и отлично настроена. Осторожности ради я ставил ее клетку на ночь к себе в каюту, чтобы зверек случайно не простудился. Накануне того дня, когда мы вошли в гавань, летяга была в наилучшем виде, и я уже верил, что все-таки доведу ее до дому. В ту же ночь, без всякой видимой причины, она вдруг умерла. Итак, последняя летяга проехала четыре тысячи миль и умерла всего за сутки до Ливерпуля. Я был в отчаянии, и ничто не могло меня утешить.

Даже когда мой зверинец снимали на берег, я не испытывал обычного в таких случаях чувства облегчения и гордости. Волосатые лягушки перенесли путешествие благополучно, сухолистки тоже; Чарли и Мэри весело ухали в своих клетках, когда их спускали за борт. Любимчик грыз сахар и разглядывал толпу на пристани с явной надеждой поразвлечься, а усатая мартышка высовывала нос сквозь прутья клетки, усы ее сверкали, и она напоминала молодого Санта-Клауса. Но даже глядя, как всех их благополучно спускают на берег после столь долгого и опасного путешествия, я не радовался по-настоящему: все они не могли возместить мне потерю маленькой летяги. Мы со Смитом уже собирались сойти с корабля, и тут появился мой друг матрос. Он слышал про смерть летяги и очень огорчился, что наши с ним усилия оказались тщетными.

— Кстати, — сказал я, уже прощаясь, — мне очень любопытно узнать, откуда вы доставали авокадо посреди океана?

Матрос быстро оглянулся — не слышит ли нас кто-нибудь.

А — Я вам скажу, приятель, только никому ни полслова, — сказал он хриплым шепотом. — Капитан очень любит авокадо, понятно? И у него в холодильнике стоял большой ящик. Он всегда привозит такой ящик домой, понятно? Вот я и взял малость для вас.

— Значит, это были фрукты капитана? — растерянно спросил я.

— Ну, ясно. Но он ничего не заметит, — весело заверил меня матрос. — Понимаете, я, когда брал их из ящика, каждый раз клал туда столько же ваших.

Таможенники никак не могли понять, почему я трясся от хохота, когда показывал им наши корзины, и все поглядывали на меня с подозрением. Но, к сожалению, шутка была не из тех, какими можно с кем-нибудь поделиться.

МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

СЛОВО В СВОЕ ОПРАВДАНИЕ

Так вот, иногда я успевала еще до завтрака целых шесть раз поверить в невероятное.

(Белая королева)

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

В этой книге я рассказал о пяти годах, прожитых нашей семьей на греческом острове Корфу. Сначала книга была задумана просто как повесть о животном мире острова, в которой было бы немножко грусти по ушедшим дням. Однако я сразу сделал серьезную ошибку, впусив на первые страницы своих родных. Очутившись на бумаге, они принялись укреплять свои позиции и приглашали с собой всяких друзей во все главы. Лишь ценой невероятных усилий и большой изворотливости мне удалось отстоять кое-где по несколько страничек, которые я мог целиком посвятить животным.

Я старался дать здесь точные портреты своих родных, ничего не приукрашивая, и они проходят по страницам книги такими, как я их видел. Но для объяснения самого смешного в их поведении должен сразу сказать, что в те времена, когда мы жили на Корфу, все были очень молоды: Ларри, самому старшему, исполнилось двадцать три года, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, а мне, самому маленькому, было всего десять лет. () мамином возрасте никто из нас никогда не имел точного представления по той простой причине, что она никогда не вспоминала о днях своего рождения. Могу только сказать, что мама была достаточно взрослой, чтобы иметь четверых детей. По ее настоянию я объясняю также, что она была вдовой, а то ведь, как проникательно заметила мама, люди всякое могут подумать.

Чтобы все события, наблюдения и радости за эти пять лет жизни могли втиснуться в произведение, не превышающее по объему «Британскую энциклопедию», мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что в конце концов от истинной продолжительности событий почти ничего

Д не осталось. Пришлось также отбросить многие происшествия и лиц, о которых я рассказал бы тут с большим удовольствием.

Разумеется, книга эта не могла бы появиться на свет без поддержки и помощи некоторых людей. Говорю я об этом для того, чтобы ответственность за нее разделить на всех поровну.

Итак, я выражаю благодарность:

Доктору Теодору Стефанидесу. Со свойственным ему великодушием он разрешил мне воспользоваться материалами из своей неопубликованной работы об острове Корфу и снабдил меня множеством плохих каламбуров, из которых я кое-что пустил в ход.

Моим родным. Как-никак это они все же дали мне основную массу материала и очень помогли в то время, пока писалась книга, отчаянно споря по поводу каждого случая, который я с ними обсуждал, и изредка соглашаясь со мной.

Моей жене — за то, что она во время чтения рукописи доставляла мне удовольствие своим громким смехом. Как она потом объяснила, ее смешила моя орфография.

Софи, моей секретарше, которая взялась расставить запятые и беспощадно искореняла все незаконные согласования.

Особую признательность я хотел бы выразить маме, которой и посвящается эта книга. Как вдохновенный, нежный и чуткий Ной, она искусно вела свой корабль с несуразным потомством по бурному житейскому морю, всегда готовая к бунту, всегда в окружении опасных финансовых мелей, всегда без уверенности, что команда одобрит ее управление, но в постоянном сознании своей полной ответственности за всякую неисправность на корабле. Просто непостижимо, как она выносила это плавание, но она его выносила и даже не очень теряла при этом рассудок. По верному замечанию моего брата Ларри, можно гордиться тем методом, каким мы ее воспитали; всем нам она делает честь.

Думаю, мама сумела достичь той счастливой нирваны, где уже ничто не потрясает и не удивляет, и в доказательство приведу хотя бы такой факт: недавно, в какую-то из суббот, когда мама оставалась одна в доме, ей вдруг принесли несколько клеток. В них было два пеликана, алый ибис, гриф и восемь обезьянок. Менее стойкий человек мог бы растеряться от такой неожиданности, но мама не растерялась. В понедельник утром я застал ее в гараже, где за нею гонялся рассерженный пеликан, которого она пыталась кормить сардинами из консервной банки.

— Хорошо, что ты пришел, милый, — сказала она, еле переводя дух. — С этим пеликаном трудно было управиться.

Я спросил, откуда она знает, что это мои животные.

— Ну, конечно, твои, милый. Кто же еще мог бы мне их прислать?

Как видите, мама очень хорошо понимает по крайней мере одного из своих детей.

И в заключение я хочу особо подчеркнуть, что все рассказанное тут об острове и его жителях — чистейшая правда. Наша жизнь на Корфу вполне бы могла сойти за одну из самых ярких и веселых комических опер. Мне кажется, что всю атмосферу, все очарование этого места верно отразила морская карта, которая у нас тогда была. На ней очень подробно изображался остров и береговая линия прилегающего континента, а внизу, на маленькой врезке, стояла надпись:

Предупреждаем:

БАКЕНЫ, ОТМЕЧАЮЩИЕ МЕЛИ, ЧАСТО ОКАЗЫВАЮТСЯ ЗДЕСЬ
НЕ НА СВОИХ МЕСТАХ, ПОЭТОМУ МОРЯКАМ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ
У ЭТИХ БЕРЕГОВ НАДО БЫТЬ ОСМОТРИТЕЛЬНОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕЕЗД

Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь, вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей.

В тот день все наше семейство имело довольно неприглядный вид, так как плохая погода принесла с собой весь обычный набор простуд, которые мы очень легко схватывали. Для меня, растянувшегося на полу с коллекцией раковин, она принесла сильный насморк, залив мне, словно цементом, весь череп, так что я с хрипом дышал через открытый рот. У моего брата Лесли, примостившегося у зажженного камина, были воспалены оба уха, из них беспрестанно сочилась кровь. У сестры Марго прибавились новые прыщики на лице, и без того испещренном красными точками. У мамы сильно текло из носа и вдобавок начался приступ ревматизма. Только моего старшего брата Ларри болезнь не коснулась, но было уже достаточно и того, как он злился, глядя на наши недуги.

Разумеется, Ларри все это и затеял. Остальные в то время просто не в состоянии были думать еще о чем-нибудь, кроме своих болезней, но Ларри само Провидение предназначило для того, чтобы нестись по жизни маленьким светлым фейерверком и зажигать мысли в мозгу у других людей, а потом, свернувшись милым котеночком, отказываться от всякой ответственности за последствия. В тот день злость разбирала Ларри со все нарастающей силой, и вот наконец, окинув комнату сердитым взглядом, он решил атаковать маму как явную виновницу всех бед.

— И чего ради мы терпим этот проклятый климат? — спросил он неожиданно, поворачиваясь к залитому дождем окну. — Взгляни вон туда! И, уж если на то пошло, взгляни на нас... Марго раздулась, как тарелка с распаренной кашей... Лесли слоняется по комнате, заткнув в каждое ухо по четырнадцать саженей ваты... Джерри говорит так, будто он родился с волчьей пастью... И посмотри на себя! С каждым днем ты выглядишь все кошмарнее.

Мама бросила взгляд поверх огромного тома под названием «Простые рецепты из Раджпутаны» и возмутилась.

— Ничего подобного! — сказала она.

— Не спорь, — упорствовал Ларри. — Ты стала выглядеть как самая настоящая прачка... а дети твои напоминают серию иллюстраций из медицинской энциклопедии.

На эти слова мама не смогла подыскать вполне уничтожающего ответа и поэтому ограничилась одним лишь пристальным взглядом, прежде чем снова скрыться за книгой, которую она читала.

— Солнце... Нам нужно солнце! — продолжал Ларри. — Ты согласен, Лессе?.. Лессе... Лессе!

Лесли вытащил из одного уха большой клоч ваты.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Вот видишь! — торжествующе произнес Ларри, обращаясь к маме. — Разговор с ним превращается в сложную процедуру. Ну, скажи на милость, разве это дело? Один брат не слышит, что ему говорят, другого ты сам понять не можешь. Пора наконец что-то предпринять. Не могу же я создавать свою бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет эвкалиптовой настойкой.

— Конечно, милый, — рассеянно отвечала мама.

— Солнце, — говорил Ларри, снова приступая к делу. — Солнце, вот что нам нужно... край, где мы могли бы расти на свободе.

— Конечно, милый, это было бы славно, — соглашалась мама, почти не слушая его.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он пишет, что Корфу — восхитительный остров. Может быть, стоит собрать вещички и поехать в Грецию?

— Конечно, милый, если тебе хочется, — неосторожно произнесла мама.

Там, где дело касалось Ларри, мама обычно действовала с большой осмотрительностью, стараясь не связывать себя словом.

— Когда? — спросил Ларри, удивившись ее покладистости.

Мама, поняв свою тактическую ошибку, осторожно опустила «Простые рецепты из Раджпутаны».

Д — Мне кажется, милый, — сказала она, — тебе лучше поехать сперва одному и все уладить. Потом ты напишешь мне, и, если там будет хорошо, мы все к тебе приедем.

Ларри посмотрел на нее испепеляющим взглядом.

— То же самое ты говорила, когда я предложил ехать в Испанию, — напомнил он. — Я просидел в Севилье целых два месяца в ожидании вашего приезда, а ты лишь писала мне длинные письма о питьевой воде и канализации, словно я был секретарем муниципального совета или вроде того. Нет уж, если ехать в Грецию, то только всем вместе.

— Ты все преувеличиваешь, Ларри, — жалобно сказала мама. — Во всяком случае, я не могу так вот сразу уехать. Надо что-то решить с этим домом.

— Решить? Господи, ну что тут решать? Продай его, вот и все.

— Я не могу этого сделать, милый, — ответила мама, потрясенная подобным предложением.

— Не можешь? Почему не можешь?

— Но ведь я его только что купила.

— Вот и продай, пока он еще не облупился.

— Не говори глупостей, милый. Об этом даже речи быть не может, — твердо заявила мама. — Это было бы просто безумием.

И вот мы продали дом и, как стая перелетных ласточек, унеслись на юг от хмурого английского лета.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой только то, что считали жизненно необходимым. Когда на таможне мы открыли для досмотра свой багаж, содержимое чемоданов со всей наглядностью продемонстрировало характер и интересы каждого из нас. Багаж Марго, например, состоял из вороха прозрачной одежды, трех книг с советами, как сохранить стройную фигуру, и целой батареи флаконов с какой-то жидкостью от прыщей. В чемодане Лесли оказалось два свитера и пара трусов, куда были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка под названием «Будь сам себе оружейным мастером» и большая бутылка смазочного масла, которая подтекала. Ларри вез с собой два сундука книг и чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между одеждой и книгами по кулинарии и садоводству. Я взял с собой в путешествие только то, что могло скрасить длинную, скучную дорогу: четыре книги по зоологии, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья, набитую гусеницами, которые в любой момент могли превратиться в куколок.

Итак, полностью, по нашим стандартам, оснащенные, мы покинули холодные берега Англии.

Мимо пронеслась Франция, грустная, залитая дождями; Швейцария, похожая на рождественский торт; яркая, шумная, пропитанная резкими запахами Италия — и скоро от всего остались смутные воспоминания. Крошечный пароходик отвалил от каблука Италии и вышел в сумеречное море. Пока мы спали в своих душных каютах, где-то посреди отполированной луною водной глади судно пересекло невидимую линию раздела и оказалось в светлом зазеркалье Греции. Постепенно ощущение этой перемены каким-то образом проникло в нас, мы все проснулись от непонятного волнения и вышли на палубу.

В свете ранней утренней зари море катило свои гладкие синие волны. За кормой, словно белый павлиний хвост, тянулись легкие пенистые струи, сверкавшие пузырями. Бледное небо начинало желтеть на востоке. Впереди неясным пятном проступала шоколадно-коричневая земля с бахромкой белой пены внизу. Это был Корфу.

Напрягая зрение, мы вглядывались в очертания гор, стараясь различить долины, пики, ущелья, пляжи, но перед нами по-прежнему был только силуэт острова. Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за горизонта, и все небо залилось ровной голубой глазурью, как глаз у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под скомканным бурым одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обошли северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого цвета, а с берега даже сквозь шум пароходных двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕОЖИДАННЫЙ ОСТРОВ

Пробившись сквозь гам и сутолоку таможни, мы оказались на залитой ярким солнечным светом набережной. Перед нами по крутым склонам поднимался город — спутанные ряды разноцветных домиков с зелеными став-

Днями, будто распахнутые крылья тысячи бабочек. Позади расстилалась зеркальная гладь залива с его невообразимой синевой.

Ларри шел быстрым шагом, гордо откинув голову и с выражением такой царственной надменности на лице, что можно было не заметить его маленького роста. Он не спускал глаз с носильщиков, еле справлявшихся с его двумя сундуками. Сзади воинственно выступал крепныш Лесли, а следом за ним в волнах духов и муслина шествовала Марго. Маму, имевшую вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера, нетерпеливый Роджер насильно утащил к ближайшему фонарному столбу. Она стояла там, устремив взор в пространство, пока он давал разрядку своим напряженным чувствам после долгого сидения взаперти. Ларри нанял две на удивление замызганные пролетки, в одну поместил багаж, в другую забрался сам и сердито посмотрел вокруг.

— Ну, что? — спросил он. — Чего мы еще ждем?

— Мы ждем маму, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарь.

— О господи! — воскликнул Ларри и, выпрямившись в пролетке во весь рост, проревел: — Скорее, мама! Собака может потерпеть.

— Иду, милый, — послушно отозвалась мама, не трогаясь с места, потому что Роджер еще не собирался уходить от столба.

— Этот пес мешал нам всю дорогу, — сказал Ларри.

— Надо иметь терпение, — возмутилась Марго. — Собака не виновата... Мы ведь ждали тебя целый час в Неаполе.

— У меня тогда расстроился желудок, — холодно объяснил Ларри.

— И у него, может, тоже желудок, — с торжеством ответила Марго. — Какая разница? Что в лоб, что на лбу.

— Ты хотела сказать — по лбу?

— Чего бы я ни хотела, это одно и то же.

Но тут подошла мама, слегка взъерошенная, и наше внимание переключилось на Роджера, которого надо было водворить в пролетку. Роджеру еще ни разу не доводилось ездить в подобных экипажах, поэтому он косился на него с подозрением. В конце концов пришлось втаскивать его силой и потом под бешеный лай втискиваться вслед за ним, не давая ему выскочить из пролетки. Испуганная всей этой суетой лошадь рванулась с места и понеслась во всю прыть, а мы свалились в кучу, придавив завизжавшего что есть мочи Роджера.

— Хорошенькое начало, — проворчал Ларри. — Я надеялся, что у нас будет благородно-величественный вид, и вот как все обернулось... Мы въезжаем в город, словно труппа средневековых акробатов.

— Полно, полно, милый, — успокаивала его мама, расправляя свою шляпку. — Скоро мы будем в гостинице.

Когда извозчик с лязгом и стуком въезжал в город, мы, разместившись кое-как на волосяных сиденьях, старались принять так уж необходимый Ларри благородно-величественный вид. Роджер, стиснутый в мощных объятиях Лесли, свесил голову через край пролетки и закатил глаза, как при последнем издыхании. Потом мы промчались мимо переулка, где грелись на солнце четыре облезлые дворняги. Завидев их, Роджер весь напрягся и громко залаял. Тут же ожившие дворняги с пронзительным визгом бросились вслед за пролеткой. От всего нашего благородного величия не осталось и следа, так как двое теперь держали обезумевшего Роджера, а остальные, перегнувшись назад, отчаянно махали книгами и журналами, стараясь отогнать визгливую свору, но только раздражили ее еще сильнее. С каждой новой улочкой собак становилось все больше, и, когда мы катили по главной магистрали города, у наших колес уже вертелось двадцать четыре разрывавшихся от злости пса.

— Почему вы ничего не сделаете? — спросил Ларри, стараясь перекрыть собачий лай. — Это же просто сцена из «Хижины дяди Тома».

— Вот и сделал бы что-нибудь, чем разводить критику, — огрызнулся Лесли, продолжая единоборство с Роджером.

Ларри быстро вскочил на ноги, выхватил из рук удивленного кучера кнут и хлестнул по собачьей своре. До собак он, однако, не достал, и кнут пришлось по затылку Лесли.

— Какого черта? — вскипел Лесли, поворачивая к нему побагровевшее от злости лицо. — Куда ты только смотришь?

— Это я нечаянно, — как ни в чем не бывало объяснил Ларри. — Не было тренировки... давно не держал кнута в руках.

— Вот и думай своей дурацкой башкой, что делаешь, — выпалил Лесли.

— Успокойся, милый, он же не нарочно, — сказала мама.

Ларри еще раз щелкнул кнутом по своре и сбил с маминой головы шляпку.

— Беспокойства от тебя больше, чем от собак, — заметила Марго.

— Будь осторожнее, милый, — сказала мама, хватаясь за шляпку. — Так ведь можно убить кого-нибудь. Лучше бы ты оставил кнут в покое.

В этот момент извозчик остановился у подъезда, над которым по-французски было обозначено: «Швейцарский пансионат». Дворняги, почуяв, что им наконец можно будет схватиться с изнеженным псом, который разъезжает на извозчиках, окружили нас плотной рычащей стеной. Дверь гостиницы отворилась, на пороге показался старый привратник с бакенбардами и стал безучастно наблюдать за суматохой на улице. Нелегко нам было перетащить Роджера с пролетки в гостиницу. Поднять тяжелую собаку, нести ее на руках и все время сдерживать — для этого потребовались совместные усилия всей семьи. Ларри, не думая больше о своей величественной

Д позе, развлекался теперь вовсю. Он спрыгнул на землю и с кнутом в руках двинулся по тротуару, пробиваясь сквозь собачий заслон. Лесли, Марго, мама и я шли вслед за ним по расчищенному проходу с рычащим и рвущимся из рук Роджером. Когда мы наконец протиснулись в вестибюль гостиницы, привратник захлопнул входную дверь и налег на нее так, что у него задрожали усы. Появившийся в этот момент хозяин посмотрел на нас с любопытством и опасением. Мама, в съехавшей набок шляпе, подошла к нему, сжимая в руках мою банку с гусеницами, и с милой улыбкой, словно приезд наш был самым обыкновенным делом, сказала:

— Наша фамилия Даррелл. Надеюсь, для нас оставили номер?

— Да, мадам, — ответил хозяин, обходя сторонкой все еще ворчащего Роджера. — На втором этаже... четыре комнаты с балконом.

— Как хорошо, — просияла мама. — Тогда мы сразу поднимемся в номер и немного отдохнем перед едой.

И с вполне величественным благородством она повела свою семью наверх.

Через некоторое время мы спустились вниз и позавтракали в большой унылой комнате, уставленной пыльными пальмами в кадках и кривыми скульптурами. Обслуживал нас привратник с бакенбардами, который, переодевшись во фрак и целлулоидную манишку, скрипевшую, как целый взвод сверчков, превратился теперь в метрдотеля. Еда, однако, была обильная и вкусная, все ели с большим аппетитом. Когда принесли кофе, Ларри с блаженным вздохом откинулся на стуле.

— Подходящая еда, — сказал он великодушно. — Что ты думаешь об этом месте, мама?

— Еда здесь хорошая, милый, — уклончиво ответила мама.

— А они обходительные ребята, — продолжал Ларри. — Сам хозяин переставил мою кровать поближе к окну.

— Он был не таким уж обходительным, когда я попросил у него бумаги, — сказал Лесли.

— Бумаги? — спросила мама. — Зачем тебе бумага?

— Для туалета... ее там не оказалось, — объяснил Лесли.

— Тс-с-с! Не за столом, — шепотом произнесла мама.

— Ты просто плохо смотрел, — сказала Марго ясным, громким голосом. — У них там ее целый ящичек.

— Марго, дорогая! — испуганно воскликнула мама.

— Что такое? Ты не видела ящичка?

Ларри хихикнул.

— Из-за некоторых странностей городской канализации, — любезно объяснил он Марго, — этот ящичек предназначается для... э...

Марго покраснела.

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать... что это было... Боже мой!

И, заливаясь слезами, она выскочила из столовой.

— Да, очень негигиенично, — строго заметила мама. — Просто безобразно. По-моему, даже не важно, ошиблись вы или нет, все равно можно подхватить брюшной тиф.

— Никто бы не ошибался, если б тут был настоящий порядок, — заявил Лесли.

— Конечно, милый. Только я думаю, что нам не стоит заводить сейчас об этом спор. Лучше всего поскорее найти себе дом, пока с нами ничего не случилось.

Вдобавок ко всем маминым тревогам «Швейцарский пансионат» был расположен на пути к местному кладбищу. Когда мы сидели на своем балконишке, по улице нескончаемой вереницей тянулись похоронные процессии. Очевидно, из всех обрядов жители Корфу больше всего ценили похороны, и каждая новая процессия казалась пышнее предыдущей. Наемные экипажи утопали в красном и черном крепе, а на лошадях было накручено столько попон и плюмажей, что даже представить было трудно, как они только могут двигаться. Шесть или семь таких экипажей с людьми, охваченными глубокой, безудержной скорбью, следовали друг за другом впереди тела усопшего, а оно покоилось на дрогах вроде повозки в большом и очень нарядном гробу. Одни гробы были белые с пышными черно-алыми и синими украшениями, другие — черные, лакированные, обвитые золотой и серебряной филигранью и с блестящими медными ручками. Мне еще никогда не приходилось видеть такой заманчивой красоты. Вот, решил я, так и надо умирать, чтоб были лошади в пополах, море цветов и толпа убитых горем родственников. Свесившись с балкона, я в восторженном самозабвении наблюдал, как проплывают внизу гробы.

После каждой процессии, когда вдали замирали стенания и умолкал стук копыт, мама начинала волноваться все сильнее.

— Ну ясно, это эпидемия, — воскликнула она наконец, с тревогой оглядывая улицу.

— Какие глупости, — живо отозвался Ларри. — Не дергай себе зря нервы.

— Но, милый мой, их ведь столько... Это же противоестественно.

— В смерти нет ничего противоестественного, люди все время умирают.

— Да, но они не мрут как мухи, если все в порядке.

— Может, они скапливают их, а потом уж хоронят всех заодно, — бесцеречно высказался Лесли.

— Не говори глупостей, — сказала мама. — Я уверена, что это все от канализации. Если она так устроена, люди не могут быть здоровы.

Д — Господи! — произнесла Марго замогильным голосом. — Значит, я заразилась.

— Нет, нет, милая, это не передается, — рассеянно сказала мама. — Это, наверно, что-нибудь незаразное.

— Не понимаю, о какой можно говорить эпидемии, если это что-то незаразное, — логично заметил Лесли.

— Во всяком случае, — сказала мама, не давая втянуть себя в медицинские споры, — надо все это выяснить. Ларри, ты не мог бы позвонить кому-нибудь из местного отдела здравоохранения?

— Здесь, наверно, нет никакого здравоохранения, — ответил Ларри. — А если б и было, то там мне ничего не сказали бы.

— Ну, — решительно произнесла мама, — другого выхода у нас нет. Надо уезжать. Мы должны покинуть город. Нужно немедленно подыскивать себе дом в деревне.

На другое утро мы отправились искать дом в сопровождении мистера Билера, агента из гостиницы. Это был невысокий, толстый человек с заискивающим взглядом и вечной испариной. Когда мы выходили из гостиницы, у него было довольно веселое настроение, но он тогда еще не знал, что его ждет впереди. Да и ни один человек не смог бы этого вообразить, если он ни разу не помогал маме подыскивать жилье. В тучах пыли мы носились по всему острову, и мистер Билер показывал нам один дом за другим. Они были самые разнообразные по величине, цвету и местоположению, но мама решительно качала головой, отвергая каждый из них. Наконец мы осмотрели десятый, последний в списке Билера дом, и мама еще раз потрясла головой. Мистер Билер без сил опустился на ступеньки, вытирая лицо носовым платком.

— Мадам Даррелл, — вымолвил он наконец, — я показал вам все дома, какие знал, и вам ни один не подошел. Что же вам нужно, мадам? Скажите, какой у этих домов недостаток?

Мама посмотрела на него с удивлением.

— Неужели вы не заметили? — спросила она. — Ни в одном из них нет ванны.

Мистер Билер глядел на маму, вытаращив глаза.

— Не понимаю, мадам, — проговорил он с истинной мукой, — для чего вам ванна? Разве тут нет моря?

В полном молчании мы возвратились в гостиницу.

На следующее утро мама решила, что нам надо взять такси и отправиться на поиски одним. Она была уверена, что где-то на острове все же прячется дом с ванной. Мы не разделяли маминой веры, роптали и пререкались, пока она вела нас, как строптивое стадо, к стоянке такси на глав-

ной площади. Шоферы такси, заметив наше невинное простодушие, налетели на нас, словно коршуны, стараясь перекрыть один другого. Голоса их становились все громче, в глазах вспыхивал огонь. Они хватали друг друга за руки, скрежетали зубами и тянули нас в разные стороны с такой силой, точно хотели разорвать на части. На самом деле это был нежнейший из нежных приемов, просто мы еще не привыкли к греческому темпераменту, и поэтому нам казалось, будто жизнь наша находится в опасности.

— Что же делать, Ларри? — вскрикнула мама, с трудом вырываясь из цепких объятий огромного шофера.

— Скажи им, что мы пожалуемся английскому консулу, — посоветовал Ларри, стараясь перекрыть шоферов.

— Не говори глупостей, милый, — задыхаясь, произнесла мама. — Просто объясни им, что мы ничего не понимаем.

Марго с глупой улыбкой бросилась на выручку.

— Мы англичане, — крикнула она пронзительно. — Мы не понимаем греческого языка.

— Если этот тип толкнет меня еще раз, я ему двину в ухо, — сказал Лесли, вспыхивая от злости.

— Успокойся, милый, — с трудом выговорила мама, все еще отбиваясь от шофера, тянувшего ее к своему автомобилю. — По-моему, они не хотят нас обидеть.

И в это время все вдруг сразу замолкли. Перекрывая общий гвалт, в воздухе прогремел низкий, сильный, раскатистый голос, какой мог бы быть у вулкана.

— Эй! — громыхнул голос и, сильно коверкая слова, спросил по-английски: — Почему вы не берете с собой человека, который умеет говорить на вашем языке?

Обернувшись, мы увидели у обочины дороги старенький «Додж», а за рулем невысокого плотного человека с большущими руками и широким, обветренным лицом. Он бросил хмурый взгляд из-под лихо надвинутой кепки, открыл дверцу автомобиля, выкатился на тротуар и поплыл в нашу сторону. Потом остановился и, нахмурившись еще сильнее, стал глядеть на примолкших таксистов.

— Они вас осаждали? — спросил он маму.

— Нет, нет, — ответила мама, стараясь все сгладить. — Мы просто не могли их понять.

— Вам нужен человек, умеющий говорить на вашем языке, — повторил он еще раз. — А то эти подонки... простите за слово... облапошат собственную мать. Одну минуту, я им сейчас покажу.

Д И он обрушил на шоферов такой поток греческих слов, что чуть не сбил их с ног. Выражая свою злость и обиду отчаянной жестикуляцией, шоферы вернулись к своим автомобилям, а этот чудак, послав им вслед последний и, очевидно, уничтожающий залп, снова обратился к нам.

— Куда вам надо ехать? — спросил он почти свирепо.

— Мы подыскиваем себе дом, — сказал Ларри. — Вы не можете повезти нас за город?

— Конечно. Я могу повезти вас куда угодно. Только скажите.

— Мы ищем дом, — твердо заявила мама, — в котором была бы ванна. Вы знаете такой дом?

Его загорелое лицо забавно сморщилось в раздумье, черные брови нахмурились.

— Ванна? — спросил он. — Вам нужна ванна?

— Все дома, какие мы уже видели, были без ванны, — ответила мама.

— Я знаю дом с ванной, — сказал наш новый знакомый. — Только сомневаюсь, подойдет ли он вам по размерам.

— Вы можете нас туда повезти? — спросила мама.

— Конечно, могу. Садитесь в машину.

Все забрались во вместительный автомобиль, а наш шофер уселся за руль и со страшным шумом включил мотор. Беспрерывно подавая оглушительные сигналы, мы промчались по кривым улочкам на окраине города, лавируя среди навьюченных ослов, тележек, деревенских женщин и бесчисленных собак. За это время шофер успел завести с нами разговор. Всякий раз, произнеся фразу, он поворачивал к нам свою большую голову, чтобы проверить, как мы отреагировали на его слова, и тогда автомобиль начинал метаться по дороге, как ошалелая ласточка.

— Вы англичане? Так я и думал... Англичанам всегда нужна ванна... в моем доме есть ванна... меня зовут Спиро, Спиро Хакьяопулос... но все называют меня Спиро Американец, потому что я жил в Америке... Да, пробыл восемь лет в Чикаго... Там я и научился так хорошо говорить по-английски... Ездил туда делать деньги... Через восемь лет я сказал: «Спиро, — сказал я, — с тебя уже хватит...» И вернулся в Грецию... привез вот этот автомобиль... самый лучший на острове... ни у кого нет такого. Меня знают все английские туристы, и все меня спрашивают, когда приезжают сюда... они понимают, что их не надуют.

Мы ехали по дороге, покрытой толстым слоем шелковистой белой пыли, взвивавшейся за нами огромными густыми тучами. По бокам дороги тянулись заросли опунции, как забор из зеленых тарелок, ловко поставленных друг на друга и усеянных шишечками ярко-малиновых плодов. Мимо проплывали виноградники с кудрявой зеленью на крошечных лозах, оливко-

вые рощи с дуплистыми стволами, обращавшими к нам свои удивленные лица из-под сумрака собственной тени, полосатые заросли тростника с рясущими, как зеленые флажки, листьями. Наконец мы с ревом поднялись по склону холма, Спиро нажал на тормоза, и автомобиль остановился в облаке пыли.

— Вот, — показал Спиро своим коротким толстым пальцем, — тот самый дом с ванной, какой вам нужно.

Мама, ехавшая всю дорогу с крепко зажмуренными глазами, теперь осторожно их открыла и огляделась. Спиро показывал на пологий склон, спускавшийся прямо к морю. Весь холм и долины вокруг утопали в мягкой зелени оливковых рощ, серебрившихся, как рыба чешуя, чуть только ветерок трогал листву. Посредине склона, в окружении высоких стройных кипарисов, приютился небольшой дом землянично-розового цвета, словно какой-нибудь экзотический плод, обрамленный зеленью. Кипарисы слегка раскачивались на ветру, как будто они красили небо к нашему приезду, чтобы сделать его еще голубее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗЕМЛЯНИЧНО-РОЗОВЫЙ ДОМ

Этот небольшой квадратный дом стоял посреди маленького садика с выражением какой-то решимости на своем розовом лице. Зеленая краска на его ставнях побелела от солнца, растрескалась и вздулась кое-где пузырями. В садике с живой изгородью из высоких фуксий были разбиты цветочные клумбы самой разнообразной формы, обложенные по краям гладкими белыми камешками. Светлые мощеные дорожки узкой лентой вились вокруг клумб в форме звезд, полумесяцев, кругов, треугольников размером чуть побольше соломенной шляпы. Цветы на всех клумбах, давно оставленных без присмотра, буйно заросли травой. С роз осыпались шелковые лепестки величиной с блюдце — огненно-красные, серебристо-белые, без единой морщиночки. Ноготки тянули к солнцу свои пламенные головки, точно это были его дети. У самой земли среди зелени скромно сияли бархатные звездочки маргариток, а из-под сердцевидных листьев выглядывали грустные фиалки. Над небольшим балконом пышно раскинулась бугенвиллея, увешанная, будто для карнавала, фонариками ярко-малиновых цветков; на сомкнутых кустах фуксий, как маленькие балерины в пачках, застыли в трепетном ожидании тысячи распустившихся бутонов. Теплый

Д воздух был пропитан ароматом вянущих цветов и наполнен тихим, мягким шелестом и жужжанием насекомых. Нам сразу захотелось жить в этом доме, как только мы его увидели. Он стоял и будто дожидался нашего приезда, и мы все почувствовали себя тут как дома.

Ворвавшись так неожиданно в нашу жизнь, Спиро теперь взялся за устройство всех наших дел. Как он объяснил, от него будет гораздо больше проку, потому что все его тут знают, и он постарается, чтобы нас не надули.

— Вы ни о чем не беспокойтесь, миссис Даррелл, — сказал он, хмурия брови. — Предоставьте все мне.

И вот Спиро стал ездить с нами за покупками. После целого часа невероятных усилий и громких споров ему в конце концов удавалось снизить цену какой-нибудь вещи драхмы на две, что составляло примерно один пенс. Это, конечно, не деньги, объяснял он, но все дело в принципе! И, разумеется, дело еще заключалось в том, что он очень любил торговаться. Когда Спиро узнал, что наши деньги еще не прибыли из Англии, он дал нам в долг определенную сумму и взялся поговорить как следует с директором банка о его плохих организаторских способностях. А то, что это вовсе не зависело от бедного директора, не смущало его ни в малейшей степени. Спиро оплатил наши счета в гостинице, раздобыл подводу для перевозки багажа в розовый дом и доставил нас туда самих на своем автомобиле вместе с грудой продуктов, которые он для нас закупил.

Как мы вскоре убедились, его заявление о том, что он знал каждого жителя острова и все знали его, не было пустым бахвальством. Где бы ни остановился его автомобиль, всегда с десяток голосов окликали Спиро по имени, приглашая на чашку кофе к столику под деревом. Полицейские, крестьяне и священники приветливо здоровались с ним на улице, рыбаки, бакалейщики, владельцы кафе встречали его как родного брата. «А, Спиро!» — говорили они и ласково улыбались ему, как непослушному, но милому ребенку. Его уважали за честность, горячность, а пуще всего ценили в нем истинно греческое бесстрашие и презрение ко всякого рода чиновникам. Когда мы приехали на остров, таможенники конфисковали у нас два чемодана с бельем и другими вещами на том основании, что это был товар для продажи. Теперь, когда мы перебрались в землянично-розовый дом и встал вопрос о постельном белье, мама рассказала Спиро о чемоданах, задержанных на таможне, и попросила его совета.

— Вот те раз, миссис Даррелл! — проревел он, багровея от гнева. — Почему же вы до сих пор молчали? На таможне одни подонки. Завтра же мы поедем туда с вами, и я их поставлю на место. Я всех там знаю, и они меня знают. Предоставьте дело мне — я их всех поставлю на место.

На следующее утро он повез маму на таможенню. Чтобы не упустить всего представления, мы тоже отправились вместе с ними. Спиро ворвался в помещение таможни, словно разъяренный тигр.

— Где вещи этих людей? — спросил он у пухленького таможенника.

— Вы говорите о чемоданах с товарами? — спросил таможенник, старательно выговаривая английские слова.

— Не понимаете, о чем я говорю?

— Они здесь, — осторожно сказал чиновник.

— Мы приехали за ними, — нахмурил брови Спиро. — Так что приготовьте-ка их.

Он повернулся и торжественно вышел, чтобы поискать себе кого-нибудь на подмогу для погрузки багажа. Вернувшись, он увидел, что таможенник взял у мамы ключи и как раз открывает крышку на одном из чемоданов. Спиро заревел от злости и, мигом подскочив к таможеннику, хлопнул крышкой прямо ему по пальцам.

— Зачем открываешь, сукин ты сын? — спросил он свирепо.

Таможенник, махая в воздухе прищемленной рукой, сказал со злостью, что это его обязанность — просматривать багаж.

— Обязанность? — спросил Спиро насмешливо. — Что значит обязанность? Обязанность нападать на бедных иностранцев? Обращаться с ними, как с контрабандистами? Это ты считаешь обязанностью?

Спиро на миг остановился, перевел дух, схватил оба огромных чемодана и направился к выходу. На пороге он обернулся, чтобы выпустить еще заряд на прощанье.

— Я тебя знаю, Кристаки, и ты уж лучше не заводи со мной разговоров об обязанностях. Я не забыл, как тебя оштрафовали на двадцать тысяч драхм за то, что ты глушил рыбу динамитом, и не желаю, чтобы каждый уголовник говорил со мной об обязанностях.

Мы возвращались из таможни с торжеством, забрав свой багаж без проверки и в полной сохранности.

— Эти подонки думают, что они тут хозяева, — комментировал Спиро, видимо, не подозревая, что и сам действует как хозяин острова.

Взявшись однажды нас опекать, Спиро так и остался с нами. За несколько часов он превратился из шофера такси в нашего защитника, а через неделю стал нашим проводником, философом и другом. Очень скоро мы уже воспринимали его как члена нашей семьи, и без него не обходилось почти ни одно событие, ни одна затея. Он всегда был под рукой со своим громовым голосом и сдвинутыми бровями, устраивал наши дела, говорил, сколько за что платить, внимательно следил за нами и сообщал маме все, что, по ее мнению, она должна была знать. Грузный, нескладный ангел с дубленой кожей, он охранял нас так нежно и заботливо, словно мы были

Д неразумные дети. На маму он глядел с искренним обожанием и повсюду громким голосом расточал ей комплименты, чем немало смущал ее.

— Вы должны думать, что делаете, — говорил он нам с серьезным видом. — Маму нельзя огорчать.

— Это почему же? — спрашивал Ларри с притворным удивлением. — Она для нас никогда не старается, так чего же нам о ней думать?

— Побойтесь бога, мастер Ларри, не надо так шутить, — говорил Спиро с болью в голосе.

— Он совершенно прав, Спиро, — со всей серьезностью подтверждал Лесли. — Не такая уж она хорошая мать.

— Не смейте так говорить, не смейте! — ревел Спиро. — Если б у меня была такая мать, я б каждое утро опускался на колени и целовал ей ноги.

Итак, мы поселились в розовом доме. Каждый устраивал свою жизнь и принаравливался к обстановке сообразно своим привычкам и вкусам. Марго, например, загорала в оливковых рощах в микроскопическом купальном костюме и собрала вокруг себя целую ватагу красивых деревенских парней, которые всякий раз появлялись словно из-под земли, если надо было отогнать пчелу или передвинуть шезлонг. Мама сочла своим долгом сказать ей, что считает эти загорания довольно неразумными.

— Ведь этот костюм, моя милая, — пояснила она, — не так уж много закрывает.

— Не будь старомодной, мама, — вспыхнула Марго. — В конце концов, мы ведь умираем всего лишь раз.

На это замечание, в котором было столько же неожиданности, сколько истины, мама не нашла ответа.

Чтобы занести в дом сундуки Ларри, троим крепким деревенским парням пришлось целых полчаса потеть и надрываться, в то время как сам Ларри бегал вокруг и давал ценные указания. Один сундук оказался таким огромным, что его надо было втаскивать через окно. Когда оба сундука водворили наконец на место, Ларри провел счастливый день за их распаковкой, так загромоздив книгами всю комнату, что нельзя было ни войти, ни выйти. Потом он возвел из книг зубчатые башни вдоль стен и целый день просидел в этой крепости со своей пишущей машинкой, выходя только к столу. На другое утро Ларри появился в очень дурном расположении духа, потому что какой-то крестьянин привязал осла возле самой ограды нашего сада. Время от времени осел вскидывал голову и протяжно кричал своим надрывным голосом.

— Ну подумайте! — сказал Ларри. — Разве не смешно, что грядущие поколения будут лишены моей книги только оттого, что какому-то безмозглому идиоту вздумалось привязать эту мерзкую вычужную скотину прямо у меня под окном?

— Да, милый, — откликнулась мама. — Почему же ты не уберешь его, если он тебе мешает?

— Дорогая мамочка, у меня нет времени гонять ослов по оливковым ющам. Я запустил в него книжкой по истории христианства. Что, по-твоему, я еще мог сделать?

— Это бедное животное привязано, — сказала Марго. — Нельзя же думать, что оно само отвяжется.

— Надо, чтоб был закон, запрещающий оставлять этих мерзких животных около дома. Может кто-нибудь из вас увести его?

— С какой стати? — сказал Лесли. — Он нам вовсе не мешает.

— Ну и люди, — сокрушался Лари. — Никакой взаимности, никакого участия к ближнему.

— Очень уж у тебя много участия к ближнему, — заметила Марго.

— А все твоя вина, мама, — серьезно сказал Ларри. — Зачем было воспитывать нас такими эгоистами?

— Вы только послушайте! — воскликнула мама. — Я их воспитала эгоистами!

— Конечно, — сказал Ларри. — Без посторонней помощи нам бы не удалось достичь таких результатов.

В конце концов мы с мамой отвязали осла и отвели его подальше от дома.

Тем временем Лесли распаковал свои пистолеты и принялся палить из окна по старой консервной банке. Пережив и без того оглушительное утро, Ларри выскочил из комнаты и заявил, что вряд ли сможет работать, если каждые пять минут весь дом будет сотрясаться до основания. Обиженный Лесли сказал, что ему необходимо тренироваться. Лари ответил, что пальба эта похожа не на тренировку, а на восстание сипаев в Индии. Мама, у которой нервы тоже страдали от выстрелов, предложила тренироваться с незаряженным пистолетом. Лесли целых полчаса старался втолковать ей, почему это невозможно, но в конце концов ему пришлось взять консервную банку и удалиться на некоторое расстояние от дома. Выстрелы теперь звучали несколько глуше, но все еще заставляли нас вздрагивать.

Не переставая следить за нами, мама в то же время продолжала вести и свои собственные дела. Весь дом был наполнен ароматом трав и резким запахом чеснока и лука, на кухне кипели разные горшки и кастрюльки, а между ними в съехавших набок очах двигалась мама, бормоча себе что-то под нос. На столе подымалась пирамида истрепанных книг, куда мама время от времени заглядывала. Если можно было отлучиться из кухни, мама с удовольствием копалась в саду, что-то сердито подрезала и обрывала, что-то вдохновенно сеяла и подсаживала.

Д Меня сад тоже притягивал. Вместе с Роджером мы открыли там много интересного. Роджер, например, узнал, что не следует нюхать шершней, что деревенские собаки убегают с громким визгом, если поглядеть на них через калитку, и что цыплята, которые соскакивают вдруг с кустов фуксии и уносятся с безумным кудахтаньем, хотя и желанная, но недозволённая добыча.

Этот сад игрушечных размеров был для меня настоящей волшебной страной, где в цветочной чаще суетилась такая живность, какой я еще ни разу не встречал. В каждом розовом бутоне среди тугих шелковых лепестков жили крохотные, похожие на крабов паучки, поспешно удиравшие в сторону от ваших любопытных глаз. Их маленьких прозрачные тельца были окрашены в тон цветов, на которых они обитали: розовые, кремовые, винно-красные, маслянисто-желтые. По усеянному тлями стеблям, будто лакированные игрушки, ползали божьи коровки — бледно-красные с крупными черными пятнами, ярко-красные с бурыми пятнами, оранжевые в серых и черных крапинках. Кругленькие, симпатичные божьи коровки переползали со стебля на стебель и поедали анемичных тлей. А над цветами с солидным деловым гудением летали пчелы-плотники, похожие на пушистых голубых медведей. Аккуратные гладкие бражники весело поселились над дорожками, замирая иногда в воздухе на распахнутых, дрожащих крыльях, чтобы запустить в середину цветка свой длинный гибкий хоботок. По белым мощеным дорожкам сновали крупные черные муравьи, собираясь кучками вокруг какой-нибудь диковины: дохлой гусеницы, обрывка розового лепестка или метелочки травы, набитой семенами. А из окрепших оливковых рощ через ограду из фуксий лился бесконечный звон цикад. Если бы знойное полуденное марево стало вдруг издавать звуки, это и было бы как раз вот такое удивительное звенящее пение.

Сначала я просто ошалел от этого буйства жизни прямо у нашего порога и мог только бродить в изумлении по саду, наблюдать то за одним, то за другим насекомым, каждую минуту провожая взглядом яркую бабочку, перелетавшую через изгородь. Со временем, когда я уже немного привык к такому изобилию насекомых среди цветов, мои наблюдения стали более сосредоточенными. Присев на корточки или растянувшись на животе, я мог теперь часами наблюдать за повадками разных живых существ вокруг меня, в то время как Роджер сидел где-нибудь поблизости с выражением полного смирения на морде. Таким вот образом я открыл для себя множество удивительных вещей.

Я узнал, что маленькие паучки-крабы могут наподобие хамелеона менять свою окраску. Возьмите паучка с красной розы, где он сидел, как коралловая бусинка, и поместите в прохладную глубину белой розы. Если

шучок там останется (а они обычно остаются), вы увидите, как он постепенно бледнеет, словно эта перемена отнимает у него силы. И вот дня через два он уже сидит среди белых лепестков, совсем как жемчужинка.

В сухой листве под оградой из фуксий жили паучки совершенно иного рода — маленькие злые охотники, ловкие и свирепые, как тигры. Сверкая на солнце глазами, они разгуливали по своей вотчине среди листвы, останавливались по временам, подтягивались на волосатых ногах, чтобы оглядеться вокруг. Заметив какую-нибудь присевшую погреться на солнышке муху, паук замирал, потом медленно-медленно, прямо-таки не превышая скорости роста былинки, начинал переставлять ноги, незаметно пододвигался все ближе и ближе и прикрепляя по пути к поверхности листьев свою спасательную шелковую нить. И вот, оказавшись совсем близко, охотник останавливался, слегка шевелил ногами, отыскивая опору понадежнее, затем бросался вперед, прямо на задремавшую муху, и заключал ее в свои полосатые объятия. Ни одного раза я не видел, чтобы жертва ушла от паучка, если он заранее выбирал нужную позицию.

Все эти открытия приводили меня в неописуемый восторг, его надо было разделить с кем-то, и вот я врывался в дом и поражал всех новостью, что непонятные, обитавшие на розах черные гусеницы с колючками вовсе не гусеницы, а детеныши божьей коровки, или же не менее удивительной новостью, что златоглазки откладывают яички на ходулях. Это последнее чудо мне посчастливилось увидеть собственными глазами. Заметив златоглазку на розовом кусте, я стал смотреть, как она карабкается по листьям, и восхищался ее красивыми, нежными, будто из зеленого стекла крылышками и огромными прозрачно-золотыми глазами. Через некоторое время златоглазка остановилась посреди листа, опустила книзу брюшко, посидела так с минуту, потом подняла хвост, и, к моему изумлению, оттуда потянулась тоненькая, как волосок, бесцветная ниточка, а затем на самом ее кончике появилось яичко. Чуть передохнув, златоглазка снова проделала то же самое, и вскоре вся поверхность листа была покрыта как бы миниатюрными зарослями плауна. Закончив кладку, самка слегка пошевелила усиками и упорхнула в зеленой дымке своих газовых крыльев.

Но, может быть, самым волнующим открытием, которое мне удалось сделать в этой многокрасочной Лилипутии, было гнездо уховертки. Я уже давно пытался его отыскать, только все безуспешно. И вот, наткнувшись теперь на него нечаянно, я так обрадовался, будто получил вдруг замечательный подарок. Гнездо было под куском коры, который я случайно сдвинул с места. Под корой оказалось небольшое углубление, вырытое, должно быть, самим насекомым, и в нем устроено гнездо. В середине гнезда сидела уховертка, заслоняя собой кучку белых яиц. Она сидела на них, точно ку-

Дрица, ее не согнали даже потоки солнечного света, когда я поднял кору. Яиц я сосчитать не мог, но их было совсем немного. Видимо, она еще не все успела отложить.

С большой осторожностью я снова прикрыл ее куском коры и с этой минуты стал ревностно следить за гнездом. Я возвел вокруг него защитную стенку из камней и вдобавок поместил рядом на столбике выведенную красными чернилами надпись, чтобы предупредить всех своих домашних. Надпись гласила: «АСТОРОЖНО — ГНЕЗДО УХОВЕРТКИ — ПАЖАЛУСТА ОБХАДИТЕ». Примечательно, что оба правильно написанных слова имели отношение к биологии. Почти каждый час я подвергал ухвертку пристальному десятиминутному осмотру. Чаще я проверять ее не смел, опасаясь, как бы она не покинула гнезда. Постепенно груды яиц под ней росла, и ухвертка, очевидно, привыкла к тому, что крыша из коры у нее над головой все время поднимается. Мне даже показалось, что она начинает узнавать меня и дружески кивает усиками.

К моему горькому разочарованию, все мои усилия и постоянный надзор пошли прахом. Детки вывелись в ночное время. Мне казалось, что после всего, что я сделал, она могла бы помедлить немного, дожидаться моего прихода. Однако все они уже были там, чудесный выводок крохотных, хрупких ухверточек, будто вырезанных из слоновой кости. Они тихонько копошились под материнским телом, ползали между ее ножками, а более отважные даже взбирались к ней на челюсти. Это было трогательное зрелище. На следующий день детская опустела: все мое милое семейство разбрелось по саду. Позднее мне встретился один из детенышей. Он, конечно, сильно подрос, окреп и побурел, но я сразу же его узнал. Он спал, зарывшись в розовые лепестки, и, когда я его потревожил, только поднял челюсти. Мне хотелось думать, что это было приветствие, дружеское приветствие, однако совесть заставляла меня признаться, что он просто делал предостережение возможному противнику. Но я ему все прощал. Ведь он был совсем маленький, когда мы виделись последний раз.

В скором времени я сумел подружиться с деревенскими девушками, которые каждое утро и вечер проезжали мимо нашего сада. Болтовня и смех этих шумных и ярко одетых толстушек, восседавших на спинах ослов, разносились по всем окрестным рощам. Проезжая мимо нашего сада по утрам, девушки весело улыбались мне и выкрикивали громкие слова приветствия, а вечером, на обратном пути, они подъезжали к самому саду и, рискуя свалиться со спины своих вислоухих скакунов, с улыбкой протягивали мне через ограду разные дары: янтарную гроздь винограда, все еще хранившую солнечное тепло, черные как смоль спелые плоды инжира с полопавшимися бочками или же огромный арбуз с прохладной розовой сердце-

виной. Понемногу я научился понимать их разговор. Сначала мое ухо стало выделять из общего неясного потока отдельные звуки, потом эти звуки приобрели вдруг значение, и я начал медленно, с запинками выговаривать их сам и наконец принялся без всяких грамматических правил складывать из этих только что выученных слов отдельные неуклюжие фразы. Наших соседей это приводило в восторг, как будто я говорил им самые изысканные комплименты. Перегнувшись через ограду, они напряженно слушали, как я пытаюсь произнести приветствие или простенькую фразу, и, когда я кое-как справлялся с этим, радостно кивали, улыбались и хлопали в ладоши. Постепенно я запомнил все их имена, узнал, кто чей родственник, кто уже замужем, а кто собирается выйти замуж и разные другие подробности. Потом я узнал, кто где живет, и если нам с Роджером случалось проходить мимо чьего-нибудь домика в оливковых рощах, вся семья высыпала на улицу, встречая нас громкими и радостными приветствиями, из дома тут же выносили стул, чтобы я смог посидеть под лозами и поесть с ними винограда.

Мало-помалу остров незаметно, но властно подчинял нас своим чарам. Каждый день нес в себе такое спокойствие, такую отрешенность от времени, что хотелось удержать его навсегда. Но потом ночь опять сбрасывала свои черные покровы, и нас ждал новый день, блестящий и яркий, как детская переводная картинка, и с тем же впечатлением нереальности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМИ БРОНЗОВКАМИ

Утром, когда я просыпался, сквозь ставни в мою спальню золотыми полосками лился яркий солнечный свет. В утреннем воздухе стоял запах дымка от разожженной на кухне печки, раздавалось звонкое петушиное пение, далекий лай собак, печальный звон колокольчиков, если в то время на пастбище гнали коз.

Завтракали мы в саду под сенью небольшого мандаринового дерева. Прохладное сияющее небо еще не приобрело пронзительной полуденной синевы, оттенок у него был светлый, молочно-опаловый. Цветы еще не совсем очнулись от сна, розы густо обрызганы росой, ноготки плотно закрыты. За завтраком обычно все было тихо и спокойно, потому что в такую рань никому еще не хотелось болтать, и только к самому концу завтрака кофе, гренки и яйца делали свое дело. Все понемногу оживали и принимали

Д лись рассказывать друг другу, что каждый из них собирался делать и почему собирается это делать, а потом серьезно начинали обсуждать, стоило ли браться за это дело. Я в таких дискуссиях участия не принимал, так как знал совершенно точно, что собираюсь делать, и старался как можно скорей покончить с едой.

— Тебе обязательно надо давиться пищей? — спрашивал Ларри сердитым голосом, ловко орудуя зубочисткой из спички.

— Жуй получше, милый, — тихо говорила мама. — Торопиться-то ведь некуда.

Некуда торопиться? А если Роджер ждет вас с нетерпением у садовой калитки и следит за вами беспокойными карими глазами? Некуда торопиться, когда среди олив первые сонные цикады настраивают уже свои скрипочки? Некуда торопиться, когда весь остров с его прохладным, ясным как звезда утром ждет своего исследователя? Но едва ли можно было надеяться, что родные сумеют стать на мою точку зрения, поэтому я начинал есть медленней, пока их внимание не переключалось на что-нибудь другое, и тогда я снова набивал рот до отказа.

Разделавшись наконец с едой, я поспешно вставал из-за стола и удирал к калитке, где меня встречал вопросительный взгляд Роджера. Сквозь чугунные прутья калитки мы смотрели с ним на оливковые рощи, и я намекал Роджеру, что, быть может, нам лучше никуда не ходить сегодня. Он протестующе махал обрубок хвоста и трогал носом мою руку. Да нет же, нет, я ведь в самом деле не собираюсь никуда идти. Наверное, скоро начнется дождь — и я с тревогой поглядывал на ясное, сияющее небо. Навострив уши, Роджер тоже смотрел на небо, потом обращал ко мне умоляющий взгляд. Ну, может, сейчас дождя и не будет, продолжал я, но позднее он уж обязательно начнется, так что лучше всего посидеть с книгой в саду. Роджер в отчаянии хватался за калитку своей огромной черной лапой и снова смотрел на меня. Его верхняя губа начинала кривиться в заискивающей улыбке, обнажая белые зубы, а короткий хвост дрожал от возбуждения. Это был его главный козырь. Ведь он отлично понимал, что я не устою перед такой забавной улыбкой. Я переставал дразнить Роджера и бежал за своими спичечными коробками и сачком для бабочек. Скрипучая калитка отворялась, с лязгом захлопывалась снова, и Роджер, как вихрь, проносился сквозь оливковые рощи, приветствуя новый день своим громким лаем.

В те дни, когда я только начинал свое знакомство с островом, Роджер был моим неизменным спутником. Вместе мы отваживались уходить все дальше и дальше от дома, отыскивали уединенные оливковые рощи, которые надо было исследовать и запомнить, пробирались сквозь миртовые заросли — излюбленное пристанище черных дроздов, заходили в узкие доли-

ны, окутанные густой тенью кипарисов. Роджер был для меня идеальным спутником, его привязанность не переходила в навязчивость, храбрость — в задиристость, он был смышлен, добродушен и весело сносил все мои выдумки. Если мне случалось поскользнуться где-нибудь на влажном от росы склоне, Роджер уже был тут как тут, фыркал, будто в насмешку, бросал на меня быстрый взгляд, встряхивался, чихал и, сочувственно лизнув, улыбался мне своей кривой улыбкой. Если я отыскивал что-нибудь интересное — муравейник, лист с гусеницей, паука, пеленающего муху шелковым свивальником, — Роджер останавливался и ждал, пока я закончу свое исследование. Когда ему казалось, что я слишком замешкался, он подходил поближе, жалобно тявкал и начинал вилять хвостом. Если находка была пустяковой, мы сразу отправлялись дальше, если же встречалось что-нибудь заслуживающее пристального внимания, мне стоило только строго взглянуть на Роджера — и он сразу понимал, что дело затягивается надолго. Уши у него тогда опускались, он переставал вилять хвостом, плелся к ближайшему кусту, растягивался в тени, глядя на меня глазами страдальца.

Во время этих походов мы с Роджером завязывали в разных местах знакомства со многими людьми. Среди них была, например, веселая, толстая Агати, жившая в маленьком ветхом домишке на горе. Она всегда сидела около своего дома с веретеном в руках и пряла овечью шерсть. Должно быть, ей давно уже перевалило за семьдесят, но волосы у нее до сих пор оставались черными и блестящими. Они были аккуратно заплетены в косы и намотаны на пару отполированных коровьих рогов — украшение, которое можно еще увидеть на некоторых старых крестьянках. Агати сидела на солнышке в алой повязке, накрученной поверх рогов, в руках у нее, как волчок, ходило вверх и вниз веретено, пальцы ловко направляли нить, а морщинистые губы широко открывались, обнажая неровный ряд уже пожелтевших зубов, — она пела песню хриловатым, но все еще сильным голосом.

От нее-то я и узнал самые красивые и самые известные народные песни. Усевшись на старую консервную банку, я ел виноград и гранаты из ее сада и пел вместе с нею. Агати то и дело прерывала пение, чтобы исправить мой выговор. Куплет за куплетом мы пели веселую, живую песню о реке — как она стекает с гор и орошает сады и поля и как деревья сгибаются под тяжестью плодов. С усиленным кокетством строя друг другу глазки, мы пели забавную любовную песенку под названием «Обман».

— Обман, обман, — выводили мы, тряся головой, — кругом обман, но ведь это я научил тебя рассказывать всем людям, как я тебя люблю.

Д Потом мы переходили к печальным мелодиям и пели для начала неторопливую, но живую песенку «Зачем ты меня покидаешь?» и, совсем размякнув, принимались петь дрожащими голосами длинную чувствительную песню. Когда мы подходили к заключительной, самой душераздирающей ее части, глаза Агати заволакивались дымкой, подбородок дрожал от волнения, и она прижимала руки к своей обширной груди. Наконец замирал последний звук нашего не очень-то стройного пения, Агати вытирала нос уголком повязки.

— Ну скажи, разве мы не остолопы? Конечно, остолопы. Сидим тут на солнце и поем. Да еще о любви! Я для этого слишком стара, ты слишком мал, и все-таки мы теряем время и поем о ней. Ну ладно, давай выпьем по стаканчику вина.

Кроме Агати, среди моих любимцев был еще старый пастух Яни, высокий, сутулый человек с большим орлиным посом и невероятными усами. Первый раз я встретился с ним в очень жаркий день, после того как мы с Роджером больше часу напрасно старались вытащить крупную зеленую ящерицу из ее норы в каменной стене. Сомлев от жары и усталости, мы растянулись у пяти невысоких кипарисов, бросавших ровную, четкую тень на выгоревшую траву. Я лежал, прислушиваясь к тихому, сонному позвякиванию колокольчиков, и вскоре увидел стадо коз. Проходя мимо кипарисов, каждая коза останавливалась, пялила на нас свои бессмысленные желтые глаза и шла дальше, качая своим большим, похожим на волынку выменем и с хрустом пощипывая листья кустарника. Эти мерные звуки и тихий звон колокольчиков совсем убаюкали меня. Когда все стадо прошло мимо и показался пастух, я уже почти засыпал. Старик остановился, опираясь на темную палку из оливы, и окинул меня взглядом. Его небольшие черные глаза смотрели строго из-под кустистых бровей, огромные башмаки плотно прижимали к земле вереск.

— Добрый день, — окликнул он меня сердито. — Ты иностранец... маленький лорд?

Я уже знал тогда, что крестьяне почему-то считают всех англичан лордами, и ответил старику утвердительно. Он повернулся и закричал на козу, которая, поднявшись на задние ноги, общипывала молодое оливковое деревце, потом снова обратился ко мне.

— Я хочу сказать тебе кое-что, маленький лорд, — произнес он. — Опасно тут лежать под деревьями.

Я посмотрел на кипарисы, не нашел в них ничего опасного и спросил старика, почему он так думает.

— Посидеть-то под ними хорошо, у них густая тень, прохладная, как вода в роднике. Но вся беда в том, что они усыпляют человека. И ты никогда, ни в коем случае не ложись спать под кипарисом.

Он остановился, погладил усы, подождал, покуда я не спросил, почему нельзя спать под кипарисами, и продолжал:

— Почему, почему! Потому, что, проснувшись, ты станешь другим человеком. Да, эти черные кипарисы очень опасны. Пока ты спишь, их корни врастают тебе в мозги и крадут твой ум. Когда ты проснешься, ты уже ненормальный, голова у тебя пустая, как свистулька.

Я спросил у него, относится ли это только к кипарисам или же ко всем деревьям.

— Нет, только к кипарисам, — ответил старик и строго посмотрел на деревца, под которыми я лежал, будто опасаясь, что они могут подслушать наш разговор. — Только кипарисы воруют рассудок. Так что смотри, маленький лорд, не спи здесь.

Он слегка кивнул мне, еще раз сердито посмотрел на темные пирамиды кипарисов, словно ждал от них объяснения, и осторожно начал пробираться сквозь заросли миртов к склону холма, где разбрелись его козы.

С Яни мы потом стали хорошими друзьями. Я всякий раз встречался с ним во время своих экскурсий, а иногда заходил в его маленький домик, где он угощал меня фруктами и давал всякие наставления, советуя вести себя поосторожней на прогулках.

Но, может быть, одной из самых необычных и притягательных личностей, которых мне довелось встретить в своих походах, был Человек с Золотыми Бронзовками. Он как будто вышел прямо из волшебной сказки и был просто неотразим. Встречаться с ним мне удавалось не часто, и встречи этих я ждал с большим нетерпением. Первый раз я увидел его на пустынной дороге, ведущей к одной из горных деревушек. Услышал я его гораздо раньше, чем увидел, так как он наигрывал мелодичную песенку на пастушьей свирели, останавливаясь временами, чтобы произнести несколько слов каким-то чудным, гнусавым голосом. Когда он показался из-за поворота дороги, мы с Роджером остановились и раскрыли рот от изумления.

У него было острое, лисье личико и большие раскосые глаза темно-карего, почти черного цвета. Было в них что-то странное, неуловимое, и покрывал их какой-то налет, будто на сливе, какая-то жемчужная пленка, почти как катаракта. Небольшого роста, худенький, с невероятно тонкой шеей и запястьями, он был облачен в фантастический наряд. На голове у него была бесформенная шляпа с очень широкими, обвислыми полями, когда-то темно-зеленая, но теперь посеревшая от пыли, покрытая винными пятнами и прожженная сигаретами. На шляпе колыхался целых лес перь-

Дев, заткнутых за ленту, — петушиных, совиных, удоновых, крыло зимородка, ястребиная лапа и одно большое грязное белое перо, должно быть, лебединое. Старая, изношенная рубаша побурела от пота, у шеи болтался невероятных размеров галстук из ослепительного голубого атласа. На темном бесформенном пиджаке красовались разноцветные заплатки — на рукаве белая с розочками, на плече красный треугольник в белую крапинку. Из сильно оттопыренных карманов этого одеяния почти вываливалось все их содержимое: гребни, воздушные шары, раскрашенные образки, вырезанные из оливкового дерева змеи, верблюды, собаки и лошади, дешевые зеркальца, яркие платки и плетеные батоны с тмином. Штаны его, тоже в заплатках, спадали на алые кожаные башмаки с задранными носами и большими черно-белыми помпонами. На спине у этого удивительного человека громоздились клетки с голубями и цыплятами, какие-то таинственные мешки и большой пучок свежего зеленого лука-порея. Одной рукой он придерживал свирель, в другой сжимал пук ниток с привязанными на концах золотыми бронзовками величиной с миндалину. Сверкая на солнце, золотисто-зеленые жуки летали вокруг шляпы и отчаянно гудели, стараясь сорваться с ниток, крепко обхватывающих их тельце. По временам какой-нибудь жук, устав кружиться без толку, отдыхал минуточку на его шляпке, прежде чем снова пуститься в бесконечную карусель.

Когда Человек с Золотыми Бронзовками заметил нас, он остановился с преувеличенным изумлением, снял свою смешную шляпу и отвесил низкий поклон. Это неожиданное внимание так подействовало на Роджера, что он в удивлении залагал. Человек улыбнулся, снова надел шляпу, поднял руки и помахал мне своими длинными костлявыми пальцами. Я посмотрел на него с радостным удивлением и вежливо поздоровался. Человек еще раз отвесил любезный поклон и на мой вопрос, не с праздника ли он возвращается, закивал головой. Потом поднес к губам свирель, извлек из нее веселую мелодию, сделал несколько прыжков посреди пыльной дороги и, остановившись, показал большим пальцем через плечо, откуда он пришел. Улыбаясь, он похлопал себя по карманам и потер большим пальцем об указательный — так обычно изображают деньги. И тут я вдруг понял, что Человек с Бронзовками немой. Мы стояли посреди дороги, я продолжал разговаривать с ним, а он отвечал мне очень остроумной пантомимой. Когда я спросил, для чего ему нужны бронзовки и зачем он привязывает их за нитки, он вытянул руку ладонью книзу, обозначив маленьких ребятишек, потом взял одну нитку с жуком на конце и стал вертеть ею над головой. Насекомое сразу ожило и пустилось летать по своей орбите вокруг шляпы, а он взглянул на меня сияющими глазами, показал на небо, раскинул руки и громко загудел через нос, делая на дороге всякие виражи и спуски. Сразу

было видно, что это самолет. Потом он показал на жуков, снова обозначил ладонью маленьких детей и принялся вертеть над головой целой связкой жуков, так что все они сердито зажужжали.

Утомленный этим объяснением, Человек с Бронзовками уселся на краю дороги и заиграл на своей свирели простенькую мелодию, останавливаясь порой, чтобы пропеть своим необычным голосом несколько тактов. Это не были отчетливые слова, а просто поток носовых и гортанных звуков, мычание и писк. Однако он произносил их с такой живостью и с такой удивительной мимикой, что вам казалось, будто эти странные звуки имеют какое-то значение.

Засунув потом свою дудку в оттопыренный карман, человек посмотрел на меня в раздумье, сбросил с плеча небольшой мешочек, развязал его и, к моему изумлению и восторгу, вытряхнул на пыльную дорогу с полдюжины черепашек. Панцири их были до блеска натерты маслом, а передние ноги он каким-то образом умудрился украсить алыми бантиками. Черепахи не спеша выпростили голову и ноги из-под блестящих панцирей и лениво поползли вдоль дороги. Я глядел на них восторженными глазами. Особенно понравилась мне одна маленькая черепаха размером не больше чайной чашки. Она казалась живее других, глаза у нее были ясные и панцирь посветлее — смесь янтаря, каштана и жженого сахара. Двигалась она со всем доступным черепахе проворством. Я долго следил за нею, стараясь убедить себя, что дома у нас ее примут с большим восторгом и, может быть, даже поздравят меня с таким славным приобретением. Отсутствие денег не смущало меня ни в малейшей степени, потому что я просто мог попросить человека прийти к нам за деньгами завтра. Мне даже не приходило в голову, что он может не поверить.

Я спросил Человека с Золотыми Бронзовками, сколько стоит маленькая черепашка. Он показал обе руки с растопыренными пальцами. Однако я ни разу не видел, чтобы крестьяне на острове заключали сделку просто так, не торгуясь. Я решительно покачал головой и поднял два пальца, непроизвольно подражая своему продавцу. Он в ужасе закрыл глаза и поднял девять пальцев. Тогда я поднял три. Он покачал головой, немного подумал и показал шесть пальцев. Я тоже покачал головой и показал пять. Человек с Золотыми Бронзовками снова затряс головой и тяжело вздохнул. Мы оба сидели теперь не двигаясь и с решительным, бесцеремонным любопытством маленьких детей смотрели на черепах, неуверенно ползавших по дороге. Немного погодя Человек с Золотыми Бронзовками показал на маленькую черепашку и опять поднял шесть пальцев. Я помотал головой и поднял пять. Роджер громко зевнул. Ему надоел этот безмолвный торг. Человек с Бронзовками поднял черепаху с земли и жестами показал мне, какой у нее

Д гладкий и красивый панцирь, какая прямая головка, какие острые коготки. Я был неумолим. Он пожал плечами, протянул мне черепашку и поднял пять пальцев.

Тогда я сказал, что у меня нет денег и что за ними надо прийти завтра к нам домой. Он кивнул в ответ, как будто это было самым обычным делом. Мне не терпелось вернуться поскорее домой и показать всем свое новое приобретение, поэтому я сразу попрощался, поблагодарил человека и помчался что есть духу по дороге. Добежав до того места, где надо было сворачивать в оливковые рощи, я остановился и как следует рассмотрел свою покупку. Разумеется, такой прекрасной черепахи я еще никогда не видел. По-моему, она стоила раза в два дороже, чем я за нее заплатил. Я погладил черепаху пальцем по чешуйчатой головке, положил осторожно в карман и, прежде чем спуститься с пригорка, оглянулся. Человек с Золотыми Бронзовками стоял на том же самом месте, но теперь он танцевал что-то вроде джиги, раскачивался, прыгал, подыгрывая себе на свирели, а на дороге, у его ног, копошились маленькие черепахи.

Моя черепашка оказалась очень умным и милым созданием с необычайным чувством юмора. Имя ей дали Ахиллес. Сперва мы привязали ее за ногу в саду, но потом, когда черепаха стала совсем ручной, она могла идти куда ей заблагорассудится. Очень скоро Ахиллес научился узнавать свое имя. Стоило только раза два-три окликнуть его, немного подождать — и он обязательно появлялся откуда-нибудь, ковыляя на цыпочках по узкой мощеной дорожке и с волнением вытягивая шею. Ему очень нравилось, чтоб его кормили из рук, он усаживался тогда, словно принц, на солнышке, а мы по очереди протягивали ему листья салата, одуванчика или кисточку винограда. Виноград он любил так же страстно, как Роджер, и соперничество между ними никогда не ослабевало. Ахиллес сидел обычно с полным ртом и потихоньку пережевывал виноградины, заливаясь соком, а Роджер лежал где-нибудь поблизости и, исходя слюной, смотрел на него завистливыми глазами. Роджеру тоже всегда честно выдавалась его доля, но, наверно, он все же считал, что на черепах не стоит изводить деликатесы. Если я переставал следить за ним, Роджер подбирался после кормежки к Ахиллесу и жадно слизывал с него виноградный сок. Оскорбленный такой бесцеремонностью, Ахиллес хватал Роджера за нос, а если тот продолжал лизать слишком настойчиво, с негодующим шипением прятался в свой панцирь и не показывался оттуда до тех пор, пока мы не уводили Роджера.

Но еще больше, чем виноград, Ахиллес любил землянику. Он становился просто невменяем при одном только ее виде. Начинал метаться из стороны в сторону, умоляюще смотрел на вас своими маленькими, как пуговики, глазами и поворачивал вслед за вами голову, проверяя, соберетесь ли вы

давать ему ягоды или нет. Мелкую землянику, размером с горошину, Ахиллес мог проглотить сразу, но, если вы предлагали ему ягоду величиной, скажем, с лесной орех, поведение его становилось необычным для черепахи. Схватив ягоду и крепко зажав ее во рту, он торопливо ковылял в какое-нибудь укромное, надежное местечко среди цветочных клумб, опускал ягоду на землю, не спеша съедал ее, после чего возвращался за другой.

Вместе с неодолимой страстью к землянике у Ахиллеса появилась страсть к человеческому обществу. Стоило только войти в сад, чтобы позаторать, почитать или с каким-нибудь другим намерением, как среди турецкой гвоздики слышался шорох и оттуда высовывалась морщинистая, серьезная мордочка Ахиллеса. Если вы сидели на стуле, Ахиллес просто подползал как можно ближе к вашим ногам и погружался в крепкий, мирный сон — голова его вываливалась из панциря и касалась земли. Но если вы легли на коврик загорать, Ахиллес нисколько не сомневался, что растянулись вы на земле просто ради его удовольствия. Он устремлялся к вам по дорожке, забирался на коврик и в радостном возбуждении останавливался на минутку, чтобы прикинуть, какую часть вашего тела надо выбрать для похождения. И тут вы вдруг чувствовали, как вам в ляжку впиваются острые коготки черепахи — это она приступила к решительному штурму вашего живота. Вам, конечно, не по нраву такой отдых, вы решительно стряхиваете черепаху и перетаскиваете подстилку в другую часть сада. Но это всего лишь временная передышка. Ахиллес будет упорно кружиться по саду до тех пор, покада не отыщет вас снова.

В конце концов это всем так надоело и на меня стало сыпаться столько жалоб и угроз, что мне приходилось сажать черепаху под замок всякий раз, как в сад кто-нибудь выходил. Но вот в один прекрасный день кто-то оставил садовую калитку незакрытой, и Ахиллеса в саду не оказалось. Не медля ни секунды, все бросились на его поиски, хотя до этого целыми днями повсюду только и слышались угрозы прикончить черепаху. Теперь же все рыскали по оливковым рощам и кричали:

— Ахиллес... земляника, Ахиллес... Ахиллес... земляника...

Наконец мы нашли его. Разгуливая со своей обычной отрешенностью, Ахиллес свалился в старый колодец, давно разрушенный и заросший папоротником. К нашему великому огорчению, он был мертв. Ни попытки Лесли сделать искусственное дыхание, ни предложение Марго запихнуть ему в горло землянику (чтобы дать черепахе, как она выразилась, жизненный стимул) не могли вернуть Ахиллеса к жизни. Печально и торжественно мы погребли его тело под кустиком земляники (мамина идея). У всех в памяти осталась короткая надгробная речь, сочиненная Ларри, которую он читал дрожащим голосом. И только один Роджер портил все дело. Как я ни ста-

Дрался его образумить, он не переставал вилять хвостом в течение всей погребальной церемонии.

Вскоре после печальной разлуки с Ахиллесом я приобрел у Человека с Золотыми Бронзовками другого питомца. На сей раз это был голубь, почти еще птенец, которому приходилось давать хлеб с молоком и размоченное зерно. Вид у этой птицы был самый безобразный. Перья торчали из его красной сморщенной кожи вперемешку с противным желтым пухом, какой бывает у птенчиков, как будто это вытравленные перекисью водорода волосы. Из-за некрасивой внешности Ларри предложил назвать его Квазимодо. Я согласился. Слово мне понравилось, а значения его я в то время еще не понимал. Когда Квазимодо уже научился сам добывать себе пищу и давно отросли его перья, на голове у него все еще оставался хохолок желтого пуха, что придавало ему сходство с надутым судьей в слишком узком парике.

Квазимодо вырос в необычных условиях, без родителей, которые бы могли научить его уму-разуму, поэтому он, видно, не считал себя птицей и отказывался летать, предпочитая всюду ходить пешком. Если ему надо было забраться на стол или на стул, он останавливался внизу, начинал кивать головой и ворковал своим мягким контральто до тех пор, пока кто-нибудь не подхватывал его с полу. Он всегда горел желанием принять участие во всех наших делах и даже порывался ходить с нами на прогулки. Порывы эти мы, однако, старались пресечь, потому что голубя приходилось нести на плече, и тогда вы подвергали риску свою одежду, или же он ковылял сзади на собственных ногах, а вам надо было приноравливаться к его шагу. Если же вы уходили слишком далеко вперед, до вас вдруг доносилось душераздирающее воркование, и, обернувшись, вы видели, как Квазимодо мчится за вами что есть духу, хвост его отчаянно трепещет, переливчатая грудь раздувается от негодования.

Спать Квазимодо соглашался только в доме. Никакие уговоры и нотации не могли заставить его поселиться в голубятне, которую я соорудил специально для него. Он все-таки предпочитал краешек кровати Марго. Однако позднее его прогнали на диван в гостиную, потому что всякий раз, как Марго поворачивалась ночью в кровати, Квазимодо просыпался, шагал по одеялу и с нежным воркованием усаживался ей на лицо.

Ларри первый обнаружил у него музыкальные способности. Голубь не только любил музыку, но, казалось, умел различать две определенные мелодии — вальс и военный марш. Если ставили другую музыку, он подбирался поближе к патефону и сидел там с полужакрытыми глазами, выпятив грудь и мурлыча что-то себе под нос. Если же это был вальс, голубь начинал скользить вокруг патефона, вертелся, кланялся и ворковал трепетным

голосом. Марш, и особенно джазовый, напротив, заставлял его вытянуться во весь рост, раздуть грудную клетку и маршировать взад и вперед по комнате. Воркование его становилось таким громким и хриплым, что, казалось, он вот-вот задохнется. Ни разу не пытался Квазимодо проделывать все это под какую-нибудь иную музыку, кроме маршей и вальсов. Правда, иногда, если ему долго не приходилось слышать вообще никакой музыки, он начинал (в восторге, что наконец ее слышит) маршировать под вальс или же наоборот. Однако всякий раз он неизменно останавливался и исправлял свою ошибку.

В один прекрасный день, отправившись будить Квазимодо, мы обнаружили вдруг, что он всех нас одурачил, потому что там, среди подушек, лежало белое блестящее яйцо. Это событие сильно повлияло на Квазимодо, он стал злой, раздражительный и, если вы протягивали к нему руку, с остервенением клевал ее. Потом появилось второе яйцо, и нрав Квазимодо изменился окончательно. Он, вернее, она становилась все возбужденней, обращалась с нами так, словно мы были ее злейшими врагами. К кухонной двери за пищей она старалась подобраться незаметно, будто опасалась за свою жизнь. Даже патефон не мог заманить ее обратно в дом. Последний раз я видел ее на оливковом дереве, где она ворковала с самым притворным смущением, а чуть подальше на ветке вертелся крупный и очень мужественный на вид голубь, ворковавший в полном самозабвении.

Первое время Человек с Золотыми Бронзовками заглядывал к нам в дом довольно часто и всякий раз приносил какую-нибудь новинку для моего зверинца: лягушку или воробья с перебитым крылом. Однажды мы с мамой в припадке непомерной доброты скупили весь его запас золотых бронзовок и, когда он ушел, выпустили их в сад. Бронзовки надолго заплотонили весь наш дом. Они ползали по кроватям, забирались в ванную комнату, натыкались по вечерам на лампы и сыпались изумрудами к нам на колени.

Последний раз я видел Человека с Золотыми Бронзовками как-то под вечер, когда он сидел на пригорке у дороги. Наверно, он возвращался откуда-то с праздника, где выпил много вина, и теперь его качало из стороны в сторону. Он шел и наигрывал на своей свирели грустную мелодию. Я громко окликнул его, но он не обернулся, а только приветливо помахал мне рукой. На повороте дороги его силуэт ясно обозначился на фоне бледно-сиреневого вечернего неба. Мне хорошо была видна потертая шляпа с перьями, оттопыренные карманы пиджака, бамбуковые клетки с сонными голубями и медленный хоровод чуть приметных точек — это кружились над его головой золотые бронзовки. Но вот он уже скрылся за поворотом, и теперь передо мной было одно лишь бледное небо, где плавало серебряное перышко молодого месяца. Вдали, в сгустившихся сумерках, замирали нежные звуки свирели.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛНЫЙ КОШЕЛЬ ЗНАНИЙ

Как только мы перебрались в землянично-розовый дом, мама сразу решила, что мне нельзя оставаться неучем и, в общем-то, надо получить хоть какое-нибудь образование. Но что можно было сделать на маленьком греческом островке? Всякий раз, как поднимался этот вопрос, вся семья бросалась решать его с невероятным воодушевлением. Каждый знал, какое занятие было для меня самым подходящим, и каждый отстаивал свою точку зрения с такой горячностью, что все споры о моем будущем всегда кончались неистовым ревом.

— Времени у него хоть отбавляй, — говорил Лесли. — В конце концов, он сам может читать книжки. Разве не так? Я могу обучить его стрельбе, а если мы купим лодку, научу, как управлять ею.

— Но, милый, будет ли для него от этого какой-нибудь прок в будущем? — спрашивала мама и рассеянно добавляла: — Разве что он пойдет в торговый флот или еще куда-нибудь.

— Я думаю, ему непременно надо научиться танцевать, — говорила Марго, — иначе он вырастет просто неотесанным увальнем.

— Конечно, милая, но ведь это совсем не к спеху. Сначала ему надо освоить такие предметы, как математика, французский... да и с орфографией у него очень плохо.

— Литература, — убежденно произносил Ларри. — Вот что ему необходимо. Хорошие, твердые знания по литературе. Остальное приложится само собой. Я всегда стараюсь давать ему хорошие книги.

— Но, может быть, ему все-таки рановато читать Рабле? — неуверенно спрашивала мама.

— Что за ерунда! — отвечал, не задумываясь, Ларри. — Важно, чтобы у него уже теперь складывалось верное представление о сексе.

— Ты просто помешан на сексе, — строгим голосом заметила Марго. — О чем бы ни спросили, ты всегда лезешь со своим сексом.

— Что ему надо — так это побольше упражнений на свежем воздухе. Если он научится стрелять и ставить парус... — начал Лесли.

— Э-э! Да брось ты все эти штуки... сейчас начнешь проповедовать холодный душ.

— Слишком много ты о себе воображаешь и все знаешь лучше других. Не можешь даже выслушать чужую точку зрения.

— Такую ограниченную точку зрения, как твоя? Неужели ты думаешь, что я стану ее слушать?

— Ладно, ладно. К чему ругаться? — говорила мама.

— Да вот Ларри такой безрассудный.

— Хорошенькое дело! — возмущался Ларри. — Я гораздо рассудительнее всех в этом доме.

— Конечно, милый, но руганью ничего не добьешься. Нам нужен человек, который мог бы обучать Джерри и развивать его склонности.

— У него, кажется, только одна склонность, — едко вставил Ларри, — а именно — стремление забить все в доме зверьем. Эта его склонность, я думаю, в развитии не нуждается. Нам и так отовсюду грозит опасность. Не далее как сегодня утром я пошел зажечь сигарету, а из коробки выскочил здоровенный шмель.

— А у меня кузнечик, — проворчал Лесли.

— Да, этому надо положить конец, — заявила Марго. — Не где-нибудь, а у себя на туалетном столике я нашла отвратительную банку с какими-то червяками.

— Бедный мальчик, ведь у него не было дурных намерений, — миролюбиво проговорила мама. — Он так увлекается всем этим.

— Я бы еще мог вынести нападение шмелей, — рассуждал Ларри, — если бы это к чему-нибудь привело. А то ведь сейчас у него просто такой период... к четырнадцати годам он закончится.

— Этот период, — возразила мама, — начался у него еще с двух лет, и что-то не заметно, чтобы он кончился.

— Ну что ж, — сказал Ларри. — Если тебе угодно набивать его всякими ненужными сведениями, думаю, что Джордж возьмется его обучать.

— Вот замечательно! — обрадовалась мама. — Пожалуйста, сходи к нему. Чем раньше он начнет, тем лучше.

Обхватив рукой косматую шею Роджера, я в это время сидел в темноте под раскрытым окном и с интересом, но не без возмущения слушал, как решают мою судьбу. Когда дело наконец уладилось, я было стал думать, кто это такой Джордж и почему мне так уж необходимы уроки, но в вечернем сумраке был разлит аромат цветов, а темные оливковые рощи были так прекрасны и загадочны, что я забыл о нависшей надо мной опасности образования и отправился с Роджером в заросли ежевики ловить светлячков.

Джордж оказался старым приятелем Ларри, на Корфу он приехал писать. В этом не было ничего такого уж необыкновенного, потому что в теплице все знакомые Ларри были писатели, поэты или художники. К тому же и на Корфу-то мы оказались именно благодаря Джорджу. Он писал об этом острове такие восторженные письма, что Ларри уже просто не мыслил себе жизни в другом месте. И вот теперь этот Джордж должен был расплачиваться за свою неосмотрительность. Он пришел обсудить с мамой вопрос о моем образовании, и нас представили. Мы подозрительно оглядели

Друг друга. Джордж был очень высокий и очень тонкий человек, двигался он со странной, развинченной грацией марионетки. Его худое, изможденное лицо было наполовину скрыто острой темной бородкой и большими очками в черепаховой оправе. Говорил он низким меланхолическим голосом, и в его невозмутимых шутках чувствовался сарказм. Всякий раз, сказав что-нибудь остроумное, он хитро улыбался себе в бородку, не заботясь в произведенном впечатлении.

Обучать меня Джордж взялся всерьез. Его не страшило даже то, что на острове нельзя было достать учебников. Он просто перерыл всю свою библиотеку и в назначенный день явился, вооруженный самым фантастическим набором книг. Сосредоточенно и терпеливо он обучал меня начаткам географии по картам на обороте обложки старого тома «Энциклопедии», английскому языку — по самым разнообразным книгам, от Уайльда до Гиббона, французскому — по толстой яркой книжке с названием «Малый Лярусс» и арифметике — по памяти. Однако, с моей точки зрения, важнее всего было уделять какое-то время естествознанию, и Джордж стал добросовестно учить меня, как вести наблюдения и как записывать в дневник. И вот тогда мое восторженное, но бестолковое увлечение природой вошло в определенное русло. Я увидел, что записи дают мне возможность узнать и запомнить всего гораздо больше. На уроки я не опаздывал только в те дни, когда мы занимались естествознанием.

Каждое утро, в девять часов, среди оливковых деревьев торжественно появлялась фигура Джорджа, облаченная в шорты, сандалии и огромную соломенную шляпу с обтрепанными полями. Под мышкой у Джорджа была зажата стопка книг, в руке трость, которой он размахивал весьма энергично.

— Доброе утро. Надеюсь, что ученик с большим нетерпением ждет своего учителя? — приветствовал он меня, хмуро улыбаясь.

В маленькой столовой с закрытыми от солнца ставнями царил зеленый полумрак. Разморенные жарой мухи медленно ползали по стенам или с сонным жужжанием одурело летали по комнате, а за окном цикады восторженно приветствовали новый день пронзительным звоном. Джордж стоял у стола и аккуратно раскладывал на нем свои книги.

— Посмотрим, посмотрим, — бормотал он, водя длинным указательным пальцем по нашему тщательно составленному расписанию. — Так, так, арифметика. Если я правильно запомнил, мы трудились над грандиозной задачей, пытаюсь определить, в какой срок смогут шесть рабочих построить стену, если трое из них справились с этим за неделю. Кажется, мы потратили на эту задачу столько же времени, сколько рабочие на стену. Ну ладно, перепояшем чресла и попробуем еще раз. Может, тебе не нравится содержание задачи? Посмотрим, нельзя ли сделать его поинтереснее.

Он склонился над задачником, в задумчивости пощипывая бородку, переделав задачу на новый лад, выписывал ее своим крупным почерком.

— Две гусеницы съедают за неделю восемь листьев. Сколько времени потребуется четырем гусеницам, чтобы съесть такое же количество листьев? Ну вот, попробуй решить теперь.

Покуда я бился над непосильной задачей о прожорливых гусеницах, Джордж занимался другими делами. Он был искусным фехтовальщиком и страстно увлекался в то время изучением местных деревенских танцев. И вот, пока я решал задачу, Джордж двигался по затемненной комнате, упражняясь в фехтовании или отрабатывая танцевальные па. Меня как-то смущали все эти упражнения, и впоследствии я всегда именно им приписывал свою неспособность к математике. Даже теперь, стоит мне только столкнуться с простейшей арифметической задачей, как передо мной тут же встает долговязая фигура Джорджа. Он кружится по слабо освещенной столовой в танце и низким голосом гудит себе под нос какую-то неопределенную мелодию.

— Тим-ти-там-ти-там... — доносится словно из потревоженного улья. — Тидл-тидл-тамти-ди... левая нога вперед... три шага вправо... Там-ти-там-ти-там-ти-дам... назад, кругом, вверх и вниз... тидл-идл-ампти-ди...

Он шагает и выделяет пируэты, словно тоскующий журавль. Потом гудение вдруг стихает, во взгляде появляется непреклонность, и Джордж занимает оборонительную позицию, направляя воображаемую рапиру на воображаемого противника. Сощутив глаза и сверкая стеклами очков, он гонит врага через всю комнату, ловко обходя мебель, и, наконец, загнав его в угол, делает финты и вьется вокруг с проворством осы. Выпад. Удар. Я почти вижу блеск стали. И вот завершающий момент — резким движением снизу и вбок оружие противника отведено в сторону, быстрый рыбок назад, затем глубокий прямой выпад, и кончик рапиры вонзается прямо в сердце противника. Забыв про задачник, я с восторгом слежу за всеми движениями Джорджа. В математике мы так и не добились больших успехов.

Гораздо лучше обстояло дело с географией, потому что Джордж сумел придать этому предмету зоологическую окраску. Мы вычерчивали с ним огромные карты, изборозжденные горами, и потом наносили в определенных местах условные знаки вместе с изображением самых интересных животных, которые там водились. Таким образом у меня выходило, что основная продукция Цейлона — слоны и чай, Индии — тигры и рис, Австралии — кенгуру и овцы, а в океанах голубые плавные линии морских течений несли с собой не только ураганы, пассаты, хорошую и плохую погоду, но также китов, альбатросов, пингвинов и моржей. Главные вулканы на них извергали целые потоки огненных струй и искр, заставляя вас опасаться, как бы от этого не вспыхнули бумажные континенты, а самые высокие горные

Д цепи мира сияли такой синевой и белизной ото льда и снега, что, глядя на них, вы невольно начинали ежиться от холода. Наши бурые, прокаленные солнцем пустыни были сплошь покрыты буграми пирамид и верблюжьих горбов, а тропические леса отличались такой густотой, таким буйством, что сквозь них лишь с большим трудом могли продираться неуклюжие ягуары, гибкие змеи и насупленные гориллы. На опушках леса худые туземцы рубили раскрашенные деревья, расчищая полянки, видимо, лишь для того, чтобы на них можно было написать неровными печатными буквами «кофе» или «зерно». Наши широкие, голубые, как незабудки, реки были усеяны лодками и крокодилами. Наши океаны не казались пустынными, так как повсюду, если только там не бушевали свирепые штормы и страшная приливная волна не нависала над одиноким пальмовым островком, бурно кипела жизнь. Добродушные киты позволяли даже самым жалким галеонам, ошестинившимся гарпунами, неотступно преследовать себя; невинные, как младенцы, осьминоги нежно сжимали в своих щупальцах мелкие суда; стаи зубастых акул гнались за китайскими джонками, а закутанные в меха эскимосы пробирались за огромными стадами моржей по ледяным полям, где толпами бродили полярные медведи и пингвины. Это были карты, живущие своей жизнью, их можно было изучать, обдумывать, кое-что добавлять к ним. Короче говоря, эти карты действительно что-то обозначали.

Уроки истории сначала проходили у нас без заметных успехов, пока Джордж не сообразил, что, если к унылым фактам прибавить чуточку зоологии и привлечь какие-нибудь совсем посторонние подробности, можно вполне завладеть моим вниманием. Таким образом, мне стали известны некоторые исторические данные, которые, насколько я знаю, нигде раньше не были зафиксированы. От урока к уроку я следил с затаенным дыханием, как Ганнибал переходит через Альпы. Меня мало беспокоили причины, толкнувшие его на такой подвиг, и я совсем не интересовался, что он думал делать на той стороне. Зато в этой экспедиции, очень плохо, на мой взгляд, организованной, меня привлекала возможность узнать имена всех до одного слонов. Мне также стало известно, что Ганнибал специально назначил человека не только кормить и оберегать слонов, но и давать им в холодную погоду бутылочки с горячей водой. Этот интересный факт, очевидно, остался неизвестен большинству серьезных историков. Еще одна подробность, о которой не упоминают книги по истории, касалась Колумба. Когда он ступил на землю Америки, первые его слова были: «Боже мой, глядите... ягуар!» После такого введения как можно было не заинтересоваться историей этого континента? Таким образом, Джордж, имея на руках нерадивого ученика и совсем неподходящие книги, старался оживить свое преподавание и сделать уроки интересными.

Роджер, разумеется, думал, что по утрам я просто без толку извожу время. Однако же он меня не покидал и, пока я управлялся с учебой, спокойно дремал под столом. Время от времени, когда я отлучался за книгой, Роджер просыпался, встряхивал свою шерсть, громко зевал и начинал вилять хвостом. Но тут он замечал, что я снова возвращался к столу. Уши его тогда сразу обвисали, он плелся опять в свой угол и со смиренным вздохом плюхался на пол. Джордж не возражал против присутствия Роджера на уроках, так как тот держал себя вполне прилично и не отвлекал моего внимания. Только изредка, когда ему случалось очень крепко заснуть и до него вдруг доносился лай деревенской собаки, Роджер, мгновенно проснувшись, начинал сердито рычать. Но потом, сообразив, где находится, он со смущением смотрел на наши осуждающие лица, дергал хвостом и застенчиво отводил взгляд в сторону.

Некоторое время Квазимодо тоже присутствовал на уроках и вел себя замечательно. Все утро он сидел у меня на коленях, подремывал, что-то тихонечко ворковал про себя. Но вскоре мне пришлось самому изгнать его, так как в один прекрасный день он опрокинул бутылку зеленых чернил прямо посередине большой, очень красивой карты, которую я только что нарисовал. Конечно, варварство это не было предумышленным, но все-таки я сильно разозлился.

Целую неделю Квазимодо пытался вернуть мое расположение. Он сидел у двери и обворожительно ворковал сквозь щелку, однако всякий раз, как мое сердце начинало смягчаться, я смотрел на его омерзительный ярко-зеленый хвост и снова ожесточался.

Ахиллес тоже присутствовал один раз на уроке, но ему не понравилось сидеть взаперти. Он без конца бродил по комнате, тыкался в дверь и в плинтусы, потом, забившись куда-нибудь под диван или шкаф, начинал скрестись с такой силой, что нам приходилось вызволять его оттуда. А так как комната была совсем маленькая, то, чтобы передвинуть одну вещь, нам, по существу, приходилось двигать всю мебель. После третьей передвижки Джордж заявил, что он никогда не работал у Картера Патерсона¹ и не привык к таким усилиям, поэтому лучше уж выпустить Ахиллеса в сад.

Итак, оставался один только Роджер. Конечно, утешительно располагать возможностью поставить свои ноги на его косматую спину, покуда корпишь над задачей, и все-таки мне трудно было сосредоточиться, когда сквозь щели в ставнях в комнату лился солнечный свет и протягивался полосками на столе и на полу, напоминая мне о множестве всяческих дел, которыми я мог бы теперь заняться.

¹ Американское грузовое агентство. (Здесь и далее прим. пер.)

Д

Там, за окном, меня ждали просторные оливковые рощи, наполненные звоном цикад, виноградник на склонах, разделенные замшелыми каменными стенами, по которым сновали расписные ящерицы, густые заросли миртов, усеянные насекомыми, и каменистая пустошь, где стайки нарядных щеглов с радостным свистом перепархивали с одного цветка чертополоха на другой.

Учитывая все это, Джордж благоразумно учредил особые уроки на открытом воздухе. Теперь по определенным дням он стал являться с большим махровым полотенцем, и мы вместе выходили через оливковые рощи на дорогу, покрытую пылью, словно белым бархатом, потом сворачивали в сторону и шли вдоль гребня миниатюрных скал по узенькой козьей тропке, пока она не выводила нас к уединенному заливику с белым песчаным пляжем в форме полумесяца. У самого берега, давая приятную тень, раскинулась рощица приземистых олив. С вершины небольшой скалы вода в этой бухточке казалась такой спокойной и прозрачной, будто ее и вовсе там не было, а рыбы, снующие над рябым, волнистым песком, словно бы парили в воздухе. Сквозь шестифутовый слой прозрачной воды на камнях были видны актинии с поднятыми вверх яркими нежными щупальцами и раки-отшельники, таскающие за собой свои витые домики.

Сбросив одежду под оливами, мы входили в теплую светлую воду и плыли, лицом вниз, над камнями и водорослями, ныряя иногда, чтобы достать со дна какую-нибудь особенно яркую ракушку или особенно крупного рака-отшельника с актинией на раковине, похожей на шапочку, украшенную розовым цветком. Кое-где на песчаном дне виднелись вытянутые темные куртинки водорослей-ламинарий, и там среди них жили голотурии, или морские огурцы. Опустив в воду ноги, мы старались разглядеть дно под густым сплетением узких блестящих листьев зеленых и черных водорослей, над которыми мы парили, как ястребы над лесом. В просветах между водорослями лежали голотурии, по виду, наверно, самые противные среди всех обитателей моря. Дюймов шести в длину, они выглядели прямо как раздувшиеся сосиски, покрытые толстой бородавчатой кожей бурого цвета. Эти примитивные, невразумительные создания неподвижно лежали на одном месте, лишь слегка покачиваясь в набегавших волнах, втягивали в себя морскую воду с одного конца тела и выпускали с другого. Обитавшие в воде крохотные растительные и животные организмы отфильтровывались где-то внутри сосиски и поступали в ее несложно устроенный желудок. Не скажешь, что голотурии ведут такую уж интересную жизнь. Они просто монотонно покачиваются да без конца тянут в себя воду. Трудно представить, чтобы они сумели как-то защитить себя или даже нуждались бы в такой защите. И тем не менее у них есть необычный

способ выразить свое неудовольствие. Вытащите их из моря, и они без видимых мускульных усилий пустят в воздух струю воды с какого-нибудь конца своего тела.

Вот с этим-то водяным пистолетом мы и придумали игру. Взяв в руки по голотурии, мы заставляли наше оружие выпускать струю, замечали точку, где струя касалась поверхности воды, и быстро плыли туда. Победителем считался тот, кто больше найдет в этом месте разных морских обитателей. Порою, как и во всякой игре, мы начинали горячиться, обвинять друг друга в надувательстве, спорить. Вот тогда голотурии оказывались особенно подходящим оружием, которое можно было направить на противника. Воспользовавшись услугами сосисок, мы потом всегда водворяли их на прежнее место в подводных зарослях. А когда в другой раз являлись туда снова, все было без изменений. Голотурии лежали точно в таком положении, как мы их оставили, и мирно покачивались из стороны в сторону.

Исчерпав все возможности морских огурцов, мы принимались собирать ракушки для моей коллекции или пускались в долгие дискуссии по поводу найденных нами животных. Иногда Джордж вдруг спохватывался, что все эти занятия, как бы увлекательны они ни были, все же нельзя назвать образованием в строгом смысле слова. Тогда мы переходили ближе к берегу и устраивались на мелком месте. Пока продолжался урок, вокруг нас собирались стайки мелких рыбок и слегка пощипывали наши ноги.

— Итак, французская и английская флотилии сходились для решительного сражения. Когда показался враг, Нельсон стоял на мостике и смотрел в подзорную трубу... О приближении французов он уже был предупрежден дружественной чайкой... Что?... О, я думаю, что это была большая морская чайка... Так вот, корабли разворачивались друг перед другом... разумеется, в те дни они не могли двигаться с большой скоростью, они ведь были парусные... ни одного мотора, даже подвесного. Английские моряки немного нервничали, потому что французы казались очень сильными. Но когда они заметили, что Нельсон даже не обращает на них внимания, а спокойно сидит на мостике и возится со своей коллекцией птичьих яиц, они решили, что бояться им просто нечего...

Море, как теплое шелковистое одеяло, окутывало мое тело и легонько покачивало его. Волн не было, только слабое, убаюкивающее меня подводное движение, пульс моря. Вокруг моих ног суетились яркие рыбки. Они становились на голову и пытались ухватить мою кожу своими беззубыми челюстями. Среди поникших олив что-то тихо шептала цикада.

— ... и они поспешили унести Нельсона с палубы, чтобы никто из команды ничего не заметил... Он был смертельно ранен и лежал теперь тут,

Д внизу, а над ним все еще кипела битва. «Поцелуй меня, Харди», — произнес Нельсон свои последние слова и умер. Что? Ах, да. Он уже предупредил Харди, что тот может взять себе коллекцию птичьих яиц, если что-нибудь случится... Так вот, хотя Англия потеряла своего лучшего моряка, битва была выиграна, и это имело важные последствия для Европы...

Мимо залива проплывала облезлая лодка, на корме ее стоял загорелый рыбак в рваных штанах и взмахивал веслом. Подняв руку, рыбак лениво посылал нам приветствие, а весло его, словно рыбий хвост, рассекало спокойное синее море, жалобно поскрипывало в воздухе и с легким чмоканьем погружалось в воду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПАУЧЬЕ СОКРОВИЩЕ

Однажды, в томительный знойный день, когда все, кроме гремящих цикад, было погружено в сон, мы с Роджером отправились побродить по горам, рассчитывая вернуться домой к вечеру. Сперва наш путь шел через оливковые рощи, испещренные бликами яркого солнечного света, где воздух был горячий и неподвижный, потом деревья остались внизу, а мы, карабкаясь по склону, добрались наконец до голой каменистой вершины и сели там передохнуть. Внизу, у наших ног, мирно дремал остров, мерцая в знойной дымке, словно акварель: серо-зеленая листва олив, темные кипарисы, разноцветные скалы у берега и спокойное море, опаловое, синее, нефритовое, с двумя-тремя складочками на гладкой поверхности — в тех местах, где оно огибало скалистыми мысами, заросшими оливами. Прямо под нами сиял небольшой заливчик с белым песчаным пляжем в форме полумесяца, заливчик такой мелкий и с таким ослепительным песком на дне, что вода в нем была бледно-голубой, почти белой. После подъема на гору с меня лился пот в три ручья, а Роджер сидел, вывалив язык, с клочьями пены на морде. Мы решили, что лазить теперь по горам все-таки не стоит, лучше вместо этого пойти искупаться. Быстро спустившись по склону к тихому, безлюдному заливчику, искрившемуся под жгучими лучами солнца, мы в изнеможении погрузились в теплую мелкую воду. Я сидел и копал песчаное дно, вытаскивая иногда гладкий камешек или осколок бутылочного стекла, окатанный и отшлифованный морем до такой степени, что он превратился в изумительный, полупрозрачно-зеленый драгоценный камень. Все эти находки я передавал следившему за моими действиями Род-

жеру. Он не знал, что с ними делать, однако, не желая меня обидеть, брал их осторожно в зубы, а затем, решив, что я больше на него не смотрю, опять ронял их в воду и тяжело вздыхал.

Пока я обсыхал потом на камне, Роджер носился по мелководью, пытаясь поймать одну из синеперых морских собачек с их надутыми, бессмысленными мордочками. Эти рыбки шныряли среди камней с быстротой листочек. Запыхавшийся Роджер преследовал их с сосредоточенным видом, не отрывая глаз от прозрачной воды. Слегка обсохнув, я надел штаны и рубашку и окликнул Роджера. Он шел ко мне неохотно, без конца оборачивался назад, провожая взглядом рыбок, по-прежнему снующих у пронизанного солнцем песчаного дна залива. Подойдя поближе, Роджер сильно встряхнулся и обдал меня с ног до головы брызгами, летевшими с его кудрявой шерсти.

После купанья кожа моя покрылась шелковистой корочкой соли, и весь я стал сонным и вялым. Ленивым шагом плелись мы с Роджером от залива к дороге, и тут, почувствовав вдруг сильный голод, я начал соображать, как лучше всего добраться до ближайшего дома, где можно получить еду. Некоторое время я стоял в раздумье на дороге и взбивал ногой облака тонкой белой пыли. Если навестить Леонору, которая, несомненно, живет ближе всех, она даст мне инжиру и хлеба, но будет страшно надоедать разговорами о здоровье своей дочери. Ее дочь, сварливую, хриплоголосую женщину, косящую на один глаз, я совсем не любил, и поэтому ее здоровье меня не интересовало. Нет, к Леоноре я не пойду. Конечно, это ужасная жалость, потому что у Леоноры самый лучший инжир на многие мили вокруг, но не мог же я из-за черного инжира выносить бог знает что. Если пойти к рыбаку Таки, он, наверно, будет как раз отдыхать и просто крикнет мне из-за плотно прикрытых ставней:

— Проходи, проходи, постреленок.

Кристаки, скорее всего, будут дома и дадут мне поесть, но там придется отвечать на множество скучных вопросов: а что, Англия больше, чем Корфу? Сколько там живет людей? Правда, что все они лорды? На что похож поезд? Растут ли в Англии деревья? И так без конца. Если б сейчас было утро, я бы направился домой прямо через поля и виноградники, собирая по пути обильную дань со своих друзей: оливки, хлеб, виноград, инжир. А под конец сделал бы небольшой крюк и заглянул на поле Филомены, где наверняка бы смог завершить свою трапезу сочным розовым ломтиком арбуза, холодным как лед. Но, к сожалению, теперь было жаркое послепопуденное время, когда почти все крестьяне спят в своих домах за плотно закрытыми дверями и ставнями. Да, задача была трудная, и, пока я ее решал,

Д голод терзал меня все сильнее и я все отчаяннее взбивал ногой пыль на дороге, так что Роджер обиженно чихнул и посмотрел на меня с укоризной.

И вдруг я вспомнил, что как раз вон за той горкой в малюсеньком, ослепительно белом домике живет старый пастух Яни со своей женой. Днем Яни обычно спит около своего дома, в тени виноградных лоз, и если я буду посильнее шуметь, то наверняка разбужу его. А уж если Яни проснется, он не сможет отказать мне в гостеприимстве. На острове не было ни одного крестьянского дома, откуда бы вы могли уйти голодным. Обрадованный, что вспомнил о Яни, я зашагал по неровной каменистой тропке, выбитой козыми копытами вдоль края горы, и направился к долине, где среди огромных стволов олив виднелась и красная крыша домика пастуха. Когда мы подошли на достаточно близкое, по моей оценке, расстояние, я остановился и бросил камешек, чтобы Роджер нашел его и принес мне обратно. Это было любимое развлечение Роджера. Но если уж вы начинали с ним такую игру, ее надо было вести и дальше, иначе Роджер станет прямо перед вами и будет лаять так громко, что вы в полном отчаянии уступите ему. Роджер принес теперь камешек, положил его у моих ног и в нетерпеливом ожидании сделал шаг назад. Уши его насторожились, глаза горели, напряженные мускулы были готовы к действию. Я не замечал ни его, ни камешка. Роджер слегка удивился. Осторожно обследовав камень, он снова посмотрел на меня. Я насвистывал веселую песенку и глядел в небо. Роджер тявкнул для пробы, потом, видя, что я его по-прежнему не замечаю, разразился оглушительным, залиvistым лаем, так что эхо раскатилось среди олив. Я дал ему полаять минут пять. Вполне достаточно, чтобы известить Яни о нашем приходе. Потом я бросил для Роджера еще один камешек и, когда тот весело побежал за ним, свернул к домику Яни.

Как я и думал, старый пастух расположился на отдых в кружевной тени виноградных лоз, обвивавших железную решетку над головой, однако, к моей величайшей досаде, он крепко спал, развалившись на простом сосновом стуле, наклоненном к стенке под опасным углом. Руки его свесились к земле, ноги были вытянуты вперед, а замечательные усы, оранжево-белые от никотина и старости, вздымались и опадали от храпа, словно какие-нибудь водоросли на легкой волне. Короткие толстые пальцы на руках Яни шевелились во сне, и мне были видны ногти с тупыми краями, похожие на кусочки стеарина. Его загорелое лицо в глубоких, как на сосновой коре, морщинах, ничего не выражало, глаза были плотно закрыты. Я смотрел на него, стараясь усилием воли заставить его проснуться, но это не помогало. Будить Яни было бы слишком нетактично, и вот я размышлял, стоит ли ждать, когда он сам проснется, или уж лучше идти к Леоноре слушать ее излияния. Как раз в это время из-за угла дома показался искав-

ший меня Роджер. Уши у него были наострены, язык высунут наружу. Увидев меня, Роджер приветливо вильнул хвостом и огляделся вокруг с видом посетителя, который знает, что он тут желанный гость. Но вдруг он застыл на месте, весь ошетинился, напрягся и начал медленно пробираться вперед, дрожа от возбуждения. Он сразу сумел разглядеть то, чего я не заметил: выгнув спину, под наклоненным стулом Яни сидела большая поджарая серая кошка, глядевшая на нас злыми зелеными глазами. Подскочить к Роджеру и удержать его я не успел. Он уже сделал прыжок. Привычным гибким движением кошка вывернулась из-под стула, пролетела, как метеор, по воздуху и впилась острыми когтями в узловатую виноградную плеть, обвивавшую решетку. Притаившись среди гроздьев светлого винограда, кошка смотрела вниз на Роджера и чуть пофыркивала. Сердитый, расстроенный Роджер закинул голову вверх и залился громким лаем, в котором звучали угрозы и оскорбления. Яни открыл глаза. Стул под ним шатнулся, руки замолотили воздух, силясь удержать равновесие. Некоторое время стул неопределенно покачался, а потом с грохотом опустился на все четыре пожки.

— Святой Спиридион, защити меня! — громко воскликнул Яни, и усы его заколыхались. — Господи, спаси нас и помилуй!

Он стал озиаться вокруг, пытаясь определить, откуда это взялось столько шума, и заметил меня, сидевшего с притворной скромностью на каменном заборе. Я поздоровался с ним очень ласково и вежливо, как будто ничего не случилось, и спросил, хорошо ли он спал. Яни встал на ноги, улыбнулся, энергично почесал живот.

— А, это от твоего шума у меня раскалывается голова? Будь здоров, будь здоров. Садись, маленький лорд. — Он вытер стул и предложил его мне: — Рад тебя видеть. Может, пообедаешь со мной и выпьешь вина? Очень жаркий сегодня день: очень жаркий! От такой жары может расплавиться бутылка.

Он потянулся, громко зевнул, обнажив беззубые, как у младенца, десны. Потом, повернувшись к дому, закричал:

— Афродита... Афродита... проснись... иностранцы пришли... маленький лорд сидит тут у меня... Принеси чего-нибудь поесть... ты меня слышишь?

— Слышу, слышу, — донесся из-за ставней заглушенный голос. Яни опять обратился ко мне:

— Сегодня собирался гнать своих коз в Гастури. Только было очень жарко, слишком уж жарко. В горах камни так раскались, что от них можно было прикурить папироску. Поэтому я решил лучше пойти к Таки и попробовать его молодого вина. Святой Спиридион! Что за вино!.. Как буд-

Д то кровь дракона и само течет в горло... Что за вино! Когда я вернулся домой, воздух совсем меня сморил, вот я и вздремал тут.

Он вздохнул глубоко, но без покаяния и достал из кармана помятую жестянку с табаком и серую папиросную бумагу. Его смуглая огрубелая рука вынула щепоть табаку, а пальцы другой руки ловко разровняли его и быстро скрутили папиросу. Оборвав свисающий по концам табак, он бросил его обратно в жестянку и стал прикуривать от большой металлической зажигалки с фитильком, крутившимся, будто рассерженная змея. Подымив с минуту в задумчивости, Яни смахнул с усов крошки табака и снова полез в карман.

— На вот, возьми, ты ведь интересуешься божьими тварями, — сказал он, доставая из кармана плотно закупоренную бутылочку, наполненную золотистым оливковым маслом. — Посмотри, что я поймал сегодня утром. Притаился под камнем, как сатана. Хитрая бестия, братец. Такого борца больше нет, он может ужалить своим задним концом.

Бутылочка, до краев наполненная маслом, светилась, как бледный янтарь. Внутри ее, в самой середине, был заключен маленький шоколадно-коричневый скорпион с хвостом, загнутым на спину наподобие турецкой сабли. Скорпион был мертв, он задохнулся в своей вязкой могиле. Вокруг его трупики в золотистом масле образовалось легкое, как дымка, мутное облако.

— Вот, видишь? — сказал Яни. — Это яд. Он весь был наполнен ядом. Я спросил, зачем надо было сажать скорпиона в масло.

Яни довольно хмыкнул и потрогал усы.

— Разве ты не знаешь, маленький лорд? — спросил он весело. — Ты ведь целыми днями ползаешь за ними на животе. Ну ладно, я тебе скажу. Кто знает — может, это тебе пригодится. Сперва надо поймать скорпиона, живого скорпиона. Лови его осторожно, как перышко в воздухе. Потом положи живого — запомни, живого — в бутылку с маслом. Дай маслу закипеть, пусть он там издохнет, и пусть свежее масло пропитается ядом. А потом, если кто-нибудь из его собратьев вдруг ужалит тебя (да спасет от этого святой Спиридион), потри ужаленное место этим маслом, и тогда оно не станет болеть, жало тебе будет ни о чем, все равно что укол булавки.

Пока я переваривал это интересное сообщение, на пороге домика показалось морщинистое лицо Афродиты, алевшее, точно зернышко граната. В руках у нее был металлический поднос, где стояла бутылка пива, кувшин воды и тарелка с хлебом, оливками и инжиром. Мы с Яни выпили вина, разведенного водой до бледно-розового цвета, и молча приступили к еде. Несмотря на беззубые десны, Яни откусывал хлеб, жевал его торопливо и проглатывал большими кусками, так что вздувалось его морщинистое гор-

ло. Покончив с едой, он отодвинулся от стола, старательно вытер усы и снова принялся за беседу, как будто и не прерывал ее.

— Я знал одного человека, такого же пастуха, как и я сам, который отправился как-то на праздники в дальнюю деревню. На обратном пути, разморенный вином, он решил немножко соснуть и выбрал себе место под миртами. Пока он там спал, из-под листьев выполз скорпион, забрался ему в ухо и ужалил.

В этом драматическом месте Яни остановился, сплюнул через забор и скрутил себе новую папироску.

— Да, — вздохнул он, — это очень грустно... такой молодой человек. Маленький скорпиончик ужалил его в ухо... жик! — вот так. Бедный парень не находил себе места от боли. Он с криком носился среди оливковых деревьев, ветки царапали ему лицо... Как это было ужасно! Никто не слышал его криков, никто не мог прийти на помощь... ни один человек. Обезумев от боли, он бросился бегом к деревне, но не сумел добежать до нее. Он упал замертво вон там, в долине, недалеко от дороги. Мы нашли его на другое утро, когда отправились на работу в поле. Какой у него был ужасный вид! Ужасный! От такого маленького укуса голова его раздулась, как шар, и он был мертвый, совсем мертвый.

Яни горестно вздохнул.

— Вот почему, — продолжал он, вертя в руках бутылочку с маслом, — я никогда не рискую спать в горах. А на случай, если выпью с друзьями и забуду об опасности, у меня всегда с собой бутылка со скорпионом.

Потом разговор перешел на другие, не менее увлекательные предметы, и только примерно через час я поднялся со стула, стряхнул с коленей крошки, поблагодарил старика и его жену за гостеприимство и, получив на прощанье в подарок кисть винограда, отправился домой. Роджер не отступал от меня ни на шаг и не отводил глаз от моего кармана, так как уже успел заметить виноград. Отыскав наконец оливковую рощу, темную и прохладную от длинных вечерних теней, мы сели у мшистого буторка и разделили виноград поровну. Роджер поедал свои ягоды целиком, вместе с косточками и всем остальным, а я выплевывал косточки во все стороны, образовав вокруг себя кольцо, и с удовольствием воображал, как на этом месте когда-нибудь разрастется пышный виноградник. Покончив с виноградом, я перевернулся на живот и, подперев руками подбородок, принялся исследовать буторок.

Крохотный зеленый кузнечик с длинной, меланхолической мордочкой беспокойно перебирал своими задними ножками; хрупкая улитка задумчиво сидела на веточке мха, мечтая о вечерней росе; пухлый алый клещ величиной со спичечную головку пробирался, будто охотник, через моховую чашу. Это был микроскопический мир со своей пленительной жизнью.

нения. Я извинился за вторжение, а потом рассказал Джорджу про странные гнезда.

— Вот хорошо, что вы здесь, Теодор, — обратился Джордж к своему бородатому собеседнику. — Теперь я могу передать этот вопрос в руки специалиста.

— Ну уж, специалиста... — возразил человек по имени Теодор.

— Джерри, это доктор Теодор Стефанидес, — сказал Джордж. — Он знает почти все, о чем ты только можешь спросить, он сам тебе расскажет. Так же, как и ты, он помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл.

Я вежливо поздоровался, но, к моему удивлению, бородатый человек встал с места, быстро прошел по комнате и протянул мне большую белую руку.

— Очень рад познакомиться, — сказал он, явно обращаясь к собственной бороде, и смущенно взглянул на меня своими лучистыми голубыми глазами.

Я пожал его руку и ответил, что тоже очень рад с ним познакомиться. Потом мы оба стояли в неловком молчании, а Джордж смотрел на нас и улыбался.

— Ну что, Теодор? — сказал он наконец. — Как вы думаете, кто соорудил эти странные тайники?

Теодор заложил руки за спину, поднялся несколько раз на носках, так что его ботинки протестующе скрипнули, и принялся внимательно разглядывать пол.

— Ну... э... — произнес он, неуверенно подбирая слова. — Сдается мне, что это могут быть норки земляного паука... э... вид вполне обычный здесь, на Корфу... то есть, если я говорю обычный, это значит, что мне встретилось около тридцати или... э... сорока экземпляров за то время, пока я тут живу.

— А-а! — сказал Джордж. — Вы говорите, земляные пауки?

— Да, — ответил Теодор. — Мне кажется, что это именно они и есть. Впрочем, я мог и ошибиться.

Чуть скрипнув ботинками, он поднялся на носки, опустил снова и посмотрел на меня проникновенным взглядом.

— Если они не очень далеко, то, может, нам лучше пойти туда и проверить, — осмелился он предложить. — То есть, я хотел сказать, если у тебя нет других дел и если это не очень далеко...

Его голос замолк на вопросительной ноте. Я сказал, что это не так уж далеко, как раз у самой горы.

— Гм, — произнес Теодор.

— Не позволяйте ему таскать себя по всему острову, — вмешался Джордж. — Еще недоставало, чтобы вас гоняли по горам и долам.

Д

Пока я наблюдал за медленным продвижением клеща, в глаза мне бросилась одна любопытная вещь. В разных местах на зеленом плюше мохового покрова проступали бледные круглые пятна величиной с монету. Увидеть эти едва приметные кружочки можно было только под определенным углом. Они как будто все время двигались и изменялись, напоминая мне полную луну, выплывавшую из-за облаков. Я лежал и думал, откуда могли взяться эти круги. Они были слишком беспорядочно разбросаны, чтобы принять их за след какого-нибудь животного, да и какое это животное могло разгуливать по такому крутому бугру? К тому же они не были похожи на отпечатки. Я потыкал травинкой в край одного пятна. Все оставалось неподвижным. Тогда я начал думать, что это какая-нибудь особенность самого мха, и снова потыкал один кружок травинкой — на этот раз посильнее. И вдруг у меня засосало под ложечкой от невероятного волнения: мой стебелек травы как будто нащупал скрытую пружину, и весь кружок поднялся, точно крышка люка. К моему удивлению, это и вправду оказалась крышка с аккуратно скошенными краями, подбитая с обратной стороны шелком. Крышка плотно входила в устье тоже обтянутой шелком шахточки, которую она прикрывала. Одна ее сторона прикреплялась к краю люка шелковым клапаном, действовавшим, как дверные петли. Я рассматривал это замечательное произведение искусства и размышлял, кто же его мог создать. В глубине шелкового туннеля мне ничего не удалось разглядеть, и стебель травы тоже ничего там не нащупал. Долго созерцал я это фантастическое жилище, пытаюсь отгадать, какое существо его соорудило. Я подумал, что это какая-нибудь оса, только раньше мне никогда не приходилось слышать, чтобы осы устраивали себе гнезда с потайной дверью. Надо немедленно выяснить, в чем тут дело. Пойду прямо к Джорджу и спрошу, знает ли он, что это за таинственный зверь такой. Я свистнул Роджеру, который в это время старался выдрать с корнем оливковое дерево, и бодрой рысцой пустился в путь.

К дому Джорджа я подошел, еле переводя дух, и прямо-таки разрывался на части от волнения. Кое-как постучавшись, я ворвался в дом и тут только сообразил, что у Джорджа гости. Около него на стуле сидел человек, которого я сначала принял за брата Джорджа, так как у него тоже была борода. Однако в отличие от Джорджа он был безукоризненно одет: костюм из серой фланели, жилетка, белоснежная рубашка, со вкусом подобранный, хотя и мрачноватый галстук и большие, крепкие башмаки, начищенные до блеска. Я в смущении остановился на пороге, в то время как Джордж окинул меня насмешливым взглядом.

— Добрый вечер, — произнес он. — Судя по тому, с какой скоростью ты сюда влетел, можно думать, что тебя интересуют не дополнительные за-

Д — Да нет, нет, — ответил Теодор. — Я как раз собирался уходить и вполне бы мог пройтись домой пешком. Это совсем не трудно для меня... э... я срежу путь до Канони через оливковые рощи.

Он надел свою изящную серую шляпу и, расставаясь с Джорджем, крепко потряхнул ему руку.

— Благодарю за восхитительный чай, — сказал он на прощанье и тяжелой поступью направился по тропинке рядом со мной.

По дороге я украдкой разглядывал Теодора. У него был прямой, хорошей формы нос, насмешливые губы, скрытые пепельной бородой, а из-за прямых, довольно пушистых бровей на мир глядели пронизательные глаза, смягченные веселым огоньком и добрыми морщинками в уголках. Теодор шел бодрым шагом, что-то напевая про себя. Когда мы проходили канаву со стоячей водой, он на минуту остановился, чтоб заглянуть в нее.

— Гм, — поспешил он поделиться со мной. — *Daphnia magna*. Потом пригладил большим пальцем растрепавшуюся бороду и снова пустился в путь. — К сожалению, — сообщил он мне, — я приходил сюда в гости... э... к моим друзьям и поэтому не захватил с собой коллекционной сумки. Досадно, потому что в этой канаве может оказаться кое-что интересное.

Когда мы свернули с довольно ровной дороги и пошли по каменистой козьей тропке, я ожидал протеста, однако Теодор шагал за мной с прежней бодростью, продолжая напевать себе под нос. Наконец мы вступили в темную оливковую рощу. Я подвел Теодора к моховому бугру и показал таинственный люк.

Теодор разглядывал его, прищурив глаза.

— Ага, — произнес он, — да... гм... да.

Вынув из жилетного кармана маленький перочинный ножик, он легонько поддел кончиком лезвия дверцу люка и отворил ее.

— Гм... да, — повторил он. — *Cleniza*.

Заглянув в отверстие, Теодор подул туда и снова захлопнул дверцу.

— Да, это норки земляных пауков, — сказал он. — Только в этой, видимо, никто не живет. Обычно паук упирается в крышку погребка ногами или, вернее, коготками и прижимает ее так крепко, что, если вы захотите открыть ее, надо действовать очень осторожно, иначе она сломается. Гм... да... это, конечно, норки самок. Самец роет такую же норку, только раза в два меньше.

Я сказал, что это самые замечательные постройки, какие мне приходилось видеть.

— Ага, — отозвался Теодор. — Конечно, они замечательные. Но вот что меня всегда удивляет: как это самка узнает о приближении самца?

Я заморгал глазами, а Теодор взглянул на меня, покачался на носках и продолжал:

— Паук, конечно, сидит внутри своей норки и дожидается, пока какое-нибудь насекомое — муха, кузнечик или еще кто-нибудь — не окажется поблизости. Вероятно, паук как-то умеет определять, достаточно ли близко насекомое, чтобы его схватить. Если оно близко, паук... э... выскакивает из своего убежища и хватает беднягу. Ну вот, а когда самец разыскивает самку, он ведь тоже должен пробираться к погребку через мох, и я часто думаю, почему же его никогда... э... не сожрет по ошибке самка. Конечно, возможно допустить, что его шаги звучат иначе. А может, он умеет издавать... ну, знаешь... какой-нибудь звук, и самка узнает его.

На обратном пути мы оба молчали, а когда дошли до того места, где тропка разветвлялась, я остановился и сказал, что здесь нам надо расстаться.

— Да, да, до свиданья, — ответил Теодор, разглядывая кончики своих ботинок. — Очень рад с тобой познакомиться.

С минуту мы постояли в молчании. Вероятно, Теодор всегда чувствовал сильное смущение, когда ему приходилось здороваться или прощаться с людьми. Еще с минуту он упорно продолжал глядеть на ботинки и наконец протянул мне руку.

— До свиданья, — серьезно сказал он. — Я... э... я надеюсь, что мы еще встретимся.

Он повернулся и, размахивая тростью, зашагал вниз по склону. Я глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом медленно побрел к себе домой. Теодор привел меня в смущение и в то же время вызвал восторг. Во-первых, он казался мне личностью необыкновенно значительной, так как, без сомнения, был очень крупным ученым (я мог судить об этом по его бороде) и, в сущности, это был единственный человек из всех, кого я до сих пор встречал, разделявший мою любовь к зоологии. Во-вторых, мне было чрезвычайно лестно, что он обращался и разговаривал со мной так, будто мы были одного возраста. У нас в семье со мной никто не говорил снисходительно, и я всегда не любил тех людей, кто пробовал это делать. Но Теодор обращался со мной как с равным не только по возрасту, но и по знаниям.

Всю дорогу у меня не выходило из головы то, что он рассказывал мне о земляном пауке. Я пытался представить, как паук сидит у себя в шелковом погребке, держит крышку изогнутыми лапками и прислушивается к движениям насекомых наверху. Интересно, как это все звучит для паука? Я мог вообразить, что улитка, переползающая по моховому покрову, производит такой звук, словно кто-то потихоньку отдирает липкий пластырь, а сороконожка топаёт, наверно, как целая конница. Быстрые, семенящие шажки мухи прерываются вдруг паузой, когда муха начинает мыть передние лапки — тупой, режущий звук, будто точильщик ножей пустил в ход свое колесо. Большие жуки, решил я, грохочут, как паровые катки, а

Д жуки помельче — божьи коровки там и всякие прочие — те, наверное, ползут по моховому ковру с шуршанием заводных автомобильчиков. Поглощенный такими мыслями, я шагал в наступающих сумерках через поля, собираясь рассказать дома о своем новом открытии и о знакомстве с Теодором. Я надеялся встретиться с ним снова, так как мне надо было задать ему тысячи всяких вопросов, но боялся, что он не станет тратить на меня время. Однако я ошибся. Через два дня Лесли, вернувшись из города, передал мне небольшой пакет.

— Встретил бородатого франта, — коротко объявил он. — Ну, знаешь, того ученого парня. Сказал, что это для тебя.

Я с недоверием посмотрел на пакет. Неужели для меня? Нет, должно быть, здесь какая-то ошибка. Не станет же такой видный ученый посылать мне посылки. Я перевернул пакет и на обратной стороне увидел свое имя, написанное мелким, аккуратным почерком. В волнении я поспешил сорвать бумагу. Внутри оказалась небольшая коробка и письмо.

Дорогой Джерри Даррелл,

после нашей недавней беседы я подумал, что тебе для исследования местной природы неплохо было бы иметь какой-нибудь увеличительный прибор. Поэтому я решил послать этот карманный микроскоп в надежде, что он тебе пригодится. У него, конечно, не очень сильное увеличение, но ты увидишь, что для работы в поле оно достаточно.

Желаю тебе всего хорошего,
искренне твой *Тео Стефанидес*

P.S. Если в четверг ты ничем не занят и захочешь прийти ко мне на чашку чая, я смогу показать тебе свои кое-какие препараты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧУДЕСНАЯ ВЕСНА

В последние дни уходящего лета в течение всей теплой, влажной зимы наши чаепития у Теодора стали постоянными. Каждый четверг я набивал карманы спичечными коробками и пробирками со всякой живностью, и Спиро отвозил меня в город.

Такое свидание я не променял бы ни на что в мире.

Теодор принимал меня в своем кабинете, который пришелся мне очень по вкусу. Именно такой, в моем представлении, и должна быть комната

ученого. Все стены уставлены высокими книжными шкафами, где собраны тома по биологии пресных вод, ботанике, астрономии, медицине, фольклору и другим таким же важным и увлекательным предметам и вперемежку с ними — разные детективные романы. Шерлок Холмс, таким образом, оказывался здесь ближайшим соседом Дарвина, а Ле Фаню стоял плечом к плечу с Фабром. Так оно, на мой взгляд, и должно было быть в хорошей библиотеке. У одного окна, задрав к небу нос, точно воющая собака, стоял телескоп Теодора, а на всех подоконниках красовались банки и бутылки, где среди нежной зелени видных растений крутилась и вертелась мелкая пресноводная фауна. С одной стороны стоял огромный письменный стол, заваленный газетными вырезками, микроснимками, пачками рентгеновских снимков, календарями и записными книжками. На другой стороне был столик для микроскопа с мощной лампой, склонившейся, словно лилия, на своей подвижной ножке над плоскими ящичками, где у Теодора хранились препараты. А сам микроскоп, стоявший, как именинник, был накрыт стеклянными колпаками в виде ульев.

— Мое почтение, — приветствовал меня Теодор, как будто я был незнакомым ему человеком, и пожимал мне руку в своей обычной манере — резко дергал ее книзу, словно проверял прочность узла на веревке. Покончив с формальностями, мы могли переключать свое внимание на более важные вещи.

— Как раз перед твоим приходом, — сообщал Теодор, — я просматривал препараты и отыскал среди них то, что могло бы тебя заинтересовать. Это ротовые части крысиной блохи... понимаешь ли, *Ceratophyllus facialis*. Постой, я сейчас наведу микроскоп... Ну вот... видишь? Очень интересно. Я хочу сказать, что это похоже на человеческое лицо, правда ведь? А вот тут другое... э... предметное стекло. Очень занятное. Вот смотри. Это прядильный орган садового паука, или паука-крестовика... э... по-латыни *Epeira fasciata*.

И мы, забыв все на свете, склонялись с ним над микроскопом и увлеченно обсуждали одну тему за другой. Если Теодор не мог ответить на все мои многочисленные вопросы, у него для этого были книги. В книжных шкафах начинали появляться просветы, Теодор вынимал оттуда для справки том за томом, и около нас постепенно вырастала целая гора книг.

— А это вот циклоп... *Cyclops viridis*... Я поймал его как-то около Говино. Это самка с яичными сумками. Я сейчасотрегулирую... ты сможешь очень хорошо рассмотреть яички... А теперь я помещу ее в пробирку... э... гм... тут вот еще несколько видов циклопов, найденных на Корфу.

В кружке яркого белого света появляется странное существо. Грушевидное тело, длинные усики дрожат в негодовании, хвост, как веточка ве-

Дреска, и с каждой стороны (словно переброшенные через спину осла мешки с луком) две большие сумки, набитые розовыми бусинками.

— ...называются они циклопами потому, что у них, как ты можешь видеть, всего один глаз посреди лба. То есть посреди того, что могло бы быть лбом, если б циклопы его имели. В греческой мифологии циклоп был из тех великанов... с одним глазом. Они ковали для Гефеста железо.

За окном теплый вечер трогал скрипучие ставни, а по оконному стеклу, будто прозрачные головастики, катились друг за другом дождевые капли.

— Ага! Удивительно, что ты об этом заговорил. У крестьян в Салониках есть такое же... э... суеверие. Нет, не только суеверие. Тут у меня в одной книге очень интересно рассказано о вампирах в... гм... Боснии. Видимо, местные жители...

Приносили чай, пирожные с пышным слоем крема, горячие гренки под пеленой тающего масла. Сияли чашки, легкий пар поднимался из носика чайника.

— ...но, с другой стороны, нельзя утверждать, что на Марсе не может быть жизни. Мне кажется, какие-то формы жизни там будут найдены... э... открыты, если нам удастся когда-нибудь туда попасть. Только не надо думать, что любая форма жизни, найденная там, будет сходна...

Теодор сидел за столом в своем изящном костюме из твида и медленно, методично жевал гренки. Борода его распушилась, в глазах всякий раз вспыхивал огонь, как только в наш разговор вплеталась новая тема. Запас его знаний казался мне неистощимым. Это был настоящий кладезь премудрости, и я без устали черпал из него. Чего бы мы ни коснулись в нашей беседе, Теодор обо всем мог рассказать что-нибудь интересное.

Наконец Спиро подавал мне с улицы громкие сигналы, и я с сожалением поднимался из-за стола.

— До свидания, — говорил Теодор, дергая мне руку. — Рад был повидаться с тобой... э... нет, нет, нисколько. Жду тебя в четверг. Когда наладится погода... э... будет не так мокро... словом, весною... мы сможем совершать с тобой прогулки... поищем что-нибудь... В канавах в Вальде-Роппа встречается кое-что интересное... гм, да... Ну, до свидания... Не стоит.

Весело насвистывая песенку, Спиро вез меня домой по темной, мокрой дороге, а я сидел рядом с ним и мечтал о весне, мечтал о тех замечательных животных, которых мы с Теодором будем ловить.

Теплый ветер и зимние дожди в конце концов так отполировали небо, что, когда наступил январь, оно засияло ясной, нежной голубизной, той самой голубизной, какою светятся маленькие язычки пламени, пожирающие стволы олив в ямах, где выжигают древесный уголь. Ночи стояли тихие и прохладные, луна на небе была совсем тусклая, и на море от нее ложились

лишь едва приметные серебряные блики. После бледной, прозрачной зари и небо, будто гигантский кокон, поднималось закутанное в дымку солнце и обрызгивало остров тонкой золотой пылью.

С мартом пришла весна. Остров покрылся цветами, заблагоухал, заиграл светлой зеленью. Кипарисы, всю зиму со свистом метавшиеся по ветру, стояли теперь прямые и гладкие, под легким плащом из зеленовато-белых шишечек. Всюду цвели восковые желтые крокусы, кучками выбивались среди корней деревьев, сбегали по откосам речных берегов. Под кустами миртов гиацинты набирали свои похожие на фуксиновые леденцы бутоны, а по дубовым чащам разлилась синеватая дымка буйно цветущих ирисов. Хрусткие, нежные анемоны распускали кремовые венчики с винно-красным отливом по краям. Лютики, чина, асфodelи и сотни других цветов сплошь покрывали теперь поля и леса. Даже тысячелетние оливы, согнутые и дуплистые, украсились кистями мелких кремовых цветков, скромных и все же нарядных, как и подобает в их почтенном возрасте. Да, уж это была весна так весна: весь остров дрожал и гудел от ее шагов, все живое откликалось на ее приход. Это узнавалось по сиянию цветочных лепестков, по яркости птичьих перьев, по блеску в темных влажных глазах деревенских девушек. Среди сочной зелени в залитых водой канавах гремел восторженный хор лягушек. В деревенских кофейнях вино словно бы потемнело и стало как-то хмельней. Загрубелые, шершавые пальцы перебирали струны гитары с какой-то удивительной мягкостью, а звучные голоса распевали живую веселую песенку.

На нашу семью весна действовала по-разному. Ларри купил себе гитару и большой бочонок крепкого красного вина. Теперь он отрывался иногда от работы, брэнчал на гитаре и мягким голосом пел старинные романсы, все время подливая себе в стакан. Это навевало на Ларри меланхолию, песни его становились все печальнее, и после каждой из них он делал передышку, чтобы сообщить, если кто-либо из нас оказывался поблизости, что весна для него означает не начало нового года, а смерть старого. Кончину, говорил он, извлекая из гитары зловещие звуки, и начинал зевать все сильнее.

Как-то вечером мы все ушли из дому, оставив Ларри наедине с мамой. Весь вечер он пел песни, одну заунывнее другой, и это в конце концов вызвало у обоих острый приступ тоски. Они попробовали смягчить ее вином, но, к сожалению, результат получился обратный, так как оба не привыкли к крепким винам Греции. Вернувшись домой, мы были несколько удивлены, что мама встречает нас на пороге дома с фонарем в руках. С большим достоинством и точностью она сообщила нам, что хочет быть похороненной под кустами роз. Новизна этого сообщения заключалась в том, что для по-

Д гребения останков было выбрано такое доступное место. Мама уже потратила немало времени, выбирая места, где ее похоронят, но все они были расположены в такой невероятной дали, что нам всегда представлялась похоронная процессия, свалившаяся у дороги без сил еще задолго до конца пути.

Но, если не считать таких случаев, весна для мамы означала бесконечное множество свежих овощей, с которыми она экспериментировала, и изобилие новых цветов в саду, так восхищавших ее. Из кухни стало поступать потрясающее количество новых блюд — супов, тушений, закусок, приправ, — и каждое из них было сочнее, душистее и экзотичнее, чем предыдущее. У Ларри начались нелады с желудком. Презирая простейшее лекарство — есть поменьше, — он запасся огромной банкой соды и торжественно принимал определенную дозу всякий раз после еды.

— Зачем столько есть, милый, если это тебе вредит? — спросила мама.

— Если бы я ел меньше, это было бы неуважением к твоему кулинарному искусству, — ответил Ларри елейным голосом.

— Ты ужасно толстеешь, — заявила Марго. — Это тебе не на пользу.

— Ерунда! — с беспокойством произнес Ларри. — Я вовсе не толстею. Мама, скажи?

— Пожалуй, ты прибавил немного в весе, — решила мама, окидывая его критическим взглядом.

— А все по твоей вине, — необдуманно сказал Ларри. — Без конца соблазняешь меня этими ароматными блюдами. Дело дойдет до язвы. Надо переходить на диету. Марго, ты можешь предложить мне хорошую диету?

— Конечно, — сказала Марго, с восторгом обращаясь к своей излюбленной диете. — Попробуй диету из апельсинового сока и салата. Это очень полезно. А можешь сесть на молоко и сырые овощи. Тоже очень полезная диета, но отнимает много времени. Есть еще диета из вареной рыбы и черного хлеба. Только я пока не знаю, что это такое, я ее еще не пробовала.

— Бог мой! — воскликнул совершенно потрясенный Ларри. — И это называется диетой?

— Да, — серьезно ответила Марго. — И все они очень полезны.

— Ну нет! — твердо сказал Ларри. — Не стану я этого делать. Я не какое-нибудь копытное, чтобы мерами изгрызать сырые фрукты и овощи. Вы все должны примириться с тем, что я уйду от вас в молодые годы, погибнув от ожирения сердца.

В следующий раз он принял большую порцию соды перед едой и потом жаловался, что вся пища имеет какой-то странный вкус.

На Марго весна всегда действовала скверно. Заботы о внешности, и без того имевшие для нее первостепенное значение, стали теперь настоящим бременем. Спальня ее была сплошь завалена кипами выстиранной и выглаженной одежды, а кругом на веревках болталось еще множество всяких только что постиранных вещей. Марго носилась по дому с грудями прозрачного белья и флаконами духов, и всюду слышалось ее нескладное пение. Она ловила каждый удобный случай, чтобы юркнуть вдруг в ванную, изметнув за собой белый вихрь полотенец. А уж оттуда ее нельзя было вытянуть никакими силами. Все мы по очереди кричали и колотили в дверь и в ответ всякий раз слышали заверения, что она уже почти готова. Заверения эти, как мы знали по горькому опыту, вовсе ничего не значили. Но вот наконец Марго появлялась перед нами, вымытая до блеска, и, напевая, уходила загорать в оливковые рощи или же спускалась к морю купаться. В одну из таких экскурсий она встретила на берегу невероятно красивого турка. По своей скромности Марго никому не сообщила о частых свиданиях с этим красавцем, думая, как она объясняла потом, что для нас это будет неинтересно. Обнаружил все, разумеется, Спиро. Он неустанно пекся о благоденствии Марго с ревностным участием сенбернара, и ей почти никогда не удавалось ничего сделать, о чем бы не проведал Спиро. Теперь он постарался застать маму утром на кухне одну, осторожно огляделся, убеждаясь, что их никто не подслушивает, глубоко вздохнул и открыл тайну.

— Мне очень не хочется говорить вам об этом, миссис Даррелл, — пробурчал он, — но я думаю, что вы должны это знать.

Мама уже давно привыкла к заговорщицкому виду Спиро, когда он приносил о нас какие-нибудь вести, и теперь это ее больше не тревожило.

— Ну, что у тебя на этот раз? — спросила мама.

— Мисс Марго, — сказал огорченный Спиро.

— А что с нею?

Спиро тревожно оглянулся.

— Вы знаете, что она встречается с мужчиной? — спросил он дрогнувшим шепотом.

— С мужчиной? А... э... Да, знаю, — отважно солгала мама.

Спиро поддернул брюки и подался вперед.

— А вы знаете, что это турок? — спросил он свирепым голосом.

— Турок? — рассеянно откликнулась мама. — Нет, я не знала, что он турок. А что в этом плохого?

Спиро был потрясен:

— Боже мой, миссис Даррелл, что в этом плохого? Он же турок! А этим сукиным сыном нельзя доверять девушкам. Он перережет ей горло, вот что

Д он делает. Клянусь вам, миссис Даррелл, это опасно. Мисс Марго плавает с ним.

— Ладно, Спиро, — успокоила его мама. — Я поговорю с Марго.

— Я только думал, что вам это надо знать, вот и все. Но вы не волнуйтесь... Если этот тип сделает что-нибудь мисс Марго, я его поставлю на место, — серьезно уверял ее Спиро.

Получив такие сведения, мама пересказала их Марго, в несколько менее жутком тоне, чем Спиро, и посоветовала пригласить юного турка к чаю. Обрадованная Марго побежала за турком, а мама тем временем испекла на скорую руку пирог, немного коржиков и предупредила всех нас, чтобы мы вели себя прилично. Турок оказался высоким молодым человеком с курчавыми волосами и парадной улыбкой, в которой было очень мало юмора и очень много снисходительности. В нем чувствовалось хладнокровие самодовольного, вкрадчивого мартовского кота. Молодой человек прижал мамину руку к губам, будто оказывал ей честь, и щедро рассыпал улыбки для остальных. Чувствуя, как мы все ошкетиниваемся, мама отчаянно бросилась на выручку.

— Рада вас видеть в доме... давно собиралась... все нет времени, знаете... дни так летят... Марго много нам о вас рассказывала... попробуйте коржик, — говорила она, не переводя дыхания, и с ослепительной улыбкой передавала ему кусок пирога.

— Очень приятно, — пробормотал турок, обращаясь не то к нам, не то к самому себе.

Наступило молчание.

— Он здесь на каникулах, — сообщила вдруг Марго, как будто в этом было что-то необыкновенное.

— В самом деле? — язвительно спросил Ларри. — На каникулах? Потрясающе!

— Я был однажды на каникулах, — выговорил Лесли, еле прожевывая пирог. — Очень хорошо это помню.

Мама старалась за всем следить и нервно передвигала чашки.

— Сахару? — спросила она мелодичным голосом. — Вам положить еще сахару?

— Да, пожалуйста.

Снова наступило молчание, и мы все смотрели, как Марго разливает чай и усиленно старается придумать тему для разговора. Наконец турок обратился к Ларри.

— Вы, кажется, пишете? — спросил он совершенно равнодушно.

Глаза Ларри сверкнули. Заметив признаки опасности, мама немедленно вступила в разговор, прежде чем Ларри успел ответить.

— Да-да, — улыбнулась она. — Он все пишет, день за днем. Непрестанно стучит на машинке.

— Мне всегда казалось, — заметил турок, — что я смогу отлично писать, если попробую.

— В самом деле? — откликнулась мама. — Да, тут, я думаю, нужен талант, как и во многом другом.

— Он хорошо плавает, — сообщила Марго. — Заплывает ужасно далеко.

— Я не боюсь, — скромно сказал турок. — Я очень хорошо плаваю, поэтому не боюсь. На лошади я тоже не боюсь, потому что хорошо езжу верхом. Я могу отлично управлять парусной лодкой во время тайфуна и тоже не боюсь.

Он не торопясь попивал свой чай и с одобрением глядел на наши лица, где видел благоговение.

— Вот видите, — пояснил он на тот случай, если мы упустили главное. — Вот видите, я не из трусливых.

На другой день после чаепития Марго получила от турка записку с предложением пойти с ним вечером в кино.

— Как ты думаешь, мне надо пойти? — спросила она у мамы.

— Иди, если тебе хочется, милая, — ответила мама и твердо добавила: — Но только скажи ему, что я тоже пойду.

— Веселенький тебя ждет вечером, — заметил Ларри.

— Пожалуйста, мама, не ходи, — запротестовала Марго. — Это покажется подозрительным.

— Глупости, милая, — неуверенно ответила мама. — Турки привыкли ко всяким стражам... вспомни только их гаремы.

В тот вечер, принарядившись, мама и Марго вышли вместе из дому. В городе был один-единственный кинотеатр под открытым небом, и все мы рассчитывали, что представление должно закончиться уж в крайнем случае к десяти часам. Ларри, Лесли и я с нетерпением ждали их возвращения. В половине второго ночи Марго и мама, полумертвые от усталости, вошли в дом и без сил повалились на стулья.

— О, так вы вернулись? — сказал Ларри. — А мы уж тут думали, что вы умчались вместе с ним, разъезжаете теперь по Константинополю на верблюдах и ветерок играет вашей чадрой.

— Какой ужасный вечер, — сказала мама, сбрасывая туфли. — Просто кошмар.

— Что случилось? — спросил Лесли.

— Уж одни его духи чего стоят, — сказала Марго. — Они сразу убили меня наповал.

Д — Мы сидели так близко к экрану, что у меня разболелась голова. Народу набилось, как сельдей в бочке. И в довершение всего меня стала кусать блоха. Тут нет ничего смешного, Ларри. Я просто не знала, куда деваться. Проклятая блоха забралась мне под одежду, и я чувствовала, как она там бегаёт. Нельзя было по-настоящему почесаться, это выглядело бы неприлично. Я старалась прижаться к спинке сиденья. Он, наверно, это заметил... потому что все время как-то косился на меня. Потом, в перерыве, он вышел и вернулся с отвратительными восточными сладостями, мы все обсыпались сахарной пудрой, и меня начала мучить жажда. Во время второго перерыва он принес цветы. Ну, скажите на милость, цветы в середине фильма. Вот букет Марго, на столе.

Мама показала на большой букет весенних цветов, перевязанный цветными лентами. Порывшись в сумочке, она вынула из нее букетик фиалок, имевший такой вид, будто он побывал под копытами лошади.

— Вот, — сказала она, — мои цветы.

— Но хуже всего была обратная дорога, — заметила Марго.

— Просто ужасная, — согласилась мама. — Когда мы вышли из кино-театра, я полагала, что мы возьмем такси. Не тут-то было! Он затиснул нас на извозчика, и притом со всякими ароматами. Просто безумие проехать весь этот путь на извозчике. А мы ехали целую вечность, потому что бедная лошадь уже выбилась из сил. Всю дорогу я старалась быть любезной, умирая от желания почесаться и от жажды. А этот дурень с улыбкой глядел на Марго и распевал любовные песни. Так бы и пристукнула его. Мне казалось, что конца пути не будет, даже у своего холма мы не смогли избавиться от турка. Он объявил, что в это время года крутом в зарослях полно змей, и пошел нас провожать со здоровенной палкой. Только когда он наконец ушел, я могла вздохнуть свободно. Знаешь, Марго, впредь ты должна выбирать себе приятелей поосторожней. Второй раз я этого не вынесу. Я так боялась, что он окажется у самой двери и нам тогда придется пригласить его в дом.

— Да, не очень-то ты была грозным стражем, — сказал Ларри.

Для Лесли наступление весны означало мягкий свист крыльев горлиц и вяхирей или внезапное появление какой-нибудь еще дичи среди зарослей миртов. Он исходил все охотничьи магазины, вел разговоры со специалистами и наконец явился домой, с гордостью показывая нам двустволку. Лесли сразу унес ее в свою комнату, разобрал на части и стал чистить, а я стоял рядом и не отводил восхищенного взора от блестящих стволов и ложа, с удовольствием вдыхая тяжелый запах смазочного масла.

— Правда ведь красotka? — говорил он с умилением, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Правда ведь душечка?

Лесли с нежностью погладил свое красивое ружье, потом, вскинув его вдруг к плечу, начал целиться в воображаемую стаю птиц под потолком.

— Паф! Паф!.. — восклицал он, слегка ударяя прикладом в плечо. — Левый, правый, и они на земле.

Он в последний раз обтер ружье масляной тряпкой и осторожно поставил в угол, рядом со своей кроватью.

— Поохотимся завтра на горлиц, а? — предложил он, разрывая пакет и вытряхивая на постель алые патроны. — Они начинают появляться около шести. Вон тот пригорок за долиной как раз подходящее место.

И вот мы шагаем с ним на заре сквозь туман через притихшие оливковые рощи вверх по склону долины, где ветки миртов гнутся под тяжестью росы, и взбираемся на вершину пригорка. Мы стоим среди виноградных лоз, ожидая, когда совсем рассветет и появятся птицы. Неожиданно бледное утреннее небо покрывается черными точками, они движутся с быстротой стрелы, и мы уже слышим трепет крыльев. Лесли ждет. Он стоит, широко расставив ноги, прижав ружье в бедру, и напряженно следит за птицами. А птицы все приближаются и приближаются, и вот они уже над нами и сейчас скроются за серебристыми верхушками олив позади нас. В самый последний миг ружье плавно поднимается к плечу, блестящие стволы обращаются в небо. Легкий толчок и звук выстрела, словно треснула ветка в тихом лесу. Горлица, которая еще секунду назад неслась в стремительном полете, безжизненно падает на землю, а в воздухе кружатся мягкие светло-коричневые перья. Когда на поясе у Лесли болталось уже пять окровавленных птиц, он зажал ружье под мышкой, закурил сигарету и надвинул шляпу прямо на глаза.

— Пошли, — сказал он. — Хватит с нас. Дадим этим беднягам передышку.

Мы возвращались через рощи, уже освещенные солнцем, где среди листвы виднелось множество зябликов — будто сотни монеток были нанизаны на ветвях. Пастух Яни выгонял на пастбище своих коз. Его темное лицо с большими, желтыми от никотина усами осветилось улыбкой, из-под тяжелых складок овчинной накидки высунулась узловатая рука и поднялась над головой.

— Херете, — произнес он своим низким голосом красивое греческое приветствие. — Херете кирие... будь счастлив.

Козы разбрелись среди олив и громким меканьем окликали друг друга, впереди ритмично позвякивал колокольчик вожака. Звонко заливались зяблики, а в миртах, выставив свою грудь, словно мандарин, выводила тонкую трель малиновка. Пропитанный росой остров искрился в лучах утреннего солнца, всюду кипела жизнь. Будь счастлив. Что же, кроме счастья, можно было испытывать в такое время года?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗГОВОР

Как только мы устроились на острове и стали наслаждаться спокойной жизнью, Ларри с обычным для него благодушием написал всем своим друзьям и пригласил их в гости. Очевидно, ему и в голову не пришло, что в доме едва хватало места для нас самих.

— Я пригласил тут кое-кого приехать к нам на недельку, — сообщил он маме как-то мимоходом.

— Очень приятно, милый, — опрометчиво ответила мама.

— Мне кажется, нам не мешает иметь вокруг себя умных, живых людей. Мы не должны тут закисать.

— Надеюсь, они не слишком заумные интеллигенты?

— Господи, мама! Разумеется, нет. Это очень простые, милые люди. Не понимаю, откуда у тебя такая неприязнь к интеллигентам?

— Не люблю я их, — жалобно ответила мама. — Сама я не отличаюсь ученостью и не могу вести разговоры о поэзии и прочем. А эти люди, кажется, воображают, что, поскольку я твоя мать, я могу пространно рассуждать с ними о литературе. И они всегда приходят задавать мне свои глупые вопросы как раз в то время, когда я особенно занята на кухне.

— Я не заставляю тебя спорить с ними об искусстве, — вспыхнул Ларри, — но, мне кажется, ты могла бы не показывать своего пристрастия к скверной литературе. Я завалил весь дом настоящими книгами, а твой столик в спальне просто ломится под тяжестью томов по кулинарии и садоводству и этих вульгарных книжек о сыщиках. Не понимаю, где ты их только достaeшь?

— Это очень хорошие детективы, — защищалась мама. — Мне приносят их Теодор.

Сердито вздохнув, Ларри снова принялся за свою книгу.

— Ты бы лучше сообщил в «Швейцарский пансионат», когда они приезжают, — заметила мама.

— Для чего? — удивился Ларри.

— Чтобы там забронировали номера, — с неменьшим удивлением ответила мама.

— Но я их пригласил к себе домой, — пояснил Ларри.

— Ларри! Ну как ты мог?! Это же безрассудство. Разве они могут здесь остановиться?

— Я просто не понимаю, из-за чего тебе так волноваться, — холодно ответил Ларри.

— Но где же они будут спать? — все больше расстраивалась мама. — Ты же видишь, что тут и нам едва хватает комнат.

— Все это чепуха, мама. Комнат тут вполне достаточно, если как следует организовать дело. Марго и Лесли могут спать на веранде, вот тебе уже две комнаты. Вы с Джерри переходите в гостиную и освобождаете еще две комнаты.

— Какая ерунда, милый. Мы не можем устроить здесь цыганский табор. К тому же ночи еще холодные, и Марго с Лессом не будут спать на улице. В доме просто нет места для гостей. Так что ты напиши этим людям и постарайся отговорить их.

— Я не могу их отговорить, — сказал Ларри. — Они уже выехали.

— Ты просто невыносим, Ларри! Почему же ты мне раньше не сказал! Когда люди уже на пороге, говорить поздно.

— Я не предполагал, что ты отнесешься к приезду нескольких друзей как к грандиозной катастрофе.

— Но ты же должен знать, милый, что нельзя приглашать людей, если в доме для них нет места.

— Ах, мам, перестань, пожалуйста, — разозлился Ларри. — Из всего этого есть очень простой выход.

— Какой же? — с тревогой спросила мама.

— Ну, если в доме не хватает места, надо переехать в другой, где будет хватать.

— Подумай, что ты говоришь! Где это слыхано, чтобы люди переезжали в более просторный дом только потому, что они пригласили к себе друзей?

— А чем плохая мысль? Мне кажется, это вполне разумное решение. Ты же сама говоришь, что здесь нет места, из этого следует, что надо переехать.

— Из этого следует, что не надо приглашать людей, — возразила мама.

— Не думаю, чтобы жизнь отшельников пошла нам на пользу, — сказал Ларри. — Я ведь пригласил их только ради тебя. Все они очень славные люди. Я думаю, что ты им обрадуешься. И жизнь твоя стала бы тогда чуточку веселей.

— Спасибо, она у меня и так достаточно веселая, — с достоинством ответила мама.

— Теперь я просто не представляю, что тут можно сделать.

— Не понимаю, милый, почему им нельзя остановиться в «Швейцарском пансионате»?

— Нельзя же пригласить людей к себе, а потом выставить их в третьеразрядную гостиницу.

Д

— Сколько человек ты пригласил? — спросила мама.

— О, совсем немного... двоих-троих. Они приедут не все сразу. Думаю, что они будут поступать партиями.

— Можешь ты мне все-таки сказать, сколько человек ты пригласил? — настаивала мама.

— Я просто не помню. Некоторые из них мне не ответили, но это ничего не значит... они, может быть, уже едут и думают, что уведомлять нас об этом не стоит. Во всяком случае, если ты будешь рассчитывать свой бюджет на семь или восемь человек, это как раз достаточно.

— Ты хочешь сказать, вместе с нами?

— Нет, нет, я имею в виду семь или восемь человек плюс наша семья.

— Но это же просто смешно, Ларри. Мы при всем желании не сможем втиснуть в этот дом тринадцать человек.

— Значит, надо переезжать. Я предлагаю тебе очень разумный выход. Не понимаю, о чем тут еще можно спорить?

— Не болтай чепухи, милый. Если мы даже переедем в дом, где могут поместиться тринадцать человек, что нам делать с лишней площадью потом, когда они уедут?

— Пригласим еще гостей, — ответил Ларри, удивленный тем, что мама сама не додумалась до такой простой вещи.

Мама застыла с открытым ртом, очки ее съехали куда-то в сторону.

— Послушай, Ларри, — выговорила она наконец. — Ты выводишь меня из терпения.

— Ты просто несправедлива ко мне. Я же не виноват, что твое хозяйство рушится от приезда нескольких гостей.

— Несколько гостей! — воскликнула мама. — Рада узнать, что восемь человек — это несколько гостей, как ты считаешь.

— Я считаю, что ты занимаешь самую неразумную позицию.

— А в том, что ты пригласил людей и не предупредил меня, не было ничего неразумного?

Ларри обиженно посмотрел на нее и вновь взялся за книгу.

— Ну, я сделал все, что мог, — сказал он. — Большого я сделать не могу.

Наступила продолжительная пауза, в течение которой Ларри спокойно читал свою книгу, а мама расставляла розы в вазочки с водой и с ворчанием разносила их по комнате.

— Ну что ты лежишь, как бревно? — сказала она немного спустя. — В конце концов, это твои друзья. Ты и должен о них заботиться.

Ларри со страдальческим видом отложил книгу.

— Не понимаю, что я должен? — сказал он. — Ты же отвергла все мои предложения.

— Если бы это были разумные предложения, я бы их не отвергала.

— Не вижу ничего неприемлемого во всем, что я предлагал.

— Но, Ларри, милый, будь благоразумен. Нельзя же бросаться в новый дом только потому, что к нам приезжают люди. Да мы и не успеем уже его найти. И потом — уроки Джерри.

— При желании все это можно легко уладить.

— В другой дом мы не поедem, — твердо заявила мама. — Это я уже решила.

Мама поправила очки, с вызовом поглядела на Ларри и гордой походкой отправилась на кухню, каждым своим шагом выражая решимость.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БЛЕДНО-ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Это был высокий, просторный венецианский особняк с выцветшими бледно-желтыми стенами, зелеными ставнями и буровато-красной крышей. Он стоял на холме у моря в окружении заброшенных оливковых рощ и безмолвных садов, где росли лимоны и апельсины. Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом: дом с облупленными, потрескавшимися стенами, огромные гулкие комнаты, веранды, засыпанные прошлогодними листьями и так густо заплетенные виноградом, что в нижнем этаже постоянно держались зеленые сумерки. С одной стороны тянулся маленький запущенный садик с каменной оградой и чутунными ржавыми воротами. Там над заросшими дорожками раскинулись розы, апемоны, герань, а мацдариновые деревья были так густо усыпаны цветами, что от их запаха кружилась голова. В citrusовых садах все было тихо и спокойно, только гудение пчел доносилось оттуда да изредка птичий щебет. Заброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным, изрезанным горам Албании. Все тут лежало как бы в полусне, напоенное весенним солнцем и отданное во власть мхам, папоротникам и зарослям мелких поганок.

Место присмотрел, разумеется, Спиро, он же постарался организовать наш переезд с наименьшей суетой и наибольшей эффективностью. Через два дня после того, как мы впервые увидели дом, длинные дощатые телеги, нагруженные нашим имуществом, вереницей потянулись по пыльным дорогам, а на четвертый день мы уже устраивались на новом месте.

На краю усадьбы в небольшом домике жил садовник с женой. Эта чета преклонного возраста, казалось, дряхлая вместе с особняком. Садовник обязан был наполнять чаны водой, собирать фрукты, давить оливки и раз в год, подвергаясь яростным атакам пчел, извлекать мед из семнадцати уль-

ев, расставленных под лимонными деревьями. Как-то в минуту непомерного душевного подъема мама пригласила его жену поработать в нашем доме. Звали ее Лугареция. Это была худая, неприветливая на вид женщина, у которой из-под шпилек и гребней вечно выбивались пряди волос. Как вскоре выяснилось, Лугареция была необыкновенно обидчивой, малейшее замечание о ее работе, в какой бы вежливой форме оно ни выражалось, источало из ее карих глаз обильные слезы, будто на нее обрушивалось горе. Смотреть на это не было никаких сил, и скоро мама вообще перестала делать ей замечания.

Существовала только единственная вещь на свете, которая могла озарить улыбкой мрачное лицо Лугареции, зажечь огонь в ее смиренных глазах, — это разговоры о своих болезнях. Если большинство людей предается ипохондрии лишь в свободное время, то Лугареция превратила это хобби в свое постоянное занятие. Когда мы только что поселились в доме, предметом ее беспокойства был желудок. Сведения о его состоянии начинали поступать с семи часов утра, когда Лугареция приносила нам чай. Передвигаясь с подносом из одной комнаты в другую, она каждому из нас давала самый полный отчет о ночных приступах. Описания ее отличались необыкновенной наглядностью. Шлепая по комнатам, Лугареция вздыхала, стонала, корчилась от боли и давала нам настолько реалистическую картину своих страданий, что все мы начинали испытывать то же самое.

— Не можешь ли ты что-нибудь сделать с этой женщиной? — обратился Ларри к маме как-то утром, после особенно скверной для желудка Лугареции ночи.

— Что же я могу сделать? — спросила мама. — Я уже дала ей твою соду.

— Вот поэтому ей и было плохо ночью.

— Мне кажется, она ест не то, что нужно, — сказала Марго. — Ей просто необходима хорошая диета.

— Конечно, она несколько надоедлива, — сказала мама, — но ведь бедная женщина так страдает.

— Глупости, — сказал Лесли. — Она получает от всего этого удовольствие. Так же как и Ларри, когда он заболевает.

— Как бы то ни было, — поспешно встала мама, — придется все-таки мириться с нею, ведь больше здесь никого не найдешь. Я попрошу Теодора осмотреть ее в следующий раз.

В скором времени желудок Лугареции поправился, все мы вздохнули с облегчением, но, увы, почти сразу же что-то вдруг случилось с ее ногами, и она с непрерывными жалобными стонами, прихрамывая, ковыляла по всему дому. Ларри сказал, что мама наняла не служанку, а вампира, и

Д предложил приковать к ее ногам ядро. Это, по крайней мере, даст нам возможность узнавать о ее приближении и вовремя спастись бегством, так как Лугареция имела обыкновение неслышно подбираться к человеку сзади и громко стонать у него над ухом. После того как Лугареция сняла в столовой башмаки, чтобы продемонстрировать, какие именно пальцы у нее болят, Ларри стал завтракать в своей комнате.

В доме, помимо болячек Лугареции, имелись и другие сокровища. Мебель (которую мы арендовали вместе с домом) представляла собой невообразимую смесь реликтов викторианской эпохи, запертых в комнатах в течение последних двадцати лет. Эти нескладные, некрасивые, неудобные вещи заполняли весь дом и ужасно скрипели, как бы жалуюсь друг другу, а если вы слишком стремительно проходили мимо, от них с громким, как мушкетный выстрел, треском отлетали щепки, взметая облачка пыли. В первый же вечер у обеденного стола отломилась ножка, и вся еда посыпалась на пол. Несколько дней спустя Ларри едва присел на массивный, крепкий с виду стул, как от него тут же отвалилась спинка и исчезла в тучах едкой пыли. Однажды мама подошла к платяному шкафу размером чуть ли не с дом, стала открывать его, но дверца осталась у нее в руках. И вот тогда она решила что-то предпринять.

— Нельзя же приглашать людей в дом, где все разлетается на части от одного только взгляда, — сказала она. — Ничего не поделаешь, придется купить кое-что из мебели. Да, эти гости дорого нам обойдутся. Такого с нами еще не бывало.

На следующее утро Спиро повез маму, Марго и меня в город за мебелью. Мы сразу заметили, что на улицах было больше народу и больше шуму, чем обычно, но как-то не придали этому значения. Когда же мы закончили свои дела в магазине и стали пробираться по кривым улочкам к тому месту, где оставался наш автомобиль, толпа затолкала и завертела нас в разные стороны. Люди все прибывали, толпа становилась гуще и гуще и уже несла нас против нашей воли.

— Наверно, тут что-нибудь происходит, — сообразила Марго. — Какой-нибудь праздник или какое-то важное событие.

— Это все равно, — сказала мама. — Только бы нам добраться до автомобиля.

Но толпа уносила нас совсем в другую сторону и наконец вытолкнула на главную площадь города, где народу скопилось видимо-невидимо. Я спросил пожилую крестьянку, стоявшую рядом со мной, что тут происходит. Она повернула ко мне освещенное гордой улыбкой лицо и объяснила:

— Это святой Спиридион, кириа. Сегодня можно пойти в церковь и поцеловать ему ноги.

Святой Спиридион был покровителем острова. Мощи его в серебряном гробу, помещенном в раке, хранились в церкви, и раз в год процессия с мощами ходила по городу. Это был очень могущественный святой, он мог исполнять желания, исцелять от болезней и делать множество других чудесных вещей — если попросить его в подходящий момент, когда он бывал в хорошем настроении. Жители острова верят в него и каждому второму младенцу мужского пола дают в его честь имя Спиро. Вот это и был как раз тот день, когда открывали гроб и позволяли верующим поцеловать обутые в тапочки ноги святого и обратиться к нему с просьбой. Состав толпы показывал, как чтили святого повсюду на Корфу. Там были пожилые крестьянки в праздничных черных платьях и их согбенные, как оливы, мужья с большими белыми усами; сильные, загорелые рыбаки в рубашках со следами чернильных пятен от темной жидкости спрутов; были там больные, слабоумные, чахоточные, калеки, немощные старики и завернутые в пеленки младенцы с белыми восковыми личиками, сморщенными от непрерывного кашля. Мы заметили даже нескольких высоких, диковатых с виду албанских пастухов, усатых и бритоголовых, в огромных плащах из овчины. Разноцветный поток людей медленно вливался в дверь церкви. Нас будто камешки втянуло в этот поток. Марго оказалась намного впереди меня, тогда как мама осталась где-то позади. Я был затиснут между несколькими толстыми крестьянками, которые напирали на меня, как подушки, обдавая запахом чеснока и пота, а мама безнадежно затерялась между двумя здоровенными пастухами-албанцами. Толпа решительно внесла нас по ступеням лестницы и направила к дверям. Внутри церкви было темно, как в колодце, только у одной стены желтыми крокусами колыхались огоньки свечей.

Бородатый священник в черном облачении и высоком головном уборе точно птица метался в полутьме, направляя людей, растянувшихся теперь цепочкой, к большому серебряному гробу и дальше, через другой выход, на улицу. Гроб, похожий на серебряную куколку, стоял вертикально, в нижней его части покров был отодвинут, и из-под него выглядывали ноги святого в красивых вышитых тапочках.

Каждый, подходя к гробу, наклонялся, целовал ноги, шептал молитвы, а сверху сквозь стекло саркофага с выражением сильного отвращения на толпу глядело черное, высохшее лицо святого. Было совершенно ясно, что, хотим мы этого или нет, нам тоже придется целовать ноги святого Спиридиона. Я оглянулся и увидел, что мама делает отчаянные попытки пробиться ко мне, но ее албанцы-телохранители не сдвинулись ни на дюйм, и все ее усилия были бесплодны. Когда ей удалось перехватить мой взгляд, она повела глазами на гроб и энергично затрясла головой. Я был в сильном замешательстве, так же как и оба албанца, наблюдавшие за мамой с явным

Дподозрением. Им, верно, казалось, что она вот-вот упадет в обморок, и не без основания, — лицо у мамы было красное, а мимика становилась все выразительней. Наконец, доведенная до отчаяния, мама отбросила всякую осторожность и громко зашептала мне через головы людей:

— Скажи Марго... не надо целовать... целуйте воздух... целуйте воздух.

Я повернулся, чтобы передать Марго мамин наказ, но было уже поздно. Марго стояла у гроба и, склонившись к ногам святого, пылко целовала их, к восторгу и удивлению толпы. Когда очередь дошла до меня, я, следуя наставлениям мамы, громко и почтительно поцеловал воздух, дюймов на шесть повыше левой ноги мумии. Потом меня понесли дальше и вытолкнули через дверь на улицу, где, собравшись кучками, шумели и смеялись люди. Марго с очень довольным видом ждала нас на ступеньках лестницы. Через минуту показалась мама, пролетая сквозь двери под натиском могучих плеч пастухов. Она стрелой пронеслась по ступеням и остановилась.

— Эти пастухи, — воскликнула она слабеющим голосом, — такие грубые... и потом, я чуть не умерла от запаха... смесь чеснока и ладана. Откуда только берется этот запах?

— Ну ничего, — весело сказала Марго. — Все это можно вынести, только б вот святой Спиридон выполнил мою просьбу.

— Очень негигиеничное мероприятие, — сказала мама. — Гораздо больше способствует распространению болезней, чем исцелению от них. Страшно подумать, что только мы могли бы подцепить, если б и впрямь целовали эти ноги.

— Но ведь я поцеловала ноги, — сказала удивленная Марго.

— Марго! Как ты могла?!

— Все же так делали.

— Подумать только! Я же специально предупредила...

— Не знаю, ты мне ничего не говорила...

Тогда я объяснил, что не успел передать мамино предупреждение.

— Столько людей слюнявили эти тапки, и ты все-таки пошла их целовать!

— Я делала только то, что делают другие.

— Просто не представляю, с какой стати ты это делала.

— Я думала, он поможет мне избавиться от прыщей.

— Прыщей! — передразнила мама. — Смотри, как бы заодно с прыщами не подхватить еще чего-нибудь.

На следующий день Марго свалилась от жестокого гриппа, и престиж святого Спиридона разлетелся вдребезги. Спиро был срочно отряжен в город за доктором. Вскоре он вернулся и привез с собой невысокого корена-

стого человека с лакированными волосами, чуть приметной щеточкой усов и живыми черными глазами за стеклами очков в роговой оправе.

Это был доктор Андручелли, очень милый человек, который вел себя у постели больного довольно необычно.

— Ай-а-ай, — произнес он, входя в комнату и насмешливо разглядывая Марго. — Ай-ай-ай. Очень неразумно вели себя, а? Целовали ноги святого! Ай-ай-ай-ай-ай! Вполне могли чем-нибудь заразиться. Вам повезло, это всего лишь грипп. Ну так вот, делайте, что я вам скажу, иначе я умываю руки! И пожалуйста, не прибавляйте мне работы таким глупым поведением. Если вы еще раз поцелуете ноги святого, я не приеду вас лечить. Ай-ай-ай... что наделали!

Пока Марго в течение трех недель валялась в постели и доктор каждые два или три дня произносил над нею свои «ай-ай-ай», остальные устраивались на новом месте. Ларри захватил себе огромную мансарду и пригласил двух плотников строить там книжные полки. Лесли превратил большую крытую веранду позади дома в тир и всякий раз, когда упражнялся в стрельбе, вывешивал снаружи огромный красный флаг. Мама ходила в рассеянности по большой, выложенной плитками полуподвальной кухне, готовила целыми галонами бульон, слушала монологи Лугареции и в то же время беспокоилась о Марго. Что касается Роджера и, разумеется, меня, то в нашем распоряжении теперь был сад в пятнадцать акров — просторный новый рай, спускавшийся к мелкому теплему морю. Поскольку у меня временно не было учителя (Джордж уехал), я мог целыми днями бродить где угодно и забегал домой только поесть.

На этом интересном участке, совсем рядом с домом, я нашел много животных, которых считал теперь своими старыми друзьями: золотых бронзовок, божьих коровок, голубых пчел-плотников и земляных пауков. На ветхой стене сада обитало множество маленьких темных скорпионов, гладких и блестящих, будто сделанных из пластмасс. Среди листвы инжира и лимонных деревьев, чуть пониже сада с цветами, в несметном количестве жили изумрудные квакши, древесные лягушки — прямо как атласные конфетки. На склонах холма водились разные виды змей, замечательные ящерицы и черепахи. Во фруктовых садах гнездились всякие птицы: щеглы, зеленушки, горихвостки, трясогузки, иволги, изредка встречались удопы с оранжево-розовыми, черными и белыми перьями, ковырявшие рыхлую землю длинным изогнутым клювом. Заметив меня, они удивленно скидывали свои хохолки и улетали.

Под карнизом дома жили ласточки. Они прилетели сюда незадолго до нашего переезда и только что закончили постройку своих бугроватых глиняных гнезд, пока еще темно-бурых и влажных, как сдобный кекс с изюмом. Когда гнезда подсохли и посветлели, ласточки начали выкладывать

Д их изнутри, летая на поиски корешков, овечьей шерсти, перышек. Два гнезда были расположены пониже остальных, на них-то я и сосредоточил свое внимание. Приставив к стене длинную лестницу, как раз между двумя гнездами, я стал постепенно, день за днем, взбираться по ней все выше и выше, пока не дошел до верхней ступеньки, и мог сидеть там, заглядывая в гнезда, которые были теперь футов в четырех от меня. Ласточек мое присутствие, по-видимому, несколько не беспокоило, они продолжали упорно трудиться, готовя жилье для своей семьи, пока я сидел на верхушке лестницы, а Роджер лежал внизу. Я уже вполне освоился с жизнью той и другой четы и с большим интересом следил за их повседневной работой. В поведении обеих ласточек, которых я считал самками, было очень много сходного: серьезность, озабоченность, тревога и суетливость. Самцы, напротив, вели себя совершенно по-разному. Один из них, пока оборудовалось гнездо, приносил отличный материал, но, видимо, не считал это серьезным занятием и часто, возвращаясь домой с клочком овечьей шерсти в клюве, попусту тратил драгоценные минуты: то пролетал по саду почти над самыми цветами, то выписывал в воздухе восьмерки или же метался среди подпорок для винограда. Подруга его в это время держалась у гнезда и зывала к нему отчаянным щебетом, однако он отказывался принимать жизнь всерьез. У другой самки тоже были хлопоты с супругом, но совсем иного свойства. Он у нее был, пожалуй, чересчур уж старательный и прилагал все силы, чтобы обеспечить свое потомство наилучшей подстилкой. Но, к сожалению, он не обладал математическими способностями и, как ни старался, не мог запомнить размеров гнезда. Обычно он возвращался домой с радостным, хотя и заглушенным, щебетом и нес куриное или индюшиное перо величиной с самого себя и с таким толстым стволем, что согнуть его было невозможно. Жене приходилось по нескольку минут убеждать его, что засунуть такое перо в гнездо нельзя, как бы они ни старались, как бы ни крутились. Ужасно разочарованный, он в конце концов бросал перо, и оно, покружившись в воздухе, падало на землю, на все растущую грудку под гнездом. Потом он улетал снова на поиски чего-нибудь более подходящего и вскоре возвращался с клоком спутанной и затвердевшей от земли и навоза шерсти, таким тяжелым, что ему с трудом удавалось подняться к карнизу.

Когда наконец были готовы гнезда, отложены и высижены крапчатые яички, характер обоих самцов заметно переменялся. Тот, что раньше приносил к гнезду так много ненужного, охотился теперь привольно на склонах холма и возвращался назад с небрежно зажатыми в клюве насекомыми — как раз подходящей величины и мягкости, чтобы угодить своему пушистому дрожащему выводку. Второй же самец совсем потерял покой и, видимо, извелся от страха, что дети его могут умереть с голоду. Он выби-

вался из сил в погоне за пищей и все же приносил домой самое неподходящее: каких-то крупных жуков с жесткими, колючими ногами и надкрыльями или же огромных, сухих и совершенно несъедобных стрекоз. Он вертелся у края гнезда и делал героические, но бесплодные попытки запихнуть эти гигантские гостинцы в разинутые рты своих птенцов. Страшно было даже подумать, что могло бы произойти, если б он все-таки умудрился втиснуть им в глотку хоть одну из своих устрашающих жертв. К счастью, это ему никогда не удавалось, и, изведенный вконец, он бросал насекомое на землю и опять торопился за добычей. Я был очень признателен этой ласточке, так как получил от нее три новых вида бабочек, шесть стрекоз и двух муравьиных львов, каких еще не было в моей коллекции.

Поведение самок с появлением на свет птенцов мало в чем изменилось. Разве что летать они стали чуточку быстрее и в них появилось особое проворство. Но на этом все и кончалось. Очень интересно было увидеть первый раз, как происходит уборка птичьего гнезда. Раньше, когда мне приходилось держать в руках птенца, я всегда удивлялся, отчего это он задирает к небу хвостик и так вот машет им, если ему нужно облегчиться. Теперь я узнал причину. Экскременты птенцов ласточки представляют собой шарик, покрытый слоем студенистой слизи. В гнезде птенчик становится на голову, дергает хвостиком, как бы отбивая лихую румбу, и оставляет на краю гнезда свое маленькое подношение. Потом прилетает мать и, рассовав в разинутые рты птенцов собранный корм, осторожно берет шарик в клюв и уносит его куда-нибудь через оливковые рощи. Это было замечательно. Я с восторгом следил за всеми действиями, начиная с дерганья хвостика, что меня всегда смешило, и кончая полетом матери над рощей, где она сбрасывала свою маленькую черно-белую бомбочку.

Памятуя о привычке ласточки-самца собирать для своего выводка неподходящих насекомых, я два раза в день осматривал пространство под гнездом в надежде отыскать что-нибудь новенькое для своей коллекции. Именно там я и нашел однажды утром необыкновенного жука. Я даже представить себе не мог, как эта ненормальная ласточка могла донести такую громадину или просто поймать ее, однако он оказался там, под гнездами. Это был крупный, неуклюжий черно-синий жук с большой круглой головой, длинными членистыми усиками и вздутым туловищем. Удивили меня его надкрылья. Можно подумать, что он отдавал их в прачечную и они сели после стирки, так как были очень маленькие, будто предназначались для жука вдвое меньших размеров. Сначала я забавлял себя шуткой, что жук этот, не обнаружив утром чистой пары надкрыльев, позаимствовал их у младшего брата, но потом я все-таки решил, что эта мысль, хотя и очень увлекательная, вряд ли сойдет за научную. Подобрав жука, я заметил, что пальцы у меня стали чуть маслянистыми и отдают чем-то едким, хотя ни-

Д какой жидкости он вроде бы и не выделял. Я дал понюхать жука Роджеру, чтобы посмотреть, согласится он со мной или нет, и тот сильно зачихал и отодвинулся, из чего можно было заключить, что запах шел от жука, а не от моих рук. Я старательно берег жука, дожидаясь прихода Теодора, который сможет определить его вид.

Теперь, когда наступили теплые весенние дни, Теодор бывал у нас каждый четверг. Он приезжал из города на извозчике в своем безупречном костюме, крахмальном воротничке и фетровой шляпе, что вовсе не сочеталось с его сачками, коллекционными сумками и коробками пробирок. Перед чаем мы просматривали все собранные мной за неделю новые образцы и определяли их, а после чая бродили по усадьбе в поисках насекомых или же совершали экскурсии, как называл их Теодор, к соседнему пруду или канаве, где собирали мелкую фауну для коллекции Теодора. Он с легкостью определил вид моего странного жука с такими неподходящими надкрыльями и стал рассказывать о нем удивительные вещи.

— Ага! Да, — сказал он, разглядывая насекомое. — Это жук-майка... *Meloe proscarabacus*... Да... самые странные на вид жуки. Что ты говоришь? Ну да, надкрылья... Видишь, эти жуки не могут летать. Существует несколько видов жесткокрылых, по той или иной причине утративших способность летать. Очень любопытная биография у этого жука. Это, конечно, самка. Самец гораздо меньше, я бы сказал, раза в два меньше. Самка откладывает множество маленьких желтых маслянистых яичек. Когда из них выводятся личинки, они забираются в чашечки каких-нибудь цветов и ждут там, внутри. Есть такой особый вид одиночной пчелы, ее-то они и ждут и, когда она залетает в цветок, личинки... садятся на нее... э... хватаются что есть силы за ее мех челюстями. Если пчела оказывается самкой, которая собирается столкнуть в соты свои яички, значит, им повезло. Когда пчела заполнит медом отдельную ячейку и отложит туда яичко, личинка прыгает вслед за яичком, и пчела закрывает ячейку. Потом личинка съедает яичко и начинает развиваться внутри ячейки. Меня всегда поражало, что существует только единственный вид пчелы, за которой охотятся личинки. Надо думать, большая часть личинок нападает не на ту пчелу и впоследствии погибает. Ну и, конечно, если даже встречается нужная пчела, нет никакой... гм... гарантии, что это будет самка, готовая отложить яички.

Теодор помолчал с минуту, поднялся несколько раз на носках и стал в задумчивости разглядывать пол, потом, весело блеснув глазами, посмотрел на меня и продолжал:

— Я хотел сказать, это все равно что ставить на скачках на лошадь... гм... при очень малых шансах.

Он слегка потряс коробочку со стеклянной крышкой, так что жук съехал с одного ее конца на другой и в удивлении задвигал усами, затем осторожно поставил ее опять на полку, где я держал свои образцы.

— Кстати, о лошадях, — весело сказал Теодор, положив руки на бедра и чуть раскачиваясь. — Рассказывал я тебе когда-нибудь о тех временах, когда я победно въехал в Смирну на белом коне? Понимаешь ли, это было в Первую мировую войну, и командир батальона решил, что нам надо войти в Смирну победным маршем, впереди должен был ехать человек на белой лошади. К сожалению, эта сомнительная честь возглавлять колонну досталась мне. Разумеется, учился ездить верхом, но вовсе не считал себя... Гм... отличным наездником. Ну, все шло хорошо, и лошадь вела себя замечательно, пока мы не въехали на окраину города. Понимаешь, в Греции в некоторых местах существует обычай опрыскивать духами, розовой водой и всякими такими штуками своих... э... доблестных героев. Ну так вот, я ехал впереди колонны, а тут из переулка выскочила какая-то женщина и давай расплескивать одеколон. Лошадь ничего не имела против, но на беду капелька одеколона попала ей в глаз. Лошадь приучена ко всяким парадом, ликующим толпам и тому подобным вещам, но совсем не привыкла, чтобы ей заливали глаза одеколоном. Это очень... э... вывело ее из равновесия, и она стала вести себя скорее как цирковая лошадь, а не боевой конь. Я сумел удержаться в седле только потому, что ноги у меня запутались в стремях. Колонне пришлось расстроить свои ряды и усмирять лошадь, но она была так взбудоражена, что командир в конце концов решил не допускать ее к дальнейшему участию в победном шествии. И вот, пока колонна маршировала по главным улицам под звуки оркестра и приветственные крики толпы, я вынужден был пробираться по боковым улочкам на своем белом коне, и вдобавок ко всем бедам оба мы благоухали одеколоном. Гм... с тех пор я уж больше никогда не ездил верхом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЧЕРЕПАШЬИ ГОРЫ

За нашим домом над оливковыми рощами поднималась гряда невысоких гор с зубчатыми гребнями. Склоны гор были покрыты зарослями миртов и высоким вереском, кое-где среди них виднелись стрелы кипарисов.

Кажется, это было самое замечательное место в усадьбе, потому что жизнь там была ключом. Посреди песчаных тропок личинки муравьиного льва понарыли маленьких конических ямок и сидели там в ожидании, ко-

Агда какой-нибудь неосторожный муравей переступит через край, чтобы бомбардировать его песком и сбить на дно этой ловушки, где его хватали страшные, похожие на щипцы, челюсти личинки. На красных песчаных бугорках осы-охотницы рыли свои туннели и охотились на пауков. Вонзив в них жало, они парализовали их и уносили на хранение. Это был корм для личинок. По цветкам вереска медленно, будто ожившие меховые воротники, ползали мохнатые, большие, толстые гусеницы павлиноглазок. Среди миртов, в теплом, душистом сумраке их листвы, таились богомолы, вертевшие головой то в одну, то в другую сторону в поисках жертвы. В ветвях кипарисов приютились аккуратные гнезда зябликов с горластыми, пучеглазыми птенцами, а повыше желтоголовые королики ткали свои маленькие хрупкие чашечки из волос и мха или разыскивали насекомых, повиснув на краю веток вниз головой, и еле слышно попискивали от радости, если им удавалось обнаружить паучка или комара. В густой тени ветвей их золотые хохолки поблескивали, словно маленькие фуражечки.

Эти горы я открыл сразу же после нашего переезда. Владели ими черепашки. Как-то в жаркий день мы с Роджером, спрятавшись за куст, терпеливо ждали, когда крупный махаон вернется на свое излюбленное солнечное пятно и мы сможем поймать его. Это был первый такой жаркий день в то лето, и все вокруг, прогретое солнцем, казалось, оцепенело и погрузилось в дремоту. Махаон не торопился. Он был внизу, возле оливковых рощ, танцевал там один в лучах солнца, кружился, прыгал, выделял пирюэты. Пока мы следили за ним, я уловил краем глаза какое-то движение у куста, за которым мы скрывались. Я перевел взгляд в ту сторону, но бурая, залитая солнцем земля казалась безжизненной. Тогда я было снова сосредоточил свое внимание на бабочке и в тот же миг заметил нечто такое, чему едва мог поверить: как раз в том месте, куда я только что смотрел, земля вдруг вспучилась, будто кто снизу двинул ее кулаком, потом на ней появилась трещина. Крохотное деревце, пробившееся там из семени, сильно затряслось, прежде чем сломались его бледные корешки, и упало.

Я пытался понять причину такого внезапного взрыва. Землетрясение? Конечно, нет. Слишком малое пространство. Крот? Тоже нет. Место это очень сухое, безводное. Пока я раздумывал, земля поднялась еще раз, во все стороны полетели комья, и я увидел перед собой желто-бурый панцирь. Он поднимался все выше, продолжая разметать землю, потом из отверстия осторожно высунулась морщинистая, чешуйчатая голова и за нею длинная, тонкая шея. Черепашка окинула меня туманным взглядом, мигнула раз-другой и, решив, что я существо безвредное, принялась с беспредельной осторожностью и невероятными усилиями высвобождать себя из земляной темницы. Ступив по земле два или три шага, она разлеглась на солнышке и за-

дремала. После долгой зимы в сыром и холодном подземелье первая солнечная ванна, должно быть, подействовала на рептилию как живительный глоток вина. Она выпростала из-под панциря ноги, вытянула как можно дальше шею и, закрыв глаза, положила голову на землю. Казалось, она поглощает солнце каждой клеточкой своего существа. Полежав так минут десять, черепаха не спеша поднялась и заковыляла по дорожке к тому месту, где в тени кипариса разрослись одуванчики и клевер. Тут ее ноги как бы подкосились, и низ панциря с глухим стуком коснулся земли. Вскоре из него высунулась голова, медленно потянулась к пышной зелени, рот широко раскрылся и, минуто помедлив, сомкнулся над сочными листьями клевера. Дернув головой, черепаха оторвала листья и со счастливым видом принялась их пережевывать — первая ее трапеза в этом году.

Выход этой весенней вестницы из ее подземной спальни послужил, видно, сигналом, и все горы покрылись вдруг черепахами. Я еще ни разу не видел, чтобы на таком небольшом пространстве скопилось столько черепах. Крупные черепахи, величиной с глубокую тарелку, и мелкие, не больше чашки, темно-шоколадные прадедушки и светло окрашенные юнцы неуклюже двигались по песчаным тропкам, ковыляли среди вереска и миртов, иногда спускались к оливковым рощам, где была более сочная зелень. Если посидеть около часа на одном месте, можно было насчитать не меньше десятка черепах, прошлепавших мимо, а однажды я ради опыта, бродя по склонам, собрал их целых тридцать пять штук, в то время как они с сосредоточенным видом двигались куда-то и глухо постукивали о землю своими неуклюжими лапами.

Не успели закованные в панцирь владельцы гор выйти из своих зимних квартир и отведать первой пицци, как самцы уже настроились на романтический лад. Поднявшись на цыпочки и вытянув вперед шею, они с неуклюжей стремительностью рыскали по склонам в поисках подруги, останавливались время от времени и издавали странный твякающий крик — это была черепаший песня любви. Самки, ковылявшие среди вереска в поисках зеленого корма, небрежно откликались на эти страстные призывы. Два или три самца сразу неслись туда галопом (в черепашем представлении о скорости) и обычно прибывали к одной и той же самке. Запыхавшиеся, охваченные страстью, они впивались друг в друга взглядом, судорожно глотали воздух и начинали готовиться к битве.

Это были исключительно интересные сражения, напоминавшие скорее полную борьбу, чем бокс, так как борцы не обладали ни быстротой, ни ловкостью, чтобы позволить себе сложные приемы. В основном они стремились как можно быстрее броситься на противника и перед самым ударом спрятать голову в панцирь. Наилучшим считался удар сбоку, он давал воз-

Д возможность (если долбануть как следует под низ панциря) перевернуть противника на спину и оставить его в этом беспомощном положении. Если захват сбоку не удавался, годилась и любая другая часть тела противника. Напрягая все силы, бойцы падали друг на друга, так что от их столкновения грохотали панцири, иногда вшивались друг другу в шею или с шипением втягивали голову внутрь. А тем временем самка, объект их безумия, не спеша продвигалась вперед, срывала изредка листок-другой, будто и не слышала скрежета и треска панцирей позади себя. Эти битвы не раз принимали такой оборот, что обезумевший от ярости самец по ошибке паносил боковой удар своей возлюбленной. Она при этом лишь сердито фыркала и пряталась в панцирь, а потом терпеливо ждала окончания битвы. Эти поединки казались мне совершенно непущным, несправедливым делом, так как победа в них не всегда доставалась сильнейшему. Заняв выгодную позицию, маленькая черепаха могла без труда перевернуть противника вдвое больше себя. И, кроме того, дама не всегда доставалась одному из воинов. Мне несколько раз случалось наблюдать, как самка покидала сражавшуюся пару, чтобы начать флирт с совершенно посторонним кавалером (который даже панциря не царапнул ради нее), и потом уходила с ним вполне счастливая.

Мы с Роджером по целому часу сидели в зарослях вереска и не без удовольствия наблюдали, как эти черепахи рыцари в неуклюжих доспехах бьются на турнире за своих дам. Иногда мы заключали пари друг с другом, пытаясь отгадать победителя, и Роджер так часто ошибался, что к концу лета задолжал мне крупную сумму. Если битва становилась очень уж жестокой, Роджер, охваченный боевым пылом, пробовал вмешаться, и тогда я с трудом сдерживал его.

После того как дама делала наконец свой выбор, мы сопровождали счастливую пару в их свадебном путешествии по зарослям миртов и даже наблюдали (скромно спрятавшись за кустами) заключительный акт романтической драмы.

Я с таким вниманием и интересом следил за повседневной жизнью черепах, что уже многих из них мог различать по виду. Одних я узнавал по цвету и форме, других по некоторым физическим недостаткам: отбитому краю панциря, отсутствию ногтя на пальце или еще по чему-нибудь. Одну крупную золотисто-черную самку я всегда узнавал безошибочно, так как она была одноглазая. У нас с нею установились самые дружеские отношения, и я называл ее мадам Циклон. Она уже вполне освоилась со мной и, понимая, что я не причиню ей никакого зла, не пряталась при моем приближении в панцирь, а, наоборот, вытягивала шею, желая удостовериться, принес ли я с собой лакомства вроде листьев салата или мелких улиток, которые она безумно любила. Черепаха совершенно спокойно занималась

своими делами, в то время как мы с Роджером следовали за ней по пятам, а иногда в знак особой милости устраивали ей пикники в оливковых рощах, где она могла на свободе лакомиться клевером. К моему сожалению, на свадьбе ее я не присутствовал, зато потом мне посчастливилось увидеть последствия медового месяца.

Однажды, наткнувшись на черепаху, я заметил, что она роет ямку в рыхлой почве около песчаного бугорка. Когда я подошел, она уже вырыла ее на порядочную глубину и, видно, рада была отдохнуть и слегка подкрепиться цветками клевера, после чего опять принялась за работу, гребла землю передними лапами и отталкивала ее панцирем к одной сторонке. Я не был вполне уверен, какую цель она преследовала, поэтому не пытался ей помочь, а просто лежал среди вереска на животе и наблюдал. Через некоторое время, набросав уже целую горку земли, черепаха внимательно оглядела ямку со всех сторон и, очевидно, осталась довольна. Затем она повернулась, поместила над ямкой заднюю часть своего тела и как бы в счастливой рассеянности отложила туда десяток белых яиц. Я был вне себя от радости и удивления, сердечно поздравил ее с таким важным событием, а она глядела на меня в задумчивости и глотала воздух, потом черепаха начала сгребать землю обратно, чтобы засыпать яйца, и плотно приминать ее, пользуясь при этом очень простым способом: поместившись над взрытым местом, она несколько раз хлопнулась животом о землю. После своей тяжелой работы мадам Циклоп отдохнула и приняла от меня остатки клевера.

Я оказался в довольно затруднительном положении. Мне безумно хотелось взять одно яйцо для своей коллекции, но сделать этого в присутствии черепахи не мог, опасаясь, что она, сочтя себя оскорбленной, выроет остатки яиц и съест их или сотворит еще что-нибудь не менее ужасное. Поэтому я сидел и терпеливо ждал. Разделавшись с клевером и чуточку издремнув, черепаха удалилась наконец в заросли кустарника. Некоторое время я шел за нею следом, пока не удостоверился, что о возвращении она и не помышляет, потом бросился к гнезду и осторожно вырыл из ямки одно яйцо. Величиной оно было примерно с голубиное, овальное по форме и в шероховатой известковой скорлупе. Я опять примял землю над гнездом, чтобы черепаха ничего не заподозрила, и торжественно понес свою добычу домой. Там я осторожно выдул из яйца клейкий желток, а скорлупку поместил среди других образцов своей коллекции, положив ее в маленькую коробочку со стеклянной крышкой. Этикетка на ней гласила: «Яйцо греческой черепахи (*Testudo greaca*). Снесено мадам Циклоп».

В течение весны и в первые дни лета, пока я изучал любовные похождения черепах, дом наш заполнялся нескончаемыми потоками друзей Ларри. Не успевали мы со вздохом облегчения проводить одних, как прибывал

Д новый пароход, раздавались автомобильные гудки и цокот копыт, на дороге появлялась вереница такси и извозчиков, и дом наш снова наполнялся людьми. Случалось, что новая партия гостей прибывала раньше, чем мы успевали выпроводить предыдущую, и тогда наступало настоящее светопредставление. По всему дому и саду бродили поэты, прозаики, художники и драматурги, они спорили, рисовали, пили, печатали на машинке, сочиняли. Эти простые, милые люди, как описал нам их Ларри, отличались, все до одного, необыкновенной эксцентричностью и были так высокообразованны, что с трудом понимали друг друга. Одним из первых прибыл поэт Затопеч, невысокий плотный человек с орлиным носом, гривой серебряных волос по самые плечи и со вздутыми, скрученными венами на руках. Он явился к нам в широком черном плаще и черной широкополой шляпе, в экипаже, набитом ящиками вина. Голос его сотрясал дом, когда он ворвался туда в развевающемся плаще и с бутылками в руках. За все время пребывания у нас красноречие его не иссякало ни на минуту. Он говорил с утра до поздней ночи, выпивал невероятное количество вина, мог задремать везде, куда бы ни приткнулся, и по-настоящему никогда не ложился в постель. Несмотря на свои уже весьма немолодые годы, Затопеч несколько не утратил интереса к прекрасному полу, со старомодной обходительностью ухаживал за мамой и Марго, и в то же время ни одна деревенская девчонка во всей округе не была обойдена его вниманием. Он старался настичь их в оливковых рощах, расхаживая там в своем взлетающем плаще и с бутылкой вина в оттопыренном кармане, громко хохотал и выкрикивал всякие нежные словечки. Даже Лугареция не избежала опасности. Всякий раз, как она протирала пол под диваном, он поровнил ущипнуть ее сзади. Правда, это оказалось некоторым благодеянием — она забыла на время о своих болезнях и, когда появлялся Затопеч, вспыхивала и начинала игриво хихикать. Наконец он уехал. Так же как и при приезде, он завернулся в плащ и с царственным видом откинулся в экипаже. Пока лошадь спускалась с холма, Затопеч посылал прощальные приветствия и обещал в скором времени вернуться к нам из Боснии и привезти еще вина.

В следующем нашествии принимали участие три художника: Жонкиль, Дюран и Майкл. Жонкиль выглядела и говорила, как настоящая кокни, такая дуреха с челкой. Долговязый Дюран имел всегда мрачный вид и такие слабые нервы, что чуть не подскакивал в воздух, если с ним неожиданно заговаривали. Майкл, напротив, был маленький, толстый человечек, похожий на переваренную креветку, с копной темных курчавых волос. Единственное, что объединяло этих людей, было их постоянное стремление работать. Жонкиль, впервые переступив порог нашего дома, выразила это вполне определенно, чем сильно удивила маму.

— Я приехала сюда вовсе не для отдыха, — объявила она. — Я приехала сюда работать, и мне ни к чему всякие там пикники, вы понимаете?

— А... э... нет, нет, конечно нет, — ответила мама с таким виноватым видом, будто она собиралась устроить специально для Жонкиль роскошный пир среди миртов.

— Просто чтоб вы знали, — пояснила Жонкиль. — Я не хочу нарушать тут порядка, понимаете? Мне надо только немного поработать.

После этого она сразу отправилась в сад, облачилась в купальный костюм и спокойно продремала на солнышке все время, пока они у нас были.

Дюран, как он нам сообщил, тоже собирался работать, только сначала ему надо было привести в порядок свои нервы. Последние события, сказал он, вывели его из строя, совершенно вывели из строя. Когда он был в Италии, ему вдруг безумно захотелось создать шедевр. Хорошенько поразмыслив, он решил, что миндальные деревья в полном цвету могут дать некоторый простор его воображению, и потратил немало времени и денег, разъезжая по деревням в поисках подходящего сада. В конце концов он нашел как раз то, что нужно. Обрамление было великолепное, миндаль цвел в полную силу. Дюран лихорадочно схватился за кисти и к концу первого дня полностью панес основу на полотно. Уставший, но довольный, он собрал вещи и вернулся в деревню, а утром, после крепкого сна, почувствовал прилив новых сил и сразу помчался в сад заканчивать картину. И там он онемел от ужаса, потому что все деревья в саду стояли голые и мрачные, а земля вокруг была густо усыпала белыми и розовыми лепестками. Видно, за ночь весенний ветер посбивал весь цвет в садах, в том числе и в саду Дюрана.

— Я был убит, — сообщил он нам дрожащим голосом и с глазами, полными слез. — Я поклялся, что никогда в жизни не возьмусь за кисть... никогда! Но постепенно я пришел в себя... Теперь у меня лучше с нервами... Со временем я снова начну рисовать.

Это печальное событие, как мы потом узнали, произошло два года назад, и Дюран все еще не оправился от него.

Майклу у нас не повезло с самого начала. Увлеченный колоритом острова, он с восторгом объявил нам, что собирается писать большое полотно, где будет схвачена самая сущность Корфу. Ему не терпелось приступить к работе, но тут, на его беду, у него начался приступ астмы. И также на его беду, Лугареция оставила на стуле у него в комнате одеяло, которым я пользовался вместо седла, когда ездил верхом. В середине ночи мы все вдруг проснулись от шума. Можно было подумать, что где-то душили целую свору ищеек. Еще не очнувшись от сна, мы сошлись в комнате Майкла и увидели, как он хрипит и задыхается и по лицу его градом катится пот. Марго побежала греть чайник, Ларри отправился за коньяком, Лесли стал

Д открывать окна, а мама снова уложила Майла в постель и, так как он был теперь весь в холодном поту, заботливо накрыла его тем самым одеялом. К нашему удивлению, несмотря на все принятые меры, Майклу стало хуже. Пока он еще мог говорить, мы задавали ему вопросы об этом недуге и его причинах.

— Психологически, чисто психологически, — сказал Ларри. — Вам о чем-то напоминает этот хрип?

Майкл молча покачал головой.

— Ему надо дать чего-нибудь понюхать, — посоветовала Марго. — Что-нибудь вроде нашатырного спирта. Очень хорошо помогает, если человек начинает терять сознание.

— Он не теряет сознания, — оборвал ее Лесли. — Но потеряет, если понюхает спирта.

— Да, милая, это слишком сильное средство, — сказала мама. — Интересно, чем вызван приступ? Майкл, у вас есть к чему-нибудь аллергия?

Между приступами удушья Майкл объяснил нам, что у него аллергия только к трем вещам: пылице сирени, кошкам и лошадям. Все поглядели в окно, но сирени там нигде не было, кошку мы в комнате тоже не нашли. Ларри ужасно разозлил меня, пытаюсь доказать, что это я тайком протаскил в дом лошадь. И вот, когда Майкл был уже, можно сказать, на краю смерти, мы вдруг заметили лошадиную подстилку, которую мама старательно подсунула ему под подбородок. Этот случай так подействовал на беднягу, что он уже до самого отъезда не в состоянии был взять кисть в руки. Вместе с Дюраном они лежали целыми днями в шезлонгах и укрепляли свои нервы.

Пока мы управлялись с нашей троицей, прибыл еще один гость в лице графини Мелани де Торро. Это была высокая худая женщина с лицом старой лошади, угольно-черными бровями и целым стогом огненно-рыжих волос. Не успела она пробыть в доме и пяти минут, как стала жаловаться на духоту, потом, к моему восторгу и мамину изумлению, схватила за свои красные волосы и стащила их вниз, обнажив совершенно гладкую, как шляпка гриба, голову. Заметив мамин испуганный взгляд, графиня объяснила своим резким, квакающим голосом:

— Я только что перенесла рожистое воспаление и потеряла все волосы... не могла найти в Милане подходящих друг к другу бровей и парика... может, подберу что-нибудь в Афинах.

Вдобавок ко всему графиня из-за какого-то изъяна во вставной челюсти не очень внятно произносила слова, и у мамы создалось впечатление, что болезнь, которую она перенесла, была дурного свойства. При первом же удобном случае она приперла Ларри к стене.

— Ужасно! — сказала она прерывистым шепотом. — Ты не знаешь, что у нее было? Ничего себе друг!

— Друг? — удивился Ларри. — Да я ее почти не знаю... терпеть не могу эту женщину, но она очень интересный персонаж, и мне надо понаблюдать за ней вблизи.

— Еще чего! — возмутилась мама. — Нет, Ларри, ты как хочешь, а она должна отсюда уехать.

Они проспорили шепотом весь остаток дня, но мама была как алмаз. Наконец Ларри предложил позвать Теодора, чтобы тот высказал свое мнение, и мама на это согласилась. Теодору послали записку с приглашением приехать к нам на день. Его ответ, в котором он принимал приглашение, был доставлен на извозчике, где возлежала завернутая в плащ фигура Затопеча. Оказывается, прощаясь с островом Корфу, поэт выпил такое количество вина, что сел не на тот пароход и прибыл в Афины. К тому времени он уже прозевал срок свидания, назначенного в Боснии, и вот, философски поразмыслив, сел на первое же судно, идущее до Корфу, и вернулся на остров вместе с несколькими ящиками вина. Теодор приехал к нам на следующий день. На голове у него, как уступка лету, красовалась панама вместо неизменной фетровой шляпы. Мама еще не успела уловить момента, чтобы предупредить его о нашей безволосой гостье, как Ларри уже их представил.

— А, доктор? — сверкнула глазами Мелани, графиня де Торро. — Как интересно. Может, вы дадите мне совет? Я только что перенесла рожистое воспаление.

— Ага! В самом деле? — сказал Теодор, окидывая ее пристальным взглядом. — Какое же вам было назначено... э... лечение?

И оба с воодушевлением пустились в бесконечные медицинские рассуждения. Только благодаря маминему решительному вмешательству их удалось отвлечь от этой темы, которая казалась маме неприличной.

— Право же, Теодор несколько не лучше этой женщины, — заявила она Ларри. — Как я ни стараюсь держаться широких взглядов, но всему ведь есть предел. Мне кажется, за столом о таких вещах не говорят.

Позднее мама залучила к себе Теодора, и вопрос о болезни графини был утрясен. Маму потом все время терзали угрызения совести за несправедливое суждение об этой женщине, и она всеми силами старалась быть с нею любезной, даже предлагала снять парик, если ей трудно переносить духоту.

Обед в тот день был необыкновенно интересный. Меня так занимали все эти люди с их разговорами, что я просто не знал, кого слушать. Лампы тихо разливали над столом теплый, золотистый свет, заставляли сверкать стекло и фарфор, зажигали огнем красное вино, когда оно лилось в стаканы.

Д — Но, дорогой мальчик, вы же не разглядели там смысла... да, да, не разглядели! — гремел голос Затопеча, склонившего свой горбатый нос над рюмкой. — Нельзя судить о поэзии как о малярном ремесле.

— ...вот я ему и говорю: «Не стану я надрывать над рисунком меньше чем за десятку сеанс, это же дешевка», — я говорю...

— ...и на следующее утро я был парализован... Потрясен до основания... тысячи цветков... сорваны и смяты... я сказал, что больше не возьму кисть в руки... мои нервы сдали... целый сад исчез... фю-у-ить! И все... А я стоял там и смотрел...

— ...и потом я, конечно, принимала серные ванны...

— А, да... гм... но, знаете, я считаю, что лечение ваннами несколько... э... несколько... знаете... несколько переоценивают. Мне кажется, девяносто два процента больных...

Тарелки с едой дымились, как вулканические конусы; в самом центре стола на блюде сияла гора ранних фруктов; Лугареция ковыляла вокруг гостей и потихоньку стонала; борода Теодора поблескивала в свете лампы; Лесли старательно катал хлебные шарики, чтоб обстрелять ими бабочку, летавшую вокруг лампы; мама раскладывала еду, всем слегка улыбаясь, и в то же время не спускала глаз с Лугареции; под столом холодный нос Роджера прижимался в немой мольбе к моему колену.

Марго и все еще хрипевший Майкл говорили об искусстве:

— ...вот я и думаю, что Лоуренс делает такие вещи гораздо лучше. Он отличается какой-то особенной свежестью, так сказать... Вы согласны? Возьмем хотя бы леди Чэттерли, а?

— Да, вполне согласен. К тому же он творит чудеса в пустыне... и пишет эту замечательную книгу... как ее там... «Семь столпов мудрости», что ли...

Ларри и графиня тоже говорили об искусстве:

— ...но ведь надо обладать простотой и наивностью, иметь ясный глаз ребенка... Возьмите лучшие детские стихи... возьмите Хампти-Дампти... Вот вам поэзия... наивность и свобода от штампов и затасканных приемов.

— ...но это же будет пустой болтовней о простодушном подходе к поэзии, если вы собираетесь производить созвучия, такие же несложные, как желания верблюда...

Мама и Дюран:

— ...можете представить, как это на меня подействовало... я был сломен.

— Да, представляю. Такая досада, после всех этих волнений. Положить вам еще рису?

Жонкиль и Теодор:

— ...и бельгийские крестьяне... ничего подобного я никогда не видела.

— Да, здесь, на Корфу, и... э... мне кажется, кое-где в Албании у крестьян существует очень... э... сходный обычай...

За окном сквозь узоры виноградных листьев проглядывал месяц, слышался странный, размеренный крик сов.

Кофе и вино вышли пить на балкон, увитый виноградом. Ларри брэнчал на гитаре и пел елизаветинский марш. Это заставило Теодора вспомнить одну из его фантастических, но правдивых историй о Корфу, которую он рассказал с веселым задором.

— Вы понимаете, тут, на Корфу, ничто не делается как у людей. Намерения бывают самые хорошие, но потом непременно что-то случается. Когда несколько лет назад греческий король посетил остров, его визит должен был завершиться... э... представлением... спектаклем. Кульминацией драмы была битва при Фермопилах. Когда падал занавес, греческой армии полагалось победно гнать персов за... как это их называют? Ах, да, за кулисы. Ну, а людям, игравшим персов, видно, не захотелось отступить в присутствии короля, и то, что они должны были играть персов, тоже, знаете, оскорбляло их. Сущий пустяк мог испортить все дело. И тут во время батальной сцены греческий полководец... гм... не рассчитал расстояния и хватил с размаху персидского полководца деревянным мечом. Это, конечно, произошло случайно. Я хочу сказать, что бедный парень сделал все неумышленно. Однако этого было достаточно, чтобы... э... возбудить персидскую армию до такой степени, что вместо... э... отступления они стали наступать. Теперь посередине сцены крутился хоровод воинов в шлемах, схватившихся в смертельной борьбе. Прежде чем кто-то догадался закрыть занавес, двое из них были сброшены в оркестр. Король потом рассказывал, какое сильное впечатление произвел на него... гм... реализм этой батальной сцены.

Взрыв хохота распугал бледных геккончиков, умчавшихся вверх по стене.

— Теодор! — дразнил его Ларри. — Вы это, конечно, выдумали.

— Нет, нет! — протестовал Теодор. — Это правда... я сам все видел.

— Но это звучит как анекдот.

— Здесь, на Корфу, — гордо сверкнул глазами Теодор, — может случиться все, что угодно.

Сквозь ветки олив сияло залитое лунным светом море. Внизу, у родника, надрывались древесные лягушки. Две совы затеяли спор на дереве за верандой. По виноградным лозам у нас над головой осторожно пробирались гекконы, следившие лихорадочным взором за потоками насекомых, которых, словно водоворот, затягивал свет лампы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МИР НА СТЕНЕ

Полуразрушенная стена заглохшего сада оказалась для меня богатым охотничьим угодьем. Это была старая стена, когда-то покрытая штукатуркой, но теперь позеленевшая от мха. За долгие годы слой штукатурки вспучился и просел, а вся поверхность до стены покрылась сложным узором трещин — шириной до нескольких дюймов или же тонких как волосок. Кое-где штукатурка совсем обваливалась, и под ней, словно ребра, обнажились ряды розово-красных кирпичей. Если присмотреться получше, на стене можно было разглядеть целый пейзаж: шляпки сотен крохотных поганок, красных, желтых и бурых, казались крышами домов в поселках, разбросанных по сырым местам; темно-зеленый мох рос такими ровными пучками, что вполне мог бы сойти за подстриженные деревья в парках, а затененные трещины, откуда выбивался целый лес маленьких папоротников, струились, будто зеленые ручейки. На верху стены раскинулась настоящая пустыня, сухая и жаркая, росли там только ржаво-красные мхи, и лишь стрекозы прилетали туда греться на солнышке. У подножия стены среди обломков черепицы пробивались листья цикламенов, крокусов и асфodelей, и вся эта полоса была опутана непролазными зарослями ежевики, усыпанной в середине лета крупными сочными черными ягодами.

Обитатели стены были очень разнообразны, вели дневной или ночной образ жизни и делились на охотников и дичь. По ночам на охоту выходили жабы, жившие среди зарослей ежевики, и гекконы бледные, почти прозрачные создания с выпуклыми глазами, обитавшие в трещинах в верхней части стены. Их жертвами были глупые, рассеянные долгоножки, неуклюже метавшиеся среди листвы; мотыльки всех размеров и видов — полосатые, мозаичные, клетчатые, пятнистые, в крапинку, которые мягким облаком кружились у растрескавшейся штукатурки; жуки, толстенькие и прилично одетые, будто солидные бизнесмены, спешащие по каким-то ночным делам. Когда последний светлячок уносил свой холодный изумрудный фонарик в моховую постель и над землей появлялось солнце, стена переходила во владение других обитателей. Днем было труднее отличить жертву от хищника, казалось, что все тут поедает друг друга без разбора. Хищные осы, например, охотились на гусениц и пауков, пауки ловили мух, большие, хрупкие охотницы-стрекозы поедали пауков и мух, а быстрые, юркие цветистые ящерицы уничтожали их всех вместе.

Однако наибольшую опасность представляли самые робкие и незаметные обитатели стены. Они никогда не попадались вам на глаза, если вы

сами не разыскивали их, а между тем в трещинах стены они гнездились сотнями. Если осторожно поддеть лезвием ножа кусок отставшей штукатурки и тихонько отделить ее от кирпича, вы обнаружите под ней маленького, темного скорпиона, будто бы отлитого из шоколада. У этих странных малюток плоское овальное тельце, аккуратные изогнутые ножки и огромные, словно крабьи, вздутые клешни с сочленениями, как на скафандре. Хвост их, похожий на нитку коричневых бусин, заканчивается жалом вроде шипа розы. Пока вы рассматриваете скорпиона, он лежит совсем тихо и только слегка поднимает изогнутый хвост, предостерегая вас почти извиняющимся жестом, когда вы слишком уж сильно начинаете дышать на него. Если долго держать скорпиона на солнце, он просто повернется к вам спиной и уйдет, а потом постарается заползти под другой кусок штукатурки.

Я проникся большой любовью к скорпионам. Они казались мне очень милыми и скромными созданиями с восхитительным, в общем-то, характером. Если вы не делаете ничего глупого и бестактного (не трогаете, например, их руками), скорпионы будут относиться к вам по-тихому и только постараются поскорее удрать и где-нибудь спрятаться. Меня они считали, должно быть, сущим наказанием, так как я постоянно отдираю от стены штукатурку и наблюдаю за ними или же ловил их и заставлял маршировать в банках из-под варенья, чтобы посмотреть, как движутся у них ножки. Устраивая неожиданные налеты на стенку, я сумел разузнать о скорпионах немало интересного. Например, обнаружил, что едят они синих мух (до сих пор не могу понять, как они их ловят), кузнечиков, бабочек и златоглазок. Несколько раз мне довелось видеть, как скорпионы поедают друг друга — весьма прискорбная, на мой взгляд, привычка у столь безукоризненных во всех отношениях созданий.

Пристроившись как-то в ночной темноте у стены с фонариком в руках, я умудрился подсмотреть удивительный брачный танец скорпионов. Сцепив клешни, они тянулись вверх и нежно обвивали друг друга хвостами. Я видел, как они медленно кружатся в вальсе среди пышных куртинок мха. Но видения эти мелькали передо мной лишь на краткий миг. Не успевал я зажечь фонарик, как партнеры, тут же останавливались, минутку медлили и потом, видя, что я не собираюсь выключать свет, решительно удалялись, шествуя бок о бок, клешня в клешню. Определенно, эти существа предпочитали уединение. Если бы можно было держать их у себя в плену, я бы, вероятно, сумел увидеть весь брачный обряд, однако мне строго-настрого запретили приносить скорпионов в дом, как я ни старался за них заступиться.

Но вот однажды я заметил на стене жирную скорпиониху, одетую, как мне сперва показалось, в светло-рыжее меховое пальто. Приглядевшись

Долучше, я увидел, что это странное одеяние состоит из множества крошечных скорпиончиков, вцепившихся в материнскую спину. Я был в восторге от этого семейства и решил тайно пронести его в дом, наверх, в свою спальню, чтобы наблюдать потом, как подрастают малыши. С большой предосторожностью я водворил мамашу вместе со всем выводком в спичечный коробок и помчался домой. Но, на мою беду, как раз в тот момент, когда я входил в дом, вся наша семья садилась за стол. Тогда я решил оставить пока коробок в гостиной. Осторожно положив его на камин, чтобы у скорпионов не было недостатка в воздухе, я вошел в столовую и тоже сел за стол. Слушая разговоры и тайком переправляя Роджеру куски под стол, я закопался с едой и совсем позабыл о своих необычных пленниках. А в это время Ларри, закончив еду, сходил в гостиную за сигаретами и, усевшись снова на стул, всунул в рот сигарету. В руках у него был спичечный коробок, прихваченный с камин. Не думая о нависшей надо мной опасности, я с интересом следил, как Ларри, все еще продолжая оживленную беседу, открыл коробок.

Я и по сей день твердо убежден, что у скорпионихи не было дурных намерений. Просто она была возбуждена и чуточку раздосадована долгим заточением, поэтому и воспользовалась первым же удобным случаем, чтобы удрать. Моментально выскочив из короба вместе с уцепившимися за нее малютками, она побежала по руке Ларри. Потом, не зная, что делать дальше, остановилась и приподняла свое жало. Чувствуя, как по его руке что-то движется, Ларри обратил туда свой взор, и с этого мгновения события стали разворачиваться с поразительной быстротой.

От ужаса Ларри испустил такой громкий крик, что Лугаретия уронила тарелку, а Роджер выскочил из-под стола и залился бешеным лаем. Резким взмахом руки Ларри стряхнул несчастную скорпионику на стол, и та с глухим стуком приземлилась на скатерти между Марго и Лесли, рассыпая, словно конфетти, своих малюток. Разгневанная таким дурным обращением, она быстро направилась в сторону Лесли, изогнув свое дрожащее от негодования жало. Лесли, опрокидывая стул, вскочил на ноги и отчаянно махнул салфеткой. Скорпионику покатила по скатерти в сторону Марго, которая вдруг так громко заревела, что ей мог бы позавидовать любой паровоз. Мама, совершенно сбита с толку внезапной суматохой, надела очки и принялась разглядывать скатерть, пытаясь определить, что же все-таки было причиной такого столпотворения. И как раз в этот момент Марго, стараясь отогнать скорпиона, выплеснула на него стакан воды. В скорпиона она не попала, и весь душ пришелся на долю мамы, совершенно не выносившей холодной воды. Почти задохнаясь, она присела у края стола, не в силах даже вымолвить слова. Скорпионику тем временем нашла убежище

под тарелкой Лесли, тогда как ее малыши дико метались по всему столу. Роджер, не понимая причин переполоха, но твердо решив принять в нем участие, с неистовым лаем носился по всей комнате.

— Опять этот проклятый мальчишка... — проревел Ларри.

— Смотрите! Смотрите! Они ползут сюда! — взвизгнула Марго.

— Надо сходить за книгой! — крикнул Лесли. — Не подымайте панику, бейте их книгой!

— Что же тут все-таки происходит? — умоляющим голосом спрашивала мама, протирая очки.

— Этот проклятый мальчишка... Он убьет нас всех... Взгляните на стол... Там по колено скорпионов...

— Скорей... скорей... сделайте что-нибудь... Осторожно, осторожно!

— Ради бога, перестаньте орать и сходите за книгой... Вы хуже собаки... Замолкни, Роджер...

— Слава богу, меня не укусили...

— Осторожно... вот еще один... Скорей... Скорей...

— Да заткнитесь же вы все и дайте мне книгу или что-нибудь такое...

— Но, милые мои, как же скорпионы очутились на столе?

— Этот проклятый мальчишка... Каждый спичечный коробок в доме таит опасность.

— Смотрите, он ползет ко мне... Скорее, сделайте что-нибудь...

— Стукни его своим ножом... своим ножом... Да стукни же...

Поскольку никто не взял на себя труда объяснить Роджеру смысл происходящих событий, он по ошибке решил, что всей нашей семье грозит беда и что его долг защитить нас. А так как Лугареция была единственным чужим человеком в комнате, он сделал логический вывод, что это она во всем виновата, и цапнул ее за лодыжку. Шуму от этого, конечно, не убавилось.

К тому времени, когда порядок был кое-как восстановлен, все маленькие скорпиончики успели попрятаться под тарелками, вилками и ножами. После моей страстной мольбы и маминых просьб предложение Лесли перебить семейство скорпионов было в конце концов отвергнуто, и вся компания, не оправившись еще от страха и злости, удалилась в гостиную. Целых полчаса вылавливал я малюток, собирая их в чайную ложку, и возвращал на спину матери, а потом вынес на блюде из дому и с грустью выпустил на стенку сада. После этого мы с Роджером поспешили уйти и всю вторую половину дня провели на пригорке вдали от дома, так как, по моим наблюдениям, надо было дать всем как следует отдохнуть, прежде чем снова показываться им на глаза.

Последствия этого происшествия были самые разнообразные. У Ларри появился неодолимый страх перед спичечными коробками, и он открывал

Д их с величайшей предосторожностью, обмотав сначала руку носовым платком. Лугареция, с накрученными на лодыжку пухлыми бинтами, прихрамывая, ковыляла по дому еще много недель после того, как зажил укус, и каждое утро, подавая чай, показывала нам свои струпья. Но история эта имела еще и худшие, на мой взгляд, последствия: мама пришла к выводу, что я снова отбиваюсь от рук и что теперь самое время продолжить мое образование. Покуда для меня подыскивали домашнего учителя по всем предметам, мама решила, что, по крайней мере, к французскому языку я могу приступить не мешкая. И вот после некоторых переговоров Спиро было поручено возить меня каждое утро в город на урок французского языка к бельгийскому консулу.

Дом консула находился в лабиринте узких вонючих улочек, составляющих еврейский квартал города. Это было очаровательно место — мощенные булыжником улицы с множеством лавчонок, заваленных кипами ярких тканей, горами блестящих леденцов, разной утварью из чеканного серебра, фруктами и овощами. Улицы были настолько узки, что приходилось всякий раз прижиматься к стенам домов и давать дорогу навьюченным товарам ослам. Меня очень привлекала эта красочная часть города, шумная и суетливая, где постоянно слышались голоса торгующихся женщин, кудаханье кур, лай собак и протяжные крики мужчин, несущих на голове огромные подносы с горячим, только что испеченным хлебом. Как раз в самом центре этого района, в верхнем этаже высокого ветхого здания, уныло маячившего над крохотной площадью, жил бельгийский консул.

Это был приятный маленький человек с поразительной трехклинной бородой и старательно нафабранными усами. Он довольно серьезно относился к своей работе и всегда был одет так, словно отправлялся на важный официальный прием: черная визитка, брюки в полоску, светло-коричневые гетры над начищенными до блеска башмаками, огромный, спадающий шелковым водопадом галстук, прихваченный скромной золотой булавкой, и в довершение всего высокий, сияющий цилиндр. В любой час дня его можно было увидеть, одетого подобным образом, на какой-нибудь грязной улочке, где он изящно ступал среди луж или прижимался к стене с восхитительной учтивостью, уступая дорогу ослу и легонько постукивая его по задней ноге своей ротанговой тростью. Жители города не видели в его костюме ничего необычного. Они думали, что консул англичанин, а так как, по их представлениям, все англичане лорды, то им не только пристало, но просто необходимо носить соответствующую одежду.

Когда я приехал к консулу первый раз, он провел меня в комнату, сплошь увешанную фотографиями в массивных рамках, где он был изображен в различных наполеоновских позах. Спинки старинных кресел, об-

тянутых красной парчой, украшало множество салфеточек, а стол, за которым мы работали, был накрыт бархатной скатертью винно-красного цвета с ярко-зеленой бахромой. Это была на удивление безобразная комната. Чтобы определить объем моих познаний во французском языке, консул усадил меня за стол, вынул объемистый потрепанный том словаря Лярусс и положил его предо мной, открыв на первой странице.

— Пожалуйста, почитайте вот это, — сказал он по-английски с небольшим акцентом, и в его бороде приветливо сверкнул золотой зуб.

Потом он подкрутил кончики усов, поджал губы, заложил руки за спину и медленно стал шагать по комнате, направляясь к окну, а я принялся за слова, начинающиеся с буквы А. Едва с грехом пополам я одолел первые три слова, как консул неожиданно застыл на месте и про себя чертыхнулся. Я было подумал, что его шокирует мое произношение, но, видно, все это относилось вовсе не ко мне. Бормоча что-то себе под нос, мой учитель стремительно пронесся через комнату, с силой распахнул дверцы шкафа и выхватил оттуда внушительное на вид духовое ружье. Я следил за его действиями со все возрастающим удивлением и интересом, но все же опасаясь за свою жизнь. Консул зарядил ружье, рассыпая в отчаянной спешке дробины по всему ковру, потом, пригнувшись, снова пробрался к окну и из-под прикрытия штор с волнением выглянул на улицу. Затем он поднял ружье, внимательно прицелился и выстрелил. Когда консул отошел от окна и отложил ружье в сторону, я с удивлением заметил, что в его глазах стоят слезы. Скорбно покачивая головой, он вытащил из верхнего кармана шелковый носовой платок невероятных размеров и с шумом высморкался.

— Ай, яй-яй! — протянул он нараспев. — Бедное создание... Однако надо нам работать... Читайте, пожалуйста, дальше, мон ами.

В течение всего урока я не мог отделаться от мысли, что консул прямо у меня на глазах совершил убийство или, по крайней мере, свел счеты с владельцем какого-нибудь соседнего дома по законам кровной мести. Однако после четвертого урока, когда консул все еще продолжая по временам палить из окна, я решил, что мое объяснение сюда не подходило, разве что семья, с которой он воевал, была необыкновенно большая и, сверх того, ни один из ее членов не в состоянии был ответить ему выстрелом. Только неделю спустя я узнал подлинную причину непрерывной ружейной канонады. А причиною были кошки. В еврейском квартале, как и в остальных частях города, кошки могли плодиться без всяких препятствий и бродили по улицам буквально целыми сотнями. Хозяев у кошек не было, никто за ними не следил, поэтому выглядели они ужасно — все в болячках и язвах, с вылезшей клоками шерстью, с кривыми рахитичными лапами и невообразимо костлявые. Трудно было представить, в чем только держится их

Душа. Консул обожал кошек. В его собственном доме жили три огромных, раскормленных кота персидской породы. Однако видеть этих голодных, шелудивых представителей кошачьего племени, бродивших по крышам напротив его окна, было слишком большим испытанием для чувствительной натуры консула.

— Я не могу их всех накормить, — объяснил он, — поэтому, чтобы они были счастливы, я их убиваю. Им так лучше, но мне это приносит большое огорчение.

Всякий, кто увидел бы этих кошек, легко бы мог понять, какой благородный и полезный труд взял на себя этот человек. Так вот и шли наши уроки французского языка, с постоянными перерывами, когда консул бросался вдруг к окну, чтобы отпраздновать в более радостный мир еще одну кошку. После каждого выстрела на минуту воцарялась тишина, из почтения к смерти, затем консул громко сморкался, трагически вздыхал, и мы опять углублялись в запутанный лабиринт французских глаголов.

По какой-то непонятной причине у консула создалось впечатление, что моя мама умеет говорить по-французски, и он никогда не упускал случая завязать с ней беседу. Если во время своего приезда в город за покупками маме удавалось издали заметить среди толпы его цилиндр, она поспешно сворачивала в ближайшую лавчонку и покупала там всякие ненужные ей вещи, пока не минует опасность. Но иногда консул появлялся вдруг из какого-нибудь переулка и заставлял маму врасплох. Приветливо улыбаясь и помахивая тростью, он подходил поближе, срывал с головы цилиндр и сгибался перед мамой почти вдвое, хватая неохотно протянутую руку и пылко прижимая ее к бороде. Они стояли посреди улицы (иногда их разделял проходивший мимо осел), и консул изливал на маму потоки французской речи, изящно жестикулируя палкой и цилиндром и вовсе не замечая растерянного выражения на мамином лице. Время от времени консул завершал свои фразы вопросом «*p'est-ce-pas, madame?*», на что мама должна была ему отвечать. Собравшись как следует с духом, она демонстрировала все свое совершенное знание французского языка.

— *Oui, Oui!* — произносила мама с первой улыбкой и, если это звучало не очень выразительно, добавляла более четко: — *OUI, OUI.*

Ответ вполне удовлетворял консула, и он, очевидно, так никогда и не понял, что это было единственное французское слово, которое знала мама. Эти беседы были тяжким испытанием для ее первой системы, и нам стоило только произнести: «Мама, смотри, консул идет», как она пускалась по улице предельно быстрым шагом, переходившим почти в галоп.

Мне эти уроки французского языка определенно пошли на пользу. Языка я, правда, не выучил, но каждый день к концу занятий мной овла-

девала такая скука, что в свои послеполуденные вылазки по окрестностям я пускался с удвоенной энергией. И конечно же, всякий раз я с нетерпением ждал четвергов, когда к нам приходил Теодор. Он появлялся в нашем доме после ленча, выждав для приличия некоторый срок, и оставался до тех пор, пока высоко над Албанскими горами не поднималась луна.

В этот день мы с Теодором уходили вместе из дому, иногда просто в сад, иногда и подальше. Нагруженные коробками и сачками, мы шествовали среди олив, а впереди, обнюхивая землю, посылал Роджер. Нас привлекало все, что попадалось на пути: цветы, насекомые, камни, птицы. У Теодора, несомненно, был неисчерпаемый запас сведений обо всем на свете, только он сообщал эти сведения особым способом, будто не преподносил вам нечто новое, а скорее напоминал о том, что вы уже знали, но почему-то не могли припомнить. Его рассказы были пересыпаны веселыми анекдотами, очень плохими каламбурами и еще худшими шутками, которые он выпаливал с удовольствием. В глазах его вспыхивали огоньки, нос морщился, и он беззвучно смеялся в бороду и над собой, и над своими шутками.

Каждый прудок, каждая канава с водой были для нас словно неисследованные джунгли, битком набитые зверьем. Крохотные циклопы, водяные блохи, зеленые и кораллово-розовые, парили среди подводных зарослей, будто птицы, а по илистому дну крались тигры прудов: пиявки и личинки стрекоз. Всякое дулистое дерево, если в нем оказывалась лужица воды, где обитали личинки комаров, подвергалось самому тщательному исследованию, всякий замшелый камень переворачивался, а трухлявое бревно разламывалось. Прямой, подтянутый Теодор стоял у края пруда и осторожно водил под водой своим маленьким сачком, потом вытаскивал его и пристально вглядывался в болтавшийся на конце стеклянный пузырек, куда соскальзывали все мелкие водяные обитатели.

— Ага! — обычно произносил он звенящим от волнения голосом, и борода его задиралась кверху. — Думаю, что это *Ceriodaphnia laticaudata*.

Он выхватывал из жилетного кармана луну и принимался разглядывать пузырек еще внимательней.

— А, гм... да... весьма любопытно... это *laticaudata*. Пожалуйста... э... передай мне чистую пробирку... гм... спасибо.

Он опускал в пузырек стержень авторучки, всасывая им крошечное животное, и, осторожно пересадив в пробирку, принимался за остальной улов.

— Кажется, там больше нет ничего такого уж интересного... ах да, я и не заметил... довольно любопытная личинка веснянки... вон там, видишь?.. Гм... она устроила себе чехлик из обломков раковин неких моллюсков... Ничего не скажешь, она прелестна.

ДНа дне пузырька лежал тонкий, в полдвойма длиной чехлик, сделанный будто из шелка и покрытый, как пуговицами, крошечными плоскими раковинками улиток. С одного конца этого восхитительного жилища выглядывал его владелец — препротивнейшее создание, похожее на червяка с муравьиной головой. Личинка медленно ползла по стеклу и тащила за собой свой замечательный домик.

— Я проделал однажды интересный опыт, — сказал Теодор. — Наловил этих... э... личинок и посадил с них чехлики. Личинок я, разумеется, не повредил. Я разместил их по банкам с совершенно чистой водой, где не было ничего такого... э... материала для строительства новых оболочек. Потом положил в каждую банку строительный материал разного цвета: в одну мелкие голубые и зеленые бусинки, в другую крошки кирпича, потом белый песок и даже в одну банку... э... осколки цветного стекла. Они соорудили из всего этого новые домики, и, должен сказать, результат был очень любопытный и... э... красочный. Несомненно, это очень способные архитекторы.

Он вылил содержимое пузырька обратно в пруд, забросил сачок на плечо, и мы отправились дальше.

— Кстати об архитектуре, — произнес Теодор, и в глазах его вспыхнули искорки. — Я еще не рассказывал о том, что случилось с одним моим... э... приятелем? Гм, да. Ну вот, у него был за городом небольшой домик, а так как его семья... гм... увеличилась, он решил, что дом для них маловат и надо надстроить еще этаж. Но мне кажется, он слегка переоценил свои архитектурные... гм... возможности и сам составил проект. Гм, ха, да. Ну вот, все шло хорошо, этаж был надстроен очень быстро, со всеми его спальнями, ванными и прочим. В честь завершения работ мой приятель собрал гостей, и все мы подняли тост за... гм... новую часть здания. С большой торжественностью леса были сняты... гм... убраны, и никто не заметил ничего... гм... особенного пока один опоздавший гость не захотел взглянуть на новые комнаты. Вот тогда и обнаружили, что там не было лестницы. Понимашь, в своих чертежах мой приятель, видно, забыл вставить лестницу, а когда началось строительство, он и его рабочие так привыкли взбираться на верхний этаж по лесам, что никто из них даже не заметил никакого... э... недостатка.

Мы бродили по жару весь остаток дня, останавливаясь около прудов, канав и ручьев, пробирались сквозь душистые заросли цветущих миртовых кустов, шагали по вересковым холмам, по пыльным белым дорогам, где изредка нам навстречу плелся понурый осел с сонным крестьянином на спине.

К вечеру, когда наши банки, бутылки и пробирки наполнялись замечательной разнообразной живностью, мы возвращались домой. Небо в это

время приобретало слегка золотистый оттенок, воздух становился прохладней и душистей. Мы шли через оливковые рощи, уже покрытые глубокой тенью. Впереди, высунув язык, бежал Роджер. Он то и дело оглядывался назад, боясь потерять нас из виду. Разморенные жарой, пыльные и усталые, обвешанные раздувшимися тяжелыми сумками, отчего приятно ныли плечи, мы с Теодором двигались вперед и распевали песню, которой он меня научил. Бодрый мотив этой песни оживлял наши уставшие ноги, мы начинали шагать веселее, и по всей роще радостно разносился баритон Теодора и мой пронзительный дискант.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПАРАД СВЕТЛЯЧКОВ

Весну незаметно сменили долгие, жаркие дни лета, пронизанные солнцем и веселым, неумолчным звоном цикад, от которого дрожал весь остров. В полях начинали наливаться початки кукурузы, закутанные в шелковую кремовую бахрому с рыжими верхушками. Если содрать с початка зеленую обертку и запустить зубы в ряды жемчужных зерен, рот ваш весь наполнится млечным соком. На виноградных лозах висели маленькие пятнистые гроздья, оливковые деревья гнулись под тяжестью плодов, гладких, точно из нефрита, зеленых шариков, и там всегда гремел мощный хор цикад, а в апельсиновых рощах в темной глянцевитой листве начинали румяниться апельсины — их рябые зеленые щеки как бы заливались краской смущения.

Вверху, на холмах, среди вереска и темных кипарисов, словно подхваченные ветром конфетти, кружились хороводы бабочек. Время от времени какая-нибудь из них присаживалась на листок, чтобы отложить там яички. Под ногами у меня тикали, как часы, кобылки и ошалело неслись через вереск, поблескивая на солнце крыльями. Среди миртов двигались богомолы, медленно, осторожно — настоящее воплощение зла. Они были худые и зеленые, лицо без подбородка и чудовищные, круглые глаза, как холодное золото. В них горело упорное, хищное безумие. Изогнутые передние ноги с острой зубчатой бахромой, поднятые в притворной взывающей к миру насекомых мольбе — такой страстной, такой смиренной, — чуть подрагивали, если мимо проносились бабочка.

Вечером, когда становилось прохладней, цикады переставали петь, и их сменяли зеленые древесные лягушки, приклеенные к поникшим лимон-

Д ным листьям у родничка. Их выпученные глаза словно гипнотизировали вас, спинки сияли глянцем, как и листья, на которых они сидели, голосовые мешки раздувались, и лягушки выпускали свои трели с такой отчаянной силой, что их влажная кожа, казалось, вот-вот лопнет от напряжения. После захода солнца наступали короткие зеленоватые сумерки, их сменял сиреневый полумрак, и в прохладном воздухе разливались вечерние ароматы. Из укрытий выходили жабы цвета оконной замазки, расписанные причудливыми, как на географической карте, темно-зелеными пятнами. Они незаметно двигались среди пучков высокой травы в оливковых рощах, где крутилось облако неуклюжих долгоножек — как будто тонкий газовый занавес колыхался над землей. Жабы сидели, прикрыв глаза, потом внезапно хватали пролетающую мимо долгоножку и, садясь обратно, со слегка смущенным видом подпихивали пальцами в свой огромный рот свисающие концы крыльев и ножек. А над ними, на ветхой стене старого сада, среди пышных шапок зеленого мха и зарослей крохотных поганок торжественно разгуливали пары маленьких скорпионов.

Море было спокойное, теплое и темное, как черный бархат, ни малейшая рябь не тревожила его гладкой поверхности. Далеко на горизонте легким красноватым заревом мерцало побережье Албании. Постепенно, минута за минутой, зарево растекалось по небу, сгущалось и светлело. И вдруг над зубчатой стеной гор поднималась огромная винно-красная луна, и от нее по темному морю пробегала прямая огненная дорожка. Совы, уже летавшие бесшумными тенями от дерева к дереву, вскрикивали в изумлении, замечая, как луна, подымаясь все выше и выше, становится розовой, потом золотой и, наконец, серебряным шаром всплывает в обитель звезд.

С наступлением лета у меня появился учитель Питер, высокий, красивый молодой человек, только что из Оксфорда и с довольно решительными взглядами на образование, что было мне, конечно, не по нраву. Однако атмосфера острова начала незаметно делать свое дело. Взгляды Питера понемногу смягчались, и он стал вполне похож на человека. Первые наши уроки были тяжелы до ужаса: нескончаемая возня с дробями, процентами, геологическими пластами и теплыми течениями, существительными, глаголами и наречиями. Но, по мере того как солнце оказывало на Питера свое магическое воздействие, дробь и проценты перестали казаться ему такой уж исключительно важной частью жизни, и мало-помалу они отходили на задний план. Кроме того, Питер обнаружил, что все сложности с геологическими пластами и влиянием тепловых течений можно гораздо легче объяснить, плавая вдоль побережья, и что самый простой способ преподавать английский язык — предоставить мне возможность каждый день писать что-нибудь самостоятельно и потом исправлять ошибки. Он предло-

жил вести дневник, но я отказался, потому что у меня был уже один дневник о природе, куда я ежедневно записывал все, что встречал интересного. Если завести новый дневник, чем же я буду его заполнять? На такое возражение Питер не смог ничего ответить. Тогда я предложил попробовать что-нибудь более сложное и интересное. Например, написать книгу. Питера это слегка удивило, однако он не нашел резонного возражения против книги и согласился. И вот каждое утро примерно в течение часа я с удовольствием трудился над очередной главой своего эпического повествования — захватывающей истории, где мы всей семьей совершали путешествие вокруг света и по пути ловили всех, каких только можно себе вообразить, животных совершенно немыслимыми силками и капканами. Я писал свою книгу в духе «Журнала для мальчиков», потому каждая глава у меня кончалась потрясающей сценой — на маму вдруг набрасывался ягуар, или Ларри сражался с огромным, обвившим его кольцами питоном. Иногда эти кульминации бывали так сложны и опасны, что на следующий день мне лишь с огромным трудом удавалось выцарапать своих родных из подобных ситуаций целыми и невредимыми. Пока я, высунув язык, трудился над своим шедевром, советуясь иногда с Роджером по поводу самых тонких сюжетных ходов, Питер и Марго отправлялись на прогулку по заросшему саду и любовались цветами. К моему удивлению, оба они обрели вдруг вкус к ботанике. Таким вот приятным для всех нас образом проходило каждое утро. В самом начале Питера еще терзали по временам угрызения совести, тогда мое сочинение переключивалось в ящик стола, и мы углублялись в математические задачи. Но когда летние дни стали длиннее, а интерес Марго к садоводству заметно возрос, эти досадные периоды наступали гораздо реже.

После несчастной истории со скорпионами мне отвели большую комнату на втором этаже, где я мог держать своих зверей, и все стали смутно надеяться, что теперь наконец-то вся живность будет сосредоточена только в одной определенной части дома. Эта комната (я называл ее своим кабинетом, а остальные члены семьи — козявочником) приятно пахла эфиром и этиловым спиртом. Теперь я держал тут книги по естественной истории, свои дневники, микроскоп, скальпели, сачки, мешочки для сбора животных и другие не менее важные предметы. В больших картонных коробках хранились коллекции птичьих яиц, жуков, бабочек, стрекоз, а сверху на полках выстроились бутылки, в которых были заспиртованы такие интересные вещи, как цыпленок с четырьмя ножками (подарок мужа Лугареции), всевозможные ящерицы и змеи, лягушачья икра на разных стадиях развития, маленький осьминог, три бурых крысенка (дань Роджера) и крохотная черепашка, только что вылупившаяся из яйца и не вынесшая

Дсуровости зимы. На стенах висели немногочисленные, но со вкусом подобранные украшения: сланцевая плитка с окаменелыми остатками рыбы, фотография моей собственной персоны, пожимающей руку шимпанзе, и чучело летучей мыши. Чучело набивал сам, без посторонней помощи, и очень им гордился. Если принять во внимание мою неопытность в этом искусстве, то чучело было вполне похоже на летучую мышь, особенно если стоять на другом конце комнаты. Раскинув крылья, она сердито смотрела со стены, прикованная к своей пробковой дощечке. Но когда наступило лето, летучая мышь, видно, почувствовала жару: она слегка одрябла, мех ее утратил свой блеск, и новый таинственный аромат пополз по комнате, перебивая запахи эфира и этилового спирта. Бедняга Роджер, это его объявили сперва виновником! И только позднее, когда запах уже проник в спальню Ларри, тщательное расследование привело к моему чучелу. Я был удивлен и немало раздосадован. Под нажимом родных чучело пришлось выбросить. Питер объяснил, что я плохо его обработал, и обещал, если я достану еще один экземпляр летучей мыши, показать мне, как это делается по всем правилам. Я от души благодарил его, но осторожно посоветовал держать это в тайне, так как чувствовал, что теперь все домашние будут относиться к искусству набивки чучел с величайшим подозрением, придется потратить немало сил, чтобы настроить их на иной лад.

Добыть еще одну летучую мышь мне никак не удавалось. Вооруженный длинной бамбуковой палкой, я часами простаивал в залитых лунным светом узких аллеях оливковых рощ, однако летучие мыши проносились мимо меня вихрем, я даже не успевал поднять свое оружие. Но куда я стоял вот так, безнадежно подкарауливая случай, чтобы оглушить летучую мышь, я видел много других животных, которых при иных обстоятельствах мне бы увидеть не довелось. На склоне холма молодой лисенок с вождением разыскивал жуков, роя землю своими неокрепшими лапками, и, откопав насекомое, тут же с хрустом поедал его. Однажды из-за миртовых кустов показались вдруг пять шакалов. Заметив меня, они остановились в недоумении и потом растаяли, как тени, среди деревьев. Между рядами олив, у самой травы, на бесшумных шелковых крыльях плавно, будто большие черные ласточки, скользили козодои, преследуя пьяных танцующих долгоножек. Однажды у меня над головой появилась чета сонь. В диком возбуждении они носились по всей роще, прыгая, точно акробаты, с ветки на ветку и скользя вверх и вниз по стволам деревьев. В лунном свете их поднятые пушистые хвосты мелькали, как клубы серого дыма. Меня очаровали эти зверьки, и я решил поймать одного из них. Конечно, лучше всего было ловить их днем, когда они спят. В поисках убежища сонь я старательно обшарил все оливковые рощи, однако это оказалось пустой зате-

ей, потому что каждый корявый ствол имел дупло с полудюжиной выходов. Но все же поиски мои не были такими уж бесплодными. Однажды я запустил руку в дупло, и мои пальцы наткнулись на какой-то мягкий комочек. Он зашевелился у меня под рукой, и я его вытащил. На первый взгляд добыча показалась мне большим клубком из пушинок одуванчика с парой огромных золотистых глаз, потом я увидел, что эта сплюшка, совсем маленький птенец, еще покрытый пухом! С минуту мы смотрели друг на друга, затем соенок, оскорбленный, должно быть, моим грубым смехом над его внешностью, вонзил мне в палец свои крошечные коготки. От неожиданности я выпустил из рук ветку, за которую держался, и мы вместе с ним грохнулись на землю.

Я посадил негодующего птенца в карман и понес домой, с некоторым трепетом представил его своим родным. К моему удивлению, он был принят с несомненной благосклонностью, мне без всяких оговорок разрешили держать его в доме. Поселился он в моем кабинете в плетеной корзинке и после продолжительных споров был наречен Улиссом. С самого начала соенок показал, что он птица с сильным характером, поэтому шутить с ним не стоит. Хотя его самого можно было поместить в чайной чашке, он проявлял необыкновенную отвагу и бесстрашно набрасывался на все и всех, независимо от роста. Так как жить нам предстояло в одной комнате, мне очень хотелось, чтобы у него с Роджером установились хорошие отношения, поэтому, как только соенок слегка осмотрелся на новом месте, я представил их друг другу, посадив Улисса на пол и приказав Роджеру приблизиться к нему и подружиться. У Роджера уже выработался философский подход к дружбе со всякого рода зверушками, которым я давал у себя приют, и теперь он старался подражать совиным манерам. Весело влияя хвостом, он любезно направился к Улиссу, который сидел посреди комнаты с далеко не дружественным выражением «лица» и сверлил Роджера свирепым, немигающим взглядом. Шаги собаки стали менее уверенными. Улисс не сводил с нее взгляда, будто пытался загипнотизировать. Роджер остановился, уши у него обвисли, хвост лишь чуть подрагивал, и взор обратился ко мне за поддержкой. Я строго приказал ему следовать к намеченной цели. Роджер нервно посмотрел на соенка, а потом спокойно стал обходить его сзади. Однако Улисс тут же повернул голову на сто восемьдесят градусов и по-прежнему не сводил с собаки глаз. Роджеру еще ни разу не приходилось встречать зверя, который бы мог, не поворачиваясь, глядеть назад, поэтому он был в некотором замешательстве. Но, чуть поразмыслив, Роджер решил избрать легкий игривый тон. Он растянулся на животе, положив голову на лапы и стал медленно подползать к птице, слегка повизгивая и непринужденно виляя хвостом. Улисс продолжал сидеть не-

Д подвижно, будто чучело. Роджеру удалось подползти совсем близко, но тут он совершил роковую ошибку. Вытянув морду вперед, он шумно и с любопытством обнюхал птицу. Многие мог бы вынести Улисс. Но позволить лохматому барбосу обнюхивать себя — никогда! Сейчас он покажет этой неуклюжей громадине без крыльев, где ее место. Прикрыв глаза, щелкая клювом, Улисс подпрыгнул в воздух и опустился прямо на морду собаки, вонзив в ее черный нос свои острые как бритва когти. Роджер в изумлении тявкнул, стряхнул с себя совенка и спрятался под стол. Никакие уговоры не могли заставить его выйти оттуда, пока Улисс не был водворен обратно в свою корзинку.

Когда соенок немного подрос, детский пушок сошел с него, и он весь покрылся замечательными пепельно-серыми, ржаво-красными и черными перьями. На светлой грудке красиво обозначились темные мальтийские кресты, на ушах отросли длинные кисточки, которые он всегда поднимал в негодовании, если вы позволяли себе вольничать с ним. Теперь Улисс был слишком взрослый, чтобы жить в корзинке, о клетке же он просто слышать не хотел, так что пришлось отдать ему во владение весь кабинет. Свои упражнения в полетах он проводил между столом и ручкой двери и, как только освоил это искусство, выбрал себе жилье в углублении над окном и сидел там целый день с закрытыми глазами, точь-в-точь сучок оливы. Если с ним заговорить, глаза его сразу широко распахнутся, кисточки на ушах поднимутся вверх, все тело вытянется, и на вас взглянет загадочный китайский идол с изможденным лицом. Если Улисс к вам расположен, он приветливо пощелкивает клювом или же, как знак величайшей милости, слетит вниз и торопливо чмокнет вас в ухо.

После захода солнца, когда по темным стенам дома начинали бегать гекконы, Улисс просыпался. Он деликатно зевал, расправлял крылья, чистил хвост и так энергично встряхивался, что все его перья вставали дыбом, будто лепестки распушенной ветром хризантемы. Затем с большой неприужденностью он выпускал шарик полупереваренной пищи вниз на газету, расстеленную специально для этой, а также для других целей. Чтобы подготовиться к ночной охоте, он издавал пробное «ту-гу», удостоверился, что голос у него в порядке, и отчаливал на своих мягких крыльях. Беззвучно, как пушинка, облетев комнату, он опускался мне на плечо, сидел там минутку-другую, легонько пощипывая мое ухо, потом снова встряхивался, отбрасывал сантименты в сторону и принимал деловой вид. Подлетев к подоконнику, он издавал еще одно вопросительное «ту-гу», уставясь на меня медовыми глазами. Это был знак, чтобы ему открыли ставни. Как только я распахивал их, Улисс выплывал из окна, и с минуту его силуэт вырисовывался на диске луны, прежде чем пропасть в темноте олив. А еще минутой

позже раздавалось громкое, вызывающее «ту-гу! ту-гу!» — предупреждение, что Улисс вышел на охоту.

Охота его продолжалась разное время. Иногда уже через час он снова появлялся в комнате, иногда же пропадал всю ночь. Но куда бы совынок ни улетел, он ни разу не забыл вернуться в дом к ужину — между девятью и десятью часами. Если в моем кабинете свет не горел, Улисс спускался к окну гостиной и заглядывал в него — нет ли меня там. Если меня не было, он снова летел вверх, садился на окно моей спальни и нетерпеливо колотил по ставням, пока я не открывал их и не протягивал ему блюдце с фаршем, искрошенным сердцем цыпленка или еще каким-нибудь деликатесом, припасенным в тот день. Проглотив последний кусочек сырого мяса, Улисс издавал тихий, вроде икоты, звук, минуту раздумывал и улетал снова, проплывая над верхушками деревьев, залитых лунным светом.

С тех пор как Улисс показал себя храбрым бойцом, он стал относиться к Роджеру вполне по-дружески, и теперь, когда мы шли вечером купаться, мне порой удавалось залучить его в нашу компанию. Обычно он сидел на спине Роджера, крепко вцепившись в его черную шерсть, и если, как это иногда случалось, Роджер забывал о своем пассажире и бежал слишком быстро или же слишком резво перепрыгивал через камень, в глазу Улисса загорался огонь; крылья начинали бить воздух в отчаянном усилии удерживать равновесие, и он громко и с возмущением щелкал клювом, пока я не принимался отчитывать Роджера за беспечность. На берегу моря Улисс восседал на моих штанах и рубашке, а мы с Роджером кувыркались на мелком месте в теплой воде. Вытянувшись, как гвардеец на карауле, Улисс следил за нашими проделками круглыми, слегка осуждающими глазами. Нередко он покидал свой пост, кружился над нами, щелкая клювом, и опять возвращался на берег. Опасался ли он за нашу жизнь или просто хотел поиграть с нами, я так и не смог решить. Если мы купались слишком долго, ему это надоедало, он взмывал над холмом и летел в сад, крикнув нам на прощанье «ту-гу».

Летом, в полнолуния, мы всей семьей отправлялись на ночные купания, так как днем слишком сильно палило солнце и перегретое море ничуть не освежало. Как только выходила луна, мы спускались через рощу к скрипучей деревянной пристани и залезали на «Морскую корову». Ларри и Питер садились на одно весло, Марго и Лесли на другое, а мы с Роджером пробирались на нос и были вперёдсмотрящие. Примерно через полмили показывался небольшой заливчик с пляжами из белого песка и грудой гладких, все еще теплых камней, на которых было так приятно полежать. Мы ставили «Морскую корову» на якорь в глубоком месте и потом, перемахнув через борт, весело плескались и ныряли, так что лунный свет дрожал на

Д взбаламученных водах залива. Власть накувыркавшись, мы не спеша плыли к берегу и ложились на теплые камни, лицом к звездному небу. Обычно через полчаса мне надоедало слушать разговоры взрослых, я снова входил в воду и медленно плавал по заливу на спинке, любуясь луной. И вот однажды, покачиваясь так на волнах, я обнаружил, что залив этот привлекал не только нас одних.

Свободно раскинувшись в теплой, ласковой воде и лишь чуть-чуть шевеля руками, чтобы держаться на поверхности, я разглядывал Млечный Путь, протянувшийся через небо шифоновым шарфом, и соображал, сколько же в нем звезд. С берега, гулко отдаваясь эхом, до меня доносились голоса и смех, а если я слегка приподнимал голову, мне были видны очертания фигур, освещенных вспыхивающими огоньками сигарет. Совсем убаюканный, я продолжал тихо плыть по заливу, как вдруг почти рядом с собой услышал какой-то громкий шлепок и бульканье. Затем последовал длинный, глубокий вздох, и я закачался на легких волнах. Мгновенно выпрямившись, я высунулся из воды, чтобы определить, далеко ли уплыл от берега, и вдруг с ужасом увидел, что был на порядочном расстоянии не только от берега, но и от «Морской коровы». И как знать, что это тут плавает вокруг меня в темной воде? С берега все еще доносились взрывы смеха, и я видел, как высоко в воздух красной звездой взлетал окурок сигареты, описывал кривую и гас у кромки воды.

Беспокойство охватывало меня все сильнее, и я уже готов был позвать на помощь, когда футах в двадцати от меня море вдруг как будто расступилось с легким плеском и бульканьем и на поверхности показалась гладкая, блестящая спина, издала глубокий удовлетворенный вздох и снова скрылась под водой. Едва я успел сообразить, что это был дельфин, как тут же понял, что дельфины окружили меня со всех сторон. Они всплывали на поверхность, выставив свои горбатые темные спины, сиявшие в лунном свете, и с наслаждением вдыхали воздух. Всего их было, наверно, штук восемь. Один из них вынырнул от меня так близко, что я мог бы через три взмаха оказаться рядом с его черной головой. Издавая глубокие тяжкие вздохи, дельфины играли посреди залива, а я плавал вместе с ними и зачарованным взглядом следил, как они с бульканьем поднимаются из воды, делают медленный вдох и снова исчезают в глубине, оставляя на поверхности лишь легкие, пенные круги. Но вскоре все дельфины, как по команде, повернулись и уплыли в сторону далекого албанского побережья. Я высунулся из воды и смотрел, как они плывут вдоль светлой лунной дорожки, то выныривая на поверхность, то с блаженным вздохом снова уходя под воду, теплую как парное молоко. За ними тянулся след из крупных дрожащих пузырей пены, которые вспыхивали, точно маленькие луны, прежде чем исчезнуть в волнах.

После этого мы стали часто встречать дельфинов во время своих поздних купаний при лунном свете, и однажды они устроили в нашу честь иллюминированное представление с участием одного из самых привлекательных насекомых, населяющих остров. Мы знали, что в жаркие летние месяцы море здесь начинает фосфоресцировать. В лунные ночи это было не так заметно — лишь слабое зеленоватое мерцание вокруг носа лодки да короткая вспышка, когда кто-нибудь из нас нырял в воду. Мы считали, что лучшее время для фосфоресценции — безлунные ночи. В летние месяцы на острове появлялся и другой светящийся обитатель — светлячок. Эти небольшие бурые жучки вылетали с наступлением темноты и десятками кружились среди оливковых рощ, то зажигая, то гася фонарики, излучавшие зеленовато-белый, а не золотисто-зеленый, как на море, свет. Лучшей порой для светлячков тоже были темные ночи, когда яркий лунный свет не затмевал сияния их огоньков. Но все-таки нам бы никогда не удалось увидеть одновременно и дельфинов, и светлячков, и фосфоресценцию, если бы не мамин купальный костюм.

Мама давно уже с завистью смотрела на наши купания, как дневные, так и ночные, но когда мы предложили ей ходить вместе с нами, она заявила, что слишком стара для подобного рода вещей. И все же под нашим постоянным нажимом она в конце концов наведлась в город и возвратилась домой с таинственным пакетом в руках. Смущенно развязав пакет, мама изумила нас всех, вытащив оттуда на редкость бесформенное одеяние из черной материи, покрытое сверху донизу бесчисленными оборочками и складочками.

— Ну, что вы об этом скажете? — спросила мама.

Мы уставились на страшный наряд, пытаясь отгадать, для чего он предназначен.

— Что это такое? — спросил наконец Ларри.

— Купальный костюм, разумеется, — ответила мама. — Что же это еще, по-вашему, может быть?

— Он напоминает мне сильно исхудавшего кита, — сказал Ларри, приглядываясь к костюму.

— Ты это ведь не наденешь, мама, — сказала пораженная Марго. — Можно подумать, что он шит в двадцатом году.

— А для чего тут оборки и все вот эти штуки? — с интересом спросил Ларри.

— Для украшения, конечно, — с негодованием ответила мама.

— Ничего себе украшения! Не забудь вытряхивать из них рыбу, когда будешь выходить из воды.

— Могу лишь сказать, что *мне* это нравится, — твердо заявила мама, засовывая чудовище обратно в пакет. — И я буду его носить.

Д — Ты можешь затонуть во всей этой амуниции, — серьезно сказал Ларри.

— Мама, это *ужасно*. Его нельзя носить, — сказала Марго. — Ну почему ты не купила что-нибудь более современное?

— Когда ты доживешь до моих лет, милая, ты не станешь ходить в трусах и лифчике... У тебя будет не та фигура.

— Хотел бы я знать, на какую же фигуру было рассчитано вот это, — заметил Ларри.

— Ты просто безнадежна, мама, — с отчаянием сказала Марго.

— Но мне это нравится... Я же вас не прошу его носить, — воинственно возразила мама.

— Ну правильно. Это твое личное дело, — согласился Ларри. — А ты его не спимай. Может быть, потом он окажется тебе в самую пору, если для этого ты сумеешь отрастить еще три или четыре ноги.

Фыркнув от возмущения, мама ушла наверх примерять костюм. Через некоторое время она позвала нас оценить результат, и мы всей гурьбой двинулись в ее спальню. Прежде всех вошел Роджер, и, очутившись перед странным видением в пышном черном костюме с массой оборок, он поспешно отступил к двери, пятясь задом, и залился яростным лаем. Нам не сразу удалось убедить его, что это просто наша мама, но даже и после этого он все еще продолжал коситься на нее не очень доверчивым взглядом. Однако же, несмотря на все противодействие, мама не захотела расстаться со своим похожим на шатер костюмом, и в конце концов мы отступились.

В честь ее первого морского купания мы решили устроить в лунную ночь пикник на берегу залива и послали приглашение Теодору. Он был единственный из посторонних людей, кого мама могла допустить на такое торжество. И вот день великого омовения наступил. Мы припасли вина и закусок, вычистили лодку, набросали в нее подушек, и все уже было готово к отъезду, когда явился Теодор. Услыхав о нашем намерении устроить при лунном свете пикник с купанием, Теодор объявил, что сегодняшней ночью луны на небе не будет. Все тут же принялись упрекать друг друга в том, что никто не следил за лунными фазами, и спор продолжался до самых сумерек. Наконец было решено, что хочешь не хочешь, а на пикник отправляться надо, раз уж все наготове. Мы забрались в лодку, набитую едой, вином, полотенцами и сигаретами, и поплыли вдоль берега. Я с Теодором сидел на носу, мама была рулевым, а все остальные гребли по очереди. Пока мама еще не освоилась с темнотой, она искусно провела нас по кругу, так что после десяти минут энергичной гребли мы вдруг снова очутились перед пристанью, врезавшись в нее что есть силы. Расстроенная такой неудачей, мама пустилась в другую крайность, направив лодку прямо

в открытое море, и, не заметь Лесли этого обстоятельства вовремя, мы бы в конце концов оказались где-нибудь у берегов Албании. После этого управление взяла на себя Марго, и она справлялась со своим делом вполне сносно, если не считать тех критических моментов, когда она начинала волноваться и совсем забывала, что при повороте направо румпель надо отвести влево. Поэтому нам приходилось напрягать все силы и минут по десять выравнивать лодку, которую Марго направляла прямо на скалу, вместо того чтобы отвести ее от скалы. В целом же это было доброе начало маминого первого купания.

В конце концов мы благополучно добрались до залива, расстелили на песке коврики, разложили еду, выстроили на отмели батарею бутылок, чтобы они охлаждались, и торжественный момент наступил. Под громкие приветственные крики мама сбросила халат и предстала перед нами во всем блеске. В своем купальном костюме она вполне могла бы сойти, как выразился Ларри, за морской вариант памятника принцу Альберту¹. Роджер вел себя прекрасно, пока не увидел, как мама неторопливо и с достоинством ступает по мелководью. Это его очень взбудоражило. Видно, он принял купальный костюм за некое морское чудовище, которое обхватило маму со всех сторон и вот-вот утащит в глубины. С диким лаем он бросился ей на выручку, вцепился в одну из бесчисленных оборок, идущих по краю костюма, и потянул что есть силы. Мама в это время как раз успела вымолвить, что вода немножко холодновата, и вдруг почувствовала, как ее тянут назад. Она вскрикнула от испуга и, потеряв равновесие, шлепнулась в воду, а Роджер продолжал тянуть изо всех сил, пока не оторвал порядочный кусок оборки. Обрадованный, что враг распадается на части, Роджер подбодрил маму рычанием и принялся сдирать с нее остатки гнусного чудовища. Мы корчились на песке от хохота, а мама сидела на мелком месте и, еле переводя дух, старалась подняться на ноги, отбивалась в то же время от Роджера и, как могла, придерживала купальный костюм. На ее беду, костюм, сконструированный из слишком плотного материала, наполнился воздухом и, намокнув в воде, раздулся как шар. Теперь положение мамы стало еще тяжелее, так как ей приходилось управлять этим дирижаблем из оборок и складок. Спас ее Теодор. Он прогнал Роджера и помог маме подняться. После того как мы выпили по стакану вина, чтобы прийти в себя и отметить такое событие (спасение Тезеем Андромеды, как обозначил это Ларри), все пошло купаться. Мама благоразумно сидела на мелком месте. Роджер расположился рядом с нею и грозно рычал на костюм, если он пузырился или хлопал вокруг маминой талии.

¹ Огромный, пышный монумент в Лондоне, возведенный в память принца Альберта, супруга королевы Виктории.

Д Море в ту ночь светилось особенно ярко. Стоило провести рукой по воде, как на море вспыхивала широкая золотисто-зеленая лента застывшего огня, а при прыжке в воду вам казалось, что вы погружаетесь в холодный расплав сверкающего света. Вдоволь наплескавшись, мы вышли на берег, все в огненных струях, и приступили к закускам. Когда к концу ужина были откупорены бутылки, в оливах позади нас, будто по заказу, появилось несколько светлячков — увертюра к представлению.

Сначала там мигали только две или три зеленые точки, плавно скользящие среди деревьев. Но постепенно их становилось больше, и вот уже вся роща освещена фантастическим зеленым заревом. Никогда нам не приходилось видеть такого огромного скопления светлячков. Они носились облаком среди деревьев, ползали по траве, кустам и стволам, кружились у нас над головой и зелеными угольками сыпались на подстилки. Потом сверкающие потоки светлячков поплыли над заливом, мелькая почти у самой воды, и как раз в это время, словно по сигналу, появились дельфины. Они входили в залив ровной цепочкой, ритмично раскачаясь и выставляя из воды свои точно натертые фосфором спины. Посреди залива они завертелись хороводом — ныряли, кувыркались, изредка выпрыгивали из воды и снова падали в полыхающие потоки света. Вверху светлячки, внизу озаренные светом дельфины — это было поистине фантастическое зрелище. Мы видели даже светящиеся следы под водой, у самого дна, где дельфины выводили огненные узоры, а когда они подпрыгивали высоко в воздух, с них градом сыпались сверкающие изумрудные капли, и уже нельзя было разобрать, светлячки перед вами или фосфоресцирующая вода.

Почти целый час любовались мы этим ослепительным представлением, а потом светлячки стали возвращаться к берегу и постепенно рассеиваться. Вскоре и дельфины потянулись цепочкой в открытое море, оставляя за собой огненную дорожку, которая искрилась и сверкала и наконец медленно гасла, будто тлеющая ветка, брошенная в залив.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОЧАРОВАННЫЙ АРХИПЕЛАГ

С каждым днем жара становилась все сильнее. При таком пекле вести «Морскую корову» на веслах до нашего заливчика казалось нам делом изнурительным, и мы купили подвесной мотор. Приобретение этого механизма открыло для нас обширные береговые пространства, так как теперь мы

отваживались уходить гораздо дальше, совершая путешествия вдоль изрезанных берегов к самым отдаленным пустынным пляжам, золотым, как кукуруза, или серебряным — будто месяц упал там среди нагромождения камней. Только теперь я узнал, что здесь вдоль берега на целые мили тянется архипелаг мелких островков. Одни из них были довольно обширны, другие же всего лишь большие скалы с пучком случайной зелени на верхушке. По каким-то причинам, разгадать которые я не умел, архипелаг этот очень привлекал морских животных. Везде вокруг островов, в скалистых бухточках и песчаных заливчиках размером с большой стол обитала разнообразнейшая живность. Несколько раз мне удалось соблазнить всех поездкой на эти островки, но там было слишком мало удобных для купания мест, так что вскоре всем надоело жариться на горячих камнях, пока я выживал, а иногда выкапывал странных и, по их мнению, отвратительных морских обитателей. К тому же островки были расположены слишком близко у берега, иногда их отделял от него пролив не шире двадцати футов, со множеством рифов и скал. Нужна была большая осторожность, чтобы провести «Морскую корову» через эти опасные места и сохранить мотор в целости. Несмотря на мои отчаянные уговоры, поездки туда становились все реже, и я изводился от мыслей обо всех чудесных животных, каких можно было бы поймать в прозрачной воде тех заливчиков. Однако поделаться я тут ничего не мог просто потому, что у меня не было лодки. Я выпрашивал разрешение ездить туда на «Морской корове» одному, скажем, раз в неделю, но все — по разным соображениям — были против этого. И вот, когда я уже почти отчаялся, меня вдруг осенила блестящая мысль: близился день моего рождения, и, если теперь ловко повести дело, можно получить не только лодку, но и кучу другого снаряжения. Не теряя времени, я постарался довести до сведения всех, что будет гораздо лучше, если они не станут сами выбирать для меня подарки, а послушают, что мне больше всего нужно, тогда ни у кого не будет опасения разочаровать меня. Застигнутые врасплох, они согласились, но потом с некоторым беспокойством стали спрашивать, что же я хочу получить. Я с невинным видом заявил, что еще не очень-то об этом думал, но вот составлю для каждого список, и тогда они могут выбрать из него, что захотят.

На составление списков мне пришлось потратить немало времени и сил, а также придумать уйму психологических уловок. Понимая, например, что мама купит мне все, что я попрошу, я включил в ее список самые необходимые и дорогостоящие вещи: пять деревянных ящиков со стеклянным верхом и пробковой прокладкой для коллекции насекомых; две дюжины пробирок; пять пинт этилового спирта, пять пинт формалина и микроскоп. Составить список для Марго оказалось несколько труднее, так как

Д здесь выбирать надо было все с таким расчетом, чтобы она могла ходить по своим излюбленным магазинам. Поэтому от нее я требовал десять ярдов марли, десять ярдов белого коленкора, шесть больших пачек булавок, два пакета ваты, две пинты эфира, пинцет и два стержня для авторучки. Совершенно бесполезно, рассуждал я со смирением, просить у Ларри такие вещи, как формалин или булавки, но если мой список обнаружит некоторую склонность к литературе, то у меня могут быть неплохие шансы. Поэтому я взял огромный лист бумаги и сплошь исписал его заглавиями, именами авторов, издателей и ценами всех книг по естествознанию, какие только считал нужными, отметив звездочкой те, что будут приняты с особой благодарностью. Теперь у меня оставалась только одна заявка, и я решил, что на Лесли лучше нападать словесно, но момент для этого надо выбирать с большой осторожностью. Мне пришлось ждать несколько дней, прежде чем наступила эта благоприятная, на мой взгляд, минута.

Я только что помог Лесли успешно завершить затеянные им баллистические опыты, где требовалось привязать к дереву старинное, заряжающееся с дула ружье и стрелять из него при помощи длинной пружины, приделанной к спусковому крючку. На четвертой попытке мы достигли того, что Лесли, очевидно, считал успехом: ствол взорвался и куски металла с жалобным воем разлетелись во все стороны. Лесли был в восторге, он делал многочисленные пометки на обороте конверта, а потом мы вместе отправились собирать остатки ружья. И вот, во время этого занятия я спросил как бы невзначай, что он собирается подарить мне ко дню рождения.

— Не думал пока об этом, — ответил он рассеянно, с явным удовлетворением рассматривая скрученный кусок металла. — Мне безразлично... все, что хочешь... выбери сам.

Я сказал, что мне нужна лодка. Понимая, в какую он попал западню, Лесли с возмущением ответил, что лодка — слишком дорогой подарок для дня рождения, во всяком случае, ему это не по карману. Я тоже возмутился и сказал, что он сам велел мне выбирать подарок. Да, велел, согласился Лесли, но он вовсе не имел в виду лодку, потому что лодки страшно дорогие. Я сказал, что, если человек говорит «все, что хочешь», это значит все, что хочешь, в том числе и лодки, и, во всяком случае, я совсем не думал, что он должен покупать мне лодку. Я просто думал, что, уж если он столько знает о лодках, он может ее построить. Ну, а если он считает, что это будет слишком трудно...

— Разумеется, это нетрудно, — неосмотрительно сказал Лесли и поспешно добавил: — Ну... не так уж трудно. Только вот время. Для этого потребуется целая вечность. Подумай, может, нам все-таки лучше выходить с тобой два раза в неделю на «Морской корове»?

Но я был как камень. Мне нужна лодка, и я готов ждать ее.

— Ладно, ладно, — рассердился Лесли. — Сделаю тебе лодку. Но пока я буду ее строить, чтоб не вертелся около меня, понял? Держись от меня подальше. Увидишь ее только тогда, когда она будет совсем готова.

Я с радостью согласился на такие условия. И вот в течение двух недель Спиро без конца привозил на своей машине доски, а с задней веранды вместе с визгом пилы и стуком молотка неслись громкие проклятия. Весь дом был засыпан стружками, и, где бы ни появлялся Лесли, он всюду оставлял следы опилок. Я без особого труда сдерживал свое нетерпение и любопытство, потому что как раз в то время для меня нашлось еще одно дело. У нас только что закончился какой-то ремонт на задней стороне дома, и после него осталось три мешка чудесного розового цемента. Я тут же присвоил цемент себе и взялся за устройство маленьких прудов, где можно было бы держать не только пресноводную фауну, но и всех замечательных морских животных, каких я надеялся поймать на своей новой лодке. Рыть пруды в разгар лета оказалось труднее, чем я думал, но в конце концов мне все же удалось выкопать несколько вполне спосных прямоугольников и потом, плескаясь в течение двух дней в липкой каше чудесного кораллового цемента, я совсем ожил. Теперь по всему дому следы из опилок и стружек переплетались с замечательным узором розовых отпечатков.

За день до моего дня рождения вся семья совершила экскурсию в город. На это было три причины. Во-первых, всем надо было купить для меня подарки, во-вторых, пополнить запасы кладовой. Мы еще давно решили, что не будем приглашать много народу на вечер. К чему нам давка? Самое большое — десять гостей, старательно подобранных. Такое маленькое, но изысканное общество нам больше всего по вкусу. Когда все пришли к единодушному решению, каждый отправился приглашать десять гостей. К сожалению, все пригласили вовсе не одних и тех же людей, за исключением лишь Теодора, который получил пять отдельных приглашений. Только накануне вечера мама вдруг обнаружила, что у нас будет не десять гостей, а сорок пять. Третьей причиной для поездки в город была необходимость свести Лугарецию к зубному врачу. В последнее время зубы были главным несчастьем Лугареции, и доктор Андручелли, заглянув ей в рот и издав серию отрывистых звуков, объявил, что ей надо удалить все зубы, так как они причина всех ее болезней. После целой недели препирательств, омытых потоком слез, нам удалось вырвать у нее согласие, только она отказалась идти к врачу без моральной поддержки. И вот, посадив бледную, залитую слезами Лугарецию с собой в машину, мы поехали в город.

Вернулись мы вечером, измученные и злые. Автомобиль был доверху забит продуктами, а Лугареция, точно труп, лежала у нас на коленях и громко стонала. Было совершенно ясно, что завтра она будет не в состоя-

Д нии помогать маме готовить угощения или выполнять другую работу по дому. Когда мы обратились за советом к Спиро, он нахмурил брови и как всегда ответил:

— Не беспокойтесь. Предоставьте это дело мне.

Утро было насыщено событиями. Лугареция достаточно оправилась, чтобы взяться за легкую работу. Она ходила за нами по дому, с гордостью показывала кровоточащие провалы в деснах и подробно описывала, какие ей пришлось пережить муки с каждым зубом. Я внимательно осмотрел подарки, выразил всем благодарность, а потом отправился с Лесли к задней веранде, где возвышалось таинственное сооружение, покрытое брезентом. С видом фокусника Лесли сдернул брезент, и я увидел свою лодку. Лучшей лодки, конечно, никогда ни у кого не было. Я смотрел на нее с восторгом. Она стояла передо мной и поблескивала свежей краской — мой резвый конь к очарованному архипелагу.

Лодка имела семь футов в длину и была почти круглая по форме. Как поспешил объяснить Лесли (на случай, если я подумаю, что такая форма вызвана недостатком мастерства), причина заключалась в том, что доски были слишком коротки для каркаса. Объяснение меня вполне удовлетворило. В конце концов, такая досадная вещь могла случиться со всяким. Я решительно заявил, что форма у лодки прекрасна, да я и в самом деле так думал. У нее не было ни стройности, ни гладкости, ни того хищного вида, какой бывает у большинства лодок. Она казалась мирной, круглой и какой-то уютной в своей компактности и напоминала мне важного скарабея — насекомое, которое я очень любил. Лесли, обрадованный моим неподдельным восторгом, постарался объяснить, что ему пришлось сделать лодку плоскодонной, так как по разным техническим причинам такая конструкция была самой безопасной. Я сказал, что люблю плоскодонки больше всего, потому что в них можно ставить банки с образцами на дно без всякого риска. Лесли спросил, нравится ли мне окраска лодки, сам он был не очень в ней уверен. Я считал, что именно окраска придавала лодке такой замечательный вид. Внутри лодка была зеленая и белая, а ее пузатые бока со вкусом расписаны белыми, черными и ярко-оранжевыми полосками. Такое сочетание красок показалось мне очень красивым и приятным. Потом Лесли показал мне гладкий кипарисовый шест, предназначенный для мачты, и объяснил, что, пока лодка не будет спущена на воду, его нельзя устанавливать. Сгорая от нетерпения, я предложил спустить лодку, не откладывая. Лесли, любивший во всем порядок, сказал, что нельзя спускать судно на воду, не окрестив его сначала. Могу ли я предложить какое-нибудь название? Это была трудная задача, для ее решения пришлось призвать на помощь всех остальных. Они обступили лодку, словно гигантский цветок, и стали шевелить мозгами.

— Не назвать ли ее «Веселый Роджер»? — спросила Марго.

Я с презрением отверг это предложение и объяснил, что мне надо какое-нибудь *круглое* название, которое бы сочеталось с внешним видом лодки и ее свойствами.

— «Паташон» — рассеянно предложила мама.

Это слово тоже не годилось. Лодка просто была не похожа на Паташона.

— Назови ее «Ковчег», — подал голос Лесли, но я покачал головой.

Все опять безмолвно уставились на лодку. И вдруг меня осенило! Отличное название: «Бутл» — вот как я ее назову. И слово уютное, круглое, и город такой есть, где строят корабли.

— Очень хорошо, милый, — одобрила мама.

— А я только что хотел предложить «Толстогузый», — сказал Ларри.

— Ларри, милый, — укоризненно посмотрела на него мама, — не надо учить мальчика таким вещам.

Я старался обмозговать предложение Ларри. Конечно, название было необычным, но ведь «Бутл» тоже необычное слово. И то и другое, кажется, отвечало и форме и особенностям лодки. После долгих размышлений я наконец решил, как мне поступить. Достав банку с черной краской, я старательно вывел на борту большими подплывающими буквами: «Бутл-Толстогузый». Ну вот, это будет не только необычное, но и аристократическое имя, написанное через дефис. Чтоб успокоить маму, я обещал в разговоре с посторонними называть лодку «Бутл». Когда вопрос с названием был улажен, мы приступили к спуску лодки на воду. Для этого потребовались объединенные усилия Марго, Питера, Лесли и Ларри, которые снесли лодку вниз, к пристани, в то время как мы с мамой шли сзади с матчей и бутылочкой вина, чтобы ознаменовать спуск должным образом. В конце пристани все остановились, изнемогая под тяжестью лодки, а мы с мамой принялись откупоривать бутылку.

— Что вы там возитесь? — раздраженно спросил Ларри. — Ради бога, поторопитесь. Я не привык изображать стапеля. Наконец нам удалось вытащить пробку, и я внятным голосом объявил, что нарекаю это судно именем «Бутл-Толстогузый», после чего хлопнул бутылкой о пузатый борт, ближе к корме, но так неудачно, что полпинты вина выплеснулось на голову Ларри.

— Осторожно! — возмутился он. — Кого ты собираешься спускать на воду?

С силой размахнувшись, они наконец сбросили лодку с пристани, и та с пушечным выстрелом шлепнулась на свое плоское дно, разбрызгивая во все стороны воду, и потом уверенно запрыгала на волнах. У нее был чуть приметный крен на правый борт, но я великодушно приписал это белому вину, а не мастерству Лесли.

Д — Ну вот! — командовал Лесли. — Поставим мачту... Марго, держи нос... вот так... Питер, если вы пройдете на корму, мы с Ларри передадим вам мачту... надо только вставить ее вон в то углубление.

Пока Марго лежала на животе, удерживая нос лодки, Питер ловко прыгнул на корму и, широко расставив ноги, приготовился принимать от Ларри и Лесли мачту.

— Эта мачта, Лесс, кажется мне несколько длинноватой, — заметил Ларри, окидывая ее критическим взглядом.

— Ерунда! — ответил Лесли. — Станет на место, будет в самый раз. Ну что, Питер, вы готовы?

Питер кивнул, приосанился, крепко схватил мачту обеими руками и опустил ее в гнездо. Потом отступил назад, отряхнул руки, и «Бутл» со скоростью, удивительной для его габаритов, опрокинулся вверх дном. Питер в своем единственном приличном костюме, который он надел в честь моего дня рождения, исчез под водой почти без всплеска. На поверхности остались только его шляпа, мачта и ярко-оранжевое дно «Бутла».

— Он утонет! Утонет! — закричала Марго, всегда ожидавшая самого худшего.

— Ерунда! Здесь не так уж глубоко, — сказал Лесли.

— Я ведь говорил, что мачта слишком длинная, — сладким голосом проворковал Ларри.

— И вовсе она не длинная, — со злостью огрызнулся Лесли. — Просто этот дурень неправильно ее вставил.

— Не смей называть его дурнем, — сказала Марго.

— Нельзя же придумать двадцатифутовую мачту к такой вот лоханке и думать, что она не перевернется.

— Если ты такой уж умник, почему ты сам не построил лодку?

— Меня никто не просил... К тому же ты считаешься знатоком, хотя я сомневаюсь, чтобы тебя держали на верфях в Клайдсайте.

— Очень смешно! Всегда легче критиковать... А все потому, что этот дурень...

— Как ты смеешь называть его дурнем?

— Ладно, ладно, не стоит ругаться, милые, — миролюбиво говорила мама.

— Но у Ларри такой менторский тон...

— Слава богу! Он выплыл, — радостно воскликнула Марго, когда перемазанный, мокрый Питер появился на поверхности.

Мы вытащили его из воды, и они с Марго помчались домой, чтобы успеть высушить костюм к вечеру. Остальные, не переставая спорить, отправились следом за ними. Лесли, задетый за живое критикой Ларри, облачился в трусы, взял огромный учебник по конструированию яхт, прихватил

рулетку и отправился спасать свое детище. Весь остаток утра он отпиливал от мачты кусок за куском, пока лодка не перестала переворачиваться, однако к тому времени высота мачты едва достигала трех футов. Лесли не мог понять, в чем дело, но обещал поставить новую мачту, как только он разработает все детально. Привязанный к пристани «Бутл» стоял там во всем своем блеске, напоминая бесхвостую пеструю кошку.

Вскоре после ленча явился Спиро. Он привел с собой высокого пожилого человека с внешностью посла. Как объяснил Спиро, это был бывший дворецкий греческого короля, он согласился нарушить свой покой, чтобы помочь нам организовать вечер. После этого объяснения Спиро выставил всех из кухни и остался там наедине с дворецким. Позднее я подкрался к окну и заглянул в него. Дворецкий стоял в жилете посреди кухни и протирал рюмки, а Спиро, нахмурившись и напевая песенку, расправлялся с грудой овощей. Время от времени он подходил к стене, где выстроилось семь жаровен, и дул на угли, заставляя их вспыхивать рубиновым пламенем.

Первым прибыл Теодор в своем лучшем, парадном костюме, сияющих башмаках и на сей раз без всякого снаряжения для сбора коллекций. В одной руке Теодор держал трость, в другой аккуратно перевязанный пакет.

— Ага! Поздравляю с днем рождения, — сказал он, пожимая мне руку. — Я принес тут... э... маленькое... э... напоминание... маленький дар, то есть подарок, чтобы отметить годовщину... гм.

Сорвав обертку, я с радостью увидел, что это был толстый том под названием «Фауна прудов и рек».

— Думаю, что это будет полезным... гм... дополнением к твоей библиотеке, — сказал Теодор, раскачиваясь на носках. — Тут есть очень интересные сведения о... э... самых распространенных пресноводных обитателях.

Постепенно стали съезжаться и другие гости, заполняя пространство перед домом извозчиками и такси. В большой гостиной и столовой было полно людей. Все говорили, смеялись, а дворецкий (облаченный, к моему ужасу, во фрак) передвигался от одного гостя к другому, будто почтенный пингвин, и разносил напитки и закуски с таким царственным видом, что у большинства гостей появилось сомнение, действительно ли это дворецкий или просто какой-нибудь гостящий у нас экстравагантный родственник. Внизу, на кухне, среди кастрюлек и сковородок суетился Спиро. Лицо его, раскрасневшееся от пламени жаровен, было нахмурено, он поглощал невероятное количество вина и громко пел песню своим низким голосом. Воздух был пропитан запахами чеснока и трав. Между кухней и гостиной на порядочной скорости носилась Лугареция. Иногда ей удавалось загнать в угол какого-нибудь несчастного гостя и там, подставив ему

Д под самый нос тарелку с едой, подробно описывать свои муки у зубного врача.

Гости все прибывали, и ко мне продолжали поступать подарки. Большинство из них, по-моему, никуда не годилось, так как их нельзя было приспособить для естественно-научных исследований. Самым лучшим подарком, с моей точки зрения, были два щенка. Их принесли мои деревенские знакомые, жившие в доме неподалеку. Один щенок был коричнево-белый с большими рыжими крутами вокруг глаз, другой угольно-черный и тоже с большими рыжими крутами. Поскольку это был подарок, мои родные, конечно, не могли его не принять. Роджер разглядывал щенков с любопытством и подозрением. Чтобы дать им возможность лучше познакомиться друг с другом, я запер их всех в столовой вместе с большой тарелкой разных лакомств. Результат был не совсем тот, которого я ожидал. Когда поток гостей настолько возрос, что нам пришлось распахнуть двери в столовую и впустить туда часть людей, все увидели сидящего на полу хмурого Роджера и двух весело прыгавших вокруг него щенков. Обильно изукрашенный пол не оставлял у нас сомнений, что оба новых пришельца ели и пили в свое полное удовольствие. Ларри предложил назвать их Выюном и Пачкуном, что сильно возмутило маму, однако имена прижились, и щенки так и остались — Выон и Пачкун.

Все прибывавшие гости выплескивались сначала из гостиной в столовую, а потом через стеклянные двери на веранду. Собираясь к нам, некоторые думали, что им придется у нас скучать, но уже примерно через час, увидев, как тут весело, они отправлялись домой и привозили всю свою родню. Вино лилось рекой, воздух посинел от табачного дыма, а смех и шум так перепугали гекконов, что все они попрятались по щелям в потолке. В одном углу комнаты Теодор отважился снять свой пиджак и вместе с Лессом и некоторыми другими развеселившимися гостями отплясывал каламасыяно. От их прыжков и топота пол ходил ходуном. Дворецкого, выпившего, должно быть, чуть больше, чем полагалось, очень увлек этот национальный танец. Отставив в сторону поднос, он тоже присоединился к танцующим и, несмотря на свой возраст, прыгал и стучал ногами не хуже других, так что за спиной у него взлетали фалды фрака. Мама улыбалась какой-то неестественной, отчаянной улыбкой. По одну сторону от нее сидел английский пастор, глядевший на наше веселье со все большим неодобрением, по другую — бельгийский консул, который подкручивал усы и без передышки щебетал над самым ее ухом. Из кухни вышел Спиро, чтобы посмотреть, куда подевался дворецкий, но тотчас же стал танцевать вместе со всеми каламасыяно. По комнате плавали воздушные шары, ударялись о ноги танцующих и неожиданно лопались с оглушительным треском. На веранде Ларри старался разучить с греками несколько самых остроумных

английских стихотворных шуток. Оба щенка устроились на ночлег в чьей-то шляпе. Пришел доктор Андручелли и стал извиняться перед мамой за опоздание.

— Это из-за жены, мадам. Она только что произвела на свет младенца, — сказал он с гордостью.

— О, поздравляю, доктор, — сказала мама. — Надо выпить за них.

Море было по-утреннему спокойное и восток уже начинал алеть, когда мы, зевая, стояли у парадного подъезда, а вдали замирал стук последнего экипажа. Потом я забрался в постель (в ногах у меня Роджер, с каждой стороны по щенку, вверху, на карнизе, распустил свои перья Улисс). Я смотрел через окно на небо, где розовая краска, разливаясь над верхушками олив, гасила звезды одну за другой, и думал, что в общей сложности день моего рождения прошел очень даже хорошо.

Рано утром я упаковал снаряжение, взял немного еды и в компании Роджера, Вьюна и Пачкуна отправился в вояж на «Бутле». Море было спокойное, на ярко-синем небе сияло солнце, дул легкий ветерок. Это был идеальный день. «Бутл» двигался с благородной неторопливостью, на носу его, точно вахтенный, сидел Роджер. Вьюн с Пачкуном носились от одного борта к другому, боролись, норовили перегнуться через борт, чтобы хлебнуть воды, и вообще вели себя по-сухопутному, как самые жалкие новички.

Какая радость иметь собственную лодку! Приятно сознавать свою силу, когда ты сидишь на веслах и чувствуешь, как лодка продвигается вперед, рассекая воду с таким звуком, будто рвется шелк; солнце ласково греет спину и зажигает на поверхности моря сотни разноцветных огней; ты с трепетом прокладываешь себе путь сквозь сложный лабиринт покрытых водорослями рифов, мерцающих почти у самой поверхности воды. Я даже с удовольствием рассматривал образовавшиеся у меня на ладонях волдыри, отчего руки мои стали неловкие и непослушные.

Хотя потом я все время плавал на «Бутле» и пережил немало приключений, но с этой первой поездкой ничто сравниться не могло. И море тогда было синее, и вода прозрачнее, чем всегда, и залитые солнцем острова казались более уединенными и более прекрасными, и морские животные как будто специально собрались в бухточках и проливчиках, чтобы приветствовать меня и мою новую лодку. Футах в ста от одного маленького островка я поднял весла, пробрался на нос, лег там рядом с Роджером и стал разглядывать сквозь толщу кристально прозрачной воды морское дно, в то время как «Бутл» продолжал плыть к берегу с легкостью целлулоидной утки. Его похожая на черепаху тень скользила по дну, и предо мной развертывался многоцветный живой ковер из морских обитателей.

Д На серебристых песчаных прогалинах гроздьями торчали приоткрытые раковины моллюсков-разинек. Иногда между их жесткими краями виднелся крохотный бледно-кремовый краб-горошинка, хилое, дегенеративное создание с мягкой скорлупой, живущее паразитической жизнью под защитой волнистых створок крупных раковин. Интересно было поднять тревогу в колонии этих моллюсков. Когда они оказывались как раз под моей лодкой, я осторожно опускал в воду ручку от сачка для бабочек и слегка постукивал по раковине. Створки моментально защелкивались, от их движения взметалось облачко белого песка, закручиваясь маленьким смерчем. Когда сигналы тревоги распространялись по воде, все остальные раковины в колонии, и справа и слева, в одно мгновение захлопывались, повсюду взвивались маленькие вихри песка и потом серебряной пылью снова осаждались на дно. Рядом с моллюсками обитали серпулиды — венчики красивых пушистых лепестков на конце длинной, толстой трубки сероватого цвета. Всегда подвижные, золотисто-оранжевые и голубые лепестки казались удивительно не на месте на конце этих толстых обрубков — прямо орхидея на ножке гриба. У серпулид тоже существовала система для приема сигналов тревоги, только гораздо чувствительней, чем у разинек. Палка сачка была еще в шести дюймах от водоворота мерцающих лепестков, а они все вдруг вытянулись вверх, сцепились в пучок и стремительно упали внутрь створки, так что из песка теперь торчали лишь невзрачные столбики, похожие на куски миниатюрного шланга.

На рифах, покрытых слоем воды всего на несколько дюймов и обнажавшихся во время отливов, скапливалось огромное количество животных. Из углублений на вас таращились и махали плавниками надутые морские собачки со своими толстыми негритянскими губами, придающими их мордочкам дерзкое выражение. В тенистых трещинах среди водорослей виднелись кучки морских ежей, похожих на плоды конских каштанов в блестящей бурой кожуре. Их иглы, словно стрелки компаса, поворачивались в направлении возможной опасности. Кругом лепились пухлые, глянцевитые актинии, щупальца их исполняли какой-то чувственный восточный танец, пытаясь схватить проплывавших мимо прозрачных как стекло креветок. Из темных подводных пещер я выгнал маленького осьминога. Заливаясь темно-бурой краской, он, как Медуза горгона, опустился на камни и глядел на меня довольно грустными глазами из-под купола своей лысой головы. Стоило мне чуть пошевелиться, как он выбросил облако темных чернил, расплывшихся в прозрачной воде, и под его прикрытием пустился наутек. Вытянув назад щупальца, он несясь по воде, будто воздушный шар с выпелом.

На поверхности рифов встречались толстые зеленые крабы, машущие клешнями как бы в дружеском приветствии, а внизу, на покрытом водо-

рюслями дне, — крабы-пауки с их необычным, колючим панцирем и длинными, тонкими ногами. Каждый из этих крабов носит на себе водоросли, губки, иногда актинию. Везде на рифах, среди скоплений водорослей и на песчаном дне двигались сотни раковин-волчков, искусно расписанных полосками и пятнами синего, серебряного, серого и алого цвета, а из-под них выглядывала довольно сердитая красная физиономия рака-отшельника. Раковины передвигались, будто нескладные фургончики, сталкивались друг с другом, пролезали сквозь водоросли или быстро проносились по песчаному дну среди торчащих разинек и горгонарий.

Солнце склонялось к западу. Вода в заливчиках и под руинами коралловых замков становилась шиферно-серой от вечерних теней. Я направлялся домой. Чуть поскрипывали весла, и «Бутл» медленно продвигался вперед. Вьюн с Пачкуном крепко спали, истомленные солнцем и морским воздухом. Лапы у них подергивались, рыжие пятна вокруг глаз шевелились, когда щенки бегали во сне за крабами среди нескончаемых рифов. Роджер сидел в окружении стеклянных банок и пробирок, где плавали крохотные рыбки, шевелились щупальца актиний, крабы-пауки упирались тонкими клешнями в стенки своей стеклянной тюрьмы. Роджер с опасением заглядывал в банки, изредка вскидывал на меня глаза и, торопливо вильнув хвостом, снова погружался в свои исследования. Морская фауна страстно увлекала его.

Солнце уже пряталось за стволами олив и на море лежали золотые и серебряные полосы, когда круглая корма «Бутла» легонько толкнулась в пристань. Голодный, усталый, умирающий от жажды, с вихрем разнообразных впечатлений в голове, я медленно взбирался вверх по склону, и следом за мной плелись три полусонные собаки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

БЕСПОКОЙНАЯ ЗИМА

В конце лета я, к немалой своей радости, вновь оказался без учителя. К тому времени мама обнаружила, что Марго и Питер, по ее деликатному определению, «чересчур влюбились друг в друга». Поскольку все остальные были единодушны в своем осуждении Питера как возможного родственника в будущем, что-то надо было предпринимать. Единственным вкладом Лесли в разрешение этой проблемы было предложение застрелить Питера, но оно по некоторым причинам не было принято всерьез. Мне эта мысль

А показалась блестящей, однако я был в меньшинстве. Предложение Ларри отправить счастливую пару на месяц в Афины и тем самым, как он объяснил, вылечить их, мама отвергла на том основании, что это было бы безнравственно. Она решила просто расчитать Питера, и тот немедленно скрылся, а нам пришлось иметь дело с трагическими переживаниями, слезами и бурными протестами Марго, которая, задрапировавшись в темные одежды, исполняла свою роль блистательно. Мама утешала ее, говорила ей всякие ласковые банальности, Ларри читал ей лекции о свободной любви, а Лесли неизвестно почему решил играть роль оскорбленного брата. Он появлялся время от времени, размахивал пистолетом и угрожал пристрелить Питера как собаку, если тот еще раз переступит порог нашего дома. Залитая слезами Марго делала трагические жесты и говорила нам, что жизнь ее разбита. Спиро, как и всякий человек, любивший драматические ситуации, из сочувствия проливал слезы вместе с нею и рассылал по всем пристаням своих многочисленных друзей, беспокоясь, как бы Питер не вернулся снова на остров. События эти доставляли всем нам огромное удовольствие. Как раз в тот момент, когда они вроде бы подходили к своему естественному концу и Марго уже могла съесть целый обед, не разразившись слезами, пришла записка от Питера, извещавшего, что он вернулся за нею. Охваченная паникой Марго показала записку маме, и вся семья с восторгом бросилась разыгрывать новый фарс. Спиро усилил охрану пристаней. Лесли смазал свои ружья и упражнялся в стрельбе по вырезанной из картона человеческой фигуре, укрепив ее на фасаде дома, Ларри то уговаривал Марго переодеться крестьянкой и бежать в объятия к Питеру, то советовал выбросить дурь из головы. Обиженная Марго заперлась на чердаке, не желая никого впускать, кроме меня, так как я был единственный член семьи, который не становился ни на чью сторону. Она лежала там, залитая слезами, и читала томик стихов Теннисона. Иногда Марго прерывала это занятие и набрасывалась на еду (которую я приносил ей на подносе), поглощая ее с завидным аппетитом.

На чердаке Марго просидела неделю. Вывело ее оттуда событие, ставшее кульминационным пунктом всей этой истории. Лесли обнаружил, что с «Морской коровы» исчезли кое-какие мелкие вещи, и заподозрил рыбаков, проплывавших ночью мимо пристани. Решив как следует проучить воров, он привязал к окну своей спальни три длинноствольных дробовика, нацеленных вниз, на пристань. При помощи хитроумного приспособления Лесли мог выстрелить из всех стволов по очереди, не вставая даже с постели. Расстояние, конечно, было слишком велико, чтобы причинить какой-либо вред, но свист дроби, пробивающей листья олив, и всплески воды, когда дробинки посыплются в море, будут, думал он, достаточно хорошим от-

путивающим средством. Лесли был так упоен своим блестящим замыслом, что никому даже о нем не сказал.

Вечером мы все разошлись по своим комнатам и занялись каждый своим делом. В доме наступила тишина. Снаружи в теплом ночном воздухе раздавался тихий треск сверчков. Неожиданно весь дом задрожал от оглушительных выстрелов, прогремевших друг за другом, и внизу залаяли все собаки. Я выскочил на лестничную площадку, где было уже настоящее столпотворение: собаки, примчавшиеся сюда в полном составе, чтобы принять участие в общем веселье, прыгали во все стороны и заливались визгливым лаем. Мама с безумным лицом выскочила из спальни в своей пышной ночной рубашке, решив, что это Марго покончила жизнь самоубийством. Разъяренный Ларри вылетел из своей комнаты, желая узнать причину шума, а Марго, уверенная, что это Лесли застрелил вернувшегося за нею Питера, никак не могла открыть замок на чердаке и вопила не своим голосом.

— Она сделала глупость, она сделала глупость, — причитала мама, изо всех сил стараясь оторвать от себя Вьюна и Пачкуна, которые с сердитым рычанием тянули ее за край рубашки, вообразив, что все это просто веселая ночная игра.

— Всему есть предел... Нельзя даже поспать спокойно, — ревел Ларри. — Эта семья сведет меня с ума.

— Не троньте его... оставьте его в покое... трусы несчастные, — доносился пронзительный, плаксивый голос Марго, которая все еще отчаянно пыталась отпереть дверь чердака.

— Успокойтесь... Это только грабители, — выкрикнул Лесли, распахивая дверь своей комнаты.

— Она еще жива... жива... отцепите этих собак...

— Как вы смеете его убивать? Выпустите меня отсюда, выпустите...

— Не шуми, это только грабители...

— Целый день взрывы и звери, потом эта чертова пальба, дюжина салютов посреди ночи... Нет, оригинальность заходит слишком далеко...

Мама наконец пробилась к чердаку, волоча за собой щенков, вцепившихся в край ее ночного одеяния, и, вся бледная и дрожащая, распахнула дверь, оказавшись лицом к лицу с такой же бледной и дрожащей Марго. После долгой неразберихи мы выяснили наконец, что произошло и что каждый из нас думал. Мама, у которой зуб на зуб не попадал от нервной дрожи, строго отчитывала Лесли.

— Нельзя делать таких вещей, милый, — говорила она. — Это просто глупо. Если ты собираешься палить из своих ружей, предупреждай нас, по крайней мере.

Д — Да, — оживился Ларри, — сделай нам такое небольшое предупреждение. Крики «полундра», что ли.

— Не понимаю, как можно захватить грабителей врасплох, если я стану выкрикивать предупреждения, — обиделся Лесли.

— Черт меня побери, если я понимаю, почему нас-то всех надо захватывать врасплох, — сказал Ларри.

— Ты можешь позвонить в звонок или что-нибудь там еще. Только пожалуйста, милый, не делай так больше... Я от этого прямо заболеваю.

Однако событие это вытащило Марго с чердака, что, по словам мамы, уже было благом.

Хотя Марго стала теперь здороваться со всеми, она по-прежнему предпочитала лечить свое разбитое сердце в одиночестве, удаляясь куда-нибудь на долгое время в обществе одних только собак. Когда начал задувать свирепый осенний сирокко, она решила, что лучше всего ей уединиться на небольшом островке в заливе, как раз против нашего дома, примерно в полумиле от берега. И вот однажды она отвязала «Бутла» (без моего разрешения), впихнула туда собак и направилась к острову помечтать о любви.

Только часам к пяти с помощью полевого бинокля мне удалось обнаружить, куда делась моя лодка и вместе с нею Марго. Разозлившись, я по глупости сообщил маме о местонахождении Марго и добавил, что она не имеет права брать мою лодку без спросу. Кто мне построит новую, если «Бутл» потонет? Сирокко уже завывал вокруг дома, словно стая волков. Мама, охваченная сильной тревогой за судьбу, как я было подумал, моей лодки, бросилась наверх, схватила полевой бинокль и, высунувшись из окна, стала разглядывать залив. Лугареция, рыдая и заламывая руки, тоже поднялась наверх, и теперь они обе, вне себя от беспокойства, бегали от окна к окну и всматривались в кипящий белой пеной залив. Мама хотела немедленно послать кого-нибудь на спасение Марго, но послать было некогда. Ей оставалось только сидеть на окне и не выпускать из рук бинокля, в то время как Лугареция возносила молитвы святому Спиридону и рассказывала маме длинную и сложную историю о том, как ее дядя утонул вот при таком же сирокко. К счастью, в рассказе Лугареции мама из семи слов могла понять только одно.

Через некоторое время Марго, очевидно, решила, что ей лучше вернуться домой, пока сирокко не стал еще свирепее. Мы увидели, как она пробирается среди деревьев к тому месту, где на причале метался и прыгал «Бутл». Марго продвигалась очень медленно и как-то странно. Два раза она падала, потом ярдах в пятидесяти от лодки остановилась и стала кружиться на месте. Должно быть, никак не могла увидеть лодку. По лаю Роджера она наконец отыскала ее, но тут ей долго пришлось провозиться со щенками, не желавшими занять свои места. Они не возражали прокатиться на

лодке в хорошую погоду, но в бурном море не бывали ни разу и теперь не горели желанием там побывать. Когда Вьон был благополучно водворен в лодку, Марго повернулась к Пачкуну. Пока она ловила его, Вьон снова выскочил на берег, и так повторялось несколько раз, но потом ей все же удалось загнать обоих щенков, она прыгнула вслед за ними и принялась энергично грести, пока не заметила, что у нее не отвязана лодка.

Затаив дыхание, мама следила, как «Бутл» продвигался по заливу.

Лодка сидела низко в воде и не всегда была видна. Как только она исчезала за особенно высокой волной, мама в тревоге замирала, уверенная, что лодка со всей командой пошла ко дну. Потом отважный оранжево-белый шарик снова появлялся на гребне волны, и мама переводила дыхание. Марго шла каким-то особенным курсом. «Бутл» вертелся в разные стороны по всему заливу, и иногда даже его нос обращался к Албании. Два или три раза Марго неуверенно поднималась на ноги, внимательно оглядывала горизонт, прикрыв глаза ладонью, потом садилась на место и снова начинала грести. Когда лодка оказалась наконец на расстоянии оклика от берега (скорее по воле случая, чем по воле Марго), мы все спустились к пристани и сквозь шум волн и рев ветра стали подавать всякие советы. Следуя нашим указаниям, Марго доблестно гребла к берегу, и вскоре лодка с такой силой стукнулась о пристань, что мама чуть не упала в воду. Собаки выскочили из лодки и стрелой понеслись вверх по склону, опасаясь, должно быть, что их заставят совершить еще одно путешествие с тем же капитаном. Когда с нашей помощью Марго вышла на берег, нам стала ясна причина ее странного мореходства. Приехав на остров, она сразу растянулась на солнышке и крепко заснула. Разбудил ее шум ветра. После трехчасового сна на жарком солнце глаза ее сильно распухли и заплыли, так что она с трудом различала предметы вокруг себя. Ветер и брызги довершили дело, и, когда Марго добралась до пристани, она уже вообще ничего не видела. Кожа у нее сгорела до красноты, а веки так раздулись, что теперь она стала похожа на очень свирепого раскосого пирата.

— Знаешь, Марго, я иногда думаю, в здравом ли ты уме, — сказала мама, промывая ей глаза холодным чаем. — Ты ведешь себя ужасно глупо.

— Все это вздор, мама! — отозвалась Марго. — Вечно ты поднимаешь шум из-за пустяков. Такое могло случиться с кем угодно.

Но это происшествие, видимо, исцелило разбитое сердце Марго, так как она больше не совершала одиноких прогулок и не уплывала на лодке. Ее поведение снова стало нормальным, насколько это было возможно для Марго.

Зима на острове наступает исподволь. Небо еще было ясное, море спокойное и синее, солнце по-летнему теплое. Но что-то уже переменилось в воздухе. Густо устилавшие землю желтые и красные листья радостно шеп-

Д тались между собой, перебегали с места на место и пестрым хороводом кружились среди деревьев. Как будто они пробовали свои силы, как будто готовились к чему-то и говорили об этом взволнованными, шуршащими голосами, столпившись вокруг дерева. Птицы тоже собирались небольшими стайками, ерошили свои перышки, щебетали раздумчиво. Весь воздух за- таился в ожидании, будто огромный зал перед поднятием занавеса. Потом в одно прекрасное утро вы открываете ставни, бросаете поверх оливковых деревьев через голубые воды залива взгляд на рыжевато-бурые горы мате- рика и узнаете, что настала зима, потому что на каждой вершине надета снежная шапочка. Ожидание теперь становится все напряженной почти с каждым часом.

Через несколько дней белые облачка открыли свой зимний парад. Мяг- кие и круглые, длинные и растрепанные или маленькие и кудрявые, они разбегались по небу, словно стадо овец, подгоняемые сзади ветром. Снача- ла ветер был теплый и дул легкими порывами, играл серебристой листвой в оливковых рощах, тихо раскачивал кипарисы, взвивал вдруг веселым вих- рем опавшие листья. Он задорно трогал перья на спине воробышек и без предупреждения бросался на чашек, так что те внезапно останавливались в воздухе, стараясь выгнуть против ветра свои белые крылья. Хлопали став- ни, начинали вдруг дребезжать двери. Но дни все еще стояли солнечные, море было спокойное, а горы в своих разорванных снежных шапках — по-легшему смуглые и умиротворенные.

Ветер ласково играл с островом примерно с неделю, похлопывал его, поглаживал, распевая среди голых ветвей. Потом наступило затишье, не- сколько удивительно спокойных дней, и вдруг, когда вы меньше всего ожи- дали, ветер вернулся снова. Но это был уже совсем другой ветер, серди- тый, свистящий, ревущий ветер, который набросился на остров и хотел смести его в море. Тонкая серая пелена растянулась над землей, голубое небо исчезло. Море стало темно-синим, почти черным, и покрылось белы- ми барашками. Кипарисы метались по небу темными маятниками, оливко- вые деревья (все лето такие окаменелые, такие неподвижные, будто их за- колдовали) были охвачены безумием, скрипели на своих толстых, корявых стволах, шумели перламутрово-зеленой листвой. Так вот о чем шептались опавшие листья, вот к чему готовились! Теперь они взлетали высоко в воз- дух и кружились там в ликующем вихре, а потом, когда ветер, утомленный этой игрой, оставлял их, они плавно опускались вниз и без сил падали на землю. Вслед за ветром приходили дожди, но это были теплые дожди, при- ятные для прогулок. Крупные, тяжелые капли барабанили по ставням, вы- бивали дробь на виноградных листьях, мелодично журчали в канавах. Реки в Албанских горах вздулись и, сердито оскалив белые зубы, мчались к

морю, подмывая свои берега и захватывая обломки стволов, ветки, пучки травы. Они выносили все это летнее наследие в темно-синий залив, где теперь плавала всякая всячина и крутилась пузырями грязь. Пузыри понемногу лопались, море из синего превращалось в желто-бурое. Потом налетал ветер и, разрывая поверхность залива, лепил из воды тяжелые волны, похожие на огромных коричневых львов с белой гривой, которые подкрадывались к берегу и неожиданно бросались на него.

Это была охотничья пора. Крупное озеро Бутринто на материке, покрытое у берегов звенящей корочкой льда, было усеяно стаями диких уток. На бурых склонах гор, размытых дождями, в густых зарослях скрывались зайцы, косули, кабаны, кормившиеся корневищами и луковицами, вырытыми из мерзлой земли. На острове среди болот и озерков бродили бекасы, ковыряли землю своими упругими длинными клювами и вепархивали у вас из-под ног со звоном летящей стрелы. В оливковых рощах, в миртовых зарослях прятались неуклюжие, жирные вальдшнепы. Потревоженные, они с оглушительным треском крыльев снимались с места и уносились прочь, как осенние листья по ветру.

Лесли в ту пору был в безумном упоении. С компанией таких же страстных охотников он раз в две недели ездил на материк и возвращался домой с огромной кабаньей тушей, связками окровавленных зайцев и большими корзинами, полными пестрых уток. Грязный, небритый, пропахший ружейным маслом и кровью, Лесли с сияющими глазами излагал нам подробности охоты. Шагая по комнате, он изображал, где и как он сам стоял, где и как вышел из укрытия кабан, грохот выстрела, эхом раскатившийся по горам, легкий удар пули и предсмертные сальто кабана, упавшего в вереск. Он описывал все это с такой живостью, что нам казалось, будто мы сами присутствовали на охоте. То он был кабаном, пробовал ветер, тревожно метался среди камышей, глядел из-под щетинистых бровей и прислушивался к суете загонщиков и собак, то одним из загонщиков, который осторожно пробирается сквозь высокую траву и кустарник, смотрит то в одну, то в другую сторону и издает странный булькающий крик, подымая дичь. Потом, когда кабан выходил из укрытия и, пыхтя, бросался вниз по склону, Лесли вскидывал к плечу воображаемое ружье и стрелял. Ружье, как настоящее, отдавало ему в плечо, а в углу комнаты кувыркался кабан и замертво падал на землю.

Мама не придавала особого значения охотничьим вылазкам Лесли, пока он не принес своего первого кабана. Оглядев громадную мускулистую тушу и острые клыки, приподнявшие верхнюю губу в сердитом оскале, мама слегка оторопела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Я просто не представляла, что они такие огромные. Надеюсь, ты будешь вести себя осторожно, милый.

Д — Никакой опасности, — сказал Лесли, — если только он не выйдет из укрытия прямо перед вашим носом. Вот тогда будет горячее дельце, потому что, если вы промахнетесь, он насыдет на вас.

— Это очень опасно, — сказала мама. — Я не представляла, что они такие огромные... Такому зверю ничего не стоит убить или ранить тебя, милый.

— Нет-нет, мама. Это совершенно безопасно, если только он не выйдет перед носом.

— Не вижу никакой опасности даже и в таком случае, — сказал Ларри.

— Это почему же? — спросил Лесли.

— Ну, если он бросится на тебя и ты промахнешься, почему бы тебе не перепрыгнуть через него?

— Что за чепуха, — усмехнулся Лесли. — Эти зверюги достигают трех футов в плечах и проворны как черти. Ты просто не успеешь перепрыгнуть через них.

— Ну почему же? — сказал Ларри. — Мне кажется, что не труднее, чем прыгнуть через стул. Если нельзя перепрыгнуть просто так, можно перепрыгнуть с каким-нибудь упором.

— Все это болтовня. Ты просто не видел, как они несутся. Через них нельзя перепрыгнуть ни так, ни этак.

— Вам, охотникам, всегда не хватает воображения, — сказал Ларри. — У меня на этот счет немало превосходных мыслей, вам бы только пользоваться ими. Но нет, вы отвергаете все, не задумываясь.

— Вот поедешь с нами в следующий раз, — предложил Лесли, — и покажешь, как это делается.

— Я вовсе не силач с волосатой грудью, — холодно заметил Ларри. — Я живу в мире идей, мое дело производить мысли, так сказать. Я представляю свой мозг в ваше распоряжение, создаю планы и замыслы, а уж вы, люди с мускулами, их реализуете.

— Да, только я не собираюсь реализовать этот твой план, — уверил его Лесли.

— Это было бы безрассудно, — сказала мама. — Не делай глупостей, милый. А ты, Ларри, не вбивай ему в голову опасных мыслей.

Ларри всегда был переполнен мыслями обо всем, чего не ведал на практике. Мне он давал советы о лучшем способе изучения природы, Марго — о нарядах, маме — о том, как вести хозяйство и не превышать кредита в банке, Лесли — об охоте. Сам он при этом был в полной безопасности, так как отлично знал, что никто из нас не сможет отплатить ему тем же — не даст ему совета, как лучше всего писать. Всякий раз, когда у кого-нибудь в семье появлялась трудная задача, Ларри знал наилучший способ ее реше-

ния, а если кто-то хвалился своими успехами, Ларри никогда не понимал, из-за чего поднимается столько шума, ведь дело совсем пустяковое, нужно только приложить к нему мозги. Именно это свойство характера Ларри стало однажды причиной пожара в доме.

Лесли только что вернулся с охоты, нагруженный дичью и весь сияющий от гордости. Как он нам объяснил, первый раз в жизни ему удалось выстрелить дуплетом. Однако, прежде чем мы смогли в полной мере оценить все великолепие его свершений, ему пришлось растолковать нам это подробно. На языке охотников «дуплет», очевидно, означал — убить двух птиц или двух животных сразу друг за другом, сначала из левого ствола, потом из правого. Лесли стоял на каменном полу посреди большой кухни, освещенной красными отсветами жаровен, и объяснял нам, как на холодной заре стая уток снимается с места и закрывает все небо. С резким шумом крыльев они проносятся над головой, и Лесли стреляет, прицелившись в вожака, затем мгновенно переводит ружье на вторую птицу, стреляет снова, и, когда он опускает дымящееся ружье, обе утки шлепаются в воду почти одновременно. Сгрудившись в кухне, мы все с разинутыми ртами слушаем его живописный рассказ. На широком некрашеном столе горою навалена дичь, мама и Марго очищают пару уток к обеду, я обследую разные виды и делаю заметки в своем дневнике (который быстро покрывается пятнами крови и перьями), а Ларри сидит на стуле с красивой уткой на коленях, гладит ее упругие крылья и наблюдает, как Лесли, забравшись по пояс в воображаемое болото, третий раз показывает нам, каким образом ему удалось произвести дуплет.

— Очень хорошо, милый, — сказала мама, когда Лесли описал сцену в четвертый раз. — Наверное, это очень трудно.

— Не понимаю почему, — отозвался Ларри.

Лесли, который только что собрался рассказать обо всем еще раз, остановился и посмотрел на небо.

— Ах, не понимаешь? — воинственно спросил он. — А что ты вообще в этом смыслишь? Ты с трех шагов не попадешь в ствол оливы, не то что в летящую птицу.

— Мой дорогой мальчик, — сказал Ларри своим самым противным медовым голосом. — Я не принижаю твоих достоинств. Я просто не понимаю, почему считается трудновыполнимым то, что лично мне кажется делом совсем легким.

— Легким? Если бы ты хоть когда-нибудь занимался охотой, ты бы не считал ее легким делом.

— Не понимаю, зачем для этого нужно заниматься охотой. Мне кажется, тут просто надо не терять хладнокровия и получше целиться.

Д

— Какая чушь! — разозлился Лесс. — Тебе всегда кажется простым то, что делают другие.

— Это наказание за многосторонность, — вздохнул Ларри. — Все оказывается до смешного простым, за что бы я ни взялся. Поэтому я и не понимаю, зачем столько шуметь из-за самого обыкновенного меткого выстрела.

— До смешного простым, за что бы ты ни взялся? — скептически повторил Лесли. — Я еще ни разу не видел, чтобы ты когда-нибудь брался за то, что другим советуешь.

— Гнусная клевета, — сказал уязвленный Ларри. — Я всегда готов доказать, что мои идеи верны.

— Очень хорошо. Тогда посмотрим на твой дулет.

— Разумеется. Ты обеспечиваешь ружье и дичь, а я демонстрирую тебе, что для этого не требуется особых талантов. Тут нужен деятельный ум, способный все взвесить и решить задачу математически.

— Отлично. Завтра мы идем на болото за бекасами, и ты сможешь пустить в ход свой деятельный ум.

— Мне не доставит удовольствия избиение птиц, которые чахнут прямо с самого рождения, — сказал Ларри, — но поскольку задета моя честь, придется принести их в жертву.

— Если ты убьешь хоть одну, считай, что тебе повезло.

— Право же, дети, вы спорите о сущих пустяках, — философски заметила мама, стирая перья со стекол очков.

— Я согласна с Лессом, — выпалила Марго. — Ларри очень любит указывать людям, как что делается, а сам никогда ничего не делает. Ему будет полезно получить урок. Лесс просто молодец. Сумел убить двух птиц одним махом, или как там это называется?

Лесли, решив, что Марго неверно оценила его доблесть, пустился еще раз в более подробное описание эпизода.

Всю ночь шел дождь, так что на следующее утро, когда мы отправлялись смотреть, как Ларри будет совершать свой подвиг, под ногами хлюпала грязь и мокрая земля пахла, словно кекс с изюмом. Ради торжественного случая Ларри прикрепил к своей шляпе из твида огромное индюшиное перо и стал похож на маленького, осанистого и очень величественного Робин Гуда. Всю дорогу до болот, где собирались бекасы, он громко на что-нибудь жаловался. Ему было холодно, скользко, он не понимал, почему Лесли не поверил ему на слово без этого смехотворного фарса, ружье у него было тяжелое, и дичи там, наверно, не окажется, потому что в такой холодный день, как сегодня, никто не высунет носа наружу, разве что какой-нибудь слабоумный пингвин. С холодной жестокостью мы гнали его к болоту и оставались глухи ко всем жалобам и протестам.

Болото это образовалось на дне небольшой долины — акров десять плоской земли, которая в весенние и летние месяцы обрабатывалась. Зимой ей давали зарастить, и тогда она превращалась в лес тростника и травы, прорезанный ирригационными канавами, до краев полными воды. Эти канавы сильно затрудняли охоту. Они были слишком широки, чтобы их перепрыгнуть, и вброд их не перейдешь, так как в них было футов на шесть жидкой грязи и сверху еще четыре фута грязной воды. Кое-где их пересекали узкие дощатые мостики, в большинстве случаев подгнившие и шаткие, но только благодаря им можно было передвигаться по болоту. Во время охоты нам приходилось делить свое время между выискиванием дичи и поисками очередного моста.

Едва мы пересекли первый мостик, как из-под ног у нас с шумом взлетели три бекаса и понеслись прочь, раскачиваясь при полете из стороны в сторону. Ларри вскинул ружье и нажал на «собачку». Курки спустились, но выстрела не последовало.

— По идее его надо было зарядить, — с тихим торжеством произнес Лесли.

— Я думал, ты его зарядил, — со злостью ответил Ларри. — Все-таки ты исполняешь роль оруженосца. Я бы подстрелил эту пару, если бы не твоя дурацкая нерасторопность.

Он зарядил ружье, и мы снова побрели сквозь заросли тростника. Впереди нас, в какую бы сторону мы ни шли, все время раздавалась несносная болтовня двух сорок, предупреждавших дичь. Ларри чертыхался, проклиная сорок, а они, громко болтая, продолжали лететь впереди, пока не довели его до отчаяния. Он остановился у маленького мостика, нависшего над полоской спокойной воды, и со злостью спросил:

— Нельзя ли что-нибудь сделать с этими птицами? Они же распушают всю дичь на многие мили вокруг.

— Только не бекасов, — сказал Лесли. — Бекасы будут сидеть до тех пор, пока ты на них не наступишь.

— Я думаю, дальше идти незачем, — сказал Ларри. — Это все равно что выслать вперед духовой оркестр.

Он сунул ружье под мышку и сердито двинулся к мосту. Вот тут все и произошло. Ларри достиг как раз середины скрипучей, шаткой доски, когда из высокой травы с другой стороны моста выпорхнули вдруг два бекаса. От волнения Ларри забыл о своей необычной позиции. Он схватился за ружье и, еле удерживая равновесие на танцующем мосту, выпалил из обоих стволов. Ружье загрохотало и отдало назад, бекасы умчались целые и невредимые, а Ларри с криком ужаса полетел в канаву.

— Держи ружье над головой! Держи ружье над головой! — ревел Лесли.

Д — Не вставай на ноги, а то тебя затянет, — визжала Марго. — Не двигайся.

Но у Ларри, распростертого на спине, была только одна мысль: убраться отсюда как можно скорее. Он сначала сел, потом попытался подняться на ноги, опираясь при этом, к ужасу Лесли, на ружейные стволы. Когда ему удалось выпрямиться среди бурлящей и хлюпающей грязи, ружье совсем скрылось из виду, и Ларри провалился по пояс.

— Смотри, что ты сделал с ружьем! — выходил из себя Лесли. — Ты забил мне грязью стволы.

— А что же я, по-твоему, должен сделать? — огрызнулся Ларри. — Лежать здесь и топнуть? Дай мне, ради бога, руку.

— Вытащи ружье, — с яростью сказал Лесли.

— Стану я спасать твое ружье, если ты меня не спасаешь, — вопил Ларри. — Будь оно проклято! Я не тюлень... вытащи меня отсюда! — Вот идиот! — орал Лесли. — Протяни мне конец ружья, тогда я смогу тебя вытащить. Иначе я не достану.

Ларри торопливо пошарил под водой и погрузился еще на несколько дюймов, прежде чем вытащил ружье, залепленное черной вонючей грязью.

— Господи боже мой! Вы только взгляните на него, — стонал Лесли, обтирая ружье носовым платком. — Только взгляните!

— Может, ты перестанешь причитать над этим гнусным оружием и вытащишь меня отсюда? Или ты хочешь, чтобы меня в некотором роде постигла судьба Шелли, чтобы я утонул тут в грязи?

Лесли протянул ему конец ружья, и мы все дружно стали тянуть. Кажется, это не возымело никакого действия, разве что Ларри погрузился еще глубже, когда мы выбились из сил и перестали тянуть.

— Вам надо спасать меня, — напомнил Ларри, — а не отправлять на тот свет.

— Да перестань ты болтать и попробуй подтянуться, — сказал Лесли.

— А что я все время делаю, скажи на милость? Я уже разорвался в трех местах.

Наконец после невероятных усилий грязь издала протяжный громкий вздох, Ларри выскочил на поверхность, и мы подтащили его к берегу. Весь покрытый черной вонючей слякотью, он был похож на шоколадного солдата у доменной печи и таял прямо у нас на глазах.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Марго.

Ларри яростно посмотрел на нее.

— Великолепно, — ответил он саркастически. — Просто великолепно. Никогда еще не испытывал такого удовольствия. Не говоря уже о том, что я схватил небольшое воспаление легких, радикулит и оставил там, в глубинах, один свой башмак, я еще замечательно провел время.

Всю дорогу домой Ларри изливал на наши головы гнев и презрение, а к концу пути уже не сомневался, что все это было подстроено нарочно. Когда он вошел в дом, оставляя за собой след, словно борозду на вспаханном поле, мама вскрикнула от ужаса.

— Чем ты занимался, милый? — спросила она.

— Занимался? Как ты думаешь, чем я занимался? Я занимался охотой.

— Но что с тобой случилось? На тебе сухой нитки нет. Ты что, провалился?

— Знаешь, мама, у вас с Марго такая изумительная проникающая способность, что я порой поражаюсь, как вы это выносите.

— Я только *спрашиваю*, милый, — сказала мама.

— Ну конечно, я провалился. Что же еще могло быть?

— Надо переодеться, милый, иначе ты простудишься.

— Я так и сделаю, — с достоинством ответил Ларри. — Хватит с меня на сегодня опасностей.

Отвергнув всякую помощь, он зашел в кладовую за бутылкой бренди и уединился в свою комнату, где по его просьбе Лугареция развела огонь в камине. Закутавшись в одеяло, Ларри сидел на кровати, чихал и пил бренди. После полудня он послал за другой бутылкой, и часам к пяти мы услышали его бодрые песни вперемежку с громовым чиханием. Во время ужина, когда Лугареция отправилась наверх с третьей бутылкой, маму охватила тревога. Она послала Марго взглянуть, как там у Ларри обстоят дела. Долго-долго все было тихо, потом прозвучал гневный голос Ларри и жалобная мольба Марго. Не понимая, что там происходит, мама в волнении стала подниматься по лестнице. Мы с Лесли отправились за нею следом.

В комнате Ларри пылал камин, сам Ларри был скрыт под грудой простыней и одеял, а у его кровати с безнадежным видом стояла Марго, сжимая в руках стакан.

— Что с ним такое? — спросила мама, решительным шагом пересекая комнату.

— Он напился, — ответила Марго с отчаянием, — и я ничего не могу с ним поделать. Я заставляю его принять горькую соль, чтобы завтра ему не было плохо, а он отказывается. Спрятался под одеялами и говорит, что я хочу его отравить.

Мама взяла из рук Марго стакан и подошла к кровати.

— Ну, живее, Ларри, и не будем валять дурака, — отчеканила она. — Выпей это одним глотком.

Одеяла заколыхались, из их глубин вынырнула взъерошенная голова Ларри. Затуманенным взором он посмотрел на маму и сощурился, как бы что-то припоминая.

Д — Вы ужасная старая женщина... Я уверен, что видел вас где-то раньше, — произнес он и, прежде чем мама успела опомниться от этого замечания, заснул крепким сном.

— Да, — сказала потрясенная мама. — Выпил он, должно быть, как следует. Ну ладно, сейчас он уснул. Подложим дров и пусть спит. Завтра утром ему будет лучше.

А на другой день, пока все еще спали, Марго вдруг обнаружила, что в доме начался пожар. Как выяснилось потом, раскаленные угли выпали из камина и сквозь щели в полу проскочили на балку под настилом. Бледная от страха, Марго в одной рубашке бросилась вниз по лестнице и влетела в мамину спальню.

— В доме пожар... уходи скорее... уходи... — выкрикивала она драматически.

Мама в один миг соскочила с кровати.

— Разбуди Джерри... разбуди Джерри! — кричала она.

— Вставайте... вставайте... Пожар... пожар! — вопила во все горло Марго.

Мы с Лесли выбежали на лестничную площадку.

— Что тут происходит? — спросил Лесли.

— Пожар! — крикнула Марго над его ухом. — Ларри горит!

Появилась мама в ночной рубашке.

— Ларри горит! Скорее, спасайте, спасайте его! — закричала она и бросилась по лестнице к мансарде.

Остальные помчались за нею следом. Комната Ларри была полна едкого дыма, выбивавшегося из-под пола. Сам Ларри безмятежно спал. Мама подбежала к кровати и стала с силой трясти его.

— Ларри, проснись! Ради бога, проснись!

— Что такое? — спросил, поднимаясь, Ларри.

— В комнате пожар!

— Ничего удивительного, — сказал Ларри и улегся снова. — Пусть Лесли его потушит.

— Надо залить его чем-нибудь! — кричал Лесс. — Дайте что-нибудь...

Марго, получив такое наставление, схватила бутылку с остатками бренди и выплеснула ее содержимое на пол. Пламя взметнулось вверх и весело затрещало.

— Вот дуреха, это же бренди! — завопил Лесли. — Надо воды... принесите воды.

Но Марго, расстроенная своей огнеопасной деятельностью, разрыдалась. Лесс с сердитым ворчанием стащил с Ларри одеяла и принялся тушить ими огонь. Ларри в негодовании подскочил на постели.

— Что тут, черт возьми, происходит? — спросил он.

— В комнате пожар, милый.

— Не понимаю, почему я должен из-за этого замерзать до полусмерти... Зачем с меня содрали одеяла? Вот уж действительно подняли шум. Как будто трудно потушить огонь.

— Ты бы лучше заткнулся! — ответил Лесли, прыгая по одеялам.

— Ни разу не видел людей в такой панике, — сказал Ларри. — Тут надо просто не терять головы. А Лесс совсем ее потерял. Вот если Джерри принесет топор, а мама и Марго сходят за водой, мы живо все потушим.

Продолжая лежать в постели, Ларри давал указания. Через некоторое время нам удалось выдрать доски из пола и вытащить тлеющую балку. Тлела она, верно, всю ночь, так как этот двенадцатидюймовый брус из оливкового дерева уже наполовину обуглился. Когда наконец появилась Лутарения и начали убирать дымящуюся грудку постельного белья, щепки, воду и бренди, Ларри со вздохом облегчения вытянулся на постели.

— Ну вот, — заключил он, — все сделано без суеты и паники. Надо только не терять головы. Ох, пожалуйста, пусть кто-нибудь принесет мне чаю. У меня голова раскалывается.

— Ничего удивительного, — сказал Лесли. — Вчера ты напился как сапожник.

— Нечего пятнать мою репутацию, если ты не в состоянии отличить сильной лихорадки от пьяного разгула.

— Как-никак, эта лихорадка оставила тебе похмелье, — сказала Марго.

— И вовсе не похмелье, — сдержанно ответил Ларри. — Это просто переутомление, оттого что на рассвете вас вдруг будит шайка обезумевших людей и вам приходится брать все на себя и руководить ими.

— Уж очень много ты наруководил, лежа в постели, — фыркнул Лесли.

— Важны не действия, а работа мозга, сообразительность и способность не терять хладнокровия, когда все вокруг его уже потеряли. Если бы не я, вы все сгорели бы в своих кроватях.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РАЗГОВОР

Опять наступила весна, и остров запестрел цветами. Ягнята, задрав хвосты, прыгали под оливами, топтали желтые крокусы своими маленькими копытцами. Ослята на неокрепших вздутых ножках лакомились асфоделями. Реки, пруды, канава опутались цепями крапчатой жабьей икры,

Д черепахи сбрасывали с себя зимние одеяла из земли и листьев, и первые бабочки, по-зимнему блеклые и изнуренные, лениво порхали среди цветов.

В эти бурные весенние дни мы проводили почти все время на веранде, ели там, спали, читали или просто спорили. Раз в неделю мы сообщали просматривали почту, которую привозил нам Спиро. Большую часть ее составляли каталоги оружия для Лесли, журналы мод для Марго и мои зоологические журналы. Почта Ларри содержала в основном книги и нескончаемые письма от писателей, художников и музыкантов о писателях, художниках и музыкантах. Мама получала письма от родственников и иногда каталоги семян. Разбирая почту, мы то и дело обменивались замечаниями, а иногда зачитывали отдельные куски вслух. Это делалось не из потребности общения (никто друг друга вовсе и не слушал), но потому, что мы просто не в состоянии были вытянуть весь смак из писем и журналов, если б ни с кем не поделились. Случалось, однако, что какая-нибудь новость была достаточно потрясающей, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Именно это и произошло в один из весенних дней, когда небо было, как голубое стекло, а мы все сидели в узорчатой тени виноградных листьев и поглощали свою почту.

— О, очень мило... Посмотрите... органди и пышные рукава... Лучше всего это сделать из бархата... а может, парчовый верх и юбка-клеш. Это тоже мило... Правда ведь, будет хорошо с длинными белыми перчатками и летней шляпкой?

Пауза. Слышны только шелест бумаги и легкие стоны. Лугареции в столовой. Роджер громко зевает, за ним зевают по очереди оба щенка.

— Ого! Какая красавица!.. Вы только взгляните... оптический прицел, скользящий затвор... Что за красотка! Гм... сто пятьдесят... не так уж дорого, я думаю... Теперь это хорошая цена... Посмотрим... двустволка... чокбор... Да... мне кажется, для уток надо что-нибудь потяжелее.

Роджер чешет свои уши одно за другим, с блаженным видом поворачивает голову набок и тихо ворчит от удовольствия. Бьюн ложится рядом с ним и закрывает глаза. Пачкун безуспешно гоняется за мухой, пытаясь цапнуть ее пастью, и громко щелкает зубами.

— О! У Антуана наконец приняли поэму! Тут настоящий талант, если только он сумеет до него докопаться. Верлен, пускающий печатный станок в конюшне... Фу! Малые тиражи собственных работ... Бог мой! Джордж Буллок пробует писать портреты... портреты, вы только подумайте! Он же свечки не умеет нарисовать... Вот, мама, почитай, хорошая книга: «Драматурги эпохи королевы Елизаветы... замечательная вещь... в ней есть прекрасный материал...

Роджер с громким сопением потянулся назад, искал блоху, действуя передними зубами, будто машинкой для стрижки волос. Вьюн дергал хвостом и ногами, его рыжие брови двигались вверх и вниз в изумлении перед собственным сном. Пачкун притворялся спящим и незаметно наблюдал за мухой.

— Тетушка Мейбл переехала в Суссекс... Она пишет, что Генри сдал все экзамены и поступает в банк... по крайней мере, я думаю, что это банк... почерк у нее просто ужасный, несмотря на дорогостоящее образование, которым она всегда так хвастает... Дядя Стивен сломал ногу, бедный старик... и сделал что-то со своей поясницей? Ах, нет, я поняла... все это почерк. Он сломал ногу, свалившись с лестницы... Я думала, у него больше разума... смешно лазить по лестницам в его возрасте... Том женился... на одной из девочек Гарнетов.

Напоследок мама всегда оставляла приходившие раз в месяц пухлые письма, где адрес был обозначен крупным, твердым круглым почерком. Это были письма от тетки Гермiony, неизменно вызывавшие у нас в семье взрыв негодования, так что и теперь все мы отложили в сторону свою почту и обратили взоры на маму, которая со смиренным вздохом развернула письмо в двадцать с лишним страниц, уселась поудобнее и начала читать.

— Она пишет, что врачи не оставляют ей много надежд, — сообщила мама.

— Они не оставляют ей никаких надежд вот уже сорок лет, а она до сих пор здорова как бык, — заметил Ларри.

— Она пишет, что ее всегда несколько удивляло наше бегство в Грецию, но у них там сейчас плохая зима, и она думает, что, быть может, мы вполне разумно выбрали такой благословенный климат.

— Благословенный! Слова-то какие!

— О господи!.. Ох, нет... Боже мой!

— Что такое?

— Она пишет, что собирается приехать к нам... врачи рекомендуют ей теплый климат!

— Нет, я отказываюсь! Такого я не вынесу, — закричал Ларри, вскакивая со стула. — Мы все по горло сыты деснами Лутареции, не хватает еще тетки Гермiony, которая будет умирать тут каждую минуту.

— Ты должна от нее отделаться, мама... Скажи, что у нас нет места.

— Но это невозможно, милая. Я писала ей в последнем письме, какой у нас большой дом.

— Может, она уже забыла, — с оптимизмом заметил Лесли.

— Нет, не забыла. Она как раз упоминает об этом... Где же это?.. Ах, вот: «Поскольку вы можете теперь снимать такое просторное помещение, я

Д уверена, дорогая Лу, что вы не откажете в уголке старой женщине, которой осталось так мало жить». Вот видите! Что же нам теперь делать?

— Напиши ей, что тут свирепствует эпидемия оспы, и пошли фотографию с прыщами Марго, — предложил Ларри.

— Не говори глупостей, милый. К тому же я писала ей, какое это здоровое место.

— Это просто невыносимо, мама! — воскликнул Ларри. — Я так мечтал спокойно поработать летом, пригласив лишь самых близких друзей, а теперь нам грозит нашествие этой противной верблюдицы, пропахшей нафталином и распевającej церковные гимны в уборной.

— Ты просто преувеличиваешь, милый, и я не понимаю, зачем тебе потребовалось приплетать уборную. Я никогда не слышала, чтобы она пела где-нибудь гимны.

— Она поет их не переставая... тогда как остальные выстраиваются в очередь на площадке.

— Ну, как бы там ни было, надо придумать предлог получше. Нельзя же писать, что мы не хотим ее принять из-за гимнов.

— Да почему нельзя?

— Оставь свои глупости, милый. Все-таки она наша родственница.

— Ну и что из того? Неужели мы будем обхаживать эту старую ведьму только потому, что она наша родственница? Ведь по-настоящему ее надо привязать к столбу и сжечь.

— Она этого не заслужила, — возразила мама без всякого энтузиазма.

— Дорогая мама, из всех противных родственников, которые нас осаждают, она, конечно, самая отвратительная, и я просто не могу понять, как ты только с нею общаешься.

— Надо же мне отвечать на ее письма, как ты думаешь?

— Зачем? Просто пиши на них «Адресат выбыл» и отсылай обратно.

— Я не могу этого делать, милый. Они узнают мой почерк. К тому же письмо я уже распечатала.

— Может быть, написать ей, что ты больна? — предложила Марго.

— Да, да, мы напишем, что врачи оставили уже всякую надежду, — сказал Лесли.

— Я напишу это письмо, — обрадовался Ларри.

— Нет, не напишешь, — твердо завила мама. — Если ты это сделаешь, она немедленно придет ухаживать за мной. Ты же ее знаешь.

— Ну скажи на милость, зачем ты поддерживаешь с ними связь? — в отчаянии спросил Ларри. — Что это тебе дает? Все они или ископаемые, или сумасшедшие.

— Ну, это уж ты не говори, — возмутилась мама. — Они вполне нормальные люди.

— Вздор... Возьми хотя бы тетю Берту с ее невероятными кошками... Или дядю Патрика, который ходит почти раздетый и рассказывает совсем незнакомым людям, как он убивал китов перочинным ножиком. Все они какие-то придурки.

— Конечно, они с причудами. Но ведь все они очень старые, в их возрасте это положено. И они вовсе не сумасшедшие, — объяснила мама и чистосердечно добавила: — Во всяком случае, не такие уж сумасшедшие, чтобы от них можно было избавиться.

— Ну, вот что, — решительно сказал Ларри. — Если на нас готовится нашествие родственников, нам остается только одно.

— Что именно? — спросила мама, с надеждой глядя поверх очков.

— Переехать, конечно.

— Переехать? Куда переехать? — недоуменно спросила мама.

— Переехать в дом поменьше. Тогда ты сможешь написать всей этой публике, что у нас нет места.

— Не будь дурачком, Ларри. Разве можно без конца переезжать? Мы и так переехали сюда, чтобы справиться с твоими друзьями.

— Ну, а теперь мы переедем, чтобы справиться с родственниками.

— Но мы не можем носиться по всему острову... люди подумают, что мы ненормальные.

— Они еще скорее так подумают, если сюда явится эта старая гарпия. Честное слово, мама, я просто не вынесу, если она придет. Вот возьму тогда у Лесли ружье и пробью дырку в ее корсете.

— Ларри! Прошу тебя, не говори таких вещей в присутствии Джерри.

— Я просто предупреждаю тебя.

Мама лихорадочно протирала свои очки.

— Но ведь это... — вымолвила она наконец, — просто сумасбродство, менять вот так дома.

— Никакого сумасбродства здесь нет. Вполне обоснованные действия.

— Конечно, — согласился Лесли. — Это своего рода самозащита.

— Будь благоразумна, мама, — сказала Марго. — В конце концов, перемена — хорошо, а две лучше.

И вот, подхватив эту новую пословицу, мы стали переезжать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

БЕЛОСНЕЖНЫЙ ДОМ

Наш новый, белый как снег дом с широкой, густо заплетенной виноградом верандой стоял на верху холма среди оливковых деревьев. Перед домом был маленький, размером чуть ли не с носовой платок, садик, аккуратно огороженный и сплошь заросший дикими цветами. Весь садик покрывала своей густой, плотной тенью огромная магнолия с темно-зеленой глянцевою листвой. От дома вниз по склону к проезжей дороге спускалась накатанная шинами колея, петлявшая среди оливковых рощ, виноградников и фруктовых садов. Дом нам понравился с первого взгляда, как только Спиро подвез нас к нему. Ветхий, но необычайно элементарный, он стоял среди пьяных оливок и, пожалуй, напоминал щеголя восемнадцатого века, красующегося перед толпой поселянок. Для меня его очарование еще возросло, когда в одной из комнат была обнаружена летучая мышь. Она висела вниз головой на ставне и злобно попискивала. Я надеялся, что летучая мышь останется жить в доме, но она, как только мы там появились, решила, что место становится слишком людным, и мирно отбыла к какому-то стволу оливы. Меня огорчило такое решение, однако в то время я был занят другими делами и вскоре забыл о ней.

Только теперь, в белом доме, я свел настоящее знакомство с богомолами. До сих пор я видел их иногда на миртовых кустах, но как-то не обращал особого внимания. Теперь же они сами обратили на себя мое внимание, так как здесь, на вершине холма, где стоял наш дом, их было великое множество и таких крупных, каких я еще ни разу не встречал. С надменным видом сидели они на оливах, миртах, на гладких зеленых листьях магнолии, а вечером осаждали наш дом — неслись к свету лампы на своих зеленых крыльях, дрожавших, словно лопасти старинного колесного парохода, и потом опускались на столы и стулья. Расхаживая мелкими шажками

по комнате, они поворачивали голову то вправо, то влево в поисках жертвы и, обратив к нам лица без подбородка, пристально изучали нас своими шаровидными глазами. Я даже не подозревал, что богомолы могут быть такими крупными. Некоторые экземпляры достигали в длину четырех с половиной дюймов. И этих чудовищ, наводнявших наш дом, ничто не страшило. Они не задумываясь могли выбрать жертву такого же, как они сами, роста или даже еще больше. Видимо, богомолы считали наш дом своей личной собственностью, а стены и потолки своими законными охотничьими угодьями. Однако гекконы, обитавшие в трещинах садовой ограды, тоже смотрели на дом как на свое заповедное поле охоты, и поэтому между богомолами и гекконами шла постоянная война. По большей части это были просто легкие стычки между отдельными представителями воюющих сторон, а так как животные обладали, в общем-то, одинаковой силой, борьба их редко принимала серьезный оборот. Но все же порой разгорались настоящие баталии, и мне удалось быть свидетелем одной из них. Битва разыгрывалась у меня над кроватью и в кровати.

В дневное время почти все гекконы прятались под отставшей штукатуркой на садовой стене. А вечером, когда заходило солнце и прохладная тень магнолии окутывала дом и сад, они выставляли из щелей свои маленькие, с золотыми глазами головки, внимательно оглядывали все вокруг и тихонько выбирались на стену. В сумерках их плоское тело и короткий, почти конической формы хвост казались пепельно-серыми. Осторожно пробираясь по замшелой стене, гекконы попадали наконец под надежную защиту виноградных лоз над верандой и терпеливо ждали, когда совсем стемнеет и в доме зажгут лампы. Они выбирали себе место охоты и отправлялись туда по стене дома — кто в спальню, кто в кухню, а некоторые оставались тут же на веранде, среди виноградных листьев.

Один геккон повадился охотиться в моей спальне. Я сразу приметил его и вскоре, изучив как следует, дал ему имя Джеронимо, потому что, на мой взгляд, все его атаки на насекомых отличались той же ловкостью и продуманностью, что и действия этого знаменитого индейца¹. Среди других гекконов Джеронимо, кажется, был выдающейся личностью. Во-первых, он жил один, под большим камнем на клумбе с цинниями, как раз под моим окном, и терпеть не мог, чтобы другие гекконы появлялись близ его жилья. И, разумеется, он не позволял ни одному геккону забираться в мою спальню. Пробудившись, он вставал раньше других и выходил из-под камня, когда последние лучи заходящего солнца все еще освещали наш дом.

¹ Джеронимо (1829—1909) — вождь племени апачей, защитник прав индейцев в Северной Америке, боролся против поселения индейцев и резерваций.

Д Стремительно взбежав по отвесной пропасти, покрытой слоистой белой штукатуркой, геккон оказывался у окна моей спальни, протягивал голову через подоконник и обводил комнату любопытным взглядом, сделал два-три быстрых кивка. Было ли это обращенное ко мне приветствие или же геккон просто выражал свое удовлетворение, обнаружив, что в комнате ничего не изменилось, я так и не смог решить. Глотая воздух, он продолжал сидеть на подоконнике, дожидаясь, когда совсем стемнеет и в комнате появится свет. В золотистом мерцании лампы он как будто менял свою окраску с пепельно-серой на едва приметную жемчужно-розовую, и теперь на нем сильнее проступал мелкий пупырчатый рисунок, а кожа казалась такой тонкой и прозрачной, будто светилась насквозь, и вы могли видеть аккуратно свернутые, как хоботок бабочки, внутренности в его жирном животике. Глаза его горели воодушевлением, когда он поднимался по стене к своему излюбленному месту — в левом дальнем углу потолка — и сидел там вверх ногами, поджидая свою жертву к ужину.

А она не заставляла себя долго ждать. Сначала появлялись комары, разные мошки, божьи коровки, на которых Джеронимо даже не смотрел, потом следовали долгоножки, златоглазки, мелкие бабочки, несколько вполне солидных жуков. И вот тут Джеронимо приобщал меня к тайнам своего тактического искусства. Когда златоглазка или же какая-нибудь бабочка, налетавшая до одури вокруг лампы, вспархивала вверх и усаживалась в светлом кругу на потолке, Джеронимо в своем углу весь подбирался. Кивнув два-три раза головой, он начинал осторожно, шаг за шагом продвигаться по потолку, не сводя горящих глаз с насекомого. Дюймах в шести от своей жертвы Джеронимо на секунду останавливался, и тут можно было увидеть, как шевелятся его пальцы с присосками — это он старался понадежнее закрепиться на штукатурке. От возбуждения глаза его чуть не выскакивали из орбит, кончик хвоста слегка подрагивал, и мордочка принимала свирепое, по его понятиям, выражение. Но вот он опять, словно капля воды, плавно скользит по потолку. Слабый щелчок — и геккон поворачивает голову. На мордочке у него выражение самодовольного блаженства, изо рта, наподобие дрожащих моржовых усов, свешиваются ножки и крылья златоглазки.словно разыгравшийся щенок, он радостно виляет хвостом и возвращается в угол, где можно спокойно проглотить свою жертву. У геккона было необычайно острое зрение, и я не раз наблюдал, как он, высмотрев на другом конце комнаты крохотную бабочку, направлялся туда через весь потолок и начинал подкрадываться к ней.

К соперникам, пытавшимся узурпировать его территорию, он был беспощаден. Как только они взбирались на подоконник и переводили дух после трудного подъема по стене, в углу раздавалось шуршание, Джеронимо

мигом пересекал потолок, спускался по стене и шлепался на подоконник. Не успевал пришелец опомниться, как Джеронимо устремлялся вперед и прыгал на него. В отличие от других гекконов Джеронимо никогда не метил в голову или туловище противника, а бросался прямо на хвост, хватал его пастью, примерно на расстоянии полдюйма от кончика, и, повиснув на нем, как бульдог, трепал из стороны в сторону. Ошарашенный такой подлой и необычной манерой нападения, пришелец немедленно обращался к проверенному средству обороны ящериц: оставлял противнику свой хвост и, в одно мгновение перевалив через подоконник, мчался вниз по стене к клумбе из цинний. Слегка запыхавшийся Джеронимо с победоносным видом продолжал сидеть на подоконнике, зажав в пасти все еще извивающийся хвост. Убедившись, что его соперник исчез, Джеронимо усаживался поудобнее и начинал уничтожать хвост — возмутительный, на мой взгляд, обычай. Но, очевидно, это был лишь способ ознаменовать победу, и, пока хвост совсем не исчезал в его вздувшемся животе, Джеронимо отнюдь не выглядел счастливым.

Часто залетавшие в мою комнату богомолы были обычно небольших размеров, Джеронимо всегда стремился их поймать, однако они были слишком проворны. В отличие от других насекомых свет, как видно, богомолов не притягивал: вместо того чтобы ошалело крутиться около лампы, они спокойно устраивались в удобном местечке и начинали охотиться на танцующих, когда те присаживались отдохнуть. Их шаровидные глаза были, наверно, такие же зоркие, как у геккона, так что богомолы всегда замечали его гораздо раньше, чем он оказывался на опасном для них расстоянии, и поспешно удирали. Однако в один прекрасный вечер Джеронимо встретил богомола, который не только не пустился наутек, но даже двинулся ему навстречу. Этого же геккон вынести не смог.

С некоторых пор меня стал интересовать способ размножения богомолов, и теперь я очень хотел увидеть, как они откладывают яички и как выводятся личинки. И вот однажды мне выпал счастливый случай. Я бродил среди холмов и столкнулся, можно сказать, лицом к лицу с необыкновенно крупной самкой, с видом королевы шествующей через траву. Живот у нее был сильно раздут, и я понял, что в скорости ожидается счастливое событие. Самка остановилась, раскачиваясь на своих тонких ногах, окинула меня холодным взглядом и снова пустилась в путь, пробираясь между стеблями травы. Я решил поймать ее, чтобы она смогла отложить яички в коробку, и потом спокойно наблюдать за их развитием. Как только богомолиха сообразила, что я пытаюсь ее поймать, она быстро повернулась, выпрямилась, расправила свои желтовато-зеленые крылья и угрожающе изогнула вверх зубчатые передние ноги. Удивляясь ее воинственности пе-

Д ред существом неизмеримо крупнее, чем она сама, я легонько, двумя пальцами, схватил ее за талию. Длинные, острые передние ноги сейчас же потянулись за спину и сомкнулись на моем большом пальце — будто полдюжины иголок вонзились мне в кожу. От удивления я выронил свою пленницу и сел на землю, чтобы пососать ранку. Среди маленьких проколов три были довольно глубокие, и, когда я сдавил палец, из ранки выступили капельки крови. Мое уважение к самке возрастало. Она таки умела заставить считаться с собой. Теперь я уже действовал осторожно, пустив в ход обе руки. Одной рукой я снова подхватил ее за талию, а другой старался придерживать опасные передние ноги. Она бессильно извивалась и норовила укусить меня, склоняя к руке свое злое, острое личико и пощипывая кожу, но у нее были слишком слабые челюсти, чтобы причинить мне какой-нибудь вред. Я отнес ее домой, в свою спальню, и запер в просторной клетке, затянутой марлей и изящно украшенной папоротником, вереском и камнями, где она двигалась с большим проворством и грацией. Я дал ей имя Сисели, просто так, без всяких причин, и целыми днями ловил для нее бабочек, которых она поедала в огромном количестве. Аппетит ее, видимо, никогда не ослабевал, а живот все рос и рос. И вот, когда я с уверенностью ждал, что в любой момент она может отложить свои яички, Сисели каким-то образом сумела улизнуть из клетки.

В один из вечеров, когда я уже сидел в постели и читал, Сисели вдруг с треском пронеслась через комнату и грузно опустилась на стене, футах в десяти от того места, где Джеронимо деловито уничтожал последние остатки необыкновенно мохнатой бабочки. Губы его все еще были облеплены пушистыми полосками, но он тут же прервал свою трапезу и в изумлении уставился на Сисели. Ему наверняка ни разу не приходилось видеть такого огромного богомола, а Сисели превосходила его в длину на добрых полдюйма. Пораженный ее размерами и дерзким появлением в *его* комнате, Джеронимо на несколько секунд прямо застыл на месте, не сводя с нее глаз. А Сисели вертела головой в разные стороны и осматривалась с важным, сосредоточенным видом — точь-в-точь как чопорная старая дева в картинной галерее. Овладев наконец собой, Джеронимо решил, что нахальное насекомое следует проучить. Вытерев о потолок рот, он быстро-быстро закивал головой и стал махать хвостом, пытаясь довести себя до лютой ярости. Сисели же его просто не замечала и продолжала осматриваться, слегка раскачиваясь на своих длинных, тонких ногах. Джеронимо тихо скользил по стене, бешено глотая воздух. Футах в трех от богомола он остановился и начал поочередно приподнимать лапки, проверяя надежность своей позиции. Сисели посмотрела на него с притворным изумлением, будто увидела в первый раз. Не сходя с места, она повернула голову и бросила взгляд через плечо. Джеронимо продолжал пристально смотреть на нее и все отча-

янной глотал воздух. Сисели холодно оглядела его своими выпуклыми глазами и снова принялась обследовать потолок, как будто геккона вовсе не было на свете. Джеронимо придвинулся на несколько дюймов, еще раз пошевелил пальцами, взмахнул кончиком хвоста. Затем он стремительно бросился вперед, и тут произошла удивительная вещь: Сисели, которая до этого момента была целиком поглощена исследованием трещины в штукатурке, вдруг подпрыгнула в воздух, перевернулась и села на то же место, только теперь она развернула веером крылья, приподнялась на задних ногах и привела в боевую готовность передние. Джеронимо, не ожидавший такого резкого отпора, отскочил назад дюйма на три и снова устремил на нее взгляд. Она тоже упорно смотрела на него с каким-то презрительным вызовом. Джеронимо, казалось, был несколько сбит с толку, ведь он уже давно привык к тому, что при его приближении богомолы тотчас срывались с места и неслись на другой конец комнаты, а тут она стояла перед ним в боевой позиции, готовая нанести удар, и раскачивалась на длинных ногах, отчего ее зеленые, распушенные веером крылья слегка шелестели. Однако дело зашло уже слишком далеко, отступать было поздно, поэтому, собравшись с духом, Джеронимо прыгнул вперед и со всего размаху врезался в богомола.

Сисели покачнулась от удара, а геккон ухватил ее пастью за верхнюю часть туловища. Тогда она вцепилась острыми передними ногами ему в заднюю лапу, и они зигзагами понеслись по потолку, по стене, стараясь одолеть друг друга. Затем наступила пауза, когда противники отдыхали и готовились ко второму раунду, по-прежнему не ослабляя цепких объятий. Я раздумывал, следует ли мне вмешаться. Жалко ведь, если кто-нибудь из них погибнет, но не хотелось их разнимать. Пока я решал этот вопрос, борьба началась снова.

По каким-то соображениям Сисели упорно старалась стащить Джеронимо со стены на пол, а он с такой же решимостью стремился тянуть ее к потолку. Борьба продолжалась некоторое время с переменным успехом, однако решительного перелома не было. Но тут Сисели совершила роковую ошибку: воспользовавшись очередной передышкой, она рванулась в воздух, словно собиралась пролететь через комнату, держа в когтях Джеронимо, как орел ягненка. Только она совсем не учла его веса. Неожиданный рывок захватил геккона врасплох, присоски на его пальцах оторвались от потолка, и Сисели, конечно, была не в силах справиться с таким грузом. Спутанный клубок из ног и крыльев перевернулся в воздухе и рухнул на кровать.

Оба противника были настолько ошеломлены, что невольно разжали свои объятия и сидели теперь на одеяле, впившись друг в друга горящими глазами. Я решил, что подоспела пора вмешаться и объявить ничью, но

Д только хотел схватить противников, как они снова бросились друг на друга. На этот раз Джеронимо действовал более мудро и сразу зажал в пасти острую переднюю ногу Сисели. Тогда она обвила его шею другой ногой. Обоим было неудобно сражаться на одеяле, так как их пальцы и когти то и дело застревали в ворсе, мешая двигаться. Они метались туда и сюда по постели и наконец стали пробиваться к подушке. Вид у обоих теперь был очень потрепанный: у Сисели смято и оторвано крыло и выведена из строя согнутая нога, у Джеронимо расцарапана до крови вся спина и шея. Мне очень хотелось посмотреть, кто же из них выйдет победителем, и я уже не думал их останавливать. Когда они оказались у подушки, я вылез из постели, вовсе не желая, чтобы один из острых коготков Сисели впился мне в грудь.

Сисели уже совсем выбивалась из сил, но, когда ее ноги коснулись гладкой поверхности простыни, она опять пришла в себя. Жаль только, что ее вновь обретенные силы были направлены не на ту цель. Отпустив шею Джеронимо, Сисели вцепилась ему в хвост. Надеялась ли она поднять геккона в воздух и таким образом лишить его возможности двигаться, я не знаю, но результат получился обратный. Как только ее коготки впились в хвост, Джеронимо сбросил его. При этом он с такой силой дернулся, что голова у него резко замоталась из стороны в сторону и во рту осталась вырванная нога Сисели. И вот они сидят друг против друга: Сисели зажала коготками извивающийся хвост Джеронимо, а во рту у бесхвостого, окровавленного Джеронимо дергается левая передняя нога Сисели. Сисели все еще могла бы выиграть битву, если б сразу же ухватила за Джеронимо, пока он еще не успел выплюнуть изо рта погу, но ее слишком занимал трепещущий хвост, который она считала существенной частью противника и продолжала крепко держаться за него. А Джеронимо тем временем выплюнул ногу и бросился в атаку. Легкий треск — и вот голова и верхняя часть туловища Сисели исчезли в его пасти.

Битва окончилась. Теперь Джеронимо просто оставалось дожидаться смерти Сисели. Ноги ее подергивались, раскрытые веером зеленые крылья трепетали и шелестели, огромное брюшко вздрагивало, и от этих предсмертных конвульсий оба вдруг повалились и исчезли в складках измятой постели. Долгое время их совсем не было видно. До меня доносилось лишь слабое потрескивание крыльев богомола, но и оно скоро прекратилось. Наступила тишина, а потом из простыни высунулась исцарапанная, окровавленная головка, пара золотистых глаз окинула меня ликующим взглядом, и измученный Джеронимо выполз наружу. На плече у него был выдран большой клочок кожи, на его месте зияла красная, кровоточащая рана, по всей спине выступали капли крови — следы когтей богомола, а окровав-

ленный обрубок хвоста оставлял на простыне красный след. Геккон был избит, искалечен, истерзан, но вышел из боя победителем.

Некоторое время Джеронимо сидел, глотая воздух, на постели, позволив мне обтереть ему спину намотанной на спичку ватой. Потом он получил от меня в награду пять жирных мух и проглотил их с большим удовольствием. Подкрепив таким образом силы, Джеронимо переключался на стену, добрался тихонько до подоконника, перелез через него и спустился по стенке к себе домой, под камень на клумбе. Должно быть, он решил, что после такой яростной схватки совсем неплохо устроить себе ночной отдых. А на следующий вечер он снова был на своем обычном месте в углу, самоуверенный, как всегда. Весело помахивая остатком хвоста, он наблюдал за праздничным хороводом насекомых вокруг лампы.

И вот однажды, недели через две после великой битвы, Джеронимо пополз на подоконник и, к моему изумлению, привел с собой другого геккона, совсем маленького, вдвое меньше, чем он сам, очень нежного жемчужно-розового цвета и с огромными блестящими глазами. Джеронимо занял свой обычный пост в углу, тогда как новый пришелец выбрал себе место в середине потолка. Оба приступили к охоте, сосредоточив на ней все свое внимание и совершенно позабыв друг о друге. Сперва я было принял этого изящного пришельца за невесту Джеронимо, но исследования на клумбе с цинниями показали, что тот по-прежнему ведет холостяцкий образ жизни. Новый геккон спал где-то в другом месте и появлялся только вечером, карабкаясь вслед за Джеронимо по стене дома в мою спальню. Зная драчливый характер Джеронимо, я не мог понять, как это он согласился терпеть другого геккона. Мне хотелось думать, что это дочь или сын Джеронимо, однако я хорошо знал, что у гекконов семьи не бывает, они просто откладывают яички и оставляют малышей (когда те выведутся) на произвол судьбы. Я все еще не мог решить, какое бы имя дать новому обитателю моей спальни, когда его вдруг постигла злая участь.

С левой стороны от нашего дома, будто зеленая чаша, раскинулась широкая лощина с зарослями корявых олив. Ее окружали каменистые обрывы футов двадцати высотой, и у их основания среди россыпи камней густо разрослись мирты. С моей точки зрения, это были прекрасные охотничьи земли, там ютилось множество всевозможных животных. Однажды, охотясь на этих камнях, я заметил под миртовыми кустами толстый полугнивший ствол оливы. В надежде разыскать под ним что-нибудь интересное, я сделал героическое усилие и откатил его в сторону. В сырой ложбинке, оставленной бревном, сидели два живых существа, заставивших меня раскрыть рот от изумления.

По виду это были обыкновенные жабы, но меня поразили их размер — каждая превосходила в объёме блюдце средней величины. Жабы были се-

Д ровато-зеленого цвета, все в бородавках и в каких-то белых лоснящихся пятнах, лишенных пигмента. Обе глядели на меня, словно тучные, покрытые коростой Будды, и с виноватым видом глотали воздух в свойственной жабам манере. Я поднял их с земли. Они сидели у меня на ладонях, похожие на слегка спущенные воздушные шары, мигали своими прекрасными, из золотой филиграни глазами и старались поудобнее устроиться на моих пальцах. Жабы смотрели на меня очень доверчиво, и, казалось, их широкие, толстогубые рты расплываются в робкой, растерянной улыбке. Я был от них в восторге, и моя находка так возбуждала меня, что я должен был немедленно разделить с кем-нибудь свою радость, иначе меня разорвало бы на части. С жабой в каждой руке я помчался что есть духу домой показать свое новое приобретение.

Когда я ворвался в дом, мама и Спиро проверяли в кладовке запасы продуктов. Подняв руки над головой, я попросил взглянуть на моих чудесных амфибий. Спиро стоял почти рядом со мной, и, когда он обернулся, жабы оказались прямо у него перед носом. Он изменился в лице, глаза его выкатились, а кожа приняла зеленоватый оттенок. Сходство между ним и жабами было просто поразительным. Зажав рот носовым платком, Спиро неверными шагами вышел на веранду.

— Разве можно показывать Спиро подобные вещи, мой милый? — зывала ко мне мама. — Ты ведь знаешь, что у него слабый желудок.

Я знал, что у Спиро слабый желудок, но не думал, что вид этих очаровательных созданий так подействует на него.

— Да что в них ужасного? — спросил я в недоумении.

— В них нет ничего ужасного, милый. Они очаровательны, — ответила мама, подозрительно разглядывая жаб. — Просто их *никто* не любит.

Спиро снова вошел в кладовку. Он был бледен и вытирал платком пот со лба. Я быстро спрятал жаб у себя за спиной.

К моему глубокому разочарованию, все остальные в доме реагировали на жаб примерно таким же образом, как и Спиро. Убедившись, что мне не удастся вызвать у других хотя бы каплю восторга, я с грустью отнес бедную пару к себе в спальню и осторожно положил на кровать.

Вечером, когда зажгли лампы, я выпустил жаб прогуляться по комнате и стал сбивать для них насекомых, летавших вокруг лампы. Жабы неуклюже поворачивались то в одну, то в другую сторону, проглатывая мои подношения. Их огромные рты захлопывались с легким цоканьем, в то время как толстый язык проталкивал насекомое внутрь. Вскоре в комнату ворвалась необыкновенно большая, взбодораженная бабочка. Для жаб это было прекрасное лакомство, и я пустился за ней в погоню. Однако она скоро уселась на потолок, недалеко от нового друга Джеронимо, где я не мог ее достать. Тогда я попытался сбить бабочку с потолка и запустил в нее

журналом, что было большой глупостью с моей стороны. Журнал попал не в бабочку, а в геккона, который в это время следил за приближающейся златоглазкой. Журнал отлетел в угол комнаты, а геккон шлепнулся на коврик, прямо перед мордой более крупной жабы. Он еще не перевел духа и я не успел броситься ему на помощь, как жаба с добрым выражением на лице прыгнула вперед. Рот ее широко распахнулся, из него быстро высунился и снова спрятался язык, унося с собой геккона. Потом жабий рот опять захлопнулся, и морда приняла свое прежнее выражение застенчивой доброты. Джеронимо, висевший в своем углу вниз головой, остался, как видно, безучастным к судьбе товарища, но на меня это происшествие произвело жуткое впечатление. К тому же я был подавлен сознанием, что все это случилось по моей вине. Опасаясь, как бы сам Джеронимо не оказался их следующей жертвой, я быстро схватил жаб и запер в коробке.

Эти гигантские жабы заинтересовали меня по многим причинам. Вообще-то они относились к обыкновенному виду, только вот тело и ноги у них в каких-то странных белых пятнах. К тому же эти чудовища раза в четыре больше всех жаб, какие мне до сих пор встречались. Странно и то, что я нашел их вместе. Удивительно найти и одного такого гиганта, а сразу двух, сидящих вот так, рядышком, — открытие совсем необыкновенное. Я даже думал, что это будет новым вкладом в науку, и, преисполненный падежд, держал их взаперти под кроватью, дожидаясь следующего четверга. Когда приехал Теодор, я мигом сбегал за ними в свою спальню.

— Ага! — произнес Теодор, пристально разглядывая жаб, потом потрогал одну из них пальцем. — Да, это, несомненно, очень крупные экземпляры.

Он вынул из коробки одну жабу и положил на пол. Жаба глядела на него грустными глазами, пятнистая кожа ее раздувалась и опадала, как комок дрожжевого теста.

— Гм... да, — произнес Теодор. — Кажется, это обыкновенные жабы, хотя, как я уже сказал, исключительные экземпляры. Их странные пятна объясняются недостатком пигмента. Думаю, что это от возраста, хотя, конечно, я могу... э... ошибаться. Возраст у них, должно быть, очень солидный, раз они достигли таких размеров.

Я был удивлен. Жабы никогда не казались мне долгоживущими животными, и теперь я спросил у Теодора, по сколько же они обычно живут.

— Ну, это трудно сказать... гм... статистики не существует. Однако я представляю, что таким вот крупным волне может быть по двенадцать или даже по двадцать лет.

Он вынул из коробки вторую жабу и посадил ее на пол рядом с первой. Жабы сидели бок о бок, моргали, глотали воздух, вялые их бока вздымались от дыхания. Поглядев на них с минуту, Теодор достал из жилетного

Д кармана пинцет и вышел в сад. Отыскав там под камнями крупного красновато-бурого дождевого червяка, осторожно взял его пинцетом, принес на веранду и бросил около жаб. Извивающийся червяк свернулся сперва колечком, потом стал медленно разворачиваться. Жаба, что была к нему поближе, быстро моргнула глазами и чуть-чуть повернулась. Червяк продолжал извиваться, будто клок шерсти на горячих углях. Жаба наклонила голову, на ее широкой морде появилось выражение глубочайшей заинтересованности.

— Ага! — произнес Теодор, улыбаясь в бороду.

Червяк изобразил особенно судорожную восьмерку, и жаба с волнением подалась вперед. Огромный рот распахнулся, мелькнул розовый язык, и половина червяка была унесена в жабью утробу. Когда рот захлопнулся, вторая половина отчаянно извивавшегося червяка осталась снаружи. Жаба села на место и с большой осторожностью принялась запихивать лапками в рот свисавший конец червяка. При каждом толчке она делала резкое глотательное движение и закрывала глаза с выражением острой муки. Мало-помалу червяк исчезал между толстыми губами, пока наконец снаружи не остался только маленький, не больше дюйма, кусочек, который все еще подергивался.

— Гм, — весело хмыкнул Теодор. — Я всегда любил наблюдать, как они это проделывают. Знаешь, как будто фокусники, которые ярд за ярдом вытаскивают изо рта цветные ленты... э... только, разумеется, в обратном направлении.

Жаба моргнула, отчаянно глотая воздух, глаза ее сощурились, и последний кончик червяка скрылся у нее во рту.

— Хотел бы я знать: можно ли их научить глотать шпаги? Интересно попробовать.

Сверкнув глазами, Теодор осторожно поднял жаб с пола и положил обратно в коробку.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ГОВОРЯЩИЕ ЦВЕТЫ

Довольно скоро я получил неприятное известие, что мне нашли еще одного учителя. На сей раз это был некий Кралевски, человек, в жилах которого смешалась кровь множества национальностей, но преобладала английская. Мне сообщили, что он очень славный человек и к тому же интере-

суется птицами, так что мы с ним наверняка поладим. Однако последняя часть сообщения не произвела на меня ни малейшего впечатления. Я уже встречал немало людей, которые заявляли, что интересуются птицами, а на деле оказывалось (после тщательного опроса), что это просто шарлатаны, в глаза не выдавшие удода и не умевшие отличить горихвостку-чернушку от обыкновенной горихвостки. Я был уверен, что мои родные изобрели этого любящего птиц учителя просто для того, чтобы мне не так горько было вновь приниматься за учебу. И, уж конечно, его репутация орнитолога объяснялась тем, что однажды, когда ему было четырнадцать лет, он держал у себя канарейку. Поэтому я отправился в город на свой первый урок в самом унылом настроении.

Кравевски жил в старом доме на окраине города, занимал в нем два верхних этажа. Я поднялся по широкой лестнице, с презрительной бравадой выбил громкую дробь украшавшим входную дверь молотком и, насупившись, стал ждать, изо всей силы ввинчивая свой каблук в темно-красный коврик. Когда я уже хотел было постучать второй раз, послышался тихий звук шагов, дверь широко распахнулась, и передо мной предстал мой новый учитель.

Я сразу решил, что Кравевски вовсе не человеческое существо, а замаскированный под человека гном, облачившийся в старомодный, но очень элегантный костюм. Его большая яйцевидная голова, плоская по бокам, была откинута назад, на аккуратный, круглый горб, и это придавало ему довольно страшный вид, как будто он разглядывал небо и все время пожимал плечами. У него был длинный, с тонкой переносицей и широкими, вывернутыми ноздрями нос и необыкновенно большие влажные светло-карие глаза с застывшим, отсутствующим взглядом, словно их владелец только что вышел из транса. Большие, тонкие губы соединяли в себе одновременно и чопорность и юмор. Теперь они растянулись в приветственной улыбке, обнажив ровные, но уже пожелтевшие зубы.

— Джерри Даррелл? — спросил он, попрыгивая, как влюбленный воробей, и помахал передо мной тонкими пальцами. — Джерри Даррелл, я полагаю? Входи, дорогой мальчик, пожалуйста, входи.

Он поманил меня указательным пальцем и повел через темную прихожую со скрипучими половицами под истертым ковром. — Вот сюда. В этой комнате мы будем заниматься, — говорил певчим голосом Кравевски, распахнув дверь и впуская меня в маленькую комнату, не слишком заставленную мебелью. Я положил свои книги на стол и сел на указанный мне стул. Опираясь на кончики превосходно наманикюренных пальцев, Кравевски склонился над столом и рассеянно улыбнулся. Я улыбнулся ему в ответ, не очень понимая, чего он от меня хочет.

Д — Друзья! — произнес он восторженно. — Очень важно, чтобы мы стали друзьями. Я вполне, вполне уверен, что так оно и будет. Как ты думаешь?

Я кивнул с серьезным видом и закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Дружба, — прошептал он, закрыв в восторге глаза. — Дружба! Вот что надо!

Губы его беззвучно шевелились. Я даже подумал, уж не молится ли он, и если молится, то за кого: за меня, за себя или за нас обоих? Над его головой закружилась муха и села ему на нос. Он вздрогнул, согнал муху, открыл глаза и сощурился.

— Да, да, именно так, — сказал он твердо. — Я уверен, что мы будем друзьями. Твоя мама говорила, что ты очень увлекаешься животными. Вот это нас и сблизит сразу... соединит узами, так сказать.

Большим и указательным пальцами он вытащил из жилетного кармашка большие золотые часы, поглядел на них, сокрушенно вздохнул, положил обратно и погладил лысину, сиявшую, как темный камешек среди кудрявой поросли.

— Между прочим, я развожу птиц. Правда, как любитель, — скромно признался он. — Если хочешь, посмотри мою коллекцию. Смею думать, что полчаса, проведенные перед началом занятий с пернатыми, не принесут нам вреда. Кроме того, я немножко запоздал сегодня, и еще двум-трем птицам надо сменить воду.

Он поднялся по скрипучей лестнице наверх и загремел большой связкой ключей перед обитой зеленым сукном дверью.

Выбрав нужный ключ и повертев его в замочной скважине, Кралевски открыл тяжелую дверь. Из комнаты на меня хлынул ослепительный солнечный свет и вместе с ним громкое птичье пенье. Можно было подумать, что в темном коридоре на чердаке своего дома Кралевски распахнул передо мной врата рая. Мансарда была очень большая, чуть ли не во весь этаж. Голый пол и почти никакой мебели, кроме большого соснового стола посреди комнаты. Зато все стены от пола до потолка были увешаны просторными, легкими клетками со множеством порхающих и щебечущих птиц. Везде на полу были рассыпаны семена, приятно хрустевшие под ногами, точно мелкая галька на морском берегу. Зачарованный таким обилием птиц, я медленно шагал по комнате, заглядывая в каждую клетку. Кралевски (забывший, наверно, о моем существовании) схватил со стола большую лейку и проворно двигался от клетки к клетке, наполняя блюдечки водой.

Мое первое впечатление, что все птицы в клетках — канарейки, было неверным. Я с восторгом обнаружил тут щеглов, пестрых, как клоуны, в

их ярко-малиновом, желтом и черном наряде, желто-зеленых зеленушек, будто листья лимонного дерева в середине лета, коноплянок в их изящных шоколадно-белых костюмах из твида, снегирей с пышной розовой грудью и разных других птиц. В одном углу комнаты я наткнулся на стеклянную дверь, которая вывела меня на балкон. С каждой стороны балкона были пристроены большие клетки, в одной жил черный дрозд с бархатными перьями и красивым бананово-желтым клювом, в другой, напротив нее, похожая на дрозда птица в великолепном оперении всех небесных оттенков — от темно-синего до опалового.

— Каменный дрозд, — объявил Кралевски, неожиданно просунув голову в дверь и показывая на эту красивую птицу. — Мне привезли его в прошлом году из Албании, тогда он был еще птенцом. К сожалению, я до сих пор не смог получить для него даму.

Он приветливо помахал дрозду лейкой и снова скрылся за дверью. Дрозд поглядел на меня озорным глазом, впустил на груди перья и выпустил серию отрывистых звуков, похожих на радостный смех. Насмотревшись на него вдоволь, я вернулся в мансарду, где Кралевски все еще разливал птицам воду.

— Не хотел бы ты мне помочь? — спросил он, обращая ко мне отсутствующий взор, и опустил лейку, так что тонкая струйка воды полилась на носок его начищенного до блеска башмака. Я всегда думал, что две пары рук справятся с этой работой успешнее. Если ты возьмешь лейку... вот так... я буду доставать блюдечки... отлично! Как раз то, что надо! Вдвоем мы мигом покончим с этим делом.

Я наполнял водой глиняные поилки, а Кралевски брал их осторожно двумя пальцами и ловко расставлял по клеткам, как будто совал леденцы в рот ребенку. При этом он все время разговаривал и со мной и с птицами совершенно одинаковым тоном, так что я не всегда понимал, кому адресовано замечание: мне или одному из обитателей клеток.

— Да, они сегодня в прекрасном настроении, потому что светит солнце... как только оно окажется с этой стороны дома, они начнут петь. В другой раз надо отложить побольше... только два, моя дорогая, только два. При всем желании это выводком не назовешь. Нравятся тебе новые семена? А сам-то ты держишь кого-нибудь? Здесь можно найти очень интересных птиц... Не делай этого в чистую воду... Разводить некоторых из них совсем нелегко, но я считаю эту работу очень благородной; в особенности с помесями. У меня обычно хорошо идет дело с помесями... Конечно, за исключением тех случаев, когда ты откладываешь только по две штуки... мошенница, *мошенница!*

Д Вода наконец была разлита. Кралевски постоял еще с минуту, любуясь своими птицами, улыбнулся про себя и старательно вытер руки маленьким полотенцем. Потом он провел меня по комнате, останавливаясь возле каждой клетки, чтобы рассказать историю птицы, ее родителей и что он собирается с птицей делать. Мы рассматривали — в приятном молчании — порхавшего толстенького снегиря, как вдруг раздался громкий дребезжащий звук, заглушивший птичье щебетание. К моему удивлению, он шел откуда-то изнутри живота Кралевски.

— Бог ты мой! — ужаснулся он, обращая ко мне страдальческий взгляд. — Боже милостивый!

Вынув двумя пальцами из кармана часы, он нажал рычажок, и трезвон прекратился. Я был несколько разочарован тем, что у звука оказался такой банальный источник. Насколько бы привлекательней были уроки, думал я, если б у моего учителя временами раздавался звон внутри. Кралевски с беспокойством посмотрел на часы и поморщился.

— Бог ты мой! — повторил он слабым голосом. — Уже двенадцать часов... Время и впрямь летит как на крыльях... Подумать только, ведь тебе через полчаса надо уезжать.

Он положил часы обратно в кармашек и погладил лысину.

— Ну вот что, — сказал он наконец. — За полчаса мы все равно не сумеем добиться научных успехов, поэтому я предлагаю, если тебе это не покажется скучным, спуститься в сад и собрать немного крестовника для птиц. Это растение очень полезно для них, в особенности когда они несутся.

Мы спустились в сад и рвали крестовник до тех пор, пока с улицы не донесся шум автомобиля Спиро, подающего сигналы, похожие на крик раненой утки.

— Кажется, это твой автомобиль, — учтиво заметил Кралевски. — Нам удалось собрать достаточно зелени для птиц. Твоя помощь была неопенимой. Завтра приезжай ровно в девять, понимаешь? Нельзя опаздывать. Будем считать, что сегодняшний день не пропал даром. Это было своего рода вступление, оценка друг друга. И я надеюсь, что у нас есть основы для дружбы. Бог ты мой, как это важно! Ну, до свиданья, до завтра, значит.

Когда я закрыл за собой скрипучую чугунную калитку, он учтиво помахал мне рукой и пошел обратно к дому, оставляя за собой след из золотых цветков крестовника.

Дома меня сразу спросили, как мне понравился новый учитель. Не вдаваясь в подробности, я сказал, что человек он хороший и что я надеюсь с ним подружиться. На расспросы о том, чем мы занимались сегодня утром,

я ответил не без гордости, что сегодняшние занятия были посвящены орнитологии и ботанике. Все как будто остались довольны. Очень скоро я понял, что у Кралеvски не побездельничаешь и что он твердо решил дать мне образование, как бы я сам к этому ни относился. Уроки были для меня утомительны, потому что Кралеvски пользовался такими методами преподавания, какие были в ходу, наверное, в середине восемнадцатого века. Историко он давал огромными, трудными для усвоения кусками, даты надо было выучивать наизусть. Мы сидели и монотонно повторяли их до бесконечности, пока они не становились каким-то заклинанием, которое мы произносили автоматически, думая совсем о другом. В географии, как я ни досадовал, мы ограничились лишь Британскими островами. Приходилось чертить бесчисленные карты и наносить на них все графства с их главными городами, а потом эти графства и города надо было выучивать наизусть вместе с названиями крупных рек, основными предметами производства, числом жителей и множеством других скучных и совершенно ненужных сведений.

— Сомерсет? — произнесил Кралеvски с видом судьи.

Я сдвигал брови, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь об этом графстве. Кралеvски следил за моими умственными усилиями, и от беспокойства глаза его раскрывались все шире.

— Ну ладно, — говорил он наконец, когда становилось очевидным, что мои познания о Сомерсете равны нулю. — Ладно, давай оставим Сомерсет и поговорим об Уорикшире. Ну вот, какой там главный город? Уорик! Совершенно верно! А что же производят в Уорике?

По мне пусть бы они там вовсе ничего не производили, в этом Уорике, но я рискнул и сказал наугад: уголь. Я уже заметил, что если называть все продукты подряд (неважно, о каком графстве или городе идет речь), то рано или поздно отыскивается правильный ответ. Страдания Кралеvски из-за моих промахов были неподдельны. В тот день, когда я сообщил ему, что в Эссексе производят нержавеющей сталь, в его глазах стояли слезы. Но эти долгие периоды огорчений с лихвой возмещались необыкновенной радостью и восторгом, когда мой ответ по какой-нибудь странной случайности оказывался правильным.

Раз в неделю мы мучались над французским языком. Кралеvски говорил по-французски отлично, и слушать, как я коверкал язык, было для него почти невыносимо. Довольно скоро он обнаружил, что заниматься со мной по обычным учебникам совершенно бесполезно, поэтому отложил их в сторону и взял трехтомник о птицах, но все равно это был для нас тяжелый труд. По временам, когда мы в двадцатый раз читали описание оперения малиновки, на лице Кралеvски появлялось выражение мрачной решимости.

Д мости. Он захлопывал книгу, выбегал в прихожую и через минуту появлялся в изящной панаме.

— Я думаю, небольшая прогулка освежит нас немного... проветрим наши мозги, — объявлял он, с неприязнью взглянув *en petits oiseaux de L'Europe*¹. — Я думаю пройтись по городу и вернуться обратно на эспланаде. Как ты на это смотришь? Отлично! Ну, не будем зря терять времени и воспользуемся прогулкой для разговорной практики французского языка. Итак, ни одного слова по-английски, будем говорить только по-французски. Таким образом мы его и выучим.

И вот почти в полном молчании мы ходили по городу. Прелесть этих прогулок заключалась в том, что, куда бы мы сначала ни пошли, мы неизменно, так или иначе, оказывались на птичьем рынке. С нами происходило почти то же самое, что с Алисой в саду Зазеркалья: как бы решительно мы ни шагали в противоположном направлении, все равно в два счета попадали на маленькую площадь, где на прилавках громоздились клетки из ивовых прутьев и воздух звенел от пения птиц. Французский язык сразу забывался. Он отходил в ту область, где оставались исторические даты, алгебра, геометрия, главные города графства и подобные им вещи. Глаза у нас сияли, лица разгорались, мы ходили от прилавка к прилавку, внимательно разглядывая птиц, отчаянно торговались с продавцами и понемногу нагружались клетками.

Потом нас внезапно возвращал на землю перезвон часов в жилетном кармане Кралевски, который с трудом удерживая свой шаткий груз, пытался вытащить часы из кармана и остановить их.

— Бог ты мой! Двенадцать часов! Кто бы мог подумать?! Пожалуйста, поддержи эту коноплянку, пока я остановлю часы... благодарю... Нам ведь надо торопиться, а? Вряд ли сможем идти пешком с таким вот грузом. Ах, боже мой! Надо взять извозчика. Экстравагантно, конечно, но тут уж ничего не поделаешь.

Мы перебегаем площадь, складываем наши щебечущие, порхающие покупки на извозчика и катим к дому Кралевски. Стук копыт и звон упряжки весело смешиваются с чириканьем нашего птичьего груза.

Я прозанимался с Кралевски уже несколько недель, прежде чем открыл, что он живет не один. Во время наших занятий он иногда останавливался прямо в середине задачи или перечисления городов и склонял голову набок, как будто прислушивался к чему-нибудь.

— Извини, пожалуйста, — говорил он. — Мне надо отлучиться на минутку к маме.

¹ Мелкие птицы Европы (франц.).

Сначала это меня очень удивляло, так как я считал Кралевски слишком старым и не ожидал, что у него может быть жива мать. Поразмыслив как следует, я пришел к выводу, что это просто вежливый предлог для того, чтобы выйти в туалет. Я отлично понимал, что не все люди могут говорить об этом с такой легкостью, как у нас в семье. И вот как-то утром я съел за завтраком слишком много мушмулы, она дала о себе знать в середине урока истории. Поскольку Кралевски был так щепетилен в этом вопросе, я решил выразить свою просьбу вежливо, воспользовавшись его собственной манерой выражаться. Твердо поглядев ему в глаза, я объявил, что хотел бы повидать его маму.

— Мою маму? — поразился он. — Повидать мою маму? Сейчас?

Я не мог понять, что его так удивляет, и просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он неуверенно. — Конечно, она будет рада тебя видеть, но я все-таки пойду узнаю, удобно ли это теперь.

Он вышел из комнаты, все еще как бы недоумевая, и через пять минут вернулся снова.

— Мама будет рада повидать тебя, — объявил он, — только просит извинить ее за то, что она немного не в порядке.

Я сказал, что ни чуточки не возражаю, если его мама будет не совсем в порядке, с нашей это тоже иногда случается.

— А... э... да-да, я так и думал, — пробормотал он и поглядел на меня с беспокойством.

Кралевски провел меня по коридору, открыл дверь и, к моему совершенному изумлению, впустил в большую темную спальню. Это был настоящий цветник. Повсюду стояли вазы, кувшины, горшки со множеством красивых цветов, сиявших в полутьме комнаты, словно драгоценные камни на стенах пещеры. С одной стороны стояла огромная кровать, и на ней среди груды подушек виднелась маленькая, почти детская фигурка. Когда мы подошли поближе, я подумал, что женщина это очень старая, так как ее тонкое, болезненное лицо было покрыто густой сеткой морщин, избородивших ее мягкую, бархатистую, словно молоденький гриб, кожу. Но больше всего поразили в ней волосы, густым каскадом спадавшие ей на плечи. Они занимали полкровати и были самого изумительного темно-рыжего цвета, какой только можно себе вообразить. Волосы сверкали и искрились, будто от огня, напоминая мне осенние листья или блестящую зимнюю шкурку лисицы.

— Мама, — тихо окликнул ее Кралевски, проходя через комнату и садясь на стул у кровати. — Мама, Джерри к тебе пришел.

Миниатюрная женщина подняла прозрачные, бледные веки и посмотрела на меня большими карими глазами, ясными и умными, как у птицы.

Д

Из глубины золотых волос она подняла тонкую, красивую руку в кольцах и с озорной улыбкой протянула ее мне.

— Я очень рада, что тебе захотелось повидать меня, — сказала она тихим, хрипловатым голосом. — В наше время люди моего возраста многим кажутся скучными.

Я пробормотал что-то в смущении, а она посмотрела на меня ясными глазами, засмеялась грустным, мелодичным смехом и постучала рукой по кровати.

— Садись, — пригласила она. — Садись, пожалуйста, и поговорим немного.

Осторожно взяв в руки волосы, я отодвинул их в сторону, чтобы можно было сесть. Волосы были мягкие, шелковистые и тяжелые, они струились у меня между пальцами огненной волной.

Кравевски улынулся и взял в руки прядь волос, слегка покрутив их, чтоб они зашверкали.

— Теперь это у меня единственная гордость, — сказала женщина. — Все, что осталось от моей красоты.

Она посмотрела на свои волосы, как будто это было что-то постороннее, не имевшее с нею ничего общего, и нежно погладила их.

— Это удивительно, — сказала она. — Очень удивительно, но, знаешь, я думаю, что красивые вещи влюбляются сами в себя, как Нарцисс. И когда это происходит, они начинают жить самостоятельно, без всякой поддержки. Они так погружаются в собственную красоту, что живут только ради нее, держатся сами собой, так сказать. И чем прекраснее они становятся, тем сильнее. Получается замкнутый круг. Вот так и с моими волосами. Они живут самостоятельно, растут сами по себе, и то, что мое тело дряхлеет, несколько не действует на них. Когда я умру, они заполнят почти весь мой гроб и, наверно, будут еще долго расти.

— Ну полно, полно, мама, не надо так говорить, — мягко пожурил ее Кравевски. — Мне не нравятся эти болезненные мысли.

Повернув голову, она ласково посмотрела на него и тихо засмеялась.

— Вовсе они не болезненные, Джон, — сказала она. — Просто у меня такая теория. И подумай, какой это будет прекрасный саван.

Она посмотрела на свои волосы со счастливой улыбкой. В это время у Кравевски громко зазвонили часы. Он встрепенулся, вынул их из кармашка и остановил.

— Бог ты мой! — вскочил он с места. — Из тех яиц, наверно, уже вылупились птенцы. Ты меня извинишь, мама? Я на минутку, обязательно надо посмотреть.

— Беги-беги, — сказала она. — Мы с Джерри тут поговорим, пока ты не вернешься.

— Вот то, что надо! — воскликнул Кралевски и быстро пошел к двери, пробираясь, словно крот, сквозь радугу цветов. Когда дверь за ним со вздохом затворилась, мадам Кралевски повернула ко мне лицо и слегка улыбнулась.

— Говорят, — начала она, — говорят, что, когда человек становится старым, как я, в его теле все замедляется. Нет, я этому не верю. Это не так. У меня есть своя теория. Не в человеке все замедляется, а жизнь для него замедляется. Ты меня понимаешь? Все становится как бы затянутым, а когда все движется медленнее, заметить можно гораздо больше. Вам все видно! Все необыкновенное, что происходит вокруг вас, о чем вы даже и не подозревали прежде. Какое чудесное переживание, просто чудесное.

Она удовлетворенно вздохнула и обвела комнату взглядом.

— Возьмем хотя бы цветы, — сказала она, показывая на букеты, наполнявшие комнату. — Ты когда-нибудь слышал, как цветы разговаривают?

Я в удивлении покачал головой. Говорящие цветы были для меня совершенной новостью.

— Можешь мне поверить, они в самом деле разговаривают. Ведут между собой длинные беседы... во всяком случае, я считаю это беседами, а о чем они говорят, мне, конечно, не попятно. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, возможно, и ты сумеешь их услышать, если, конечно, останешься восприимчив к таким вещам. Большинство людей считает, что, когда человек стареет, он уже ничему не удивляется, ничему не верит и поэтому лучше воспринимает мысли. Глупости это! У всех старых людей, кого я знаю, мозги с отроческих лет закрылись, как серые устрицы.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Скажи, я не кажусь тебе странной? Немного тронутой, а? Со своими разговорами о говорящих цветах?

Я искренне поспешил ее уверить, что не считаю. Конечно, цветы вполне могут разговаривать друг с другом. Вот летучие мыши издают такой тихий писк, я его слышу, а взрослые нет, потому что звуки очень высокие.

— Вот-вот! — обрадовалась она. — Все дело в длине волны. Я объясняю это замедлением движения. А еще в юности мы не замечаем, что все цветы имеют свою индивидуальность. Они отличаются друг от друга так же, как и люди. Посмотри вон туда. Видишь там розу в вазочке?

В углу на маленьком столике в серебряной вазочке стояла замечательная бархатная роза такого густого красного цвета, что казалась почти черной. Это был великолепный цветок с лепестками безупречной формы и

Д с нежным налетом на них, таким же, как пушок на крыле только что появившейся из кокона бабочки.

— Ну что, красавица? — спросила мадам Кралевски. — Чудесная ведь, а? Она стоит у меня две недели. Трудно поверить, правда? И она не была бутоном, когда ее сюда принесли. Нет-нет, она уже тогда вполне раскрылась, только совсем поникла, я даже не думала, что она выживает. Кто-то неосторожно засунул ее в букет астр. Это смертельно, просто смертельно! Ты не представляешь, как жестоки все сложноцветные. Это очень сильные цветы, очень приземленные, и, конечно, безрассудно было помещать среди них такую аристократку, как роза. Когда ее принесли сюда, она так завяла, что я даже не заметила ее среди астр. Но, к счастью, я услышала их разговор, пока дремала тут. Его начали желтые астры, которые всегда кажутся такими воинственными. Конечно, я не знаю, о чем они говорили, но это было ужасно. Сначала я не поняла, с кем они ведут разговор, думала, они ссорятся между собой. Потом я встала с постели и увидела среди них эту бедную розу, изведенную до полусмерти. Я вынула ее, поставила отдельно, добавив в воду полтаблетки аспирина. Аспирин очень хорошо действует на розы. Серебряные монетки — для хризантем, аспирин — для роз, бренди — для душистого горошка, лимонный сок — для мясистых цветов, таких, как бегония. Ну вот, когда ее спасли от астр и дали возбуждающее средство, она очень быстро оправилась и казалась очень признательной. Очевидно, теперь в благодарность мне роза старается сохранить свою красоту как можно дольше.

Она с любовью посмотрела на цветок, сияющий в своей серебряной вазе.

— Да, я очень многое узнала о цветах. Они как люди. Если их собирается слишком много, они действуют друг другу на нервы и начинают вянуть. Смешай некоторые цветы — и увидишь, какая между ними пачнется распря. Конечно, важное значение имеет вода. Знаешь, некоторые люди думают, что воду надо менять каждый день. Ужасно! Ты можешь услышать, как гибнут от этого цветы. Я меняю воду раз в неделю, кладу в нее горсть земли, и цветы стоят очень хорошо.

Открылась дверь, в комнату с победной улыбкой вошел Кралевски.

— Они вылупились, — объявил он. — Все четверо. Как я рад! Я так беспокоился. Это ее первый выводок.

— Прекрасно, дорогой. Я очень рада, — просияла мадам Кралевски. — Рада за тебя. Ну, а мы с Джерри интересно побеседовали. По крайней мере, для меня это было интересно.

Я сказал, что для меня это тоже было очень интересно, и встал с кровати.

— Ты должен прийти ко мне еще раз, если тебе не скучно, — сказала она. — Может быть, мои рассуждения немного экстравагантны, но тебе их стоит послушать.

Она улыбнулась мне и подняла руку в знак прощания. Мы с Крелевски направились к двери. На пороге я остановился, посмотрел назад и улыбнулся. Она лежала совсем неподвижно под покровом своих тяжелых волос. Когда я оглянулся, она еще раз подняла руку и помахала ею на прощание. Мне казалось, что в полутемной комнате цветы придвигаются к ней, теснятся у ее кровати как бы в ожидании, что она расскажет им о чем-нибудь. Старая больная королева в окружении своего двора — говорящих цветов.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЦИКЛАМЕНОВЫЕ РОЩИ

Примерно в полумиле от нашего дома возвышался довольно большой, поросший травой и вереском холм с тремя оливковыми рощицами наверху в окружении миртовых зарослей. Я назвал эти рощицы цикламеновыми, потому что в определенное время года земля под оливковыми деревьями ярко вспыхивала от красных и малиновых цветков цикламенов, которые росли тут как будто гуще и пышнее, чем во всех других местах. Пестрые круглые луковки с отстающими чешуями сидели в земле, словно устрицы, и каждая выставляла наружу пучок темно-зеленых листьев со светлыми прожилками и фонтанчик красивых цветов, как бы составленных из ярко-красных снежинок.

В цикламеновых рощах было приятно провести время после полудня, полежать в тени олив. С холма открывался вид на долину, на мозаику полей, виноградников, фруктовых садов. Верхушка холма постоянно обдувалась ветром, хотя и очень незначительным. Как бы жарко ни было в долине, здесь, наверху, среди рощ всегда подувал легкий ветерок, играл листвою олив, заставлял без конца кланяться друг другу поникшие цветки цикламенов. Это было идеальное место для отдыха после изнурительной охоты на ящериц, когда голова у вас перекалилась на солнце, одежда намочила от пота, а три собаки, вывалив языки, пыhtят как паровозы. Однажды, отдыхая здесь с собаками как раз после такой вот охоты, я приобрел двух новых пернатых друзей и нечаянно раскрутил целую цепь событий, имевших определенные последствия для Ларри и Крелевски.

Д

Собаки растянулись среди цикламенов, раскинули задние ноги, чтобы получше прижаться к прохладной земле, и лежали, полуприкрыв глаза и высунув мокрые, дрожащие языки. Я сидел, прислонившись к столетнему стволу оливы, прямо как к спинке кресла, смотрел на поля и старался распознать в движущихся там разноцветных точках своих деревенских друзей. Где-то далеко внизу над светлым прямоугольником спелой кукурузы появился черно-белый мальтийский крест. Он быстро скользил над плоскими участками полей и решительно направлялся к вершине холма, где я сидел. Приблизившись ко мне, сорока трижды прокричала хриплым, несколько приглушенным голосом, как будто у нее было что-то в клюве, и стрелой спустилась в оливы, чуть подалее от меня. Наступила тишина. И вдруг из листвы донеслись резкие, хриплые крики. Они становились все громче, громче, а потом начали понемногу стихать. Опять послышался предостерегающий стрекот сороки, и вслед за тем она выпорхнула из листьев и полетела прочь от холма. Я все время следил за нею, пока она не превратилась в малюсенькое пятнышко, плавающее над кудрявым треугольничком виноградника на горизонте, потом осторожно подобрался к дереву, откуда только что доносились странные звуки. Там, высоко среди ветвей, я разглядел большой, наполовину скрытый серебристо-зеленой листвой овальный пук прутьев, как застрявший в ветках мячик. Вне себя от волнения, я полез вверх. Сгрудившиеся у дерева собаки с интересом следили за мной. Достигнув высоты гнезда, я посмотрел вниз, и у меня заныло под ложечкой, так как обращенные ко мне взволнованные собачьи морды казались отсюда не больше цветков фиалки. Очень осторожно (от напряжения у меня даже вспотели ладони) я стал пробираться к краю ветки, пока не оказался у гнезда среди трепетавшей на ветерке листвы. Это было солидное сооружение, большая, глубокая корзинка из тщательно переплетенных прутьев, выстланная изнутри корешками и землей. Маленькое входное отверстие открывалось сбоку, на обрамлявших его прутьях торчали острые шипы. Шипы выступали и по бокам гнезда и на искусно сплетенном куполе крыши. Такое гнездо должно было отпугнуть даже самых страстных любителей птиц.

Стараясь не глядеть вниз, я растянулся на ветке, осторожно просунул руку в отверстие усаженного колючками гнезда и стал шарить внутри. Когда моя рука наткнулась на нежный дрожащий комок пуха, из гнезда понесли громкие, хриплые крики. Я осторожно обхватил пальцами толстого теплого птенчика и вытащил его наружу. Даже я, при всей своей восторженной любви к птенцам, не мог бы назвать его красивым. У него был толстый короткий клюв с желтыми складками по углам, лысая голова и полуприкрытые мутные глаза, придававшие ему вид пьяного или скорее сла-

боузного субъекта. Морщинистая кожа складками болталась по всему телу, словно наспех и кое-как припиленная к мясу черными обрубками перьев. Между худыми длинными ногами торчал большой обвислый живот. Кожа на нем была такая тонкая, что сквозь нее просвечивали внутренности. Птенец сидел на моей ладони, выставив живот, будто наполненный водою шар, и беспомощно попискивал. Поискав внутри гнезда, я обнаружил там еще трех птенчиков, таких же безобразных, как и тот, что сидел у меня на ладони. Чуть подумав и внимательно оглядев каждого из них я решил взять одну пару себе, а другую оставить матери. Это показалось мне вполне справедливым, я не представлял, какие у матери могут быть возражения. Себе я выбрал самого большого (он быстро подрастет) и самого маленького (у него был очень трогательный вид), бережно посадил их за пазуху и стал спускаться вниз, где меня поджидали собаки. Когда я показал щенкам новое пополнение своего зверинца, они сразу предположили тут что-то съедобное и попытались выяснить, так ли это. Сделав им серьезное внушение, я показал птенцов Роджеру. Тот обнюхал их в своей обычной манере и быстро отступил, так как птенцы вскинули вдруг головы на длинных костлявых шеях, широко раскрыли красные глотки и громко заорали.

По пути домой я старался придумать имена своим новым птенцам и все еще бился над этой проблемой, когда увидел около дома автомобиль и всех своих родных, только что вернувшихся с покупками из города. Протянув в сложенных ладонях птенцов, я спросил, может ли кто-нибудь придумать им подходящие имена. Все сразу повернулись в мою сторону, и каждый отреагировал на свой манер.

— Какая прелесть, — сказала Марго.

— Чем ты их собираешься кормить? — спросила мама.

— Опять новые звери? — возмутился Ларри.

— Господи, мастер Джерри, — с отвращением поглядел на птенцов Спиро. — Кто они такие?

Я ответил довольно холодно, что это птенцы сороки и что я никого не прошу высказывать свое мнение о них, а просто хочу, чтоб мне помогли придумать им имена. Как их можно назвать?

Но у всех оказалось не то настроение.

— Подумать только! Он отнял этих бедняжек у матери, — сказала Марго.

— Надеюсь, милый, они уже могут самостоятельно глотать пищу? — заметила мама.

— Боже мой! Чего только не приносит мастер Джерри, — воскликнул Спиро.

Д — Смотри, чтоб они не занялись воровством, — предостерег Лесли.
— Воровством? — забеспокоился Ларри. — А я думал, что воруют только галки.

— Сороки тоже, — сказал Лесли. — Страшные воришки.

Ларри вынул из кармана бумажку в сто драхм и помахал ею над птенцами. Те сейчас же подняли головы, закрутили шеями, открыли глотки и отчаянно завопили. Ларри живо отскочил в сторону.

— Боже мой! Ты прав! — заволновался он. — Видел, как они пытались выхватить у меня деньги?

— Глупости, милый. Они просто голодные, — сказала мама.

— Вовсе не глупости, мама... ты видела, как они прыгали? Их привлекли деньги... даже в этом возрасте у них уже преступные инстинкты. Их нельзя держать в доме. Это все равно что жить вместе с Арсеном Люпен¹. Джерри, пойди и отнеси сорок туда, где ты их взял.

Я с невинным видом объяснил, что не могу этого сделать, так как их бросила мать и они могут умереть от голода. Это замечание, как я и предполагал, немедленно перетянуло маму и Марго на мою сторону.

— Нельзя, чтоб бедняжки погибли от голода, — выразила свой протест Марго.

— Не понимаю, почему их опасно держать, — сказала мама.

— Вы еще пожалеете об этом, — заявил Ларри. — Сами лезете на рожон. Они обрыщут весь дом. Нам придется закопать все наши ценности и выставить около них вооруженную стражу. Это же просто безумие.

— Не говори глупостей, милый, — успокаивала его мама. — Их можно держать в клетке и выпускать только для моциона.

— Моциона! — воскликнул Ларри. — Конечно, вы скажете, что это моцион, когда они будут носиться по всему дому со стодрахмовыми бумажками в своих мерзких клювах.

Я божился, что им ни при каких обстоятельствах не позволено будет воровать. Ларри посмотрел на меня испепеляющим взглядом. Я напомнил, что сорок надо все же как-то назвать, но никто не мог ничего придумать. Все стояли и смотрели на дрожащих птенцов, и никому ничего не приходило в голову.

— Что ты собираешься делать с этими ублюдками? — спросил Спиро.

Я объяснил ледяным тоном, что собираюсь держать их в доме и что это не ублюдки, а сороки.

— Как ты их называешь? — спросил Спиро, насупившись.

— Сороки, Спиро, сороки, — сказала мама, стараясь произносить слова медленно и отчетливо.

¹ Герой детективных романов.

Спиро повертел в уме это новое добавление к своему английскому лексикону, повторяя его про себя, чтобы лучше запомнить.

— Сороки, — произнес он наконец. — Сороки?

— Сорóки, Спиро, — поправила Марго.

— Я и говорю, сороки, — рассердился Спиро.

Мы сразу перестали подыскивать им имена, и они обе так и остались для нас просто Сороками.

К тому времени, когда подросшие птенцы покрылись перьями, Ларри настолько привык к ним, что совсем забыл об их предполагаемых преступных наклонностях. Толстые, гладкие, болтливые Сороки сидели на краешке своей корзинки и всем своим видом выражали невинность. Все шло хорошо, пока они не начали учиться летать. На первых стадиях обучения Сороки просто срывались со стола на веранде и, отчаянно хлопая крыльями, проносились по воздуху футов пятнадцать, а потом шлепались на каменные плитки. Отвага их возрастала вместе с силой крыльев, и вскоре они уже смогли совершить своей первый настоящий полет, облетев вокруг дома. Вид у них был просто замечательный. Длинные хвосты сверкали на солнце, крылья со свистом рассекали воздух, когда птицы устремлялись вниз, пролетая над виноградными лозами. Я позвал всех из дома, чтобы они могли полюбоваться птенцами. Заметив зрителей, Сороки стали летать еще быстрее, гонялись друг за другом, подлетали почти к самой стене, прежде чем перейти в вираж, и выделывали акробатические трюки на ветках магнолии. В конце концов одна из Сорок, ставшая из-за нашего одобрения слишком самоуверенной, врезалась в виноградную лозу и рухнула на веранду. Я подобрал ее и начал успокаивать. Теперь это уже был не бесстрашный воздушный ас, а несчастный комок перьев, раскрывший рот в жалобном хрипе. Но, раз испытав силу своих крыльев, Сороки быстро освоили дом и принялись там разбойничать.

Они узнали, что очень неплохо заглянуть иногда на кухню, если только оставаться у порога и не проникать внутрь. В гостиную и столовую, если там кто-нибудь был, они никогда не отваживались заявиться, а из всех спален только в моей могли рассчитывать на теплый прием. В спальне мамы и Марго Сороки, конечно, тоже могли залетать, но там им постоянно твердили, что этого нельзя, того нельзя, и они начинали скучать. Лесли пускал их в свою спальню не дальше подоконника, а после того, как он однажды выпалил нечаянно из ружья, Сороки совсем перестали навещать его. Нервы их были потрясены, и у них, вероятно, зародилось смутное подозрение, что Лесли покушался на их жизнь. Но, разумеется, сильнее всего их пленяла и притягивала спальня Ларри, наверное оттого, что им еще ни разу не удалось заглянуть туда как следует. Они не успевали даже коснуть-

Д ся подоконника, как на них обрушивался такой неистовый рев и сыпался такой град всяких предметов, что им приходилось немедленно удирать под сень магнолии. Позиция Ларри была им совершенно непонятна. Но раз уж он так волнуется, решили они, значит, ему есть что прятать, и их долг выяснить, в чем тут дело. Они терпеливо ждали своего часа, и вот однажды Ларри ушел на море и оставил окно открытым.

До возвращения Ларри я даже не подозревал, чем заняты птицы. Я их давно уже не видел и думал, что они улетели куда-нибудь вниз поворовать виноград. Видно, сами Сороки прекрасно понимали, каким нехорошим делом занимаются, потому что, всегда обычно говорливые, они действовали теперь в полном безмолвии и (по свидетельству Ларри) несли по очереди караул у окна. Поднявшись на холм, Ларри, к своему ужасу, увидел на подоконнике одну из Сорок и громко закричал на нее. Она подала сигнал тревоги, вторая птица сразу вылетела из комнаты, и они обе перепорхнули на магнолию, громко хихикая, словно мальчишки, которых спугнули во время набега на фруктовый сад. Ларри вломился в дом и стрелой полетел в свою комнату, схватив меня по пути за шиворот. Когда дверь распахнулась, из груди Ларри вырвался стон неизъяснимой муки.

Сороки прочесали комнату не хуже агента секретной службы, разыскивающего похищенные планы. Кругом на полу, как осенние листья, были разметаны листки отпечатанной рукописи и чистой бумаги. Почти все они были изукрашены симпатичным узором из проклеванных дырок. Сороки никогда не могли устоять перед бумагой. Пишущая машинка стояла на столе, как распутошенная лошадь на арене после боя быков. Лента из нее была выдернута, клавиши перемазаны птичьим поместом. Весь ковер, кровать и стол белели под сутробами бумажных обрывков. Сороки, очевидно, заподозрили в Ларри контрабандиста наркотиков и геройски сражались с банкой соды, рассеяв ее содержимое по рядам книг, так что те напоминали теперь заснеженную горную гряду. На полу, на крышке стола, на рукописи, на кровати и в особенности на подушке красными и зелеными чернилами был напесен необыкновенно живописный рисунок из отпечатков лапок, будто каждая птица опрокинула чернила своего любимого цвета и топталась по ним. Бутылка с синими чернилами, не такими яркими, осталась нетронутой.

— Нет, это уж последняя капля, — выговорил Ларри дрожащим голосом. — Решительно последняя капля. Ну вот что! Или ты примешь какие-то меры, или я своими руками пооткручиваю им шеи.

Я ответил, что Сороки не виноваты, их просто привлекают разные вещи, и они не могут удержаться. Так уж эти птицы устроены. Все пред-

ставители вороньего племени, продолжал я, увлекаясь ролью защитника, очень любопытны от природы. Они не понимают, что делают зло.

— Тебя никто не просит читать лекции о вороньем племени, — угрожающе сказал Ларри. — И меня не интересует нравственность сорок, врожденная или приобретенная. Я только хочу тебе сказать, чтобы ты выпвырнул их из дома или держал под замком, иначе я выпущу им кишки.

Услышав нашу перебранку, все остальные тоже поднялись наверх, чтобы выяснить, в чем там дело.

— Господи боже мой! Что же ты тут делал, милый? — спросила мама, заглядывая в разгромленную комнату.

— Послушай, мама, у меня нет настроения отвечать на глупые вопросы.

— Должно быть, Сороки, — сказал Лесли с вдохновением прорицателя. — Что-нибудь пропало?

— Нет, ничего не пропало, — со злостью ответил Ларри. — Все цело.

— Они перепутали все твои бумаги, — заметил Марго.

На минуту Ларри остановил на ней свой взгляд и глубоко втянул грудью воздух.

— Какая поразительная сдержанность речи, — вымолвил он наконец. — У тебя всегда наготове подходящая банальность, чтобы подвести итог катастрофе. Завидую твоей способности неметь пред ликом Судьбы.

— Можно обойтись и без грубостей, — сказала Марго.

— Ларри не хотел тебя обидеть, — успокаивала ее мама. — Естественно, что он расстроен.

— Расстроен? Рас-строен? Эти гнусные хищники ворвались сюда, будто свора критиков, и принялись рвать и пятнать мою рукопись, еще даже не оконченную, а ты говоришь, что я расстроен!

— Это очень досадно, милый, — сказала мама, пытаясь подыскать выражения посильнее. — Я уверена, что они не нарочно. Они ведь ничего не понимают... Это всего лишь птицы.

— Прощу тебя, перестань, — рассвирепел Ларри. — Я уже выслушал одну лекцию о понятии добра и зла в вороньем племени. Просто противно, как у нас в доме носятся с животными и городят всякую антропоморфическую чушь в их оправдание. Почему бы всем вам не стать сорокопоклонниками и не воздвигнуть храм в их честь? Глядя на вас, можно подумать, что это я во всем виноват и должен быть в ответе за то, что моя комната выглядит так, будто ее грабили орды Аттилы. Ну вот что, мои дорогие: если вы сию минуту не примете мер, я сам разделаюсь с этими птицами.

У Ларри был такой кровожадный вид, что Сорок надо было, конечно, убрать подальше от греха. Я заманил их сырым яйцом в свою комнату и за-

Д пер в корзинке. Что бы такое придумать для них получше? Ясно, держать их нужно в клетке, только мне хотелось бы для них клетку попросторней, но я понимал, что совсем большую мне одному не построить. Рассчитывать же на помощь своих близких просто не приходится. И вот я решил вовлечь в это дело Кралевски. Он может приехать к нам на день, и после того, как мы соорудим клетку, у него будет возможность показать мне приемы борьбы. Я уже давно ждал удобного случая для таких уроков, и теперешний казался мне идеальным. Умение бороться было одним из многих скрытых достоинств Кралевски.

Теперь я знал, что в жизни Кралевски, кроме любви к матери и птицам, было еще одно большое увлечение, целиком вымышленный мир, где всегда происходили удивительные и забавные события, в которых принимали участие только два главных действующих лица: он сам (герой) и какая-нибудь представительница прекрасного пола, называемая обобщенным именем Леди. Почувствовав, что я верю всем его историям, Кралевски становился все смелее и с каждым днем впускал меня чуть дальше в свой тайный рай. Все началось как-то во время перерыва между уроками, когда мы пили кофе с печеньем. Разговор зашел о собаках, и я признался в своем страстном желании иметь бульдога. Эти собаки казались мне совершенно неотразимыми в своем безобразии.

— Бог ты мой! Бульдога! — воскликнул Кралевски. — Замечательные звери, верные и храбрые, чего, к сожалению, не скажешь о бультерьерах.

Он отхлебнул кофе и посмотрел на меня смущенным взглядом. Догадавшись, что мне полагается вызвать его на разговор, я спросил, почему он считает бультерьеров особенно ненадежными.

— Предатели! — воскликнул он, вытирая губы. — Настоящие предатели!

Кралевски откинулся на спинку стула, закрыл глаза и сложил руки как бы в молитве.

— Я вспоминаю, что однажды (много лет назад, тогда я жил еще в Англии) мне пришлось спасти некую Леди, когда на нее набросилась одна из этих зверюг.

Он открыл глаза и посмотрел мне в лицо. Увидел, что я слушаю с большим вниманием, закрыл их снова и продолжал:

— Как-то прекрасным весенним утром я прогуливался по Гайд-парку. В тот ранний час парк был совсем пустынный и безмолвный. Раздавалось только пение птиц. Я уже прошел порядочно, как вдруг услышал громкий лай.

Голос его перешел в дрожащий шепот. Все еще не открывая глаз, он склонил голову чуть набок, как бы прислушиваясь. Это было так естест-

венно, что я тоже вообразил, будто слышу непрерывный бешеный лай, откликавшийся эхом среди бледно-желтых нарциссов.

— Сначала я не придавал этому значения, подумал, что это какая-нибудь собака вышла погоняться за белками. Потом сквозь свирепый лай я вдруг услышал крики о помощи.

Кравевски прямо застыл на стуле, лоб его нахмурился, ноздри вздрогнули.

— Я помчался туда через заросли и вдруг увидел нечто совсем ужасное.

Он остановился, провел рукой по лбу, как будто даже теперь едва мог вынести воспоминание о происшедшем.

— Там, прижавшись спиной к дереву, стояла Леди. Юбка ее была изодрана в клочья, ноги искусаны до крови. Она старалась отогнать шезлонгом наседавшего на нее бультерьера. Собака с пеной у рта прыгала и рычала, подкарауливая удобный момент. Ясно, что силы Леди были на исходе. Нельзя было терять ни секунды.

Все еще не открывая глаз, чтобы яснее видеть воображаемую картину, Кравевски выпрямился на стуле, расправил плечи и придавал своему лицу выражение насмешливого вызова, лихой отваги — выражение человека, собравшегося спасти Леди от бультерьера.

— Я поднял свою тяжелую трость и бросился вперед, громким голосом подбадривая Леди. Обернувшись на мой крик, собака сразу рванулась ко мне и страшно зарычала. Я так стукнул ее по голове, что палка моя сломалась пополам. Это, конечно, ошеломило собаку, но она все еще была полна сил. Я стоял перед нею беззащитный, а она собралась с духом, разинула пасть и прыгнула мне прямо на горло.

На лбу Кравевски вступил пот. Прервав свой рассказ, он достал носовой платок и приложил ко лбу. Мне не терпелось узнать, что было дальше. Кравевски снова соединил кончики пальцев и продолжал:

— Я сделал единственно возможную вещь. Это был один шанс на тысячу, но я им воспользовался. Когда собака оказалась у моего лица, я всунул ей руку в глотку, схватил за язык и перекрутил его изо всей силы. Зубы впились мне в запястье, брызнула кровь, однако я держался упорно, зная, что на карту поставлена моя жизнь. Собака таскала меня из стороны в сторону, и так продолжалось целую вечность. Силы мои были на исходе, я чувствовал, что больше не продержусь. Но животное вдруг резко дернулось и обмякло. Я достиг цели. Собака была задушена собственным языком.

Я вздыхал от восторга. Какая замечательная история! И это вполне могло быть правдой. А если даже это неправда, все равно такие вещи *должны* существовать на свете. Может быть, жизнь до сих не представила Кравевскому случая задушить бультерьера, что ж, он его придумал, и тут я

Д ему вполне сочувствовал. Я сказал, что считаю его очень храбрым, если он сумел вот так справиться с собакой. Кралевски открыл глаза, просиял от удовольствия при виде моего искреннего восторга и улыбкой выразил со-
мнение в своей храбрости.

— Нет, нет, тут дело не в храбрости, — пояснил он. — Просто Леди попала в беду, и у джентльмена не было другого выхода. Ему ничего не оставалось, бог ты мой!

Я оказался благодарным слушателем, так что уверенность Кралевски заметно возросла. Он рассказывал мне все новые и новые истории, одна поразительнее другой. Я скоро уразумел, что если искусно натолкнуть его на какую-нибудь мысль, то на следующий день появится соответствующее ей приключение, созданное за это время его воображением. Затаив дыхание, я слушал, как он и Леди оказались единственными уцелевшими душами после кораблекрушения на пути к Мурманску («Я ехал туда по делу»). Две недели они плыли вдвоем на айсберге в обледеневшей одежде и питались случайной рыбешкой или чайкой, пока их не подобрала. Заметивший их корабль мог бы свободно пройти мимо, если б не находчивость Кралевски: он использовал меховую шубку Леди, чтобы зажечь сигнальный огонь.

Меня очаровал рассказ о том, как он попал в руки бандитов в Сирийской пустыне («сопровождал Леди к гробницам»). Когда эти негодяи грозили похитить его прекрасную спутницу, чтобы потребовать за нее выкуп, он предложил себя вместо нее. Но бандиты, очевидно, сочли Леди более привлекательным заложником и отказались. Кралевски ненавидел кровопролитие, но что может сделать джентльмен в подобных обстоятельствах? Он убил всех шестерых ножом, спрятанным в сапоге. Во время Первой мировой войны Кралевски был, разумеется, агентом секретной службы, и его (с фальшивой бородой) забросили за вражеские линии, где он должен был связаться с другим английским шпионом и раздобыть кое-какие планы. Я не очень сильно удивился, когда вторым шпионом оказалась Леди. Их бегство (с планами) от стреляющей им вслед полицейской машины было чудом изобретательности. А кто, кроме Кралевски, рискнул бы пробраться в арсенал, зарядить все винтовки холостыми патронами и потом, когда загремели выстрелы, притвориться убитым? Я так привык к необычным рассказам Кралевски, что верил самым невероятным историям, какие он изредка рассказывал. Это его и погубило. Однажды он рассказал мне, что в юности, гуляя как-то вечером по парижским улицам, он наткнулся на огромного детину, пристававшего к Леди. Кралевски, в ком были оскорблены чувства джентльмена, не раздумывая, стукнул его тростью по голове. Человек оказался чемпионом Франции по борьбе и немед-

ленно потребовал сатисфакции. Он предложил встретиться на площадке для борьбы и провести поединок. Кралевски согласился. День был назначен, и Кралевски приступил к тренировкам («овощная диета, постоянные физические упражнения»). Когда подошло назначенное число, он чувствовал себя в отличной форме. Противник Кралевски — судя по его описанию, и ростом и умственными способностями похожий на неандертальца — был чрезвычайно удивлен, обнаружив в Кралевском достойного противника. Они боролись целый час и все без результата, потом Кралевски вдруг вспомнил об одном приеме, которому его научил какой-то японский друг. Сделав поворот, он рывком подбросил своего мощного противника кверху, перевернул его и с силой швырнул за площадку. Бедняга пролежал в госпитале три месяца, так ему было худо. По словам Кралевски, это было достойное наказание для грубияна, посмевшего поднять руку на Леди.

Увлеченный рассказом, я спросил, не сможет ли он научить меня основам борьбы. Для меня это будет очень полезно, если я когда-нибудь встречу Леди в беде. Кралевски не выразил по этому поводу никакого восторга. Возможно, как-нибудь потом, если у нас будет побольше места, он и покажет мне некоторые приемы. Кралевски забыл об этом случае, но я о нем помнил, и в тот день, когда мы должны были строить новое жилье для Сорок, решил поговорить с ним о его обещании. Выждав за чаем удобный момент, когда общая беседа на минуту прервалась, я напомнил ему о его знаменитом поединке с чемпионом Франции. Кралевскому это совсем не понравилось. Он побледнел и поспешил перебить меня.

— На людях такими вещами не хвастают, — проговорил он хриплым шепотом.

Я охотно согласился пощадить его скромность, если он даст мне урок борьбы, покажет некоторые простые приемы.

— Хорошо, — сказал Кралевски, облизывая губы. — Я могу показать тебе несколько самых элементарных позиций. Но, знаешь, чтобы стать хорошим борцом, нужно очень много учиться.

Я обрадовался и спросил: будем ли мы бороться на веранде, на виду у всех, или же уединимся в гостиной? Кралевски предпочел гостиную. Очень важно, сказал он, чтобы нас не отвлекали. Мы ушли в гостиную, раздвинули там мебель, и Кралевски нехотя снял пиджак. Он объяснил, что основной и самый существенный принцип борьбы — выбить противника из равновесия. Для этого надо обхватить его вокруг талии и сильным рывком дернуть в сторону. Он продемонстрировал, как это делается, схватил меня и осторожно бросил на диван.

— Ну вот! — сказал он, подняв кверху палец. — Ты это усвоил?

Я ответил, что, кажется, вполне усвоил.

Д — Как раз то, что надо! — сказал Кралевски. — Ну, повали теперь ты меня.

Я решил не посрамить своего учителя и уж повалить — так повалить его. Разбежавшись через всю комнату, я обхватил Кралевски вокруг груди, стиснул что есть силы, чтоб он не вырвался, и ловким поворотом руки швырнул на стул. К сожалению, толкнул я его недостаточно сильно. Не долетев до стула, он грохнулся на пол с таким пронзительным криком, что в гостиную бежали все мои родные. Мы подняли бедного, стонущего чемпиона и положили на диван. Марго отправилась за бренди.

— Что же ты такое с ним сделал? — спросила мама.

Я сказал, что только следовал указаниям. Мне было сказано, чтобы я положил его на обе лопатки, я и положил. Все очень просто, я даже не понимаю, какие ко мне могут быть претензии.

— Ты не имешь представления о собственной силе, — сказала мама. — Надо действовать осторожнее, милый.

— Ничего себе дельце сделал, — сказал Лесли. — Мог убить его.

— Я знал человека, оставшегося калекой на всю жизнь после такого броска, — охотно поделился с нами Ларри.

Кралевски застонал громче.

— Честное слов, Джерри, ты иногда поступаешь очень глупо, — сокрушалась мама. Ей, очевидно, представлялся Кралевски, прикованный на весь остаток своих дней к креслу на колесиках.

Меня раздражала эта несправедливая, на мой взгляд, критика. Я снова заявил, что вины моей тут нет. Мне показали, как надо повалить человека, и предложили проделать это. Вот я и проделал.

— Он, конечно, не думал, что ты собьешь его с ног, — сказал Ларри. — Ты мог повредить ему позвоночник. У того человека, о котором я говорил, позвоночник треснул, как банан. Очень любопытно. Он рассказывал, что у него высывались кусочки кости...

Кралевски открыл глаза и бросил на Ларри тоскующий взгляд.

— Можно попросить у вас воды? — спросил он слабым голосом.

В это время в комнату вошла Марго с бутылкой в руках, и мы заставили Кралевски выпить немного бренди. Щеки его чуть порозовели, он снова прилег и закрыл глаза.

— Ну, если вы можете сидеть, — бодро заявил Ларри, — это хороший признак. Впрочем, ненадежный. Я знал одного художника, который свалился с лестницы и сломал позвоночник, после этого он еще ходил целую неделю, прежде чем обнаружил это.

— Да что ты говоришь! — заинтересовался Лесли. — И что же с ним случилось?

— Он умер, — сказал Ларри.

Кралевски принял сидячее положение и слегка улыбнулся.

— Может быть, вы будете настолько любезны, что позволите Спиро отвезти меня в город? Я думаю, что лучше всего показаться доктору.

— Ну, конечно, Спиро отвезет вас, — сказала мама. — Надо поехать в лабораторию Теодора и попросить его сделать рентген, просто для вашего успокоения.

Мы закутали бледного, но спокойного Кралевски во множество пледов и осторожно поместили за заднее сиденье автомобиля.

— Передайте Теодору, чтобы он послал нам со Спиро записку и сообщил о вашем состоянии, — сказала мама. — Надеюсь, вы скоро поправитесь. Я так сожалею о случившемся. Джерри, конечно, поступил очень легкомысленно.

Это был великий миг в жизни Кралевски. Он улыбнулся болезненной улыбкой, стараясь выразить спокойное безразличие, и чуть помахал рукой.

— Очень прошу вас, не расстраивайтесь, — выговорил он. — Не думайте больше об этом. И не ругайте мальчика. Он не виноват. Просто я давно не упражнялся.

Поздно вечером Спиро вернулся из своего рейса милосердия и привез записку от Теодора.

Дорогая миссис Даррелл,

рентгеновские снимки показали, что у мистера Кралевски сломаны два ребра: одно из них, к сожалению, очень сильно. Он скрыл от меня причину повреждения, но сила была приложена, должно быть, немалая. Однако, если он поносит с неделю повязку, все благополучно срастется.

*Передаю всем привет,
Ваш Теодор*

P.S. Не забыл ли я случайно у вас черную коробочку, когда приезжал в прошлый четверг? В ней были очень интересные экземпляры малярийных комаров, и, кажется, я ее где-то потерял. Известите меня, пожалуйста.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЛИЛИИ НАД ОЗЕРОМ

Сороки были вне себя от возмущения, когда их стали держать взаперти, хотя и в очень просторной клетке. При таком неумном любопытстве, как у них, трудно было пережить потерю возможности разведывать и ком-

Д ментировать все события. Их поле зрения ограничивалось теперь фасадом дома, и, если что-нибудь случалось с задней стороны, они доводили себя почти до безумия, стрекотали, кудахтали, носились без конца по клетке и просовывали головы сквозь прутья, стараясь разузнать, что происходит. Прикованные к одному месту, Сороки могли теперь посвящать уйму времени учебе, которая заключалась в твердом усвоении греческого и английского языка и в умелом воспроизведении естественных звуков. В очень короткий срок они научились называть всех членов нашей семьи по именам и с исключительным коварством разыгрывали Спиро. Дождавшись, когда он сядет в машину и немного отъедет от дома, Сороки бросались в угол клетки и кричали: «Спиро... Спиро... Спиро!..» — заставляя его нажимать на тормоза и поворачивать обратно, чтобы выяснить, кто его звал. Много невинной радости доставляли им слова «Уходи» и «Пойди сюда!», которые они выкрикивали по очереди то на греческом, то на английском, к полнейшему замешательству собак. Еще одна проделка, бесконечно их забавлявшая, заключалась в обмане бедных, несчастных цыплят, целыми днями рывшихся в земле среди оливковых рощ. По временам на пороге кухни появлялась служанка и начинала издавать писклявые звуки попеременно с каким-то странным громким иканием. Это был сигнал кормления, и все куры, словно по волшебству, оказывались у кухонной двери. Как только Сороки освоили этот призыв, они извели бедных кур вконец. Обычно звуки их раздавались в самое неподходящее время, когда курам после долгих усилий и бесконечного кудахтанья удавалось наконец взобраться на ветки невысоких деревьев, или же в самую жаркую пору дня, когда они устраивали себе приятный отдых в тени миртовых зарослей. Едва куры успевали погрузиться в приятную дремоту, как Сороки принимались звать их на кормежку. Одна из них воспроизводила писклявые звуки, другая — икающие. Куры нервно оглядывались, каждая ждала, пока кто-нибудь еще не проявит признаков жизни. Тогда Сороки кричали снова, более призывно и настойчиво. Неожиданно какая-нибудь курица, менее сдержанная, чем другие, с кудахтаньем вскакивала на ноги и неслась к клетке Сорок. После этого и все остальные, кудахтая и хлопая крыльями, неслись за нею что есть духу. Подлетев к прутьям клетки, они толкались, громко квохтали, наступали друг другу на ноги, клевали друг друга, потом стояли и оторопело глядели на клетку, где элегантные Сороки в своих гладких черно-белых костюмах взирали на них с насмешкой, словно пара уличных зубоскалов, ловко одурачивших толпу ограниченных серьезных горожан.

Сороки очень любили собак, хотя не упускали случая подразнить и их. В особенности им полюбился Роджер, часто приходивший к ним в гости.

Навострив уши, он лежал у железных прутьев, а Сороки садились на пол клетки в трех дюймах от его носа и начинали разговаривать с ним тихими, хриплыми голосами, изредка заливаясь грубым хохотом, как будто рассказывали ему неприличные анекдоты. Они никогда не дразнили Роджера так упорно, как двух других собак, и никогда не пытались заманить льстивыми речами к самой клетке, где его можно было хлопнуть крылом или потянуть за хвост, что они часто проделывали с Вьюном и Пачкуном. В целом Сороки относились ко всем собакам благосклонно, но те должны были выглядеть и вести себя вполне как собаки, поэтому, когда у нас появилась Додо, Сороки начисто отказались верить, что это собака, и с самого начала стали относиться к ней с насмешливым шумным презрением.

Додо была из породы шотландских терьеров. Эти собаки похожи на толстые, покрытые шерстью колбасы с малюсенькими кривыми ножками, огромными выпуклыми глазами, длинными обвислыми ушами. Как ни странно, своим появлением у нас этот забавный уродец был обязан маме. Один наш знакомый держал пару таких собак, которые вдруг (после долгих лет бесплодия) произвели на свет шесть малюток. Бедный хозяин сбился с ног, пытаясь получше пристроить щенят, и мама по своей доброте и легкомыслию обещала взять одного себе. Через несколько дней она отправилась выбирать щенка и неблагоразумно выбрала суку. В тот момент ей даже в голову не пришло, как неосторожно вводить даму в дом, населенный только одними мужественными собаками. Зажав щенка под мышкой (настоящая сосиска со слабыми признаками сознания), мама забралась в машину и с торжеством покатила домой показывать свое приобретение. Когда автомобиль подъехал к дому, мы все собрались на веранде и смотрели, как мамино пучеглазое сокровище ковыляет к нам по дорожке, отчаянно размахивая ушами. Чтобы приводить свое длинное, неуклюжее тело в движение, щенку приходилось очень усердно работать крохотными лапами. Чуть ли не на каждом шагу он останавливался у клумбы, так как после долгой езды в автомобиле его сильно мутило.

— Ах, какая прелесть! — закричала Марго.

— Ей-богу, он похож на голотурию, — сказал Лесли.

— Мама! Вот уж придумала! — воскликнул Ларри, с отвращением разглядывая Додо. — Где ты только откопала этого собачьего Франкенштейна?

— Но это же прелесть, — повторила Марго. — Что тебя в нем не устраивает?

— Это не он, а она, — сказала мама, с гордостью осматривая свою собственность. — Ее зовут Додо.

Д — Ну вот, — сказал Ларри. — Меня не устраивают прежде всего две вещи. Во-первых, у нее мерзкое для животного имя, во-вторых, приводить суку в дом, где живут вот эти три молодца, значит не желать себе добра. А потом, ты только посмотри на нее! Отчего это она такая? Попала в катастрофу или такой родилась?

— Не говори глупостей, милый. Это порода. Ей такой и положено быть.

— Чепуха, мама. Это урод. Ну кто умышленно станет выводить существо подобной формы?

Я напомнил, что и таксы имеют почти такую же форму. Их вывели специально для того, чтобы во время охоты на барсуков они могли проникать в их норы. Может быть, и шотландских терьеров вывели с такой же целью.

— Похоже, их вывели для того, чтобы они могли проникать в сточные трубы.

— Не говори гадостей, милый. Это очень славные собачки и очень верные.

— Еще бы, им приходится быть верными тем людям, кто проявит к ним интерес. Ведь у них не может быть много поклонников.

— Мне кажется, ты очень злишься на нее, во всяком случае, с тобой сейчас нельзя рассуждать о красоте. В конце концов, ты просто поверхностный человек. Прежде чем бросать камни в чужой огород, ты лучше пощи бревно в своем глазу, — торжествующе выпалила Марго.

— Это пословица или цитата из газеты строителей? — удивился Ларри.

— Ты мне надоел, — сказала Марго с величественным презрением.

— Ладно, ладно, — увещевала их мама. — Не ссорьтесь. Это моя собака, и мне она нравится, остальное не имеет значения.

Поселившись у нас в доме, Додо почти сразу же выказала свои недостатки и причиняла нам хлопот гораздо больше, чем все остальные собаки, вместе взятые. Прежде всего у нее была слабая задняя нога, в любой час дня и ночи она без всяких видимых причин могла вывихнуться в бедренном суставе. Додо, не обладавшая стоическим характером, встречала эту катастрофу пропитительными криками, которые достигали прямо душераздирающих высот. Вынести это было невозможно. Однако же нога совсем не беспокоила Додо, когда она отправлялась на прогулку или с резвостью слона носилась по веранде за мячом! Но вечерами, когда мы, собравшись все вместе, спокойно погружались в течение, писание писем или вязание, нога Додо непременно выходила из сустава. Собака опрокидывалась тогда на спину и визжала так, что все, побросав свои дела, вскакивали с места. К тому времени, когда нам удавалось вправить ей ногу, Додо, накричавшись до полного изнеможения, мгновенно погружалась в глубокий мирный сон,

а наши нервы бывали так напряжены, что мы уже до конца вечера не могли ни на чем сосредоточиться.

Как вскоре выяснилось, интеллект у Додо был чрезвычайно ограничен. Ее черепная коробка могла вместить одновременно только одну какую-нибудь мысль, но, уж если она туда попадала, Додо упорно отстаивала ее, не смотря на все противодействия. Очень скоро после своего прибытия она решила, что мама принадлежит только ей одной, но вначале проявляла свои собственнические наклонности не так уж активно, пока мама не уехала однажды в город за покупками, не взяв ее с собой. Додо вообразила, что ей никогда больше не видать мамы, и пришла в полное отчаяние. С тоскливым воем она бродила вокруг дома и порой так предавалась горю, что ее нога тут же выходила из сустава. Маминому возвращению она обрадовалась несказанно, однако решила, что с этого момента больше уже не выпустит маму из виду, иначе та сбежит снова. Она прицепилась к маме как банный лист и никогда не отставала от нее больше чем на два фута. Если мама поднималась за книгой или сигаретой, Додо отправлялась за нею через комнату, и потом они вдвоем возвращались на прежнее место. Додо с облегчением вздыхала, думая, что ей еще раз удалось предотвратить мамин побег.

На первых порах Роджер, Вьюн и Пачкун взирали на Додо со снисходительным презрением. Ведь у нее было слишком много жира и слишком низкая посадка, чтобы совершать дальние прогулки. Если же они хотели поиграть с нею, у Додо появлялась мания преследования, и она с воем убежала в дом, стараясь найти там защиту. В общем, они считали ее скучным и бесполезным добавлением к своему собачьему семейству, пока не открыли, что за нею можно поухаживать. Сама Додо выказывала полную невинность в отношении этой трогательной стороны жизни. Казалось, она была не только удивлена, но и сильно напугана своей неожиданной популярностью, когда ее поклонники прибывали в таком количестве, что мама вынуждена была ходить повсюду с тяжелой палкой. Именно из-за своей викторианской наивности Додо стала легкой жертвой Пачкуна, соблазнившись его чудесными рыжими бровями.

На удивление всем (включая и Додо) от этого союза родился щенок, странный мяукающий шарик с фигурой матери и замечательной коричнево-белой раскраской отца. Стать так неожиданно матерью было для Додо слишком большим испытанием, нервы ее сильно сдали. Она разрывалась между необходимостью оставаться со своим щенком и желанием быть поближе к маме. Однако мы сначала и не подозревали об этих нравственных муках. В конце концов Додо нашла компромиссное решение: ходила по-

Д всюду за мамой и таскала в зубах щенка. Она провела так целое утро, прежде чем мы догадались, что происходит. Додо держала несчастного щенка за голову, и он болтался из стороны в сторону, когда она бегала следом за мамой. Никакая брань и уговоры на нее не действовали, так что мама вынуждена была сидеть с Додо и ее щенком в спальне, а мы носили им туда на подносе еду. Но даже это не могло спасти положения. Стоило только маме встать со стула, как Додо, бывшая всегда начеку, хватала щенка и глядела на маму испуганными глазами, готовая в случае чего броситься за нею в погоню.

— Если так пойдет и дальше, — заметил Лесли, — щенок превратится в жирафа.

— Да, я знаю, бедная крошка, — сказала мама, — но что я могу поделать? Она хватает его, даже когда я зажигаю сигарету.

— Самое простое — утопить его, — сказал Ларри. — Из него же вырастет отвратительное животное. Взгляните на родителей.

— Нет, утопить его я не дам, — рассердилась мама.

— Не будь таким противным, — сказала Марго. — Бедная крошка.

— Я считаю такое положение совершенно нелепым, — позволить собаке посадить себя на цепь.

— Это моя собака, и, если я хочу здесь сидеть, так оно и будет, — твердо сказала мама.

— Но сколько же это продлится? Так можно сидеть месяцами.

— Я что-нибудь придумаю, — с достоинством ответила мама.

Выход из положения мама придумала очень простой. Она наняла младшую дочь нашей служанки, и та стала посить щенка Додо. Это, кажется, вполне устраивало Додо, так что мама снова могла передвигаться по дому. Она ходила из комнаты в комнату, как восточный владыка; следом за нею семенила Додо, а замыкала шествие юная София, которая, скосив глаза и высунув язык от напряжения, несла в руках подушку, где лежал необыкновенный отпрыск Додо. Если мама собиралась долго оставаться на одном месте, София почтительно опускала подушку на пол, и Додо, глубоко вздыхая, садилась рядом со своим щенком. Когда мама намеревалась перейти в другую часть дома, куда ее звали дела, Додо сползала с подушки, встряхивалась и занимала свое обычное место в кавалькаде, а София торжественно, будто там покоилась корона, поднимала подушку. Мама оглядывала строй через очки, убеждалась, что все в порядке, слегка кивала головой, и они трогались в путь.

Каждый вечер мама забирала собак и водила их на прогулку. Мы очень любили на них смотреть, когда вся колонна двигалась вниз по холму. Роджер, как старший, возглавлял процессию, за ним следовали Вьюн с Пачку-

ном, потом шла мама, похожая на гриб в своей огромной соломенной шляпе. В руке у нее была садовая лопатка на тот случай, если попадется какое-нибудь интересное дикое растение. За нею, высунув язык, плелась пучеглазая Додо и, наконец, позади всех торжественно шагала София с высокородным щенком на подушке. «Мамин цирк», называл это Ларри и, высунувшись из окна, кричал вслед:

— Ау, леди! Когда ваш цирк вернется?

Он купил бутылку жидкости для укрепления волос, чтобы мама могла, как он нам объяснил, проводить эксперименты на Софии, пробуя превратить ее в бородатую женщину.

— Это необходимо для ваших цирковых представлений, леди, — уверял он ее хриплым голосом. — Первый класс, понимаете? Для первоклассного представления нет ничего лучше бородатой женщины.

Но, несмотря на все это, мама продолжала ежедневного водить свой удивительный караван в оливковые рощи, отправляясь туда в пять часов вечера.

На севере острова Корфу есть большое озеро с приятным, звучным названием Аптиниотисса, одно из наших излюбленных мест. Это продолговатое мелкое озеро, окруженное густой гривой тростника и камышей, имеет около мили в длину и отделяется с одной стороны от моря широкой пологой дюной из замечательного белого песка. В наших поездках на озеро всегда принимал участие Теодор, и мы с ним находили там обширное поле для исследований в прудах, канавах и болотистых ямках, окружавших озеро. Лесли всегда возил с собой целый арсенал оружия, потому что в тростниковых зарослях водилась дичь, а Ларри неизменно брал огромную острогу и часами простаивал в ручье, соединявшем озеро с морем, пытаясь пронзить заплывавшую туда крупную рыбу. Мама нагружалась корзинками с едой, пустыми корзинками для растений и разным садовым инвентарем для выкапывания своих находок. Самая простая экипировка была, кажется, у Марго: купальный костюм, большое полотенце и крем для загара. Наши поездки на озеро Антиниотисса со всем снаряжением носили характер прямо-таки крупных экспедиций.

Существовало определенное время года, когда озеро выглядело особенно великолепным. Это была пора цветения лилий. Плавные изгибы дюны между озером и морем были единственным местом на острове, где росли эти песчаные лилии, необычные, зарытые в песок корявые луковицы, выпускавшие раз в год пучок толстых зеленых листьев и белых цветов, так что вся дюна превращалась в сверкающий белизной глетчер. Впечатление было незабываемое, и мы всегда ездили на озеро в эту пору.

Д Вскоре после появления у Додо щенка Теодор сообщил нам, что время цветения лилий на носу и надо готовиться к поездке на Антиниотиссу. Необходимость взять с собой на озеро кормящую мать значительно осложняло дело.

— На этот раз нам придется ехать на лодке, — сказала мама, не отводя глаз от своего очень сложного ажурного вязанья.

— Но на лодке будет вдвое дольше, — сказал Ларри.

— Мы не можем ехать на автомобиле, милый. Додо укачает, да и места там для всех не хватит.

— Ты что, собираешься брать с собой это животное? — в ужасе спросил Ларри.

— Но я должна ее взять, милый... две накидываем, одну спускаем... я не могу оставить ее дома... три накидываем... ты ведь знаешь, какая она.

— Ну тогда найми для нее специальный автомобиль. Я ни за что не стану развезжать в таком виде по острову. Еще подумают, что я ограбил собачий приют в Баттерси.

— Ей нельзя ехать в автомобиле. Об этом я тебе и толкую. Ты же знаешь, что ее укачивает... А теперь посиди минутку спокойно, милый, мне надо посчитать.

— Это же смешно... — начал злиться Ларри.

— Семнадцать, восемнадцать, *девятнадцать*, *двадцать*, — громко считала мама.

— Это же смешно — ехать кружным путем только потому, что Додо укачивает в автомобиле.

— Ну вот! — рассердилась мама. — Ты сбил меня со счета. Прошу тебя, не говори со мной, когда я вяжу.

— Откуда ты знаешь, что ее не укачает в лодке? — поинтересовался Лесли.

— Те, кого укачивает в автомобиле, никогда не страдают от морской болезни, — объяснила мама.

— Что-то я этому не верю, — сказал Ларри. — Все это бабьи сказки. Правда ведь, Теодор?

— Не могу сказать, — рассудительно ответил Теодор. — Я слышал об этом и раньше, но есть ли тут... э... понимаете ли... доля истины, не знаю. Могу только сказать, что меня до сих пор в машине не укачивало.

Ларри посмотрел на него в замешательстве.

— Ну и что это доказывает? — недоумевал он.

— Меня всегда укачивает в лодке, — просто объяснил Теодор.

— Это же прямо замечательно! — сказал Ларри. — Если мы поедем в автомобиле, укачает Додо, если в лодке — то же самое случится с Теодором. Вот и выбирайте.

— Я не знала, что вы подвержены морской болезни, Теодор, — заметила мама.

— Да, к сожалению, подвержен. Это очень досадно.

— Ну, при такой погоде море будет совсем спокойное, — сказала Марго. — Вас наверняка не укачает.

— К сожалению, — ответил Теодор, поднимаясь на носках, — погода не имеет никакого значения. Меня начинает мутить при малейшем движении. Даже несколько раз в кино, когда на экране показывали корабли в бурном море, мне пришлось... гм... пришлось покинуть зал.

— Проще всего разделиться, — предложил Лесли. — Половина добирается на лодке, другая половина — на автомобиле.

— Замечательная мысль! — воскликнула мама. — Это решает дело.

Но все это вовсе не решало дела, потому что дорога к озеру Антиниотисса оказалась отрезанной из-за небольшого обвала, и добраться туда на автомобиле было невозможно. Приходилось ехать по морю или совсем отказаться от поездки.

Теплой, росистой зорькой, предвещавшей ясный безветренный день и спокойное море, мы отправились в путь. Чтобы разместить всю нашу семью, собак, Спиро, Софию, пришлось снарядить не только «Морскую корову», но и «Бутла». «Морская корова» должна была тащить пузатого «Бутла» за собой на буксире, что заметно снижало ее скорость, но иного выхода не было. По предложению Ларри, на «Бутле» разместились собаки, София, мама и Теодор, все остальные должны были ехать на «Морской корове». К сожалению, Ларри не принял в расчет одного очень важного обстоятельства: кильватерную струю от хода «Морской коровы». Волна вздымалась от ее кормы стеклянной голубой стеной и достигала максимальной высоты как раз в тот момент, когда она касалась широкой груди «Бутла», подбрасывала его в воздух и снова швыряла вниз. Мы довольно долго не замечали действия этой волны, так как шум мотора заглушал мамины отчаянные крики о помощи. Когда же наконец мотор был остановлен и к нам подскочил «Бутл», мы увидели, что укачало не только Теодора и Додо, но и всех остальных, включая даже такого испытанного и закаленного моряка, как Роджер. Пришлось забрать всех на «Морскую корову» и положить там рядом. Спиро, Ларри, Марго и я заняли их место на «Бутле». Когда мы подходили к Антиниотиссе, все стали чувствовать себя лучше, за исключением Теодора, который все еще старался держаться поближе к борту лодки, безучастно глядел на свои башмаки и односложно отвечал на все вопросы.

Мы обогнули последний мыс, сложенный из волнистых пластов золотых и красных пород, похожих на кипы окаменевших гигантских газет или

Д на порыжевшие, покрытые плесенью остатки библиотеки колосса, и обе лодки направились в широкий голубой залив у входа в озеро. За полосой жемчужно-белого песка поднималась большая, покрытая лилиями дюна. Тысячи сверкающих на солнце цветов, словно белые граммофончики, поднимали к нему свои раструбы, испуская вместо музыки тяжелый, пряный запах — очищенный аромат лета, теплое благоухание, заставлявшее вас все время глубоко вдыхать воздух и задерживать его в груди. Последний короткий треск мотора раскатился среди скал, и обе лодки почти бесшумно заскользили к берегу, откуда нам навстречу плыл над водой запах лилий.

Выгрузив на белый песок снаряжение, все разбрелись по берегу в разные стороны, и каждый занялся своим делом. Ларри и Марго растянулись на мелком месте в воде и сразу задремали, чуть покачиваясь на легких волночках. Мама, прихватив в собой лопаточку и корзинку, повела свою кавалькаду на прогулку. Спиро, похожий в своих трусах на смуглого волосатого доисторического человека, забрался в ручей, текущий от озера к морю. Он стоял там среди стаек рыб, сердито вглядывался в прозрачную воду, доходившую ему до колен, и держал наготове трезубец. Мы с Теодором и Лесли определили по жребию, кто на какой конец озера должен отправляться, и разошлись в противоположных направлениях. Пограничным знаком, отмечавшим половину пути вдоль берега озера, была большая и на редкость корявая олива. Как только мы доходили до нее, мы сразу поворачивали и шли обратно, то же самое делал на своей половине Лесли. Это не давало ему возможности убить нас по ошибке в густых тростниковых зарослях. Пока мы с Теодором копошились, словно пара усердных цапель, среди луж и ручейков, Лесли, пригнувшись, шагал сквозь заросли по другую сторону озера, и время от времени до нас доносился его выстрел, отмечавший его успехи.

Когда подошло время ленча, мы все собрались на берегу, голодные как волки. Лесли принес целую сумку дичи: куропаток, перепелов, бекасов, вяхирей; мы с Теодором — пробирки и бутылки, наполненные мелкой живностью. Пылал костер, на подстилках разложили еду, с моря принесли бутылки вина, где они охлаждались у краешка берега. Ларри подтянул свой угол подстилки на склон дюны и разлегся во всю длину среди граммофончиков лилий. Теодор сидел прямой и подтянутый, тщательно пережевывал пищу, потряхивал бородой. Марго, растянувшись в изящной позе на солнышке, лакомилась овощами и фруктами. Мама и Додо устроились в тени, под большим зонтом. Лесли с ружьем на коленях уселся прямо на песке, одной рукой он держал огромный кусок холодного мяса, другой за-

думчиво поглаживал стволы своего ружья. Поблизости у костра присел на корточки Спиро. Пот градом катился по его морщинистому лицу и сверкающими каплями падал на густую черную шерсть на груди, в то время как он поворачивал над огнем импровизированный вертел, на котором было нанизано семь жирных бекасов.

— Райское место! — бормотал с набитым ртом Ларри, растянувшись среди сияющих цветов. — Оно создано прямо для меня. Я хотел бы лежать здесь вечно и получать пищу и вино из рук прекрасных обнаженных дриад. Через столетия я, конечно, забальзамируюсь от постоянного вдыхания этого аромата. Потом в один прекрасный день мои верные дриады не найдут меня здесь, останется лишь аромат. Бросьте-ка кто-нибудь мне штучку вон того аппетитного инжира.

— Когда-то я читал очень интересную книгу о бальзамировании, — воодушевился Теодор. — Египтянам, конечно, приходилось слишком много возиться с этими мумиями. И надо сказать, что способ... э... извлечения мозга через нос придумано очень остроумно.

— Что, вытаскивали мозги через нос какими-нибудь крючками? — спросил Ларри.

— Ларри, милый, пожалуйста не во время еды.

После ленча мы удалились под сень олив и дремали там в течение самой жаркой части дня, усыпленные пением цикад. Время от времени кто-нибудь вставал и уходил к морю, потом, поплескавшись с минуту на мелком месте, освеженный, шел обратно и опять погружался в сон.

В четыре часа залиvistый храп Спиро внезапно прекратился. Его массивная, обмякшая фигура зашевелилась, он зафыркал, приходя в себя после сна, и пошел к берегу разводить костер для чая. Остальные просыпались медленно, сонно потягивались, вздыхали и брели, словно стадо, через песчаный пляж к тарахтевшему на огне чайнику. Когда мы с чашками в руках расселись вокруг костра, все еще моргая в полудреме, среди лилий показалась ясноглазая, яркогрудая малиновка и запрыгала вниз по склону. Футax в десяти от нас она остановилась, окинула всех критическим взглядом. Решив, что нас стоит развлечь, малиновка подпрыгнула к тому месту, где две лилии сплелись в красивую арку, стала под ними в эффектной позе, выпятила грудь и залилась громкими, звенящими трелями. Кончив петь, малиновка вдруг быстро кивнула головой, как бы раскланиваясь перед публикой, и потом, испуганная нашим громким смехом, исчезла среди лилий.

— Вот уж милые птички, — сказала мама. — В Англии одна малиновка сидела около меня часами, когда я копалась в саду. Мне очень нравится, как они выставляют свои грудки.

Д — А эта сейчас присела так, будто и впрямь кланялась, — отозвался Теодор. — Надо сказать, что когда она... э... выставила свою грудь, она очень напоминала... знаете... такую вот оперную певицу.

— Да, — согласился Ларри, — поющую что-нибудь легкое, весело... Штрауса, может быть.

— Кстати, об опере, — свернул глазами Теодор. — Рассказывал я когда-нибудь о последней опере на Корфу?

Нет, сказали мы и уселись поудобнее, потому что вид Теодора, рассказывающего свои истории, доставлял нам неменьшее удовольствие, чем сами истории.

— Это была, понимаете ли... гм... одна из разъездных оперных трупп. Думаю, что она прибыла из Афин, но может быть, и из Италии. Как бы там ни было, прежде всего они поставили «Тоску». Певица, ведущая партию героини, имела, как водится, довольно... э... пышные формы. Ну, а как вы знаете, в заключительном акте оперы героиня бросается навстречу смерти со стены крепости или, вернее, замка. На первом представлении героиня забралась на стену, спела последнюю арию и потом бросилась навстречу своей... знаете ли... своей гибели на скалу вниз. К сожалению, рабочие сцены забыли подложить что-нибудь под стену, куда ей можно было бы прыгать, и поэтому грохот падения и затем... э... крик боли несколько ослабили впечатление, что она разбивается на скалах насмерть. Певец, который как раз в это время оплакивал ее гибель, вынужден был петь... э... во весь голос, чтобы заглушить крики. Этот случай, как и следовало ожидать, расстроил героиню, поэтому на следующий день рабочие разбили в лепешку, чтобы обеспечить ей приятное приземление. Грохнувшись довольно сильно накануне, героиня с большим трудом провела оперу и добралась наконец до последней сцены. Она снова взяла на стену, спела свою последнюю арию и бросилась навстречу смерти. К сожалению, рабочие ударились теперь в другую крайность. Большая груда матрасов и этих... знаете... пружинных сеток была такой упругой, что героиня, коснувшись их, подскочила в воздух. И вот, когда все участники оперы подошли... э... как это называется?.. ах да, подошли к рампе и принялись рассказывать друг другу о ее смерти, верхняя часть героини, к изумлению публики, два или три раза появлялась над стенами.

Во время рассказа Теодора малиновка еще раз отважилась прискакать к нам поближе, но взрыв хохота снова вспугнул ее, и она улетела.

— Знаете, Теодор, я уверен, что вы сочиняете эти истории на досуге, — едва выговорил Ларри.

— Нет-нет, — сказал Теодор, весело смеясь в бороду. — Будь это где-нибудь в другом месте, мне пришлось бы их сочинять, но здесь, на Корфу, они... э... предвосхищают искусство, так сказать.

После чая мы с Теодором снова отправились на берег озера и продолжали свои исследования до самых сумерек. Когда уже нельзя было ничего как следует разобрать, мы побрели потихоньку обратно — к тому месту, где пылал разведенный Спиро костер, гигантской хризантемой трепетавший среди призрачных белых лилий. Спиро удалось заколоть острой три крупные рыбины, и теперь он, сосредоточенно хмурясь, жарил их на рашпере, все время чем-нибудь сдабривая их нежное белое мясо, мелькавшее в тех местах, где отставала зажаренная корочка: то добавлял зубок чесноку, то выжимал лимонного соку, то посыпал перцем.

Над горами поднялась луна и превратила лилии в серебро. Только там, где на них падали дрожащие отсветы костра, они вспыхивали розовым пламенем. По светлому морю бежали легкие волночки и, коснувшись берега, с облегчением вздыхали. На деревьях начинали ухать совы, а в густой тени зажигались и гасли нефритовые огоньки светлячков.

Зевая и потягиваясь, мы перетаскивали наконец свои вещи в лодки, добрались на веслах до устья залива и, ожидая, пока Лесли заведет мотор, оглянулись на Антиниотиссу. Лилии сияли, как снежное поле под луной, а темный задник из олив был усеян смутными огнями светлячков. Костер, затоптанный нами перед отъездом, светился гранатовым пятном у края покрытой цветами дюны.

— Да, несомненно, это очень... э... красивое место, — произнес Теодор.

— Чудесное место, — согласилась мама и затем дала ему свою высшую оценку: — Я хочу, чтобы меня здесь похоронили.

Мотор, побормотав неуверенно, прорвался наконец громким ревом. Набирая скорость, «Морская корова» пошла вдоль берега с «Бутлом» на буксире, и за ними по темной воде веером потянулся белый, легкий, как паутина, след, слегка искрящийся фосфорическим светом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ШАХМАТНЫЕ ПОЛЯ

Между морем и линией холмов, на одном из которых стоял наш дом, тянулась полоса прорезанных каналами полей. В этом месте в сушу вдавался большой, почти отделенный от моря залив, мелкий и прозрачный. Его плоские берега покрывала густая сетка узких канальчиков, бывших в давние дни соляными варницами. Каждый квадратик земли, обрамленный

Д водотоками, был тщательно обработан и засажен кукурузой, картофелем, инжиром, виноградом. Эти поля из маленьких ярких клеток, обведенных блестящими полосками воды, напоминали разноцветную шахматную доску, по которой двигались красочные фигурки крестьян.

Это было мое любимое место охоты, так как тут в узких канавах и среди густого кустарника водилось множество разнообразных животных. На этих полях легко было заблудиться, потому что в страстной погоне за бабочкой вы могли перейти совсем не тот мостик, соединявший один квадрат с другим, и потом бегать взад и вперед, отыскивая путь в этом сложном лабиринте среди камышей, инжира и высокой стены кукурузы. Большая часть полей принадлежала крестьянам, моим друзьям, жившим вверх, на холмах, поэтому, отправляясь на поля, я всегда был уверен, что смогу там отдохнуть за кисточкой винограда с кем-нибудь из знакомых, узнаю интересные новости. О том, например, что среди плетей дынь на участке Георгио есть гнездо жаворонка. Если идти по шахматной доске прямо, не останавливаясь с друзьями и не обращать внимания на черепашки, шлепавшихся с илстых берегов в воду, или на треск пролетающей мимо стрекозы, вы попадете в такое место, где все каналы расширяются и исчезают среди обширной плоской полосы песка, изборозжденного мелкой рябью от ночных приливов. Длинные извилистые цепи всевозможных обломков отмечали здесь медленное отступление моря. Очаровательные цепи, где можно обнаружить красочные водоросли, мертвых морских игл, пробковые поплавки с рыбацких сетей, казавшиеся вполне съедобными — прямо куски сочного фруктового торта, — осколки бутылочного стекла, превращенные волнами и песком в настоящие драгоценности, раковины, колючие, точно ежики, или гладкие, овальные и нежно-розовые, как ногти какой-нибудь утонувшей богини. Тут было полное раздолье для птиц: бекасов, пегих куликов, чернозобиков, крачек. Шумными стайками они сустились у самой воды, где волны лениво набегали на берег и, вскинув кудрявый султанчик, разбивались о песчаные грядки. Когда вы проголодаетесь, здесь можно забрести на морскую отмель и наловить прозрачных жирных креветок, сладких, как виноград, или же разрыть ногою песок и отыскать там ребристые, похожие на орех раковины сердцевидок. Если сложить две такие раковины край с краем, замковой частью, и резко повернуть в противоположные стороны, они легко откроются. Их содержимое, хотя и похоже слегка на резину, очень приятно на вкус.

Как-то в один из дней, не зная, чем бы еще заняться, я решил взять собаку и пойти на поля. Мне хотелось еще раз попробовать поймать Старого Шлёпа, искупаться в море, полакомиться сердцевидками и вернуться до-

мой через поле Петро, где я мог обменяться с ним новостями и поесть арбуза или спелых гранатов. Старым Шлёпом я называл большую, очень старую черепаху, жившую в одном из каналов. Я пробовал ловить ее в течение целого месяца или даже больше, однако, несмотря на свой возраст, она оказалась очень хитрой и проворной. Как бы осторожно я ни подкрадывался, когда черепаха спала на илистом берегу, в самый последний момент она всегда просыпалась, отчаянно колотила ногами, соскальзывала по мокрому склону вниз и шлепалась в воду, будто сброшенная за борт тяжелая спасательная лодка. Разумеется, я уже успел поймать великое множество черепах — и черных с мелкими золотистыми крапинками, и сереньких в светло-рыжую и кремовую полоску. Однако моей заветной мечтой оставался Старый Шлёп. Он был крупнее всех черепах, каких я только видел, и такой старый, что его морщинистая кожа и избитый панцирь стали совершенно черными, а все остальные краски, какие могли у него быть в далекой юности, исчезли. Мне хотелось поймать его во что бы то ни стало, и вот, выждав целую неделю, я решил, что пора снова приниматься за дело.

Прихватив сумку с пузырьками и коробками, сачок и корзинку для Старого Шлёпа на случай, если мне удастся его поймать, я вышел с собаками из дому и стал спускаться с холма. «Джерри!.. Джерри!.. Джерри!» — жалобно надрывались мне вслед Сороки, но, увидев, что я не возвращаюсь, потеряли всякое приличие и стали громко болтать и смеяться. Их грубые голоса все еще доносились до нас, когда мы вошли в оливковые рощи, а потом их заглушил хор цикад, от пения которых дрожал воздух. Мы шагали по белой, горячей и мягкой как пух дороге.

У колодца Яни я остановился попить воды и заглянул в загончик, сбитый из оливковых веток, где два огромных кабана с довольным хрюканьем барахтались в липкой грязи. С наслаждением втянув носом воздух, я хлопал более крупного кабана по грязному колыхавшемуся задку и отправился дальше. Миновав первые три поля, я остановился на минуту на участке Таки, чтобы отведать его винограда. Хозяина тут не было, но я знал, что он не станет на меня сердиться. Это был сорт сладкого мелкого винограда с мускатным ароматом. Если сдавить нежную, без косточек ягоду, все ее содержимое полетит вам в рот, а между пальцами останется пустая кожица. Мы с собаками съели каждый по кисти, еще две кисти я положил к себе в сумку и пошел по краю канала туда, где обычно любил поваляться Старый Шлёп. Только я собрался предупредить собак, чтобы они не смели проронить ни звука, как вдруг из кукурузы выскочила большая ящерица и пустилась наутек. Собаки с диким лаем бросились вслед за нею. Когда я подошел к любимому катку Старого Шлёпа, о его недавнем присутствии

Д здесь свидетельствовали лишь расходившиеся круги на воде. Я присел на землю и стал ждать собак, перебирая в уме все красочные ругательства, какие собрался на них обрушить. Но, к моему удивлению, собаки не возвращались. Долетавшее издали твяканье замолкло, и потом, после некоторой тишины, они вдруг залаяли все вместе — монотонный, размеренный лай, означавший какую-то находку. Интересно, что же такое они там нашли?

Когда я примчался туда, собаки теснились у заросшего травой края канавки. Завидев меня, они запрыгали, завиляли хвостами, весело заскулили. Роджер искривил верхнюю губу в приятной улыбке, радуясь, что я пришел полюбоваться их трофеем. Сперва я просто не мог понять, из-за чего это собаки так волнуются, потом заметил, как в траве что-то зашевелилось (то, что я принял было за корешок), и увидел пару толстых водяных ужей, страстно обвивших друг друга. Приподняв лопатообразные головы, они глядели на меня холодными серебряными глазами. Это была потрясающая находка, она почти возмещала потерю Старого Шлёпа. Я уже давно мечтал поймать одного из водяных ужей, но они были такие искусные и быстрые пловцы, что мне никак не удавалось до них добраться. И вот теперь собаки нашли эту отличную пару, гревшуюся на солнышке, — прямо, что называется, взяли с поличным.

Выполнив свой долг, собаки оставили меня с ужами, а сами отошли на безопасное расстояние (так как не доверяли рептилиям) и стали с интересом наблюдать за мной. Я не спеша крутил сачок для бабочек, пока не снял с него ручку. Теперь у меня была палка для ловли, но задача заключалась в том, как одной палкой поймать двух ужей. Пока я раздумывал над этим, один уж решил все за меня: он потихоньку развернулся и незаметно скользнул в воду. Думая, что он для меня потерял, я сердито следил, как его извивавшееся тело сливается с отражением в воде, потом, к своей радости, увидел, что со дна медленно поднялся столб грязи и цветком расплылся на поверхности. Это означало, что рептилия зарылась на дне и будет оставаться там до тех пор, пока не подумает, что я ушел. Я переключил внимание на другого ужа, прижав его палкой к сочной траве. Он скрутился в сложный узел, с шипением раскрыл свою розовую пасть. Двумя пальцами я крепко схватил его за шею, и он, обмякнув, повис в воздухе. Я погладил его красивый беловатый живот и бурую спинку, где чешуя была приподнята, как на еловой шишке, осторожно опустил в корзинку и приготовился ловить другого ужа. Отойдя чуть в сторону, я ручкой сачка стал измерять глубину канала. Там оказалось на два фута воды и под нею еще трехфутый слой мягкой, трясущейся грязи. Поскольку вода была темная и уж

скрывался на дне, я решил, что проще всего нащупать его ногой (так я разыскивал обычно сердцевидок), а потом быстро схватить руками.

Сбросив сандалии, я спустился в теплую воду, чувствуя, как жидкая грязь продавливается у меня сквозь пальцы и нежно, будто пеплом, обволакивает ноги. Два больших черных облака распустились вокруг моих бедер и поплыли через канал. Я направился к тому месту, где скрывалась моя добыча, и стал медленно и осторожно водить ногой в поднимавшихся со дна вихрях грязи. Нашупав наконец скользкое тело, я постарался схватить ужа, запустив в воду руки по локоть. В руках у меня оказалась только илистая грязь, которая просачивалась сквозь пальцы и медленно уплывала по воде клубящимися облаками. Я стоял и проклинал свою незадачу, как вдруг, всего в ярде от меня, уж вынырнул на поверхность и поплыл по каналу. С торжествующим криком я павалился на него всем своим телом.

Был один досадный момент, когда я окупнулся в темную воду и грязь забила мне глаза, уши и рот, однако я чувствовал, как тело ужа отчаянно бьется в моей крепко стиснутой руке, и ликовал от радости. Еле переводя дух и отплевываясь, весь покрытый тиной, я сел посреди канала и крепко ухватил ужа за шею, пока он не успел опомниться и укусить меня. Потом я еще очень долго плевался, стараясь избавиться от мелкого песка и грязи, залепивших мне весь рот и зубы. Когда я наконец поднялся и повернул к берегу, я с удивлением увидел, что моя аудитория расширилась. Теперь рядом с собаками сидел человек. Удобно устроившись, он с веселым интересом наблюдал за моими действиями.

Это был невысокий, коренастый человек со смуглым лицом и густой копной волос табачного цвета. В его больших ярко-синих глазах светился живой, веселый огонек, от уголков глаз лучами разбегались легкие морщинки, а широкие губы под коротким орлиным носом придавали лицу насмешливое выражение. На нем была голубая рубашка, выцветшая и выгоревшая, словно незабудка под жарким солнцем, и старые брюки из серой фланели. Этого человека я видел впервые. Наверно, это был какой-нибудь рыбак из дальней деревни. Он с серьезным видом следил, как я вылезаю на берег, потом улыбнулся.

— Доброго здоровья, — произнес он мягким низким голосом.

Я вежливо ответил на его приветствие и занялся ужом, стараясь как можно осторожнее опускать его в корзинку, чтобы оттуда не выскочил первый. Я ожидал, что он прочтет мне лекцию о ядовитости безобидных водяных ужей и об опасности, какой я себя подвергаю, но, к моему удивлению, он ничего этого не сказал и с интересом продолжал следить, как я запихиваю извивающегося ужа в корзинку. Управившись с ужом, я вымыл руки и достал виноград, украденный на участке Таки. Одну кисть я взял

Д себе, другую предложил своему новому знакомому, и мы оба с удовольствием принялись уничтожать вкусные ягоды, шумно высасывая из них сочную мякоть. Когда кожица с последней виноградины шлепнулась в воду, человек вынул табак и начал скручивать папироску короткими загорелыми пальцами.

— Ты иностранец? — спросил он, с наслаждением затягиваясь.

Я сказал, что я англичанин и что мы живем в доме на холме, потом стал ждать неизбежных вопросов о количестве, поле и возрасте всех моих родных, их занятиях и стремлениях и последующего выяснения, почему мы живем на Корфу. Такие вопросы обычно задавали все крестьяне, но делали они это без всякой задней мысли, просто из дружеского любопытства. В свои собственные дела они посвящали вас с большой откровенностью и просто были бы обижены, если бы вы поступили иначе. Однако, к моему удивлению, этого человека, видимо, вполне удовлетворил мой ответ, он больше не задавал никаких вопросов, а просто сидел и пускал в небо тонкие струйки дыма и задумчиво глядел перед собой своими синими глазами. Я сидел рядом с ним и выцарапывал ногтем на своем бедре, по корке засохшего ила, красивый рисунок, а потом решил, что пора уже идти к морю, чтобы вымыться перед возвращением домой и почистить одежду. Я поднялся на ноги, закинул за спину сумку и сачок. Собаки тоже поднялись, встряхивались и зевали. Стараясь быть вежливым, я спросил человека, куда он собирается идти. В конце концов, деревенская этика требует, чтобы вы задавали вопросы. Это ведь свидетельствует о вашем внимании к людям. А я до сих пор не задал ему ни одного вопроса.

— Я иду к морю, — сказал он, размахивая сигаркой. — К своей лодке... А ты куда идешь?

Я ответил, что тоже иду к морю; во-первых, искупаться, во-вторых, поесть сердцевидок.

— Я пойду с тобой, — сказал он, разминая ноги. — У меня в лодке целая корзина сердцевидок. Если хочешь, возьми, сколько тебе надо.

Мы молча шагали через поля, а когда вышли к песчаному берегу, он показал немного в сторону, где уютно пристроилась повернутая боком гребная лодка с волнистой оборочкой легкой ряби у кормы. Пока мы шли к лодке, я спросил, рыбак ли он, и если рыбак, то откуда.

— Я вот отсюда... с этих холмов, — ответил он. — По крайней мере, дом мой здесь, но сейчас я на Видо.

Его ответ удивил меня, потому что Видо был небольшой островок, расположенный против города Корфу, и, насколько мне известно, жили там одни арестанты и стража, так как остров был местной тюрьмой. Я ему сказал об этом.

— Верно, — согласился он, наклонившись, чтобы потрепать Роджера. — Это верно. Я и есть арестант.

Я подумал, что он шутит, и внимательно посмотрел на него, но лицо его было совершенно серьезно. Очевидно, его только что выпустили, предположил я.

— Нет-нет. К сожалению, нет, — улынулся он. — Мне еще два года отсиживать. Но, понимаешь, я хороший заключенный. Надежный и спокойный. Всем, кому они доверяют, разрешается построить лодку и ездить домой на выходные дни, если это не очень далеко. В понедельник утром я должен быть там как часы.

Когда тебе что-нибудь объяснят, все, конечно, становится просто. Мне даже в голову не пришло, что это какой-то странный порядок. Я знал, что из английской тюрьмы людей на выходные дни домой не отпускают, но тут ведь был Корфу, а на Корфу может происходить все, что угодно. Мне захотелось узнать, какое он совершил преступление, и я уже стал подбирать в уме вопрос потактичнее, но в это время мы подошли к лодке, и то, что я увидел внутри ее, вышибло у меня из головы все остальные мысли. На корме, привязанная за желтую ногу, сидела огромная морская чайка и глядела на меня насмешливыми желтыми глазами. Я с волнением бросился вперед и протянул руку к ее широкой темной спине.

— Смотри... осторожнее! Эта особа задиристая, — поспешил предупредить меня хозяин лодки.

Однако я уже успел положить руку на спину птицы и осторожно гладил пальцами ее шелковистые перья. Чайка пригнулась, слегка раскрыла клюв, зрачки ее глаз сузились от удивления, но она была так ошеломлена моей дерзостью, что ничего не предпринимала.

— Спиридион! — воскликнул мой новый знакомый. — Должно быть, ты ей понравился. Она еще никому не позволяла трогать себя безнаказанно. Обязательно клонет.

Я погрузил пальцы в волнистые белые перья на шее птицы и слегка почесал ей голову. Чайка наклонилась вперед, ее желтые глаза затуманились. Я спросил у этого человека, как ему удалось поймать такую замечательную птицу.

— Весной я ездил на лодке в Албанию за зайцами и нашел ее в гнезде. Она была тогда совсем маленькая и пушистая, как ягненок. А теперь она прямо как большая утка, — сказал он и задумчиво поглядел на чайку. — Жирная утка, гадкая утка, кусачая утка. Так ведь?

Услышав все эти эпитеты, чайка открыла один глаз и издала короткий, резкий крик, который мог означать и отрицание и согласие. Человек пригнулся и вынул из-под сиденья большую корзину. Она была доверху напол-

Днена большими круглыми раковинами сердцевидок, которые мелодично позвякивали, стучаясь друг об друга. Мы уселись в лодку и принялись уничтожать моллюсков. Я не сводил глаз с птицы, очарованный ее белоснежной грудкой и головой, ее длинным, загнутым клювом, свирепыми глазами цвета желтых весенних крокусов, широкой спиной и сильными крыльями, черными как сажа. В моих глазах она была просто неотразима, от самого кончика клюва до больших перепончатых лап. Проглотив последнюю сердцевидку, я спросил человека, сможет ли он в следующую весну раздобыть мне птенца чайки.

— Тебе нужна чайка? — удивился он. — Они тебе нравятся?

Это была явная недооценка моих чувств. За такую чайку я мог бы отдать душу.

— Ну бери ее, если она тебе пужна, — беззаботно сказал человек, ткнув в птицу большим пальцем.

Я просто не верил своим ушам. Иметь такую замечательную птицу и так легкомысленно отдать ее другому — это же настоящее безумие.

А ему разве не нужна птица, спросил я.

— Да, я люблю ее, — ответил он, — но она съедает больше, чем я могу поймать, и она такая злока, что клюет всех без разбору. Ее никто не любит — ни заключенные, ни охрана. Я пытался выпустить ее, только она не хочет уходить, все время возвращается обратно. В один из выходных дней я собирался отвезти ее в Албанию и оставить там. Так что, если она тебе действительно нужна, можешь ее взять.

Действительно нужна? Да мне, можно сказать, предложили ангела небесного. Правда, несколько злого ангела, зато какие у него замечательные крылья! Я был так взволнован, что ни разу даже не подумал, как у нас дома встретят эту птицу размером с гуся и с острым, как бритва, клювом. Опасаясь, как бы человек не передумал, я поспешил сбросить одежду, кое-как выбил из нее засохшую грязь и быстренько искупался на мелком месте. Одевшись снова, я свистнул собакам и приготовился нести свой трофей домой. Человек передал мне отвязанную чайку. Зажав ее под мышкой и удивляясь, что такая огромная птица может быть легкой как перышко, я стал горячо благодарить человека за его замечательный подарок.

— Птица знает свое имя, — заметил он, схватив чайку за клюв, и слегка потрепал ее. — Я зову ее Алеко. Если покричишь ему, он прилетит.

Услышав свое имя, Алеко заволновался, заболтал ногами, вопросительно обратился ко мне свои желтые глаза.

— Ему нужна рыба, — сказал человек. — Я собираюсь выйти завтра на лодке, около восьми часов утра. Если хочешь, поедем со мной. Мы сумеем наловить для него порядочно.

Я сказал, что это будет замечательно, Алеко тоже выразил криком свое согласие. Человек наклонился к носу лодки, чтобы столкнуть ее на воду, и тут я кое о чем вспомнил. Стараясь держаться как можно естественнее, я спросил, как его зовут и за что его посадили в тюрьму.

С очаровательной улыбкой он посмотрел на меня через плечо и сказал: — Меня зовут Кости. Кости Панопулос. Я убил свою жену.

Зашуршав по песку, лодка соскользнула в воду. У кормы, словно озорные щенята, заплескались, запрыгали мелкие волночки. Кости залез в лодку и взялся за весла.

— Доброго здоровья, — крикнул он. — До завтра.

Весла ритмично заскрипели, и лодка стала быстро скользить по прозрачной воде. Стиснув под мышкой свой драгоценный подарок, я поплелся по песку к шахматным полям.

Путь домой оказался довольно долгим. Должно быть, я неверно оценил вес Алеко и теперь изнемогал под непомерным грузом. С каждым шагом птица становилась все тяжелее, пришлось снова засунуть ее под мышку, на что она ответила громким протестующим криком. На половине пути я увидел подходящее для нас дерево со спелым инжиром, в тени которого можно было отдохнуть и подзакусить. Пока я валялся в высокой траве и уплетал инжир, Алеко сидел рядом совершенно неподвижно, как деревянный истукан, и немигающим взглядом следил за собаками. Единственным признаком жизни были его зрачки, которые то расширялись, то сжимались от возбуждения, стоило только какой-нибудь собаке пошевелиться.

Немного отдохнув и подкрепившись, я намекнул своей братии, что нам предстоит преодолеть последний этап пути. Собаки сразу послушно поднялись, но Алеко так взъерошил свои перья, что они зашуршали, будто опадающая листва, и весь затрясся при одной только мысли об этом. Очевидно, ему не нравилось, что я таскаю его под мышкой, точно старый мешок, и мну ему перья. Теперь же, когда он убедил меня посадить его в этом прекрасном месте, у него больше не было желания продолжать такое скучное, такое ненужное, на его взгляд, путешествие. Когда я хотел взять его на руки, он щелкнул клювом, издал громкий, пронзительный вопль, а его взметнувшиеся над спиной крылья приняли в точности такое положение, как у надгробных ангелов. Желтые глаза его сверлили меня упорным взглядом. Зачем, говорил этот взгляд, покидать такое место? Здесь столько тени, мягкая травка, вода поблизости. Какой смысл уходить отсюда и шататься бог весть где да еще в таком неудобном и неприличном положении? Я умасливал его некоторое время и, когда он вроде бы успокоился, опять попробовал взять его на руки.

На сей раз Алеко показал мне недвусмысленно, что не желает уходить отсюда. Не успел я опомниться, как он выбросил вперед голову и сильно долбанул клювом по протянутой руке. Будто кто тюкнул меня ледорубом. Мне было ужасно больно, из глубокой раны хлестала кровь. А у Алеко такой наглый, самодовольный вид, что я потерял всякое терпение. Схватив сачок для бабочек, я ловко сбил птицу с ног и закрутил в складках сачка. Прежде чем Алеко успел опомниться от потрясения, я прыгнул на него, ухватился за клюв рукой, обернул его несколько раз носовым платком и крепко завязал веревочкой. Потом снял рубашку и прикрутил ему крылья к телу, чтоб он ими не хлопал. Алеко лежал, точно связанная для продажи курица, сверлил меня глазами, кричал заглушенным голосом от ярости. Я молча собрал снаряжение, схватил Алеко под мышку и зашагал домой. Получив такую птицу, я не собирался терять ее теперь из-за всяких глупостей, не дойдя даже до дому. Всю дорогу Алеко ни на минуту не прекращал своих безумных, заглушенных платком криков, так что к концу пути я уже порядком на него разозлился.

Протиснувшись в гостиную, я опустил Алеко на пол и под его непрерывный хриплый аккомпанемент принялся разматывать рубашку. На шум их кухни прибежали мама и Марго. Алеко стоял посреди комнаты со все еще завязанным клювом и неистово орал.

— Что это такое? — спросила мама, стараясь отдышаться.

— Какая огромная птица! — воскликнула Марго. — Это что, орел?

Меня всегда раздражал недостаток орнитологических знаний у моих родных. Еле сдерживаясь, я разъяснил им, что это не орел, а чайка — чайка морская, потом рассказал, как я ее приобрел.

— Но подумай, милый, чем же мы ее будем кормить? — спросила мама. — Они что, питаются рыбой?

Алеко, сказал я, не теряя оптимизма, может есть все, что угодно. Мне хотелось снять платок с его клюва, но он не давался, думая, верно, что я собираюсь его вздуть, и сердито заорал сквозь платок. Этот новый взрыв ярости заставил Ларри и Лесли выскочить из своих комнат.

— Кто это тут, черт побери, завел волюнку? — спросил Ларри, врываясь в гостиную.

Алеко на миг остановился, окинул вновь прибывшего холодным взглядом и, сделав о нем свое заключение, громко и презрительно крикнул.

— Господи! — сказал Ларри и поспешно отступил назад, наткнувшись на Лесли. — Что это за штука?

— Джерри принес новую птицу, — сказала Марго. — Правда, свирепая?

— Эта чайка, — сказал Лесли, выглядывая из-за ларриного плеча. — Во сильна!

— Ерунда! — сказал Ларри. — Это альбатрос.

— Нет, чайка.

— Что за глупости! Разве чайки бывают таких размеров? Говорю вам, это очень большой альбатрос.

Алеко сделал несколько шагов в сторону Ларри и опять крикнул на него.

— Позови его к себе, — скомандовал Ларри. — Не спускай с этого черта глаз, не то он нападет на меня.

— Стой спокойней, он тебя не тронет, — посоветовал Лесли.

— Хорошо тебе говорить, когда ты стоишь сзади. Сейчас же поймай эту птицу, Джерри, пока она меня не искалечила.

— Не кричи так, милый. Ты ее пугаешь.

Мне удалось незаметно подползти и схватить Алеко сзади, потом под его оглушительные протесты снять ему с клюва платок. Когда я снова отпустил его, он весь затрясся от возмущения и два или три раза щелкнул клювом, прямо как хлыстом.

— Вы только послушайте! — воскликнул Ларри. — Зубами скрежещет!

— У них нет зубов, — сказал Лесли.

— Ну ладно, скрежещет еще чем-то. Надеюсь, мама, ты не позволишь держать его в доме? Сразу видно, что это опасный зверь, посмотрите только на его глаза. К тому же он приносит несчастье.

— Откуда ты это взял? — спросила мама, зная толк в приметах.

— Это всем известно. Если держать в доме даже одни его перья, то и тогда все поумирают от чумы или сойдут с ума или что-то такое с ним случится.

— Так это же относится к павлинам, милый.

— Нет, к альбатросам. Все это знают.

— Нет, милый, несчастье приносят павлины.

— Ну, как бы там ни было, а держать эту птицу в доме нельзя. Это же чистое безумие. Нам всем придется спать с арбалетом под подушкой.

— Право же, Ларри, ты все очень усложняешь, — сказала мама. — Мне кажется, что она совсем ручная.

— Вы дождетесь, что в одно прекрасное утро все проснутся с выклеванными глазами.

— Какую чепуху ты городишь, милый. Птица выглядит совсем безобидной.

В этот момент Додо, которой всегда требовалось некоторое время, чтобы угнаться за быстро проходящими событиями, впервые заметила Алеко. Тяжело отдуваясь и выпучив глаза от любопытства, она приковыляла к

Д нему и начала обнюхивать. Клюв Алеко мелькнул у самой головы Додо, и, если б она в этот миг не обернулась на мой отчаянный вопль, ее нос был бы начисто срезан, а так скользящий удар пришелся лишь по боковой части головы. Додо до того удивилась, что нога ее сразу выскочила из сустава. Запрокинув голову, она пронзительно завизжала. Алеко, как видно, решил, что его приглашают потягаться голосами. Он старался перекричать Додо и хлопал крыльями с такой силой, что погасил одну из ламп.

— Ну вот, — ликовал Ларри. — Что я вам говорил? Не успел пробывать в доме и пяти минут, как убил собаку.

Марго и мама успокаивали Додо, выправляя ей ногу, а Алеко с интересом наблюдал за этой процедурой. Он громко щелкал клювом, как бы удивляясь хрупкости собачьего племени, потом щедро разукрасил пол и с важностью помахал хвостом, будто сделал что-нибудь умное.

— Как мило! — сказал Ларри. — Теперь мы еще должны ходить по дому чуть ли не по пояс в гуано.

— Не лучше ли вынести его на улицу, милый? — посоветовала мама. — Где ты его собираешься держать?

Я сказал, что хочу разгородить клетку Сорок и держать Алеко там. Маме это понравилось. А пока я привязал его на веранде, извещая всех по очереди о его временном местопребывании.

— Ну вот что, — сказал Ларри, когда мы сели обедать, — если на дом обрушится циклон, прошу меня не винить. Я вас предупредил. Большого я сделать не в силах.

— Почему циклон, милый?

— Альбатросы всегда приносят с собой плохую погоду.

— Первый раз слышу, чтобы циклон называли плохой погодой, — заметил Лесли.

— Но ведь несчастье приносят павлины, милый. Я все время тебе об этом толкую, — жалобно сказала мама. — Я это хорошо знаю, потому что у одной моей тетки в доме были павлиньи перья, и у них умерла кухарка.

— Дорогая мама, всему миру известно, что альбатрос предвещает несчастье. Даже закаленные морские волки бледнеют и теряют сознание при виде альбатроса. Поверьте, что в одну прекрасную ночь у нас у трубе засияют огни святого Эльма. Не успеем мы опомниться, как огромная приливная волна потопит нас прямо в постелях.

— Ты говорил, что это будет циклон, — напомнила Марго.

— Циклон и приливная волна, — сказал Ларри. — И, может быть, еще землетрясение, а также извержение двух-трех вулканов. Держать эту птицу — значит искушать Провидение.

— Где ты ее все-таки раздобыл? — спросил меня Лесли.

Я рассказал о своей встрече с Кости (ни словом не помянув морских змей, так как Лесли змей ненавидел) и о том, как он отдал мне птицу.

— Ни один человек в здравом уме, — сказал Ларри, не стал бы делать таких подарков. Интересно, кто же это был?

— Арестант, — ответил я, не задумываясь.

— Арестант? — дрожащим голосом спросила мама. — Что ты этим хочешь сказать?

Я объяснил, что Кости разрешают приезжать домой на выходные дни, так как на острове Видо ему доверяют, и добавил, что завтра утром я собираюсь ехать с ним на рыбную ловлю.

— Не знаю, стоит ли это делать, милый, — неуверенно сказала мама. — Мне не хочется, чтобы ты ездил с заключенными. Мы же не знаем, что он сделал.

Я заявил с горячностью, что очень хорошо это знаю. Он убил свою жену.

— Убийца? — произнесла ошеломленная мама. — Но как же он расхаживает тут на свободе? Почему его не повесили?

— Смертная казнь здесь существует только для бандитов, — объяснил Лесли. — Вы можете получить три года за убийство и пять лет, если будете глушить рыбу динамитом.

— Просто смешно, — возмутилась мама. — Я еще не слышала ничего подобного.

— Мне кажется, это свидетельствует о тонком восприятии важности сущего, — заметил Ларри. — Мальки важнее женщин.

— Как бы там ни было, я не отпущу тебя с убийцей, — сказала мама. — Он может перерезать тебе горло или сделать еще что-нибудь.

Целый час мне пришлось спорить и упрашивать маму. Наконец она согласилась отпустить меня с Кости при условии, что сначала Лесли пойдет взглянуть на него. Таким образом, на следующее утро я все же отправился с Кости в море, а когда мы возвратились, наловив Алеко рыбы на дня два, я пригласил своего нового знакомого к нам в дом, чтобы мама могла составить о нем собственное мнение.

Обычно при большом умственном напряжении маме удавалось припомнить два-три греческих слова. Такой скудный словарный запас и в лучшие времена лишил ее возможности вести вольные беседы, а теперь, когда ей предстояло пройти через тяжкое испытание и поговорить с убийцей, все греческие слова, какие она знала, вылетели у нее из головы в одну минуту. Так что, пока мы сидели на веранде, она могла только беспомощно улыбаться, в то время как Кости в своей выцветшей рубашке и потертых штанах пил пиво, а я переводил его разговор.

Д — Он кажется таким славным, — сказала мама, когда Кости ушел. — И ничуть не похож на убийцу.

— А как, по-твоему, выглядит убийца? — спросил Ларри. — Ты что думаешь, он с заячьей губой или косолапый и держит в руках бутылку с ядом?

— Не говори глупостей, милый. Конечно, я так не думаю. Но мне казалось, что он должен выглядеть... как бы это сказать, более кровожадным.

— Не надо судить о человеке по внешности, — заметил Ларри. — Значение имеют только поступки. Я мог бы сразу определить, что это убийца.

— Каким образом, милый? — заинтересовалась мама.

— Очень просто, — со вздохом ответил Ларри. — Только убийце могла прийти в голову мысль отдать Джерри этого альбатроса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СО ЗВЕРЯМИ

Весь дом был охвачен кипучей деятельностью. У кухонной двери без конца толпились деревенские жители с корзинками снеди и связками клохчущих кур. Два, а то и три раза в день к дому подъезжал Спиро на своем автомобиле, доверху набитом ящиками вина, стульями, легкими разборными столами и другими предметами. Охваченные волнением Сороки носились из конца в конец по клетке, просовывали головы сквозь прутья и громкими хрипылыми голосами комментировали события. На полу в столовой в окружении больших листов оберточной бумаги лежала Марго и рисовала на них мелкими крупными, яркие фрески; в гостиной Лесли, окруженный горой мебели, математическим способом пытался определить, сколько столов и стульев может вместить дом, оставаясь пригодным для жилья; на кухне мама (с двумя помогавшими ей крикливыми девушками) двигалась в атмосфере, какая бывает внутри вулкана: окутанная клубами пара, искрами огня, тихим кипением и пыхтением кастрюлек; мы с собаками слонялись из комнаты в комнату, помогали, где могли, давали советы и вообще старались быть полезными; наверху, у себя в спальне, безмятежно спал Ларри. Семья готовилась к большому приему гостей.

Как всегда, устроить этот вечер мы решили совсем неожиданно и без всякой на то причины, просто нам так захотелось. Преисполненные любовью к ближнему, мы решили пригласить всех, о ком только могли вспом-

нить, даже тех, кого терпеть не могли. Все с жаром принялись за подготовку. Поскольку было начало сентября, вечер решили назвать рождественским, а чтобы вся затея не оказалась слишком мимолетной, гостей мы пригласили к ленчу, к чаю и к обеду. Это означало, что еды надо было готовить целые горы, поэтому мама (вооруженная кипой замусоленных кулинарных книг) скрылась на кухне и оставалась там много часов подряд. Когда она наконец вышла оттуда в запотевших очках, с нею было почти невозможно говорить о чем-нибудь, не имевшем отношения к еде.

Как и обычно в тех редких случаях, когда все в семье были единодушны в своем желании принимать гостей, за подготовку взялись задолго до срока и с таким рвением, что ко дню празднества все уже падали от усталости и становились злые как черти. Нет нужды объяснять, что наши вечера никогда не проходили так, как были задуманы. Сколько бы мы ни старались, всегда в последнюю минуту какое-нибудь непредвиденное событие переводило все на другие рельсы и наш тщательно разработанный проект шел под откос. За много лет мы к этому уже привыкли — себе во спасение, иначе наш рождественский вечер с самого начала был бы обречен на провал, так как им почти полностью завладели звери. А ведь все началось с безобидных золотых рыбок.

В то время мне таки удалось поймать (с помощью Кости) черепаху, которую я называл Старым Шлёпом. Получив такое роскошное добавление к своему зверинцу, я задумал чем-нибудь отметить это событие. Лучше всего, решил я, преобразовать черепаший пруд, который был сделан просто из старого корыта. На мой взгляд, это было слишком низменное обиталище для такой персоны, как Старый Шлёп. Я раздобыл большой прямоугольный резервуар из камня (когда-то в нем хранили масло) и художественно оформил его камнями, водяными растениями, песком, галькой. В готовом виде все это выглядело как в естественной обстановке и, кажется, пришлось по вкусу черепахам и водяным ужам. Однако я сам был не совсем доволен. В общем, вся эта штука была, конечно, замечательная, но чего-то в ней не хватало. Хорошенько пораскинув мозгами, я решил, что вполне законченный вид ему придадут золотые рыбки. Вопрос заключался лишь в том, где их взять.

Самым близким местом, где можно купить подобные вещи, были, наверно, Афины, но поездка туда — дело сложное, да и долгое, мне же хотелось, чтобы пруд был готов ко дню нашего празднества. В доме все слишком заняты, никто не станет терять время на золотых рыбок, поэтому я отправился со своей проблемой к Спиро. Когда я красочно и подробно описал ему, как выглядят золотые рыбки, Спиро ответил, что затея моя невыпол-

Д нима. На Корфу ему такие рыбки никогда не попадались. Но все-таки, сказал он, над этим надо подумать. Потянулись долгие дни ожидания, и я уже решил, что Спиро забыл обо всем, но вот, за день до торжества, он отозвал меня в сторонку, удостоверившись сначала, что нас никто не подслушивает.

— Мастер Джерри, — загремел он хриплым шепотом. — Наверное, я смогу достать тебе этих золотых рыбок. Только не говори никому. Поедешь со мной в город сегодня вечером, когда я повезу твою маму делать прическу. Захвати какую-нибудь посудину.

Меня эта новость очень взволновала. Заговорщицкий вид Спиро придавал всей истории добывания золотых рыбок волнующий налет опасности и тайны, и я бросился искать нужную банку. В тот вечер Спиро запаздывал. Мы с мамой довольно долго сидели на веранде, прежде чем услышали шум и гудки его автомобиля, с визгом подкатившего к дому.

— Честное слово, миссис Даррелл, так получилось, — извинялся он перед мамой за опоздание, подсаживая ее в автомобиль.

— Ничего, Спиро. Мы просто боялись, что вы потерпели аварию.

— Аварию? — презрительно сказал Спиро. — У меня никогда не бывает аварий.

Уже почти смеркалось, когда мы высадили маму у парикмахерской и Спиро повез меня на другой конец города. Остановившись у высоких чугунных ворот, он выскочил из машины, с опаской оглянулся, подошел к воротам и свистнул. Через некоторое время из-за кустов показался старик с бакенбардами. Спиро посоветовался с ним о чем-то шепотом и вернулся к автомобилю.

— Давай банку, мастер Джерри, — прогрохотал он, — и жди меня тут. Я скоро вернусь.

Человек с бакенбардами впустил Спиро в ворота, и они оба скрылись за кустами. Вернулся Спиро через полчаса. В башмаках у него хлюпала вода, брюки внизу промокли насквозь, а к мощной груди его была прижата банка.

— Держи, мастер Джерри, — сказал он, всовывая мне в руки банку. — Там внутри плавают пять штук жирных блестящих рыбок.

Невероятно обрадовавшись, я принялся на все лады благодарить Спиро.

— Ну, все в порядке, — сказал он, включая мотор. — Только никому ни звука, понял?

Я спросил, кто ему дал рыбок и чей это сад.

— Какая тебе разница? — нахмурил брови Спиро. — Лучше смотри, чтобы об этом никто не узнал, ни одна душа.

Только через месяц или два во время прогулки с Теодором мне вновь случилось пройти мимо тех самых чутунных ворот, и я спросил, кто здесь живет. Теодор объяснил, что это дворец, где останавливается греческий король (или члены королевской семьи), когда приезжает на остров. Моему восхищению Спиро не было границ: прорваться во дворец и выкрасть из королевского пруда золотых рыбок — это ли не выдающийся подвиг! Да и цена самих золотых рыбок, беспечно снующих среди черепах, с тех пор для меня намного возросла, придавая им дополнительный блеск.

События в тот день стали разворачиваться с самого утра. После завтрака я помчался взглянуть на золотых рыбок и, к своему ужасу, увидел, что от двух рыбок уже почти ничего не осталось. Накануне вечером в своей безмерной радости от нового приобретения я совсем забыл, что и черепахи и водяные ужи не прочь иногда полакомиться такой вот пухлой рыбкой. Пришлось отсадить рептилий в банки из-под керосина до той поры, когда я придумаю что-нибудь получше. Пока я чистил и кормил Сорок и Алеко и все еще размышлял о невозможности совместного житья рептилий и рыб, подошел час ленча. Первые гости могли нагрянуть в любую минуту. Я утробно ходил вокруг своего благоустроенного пруда и вдруг увидел, что кто-то выставил банку с водяными ужами на самое солнце. Вялые и перегревшиеся ужи лежали на поверхности воды. В первую минуту я даже подумал, что они сдохли. Только немедленная помощь могла их спасти. Схватив ужей, я бросился в дом. Мама была на кухне, измученная и рассеянная, она старалась делить свое внимание между стряпней и вновь одолевавшими Додо кавалерами.

Я объяснил, что случилось с ужами и что спасти их может только продолжительное пребывание в прохладной воде. Могу я поместить их в ванну примерно на час?

— Да, милый. Я думаю, это поможет. Проверь, чтоб там никого не было, а потом не забудь продезинфицировать ванну.

Я наполнил ванну чудесной прохладной водой и бережно опустил туда ужей. Через несколько минут они начали проявлять несомненные признаки жизни. Обрадовавшись, я оставил их отмокать в воде, а сам побежал наверх переодеться. На обратном пути я заглянул на веранду, чтобы оценить стол, накрытый под сенью виноградных листьев. В самом центре стола на очень красивой вазе под цветами сидели Сороки. Похолодев от ужаса, я стал осматривать стол. Ножи и вилки валялись где попало, сливочное масло было размазано по тарелкам, и масляные отпечатки птичьих лапок разбегались по всей скатерти. Перец и соль довольно эффективно украшали измазанные осколки разбитой соусницы с острой приправой.

Д

И в довершение всего несравненные Сороки опрокинули на стол кувшин с водой.

В поведении преступниц было явно что-то подозрительное, решил я. Вместо того чтобы немедленно удрать отсюда, они сидели с блестящими, ясными глазами среди изломанных цветов, мерно раскачивались и обменивались благодушными замечаниями. Одна из них, с цветком в клюве, поглядела на меня с минуту восхищенным взглядом, затем неуверенными шагами прошла по столу и, не удержав на самом краю равновесия, грохнулась на пол. Другая Сорока весело хихикнула, засунула голову под крыло и мигом заснула. Меня поразило такое странное поведение птиц. Потом я заметил на полу разбитую бутылку пива и сразу все понял. У Сорок тут был собственный пир, и онихватили лишнего. Поймал я их без труда, хотя та, что была на столе, пыталась спрятаться под измазанной маслом салфеткой и притвориться, что ее там нет. Пока я стоял с Сороками в руках и раздумывал, можно ли сунуть их как-нибудь незаметно в клетку и потом сделать вид, что ты знать ничего не знаешь, на веранду вошла мама с соусником в руках. Пойманный, так сказать, с поличным, я уже не мог свалить все на неожиданный порыв ветра или на крыс или придумать еще какую-то причину разгрома. Вместе с Сороками мне предстояло получить по заслугам.

— Право же, милый, — жалобным голосом сказала мама, — нужно было получше запирать дверцу клетки. Ты же знаешь, на что они способны. Ну ничего, это просто несчастный случай. И потом, что с них взять, раз они пьяные.

Как я и опасался, Алеко тоже не преминул воспользоваться случаем и удрал. Водворив пьяных Сорок в их половину клетки, я прочитал им хорошую нотацию. К тому времени опьянение их достигло буйной стадии, они с яростью кидались на мой башмак, а потом, не поделив шнурков, стали кидаться одна на другую. Я предоставил им полную возможность метаться по клетке и в пьяном бессилии долбить друг друга клювом, а сам пошел искать Алеко. Я обыскал весь дом и сад, но нигде его не обнаружил. Улетел, как видно, к морю освежиться, подумал я, радуясь, что хоть этот убрался от греха подальше.

Тем временем прибыли первые гости. Они собрались на веранде выпить по рюмке вина, и я направил туда свои стопы. Вскоре мы с Теодором уже увлеклись интересной беседой. Потом я вдруг с удивлением увидел, как из оливковых рощ с ружьем под мышкой вышел Лесли. Он тащил полную сетку бекасов и огромного зайца. Я просто забыл, что он ушел на охоту, надеясь набрести на ранних вальдшнепов.

— Ага! — восхитился Теодор, когда Лесли перемахнул через перила веранды и показал нам свои охотничьи трофеи.

Лесли пошел переодеться, а мы с Теодором снова углубились в беседу. Вошла мама с Додо и присела на барьер. Ее роль любезной хозяйки была несколько испорчена тем, что ей все время приходилось прерывать разговор и, скорчив свирепую гримасу, замахиваться тяжелой палкой на собак, собравшихся в садике. Временами приятели Додо затевали между собой шумную драку, тогда мы все мигом оборачивались и кричали «цыц!», отчего у наших наиболее нервных гостей расплескивалось вино. Всякий раз после такой заминки мама одаривала гостей приветливой улыбкой и старалась опять паладить беседу. Ей только что удалось проделать это в третий раз, когда вдруг все разговоры мигом оборвались. Откуда-то изнутри дома до веранды донесся ужасный рев. Такой рев мог бы издавать минотавр, страдающий зубной болью.

— Что же это такое с Лесли? — спросила мама.

Ей не пришлось оставаться долго в неведении, так как Лесли появился на веранде, прикрытой только небольшим полотенцем.

— Джерри! — заорал он, и лицо его побагровело от ярости. — Где этот мальчишка?

— Тихо, тихо, милый, — успокаивала его мама. — Ну что там случилось?

— Змеи, — прорычал Лесли, широко разводя руки, чтобы показать невероятную длину змей, но тут же быстро схватился за сползающее полотенце. — Змеи, вот что случилось.

Любопытная была реакция гостей. Те, кто нас хорошо знал, следили за этой сценой с величайшим интересом, непосвященные же подумали, что Лесли немножко чокнутый, и не знали, как им поступить: не обращать ни на что внимания и продолжать разговор или же схватить Лесли, пока он еще ни на кого не бросился.

— О чем ты говоришь, милый?

— Этот зараза мальчишка напихал в ванну до черта змей, — ответил Лесли, вполне проясняя ситуацию.

— Язык, милый, что за язык! — автоматически произнесла мама и рассеянно добавила: — Пойди надень что-нибудь на себя, а то ведь так ты можешь простудиться.

— Ужасно здоровенные твари, как пожарный шланг... Не понимаю, как они меня не укусили.

— Ну ничего, милый. Это я виновата. Я посоветовала Джерри посадить их туда, — оправдывалась мама и потом, чувствуя, что гостям надо

Д

дать какие-то разъяснения, добавила: — У них был солнечный удар, у бедняжек.

— Ну знаешь, мама! — воскликнул Ларри. — Мне кажется, это уж слишком.

— Ты бы помолчал, милый, — твердо сказала мама. — Ведь это Лесли купался со змеями.

— Не понимаю, почему Ларри во все должен вмешиваться? — проворчала Марго.

— Вмешиваться? Я вовсе не вмешиваюсь. Но если мама вступает в разговор с Джерри и они набивают ванну змеями, я просто обязан выразить свое недовольство.

— Ах, да замолчите вы! — перебил Лесли. — Лучше скажите, когда он собирается убрать этих тварей!

— Мне кажется, вы слишком шумите по пустякам, — сказала Марго.

— Если со временем назреет необходимость совершать свои омовения в гнезде королевских кобр, я вынужден буду переселиться.

— Смогу я выкупаться или нет? — прохрипел Лесли.

— Почему ты сам их не вынешь?

— Только святой Франциск Ассизский смог бы почувствовать себя здесь как дома.

— Ах, ради бога, не шумите!

— Я имею точно такое же право высказывать свои взгляды...

— Мне нужна всего лишь ванна. Не так уж многого я требую...

— Тихо, тихо, милые, не ссорьтесь. Джерри, пойд и вытащи змей из ванны. Положи их на время в таз или еще куда-нибудь.

— Нет, нет! Их надо совсем убрать из дома, — волновался Ларри.

— Хорошо, милый. Ты только не кричи.

В конце концов я принес из кухни кастрюлю и посадил туда водяных ужей. К моей радости, они совершенно оправились и дружно шипели, когда я вынимал их из ванны. На веранду я вернулся как раз вовремя, чтобы услышать, как Ларри изливается перед гостями.

— Поверьте мне, дом этот очень опасный. Малейший закоулок или трещина набиты тут ужасным зверьем, готовым в любую минуту прыгнуть на вас. Не понимаю, как только я не сделался калекой на всю жизнь. Здесь нельзя, например, зажечь сигарету. Казалось бы, такое простое, безобидное действие, но оно чревато опасностью. Не принимается в расчет даже святость моей спальни. Сначала меня атаковала скорпиониха, мерзкая змея, которая рассеивала повсюду яд и своих младенцев. Потом мою комнату разнесли на куски сороки. Теперь вот у нас змеи в ванне, а вокруг

дома носится огромная стая альбатросов, которые шумят, как испорченный водопровод.

— Ларри, милый, ты все сильно преувеличиваешь, — сказала мама, рассеянно улыбаясь гостям.

— Дорогая мама, я не только не преувеличиваю, но даже преуменьшаю. Вспомни, как Квазимодо задумал спать в моей комнате.

— В том не было ничего ужасного, милый.

— Ну, конечно, — с достоинством ответил Ларри. — Очень приятно, когда в половине четвертого утра тебя будит голубь, задравший хвост прямо над твоим глазом...

— Ну хорошо, мы достаточно поговорили о животных, — поспешно перебила его мама. — Я думаю, стол уже давно накрыт, не перейти ли нам туда?

— Во всяком случае, — сказал Ларри, когда все двинулись к столу, — сам мальчишка опасен... у него там завелись звери, на его чердаке.

Гостям указали их места, раздался грохот отодвигаемых стульев, потом все уселись за стол и начали улыбаться друг другу. Почти в тот же миг двое из гостей закричали не своим голосом и слетели со стульев.

— О господи, что же еще случилось? — с тревогой спросила мама.

— Наверное, опять скорпион, — ответил Ларри, вскакивая с места.

— Что-то меня укусило... укусило за ногу!

— Вот видите! — закричал Ларри. — Что я вам говорил? Я не удивлюсь, если вы обнаружите под столом парочку медведей.

Единственный среди гостей, кого не охватил ужас от мысли, что у ног его притаилась опасность, был Теодор. Он спокойно нагнулся, поднял скатерть и заглянул под стол.

— Ага! — послышался его заглушенный голос.

— Что там? — спросила мама.

Голова Теодора вынырнула из-под скатерти. — Кажется, какая-то... э... какая-то птица. Большая черно-белая птица.

— Это альбатрос! — оживился Ларри.

— Нет, нет, — поправил Теодор. — Я думаю, это какой-то вид чайки.

— Не двигайтесь... старайтесь сидеть спокойно, если вы не хотите, чтобы вам отхватили ногу до колена, — оповещал гостей Ларри.

Такие слова, разумеется, не способствовали сохранению спокойствия. Все гости разом повскакали с мест и отошли от стола.

Алеко издал из-под скатерти протяжный, грозный крик. Был ли это страх упустить добычу или протест против шума, трудно сказать.

— Джерри, сейчас же поймай эту птицу, — командовал Ларри с безопасного расстояния.

Д — Правда, милый, — согласилась мама. — Посади ее лучше в клетку, ей нельзя здесь оставаться.

Я осторожно поднял край скатерти. Алеко расселся под столом, как барон, и глядел на меня желтыми злыми глазами, а когда я протянул к нему руки, поднял крылья и свирепо щелкнул клювом. Он был явно не расположен к шуткам. Я попробовал подвести к его клюву салфетку.

— Мой дорогой мальчик, тебе не нужна помощь? — спросил Кралевски.

Очевидно, репутация орнитолога обязывала его сделать какое-то предложение, но мой отказ от помощи его очень обрадовал. Я объяснил, что Алеко в плохом настроении, сразу его не поймаете.

— Только поскорей, ради бога, суп ведь стынет, — сердито пробурчал Ларри. — Нельзя ли его чем-нибудь выманить? Что эти скоты едят?

Мне наконец удалось схватить Алеко за клюв, и, как он ни кричал, как ни хлопал крыльями, я вытащил его из-под стола, связал ему крылья и отнес в клетку. Когда я, весь запаренный и взъерошенный, возвращался на веранду, вслед мне неслись громкие оскорбления и угрозы Алеко.

Звенели бокалы, стучали ножи и вилки, пенилось вино. Одно кулинарное чудо сменялось другим, и, когда все гости выражали свое единодушное восхищение очередным блюдом, мама улыбалась с притворной скромностью. Разговор, конечно, вертелся вокруг животных.

— Помню, еще ребенком, — начал рассказывать Ларри, — меня отправили к одной из наших многочисленных теток, экстравагантных старух. Она питала страсть к пчелам и развела их видимо-невидимо. Сотни ульев гудели у нее в саду, как телеграфные столбы. И вот однажды, запретив нас для надежности в доме, она надела перчатки, закрыла лицо сеткой и отправилась к одному из ульев за медом. То ли она не окурила пчел как следует, то ли еще что-нибудь, но они вырвались из улья настоящим смерчем, едва только была откинута крышка, и облепили тетку со всех сторон. Мы наблюдали все это из окна, но, ничего не смысля в пчелах, думали, что так оно и положено. А потом увидели, как тетка мечется по саду, стараясь ускользнуть от пчел, и цепляется сеткой за кусты роз. Наконец она добежала до дома и бросилась к двери. Открыть дверь мы ей не могли, потому что она заперла нас за ключ. Мы старались втолковать ей это, однако ее отчаянные крики и гудение пчел заглушали наши голоса. Кажется, это Лесли пришла потом в голову блестящая мысль окатить ее водой из окна спальни. К сожалению, он так постарался, что вместе с водой вниз полетело и ведро. Холодный душ и удар по голове большим оцинкованным ведром уже само по себе было достаточным испытанием, а ей при этом при-

ходило отбиваться еще и от огромного роя пчел. Когда мы наконец смогли втянуть тетку в дом, она уже вся раздулась почти до неузнаваемости.

Ларри печально вздохнул и помолчал некоторое время.

— Бог ты мой, как это ужасно! — воскликнул Кравевски. — Они могли закусать ее до смерти.

— Да, могли, — согласился Ларри. — Во всяком случае, это совершенно испортило мне каникулы.

— Она поправилась? — спросил Кравевски.

Мне было ясно, что он уже придумывает захватывающее приключение с разъяренными пчелами и со своей Леди.

— Да, поправилась, пролежала несколько недель в больнице, — беззаботно ответил Ларри. — Только это, кажется, не отвало ее от пчел. В скором времени у нее в печной трубе обосновался целый пчелиный рой. Пытаясь выкурить его оттуда, она подожгла дом. Когда прибыла пожарная команда, от дома остался лишь обугленный остов, над которым кружились пчелы.

— Ужасно, ужасно! — бормотал Кравевски.

Теодор, старательно намазывающий маслом ломтик хлеба, хрюкнул от удовольствия.

— Кстати, о пожарах, — начал он, и в его глазах сверкнул задорный огонек. — Я вам не рассказывал о тех временах, когда на Корфу модернизировали пожарную команду? Начальник пожарной службы, кажется, побывал в Афинах, и там на него очень сильное... э... впечатление произвело новое пожарное оборудование. Он подумал, что пора уже на Корфу ликвидировать старую пожарную машину, на конной тяге и приобрести новую... гм... красивую, блестящую, желательнo красного цвета. Он позаботился также и о других усовершенствованиях и вернулся сюда, полный... гм... энтузиазма. В первую очередь он велел проделать отверстие в потолке пожарной каланчи, чтобы пожарники могли должным образом соскальзывать по столбу вниз. Но, торопясь поскорее все модернизировать, он, очевидно, упустил из виду столб, так что на первых порах двое пожарников сломали себе ноги.

— Ох, знаете, Теодор, я этому просто не верю. Вы все выдумываете.

— Нет, нет, уверяю вас, это чистейшая правда. Этих двух пожарников приводили ко мне в рентгеновский кабинет. Наверно, начальник ничего не сказал им о столбе, и они решили, что надо прыгать в отверстие. Но это было только начало. Вскоре они приобрели, заплатив за нее значительную сумму, большую пожарную машину. Начальник настаивал на самой большой и самой лучшей. К сожалению, она оказалась такой большой, что в городе на ней можно было ездить только по одной дороге. Вы ведь знаете, ка-

Дкие там узкие улицы. Довольно часто можно увидеть, как машина несется на пожар в совершенно противоположном направлении. Выехав за город, где дороги немного пошире, она уже может добраться до места пожара. Но самым интересным, мне кажется, было дело с автоматическим пожарным сигналом. Это, знаете, такая штука, где надо разбить стекло, и внутри там есть нечто вроде... гм... телефона. Так вот, они очень долго обсуждали, куда его повесить. Начальник мне рассказывал, что это было очень трудно решить, так как никто ведь не знает, где может начаться пожар. Во избежание недоразумений сигнал повесили на дверях пожарной каланчи.

Теодор остановился, потерел бороду и отпил глоток вина.

— Едва они закончили всю переделку, как вспыхнул первый пожар. Мне посчастливилось быть неподалеку, так что я видел все своими глазами. Загорелся гараж, и, пока его владелец бегал на пожарную станцию разбивать стекло, пламя разбушевалось вовсю. А тут началась перебранка, так как начальнику было досадно, что его пожарный сигнал разбили так скоро. Он сказал владельцу гаража, что надо было просто постучать в дверь. Сигнал-то совсем новенький, и теперь стекло на нем не скоро заменишь. Наконец на улицу выкатили пожарную машину, собрали пожарников. Начальник произнес перед ними короткую речь, призывая каждого исполнить свой... гм... долг. Потом они расселись по местам и немного поспорили о том, кому должна принадлежать честь звонить в колокол, но в конце концов начальник взял это на себя. Когда машина прибыла на место, вид у нее, должен заметить, был очень внушительный. Пожарники прыгнули на землю, и работа закипела. Они размотали очень большой шланг, но тут произошла заминка. Никто не мог найти ключа, чтобы отпереть машину сзади, куда полагалось вставить шланг. Начальник сказал, что он отдал его Яни, но Яни, кажется, сегодня выходной. После долгих споров кто-то побежал к Яни, жившему, к счастью, не очень далеко. Ожидая его возвращения, пожарники любовались пламенем, которое теперь разгорелось как следует. Вернулся посланный и сказал, что Яни нет дома, но, по словам жены, он ушел на пожар. Начали смотреть в толпе и вскоре отыскивали его среди зевак, с ключом в кармане. Начальник очень рассердился и сказал, что это производит плохое впечатление. Открыли машину, вставили шланг, пустили воду, но к тому времени от гаража уже, конечно, ничего не осталось, тушить было нечего.

После еды гости отяжелели, им хотелось только спокойно отдыхать на веранде. Предложение Кралевски поиграть в крикет было встречено без всякого энтузиазма. Лишь немногих, самых неустомимых, Спиро отвез к морю, где мы плескались в воде, пока не наступила пора идти пить чай — еще один из маминых гастрономических триумфов.

Беседа почти замерла. Слышалось лишь легкое позвякивание чашек да искренний вздох кого-нибудь из сытых по горло гостей, кому предлагали еще один кусок пирога. После чая все разбрелись по веранде, вели бессвязные, сонливые беседы, в то время как сквозь оливковые рощи постепенно наползали сумерки. На увитой виноградом веранде сгущались тени, и лица гостей становились неясными.

Среди деревьев показался вдруг автомобиль Спиро, уезжавшего куда-то по своим загадочным делам. Громкий рев рожка оповещал теперь всех и вся о его прибытии.

— И для чего это Спиро нарушает вечернюю тишину такими ужасными звуками? — обиженным голосом спросил Ларри.

— Вот именно, вот именно, — пробормотал полусонный Кравевски. — В это время суток надо слушать соловьев, а не автомобильные гудки.

— Помню, как я был удивлен, — раздался в полутьме голос Теодора, — когда первый раз ехал со Спиро. Не припомню теперь точно, о чем мы тогда говорили, но только он вдруг сказал мне: «Знаете, доктор, когда я проезжаю через какую-нибудь деревню, там всегда пустынно». Я мысленно представил себе... гм... совершенно безлюдные деревни и горы трупов по краям дороги... Потом Спиро добавил: «Да, если я проезжаю через деревню, я всегда сигналию что есть мочи и пугаю всех до смерти».

Автомобиль подкатил к дому, свет фар на мгновение скользнул по веранде, высветив зеленое кружево виноградных листьев, группки болтавших и смеявшихся гостей, двух накрывавших на стол деревенских девочек с алыми повязками на голове, шлепавших тихонько босыми ногами по каменным плиткам. Шум мотора смолк, и Спиро вывалился на дорожку, прижимая к груди огромный и, очевидно, тяжелый пакет в оберточной бумаге.

— О боже! Взгляните! — драматически воскликнул Ларри, указывая на Спиро дрожащим пальцем. — Издатели снова вернули мне рукопись.

Спиро остановился, сдвинул брови.

— Нет, мастер Ларри, честное слово, нет, — объяснил он серьезно. — Тут три индюшки. Это моя жена зажарила для вашей мамы.

— А! Тогда еще есть надежда, — сказал Ларри с преувеличенным вздохом облегчения — От потрясения я чуть не упал в обморок. Пойдемте все в дом, выпьем по рюмочке.

В комнатах горели лампы. Легкий ветерок чуть шевелил развешанные по стенам яркие фрески Марго. Зазвенели, заговорили рюмки. Пробки вылетали со звуком брошенного в колодец камня, вздыхали сифоны, будто утомленные поезда. Гости оживали. В глазах у них появился блеск, разговоры становились все громче.

Д Оглушенная шумом и потерявшая надежду привлечь к себе внимание мамы, Додо решила одна прогуляться по саду. Но не успела она приковылять к магнолии, как перед нею очутилась целая свора страшных, ошестившихся воинственных собак, имевших, очевидно самые дурные намерения. Завизжав от страха, Додо задрала хвост и со всей возможной для ее коротких, жирных ног прытью бросилась искать защиты в доме. Страстные поклонники, однако, не собирались отступать без боя. Они торчали тут на жаре целую вечность, стараясь завести знакомство с Додо, и теперь не хотели упускать этого ниспосланного прямо небесами случая. Додо с визгом влетела в людную гостиную, и следом за нею вкатилась волна рычащих собак. Роджер, Вьон и Пачкун, удалившиеся было подремать на кухню, стрелой примчались обратно и от возмущения застыли на месте. Уж если кому-то и предстояло обольстить Додо, то это должен быть один из них, а не какой-нибудь захудалый деревенский пес. И они с остервенением набросились на преследователей Додо. В один миг в комнате все перевернулось. По полу катился клубок грызущихся и рычащих собак, до смерти перепуганные гости пытались прыгнуть куда-нибудь повыше.

— Это же волки!.. — вопил Ларри, ловко вскакивая на стул. — Значит, нам придется тут зимовать.

— Спокойно, спокойно! — ревел Лесли, схватив подушку и швыряя ее в ближайших собак. В одну секунду пять зияющих пастей разодрали ее в клочья.

В воздух взметнулось огромное облако перьев и поплыло по комнате.

— Где Додо? — беспокоилась мама. — Разыщите Додо. Они ее ищут.

— Разнимите их! Разнимите! Они убьют друг друга! — закричала Марго и, схватив сифон с содовой водой, стала без разбору поливать и гостей и собак.

— При собачьих драках хорошо действует перец, — заметил Теодор, у которого вся борода была, как снегом, облеплена перьями. — Правда, сам я ни разу этого не пробовал.

— Бог ты мой! — закричал Кралеwski. — Спасайте женщин.

Следуя своему призыву, он помог одной из женщин забраться на диван и сам вскочил вслед за нею.

— Вода тоже считается хорошим средством, — продолжал в задумчивости Теодор и, словно желая это проверить, с завидной меткостью выплеснул из своей рюмки вино в оказавшуюся рядом собаку.

Услышав слова Теодора, Спиро сходил на кухню и принес оттуда бачок воды.

— Берегись! — гаркнул он. — Я сейчас поставлю на место этих недоносков.

Гости бросились врассыпную, однако недостаточно быстро. Стеклянная, сверкающая масса воды пролетела по воздуху и грохнулась на пол, снова взметнулась вверх и волной раскатилась по комнате. У стоявших поблизости гостей был теперь самый жалкий вид, зато на собак это подействовало как удар грома. Испуганные шумом и плеском воды, они в один миг расцепились и стрелой выскочили из дома, оставив позади себя поле умопомрачительной битвы. Комната была похожа на куриный пасест после урагана. Мокрые, облепленные перьями, по ней бродили наши друзья. Перья садились на лампы, в воздухе пахло паленым. Сжимая в руках Додо, мама оглядывала комнату.

— Лесли, милый, сходи за полотенцами, нам надо вытереться. В комнате все перевернуто вверх дном. Ну ничего, пойдемте на веранду, — сказала мама, очаровательно кивнув головой. — Очень жаль, что так случилось. Вы видите, это все из-за Додо.

Гостей вытерли, сняли с них перья, налили им вина и усадили на веранде, где на каменных плитках луна отпечатала темный рисунок из виноградных листьев. Ларри с набитым ртом потихоньку брел на гитаре и слегка подпевал. Сквозь стеклянные двери я видел, как Лесли и Спиро, сосредоточенно нахмурившись, ловко разрывали на части огромных жареных индеек. Мама беспокойно двигалась среди теней, спрашивая каждого гостя, достаточно ли у него еды. Кралевски сидел на перилах веранды, подставив горб луне, и рассказывал Марго какую-то длинную, сложную историю. Теодор читал доктору Андручелли лекцию о звездах, показывая на созвездиях полуобглоданной ножкой индейки.

Лунный свет расписал весь остров черными и серебряными узорами. Далеко внизу среди темных кипарисов мирно перекликались совы. Небо было черное и мягкое, как кротовая шкурка, забрызганная каплями звезд. Над домом раскинула свои ветки огромная магнолия, усыпанная, будто маленькими лунами, сотнями белых цветов. Их сильный, густой аромат сладостно разливался над верандой и как бы околдовывал вас, завлекал в таинственные лунные дали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С благодарной честностью, совсем, на мой взгляд, непростительной, мистер Кралевски сообщил маме, что он уже научил меня всему, что сам знал. Настало время, сказал он, отправить меня куда-нибудь в Англию или

Д Швейцарию, где бы я мог закончить образование. Подобные разговоры доводили меня до отчаяния. Я заявил, что хочу быть полубразованным. Это даже лучше, если человек ничего не знает, тогда он удивляется всему гораздо больше. Но мама была тверда как сталь. Нам просто необходимо вернуться в Англию, пожить там с месяц, укрепить свое положение (что означало препирательства с банком) и потом уже решить, где я буду учиться дальше. Чтобы унять наш ропот и подавить сопротивление, мама сказала, что к этому следует относиться просто как к отпуску, приятному путешествию. И скоро мы опять вернемся на Корфу.

Уже упакованы ящики, сундуки, чемоданы, для птиц и черепах сделаны клетки, а собаки в своих новых ошейниках чувствуют себя как-то неловко и имеют виповатый вид. Последние прогулки по оливковым рощам, последние слезные прощания с многочисленными деревенскими друзьями, и вот уже вереница автомобилей медленно спускается с холма, напоминая, как заметил Ларри, похороны преуспевающего старьевщика.

Гора нашего имущества высится на таможне, а рядом стоит мама и гремит большой связкой ключей. Все остальные ждут на улице, под ослепительным солнцем, разговаривают с Теодором и Крелевски, которые пришли нас проводить. Появился таможенник и слегка ахнул, увидев пирамиду багажа, увенчанную клеткой, откуда на него со злорадством глядели Сороки. Мама нервно улыбалась и вертела в руках ключи. Вид у нее был как у контрабандиста, пытающего провезти алмазы. Таможенник посмотрел на маму, потом на багаж, затянул потуже пояс и нахмурился.

— Это все ваше? — спросил он для полной уверенности.

— Да, да, все мое, — прощелбетала мама, взмахнув ключами. — Надо что-нибудь открыть?

Таможенник о чем-то сосредоточенно думал.

— Увасес новы одеста? — спросил он.

— Не понимаю, — сказала мама.

— Увасес новы одеста?!

Мама в отчаянии поискала глазами Спиро.

— Извините. Я не совсем уловила...

— Увасес повы одеста... новы одеста?

— Извините, никак не могу...

Таможенник остановил на ней сердитый взгляд.

— Мадам, — сказал он грозно и подался вперед, — вы говорите англиски?

— Да-да! — воскликнула мама в восторге, что поняла его. — Да, немножко.

От гнева таможенника ее спас своевременный приезд Спиро. Обливаясь потом, он ввалился в таможенню, утешил маму, успокоил таможенника, объяснив ему, что у нас много лет не было никакой новой одежды, и, не успев никто глазом моргнуть, как багаж оказался на пристани. Затем Спиро взял у таможенника кусочек мела и собственноручно пометил весь багаж, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений.

— Не говорю прощайте, а только до свиданья, — пробормотал Теодор, пожимая каждому из нас руку. — Надеюсь, вы снова вернетесь сюда... гм... очень скоро.

— До свиданья, до свиданья, — мягким голосом говорил Кралевски, подходя ко всем по очереди. — Мы с нетерпением будем ждать вашего возвращения. Бог ты мой, конечно! И пожелаю вам получше провести время в доброй старой Англии. Пусть это будет отпуск. Как раз то, что нужно!

Спиро молча пожал всем руки, а потом стоял и глядел на нас, нахмурив, как всегда, брови, и вертел в руках кепку.

— Ну, надо прощаться, — начал он, и голос его вдруг задрожал и осекся.

Крупные слезы выступили у него из глаз и градом покатились по морщинистым щекам.

— Честное слово, я не собирался плакать, — всхлипывал он, вздыхая всей своей могучей грудью. — Но я как будто прощаюсь с родными. Мне кажется, что вы моя родня.

Пока мы утешали Спиро, катеру пришлось терпеливо ждать. Потом, когда застучал мотор и лодка понеслась через темно-синие воды, мы не отрываясь глядели на своих трех друзей, стоявших на красочном фоне лепившихся по склону домишек. Теодор, прямой и стройный, с сияющей на солнце бородой, поднял свою трость, посылая нам грустное приветствие. Кралевски приседал, подскакивал и очень энергично махал рукой. Нахмуренный Спиро держал в руке носовой платок, то вытирая им слезы, то махая нам вслед.

Когда пароход вышел в открытое море и остров Корфу растворился в мерцающем жемчужном мареве, на нас навалилась черная тоска и не отпускала до самой Англии. Закопченный поезд мчался из Бриндизи в Швейцарию. Мы все сидели в безмолвии, говорить никому не хотелось. Вверху, на сетке для багажа, заливались в клетках зяблики, стрекотали и стучали клювом Сороки, временами Алеко издавал свой печальный крик. Внизу, у наших ног, храпели собаки. На швейцарской границе в вагон вошел ужасающе вышколенный чиновник и проверил наши паспорта. Он возвратил их маме вместе с небольшим листком бумаги, без улыбки поклонился и оставил нас с нашей тоской. Чуть позднее мама взглянула на заполненный чиновником бланк и застыла на месте.

Д — Вы только посмотрите, что он тут написал, — сказала она с возмущением. — Какой наглец!

Ларри взглянул на анкету и фыркнул.

— Это тебе в наказание за то, что ты уехала с Корфу, — сказал он.

На маленькой карточке, в графе «Описание пассажиров», аккуратным крупным почерком было выведено: «Передвижной цирк и штат служащих».

— Надо же такое написать! — все еще кипятилась мама. — Каких только чудаков нет на свете.

Поезд уносил нас в Англию.

ПОД ПОЛОГОМ
ПЬЯНОГО
ЛЕСА

*Моей жене ДЖЕККИ
в память о зверюшках прерий
и других bichos*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами рассказ о шестимесячном путешествии по Южной Америке, которое я и моя жена совершили в 1954 г. Мы хотели собрать коллекцию редких животных и птиц, обитающих в этой части земного шара, и доставить их живыми в зоопарки Англии. В этом отношении поездка не удалась, так как некоторые непредвиденные обстоятельства нарушили все наши планы. Путешествие должно было состоять из двух частей. Прежде всего мы хотели спуститься к крайней южной оконечности континента, до Огненной Земли, и паловать там уток и гусей для Северного общества охраны водоплавающей птицы. По прибытии в Буэнос-Айрес выяснилось, что мы попали в разгар курортного сезона и все билеты на самолеты, летающие к аргентинским озерам и оттуда на Огненную Землю, проданы на месяцы вперед. Так же трудно было сесть и на пароход. Убедившись в невозможности добраться до цели ко времени гнездования птиц и высиживания птенцов, мы с сожалением вынуждены были отказаться от этой поездки. Далес мы намеревались отправиться в Парагвай и посвятить несколько недель сбору животных и птиц, а затем, не торопясь, вернуться в Буэнос-Айрес по рекам Парагвай и Парана. Тут нас также постигла неудача, на этот раз из-за политических обстоятельств. Мы вернулись из Южной Америки не с обширной коллекцией, которую мы рассчитывали собрать, а лишь с маленькой горсткой животных. Но даже в неудачах есть свои светлые стороны, и как раз об этом я и хотел рассказать в своей книге...

ПРИБЫТИЕ

Пароход входил в порт. Опершись о поручни, мы любовались медленно открывавшейся перед нами панорамой Буэнос-Айреса. Небоскребы вздымались ввысь под ярко-голубым небом, словно разноцветные сталагмиты,

Д испещренные бесчисленными окнами, сверкавшими на солнце. Мы все еще как замороженные наблюдали это зрелище, когда пароход пришвартовался к пристани и огромные здания выросли над нами; их неясные отражения дробились на темной воде, подернутой легкой рябью. Наши размышления о современной архитектуре были прерваны появлением человека, до того похожего на Адольфа Менжу¹, что на мгновение я даже усомнился, не попали ли мы на другой конец Американского континента. Осторожно пробравшись через толпу кричавших и оживленно жестикулировавших иммигрантов, он не спеша подошел к нам и улыбнулся. По его безупречному виду невозможно было предположить, что температура в тени доходила до 90 градусов по Фаренгейту².

— Джибс, из посольства, — представился он. — Я искал вас в первом классе, никто меня не предупредил, что вы путешествуете здесь, внизу.

— Мы и сами не знали, что поедем вторым классом, пока не сели на пароход, — объяснил я, — но было уже слишком поздно.

— Вероятно, для вас это было довольно... э-э... необычное путешествие, — заметил Джибс, глядя на рослого испанского крестьянина, энергично сплевывавшего прямо ему под ноги. — К тому же, мне кажется, здесь еще и очень сыро.

Мистер Джибс начинал мне нравиться.

— Пустяки, — ответил я небрежно, — вы бы побывали здесь в бурную погоду, тогда действительно сыровато.

Мистер Джибс слегка вздрогнул.

— Представляю, как вам хочется на берег, — сказал он. — Все будет в порядке, через таможеню я проведу вас в два счета.

Моя симпатия к мистеру Джибсу перешла в глубокое уважение, когда я увидел, как непринужденно держался он в таможене; улыбаясь, он вежливо и вместе с тем уверенно разговаривал с чиновниками. Он извлек из карманов какие-то огромные бланки, испещренные красными печатями, и через десять минут мы вышли из таможни и погрузили в такси наш необычный багаж. Затем мы помчались по улицам, шириною соперничавшим с Амазонкой, мимо небоскребов, аллей и прекрасных парков. Через час после прибытия мы уже находились в чудесной квартирке на седьмом этаже, из которой открывался вид на гавань. Мистер Джибс уехал в посольство, оставив нас отдыхать после дороги и намереваясь, очевидно, совершить до ленча еще несколько чудес. Поупражнявшись с полчаса в хитром искусстве пользоваться аргентинскими телефонами, мы весело провели следующий

¹ Адольф Менжу — известный американский киноактер. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Более 32 градусов по Цельсию.

час, обзванивая всех тех, к кому мы имели рекомендации, и сообщая им о своем приезде. Таких людей оказалось очень много, так как мой брат некоторое время жил в Аргентине и, не проявив ни малейшего сострадания к своим друзьям, снабдил меня списком их имен и адресов. За несколько дней до отъезда из Англии мы получили от него открытку, на которой было нацарапано: «В Б.-А. не забудьте разыскать Бебиту Феррейра, Calle Pasadas, 1503, моего лучшего друга в Аргентине. Она прелесть». Подобную информацию я получал от брата довольно часто. Итак, действуя по инструкциям, мы позвонили Бебите Феррейра. Ее голос, когда я услышал его по телефону, вначале показался мне похожим на воркование голубя. Но затем я обнаружил в нем нечто более привлекательное, а именно — тонкое чувство юмора.

— Миссис Феррейра? С вами говорит Джеральд Даррелл.

— А-а, вы брат Ларри? Где вы сейчас? Я два раза звонила на таможню, справлялась, не прибыли ли вы. Вы сможете приехать к ленчу?

— С удовольствием. К вам можно добраться на такси?

— Разумеется. Приезжайте к часу, я буду вас ждать.

— Она кажется мне довольно странной женщиной, — сказал я Джеки, повесив трубку. Я и не предполагал в тот момент, как сильно я ошибался.

В час дня нас ввели в большую квартиру на тихой, малолюдной улице. На столах было разбросано множество книг самого разнообразного содержания — живопись, музыка, балет, и среди них романы и журналы на трех языках. На пианино лежали ноты от оперных партий до творений Шопена, радиола была завалена пластинками с записями Бетховена, Нат Кинг Кола, Сибелиуса и Спайк Джонса. Мне казалось, что даже Шерлоку Холмсу вряд ли удалось бы определить по всем этим признакам характер хозяйки дома. На одной стене висел портрет женщины редкой красоты в большой шляпе. Выражение лица красавицы было спокойное и в то же время насмешливое. К такому лицу вполне подходил голос, который я недавно слышал по телефону.

— Ты думаешь, это она? — спросила Джеки.

— Похоже, что да, но портрет, вероятно, написан несколько лет назад. Не думаю, чтобы теперь она выглядела так же.

В это время за дверью послышались быстрые уверенные шаги, и в комнату вошла Бебита. При первом же взгляде на нее я убедился, что портрет был лишь бледной копией оригинала. Никогда раньше не приходилось мне видеть так близко живое олицетворение греческой богини.

— Здравствуйте, я Бебита Феррейра. — Она, очевидно, заметила наше изумление, в ее голубых глазах мелькнул насмешливый огонек.

Д

— Надеюсь, мы не очень беспокоили вас своим звонком, — сказал я. — Ларри велел мне разыскать вас.

— Ну что вы, я бы очень обиделась, если бы вы мне не позвонили.

— Ларри просил передать вам сердечный привет.

— Как он поживает? О, он просто ангел, вы даже не представляете, какой он чудесный человек, — сказала Бибита.

Позднее я убедился, что Бибита характеризует так всех людей, с которыми ей приходится иметь дело, симпатичных и несимпатичных. В тот момент мне показался несколько неожиданным эпитет «ангел» применительно к моему брату, так как именно это слово, на мой взгляд, меньше всего к нему подходило. С первой же встречи Бибита пленила нас, и с тех пор мы фактически жили у нее на квартире, питались обильной и превосходно приготовленной пищей, слушали музыку, болтали и чувствовали себя великолепно. Очень скоро мы привыкли во всем полагаться на ее помощь. Бибита невозмутимо выслушивала самые фантастические просьбы, и почти всегда ей удавалось помочь нам.

Первый удар по нашим планам был нанесен на третий день пребывания в Буэнос-Айресе. Мы обнаружили, что наши шансы добраться до Огненной Земли, мягко говоря, весьма невелики. Представители авиационной компании разговаривали с нами вежливо, но не обнадеживали. Быть может, через десяток дней что-нибудь и пойдется, но они ничего не могут обещать наверняка. С унылым видом мы согласились ждать. Вместо того чтобы в расстроенных чувствах болтаться эти дни в Буэнос-Айресе, Ян предложил нам совершить поездку в провинцию. Ян был моим старым приятелем, я познакомился с ним в Англии в годы войны. Однажды в порыве энтузиазма он заявил, что я непременно должен приехать в Аргентину собирать животных, и обещал оказать мне всяческое содействие. Теперь, когда мы приехали, он чувствовал себя связанным обещанием. Он навестил своих родственников по фамилии Бут, владевших крупным поместьем недалеко от побережья, примерно в ста милях от Буэнос-Айреса, и те со свойственным аргентинцам гостеприимством согласились принять нас у себя.

Рано утром около нашего дома остановился автомобиль. Из него вылезла долговаязая, мрачная фигура Яна, после чего мы были представлены очаровательной блондинке, сидевшей на переднем месте, — дочери владельца имения Элизабет Бут. Вскоре мы обнаружили, что кроме миловидности девушка обладает еще и удивительной склонностью ко сну: в любом месте и в любое время ее можно было застать спящей глубоким сном, как бы шумно ни было вокруг. За эту особенность мы прозвали ее Соней, и хотя Элизабет решительно возражала против этой клички, она так за ней и осталась.

ПЕЧНИКИ И ЗЕМЛЯНЫЕ СОВЫ

Аргентина — одна из немногих стран на свете, где в поездке на полпути можно видеть одновременно и место, откуда вы выехали, и место назначения. Вокруг, плоская, как бильярдный стол, простирается пампа, кажется, она уходит далеко на край света. Ничто не нарушает однообразия гладкой, поросшей травой равнины, лишь изредка попадаются пурпурные пятна чертополоха да кое-где виднеются темные силуэты деревьев.

Когда предместья Буэнос-Айреса остались позади, а светлые, цвета слоновой кости контуры небоскребов стали, подобно кристаллам, расплываться и таять в дымке на горизонте, мы выехали на прямую как стрела дорогу. Местами у обочин росли хрупкие на вид кусты с бледно-зелеными листьями и крохотными золотистыми цветками. Цветки были такие мелкие и их было так много, что издали они казались туманным золотистым ореолом, как бы окружавшим каждый куст. При нашем приближении из кустов вылетали стригуны, маленькие черно-белые птички с очень длинными хвостовыми перьями. У этих птиц своеобразный ныряющий полет, и при каждом нырке хвостовые перья сходятся и расходятся, словно ножницы. Изредка над дорогой пролетал сокол чиманго, размахивая тяжелыми тупыми крыльями, величественный и красивый в своем шоколадно-коричневом с серым оперении.

Примерно после часа езды мы свернули с шоссейной дороги на пыльный, разъезженный проселок, вдоль которого тянулась аккуратная изгородь. На ее столбах я заметил какие-то странные наросты, похожие на засохшую грязь; они напоминали гнезда термитов, которые я видел в Африке, но вряд ли так далеко к югу от экватора можно было встретить термитов. Я задумался над их происхождением, как вдруг из одного такого нароста выскочила птичка, очень похожая на малиновку, с широкой грудью и вертялым хвостом. Величиной она была с дрозда, у нее была бледная желтовато-коричневая грудка и ржаво-красная спинка и голова. Это был печник, и я понял, что именно эти птички построили своеобразные гнезда, украшавшие столбы изгороди. Позднее я убедился в том, что печник — одна из наиболее распространенных птиц в Аргентине и ее гнезда составляют такую же черту ландшафта, как и кусты гигантского чертополоха.

Дорога повернула к океану, и мы ехали теперь по заболоченной местности; вдоль обочин тянулись широкие, наполненные водой канавы, на золотистом травяном покрове стали появляться пятна сочной и яркой зеле-

Дни, свидетельствовавшие о наличии водоемов. Их берега густо поросли камышом. Печники, стригуны и чиманго уступили место болотным и водоплавающим птицам. С обочины дороги, сильно, но неуклюже взмахивая крыльями, поднимались крикуны, крупные пепельно-серые птицы величиной с индюка, и, издавая прерывистые, похожие на звуки флейты крики, принимались кружить в воздухе. По спокойной, сверкающей водной глади плавали стаи уток, напоминавшие упитанных, прилизанных бизнесменов, спешащих на поезд. Я видел маленьких, изящных серых чирков с голубовато-стальными клювами и черными шапочками; уток-широконосок, крупных красных птиц с длинными лопатообразными клювами и отсутствующим выражением в глазах; розовоклювых уток, безукоризненных в своем сверкающем черно-сером наряде, с клювами, словно обагренными кровью; маленьких светло-коричневых уток с черными крапинами, скромно плавающих среди других птиц. Скромность их была явно напускной, так как они по примеру кукушек подбрасывали свои яйца в чужие гнезда, перекладывая на обманутых сородичей тяготы высиживания и выкармливания птенцов. Кое-где по грязи прогуливались цапли, но мелководью большими шумными ватагами бегали и толкались каравайки, длинные загнутые клювы и черное оперение которых совершенно не гармонировали с их жизнерадостностью. Среди них попадались небольшие стаи красных ибисов, выделявшихся на фоне своих более темных сородичей, словно багряные клочки заката. На широких разводях целыми флотилиями неторопливо плавали великолепные черношеие лебеди; их белоснежное оперение прекрасно контрастировало с иссиня-черным оперением головы и изящно изогнутой шеи. Среди гордых стай черношеих, как бы в услужении у них, плавало несколько коскороб, приземистых, в скромном белом оперении, очень вульгарных в сравнении со своими царственными родственниками. Тут же на мелководье можно было увидеть небольшие стаи фламинго, кормившихся у зарослей высокого камыша. Издали они казались движущимися розовыми и красными пятнами на зеленом фоне. Фламинго медленно и степенно шагали по темной воде, опустив головы и изогнув шеи в виде буквы S; сургучного цвета ноги связывали птиц с их расплывчатым, колышущимся отражением. Упоенный этим пышным зрелищем птичьей жизни, охваченный своего рода орнитологическим экстазом, я не отрываясь глядел в окно, не замечая ничего, кроме лоснящихся тел пернатых, плеска и колыхания воды и хлопанья крыльев.

Внезапно машина свернула с проселка и покатила по узкой, сверкающей лужами аллее, проложенной через рощу гигантских эвкалиптов. Мы остановились у длинного низкого белого здания, похожего на обычную английскую ферму. Соня, сидевшая впереди, пробудилась от сна, продолжав-

шегося с момента выезда из столицы, и взглянула на нас заспанными голубыми глазами.

— Добро пожаловать в Лос-Инглесес, — сказала она и украдкой зевнула.

Дом был обставлен в викторианском стиле: темная массивная мебель, головы животных и поблекшие гравюры на стенах, вымощенные каменными плитами проходы, и повсюду — слабый, приятно вяжущий запах парафина, исходивший от высоких блестящих куполообразных ламп. Нам с Джеки отвели большую комнату, которую заполонила громадная кровать, попавшая сюда прямо из сказки Андерсена «Принцесса на горошине». Можно сказать, это была всем кроватям кровать, она не уступала по величине теннисному корту, а высотой была, как стог сена. Она сладострастно охватывала вас, когда вы ложились на нее, засасывала в свои мягкие глубины и мгновенно навевала такой крепкий и покойный сон, что пробуждение воспринималось как настоящая трагедия. Окно, из которого открывался вид на ровную лужайку и ряды карликовых фруктовых деревьев, было окаймлено какими-то вьющимися растениями с голубыми цветками. Не вставая с кровати, можно было видеть между этими цветками гнездо колибри — крохотное сооружение величиной со скорлупку грецкого ореха. В гнезде лежали два белых яйца, каждое не больше горошинки. В первое утро после приезда я долго нежился в теплых глубинах гигантской постели, попивая чай и наблюдая за колибри. Самка спокойно сидела на яйцах, а ее супруг стремительно влетал и вылетал из гнезда, мелькая между голубыми цветами, словно сверкающая маленькая комета. Такой способ наблюдения птиц меня вполне устраивал, но в конце концов Джеки выразила сомнение в том, что при таких методах исследования я смогу прибавить что-либо новое к уже имеющимся сведениям о жизни представителей семейства Trochilidae. Пришлось вылезти из кровати и одеться. При этом меня возмутила мысль, что Ян, должно быть, еще спит, и я тут же поспешил в отведенную ему комнату, полный решимости вытащить его из постели. Я застал Яна в пижаме и пончо — очень удобной аргентинской одежде, похожей на обыкновенное одеяло с дырой посередине, куда просовывается голова. Он сидел на корточках на полу и сосал тонкую серебряную трубку, конец которой был погружен в маленький круглый серебряный горшочек, наполненный темной жидкостью, в которой плавала какая-то мелко нарезанная трава.

— Привет, Джерри, ты уже встал? — удивленно спросил он и принялся энергично сосать трубку. Послышалось мелодичное бульканье, похожее на звук вытекающей из ванны воды.

— Что ты делаешь? — сурово спросил я.

Д

— Пью утреннее мате, — ответил он и снова забулькал трубкой. — Хочешь попробовать?

— Это парагвайский чай?

— Да. Здесь это такой же обычный напиток, как чай в Англии. Попробуй, может быть, понравится, — предложил Ян и протянул мне маленький серебряный горшочек и трубочку.

Я недоверчиво понюхал темную коричневую жидкость с плававшей на поверхности зеленью. Запах был терпкий, приятный и напоминал запах скошенной травы в жаркий солнечный день. Взяв трубку губами, я сделал глоток, в трубке забулькало, и струя горячей жидкости обожгла мне рот и язык. Вытерев слезящиеся глаза, я вернул горшочек Яну.

— Благодарю, — сказал я. — Не сомневаюсь, что у вас принято пить чай таким горячим, но боюсь, что это не для меня.

— Можно немного остудить его, — не очень уверенно ответил Ян, — но мне кажется, тогда он утратит свой аромат.

Позднее я пробовал пить мате при болес умеренной температуре, и мне даже начал нравиться запах свежескошенной травы и слегка горьковатый, вязущий привкус этого освежающего напитка. Однако я так и не мог научиться пить его при температуре расплавленного металла, что является, вероятно, основным требованием настоящего цепителя мате.

После превосходного завтрака мы отправились осматривать окрестности. Не успели мы отойти от эвкалиптов, гигантской изгородью окружавших усадьбу, как увидели в высокой траве пенёк, на котором построил свое гнездо печник. Рассмотрев его внимательно, я поразился тому, что маленькая птичка могла создать такое большое и сложное сооружение. Это был круглый шар раза в два больше футбольного мяча, слепленный из грязи и скрепленный корнями и волокнами, — своего рода железобетонная конструкция мира пернатых. Спереди гнездо имело входное отверстие в виде арки, и все сооружение напоминало уменьшенную модель старинной печи для выпечки хлеба.

Меня очень интересовало внутреннее строение гнезда, и так как Ян заверил меня в том, что оно давно покинуто своими обитателями, я снял его с пня и осторожно срезал острым ножом куполообразную верхушку. Внутри гнездо напоминало раковину улитки. От входного отверстия влево уходил проход длиной около шести дюймов, повторяя изгиб наружной стены. Не доходя до входа с противоположной стороны, он загибался и вел к просторному шарообразному помещению, дно которого было аккуратно выстлано травой и перьями. В отличие от шершавой, неровной наружной поверхности гнезда внутренние стенки прохода и комнатки были гладкими, словно полированными. Чем дальше я рассматривал гнездо, тем больше

удивлялся, каким образом при помощи одного только клюва птица могла создать это чудо строительной техники. Вполне понятно, почему жители Аргентины с такой симпатией относятся к этой жизнерадостной птичке, гордо прогуливающейся в парках и садах и оглашающей воздух веселыми, звонкими руладами. Гудсон¹ рассказывает трогательную историю о паре печников, построивших гнездо на крыше одного дома. Однажды самка попала в мышеловку, и ей перебило лапы. Вырвавшись на свободу, она с трудом долетела до гнезда и там умерла. Самец в течение нескольких дней кружился около гнезда, оплакивая свою подругу, а затем исчез. Через два дня он появился снова в сопровождении другой самки. Они сразу же принялись за работу и замуровали вход в старое гнездо, где лежали останки погибшей птицы. На этом саркофаге они построили новое гнездо, в котором благополучно вывели потомство.

И в самом деле, печники обладают каким-то удивительным обаянием, оказывающим воздействие даже на самых закоренелых циников. Во время нашего пребывания в поместье один пожилой пеон², не отличавшийся особой сентиментальностью и, вероятно, способный без угрызений совести убить кого угодно, от человека до насекомого, торжественно заявил мне, что он никогда не обидит hogнего³. Однажды, путешествуя верхом по пампе, он увидел на шпел гнездо печника. Оно было почти закончено, стенки были еще сырыми. На одной из стенок барахтался создатель этого гнезда, попавший лапкой в петлю, образовавшую длинным стеблем травы, которую он использовал в качестве арматуры. Птица, вероятно, давно уже пыталась вырваться и была совершенно обессилена. Повинуясь внезапному порыву, пеон подъехал к пню, вытащил нож, осторожно отрезал травинку и бережно посадил выбившуюся из сил птичку на верхушку гнезда. И тогда произошло неожиданное.

— Клянусь вам, что это правда, сеньор, — рассказывал мой собеседник. — Я стоял в двух шагах от птицы, не больше, но она меня не боялась. Хотя она и была слаба, она все же встала на ноги, подняла голову и запела. Минуты две она пела для меня чудесную песню, а я слушал, сидя верхом на лошади. Потом она снялась с места и полетела над травой. Эта птица благодарила меня за то, что я спас ей жизнь. Птица, которая способна таким образом выражать свою благодарность, достойна того, чтобы ее уважали.

¹ Генри Гудсон (1841—1922) — английский биолог, уроженец Аргентины, описывавший природу Южной Америки.

² Пеон — крестьянин-батрак в странах Южной Америки.

³ Испанское название печника.

Джеки, стоявшая примерно в ста ярдах справа от меня, начала издавать какие-то тихие, нечленораздельные звуки, энергичными жестами подзывая меня к себе. Подойдя ближе, я увидел, что она пристально смотрит на вход в небольшую нору, наполовину закрытый травой. Около входа сидела маленькая сова; она была неподвижна, как часовой, и смотрела на нас круглыми глазами. Неожиданно она два-три раза быстро поклонилась, а затем снова застыла в прежнем положении. Это выглядело так забавно, что мы прыснули со смеху; окинув нас уничтожающим взглядом, сова неслышно поднялась в воздух и медленно заскользила над колыхавшейся на ветру травой.

— Нам нужно поймать несколько таких птичек, — сказала Джеки, — они мне очень нравятся.

Я согласился, так как всегда питал слабость к совам любых видов, и у меня не было коллекции, в которую не входили бы эти симпатичные птицы. Я повернулся в ту сторону, где Ян вышагивал по траве, словно одинокий, загрустивший журавль.

— Ян! — крикнул я. — Подойди сюда. Кажется, мы нашли гнездо земляной совы.

Ян подбежал к нам, и втроем мы принялись осматривать вход в нору, у которого только что сидела сова. Небольшой участок утоптанной земли, вынутой, очевидно, при постройке норы, был густо усеян блестящими панцирями различных жуков и круглыми катышками, состоявшими из крохотных косточек, пуха и перьев. Было совершенно очевидно, что нора использовалась не только для ночевки. Ян смотрел на нору, задумчиво морща нос.

— Как по-твоему, есть там кто-нибудь? — спросил я.

— Трудно сказать. Время, конечно, подходящее — птенцы, должно быть, уже совсем оперились. Беда в том, что эти совы обычно строят несколько нор, а высиживают птенцов только в одной. Пеоны утверждают, что самцы используют остальные гнезда как холостяцкие квартиры, но я в этом не уверен. Боюсь, нам придется раскопать несколько таких нор, прежде чем мы найдем то, что нужно. Если вас не пугает такая перспектива, можно попробовать.

— Я готов к любым разочарованиям, если только в конце концов мы добудем нескольких совят, — ответил я.

— Хорошо. Нам нужны лопаты и палка для того, чтобы определять направление подземных ходов.

Мы вернулись в поместье, где господин Бут, приятно удивленный тем, что мы так скоро приступили к делу, предложил нам превосходный набор садовых инструментов и дал указание одному пеону по первому нашему

требованию бросать работу и оказывать нам необходимую помощь. Когда мы проходили садом, напоминая артель могильщиков, мы наткнулись на Соню, мирно дремавшую на коврике. При нашем приближении она проснулась и сонным голосом спросила, куда мы идем. Узнав, что мы идем ловить земляных сов, она широко раскрыла голубые глаза и вызвалась отвезти нас на машине к совиному гнезду.

— Но нельзя же ехать на машине по пампе, у вас ведь не джип, — возразил я.

— А ваш отец только что поставил новые рессоры, — со своей стороны напомнил Ян.

Лицо девушки расплылось в восторженной улыбке.

— Я поеду потихоньку, — сказала она и, видя, что мы еще колеблемся, лукаво добавила: — Подумайте только, сколько гнезд мы сможем объехать на машине.

Итак, мы поехали через пампу к обнаруженной нами норе; рессоры автомобиля мелодично поскрипывали. Все мы, кроме Сони, терзались угрызениями совести.

Нора была длиной около восьми футов и слегка изогнутой наподобие буквы С, наибольшая глубина ее достигала двух футов. Мы установили это при помощи длинного и тонкого бамбукового шеста. Обозначив на поверхности колышками примерное расположение гнезда, мы приступили к раскопке, палками пробивая свод подземного хода через каждые два фута. Промежутки между пробоинами тщательно обследовались. Убедившись в том, что там никого нет, мы закупоривали обследованный участок туннеля и переходили к следующему. Так мы добрались до места, где, по нашим расчетам, должно было находиться само гнездо. Мы работали в напряженном молчании, мелко кроша затвердевшую почву. Время от времени кто-нибудь из нас прикладывал ухо к земле и прислушивался, но изнутри не доносилось ни малейшего звука, и я уже совсем было решил, что гнездо пустое. Но вот земляная перемычка, отделявшая нас от гнезда, подалась и провалилась вниз, а оттуда, из темноты, на нас уставились две пары больших золотистых глаз на маленьких пепельно-серых физиономиях. Мы издали торжествующий крик, совы быстро-быстро захлопали глазами и, словно кастаньетами, защелкали клювами. Они были такими милыми и пушистыми, что я, совершенно забыв о характере сов, протянул руку и попытался схватить одного. Из испуганных малюток совы немедленно превратились в разъяренных фурий. Они взъерошились, так что стали вдвое больше прежнего, распустили крылья и, держа их по бокам, как щиты, бросились на мою руку. Я отскочил и принялся обсасывать пальцы, разодранные в кровь их острыми клювами и когтями.

Д

— Есть у нас чем обернуть руки? — спросил я. — Что-нибудь поплотнее, носовой платок слишком тонок.

Соня сбегала к машине и вернулась со старым, замасленным полотенцем. Обернув его дважды вокруг руки, я предпринял вторую попытку. На этот раз мне удалось схватить одного из птенцов. Полотенце спасало мою руку от ударов клювом, но он все же добрался до меня когтями. Крепко вцепившись в полотенце, совенок уже не отпускал его, и лишь с большим трудом нам удалось высвободить птенца и затолкать в мешок. Его брат, оставшись в одиночестве, утратил волю к сопротивлению, и мы справились с ним сравнительно легко. Разгоряченные, выпачканные в земле, но очень довольные, мы вернулись к автомобилю. Остаток дня мы колесили по пампе, высматривая, из каких мест в траве вылетают земляные совы. Обнаружив такое место, мы отыскивали нору и начинали ее раскапывать. Предсказания Яна оправдались, чаще всего наши раскопки оканчивались безрезультатно, но все же к концу дня, раскопав, наверное, в общей сложности несколько миль подземных ходов, мы вернулись в поместье с восемью птенцами земляных сов. Наши пленники сразу же принялись истреблять мясо и жуков в таком количестве, что у нас невольно возник вопрос, явилось ли их исчезновение таким уж большим горем для родителей и не восприняли ли взрослые совы похищение своих отпрысков как акт милосердия с нашей стороны.

За первыми нашими трофеями вскоре последовали другие. На следующий день после поимки совят пегон принес в дом коробку, в которой сидели два только что оперившихся птенца кукушки гуира. Эти птицы широко распространены в Аргентине, а еще больше их в Парагвае. По форме и размерам они напоминают скворцов, но на этом сходство кончается, так как гуира имеют бледное коричневатое оперение с зеленоватыми черными полосами, растрепанный рыжеватый хохолок и длинный, как у сороки, хвост. Эти птицы живут в лесах и кустарниках стайками по десять-двадцать особей и выглядят очень красиво, когда дружно перелетают с куста на куст, паря в воздухе, словно бумажные голуби. Мне нравилось наблюдать гуира в полете, но я не интересовался всерьез этими птицами, пока мне не принесли двух птенцов. Открыв коробку, я сразу обнаружил, что гуира совершенно не похожи на каких-либо других птиц. Я убежден, что с момента поимки птицы потеряли рассудок, и ничто не заставит меня изменить мое мнение. Птенцы сидели на дне коробки, широко расставив лапы, вытянув длинные хвосты и подняв взъерошенные хохолки, и спокойно смотрели на меня бледно-желтыми глазами с таким отсутствующим, мечтательным выражением, как будто прислушивались к какой-то далекой волшебной музыке, недоступной грубому слуху представителя млекопи-

тающих. Затем одновременно, словно хорошо сыгравшийся ансамбль, они еще выше подняли растрепанные хохолки, раскрыли желтые клювики и издали ряд громких истерических криков, похожих на пулеметную очередь. После этого они опустили хохолки и тяжело вылетели из коробки; один из птенцов сел мне на руку, второй на голову. Тот, что сидел на руке, издал радостный, кудахтающий звук, бочком подпрыгнул к пуговицам на рукаве куртки и, снова задрав хохолок, принялся с ожесточением их клевать. Тот, что сидел на голове, захватил клювом изрядный пук моих волос и, поудобнее расставив лапки, попытался выдернуть их.

— Когда этот человек поймал птенцов? — спросил я у Яна, удивленный таким нахальством и доверчивостью птиц.

Последовал короткий разговор на испанском языке, затем Ян повернулся ко мне:

— Он говорит, что поймал их полчаса назад.

— Этого не может быть, — возразил я, — птицы ведь совсем ручные. Вероятно, они у кого-нибудь жили и недавно улетели из клетки.

— Да нет же, гуира всегда так себя ведут.

— Они всегда такие ручные?

— Да, птенцы гуира вообще никого не боятся. С возрастом они умнеют, но ненамного.

Птенец, сидевший на моей голове, убедился в невозможности снять с меня скальп, спустился мне на плечо и захотел узнать, насколько глубоко входит его клюв в мое ухо. Я поспешно снял его с плеча и посадил на руку, где сидел его брат. Они встретились так, словно не виделись целую вечность: подняв хохолки и нежно глядя друг другу в глаза, они заверещали со скоростью дрели. Когда я открыл дверцу клетки и поднес к ней руку, обе птички прыгнули внутрь и поднялись на жердочку с таким видом, словно родились в неволе. Удивленный такой беспечностью, я отправился на поиски Джеки.

— Пойди посмотри наше новое приобретение, — сказал я, увидев ее. — Настоящая мечта коллекционера.

— А что это такое?

— Пара птенцов кукушки гуира.

— А, ты имеешь в виду этих рыжих птичек, — разочарованно ответила Джеки. — Не нахожу в них ничего интересного.

— Да ты пойди и посмотри на них, — настаивал я. — Это в самом деле пара самых странных птиц, с которыми я когда-либо имел дело.

Гуира сидели на жердочке и охорашивались. Заметив нас, они на мгновение прервали свое занятие, окинули нас взглядом блестящих глаз, протрещали краткое приветствие и снова занялись туалетом.

Д — Да, вблизи они действительно более привлекательны, — согласилась Джеки. — Но все равно непонятно, чего ты с ними носишься.

— Ты не замечаешь в их поведении странностей?

— Нет, — ответила она, внимательно рассматривая птиц. — Мне очень нравится, что они ручные. Это избавит нас от кучи хлопот.

— В том-то и дело, что они совсем не ручные, — торжествующе заявил я. — Их поймали всего полчаса тому назад.

— Чепуха! — твердо возразила Джеки. — Ты только посмотри на них, сразу видно, что они привыкли жить в клетке.

— В том-то и дело, что нет. Если верить Яну, в этом возрасте они страшно глупые, их легко ловить, и они совсем как ручные. С возрастом они набираются ума-разума, но тоже не очень-то.

— Да, действительно очень странные птицы, — проговорила Джеки, пристально рассматривая их.

— Они кажутся мне не совсем нормальными, — заметил я.

Джеки просунула палец сквозь сетку и поманила ближайшего птенца. Без малейших колебаний тот подскочил к решетке и подставил свою голову как бы для того, чтобы ее погладили. Его братец, сверкая от возбуждения глазами, немедленно взобрался ему на спину и потребовал свою порцию ласки. Так они сидели один на другом, забыв обо всем и слегка раскачиваясь взад-вперед, а Джеки почесывала им шейки. Птенцы с наслаждением принимали массаж, хохолки их постепенно поднимались, головы запрокидывались клювом вверх, глаза закатывались в экстазе, перья на шее вставали торчком, и сами шейки вытягивались все больше, напоминая уже не шеи птиц, а какие-то покрытые перьями шеи жирафов.

— Нет, они определенно ненормальные, — повторил я, когда верхний птенец слишком далеко вытянул шею и, потеряв равновесие, свалился на дно клетки да так и остался сидеть там, хлопая глазами и недовольно кудахтая.

Позднее у нас появилось много этих забавных птиц, и все они оказались такими же глупышами. Одну пару, когда мы были уже в Парагвае, совершенно невероятным способом поймал один из участников нашей поездки. Он прошел по тропинке на расстоянии ярда мимо двух гуира, искавших корм в траве. Удивившись тому, что птицы не улетели при его приближении, он повернул назад и снова прошел мимо них. Птицы продолжали сидеть на месте, с бессмысленным видом глядя на него. На третий раз он подскочил к ним и торжественно вернулся в лагерь с добычей в руках. Благодаря легкости, с какой даже самый неопытный человек может ловить этих птиц, мы скоро имели в своей коллекции уже несколько пар, и они доставляли нам много веселых минут. В каждой клетке имелся просвет

шириной около дюйма, через который производилась уборка. Любимым занятием гуира было, сев на пол и высунув голову наружу, следить за всем, что происходит в лагере, и обсуждать это между собой громкими кудахтающими голосами. Когда они выглядывали так из всех клеток с поднятыми, взъерошенными хохолками и сверкающими от любопытства глазами, обмениваясь пронзительными криками, они напоминали мне компанию неряшливых старых сплетниц, наблюдающих из окна мансарды уличную драку.

Другой страстью гуира, доходившей до иступления, была любовь к солнечным ваннам. Малейший луч света, попадавший к ним в клетку, приводил их в крайнее возбуждение. Издавая радостные трели, птицы расслаживались по жердочкам и готовились греться на солнце — готовились со всей серьезностью, как к очень важному делу. Прежде всего нужно было принять надлежащую позу. Надо было устроиться поудобнее и так расположиться на жердочке, чтобы удержаться на ней даже в том случае, если расслабится хватка. Затем они взъерошивали и энергично встряхивали перья, словно старую пыльную тряпку. После этого гуира распускали перья на груди и на огулке, свешивали вниз длинные хвосты, закрывали глаза и постепенно оседали на жердочке, пока не упирались в нее грудью, так что грудное оперение свешивалось с одной стороны, а хвост с другой. Наконец птицы медленно и осторожно расслабляли хватку лап и застывали, еле заметно покачиваясь из стороны в сторону. Принимая таким образом солнечные ванны, с перьями, встопорщенными под самыми неожиданными углами, они казались только что вылупившимися из яйца птенцами, и можно было даже подумать, что их сильно побила моль. Но, несмотря на все свои странные манеры, гуира были очаровательными птицами, и, если мы хотя бы на полчаса оставляли их, они встречали нас такими восторженными приветственными криками, что невозможно было не проникнуться к ним самой глубокой симпатией.

Первые две кукушки гуира, которых мы приобрели в Лос-Инглесес, стали нашими постоянными любимцами, и Джеки страшно их баловала. По окончании путешествия мы передали их в Лондонский зоопарк и затем смогли навестить их лишь через два месяца. Решив, что за это время глупые птицы совершенно забыли нас, мы приближались к их клетке в птичьем павильоне несколько опечаленные. Был субботний день, и около клетки с гуира толпилось много посетителей. Но не успели мы присоединиться к ним, как кукушки, чистившие перья, уставились на нас блестящими, сумасшедшими глазами, удивленно задрали хохолки и с громкими радостными криками подлетели к сетке. Глядя им шейки, которые вытягивались, словно резиновые, мы думали о том, что, вероятно, гуира не такие уж глупые, как мы полагали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭГБЕРТ И СТРАШНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Одной из самых распространенных птиц вокруг Лос-Инглесес были большие крикуны. В радиусе мили от поместья можно было увидеть десять-двенадцать пар этих представительных птиц, шагающих бок о бок по траве или кружащих в вышине на широких крыльях, оглашая воздух мелодичными, звонкими криками. Мне требовалось восемь таких птиц, но как их поймать — было для меня загадкой, так как они были не только самыми распространенными, но и самыми осторожными птицами в пампе. Привычка пастись, как гуси, крупными стаями и полностью опустошать в зимние месяцы огромные поля люцерны навлекла на крикунов ненависть аргентинских фермеров, беспощадно уничтожающих этих птиц при любой возможности. В то время как большинство обитающих в пампе птиц подпускают к себе людей на довольно близкое расстояние, к крикунам в лучшем случае можно подобраться не ближе чем на полтора-два ярда. Мы знали, что вокруг было полно их гнезд, но все они были отлично замаскированы; и хотя каждый раз, когда родители начинали с громкими криками летать у нас над головой, мы чувствовали, что гнездо находится где-то рядом, нам так и не удавалось обнаружить его.

Однажды вечером мы ставили сети для поимки уток на небольшом озере, берега которого густо заросли тростником. Закрепив свой конец сети, я выбрался из солоноватой воды и побрел по зарослям. В одном месте я увидел маленькое гнездо, похожее на гнездо камышовой американской славки, искусно подвешенное между двумя листьями. Оно оказалось пустым, но мое внимание неожиданно привлек комок серой глины, который как будто подмигнул мне. Я решил, что это мне почудилось, как вдруг серый комочек снова мигнул. Внимательно всмотревшись, я понял, что передо мной не комок глины, а почти взрослый птенец крикуна. Он притаился в тростнике, словно окаменев, и только моргание его темных глаз позволяло обнаружить его. Я медленно подошел и присел рядом. Птенец не шелухнулся. Я осторожно погладил его по голове, но он словно не замечал моего присутствия и сидел совершенно спокойно. Тогда я поднял птенца и, сунув его под мышку, как курицу, пошел к автомобилю. Птенец не оказывал ни малейшего сопротивления и не проявлял никаких признаков страха. Когда я уже подходил к машине, два взрослых крикуна пролетели у нас над головой и разразились тревожными криками. Услышав их, птенец захлопал крыльями и из спокойного, послушного существа мгновенно превратился в

обезумевшего звереныша. С большим трудом мне удалось удержать его и спрятать в коробку.

Дома нас встретил Джон, брат Сони, и осведомился о наших успехах. Я с гордостью показал ему пойманного птенца.

— А, одна из этих проклятых птиц, — с отвращением сказал он. — Вот не знал, что они вас интересуют.

— Еще бы не интересуют! — возмущенно ответил я. — Это один из самых привлекательных экспонатов в зоопарках.

— Сколько вам их нужно?

— Восемь штук, но судя по тому, с каким трудом мне удалось добыть этого птенца, вряд ли я смогу набрать столько, — мрачно ответил я.

— О, не беспокойтесь, я поймаю вам восемь штук, — небрежно сказал Джон. — Когда они вам нужны? Завтра?

— Я не хочу особенно жадничать, — язвительно ответил я. — Меня вполне устроит, если вы принесете четырех завтра, а остальных послезавтра.

— Хорошо, — коротко ответил Джон и отошел.

Подумав, что Джон обладает довольно странным чувством юмора, если позволяет себе шутить над тем, что так дорого для меня, я тут же позабыл об этом разговоре. На следующее утро я увидел, как Джон садится на коня. Его ожидал уже готовый к отъезду неон, тоже верхом на лошади.

— Привет, Джерри! — крикнул Джон, сдерживая нетерпеливо перебиравшего ногами коня. — Вы просили восемь или двенадцать?

— Чего?

— Chajas, разумеется, — удивленно ответил Джон.

Я с ненавистью посмотрел на него.

— На сегодня хватит восьми, а завтра еще с дюжину.

— Хорошо, — ответил Джон, повернул коня и ускакал.

Около полудня я мастерил клетку в маленькой хижине, отведенной для животных. Я загубил три планки, дважды угодил молотком по руке и чуть не отхватил пилой кончик большого пальца. Понятно, настроение у меня оставляло желать лучшего, да к тому же Джеки и Ян давно бросили меня на произвол судьбы. Я предпринял новую яростную атаку на клетку, когда послышался конский топот и меня окликнул жизнерадостный голос Джона:

— Алло, Джерри, заberi своих chajas.

Это переполнило чашу моего терпения. С видом убийцы сжав в руке молоток, я выскочил из хижины, собираясь недвусмысленно объяснить Джону, что мне сейчас не до шуток. Прислонившись к потному боку коня, Джон с улыбкой смотрел на меня. Но я сразу растерял весь свой пыл, когда

Дувидел у его ног два больших мешка, которые подрагивали, вздувались, шевелились. Пеон тоже спешил и опустил на землю пару таких же мешков, тяжелых с виду и издававших какие-то шелестящие звуки.

— Вы это серьезно? — робко спросил я. — Там у вас действительно крикуны?

— Ну да, — удивленно сказал Джон. — А вы что думали?

— Я думал, вы просто шутили. Сколько же вы поймали?

— Восемь, как вы и просили.

— Восемь? — хрипло выдавил я из себя.

— Да, только восемь. К сожалению, дюжину мы сегодня не набрали, но я постараюсь завтра добыть для вас еще восемь.

— Нет, нет, не нужно... Надо сперва разместить этих.

— Но ведь вы сказали... — удивленно начал Джон.

— Забудьте о том, что я сказал, — поспешно перебил я его, — и не ловите их больше, пока я вас не попрошу.

— Ну что ж, вам виднее, — весело сказал он. — Да, кстати: в одном мешке есть совсем маленький птенец. Его больше нискуда было посадить. Надеюсь, с ним ничего не случилось, но лучше посмотреть его поскорее.

Убедившись, что чудеса возможны и в наше время, я с трудом втащил в хижину тяжелые колыхавшиеся мешки, а потом побежал за Джеки и Яном, чтобы сообщить им радостную новость и попросить их помочь устроить птиц. Когда мы вытащили крикунов из мешков, у них был взъерошенный, негодующий вид; большинство их было примерно того же возраста, что и пойманный мною накануне птенец. На дне последнего мешка мы обнаружили малютку, о котором говорил Джон. Это был самый трогательный, самый забавный и самый очаровательный птенец, которого я когда-либо видел.

Ему вряд ли было больше недели от роду. Тело его было совершенно круглым, величиной не больше кокосового ореха. На длинной шее сидела высокая, куполообразная голова с крошечным клювом и парой приветливых коричневых глаз. Серовато-розовые ноги были непомерно большими по сравнению с размерами тела и, казалось, совершенно не повиновались ему. Из верхней части туловища росли два маленьких, дряблых кусочка кожи, похожие на два пальца изношенных кожаных перчаток; они были приставлены к телу словно случайно и исполняли роль крыльев. Одет он был в нечто вроде ярко-желтого костюма из свалившегося неочищенного хлопка. Птенчик выкатился из мешка, упал на спину, с трудом поднялся на свои огромные плоские лапы и, слегка приподняв забавные крылья, с любопытством уставился на нас. Затем он открыл клюв и застенчиво произнес: «Уип». Это привело нас в такой восторг, что мы забыли ответить на

его приветствие. Он медленно и осторожно приподнял одну ногу, вытянул ее вперед и поставил на землю, а затем проделал то же самое с другой ногой. Он смотрел на нас с сияющим видом, явно гордясь тем, что успешно выполнил такой сложный маневр. Немного отдохнув, он снова произнес «уип» и вознамерился повторить все сначала, очевидно желая доказать нам, что его успех не был случайным. Но вот беда: сделав первый шаг, он по недосмотру поставил левую лапу на пальцы правой. Результат оказался катастрофическим. Птенец сделал несколько отчаянных попыток вытянуть одну ногу из-под другой, с трудом удерживая равновесие, затем невероятным усилием оторвал обе ноги от земли и упал вниз головой. Услышав наш хохот, он посмотрел на нас снизу вверх и, теперь уже с явным неодобрением, повторил знакомое «уип».

Вначале из-за формы и цвета его туловища мы называли птенца Эг¹, но позднее, когда он подрос, дали ему более солидное имя — Эгберт. Мне не раз приходилось встречать забавных птиц; как правило, они были смешными благодаря своей нелепой внешности, отчего и самые обычные их движения казались смешными. Но еще ни разу мне не приходилось встречать такой птицы, которая, подобно Эгберту, не только смешна сама по себе, но и беспредельно комична во всех своих действиях. Ни одна птица, которую я когда-либо видел, не могла заставить меня смеяться до упаду. Впрочем, это не часто удавалось и комическим актерам. Но Эгберту стоило только встать на свои длинные ноги, склонить голову набок и лукаво-вопросительно протянуть «уип», как меня начинал трясти неудержимый смех. Мы ежедневно вытаскивали Эгберта из клетки и разрешали ему с часик погулять по лужайке. Этих прогулок мы ожидали с таким же нетерпением, как он сам, но часа оказывалось вполне достаточно. По истечении этого срока мы были вынуждены водворять его в клетку, чтобы не умереть со смеху.

Ноги Эгберта были проклятием его жизни. Они были слишком длинны и постоянно путались при ходьбе. Ему все время грозила опасность наступить на собственную ногу и сделаться всеобщим посмешищем, как это случилось в первый же день его появления в Лос-Инглесес. Поэтому Эгберт очень внимательно следил за своими ногами, ловя малейшие признаки неповиновения с их стороны. Иногда он по десять минут стоял на одном месте, опустив голову и внимательно вглядываясь в свои пальцы, которые слегка шевелились в траве, растопыренные, словно лучи морской звезды. Наверное, ему больше всего хотелось избавиться от этих огромных ног. Они страшно раздражали его. Он был уверен, что без них он смог бы с легкостью пушинки носиться по лужайке. Порою, понаблюдав некоторое вре-

¹ Яйцо (англ. egg).

Дмя за ногами, он решал, что наконец-то усыпил их бдительность. В тот момент, когда они меньше всего этого ожидали, Эгберт стремительно бросался вперед, надеясь быстро пробежать по лужайке, оставив на ней ненавистные конечности. Он проделывал этот трюк много раз, но все напрасно. Ноги никогда не отставали от него. Как только он начинал двигаться, ноги со злобной решимостью заплетались в узел, и Эгберт валился вниз головой в заросли маргариток.

Ноги постоянно и самыми различными способами бросали его на землю. Эгберту страшно нравилось ловить бабочек. Причину этого мы не знали, так как он не мог нам объяснить. Мы знали, что крикунов считают убежденными вегетарианцами, но как только где-либо в радиусе шести ярдов появлялась бабочка, Эгберт мгновенно преображался, глаза его загорались фанатическим хищным блеском, и он начинал подкрадываться к добыче. Для того чтобы успешно подобраться к бабочке, нужно неотрывно наблюдать за ней. Эгберт это понимал, но вот беда: как только он, дрожа от возбуждения, принимался следить за бабочкой, ноги, оставленные без присмотра, начинали выделывать всякие выкрутасы, наступать друг на друга, переплетаться и даже двигаться в обратном направлении. Как только Эгберт отводил глаза от своей жертвы, ноги начинали вести себя прилично, но когда его взгляд обращался на прежнее место, бабочки там уже не было. И вот настал незабываемый день. Эгберт, широко расставив ноги, мирно дремал, греясь на солнце, как вдруг большая, плохо воспитанная бабочка, пролетая над лужайкой, снизилась, села Эгберту на клюв, вызываясь помахала усиками и снова поднялась в воздух. Эгберт, охваченный справедливым гневом, ткнул в нее клювом, когда она взвилась над его головой. На свою беду, он слишком далеко откинулся назад, потерял равновесие и упал на спину, беспомощно болтая ногами. Пока он так лежал, совершенно потерявшись, нахальная бабочка воспользовалась случаем и села на его выпуклое, покрытое пухом брюшко, наскоро привела себя в порядок и улетила. Этот позорный эпизод еще больше настроил Эгберта против чешуекрылых, но, как он ни старался, ему так и не удалось поймать ни одной бабочки.

На первых порах предметом нашего беспокойства было питание Эгберта. Он с презрением отвергал такую обычную растительную пищу, как капуста, салат, клевер, люцерна. Мы предлагали ему печенье с крутым яйцом, но он с ужасом отклонил эту попытку сделать из него каннибала. Он едва достаивал взглядом приносимые ему фрукты, отруби, кукурузу и другие продукты и от всего отказывался. Я вконец отчаялся и в качестве последней меры предложил выпустить Эгберта в огород, возлагая слабую надежду на то, что, несмотря на свою молодость, он как-нибудь даст нам знать, какое меню он предпочитает. К тому времени проблема кормления

Эгберта заинтересовала всех обитателей Лос-Инглесес, и когда мы вынесли его в огород, там нас уже ждала целая толпа. Эгберт приветствовал общество дружеским «уии», встал на ноги, упал, с большим трудом поднялся и отправился на прогулку. Мы следовали за ним, затаив дыхание. С безразличным видом он прошел мимо капустных грядок, основное внимание уделяя контролю за своими погами. Помидоры заинтересовали его, он начал внимательно их рассматривать, но как раз в тот момент, когда он, казалось, был готов принять решение, его вниманием завладел крупный кузнецик. На картофельном участке он почувствовал усталость и немного вздремнул, а мы стояли неподалеку и терпеливо ждали. Сон явно освежил его, он удивленно повторил свое приветствие, зевнул и, пошатываясь, словно пьяный, заковылял дальше. Мимо моркови он прошел с нескрываемым презрением, на участке с горохом решил немного развлечься и стал приглашать нас поиграть в прятки. Убедившись в том, что мы не даем отвлечь себя от решения основной задачи, он с сожалением отказался от своей затеи и направился к бобам. Цветы бобов очаровали Эгберта, но его интерес к ним послал эстетический, а не гастрономический характер. Среди петрушки и мяты у него вдруг зачесалась левая пятка, и при попытке встать на одну ногу, чтобы установить причину раздражения, он тяжело плюхнулся задом в дождевую лужу. Когда его подняли, обтерли и утешили, он заковылял дальше, пока не уткнулся в аккуратные грядки шпината. Здесь он стал как вкопанный и начал придирчиво и подозрительно рассматривать растения. Подступив к ним вплотную, он в упор уставился на них, склонив голову набок. У нас перехватило дыхание. Подавшись вперед, чтобы схватить лист, он оступился и упал головой в большую розетку шпината. Потом с трудом поднялся на ноги и предпринял новую попытку. На этот раз ему удалось захватить клювом кончик листа. Он дернул его, но лист был прочным и не поддавался. Широко расставив ноги и откинувшись назад, он изо всех сил снова дернул лист. Кончик листа оторвался, и Эгберт опять очутился на спине. На этот раз он явно торжествовал победу, держа в клюве крошечный кусочек шпинатowego листа. Под аплодисменты присутствующих Эгберт был водворен в клетку, и перед ним поставили большое блюдо нарубленного шпината. Но тут возникло новое затруднение. Даже мелко нарубленный, шпинат был для него слишком грубой пищей, так как непосредственно после еды у Эгберта появлялись признаки недомогания.

— Это слишком грубая пища для него, как бы мелко мы ни рубили шпинат. — сказал я, — Боюсь, нам придется готовить его примерно таким же способом, каким мать готовит пищу для птенца.

— Каким именно? — поинтересовалась Джеки.

Д

— Понимаешь, они отгрыгивают полупереварившиеся листья в виде жидкой кашицы.

— И ты предлагаешь нам тоже заняться этим? — настороженно спросила Джеки.

— Нет, нет, но если кормить его разжеванными шпинатными листьями, то, я думаю, это будет почти то же самое.

— Да, разумеется, но лучше, если это будешь делать ты, — оживилась моя супруга.

— В том-то и дело, что я курю, — сказал я, — и Эгберту вряд ли понравится смесь шпината с никотином.

— Другими словами, раз я не курю, значит, мне и пережевывать шпинат?

— В общем так.

— Если бы кто-нибудь сказал мне, — жалобно проговорила Джеки, — что, выйдя за тебя замуж, я должна буду в свободное время пережевывать шпинат для птиц, я бы ни за что этому не поверила.

— Но ведь это же для пользы дела, — робко вставил я.

— Нет, в самом деле, — мрачно продолжала Джеки, пропустив мимо ушей мое замечание, — если бы кто-нибудь сказал мне об этом и я бы это му поверила, я бы, наверное, ни за что не пошла за тебя замуж.

Она взяла блюдо со шпинатом, окинула меня уничтожающим взглядом и отправилась в укромное место жевать листья. Все то время, пока Эгберт находился у нас, он поглощал уйму шпината, и Джеки исполняла свою роль поистине с терпением жвачного животного. По ее подсчетам, она работала таким образом около центнера листьев шпината, и с тех пор шпинат не значится в числе ее любимых блюд.

Вскоре после прибытия Эгберта и его сородичей мы получили двух зверьков, которые стали известны у нас под именем Страшных близнецов. Это была пара больших, очень толстых волосатых броненосцев. Они были почти одинаковых размеров и, как мы скоро обнаружили, обладали почти одинаковыми привычками. Поскольку оба зверька были самками, напрашивалось предположение, что они одного помета, если бы одного из них не поймали рядом с Лос-Инглесес, а второго — в нескольких милях от поместья. Близнецов поселили в клетке с особым спальным отделением. Первоначально клетка предназначалась для одного большого броненосца, но из-за недостатка жилой площади пришлось поместить в нее двоих. Так как они были еще подростками, они устроились очень удобно. Единственными радостями в жизни для них были еда и сон, и они никак не могли наслаждаться ими в полной мере. Спали они обычно на спине, свернувшись в клубок, громко сопя и раздувая при этом большие морщинистые розовые жи-

воты; лапы их дрожали и подергивались. Сон у них был крепкий, казалось, ничто на свете не в состоянии их разбудить. Можно было барабанить по клетке, кричать через решетку, открывать дверцу в спальню и, задержав дыхание (так как близнецы издавали специфический резкий запах), гладить их толстые животы, щипать за лапы, трясти хвосты — они все равно продолжали спать, словно находились в глубоком гипнотическом трансе. Наконец, в полной уверенности, что только мировой катаклизм может вывести их из этого состояния, я наполнял жестяную миску той отвратительной мешаниной, которую они любили, и ставил ее в переднюю часть клетки. Как бы осторожно я ни производил эту операцию, стараясь проделать ее без малейшего шороха, едва только рука с миской появлялась в дверце клетки, как из спальни доносился такой шум, словно гигантский дракон крушил клетку своим хвостом. Это метались близнецы, стараясь перевернуться на ноги и, так сказать, принять боевое положение. Тут нужно было бросать миску и поскорее отдергивать руку, так как буквально через долю секунды броненосцы пулей выскакивали из спальни и, тяжело сопя от напряжения, плечом к плечу пронеслись через клетку, словно два игрока в регби, борющиеся за мяч. Они с разбегу ударили по миске (и по руке, если я не успевал ее убрать) и вместе с миской кувырком отлетали в дальний угол клетки. Смесь из нарезанных бананов, молока, сырых яиц и нарубленного мяса фонтаном ударяла в стенку и рикошетом попадала на спины близнецов, обволакивая их серые панцири густой вязкой массой. А они стояли среди всего этого хаоса, удовлетворенно хрюкая и урча, слизывая стекавшее у них с боков месиво, или затевали ссору из-за куска банана или мяса, который прилип к потолку, но, не выдержав неравной борьбы с силами тяготения, вдруг падал на дно клетки. Видя их по колено в этом обилии пищи, трудно было поверить, что два небольших зверька в состоянии поглотить такое количество витаминов и белков. Но уже через полчаса клетка была совершенно чиста, даже потолок был тщательно вылизан, для чего броненосцам приходилось вставать на задние лапы. А сами близнецы, шумно сопя, уже спали глубоким сном в своей благоухающей спальне, свернувшись в клубок. Со временем благодаря обильному питанию близнецы так растолстели, что с трудом пролезали через дверь спальни. Однажды, раздумывая над тем, как расширить клетку, я обнаружил, что один из близнецов с выгодой использует это обстоятельство. Вместо того чтобы укладываться спать вдоль спальни, как он это делал раньше, он ложился поперек, головой к двери. Как только запах пищи достигал его, броненосец мгновенно, прежде чем его компаньон успевал повернуться в нужном направлении, подскакивал к двери, наполовину высовывался из нее, а затем

Д приподымал зад и закупоривал отверстие, как пробка бутылку. После этого он пододвигал к себе миску с едой и начинал неторопливо копаться в ней, а его разъяренный сородич, визжа и фыркая, безуспешно царапал его неуязвимый бронированный зад.

Волосатый броненосец — стервятник аргентинской пампы. Приземистый, с броней, надежно защищающей его от большинства хищников, он, подобно миниатюрному танку, движется по освещенной луною траве и перемалывает своими челюстями почти все, что попадает ему на пути. Броненосец ест фрукты и овощи, а при отсутствии их разоряет птичьи гнезда, пожирая яйца или птенцов; на закуску охотно поедает мышей и даже змей, если наталкивается на них. Но больше всего броненосец любит сочную, пахучую, полусгнившую падаль, она притягивает его, как магнит притягивает железо. В Аргентине, где расстояния огромны, а стада неисчислимы, часто бывает так, что старая или больная корова умирает и туша ее остается лежать незамеченной в траве; на солнце она быстро разлагается, запах разносится далеко вокруг, и к падали быстро слетаются мухи, жужжащие, словно рой пчел. Запах разлагающейся туши броненосец воспринимает как приглашение на банкет. Покинув нору, он отправляется на поиски и быстро находит лакомство: огромную, кишашую личинками грудку мяса, лежащую в траве. Наевшись до отвала, броненосец не в силах уйти от туши, на которой еще остается столько еды, и он роет под нею нору. Там он спит до тех пор, пока не переварит свой обед и снова не почувствует голод. Тогда ему достаточно подняться наверх, высунуть голову из норы — и, так сказать, стол для него накрыт. Как правило, броненосец не покидает падаль, пока не снимет последний клочок мяса с уже побелевших костей. Лишь тогда со счастливым вздохом насытившегося животного он возвращается домой ожидать очередной гибели коровы или овцы. Несмотря на свои извращенные вкусы, броненосец считается отличной едой, мясо его напоминает нечто среднее между телятиной и мясом молочного поросенка. Пеоны часто ловят их, сажают в бочки с грязью и откармливают для собственного стола. На первый взгляд, противно есть животное, проявляющее такие низменные вкусы и предпочитающее падаль, но ведь и свиньи не особенно разборчивы в еде, а то, что ест камбала, вызовет тошноту даже у вурдалаков.

В пампе есть животное, чьи привычки настолько же очаровательны, насколько они отвратительны у броненосцев, но мне не пришлось с ним столкнуться. Это вискача, грызун величиной с обычного терьера, с таким же, как у него, низко посаженным туловищем и мордочкой, очень похожей на кроличью. От носа к глазам у нее тянется черная полоска, под ней светло-серая, а потом опять черная. Можно подумать, что вискача начала рас-

крашивать себя под зебру, но вскоре ей это надоело и она бросила работу, едва начав ее. Вискачи живут обычно колониями до сорока особей в больших подземных норах, называемых *vizcacheras*.

Вискачи — это богема пампы. Они ведут самый непринужденный образ жизни, и в их обширных коммунальных норах всегда можно застать друзей, проживающих у них. Земляные совы строят себе квартирки в боковых стенках нор, в заброшенных уголках иногда поселяются змеи, выступающие здесь в роли обитателей мансард. Когда грызуны расширяют свое подземное жилище и покидают часть прежних нор, в них немедленно вселяются ласточки. Во многих *vizcacheras* обитает не менее разношерстная публика, чем в пансионатах Блумсбери. Пока постояльцы ведут себя прилично, хозяева нисколько не беспокоятся о том, кем и как заселено их подземелье. Художественные вкусы вискачи, на мой взгляд, формировались под значительным влиянием сюрреализма. Земля у входа в нору лишена всяких признаков растительности и так плотно утрамбована множеством маленьких ног, что парадный подъезд колонии представляет собой танцевальную площадку. Эти плешины среди пампы являются своеобразными студиями, где вискачи устраивают свои художественные выставки. Они методично складывают в кучи длинные сухие стебли чертополоха, перемежая их камнями, ветками и корнями. Чтобы сделать эти натюрморты еще более привлекательными, вискачи используют все, что только попадается им на глаза. Около одной *vizcacheras* я нашел сооружение из веток, камней и стеблей чертополоха, между которыми со вкусом были вставлены несколько консервных банок, три серебряные бумажки, восемь красных пачек из-под сигарет и коровий рог. Эта необычная выставка, так любовно и заботливо устроенная посреди бескрайней пустынной пампы, пробудила во мне страстное желание увидеть ее создателя. Я пытался представить себе толстого маленького зверька с грустной полосатой мордой, сидящего при лунном свете у входа в свой дом и поглощенного созданием художественного произведения из сухих растений и различных предметов. Одно время вискачи были наиболее распространенными обитателями пампы, но их вегетарианские вкусы и упорство, с каким они выводили траву на больших участках для занятий художественным творчеством, навлекли на них гнев земледельцев. Фермеры объявили им войну, и грызуны были уничтожены или изгнаны из старых мест обитания.

Мы не поймали ни одной вискачи, и, как я уже говорил, мне даже не довелось ее увидеть. Я и теперь очень сожалею о том, что мне так и не удалось встретиться с этим любопытным представителем аргентинской фауны.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Д

Авиационная компания заверила нас, что, как только мы доставим наших животных в Буэнос-Айрес, можно будет отправить их самолетом в Лондон в течение суток. Поэтому, когда наш грузовик добрался до окраины столицы, я позвонил в отдел грузовых перевозок и, сообщив о своем прибытии, поинтересовался, где я могу разместить животных на ночь. С изысканной любезностью мне ответили, что в течение ближайшей недели отправить животных не удастся и что на территории аэродрома держать их негде. Таким образом, я оказался в чужом городе с полным грузовиком животных, которых негде было пристроить, — положение, мягко говоря, не из легких.

Видя наше затруднение, шофер любезно разрешил нам оставить животных на ночь в грузовике, но утром машина понадобится ему для работы. Мы с благодарностью приняли его предложение и, поставив грузовик во дворе его дома, начали кормить животных. Во время кормежки Джеки пришла в голову счастливая мысль.

— Я знаю, что делать! — радостно воскликнула она. — Давай позвоним в посольство.

— Мы не можем звонить в посольство и просить устроить на неделю наших животных, — возразил я. — Посольства не занимаются такими делами.

— Если ты позвонишь мистеру Джибсу, он, возможно, сумеет нам помочь. Во всяком случае, попытаться стоит.

Нехотя, сознавая бесполезность этой затеи, я все же позвонил в посольство.

— Алло, вы уже вернулись? — послышался веселый голос мистера Джибса. — Вы удачно съездили?

— Да, спасибо, отлично.

— Очень рад за вас. И много вам удалось поймать животных?

— Да, порядочно. Дело в том, что из-за этого я вас и беспокою. Я хотел спросить, не сможете ли вы нам помочь.

— Конечно. А в чем дело? — спросил мистер Джибс, ничего не подозревая.

— Нам нужно где-то разместить на недельку животных.

Последовала непродолжительная пауза, во время которой мистер Джибс, как я предполагаю, боролся с искушением немедленно повесить трубку. Но я недооценил его самообладание; когда он мне ответил, его голос был таким же ровным и любезным, как обычно, без каких-либо признаков истерии.

— Да, это, пожалуй, нелегкая задача. Вам, вероятно, нужен сад или что-либо в этом роде?

— Да, и желательно с гаражом. У вас нет ничего на примете?

— Пока нет, мне не часто приходится подыскивать... э-э... помещения для живого инвентаря, так что мой опыт в этом отношении невелик. Если вы зайдете ко мне завтра утром — может быть, к тому времени я что-нибудь найду.

— Большое спасибо, — благодарно ответил я. — Когда вы приходите в посольство?

— О нет, так рано не надо, — поспешно ответил мистер Джибс. — Зайдите что-нибудь около половины одиннадцатого, я постараюсь к этому времени кое с кем поговорить.

Вернувшись во двор, я передал Джеки и Яну содержание нашего разговора.

— Пол-одиннадцатого нас не устраивает, — сказала Джеки. — Шофер только что предупредил, что грузовик ему понадобится к шести часам.

Некоторое время мы сидели в мрачном молчании, усиленно работая мозгами.

— Знаю! — неожиданно воскликнула Джеки.

— Нет! — твердо ответил я. — Я не буду звонить послу.

— Да я не об этом — позвоним лучше Бебите.

— Черт побери, ну разумеется! И как это мы раньше не сообразили.

— Я не сомневаюсь, что она нас устроит, — продолжала Джеки таким тоном, как будто была искренне убеждена в том, что каждый житель Буэнос-Айреса с удовольствием примет участие в размещении небольшого зверинца, стоит его об этом попросить. В третий раз я пошел к телефону. Последовавший разговор показал, на что способна Бебита.

— Алло, Бебита, добрый вечер.

— Джерри? Здравствуй, мальчик, я только что говорила о вас. Где вы сейчас находитесь?

— В каком-то пригороде Буэнос-Айреса — вот все, что я могу сказать.

— Выясни скорее, где вы, и приезжайте ужинать.

— Мы бы с удовольствием, если б можно было.

— Конечно, можно.

— Бебита, я звоню тебе в надежде, что ты сумеешь нам помочь.

— Ну конечно, мальчик. В чем дело?

— Понимаешь, мы здесь со своими животными. Ты не сможешь пристроить их куда-нибудь на недельку?

Бебита весело засмеялась.

А — Ах! — произнесла она с напускным смирением. — Ну что ты за человек! В такой час ты звонишь мне только для того, чтобы попросить устроить своих животных. Ты всегда думаешь только о своих животных!

— Я знаю, что сейчас уже поздно, — сказал я с раскаянием, — но если мы до утра ничего не найдем, нам придется чертовски трудно.

— Не отчаивайся, мальчик, я найду что-нибудь для тебя. Позвони мне через полчаса.

— Чудесно! — сказал я, приободрившись. — Я очень сожалею, что пришлось беспокоить тебя такими делами, но нам больше не к кому обратиться.

— Глупости, — ответила Бебита. — Разумеется, вы должны были обратиться ко мне. Всего хорошего.

Прошло мучительных полчаса, и я снова подошел к телефону.

— Джерри? Все в порядке, я нашла для вас место. Один мой приятель согласился пустить твоих зверюшек в свой сад. У него там есть что-то вроде гаража.

— Бебита, ты просто чудо! — воскликнул я вне себя от восторга.

— Ну разумеется, — весело подтвердила она. — А теперь записывай адрес, отвези свой зверинец и присажай ужинать.

Воспрянув духом, мы помчались по указанному адресу. Через десять минут машина остановилась, и, выглянув из кузова, я увидел массивные металлические ворота высотой около двадцати футов; широкая аллея, усыпанная гравием, вела к дому, напоминавшему несколько уменьшенную копию Виндзорского замка. Я уже хотел сказать шоферу, что он ошибся и привез нас не по тому адресу, как ворота неожиданно раскрылись и приветливо улыбающийся привратник поклонился нам с таким видом, будто перед ним не обшарпанный грузовик, а роскошный «Роллс-Ройс». С одной стороны дома проходила крытая веранда; она-то и была отведена для наших животных, как сообщил привратник. Еще не вполне оправившись от изумления, мы начали разгружать машину. Опасаясь, что произошло какое-то недоразумение, мы поспешили расставить клетки и удрать, прежде чем хозяин дома поднимет шум.

Бебита, спокойная и красивая, приветствовала нас в своей квартире; как видно, вся эта история ее насмешила.

— Ну что, дети, благополучно разместили своих животных?

— Да, спасибо, все в порядке, там им будет просто чудесно. Твой друг поступил очень великодушно, Бебита.

— Ах, — вздохнула она. — Разумеется, он чудесный человек... великодушный... очень обаятельный... Вы представить себе не можете, какой он обаятельный человек.

— И долго тебе пришлось уговаривать его? — недоверчиво спросил я.

— Что ты, наоборот, он сам мне это предложил. Я только позвонила ему и сказала, что мы хотим поместить нескольких маленьких зверюшек в его саду, и он немедленно согласился. Он мой друг, и, разумеется, он не мог мне отказать.

Бebита улыбнулась нам ослепительной улыбкой.

— Да, конечно, я тоже себе не представляю, как он мог тебе отказать, но мы в самом деле бесконечно признательны тебе, ты просто наша мать-спасительница.

— Глупости, — сказала Бebита. — Пошли скорее ужинать.

Только на следующее утро, зайдя к мистеру Джибсу, мы сумели в полной мере оценить, какую трудную задачу пришлось решить накануне Бebите.

— Я очень сожалею, — извиняющимся тоном произнес мистер Джибс. — Я звонил в несколько мест — и все безрезультатно.

— Не беспокойтесь об этом, один наш друг нашел подходящее место, — сказал я.

— Очень рад. Наверно, вся эта история доставила вам немало хлопот. Где же вы разместились?

— В одном доме на проспекте Альвеар.

— Где-где?

— На проспекте Альвеар.

— На проспекте Альвеар? — еле слышно переспросил мистер Джибс.

— Ну да, а что тут особенного?

— Ничего... ничего особенного, — ответил он, с изумлением глядя на нас. — Просто проспект Альвеар для Буэнос-Айреса примерно то же самое, что Парк-Лейн¹ для Лондона.

Спустя несколько дней, когда все животные были переправлены самолетами в Англию, выяснилось, что на юг страны нам так и не удастся попасть. Встал вопрос, куда направиться теперь. И тут нам позвонила Бebита.

— Слушайте, дети, хотите совершить поездку в Парагвай?

— Мне бы очень хотелось попасть в Парагвай, — с горячностью ответил я.

— Мне кажется, я смогу вам это устроить. Вы долетите самолетом до Асунсьона, а там один мой друг возьмет вас в свой самолет и доставит в это самое... как оно называется... Пуэрто-Касадо.

— Вероятно, ты договорилась об этом с одним из твоих друзей?

— Ну разумеется. С кем еще я могу об этом договориться, глупыш?

¹ Парк-Лейн — аристократический квартал в Лондоне.

Д — Единственным препятствием может быть наше слабое знание испанского языка.

— Я тоже об этом подумала. Ты помнишь Рафаэля?

— Ну как же.

— У него сейчас в школе каникулы, и он бы с удовольствием поехал с вами в качестве переводчика. Его мать считает, что такое путешествие пойдет ему на пользу при условии, что вы не заставите его охотиться за змеями.

— Исключительно разумная у него мама! Ты подала блестящую идею, я просто обожаю тебя и всех твоих друзей.

— Глупости, — ответила Бебита и повесила трубку.

Так и получилось, что мы с Джеки полетели в столицу Парагвая Асунсьон. С нами летел Рафаэль де Сото Асебал; всю дорогу в нем клокотала такая жизнерадостность, что к концу полета я казался себе охладевшим к жизни старым циником.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛЯ ЛЕТАЮЩИХ ЦВЕТОВ

Когда грузовик, подпрыгивая на ухабах, подъехал к небольшому аэродрому невдалеке от Асунсьона, было уже совсем светло, небо голубело. Еще не совсем очнувшись от сна, мы неловко выбрались из машины и выгрузили свое имущество. После этого мы немного походили, зевая и потягиваясь. Летчик и шофер грузовика скрылись в полуразвалившемся ангаре, стоявшем на краю летного поля. Вскоре, шумно пыхтя от напряжения, они показались снова, толкая небольшой четырехместный моноплан, красиво разрисованный серебристой и красной краской. Когда они выводили самолет из ангара на солнце, они были очень похожи на пару крупных коричневых муравьев, волокущих в муравейник маленькую бабочку. Рафаэль сидел на чемодане, сонно опустив голову и полузакрыв глаза.

— Смотри, Рафаэль, — весело сказал я. — Вот наш самолет.

Рафаэль вздрогнул, вскочил и посмотрел на крошечный самолет, который подталкивали к нам двое людей. Его глаза удивленно расширились за стеклами очков.

— Не может быть! — воскликнул он недоверчиво. — Неужели это наш самолет?

— Похоже, что так.

— О господи!

— А в чем дело? — спросила Джеки. — Это очень милый маленький самолетик.

— В том-то и дело, что маленький, — ответил Рафаэль.

— Ничего, он выглядит достаточно прочным, — успокоил я его, но в этот момент одно из колес перекатилось через небольшую кочку и все сооружение закачалось из стороны в сторону с мелодичным звоном.

— Черт возьми! — в ужасе закричал Рафаэль. — Джерри, *ce n'est pas possible*¹, мы не долетим на этой штуке... она слишком мала.

— Не волнуйся, Рафаэль, все в порядке, — сказала Джеки с оптимизмом человека, никогда не летавшего на маленьких самолетах. — Это очень хороший самолет.

— Правда? — спросил наш друг, беспокойно поблескивая очками.

— Ну конечно, в Америке очень много таких самолетов.

— Но ведь мы не в Америке, а в Чако... Посмотри, у него только одно крыло, *n'est ce pas*?² Если оно отломится, мы... брр! свалимся в лес. — Он откинулся назад и посмотрел на нас с жалким видом.

Тем временем самолет был подготовлен к отлету и пилот подошел к нам, открывая в улыбке золотые зубы.

— *Bueno, vamos*³, — сказал он и начал собирать багаж.

Рафаэль поднялся и взял свой чемодан.

— Джерри, мне это не нравится, — жалобно проговорил он, направляясь к самолету.

Когда имущество было уложено, для нас самих почти не осталось места, но мы все же ухитрились втиснуться в самолет — я с пилотом на переднее сиденье, Джеки с Рафаэлем на заднее. Я сел последним и захлопнул невероятно хрупкую на вид дверцу, которая тут же открылась. Пилот нагнулся и посмотрел на дверцу.

— *No bueno*⁴, — произнес он, схватился мощной рукой за дверцу и захлопнул ее с такой силой, что самолет заходил ходуном.

— О господи! — послышался жалобный стон Рафаэля.

Летчик, весело насвистывая сквозь зубы, задергал ручки управления, мотор взревел, и машина начала дрожать и трястись. Самолет тронулся с места, подпрыгивая на неровностях почвы, трава слилась в сплошное зеленое пятно, и мы оторвались от земли. Набирая высоту, мы любовались открывшейся под нами местностью — сочной тропической зеленью, прони-

¹ Это невозможно (фр.).

² Не так ли? (фр.)

³ Ну что ж, отправляемся (исп.).

⁴ Не годится (исп.).

Данной красноватыми прожилками дорог. Мы пролетели над Асунсьоном, розовые дома которого ярко сверкали на солнце, и вскоре прямо по курсу самолета, в мерцающем круге пропеллера показалась река Парагвай.

Летя на большой высоте, мы видели, что река огненной, искрящейся границей разделяла местность на два типа: под нами были плодородный краснозем, зеленые леса и обработанные поля, окружавшие Асунсьон и занимавшие восточную часть Парагвая, а далее, за лентой реки, начиналось Чако, необозримая плоская равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Подернутая дымкой утреннего тумана, равнина казалась поросшей серебристо-бронзовой травой, кое-где перемежавшейся сочной зеленью маленьких рощиц. Казалось, будто кто-то прошелся по этой равнине гигантскими ножницами и подстриг ее, словно огромного пуделя, оставив на шкуре в качестве украшения зеленые островки шерсти. Под нами проплывал безжизненный ландшафт, единственным движущимся предметом была река, искривляясь и сверкавшая по мере своего движения по равнине. Река делилась то на три-четыре русла, то растекалась по пятидесяти или шестидесяти рукавам, которые извивались и переплетались в затейливом узоре, словно блестящие внутренности какого-то огромного серебряного дракона, вываленные на равнину.

Пролетев над рекой, самолет опустился ниже, и я увидел, что равнина, которая показалась мне поросшей сухой травой, в действительности была заболочена — вода то и дело выдавала свое присутствие ярким блеском. Зеленые рощицы оказались густыми зарослями колючих кустарников, над которыми изредка поднимались пальмы. Местами пальмы росли сомкнутыми рядами, как будто были посажены людьми. Вода искрилась повсюду мгновенными яркими вспышками белого света, но, несмотря на обилие влаги, кустарники выглядели иссушенными и запыленными, корни растений находились в воде, листья были сожжены солнцем. Это была мрачная, безлюдная равнина, не лишенная, однако, своеобразного очарования. Все же через некоторое время пейзаж нам наскучил, лишь встрепанные кроны пальм давали тут какую-то тень.

Пилот достал из-под сиденья бутылку, откупорил ее зубами и протянул мне. В ней был холодный кофе — горький, но освежающий напиток. Я сделал несколько глотков, затем бутылка перешла к Джеки, а от нее к Рафаэлю и вернулась к летчику. Когда он сунул горлышко бутылки в рот и запрокинул голову, самолет нырнул носом к серебряной излучине реки в двух тысячах футах под нами, так что у нас засосало под ложечкой. Осушив бутылку, пилот отер губы тыльной стороной ладони, повернулся ко мне и прокричал в самое ухо:

— Пуэрто-Касадо! — И указал куда-то вперед.

Сквозь дымчатое марево я различил впереди очертания какого-то темного холма, неожиданно выросшего на плоской равнине.

— Una hora, más o menos! — кричал пилот, показывая мне один па-лец. — Una hora... Puerto Casado... comprende?¹

Весь этот час я дремал урывками, между тем как темная громада холма надвигалась все ближе. Самолет нырнул носом, и мы начали быстро снижаться. Вертикальные токи теплого воздуха подхватили крохотную машину и начали трясти и швырять ее; самолет плясал в воздухе, словно искра над костром. Затем он круто накренился, и на мгновение равнина приняла наклонное положение, река повисла над крылом, а горизонт оказался прямо над нами. Выровнявшись, мы уверенно направились к небольшому полю, которое можно было отличить от окружающей местности только потому, что на его краю с длинного шеста вяло свисал желтый ветровой конус. Самолет коснулся земли, прокатился немного по траве и остановился. Пилот с улыбкой посмотрел на меня, выключил мотор и сделал широкий, всеохватывающий жест.

— Чако! — сказал он.

Когда мы вышли из самолета, жара навалилась на нас с почти осязательной силой, и сразу стало нечем дышать. Пожухлая трава под ногами была жесткой и сухой, как стружки, кое-где виднелись островки огненно-желтых цветов. Не успели мы выгрузить из самолета багаж, как вдали показался грузовик; подсакивая на кочках, он направлялся к нам прямо по полю. За рулем сидел невысокий, толстый парагваец; на его губах блуждала улыбка, словно наше прибытие немало его забавляло. Он помог нам погрузить вещи, после чего мы покинули посадочную площадку и поехали по пыльной и тряской дороге через лес. Машина поднимала тучи пыли, и мы были настолько поглощены тем, чтобы хоть как-то удерживаться за борта грузовика, подпрыгивавшего на ухабах, что я не имел возможности рассмотреть местность, по которой мы проезжали. Через десять минут мы с грохотом въехали в Касадо. Поселок представлял собой обычное для Южной Америки скопление полуразвалившихся лачут, разделенных разъезженными улицами без всякого покрытия. Мы проехали мимо огромного мангового дерева, стоявшего в центре поселка; в тени его укрывалось множество людей: некоторые спали, другие беседовали, оживленно шла торговля тыквами, сахарным тростником, яйцами, бананами и другими товарами, разложенными прямо в пыли.

Отведенный нам домик находился в конце поселка и был едва виден за стеной апельсиновых деревьев и грейпфрутов, между которыми росли кус-

¹ Около часу... Пуэрто-Касадо... понимаете? (исп.)

Д ты гибискуса, покрытые крупными красными цветами. Дом и его зеленая завеса были окружены сетью узких, мелких оросительных каналов, заросших травой и водорослями. Воздух оглашался мелодичным жужжанием moskitov, ночью к нему присоединялись многочисленные древесные лягушки, жабы и цикады. Древесные лягушки кричали возбужденными, пронзительными голосами, жабы кричали тяжеловесно и задумчиво, а цикады время от времени издавали звуки, напоминавшие сопрано электрической пилы, разрезающей лист кровельного железа. Дом был удобен, хотя и без излишеств. Он состоял из трех комнат, смежных, как это принято в Испании, причем потолки всех трех комнат протекали. Несколько поодаль находились кухня и ванная, соединявшиеся с домом крытой галереей. Десять минут спустя после приезда я обнаружил, что ванную нам придется делить со многими представителями местной фауны: там проживало несколько сот moskitov, множество крупных, блестящих, проворных тараканов и несколько угрюмых с виду пауков, занимавших пол. На бачке унитаза сидели несколько худосочных древесных лягушек с выпученными глазами и висела маленькая летучая мышь; она злобно пицала и, как все летучие мыши, очень напоминала потрепанный зонтик.

К несчастью, я ни с кем не поделился своими зоологическими открытиями, и Джеки, войдя в ванную после меня, выскочила оттуда как ошпаренная, оставив там мыло, полотенце и зубную щетку. Дело было в том, что летучая мышь, очевидно, возмущенная постоянным хождением, слетела с бачка и, хлопая крыльями, повисла в воздухе перед лицом Джеки. Довольно язвительно Джеки заметила мне, что до сих пор она не считала летучих мышей необходимым условием опрятной жизни. В конце концов мне удалось убедить ее в том, что, несмотря на свою антиобщественную выходку, летучая мышь совершенно безвредна. Однако и впоследствии, заходя в ванную, Джеки опасно косилась на летучую мышь, которая висела на бачке и с неприязнью смотрела на нее.

Не успели мы разобрать вещи, как нас приветствовал другой представитель местной фауны в образе нашей хозяйки, смуглой черноглазой женщины, которую, как она нам сообщила, звали Паула. Лицо ее еще сохраняло следы былой красоты. Телеса ее так и выпирали из платья, но, несмотря на это, движения отличались исключительной легкостью и изяществом. Она плавала по дому, словно кучевое облако, разрастающееся в грозовую тучу, напевала лирические песенки, глядя перед собой затуманенным взором и с упоением занимаясь уборкой, которая состояла в том, что она сметала на пол все предметы, лежавшие на столах и стульях, а потом с тяжелым кряхтением подбирала то, что не разбилось. Вскоре мы убедились, что Паула занимает в местном обществе высокое и почетное положение: она

была владелицей дома свиданий, и молодые незамужние девицы находились на ее попечении. Паула относилась к своим обязанностям со всей ответственностью. Раз в две недели она выводила девочек встречать прибывающий пароход и «по-матерински» внимательно следила за тем, как они торговались с членами экипажа и пассажирами. Примерно на расстоянии мили от пристани пароход всегда давал гудок, предупреждая о своем прибытии. По этому сигналу Паула мчалась в свою хижину переодеваться. Она втискивала огромные груди в крохотный бюстгальтер, оставляя открытым то, что туда не входило, надевала платье какого-то невообразимого фасона и цвета, совала ноги в туфли с каблуками высотой в шесть дюймов, выливая на себя чашку какого-то удушающего зелья и мчалась к пристани со своим отборным товаром, торопя болтающих и смеющихся девиц. В эти минуты она напоминала пожилую добродушную учительницу, сопровождающую на прогулке своих воспитанниц. Занимая столь важное положение, Паула держала в своих руках весь поселок, включая и местную полицию. Для нее не существовало неразрешимых проблем. Она могла достать все, что угодно, — от контрабандных бразильских сигарет до восхитительного dulce de leche¹, и по первой просьбе немедленно отправляла своих девочек на поиски. Горе тому жителю поселка, который отказывался помочь Пауле. Жизнь его (в биологическом аспекте) становилась невыносимой. Вскоре мы убедились в том, что Паулу стоило иметь своим союзником.

Хотя мне очень хотелось поскорее ознакомиться с окрестностями, пришлось обуздать свое нетерпение. Остаток дня ушел на то, чтобы распаковать и разобрать снаряжение и навести элементарный порядок в доме. Рафаэль, по моему наущению, расспросил Паулу, какие существуют местные способы передвижения. Паула перечислила три способа — верхом на лошадях, на повозке, запряженной быками, и на *autovia*. В результате дальнейших расспросов выяснилось, что *autovia* была своего рода железной дорогой Чако, хотя термин «железная дорога» был тут чистым эвфемизмом. *Autovia* представляла собой узкоколейку, на которую были взгромождены ветхие автомобили марки «Форд-8». Дорога имела протяженность около двухсот километров и была для нас истинным даром богов. Паула заверила нас, что, если мы пройдем по поселку к тому месту, где начинается линия, мы увидим там *autovia*, а где-нибудь поблизости найдем и водителя, который скажет, на какой час назначен ближайший рейс. Мы с Рафаэлем немедленно отправились выяснять возможности железной дороги Чако.

¹ «Молочные сладости» — кондитерские изделия из сладкого молочного крема, широко распространенные в Латинской Америке.

Д Действительно, на противоположном конце поселка мы разыскивали железнодорожную колею, правда, не без труда, так как рельсы до того заросли травой, что их почти невозможно было разглядеть. Сама колея была настолько фантастического свойства, что я онемел от страха, увидев ее. Она была около двух с половиной футов шириной, рельсы были изношены и стерты до блеска; выгибаясь то вверх, то вниз, они были похожи на двух серебристых змей, которые, извиваясь, уползают в траву. Я представить себе не мог, чтобы какой бы то ни было экипаж мог удержаться на них. Впоследствии, когда я увидел, с какой скоростью *autovias* мчатся по этим рельсам, мне казалось просто чудом, что мы возвращались живыми из наших поездок.

Чуть подальше мы обнаружили запасной путь, на котором стояло несколько невероятно потрепанных *autovias*, а невдалеке под деревом увидели столь же потрепанного водителя, мирно спавшего в высокой траве. Когда мы его разбудили, он сообщил, что на следующее утро *autovia* совершит рейс километров на двадцать и, если мы захотим, он возьмет нас с собой. Стараясь не вспоминать об извивающихся рельсах, я заявил, что как раз этого мы и хотим; я рассчитывал, что такая поездка позволит нам познакомиться с окрестностями и определить, какие виды птиц наиболее распространены здесь. Мы поблагодарили водителя, который пробормотал в ответ: «*Nada, nada...*» (Ничего, ничего), снова лег в траву и тут же погрузился в глубокий сон. Мы с Рафаэлем вернулись домой и сообщили Джеки приятную новость, ни словом не упомянув о состоянии железной дороги.

На следующее утро Паула разбудила нас перед рассветом; плавно покачиваясь, она вошла в комнату с чайным подносом в руках, находясь в том неестественно приподнятом настроении, какое бывает у некоторых людей в самые ранние утренние часы. Она прошла в комнату Рафаэля, и мы услышали, как она бодро спрашивает его о чем-то, а он отвечает ей невнятным бормотанием. Было еще темно, но трели цикад уже перекрывались сонными криками петухов. Появился Рафаэль, в очках и нижнем белье.

— Эта женщина... — начал жаловаться он. — Она так рано будить меня, мне не нравится.

— Рано вставать очень полезно, — возразил я. — Ты проводишь в спячке полжизни, подобно зимующему медведю.

— Кто рано встает, тот бодр и здоров, — лицемерно поддержала меня Джеки, подавляя зевок.

— Ты собираешься ехать в таком виде или наденешь еще что-нибудь? — спросил я нашего озадаченного переводчика.

Рафаэль нахмурился, пытаясь осмыслить сказанное.

— Я бы, пожалуй, так и поехал, — продолжал я разыгрывать его. — Костюм очень хорош... А если снять очки, ты не увидишь москитов.

— Не понимаю, Джерри, — проговорил наконец Рафаэль. С утра он владел английским языком значительно хуже, чем в остальное время суток.

— Ничего. Одевайся скорее, *autovia* нас ждать не будет.

Полчаса спустя наша *autovia* уже тряслась по рельсам, окруженная густым прибрежным туманом, казавшимся молочно-серым в предзвездных сумерках. Когда мы выехали из поселка и собаки, преследовавшие нас, отстали, из-за деревьев неожиданно показалось солнце, стерев все краски с восточной части неба и залив его морем света. Мы тряслись и качались в своем экипаже, все дальше и дальше углубляясь в лесные дебри Чако.

Лес был низкорослый, но деревья стояли так близко друг к другу, что их ветви переплетались между собой; почва была заболочена и покрыта густой растительностью, среди которой выделялись колючий кустарник и, как ни странно, кактусы. Некоторые кактусы имели вид склеенных краями зеленых тарелок, усыпанных желтыми колючками и розовато-лиловыми цветами; другие напоминали осьминогов, раскинувших по земле свои длинные щупальца или обвивающих деревья колючими объятиями. Были и такие кактусы, которые походили на большие зеленые гусарские кивера, как бы подернутые черной дымкой колючек. Многие кактусы росли и цвели наполовину в воде. Между рельсами железной дороги росло множество мелких растений высотой всего несколько дюймов, увенчанных мелкими чашеобразными красными цветками. Местами их было так много, что мне казалось, будто мы едем по какой-то бесконечной клумбе.

Время от времени лес прерывался, и перед нами открывались большие травянистые пространства, на многие акры усеянные огненно-красными цветами на высоких стеблях и аккуратно разделенные рядами пальм, округлые кроны которых напоминали снопы зеленых ракет, разлетающихся в небе. На этих травянистых полях можно было увидеть множество вдовушек бентеви — небольших птичек величиной с воробья, с глянцево-черными спинками и ослепительно белыми грудкой и шейкой. Они сидели на ветках и стволах мертвых деревьев, время от времени взмывали в воздух, хватали на лету насекомых и возвращались на место; их грудки сверкали на фоне травы, словно падающие звезды. Местные жители называли их *flog blanca* — белые цветы, и это прозвище очень подходило к ним. Мы видели целые поля этих летающих цветов; птички вспархивали и устремлялись к земле, и их грудки сверкали ослепительной белизной, которую можно сравнить разве что с блеском солнца на воде.

Самыми удивительными в этой местности были деревья, стволы которых у основания неожиданно расширялись наподобие кувшина для вина; у них были короткие искривленные ветви, скудно украшенные мелкими

Д бледно-зелеными листьями. Деревья эти росли небольшими группами, казалось, они впитали в себя слишком много влаги и стволы поэтому непомерно раздулись.

— Как называются эти деревья, Рафаэль? — крикнул я, стараясь перекрыть своим голосом стук колес.

— *Palo bogracho*¹, — ответил он. — Видишь, какие они толстые, Джерри? Говорят, что они слишком много пьют, поэтому их здесь называют пьяными деревьями.

— Пьяные деревья... Это действительно подходящее название. И место как раз для них, весь лес здесь кажется пьяным.

В самом деле, вся местность выглядела так, словно природа решила устроить грандиозную попойку и пригласила на нее самых различных представителей растительного мира умеренного, субтропического и тропического поясов. Всюду виднелись высокие пальмы, устало склонившие головы, — это были завсегдатаи баров с длинными нечесаными волосами; колючие кустарники схватились в пьяной ссоре; элегантные, шарьядные цветы соседствовали с небритыми кактусами; пьяные деревья с раздувшимися животами любителей пива склонялись к земле под самыми неожиданными углами; и везде над этой оргией растений сновали вдовушки, словно маленькие, юркие официанты в белоснежных манишках.

Вскоре мне пришлось познакомиться и с отрицательными сторонами местности. После одного поворота перед нами открылась живописная, окаймленная пальмами топь, на которой кормились четыре огромных аиста ябиру. Медленно и величественно передвигались они по траве и сверкающим разводьям, очень напоминая виденную мною однажды процессию негритянских проповедников в белых стихарях. У аистов было белоснежное оперение, угольно-черные клювы — и шеи, втянутые в сутулые плечи. Степенно и задумчиво вышагивали они по воде, время от времени застывая на одной ноге и слегка разводя в стороны крылья. Желая понаблюдать за ними несколько минут, я попросил водителя остановиться. Удивленно посмотрев на меня, он затормозил, и *autovia* со скрипом остановилась футок в пятидесяти от птиц, которые не обратили на нас ни малейшего внимания. Не успел я поудобнее устроиться на деревянном сиденье и поднести к глазам бинокль, как вдруг невероятных размеров полосатый москит влетел в *autovia* и сел на мою руку. Я небрежно стряхнул его и поднял бинокль к глазам, но тут же опустил и захлопал рукой по ногам, на которых уже сидели четыре других москита. Посмотрев вокруг, я, к своему ужасу, обнаружил, что висевшая над травой легкая дымка в действительности была тучей москитов, которые надвигались на нас с возбужденным жужжанием.

¹ Пьяное дерево (*исп.*).

Через несколько секунд туча обволокла нас. Москиты облепили наши лица, шеи, руки, и даже одежда не спасала от укусов. Давя на себе москитов и проклиная все на свете, я потребовал от водителя немедленно трогаться, так как при всей моей любви к птицам был не способен наблюдать их в таких условиях. Когда *autovia* тронулась, большинство москитов отстало, но несколько наиболее упрямых продолжали преследовать нас на протяжении примерно полумили. Нападения москитов при каждой остановке отравляли удовольствие от поездки, так как ни на одном месте нельзя было продержаться более десяти минут, не рискуя сойти с ума от укусов. Охота и киносъемки в этих условиях были трудной, мучительной работой. Пока я возился с аппаратом, определяя выдержку и фокусировку, кто-то должен стоять рядом и обмахивать меня шляпой, чтобы отогнать хотя бы часть насекомых; иначе я не мог сосредоточиться и быстро терял терпение.

В Пуэрто-Касадо мы вернулись после полудня, багровые и распухшие от укусов; за все утро я снял около двадцати футов пленки. Эта поездка хотя и была не из приятных, но все же дала мне возможность ознакомиться с местностью и затруднениями, ожидающими нас. Теперь можно было приступить к основной работе — собиранию представителей фауны кишасщего москитами пьяного леса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОРАНЖЕВЫЕ БРОНЕНОСЦЫ

Первый экземпляр нашей коллекции, пойманный жителем Пуэрто-Касадо, появился у нас в доме через сорок восемь часов после нашего приезда. В ранний предрассветный час, когда цикады и древесные лягушки боролись с местными петухами за вокальное превосходство, меня разбудил чей-то громкий, возмущенный визг, полностью перекрывавший все другие звуки. Я сел в кровати и изумленно уставился на Джеки, которая с не меньшим изумлением смотрела на меня. Не успели мы рта раскрыть, как снова раздался пронзительный крик, который, как мне казалось, исходил из кухни. Вслед за криком послышался громкий, возбужденный разговор на непонятном для нас языке гуарани¹.

¹ Гуарани — индейское племя, коренные жители бассейна рек Парана и Парагвай. Язык гуарани широко распространен в республике Парагвай.

Д — Господи боже! — сказала Джеки. — По-моему, это голос Паулы...
 Что там происходит?

Я вылез из постели и начал искать свои туфли.

— Кричит она так, будто ее пытаются изнасиловать.

— Этого не может быть, — сонно возразила Джеки. — Из-за этого она бы не стала так кричать.

Я с неодобрением посмотрел на нее и направился на кухню, где стал свидетелем необыкновенного зрелища. Дверь была широко раскрыта; на пороге, озаренная розоватыми отблесками огня, подбоченившись, стояла наша хозяйка; ее роскошная грудь тяжело вздымалась после длинной тирады на языке гуарани. Перед ней стоял маленький, худощавый индеец в оборванной одежде, держа в одной руке помятую соломенную шляпу, а в другой какой-то круглый предмет, очень похожий на футбольный мяч. Он говорил что-то Пауле мягким, успокаивающим тоном, а потом протянул ей этот футбольный мяч. Паула отскочила и издала такой пронзительный, негодующий крик, что большая жаба, сидевшая около порога кухни, испуганно прыгнула в ближайший куст гибискуса. Но индеец, видно, был не из пугливых, он положил шляпу на землю, опустил в нее футбольный мяч и начал что-то говорить, оживленно жестикулируя. Паула перевела дух и обрушила на него поток ругательств. Скандал на кухне в пять часов утра, когда двое стараются перекричать друг друга на языке гуарани, сплоснь состоящем из гортанных звуков, — это было для меня слишком.

— Алло! — громко крикнул я. — Buenos días!¹

Это немедленно возымело свое действие. Индеец подхватил шляпу вместе с мячом, прижал ее к распахнутой рубашке, поклонился и отошел в темноту. Паула привела в порядок свой бюст, грациозно поклонилась и направилась ко мне, вся трясаясь от возмущения.

— Ah, señor, — сказала она, задыхаясь и лихорадочно сжимая кулаки. — Ah, señor, que hombre... buenos días, señor... yo lo siento...²

Я хмуро посмотрел на нее и начал припоминать весь свой запас испанских слов.

— Hombre³, — сказал я, показывая пальцем в ту сторону, где стоял индеец, совершенно исчезнувший на фоне деревьев и кустов. — Hombre... por que Usted argumentos?⁴

¹ Добрый день! (исп.)

² Ах, сеньор... Ах, сеньор, что это за человек... добрый день, сеньор... Я чувствую... (исп.)

³ Человек (исп.).

⁴ Человек... о чем вы спорите? (искаж. исп.)

Паула бросилась в темноту и вытащила оттуда упивавшегося индейца. Она подтолкнула его ко мне и, отойдя в сторону, величественно ткнула в него толстым коричневым пальцем.

— *Hombre*, — сказала она срывающимся от волнения голосом, — *mal hombre*¹.

— Почему? — спросил я. Мне было искренне жаль индейца.

Паула посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— *Por que?* — переспросила она. — *Por que?*²

— *Por que?* — повторил я, чувствуя, что все это очень напоминает дуэт из какой-нибудь оперетки.

— *Mire, señor*³, — ответила Паула. — Смотрите.

Она схватила шляпу, которую индеец крепко прижимал к груди, и показала мне лежавший в ней футбольный мяч. При ближайшем рассмотрении — хотя все происходило в темноте — оказалось, что вызвавший негодование Паулы предмет был меньше футбольного мяча, но почти такой же формы. С минуту все мы молча смотрели на него, затем Паула набрала в легкие воздух и оглушила меня пулеметной очередью испанских слов, из которых я мог разобрать только регулярно повторявшееся слово «*hombre*». Я понял, что без посторонней помощи не обойтись.

— *Momento!*⁴ — произнес я, подняв руку, затем повернулся и вошел в дом.

— Что случилось? — спросила Джеки, увидев меня.

— Понятия не имею. Похоже, Паула страшно оскорблена тем, что какой-то индеец попытается всучить ей рождественский пудинг.

— Рождественский пудинг?

— Ну да, не то рождественский пудинг, не то футбольный мяч, не разбери-поймешь. Хочу разбудить Рафаэля, пусть выяснит, в конце концов, что здесь происходит.

— Едва ли это может быть рождественский пудинг.

— Мы в Чако, — ответил я. — А в Чако все может быть.

Рафаэль, как и следовало ожидать, спал; он свернулся в клубок под кучей одеял и равномерно посапывал. Я стащил с него все одеяла и пошлепал его по спине. В ответ раздался громкий стон. Я снова пошлепал его, и Рафаэль поднялся, глядя на меня бессмысленным взглядом и разинув рот.

— Рафаэль, проснись, я хочу, чтобы ты пошел со мной и перевел кое-что.

¹ Плохой человек (*исп.*).

² Почему? (*исп.*)

³ Смотрите, сеньор (*исп.*).

⁴ Мигутку! (*исп.*)

Д — Нет, Джерри, не сейчас, — жалобно простонал он, близоруко щурясь на часы. — Посмотри, только половина шестого, я не могу так рано.

— Идем, — неумолимо настаивал я, — вылезай из постели. Мы, кажется, договорились, что ты будешь у нас переводчиком.

Рафаэль надел очки и посмотрел на меня с искренним возмущением.

— Да, конечно, я обещал быть переводчиком, только не в пять утра.

— Ну, хватит разговаривать, одевайся. К Пауле пришел индеец, они спорят о чем-то — какой-то футбольный мяч... Я ничего не могу понять, и ты должен мне помочь.

— Нет, я просто обожаю это Чако, — с горечью сказал Рафаэль, надевая туфли.

Охая и зевая, он пошел за мной на кухню. Паула и индеец стояли на том же месте, футбольный мяч по-прежнему лежал в шляпе индейца.

— Buenos días, — сказал Рафаэль, сонно моргая глазами, — que pasa?¹

Паула вся затряслась и принялась рассказывать что-то Рафаэлю, подкрепляя свои слова мимикой и волнообразно колыхая телесами; время от времени она прерывала свою речь и указывала пальцем на преступника, молча стоявшего со своим пудингом в руках. В конце концов она выдохлась и в изнеможении прислонилась к стене, тяжело переводя дыхание.

— Ну, так что же случилось? — спросил я Рафаэля, который, казалось, был совершенно сбит с толку.

— Знаешь, Джерри, я сам не очень-то понял, в чем дело, — ответил он, почесывая затылок. — Она говорит, что этот человек принес что-то нехорошее... э-э... как это говорится? Пакость, так, что ли? Он ей ответил, что она лжет и что ты охотно купишь эту вещь.

— Так о чем же, в конце концов, идет речь?

Рафаэль повернулся к владельцу пудинга, индеец посмотрел на него и застенчиво улыбнулся.

— Bicho, — проговорил индеец, протягивая шляпу с мячом.

«Bicho» было первым и, на мой взгляд, самым важным словом, которое я выучил по прибытии в Южную Америку. В переводе оно означает «животное». Этим всеобъемлющим словом здесь называют любое живое существо, и, естественно, я постарался сразу же запомнить его. Теперь, когда индеец произнес магическое слово, до меня вдруг дошло, что я принял за рождественский пудинг какое-то живое существо. С радостным возгласом я подскочил к индейцу, вырвал у него шляпу и помчался на кухню, чтобы при свете лампы разглядеть ее содержимое. В шляпе, свернувшись в плот-

¹ Добрый день... что случилось? (исп.)

ный клубок, лежал зверек, о встрече с которым я давно мечтал. Это был трехпоясный броненосец.

— Рафаэль! — крикнул я вне себя от возбуждения. — Посмотри, что здесь есть!

Он вошел в кухню и посмотрел на броненосца, которого я держал в руках.

— Кто это, Джерри? — с любопытством спросил он.

— Это броненосец... Понимаешь, *peludo*¹, из тех, что свертываются клубком, маленькие. Я показывал тебе рисунки.

— А, помню, — лицо Рафаэля просветлело, — здесь его называют *tatu parajá*.

— А что такое *parajá*? — поинтересовался я.

— *Naranja* значит апельсин.

— Понятно. Он действительно очень похож на апельсин.

— Они тебе нужны? — спросил Рафаэль, осторожно тыча в зверька пальцем.

— О господи, конечно! Чем больше, тем лучше. Рафаэль, спроси этого человека, где он поймал броненосца, сколько за него хочет и не может ли поймать еще.

Рафаэль повернулся к индейцу, который, улыбаясь, стоял в дверях, и перевел ему мои вопросы. Тот энергично закивал и, то и дело запинаясь, начал объяснять что-то на испанском языке. Выслушав его, Рафаэль повернулся ко мне.

— Он говорит, что может наловить их сколько угодно, Джерри. Здесь их сколько угодно в лесу. Он хочет знать, сколько тебе нужно.

— По меньшей мере шесть штук... Сколько он просит?

Торг между Рафаэлем и индейцем продолжался около десяти минут, затем Рафаэль спросил меня:

— Пять гуарани². Не дорого будет?

— Нет, это вполне разумная цена, столько я ему заплачу. Спроси его, возьмется ли он показать мне место, где живут броненосцы?

Рафаэль и индеец снова посовещались.

— Да, он говорит, что покажет тебе то место... Только это в лесу, Джерри... туда можно проехать только на лошадях.

— Чудесно, — обрадовался я. — Скажи ему, чтобы он снова зашел к нам после полудня, и мы отправимся на охоту вместе с ним.

Рафаэль перевел мое предложение, индеец кивнул и улыбнулся мне широкой, дружеской улыбкой.

¹ Волосатый (исп.).

² Здесь — денежная единица республики Парагвай.

Д — Bueno... muy bueno¹, — сказал я, тоже улыбаясь ему. — Сейчас принесу деньги.

Когда я направился в комнату, бережно неся в руках маленького броненосца, Паула издала отчаянный вопль, но у меня не было ни малейшего желания считаться с ее оскорбленными чувствами. Джеки все еще сидела в постели, хмуро разглядывая следы укусов москитов на руке.

— Посмотри, что я принес, — весело сказал я и бросил свернувшегося в клубок зверька на кровать.

Очень довольный своим приобретением, я совершенно упустил из виду, что моя жена к тому времени, как, впрочем, и до сих пор, еще не научилась полностью разделять мою страсть к собиранию животных. Отбросив в сторону одеяла, она отскочила в противоположный конец комнаты таким прыжком, которому могла бы позавидовать любая балерина. Сочтя себя в безопасности, она посмотрела на зверька.

— Кто это? — спросила она.

— Что с тобой, дорогая, почему ты испугалась? Это броненосец, он совершенно безобиден.

— Откуда мне знать? — ответила Джеки. — Ты ворвался в комнату и, ничего не сказав, швырнул мне этого зверя. Может, ты все-таки снимешь его с кровати?

— Он не тронет тебя, — убеждал я ее. — Честное слово, он совершенно безобиден.

— Я верю тебе, дорогой, но я не собираюсь играть с ним в постели в пять часов утра. Почему бы тебе не положить его на свою кровать?

Я осторожно перенес броненосца на свою кровать и пошел рассчитывать с индейцем. Когда мы с Рафаэлем вернулись, Джеки сидела на кровати со страдальческим видом. Посмотрев на свою кровать, я, к своему ужасу, обнаружил, что броненосец исчез.

— Не волнуйся, — подчеркнуто мягко сказала Джеки, — этот чудный маленький зверек просто зарылся в постель.

Я разворошил постель и нащупал броненосца, отчаянно барахтавшегося в куче простынь. Как только я его вытащил, он снова свернулся плотным клубком. Присев на кровать, я внимательно рассмотрел его. Свернувшись, он напоминал своими очертаниями и размерами небольшую дыню. С одной стороны шара проходили три «пояса», от которых зверек и получил свое название, — три ряда роговых пластинок, разделенных тонкими прослойками розовато-серой кожи, выполнявшей роль шарниров. На другой половине шара голова и хвост зверька сходились вместе. Они были покры-

¹ Хорошо, очень хорошо (исп.).

ты бугристыми бронированными плитками и напоминали по форме равнобедренные остроугольные треугольники. Когда броненосец сворачивался, оба треугольника плотно прилегали друг к другу, закрывая доступ к мягким уязвимым частям тела животного. Вся бронированная поверхность броненосца была светло-янтарного цвета и казалась искусно сделанной мозаикой. Подробно объяснив своим слушателям особенности наружного строения броненосца, я положил его на пол, и мы сидели некоторое время молча, дожидаясь, когда он развернется. Несколько минут он оставался неподвижным, затем начал подергиваться и вздрагивать. Между треугольниками хвоста и головы появилась небольшая щелка, затем она расширилась, и показалась маленькая мордочка, похожая на поросычье рыльце. После этого броненосец быстро и ловко развернулся; он как бы лопнул, словно какая-то огромная почка, и на мгновение мы увидели розовое морщинистое брюшко, покрытое грязновато-белыми волосами, маленькие розовые лапы и грустную поросычью мордочку с круглыми выпуклыми черными глазами. Затем он перевернулся, и теперь из-под брони виднелись только кончики лап и несколько пучков волос. Хвост, торчавший сзади из-под его горбообразного панциря, напоминал шишковатую, утыканную шипами боевую палицу древних. С другого конца высывалась голова зверька, украшенная треугольной шапочкой брони и двумя крохотными ослиными ушами. Под роговой шапочкой я разглядел лишенные растительности щеки, розовый нос и черные бусинки подозрительных глаз. Круглые задние лапы броненосца, оканчивавшиеся короткими тупыми коготками, очень походили на уменьшенные во много раз ноги носорога. Передние лапы так резко отличались от задних, что можно было подумать, будто они принадлежат совсем другому животному. Они были вооружены тремя изогнутыми когтями, из которых средний был самый большой, и напоминали скрюченную лапу хищной птицы. Вес задней части тела приходился на плоские задние лапы, передние лапы опирались на средний коготь, поэтому их подошвы были приподняты над полом и создавалось впечатление, будто зверек стоит на цыпочках.

Мгновение броненосец стоял неподвижно, нервно подергивая носом и ушами, потом решил отправиться в путь. Его маленькие лапы пришли в движение, он перебирал ими так быстро, что они слились в одно неясное пятно под панцирем, когти звонко стучали по цементному полу. Туловище оставалось совершенно неподвижным. Все это делало броненосца похожим не на живое существо, а на какую-то необыкновенную заводную игрушку. Это сходство стало еще более явным, когда броненосец с разбегу врезался в стену, по всей видимости, не заметив ее. Мы расхохотались, и он настороженно застыл на месте, выгнув горбом спину и каждую секунду готовый

Д свернуться в клубок. Затем, когда в комнате снова стало тихо, он минут пять обнюхивал стену и царапал ее когтями, тщетно пытаясь проделать в ней проход. Убедившись, что это невозможно, зверек повернулся, пробежал через всю комнату и скрылся под моей кроватью.

— Он похож на гигантскую мокрицу, — прошептала Джеки.

— Мне нравится этот *bicho*, Джерри, — сценическим шепотом проговорил Рафаэль, радостно улыбаясь. — Он двигается совсем как танк, правда?

Броненосец, постучав когтями под моей кроватью, неожиданно выскочил оттуда и направился к двери. Как назло, Паула выбрала именно эту минуту для того, чтобы войти к нам с чайным подносом в руках. Босая, она вошла почти бесшумно, и броненосец, очевидно, не отличавшийся остротой зрения, не заметил ее появления. Поднос закрывал от Паулы пол. Остановившись на пороге, она с сияющей улыбкой посмотрела на нас.

— *Buenos días*, — сказала Паула. — *El te, señora*¹.

Броненосец подкатился к ногам Паулы, остановился, обнюхал препятствие и, найдя его достаточно мягким, решил, что именно здесь ему удастся прокопать выход. Не успели мы слова сказать, как он всадил свой большой коготь в палец ноги Паулы.

— *Madre de Dios!*² — взвизгнула Паула, превзойдя этим коротким восклицанием все вершины вокала, которые достигла за утро.

Она отскочила назад, каким-то чудом удержав поднос в руках, но когда она уже была в соседней комнате, поднос наклонился, и кувшин полетел на пол; под носом у броненосца разлилась большая лужа молока. Зверек осторожно обнюхал ее, чихнул, снова обнюхал и принялся жадно лакать молоко. Мы с Рафаэлем, давась от смеха, тут же поспешили в другую комнату, чтобы успокоить трепещущую от страха хозяйку и забрать у нее поднос. Когда я вернулся с подносом обратно, оказалось, что броненосец, обеспокоенный шумом, дал тягу и скрылся за грудой чемоданов. Насколько силен был зверек, можно судить по тому, что чемоданы были битком набиты фотопленкой, батареями и другим снаряжением, и мне стоило немалых усилий поднять любой из них, между тем как броненосец, решив искать убежище, втиснулся между стеной и чемоданами и начал расталкивать их с такой легкостью, словно это были пустые картонные коробки. Он исчез из виду, еще некоторое время отчаянно шебаршился между стеной и чемоданами и наконец затих. Я решил оставить его там до тех пор, пока мы не поьем чаю. Вошел Рафаэль, протирая очки и хихикая.

— Эта женщина, — сказал он, — подняла большой шум.

¹ Добрый день... Я принесла чай, сеньора (*исп.*).

² Матерь божья! (*исп.*)

— Она принесет нам еще молока?

— Да, я попросил ее. Знаешь, Джерри, она не понимает, зачем тебе нужны bichos. Ей никто не сказал, что мы приехали сюда за bichos.

— Ну хорошо, но теперь ты ей объяснил?

— Конечно, я сказал ей, что мы приехали в Чако специально для того, чтобы ловить bichos для zoolo gicos¹.

— И что она тебе ответила?

— Она сказала, что все гринго сумасшедшие, но она надеется, что бог защитит ее, — с усмешкой ответил Рафаэль.

После завтрака, который нам подали еще не оправившаяся от страха Паула, мы соорудили клетку для броненосца. Мы сделали ее с запасом, чтобы в ней можно было поместить еще несколько зверьков, если нам удастся их поймать. Затем я начал вытаскивать броненосца из его укрытия за чемоданами, и это было нелегко — он засел между стеной и чемоданами, как гвоздь в стене. Как только я извлек его оттуда, он наполовину свернулся и издал несколько еле слышных свистящих звуков; каждый раз, когда я дотрагивался до его носа или хвоста, он начинал свертываться, тихо и раздраженно фыркая. Я позвал Джеки и попросил ее принести звукозаписывающий аппарат; после того как мы включили его и поставили микрофон в нескольких дюймах от зверька, я осторожно погладил ему нос. Броненосец проворно, без единого звука свернулся в клубок и замер. Мы всячески обхаживали, шлепали и щекотали его, но не могли больше вытянуть из него ни звука. В конце концов, раздосадованные неудачей, мы посадили его в клетку и оставили в покое. Лишь на следующий день нам удалось записать его тихое фырканье, которым он выражал свое раздражение.

В тот же день, после полудня, появился индеец, ведя в поводу трех страшно заезженных лошадей. Мы вооружились сумками, веревками и другим снаряжением для ловли зверей и отправились на поиски оранжевых броненосцев. Проехав по улицам поселка, мы около двух миль двигались по дороге, тянувшейся вдоль железнодорожной колеи; потом наш проводник спустился с насыпи и поехал по узкой, извилистой тропе, проходившей между густым колючим кустарником и раскидистыми кактусами. Футах в трех над головой я увидел повисшего над белым цветком выюнка маленького колибри, его тельце так и сверкало золотисто-зелеными красками сквозь расплывчатое пятно трепыхавшихся с удивительной быстротой крыльев. Я потянулся к нему рукой, раздался мгновенный шелепящий звук — и птичка исчезла, только колоколообразный цветок раскачивался от ветерка, поднятого ее крыльями. Жара была невероятная,

¹ Зоопарков (исп.).

Д сухой, колючий зной словно высасывал из человека всю влагу, и, хотя мои глаза были защищены широкими полями шляпы, я все время жмурился от слепящего блеска солнца. Повсюду вокруг цикады воспевали солнце такими резкими, пронзительными голосами, что казалось, будто эти звуки приходят не извне, а возникают в твоём собственном черепе.

Густая колючая растительность внезапно кончилась, и мы выехали на обширную поляну, на которой рядами высились огромные пальмы; их кроны, напоминавшие нечесаные копшы волос, свободно пропускали солнечный свет, и тени, падавшие от стволов, тянулись по золотистой траве, как полосы на шкуре тигра. Пара чернолицых ибисов с аккуратными черными усиками и коричнево-сери-черным оперением расхаживала по траве, время от времени тыча в насыщенную влагой почву своими длинными серповидными клювами. Заметив нас, ибисы поднялись в воздух и полетели между пальмами с низкими, резкими криками: «Кронк... кронк... аркронк...» Пересекая поляну, мы обнаружили, что она делится на две части широкой извилистой лентой чудесных молочно-голубых цветов, уходящей вдаль подобно небольшой речке. Когда мы подъехали ближе, я понял, что перед нами действительно речушка, но она настолько заросла водяными растениями, что увидеть воду было почти невозможно. Сверху ее прикрывал ковер голубых цветов, а под ним виднелись переплетающиеся глянцеви-зеленые листья. Цветы были такой нежной, чистой голубизны, что казалось, будто кусочек неба упал на землю между рядами коричневых стволов пальм. Мы вошли в речку, копыта лошадей мяли листья и цветы, и позади оставалась узкая полоска воды. Черно-красные стрекозы плавно кружили над нами, сверкая на солнце прозрачными крыльями. Когда мы выбрались на противоположный берег и снова вошли в тень пальм, я повернулся в седле и еще раз полюбовался великолепной улицей голубых цветов; наш след в виде сверкающей полосы воды перерезал ее, как молния летний небосвод.

Покидая сень пальм и снова въезжая в колючий кустарник, мы спутнули одинокого тукана. С огромным светло-желтым клювом, голубыми пестринами вокруг глаз, опрятным черным оперением и белой грудкой, он напоминал клоуна, который переоделся в вечерний костюм, но забыл стереть с лица грим. Тукан внимательно следил за нашим приближением, вертя головой из стороны в сторону и издавая хриплые свистящие звуки — так хрипят старые несмазанные часы, перед тем как начинают бить. Одна из лошадей громко всхрапнула, тукан испугался и, щелкая большим клювом, со странным лающим криком нырнул в заросли.

Постепенно колючий кустарник стал редеть, теперь он рос отдельными островками на светлой песчаной почве, поросшей пучками травы и какту-

сами. Трава была почти добела выжжена солнцем, на поверхности почвы выросла твердая корка, сквозь которую с хрустом проваливались копыта лошадей. Одни лишь кактусы стояли зеленые в этом царстве блеклой травы и песка, так как благодаря особенностям своего строения умели улавливать влагу, попадающую к ним в виде росы и редких дождей, и запастись ею впрок в своих мясистых колючих отростках, расходуя по мере надобности, подобно тому как медведь во время зимней спячки живет за счет отложенных осенью запасов жира. В отличие от окрестностей, тут не было болот, так как это место возвышалось на несколько дюймов над окружающей равниной. Подъем был совсем незаметен, но все же достаточен для того, чтобы посреди болотистой равнины образовался сухой островок. Любой участок земли, приподнятый хотя бы на шесть дюймов над окрестностью, может считаться чуть ли не горой в условиях огромных равнинных просторов Чако. Наш проводник и Рафаэль обменялись несколькими короткими фразами, затем Рафаэль подъехал ко мне.

— Здесь мы должны найти tatu, Джерри, — объяснил он, возбужденно сверкая глазами. — Теперь нам лучше разделиться, правда? Лучше рассыпаться в цепь, верно? Как только ты увидишь tatu, пускай лошадь галопом, и tatu сразу свернется клубком.

— Ты хочешь сказать, он не убежит?

— Да, индеец говорит, что броненосец сворачивается и не убегает.

— Что-то сомнительно, — недоверчиво возразил я.

— Нет, это в самом деле так, Джерри.

— В таком случае, броненосец страшно глупое животное.

— Вот и индеец говорит, что это очень глупый зверь.

Мы ехали молча на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга, лавируя между островками колючего кустарника. Слышны были только пронзительное стрекотание цикад, хруст твердой корки под лошадиными копытами, поскрипывание кожаной сбруи и звяканье металлических частей. До боли в глазах я вглядывался в заросли, в знойном мареве маячившие впереди. Из кустарника, резко крича, выпорхнули десять кукушек гуира и полетели прочь; длинные красивые хвосты делали их похожими на маленьких желтовато-коричневых сорок.

Вдруг ярдах в пятидесяти справа от себя я увидел выгнутую спину броненосца, который, как заводной, сновал между пучками травы. Радостно гикнув, я ударил пятками моего рысака, и на это последовала столь бурная реакция, что я спасся от падения в кактусы, лишь самым постыдным образом вцепившись в седло. Лошадь пошла тяжелым галопом, взметая фонтаны белого песка. Когда мы приблизились к броненосцу футов на пятьдесят, он услышал нас; быстро обернувшись, он понюхал воздух, с поразительной

Д быстротой свернулся и замер на месте. Я был разочарован тем, что он оправдал свою репутацию глупого животного; будь он немного поумнее, он догадался бы скрыться в кустарнике. Остановившись футах в двадцати пяти от того места, где лежал броненосец, я спешился, привязал лошадь к пучку травы и пошел за своим трофеем. К своему удивлению, я обнаружил, что трава, казавшаяся мне очень низкой, когда я сидел верхом, в действительности достаточно высока и полностью скрывает от меня броненосца. Тем не менее, зная, в какой стороне он находится, я пошел вперед. Через некоторое время я остановился и оглянулся: лошадь стояла от меня довольно далеко — во всяком случае, нас разделяло больше чем двадцать футов. Я решил, что потерял направление, и, проклиная себя за беспечность, повернул назад; двигаясь зигзагами через кустарник, я вернулся к лошади, так и не увидев броненосца. Это раздосадовало и расстроило меня — неужели зверек убежал, когда я проходил мимо? Ругая себя, я вскочил в седло, и каково же было мое удивление, когда я увидел броненосца на прежнем месте, футах в двадцати пяти от меня. Я снова спешился и пошел вперед, останавливаясь на каждом шагу и внимательно осматриваясь по сторонам. Дойдя до места, где, по моим расчетам, лежал броненосец, я стал ходить взад-вперед, и лишь с третьего захода мне удалось его обнаружить. Взяв броненосца в руки — он был тяжелый и разогрелся на солнце, — я мысленно извинился перед ним за то, что считал его тактику глупой. Я вернулся к своим спутникам, и в течение двух часов, тщательно обследуя островок сухой земли, мы поймали еще трех броненосцев. Так как близился вечер, мы решили вернуться домой. Теперь деревья и пальмы отбрасывали густую тень. Когда мы пересекали реку с голубыми цветами, оттуда с гудением поднялась туча moskitov, они набросились на нас и лошадей и так насосались крови, что их прозрачные вздутые животы стали похожи на красные японские фонарики. В поселок мы въезжали уже в темноте, лошади устало плелись по грязным улицам, окаймлявшие дорогу кусты светились зелеными огоньками светлячков, а летучие мыши то и дело пролетали перед нами с тихим довольным писком.

Джеки сидела за столом и писала, а наш первый броненосец с важным видом бегал по комнате. Оказалось, он весь день развлекался тем, что рвал проволочную сетку, которой была затянута клетка, и уже выбрался в кусты гибискуса, где Джеки и поймала его. Вернув его в дом, она решила до нашего возвращения оставить зверька в комнате. На время ужина мы пустили броненосцев бегать по полу, и они стучали и гремели своими коготками, как кастаньетами. Остаток вечера мы с Рафаэлем посвятили ремонту клетки; сняв проволочную сетку, мы прибили вместо нее деревянные планки. На ночь мы оставили клетку в доме, чтобы убедиться в ее полной на-

дежности. Наутро оказалось, что планки немного обглоданы, но держатся крепко, а все пленники, свернувшись в клубок, мирно спят в своей спальне.

Решив вопрос с клеткой, я считал, что трехпоясные броненосцы не причинят мне больше хлопот, так как обычно броненосцы хорошо переносят неволю. Они питаются мясом и фруктами, причем не обязательно, чтобы предлагаемая им пища была очень свежей — в естественных условиях они довольствуются и загнившим, червивым мясом. Во всех учебниках говорится, что трехпоясный броненосец питается насекомыми и гусеницами; поэтому я решил на первых порах давать пойманным зверькам их излюбленную пищу, а затем постепенно приучать их к заменителям. Не жалея времени, мы собрали тошнотворную коллекцию насекомых и предложили их броненосцам. Но вместо того чтобы с жадностью наброситься на червей, гусениц и жуков, которых мы с таким трудом набрали, броненосцы испугались и стали шарахаться от них с явным отвращением. После этой неудачи я попытался перевести броненосцев на обычную их диету в неволе — рубленое мясо с молоком; они плакали немного молока, но к мясу не притронулись. Это было возмутительно. Они вели себя так в течение трех дней, и я всерьез начал опасаться, что они ослабнут от голодания и мне придется их отпустить. Броненосцы стали несчастьем нашей жизни, нас то и дело осыпали все новые идеи, и мы мчались к клетке с очередным приношением для того только, чтобы в который раз увидеть, как зверьки с отвращением отворачиваются от припесенной пищи. В конце концов благодаря чистой случайности мне удалось состряпать мешанину, которая снискала их расположение. Она состояла из растертых бананов, молока, рубленого мяса, сырых яиц и сырых мозгов. Все вместе это выглядело тошнотворно, но броненосцам месиво очень понравилось. В часы кормежки они сломя голову мчались к миске, обступали ее со всех сторон, отталкивая друг друга, и утыкались носами в пойло; при этом они фыркали и сопели, а иной раз кто-нибудь громко чихал, обдавая соседей фонтаном брызг.

Наладив питание зверьков, я решил, что теперь-то все трудности позади и, согласно всем законам сбора животных, нашим хлопотам с броненосцами пришел конец. И действительно, вначале все было как будто в порядке. Днем зверьки мирно спали в клетке, свернувшись в клубок или лежа на боку, полураскрывшись и тесно прижавшись друг к другу. В половине четвертого они просыпались, выходили из своей спаленки и начинали, словно балерины, прохаживаться на цыпочках по клетке; время от времени они подбегали к решетке, высовывали головы наружу и нюхали воздух розоватыми носами, пытаясь определить, не несут ли им пищу. Иногда, в очень редких случаях, самцы затевали драку. Это выглядело так: один из зверьков загонял другого в угол и старался поддеть его головой за край панциря,

Д чтобы перевернуть; положив противника на бок, победитель тоже ложился на бок и, отчаянно работая когтями, пытался выпотрошить его. После первых таких поединков я стал внимательно следить за броненосцами. Хотя они и не причиняли друг другу особого вреда, крупные броненосцы использовали преимущества роста и силы во время кормежки и отгоняли от миски более слабых своих сородичей. Тогда я решил разместить зверьков парами, состоящими из самца и самки примерно одинакового размера. Для этого пришлось построить клетку, которую Джеки назвала Синг-Синг¹. Новая клетка представляла собой несколько отдельных «квартир», расположенных одна над другой, каждая со своей спальней. К тому времени у нас было уже десять броненосцев, из них составилось четыре пары, два самца остались холостяками. По какой-то непонятной причине самки попадались охотникам реже, чем самцы: нам приносили много самцов и лишь изредка самку. Женатые пары жили очень дружно в апартаментах Синг-Синга, и поединков во время кормежки больше не было.

Как-то раз, кончив кормить броненосцев, Джеки пришла показать мне крупного самца. К тому времени зверьки стали совсем ручными и уже не сворачивались, когда мы брали их в руки. Джеки была чем-то озабочена, а броненосец, лежа на спине в ее раскрытой ладони, блаженствовал, пока она гладила его розовое мохнатое брюшко.

— Посмотри на его лапы, — сказала Джеки, протягивая мне зверька.

— А что с ними такое? — спросил я, взяв наполовину загипнотизированного зверька и рассматривая его.

— Вот смотри... Он совсем стер себе подошвы задних лап.

— Черт возьми, действительно. Отчего бы это?

— Мне кажется, — сказала Джеки, — что эти зверьки обойдутся нам слишком дорого. Они уже и так причинили нам больше хлопот, чем все остальные животные, вместе взятые.

— А как у других броненосцев?

— Я не смотрела. Я бы и у этого ничего не заметила, если бы он не упал в тот момент, когда я поставила в клетку еду; я подняла его и тогда только заметила рану на ноге.

Мы осмотрели остальных броненосцев и, к своему ужасу, у всех обнаружили на задних лапах круглые потертости величиной с шестипенсовую монету. Единственное объяснение, на мой взгляд, состояло в том, что деревянный пол клетки был для зверьков слишком тверд, и, имея привычку бегать по клетке, они стерли себе мягкую кожицу на подошвах задних лап. Теперь мы ежедневно выносили всех заключенных из Синг-Синга, клали

¹ Синг-Синг — одна из крупнейших тюрем в США.

на землю рядом, словно тыквы, и натирали задние лапы пенициллиновой мазью. Надо было что-то сделать и с полом в клетке. Сначала я попробовал покрывать его толстым слоем мягкой земли, но из этого ничего не вышло — во время кормежки броненосцы самым ужасающим образом расплескивали свою похлебку по клетке, а затем плотно утаптывали получившуюся массу, и она затвердевала в цемент не только на полу клетки, но и на лапах зверьков. После нескольких экспериментов я решил, что лучшим покрытием служит толстый слой опилок, на который кладется слой сухих листьев и травы. Пол клетки был застлан таким образом, и через две-три недели лапы у броненосцев поджили и больше не болели.

Многим может показаться, что мы напрасно затратили столько сил и энергии ради каких-то маленьких, малоинтересных зверьков, но для нас это был настоящий триумф. Отыскание и поимка редких животных, их устройство в неволе, перевод на рацион, заменяющий им питание, которое они получали в естественных условиях, борьба с болезнями и многие другие проблемы — такова трудная, утомительная, временами скучная работа зверолова, но успешное разрешение всех этих проблем доставляет огромное удовольствие и моральное удовлетворение. Животное, которое хорошо чувствует себя в неволе, никогда не болеет и ест все, что ему дают, пользуется любовью у зверолова. А если зверек хитрый, упрямый и нежный, то разрешение всех этих задач — дело чести для зверолова, и как бы трудно ему ни пришлось, успех в этом случае гораздо больше радует его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗВЕРИНАЯ КОЛОНИЯ

Собственными нашими усилиями и стараниями мужского населения поселка (под руководством Паулы) мы вскоре собрали кучу представителей местной фауны. Джеки, Рафаэль и я целыми днями работали не покладая рук. Мы делали и чистили клетки, кормили и поили животных, записывали их на пленку и фотографировали. Даже втроем мы с трудом справлялись со всей работой. Волей-неволей пришлось подумать о том, чтобы нанять плотника для изготовления клеток. Я говорю «волей-неволей», ибо у меня уже был богатый опыт сотрудничества с этими мастерами в различных частях света, и я убедился в том, что все они очень односторонни: поручите им сколотить стол или дверь, и худо или хорошо они с этой задачей справятся; но попросите плотника сделать несколько клеток

Д для животных, и он немедленно утратит все свое умение и искусство. С большим трудом удастся научить его делать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее нужную вещь, но как раз к этому времени обычно приходится переезжать в другое место. Вот почему я долго колебался, прежде чем попросил Рафаэля поручить Пауле найти для нас плотника. Он появился на следующее же утро. Это был низенький полный человек с таким непроницаемым выражением лица, что я невольно сравнил его с карасем. Хриплым голосом он сообщил, что его зовут Анастасий. Около полудня я толковывал Анастасию, что нам нужно, затем дал ему деревянный ящик и попросил сделать из него клетку для птиц. Очень быстро обнаружилось, что Анастасий обладает двумя в высшей степени неприятными привычками. Во-первых, он громко и бездарно насвистывал во время работы; во-вторых, он был явно убежден в том, что гвозди — одушевленные существа, одержимые бесом. Вогнав гвоздь в дерево, он продолжал оглушительно колотить молотком и после того, как шляпка гвоздя поравнялась с поверхностью доски. Затем он делал паузу и подозрительно присматривался к гвоздю, словно ожидая, что тот попытается выскочить обратно и убежать. Гвоздь оставался на месте, но иногда Анастасию казалось, что он начинает шевелиться; тогда плотник подскакивал к доске и начинал бить молотком со страшной силой до тех пор, пока не убеждался в том, что гвоздь прекратил сопротивление. После каждого убитого гвоздя раздавался громкий бездарный свист, оповещавший всех нас о победе. Так он трудился над первой своей клеткой, и через два часа, наградив нас жестокой головной болью, представил на мой суд свое произведение.

На мой взгляд, нет ничего легче, чем смастерить клетку для птиц. Впереди натягивается проволочная сетка, между ней и дном оставляется зазор в полдюйма для удаления отбросов и нечистот. Внутри прибиваются две жердочки, и, наконец, делается дверца с таким расчетом, чтобы в нее проходила рука человека. Анастасий создал настоящий шедевр. Его клетка была покойницей, полной трупов гвоздей, по большей части искривленных или поломанных, проволочная сетка в нескольких местах была помята в результате слишком усердного преследования гвоздей. Дверь была устроена таким образом, что, закрыв, ее почти невозможно было снова открыть, а открыв, я не мог просунуть в нее руку. Зазор, оставленный для чистки клетки, был так велик, что через него смогла бы вылететь любая птица, за исключением разве что очень откормленного грифа. В угрюмом молчании созерцали мы это сооружение.

— Джерри, может, нам лучше делать их самим? — первым нарушил молчание Рафаэль.

— Нет, Рафаэль, у нас и так слишком много работы, придется терпеть этого палача, будем надеяться, он исправится.

— Ну, после такой клетки исправиться нетрудно, — заметила Джеки. — Только кого мы посадим в эту клетку? Ее обитатель должен быть совсем ручным, чтобы его легко можно было снова поймать, если он убежит.

В течение недели Палач, как мы его прозвали, делал клетки одну хуже другой. Он достиг своего апогея, когда мне понадобилась клетка, обитая изнутри жостью. Он закреплял жость по новому способу, загоняя огромные гвозди в стенку не изнутри, а снаружи. В результате внутренняя поверхность клетки представляла собой частокол гвоздей, окруженных острыми заусеницами. Все сооружение напоминало какое-то средневековое орудие пыток.

— Ничего не выходит, Рафаэль, придется его отпустить. Я больше не выдержу — этот человек явно не в своем уме, — сказал я Рафаэлю. — Ты только посмотри, что он сделал. Можно подумать, наша задача — убивать животных, а не содержать их. Скажи ему, что он уволен, и передай Пауле, чтобы она нашла нам другого плотника, хоть мало-мальски сообразительного.

Палач вернулся к разрушительной деятельности, какой он занимался до прихода к нам, а на следующее утро Паула привела худого, застенчивого юношу в кепке. Она представила нам нового плотника и долго распространялась о его удали, сообразительности и личных качествах. Рафаэль показал ему сделанные нами клетки, он тщательно осмотрел их и заявил, что, как ему кажется, он сможет сделать такие же.

— Хорошо, — сказал я, когда Рафаэль перевел мне весь разговор. — А как его зовут, Рафаэль?

— Como se llama?¹ — обратился к нему Рафаэль.

— Юлий Цезарь Центуриан, — ответил плотник, нервно хихикнув.

Итак, Юлий Цезарь Центуриан был принят в нашу компанию; он действительно оказался очень милым, находчивым и симпатичным человеком. Более того — он на самом деле был превосходным плотником. Как только он взял на себя сооружение клеток, мы почувствовали, что сможем посвящать животным гораздо больше времени.

В любой коллекции животных всегда есть два-три любимца, которые пользуются особыми симпатиями собирателя. Это необязательно редкие или экзотические животные и необязательно самые умные. Но в первый же момент, когда с ними сталкиваешься, словно чувствуешь, что они обладают какими-то редкими, не поддающимися точному определению качест-

¹ Как вас зовут? (исп.)

Д вами, каким-то очарованием и обаянием, что они наделены индивидуальностью. В Чако у нас было три таких любимца; позднее к ним присоединился четвертый, затмивший их всех, — но об этом после. Все три наших любимца были совершенно не похожи друг на друга, но каждый обладал той индивидуальностью, которая выделяла его из общей массы животных.

Первым из них был Кай, маленькая обезьянка дурукули. Ее принес нам однажды безобразный индеец в изрядно помятой соломенной шляпе, на которой болталась голубая лента. Я купил обезьянку с огромным удовольствием: кроме того, что я вообще люблю обезьян, я очень интересовался именно дурукули, так как это единственный род обезьян, ведущих ночной образ жизни. Кай был величиной с небольшую кошку, шерсть у него была серая, на груди она переходила в светло-оранжевую, а на животе — в бледно-кремовую. Маленькие ушки почти полностью прятались в густой шерсти, покрывавшей его голову. Огромные, словно у совы, светло-янтарные глаза были обведены белыми кругами, окаймленными по краям черной полоской. Такая расцветка мордочки в сочетании с огромными глазами и кажущимся отсутствием ушей придавала обезьянке удивительное сходство с совой. Обезьяна была страшно худой, грязной и запущенной. В первые три дня она очень нервничала и с ней ничего нельзя было подделывать. Мы привязали ее к столбу, рядом с которым стоял большой ящик, и на первых порах обезьянка почти все время проводила в нем. Когда мы пытались установить с ней дружеские отношения, она забивалась в дальний угол ящика и с ужасом смотрела на нас широко раскрытыми глазами; ее маленькие лапки тряслись от страха. Она очень изголодалась и жадно ела то, что ей предлагали, но, какие бы муки голода она ни испытывала, она не выходила из ящика к еде до тех пор, пока мы не удалялись на некоторое расстояние. Но вот как-то раз мне удалось поймать для нее ящерицу; приблизившись к ящичку, где сидел Кай, я присел на корточки и протянул руку с извивавшимся в предсмертных судорогах пресмыкающимся. Кай взглянул на лакомство, и соблазн оказался сильнее осторожности. Выскочив из ящика, Кай с тихим писком сел передо мной и крепко схватил добычу. Вдруг сообразив, что он еще ни разу не подпускал меня к себе так близко, Кай уже хотел юркнуть обратно в укрытие, но в это время хвост ящерицы слегка пошевелился. Забыв обо мне, Кай с сосредоточенным видом откусил хвост ящерицы и, помогая себе рукой, начал смачно хрумкать, словно это был корень сельдерея. Я сидел совершенно неподвижно, а Кай, наслаждаясь лакомством, время от времени настороженно поглядывал на меня огромными светлыми глазами. Взяв в рот последний кусок ящерицы, Кай пожевал его, вынул изо рта, оглядел, снова пожевал и наконец проглотил. После этого он внимательно осмотрел свои руки и огляделся вокруг

себя, чтобы убедиться в том, что больше ничего не осталось. Вытянув заднюю ногу, он энергично почесал бедро, поднялся и не спеша удалился в укрытие. С того дня он стал больше доверять нам.

Вскоре мы обнаружили, что Кай не любит, когда его привязывают на открытом воздухе. Вероятно, он испытывал при этом ощущение полной своей незащитности. Я принялся за работу и сделал ему клетку. Это было высокое и узкое сооружение с небольшой спаленкой наверху, куда Кай мог удаляться в любой момент. Кай обожал свою спальню и проводил в ней весь день, высовывая в дверцу только голову и передние лапы. В таком положении он обычно и спал, полузакрыв глаза и изредка неожиданно открывая их; через несколько секунд веки снова смыкались, он начинал клевать носом, и в конце концов, после многочисленных вздрагиваний и внезапных пробуждений, его голова ложилась на передние лапки: он мирно спал. Но как только поблизости случалось что-либо интересное или необычное, его огромные глаза широко раскрывались и он высовывался из спальни, чтобы получше рассмотреть, что происходит. Иной раз, не помня себя от возбуждения, он так вывертывал шею, что его голова поворачивалась затылком вниз, и мы уже начинали бояться, что еще немного — и она отвалится. Кай мог поворачивать голову и на пол-оборота назад, совсем как сова. Он был очень любопытен и не мог оторваться даже от такого зрелища, которое внушало ему страх. Иногда он наблюдал за появлением в лагере новой змеи; с тихим писклявым криком спускался он вниз и смотрел на змею через решетку широко раскрытыми от ужаса глазами, время от времени оглядываясь через плечо, как бы для того, чтобы убедиться, что путь отступления не отрезан. Когда ему казалось, что змея слишком близко, он вскакивал на жердочку рядом с входом в спальню и, сидя лицом к сетке, поворачивал голову, продолжая следить за змеей через плечо. Таким образом, Кай мог при первой же опасности спрятаться в укрытие и в то же время наблюдать за пресмыкающимся. Для животного, ведущего ночной образ жизни, Кай удивительно много бодрствовал днем, и едва ли какие-либо события в нашем лагере ускользали от взгляда его огромных глаз и не отмечались его слабым писком.

Однажды я крошил для дятла полусгнившее бревно и обнаружил под корой несколько больших жирных тараканов. Желая угостить Кая, я поймал их и принес ему. Закрыв глаза и полуоткрыв рот, Кай лежал с блаженным видом на полу, принимая солнечную ванну. Когда я позвал его, он вскочил, растерянно глядя на меня. Открыв дверь клетки, я бросил туда самого большого и проворного таракана, считая, что Каю доставит удовольствие поймать его самому. Однако обезьяна, увидев спросонок, что в клетке появилось какое-то живое существо, не стала выяснять подробностей и мгновенно скрылась в спальне. Таракан медленно передвигался по

Д клетке, неуверенно поводя усиками. Немного спустя Кай осторожно высунулся из двери и начал разглядывать, кого я ему принес. Он подозрительно осматривал таракана, и на его мордочке, как всегда в моменты нервного возбуждения, видны были только два огромных глаза. После долгих размышлений Кай решил, что насекомое безвредно и, быть может, даже съедобно. Спустившись на пол, он сел рядом с тараканом и начал рассматривать его вблизи. Таракан к этому времени закончил прогулку и решил привести себя немного в порядок. Сложив на животе руки, Кай сосредоточенно следил за тем, как насекомое умывается и отряхивается. Затем он вытянул осторожно лапу и легонько, одним пальцем, ударил таракана по спине. Таракан немедленно задал стрекача, а Кай испуганно отпрянул назад и обтер руку о грудь. Таракан, лихорадочно работая ногами и усиками, добрался до передней стенки клетки и начал пролезать через проволочную сетку. С пронзительным верещанием Кай бросился вдогонку и пытался схватить его, но было уже поздно. Я поймал таракана и снова посадил его в клетку. На этот раз Кай неуступно следовал за ним, время от времени притрагиваясь к его спине и обнюхивая после этого свои пальцы. Решив наконец, что, несмотря на отталкивающую внешность, таракан должен быть съедобным, Кай схватил его обеими лапами и, крепко зажмурив глаза, с выражением отчаянной решимости и отвращения сунул в рот так, что дрыгающие ноги насекомого торчали оттуда, словно усы у моржа. С тех пор я стал утощать Кая только предварительно умерщвленными тараканами, иначе он слишком долго набирался духу для того, чтобы схватить насекомое, и оно успевало пролезть через сетку.

Обзаведясь собственной спальней, куда всегда можно было спрятаться в трудную минуту, Кай стал гораздо более доверчивым и ручным и даже позволял нам гладить его. Зажав в кулаке кусок банана или несколько випоградин, Джеки протягивала кулак Каю. Обезьянка спускалась вниз и с серьезным видом пачинала отгибать палец за пальцем, добираясь до лакомства. Поглощая ежедневно множество фруктов и насекомых, а также пару кружек молока, смешанного с витаминами и сырыми яйцами, обезьяна начала быстро прибавлять в весе, а ее мех стал густым и блестящим. В ней уже нельзя было узнать то жалкое, облезлое, запуганное существо, каким мы ее впервые увидели. Основная заслуга тут принадлежит Джеки: Кай любил ее больше, чем меня, и Джеки приходилось чистить и кормить его, возбуждать его аппетит различными лакомствами и играть с ним, чтобы ему не было скучно. Я твердо убежден (говорю это без всякого тщеславия, так как в этом нет моей заслуги), что вряд ли в каком-либо зоологическом парке есть обезьяна дурукули, которая выглядит лучше, чем выглядел Кай, когда его привезли в Англию.

В течение некоторого времени Кай безраздельно царствовал в нашем лагере, но вскоре ему пришлось потесниться и поделить свой трон с новым пришельцем. Когда его вытряхнули из корзины, перед нами предстал очень маленький и очень пушистый зверек, похожий на щенка чау-чау, с черно-белыми кольцами на хвосте; его мордочка, непонятно зачем, была покрыта маской черной шерсти, из-под которой задумчиво и даже несколько грустно смотрели карие глаза. Он стоял на непропорционально длинных ногах с очень плоскими ступнями, напоминая приунывшего разбойника с большой дороги, обнаружившего, что у него нет при себе пистолета. Ступни его лап были розоватые, а пальцы тонкие и длинные, что называется артистические. Это был детеныш енота-крабоеда, которого мы вскоре прозвали Пу по двум причинам: во-первых, он очень напоминал знаменитого медведя с тем же именем, а во-вторых, это был первый звук, который мы обычно произносили, когда приходили утром чистить его клетку.

Я поместил Пу в удобную просторную клетку с деревянной решеткой и небольшой дверцей, закрывающейся на крючок, насыпал туда пару ведер опилок и предоставил ему устраиваться по собственному усмотрению. Он вел себя вполне прилично; сидя на полу, Пу смотрел на нас через решетку, словно Дик Тэрпин¹ в ожидании суда. Однако, вернувшись после полудня в лагерь, мы застали Пу за работой: с видом полнейшей невинности он восседал около дневного запаса яиц для нашего зверинца, точнее говоря, в окружении пустых яичных скорлуп, между тем как его лапы, морда и шерсть были измазаны в желтке и белке. Когда мы принялись ругать Пу, он смотрел на нас с таким выражением, словно давно уже убедился в том, что жизнь жестока к нему и ему не от кого ждать ни понимания, ни сочувствия. Я решил выяснить, каким способом этот взломщик выбрался из своей клетки, поскольку мне не приходило в голову ни одного мало-мальски правдоподобного объяснения. Я посадил его обратно в клетку, запер дверцу на крючок и издали стал наблюдать за ним. Прошло немало времени, прежде чем я увидел, как Пу высунул свой черный нос наружу и повел им в воздухе. Не обнаружив ничего подозрительного, Пу убрал нос обратно, а вместо него высунулась лапа с розовой ладонью и длинными тощими пальцами; совсем по-человечьи эта лапа потянулась к крючку. Нашупав крючок, Пу одним из своих артистических пальцев поддел и ловко откинул его. Затем он с виноватым видом толкнул дверь, и на пороге медленно показалась его задумчивая морда. В течение четверти часа я устанавливал на двери второй запор и укреплял крючок, но через три дня, изучив все хитрости этих механизмов, Пу снова удрал. К концу недели дверца его клетки еще-

¹ Дик Тэрпин — легендарный английский разбойник, казнен в 1739 г.

Д тинилась всевозможными задвижками, защелками и крючками, которые поставили бы в тупик даже Гудини¹, но это привело лишь к тому, что нам самим приходилось тратить больше времени на открывание дверцы, чем еноту. В конце концов я навесил на дверцу висячий замок, и это решило дело. Но Пу и после этого часами сидел около двери клетки, просунув лапы за решетку и ощупывая замок своими чувствительными пальцами, а иногда даже не без надежды на успех вставлял палец в замочную скважину.

Сентиментальные люди могут сказать, что Пу так упорно стремился вырваться из своей деревянной тюрьмы потому, что его манила свободная, привольная жизнь в лесу. Это мнение, однако, было бы ошибочным. Когда Пу удавалось покинуть клетку, он интересовался только двумя вещами: во-первых, пищей, и, во-вторых, клетками с птицами. Если он находил пищу, он сидел в ней до нашего прихода. Если пищи не было, он поднимал страшный переполох у птиц, пристально глядя на них через решетку и облизываясь. Можно также предположить, что если Пу не стремился обрести утраченную свободу, то он вырывался из клетки ради добывания приличной пищи — иными словами, что мы недостаточно хорошо его кормили. В связи с этим я должен заметить, что Пу ел больше, чем любое другое животное его размеров, с которым я когда-либо сталкивался. Этот обжора получал в день два сырых яйца, витамины, полпинты молока с рыбьим жиром, четверть фунта мясного фарша и фрукты в виде бананов, гуайявы и папайи. Все это Пу уничтожал примерно в течение часа и после короткого отдыха был готов продолжать дальше.

Обнаружив, что замок не выдаст ему свои секреты, Пу все же не отказался от своих попыток и ежедневно посвящал замку полчаса. Остальное время Пу посвящал другим занятиям, среди которых видное место занимали приступы лихорадочной деятельности по уборке помещения. Ежедневно, заканчивая титаническую работу по очистке его клетки, мы посыпали пол толстым слоем свежих опилок. Зверька немедленно охватывала мания наводить порядок, как это бывает с домашними хозяйками. Опилки, рассыпанные по всему полу, явно действовали ему на нервы. Пу начинал всегда с угла, выгребая опилки передними лапами и выбрасывая их между задними. Постепенно он отползал от угла, словно бульдозер двигая перед собой кучу опилок своим обширным задом. Эта работа продолжалась в торжественном молчании до тех пор, пока на полу не оставалось ни одной соринки, а в каком-либо углу не вырастала огромная конусообразная куча опилок; излишне говорить, что этот угол не использовался енотом для отправления естественных надобностей, хотя именно для этого мы насыпали

¹ Жан Гудини (1805—1871) — знаменитый французский механик, изобретал затейливые игрушки и фокусы и успешно демонстрировал их в различных странах.

ему опилки. Он предпочитал отдыхать на опилках в часы полуденного зноя, полулежа, как в своего рода шезлонге, и задумчиво перебирая длинными пальцами волосы на своем огромном животе. Когда Пу погружался в такие философские размышления, он очень любил играть куском сала; зажав его с одной стороны зубами, а с другой между задними лапами, он попеременно тянул сало то зубами, то лапами, легонько покачиваясь, словно в кресле-качалке; очевидно, это навевало на него дремоту.

Чтобы дать еноту возможность больше двигаться, я решил каждый день на несколько часов выводить его из клетки и привязывать к столбу. Я надел на зверька ошейник из тесьмы и привязал к ошейнику веревочный поводок. В первые полчаса Пу перегрыз поводок, забрался в продовольственный склад и сожрал двадцать четыре банана. Я перепробовал самые различные материалы, и больше всего работы задал еноту сыромятный ремень, но и он не выдержал неравной борьбы. В конце концов я достал металлическую цепочку, предназначавшуюся для других целей; она была коротковата, но, по крайней мере, енот ничего не мог с ней поделать. Несмотря на свою плоскостопую, медлительную, шаркающую походку и тучную комплекцию, Пу был очень подвижен и энергичен, ни минуты не сидел на месте и все время искал, куда бы запустить свои лапы. При таком избытке энергии еноту быстро все надоедало, и иной раз нам приходилось проявлять исключительную изобретательность, чтобы чем-либо занять зверька. Только старыми киноплёнками Пу мог забавляться до бесконечности; зажав в зубах длинную, в несколько ярдов, целлулоидную ленту, он слонялся по клетке из угла в угол или ложился на спину, держа ленту лапами и близоруко вглядываясь в нее, словно какой-нибудь толстый меланхолик режиссер, просматривающий свой последний фильм.

Тот день, когда я нашел старый пустой кокосовый орех, стал для Пу настоящим праздником. Вначале орех внушал ему подозрения, и он приближался к нему бочком, готовый обратиться в бегство при первой же попытке ореха напасть на него. Тронув орех лапой, Пу с удовольствием убедился, что он может катиться. Полчаса енот гонял орех взад-вперед; иной раз, увлекшись, он закатывал его так далеко, что цепочка не позволяла ему достать орех, и он издавал громкие, прерывистые крики, пока Джеки или я не возвращали ему игрушку. По совету Джеки я проделал в скорлупе ореха отверстие. После этого орех из временного увлечения превратился в самую любимую игрушку. Теперь Пу часами сидел на месте, зажав орех между задними ногами, и, шаря внутри лапой, время от времени доставал оттуда маленькие кусочки скорлупы. В первый раз он так увлекся, что лапа застряла, и чтобы вызволить его из беды, пришлось расширить отверстие. Пу целыми днями не расставался с орехом, то гоняя его, как футбольный мяч, то надевая на лапу, а устав, ложился спать с ним в обнимку.

Д

Третьей выдающейся личностью нашего лагеря был зверек с неприятельным именем Фокси¹. Это был маленький, изящный серый лисенок с тонкими лапами, огромным хвостом и быстрыми карими глазами. Когда его поймали, он был еще совсем маленьким, а нам его принесли в трех- или четырехмесячном возрасте. Размером он был с жесткошерстного терьера и, по-видимому, полностью отказался от всех лисьих повадок. Я даже думаю, что в глубине души Фокси считал себя не лисой, а собакой, и он действительно усвоил многие собачьи манеры. Мы надели на него ошейник с цепочкой, конец которой был привязан к кольцу. Кольцо могло свободно передвигаться по проволоке, протянутой между двумя столбами. Это обеспечивало лисенку простор для передвижения, и в то же время цепь была достаточно коротка, чтобы он не запутался в ней. Ночью Фокси спал в большой, застланной травой клетке. Каждое утро, когда мы выходили во двор, он приветствовал нас громким и протяжным радостным воем. Как только мы открывали клетку, он начинал неистово вилять своим большим хвостом и приподнимал верхнюю губу, обнажая в восхитительной восторженной улыбке свои маленькие детские зубы. Его восторг достигал предела в тот момент, когда его вытаскивали из клетки, и в эту минуту приходилось быть начеку: радость встречи настолько захватывала его, что он совершенно забывался и мог обмочить нас.

Вскоре после того как он появился в лагере, мы обнаружили, что в жизни Фокси были две страсти — цыплята и сигаретные окурки. Цыплята или за их отсутствием любые другие птицы производили на лисенка завораживающее впечатление. Иногда одна или две курицы из курятника Паулы появлялись в расположении зверинца и подходили к тому месту, где был привязан Фокси. Лисенок приникал к земле, положив морду на передние лапы и наострив уши, его хвост при этом чуть заметно дрожал. Куры медленно приближались, поклевывая рассыпанные зерна и громко кудахтая; чем ближе они подходили, тем ярче разгорались глаза у лисенка. Куры двигались очень медленно, и терпение у Фокси иссякало. Он бросался на кур задолго до того, как они оказывались в пределах досягаемости; с возбужденным тявканьем метался он на цепи, а куры с истерическим кудахтаньем разбегались; Фокси приседал и, сияя улыбкой, оглядывался на нас, взбивая пыль ударами хвоста.

Его интерес к окуркам граничил с одержимостью. Заметив окурков, он набрасывался на него и пожирал с выражением глубочайшего отвращения. После этого он с полчаса мучительно кашлял, пил без конца воду, после чего был готов схватить следующий окурков. Но однажды Фокси получил

¹ Фокси — лисенок (уменьшит. от *англ. fox*).

урок на всю жизнь. По рассеянности я оставил неподалеку от его клетки почти полную пачку сигарет, и, прежде чем я спохватился, Фокси успел изрядно наглотаться их. Что было дальше — страшно сказать. Его непрерывно рвало до тех пор, пока из него не вышли последние кусочки табака и бумаги вместе с остатками утреннего завтрака. Фокси был так измучен, что лежал пластом, и даже ухом не повел, когда мимо него прошел цыпленок. К вечеру он немного отдышался и съел два фунта мяса и пару сырых яиц, но, когда я протянул ему сигарету, он отскочил и возмущенно фыркнул. С тех пор Фокси ни в каком виде не употреблял табака.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОЛЕНИ, ЛЯГУШКИ И КУФИЯ

Однажды мы узнали, что на следующее утро *autovia* совершит рейс километров на двадцать пять до поселка Вао. Меня привлекало не только звучное название поселка, но и рассказы о том, что в его окрестностях водятся ягуары. Я хотел попросить местных охотников поставить там несколько капканов. Кроме того, в Вао было крупное скотоводческое хозяйство и его население составляло по меньшей мере пятьдесят человек — весьма значительная по масштабам Чако цифра. Я рассчитывал найти там уже прирученных животных и, если возможно, купить их.

Нам сказали, что *autovia* отправится в четыре часа утра и что, если мы опоздаем, нас не будут ждать. С большим трудом мы добудились Рафаэля и вытащили его из постели, а затем, спотыкаясь, побрели к железнодорожной линии. Лягушки и жабы продолжали в придорожных канавах свой ночной концерт, темная, словно вымершая, деревня была окутана поднявшимся с реки туманом. Добравшись до стоявшей на рельсах *autovia*, мы сели на жесткие скамейки и задремали в ожидании водителя.

Через полчаса он наконец появился и, широко зевая, сообщил, что раньше пяти мы не выедем, так как ему забыли передать почту для Вао и он послал за ней. Раздраженные и раздосадованные, мы сидели молча, слушая пение деревенских петухов. Через некоторое время из тумана вынырнул мальчуган, тащивший мешок с почтой. Бросив мешок на задние сиденья, водитель включил двигатель с таким утробным звуком, которому мог бы позавидовать любой петух, и колеса дробно застучали по извилистой колее, унося нас в туман.

Д

По мере того как мы удалялись от реки, туман редел и вскоре почти совсем исчез, сохраняясь небольшими пухлыми шапками над водоемами и речками, мимо которых мы проезжали. Небо перед нами приобретало серо-стальной цвет, неровные очертания леса вырисовывались на этом фоне с микроскопической четкостью. Постепенно серый цвет перешел в пурпурно-красный, тот в свою очередь быстро сменился бледно-розовым, а затем синим — солнце поднялось над краем леса. При его первых же косых лучах вся местность ожила и приобрела объемность. Лес казался уже не плоским темным силуэтом, а густым переплетением ветвей выходящих растений, кустарников. Глянцевито блестели влажные от росы листья. Стайки кукушек гуира стряхивали с перьев воду, а некоторые уже сидели, распустив крылья, и наслаждались первым теплом наступившего дня. Мы проехали мимо небольшого озера, берега которого кишели представителями мира пернатых. Группами прохаживались ибисы, энергично опуская в грязь свои изогнутые клювы; высокий черный аист, раскрыв клюв, сосредоточенно рассматривал в воде собственное изображение; две ясапы купались, обдавая себя сверкающей водяной пылью, с нижней стороны крылья у них были желтые, цвета лютика. Маленькая серая лиса, возвращаясь с ночной охоты, выскочила на линию и бежала перед нами около пятидесяти ярдов, прежде чем догадалась свернуть в сторону и скрыться в кустах. Вскоре мы увидели небольшую лужайку, на которой нашим глазам открылось необыкновенное зрелище. Площадь лужайки не превышала двух акров, она была окружена высокими пальмами, и на ней усердно трудились большие пауки. Туловище паука, покрытое розовыми и белыми пятнами, было величиной с обыкновенный орех и сидело на длинных тонких ногах, покрывавших площадь размером с блюдо. Пауки плели свои сети из толстых, эластичных, отливавших позолотой нитей. Все кусты и пучки травы на лужайке были затянуты их паутиной, причем каждое гнездо было величиной с автомобильное колесо. В центре гнезда сидел паук, продольные и поперечные нити были унизаны каплями росы, словно золотая парча — бриллиантами. Все это сверкало на солнце и было удивительно красиво.

В Вао мы приехали в половине восьмого. Колея вышла из леса на огромное поле, на котором там и сям проблескивала вода. В траве вдоль полотна кормились стаи черноголовых коньуров. Эти маленькие клинохвостые попутайчики имели ярко-зеленое оперение и угольно-черные шейки и головки. Когда мы проезжали мимо, они поднимались в воздух и кружили над нами с пронзительными криками. Линия заканчивалась на небольшой грязной площадке. Мы оказались в типичном для Чако поселке с длинным и низким белым зданием, в котором жил управляющий фермой, и скоплением полуразвалившихся хижин из пальмовых стволов, в которых юти-

лись рабочие. Когда мы с грохотом и скрежетом остановились, показался Фернандес, управляющий фермой; через море грязи он зашагал к нам навстречу. Это был высокий, сильный человек с приятным, монгольского типа лицом и очень красивыми зубами. Он отличался изысканными манерами и приветствовал нас, словно царственных особ. Пригласив нас в дом, он велел своей маленькой смуглой жене угостить нас мате с молоком. Пока мы потягивали этот густой, сладкий до тошноты напиток, я разложил на столе книги и рисунки и с помощью Рафаэля, выступавшего в качестве переводчика, завел с Фернандесом разговор о представителях местной фауны. Фернандес узнал по рисункам всех тех животных, которые меня особенно интересовали, и обещал сделать все, что возможно, для их поимки. Он рассказал, что ягуары и оцелоты действительно водятся в этом районе, всего лишь неделю назад ягуар задрал нескольких коров, но оба этих хищника чрезвычайно осторожны, и поймать их нелегко. Фернандес обещал поставить ловушки в подходящих местах и в случае удачи немедленно известить меня. Когда я начал спрашивать его о более мелких животных — лягушках, жабах, змеях и ящерицах, — он улыбнулся обезоруживающей улыбкой и посоветовал пройти на окраину поселка, где производилась расчистка леса; там, сказал он, можно найти сколько угодно мелких *bichos*. Пока мы поспешно глотали мате, Фернандес позвал двух индейцев, и вместе с ними мы отправились ловить мелюзгу.

Мы двигались гуськом по узкой, заплывшей грязью тропинке, извивавшейся в высокой траве, из которой тучами поднимались москиты, прошли большой загон для забоя скота площадью около семидесяти квадратных футов, обнесенный изгородью из пальмовых стволов. На ней, нахохлившись, в угрожающих позах сидели черные грифы, терпеливо ожидая очередного забоя. Они настолько обнаглели, что, когда мы проходили мимо них на расстоянии не более шести футов, они даже не сдвинулись с места и только мерили нас оценивающими взглядами; вся их компания чем-то напоминала собравшихся для обсуждения деловых вопросов пожилых, степенных предпринимателей. Мы шли за Фернандесом по тропинке около полумили, потом заросшее травой поле кончилось и начался лес. Здесь мы увидели группу индейцев, вырубавших колючие заросли ножами мачете. Они громко переговаривались и смеялись, их огромные соломенные шляпы выныривали из кустарника то там, то тут, словно живые грибы. Фернандес созвал индейцев и рассказал, что меня интересует; они робко взглянули на нас и начали о чем-то переговариваться, затем один из них обратился к Фернандесу и показал на большое бревно, наполовину скрытое кустарником. Фернандес передал слова индейца Рафаэлю, а тот в свою очередь перевел их мне:

Д

— Индеец сказал, что они видели змею, но она очень быстро уползла и спряталась под то дерево.

— Хорошо, спроси сеньора Фернандеса, помогут ли нам индейцы сдвинуть бревно, тогда я попытаюсь поймать змею.

После того как Рафаэль перевел мои слова, Фернандес отдал распоряжение, и группа индейцев, толкаясь и хихикая, словно школьники, побежала к бревну и начала вырубать кустарник вокруг. Когда подходы к бревну были расчищены, я вырезал себе подходящую палку и приготовился к боевым действиям. Рафаэль был страшно разочарован, когда я категорически отказался от его помощи, объяснив ему, что я торжественно обещал его матери не подпускать его близко к змеям. После непродолжительной дискуссии, в ходе которой Рафаэль едва не взбунтовался, я уговорил его отойти на безопасное расстояние. Затем я кивнул индейцам, они поддели своими мачете бревно, откатали его в сторону и бросились кто куда.

Из углубления, в котором лежало бревно, грациозно выползла толстая коричневая змея фута четыре длиной. Она проползла около шести футов, заметила меня и остановилась. Когда я подошел ближе и наклонился, чтобы прижать ее палкой к земле, она сделала нечто поразительное: подняла дюймов на шесть над землей тяжелую плоскую голову и начала раздувать шею, так что вскоре передо мной была змея, напоминающая кобру с развернутым капюшоном. На свете есть много видов змей, обладающих способностью раздувать шею наподобие кобры, но у них все ограничивается небольшим вздутием, которое и в сравнение не идет с красиво распушенным капюшоном кобры. И вот теперь, в сердце Чако, на континенте, где кобры не водятся, я столкнулся со змеей, до того похожей на кобру, что даже профессиональный заклинатель змей вполне мог ошибиться и вытащить свою флейту. Я осторожно опустил палку, пытаясь прижать змею к земле, но она, очевидно, отлично понимала мои намерения. Опустив капюшон, она довольно быстро и ловко поползла к ближайшим зарослям. После нескольких безуспешных попыток прижать змею к земле я в отчаянии сунул палку под ее извивающееся тело, когда она уже вползала в кустарник, и отбросил ее на расчищенное место. Это явно не понравилось змее, ибо она замерла на мгновение, глядя на меня с разинутой пастью, а затем снова решительно поползла к ближайшим кустам. Я снова догнал ее, поддел палкой и приподнял от земли, собираясь отшвырнуть на прежнее место, однако на сей раз у нее были собственные соображения на этот счет. Она сделала неожиданный рывок, полностью развернула капюшон и боком бросилась на меня с разинутой пастью. К счастью, я вовремя разгадал ее маневр и отпрянул назад, едва увернувшись от нее. Змея упала на землю и теперь лежала неподвижно, исчерпав все свои уловки и, вероятно, решив

отказаться от дальнейшей борьбы. Я взял ее сзади за шею и посадил в мешок без дальнейших осложнений. Джеки подошла и посмотрела на меня уничтожающим взглядом.

— Если ты жить не можешь без этих фокусов, — сказала она, — старайся по крайней мере проделывать их не на моих глазах.

— Она чуть не укусила тебя, — поддержал Рафаэль, глядя на меня расширившимися глазами.

— Кстати, что это за змея? — спросила Джеки.

— Не знаю. Меня смущает капюшон, хотя мне кажется, я где-то читал об этом. Я осмотрю ее внимательнее, когда мы вернемся домой.

— А она ядовитая? — спросил Рафаэль, присаживаясь на бревно.

— Нет, не думаю, чтобы она была ядовитая... Во всяком случае, не очень...

— Помнится, однажды в Африке змея, которую ты считал неядовитой, оказалась очень ядовитой, после того как она тебя укусила, — сказала Джеки.

— Там было совсем по-другому, — ответил я. — Та змея выглядела абсолютно безвредной, поэтому я ее и поднял.

— Ну да, а эта похожа всего лишь на кобру, поэтому ты ее и поднял, — в тон мне ответила Джеки.

— Не сиди на этом бревне, Рафаэль, — сменил я тему разговора. — Под корой могут быть скорпионы.

Рафаэль вскочил, а я взял у индейца мачете, подошел к бревну и начал с силой бить по прогнившей коре. После первого удара посыпался град личинок жуков и появилась крупная сороконожка. После второго удара, кроме личинок, показались два жука и унылого вида древесная лягушка. Я не спеша двигался вдоль бревна, подцепляя концом ножа кору и отделяя ее от древесины. Казалось, кроме этой удивительной коллекции насекомых под корой ничего нет. Но когда я снял кусок коры около того места, где только что сидел Рафаэль, я обнаружил там змею длиной около шести дюймов и толщиной с сигарету. Она была испещрена черными, кремовыми, серыми и ярко-красными полосами и выглядела очень живописно.

— О боже, — воскликнул Рафаэль, когда я схватил змею, — и я сидел на ней, да?!

— Да, — сурово ответил я, — и в дальнейшем, когда будешь садиться, будь поосторожнее. Ты мог раздавить ее.

— А что это за змея? — спросила Джеки.

— Детеныш кораллового аспиды. Сегодня нам, кажется, очень везет на змей.

— Но они ведь очень ядовиты, правда?

Д — Да, но не настолько, чтобы убить Рафаэля сквозь полудюймовый слой коры.

Спрятав змею в мешок, я обследовал бревно до конца, но не нашел больше ничего интересного. Фернандес, зачарованно следивший за нами с безопасного расстояния, предложил вернуться в поселок и проверить, нет ли в домах у местных жителей прирученных животных. Когда мы возвращались по той же тропинке, я увидел между деревьями воду и уговорил всех пойти посмотреть, что там такое. Мы обнаружили большой пруд, вода в нем была ржаво-красного цвета от прелых листьев и одуряюще пахла гнилью. Вне себя от радости я начал бродить по берегу пруда, разыскивая лягушек. Минут через десять я спустился с облаков на землю, услышав на другом конце пруда громкие нестройные крики. Оглянувшись, я увидел, как Фернандес, Рафаэль и два индейца вертятся вокруг Джеки, что-то выкрикивая, а она в свою очередь громко зовет меня. Сквозь этот нестройный хор до меня доносился какой-то странный звук, как будто кто-то с редкими паузами дул в детскую дудку. Я побежал к месту происшествия и увидел, что Джеки держит в руке какое-то существо, которое и издавало эти трубные звуки, а Фернандес и индейцы отчаянно кричат хором:

— Venenosa, muy venenosa, señora!¹

Ко мне подбежал испуганный Рафаэль.

— Джерри, Джеки поймала какого-то дурного bicho, они говорят, что это очень дурной bicho, — объяснил Рафаэль.

— Дай посмотреть.

Джеки раскрыла ладонь, и я увидел совершенно необычного представителя земноводных. Это было черное круглое существо с желтовато-белым брюшком; на макушке его широкой, плоской головы, напоминавшей голову миниатюрного гиппопотама, сидели золотистые глаза. Но больше всего поразил меня рот животного с толстыми желтыми губами, словно в ухмылке растянувшимися от одного края морды до другого — точь-в-точь иллюстрация Тенниэля², изображающая Шалтая-Болтая. Пока я рассматривал лягушку, она внезапно раздулась, словно резиновый шар, приподнялась на своих коротких неуклюжих лапах, широко раскрыла рот, внутренняя полость которого имела сочную желтую окраску, и снова издала ряд пронзительных трубных звуков. Когда я взял лягушку в руку, она стала отчаянно вырываться, и я положил ее на землю. Она постояла немного на коротеньких лапах, широко разинула рот и мелкими прыжками начала двигаться ко мне, свирепо раскрывая и закрывая рот и издавая раздраженные трубные звуки. Это было очень забавное существо.

¹ Ядовитая, очень ядовитая, сеньора (исп.).

² Джон Тенниэль (1820—1914) — знаменитый английский художник.

— Где ты поймала ее? — спросил я Джеки.

— Вот тут. Она сидела в воде, на поверхности видны были только одни глаза, как у гиппопотама. Я сразу же схватила ее. А что это такое?

— Понятия не имею. Что-то вроде рогатой жабы, только не совсем обычной. Во всяком случае, очень интересная тварь... Может быть, даже новый вид.

Мы начали энергично обследовать маленький пруд и поймали еще трех этих необычных лягушек, что меня очень обрадовало. В то время я действительно думал, что открыл новый вид, близкий к рогатым жабам, и только по прибытии в Англию выяснилось, что это лягушка Баджита, уже известная зоологам. Название это, на мой взгляд, вполне подходило к представительной осанке и солидному поведению этих лягушек¹. Все же, хотя они уже известны науке, их считают очень редкими животными, и даже в Музее истории естествознания был всего один экземпляр.

Когда мы подошли к поселку, мы застали там скотоводов, вернувшихся домой на обед и полуденный отдых. Кони были привязаны около хижин, тут же были свалены в кучу тяжелые, обтянутые овечьей кожей седла. Мужчины в сдвинутых на затылок соломенных шляпах сидели, прислонившись к стене дома, и потягивали из маленьких кружек мате. На них были ободранные, пропитанные потом рубахи, толстые кожаные наколенники на шароварах были исцарапаны колючками, сквозь которые им приходилось продираться. В пристроенных к хижинам кухнях над очагами колдовали женщины, разогревавшие обед, а вокруг копошилось множество грязных черноглазых ребятишек и еще более грязных собак. Когда мы приблизились к первой хижине, Джеки решила предостеречь меня.

— Если у них есть прирученные животные, ради бога, не показывай своей радости, а то с тебя сразу же запросят в два раза дороже.

— Хорошо, хорошо, не буду, — пообещал я.

— Как раз так ты покупал на днях птицу. Если бы ты так шумно ею не восхищался, мы купили бы ее вдвое дешевле. Лучше всего делать вид, будто ты совершенно не заинтересован в том, что тебе предлагают.

— Я думаю, что мы здесь вообще не много найдем, — сказал я, окинув взглядом кучку жалких лачуг.

Мы медленно переходили от дома к дому, и Фернандес объяснял мужчинам, что нам надо. Они смеялись, о чем-то переговаривались и обещали поймать для нас каких-нибудь животных, но в данный момент ничего интересного у них не было. Остановившись возле одной из хижин, мы разговаривались с хозяином, небритым, отталкивающей наружности мужчиной.

¹ Игра слов: баджит (budget) по-английски означает плотно набитую сумку.

Д Он подробно рассказывал нам о повадках ягуара, как вдруг из двери хижины выскочило какое-то животное, которое я с первого взгляда принял за собаку. В ту же минуту Джеки издала пронзительный крик, я повернулся и увидел, что она держит маленького пятнистого олененка, который настойчиво смотрит на нее большими темными глазами.

— Ты только взгляни... ну разве не прелесть! — кричала Джеки, позабыв о том, что хозяин зверька стоит в двух футах от нее. — Он чудесный, не правда ли? Взгляни, какие у него глаза. Мы должны купить его, если только хозяин согласится продать.

Я посмотрел на хозяина животного, увидел, как заблестели его глаза, и вздохнул.

— После того как ты проявила такое безразличие к зверьку, он будет прямо-таки рад его продать, — раздраженно ответил я. — Рафаэль, спроси его, сколько он хочет за зверька?

Минут десять хозяин рассказывал нам о том, как он привязан к олененку и как трудно ему с ним расстаться, а потом назвал цену, которая ошеломила нас всех. Еще через полчаса цена была значительно снижена, но все еще намного превышала действительную стоимость животного. Джеки молча смотрела на меня.

— Вот что ты наделала, — с отчаянием сказал я. — Он запросил вдвое больше того, что стоит зверек. Мы купили бы его за четверть цены, если бы ты не бросилась ласкать олененка, как только его увидела.

— Я его и не ласкала, — с искренним возмущением возразила Джеки, — я только хотела обратить на него твое внимание.

Это чудовищное утверждение лишило меня дара речи; я молча вручил владельцу олененка деньги, и мы направились к железной дороге. Джеки держала зверька на руках и ласково нашептывала ему что-то в шелковистые уши. Когда мы сели в *autovia*, водитель нагнулся и, улыбаясь, погладил олененка по голове.

— *Lindo*, — сказал он, — *muy lindo bicho*.

— *Lindo*, кажется, значит красивый? — спросила Джеки.

— Верно, — подтвердил Рафаэль.

— По-моему, это очень хорошее имя для зверька.

Итак, мы назвали олененка Линдо — красивый. Вел он себя очень прилично, с интересом обнюхивал скамьи, затем подошел к Джеки и приткнулся к ней черным влажным носом. Но при первом же толчке *autovia* он, очевидно, решил, что такой способ передвижения его не устраивает, и стремительно бросился к стенке нашего экипажа. Он вскочил на борт и был готов прыгнуть вниз, но в последнюю секунду я поймал его за задние

ноги и втащил обратно. Линдо отчаянно сопротивлялся, нанося удары своими маленькими острыми копытцами и издавая пронзительные протяжные крики. С испуганным олененком очень трудно справиться; надо крепко держать его задние ноги, иначе он может нанести серьезные ранения; с другой стороны, ноги у него очень хрупкие, и, если держать слишком сильно, можно сломать их. Через пять минут мы сладили с Линдо, я снял с себя рубашку и завернул в нее зверька так, чтобы он не мог повредить ни себе, ни нам, если бы вздумал брыкаться. Водитель был до того увлечен видом оленя в рубашке, что едва не перевернул нас на крутом повороте.

Подходя к нашему домику, мы с удивлением увидели у ворот толпу человек в тридцать, окружившую какого-то мужчину с большим деревянным ящиком. И человек с ящиком, и окружавшие его люди кричали и оживленно размахивали руками. На веранде нашего дома высилась мощная фигура Паулы, которая угрожающе размахивала ржавым ружьем. Мы пробились сквозь толпу и подошли к веранде, чтобы выяснить, что происходит. Паула встретила нас с явным облегчением и начала горячо говорить что-то по-испански, закатывая глаза, хмуря брови и поочередно наводя ружье на каждого из нас. Я взял у нее ружье, не без сопротивления с ее стороны, а Рафаэль внимательно слушал ее рассказ. Утром сеньор попросил ее достать ружье, чтобы застрелить несколько маленьких птичек для *lechuchita*, маленькой совы. Она пошла в деревню и раздобыла сеньору великолепное ружье. Вернувшись, она увидела на веранде этого человека (дрожащим пальцем Паула показала в сторону человека с ящиком). Гость сказал, что принес для сеньора *bicho*. Она полюбопытствовала, что это за *bicho*, он откинул крышку ящика, и Паула с ужасом увидела большую и явно рассерженную *уагага*. Из всех опасных животных, обитающих в Чако, *уагага*, или копьеголовая куфия, внушает наибольший ужас, так как относится к числу самых ядовитых и агрессивных южноамериканских змей. Не колеблясь ни минуты, Паула приказала гостю расположиться со своим товаром на безопасном расстоянии от дома. Так как было очень жарко, мужчина отказался покинуть затененную веранду, тогда Паула зарядила ружье и заставила пришельца удалиться. Продавец, который показался нам не совсем нормальным, был искренне возмущен таким приемом. Проявив мужество при поимке змеи, он ожидал куда более торжественного и радостного приема, а вместо этого разгневанная толстая женщина с ружьем выгоняет его на улицу. Стоя у ворот, он почему зря ругал Паулу, которая с ружьем в руках охраняла вход в дом. Наше прибытие, к счастью, положило конец всей этой истории; мы послали Паулу на кухню готовить для нас чай и пригласили владельца змеи во двор.

Д

После того как ее трясли полдня в душном ящике, куфия была настроена отнюдь не мирно; как только я откинул крышку ящика, чтобы взглянуть на нее, она подскочила к отверстию и сделала попытку напасть на меня. Это был довольно маленький экземпляр, длиной всего около двух с половиной футов, но недостаток роста змея компенсировала ловкостью и драчливостью; с большим трудом мне удалось накинуть на нее петлю и схватить ее сзади за голову. Она была очень красивая, с пепельно-серым туловищем, испещренным от головы до хвоста угольно-черными ромбовидными полосками, окаймленными беловато-кремовой чертой. На плоской стреловидной голове выделялись золотистые свирепые глаза. Я посадил ее в низкий, затянутый металлической сеткой ящик для змей, и она лежала между ветками и сухими листьями, громко шипя и быстро размахивая хвостом, который ударял по листьям и издавал такой шум, словно в ящике находилась гремучая змея. Когда кто-либо приближался к ящику, куфия бросалась на проволочную сетку и вонзала в нее острые ядовитые зубы. Я бы никогда этому не поверил, если бы не видел собственными глазами, так как обычно змеи не могут кусать совершенно ровную поверхность. При падении куфия широко раскрывала пасть и закидывала голову назад, чтобы с большей силой вонзить в сетку длинные изогнутые зубы. Уже через полчаса на сетке можно было увидеть несколько золотистых капель яда, а змея продолжала наносить укусы за укусом. В конце концов во избежание несчастных случаев пришлось повесить над первой сеткой на расстоянии полудюйма от нее вторую.

В этот вечер, подавая ужин и убирая со стола, Паула прочла нам длинную лекцию о уагага и их привычках. Оказалось, что почти все родственники Паулы в разные периоды жизни едва не погибали от укусов этих змей. Можно было подумать, что все куфии Чако только и делали, что выслеживали родственников Паулы. Но поскольку родственники, как правило, оставались в живых, этим змеям, должно быть, пришлось испытать немало разочарований за свою жизнь. После ужина Паула зашла сказать нам спокойной ночи. Окинув мрачным взглядом стоявший в углу ящик с куфией, она заявила, что ни за какие сокровища на свете не останется почевать в одном доме с уагага. Произнесла краткую молитву и выразив надежду заставить нас всех утром живыми, Паула отбыла по направлению к своему дому в поселке. Этот вечер действительно доставил нам много волнений, но змеи тут были ни при чем.

Рафаэль тихо брэнчал на гитаре, напевая песенку гаучо, в которой аллитерация особенно выразительно подчеркивала ее вулгарный смысл. Джеки легла в постель с номером «Буэнос-Айрес геральд» месячной давности, который она где-то откопала. Я рассматривал ружье, принесенное

Паулой. Оно было совершенно неизвестной мне испанской марки, но как будто в удовлетворительном состоянии. Я обнаружил в нем только один недостаток.

— Смотри, Рафаэль, — сказал я, — у этого ружья нет предохранителя. Рафаэль подошел и внимательно осмотрел ружье.

— Нет, Джерри, все в порядке, вот предохранитель.

— Как, этот маленький рычажок?

— Ну да, это и есть предохранитель.

— Нет, не может быть, я переставлял его в оба положения, а курок все равно действует.

— Нет, нет, Джерри... щелчок слышен, это правда, но выстрела не произойдет.

Я с сомнением посмотрел на Рафаэля.

— Во всяком случае, это кажется мне очень странным. Предохранитель есть предохранитель, и когда он установлен, спусковой крючок не может приводить в движение курок.

— Нет, Джерри, ты не понимаешь... это испанское ружье... сейчас я покажу, как оно действует.

Он зарядил ружье, опустил рычажок вниз, выставил дуло в окно и нажал спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, на который отозвались все собаки в поселке, а из двери спальни выскочила Джеки, решив, что куфия вырвалась из ящика. Рафаэль поправил очки и внимательно осмотрел ружье.

— Хорошо, — сказал он с философским спокойствием, — значит, предохранитель действует в таком положении.

Он поднял рычажок, перезарядил ружье, направил ствол в окно и снова нажал крючок. И на этот раз ружье с грохотом выстрелило, а собаки залялись истерическим лаем.

— Это так называемое испанское ружье, — объяснил я Джеки, — из него можно застрелиться независимо от того, поставлено оно на предохранитель или нет.

— Нет, Джерри, это очень хорошее ружье, — возмутился Рафаэль, — просто оно сломано внутри.

— Да, оно действительно «сломано внутри», — согласился я.

Минут десять спустя — мы еще продолжали спорить — раздался оглушительный стук в дверь. Теряясь в догадках, кто мог пожаловать к нам в столь поздний час, мы с Рафаэлем пошли открывать. На веранде стояли два перепуганных парагвайца в потрепанной зеленой форме и полицейских фуражках; в руках они держали старинные, ржавые ружья. Они дружно приветствовали нас, и мы узнали двух представителей местной по-

Длиции. Пожелав нам доброго вечера, полицейские спросили, стреляли ли мы из ружья и если да, то кого мы убили. Испуганно вздрогнув, Рафаэль сказал, что ружье выстрелило случайно и никаких жертв не было. Полицейские растерянно шаркали босыми ногами по пыли, взглядами пытались подбодрить друг друга. Затем они довольно неуверенно объявили, что начальник полиции приказал им арестовать нас и доставить вместе с телом нашей жертвы в участок. Поскольку трупа не оказалось, они не знали, что делать дальше. Они серьезно объяснили нам, что получают нахлобучку от начальства, если вернутся без нас, пусть даже мы никого не убили. Полицейские были так удручены и озадачены, что мы сжалились и согласились пойти вместе к начальнику полиции и все объяснить ему самолично. Они были страшно благодарны за это и, то и дело беря под козырек, улыбались и говорили:

— Gracias, señor, gracias¹.

Мы прошли по освещенным лунной улицам поселка, полицейские шествовали впереди, время от времени останавливаясь, чтобы обратить наше внимание на лужу или грязь. Полицейское управление стояло на другом конце поселка. Это была двухкомнатная белая хижина, над которой возвышалась большая пальма с густой, растрепанной верхушкой. Нас провели в небольшую комнату, единственным предметом обстановки которой был ветхий стол с внушительной грудой документов на нем. За столом восседал начальник полиции — тощий, хмурый человек, высокое общественное положение которого изобличали до блеска начищенные ботинки и пояс. Он лишь недавно занял свой пост и, очевидно, намеревался доказать обитателям поселка, что ни одно преступление здесь не пройдет безнаказанным. Полицейские отдали честь и, встав по стойке смирно, хором начали докладывать о случившемся. Начальник слушал их, выразительно хмурия брови, а когда рассказ был окончен, осмотрел нас испытующим взглядом прищуренных глаз. Затем он величественным жестом достал из-за уха окуроч сигареты и закурил.

— Так, — произнес он драматическим шепотом, выпуская дым через нос, — это вы нарушали порядок, да?

— Да, сеньор, — тихо, трясущимися губами произнес Рафаэль, — это мы нарушали порядок.

— А, так вы это признаете? — спросил начальник полиции, довольный тем, что так быстро заставил нас сознаться.

— Да, сеньор, — повторил Рафаэль.

¹ Спасибо, сеньор, спасибо (исп.).

— Так, — сказал начальник полиции, заложив большие пальцы за пояс и небрежно откинувшись на спинку стула, — значит, вы в этом сознаетесь? Вы приехали в Чако и думаете, что здесь можно безнаказанно нарушать порядок, да? Вы думаете, что вы в дикой стране, где все сойдет вам с рук?

— Да, сеньор, — сказал Рафаэль.

Ничто так не раздражает человека, как ответы на чисто риторические вопросы. Начальник полиции свирепо уставился на Рафаэля.

— А вы не думали, что здесь тоже есть законы, как и в любых других местах? Вы, вероятно, не ожидали встретиться здесь с полицией, да?

Тем временем полицейские стали по стойке вольно, предоставив своему начальнику самому разбираться во всем. Один из них основательноковырялся в зубах, другой засунул палец в ствол винтовки, вытащил его оттуда и начал разглядывать с озабоченным выражением: очевидно, настало время очередной ежегодной чистки оружия.

— Послушайте, сеньор, — терпеливо сказал Рафаэль, — мы не совершили никакого преступления, у нас случайно выстрелило ружье.

— Не в этом дело, — проницательно заметил начальник полиции. — Вы могли совершить преступление.

Такой убедительный довод сразил Рафаэля, и он ничего не ответил.

— Как бы то ни было, — великодушно продолжал начальник полиции, — я пока вас не арестую. Я хочу обдумать ваше дело. Завтра утром вы придете сюда со всеми вашими документами. Вы меня поняли?

Спорить было бесполезно, и мы лишь молча кивнули. Начальник полиции встал, поклонился и щелкнул каблуками с такой силой, что один из полицейских уронил винтовку и поспешно отдал честь, чтобы сгладить свою неловкость. С трудом сохраняя серьезность, мы отошли на некоторое расстояние от полицейского управления и разразились взрывом безудержного смеха. Дома Рафаэль очень удачно изобразил перед Джеки начальника полиции, и это доставило ему такое удовольствие, что от смеха слезы потекли у него из-под очков.

На следующее утро во время завтрака мы рассказали об этом происшествии Пауле. Вместо того чтобы разделить с нами наше веселье, Паула искренне возмутилась всей этой историей. Она охарактеризовала начальника полиции в выражениях, которые не часто слышишь из женских уст, и заявила, что он слишком много о себе воображает, ей уже приходилось иметь с ним дело, когда он пытался запретить ее девочкам подниматься на борт парохода. Но этот его поступок переполнил чашу ее терпения. На этот раз он зашел слишком далеко, она сама отправится в полицейское управление и скажет ему все, что она о нем думает. После завтрака Паула накинула на

Д плечи яркую пурпурно-зеленую шаль, надела на голову большую соломенную шляпу с алыми маками и, задыхаясь от негодования, отправилась с нами в поселок.

Когда мы подошли к полицейскому управлению, мы увидели во дворе под пальмой огромную двухспальную кровать, на которой спал, сладко похрапывая, сам начальник полиции. Его небритое лицо дышало блаженством, а пара пустых бутылок под кроватью свидетельствовала о том, что он достойно отметил наше знакомство. Увидев его, Паула презрительно фыркнула, быстро подошла к кровати, размахнулась и с силой хлопнула по тому месту, где под грудой одеял должен был находиться зад шефа полиции. Это был превосходный, мощный удар, в который Паула вложила всю силу своего массивного тела; начальник полиции сел торчмя на кровати, дико озираясь по сторонам, увидел Паулу, пожелал ей доброго утра и стыдливо натянул одеяло до самого подбородка. Но Пауле было не до учтивостей; презрев его приветствие, она перешла в атаку. С вздымающейся от негодования грудью и сверкающими глазами она склонилась над кроватью и звонким, пронзительным голосом, разносившимся по всему поселку, стала излагать ему все, что она о нем думает. Мне было искренне жаль беднягу: не имея возможности встать, он лежал в постели на виду у всех, а Паула, высясь над ним горой загорелых телес, извергала стремительный поток презрения, насмешек, оскорблений и угроз такой густой, что он не мог вставить ни единого слова. Его желтоватое лицо побагровело от гнева, затем побелело, а когда Паула перешла к описанию интимных подробностей любовной жизни шефа полиции, приняло зеленоватый оттенок. Все ближайшие соседи, обрадованные неожиданным развлечением, высыпали к порогам своих домов и криками подбадривали Паулу; чувствовалось, что начальник полиции не снискал в поселке особых симпатий. В конце концов несчастный не выдержал: отбросив одеяла, он выскочил из кровати и побежал к дому в одной рубашке и полосатых пижамных брюках, преследуемый восторженными криками и улюлюканьем собравшихся зрителей. Запыхавшаяся и торжествующая Паула присела отдохнуть на освободившуюся кровать, а затем отправилась с нами домой, время от времени останавливаясь у какой-либо хижины, чтобы принять поздравления от своих восхищенных почитателей.

Вся эта история завершилась в тот же вечер; один из вчерашних полицейских в явном замешательстве зашел к нам в дом, держа в одной руке свою верную винтовку, а в другой — большой, неумело подобранный букет лилий. Он объяснил, что начальник полиции посылает этот букет в знак глубокого уважения к сеньоре, и Джеки приняла подарок с приличествующими случаю изъявлениями благодарности. После этого, когда бы мы ни

встретили начальника полиции, он замирал по стойке смирно и брал под козырек, а потом снимал фуражку и радостно улыбался нам. До конца нашего пребывания в поселке он так и не проверил у нас документы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СТРАШНЫЕ ЖАБЫ И КУЧА ПТИЦ

После двух месяцев пребывания в Чако наша коллекция достигла таких размеров, что все свое время мы тратили на уход за животными. Мы поднимались до рассвета, и Паула приносила нам в комнату чай. Справедливости ради должен сказать, что мы вставали в такую рань не потому, что любили рано вставать, а для того, чтобы успеть выполнить самую трудную часть работы прежде, чем солнце поднимется высоко и станет жарко.

Первым делом мы принимались за чистку клеток — долгое, утомительное и грязное занятие, отнимавшее обычно не меньше двух часов. Продолжительность чистки всецело зависела от обитателя клетки: если он был настроен воинственно, приходилось внимательно следить за тем, чтобы тебя не укусили или не клюнули, если же он был в игривом настроении, много времени уходило на то, чтобы внушить ему, что чистка клеток является работой, а не развлечением, придуманным специально для него. Большинство животных быстро привыкали к заведенному порядку; они терпеливо ожидали в стороне, пока мы убирали одну половину клетки, а затем переходили на чистую половину, позволяя привести в порядок оставшуюся часть. После того как все клетки были вычищены и устланы свежим слоем сухих листьев или опилок, можно было приступить к приготовлению пищи. Прежде всего необходимо было очистить или нарезать фрукты. На первый взгляд это довольно простое дело, и это действительно было бы так, если бы всем обитателям клеток фрукты можно было нарезать одинаковым образом. К сожалению, все обстояло совсем иначе. Например, некоторые птицы любили, чтобы бананы были нарезаны вдоль и развешаны на крючках на проволочной сетке клетки. Другие любили, чтобы бананы были нарезаны на мелкие кусочки такой величины, чтобы их можно было сразу проглотить. Некоторые птицы ели плоды манго только в виде кашицы, смешанной с хлебом и молоком, другие обязательно требовали перед завтраком ломоть перезрелого плода папайи вместе с зернами в нем. Стоило только удалить зерна, и птицы отказывались от завтрака, хотя в действи-

Д тельности они не ели зерна, а лишь выклевывали их из оранжевой мякоти и разбрасывали по клетке. Таким образом, приготовление фруктов к завтраку было очень сложным делом, требовавшим знания вкусов и привычек каждого нашего постояльца.

После фруктов мы переходили к приготовлению мяса. Ежедневно наш зверинец потреблял четырнадцать фунтов мяса. Это гигантское ассорти состояло из сердца, мозгов, печени и отдельных кусков мяса. Все это необходимо было нарезать и крошить соответствующим образом. Обработать четырнадцать фунтов мяса при температуре в тени свыше 100 градусов по Фаренгейту¹ — нешуточное дело, и для облегчения задачи я приобрел в Асунсьоне огромную мясорубку. На ее корпусе было выдавлено «первый сорт», но, несмотря на хвастливую надпись, эта громоздкая машина стала проклятием нашей жизни. При малейшем ударе от нее отлетали осколки, и какими бы маленькими кусочками мы ни подавали мясо в ее пасть, они обязательно застревали, а это означало разборку мясорубки. Даже когда мясорубка работала нормально, она сотрясалась и стонала, временами издавая громкий скрежет, способный напугать самого храброго человека.

После приготовления мяса приходилось мыть всю посуду, из которой мы кормили и поили животных. Так что жестоко ошибаются люди, которые думают, что, став звероловом, избавляешься от всякой неприятной домашней работы. К концу путешествия у нас было около пятидесяти клеток, и в каждой было по меньшей мере две миски, а в некоторых три и даже четыре. Каждую посудину перед кормежкой нужно было тщательно выскрести и промыть. В условиях тропической жары малейшие кусочки пищи, оставленные в миске, начнут разлагаться, отравят свежую пищу и могут привести к гибели животного.

Читатель, никогда не занимавшийся звероловством, может подумать, что мы сами задавали себе лишнюю работу, потому что слишком баловали животных. Но в том-то и дело, что при другом обращении мы бы не довели до места значительную часть коллекции. Есть, конечно, такие нетребовательные животные, которые выживают при любом обращении с ними, но на каждый такой экземпляр приходится примерно двадцать других, с которыми надо обходиться очень бережно.

Покончив с такой работой, мы могли заняться другими, иной раз довольно сложными делами — кормлением детенышей из бутылок, лечением больных животных, приемом вновь поступающих. Такие дела возникали в любое время дня и ночи и зачастую были очень хлопотны. Большинство животных очень покладисты и, втянувшись в ритм жизни лагеря, не при-

¹ Свыше 38 градусов по Цельсию.

чиняют особенных хлопот, но иногда попадались и такие, с которыми приходилось повозиться. Во многих случаях это были животные, которых, как принято считать, очень легко содержать в неволе.

В некоторых районах Южной Америки водятся жабы, обладающие, пожалуй, самым причудливым обликом среди батрахид. Их называют рогатыми жабами, и, так как жабы обычно легко переносят неволю, я думал, что и с ними все будет очень просто. Мне очень хотелось заполучить нескольких рогатых жаб, пока мы были в Чако. Я знал, что они здесь водятся, что местные жители называют их *escuerzo*, но этим и ограничивались все мои познания. Надо сказать, что работа собирателя животных отличается той особенностью, что, как только вам очень захочется достать то или иное животное, оно немедленно исчезает, как бы широко оно ни было распространено. Именно так произошло и с рогатыми жабами. Я показывал всем рисунки этих жаб, предлагал баснословные суммы за их поимку и почти довел до безумия Джеки и Рафаэля, вытаскивая их из постели в два часа ночи, чтобы идти ловить жаб на болота, но все было напрасно. Если бы я знал заранее, сколько хлопот принесут мне эти жабы, я бы не стал тратить столько сил на их поимку.

В один прекрасный день после полудня я обнаружил на веранде помятую жестяную банку, верх которой был закрыт листьями. Паула сказала мне, что банку недавно принес пожилой индеец и в ней сидит какое-то *bicho* — вот и все, что она знает. Я осторожно разгреб палкой слой листьев, заглянул в банку и, к своему изумлению, увидел громадную рогатую жабу, спокойно восседавшую на спинах двух других, поменьше.

— Что там такое? — спросила Джеки, стоявшая вместе с Паулой на безопасном расстоянии.

— Рогатые жабы... три красавицы, — восторженно ответил я.

Я перевернул банку, и жабы переплетшимся клубком плюхнулись на пол веранды. Паула взвизгнула и скрылась в доме; вскоре она высунулась из окна, дрожа от страха.

— Будьте осторожны, сеньор, — причитала она. — *Es un bicho muy malo, señor, muy venenoso*¹.

— Ерунда, — ответил я. — *No es venenoso... no es yarara... es escuerzo, bicho muy lindo*².

— Святая Мария! — воскликнула Паула, закатывая глаза и возмущаясь тем, что я мог назвать рогатую жабу чудесным животным.

— А они ядовитые? — спросила Джеки.

— Нет, конечно, они просто кажутся такими.

¹ Это очень опасное животное, сеньор, очень ядовитое (*исп.*).

² Не ядовитое... Это не куфия, а рогатая жаба, чудесное животное (*исп.*).

Д Тем временем жабы разделились, самая крупная сидела, рассматривая нас сердитыми глазами. Она была величиной с блюдо, и казалось, что голова составляет у нее три четверти объема всего тела. У жабы были толстые короткие лапы, вздутый живот и два больших глаза с золотистыми и серебристыми искорками. Над каждым глазом кожа приподнималась равнобедренным треугольником, напоминая рога на голове козленка. Невероятно широкий рот словно делил надвое тело жабы. Ее голова с торчащими рогами, выпяченными губами и мрачно опущенными углами рта как бы сочетала в себе черты жестокого злодея и надменного монарха. Зловещее впечатление, производимое жабой, еще более подчеркивалось бледной горчично-желтой окраской туловища с ржаво-красными и серовато-зелеными пятнами, как если бы кто-то, не знающий географии и не умеющий рисовать, пытался изобразить на этом туловище карту мира.

Пока Паула энергично зывала к помощи всех святых и заверяла Джеки в том, что через полчаса она станет вдовой, я наклонился, чтобы рассмотреть жабу более внимательно. Широко вздохнув, жаба раздулась вдвое больше прежнего и начала выпускать воздух, пронзительно и негодующе крича; одновременно она запрыгала мне навстречу мелкими прыжками, угрожающе раскрывая и закрывая рот. Это было поразительное зрелище; внутренняя поверхность ее губ имела яркую желтовато-розовую окраску.

Услышав изданный жабой боевой клич, Паула отчаянно всплеснула руками и начала раскачиваться в окне. Я счел момент подходящим для того, чтобы преподать ей небольшой урок естествознания и в то же время поднять свой престиж в ее глазах. Схватив дрыгавшую ногами, тяжело дышавшую жабу, я подошел к окну, в котором стояла Паула.

— Смотри, Паула, она совсем не ядовита, — обратился я к ней на ломаном испанском языке.

Когда жаба снова широко раскрыла рот, я быстро сунул в него свой большой палец. Это так удивило жабу, что на секунду она застыла с разинутым ртом, а я с ободряющей улыбкой глядел на Паулу, которая, казалось, готова была упасть в обморок.

— Она совсем не ядовита, — повторял я, — она совсем не...

В это мгновение жаба оправилась от неожиданности и быстро закрыла рот. У меня было такое ощущение, будто кто-то тупым ножом хватил мне по большому пальцу. Я едва не вскрикнул от боли. Паула молча смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я криво усмехнулся, надеясь, что моя усмешка будет принята за жизнерадостную улыбку, а жаба забавлялась тем, что через каждую секунду изо всех сил сдвигала палец своими челюстями; мне казалось, будто мой палец лежит на рельсе, по которому

проходит длинный товарный поезд с увеличенным против обычного количеством колес.

— Santa Maria! — воскликнула пораженная Паула. — Que extraordinario... no tiene veneno, señor?¹

— No, nada de veneno², — хрипло ответил я, сохраняя на лице все ту же жалкую усмешку.

— Что случилось? — с любопытством спросила Джеки.

— Ради бога, уведи куда-нибудь эту женщину, проклятая жаба чуть не откусила у меня большой палец.

Джеки быстро отвлекла внимание Паулы, спросив ее, не пора ли подавать ленч, и Паула уплыла в кухню, то и дело повторяя «extraordinario». Как только она исчезла, мы занялись спасением моего пальца. Это оказалось нелегкой задачей, так как, несмотря на мощную хватку, челюсти у жабы были очень слабые и при каждой попытке разжать их при помощи палки они начинали гнуться, грозя сломаться. Как только мы вынимали палку, жаба с новой силой впивалась в мой палец. В полном отчаянии я положил руку вместе с жабой на цементный пол, надеясь, что жаба захочет убежать и отпустит палец; но она продолжала сидеть на месте, вцепившись в палец бульдожьей хваткой и вызывающе глядя на меня.

— Наверное, ей не нравится это место, — сказала Джеки.

— А что мне еще делать, по-твоему? — раздраженно спросил я. — Уж не пойти и не сесть ли вместе с ней в болото?

— Нет, конечно, но если ты сунешь руку вои в тот куст гибискуса, она постарается убежать и отпустит палец.

— Если она не убегает здесь, она с таким же успехом может висеть у меня на пальце и тогда, когда я буду ползать по кустам.

— Ладно, поступай как знаешь. Надеюсь, ты не собираешься всю жизнь ходить с рогатой жабой на пальце?

В конце концов я убедился в том, что, если я не хочу сломать жабе челюсти, придется попробовать вариант с кустом гибискуса. Забравшись в кустарник, я сунул руку в самые густые заросли. В ту же секунду жаба с явным отвращением выплюнула мой палец и отскочила назад. Я схватил ее и без особого труда снова посадил в банку, не обращая внимания на ее протестующий писк. От челюстей жабы на пальце осталась багровая полоса, а спустя час под ногтем образовался кровоподтек. Лишь через три дня я снова мог безболезненно шевелить большим пальцем, а кровоподтек сошел еще месяц спустя.

¹ Святая Мария!.. Как удивительно... она не ядовитая, сеньор? (исп.)

² Нисколько не ядовитая (исп.).

Д

Это была моя первая и последняя попытка убедить жителей Чако в безобидности рогатой жабы.

Поскольку Чако настоящий рай для птиц, пернатых у нас было больше, чем каких-либо других животных, и они составляли примерно две трети нашей коллекции. Самыми большими птицами в лагере были бразильские кариамы. Туловище их, величиной с курицу, было посажено на длинные крепкие ноги; на длинной шее сидела крупная голова, немного напоминавшая голову ястреба, со слегка загнутым на конце клювом и большими бледно-серебристыми глазами. Шея и спина были нежного серовато-коричневого цвета, книзу переходящего в кремовый. На голове, над самыми ноздрями, у кариамы торчат забавные пучки перьев. Когда эти птицы с обычным для них надменным видом бродили по лагерю, изогнув шею и откинув голову, они очень напоминали мне высокомерных верблюдов в перьях. Обе жившие у нас кариамы были совершенно ручными, и мы каждый день пускали их свободно бродить по лагерю.

Выйдя утром из клеток, они прежде всего производили смотр всему нашему зверинцу. Медленно и величественно выпагивали они на длинных ногах, а затем вдруг застывали на одной ноге, держа другую на весу; в эти минуты у них появлялось выражение аристократического негодования, и они возмущенно трясли своими хохолками. Через несколько секунд они вновь оживали, опускали ногу и размеренным шагом продолжали свой мотон, а через несколько ярдов повторяли все сначала. Можно было подумать, что перед вами две вдовствующие герцогини, к которым во время прогулки по парку пристает подвыпивший солдат.

Постепенно, однако, герцогини утрачивали свою чопорную осанку и пускались в буйные, причудливые пляски. Одна из них находила ветку или пучок травы, поднимала его клювом, приближалась к подруге большими, танцующими шагами и бросала свою добычу на землю. С минуту обе птицы пристально разглядывали ее, а затем начинали выделять пируэты на своих длинных неуклюжих ногах, церемонно раскланиваясь друг с другом и слегка распуская крылья; при этом они время от времени с разнузданно-веселым видом подбрасывали ветку или траву в воздух. Танцы заканчивались так же неожиданно, как и начинались; птицы застывали на месте, с какой-то безмолвной яростью глядели друг на друга и расходились в разные стороны.

Кариамы питали особую слабость к гвоздям и считали их (подобно нашему бывшему плотнику Анастасию) живыми существами. Осторожно вытащив из коробки гвоздь, они долбили его клювом до тех пор, пока не «убивали» его. Тогда они бросали гвоздь и вынимали из коробки следующую

ший. За короткое время они опустошали всю коробку и окружали себя множеством поверженных гвоздей. Хорошо еще, что они не пытались глотать гвозди, но и без того эта их привычка действовала мне на нервы; как только я принимался что-нибудь мастерить, мне приходилось ползать в пыли, собирая умерщвленные гвозди, которые кариамы, развлекаясь, разбросали по всему лагерю.

Наряду с кариамами одной из самых забавных птиц в нашей коллекции была водяная курочка — маленькая болотная птичка с пронзительными ярко-красными глазами, длинным острым клювиком и необыкновенно большими ногами. Эта птичка имела честь быть единственным экземпляром, пойманным для нас собственноручно Паулой за все время нашего пребывания в Чако, и, разумеется, больше всех была удивлена при этом, сама Паула. Вот как это случилось.

Однажды утром Джеки проснулась с небольшой температурой и ознобом, свидетельствовавшим о приступе лихорадки. Она осталась лежать в постели, а я наскоро позавтракал и, предупредив Паулу о том, что сеньора заболела и будет лежать, отправился в лагерь для обычной утренней работы. Вернувшись к полудню домой, я с удивлением обнаружил Джеки на веранде; Джеки по-прежнему лежала в кровати, а из дома доносился невообразимый шум, среди которого выделялся пронзительный, как пароходная сирена, голос Паулы.

— Что случилось? — спросил я у Джеки.

— Слава богу, ты вернулся, — слабым голосом ответила она. — У меня было веселое утро. Первые два часа Паула ходила на цыпочках и предлагала какие-то отвратительные травяные настои и желе, а когда я сказала, что мне ничего не надо и я хочу спать, она взялась за уборку. Похоже, она делает генеральную уборку раз в неделю и как раз сегодня настал срок.

Шум стоял такой, словно отряд казаков носился вокруг дома, а за ним с пронзительными криками гнались краснокожие. Раздался треск, звон разбитого стекла, и в окно высунулась ручка метлы.

— Но какого черта она там вытворяет? — снова спросил я.

— Сейчас все расскажу, — ответила Джеки. — Не успела я снова заснуть, как пришла Паула и заявила, что хочет убрать в спальне. Я ответила, что не собираюсь вставать и что уборку лучше отложить до следующей недели. Это привело ее в ужас, она выбежала на веранду и принялась громко звать своих девочек. Их прибежало человек десять, не успела я опомниться, как они подхватили кровать и вынесли вместе со мной сюда на веранду. После этого они всей оравой принялись убирать спальню.

Из дома снова послышался треск, сопровождаемый пронзительными криками и топотом ног.

Д

— Это они так убираются? Довольно странный способ уборки.

— Нет, нет, они уже давно убрали в спальне и хотели перенести меня обратно, как вдруг Паула издала один из обычных своих воплей, который чуть было не снес у меня полчерепа, дескать, она видит в саду *bicho*. Я ничего не видела, но все девицы видели, и не успела я спросить, что это за *bicho*, они бросились в сад и принялись обшаривать кусты под руководством Паулы. *Bicho* пустилось наутек и почему-то влетело в дом прямо через дверь. Вся компания бросилась за ним, и с тех пор они гоняют его по комнатам. Одному богу известно, что они там бьют и ломают вот уже больше получаса. Я охрипла, кричавши им, но они не отвечают. Удивляюсь, как после такого погрома животное не умерло от разрыва сердца.

— Во всяком случае, ясно одно: *bicho* совершенно безобидно, а то едва ли они погнались бы за ним. Сейчас пойду посмотрю, в чем дело.

Я осторожно приоткрыл входную дверь. В комнате валялись опрокинутые стулья и разбитые тарелки. Приглушенные крики и грохот свидетельствовали о том, что охота продолжается в соседней комнате. Я приоткрыл дверь в спальню, и меня оглушил доносившийся оттуда шум. Раскрыв дверь пошире, я просунул голову в щель и огляделся. В то же мгновение неизвестно откуда на меня грозно спикировала метла, едва не угодив мне в голову. Я отскочил назад и прикрыл дверь.

— Алло, Паула, в чем дело? — крикнул я, пытаюсь перекрыть весь этот шум.

На мгновение воцарилось молчание, затем дверь распахнулась и на пороге появилась Паула, колыхаясь, словно наполовину надутый аэростат воздушного заграждения.

— *Señor!* — торжественно сказала она, показывая толстым пальцем на кровать. — *Un bicho, señor, un pajaro muy lindo*¹.

Я вошел в спальню и закрыл дверь. Собравшиеся в комнате девицы победно улыбались, стоя среди обломков мебели и посуды. Они тяжело дышали, волосы их были растрепаны, одна из девиц разорвала во время охоты платье, и теперь мало что из ее прелестей оставалось доступным только воображению. Это ее, однако, не смущало, и она была более разгорячена, чем все остальные. От запаха одиннадцати видов духов, наполнявшего маленькую комнатку, у меня чуть не закружилась голова. Подойдя к кровати, я встал на четвереньки и заглянул под нее. Пока я рассматривал *bicho*, Паула и девицы окружили меня плотным кольцом, хихикая и источая удушьящие ароматы. Под кроватью, покрытая пухом и пылью, стояла водяная курочка; она тяжело дышала, но все еще была полна воинственного

¹ Сеньор!.. Животное, сеньор, очень красивая птица (*исп.*).

пыла. Следующие пять минут мы ловили птицу; Паула и девушки зашли с противоположной стороны кровати и стали гнать оттуда водяную курочку, а я залез с полотенцем под кровать и пытался схватить ее. Первая попытка оказалась неудачной, так как, когда я хотел набросить на птицу полотенце, обнаружилось, что Паула, ничего не подозревая, стоит на нем. Не увенчалась успехом и вторая попытка, так как в решающий момент одна из девиц наступила мне на руку. На третий раз мне повезло, и я вылез из-под кровати с водяной курочкой, завернутой в полотенце и голосившей что было мочи. Я пошел показывать свой трофей Джеки, а Паула со своей компанией принялась ликвидировать последствия хаоса, вызванного охотой за водяной курочкой.

— Неужели из-за этого жалкого существа был поднят такой тарарам? — удивилась Джеки, недовольно глядя на торчавшую из полотенца покрытую пылью голову водяной курочки.

— Да, они охотились за ней вдесятером и не могли поймать. Забавно, правда?

— Мне кажется, ее и ловить-то не стоило, — возразила Джеки. — Это какая-то страшно скучная птица.

Но Джеки была не права; несмотря на вспыльчивый и неровный характер, водяная курочка обладала ярко выраженной индивидуальностью и вскоре стала одним из наших любимцев в лагере.

Водяная курочка передвигалась почти таким же необычным и забавным способом, как и кариамы. Остановившись, она низко наклоняла голову, вытягивала шею и близоруко щурилась, словно долговязая школьная учительница, которая подсматривает в замочную скважину, не расшалились ли ее ученики. Затем, удовлетворившись увиденным, она выпрямлялась, три-четыре раза энергично встряхивала своим коротким заостренным хвостом и семенила к следующей замочной скважине. За привычку постоянно трясти хвостом ее прозвали Трясохвосткой. Она без малейших колебаний пускала в ход свой длинный острый клюв, яростно набрасываясь на руки каждого, кто приходил чистить ее клетку, и эта работа была тяжелой и кровопролитной. Помнится, в день поимки курочки я поставил ей в клетку большую жестяную банку из-под сигарет, наполненную водой. Как только банка оказалась в клетке, Трясохвостка подскочила к ней и ткнула в нее клювом; к нашему изумлению, клюв прошел сквозь жесть, как иглока сквозь материю. Птица забегала по клетке с банкой на клюве, и мне стоило большого труда поймать ее и снять с клюва банку. Мы посадили Трясохвостку в клетку с деревянной решеткой, и она все время с надеждой выглядывала из-за нее, изредка издавая угрожающее «арррк».

Д В клетке над Трясохвосткой жила любимица Джеки — птица, которую я в первый же день ее поступления назвал Дракула. Это был гололицый ибис величиной с голубя, с короткими, телесного цвета ногами и длинным, изогнутым клювом того же цвета. Все тело ибиса было покрыто траурно-черным оперением, лишь вокруг глаз и у основания клюва виднелся голый бледно-желтый кусочек кожи. На этом голом участке выделялись маленькие, круглые, печальные глаза, смотревшие перед собой затуманенным взглядом. Дракула был очень разборчивым едоком и приступал к трапезе только тогда, когда мясо подавалось мелко нарубленным и насыщенным водой. Если к его обычному рациону добавляли немного сырых мозгов, он приходил в восторг, часто и быстро погружал клюв в миску с едой и тихо, довольно попискивал. Это была очень покладистая и милая птица, но в том, с каким упоенным урчанием она поглощала кровавистую смесь из сырого мяса и мозгов, было что-то жуткое — в эти минуты ибис напоминал вампира, с наслаждением впивающегося в очередную жертву.

Другой птицей, любившей мозги, был чернолицый ибис, которого мы сокращенно называли Чли. Долгое время он процветал на мясной диете, пока мне не пришла в голову мысль побаловать его сырыми мозгами. Я убежден, что на воле Чли знать не знал этого лакомства, но здесь набросился на мозги так, как будто это была его излюбленная пища. К сожалению, он сразу же решил, что мясо для него слишком грубая еда, и во все горло требовал мозгов при каждой кормежке. В то время как Дракула отличался хорошими манерами во время еды, Чли меньше всего заботился о приличиях. Он предпочитал стоять как можно ближе к миске с едой (а еще лучше забираться в нее) и забрасывать мозгами себя и всю клетку с необузданностью сорванца, швыряющего на карнавале конфетти направо и налево; при этом Чли громко и торжествующе кричал «бррронк!», хотя клюв у него был набит до отказа.

Раз в неделю мы устраивали для Трясохвостки, Дракулы и Чли рыбный день, чтобы они не отвыкали полностью от своей обычной диеты. Организовать это было довольно трудно, так как в Чако рыбу не едят и на базаре она не продается. Рано утром, вооружившись длинными толстыми лесками и страховидными зазубренными крючками, вполне пригодными для ловли акул, мы спускались к реке. Примерно в полумиле от поселка находилась старая пристань, которой давно уже никто не пользовался. Ее изъеденный червями остов был заселен пауками и другими насекомыми и покрыт сплошным ковром глянцевиных листьев выюнка, разукрашенным розовыми колокольчикообразными цветами. Осторожно переступая по бревнам и стараясь не спугнуть крупных голубых ос, оборудовавших тут

множество гнезд, мы постепенно подбирались к остаткам маленького причала, нависавшего над темной водой; его хрупкие сваи были украшены листьями лилий. Примостившись на краю, мы насаживали на крючки наживку и бросали их в коричневую воду. Наше занятие не заслуживало названия рыбной ловли, так как река буквально кишела пирайями и они немедленно поднимали лихорадочную возню вокруг кусочка окровавленного мяса, наперебой стремясь попасться на крючок. Тут не могло идти речи о спорте, так как в успехе сомневаться не приходилось. Подобные вылазки позволяли нам сидеть на пристани и любоваться чудесным видом на реку, причудливыми изгибами уходящую на запад. Закаты же были так великолепны, что даже москиты, тучами осаждавшие нас, не могли отравить нам удовольствие.

Кончался второй месяц нашего пребывания в Пуэрто-Касадо, Рафаэль должен был оставить нас и вернуться в Буэнос-Айрес. Вечером накануне его отъезда мы отправились на рыбную ловлю и были вознаграждены зрелищем такого изумительного заката, какого мне еще ни разу не приходилось видеть.

Где-то на севере, в огромных бразильских лесах, прошли дожди, и вода в реке заметно прибыла. Безоблачное бледно-голубое небо сияло, словно хорошо отполированная бирюза. По мере того как солнце садилось, оно из желтого становилось темно-красным, почти вишневым; темные воды реки мерцали, словно гладкая шелковая лента, положенная между берегов. Коснувшись горизонта, солнце как будто застыло на месте, и на бескрайнем чистом небе откуда-то появились три маленькие тучки, словно состоящие из черных мыльных пузырей с кроваво-красной каемкой. Они как по команде поднялись над горизонтом и занавесом скрыли от нас солнце. Потом из-за поворота реки показались плавучие островки из водяных лилий, выюнка и травы, обвившихся вокруг разбухших в воде стволов деревьев из далеких лесов; их несло течением с верховьев реки. В наступивших сумерках река казалась серебристо-белой, и сотни островков стремительно и беззвучно проносились мимо нас к далекому океану; одни из них были не больше шляпы, другие представляли собой прочно сплетенные циновки величиной с комнату, и каждый нес на себе груз семян, побегов, луковиц, пиявок, лягушек, змей и улиток. Мы наблюдали за этой необычной флотилией до тех пор, пока стало совсем темно и на реке ничего уже нельзя было различить; мы догадывались о продолжающемся движении множества островков лишь по мягкому шуршанию листьев и травы, когда один из них задевал за сваи причала. Вскоре, искушенные москитами и окоченевшие, мы молча направились к поселку. Травяные островки, вероятно, всю ночь плыли по реке, но наутро ее гладь была такой же пустынной, как обычно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЕ ПТИЦЫ И АНАКОНДА

Однажды утром наша коллекция пополнилась животным, возвестившим о своем прибытии за полмили от лагеря. Я увидел индейца, который бежал по дороге к поселку и одной рукой придерживал на голове большую соломенную шляпу, а другой прикрывал довольно потрепанную плетеную корзину. Сидевшее в корзине существо, негодуя на такое ограничение его свободы, издавало низкие протяжные звуки, как будто кто-то пытался исполнить сложнейшую фугу Баха на старом автомобильном рожке. Индеец подбежал ко мне, поставил корзину к моим ногам, отошел немного назад, снял шляпу и широко улыбнулся.

— Buenos dias, señor, es un bicho, señor, un pa jaro muy lindo¹.

Я терялся в догадках, какая птица могла издавать такие необычные органические звуки. Стоявшая на земле корзина покачнулась, и яростные крики раздались вновь. Заглянув в корзину, я встретился взглядом с парой холодных, как у рыбы, светло-желтых глаз, смотревших на меня сквозь легкую плетеную крышку. Я наклонился, отвязал крышку и слегка приоткрыл ее, чтобы лучше рассмотреть пленника. Я успел лишь мельком увидеть клубок рыжеватого-коричневых перьев, как вдруг в щелку между крышкой и корзиной выскочил длинный зеленый кинжалообразный клюв, вонзился на полдюйма в мой большой палец и тут же спрятался обратно. Привлеченная моими воплями и последовавшим потоком ругательств, на сцене появилась Джеки и спокойно спросила, кто на этот раз меня укусил.

— Выпь, — произнес я невнятно, облизывая рану.

— Я знаю, что тебя укусили², дорогой, но кто?

— Меня укусила выпь, — объяснил я.

Джеки изумленно уставилась на меня.

— Ты шутишь? — спросила она наконец.

— Нет, эта проклятая птица действительно укусила меня... Вернее, не укусила, а клюнула. Это тигровая выпь.

— А может, это ягуаровая выпь? — вкрадчиво спросила Джеки.

— Сейчас не время для глупых шуток, — свирепо отрезал я. — Лучше помоги мне вынуть птицу из корзины, я хочу взглянуть на нее.

¹ Добрый день, сеньор, я принес животное, сеньор, очень красивую птицу (*исп.*).

² Непереводимая игра слов: по-английски слова «укусил» (*bitten*) и «выпь» (*bittern*) очень схожи по звучанию.

Джеки присела и открыла крышку, и снова наружу выскочил зеленый клюв, но на этот раз я был уже подготовлен и быстро зажал клюв большим и указательным пальцами. Птица оглушительно запротестовала, начала отчаянно биться в корзине, но я просунул руку внутрь, крепко схватил ее за крылья и вытащил.

Увидев птицу, Джеки прямо-таки ахнула, так как тигровая выпь, несомненно, одна из наиболее красочных болотных птиц. Представьте себе маленькую, слегка согбенную цаплю с серовато-зелеными ногами и клювом; оперение у нее светло-зеленое, испещренное чудесными оранжевыми и черными пятнами и полосами, напоминающими тигровую шкуру; вся птица пламенеет, словно маленький костер.

— Ну разве это не прелесть! — воскликнула Джеки. — Какое роскошное оперение!

— Джеки, придержи ее за ноги, я хочу осмотреть крыло. Оно как-то странно свисает.

Джеки схватила птицу за ноги, а я провел рукой по нижней части левого крыла и примерно посередине главной кости обнаружил зловещую опухоль, которая обычно сопровождает перелом кости. Я ощупал пальцами это место и осторожно покачал крыло: действительно, кость была сломана, но, к своему облегчению, я обнаружил, что перелом был чистый, без осколков.

— Что-нибудь не в порядке? — спросила Джеки.

— Да, перелом крыла, и довольно высоко. Хорошо хоть перелом чистый.

— Какая жалость! Такая очаровательная птица... Неужели ей ничем нельзя помочь?

— Попробуем вылечить ее, но ты сама знаешь, как относятся эти глупые создания к перевязкам и всему прочему.

— Все равно попробуй спасти ее. Она этого стоит.

— Хорошо. Поди принеси деньги, а я попытаюсь объясниться с этим человеком.

Джеки ушла, а я принялся медленно и сложно объяснять индейцу, что у птицы сломано крыло. В конце концов он понял и в знак согласия печально закивал головой. Затем я попытался втолковать ему, что заплачу сейчас лишь половину цены за птицу, а вторую половину отдам через неделю, если к тому времени птица будет еще жива. Это была очень сложная задача, мне пришлось пустить в ход все свои скудные познания в испанском языке. Обычно, когда я говорю на чужом языке, я широко использую жестикуляцию, восполняя движениями рук недостающие слова. Но сейчас, прижимая к груди разъяренную выпь, я был лишен такой возможно-

Дсти, потому что одной рукой держал птицу, а другой зажимал ее клюв. Мне приходилось повторять каждую фразу по два-три раза, прежде чем индеец схватывал смысл. Наконец он понял меня и энергично закивал головой; мы оба улыбнулись друг другу, слегка поклонились и забормотали: «Gracias, gracias»¹. Внезапно индейцу пришло в голову спросить, сколько же я собираюсь ему заплатить. Этот простой вопрос погубил меня: недолго думая, я отпустил клюв выпи и поднял руку, чтобы показать на пальцах нужное число. Выпь только и ждала этого и поступила так, как поступают в борьбе все ее сородичи: подняв голову, она нацелилась клювом в мой глаз и нанесла стремительный удар. По чистой случайности я успел вовремя откинуть голову и спасти глаз, но все же клюв ударил меня в левую ноздрю и кончик его дошел почти до переносицы.

Те, кого не клевала в нос тигровая выпь, вряд ли могут себе представить силу удара и боль, которую он вызывает. Мне показалось, будто лошадь ударила меня копытом по лицу, я пошатнулся, ослепленный болью и оглушенный ударом. Все же я сумел уклониться от второго удара; кровь фонтаном брызнула у меня из носа и залила одежду, выпь и бросившегося на выручку индейца. Передав ему птицу, я пошел домой лечиться; Джеки пустила в ход влажные полотенца, вату и борную кислоту, одновременно и ругая, и жалея меня.

— А что, если бы она попала тебе в глаз? — спросила Джеки, вытирая у меня с губ и щек запекшуюся кровь.

— Страшно подумать. Клюв у выпи больше шести дюймов длиной, и если бы она с такой силой ударила меня в глаз, он, наверное, прошел бы прямо в мозг.

— Ну что ж, быть может, это послужит тебе уроком на будущее, — сурово ответила Джеки. — На вот, прижми вату к носу, кровь еще идет.

Я снова вышел во двор, выглядя, как одна из тех мрачных афиш, призывающих не производить вивисекций над животными, и закончил разговор с индейцем. Потом я посадил выпь в клетку и отправился за медицинскими инструментами и медикаментами, необходимыми для операции крыла. Прежде всего я вырезал из мягкого дерева два лубка, обмотал их ватой и закрепил ее бинтом. Затем мы подготовили операционный стол, приспособив под него большой ящик, и выложили на него бинты, ножницы и бритву. Надев плотные перчатки, я пошел за пациентом. Когда я открыл дверцу клетки, выпь бросилась на меня, но я схватил ее за клюв и вытащил наружу, не обращая внимания на протестующие крики. Мы обмотали ей ноги и клюв бинтами и положили на стол. Джеки на всякий слу-

¹ Спасибо, спасибо (*исп.*).

чай придерживала птицу за ноги и клюв, а я приступил к операции. Для начала я выстриг все перья на крыле, чтобы было удобнее накладывать шины, а также для того, чтобы уменьшить вес крыла. Когда крыло было выстрижено догола, я осторожно подвел под него шину так, чтобы место перелома пришлось посередине. Затем началась самая трудная и ответственная часть работы. Нащупав оба конца кости, я подогнал их один к другому, осторожно повертывая и вытягивая. Придерживая их в таком положении большим пальцем, я наложил вторую шину, а затем мы обмотали крыло длинным бинтом и крепко притянули к туловищу перевязью, чтобы шины и бинты своей тяжестью не оттянули крыла вниз и не вызвали расхождения концов сломанной кости. После этого пациент был водворен в свою клетку и получил миску рубленого мяса и банку свежей воды.

Остаток дня выпь вела себя вполне прилично, съела всю пищу и почти все время стояла в одном положении, не пытаясь высвободить крыло, — словом, вела себя так, будто уже не первый год жила в неволе. Большинство диких животных весьма нетерпимы по отношению к бинтам, лубкам и прочим медицинским хитростям и, как только чувствуют их на себе, всеми силами стараются от них освободиться. У меня уже был печальный опыт оказания первой помощи птицам и млекопитающим, поэтому спокойное, философское поведение тигровой выпы после операции приятно удивило меня. Наконец-то, думал я, мне попалась разумная птица, понимающая, что мы перевязали ее для ее же собственной пользы. Но как вскоре выяснилось, я слишком поспешил с выводами: на следующее утро, во время обхода лагеря, Джеки заглянула в клетку выпы и испуганно вскрикнула.

— Скорее иди, посмотри на эту глупую птицу, — позвала она меня.

— Что с ней такое?

— Она сорвала с себя все бинты. Кажется, ты вчера вечером слишком рано радовался.

Тигровая выпь мрачно стояла в углу клетки, саркастически глядя на нас бронзово-желтыми глазами. Вчера вечером она, очевидно, много и хорошо поработала, сдирая бинты с крыла. Но она не учла одного: внутренняя поверхность ее клюва была слегка зазубрена, как у пилы, и зазубрины эти своими остриями были направлены к основанию клюва. Такие «зубы» позволяют удерживать скользкое тело рыбы и направить его в нужную сторону. Все это очень хорошо при рыбной ловле, но при разматывании бинтов такое устройство клюва создает большие неудобства, так как бинты застревают на зазубринах. Выпь стояла перед нами с клювом, на котором было намотано футов двенадцать бинта, свисавшего вниз самыми причудливыми гирляндами, и напоминала измученного, мрачного Деда Мороза, борода ко-

Дторого растрепалась и сбилась на сторону после получасовой раздачи подарков. Когда мы расхохотались, она возмущенно взглянула в нашу сторону и глухо прокричала что-то сквозь забитый бинтами клюв.

Пришлось вытаскивать выпь из клетки и в течение получаса извлекать пинцетом застрявшие в клюве бинты. К счастью, птице не удалось сбить шины, и сломанная кость удерживалась в прежнем положении. Мы снова перевязали выпь, и у нее был при этом такой покаянный вид, что мне показалось, будто полученный урок пошел ей впрок. Но на следующее утро бинты были снова сорваны и петлями свисали с клюва, и нам снова пришлось перевязывать ее. Но все было напрасно — каждое утро мы заставляли выпь с длинной белой бородой.

— Мне осточертело перевязывать эту проклятую птицу, — заявил я на восьмое утро, когда мы с Джеки вытаскивали бинт из клюва.

— Мне тоже, но что делать? Мы расходует уйму бинтов. Жаль, что мы не догадались захватить с собой лейкопластырь.

— А еще лучше — пластырную повязку... Она бы обманула ее. Но больше всего меня беспокоит то, что все наши труды пойдут впустую. Скорее всего, кости под шинами сдвинулись, и крыло будет кривым, как крокетные ворота.

— Ничего не поделаешь, — с философским спокойствием ответила Джеки. — Остается лишь надеяться и ждать, больше мы ничего не можем придумать.

Итак, на протяжении трех нескончаемых недель мы каждое утро распутывали сорванные бинты и заново перевязывали тигровую выпь. Наконец срок, необходимый для сращения кости, истек, и мы в последний раз удалили бинты с клюва птицы. Вооружившись ножницами, я принялся снимать шины.

— Интересно, что получилось, — сказала Джеки.

— Боюсь, что крыло напоминает теперь штопор, — мрачно ответил я.

Но когда шины были сняты, мы увидели здоровое и прямое крыло. Я с трудом верил своим глазам; никаких следов перелома не осталось, только при тщательном обследовании можно было прощупать небольшое утолщение в том месте, где срослись кости. За время вынужденного безделья мышцы крыла утратили свою силу, и теперь, освобожденное от перевязи, оно заметно отвисало вниз. Однако не прошло и недели, как птица обрела свою прежнюю силу и крыло пришло в нормальное состояние. В течение некоторого времени оно оставалось голым, но постепенно обросло перьями, и когда выпь налетала на миску с едой, шелкая клювом и размахивая крыльями, никто бы не мог сказать, что совсем недавно у нее было сломано крыло. Мы очень гордились выпью, так как она служила не только нагляд-

ным свидетельством нашего искусства врачевания, но и подтверждением того, что даже в самых безнадежных случаях необходимо проявлять настойчивость и бороться до конца. Разумеется, мы не дождались от птицы благодарности — она по-прежнему нападала на нас при каждой кормежке, но косвенно она отблагодарила нас тем, что помогла встретить четырехглазую птицу и анаконду.

Индеец, принесший тигровую выпь, не явился в назначенное время за второй половиной вознаграждения, что показалось мне очень странным. Однако дней десять спустя он все же пришел и был искренне обрадован тем, что мы выходили птицу. Он сказал, что не мог прийти раньше потому, что пытался поймать для нас очень большую — *muu, muu grande*, как он выразился, — и невероятно свирепую змею. Это пресмыкающееся, самое большое из всех, обитающих в Чако, жило в болоте недалеко от его дома и дважды за последние три месяца навещалось в его курятник. Каждый раз индеец преследовал ее до болота, но она исчезала. В прошлую ночь змея в третий раз навела к нему, и теперь он точно знает, куда она спряталась, чтобы переварить добычу. Не захочет ли сеньор, неуверенным тоном продолжал индеец, отправиться вместе с ним ловить змею. Сеньор ответил, что это доставит ему огромное удовольствие, и мы договорились о том, что на следующее утро индеец зайдет за нами и поведет к тому месту, где залегла змея.

Я чувствовал, что предстоящая охота и, как я надеялся, поимка анаконды (ибо речь шла явно о ней) явится превосходным сюжетом для киносъемки, поэтому я заказал на следующее утро повозку, запряженную волами, чтобы посадить в нее Джеки с кинокамерой. Эти повозки снабжены громадными колесами, около семи футов в диаметре, благодаря чему повозка проходит по болотам, где все другие виды транспорта застревают. Количество волов, запрягаемых в повозку, зависит от перевозимого груза; передвигаются такие повозки медленно, ездить на них неудобно, но только с их помощью можно проникнуть в заболоченные районы, недоступные для любых других экипажей. И вот на следующее утро мы спозаранку отправились в путь: я и индеец верхом на лошадях, а Джеки на повозке, запряженной двумя волами с затуманенным взглядом и стоическим характером.

Нам пришлось ехать гораздо дольше, чем я предполагал. Я надеялся добраться до болота раньше, чем солнце поднимется высоко над горизонтом, но и в десять часов утра, когда уже стало жарко, мы все еще пробирались по заросшей колючим кустарником равнине. Скорость движения нашего маленького каравана целиком определялась волами. Они шагали

Д мерной, неторопливой походкой, и, хотя лошади могли идти в два раза быстрее, мы приноравливались к их темпу. Наш путь пролегал по сухой и пыльной местности, и нам приходилось все время ехать бок о бок с повозкой; если бы мы ехали позади, то задохнулись бы в клубах поднимаемой волами пыли, а если бы ушли вперед — сидевшие в повозке задохнулись бы от поднимаемой нами пыли. Вокруг было множество птиц, особенно оживленно суетившихся в этот ранний утренний час, — черта, присущая всем птицам в мире. Кукушки гуира стайками кормились в низком кустарнике рядом с тропой, оживленно чирикая и переговариваясь друг с другом. Они подпускали громыхавшую повозку футов на шесть, а затем дружно срывались с места и с возбужденным щебетом, словно стая бумажных голубей, устремлялись вперед и садились ярдах в двадцати от места взлета. Среди ветвей высоких *palo bogtacho* прыгали и шныряли пять туканов; с ветвей, серебристо мерцая, словно водяная пыль, свисали плети мха. Тулканы испытующе рассматривали нас, выставив вперед большие блестящие клювы и издавая тонкие, пронзительные крики. Почти на каждом пне или любом другом возвышении виднелся маленький белый цветок — вдовушка бентеви с ослепительно белой грудкой. Время от времени они взлетали, словно снежинки, ловко хватая клювом насекомое и, трепыхая изящными черными крылышками, возвращались на место. В одном месте наш путь пересекла кариама, на мгновение она застыла, приподняв одну ногу и с аристократическим высокомерием разглядывая нас, а затем, решив, что мы не представляем для нее никакого интереса, заторопилась дальше, словно опаздывая на какой-то прием.

Вскоре лес поредел, и повсюду заблестела, замерцала вода. Ибисы, аисты и цапли парами прогуливались по густой высокой траве, словно степенные монахи в монастырском саду. Впереди показалась маленькая хижина — жилище нашего проводника, но, чтобы достичь ее, нужно было пересечь нечто вроде небольшой равнины, которая оказалась заросшим травой болотом. Мы вошли в него, и уже через несколько ярдов лошади и волы брели по брюхо в воде. Волы, обладая короткими, крепкими ногами, чувствовали себя довольно сносно, и цепкие корни растений не мешали им продвигаться вперед. Они брели по воде с такой же скоростью, как и по суше, уверенно прокладывая себе дорогу, сминая и раздвигая густую траву. Лошадям пришлось хуже: длинные стебли водяных лилий на каждом шагу обвивались у них вокруг ног, и они то и дело спотыкались. Как только мы выбрались на противоположную сторону, лошади с явным облегчением стряхнули с ног онутавшие их растения, меж тем как волы продолжали шагать, украшенные живописными венками из стеблей и листьев лилий.

Когда мы подъехали к хижине, жена индейца уговорила нас немного отдохнуть и выпить чашку мате. После утомительного путешествия по жаре мы с удовольствием посидели в тени минут десять. Нам с Джеки мате подали в чашках, остальные пили из одного горшка при помощи трубок. Распоряжалась горшком маленькая девочка, торжественно передававшая его по очереди каждому из присутствующих. Отдохнув и подкрепившись, мы поблагодарили хозяйку за гостеприимство и отправились на охоту. Я жестоко ошибался, думая, что самая тяжелая часть маршрута осталась позади. Следующий час потребовал чудовищного напряжения сил. Наш путь пролегал по большому болоту, со всех сторон окруженному лесом, и ни единое дуновение ветерка не смягчало палящего зноя солнечных лучей. Болото было глубокое — вода доходила до осей повозки — и так густо заросло травой и водяными лилиями, что даже волам было трудно идти. Это водное пространство было громадным питомником moskitov самых различных видов и размеров. Они поднимались перед нами в таких количествах, что казалось, мы смотрим через полупрозрачную завесу из переливающихся радужным блеском крыльев. Moskity налетали с пронзительным, радостным жужжанием и облепляли нас, словно корка, наполовину утопали в нашем поту, но все равно со свирепой настойчивостью сосали из нас кровь. Первые несколько минут мы лихорадочно давили их, но потом впали в какой-то гипнотический транс, предоставив им напиваться досыта, потому что, убив одним ударом сотню moskitov, вы освобождали место для миллионов других. Вскоре сквозь зыбкую пелену moskitov я увидел небольшой островок площадью около двухсот квадратных футов, поднимавшийся над сплошным ковром водяных растений. Островок был покрыт густым, тенистым лесом и показался мне прекрасным местом для отдыха.

Наш проводник, вероятно, тоже подумал об этом; он повернулся в седле, небрежным движением смахнул с лица moskitov и показал в сторону острова.

— Señor, bueno, eh?¹

— Si, si, muy lindo², — немедленно согласился я и, повернув обратно, подъехал к повозке, за которой тянулся длинный хвост вырванных растений. Джеки сидела сзади, нахлобучив на голову огромную соломенную шляпу и спрятав лицо под шарфом, обернутым несколько раз вокруг головы.

— Не хочешь отдохнуть? — спросил я.

Из-под шарфа на меня мрачно выглянул один глаз, затем Джеки размотала шарф и открыла красное, распухшее от укусов moskitov лицо.

¹ Сеньор, хорошо, да? (ломаный исп.)

² Да, да, прекрасно (исп.).

Я — Я бы очень хотела отдохнуть, — с ожесточением произнесла она. — Еще я очень хотела бы принять холодный душ, выпить холодного лимонада и иметь под руками вентилятор, только едва ли все это осуществимо в данную минуту.

— Отдохнуть, во всяком случае, можно. Впереди небольшой островок, на нем можно посидеть.

— Где эта проклятая змея?

— Я не знаю, но проводник уверен, что мы найдем ее.

— Очень рада, что хотя бы он в этом уверен.

Наш караван медленно выбрался из болота и вошел в сень леса. Пока мы с Джеки сидели и уныло чесались, оба индейца о чем-то долго разговаривали между собой. Затем наш проводник подошел и сказал, что, по его расчетам, змея должна быть где-то здесь, но, по-видимому, она уползла дальше, чем он предполагал. Он предложил нам подождать на островке, пока он осмотрит местность. Я выразил свое согласие, угостил его сигаретой, и он поехал дальше по болоту с ореолом москитов вокруг головы и плеч. Вздремнув немного и выкурив сигарету, я почувствовал прилив сил и отправился бродить среди кустов, надеясь найти каких-либо пресмыкающихся. Но вскоре, однако, я услышал громкий крик Джеки и помчался к ней.

— В чем дело? — спросил я.

— Иди сюда быстрее и сними ее с меня, — отозвалась Джеки.

— Кого ее? — переспросил я, пробираясь к ней сквозь кустарник.

Джеки сидела с засученной штаниной, к ее голени присосалась огромная пиявка, набухшая кровью и напоминавшая удлинненную винную ягоду.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Пиявка!

— Сама вижу, что пиявка! Сними ее!

— Похожа на лошадиную, — сказал я, опустившись на колени и разглядывая пиявку.

— Меня совершенно не интересует, к какому виду относится эта проклятая тварь! — гневно воскликнула Джеки. — Сними ее, ты же знаешь, что я терпеть их не могу!

Я зажег сигарету и, раскурив ее, приложил раскаленный конец к раздувшемуся задку пиявки. Она отчаянно извивалась с минуту, но в конце концов отцепилась и упала на землю. Я наступил на нее, и она лопнула, словно резиновый шар, выпустив из себя фонтанчик крови. Джеки содрогнулась от отвращения.

— Посмотри, нет ли на мне еще других пиявок.

Я внимательно осмотрел ее, но больше ничего не обнаружил.

— Непонятно, где ты ее подцепила, никого из нас они не потревожили.

— Сама удивляюсь. Может, она упала с дерева? — сказала Джеки и, подняв глаза, стала осматривать ветви деревьев, словно рассчитывая увидеть на них полчища пиявок, собирающихся ринуться на нас. Неожиданно она замерла.

— Джерри, посмотри!

Я поднял голову и увидел, что свидетелем происшествия с пиявкой оказался один из обитателей островка. Примерно на половине высоты дерева, под которым мы сидели, находилось небольшое дупло, и из его темной глубины выглядывало крохотное, величиной с полкроны, покрытое перьями лицо с двумя большими золотистыми глазами. Около минуты оно испуганно смотрело на нас, а затем скрылось в дупле.

— Кто это? — спросила Джеки.

— Это карликовая сова. Сбегай быстренько к ездovому и возьми у него мачете. Только, ради бога, быстрее и не рассказывай ему ничего.

Пока Джеки ходила за ножом, я обошел дерево, проверяя, нет ли у дупла другого выхода, но не обнаружил его. Когда Джеки вернулась с мачете, я быстро срезал длинное тонкое деревце и снял с себя рубашку.

— Что ты собираешься делать?

— Надо как-то заткнуть дупло, пока я не заберусь наверх, — объяснил я, быстро скатывая рубашку в клубок и привязывая ее к вершине шеста. Осторожно подойдя к дереву с этой самодельной затычкой, я подвел ее к дуплу и резким толчком закупорил его.

— Держи так, пока я буду подниматься, — сказал я Джеки, передал ей шест и, вскарабкавшись вверх по стволу дерева, неустойчиво взгромоздился на обломанный сук вблизи того места, где красовалась моя скомканная рубашка. Осторожно, не открывая входного отверстия, я просунул руку в дупло и начал его обшаривать. К счастью, оно оказалось совсем неглубоким, и я скоро почувствовал мягкие удары крыльев птицы. Я ухватил рукой туловище совы, оно было таким маленьким, что я даже усомнился, не принял ли я за сову какую-либо другую птицу. Но в этот момент маленький загнутый клювик больно вонзился в мой большой палец, и я понял, что не ошибся. Я вытащил из дупла руку с зажатой в ней взъерошенной маленькой птичкой, возмущенно смотревшей на меня из моего кулака.

— Поймал! — торжествующе крикнул я. В тот же момент сук, на котором я стоял, обломился, и я вместе со своей добычей полетел на землю. К счастью, я упал на спину, держа сову в вытянутой руке, так что для нее все обошлось благополучно. Джеки помогла мне встать, и я показал ей добычу.

— Это птенец? — спросила она, зачарованно глядя на сову.

— Нет, это просто карлик.

Д — Неужели это взрослая птица? — недоверчиво спросила Джеки, глядя на нахохлившуюся птичку-невеличку, которая сверкала глазами и щелкала клювом с забавным видом разгневанного лилипута.

— Да, это вполне взрослая птица. Это одна из самых маленьких сов в мире. А теперь достанем из повозки ящик и посадим ее туда.

Мы поместили сову в ящик, затянутый проволоочной сеткой. Мохнатый клубочек перьев развернулся, и мы увидели, что сова имеет в длину около четырех с половиной дюймов. Издав тихое, хриплое чириканье, птичка принялась приводить в порядок свое растрепанное оперение. Спинка и головка совы были яркого темно-шоколадного цвета с крохотными серыми крапинками, кремowo-серая грудка была испещрена черными полосками. Погонщик волов не меньше нас был очарован этой птичкой и принялся пространно объяснять мне, что местные жители называют этих сов четырехглазыми. Меня это несколько озадачило, и тогда возчик постучал по деревянной стенке ящика. Когда сова обернулась на звук, я увидел у нее на затылке два серых кружка, отчетливо выделявшихся на темно-шоколадном оперении и действительно очень напоминавших пару широко раскрытых глаз.

Мы все еще любовались совой, когда вновь появился проводник, весь мокрый и облепленный москитами; он взволнованно сообщил нам, что нашел змею. До нее было примерно полмили, она лежала на подстилке из водорослей, плававших на поверхности воды, почти у самого края болота. К ней нужно было подкрадываться незаметно, так как, обнаружив наше приближение, она успела бы доползти до ближайших деревьев, а искать анаконду в густых, колючих зарослях почти безнадежное занятие. Мы отправились в путь и когда, по расчетам проводника, были уже близко от змеи, велели погонщику взять правее к выбранному нами удобному наблюдательному пункту, а сами продолжали идти вперед. Здесь, почти у края, болото было довольно мелким и не таким заросшим, но дно было неровное, и лошади все время спотыкались. Я понял, что, если змея попытается спастись бегством, я не смогу преследовать ее верхом, так как скачка по такому болоту равносильна самоубийству. Таким образом, придется догонять змею пешком, и тут мне впервые пришла в голову мысль: а вдруг змея действительно так велика, как ее описывал наш проводник?

К сожалению, змея заметила нас раньше, чем мы ее. Проводник внезапно вскрикнул и вытянул руку вперед. Футах в пятидесяти от нас на разводе между двумя огромными ворохами плавучих растений я увидел зигзагообразную рябь, быстро двигавшуюся по направлению к лесу. Произнеся краткую молитву, чтобы змея оказалась не настолько велика, чтобы с ней не мог справиться один человек, я бросил поводья моего коня провод-

нику, схватил мешок и прыгнул в тепловатую воду. Двигаться по колено в воде трудно при любых условиях, а в разгар тропического дня это вообще одно из тех безрассудств, которые может себе позволить только зверолов. Я жал из всех сил, пот лил с меня так, что даже москиты не рисковали садиться на мое лицо, между тем зигзагообразная полоса ряби быстро приближалась к берегу. Я был футах в тридцати от берега, когда глянцевитая, черно-желтая анаконда выбралась из воды и начала уползать в высокую траву. Сделав отчаянный рывок, я запутался в стеблях водяных растений и упал лицом в воду. Когда я снова встал на ноги, анаконда уже исчезла. Проклинаю все на свете, я вышел на берег и побрел в том направлении, куда уползла змея, надеясь найти ее по следу на траве. Не успел я пройти и шести футов, как из небольшого куста ко мне метнулась тупая голова с разинутой пастью; я отскочил от нее как ошпаренный. Под кустом лежала анаконда, пятнистое туловище которой так удачно сливалось с окружающим фоном, что в первый момент я просто не заметил ее. После сытного обеда змее, вероятно, было так же трудно передвигаться по болоту, как и мне, и, добравшись до травы, она решила отдохнуть. Лишь когда я почти наступил на нее, она вынуждена была начать борьбу.

Почти в каждой книге о Южной Америке автор рано или поздно (а в некоторых книгах в каждой главе) сталкивается с анакондой. В этих описаниях анаконда обычно достигает в длину от сорока до ста пятидесяти футов, несмотря на то что крупнейшая анаконда, которая когда-либо была достоверно измерена, не превышала тридцати футов. Анаконда обязательно нападает на автора, на протяжении трех-четырех страниц он вырывается из ее мощных объятий, покуда не исхитрится пристрелить ее из своего верного револьвера, либо ее закалывает копьем его верный индеец. Ну а теперь, рискуя заслужить репутацию либо шарлатана, либо чудовищной скромности человека, я должен описать и свою собственную схватку с анакондой.

Начну с того, что анаконда кинулась на меня довольно вяло. Она вовсе не собиралась бросить мне вызов на смертный бой, а лишь метнулась ко мне с разинутой пастью в слабой надежде на то, что я испугаюсь и оставлю ее спокойно переваривать курицу. Сделав этот выпад и подтвердив установившуюся за ее родом репутацию свирепости и воинственности, анаконда свернулась под кустом в тугой узел и теперь лежала, тихо и, я бы сказал, жалобно шипя. Тут мне очень пригодилась бы какая-нибудь палка, но до ближайших кустов было довольно далеко, а я боялся оставить змею. Несколько раз я махал мешком перед ее головой, рассчитывая на то, что анаконда бросится на него и ее зубы застрянут в ткани — этот способ я не без успеха применял ранее при ловле змей. Но анаконда лишь спрятала голову

Д под свои кольца да зашипела чуточку погромче. Я решил, что не сумею обойтись без посторонней помощи, и, обернувшись, начал отчаянно размахивать руками, подзывая проводника, стоявшего с лошадьми посреди болота. Сперва он не хотел подходить ближе и только приветливо махал рукой в ответ, но, увидев, что я начинаю сердиться, направился с лошадьми в мою сторону. Снова повернувшись к кусту, я увидел лишь, что хвост зловредной, свирепой и страшной анаконды поспешно скрывается в траве. Мне осталось только подбежать к змее, схватить ее за конец хвоста и оттащить на прежнее место.

Теперь по всем правилам анаконде следовало обвиться вокруг меня и начать душить своим мускулистым телом. В действительности же она снова свернулась в клубок, издавая тихое, жалобное шипение. Накинув ей на голову мешок, я схватил анаконду сзади за шею. На этом борьба фактически закончилась, змея лежала совершенно спокойно, изредка подергивая хвостом и тихо шипя. Тут подоспел проводник, и справиться с ним оказалось труднее, чем со змеей: он отнюдь не горел желанием помочь мне, а спорить с человеком, одновременно удерживая змею, не очень-то легко. В конце концов я заверил его, что не позволю змее причинить ему вред, и тогда он смело взял мешок и держал его на весу, пока я заталкивал змею внутрь.

— Удалось тебе что-нибудь заснять? — спросил я Джеки, когда мы вернулись к повозке.

— Думаю, что да, хотя снимать пришлось через завесу москитов. Много вам пришлось с ней повозиться?

— Нет, не очень, анаконда вела себя лучше, чем наш проводник.

— А большая она? В видеоискателе она показалась мне огромной, я даже решила, что тебе не справиться с ней.

— Она не особенно велика. Так, средних размеров. Футов восемь, а может, и того меньше.

Повозка и лошади медленно тащились по болоту, на листьях водяных растений уже лежали красноватые отблески заката. Над нашими головами проносились огромные стаи черноголовых коньюров, словно охваченных приступом истерии, которая обычно наблюдается у попугаев перед тем, как они устраиваются на ночлег. Большими беспорядочными группами летали они взад-вперед с громкими, пронзительными криками, между тем как солнце опускалось в лимонно-желтую муть за облаками. Домой мы вернулись к восьми часам, усталые, искусанные москитами и обгоревшие на солнце. После душа и ужина мы снова почувствовали себя людьми. Карликовая сова съела четырех жирных лягушек, сопровождая трапезу забавным восторженным писком, напоминающим мягкое стрекотание сверч-

ка. Анаконда, поглощенная перевариванием пищи, не возражала против того, чтобы ее измерили. От головы до кончика хвоста в ней оказалось девять футов и три дюйма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

САРА ХАГЕРЗАК

Наряду с маленькими крикливыми длиннохвостыми попугайчиками самыми шумными и нахальными представителями птичьего населения нашего лагеря были две чубатые сойки. При некотором сходстве с обычными сойками они отличаются от последних меньшими размерами и более хрупким сложением. Но на этом сходство кончается, так как чубатые сойки обладают длинными, как у сорок, черно-белыми хвостами, у них темные бархатистые спинки и светлые розовато-желтые грудки. Расцветка головы у них очень своеобразная. На лбу торчком стоят короткие, черные, пушистые перья, глядя на которые можно подумать, что птичку только что специально подстригли «ежиком». Сзади, на затылке, перья беловато-голубые, гладко прилизанные и производят впечатление небольшой лысины. Над блестящими, озорными золотистыми глазами нависают густые «брови» — яркие светло-голубые перья, придающие птицам удивленное выражение.

Сойки были убежденными скопидами. Их девизом было: «Запас кармана не дерет». Любая другая птица, если ей положить больше рубленого мяса, чем она в состоянии съесть, беззаботно разбрасывает остатки по всей клетке. Не так поступают сойки: все, что они не могут съесть сразу, они тщательно, до последнего кусочка, собирают и складывают в банке для воды. По какой-то неизвестной нам причине они решили, что банка для воды служит самым подходящим местом для хранения запасов продовольствия, и мы никак не могли их в этом разубедить. Я пытался ставить им две банки для воды, с тем чтобы одной они пользовались по назначению, а в другую складывали мясо. Это привело их в восторг, и они начали быстро наполнять мясом обе банки. Кроме того, сойки запасались земляными орехами, которые они очень любили. В их клетке были щели и выемки, очень удобные для хранения земляных орехов, если не считать того, что орехи были слишком велики и не влезали в них. Сойки брали орех, взбирались с ним на жердочку, каким-то очень остроумным способом прижимали его лапкой и наносили несколько сильных ударов клювом, пока орех не раска-

Д лывался. После этого они загоняли куски ореха в щели. Если некоторые куски оказывались слишком большими, вся операция повторялась сначала. То же самое они проделывали и тогда, когда ели земляные орехи, при этом, расколов орех, они тщательно собирали все кусочки и клали их минут на десять в банку с водой, чтобы немного размягчить.

Одной из самых приятных особенностей соек была их исключительная разговорчивость; они все время о чем-то говорили, и всегда приглушенными голосами. Они могли часами сидеть на жердочках, глядя друг на друга с высоко задранными бровями и ведя оживленную беседу при помощи разнообразных сочетаний пронзительных криков, хриплых звуков, трелей, кудахтанья и тявканья; и удивительно было, как много чувства и выражения вкладывали сойки в эти звуки. Они были превосходными подражателями и в течение нескольких дней включили в свой репертуар лай собак, торжествующее кудахтанье несущихся кур, пение петухов, пронзительные крики енота Пу и даже металлический стук молотка Юлия Цезаря Центуриана. Покончив с завтраком, сойки принимались сплетничать, и из их клетки неслось такое обилие разнообразнейших звуков, словно там находились не две сойки, а два или три десятка различных птиц. За короткое время они научились подражать голосам всех обитателей нашего лагеря и явно гордились этим. Но с появлением в лагере Сары Хагерзак к общему хору присоединился новый голос, который сойкам при всем их старании так и не удалось воспроизвести.

Однажды после полудня Паула вошла в нашу комнату с подносом в руках вдвое быстрее обычного. Едва не облив меня горячим супом, она стала умолять поскорее пройти в кухню — какой-то индеец принес туда *bicho*, очень большого и страшно свирепого. Нет, она не знает, что это за *bicho*, он сидит в мешке, и она его не видела, но зверь все время рвет мешок, и она опасается за свою жизнь. За дверью я увидел индейского юношу, присевшего на корточки и жевавшего соломинку; он смотрел на лежавший рядом с ним маленький мешок, который непрерывно ерзал по полу и время от времени издавал возмущенное фыркание. Единственным признаком, позволявшим догадываться о содержимом мешка, был большой загнутый коготь, высунувшийся наружу. Однако и это мне не помогло; я не мог вспомнить зверя, который занимал бы так мало места в мешке и в то же время обладал бы таким длинным, большим когтем. Я взглянул на юношу, он в ответ широко улыбнулся и энергично качнул головой с длинными, прямыми, черными как сажа волосами.

— Buenos días, señor¹.

¹ Добрый день, сеньор (исп.).

— Buenos días. Tiene un bicho?¹ — спросил я, показывая на танцующий мешок.

— Si, si, señor, un bicho muy lindo², — серьезно ответил он.

Я решил развязать мешок и посмотреть, что там находится, но сперва нужно было выяснить, с кем я имею дело: я не хотел давать лишние шансы обладателю такого длинного когтя.

— Es bravo?³ — спросил я.

— No, no, señor, — улыбаясь, ответил индеец. — Es manso — es chiquitito — muy manso⁴.

При моем знании испанского языка мне трудно было объяснить, что молодость зверя еще не говорит о его кротости. Большинство своих самых внушительных шрамов я приобрел от детенышей, на первый взгляд не способных убить и таракана. Уповая на бога и пытаясь вспомнить, где хранится пенициллиновая мазь, я схватил ерзающий мешок и развязал его. На несколько секунд все стихло, а затем между складками показалась длинная, изогнутая, вытянутая морда с маленькими мягкими шерстистыми ушами; спрятанные в пепельно-сером мехе, на меня взглянули два крохотных затуманенных глаза, похожие на влажные черные смородинки. Последовала новая пауза, затем на конце морды раскрылся маленький, четко очерченный рот и из него аккуратно высунулся тонкий серовато-розовый язык. Он тут же спрятался обратно, рот раскрылся чуточку пошире и издал звук, который не поддается описанию. Это было нечто среднее между рычанием собаки и хриплым мычанием теленка со слабым намеком на простуженный вой пароходной сирены во время тумана. Звук был таким громким и необычным, что Джеки с испуганным видом выскочила на веранду. К этому времени голова животного снова скрылась в мешке, и теперь оттуда торчал лишь кончик его носа. Джеки взглянула на мешок и нахмурилась.

— Что это за штука там торчит? — спросила она.

— Это кончик носа детеныша гигантского муравьеда, — радостно отозвался я.

— Это он так страшно кричит?

— Да, он только что приветствовал меня по обычаям, принятым у муравьедов.

Джеки тяжело вздохнула.

¹ Добрый день. У тебя какое-то животное? (исп.)

² Да, да, сеньор, очень красивый день (исп.).

³ Он злой? (исп.)

⁴ Нет, нет, сеньор. Он ручной — он маленький и совсем ручной (исп.).

Д

— Мало того, что нас весь день оглушают сойки и попугаи, теперь к ним добавится еще и этот фагот.

— Он будет спокойным жильцом, когда приживется у нас, — безответственно заявил я, и, как бы отвечая мне, муравьед высунул голову из мешка и повторил свой сольный номер на фаготе.

Я шире раскрыл мешок и заглянул внутрь. Меня поразило, что столь маленькое существо, длина которого от изогнутого рыльца до конца хвоста не превышает двух с половиной футов, может издавать такие оглушительные звуки.

— Да ведь он еще совсем крохотный! — изумленно сказал я. — Ему, должно быть, не больше недели от роду.

Джеки подошла ближе, заглянула в мешок и замерла от восторга.

— Ах, какая прелесть! — заворковала она, считая само собой разумеющимся, что перед ней самка. — Ах ты, моя маленькая... Рассчитайся скорее с хозяином, я возьму ее домой.

Джеки подняла мешок и осторожно понесла его в комнату, оставив меня вдвоем с индейцем.

Вернувшись домой, я попытался вытащить муравьеда из мешка, но это оказалось нелегкой задачей, так как длинные загнутые когти на его передних лапах вонзились в мешковину, словно клещи. В конце концов мы с Джеки совместными усилиями вытащили зверька. Впервые мне пришлось иметь дело с детенышем гигантского муравьеда, и я с удивлением обнаружил, что почти во всех отношениях он является копией взрослого животного. Основное различие заключалось в том, что шерсть у детеныша была короткая, а на спине вместо гривы длинных волос торчала грядка редкой щетины. Хвост детеныша, напоминавший лопасть весла от каноэ, покрытую волосами, также не походил на огромный волосатый хвост взрослого муравьеда. К моему огорчению, средний большой коготь на левой лапе животного был сорван и висел на ниточке. Пришлось осторожно удалить его и продезинфицировать ранку на пальце; муравьед отнесся к этой операции очень спокойно, он лежал у меня на коленях, уцепившись одной лапой за брюки, и терпеливо дожидался, пока мы обработаем другую. Я думал, что муравьеда предстоит до конца жизни ходить без большого когтя, но ошибся: коготь постепенно начал снова отрастать.

В мешке и у меня на коленях муравьед вел себя с большим достоинством и уверенностью, но как только мы спустили его на пол, он с диким ревом начал беспорядочно кружиться и кружился до тех пор, пока не наткнулся на ногу Джеки. С радостным криком он вцепился в нее и принялся карабкаться вверх. Так как брюки у Джеки были очень тонкие, зверек больно царапался, и нам стоило немалого труда отцепить его. Муравьед тут

же прилепился, словно пиявка, к моей руке, и не успел я опомниться, как он взобрался на мои плечи и улегся там наподобие лисьего воротника, свесив мне на грудь с одной стороны свой длинный нос, а с другой стороны хвост и вцепившись когтями в шею и спину, чтобы не упасть. Попытка снять его была встречена негодующим фырканием, зверек еще сильнее вонзил в меня когти, и это было так больно, что я решил оставить его в покое на время ленча. Пока я ел тепловатый суп, муравьед дремал у меня на плечах; я старался не делать резких движений и не будить его, так как, испугавшись, он мог еще глубже вонзить мне в шею свои железные когти. Все осложнилось еще и тем, что Паула отказывалась заходить в комнату. Я не мог спорить с ней, так как любой неосторожный поворот головы подвергал серьезной угрозе мою яремную вену. Подкрепившись, мы предприняли новую попытку снять муравьеда с моих плеч, но после того как он разорвал мою рубашку в пяти местах и поцарапал шею в трех, мы оставили его в покое. Трудность состояла в том, что, как только Джеки удавалось отцепить одну лапу и она переходила к другой, муравьед немедленно возвращал первую в прежнее положение. Я пачинал чувствовать себя Синдбадом, которого оседлал хромо́й старик. Внезапно мне пришла в голову мысль.

— Набей мешок травой, дорогая, и когда отцепишь одну лапу, положи ее на мешок.

Эта простая уловка дала блестящие результаты, и мы спустили на пол набитый травой мешок, за который крепко уцепился муравьед с блаженным выражением на морде.

— Как мы назовем ее? — спросила Джеки, обрабатывая мои боевые раны.

— Как тебе нравится Сара? — предложил я. — Мне кажется, это имя к ней подходит. Давай назовем ее Сара Хагерзак.

Итак, Сара Хагерзак вошла в нашу жизнь. Она оказалась на редкость очаровательным, милым существом. До встречи с нею мне уже приходилось иметь дело с гигантскими муравьедами; я поймал несколько взрослых животных во время поездки в Британскую Гвиану, но никогда не обнаруживал в них ни особенного интеллекта, ни яркой индивидуальности. Сара вынудила меня изменить мое мнение.

Прежде всего она оказалась исключительно голосистой и без малейших колебаний начинала кричать во все горло, если ей что-либо не нравилось, между тем как взрослые муравьеда́ обычно очень молчаливы и лишь изредка позволяют себе издавать тихое шипение. Стоило запоздать с кормежкой или отказать зверьку в ласке, когда он этого требовал, и муравьед добивался своего одной только силой своих легких. Хотя я не мог преодолеть

Доблазна приобрести детеныша муравьеда, я покупал его с тяжелым сердцем, так как даже взрослые муравьеды, соблюдающие и на воле очень строгую диету, с большим трудом привыкают к той пище, которую им дают в зверинцах. Попытка выходить детеныша муравьеда, которому исполнилась всего одна неделя, сулила, мягко говоря, мало надежды на успех. С самого начала пошли затруднения с кормлением: соски, которыми мы располагали, оказались слишком велики для крохотного рта Сары. Паула приступила к лихорадочным поискам и нашла у кого-то в поселке потерявшую соску. Соска была тех же размеров, что и наша, но от длительного употребления сделалась мягкой, и Сара сумела к ней приспособиться. Она так привязалась к этой соске, что, когда впоследствии у нас появилась возможность предложить ей другую, она отказалась и упорно требовала старую; она сосала ее с таким ожесточением, что соска из ярко-красной сделалась бледно-розовой, а потом и вовсе белой. Она стала настолько дряблой, что уже не держалась на горлышке, а отверстие в ней до того расширилось, что молоко лилось теперь в горло Сары не маленьким ручейком, а обильной струей.

Нам очень повезло, что Сара прибыла в лагерь в младенческом возрасте и мы могли изо дня в день наблюдать за ее развитием. Наблюдая ее, я узнал много нового об образе жизни муравьедов. Большой интерес представляют когти муравьеда. Его передние лапы устроены таким образом, что при ходьбе животное опирается на суставы пальцев, а два больших когтя торчат внутрь. Назначение этих когтей состоит прежде всего в том, чтобы разрывать муравейники и добывать пищу. Я видел также, как взрослые муравьеды используют когти в качестве расчески. Сара на первых порах использовала свои когти только для того, чтобы цепляться ими, — самки муравьедов носят своих детенышей на спине. Взрослое животное с лапами, снабженными длинным когтем, отогнутым назад наподобие лезвия перочинного ножа, обладает удивительной цепкостью, и я несколько не удивлялся тому, что раз уж Сара во что-нибудь вцеплялась, ее просто невозможно было оторвать. Я уже говорил, что при малейшем движении предмета, на котором она сидела, Сара вцеплялась в него еще сильнее. Надо полагать, ношение детенышей на спине связано для самок муравьеда с большими неприятностями.

Сара использовала когти и во время еды. Когда она сосала из бутылки, ей очень нравилось обхватить одним когтем мой палец, а другой поднять вверх в приветственном жесте. Время от времени, примерно каждые пятнадцать секунд, она опускала коготь и прижимала им соску. Мне каждый раз казалось, что соска вот-вот прорвется, но я никак не мог отучить Сару от этой привычки. Стало быть, самка муравьеда страдает от когтей своего

детеныша не только тогда, когда он сидит у нее на спине, но и во время кормления. Некоторое представление о силе, которой обладали лапы зверька, можно получить из следующего примера: однажды я вложил в переднюю лапу пустую спичечную коробку, и когда Сара слегка сжала ее, коготь проткнул коробку насквозь, а при полном сжатии она была смята в лепешку. И вот что удивительнее всего: я положил коробку не плашмя, а стоймя, и раздавить ее было нелегко.

При выкармливании детеныша дикого животного самой трудной бывает обычно первая неделя; даже в тех случаях, когда он ест хорошо, трудно сразу установить, усваивает ли он молоко, которое получает. Поэтому первые семь дней необходимо внимательно следить за работой кишечника животного и проверять, нормально ли переваривается пища. Понос или запор свидетельствуют о том, что пища либо слишком обильна, либо не содержит достаточного количества питательных веществ, и в обоих случаях необходимо соответственно менять диету. В первую неделю Сара доставила нам немало хлопот. Она ходила мало и круто, но больше всего нас огорчало то, что она облегчалась лишь раз в два дня. Решив, что молоко, которое мы ей даем, недостаточно питательно, я увеличил в нем содержание витаминов, но это ничего не дало. Мы стали чаще кормить ее, но она упорно продолжала придерживаться сорокавосемичасовых интервалов. Тогда мы решили, что запоры связаны с недостатком физических упражнений, хотя в естественных условиях, сидя на спине матери, маленький муравьед едва ли много двигается, разве что в то время, когда мать добывает пищу. И вот мы с Джеки стали ежедневно по полчаса медленно гулять по лагерю, а Сара с возмущенными криками ковыляла за нами, пытаясь вскарабкаться на наши ноги. Но все эти навязанные ей упражнения не принесли никаких результатов, а Сара относилась к ним с таким явным неодобрением, что мы вскоре отменили прогулки. Она почти все время дремала в своем ящике, вцепившись в мешок с соломой, а живот ее постепенно раздувался все больше и больше. Затем наступала минута, живот освобождался от лишней тяжести и приобретал нормальные размеры, и на несколько часов — до ближайшей кормежки — фигура ее становилась стройной и грациозной. Поскольку такое необычное функционирование кишечника не причиняло животному видимого ущерба, я в конце концов перестал обращать на это внимание, решив, что так бывает у всех детенышей муравьедов. И очевидно, так оно и есть на самом деле, потому что, когда Сара немного подросла и начала спать без мешка, ее кишечник стал функционировать нормально.

Сара очень любила ласку и охотно ласкалась сама. Когда я прижимал ее к груди, поддерживая одной рукой, я чувствовал, как она льнет ко мне без всякого судорожного цеплянья; но больше всего Сара любила лежать у

Д меня на плечах; постепенно, по несколько дюймов за один прием, надеясь, что я этого не замечу, она карабкалась вверх, пока не укладывалась на моих плечах. На первых порах она страшно не любила, когда ее ссаживали на землю, и поднимала отчаянный рев. Когда я брал ее на руки, она судорожно вцеплялась в меня и ее сердце стучало, словно отбойный молоток. Она соглашалась сидеть на земле лишь в том случае, если могла держаться за ногу или за руку, — это придавало ей уверенности в себе.

Когда Саре исполнился месяц, она стала более спокойно относиться к тому, что ее оставляют на земле, но при этом предпочитала, чтобы я или Джеки находились где-нибудь поблизости. Как у всех муравьедов, у нее было очень плохое зрение, и стоило отойти от нее больше чем на пять футов, как она теряла нас из виду, даже если мы двигались. Лишь по запаху или по звуку она могла определить наше местонахождение. Если мы стояли молча и не шевелились, Сара начинала беспокойно кружиться, поводя в воздухе своим длинным носом и пытаясь нас обнаружить.

С возрастом Сара становилась все шаловливее и резвее. Прошли те времена, когда я, открывая клетку в часы кормления, заставлял ее возлежащей на ложе наподобие римского патриция. Теперь, не успевал я открыть дверь, Сара вихрем налетала на меня, тяжело сопя от возбуждения, и с такой жадностью набрасывалась на бутылку, словно несколько недель ничего не ела. К вечеру она особенно оживлялась, а после ужина энергия была в ней ключом. Живот ее раздувался, как шар, но это не мешало ей с удовольствием заниматься боксом, стоило только легонько дернуть ее за хвост. Повернув голову и глядя близорукими глазами через плечо, Сара медленно поднимала свою здоровенную переднюю лапу, а затем стремительно оборачивалась и наносила удар. Если после этого я притворялся, что больше не интересуюсь ею, она несколько раз с деловитым видом проходила мимо, соблазнительно близко волооча свой хвост. После того как я второй раз держал ее за хвост, она меняла тактику; теперь она сразу поворачивалась, вставала на задние лапы, поднимала передние над головой, словно собираясь нырнуть, и падала плашмя, рассчитывая на то, что я подставлю ей руку. На третий раз она придумывала что-нибудь новое, и так продолжалось до тех пор, пока она не израсходует весь избыток энергии, после чего наступал следующий этап игры. Я клал ее на спину и щекотал под ребрами, а она блаженно почесывала себе живот длинными когтями. Когда мы уставали, мы объявляли Сару победителем, беря ее на руки и держа над ней венки, после чего она поднимала передние лапы и соединяла их над головой, как обычно делают чемпионы по боксу или борьбе. Сара так привыкла к этим вечерним играм, что, когда однажды по какой-то причине мы не могли с ней заняться, она весь следующий день дулась на нас.

Другие наши любимцы — Кай, Фокси и Пу — ревновали нас к Саре, видя, как мы носимся с нею. Однажды, беспечно слоняясь по лагерю, Сара направилась к тому месту, где был привязан Пу. Кай и Фокси внимательно следили за ней, заранее предвкушая, какую взбучку она сейчас получит. Пу бесстрастно, словно Будда, восседал на обычном месте, поглаживая брюхо розоватыми лапами и задумчиво глядя на Сару. Полный коварства, он ждал, пока она пройдет мимо, а затем наклонился вперед, схватил ее за хвост и хотел укусить его. На первый взгляд Сара была глупой и неуклюжей, но по опыту наших вечерних игр я знал, что при желании она может проявить необыкновенное проворство. Так и случилось. Сара мгновенно обернулась, встала на задние лапы и отвесила еноту внушительную оплеуху. Пу, удивленно ворча, обратился в бегство и спрятался в своем ящике. Но Сара уже вошла в боевой азарт и не собиралась так легко простить своего обидчика; ошестинившись, она начала кружить по площадке, поводя носом в воздухе и пытаясь определить, куда исчез Пу. Обнаружив ящик, она принялась колотить его, а Пу дрожал от страха внутри. Фокси увидел, что она приближается к нему, и поспешил спрятаться в кустах. Кай удобно устроился на вершине своего шеста и о чем-то тихо беседовал сам с собой. Проходя мимо, Сара заметила шест и, все еще пылая гневом, решила на всякий случай проучить его. Подскочив к шесту, она нанесла ему несколько аперкотов, шест закачался из стороны в сторону, а Кай вцепился в верхушку, громкими криками призывая на помощь. И лишь когда шест стал крениться к земле, а Кай закатился в истерику, Сара решила, что поле боя осталось за нею, и пошла бродить дальше. С тех пор никто из этой компании не решался строить козни против Сары.

Птицы с удивительным единодушием ненавидели нашего маленького муравьеда. Я объясняю это тем, что его длинный тонкий нос напоминает змею, и этого оказалось достаточным для пернатых. Однажды я услышал страшный шум в птичьем секторе лагеря и, отправившись туда, увидел, что Сара каким-то образом выбралась из своей клетки и просунула нос сквозь проволочную сетку клетки кариам, к которым она испытывала определенную симпатию; однако кариамы не разделяли ее дружеских чувств и пронзительными криками призывали на помощь. Услышав мой голос, муравьед потерял всякий интерес к кариамам, бочком поскакал ко мне, вскарабкался по моим ногам до пояса и расположился там со счастливым вздохом.

Сара жила у нас уже несколько недель, когда в Чако начались зимние дожди. Пора было подумать о том, как проехать тысячу с лишним миль до Буэнос-Айреса и сесть на пароход. До отъезда нам предстояло выполнить еще одну серьезную работу — отснять кинофильм о жизни нашего зверин-

Да. Я тянул с этим делом до последних дней, желая собрать для фильма побольше «звезд», и отвел для съемки последние три недели нашего пребывания в Чако. После этого мы рассчитывали плыть вниз по реке до Асунсьона. Таков был наш план, но тут грянул гром.

Однажды утром Паула принесла нам чай страшно взволнованная и стала что-то рассказывать так быстро и несвязно, что я долго не мог понять, в чем дело, а когда наконец понял, расхохотался от всей души.

Джеки, еще не пришедшая в себя после сна, захотела узнать, что меня так рассмешило.

— Паула говорит, что в Асунсьоне произошла революция, — ответил я, давась от смеха.

— Неужели это правда? — сказала Джеки, присоединяясь к моему веселью. — Слов нет, Парагвай оправдывает свою репутацию.

— Удивительно, как еще парагвайцы знают, кто стоит у власти, так часто свергают они правительства, — продолжал я с веселой самонадеянностью человека, считающего своих соотечественников слишком хладнокровными для того, чтобы тратить пули и проливать кровь ради политики.

— Надеюсь, нас это никак не затронет? — спросила Джеки, задумчиво прихлебывая чай.

— Конечно, нет! Вероятно, все кончится в течение нескольких часов, ты ведь знаешь, как это происходит. У нас национальная игра — футбол, у них — революции; несколько выстрелов — и все будут довольны. На всякий случай я схожу в поселок, узнаю новости на радиостанции.

Пуэрто-Касадо мог похвастаться даже такой роскошью, как небольшая радиостанция, она поддерживала прямую связь со столицей. С ее помощью мы посылали в Асунсьон заказы на продовольствие и получали все необходимое ближайшим пароходом.

— Схожу туда после завтрака, — сказал я. — Но меня не удивит, если к тому времени все будет кончено.

К сожалению, я был не прав.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Позавтракав, я пришел на радиостанцию и спросил радиста, не слышал ли он, какая команда забила решающий мяч в революции. Сверкая глазами и оживленно жестикулируя, он сообщил мне последние известия, и мне вдруг стало ясно, что положение было не из шуточных. В Асунсьоне твори-

лось что-то невообразимое, по всему городу шли уличные бои. Основными центрами борьбы были полицейское управление и военное училище, где восставшие осадили правительственные войска. Еще серьезнее было то обстоятельство, что восставшие овладели аэродромом и вывели из строя все самолеты, сняв с них важнейшие части. Но хуже всего, с нашей точки зрения, было то, что восставшие контролировали реку, и пароходное сообщение могло возобновиться только после того, как революция закончится. Последняя новость просто потрясла меня, потому что только по реке мы могли доставить наших животных в Буэнос-Айрес. Радист сообщил, что, когда он в последний раз вызывал Асунсьон, никто не отвечал; очевидно, персонал столичной радиостанции либо разбежался, либо перебит.

Я вернулся домой окончательно протрезвевший и поведал Джеки о случившемся. Ситуация застала нас врасплох. Не говоря уже ни о чем другом, наши паспорта и большая часть денег были в столице, а без них мы ничего не могли сделать. Мы пили чай и обсуждали наше положение, а Паула толклась вокруг, искренне сочувствуя нам и время от времени делая замечания, которые только еще больше угнетали нас. Не желая быть пессимистом, я высказал предположение, что, может быть, через несколько дней одна из сторон победит и положение прояснится, но Паула с гордостью возразила, что в Парагвае вообще не бывает таких коротких революций; последняя, например, продолжалась полгода. Возможно, наивно сказала она, нам придется полгода просидеть в Чако. Это позволит нам значительно пополнить наш зверинец. Сделав вид, что я не слышу ее, я выразил надежду, что бои скоро закончатся, жизнь войдет в нормальную колею и мы доберемся на пароходе до Буэнос-Айреса. Но тут Паула положила конец моим необузданным фантазиям, заметив, что это маловероятно; во время последней революции восставшие по каким-то непонятным соображениям потопили весь речной флот, дезорганизовав коммуникации как правительственных войск, так и собственных сил.

Я впал в отчаяние и, переметнувшись в лагерь пессимистов, заявил, что в худшем случае мы можем перебраться через реку в Бразилию, а уж там по суше доберемся до побережья. Но Джеки и Паула немедленно отвергли эту идею; Джеки сказала, что мы вряд ли сможем предпринять тысячемильное путешествие по Бразилии без паспортов и денег, а Паула заметила, что во время последней революции бразильцы выставили на своем берегу пограничные посты и не пропускали на свою территорию повстанцев, пытавшихся скрыться от правосудия. Вполне возможно, мрачно добавила она, что, если мы попытаемся переправиться через реку, бразильцы примут нас за вождей революции, спасающихся бегством. На это я не без ехидства возразил, что вряд ли вождь революции будет спасаться от ка-

Д рающей руки правосудия вместе с женой, детенышем муравьеда, несколькими дюжинами птиц, змеями, млекопитающими и снаряжением, состоящим из магнитофонов и киноаппаратов. Но Паула сказала, что бразильцы совсем не «*simpa ticos*»¹ и пограничники могут просто не обратить на это внимания.

После оживленного обмена мнениями воцарилось унылое молчание. Внезапно Джеки осенила блестящая мысль. Незадолго до этого мы познакомились с одним американцем, долговязым молчаливым человеком, очень похожим на Гарри Купера. У него было ранчо милях в сорока вверх по реке, и в свое время он говорил, чтобы мы без всякого стеснения связались с ним по радио, если нам понадобится помощь. Он жил в Парагвае уже много лет, и Джеки предложила обратиться к нему за советом. Я снова отправился на радиостанцию и убедил радиста установить связь с ранчо американца.

Вскоре я услышал из репродуктора его мягкую, протяжную речь, слегка искаженную шумами, треском и атмосферными помехами. Поспешно объяснив, почему я его беспокою, я спросил у него совета. Его совет был прост и ясен: при первой же возможности покинуть страну.

— Но каким образом? — спросил я. — Пароходы не ходят, нам не на чем вывезти животных.

— Животных придется оставить.

— Хорошо, допустим... — ответил я, чувствуя, как что-то оборвалось у меня в груди. — Но как нам выбраться самим?

— У меня есть самолет... правда, маленький, четырехместный. В удобный момент я подошлю его к вам, и вы сможете улететь. Иногда во время революций бывают перерывы для переговоров, и мне кажется, что в ближайшие дни такой перерыв наступит. Итак, будьте готовы, я постараюсь предупредить вас заранее, если только сумею.

— Спасибо... большое спасибо, — пробормотал я в полнейшей растерянности.

— Значит, решено. Счастливо вам добраться, — ответил мой собеседник, и, громко затрещав, репродуктор умолк.

Я рассеянно поблагодарил радиста и побрел домой в таком тяжелом настроении, какого никогда еще не испытывал. После многих месяцев тяжелой работы собрать чудесную коллекцию животных и вдруг узнать, что все пошло насмарку и их придется отпустить только из-за того, что какой-то парагваец хочет силой захватить президентское кресло, — тут не с чего было радоваться. Когда я рассказал Джеки о результатах разговора, она

¹ Симпатичные (исп.).

прониклась теми же чувствами, и мы полчаса перемывали косточки руководителям восстания. Наше положение от этого не улучшилось, но мы по крайней мере отвели душу.

— Ну, ладно, — сказала Джеки, когда мы исчерпали весь запас бранных эпитетов. — Каких животных придется отпустить?

— Он сказал, чтобы мы отпустили всех, — ответил я.

— Но это же невозможно! — возмутилась Джеки. — Мы не можем отпустить всех, многие не проживут на воле и двух минут. Некоторых мы должны взять с собой, даже если придется оставить большую часть нашей одежды.

— Видишь ли, если даже мы отправимся голыми, мы не сможем взять с собой больше трех или четырех самых маленьких зверьков.

— Что ж, это все-таки лучше, чем ничего.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но мы все равно должны решить, кого оставить, кого взять с собой.

Некоторое время мы молча размышляли.

— Во всяком случае, Сару-то мы должны взять, — проговорила наконец Джеки. — Ведь она еще совсем маленькая и вряд ли выживет без нас.

— Да, конечно... но не забудь, что она страшно тяжелая.

— Дальше идет Кай, — продолжала Джеки, увлекаясь своими спасательными работами. — Мы не можем оставить его... и Пу тоже, бедняжку. Ведь они совсем ручные, и, если их отпустить, они подойдут к первому встречному и могут поплатиться за это жизнью.

— Я обязательно должен захватить пару оранжевых броненосцев, это слишком большая редкость, чтобы бросать их, — радостно сказал я. — Да, и рогатых жаб тоже, и этих смешных черных лягушек.

— И кукушек, — подхватила Джеки. — И соек: они слишком ручные, чтобы оставлять их на произвол судьбы.

— Постой! — сказал я, опомнившись. — Если продолжать в том же духе, придется взять весь зверинец, и для нас самих не останется места в самолете.

— Я уверена, что эти несколько животных весят очень немного, — убежденно заявила Джеки. — А клетки для них на время поездки можно сделать полегче.

— Да, разумеется. Попробую соорудить их из проволоки.

Воспрянув духом при мысли, что, может быть, нам удастся спасти хотя бы несколько собранных нами животных, мы приступили к работе. Джеки принялась упаковывать вещи, разделив их на две части — те, которые мы должны были взять с собой, и те, которые можно было свободно оставить;

Д в число первых входили магнитофон, пленки и тому подобное, в число последних — одежда, полотенца, сети, ловушки и так далее. Я вооружился ножницами, мотком проволоки и рулоном тонкой металлической сетки и приступил к изготовлению легких, но достаточно прочных клеток, в которых можно было бы довести животных до Буэнос-Айреса. Это была нелегкая работа, так как металлической сетке нужно было придать нужную форму, прошить ее проволокой, а затем прощупать и заделать все острые концы. После двух часов работы я сделал одну клетку, достаточно большую, чтобы в ней поместилась Сара; мои руки и пальцы были окровавлены и исцарапаны.

— Как у тебя дела? — спросила Джеки, появившись с чашкой горячего чая.

— Прекрасно, — ответил я, осматривая израненные пальцы. — Мне кажется, я отбываю пожизненное заключение в Дартмуре. Готов поклясться, что по сравнению с этой работой труд каторжников выглядит детской забавой.

Я продолжал калечить свои руки, Джеки принимала у меня готовые клетки и обшивала их мешковиной при помощи длинной штопальной иглы. Так к десяти часам вечера мы соорудили клетки для всех животных, которых хотели взять с собой. Клетки вышли очень легкие, так как были сделаны из одной проволоки и мешковины, но в то же время достаточно теплые и прочные. Разумеется, они были не особенно просторны, но суточное путешествие в Буэнос-Айрес животные могли перенести в них без всякого вреда для себя. Самой тяжелой была клетка Пу; поскольку он имел разбойничью повадку вырываться из заключения, пришлось закрепить клетку на деревянном каркасе. Усталые и измученные, мы еле добрались до своих постелей.

— Завтра утром начнем выпускать животных, — сказал я, выключая свет и думая о том, что это занятие будет не из приятных.

На следующий день я тянул с освобождением животных до последнего момента, пока у меня не осталось никаких оправданий для проволоочки. Первой я решил выпустить тигровую выпь. Ее крыло полностью зажило, и в сочетании с отвратительным характером птицы это избавляло меня от угрызений совести и сомнений в том, сумеет ли она сама позаботиться о себе. Я вытащил выпь из клетки, не обращая внимания на ее громкие протесты, отнес к краю небольшого болота, граничившего с нашим лагерем, и посадил на дерево. Выпь сидела на ветке, пьяно покачиваясь взад-вперед и издавая громкие удивленные крики. Следующим на очереди был Дракула, гололицый ибис. Пока я нес его к болоту, он возбужденно щебетал, но как

только я посадил его в высокую траву и пошел прочь, он встревоженно пискнул и бросился за мной. Я снова взял ибиса на руки, отнес его на болото и побежал домой, преследуемый истерическими воплями перепуганной птицы.

После этого я занялся попугаями, которых мне с большим трудом удалось выгнать из клеток. Оказавшись на воле, они расселись на ветках ближайшего дерева и периодически оглашали воздух оглушительными криками. Как раз в этот момент я услышал пронзительное торжествующее чирикание и, обернувшись, увидел, что Дракула возвращается в лагерь. Я схватил его и снова отнес на болото, но тут же обнаружил, что тигровая выпь с решительным видом быстро приближается к лагерю, тяжело перелетая с ветки на ветку. Отогнав обеих птиц к болоту, я начал выгонять из клеток чернолицего ибиса и кариам. С горя я сделал большую ошибку, выпустив обеих кариам одновременно, и не успел опомниться, как в меня полетели пух и перья, а воздух огласился негодующими криками птиц, стремившихся доказать друг другу свое превосходство. Разняв их при помощи метлы, я отогнал кариам в кусты подальше друг от друга. Разгоряченный, взволнованный и немало возмущенный тем, что птицы не поддерживают меня в моей трудной деятельности, я вдруг заметил, что попугаи, воспользовавшись случаем, спустились с деревьев и теперь сидят рядком на крышах своих клеток, глядя на меня печальными глазами и дожидаясь, когда я открою дверцы и пушу их домой.

Я решил на время оставить птиц в покое и занялся млекопитающими и пресмыкающимися. Отобрав двух броненосцев, которых мы собирались взять с собой, я прогнал всех остальных в близлежащие кусты. Других животных я рассадил кружком вокруг лагеря, чтобы им виден был простор равнин; я надеялся, что они не доставят мне особенных хлопот. Лучше всех вели себя пресмыкающиеся; к моему облегчению, они не собирались оставаться в лагере и довольно быстро уползли в болото. Решив, что я достаточно поработал в это утро (по крайней мере с точки зрения животных), я отправился домой перекусить.

Ленч прошел в хмуром молчании; покончив с едой, мы вернулись в лагерь, чтобы заняться остальными нашими питомцами. Зрелище, представшее нашим глазам, было бы чрезвычайно забавным, если бы не было печальным.

В одном углу лагеря Дракула, тигровая выпь и чернолицый ибис ссорились из-за куска сала, который не доел Пу. Возле груды немытых мисок рыскали трехпоясные броненосцы, похожие на полчища живых пушечных ядер. Вокруг опустевших клеток, словно часовые, прохаживались кариам.

Дмы, а Трясохвостка возбужденно бегала взад-вперед, напоминая школьную учительницу, обнаружившую, что весь ее класс прогулял. Попугаи с грустным видом по-прежнему сидели на крышах клеток; только двое из них, очевидно, потеряв терпение и не надеясь на то, что я скоро приду, перешли к решительным действиям, проделали дыру в сетке и таким образом проникли внутрь. Теперь они сидели на жердочках, смотрели на нас голодными глазами и издавали своеобразное хриплое ворчание, которым некоторые южноамериканские попугаи выражают свое раздражение. Мы с Джеки сели на ящик, беспомощно глядя на них.

— Ну что с ними делать? — спросила наконец Джеки.

— Ума не приложу. Оставить их так нельзя, их перебьют, как только мы уедем отсюда.

— Ты пробовал отогнать их подальше?

— Я перепробовал все способы, кроме ударов палкой по голове. Они просто не хотят улетать.

Тем временем Дракула отказался от борьбы за кусок сала, предоставив выпы и ибису улаживать спор между собой, и настойчиво пытался проникнуть в свою клетку через проволочную сетку, сквозь которую не удалось бы проскочить и колибри.

— Я бы очень хотел, — злорадно сказал я, — чтобы здесь присутствовал сейчас один из этих слюнтяев.

— Каких слюнтяев?

— Один из этих сентиментальных всезнаек, которые вечно твердят мне, что жестоко запирают бедных диких животных в маленьких деревянных клетках. Хотел бы я показать им, как наши лохматые и пернатые братья при первой же возможности торопятся обрести свободу.

Одна из кариам подошла ко мне и начала клевать шнурок моего ботинка, очевидно, принимая его за огромного червяка. Дракула отказался от попыток забраться в свою клетку и удовольствовался тем, что протиснулся сквозь деревянную решетку в клетку ибиса; теперь он сидел внутри, восторженно бормоча что-то и глядя на нас затуманенными глазами.

— Хорошо, — сказал я после продолжительной паузы. — Я думаю, если мы не будем обращать на них внимания, они проголодаются и отправятся на поиски пищи. Это решит все. Надеюсь, что к завтрашнему утру их здесь уже не будет.

Остаток дня прошел в каком-то кошмаре. Понимая, что животных ни в коем случае не следует кормить, мы приносили еду только тем, кого собирались брать с собой, а голодная орава птиц и животных кричала, свистела, верещала и шумела в лагере; они бросались к нам, завидя нас с миской

в руках, рядами сидели на столе, где мы обычно готовили для них пищу, и с надеждой смотрели на нас. Мы испытывали почти непреодолимое желание накормить их, но крепились и делали вид, что ничего не замечаем. Мы были убеждены, что на следующее утро голод заставит животных покинуть лагерь.

Но на следующее утро, когда мы пошли кормить отобранных для поездки животных, мы застали все население лагеря на прежнем месте. Животные выглядели более раздраженными и удрученными, чем накануне, но встретили нас такими бурными изъятиями восторга, что мы едва не капитулировали. Все же мы взяли себя в руки и сделали вид, будто не замечаем их, хотя они сгрудились вокруг наших ног, так что нам пришлось двигаться с осторожностью, чтобы не передавить их. В разгар всей этой суматохи в лагере появился индеец со старым ящиком из-под мыла в руках. Он поставил ящик на землю, отошел немного назад, едва не наткнувшись на кариаму, которая проходила мимо, и снял с головы соломенную шляпу.

— Добрый день, сеньор, — сказал он. — У меня есть для вас хорошее bicho.

— О господи! — простонала Джеки. — Только этого еще не хватало.

— Вы пришли слишком поздно, мой друг, — с горечью сказал я. — Мне больше не нужны bichos.

Индеец, нахмурившись, смотрел на меня.

— Сеньор, вы ведь говорили, что покупаете bichos.

— Говорил, но это было до революции. Теперь я не могу покупать bichos, потому что не могу забрать их с собой. Пароходы не ходят. — Я показал на бродивших по лагерю животных. — Вы видите, мне пришлось отпустить всех этих bichos.

Индеец растерянно огляделся.

— Но они ведь не уходят, — резонно заметил он.

— Вижу. Но они уйдут. Мне очень жаль, но больше я не могу покупать животных.

Индеец не спускал с меня глаз. Он был совершенно убежден в том, что я скорою от нетерпения поскорее заглянуть в ящик и узнать, кого он принес.

— Это очень хорошее bicho, — заговорил он умоляющим голосом, — чудесное bicho, очень сильное и очень опасное. Мне пришлось много потрудиться, чтобы поймать его.

— Что это за bicho? — не выдержав, спросил я.

Индеец воодушевился, его черные глаза засверкали.

— Это очень редкое bicho, сеньор, и очень, очень опасное. Это cascabel, сеньор, и такой громадный, что невозможно даже поверить, когда он сердится, он шумит, как тысяча лошадей.

Я осторожно коснулся ящика носком сапога, и тотчас же оттуда послышались те особенные, характерные звуки, которыми гремучая змея извещает мир о своем присутствии, дурном настроении и агрессивных намерениях. Эти необыкновенные звуки, начинающиеся легким шуршанием и потрескиванием с последующим переходом к громкому треску, напоминающему пальбу из игрушечных ружей, несомненно, представляют собой одно из самых любопытных явлений в мире пресмыкающихся. Они навоят гораздо больший ужас, чем обычное шипение змеи, так как в них слышится столько злобы и жестокости, будто ведьма готовит свою адскую похлебку.

— И все же, мой друг, я не могу купить змею, — печально сказал я. Индеец выглядел очень расстроенным.

— Даже за десять гуарани? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Восемь гуарани, сеньор?

— Нет, мне очень жаль, но я не могу купить ее.

Индеец вздохнул, поняв, что я не торгуюсь.

— Хорошо, сеньор, я оставлю ее вам, ведь мне она совсем не нужна, — сказал он.

Я дал ему пачку сигарет, и он начал пробираться к выходу, лавируя между бродившими по территории птицами. Он ушел, а мы остались с гремучей змеей на руках.

— Что мы будем с ней делать? — спросила Джеки.

— Запишем ее на пленку и отпустим, — сказал я. — Она очень оригинально трещит. Кажется, это довольно крупная змея.

По ряду причин в тот день нам не удалось записать гремучую змею. На следующее утро все животные по-прежнему оставались в лагере, но после того как мы гоняли их в течение часа, по крайней мере некоторые из них убедились в том, что мы не собираемся их кормить, и начали постепенно исчезать. Тогда мы вынесли магнитофон, поставили его рядом с ящиком, в котором сидела змея, установили микрофон и ударили по ящику. Ответа не последовало. Я снова ударил — молчание. Я стал изо всей силы колотить по ящику, но все напрасно.

— Может быть, она умерла? — спросила Джеки.

— Нет, обычная история. Эти проклятые твари шумят сколько угодно, но стоит поставить рядом магнитофон, и из них не вытянешь ни звука.

Я слегка наклонил ящик и почувствовал, как змея покатила по его дну. Это произвело желаемый эффект: ящик загрохотал, и зеленая игла аппарата задрожала и закачалась, отмечая звук необычайной силы. Трижды я наклонял ящик, и с каждым разом змея отвечала все более свирепо.

К тому времени, когда я кончил записывать, она вошла в такую ярость, что из ящика доносился непрерывный громкий треск, напоминавший стрельбу из пулемета.

— Теперь можно ее отпустить, — сказал я, беря мачете.

— Надеюсь, ты не собираешься выпускать ее здесь? — тревожно спросила Джеки.

— А что особенного? Я дам ей пинка, и она уползет в болото.

— Судя по шуму, она очень рассержена. Ты уверен, что она захочет уползти в болото?

— Ну, хватит об этом разговаривать, отойди подальше и стань в стороне, — заявил я с апломбом, который хоть кого мог вывести из себя.

Джеки отошла на почтительное расстояние, а я начал отдира́ть крышку ящика. Это оказалось нелегким делом, так как индеец приколотил ее немощным количеством длинных ржавых гвоздей. В конце концов я просунул в щель конец мачете и, понатужившись, оторвал часть крышки. Облегченно вздохнув, я наклонился и заглянул в ящик, чтобы рассмотреть змею. Это было величайшей глупостью с моей стороны. Мало сказать, что змея была разъярена — она кипела от ярости, и когда мое лицо показалось в отверстии, она прыгнула на меня снизу вверх с разинутой пастью.

Я никогда не подозревал, что гремучие змеи могут бросаться на свою жертву снизу вверх, в отличие от остальных змей, которые бросаются прямо вперед. С удивлением и страхом я увидел, как тупая голова змеи, бугристая, как ананас, метнулась снизу к моему лицу. Пасть ее, розовая и влажная, была широко раскрыта, а клыки, со страху показавшиеся мне огромными, как когти тигра, были готовы нанести смертельный удар. Я отскочил от ящика прыжком, который мог повторить, но не превзойти лишь отлично владеющий своим телом кенгуру в расцвете сил. Моему прыжку мог бы позавидовать любой гимнаст, но, к сожалению, я споткнулся о мачете и тяжело плюхнулся на землю. Змея тем временем выползла из ящика и свернулась, словно часовая пружина, подняв голову и с таким ожесточением трясая своей погремушкой, что она казалась расплывчатым пятном вокруг ее хвоста.

— Дай ей пинка, и она уползет в болото, — с явной издевкой посоветовала Джеки.

У меня не было настроения пикироваться. Я вырезал длинную палку и снова подошел к змее, рассчитывая прижать ее к земле, а потом поднять. Но змея была другого мнения на этот счет. Она дважды бросалась на опускавшуюся палку, а потом быстро поползла ко мне с такими явно агрессивными намерениями, что я был вынужден снова повторить свой балетный

Д прыжок. Змея была разъярена до предела и, что неприятнее всего, упорно отказывалась поддаваться на угрозы и обман, направленные к тому, чтобы удалить ее с нашей территории. Мы кидали в нее комья земли, но она только сворачивалась и гремела кольцами. Тогда я вылил на змею ведро воды, но это, вероятно, еще больше взбесило ее, она развернулась и поползла ко мне. Неприятнее всего было то, что мы не могли оставить ее на какое-то время в покое, так как у нас было много неотложных дел, а все время оглядываться при работе, чтобы не наступить на четырехфутовую гремучую змею, было не очень-то сподручно. Кроме того, Пу и Кай сидели на привязи около своих клеток, и я боялся, как бы змея не укусила кого-нибудь из них. Волей-неволей я пришел к выводу, что остается только убить змею как можно скорее и безболезненнее. И вот Джеки при помощи палки отвлекла ее внимание, а я осторожно подкрался к ней сзади, выбрал удобный момент и отрубил ей голову. С минуту после того как голова была отделена от тела, ее челюсти сжимались и разжимались, и даже полчаса спустя, когда я касался палкой обезглавленного тела, оно конвульсивно подергивалось. Удивительнее всего было то, что обычно гремучая змея может нападать, лишь предварительно свернувшись в кольцо, и поэтому, как бы разъярена она ни была, она всегда свертывается в клубок для нанесения удара; эта же змея без малейших колебаний развертывалась и ползла ко мне. Не знаю, сумела бы она броситься и укусить меня из такого положения, но я не испытывал никакого желания проверять это на практике.

На следующее утро большинство животных исчезло, и только несколько упрямец продолжало бродить по лагерю. В полдень пришел посыльный с радиостанции и сказал, что американец связался с ними и сообщил, что в Асунсьоне боевые действия временно прекращены и после полудня он вышет для нас самолет. Мы принялись лихорадочно упаковывать оставшиеся вещи, одновременно утешая Паулу, которая ходила за нами из комнаты в комнату, разражаясь долгими душераздирающими рыданиями при мысли о предстоящей разлуке. Уложив вещи, мы наскоро перекусили и начали рассаживать животных по временным клеткам. Все они повиновались беспрекословно, за исключением Пу, который вообразил, что мы изобрели новое изощренное орудие пытки. Сперва мы пробовали завлечь его в клетку, бросая туда бананы, но он вылавливал их, не заходя внутрь, своими длинными артистическими пальцами и с наслаждением съедал. В конце концов, когда время стало поджимать, пришлось схватить его одной рукой за загривок, а другой под заднее место и затолкать в клетку головой вперед; при этом он вопил, как грешник в аду, и отчаянно цеплялся за что попало всеми четырьмя лапами. Загнав его в клетку, мы дали ему яйцо, он с фи-

лософским спокойствием принялся высасывать его и больше нас не тревожил.

Тем временем пришли девочки Паулы и застыли в скорбных позах, словно плакальщицы на похоронах. По лицу Паулы непрерывно и все увеличиваясь в числе катились слезы, губя ее косметику, но поскольку она явно упивалась своим горем, я решил, что это пустяки. Внезапно она заставила всех нас вздрогнуть, издав громкий стон, который сделал бы честь тени отца Гамлета, и крикнула замогильным голосом: «Вон он!» — после чего снова начала изливать водопады слез. Далеко в небе мы услышали тихий, прерывистый гул самолета, и почти в ту же минуту к дому подъехал грузовик. Пока я грузил в него багаж и животных, Джеки переходила из объятий в объятия, которые раскрывали ей девицы, а затем была притиснута к взволнованно вздымавшейся, орошенной слезами груди Паулы. Когда подошла моя очередь, я облегченно вздохнул, увидев, что девицы не имели намерения обниматься со мной, а лишь пожимали мне руку и делали короткий реверанс, отчего я чувствовал себя чем-то вроде царственной особы. Паула схватила мою руку обеими руками, прижала ее к животу и подняла ко мне заплаканное лицо.

— Прощайте, сеньор, — сказала она, и из ее черных глаз катились большие, тучные слезы. — Счастливого пути вам и сеньоре. Если будет на то божья воля, вы еще вернетесь в Чако.

Грузовик покатил по пыльной дороге, подпрыгивая на ухабах; мы махали на прощание Пауле и ее девушкам, напоминавшим стайку великолепных тропических птиц; они тоже отчаянно махали руками и пронзительными голосами кричали нам вслед:

— Adio's!¹

Мы подъехали к аэродрому в ту минуту, когда самолет, словно сверкающая серебристая стрекоза, пошел на посадку. Он исключительно неудачно приземлился и стал выруливать к нам.

— Да, вам достался сумасшедший, — сказал шофер грузовика.

— Сумасшедший? — удивился я. — Кто сумасшедший?

— Летчик, — ответил шофер, презрительно ткнув пальцем в сторону приближавшегося самолета. — Говорят, что он сумасшедший, он еще ни разу не посадил машину, не заставив ее подпрыгнуть, как олень.

Летчик вылез из кабины. Это был коренастый, крепкий поляк с седеющими волосами и мягким, неопределенным выражением лица, чем-то напоминающий Белого рыцаря из книги «Алиса в Зазеркалье». При помощи небольших весов мы определили вес нашего багажа и с ужасом увидели,

¹ Прощайте! (исп.)

Д что он на несколько килограммов превышает максимально допустимую нагрузку самолета.

— Ничего, — улыбаясь, сказал летчик, — я думаю, он вытянет.

Мы уложили в самолет чемоданы, затем втиснулись сами, и шофер взгромоздил мне на колени клетки с живностью. Верхняя клетка пришлась вровень с моей головой. Сара, которая полчаса назад отказалась от бутылки молока, вдруг проголодалась и страшно раскапризничалась, так что пришлось вытащить ее из клетки и посадить на колени Джеки, чтобы она успокоила ее.

Летчик задергал рычаги управления, и, когда мотор взревел, на его лице отобразилась детски радостная улыбка. «Очень трудно», — сказал он и весело расхохотался. Минут пять мы катались по полю в различных направлениях, выбирая достаточно сухую взлетную дорожку. Наконец летчик дал газ, и самолет помчался по траве, качаясь и подпрыгивая. Мы оторвались от земли в самый последний момент и, проскользнув в каких-нибудь шести дюймах над верхушками окаймлявших аэродром деревьев, начали набирать высоту. Пилот вытер рукой лоб.

— Поднялись! — прокричал он мне. — Теперь одна забота — как бы благополучно приземлиться!

Под нами раскинулась бескрайняя равнина, подернутая знойной дымкой. Самолет сделал вираж, выровнялся — и вот мы уже летели над рекой, которая словно отлитыми из металла излучинами уходила к горизонту, терявшемуся в смутном мерцании; там впереди лежал Асунсьон.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Я не особенно люблю города и никогда не думал, что вид какого-либо города доставит мне особую радость. Однако на этот раз мы с чувством безграничного удовольствия и облегчения увидели под крылом самолета кварталы Буэнос-Айреса, выделявшиеся большими правильными четырехугольниками, словно блески в полумраке. В аэропорту я совершил традиционное паломничество к телефонной будке и набрал номер Бебиты.

— Ах, мой мальчик, я так рада, что вы живы-здоровы. Ах, ты и представить себе не можешь, как мы о вас беспокоились. Где вы сейчас? На аэродроме? Приезжайте обедать.

— Мы опять с животными, — мрачно произнес я. — Нам нужно где-нибудь их разместить. Здесь страшно холодно, и, если мы не найдем теплое помещение, они рискуют схватить воспаление легких.

— Ах, ну конечно, вы опять с животными, — ответила Бебита. — Я уже сняла для них маленький домик.

— Домик?

— Ну да, домик, только совсем маленький, в нем, кажется, всего две комнаты. Там есть водопровод, а вот насчет отопления не уверена. Но это, в конце концов, не важно, зайдите ко мне и возьмите у меня печку.

— Я не сомневаюсь, что этот дом принадлежит одному из твоих друзей.

— Разумеется. Печку ты мне должен будешь скоро вернуть, она принадлежит Мононо, и он умрет без нее.

«Маленький домик» Бебиты состоял из двух просторных комнат, выходящих в небольшой дворик, окруженный высокой стеной. С другой стороны двора находилось еще одно строение, в котором имелась большая раковина. При помощи печки, выкраденной из комнаты мужа Бебиты, мы быстро нагрели помещение, и все животные стали чувствовать себя лучше. Я позвонил Рафаэлю, и он примчался к нам, сверкая очками, с огромным количеством фруктов, мяса и хлеба, изъятых из кладовки матери. Когда я протестующе заявил, что матери это может не понравиться, Рафаэль ответил, что в противном случае животным пришлось бы голодать, ведь все магазины уже закрыты. Мое возмущение тем, что он ограбил кладовую матери, мгновенно испарилось, и мы с удовольствием принялись пичкать наших любимцев лакомствами, которых они никогда еще не пробовали, — виноградом, грушами, яблоками и вишнями. Затем, оставив их сытыми и в тепле, мы отправились к Бебите, где впервые за много месяцев поели по-человечески. Насытившись не хуже наших животных, мы откинулись на спинки стульев и принялись не спеша потягивать кофе.

— Что вы намерены делать дальше? — спросила Бебита.

— До отплытия парохода остается несколько дней. Попробуем за это время максимально пополнить нашу коллекцию.

— Хотите выехать за город? — спросила Бебита.

— Да, если представится возможность.

— Я спрошу Марию Мерседес, не разрешит ли она вам посетить ее estancia¹.

— А ты думаешь, она разрешит?

— Конечно, — начала Бебита, — ведь она...

— Знаю, она твой друг.

Было условлено, что мы выедем поездом из Буэнос-Айреса в деревню Монастерио, расположенную милях в сорока от столицы. Недалеко от Монастерио находилась Секунда, estancia семьи де Сотос. Там нас будут поджидать Рафаэль и его брат Карлос, которые вызвались помочь нам.

¹ Имение, поместье (исп.).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОХОТА НА СТРАУСОВ

Деревня Монастерио находится милях в сорока от Буэнос-Айреса, и мы добирались туда поездом. Когда последние дома столицы остались позади, по обеим сторонам насыпи открылись бескрайние просторы пампы, искрившейся каплями утренней росы. Вдоль железной дороги тянулась широкая полоса вьюнков, яркие синие цветки которых росли так густо, что под ними почти невозможно было разглядеть темные сердцевидные листья.

Монастерио оказался маленьким поселком, напоминающим бутафорские деревни в Голливуде для съемки фильмов о Дальнем Западе. Прямоугольные дома беспорядочно тянулись вдоль грязной улицы, изборожденной глубокими колеями и пестревшей следами лошадиных копыт. На углу располагалась деревенская лавка, она же таверна, заваленная невероятным множеством различных товаров — от сигарет до джина и от мышеловок до ткани цвета хаки. Возле лавки стояли на привязи несколько лошадей, меж тем как их владельцы выпивали внутри и болтали между собой. В основном это были коренастые, плотные мужчины с загорелыми морщинистыми лицами, черными глазами и пожелтевшими от табака викторианскими усами. На них было типичное пеонское снаряжение: заскорузлые черные полусапожки с небольшими шпорами, bombachas — широкие шаровары, нависавшие над полусапожками, словно брюки гольф; похожие на блузы рубашки, обвязанные под воротником цветистыми платками, и небольшие черные шляпы с круглой плоской тульей и узкими, загнутыми спереди полями, державшиеся на голове при помощи эластичной тесьмы, охватывавшей затылок. Широкие кожаные пояса пестрели серебряными венками, звездами и другими украшениями, и с каждого свисал короткий, но очень удобный в обращении нож.

Когда мы вошли в лавку, они повернулись в нашу сторону и начали рассматривать нас, не враждебно, но с явным интересом. В ответ на наше приветствие, произнесенное на плохом испанском языке, они широко улыбнулись и вежливо поздоровались. Я купил сигарет, мы вышли на улицу и стали дожидаться Карлоса и Рафаэля. Вскоре послышалось звяканье сбруи, стук копыт и скрип колес, и на дороге показалась небольшая двуколка, в которой сидели наш бывший переводчик и его брат Карлос. Рафаэль бурно приветствовал нас, его очки сверкали, как огни маяка, и он тут же познакомил нас со своим братом. Карлос был выше Рафаэля и на пер-

вый взгляд даже как будто полнее. В его бледном, невозмутимом лице, небольших темных глазах и гладких черных волосах было что-то азиатское. Пока Рафаэль прыгал вокруг нас, словно взволнованный петушок, и говорил что-то так быстро, что его невозможно было понять, Карлос спокойно и методично грузил в повозку наши чемоданы, а потом сел и стал терпеливо дожидаться нас. Когда мы наконец разместились, он тронул вожжами лошадей, ласково прикрикнул на них, и повозка покатила по дороге. С полчаса мы ехали по прямому, как стрела, проселку среди высокой травы. Кое-где лениво паслись небольшие, голов на сто, стада коров, по колено утопавших в траве; над ними кружили ржанки с заостренными черно-белыми крыльями. В придорожных канавах, наполненных водой и заросших водяными растениями, стайками плавали утки; при нашем приближении они поднимались, громко хлопая крыльями. Карлос указал рукой вперед, туда, где черным островком среди зелени пампы темнела грядка леса.

— Секунда, — улыбаясь, сказал он. — Через десять минут мы будем там.

— Надеюсь, нам там понравится, — в шутку сказал я.

Рафаэль посмотрел на меня круглыми от удивления глазами.

— Господи! — воскликнул он, ужасаясь моей мысли. — Конечно, тебе там понравится, Джерри. Ведь Секунда — это наша *estancia*.

Секунда представляла собой длинное, невысокое, выбеленное здание, стоявшее между большим озером и густой рощей эвкалиптов и ливанского кедра. Из задних окон открывался вид на серую гладь озера, обрамленного зеленью пампы; передние окна выходили в английский парк с заросшей травой дорожкой, окаймленной двумя рядами подстриженных кустов, и небольшим родничком, еле видимым в зарослях папоротника и мха. Там и сям среди правильной формы клумб, усеянных опавшими апельсинами, в тени кедров бледно мерцали статуи. По озеру стайками плавали черношеие лебеди — ледяные торосы на серо-стальной поверхности воды, в зарослях тростника розовыми пятнами на зеленом фоне мелькали колпицы. В прохладе парка над родником висели колибри, среди апельсиновых деревьев и по дорожке, гордо выпятив грудки, расхаживали пичники. По цветочным клумбам торопливо шныряли маленькие серые голуби с розовато-лиловыми глазами. В этом забытом богом и людьми уголке земли царили мир и тишина, нарушаемая лишь отрывистыми криками пичников да мягким шорохом крыльев, когда голуби вспархивали на эвкалипты.

Осмотревшись на новом месте и распаковав вещи, мы собрались в столовой, чтобы обсудить план дальнейших действий. Прежде всего я хотел снять фильм о нанду — южноамериканском родиче африканского страуса.

Д Секунда была одной из немногих estancias под Буэнос-Айресом, в которой еще водились эти крупные птицы. Я говорил об этом Рафаэлю еще в Буэнос-Айресе и теперь спросил, есть ли у нас шансы выследить стадо нанду и заснять их.

— Не беспокойся, — успокоил меня Рафаэль. — Мы с Карлосом все устроим.

— Конечно, — подхватил Карлос, — после полудня мы отправимся искать нанду.

— Может быть, ты захочешь снять фильм о том, как пеоны ловят нанду? — спросил Рафаэль.

— А как они их ловят?

— Старым способом, при помощи boleadoras... Знаешь, это такие три шара, нанизанные на веревку.

— Ну разумеется! — вне себя от радости воскликнул я. — Мне бы очень хотелось снять такой фильм.

— Все будет в порядке, — заверил Карлос. — Сегодня мы поедем в повозке, а пеоны на лошадях. Мы находим нанду, пеоны ловят их, вы снимаете. Вас это устроит?

— Великолепно! — ответил я. — А если мы не найдем их сегодня, можно будет повторить все завтра?

— Разумеется, — ответил Рафаэль.

— Мы будем искать до тех пор, пока не найдем их, — подтвердил Карлос, и братья обменялись широкими улыбками.

После ленча появилась небольшая повозка; сырой гравий мягко хрустел под ее колесами. Карлос правил лошадьми, подхлестывая их легонько вожжами. Он остановился напротив веранды, прыгнул на землю и направился ко мне. Крупные, упитанные серые лошади стояли, опустив головы и задумчиво жуя удила.

— Вы готовы, Джерри? — спросил Карлос.

— Да, я готов. А остальные уже выехали?

— Да, они вместе с Рафаэлем поехали верхом. С нами будет шесть пеонов, этого достаточно?

— Превосходно... теперь дело только за моей женой, — сказал я, с надеждой оглядываясь на дом.

Карлос присел на невысокую стенку и закурил.

— Женщины всегда заставляют себя ждать, — философски заметил он.

Большая желтая бабочка, пролетая мимо лошадей, вдруг застыла в воздухе над их головами, как бы раздумывая, не аронник ли перед ней, только какой-то необычный, волосатый. Лошади энергично мотнули головами, и

перепуганная бабочка улетела, выписывая в воздухе причудливые, пьяные зигзаги. К темным кедром стремглав подлетел колибри, внезапно замер в воздухе, отлетел дюймов на шесть назад, повернулся и стремительно нырнул к качавшейся ветке; здесь он с радостным писком схватил паука и исчез в апельсиновых деревьях. Джеки вышла на веранду.

— Алло! — радостно сказала она. — Вы уже готовы?

— Да! — в один голос отозвались мы с Карлосом.

— А вы уверены, что ничего не забыли? Киноаппарат, пленку, экспонометр, светофильтр, треногу?

— Да, мы все это захватили, — самодовольно ответил я. — Ничего не забыли, ничего не оставили.

— А как насчет зонтика?

— Черт побери, зонтик-то я и забыл! — Я повернулся к Карлосу. — Вы не одолжите мне зонтик?

— Зонтик? — удивленно переспросил Карлос.

— Да, зонтик.

— А что такое зонтик? — Он не знал этого слова по-английски.

Чрезвычайно трудно так, без подготовки, объяснить, что такое зонтик.

— Это такая штука, чтобы закрываться от дождя, — сказал я.

— Она складывается, — добавила Джеки.

— А когда идет дождь, ее снова раскрывают.

— Она очень похожа на гриб.

— А-а... — сказал Карлос, и лицо его просветлело. — Понял.

— Так у вас есть зонтик?

Карлос укоризненно посмотрел на меня.

— Разумеется, я же говорил вам, что у нас есть все.

Он зашел в дом и вернулся с небольшим, ярко раскрашенным бумажным зонтиком величиной примерно в половину велосипедного колеса.

— Подойдет? — с гордостью спросил он, быстро вращая зонтик, так что краски слились в сплошной цветной круг.

— А побольше зонта не найдется?

— Побольше? Нет, побольше не найдется. А зачем он вам, Джерри?

— Прикрыть камеру во время съемок, чтобы пленка не слишком грелась на солнце.

— Ну, так этот будет как раз, — сказал Карлос. — Я буду держать его.

Мы уселись в маленькую повозку, Карлос слегка тронул крупы лошадей вожжами и причмокнул. Лошади печально, тяжело вздохнули и взяли с места. Вдоль дорожки росли гигантские эвкалипты, кора их отслаивалась длинными, перекрученными полосами, обнажая блестящие белые стволы. На них виднелись массивные сооружения из переплетенных ветвей, напо-

Д минающие стога сена; это были многоквартирные гнезда длиннохвостых попутайчиков квакеров, изящных ярко-зеленых птичек; чирикай и вереща, они пролетали над нами, когда наша повозка проезжала мимо, и, сверкнув в солнечных лучах, исчезали в своих огромных коммунальных квартирах. «Н-но! Н-но, пошли!» — фальцетом выкрикнул Карлос, и лошади побежали неуклюжей рысью, возмущенно пофыркивая. Мы доехали до конца длинной, обсаженной деревьями аллеи, и перед нами открылась пампа, золотистая и сверкающая в лучах послеполуденного солнца. Лошади тянули повозку по влажной от росы траве, лавируя между кустами гигантского чертополоха; каждое растение стояло, словно оцепенев, высотой в полтора человеческих роста, и походило на какой-то фантастический, усаженный шипами канделябр с ярко-пурпурным огоньком цветка на каждом отростке. Земляная сова, напуганная нашим приближением, металась у входа в свою нору, словно маленький серый призрак; два шага в одну сторону, два шага в другую, остановка — и вот уже она смотрит на нас золотистыми глазами, голова то качается с боку на бок, то быстро-быстро ходит вверх-вниз. В конце концов сова сорвалась с места и начала мягко и бесшумно, словно облако, кружить над своим гнездом.

Повозка подвигалась вперед, гроыхая и покачиваясь; перед нами до самого горизонта простиралась пампа — ровное, безмятежное море золотистой травы, чуть темневшее в тех местах, где чертополох рос гуще. Там и сям, словно темные волны на водной глади, виднелись небольшие рощицы искривленных ветром деревьев, в тени которых отдыхал скот. Небо было ярко-голубым, и по нему, как улитки по оконному стеклу, медленно, с достоинством ползли большие пухлые облака. Чертополох стал попадаться все чаще, и лошадям приходилось все больше петлять, объезжая его и уклоняясь от острых колючек. Колеса давили ломкие растения с треском, напомиавшим пальбу из игрушечных ружей. Из-под самых копыт лошадей вдруг выскочил перепуганный заяц; описав большую дугу, он замер и полностью слился с коричневатыми кустами чертополоха. Далеко впереди показались маленькие темные фигурки в ярких цветных пятнах. Это были пеоны на своих лошадях.

Они ожидали нас, собравшись кучкой в высокой траве. Лошади не стояли на месте, перебирали ногами и мотали головами. Пеоны разговаривали и смеялись, их загорелые лица были оживленны, и, когда пеоны поворачивались вместе с лошадьми, серебряные бляшки, украшавшие их широкие кожаные пояса, ярко вспыхивали на солнце. Мы въехали в середину группы, и наши лошади стали, опустив головы и тяжело сопя, словно от изнеможения. Карлос и пеоны выработали план дальнейших действий: пе-

оны растянутся в длинную цепь, повозка будет двигаться посередине. Как только покажутся нанду, пеоны начнут окружать их и гнать к повозке, чтобы я мог заснять все своим киноаппаратом.

Когда общая многоголосица немного стихла, я спросил Карлоса, действительно ли он надеется найти нанду. Карлос пожал плечами.

— Думаю, что мы их найдем. Рафаэль видел их здесь вчера. А не застанем здесь — застанем на соседнем пастбище.

Он причмокнул, лошади очнулись от своего полусна, и повозка двинулась дальше, с треском подминая под себя чертополох. Не проехали мы и пятидесяти футов, как один из пеонов издал протяжный крик и начал возбужденно размахивать руками, показывая на густые заросли чертополоха, в которые мы чуть было не въехали. Карлос резко остановил лошадей, мы вскочили на сиденье и стали всматриваться в заросли, подернутые пурпурной дымкой цветов. Сперва мы ничего не могли разглядеть, но потом Карлос схватил меня за руку и показал на что-то впереди:

— Вон там, Джерри, видишь? Нанду...

В самой гуще чертополоха среди серо-белых стеблей я заметил какое-то смутное шевеление. Пеоны начали смыкаться кольцом вокруг зарослей; неожиданно один из них приподнялся в стременах, помахал рукой и что-то крикнул.

— Что он сказал, Карлос? — спросил я.

— Он сказал, что у нанду есть детеныши, — ответил Карлос и, повернув лошадей, направил их галопом вдоль кромки зарослей. Повозка отчаянно подпрыгивала и тряслась. Когда чертополох кончился и открылось поросшее травой поле, он остановил лошадей.

— Теперь смотри в оба, Джерри. Они должны выйти с этой стороны, — сказал он.

Мы сидели, не сводя глаз с высокой стены чертополоха и прислушиваясь к треску растений, обламывавшихся под копытами лошадей. Вдруг один куст чертополоха закачался и с треском упал на землю, и на зеленую траву легко и грациозно, словно балерина, выскочил нанду. Это был крупный самец, на короткое мгновение он остановился, и мы успели его разглядеть. Он был похож на маленького серого страуса с черными отметинами на голове и шее, которые не были лысыми, как у страусов, а покрыты изящным оперением. В глазах его не было глуповатого выражения, свойственного страусам, — наоборот, они были большими, влажными и умными. Он остановился для того, чтобы оглядеть местность, и тут же заметил нас. Круто повернувшись на месте, он помчался по пампе, вытянув вперед шею и при каждом шаге почти касаясь головы своими длинными ногами.казалось, нанду не просто бежит, а бежит вприпрыжку, подсакивая на ногах,

Д словно на мощных пружинах. Когда он стоял выпрямившись, он был около пяти с половиной футов ростом, но теперь, мчась со скоростью бегущей галопом лошади, он весь вытянулся в длину и стал обтекаем. Один из пеонов с треском выскочил из кустов чертополоха футах в двадцати от бежавшей птицы, и мы имели возможность познакомиться с тем, как ведет себя нанду, когда его преследуют. Как только он заметил всадника, он высоко поднял голову, прервал посредине один из своих огромных прыжков, повернулся на лету и побежал в обратном направлении почти с той же скоростью. Теперь он мчался зигзагами, делая шестифутовые прыжки то вправо, то влево, и казался сзади громадной пернатой лягушкой.

Карлос хотел ехать дальше, но тут появился второй нанду. Этот был поменьше первого, тоже серый, но более светлый. Выскочив через брешь, пробитую первым нанду, он остановился в траве.

— Это самка, — прошептал Карлос. — Смотри, какая она маленькая.

Самка панду заметила нас, но не побежала, как это сделал ее супруг, а продолжала стоять на месте, переступая с ноги на ногу и наблюдая за нами большими застенчивыми глазами. Мы скоро поняли, почему она не убегает от нас: из зарослей чертополоха торопливо выбежали одиннадцать птенцов в возрасте не больше пескольных дней. Их круглые пушистые тельца, размером вдвое меньше футбольного мяча, сидели на толстых коротких ножках, заканчивавшихся большими неуклюжими лапами. Птенцы были желтовато-коричневого цвета, с изящными серо-голубыми полосками. Они собрались вокруг огромных ног матери, их блестящие глаза не выражали ни малейшего страха, и они пронзительными голосами переговаривались между собой. Мать посмотрела на них сверху, но, вероятно, не могла разобрать в этом пестром водовороте, все ли птенцы с нею. Повернувшись, она побежала по траве, если можно так выразиться, с прохладцей, высоко подняв голову и при каждом шаге тяжело опуская ноги на землю. Птенцы последовали за ней, вытянувшись в одну линию. Это выглядело очень забавно, казалось, будто пожилая, чопорная дева бежит к автобусу, стараясь сохранить при этом все свое достоинство и волоча за собой пеструю горжетку из перьев, которая извивается по траве.

Когда семейство нанду скрылось из виду, а Джеки прекратила умиленные охи и ахи по поводу птенцов, Карлос тронул лошадей, и мы поехали дальше.

— Скоро мы увидим еще нанду — взрослых, — сказал Карлос, и не успел он произнести эти слова, как показался Рафаэль. Он скакал к нам, махая шляпой, красный шарф развевался за его спиной. Он продрался сквозь чертополох и подскочил к повозке, энергично жестикулируя и что-то быстро говоря по-испански. Сверкнув глазами, Карлос повернулся к нам.

— Рафаэль говорит, что они открыли место, где есть много нанду. Мы должны подъехать с повозкой к тому месту, а Рафаэль с людьми заставит нанду пробежать рядом с нами.

Рафаэль поскакал посвящать пеонов в план совместных действий, а Карлос погнал лошадей галопом сквозь колючий чертополох. Мы выскочили на простор пампы и с грохотом понеслись по ней, раскачиваясь так сильно, что в любую минуту могли перевернуться. Карлос пригнулся на сиденье, нахлестывая лошадей вожжами и подбадривая их громкими криками. Пара острокрылых ржанок, выделявшихся на зеленой траве своим черно-белым оперением, внимательно следила за повозкой, а потом, пробежав футов шесть по траве, легко взмыла в воздух и начала кружиться над нами на пестрых крыльях, извещая жителей пампы о нашем приближении пронзительными криками: «теро... теро... теро...» Осторожно высунувшись из раскачивающейся повозки, я увидел всадников примерно в полумиле от нас, они вытянулись в цепь и ожидали, когда мы займем условленную позицию. Солнце палило беспощадно, на боках лошадей виднелись темные потеки пота. Горизонт был подернут знойной дымкой, казалось, мы смотрим на все сквозь запотевшее стекло. Карлос резко натянул поводья и остановил лошадей.

— Станем здесь, Джерри. Киноаппарат поставим там, — сказал он. — Нанду должны пробежать с этой стороны.

Мы вылезли из повозки, Карлос пошел вперед с зонтом, я следовал за ним с кинокамерой и треногой. Джеки осталась в повозке; она не отрываясь глядела в бинокль, чтобы немедленно сообщить нам о появлении нанду. Мы с Карлосом отошли ярдов на пятьдесят от повозки и выбрали место, откуда хорошо просматривалась широкая полоса пампы, с обеих сторон ограниченная зарослями чертополоха. Я установил киноаппарат и стал делать необходимые приготовления к съемке, а Карлос держал надо мной зонтик, чтобы кинокамера не нагрелась.

— Все в порядке, — сказал я наконец, вытирая пот с лица.

Карлос поднял зонтик и помахал им из стороны в сторону. Тотчас же издали слышались крики пеонов, и один за другим, понукая лошадей, они исчезли в чаще чертополоха. После этого воцарилась тишина. Мы оставались неподвижными, и ржанки, описав над нами несколько кругов, приземлились неподалеку и стали шнырять в траве, то и дело замирая на месте и настороженно глядя на нас. Джеки сидела в повозке, сдвинув шляпу на затылок и не отрываясь от бинокля. Лошади стояли, опустив головы и время от времени переминаясь с ноги на ногу, словно буфетчицы, задремавшие за стойкой к концу рабочего дня. Пот струйками стекал у меня по лицу и по спине, рубашка противно прилипала к телу. Вдруг Джеки сорва-

Дла с головы шляпу и отчаянно замахала ею, что-то громко и бессвязно выкрикивая. В ту же секунду ржанки сорвались с места и закружились над нами с пронзительными криками. Издали послышался треск, топот лошадиных копыт и возбужденные крики пеонов. Затем из зарослей чертополоха показались нанду.

Я никогда не предполагал, что птицы, ведущие наземный образ жизни, могут двигаться так же быстро и легко, как птицы в полете, но в то утро я мог в этом убедиться. Восемь нанду, построившись клином, бежали изо всех сил. Их ноги передвигались с такой быстротой, что сливались в неясные, расплывчатые пятна; различить их можно было лишь в тот момент, когда они касались земли, давая птице толчок вперед. Шеи птиц были вытянуты почти по прямой, крылья слегка отставлены в стороны и опущены вниз. Сквозь громкие крики ржанок были отчетливо слышны быстрые, ритмичные удары их ног о твердую как камень землю. Если бы не этот стук, можно было подумать, что птицы катятся на колесах, — так быстро и легко они бежали. Как уже было сказано, они бежали, казалось, изо всех сил, но когда из чертополоха с громкими криками выехали два пеона, произошло нечто невероятное. Нанду поджали хвосты, словно опасаясь удара сзади, и, сделав три огромных косолапых прыжка, удвоили скорость. Они исчезали вдаль с поразительной быстротой. Пеоны мчались за ними вдогонку, и я увидел, как один из них отцепил от пояса болеадорас.

— Надеюсь, они не собираются ловить их там, Карлос? Я ведь ничего не смогу заснять на таком расстоянии.

— Нет, нет, — успокоил меня Карлос. — Они окружают их и пригонят обратно. Пойдемте к повозке, там больше тени.

— Когда они окружают их?

— Минут через пять.

Мы вернулись к повозке. Джеки подпрыгивала на сиденье, словно бельщик на стадионе, и смотрела в бинокль, подбадривая далеких охотников какими-то нечленораздельными восклицаниями. Я пристроил кинокамеру в тени, отбрасываемой повозкой, и забрался на сиденье рядом с Джеки.

— Что там происходит? — спросил я, так как к этому времени пеоны и нанду превратились в едва заметные точки на горизонте.

— Потрясающе! — кричала Джеки, вцепившись в бинокль, который я пытался у нее отнять. — Просто потрясающе! Видишь, как они бегут? Вот не думала, что они могут так быстро бегать!

— Дай мне посмотреть.

— Сейчас, сейчас, одну минуту. Вот только взгляну... Нет, нет... ты только посмотри...

— Что случилось?

— Они хотели прорваться, но Рафаэль вовремя их увидел. Нет, ты только погляди, как бежит вон тот... Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Нет, — честно признался я. — Так что, может быть, ты дашь мне посмотреть?

Я насильно завладел биноклем и поднес его к глазам. Нанду лавировали между кустами чертополоха, уклоняясь от своих преследователей с легкостью и грацией, которым мог бы позавидовать профессиональный футболист. Пеоны металась из стороны в сторону, сгоняя птиц в одну стаю и тесня их в нашу сторону. У всех пеонов теперь были в руках болеадорас, и я видел, как блестили шары на концах веревок, когда они раскручивали их над головами. Нанду повернули всей стаей и побежали в нашу сторону, пеоны с торжествующими криками помчались за ними.

Вернув Джеки бинокль, я спрыгнул вниз и стал готовиться к съемке. Не успел я навести объектив на резкость, как показались нанду; они по-прежнему бежали тесной кучкой прямо на нас. Ярдов за семьдесят они заметили нас и в то же мгновение все как один повернули под прямым углом, причем так дружно и слаженно, словно не раз репетировали этот маневр. Пеоны преследовали их по пятам, из-под копыт лошадей летели комья черной земли; болеадорас с пронзительным свистом кружились над головами всадников, описывая расплывчато мерцающие на солнце круги. Громкие крики, стук копыт, свист болеадорас на мгновение оглушили нас и пронесли мимо, замирая вдали. Только ржанки продолжали кружить над нами, оглашая воздух истерическими криками. Джеки вела беглый репортаж о дальнейших событиях.

— Рафаэль и Эдуардо повернули вправо... они все еще бегут... ага!.. один бросился вправо, Эдуардо за ним... теперь стая рассыпалась... все разбежались... теперь их не собрать вместе... вот кто-то собирается бросить болеадорас... мимо... надо было видеть, что за поворот сделал этот нанду... посмотрите, что он делает! ...он поворачивает... он бежит обратно... Рафаэль скачет за ним... бежит обратно... бежит обратно...

Я только что закурил сигарету, но тут же бросил ее и кинулся к киноаппарату. Нанду был близко, я слышал, как трещали ломавшиеся под его тяжестью кусты чертополоха. Я думал, что пройдет по меньшей мере полчаса, пока пеонам удастся собрать рассыпавшихся птиц, и поэтому только завел киноаппарат, но не стал наводить его на резкость и освещенность. Теперь же возиться со всем этим было поздно: птица мчалась к нам со скоростью двадцать миль в час. Я развернул киноаппарат, поймал птицу в ви-

Доискатель и нажал кнопку, надеясь, что из моих съемок что-нибудь да получится. Я начал съемку, когда нанду был от меня футов в полтора. Рафаэль скакал непосредственно за ним, и это, вероятно, очень тревожило птицу, так как она явно не замечала ни повозку, ни киноаппарат и мчалась прямо на меня. Она подбегала все ближе и ближе, постепенно заполняя весь видоискатель. Джеки, стоявшая надо мной в повозке, тихонько попискивала от волнения. Еще несколько секунд — и нанду полностью заполнил видоискатель. Мне стало не по себе; птица по-прежнему не видела нас, а я совсем не хотел, чтобы двухсотфунтовый нанду со всего разбега врезался в меня. Уповав на бога, я все же продолжал держать палец на кнопке. Вдруг птица заметила меня. В ее глазах мелькнуло какое-то смешное выражение ужаса, она сделала резкий скачок влево и скрылась из моего поля зрения. Выпрямившись, я вытер испарину со лба. Карлос и Джеки круглыми совиными глазами смотрели на меня с повозки.

— С какого места он отвернул? — спросил я, так как во время съемки это было трудно установить.

— Он отвернул вон от того пучка травы, — ответила Джеки.

Я измерил шагами расстояние от треноги до травы. Оно не превышало шести футов.

Этот резкий скачок оказался роковым для нанду; расстояние между ним и преследовавшим его Рафаэлем было так мало, что даже после такого ничтожного уклонения в сторону свелось к нулю. Рафаэль заставил взмыленного коня сделать отчаянный рывок, перерезал птице путь и погнал ее обратно к нам. На этот раз я был наготове. Тонкий свист болеадорас внезапно усилился и замер на протяжном гудящем звуке. Веревка с шарами пролетела по воздуху и сплелась вокруг шеи и ног птицы подобно щупальцам спрута. Нанду пробежал еще пару шагов, веревка затянулась, и он упал на землю, дергая ногами и крыльями. С протяжным победным криком Рафаэль подъехал к нему, соскочил на землю и схватил его за дрыгающие ноги; в противном случае нанду легко мог бы распороть ему живот своим большим когтем. После непродолжительной борьбы нанду затих. Карлос, приплясывая от радости на сиденье, громкими, протяжными криками оповещал пеонов об успешном завершении охоты. Когда они прискакали, мы все собрались вокруг нашего пленника.

Это была большая птица с хорошо развитыми мускулистыми бедрами. Кости крыльев, напротив, были мягкими и слабыми и могли гнуться, словно молодые зеленые веточки. Огромные, чуть ли не во всю щеку глаза прикрывались большими, как у кинозвезд, ресницами. Обращали на себя внимание большие, мощные ступни с четырьмя пальцами. Средний палец был

самым длинным и оканчивался острым изогнутым когтем. Независимо от того, ударял ли страус ногой вперед или назад, этот коготь, словно острый нож, врезался в тело противника, разрывая и раздирая его. Перья были довольно длинные и напоминали листья папоротника, вытянутые в длину. Когда я осмотрел птицу и сделал с нее несколько снимков, мы освободили ее ноги и шею от болеадорас. Мгновение она неподвижно лежала в траве, затем резким толчком вскочила на ноги и помчалась сквозь заросли чертополоха, на бегу набирая скорость.

Мы пустились в обратный путь. Пеоны, смеясь и переговариваясь, тесной гурьбой ехали вокруг нас; их разукрашенные пояса сверкали на солнце, удила и уздечки мелодично позвякивали. Лошади потемнели от пота; хотя они, несомненно, устали, шли они весело и легко, то и дело игриво задирая друг друга. Наши же серые коняги, которые только довели повозку до места и всю охоту простояли в оглоблях, плелись теперь с таким видом, будто вот-вот упадут от изнеможения. За нами расстилалась бескрайняя, золотистая, спокойная пампа. Вдали над травой взлетали два черно-белых пятнышка и слышался приглушенный расстоянием голос пампы, предупреждающий всех ее обитателей, — голос всегда бодрствующих ржанок: «Теро... теро... теро... теротеротеро...»

ПРОЩАНИЕ

Приближался день нашего отъезда. С большим сожалением покидали мы имение Секунда, увозя с собой пойманных там животных: броненосцев, опоссумов и несколько интересных птиц. Мы возвращались в Буэнос-Айрес поездом, животные сопровождали нас в багажном вагоне. После такого пополнения наша коллекция приобрела мало-мальски пристойный вид и перестала походить на зоомагазин после распродажи. Но у нас все же было очень мало птиц, и это не давало мне покоя, так как я знал, что в Аргентине живет несколько исключительно интересных видов.

И вот за день до нашего отъезда я вспомнил об одном разговоре с Бебитой и позвонил ей.

— Бебита, ты, кажется, говорила, что знаешь в Буэнос-Айресе магазин птиц?

— Магазин птиц? Да, конечно, я видела один где-то неподалеку от вокзала.

— Ты не покажешь мне его?

— Ну разумеется. Приезжайте завтракать, а потом отправимся.

Д После обильного ленча Бебита, Джеки и я сели в такси и поехали искать магазин птиц. В конце концов мы нашли его на громадной площади, с одной стороны которой располагались сотни маленьких лавчонок, торговавших мясом, овощами и другими продуктами. Магазин был большой и, к нашей радости, с обширным и разнообразным выбором. Мы медленно обходили клетки, пожирая алчными взорами прыгавших там птиц всевозможных форм, размеров и расцветок. Владелец магазина, чем-то напоминавший неудачливого борца-тяжелоатлета, сопровождал нас, хищно поблескивая черными глазами.

— Ты решил, что тебе нужно купить? — спросила Бебита.

— Да, я знаю, что мне нужно, вопрос только в цене. По виду хозяина трудно предположить, что он назначит разумную цену.

Бебита, стройная, элегантно одетая, лукаво посмотрела на коренастого владельца лавки. Сняв перчатки, она бережно положила их на мешок с кормом для птиц и одарила хозяина ослепительной улыбкой. Тот смущенно покраснел и опустил голову. Бебита повернулась ко мне.

— Но ведь он очень милый человек, — вполне искренне сказала она.

Я еще не привык к способности Бебиты находить ангельские черты в людях, которые, судя по внешности, готовы с легким сердцем за полкроны отправить на живодерню родную мать, и с удивлением смотрел на хозяина, казавшегося мне отпетым негодяем.

— Не знаю, — ответил я наконец, — мне он не кажется милым.

— А я уверена, что он славный человек, — твердо возразила Бебита. — Ты только покажи мне птиц, которых хочешь купить, и предоставь переговоры мне.

Несмотря на то что такой способ казался мне наихудшим из всех возможных, я все же обошел еще раз лавку и показал Бебите тех птиц, от одного взгляда на которых у меня начинали течь слюнки; многие из них были исключительно редкими. Бебита спросила, сколько я хотел бы заплатить за них, и я назвал цену, которую считал вполне приличной и справедливой. Бебита направилась к хозяину, еще раз вогнала его в краску своей улыбкой и воркующим голосом — вероятно, тем самым, каким полагается разговаривать со славными людьми, — завела речь о покупке птиц. Пока она ворковала, изредка прерываемая почтительным: «Да, да, сеньора», мы с Джеки обследовали малодоступные уголки лавки. Минут через двадцать мы вернулись к Бебите. Она по-прежнему стояла среди грязных клеток, словно спустившаяся с небес богиня, а хозяин сидел на мешке, то и дело вытирая со лба пот. Его «Да, да, сеньора», по-прежнему сопровождавшие речь Бебиты, утратили свой первоначальный пыл и звучали теперь доволь-

но уныло. Неожиданно он пожал плечами, развел руками и улыбнулся ей. Бебита взглянула на него с такой печалью, словно он был ее единственный сын.

— B-b-bueno, — сказала она, — muchisimas gracias, señor¹.

— De nada, señora², — ответил он.

Бебита повернулась ко мне.

— Я купила их тебе, — сказала она.

— Очень хорошо. Сколько нам нужно заплатить?

Бебита назвала сумму в четыре раза меньшую той, что я собирался заплатить хозяину.

— Что ты, Бебита, ведь это же настоящий грабеж, — недоверчиво возразил я.

— Нет, нет, мальчик, — серьезно ответила она. — У нас эти птицы не редкость, и было бы глупо с твоей стороны так дорого за них платить. Кроме того, я тебе уже говорила, что хозяин — милейший человек, и он был рад сбавить цену, чтобы сделать мне приятное.

— Сдаюсь, — сказал я. — Ты не поехала бы со мной в следующую экспедицию? Ты сэкономила бы мне кучу денег.

— Глупости, — рассмеялась Бебита. — Это не я сэкономила тебе деньги, а человек, который казался тебе таким страшным.

Я сердито посмотрел на нее и с достоинством удалился отбирать птиц и рассаживать их по клеткам. Вскоре на прилавке выросла целая гора завернутых в оберточную бумагу клеток. Расплатившись с хозяином и обменявшись с ним бесчисленным множеством «gracias», я спросил его через Бебиту, нет ли у него в продаже диких гусей и уток.

Он ответил, что гусей и уток у него нет, но есть очень близкие к ним птицы, которые, быть может, заинтересуют сеньора. Он провел нас через заднюю дверь магазина в небольшую уборную и показал на сидевших там птиц. Я с трудом подавил восторженный возглас, когда увидел двух грязных, изможденных и все же очень красивых черношеих лебедей. С напускным равнодушием я осмотрел их. Птицы были страшно худыми и достигли высшей степени истощения, характеризующей полнейшей апатией и отсутствием страха. При других обстоятельствах я бы не стал покупать таких слабых птиц, но для меня это была последняя возможность приобрести черношеих лебедей. К тому же я подумал о том, что если им суждено умереть, то они по крайней мере умрут в комфорте. Оставить этих великолепных птиц задыхаться в уборной рядом с унитазом было выше моих сил. Бебита снова взялась за дело, и после упорного торга лебеди стали моими.

¹ Хорошо... большое спасибо, сеньор (исп.).

² Не за что, сеньора (исп.).

Д Возник вопрос, в чем их везти, так как у хозяина не оказалось достаточно больших клеток. В конце концов мы посадили птиц в обыкновенные мешки, и только их головы торчали наружу. Забрав покупки, мы покинули магазин; хозяин, кланяясь, провожал нас. На улице мне вдруг пришла в голову одна мысль.

— А как мы доберемся до Бельграно? — спросил я.

— На такси, — ответила Бебита.

Под мышками я держал по лебедю и чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовала себя Алиса, играя в крокет с фламинго.

— Нас не пустят в такси со всем этим имуществом, — ответил я. — Водителям запрещено возить животных... С нами это уже бывало.

— Подожди здесь, я сейчас достану такси, — сказала Бебита. Она перешла улицу, выбрала среди стоявших на стоянке такси то, в котором сидел самый несимпатичный и суровый с виду водитель, и подъехала к нам. Водитель внимательно посмотрел на зажатые у меня под мышками мешки, откуда, словно питоны, выглядывали шеи лебедей, и повернулся к Бебите.

— Животные, — сказал он. — Нам запрещено перевозить животных.

Бебита улыбнулась.

— Но если бы вы не знали, что у нас животные, вам бы никто ничего не сказал, — возразила она.

Водитель прямо-таки зашатался от ее улыбки, но все еще не был убежден.

— Каждому видно, что это животные, — возразил он.

— Видны только эти, — ответила Бебита, — но если мы поместим их сзади, вы просто ничего не увидите.

Водитель недоверчиво хмыкнул.

— Ну ладно, только учтите, что я ничего не видел. Если меня остановят, я буду все отрицать.

Итак, мы направились в Бельграно; лебеди сидели в заднем отделении, а на переднем сиденье громоздились клетки, откуда доносился хор птичьих голосов и хлопанье крыльев. Но водитель усиленно старался ничего не замечать.

— Как только ты умеешь добиваться своего?! — сказал я Бебите. — Эти таксисты иной раз и меня-то отказываются везти, не говоря уже о зверинце.

— Но ведь они милейшие люди! — возразила Бебита, с нежностью глядя в жирный затылок водителя. — Они всегда рады чем-нибудь помочь.

Я только вздохнул; Бебита обладала каким-то волшебством, против которого никто не мог устоять. И как назло, всякий раз, когда она называла ангелом человека, смахивающего на беглого каторжника, он оправдывал

ее характеристику, как бы смехотворна она ни была. Это было просто удивительно.

Купленные в последний момент животные доставили нам немало дополнительных хлопот. Мы отплывали на следующий день после обеда, и до того времени нужно было обеспечить их клетками, а это было нелегко. Мы позвонили Рафаэлю и Карлосу, и они примчались на наш отчаянный зов со своим двоюродным братом Энрике. В полном составе мы ринулись на ближайший лесной склад, и пока я набрасывал чертежи клеток, плотник лихорадочно отпиливал куски фанеры при помощи циркулярной пилы. Затем, шатаясь под тяжестью ноши, мы притащили пиломатериалы в Бельграно и принялись сколачивать клетки. К половине двенадцатого ночи мы обеспечили клетками лишь одну четверть наших птиц. Убедившись, что нам предстоит работать всю ночь, мы отправили Джеки в гостиницу, с тем чтобы утром, когда мы уже совершенно выдохнемся, она пришла отдохнувшая и накормила животных. Карлос сбежал в ближайшее кафе и принес горячий кофе, булочки и бутылку джина. Подкрепившись, мы снова приступили к работе. Без десяти двенадцать кто-то постучал в наружную дверь.

— Это пришел первый возмущенный сосед, он хочет узнать, какого черта мы стучим молотками среди ночи, — сказал я Карлосу. — Пойди открой ему. После джина я двух слов не смогу связать по-испански.

Карлос вскоре вернулся в сопровождении худощавого человека в очках; с заметным американским акцентом он представился как мистер Хан, корреспондент газеты «Дейли миррор».

— Я слышал, что вам с трудом удалось спастись от парагвайской революции, и очень хотел узнать от вас все подробности, — объяснил он цель своего визита.

— Пожалуйста, — ответил я, гостеприимно подставив ему клетку и налив рюмку джина. — Что вас интересует?

Он подозрительно понюхал джин, заглянул в клетку, прежде чем сесть на нее, и вытащил записную книжку.

— Все интересует, — твердо произнес он.

Я стал рассказывать о нашем путешествии в Парагвай; мое красочное описание сопровождалось стуком молотков, визгом пилы и громкими испанскими проклятиями, которые изрыгали Карлос, Рафаэль и Энрике. В конце концов мистер Хан спрятал свою записную книжку.

— Я думаю, — сказал он, снимая пиджак и засучивая рукава, — я думаю, что смогу лучше сосредоточиться, если выпью еще джина и примкну к вашему празднику лесорубов.

Д Всю ночь, время от времени подкрепляя себя джином, кофе, булочками и песнями, Карлос, Рафаэль, Энрике, я и корреспондент «Дейли миррор» трудились над сооружением клеток. В половине шестого, когда начали открываться первые кафе, мы закончили работу. Наскоро выпив кофе, я добрался до гостиницы и бросился в постель, чтобы немного отдохнуть перед погрузкой на пароход.

В половине третьего наш грузовик подъехал к стоявшему у причала пароходу. Мы с Джеки сидели в кабине, Карлос и Рафаэль в кузове, на самой верхушке багажа. К четырем часам почти каждый в порту, не исключая зевак, ознакомился с нашими разрешениями на вывоз багажа. В половине пятого нам позволили начинать погрузку. И тут случилось нечто такое, что могло стать не только концом всего путешествия, но и концом всей моей жизни. На пароход грузили огромные тюки кож, и по какой-то непонятной причине кран проносил их как раз над теми сходнями, по которым мы должны были нести своих животных. Я вышел из машины, взял клетку, в которой сидел Кай, и хотел попросить Карлоса захватить с собой клетку Сары. Внезапно словно пушечное ядро ударило меня сзади в спину, подняло в воздух и отбросило футов на двадцать в сторону. Я летел в воздухе, лихорадочно соображая, что могло нанести мне такой удар, затем упал лицом на землю и покатился кувырком. Спина у меня ныла, левое бедро страшно болело, и я уже решил, что оно сломано. Я был до того потрясен, что не мог твердо стоять на ногах и шатался, как пьяный, когда перепуганный Карлос поднял меня. Лишь через пять минут я пришел в себя и с облегчением убедился в том, что перелома у меня нет. Но и после этого руки у меня так тряслись, что я не мог держать сигарету и курил из рук Карлоса. Пока я сидел, пытаюсь успокоиться, Карлос объяснил мне, что произошло. Крановщик захватил с пристани очередной тук кож, но поднял его слишком низко. Вместо того чтобы пройти над сходнями, тук с силой ударил по ним, и сходни вместе с тюком вылетели на набережную. К моему счастью, этот смертоносный снаряд задел меня уже на излете, иначе я бы переломился пополам, словно спелый банан.

— Должен сказать, — дрожащим голосом заметил я Карлосу, — что я ожидал от Аргентины несколько иных проводов.

Наконец мы благополучно перенесли клетки на палубу, накрыли их брезентом и спустились в салон, где собрались все наши друзья. Мы выпили на прощание, разговор протекал в той легкой и довольно бессодержательной форме, которая характерна для последних минут перед неизбежной разлукой. Потом настал момент, когда провожающие должны были покинуть пароход. Мы вышли на палубу и наблюдали, как наши друзья со-

шли по сходням и собрались на набережной против нас. Несмотря на быстро сгущавшиеся сумерки, мы еще могли разглядеть бледное лицо Карлоса и черные волосы его жены; Рафаэля и Энрике в сдвинутых на затылок шляпах гаучо, Марию Мерседес, размахивающую платком и очень похожую в вечернем сумраке на пастушку с картин Дрезденской галереи, и, наконец, Бебиту, стройную, красивую, невозмутимую. Когда пароход тронулся, до нас отчетливо донесся ее голос:

— Счастливого пути, дети! Обязательно приезжайте к нам еще!

Мы махали и кивали на прощание, а затем, когда провожающие почти исчезли в темноте, раздался самый печальный звук на свете — низкий, мрачный рев паровой сирены, прощальный привет уходящего в море судна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ КОВЧЕГ

Предисловие	7
Введение	9

Часть первая. ЭШОБИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Днем в лесу	16
ГЛАВА ВТОРАЯ. Мелкие животные	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Более крупные животные	33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Ночью в лесу	44
ГЛАВА ПЯТАЯ. Ископаемое кусается	58
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Охотники и звери	68
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Дрилы, танцы и барабаны	83

Часть вторая. БАКЕБЕ И ДАЛЕЕ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Змеи и пектарницы	95
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Пойманный арктосебус	104
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Нда-Али	113
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Злые духи за работой	125
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Жизнь и смерть Чолмондели	132
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Деревня на озере	141
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Ковчег отправляется в путь	151
Заключение	156

ТРИ БИЛЕТА ДО ЭДВЕНЧЕР

Предисловие	161
Пролог	162
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Змеи и сакивинки	167
ГЛАВА ВТОРАЯ. Крысы и рыжие ревуны	178
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Чудовищный зверь и песни ленивцев	190
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Большущая рыбина и черепаший яйца	203
ГЛАВА ПЯТАЯ. За муравьедом	216
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Капибары и кайман	230
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Крабовые собаки и птицы-плотники	243
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Жаба с кармашками	257
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Пимпла и Слава Богу	267
Финал	276

ГОНЧИЕ БАФУТА

Вот мы и приехали	283
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Жабы и танцующие обезьяны	285
ГЛАВА ВТОРАЯ. Гончие Бафута	297
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Гудящая белка	308
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Монарх и Конга	321
ГЛАВА ПЯТАЯ. Охота на волосатых лягушек	333
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Змеи и шиллинги	343
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Ке-фонг-гуу	356
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Мнимая слепозмейка	366
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Фон и золотистая кошка	376
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Зоопарк под брезентом	386

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Лес летающих мышей	397
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Обезьянье царство	414
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, в которой мы «ехать хорошо»	421

МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

Слово в свое оправдание	429
-----------------------------------	-----

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Переезд.	432
ГЛАВА ВТОРАЯ. Неожиданный остров	435
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Землянично-розовый дом	443
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Человек с Золотыми Бронзовками	451
ГЛАВА ПЯТАЯ. Полный кошель знаний	462
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Паучье сокровище	470
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Чудесная весна	480
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Разговор.	490

Часть вторая

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Бледно-желтый дом	494
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Черепашьи горы	503
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Мир на стене.	514
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Парад светлячков.	523
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Очарованный архипелаг	534
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Беспокойная зима	545
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Разговор	559

Часть третья

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Белоснежный дом	564
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Говорящие цветы.	574
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Цикламеновые рожи	585
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Лилии над озером	597
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Шахматные поля	609
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Представление со зверями	622
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Возвращение	635

ПОД ПОЛОГОМ ПЬЯНОГО ЛЕСА

Предисловие	641
Прибытие.	641
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Печники и земляные совы	645
ГЛАВА ВТОРАЯ. Эгберт и страшные близнецы	656
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Поля летающих цветов	670
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Оранжевые броненосцы	679
ГЛАВА ПЯТАЯ. Звериная колония.	693
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Олени, лягушки и куфия	703
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Страшные жабы и куча птиц	717
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Четырехглазые птицы и анаконда	728
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Сара Хагерзак	741
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Гремучие змеи и революция	750
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Охота на страусов	764
Прощание	775

Джеральд Даррелл
ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ КОВЧЕГ
ТРИ БИЛЕТА ДО ЭДВЕНЧЕР
ГОНЧИЕ БАФУТА
МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ
ПОД ПОЛОГОМ ПЬЯНОГО ЛЕСА

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректоры *С. Горшкова, Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.07.2004.
Формат 70×100 1/16. Гарнитура «Бодони».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 63,21. Уч.-изд. л. 48,6.
Тираж 5100 экз. Заказ № 4133

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН МОСКВА

5-699-07343-4 401-215-000 100

Даррелл. б/ф. Перегруженный ковч

1735295

217.00

ДЖЕРАЛЬД

DARRELL

К Джеральду Дарреллу как нельзя лучше подходит меткая английская фраза «родился с серебряной ложкой во рту». Живя в необыкновенной, дружной, любящей, счастливой и «немного» эксцентричной семье, он уже с шести лет знал, что непременно станет Зооспасателем и организует собственный зоопарк.

Как утверждала его мать, первым словом Джеральда было не «Мама», а «слоны»!

Многим ли из нас удалось исполнить наши самые невероятные детские мечты...
А Дарреллу удалось!

Натуралист, милейший Божьек, блестящий литератор, неутомимый путешественник, непримиримый борец за сохранение исчезающих животных, безгранично подаренный, обаятельный и жизнелюбивый человек, он изменил наш мир к лучшему уже одним своим присутствием в нем.

От него буквально веяло мудростью, терпимостью и юмором. Даррелл подарил нам свои книги, которые несут тепло его отношения ко всему живому на планете и делают всех нас добрее и внимательнее друг к другу и к тем «малым» созданиям, которые нуждаются в нашей защите и помощи. Но самой большой заслугой Даррелла остается созданный им в 1959 году на острове Джерси зоопарк и образованный на его базе Фонд сохранения диких животных, который успешно работает и по сей день и помогает спасать исчезающие виды животных по всему свету. Даррелл удостоился многих престижных наград, присужденных ему как выдающемуся писателю и исследователю. Фондом учреждена ежегодная премия имени Джеральда Даррелла за лучшие фотоснимки исчезающих видов флоры и фауны.

И как было написано в литературном приложении к газете «Times», «если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых спонх Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».

ISBN 5-699-07343-4

9 785699 073436 >